

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Институт Китая и современной Азии
Российской академии наук

А.В. Лукин

РОССИЯ И КИТАЙ

В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Статьи и переводы (2015–2024)

Москва
ИКСА РАН
2024

УДК [327+339.9](470+510)

ББК 65.59(2Рос)+65.59(5Кит)+66.4(2Рос)+66.4(5Кит)

Л84

Рецензенты:

д.и.н., проф. *Н.А. Самойлов*

д.э.н., проф. *И.Р. Томберг*

Редактор-составитель: *О.С. Пугачева*

Лукин А.В.

Россия и Китай в меняющемся мире: статьи и переводы (2015–2024) / А.В. Лукин; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. — М.: ИКСА РАН, 2024. — 959 с. — ISBN 978-5-8381-0476-2

В книге представлены работы о Китае, странах Восточной Азии, международной ситуации в этом регионе, отношениях его основных государств с Россией, а также об их подходах к мировой политике и развитию обстановки в других частях мира, написанные в 2015–2024 гг. известным российским востоковедом и специалистом-международником, научным руководителем Института Китая и современной Азии РАН А.В. Лукиным. Отдельные части книги посвящены темам «Россия, Китай и мир», «Россия и Китай в Евразии», «Россия и Китай: стратегическое партнерство», «Россия в Восточной Азии» и «Китай: история и современность». В заключительные части книги вошли рецензии, воспоминания, интервью и выступления, посвященные азиатской тематике, а также переводы китайских литературных произведений, выполненные А.В. Лукиным.

Издание представляет интерес для специалистов по Китаю и проблемам Азии, международным отношениям, а также для всех, кто интересуется азиатскими соседями России и их отношением к нам и внешнему миру.

ISBN 978-5-8381-0476-2

© Лукин А.В., 2024

© ИКСА РАН, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.

Востоковедение: предмет и перспективы развития в России 8

Часть 1.

Россия, Китай и мир

Китай и Европа — настороженный интерес	33
Американо-китайское соперничество в АТР: декларации и реальность	39
США и Китай: идти или жевать жвачку?	57
Американо-китайский конфликт в свете истории международных отношений	62
Китайский подход к отношениям с США: военные аспекты (<i>в соавт. с В.Б. Кашиным</i>)	84
Право на безумие. Новая идеология «проснувшихся» западных элит и ее последствия	104
Умеренный прогресс в рамках возможностей: женевский саммит и Китай	124
Чего ожидать от встречи президентов Байдена и Путина в Женеве?	128
Назад к традиционной дипломатии!	131
Сумбур вместо дипломатии: об американо-китайских переговорах на Аляске	136
Теория всеобщего расизма. Новая версия американского культурного доминирования	140
Демократизм как воля и представление. Кто виноват в антизападных настроениях в России	157
Постбиполярный мир: рождение нового миропорядка или погружение в хаос?	163
Трамп испытывает терпение Китая. Как будут выглядеть отношения США и Китая при новом президенте	191
Крах союза: что общего у Brexit и распада СССР	197
Россия и концепция «разворота в Азию» (<i>в соавт. с И.Е. Денисовым</i>)	201

Часть 2.**Россия и Китай в Евразии**

Шанхайская организация сотрудничества в новых геополитических условиях (в соавт. с Ш.М. Еникеевым и Д.П. Новиковым)	217
Геополитика Большой Евразии (в соавт. с Д.П. Новиковым)	244
«Вторая дорожка» делает ШОС более эффективным инструментом	289
Евразийская интеграция и развитие азиатской России (в соавт. с В.И. Якуниным)	293
ШОС в поисках новой роли	322
О задачах и перспективах дальнейшей работы Форума ШОС (по материалам 10-го заседания форума ШОС) (в соавт. с А.В. Ивановым)	332

Часть 3.**Россия и Китай: стратегическое партнерство**

Визит В.В. Путина в Китай: от церемониала к конкретике	345
Китай и новая ситуация на Украине	348
Российско-китайское сближение: выгоды и вызовы	356
Коррекция и хеджирование: двадцать лет «большого договора» и эволюция российско-китайских отношений (в соавт. с И.Е. Денисовым)	362
Подход КНР к территориальным спорам в Южно-Китайском море и внешняя политика России (в соавт. с А.Д. Дикаревым)	380
Пик миновал? Российская стратегия в отношении Китая в новую эпоху	401
Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР (в соавт. с В.Б. Кашиным)	412
Российско-китайское сближение и структура международных отношений	437

Часть 4.**Россия в Восточной Азии**

Российские приоритеты и подходы к решению проблем Корейского полуострова (в соавт. с О.С. Пугачевой)	475
Влияние украинского кризиса 2022 г. на стратегическую ситуацию в Северо-Восточной Азии	494
Курильские острова: пора, наконец, разобраться, что к чему	500
Корея в начале XXI века и интересы России (в соавт. с О.С. Пугачевой)	505

Часть 5.**Китай: история и современность**

Об исследовании идей Лян Шумина в России	529
Концепции «китаизации марксизма», «новой формы человеческой цивилизации» и «государства-цивилизации» в современном китайском идеологическом дискурсе	550
XX съезд КПК — без неожиданностей	583
Жизнь Цзян Цзинго в СССР и становление его мировоззрения (<i>в соавт. с А.Г. Лариным</i>)	586
Политическая система современного Китая и типология коммунистических режимов	624
«Тайваньская нация»: от мифа к реальности? (<i>в соавт. с А.Д. Дикаревым</i>)	652
Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики	674

Часть 6.**Рецензии, воспоминания, интервью, выступления**

Грозят ли миру вооруженные конфликты вокруг Китая? [Рец. на: Jean-Pierre Cabestan. Facing China: The Prospect for War and Peace. Trans. by N. Jayaram. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2023. 233 p.].....	701
Памяти Эльвиры Андреевны Синецкой (1939–2024) (<i>в соавт. с А.Д. Дикаревым</i>)	709
Евгений Петрович Бажанов в моей жизни	715
Артему Игоревичу Кобзеву 70 лет!	732
Памяти Юрия Борисовича Савенкова (1933–2023)	736
О китайской мечте, Тайване и России, которой никто ничего не должен	739
Поворот России к Азии: версия Александра Лукина	754
Современную политику не понять без традиционной китайской культуры	764
Письмо главному редактору журнала “China International Strategy Review” профессору Ван Цзисы	773
ОГК в моей жизни	776
Актуальные проблемы сотрудничества в области безопасности в ШОС в новой международной ситуации	780
Эзра Вогель, Россия и наша семья (<i>при участии В.П. Лукина</i>)	784
Андрей Владимирович Иванов — исследователь, журналист, друг	787
Куда идет Китай Си Цзиньпина? [Интервью Е. Верлину]	793

Россия XXI века: взгляд из ближнего зарубежья [Рец. на: Нурша А.К. Путинская Россия: геополитический реванш или агрессивная оборона? Алматы: Print House Gerona, 2018]	801
Регион в центре событий (<i>в соавт. с Д.П. Новиковым</i>)	812
Китаеведы-практики в моей жизни	822
Идеальный дипломат	835
Об Алексее Мочульском	842

Часть 7.**Переводы**

<i>Гао Синцзянь. Автобусная остановка. Пьеса</i>	849
От переводчика	849
<i>Гао Синцзянь. Снежный человек. Полифоническая драматическая поэма из современной истории</i>	895
Об авторе и пьесе	895
Об авторе этой книги	956

Вместо предисловия

Востоковедение: предмет и перспективы развития в России

Опубликовано в журн.: Вестник Санкт-Петербургского университета.
Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15. Вып. 2. С. 234–252.

Введение

Изучение восточных обществ имеет многовековую историю. В 1732 г. в Неаполе был основан Университет Востока (Università degli Studi di Napoli “L’Orientale”), до сих пор остающийся одним из самых известных в Европе центров китаеведения и востоковедения. С тех пор востоковедение (Oriental Studies), как, например, и социология, политология, психология, сформировалось как отдельное научное направление и было включено в программу многих университетов мира. Однако, в отличие от других наук, о его предмете, объекте исследования, методологии и даже о самой возможности и необходимости его существования до сих пор ведутся горячие споры.

Споры эти затрагивают экзистенциальные проблемы востоковедения. Если мы более или менее понимаем, что такое социум, политика или психика как предметы исследования в соответствующих науках (хотя и здесь, конечно, не все однозначно), то что такое Восток? Чем он отличается от «не-Востока» и что именно объединяет именно восточные общества до такой степени, что дает право считать их достойными быть объектом особой науки? Где границы этого Востока и что в него входит? Не являются ли очевидные различия между его составными частями, например Индией и Китаем, Китаем и арабским миром, не меньшими или даже большими, чем различия между Европой и Индией, Европой и Китаем, Европой и арабским миром? Ведь если бы это было так, то не было бы никаких оснований объединять изучение Индии, Китая и арабского мира в рамках единой науки. Наконец, если даже Восток в целом чем-то принципиально отличается от Запада, то почему тогда нет «западоведения»

(а также «североведения» и «юговедения»)? Нет ли в самой идее востоковедения следа западочентристского и даже колониального сознания, согласно которому «нормальное» западное общество изучается науками вообще, а для «девиантного» Востока необходимо особое «востоковедение»?

Китаеведению в этом плане проще. Его необходимость можно обосновать без всякого востоковедения как часть региональных или страновых исследований. Оно могло бы существовать наравне с изучением Британии, Франции, Германии, африканистики или латиноамериканскими исследованиями. Однако у большинства китаеведов такой подход вызовет чувство стремления банализировать предмет их исследования. И это чувство связано прежде всего с тем, что традиционно Китай исследовался не как обычная страна, а как масштабная и уникальная цивилизация, сравнимая не с одной Британией или Францией, а со всей западной цивилизацией в целом. Кроме того, исторически китаеведение развивалось как важнейшая и неотъемлемая часть исследований Востока, т.е. востоковедения, и ему присущи все характерные для него методы и подходы. Вне востоковедения сегодня крайне трудно понять проблематику и специфику китаеведения. Все это делает для китаеведов по меньшей мере крайне желательным сохранение востоковедения в качестве отдельной гуманитарной науки, а это требует ее обоснования.

Что такое Восток?

«Востоковедение», естественно, понятие западное, точнее европейское. Оно изначально означало изучение стран и обществ, существовавших к востоку от Европы, хотя и это не вполне точно. Слово «восток», естественно, имелось во многих языках мира как понятие стороны света. Однако исторически привязка его смысла к конкретной территории произошла в Римской империи при императоре Диоклетиане, когда примерно в 300 г. империя была разделена на 12 диоцезов, один из которых назывался Восток (Dioecesis Orientis) и включал в себя провинции западной части современного Ближнего Востока между Средиземным морем и Месопотамией. В 337 г., когда империя была разделена между сыновьями Константина I Великого, была создана преторианская префектура Восток, в которую вошли диоцезы Фракия, Азия, Понт, Восток и Египет.

Распространение христианства наложило на понятие «Восток» не только географический, но и теологический смысл. Однако в этом

контексте он был позитивным, так как христианство зародилось на римском востоке и именно оттуда распространилось на всю империю. Так, согласно одному из христианских мыслителей III–IV вв., Лактанцию, кстати, уроженцу Северной Африки, Бог «создал две различные и противоположные друг другу части самой земли, восток и запад. Из них восток близок к Богу, ибо Он – источник света, озаряющий мир, ибо Он задумал родить нас для вечной жизни. Запад же Он определил тому мятежному и превратному духу, ибо тот скрывает свет, вечно наводит тьму и ведет людей к смерти и гибели во грехах». Лактанций описывал апокалипсическую картину краха Рима, когда «обойдет всю землю рубящий все меч, будто бы производящий жатву» и «римское имя, которым теперь управляется все... удалится с земли, и власть возвратится в Азию, и вновь править будет Восток, а Запад будет рабствовать»¹.

Префектура Восток существовала до VII в., и за это время географическое понятие «восток» стало прочно ассоциироваться с этими частями (позднее – бывшими частями) Римской империи. Таким образом, оно практически полностью совпало с известным еще с греческих времен географическим регионом Азии и северной части Африки. Возникшее гораздо позднее в Европе понятие «востоковедение» стало естественным образом обозначать изучение этих стран, их языков, истории и обществ, которое началось еще в Средние века и выросло из исследований Библии, Корана, а также других текстов, написанных на древнееврейском и арабском языках, и языков, на которых они написаны. Эти языки стали называться восточными. Таким образом, изучение Востока, или востоковедение, – явление западное, европейское. Первоначально в Европе под Востоком понималось то же, что и в Древнем Риме: современный Ближний Восток и Северная Африка, т.е. территории, в то время в основном находившиеся под властью Османской империи. Так как с ней шли постоянные войны, а она была страной мусульманской, то Восток стал ассоциироваться с миром враждебным и антихристианским.

По той же причине враждебной стала считаться и Азия, это понятие по значению стало практически совпадать с «Востоком». Различие и даже противостояние эллинского мира и Азии, противоположность характеров населявших их народов, о которой писали еще греческие авторы, например Гиппократ и Аристотель, и истоком

---

¹ Лактанций. Божественные установления. Кн. I–VII. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007. С. 143, 467–468.

которой были греко-персидские войны, наложилось на противостояние «Запад–Восток».

По мере лучшего знакомства европейцев с более далекими государствами Азии: Индией, Китаем, Кореей, Японией – их также стали причислять к Востоку. В результате возникло понятие Дальнего Востока, в отличие от Среднего (Ближнего) Востока (естественно, от Европы). И европейскую традицию описания Востока, слившуюся с греко-римской традицией описания Азии, стали переносить и на эти страны.

Развитие востоковедения в Европе

Развитие отрасли, которая впоследствии стала называться востоковедением, систематически шло в основном в европейских университетах. Поначалу концентрируясь на лингвистике и религиозных вопросах, поле ее внимания постепенно расширялось. Политическая необходимость, например, заставила готовить переводчиков, первоначально для переговоров с Османской империей. В 1514 г. была опубликована Комплютенская Полиглотта – издание Библии на нескольких языках, включая иврит и арамейский. Характерно, что английский священник и писатель Джон Страйп в изданном в 1720 г. «Обзоре городов Лондона и Вестминстера» описал памятник некоему Томасу Ройкрофту в лондонской церкви Св. Варфоломея, который был «королевским печатником на восточных [Oriental] языках» и в 1677 г. напечатал Полиглотту². Из этого ясно, что термин «восточные языки» к тому времени уже широко употреблялся в Англии.

В 1540 г. в Кембриджском университете была введена должность Королевского профессора по ивриту, а в 1643 г. создана кафедра арабского языка. Те же кафедры были созданы в 1546 г. в Оксфорде. В Саламанкском университете должности профессоров восточных языков существуют с 70-х годов XVI в. Во Франции министр финансов Людовика XIV Ж.-Б. Кольбер ввел программу обучения молодых дипломатов иностранным языкам, которые включали восточные. Изучение Китая начали иезуитские миссионеры, проникшие туда в середине XVI в. и ознакомившие Европу с переводами китайских философских и правовых трактатов. Позднее, уже в XIX в., европейские миссионеры появились также в Японии и Корее и там также стали первыми переводчиками местной литературы на европейские языки.

---

² Strype J. A Survey of the Cities of London and Westminster. London, 1720. URL: https://www.dhi.ac.uk/strype/TransformServlet?page=book3_237&display=normal

Дихотомия «Восток–Запад»

Накопление данных о ближневосточных и дальневосточных обществах заставляло европейцев отмечать прежде всего отличия. Казалось, все в этих странах было не таким, как в привычной Европе. И с самого начала появились теории о причинах этих отличий.

Наиболее ранняя и простая из них основана на географическом и климатическом детерминизме. Она возникла еще в Древней Греции. Так, Аристотель в «Политике» делил людей на три типа в зависимости от места проживания. «Племена, обитающие в странах с холодным климатом, притом в Европе, преисполнены мужества, но недостаточно наделены умом и способностями к ремеслам. Поэтому они дольше сохраняют свою свободу, но не способны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями. Населяющие же Азию в духовном отношении обладают умом и отличаются способностью к ремеслам, но им не хватает мужества; поэтому они живут в подчинении и рабском состоянии. Эллинский же род, занимая как бы срединное место, объединяет в себе те и другие свойства: он обладает и мужественным характером, и умственными способностями; поэтому он сохраняет свою свободу, пользуется наилучшим государственным устройством и способен властвовать над всеми, если бы он только был объединен одним государственным строем»³. То есть климат определяет характер, а характер – государственный строй. В эпоху Просвещения эти идеи развивал, например, Ш. Монтескье, объяснявший жарким климатом самые разные азиатские институты – деспотизм, полигамию и даже беспечность правителей⁴. Однако эта теория не стала наиболее популярной, так как по мере получения новых данных о мире становилось все более очевидно, что сходные системы правления, например деспотии, могли существовать у народов, живших в самых разных климатических условиях, и наоборот.

В эпоху Просвещения убеждение в европейской исключительности, ранее основанное на представлении о прогрессе духовном, на сохранении откровения, данного Христом, и защите христианства, стало обосновываться экономическим, технологическим и социаль-

---

³ Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / Акад. наук СССР, Ин-т философии. М.: Мысль, 1983. С. 601.

⁴ Монтескье Ш.Л. О духе законов // Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf. С. 4, 9, 60, 210, 245.

ным прогрессом, якобы характерным только для Европы. Остальные цивилизации, прежде всего восточные, стали восприниматься как застойные, пребывающие без движения тысячи лет. Монтескье писал, что законы, нравы и обычаи «остаются и теперь на Востоке такими, какими они были тысячу лет тому назад», и объяснял это ленью тела и ума, связанной с климатом⁵. Согласно И.Г. Гердеру, все азиатские страны и народы из-за того, что находятся на одном континенте и могут легко общаться друг с другом, несмотря на различия, сходны по ряду признаков, к которым относятся религия, культ предков и деспотизм, который ведет к застою. В результате все они находятся приблизительно на одной ступени развития⁶. Китайская империя, по его словам, это «забальзамированная мумия, расписанная иероглифами, завернутая в шелка; внутреннее кровообращение – жизнь животного, погружившегося в зимнюю спячку», где книги нравов и законов «ходят по кругу и ста различными способами, старательно, дотошно, говорят все одно и то же», а астрономия и музыка, поэзия и военное искусство, живопись и архитектура «те же, что многие сотни лет назад, – это чада вечных законов, неизменного ребячливого строя»⁷.

Для понимания социального значения понятий «Восток» и «Запад» в XIX в. характерны рассуждения Гегеля о том, что «Азия вообще есть восточная часть света. Хотя она и является западом для Америки, но как Европа вообще есть центр и конец древнего мира и абсолютно есть Запад, так Азия абсолютно есть Восток...»⁸. «Здесь восходит внешнее физическое солнце, а на Западе оно заходит: но зато на Западе восходит внутреннее солнце самосознания, которое распространяет более возвышенное сияние»⁹. Гегель считал, что «философия в собственном смысле начинается на Западе», так как «в блеске Востока индивидуум только исчезает; лишь на Западе свет превращается в молнию мысли, ударяющую в самое себя и создающую, исходя отсюда, свой мир»¹⁰. Связывает это он с восточным деспотизмом и отсутствием свободы. Философское познание здесь «не

⁵ Там же. С. 218–219.

⁶ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 30, 352.

⁷ Там же. С. 297.

⁸ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 144.

⁹ Там же. С. 148.

¹⁰ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб.: Наука, 1993. С. 146.

может иметь места», поэтому восточную мысль следует исключить из истории философии¹¹. Китай и Индия находятся «за пределами всемирной истории», в Китае «всякая возможность изменений исключена»¹².

Однако, пожалуй, наиболее популярным объяснением отличия Востока от остального мира и его застойности по сравнению с прогрессивной Европой стало экономическое, основанное на представлении об отсутствии на Востоке частной собственности как экономической основы восточной деспотии. Его источником послужила изданная в 1670 г. книга французского путешественника Ф. Бернье об Индии, где он провел несколько лет и служил врачом, в частности был придворным врачом падишаха Империи Великих Моголов Ауренгзеба. В записке оказывавшему ему покровительство министру финансов Ж.-Б. Кольберу, говоря о странах Востока, он заключал: «Эти три государства – Турция, Персия и Индостан, – уничтожив понятия „мое“ и „твое“ по отношению к земельным владениям, что является основой всего, что есть в мире ценного и прекрасного, поневоле очень похожи друг на друга и имеют один и тот же недостаток: рано или поздно их неизбежно постигнут те же бедствия, та же тирания, то же разорение, то же опустошение»¹³.

Уже из текста книги Бернье ясно, что эти выводы сформулированы не как результат объективного исследования, а, как часто бывало в то время, для обоснования своих взглядов на внутреннюю ситуацию в собственной стране. Бернье был противником идеи передачи всей земли в собственность короля, которая, по некоторым данным, всерьез обсуждалась при дворе Людовика IV¹⁴, и на примере стран Востока стремился показать, к каким катастрофическим последствиям приводит отсутствие частной собственности на землю. При этом он намеренно или невольно упрощал ситуацию с собственностью в Индии и других странах Азии. В той же записке он давал прямые рекомендации: «Итак, не дай бог, чтобы наши европейские монархи стали собственниками всех земель, которыми владеют их подданные. Тогда их государства оказались бы далеко не в том состоянии, в котором они находятся: не такими обработанными, населенными, хо-

---

¹¹ Там же. С. 145.

¹² Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории... С. 160.

¹³ Бернье Ф. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. М.: Соцэкгиз, 1936. С. 206.

¹⁴ Идея заключалась в том, чтобы получать с земли ренту на нужды двора. См.: Бернье Ф. История последних политических переворотов... С. 41.

рошо застроенными, богатыми, культурными и цветущими, какими мы видим их теперь. Наши короли гораздо богаче и могущественнее, чем короли Индостана, и надо признаться, что они обслужены гораздо лучше и более по-царски. Между тем они могли бы легко оказаться королями пустынь, нищих и варваров, каких я только что изобразил»¹⁵. По его мнению, «отнять собственность на землю у частных лиц – это значит одновременно ввести как неизбежное последствие тиранию, рабство, несправедливость, мошенничество, варварство...»¹⁶. Благодаря таким воззрениям автора, его книга «явилась средством для оппозиционных слоев в борьбе против абсолютизма»¹⁷.

Популярность книги Бернье привела к тому, что она стала одним из основных источников по экономике Индии и экономическому устройству «восточного деспотизма» в целом для многих европейских мыслителей XVIII–XIX вв. Ее подход в той или иной степени разделяли А. Смит, Дж. Милль, Р. Джонс, Дж. С. Милль и многие другие. Дж. Милль, например, считал уровень развития частной собственности главным признаком прогресса, поэтому Африка, Египет, Османская империя, остров Ява, Индия и Китай, где вся земля якобы принадлежит монархам, для него стояли на низкой ступени развития цивилизации. Туда же он относил старый Уэльс и доримскую Англию, заселенную пиктами, что свидетельствует о том, что отсутствие частной собственности на землю для него – признак не географической Азии, но определенного уровня развития цивилизации¹⁸. Р. Джонс четко связывал эту систему с деспотией: «В Азии монархи всегда обладали исключительным правом собственности на землю в своих владениях, и они сохранили это право до настоящего времени в его полной и зловещей неприкосновенности и неизменности. Народ там повсеместно является арендатором земли у монарха, единственного землевладельца. Одни лишь захваты его чиновников изредка и только на время ломают звенья цепи зависимости. Именно эта всеобщая зависимость от трона в средствах существования и является действительной основой несломленного деспотизма на Востоке, так же как и доходов монархов и формы, которую приняло общество под их пятой»¹⁹. Дж.С. Милль также считал, что «в большей

¹⁵ Бернье Ф. История последних политических переворотов... С. 206–207.

¹⁶ Там же. С. 211.

¹⁷ Там же. С. 41.

¹⁸ Mill J. The History of British India. Vol. 1. London: Baldwin, Cradock, and Joy, 1826. P. 258–260.

¹⁹ Джонс Р. Экономические сочинения. Л.: Огиз-соцэзгиз, 1937. С. 29.

части Индии нет посредника между непосредственным производителем и государством. Земледелец не платит ренту одному, а налог другому: его налог и *есть* его рента (или часть его ренты)²⁰.

К. Маркс, для которого важнейшим источником информации об обществах Востока стала книга Ф. Бернье, также следовал этой общей схеме, но развил ее и инкорпорировал в свою историко-философскую систему²¹. Он относил азиатский способ производства к самому раннему, исторически первому из четырех докоммунистических способов производства: азиатского, античного, феодального и буржуазного, которые он определяет как «прогрессивные эпохи экономической общественной формации»²². Азиатскую формацию, или способ производства, он описывает по распространенной в его время схеме: отсутствие частной собственности на землю, распоряжение ею крестьянскими общинами, которым земля дается лишь в пользование, но которые могут существовать самостоятельно, однако вынуждены отдавать прибавочный продукт вышестоящей общине, «существующей, в конечном счете, в виде одного лица, и этот прибавочный труд дает о себе знать как в виде дани и т.п., так и в совместных работах для прославления единого начала – отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа, бога»²³.

К общепринятому в то время описанию Востока здесь добавлен элемент общины, которая была к тому времени изучена сначала у германцев, а затем и у других народов. Общинная социальная структура, а также необходимость масштабных ирригационных работ являются для Маркса основой деспотической государственной власти²⁴. Исходя из своей исторической теории, он, как и другие просвещенческие западоцентристы, считал, что колониализм, в частности британский, привел восточные общества к прогрессу, хотя и в крайне жестоких формах. Англия в Индостане, писал он, вызывая

---

²⁰ Mill J.S. Memorandum of the Improvements in the Administration of India, During the Last Thirty Years, and the Petition of the East India Company to Parliament. London: William Penny, 1858. P. 3.

²¹ Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу 2 июня 1853 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 28. М.: Госполитиздат, 1962. С. 25.

²² Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1959. С. 7.

²³ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. М.: Политиздат, 1968. С. 269.

²⁴ Маркс К. Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 9. М.: Госполитиздат, 1957. С. 132, 135.

социальную революцию, «несмотря на все свои преступления, была бессознательным орудием истории». Разрушение ей общины «произвело величайшую и, надо сказать правду, единственную социальную революцию, пережитую когда-либо Азией»²⁵.

Радикальной версией академической западоцентристской теории было ее превращение на уровне публицистики и политического дискурса в прямое оправдание колониализма, в том числе и на основе откровенного расизма, утверждавшего, что примитивные народы Азии и Африки либо вообще не способны сами управлять собой, либо не могут прийти к оптимальной социальной системе самостоятельно, поэтому им надо «помочь», установив над ними власть для их же блага. В XIX – начале XX в. расистские рассуждения были весьма распространены, их можно было встретить и в работах вполне уважаемых ученых, например, Г. Лебона и Э. Ренана, не говоря уже о публицистах типа автора «арийской теории» Ж. де Гобино и ее более позднего популяризатора Х. Чемберлена, который даже переехал из Англии, где откровенный расизм более не приветствовался, в Германию. Например, у известного историка Библии Э. Ренана читаем: «Природа создала расу тружеников – это китайская раса, с ее чудесной ловкостью рук при почти полном отсутствии чувства собственного достоинства. Управляйте ею справедливо, получайте от нее за такое управление обильные плоды ее трудов на благо расы-завоевательницы – она останется довольна. Раса земледельцев – черная раса. Будьте с нею добрыми и человечными, и порядок будет обеспечен... Раса хозяев и солдат – европейская раса... Пусть каждый занимается тем, для чего создан, и все пойдет хорошо»²⁶. Сегодня прямолинейное противопоставление Востока и Запада как двух целых встречается в основном в публицистике и критически воспринимается в академической науке. Климатические, психологические и расистские аргументы давно не воспринимаются всерьез. Идея отсутствия на Востоке частной собственности и противопоставления ей общины также вызывает серьезные сомнения, и не только потому, что восточные общества были очень разными. Практически никто из серьезных исследователей Индии, Китая и других крупных государств Востока уже не сомневается в существовании в этих странах частной собственности на землю. Конечно, до определенного времени, как и в Западной Европе, она была иерархичной

²⁵ Там же. С. 135–136.

²⁶ Renan E. La réforme intellectuelle et morale. Paris: Michel Levy Freres, Editeurs, 1874. P. 93–92.

и не вполне определенной, т.е. один и тот же надел мог считаться одновременно собственностью крестьянина, общины и государства (в Европе – еще и феодала).

Например, известный исследователь сельской общины индолог Л.Б. Алаев убежден в существовании в Индии частной собственности: «Податная собственность осознавалась именно как собственность, была юридически защищена от посягательств частных лиц (конечно, в индийском понимании юридической сферы – защищена не законом, но освященными догмами, обычаем и, наконец, общиной), обладала всеми прерогативами собственности (правами наследования и отчуждения), но была обременена рядом обязанностей, существенно ее ограничивавших. Кроме того, она не имела защиты от государственной власти»²⁷. Неверно, с его точки зрения, и противопоставление общинной собственности частной, так как «неразвитость частных прав совершенно не предполагает силу неких других, в данном случае общинных, прав. Последние также развиваются и достигают зрелости тогда же, когда оформляются частные права. Скажем, в Западной Европе в период зрелого феодализма»²⁸.

Критика западоцентризма

Между тем параллельно с радикальным европоцентризмом в подходе к истории и социальному развитию в Европе появилась и его критика, в рамках которой восточные общества оценивались не как стоящие на более низком уровне развития, а как равноценные Европе или отставшие временно и лишь в каких-то конкретных областях, в то время как в других, возможно, и превосходящие западные. Эта критика велась в рамках цивилизационного подхода к всемирной истории, который был основан русским публицистом Н.Я. Данилевским и развит А. Шпенглером, а позднее А. Тойнби и другими. Эти авторы показывали относительность европейского взгляда на мировую цивилизацию и ее эволюцию, пытались смотреть на нее с точки зрения других культур, прежде всего восточных.

Источником этого подхода стали две тенденции. Первая – существовавшая параллельно с европоцентристским отношением к Востоку тенденция по различным политическим и идеологическим причинам

---

²⁷ Алаев Л.Б. Частная собственность на землю в древней и средневековой Индии // Алаев Л.Б. Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах. М.: Вост. лит., 2000. С. 283.

²⁸ Там же. С. 277.

представлять социальные системы некоторых азиатских стран в позитивном ключе, иногда даже в качестве примера для Европы. Еще иезуиты, стремясь доказать, что китайцы вплотную подошли к восприятию христианства, весьма высоко оценивали традиционную китайскую мысль, в особенности конфуцианство, пытаясь отмечать сходство некоторых его идей с христианскими. В эпоху Просвещения многие французские авторы – сторонники просвещенного абсолютизма, например Вольтер, Ф. Ламотт-ле-Вайе, Ф. Кене, изображали Китай как государство ученых, управляемое монархом-мудрецом и образованными чиновниками, сдающими экзамены для получения должности²⁹.

Эта тенденция, впрочем, как и европоцентристская, имела мало отношения к изучению реальных азиатских обществ. Однако ко второй половине XIX в. в Европе и США появилось уже довольно много практических знаний о Востоке, многие ученые, дипломаты, миссионеры ездили в страны Азии с разными миссиями и знакомились с азиатскими обществами не понаслышке. Среди них появились и те, кто видел их различные стороны, а также перспективу их развития. Например, американский востоковед и священник У. Гриффис, долгое время проживший в Японии, писал в 1876 г., что эта страна «через некоторое время займет и будет удерживать равное место с ведущими нациями мира»³⁰. В актовой речи в Санкт-Петербургском университете в 1883 г. выдающийся российский востоковед академик В.П. Васильев предрекал Китаю экономический и политический подъем в будущем, когда он окончательно освоит западные технологии, и говорил, что эта страна «имеет все данные, чтобы достигнуть самой высшей точки политического прогресса»³¹.

Однако антизападоцентристская тенденция не стала доминирующей в то время. Массированной критике в западной академической науке она подверглась лишь в результате деколонизации, когда в университеты бывших метрополий пришло много выходцев из бывших колоний, принесших с собой антизападную постколониальную риторику. Суть ее состояла в идеализации доколониальных незападных обществ и утверждении, что колониализм не только не дал толчок их развитию, но привел в полный упадок. Соединившись с собственно западной левой идеологией, которая до этого в академи-

---

²⁹ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. С. 49.

³⁰ Griffis W.E. *The Mikado's Empire*. New York: Harper & Brothers, 1876. P. 576.

³¹ Васильев В.П. Китайский прогресс // Российское китаеведение. 2022. № 1. С. 214.

ческой среде была довольно маргинальной, эта тенденция привела к возникновению новых антизападных теорий, которые, претендуя на академизм, по сути также были крайне идеологизированы.

Первоначально в самих освободившихся от колониальной зависимости странах появились различные идеологии «третьего пути», провозглашавшие возможность ускоренного развития, не следующего ни западной, ни советской модели, с упором на уникальные, часто идеализированные национальные традиции. Практически все они отвергали разделение общества на антагонистические классы и классовую борьбу, якобы характерные для капитализма и советского социализма, и провозглашали угнетенными не отдельные классы внутри своих стран, но все население бывших колоний в целом. Ради борьбы с постколониальными проблемами они призывали всю новую нацию объединиться вокруг своих лидеров, тем самым, как правило, оправдывая авторитаризм и даже культ национального вождя³². К подобным теориям можно отнести, например, пять принципов «панча сила» Сукарно в Индонезии; концепцию негритюда, выдвинутую Л. Сенгором и другими; «африканский социализм» К. Каунды и Дж. Ньерере. Примерно в это время во многих бывших колониях к востоковедению стали относиться настроенно, как к науке колонизаторов.

Затем на самом Западе появились псевдонаучные направления, вроде «постколониальных исследований» и «критической расовой теории». Все они, тесно связанные между собой, были так называемыми критическими теориями, т.е. провозглашали своей целью не объективное исследование постколониальных, прежде всего азиатских и африканских обществ, но их критику и создание основы для их «справедливого» реформирования. Согласно одному из определений, «постколониальная теория», например, представляет собой подход, основанный на базовом утверждении о том, что «мир, в котором мы живем, невозможно понять кроме как в его связи с историей империализма и колониального правления... В последние тридцать лет он оставался одновременно привязан к факту колониального правления в первой половине XX в. и привержен политическим взглядам, направленным на достижение справедливости в настоящий момент»³³.

---

³² Лукин В.П. «Идеология развития» и массовое сознание в странах «третьего мира» // Вопросы философии. 1969. № 6. С. 127–141.

³³ Elam J.D. Postcolonial Theory // Oxford Bibliographies. 2019. 15 января. URL: <https://www.oxford-bibliographies.com/view/document/obo-9780190221911/obo-9780190221911-0069.xml>

Эта программа полностью противоречит сложившемуся в академической науке подходу, согласно которому, как писал еще М. Вебер, исследователь общества должен говорить о «сущем», а не «долженствующем быть сущим»³⁴. Она больше соответствует активистскому подходу К. Маркса, заявлявшему, что философы должны не объяснять мир, а изменять его³⁵. Высказывание Маркса, впрочем, необходимо отнести не к философии как науке, а к идеологии, так как именно она «прокладывает мост над эмоциональной пропастью между вещами, каковы они есть в действительности и каковыми они должны быть...»³⁶.

Не случайно, что многие отцы-основатели постколониальной теории были не классическими учеными, но политическими активистами. Так, Э. Саид, автор популярной книги «Ориентализм», в которой западное увлечение культурой Востока объявлялось не просто модой, но механизмом навязывания чуждых культурных форм, содействовавших колониализму, поддерживал палестинское движение, состоял членом Палестинского национального совета и боролся с сионизмом и политикой Израиля. Другой влиятельный деятель этого направления, Ф. Фанон, переехал в Алжир, где стал идеологом Фронта национального освобождения и призывал к всемирному антиколониальному восстанию.

Критическая расовая теория (КРТ) – более новое явление. Она была провозглашена на первом ежегодном семинаре по КРТ в Университете Висконсин-Мэдисон (США) в 1989 г., однако своими корнями уходит в «критические правовые исследования» – направление, основанное на марксистских трактовках права и провозглашавшее, что правовые системы западных государств закрепляют угнетенное положение отдельных групп населения в интересах правящей элиты³⁷. Сторонники КРТ выделили основную угнетенную группу – цветных в Америке (а затем и в мире в целом), перенесли марксистскую теорию классовых противоречий на расы. Как и все идеологии, эти теории выделяют основную причину всех историче-

---

³⁴ Вебер М. Объективность социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 346–347.

³⁵ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 4.

³⁶ Geertz C. Ideology as a Cultural System // David E. Apter (ed.). Ideology and Discontent. New York: Free Press of Glencoe, 1964. P. 55.

³⁷ Critical Legal Theory // Legal Information Institute. Cornell Law School. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/critical_legal_theory

ских бед и дают простой рецепт их устранения. Для антиколониальной теории это уничтожение колониального сознания, для КРТ – «системного расизма» и «белых привилегий»³⁸. В сфере изучения Востока это приводит к замене западоцентризма его противоположностью. Запад для Востока из источника прогресса и истинной цивилизации превращается в центр распространения трансцендентального зла: извечного колониализма, расизма и соответствующих форм сознания на Востоке. Тех, кто не принимает подобного подхода, провозглашают сознательными или подсознательными колониалистами и расистами и предлагают подвергнуть перевоспитанию. Естественно, все это не имеет отношения к объективному научному изучению азиатских и африканских обществ.

Борьба с западоцентризмом привела к тому, что на Западе начали сомневаться в самом понятии «востоковедение». С одной стороны, Запад настолько распространился, что для многих его частей понятие Востока утратило прямой, географический смысл: Восток был географическим востоком для Европы, но не для США или Австралии. С другой стороны, социально-политическая критика понятия «Восток» распространилась и на востоковедение. Это привело, в частности, к переименованию многих научных и учебных центров из «востоковедческих» в «центры азиатских и/или африканских исследований». Так, например, в 1970 г. факультет востоковедения Австралийского национального университета был переименован в факультет азиатских исследований. В 2007 г. факультет востоковедения Кембриджского университета стал факультетом азиатских и ближневосточных исследований. Факультеты востоковедения пока остаются в университетах Оксфорда, Чикаго, Рима, Лондона и некоторых других, однако, вероятно, и их вскоре постигнет та же участь.

Одна из причин сложности сохранения востоковедения на Западе заключается в том, что за несколько сотен лет его существования западные востоковеды так и не смогли сформулировать сущность предмета его изучения и то, по какой причине его стоит выделять в отдельную отрасль науки. Если взглянуть, например, на интернет-сайты существующих востоковедческих факультетов, то там на эту тему можно встретить лишь общие слова о том, что здесь изучаются восточные государства и языки. По всем этим причинам судьба востоковедения как единой отрасли науки на Западе представляется печаль-

---

³⁸ Лукин А.В. Теория всеобщего расизма. Новая версия американского культурного доминирования // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 5. С. 119–136.

ной. Рано или поздно оно с большой вероятностью распадется на несколько направлений региональных и страновых исследований.

То же самое произойдет и в самих странах Азии и Африки, где востоковедение и само понятие «Восток» было привнесено с Запада. Хотя на определенном этапе идея «Востока» играла здесь важную антизападную роль (вспомним знаменитую китайскую коммунистическую песню «Алеет Восток» или высказывание Мао Цзэдуна «Ветер с Востока одолевает ветер с Запада»), но сегодня она все чаще подвергается критике как часть западоцентристской и колониалистской риторики.

Особенности востоковедения в России

Востоковедение в России развивалось со времен Петра I в целом успешно, внося существенный вклад в мировую науку и способствуя реализации внешнеполитических задач нашей страны. Хотя в целом российское востоковедение подверглось значительному влиянию европейского, с самого начала оно имело важные особенности. Основной российской особенностью стал комплексный подход, междисциплинарность: востоковедение с XIX в. считалось отдельной отраслью знания, находившейся на стыке нескольких наук: истории, филологии, лингвистики, социологии и экономики. В России истинный востоковед всегда должен был обладать всей полнотой знаний, изучаемых этими науками, в отношении своего региона и его языка, иметь общее понимание проблем филологии и культуры и уметь сопоставлять свой регион по этим параметрам с другими. При этом отличительной чертой российского востоковедения была неразрывная связь между наукой и практикой: многие исследователи были заняты частично либо периодически на военной, дипломатической, журналистской, миссионерской и другой практической работе, крупные дипломаты, военные и миссионеры преподавали в вузах и вели научные исследования. Как отмечал основатель российской школы индологии И.П. Минаев: «У нас, на Руси, изучение вообще Востока никогда не имело и не могло иметь отвлеченного характера. Мы слишком близки к Востоку для того, чтобы интересоваться им только отвлеченно. Интересы России всегда были тесно связаны с Востоком, а поэтому востоковедение у нас не могло не находить себе практического приложения»³⁹. Другой выдающийся востоковед академик

---

³⁹ Минаев И.П. Об изучении Индии в русских университетах // Отчет о состоянии Императорского С.-Петербургского университета и деятельности его

С.Ф. Ольденбург сформулировал это так: «Сосед Востока, Россия, всегда хорошо его знала и понимала»⁴⁰.

В результате, помимо западной ориенталистики, влияние которой как источника выражалось в приглашении в Россию ученых из Европы и публикации европейских исследований на русском языке, российское востоковедение имело несколько других источников. П.М. Шаститко относил к ним еще практическое востоковедение, обслуживавшее военное и дипломатическое ведомства и обеспечивавшее интересы внешней торговли и миссионерскую деятельность, а также «традиционные (обычно религиозные) научные школы восточных народов, вошедших в состав Российской империи, которые изучали национальные культуры и истории своих и сопредельных стран»⁴¹. Последнее очень важно: для России Восток был не только внешним, но и внутренним объектом изучения, так как часть России сама была «Востоком».

Здесь можно вспомнить вклад, внесенный в российское востоковедение коллегией, а затем министерством иностранных дел, где специальные «азиатские» подразделения существовали с 1797 г. Выделяется деятельность, например, руководителя Азиатского департамента МИД, крупного дипломата и ученого, знатока Востока Е.П. Ковалевского, по инициативе которого в азиатские страны были направлены крупные научно-дипломатические миссии, проводившие большую исследовательскую работу. Не меньшую роль играли исследования и экспедиции военных: ираниста и африканиста генерала И.Ф. Бларамберга, специалиста по Османской империи Ф.Ф. Берга, индолога генерала А.Е. Снесарева, руководителей экспедиций в Центральную Азию, Китай и Тибет Н.М. Пржевальского и П.К. Козлова, военного исследователя Китая М.И. Венюкова и других. Огромное значение для развития российского востоковедения имели труды руководителей и сотрудников православных миссий в Иерусалиме, Китае, Японии, Корее и Иране (Урмийской). Хорошо известна деятельность востоковедов – выходцев из восточных наро-

---

ученого сословия за 1883 год, читанный на акте 8-го февраля 1884 года ординарным проф. Ю.В. Сохоцким. СПб.: Тип. Г. Шахт и Ко, 1884. С. 89.

⁴⁰ Ольденбург С.Ф. Новый Восток. Журнал Всероссийской научной ассоциации Востоковедения при НКН / Под ред. М. Павлович (Вельтман). Кн. 1. Москва, 1922 [Рец.] // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Книга вторая. М.; Пг.: Всемирная литература, 1923. С. 149.

⁴¹ Шаститко П. Востоковедение в России // Энциклопедия «Кругосвет». URL: https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/VOSTOKOVEDENIE_V_ROSSII.html

дов Российской империи: Ч. Валиханова, А. Доржиева, Г.Ц. Цыбикова и других. Выдающийся российский востоковед В.В. Бартольд отмечал: «В XIX в. изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе»⁴².

Важно и то, что для России изучение Востока с самого начала играло роль в поисках собственной идентичности, отличной от западной. Неслучайно автором одной из первых программ по развитию востоковедения был граф С.С. Уваров, который позднее, став министром просвещения, разработал знаменитую концепцию уникальной стабильности России по отношению к Западу, основанную на формуле «Православие, самодержавие, народность». Уваров отмечал, что благодаря углубленному изучению Азии Россия не только «внесет огромный вклад в дело общего просвещения», но и принесет духовное облегчение наследникам Французской революции и Наполеоновских войн, которые «устали от кровавых ужасов, совершенных во имя человеческого духа»⁴³. Большими энтузиастами изучения Востока были славянофилы и панслависты А.С. Хомяков, Н.Я. Данилевский, энтузиаст изучения Османской империи К.Н. Леонтьев, сторонник особой роли России в Азии Э.Э. Ухтомский и другие.

В результате совместных усилий и сложившихся особых обстоятельств востоковедческое образование в России уже к середине XIX в. достигло высокого уровня. Оценивая его в Санкт-Петербургском университете, один из энтузиастов этого образования, декан факультета восточных языков В.В. Григорьев писал, что там «устроилось... то, чего нет еще ни в каком другом из университетов Европы и что в таком виде по праву только в России и должно было возникнуть»⁴⁴. Неслучайно в 1876 г. именно в Петербурге под председательством В.В. Григорьева прошел III Международный съезд востоковедов.

В советское время описанные особенности российского востоковедения в целом сохранились. Государство начало более систематически использовать исследования стран Азии и Африки для поисков союзников СССР в борьбе с мировым империализмом в рамках господствовавшей марксистско-ленинской идеологии. Эта идеология в

---

⁴² Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В.В. Собрание сочинений. Т. IX. М.: Наука, 1977. С. 418.

⁴³ Ouvaroff S. Projet d'une Academie Asiatique, in Etudes de Philologie et de Critique. 2nd ed. Paris: Typographie de Firmin Didot Frères, 1845. P. 8–9.

⁴⁴ Григорьев В.В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1870. С. 125.

сфере теории сохранила западоцентризм и пыталась втиснуть восточные общества в рамки единой так называемой пятичленной теории развития мира. В то же время к концу существования СССР идея принципиального отличия восточных обществ от европейских всплыла в оболочке марксизма в виде возрожденной концепции «азиатского способа производства». Тем не менее, несмотря на общую идеологизированность, советские ученые смогли сохранить научные школы и даже серьезно продвинуться в изучении восточных обществ.

О предмете востоковедения

В целом именно особенности российского подхода к азиатским и африканским обществам, его комплексный, междисциплинарный и практический характер привели к тому, что большинство российских исследователей не соглашались сегодня с нынешней западной тенденцией отказа от востоковедения как отдельной отрасли науки и разделения его в рамках обычного регионоведения или страноведения. Поэтому именно в России постоянно предпринимаются попытки определить предмет и задачи востоковедения как науки. Пожалуй, наиболее амбициозный проект в этой области осуществляется в последние годы группой востоковедов в Санкт-Петербурге. Во «Введении в востоковедение», вышедшем под редакцией Е.И. Зеленева и В.Б. Касевича в 2010 г., современное востоковедение определяется как «междисциплинарная интегрирующая наука, ставящая задачу изучать в максимально широком феноменологическом спектре многообразии искусственных форм и социально обусловленных моделей поведения, творческой деятельности и уровня развития социумов преимущественно азиатско-африканского пространственного ареала, рассматривая их социокультурное бытование в контексте научной парадигмы глобального взаимодействия культур и цивилизаций»⁴⁵.

Из этого определения, включающего в себя основные элементы российского подхода, не вполне ясно, почему описанная и с успехом применяемая многими российскими востоковедами комплексная и междисциплинарная методология должна использоваться для исследования именно социумов азиатско-африканского пространственного ареала, а не, например, Европы или Латинской Америки. Ведь и там она может привести к полезным результатам. Пытаясь

---

⁴⁵ Введение в востоковедение. Общий курс / Под ред. Е.И. Зеленева и В.Б. Касевича. СПб.: Каро, 2013. С. 15.

объяснить это, сторонники данного подхода определяют восточные общества как «традиционалистские», т.е. утверждают, что их объединяет именно традиционализм, выделяя несколько его признаков: иерархия ценностей (авторитет истории), архетипическое мировосприятие, временной, а не пространственный характер культурных координат, аперсонализм (коллективизм, эгалитаризм), преобладание обычного права по отношению к писаному закону, роль традиционной религии (до христианства) и т.д.⁴⁶

Таким образом, проводится новая, пожалуй, наиболее комплексная, попытка найти принципиальные сходства между всеми восточными обществами и их отличия от западных в рамках дихотомии «Восток–Запад». Но здесь опять возникают вопросы. Во-первых, подобные попытки весьма напоминают основанный на западоцентризме подход, корнями уходящий еще в Древнюю Грецию, суть которого – простая идея о том, что все, что непохоже на Европу, в основе своей одинаково и застоино либо находится на более низком этапе развития. Ведь в понятии «традиционализм» явно заложен какой-то временной или стадийный смысл, идея, что подобные общества развиваются не параллельно с европейским «модерном», но исторически предшествуют ему. Во-вторых, неясно, почему традиционализм является характеристикой именно Востока, ведь находил же Дж. Милль признаки отсутствия частной собственности в древнем Уэльсе и в доримской Англии, а К. Маркс, судя по всему, считал «азиатский» способ производства характерным не только для Азии, а первой стадией развития многих обществ. Почему тогда наука, изучающая традиционное общество, должна называться «востоковедением», а не, например, «традиционоведением»?

Поэтому, отдавая должное усилиям данной группы исследователей, особенно в определении востоковедения как комплексной и междисциплинарной науки, следует предложить несколько иной подход. На наш взгляд, поиски факторов, объединяющих восточные общества в рамках дихотомии «Восток–Запад», являются бесперспективным занятием. Конечно, все человеческие общества имеют что-то общее. Но обосновать предмет востоковедения как отдельной науки может только такая общность, которая отличает именно восточные общества от всех других и является более фундаментальной, чем их отличия друг от друга и каждого из них от обществ невосточных. Но таким образом вряд ли возможно обосновать, почему Индию и Китай должна изучать одна наука, а Европу и Индию – разные. Китай

⁴⁶ Там же. С. 18–22.

и Индия отличаются друг от друга не меньше, чем Европа от каждого из этих двух азиатских гигантов. Все три эти цивилизации вполне равноценны в смысле своей уникальности.

Но сегодня в глобализованном мире мы сталкиваемся с явлением, которое характерно для всех незападных цивилизаций и которое может обосновать отдельную науку о них. В своей основе глобализация означает вестернизацию, т.е. распространение форм европейской цивилизации на весь остальной мир. Предыдущие исторические периоды также знали экспансию различных цивилизаций, но ни одна из них не смогла распространить свое культурное и тем более политическое влияние на весь мир, не стала глобальной. Ни в период эллинизма, ни во время расцвета Римской империи, ни в Средние века Запад не распространял своего влияния на большую часть земного шара. Китай, Индия, государства Южной Америки сохраняли собственные культурные и политические формы. Не смогли добиться этого и другие цивилизационные центры: арабский халифат, Османская или Китайская империи в периоды своего наибольшего расширения. Но в современном мире возможно говорить о распространении основных элементов западной, по терминологии Тойнби, необычайно расширившейся «франкской» цивилизации на весь мир. В сегодняшнем мире нет общества или страны, в той или иной степени не позаимствовавших западных политических, социальных или культурных форм. Даже в государствах, строящих свою политику на традиционализме и псевдовозвращении к основам собственной культуры, типа Ирана или Афганистана, действуют партии и парламенты, работают банки, министерства и другие учреждения западного типа, значительная часть населения одевается в западную одежду. Даже в Саудовской Аравии западное влияние на образование, экономику и быт вполне существенно. Таким образом, можно говорить, что для всех незападных, прежде всего азиатских и африканских, обществ характерна та или иная степень вестернизации. Предметом единой науки об их обществах – востоковедения – в этой ситуации могут стать уровень этой вестернизации в каждом случае, механизмы взаимодействия западной культуры с традиционными структурами и его последствия, а также изучение этих структур в контексте последующей вестернизации.

В этом случае востоковедение уходит от обвинений в попытке стричь восточные общества под одну гребенку, создать единую модель Востока. Да, Китай, Индия и арабский мир различны, но они едины в том, что им пришлось столкнуться с мощнейшей западной

культурной и политической экспансией, и они все дают на нее собственный ответ, в чем-то различный, но в чем-то и схожий. Изучением этого ответа, его истоков и результатов и могло бы заняться востоковедение.

Конечно, и здесь может возникнуть ряд вопросов. Например, что, собственно, считать Западом и, соответственно, западным влиянием. Конечно, в большинстве подходов зародившаяся в Европе и распространившаяся на весь мир цивилизация считается более или менее единой, однако содержание и формы ее культуры существенно менялись со временем. Географически она тоже не стояла на месте: когда-то ее центром была Греция, затем к ней присоединился Рим. В Средние века к ее ареалу в той или иной степени присоединились ранее заселенные варварами территории Западной и Восточной Европы. При этом культурные формы изначальных центров также распространялись на местное население – германские и кельтские народы, затем частично на славян. Однако в рамках предлагаемого подхода под Западом должны пониматься формы, возникшие и распространившиеся в период всемирной экспансии западной цивилизации, т.е. начиная приблизительно с XVIII–XIX вв. Основные элементы этих форм в политической, социальной и культурной областях, вероятно, можно было бы выявить и перечислить, хотя для этого и потребуетесь большая работа.

Другой вопрос, который уже возникал в несколько ином контексте: почему изучение вестернизации незападных обществ должно называться именно востоковедением, и должно ли оно изучать, скажем, вестернизацию обществ, находящихся не только в Азии и Африке, а, например, и в завоеванной испанцами Южной Америке или в Европе в регионах, освобожденных от власти Османской империи и заселенных южными славянами или албанцами. Этот вопрос должен быть уточнен. Впрочем, очевидно, что наиболее древние и устойчивые незападные общества и цивилизации к началу эпохи глобализации находились именно в Азии и Африке.

Заключение

Предлагаемый подход не только делает востоковедение жизнеспособным, но и дает ему конкретный объект исследования, при этом опираясь не только на важность построения новой его концепции, но и на его практические задачи как важнейшую российскую востоковедческую традицию. Ведь изучение механизмов взаимодей-

ствия цивилизаций, механизма вестернизации, реакции на нее и попыток ей противостоять способно дать серьезный материал и для практиков культурного, экономического и политического обменов и даже содействовать решению определенных внешнеполитических задач.

Китаеведение, так же как и направления, исследующие другие крупные незападные цивилизации (индология, арабистика, африканистика), останутся в этом случае составными частями востоковедения как более общей научной дисциплины, а не превратятся в разделы обычного страноведения типа британских, французских или германских исследований. Что касается общих дисциплин типа философии, социологии или политологии, то они будут продолжать изучать закономерности современного глобализованного мира в целом, хотя, конечно, и здесь больший упор должен быть сделан на уход от западоцентризма и изучение соответствующих школ и направлений, сложившихся в незападных частях мира.

Российское востоковедение всегда давало важнейшие средства для диалога цивилизаций, тем самым создавая механизм для налаживания и развития связей между странами и народами. Все эти качества востоковедения становятся особенно актуальными в становящемся многополярным мире. Устранение недостатков западоцентристского подхода, необходимость чего сегодня очевидна, не должно подменяться противоположной крайностью: идеями о превосходстве Востока над Западом или распространяемыми сегодня с того же Запада теориями западного «первородного греха», частью которых являются требования «отменить» востоковедение как науку колониалистскую и расистскую. Уступки этой тенденции приведут не только к новой идеологизации научных исследований, но и к поощрению уже поднимающейся на Западе волны требований «деколонизировать» Россию и ее науку. В сегодняшнем мире российская наука должна сохранить свою классическую объективность и фундаментальность. Она способна стать островом нормальности в разливающемся море идеологического безумия. И здесь сохранение и развитие востоковедения способно сыграть важную роль.

Часть 1

**РОССИЯ,
КИТАЙ
И МИР**

Китай и Европа – настороженный интерес

Опубликовано в изд.: Независимая газета. Дипкурьер. 21.04.2024.

URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2024-04-21/9_8998_china.html

Нынешняя весна ознаменовалась интенсификацией контактов КНР с государствами Европы. В конце марта в Пекине на высшем уровне был принят премьер-министр Нидерландов Марк Рютте. В середине апреля в Поднебесной с визитом побывал канцлер ФРГ Олаф Шольц, который встретился с премьером Госсовета КНР Ли Цяном и Председателем КНР Си Цзиньпином. А в начале мая в Европу собирается сам Си Цзиньпин. Официально объявлено, что он посетит Францию, с которой 27 января исполнилось 60 лет установления дипломатических отношений, а также Сербию. Вероятно посещение еще нескольких стран, в частности Венгрии.

Обилие взаимных визитов на высшем уровне – не простое совпадение. В последние годы отношения КНР с ЕС и отдельными странами продолжали ухудшаться, что было вызвано давлением на Европу со стороны Вашингтона, признавшего Китай важнейшим геополитическим соперником и пытающегося склонить европейцев к той же линии. В Европе многие старались занять более мягкую позицию, однако совсем ослушаться старшего союзника не решались. Вместо американского термина *decoupling* (отделение) в ЕС с прошлого года используют более мягкое выражение *derisking* (уменьшение или уход от рисков). Однако смысл его в том же – уход от зависимости от Китая в чувствительных областях при сохранении сотрудничества там, где это выгодно. В результате сегодня отношения между большинством европейских стран и Китаем находятся в фазе похолодания.

Тем не менее торгово-экономические связи крайне важны для обеих сторон. Несмотря на это похолодание в 2023 г. Европа оставалась важнейшим партнером Китая. ЕС в целом занял 2-е место по доле в торговом обороте с Китаем (13,2%), уступив только АСЕАН.

Китай был третьим по значению импортером для ЕС, уступая только США и Великобритании, и первым экспортером – товары из Китая составляли более 20% всего импорта ЕС.

Отдельные государства Европы сохраняют значительное место в китайской внешней торговле и инвестиционном сотрудничестве. Два ведущих европейских партнера Китая, Германия и Нидерланды, несмотря на сокращение в 2023 г. китайского экспорта в эти страны (13,9% и 14,8% соответственно), занимают 8-е и 9-е место в общемировом списке импортеров китайской продукции; при этом с Нидерландами Китай имел значительный торговый профицит (\$83.4). Франция занимает по этому показателю 4-е место в ЕС, уступая еще Италии. Однако значение Франции для Китая велико в связи со значительными французскими инвестициями в высокотехнологичные отрасли, в том числе в атомную энергетику.

По причинам гораздо более негативного отношения к Китаю со стороны ЕС как организации, которая в большей степени подвержена давлению Вашингтона, действующего через наиболее проамерикански настроенных членов союза – так называемых представителей Новой Европы, в особенности Польшу и бывших советских государств Балтии, Китай предпочитает иметь дело с европейцами на уровне национальных государств. Из них многие лишь нехотя уступают американскому давлению, пытаясь сохранить то, что возможно. Ведь от сотрудничества с Китаем зависит благосостояние европейских избирателей, и так довольно сильно пошатнувшееся в связи с жесткой политикой в отношении России, а также по внутренним причинам.

Что касается Китая, то его экономика продолжает быть в высокой степени зависимой от экспорта. Модель китайского экономического рывка, начиная с конца 1970-х годов, была построена на создании эффективной экспортной экономики, и связи с внешним миром стали одним из условий роста и развития. Предпринимаемые в последнее время попытки развивать внутренний рынок за счет роста потребления внутри страны предпринимаются с переменным успехом. Существенный спад экспорта может привести к замедлению экономического роста, который и так в последние годы снижался и не достигал запланированных показателей, остановке предприятий, безработице и социальным проблемам. В этой обстановке сохранение сотрудничества с Европой становится важнейшей задачей.

Сегодня речь уже о каком-то политическом сотрудничестве или координации в области безопасности между Европой и Китаем не

идет. Поэтому естественно, что во время визита Шольца обсуждались в основном экономические вопросы: немецкие претензии к якобы проводящейся в Китае политике государственной поддержки некоторых отраслей, например, производства электромобилей, которые начинают доминировать на европейском рынке, а также проблемы германских производителей автомобилей в Китае. При этом, характерно, что Шольц критиковал позицию ЕС, призывающую к введению пошлин на китайские автомобили в Европе, так как ответные меры могут быть введены Китаем против немецких авто.

Что касается Франции, то ее президент Эммануэль Макрон во время прошлогоднего визита в Китай вообще фактически выступил против навязывания США Европе декаплинга.

Таким образом, в Китае и ряде стран Европы существует взаимный интерес к продолжению сотрудничества. Китай хотел бы сдвинуть эти страны на более конструктивную позицию и к меньшей зависимости от США. А европейцы во многих странах испытывают тягу к продолжению связей с Китаем, что будет способствовать как экономической стабилизации, так и большей геополитической автономии. Среди этих стран Европы прежде всего выделяется Франция, но и Германия, возможно, в более осторожной форме, придерживается близкой позиции. В «Новой Европе» – это, прежде всего, Венгрия, имеющая с ЕС проблемы, а также Сербия, которая в ЕС не входит. Интересно, что на фоне фактического краха такого механизма сотрудничества Китая с «Новой Европой», как «17+1», именно Сербия и Венгрия были единственными из его участников, которые в октябре 2023 г. прислали своих представителей в Пекин на Форум высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках инициативы «Пояс и путь».

Отдельно следует отметить и позиции сторон по украинской проблеме. Пытаясь сохранить связи с Китаем, Франция и ее единомышленники в Европе пытаются оторвать Китай от России, заставить его сократить сотрудничество с Москвой и даже оказать на нее давление, с тем чтобы склонить к урегулированию на европейских и украинских условиях. Этот подход вряд ли будет эффективным, но по крайней мере он более разумен, чем американский, который предполагает, что Пекин должен делать то, что ему скажут без каких-либо попыток Вашингтона его заинтересовать.

У Китая же есть собственные идеи по урегулированию, высказанные в представленной в 2023 г. позиции из 12 пунктов. Вкратце она

сводится к восстановлению мира на основе соблюдения территориальной целостности и учету озабоченностей в области безопасности всех сторон, в том числе и России. Эта позиция пока неприемлема для Европы, но она не вполне совпадает и с российской.

В Китае, собственно, этого никогда не скрывали, в то же время разъясняя партнерам в Европе, что не собираются сокращать сотрудничество с Россией, так как считают, что решать проблему надо по обоюдному согласию. Кроме того, в Китае, так же, как и России, считают расширение НАТО и связанных с ней союзов угрозой своей безопасности и поддерживают Россию в ее противодействии этому расширению.

На встрече с Шольцем китайский лидер заявил, что Китай поддержит созыв только такой международной конференции по Украине, которая будет признана «как Россией, так и Украиной, с равноправным участием всех сторон и справедливым обсуждением всех мирных планов». Председатель КНР выдвинул четыре подхода к урегулированию: 1) поддерживать мир и стабильность и воздерживаться от поиска корыстной выгоды; 2) «остудить ситуацию, а не подливать масла в огонь» (т.е. не снабжать стороны оружием); 3) создать условия для восстановления мира и воздерживаться от дальнейшего обострения напряженности; 4) уменьшить негативное воздействие на мировую экономику и воздерживаться от подрыва стабильности глобальных промышленных цепочек и цепочек поставок (т.е. отказаться от санкций). Это позиция далека от европейской.

В то же время обращает на себя внимание, что именно этой весной, когда наметилось некоторое улучшение отношений Китая с Европой, в ряде зарубежных изданий появились статьи известных китайских экспертов по России, которые подчеркивают отличие китайской позиции и от российской, причем в довольно резкой форме.

Так, известный китайский эксперт по российской политике Фэн Юйцзюнь – ныне профессор Пекинского университета, ранее возглавлявший российское направление в Китайской академии современных международных проблем, тесно связанной с Министерством государственной безопасности, – в статье с довольно голословным названием «Россия безусловно проиграет на Украине», появившейся 11 апреля на сайте британского *The Economist*, пишет о том, что отношения Китая с Россией не зафиксированы навечно и что на них повлияли события последних двух лет. Он также утверждает, что

позиция Китая относительно России якобы вернулась от «дружбы без границ» в начале 2022 г. к традиционным принципам «не союз», «не конфронтация», «ненаправленность против третьих стран». «Никто не должен сомневаться, заявляет Фэн, – в желании Китая закончить эту жестокую войну путем переговоров. Это желание показывает, что Китай и Россия – очень разные страны. Россия стремится подорвать существующий мировой и региональный порядок военным путем, в то время как Китай хочет разрешать конфликты мирными средствами»¹.

Другой специалист по России, заместитель директора Института международной стратегии Пекинского университета Гуань Гуйхай в статье, опубликованной 1 апреля 2024 г. на Интернет-сайте влиятельного нью-йоркского Совета по международным отношениям, поясняет: «Китай долгое время придерживается принципов взаимного уважения, мирного сосуществования, совместного развития, решения межгосударственных споров политическими методами. Российско-украинская война явно противоречит этим принципам и последовательному подходу Китая... Китай выступает за невмешательство во внутренние дела других стран и уважение их суверенитета и территориальной целостности. Для Китая одностороннее изменение территориального статуса государства путем так называемых референдумов является неприемлемым. Конечно, Китай также надеется, что остальной мир, в особенности страны, которые ввели санкции против России, введут такие же санкции в случае посягательств на суверенитет, территориальную целостность и национальное единство Китая». Гуань отмечает, что позиции Китая и России по характеру и темпам изменения существующего мирового порядка различаются. Россия, по его мнению, привержена достижению стратегических интересов в беспорядке и хаосе. Китай же предлагает планы более легитимного и эффективного глобального управления и никогда не ставил стратегическую задачу разрушить существующий порядок и начать новый с нуля»².

---

¹ Feng Yujun, “Russia is Sure to Lose in Ukraine, Reckons a Chinese expert on Russia,” *The Economist*, 11.04.2024. URL: <https://www.economist.com/by-invitation/2024/04/11/russia-is-sure-to-lose-in-ukraine-reckons-a-chinese-expert-on-russia>

² Guan Guihai, “A Chinese Scholar’s Perspective on the Russia-Ukraine War,” *Council of Councils, Council on Foreign Relations*, 01.04.2024. URL: <https://www.cfr.org/councilofcouncils/global-memos/chinese-scholars-perspective-russia-ukraine-war#:~:text=In%20a%20nutshell%2C%20many%20Chinese,terms%20of%20history%20and%20civilization>

Появление таких материалов вряд ли можно считать изменением официальной китайской позиции, однако и случайными, в условиях строгой китайской дисциплины, их также признать трудно. Скорее они предназначены для зарубежной аудитории с целью подчеркнуть нейтральность китайской позиции и, возможно, создать благоприятную атмосферу для интенсификации сотрудничества с Западом, и прежде всего, с Европой. Отразится ли этот подход на российско-китайских отношениях, покажет будущее.

Американо-китайское соперничество в АТР: декларации и реальность

Опубликовано в журн.: Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 118–137.

Противоборство Китая и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе будет возрастать. Рассматривая тему борьбы Соединенных Штатов и Китая за влияние в Азии, следует понимать коренное различие мотивов двух стран. США борются за лидерство в Азии, как и во всем мире, по идеологическим соображениям. В Вашингтоне считают, что лидерство Соединенных Штатов в мире является гарантией его нормального развития. В случае же утраты такого лидерства из-за возникновения конкурирующей силы все в мире пойдет не так.

Во введении президента Джозефа Байдена к стратегии национальной безопасности, опубликованной в октябре 2022 г., говорится: «Во всем мире потребность в американском лидерстве столь же высока, как и всегда. Мы находимся в ситуации стратегической конкуренции за формирование будущего миропорядка... Отвечая на этот вызов, США будут лидировать, опираясь на наши ценности, работать рука об руку с нашими союзниками и партнерами и со всеми, кто разделяет наши интересы. Мы не оставим будущее уязвимым для прихотей тех, кто не разделяет наше видение мира как свободного, открытого, процветающего и безопасного»¹.

Байден подтвердил эту позицию во время встречи с китайским лидером Си Цзиньпином на Бали 14 ноября 2022 г. Он объяснил, что Вашингтон собирается решительно конкурировать с Пекином, как укрепляя собственную мощь, так и сотрудничая с союзниками и партнерами по всему миру (т.е. фактически окружая Китай жестким

---

¹ National Security Strategy // The White House. 2022. October. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>. P. 2.

кольцом сдерживания), но не доводя дело до конфликта. Американский президент предложил общими усилиями «ответственно управлять конкуренцией» и «сохранять открытые линии коммуникации». Среди направлений, по которым можно было бы вести переговоры, Байден отметил изменение климата, глобальную макроэкономическую стабильность, включая проблемы долга развивающихся стран, здравоохранение и глобальную продовольственную безопасность².

В этом контексте всякая угроза американской гегемонии в любом регионе мира рассматривается как экзистенциальная угроза самим Соединенным Штатам, а мораль и безопасность неразрывно переплетены. Потеря геополитического лидерства ведет к угрозе безопасности США и одновременно подрывает высшие «ценности», которые страна несет миру. И, наоборот, подрыв «ценностей» – вызов для лидерства, что ставит под угрозу американскую безопасность. Конечно, соотношение ценностей и геополитики и конкретное содержание самих ценностей несколько разнится, скажем, у демократов и республиканцев или у отдельных групп правящей элиты. Но в целом по поводу теснейшей связи между ними в Вашингтоне царит консенсус.

В Китае ситуация иная. Там поставили цель к середине века превратить страну «в передовую³ модернизированную социалистическую державу по совокупной национальной мощи и международному влиянию»⁴. В отличие от открыто антикитайской направленности американского курса, эта стратегия прямо не ставит целью борьбу с Соединенными Штатами или с кем-либо еще, но она вынужденно

---

² Readout of President Joe Biden's Meeting with President Xi Jinping of the People's Republic of China // The White House. 2022. November 14. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/11/14/readout-of-president-joe-bidens-meeting-with-president-xi-jinping-of-the-peoples-republic-of-china/>

³ Под «передовой» (领先的) державой в Китае понимают не монопольного лидера, гарантирующего нормальное развитие других, как в США, а одну из ведущих и наиболее влиятельных стран мира, подающую другим пример.

⁴ 习近平：高举中国特色社会主义伟大旗帜 为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗——在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин: «Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства». Доклад на XX съезде Коммунистической партии Китая] // 中华人民共和国中央人民政府 [Народное правительство Китайской Народной Республики]. 25.10.2022. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (далее – Доклад).

приобретает антиамериканский характер, так как Пекину приходится противодействовать курсу США на сдерживание Китая.

Согласно официальному китайскому отчету о встрече в Индонезии, Си Цзиньпин ясно подчеркнул, что Китай никогда не претендовал на изменение действующего миропорядка, не вмешивается во внутренние дела американцев, не собирается бросать им вызов и тем более заменить их в роли мирового лидера. Но дал понять, что ожидает подобного подхода и от Вашингтона, придавая большое значение неоднократным заверениям Байдена, что тот не стремится спровоцировать «новую холодную войну», изменить политическое устройство Китая, укреплять против него союзы, поддерживать «независимость Тайваня» или начинать прямой конфликт⁵.

Процесс укрепления позиций КНР происходит как бы сам собой как результат увеличения внешнеэкономического влияния, вызванного быстрым экономическим ростом, модернизацией и укреплением вооруженных сил, а также активизацией политики в области безопасности. Само укрепление влияния в последние годы США рассматривают в качестве экзистенциального вызова своей ценностно-силовой гегемонии. Со времени президентства Дональда Трампа Китай подвергают жесткому прессингу, и ему приходится принимать ответные меры. Эта ситуация порой и воспринимается в мире как борьба за лидерство.

Таким образом, в основе сегодняшней американо-китайской конфронтации лежит быстрое и неожиданное для США укрепление Китая, а также его восприятие американцами в рамках их идеологии глобального лидерства как единственной возможной формы существования страны. Ее конкретным выражением стала американская теория «обмана» США Китаем. Согласно этой теории, разворачивая сотрудничество с Китаем, начатое еще Ричардом Никсоном, в Вашингтоне надеялись, что изменят эту страну, сделают ее общество более похожим на западное, а внешнюю политику более проамериканской. Пекин же использовал сотрудничество для укрепления своей страны, но проамериканскую политику проводить не стал, обманув ожидания американских стратегов. Наиболее отчетливо такую идею выразил Майк Помпео, госсекретарь в администрации Трампа: «В течение долгого времени республиканцы, демократы, лидеры ши-

---

⁵ 习近平同美国总统拜登在巴厘岛举行会晤 [Си Цзиньпин провел встречу с американским президентом Байденом на острове Бали] // 中华人民共和国外交部主要 [Министерство иностранных дел КНР]. 14.11.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202211/t20221114_10974651.shtml

роких научных кругов, коммерческого сообщества считали, что благодаря торговле с Китаем и наращиванию взаимодействия с ним КПК реформирует себя, смягчится, поддержит экономические и политические свободы и будет представлять меньший риск для политической свободы во всем мире. Но вместо этого коммунисты использовали богатство, созданное благодаря этому, для укрепления своей власти, своей власти над китайским народом, и строительства высокотехнологичного репрессивного государства, какого еще не видел мир»⁶.

Конечно, теория «обмана» не была основана на реальности: китайские власти ничего подобного Вашингтону не обещали. Более того, начиная с Дэн Сяопина они прямо говорили, что реформы нужны для укрепления Китая, а власть коммунистической партии относится к «четырем базовым принципам», которые не подлежат никакому обсуждению»⁷. Но вера в «правильную» эволюцию Китая была основана на более широком идеологическом понимании Вашингтоном исторического процесса, согласно которому все общества рано или поздно должны прийти к западной политической и социально-экономической модели – высшей форме общественного развития.

После прихода к власти Си Цзиньпина в 2012 г. внутренняя и внешняя политика Китая подверглась существенным коррективам. Произошел отход от многих политических правил и традиций, заложенных архитектором китайских реформ Дэн Сяопином еще в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого века. Обеспечение экономического роста в качестве абсолютного приоритета было заменено другими целями. Идея выдвижения на первый план цели ускоренного экономического роста имеет две основы – марксистскую (так как идеальное общество – коммунизм, должно возникнуть на базе высочайшего развития производительных сил, обеспечивающих возможность создания изобилия) и националистическую – осуществление «китайской мечты» – общей цели китайских революционеров преодолеть отставание периода «столетия унижений» от империалистов и восстановить ведущее место в мире. Ради этого прежние руково-

---

⁶ Pompeo M.R. The Chinese Communist Party on the American Campus // US Department of State. 2020. December 9. URL: <https://2017-2021.state.gov/the-chinese-communist-party-on-the-american-campus/index.html>

⁷ Четыре базовых принципа (Реформы и открытость) // Russian.china.org.cn. 23.10.2018. URL: http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2018-10/23/content_67738017.htm

дители КПК готовы были закрывать глаза на многое: рост «капиталистических» отношений, укрепление позиций частных монополий, привилегии иностранным инвесторам, даже не особенно активно бороться с коррупцией. Структура власти была существенно децентрализована, регионы получили значительные финансовые и другие права. Во внешней политике Дэн Сяопин провозгласил принцип скромности, сформулированный в китайском выражении «копить силы и не показывать своих возможностей».

Новое руководство решило, что дальнейшее отступление от принципов социализма грозит перерождением общества. Возникла опасность, что вскоре оно не будет отличаться от того, что существовало при Гоминьдане, а против него, собственно, и боролись коммунисты⁸. Для борьбы с такой тенденцией власть значительно централизовала и сосредоточила в руках лидера. Началась решительная борьба с коррупцией, влиянием олигархов и всяческих негосударственных «инфлюенсеров» в социальных сетях, с сомневающимися в верности линии партии как внутри, так и вне ее.

Новый лидер выражал настроения той части элиты и населения, которая считала, что Китай достаточно укрепился, чтобы постепенно отказаться от курса Дэн Сяопина на компромиссы с буржуазным миром для получения инвестиций и передовых технологий и проводить более самоуверенную политику. Были выдвинуты амбициозные программы «Один пояс, один путь», «Сделано в Китае 2025» и другие, направленные на достижение Китаем технологической независимости и лидирующего места в мировой экономике и политике⁹. Сами по себе они основывались на реальных экономических потребностях: необходимости поиска инвестиционных возможностей, источников сырья и рынков сбыта за рубежом, использования там избыточной рабочей силы и производственных мощностей для крайне разросшейся китайской производственной машины. В принципе, зафиксированная в них внешнеэкономическая политика проводилась и ранее, однако ее фиксация в помпезно объявленных на весь мир комплексных программах свидетельствовала об отказе от политики Дэн Сяопина.

---

⁸ People's Daily Department of Commentary. Narrating China's Governance: Stories in Xi Jinping's Speeches, translated by Jing Luo. Singapore: Springer, 2020. Chapter 1. Stories of Incorrupt Government: The Corruption and Unjustness of Officials Give Birth to the Decline of Governance. P. 3–39.

⁹ Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи / Отв. ред. А.В. Лукин. М.: Научный эксперт, 2016.

Выдвижение экономических программ сопровождалось и изменением во внешнеполитическом и стратегическом поведении. В Китае начали писать, что в стране созрели условия для большей внешнеполитической активности, пришло время по примеру США и их союзников создавать военные базы за рубежом, активно отстаивать свои коренные интересы за пределами страны, в том числе и военной силой, вводить санкции против государств, которые осмеливаются проводить недружественную политику. Эксперты высказывали подобные соображения и ранее, однако при Си Цзиньпине они переместились в официальные документы. В стратегической сфере было значительно расширено понятие «коренных интересов», которые в китайском политическом дискурсе означают готовность защищать их всеми, в том числе военными, средствами. Теперь к ним стали относить не только суверенитет над Тайванем, но и борьбу с сепаратизмом в Гонконге, Тибете и Синьцзяне, все территориальные споры с соседними странами и даже не вполне определенные «основные гарантии стабильности государственно-политической системы и устойчивого социально-экономического развития»¹⁰.

Все это несколько смутило западный мир, стимулировало резкую реакцию и ускорило начало курса на сдерживание Китая. Пришедший в 2017 г. в Белый дом Дональд Трамп резко изменил прежний подход, направленный на подключение КНР к международным системам в обмен на «смягчение» ее политики, и развязал против Пекина торговую войну. Такое резкое изменение курса стало для Пекина неожиданностью. Там считали: китайская экономика настолько включилась в мировую, переплелась с американской и стала с ней взаимозависимой, что Вашингтон не решится принять радикальные меры по изоляции Пекина, опасаясь ущерба самому себе. Однако в Соединенных Штатах политические последствия выхода Китая в мировые экономические лидеры считали более опасными, чем ущерб для собственной экономики в результате принятия антикитайских мер. Кроме того, в администрации Трампа были уверены, что Китай не решится на тотальную экономическую войну, а протекционистские меры принесут США только пользу.

---

¹⁰ 中国的和平发 [Мирное развитие Китая] // 中华人民共和国国务院新闻办公室 [Пресс-канцелярия Госсовета КНР]. 06.09.2011. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2011/Document/1000032/1000032_3.htm

Китайская стратегия и документы XX съезда КПК

Решительные действия Вашингтона привели Пекин в некоторое замешательство, в стране начались дебаты относительно верности курса, некоторые критиковали его в завуалированной, а порой и в прямой форме¹¹. Однако консолидация власти Си Цзиньпина привела к тому, что линия на активизацию и решительность победила, хотя риторика несколько и смягчили.

Это хорошо видно из документов XX съезда КПК, прежде всего из отчетного доклада ЦК, с которым выступил Си Цзиньпин. Авторы доклада, как и на прошлых партийных съездах, не стали включать в этот предельно общий документ анализ региональных конфликтов или отношений КНР с конкретными странами. Тем не менее есть несколько блоков, очевидно направленных на укрепление позиций в противостоянии США.

Первый блок – разработка новой комплексной системы национальной безопасности и ее поддержания. Обеспечение национальной безопасности объявлено «основой возрождения нации», и к ней отнесены самые разные аспекты: безопасность народа («основная цель»), политическая безопасность («основа основ»), военная, научно-техническая, культурная и социальная безопасность («гарантии»), международная безопасность («опора»), а также экономическая, финансовая, биологическая, ядерная, экологическая, продовольственная, безопасность лекарственных средств, ключевой инфраструктуры, киберпространства, данных, ресурсов, космического и морского пространства. Ставится задача «повышать возможности в области предупреждения стихийных бедствий, ликвидации их последствий и оказания помощи пострадавшим, а также в области противостояния серьезным чрезвычайным ситуациям социального характера и предоставления необходимых гарантий». Планируется работа по обеспечению «в едином порядке» внешней и внутренней безопасности, безопасности государственных территорий и граждан, безопасности в традиционных и нетрадиционных сферах, собственной и всеобщей безопасности¹². Для этого, по некоторым данным, создается единая система органов государственной безопасности от центра до уезда под эгидой Центральной комиссии по государствен-

---

¹¹ Обзор этой дискуссии см.: Лукин А.В. Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 71–89.

¹² Доклад.

ной безопасности КПК, учрежденной еще в 2013 г., во главе с самим Си Цзиньпином (в дополнение к системам Министерства общественной безопасности и Министерства государственной безопасности, и, очевидно, стоящей над ними)¹³.

Второй блок – четкое изложение позиции по вопросам суверенитета над Гонконгом, Макао и, что особенно важно, Тайванем. Хотя конкретные страны, противодействующие политике Пекина по этим направлениям, не названы, подчеркивается необходимость «наносить решительные удары по антикитайским силам, пытающимся провоцировать беспорядки в Сянгане и Аомэне, твердо и настойчиво предотвращать и пресекать вмешательство внешних сил в дела Сянгана и Аомэня»¹⁴. Учитывая обвинения Пекина США и их союзников в подстрекательстве к беспорядкам в Гонконге, ясно, кому предназначены эти формулировки.

О Тайване не говорится ничего особенно нового, и даже провозглашается, что «наилучшим способом для объединения двух берегов Тайваньского пролива является мирное воссоединение». Но сама задача объявляется «исторической», которая неизбежно будет решена. При этом Пекин не обещает отказаться от применения силы, а будет «сохранять за собой возможность принимать все необходимые меры». Решительно отвергается и вмешательство внешних сил, хотя Соединенные Штаты, к которым явно обращены эти слова и курс которых по наращиванию официальных связей с Тайванем в КНР называют провокационным, здесь также не упоминаются¹⁵.

Наконец, **третий** и, пожалуй, наиболее важный блок – общая линия на обеспечение экономического развития с помощью современных технологий, оригинальных и перспективных научно-технических разработок, передовых науки и образования, «ориентируясь на государственные стратегические потребности»¹⁶. Успех такого курса способен сделать Китай мировым лидером не только по объему ВВП, но и по новейшим технологиям, как гражданским, так и военным. Вкупе с курсом на создание еще более современной армии, которая

---

¹³ Денисов И.Е. Механизм принятия внешнеполитических решений в Китае: особенности реформирования в период после XVIII съезда КПК // Международная аналитика. 2018. № 2. С. 30. Автор использует перевод «Совет национальной безопасности», однако китайское название 中央国家安全委员会 точнее переводится как «Центральная комиссия по государственной безопасности».

¹⁴ Доклад.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

всегда должна быть готова к войне, это не может не вызвать в США опасений потерять место безусловного лидера в области технологических инноваций и утратить мировую гегемонию.

Язык доклада указывает, что руководство Си Цзиньпина пытается по содержанию сохранить прежний курс, несколько умерив антиамериканскую и антизападную риторику и не упоминая конкретные страны-конкуренты и оппонентов, чтобы сохранить конструктивные отношения. Уже после съезда китайский лидер продолжил эту линию, написав в поздравительном письме участникам торжественного ужина американского Национального комитета по американо-китайским отношениям (общественной организации, занимающейся содействием взаимопониманию между двумя странами), что «китайская сторона хотела бы совместно с американской стороной в духе взаимного уважения прилагать усилия для мирного сосуществования, сотрудничества на основе взаимного выигрыша, чтобы найти путь к правильной форме сосуществования Китая и США в новую эпоху, которое бы приносило пользу обеим странам и всему миру»¹⁷.

Американская стратегия: идеология и реальность

Однако урезонить американских идеологов вряд ли удастся. В Соединенных Штатах и кадровые, и стратегические решения китайского съезда приняты в штыки. Все надежды на изменения, которые существовали в разных вариантах: от включения в состав руководства сторонников более «либерального» экономического курса до устранения Си Цзиньпина от власти его противниками, не осуществились. От нового состава руководства в Пекине ожидают более авторитарной политики внутри страны и роста самоуверенности по отношению к внешнему миру.

По поводу того, что с этим делать, в вашингтонской элите возникла дискуссия. Президент Байден и его советники настаивают на своем курсе, который президент сформулировал как «идти и жевать жвачку одновременно», т.е. давить, критиковать, но и разговаривать на темы, выгодные США, склоняя противника к договоренностям и

---

¹⁷ 习近平向美中关系全国委员会年度晚宴致贺信 [Письменное поздравление Си Цзиньпина Национальному комитету по американо-китайским отношениям по случаю его ежегодного гала-ужина] // 中华人民共和国外交部主要 [Министерство иностранных дел КНР]. 27.10.2022. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202210/t20221027_10792876.shtml

уступкам. На встрече с руководством Министерства обороны 26 октября 2022 г. Байден подчеркивал, что интенсивная конкуренция с Китаем должна вестись ответственно, «мы должны сохранять военное превосходство, делая ясным, что мы не ищем конфликта». Признавая, что американцы готовы к жесткой конкуренции и даже ищут ее, он утверждал, что конфликт не является неизбежным и что он многократно говорил об этом китайскому лидеру¹⁸.

В упоминавшейся «Стратегии национальной безопасности» Китай признается единственным конкурентом, имеющим «намерение перестроить международный порядок, и во все большей степени экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь, чтобы добиваться этой цели». В то же время «КНР занимает центральное место в глобальной экономике и имеет значительное влияние на общие вызовы, в особенности изменение климата и глобальное общественное здоровье». В связи с чем делается вывод, что две страны «могут мирно сосуществовать, принимать участие в прогрессе человечества и вносить в него вклад», а Соединенные Штаты, не отступая от принципов, будут, где это возможно и отвечает их интересам, «конструктивно вовлекать (*engage*) КНР» (упоминаются, в частности, такие направления, как климат, пандемии, нераспространение, борьбы с нелегальной наркоторговлей, глобальный продовольственный кризис и макроэкономические проблемы)¹⁹.

Однако среди демократов растут (в особенности после XX съезда КПК) и более жесткие настроения. Характерна редакционная статья «Коронация Си предвещает тяжелое время для Китая и мира», появившаяся в газете *The Washington Post* (она в последнее время выражает настроения радикально-империалистического крыла Демократической партии). Ее смысл сводится к критике курса Байдена на конструктивное вовлечение Китая в сотрудничество по некоторым выгодным для Соединенных Штатов направлениям при сохранении общей конкуренции. Авторы утверждают: «Через полвека после открытия [США] для Китая президентом Ричардом Никсоном, две декады после того, как президент Билл Клинтон при поддержке обеих партий продавил для него в Конгрессе статус наибольшего благо-

---

¹⁸ Remarks by President Biden in Meeting with Department of Defense Leaders // The White House. 2022. October 26. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/10/26/remarks-by-president-biden-in-meeting-with-department-of-defense-leaders/>

¹⁹ National Security Strategy. October 2022. P. 25.

приятствования в торговле²⁰, очевидно, что Соединенные Штаты не могут направлять подъем Китая так, чтобы он сочетался с американскими стратегическими интересами, и еще в меньшей степени – гармонировал с международным порядком, основанным на правилах, на что надеялись многие западные архитекторы усилий по его вовлечению из правительственных, корпоративных, научных и интеллектуальных кругов». Приветствуя жесткую часть китайского курса Байдена, в частности, его высказывания о поддержке Тайваня, укреплении сотрудничества с Австралией, Японией, Южной Кореей и Индией для сдерживания Пекина, наконец, введенные президентом прямо в дни работы съезда КПК ограничения на поставки китайским компаниям полупроводников и оборудования для производства микросхем, авторы критикуют мягкую часть его «Стратегии». Цитируя призыв документа «работать вместе на благо нашего народа и всего мира» по проблемам климата и пандемий, они заявляют: «Мы надеемся на то, что это правда, но опасаемся, что это не так». Авторы предлагают политику неограниченного давления на Китай, основываясь на том, что меры, предложенные Си на съезде, с большой вероятностью приведут к спаду в китайской экономике и социальным проблемам, а жесткая политика США усилит этот кризис и заставит Китай сменить курс²¹.

Позиция республиканцев по КНР также не является последовательной. Наиболее влиятельный из них, Трамп, в стиле своей прежней политики в годы президентства одновременно критикует администрацию Байдена за излишнюю мягкость и говорит о том, что мог бы легко «договориться» с Си Цзиньпином, которого весьма уважает за эффективное отстаивание китайских интересов²². Но по своей сути, этот подход мало чем отличается от курса Байдена, за исключением стремления последнего в большей степени учитывать интересы союзников.

---

²⁰ В действительности Клинтон лишь продлил статус наибольшего благоприятствования, который был предоставлен Китаю еще в 1979 г. (Соколов Н.Н. Эволюция общественно-политических и академических дискуссий в США на рубеже XX–XXI вв. о предоставлении Китаю режима «наибольшего благоприятствования» (РНБ) // Вестник Томского гос. университета. История. 2018. № 53. С. 20).

²¹ Editorial Board. Xi's Coronation Portends a Hard Era for China and the World // The Washington Post. 2022. October 15. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/10/15/xi-china-party-congress/>

²² Trump Speaks at Dr Oz Rally in Pennsylvania. Transcript // Rev.com. 2022. September 4. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/trump-speaks-at-dr-oz-rally-in-pennsylvania-transcript>

Азия – основная арена конфронтации

Создавшаяся в американо-китайских отношениях ситуация ведет к противостоянию по многим направлениям, но прежде всего в Азии, так как Пекин пытается позиционировать себя как лидер Глобального Юга, к которому относится большинство азиатских стран, и создать вокруг своих границ некую сферу безопасности, в то время как Соединенные Штаты рассматривают эти попытки как покушение на свои глобальные интересы и стремятся окружить Китай как можно более узким кольцом сдерживания. Это вызывает особенно жесткую конкуренцию за влияние в непосредственной периферии Китая на страны и территории, граничащие с ним или находящиеся в непосредственной близости.

Еще в период президентства Дональда Трампа в Вашингтоне стали отмечать, что китайские действия в Азии представляют серьезный вызов. В опубликованном в 2019 г. офисом министра обороны США «Обзоре противоракетной обороны» прямо указывается: основной источник угрозы американской безопасности в регионе исходит от КНР, которая «развивает свой ракетный потенциал с целью подрвать способность и свободу действий Соединенных Штатов по защите американских союзников и партнеров в Азии. Ключевой компонент китайской модернизации в военной сфере – арсенал обычных баллистических ракет, предназначенных для предотвращения военного доступа США с целью поддержки региональных союзников и партнеров. Китай также совершенствует возможности нанесения ударов по целям в регионе, таким как базы и боевые средства ВМС, на более дальние расстояния, ставя на вооружение во все больших количествах баллистические ракеты средней и промежуточной дальности. Они включают новейшие противокорабельные баллистические ракеты, представляющие прямую угрозу авианосцам США»²³.

Еще при Трампе американские эксперты начали высказывать опасения, что Китай сосредоточил основные усилия на развитии ВВС и ВМС. За последние несколько десятилетий Народно-освободительная армия Китая (НОАК) перестала быть преимущественно сухопутной, она обладает крупнейшим в мире флотом по количеству военных кораблей и является второй в мире по количеству крупных

---

²³ Missile Defence Review // Office of the Secretary of Defence. 2019. P. 19. URL: <https://media.defense.gov/2019/jan/17/2002080666/-1/-1/1/2019-MISSILE-DEFENSE-REVIEW.PDF>

боевых кораблей основных классов (эсминцы, фрегаты, авианосцы)²⁴. По американским оценкам, это может значительно усилить стратегические позиции Пекина и позволить ему контролировать жизненно важные транспортные артерии²⁵. Наиболее опасны противоречия в Южно-Китайском море, где Вашингтон решительно не признает претензии Пекина на большую часть акватории ЮКМ (примерно 80%) и где он начал строительство военных объектов на контролируемых им островах и рифах²⁶.

Кроме того, опасения США вызывает экономическая деятельность китайских компаний в странах АТР в рамках инициативы «Один пояс, один путь», которые, по их мнению, ведут к экономической зависимости от Китая. В ряде стран такая деятельность порой ведет к недовольству местных жителей, прессы и оппозиции, китайские компании обвиняют в том, в чем раньше часто обвиняли западные – игнорировании природоохранного и трудового законодательства, коррумпировании местных властей, использовании исключительно китайской рабочей силы и технологий, кредитном закабалении и т.п. Такие обвинения играли политическую роль в Малайзии, Шри-Ланке, на Фиджи, во Вьетнаме и в ряде других стран, где Соединенные Штаты их активно использовали для увеличения собственного влияния.

Администрация Байдена открыто заявила о роли Азии в конфронтации с КНР. По ее мнению, несмотря на то что конкуренция с Китаем все более глобальна, наиболее ярко она выражена в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), который должен быть свободным и открытым (уже в этом лозунге выражено неприятие претензий Китая в ЮКМ). В «Стратегии» прямо объявлено о политике противодействия китайскому влиянию на соседние страны Азии: «Многие наши союзники и партнеры, в особенности в Индо-Тихоокеанском

---

²⁴ Кашин В.Б., Лукин А.В. Китайский подход к отношениям с США: военные аспекты // Ежегодник СИПРИ 2020: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2021. С. 786.

²⁵ Торкунов А.В. Стратегия администрации Трампа в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 6. С. 25–37.

²⁶ Pompeo M.R. US Position on Maritime Claims in the South China Sea // US Department of State. 2020. July 13. URL: <https://2017-2021.state.gov/u-s-position-on-maritime-claims-in-the-south-china-sea/index.html#:~:text=In%20the%20South%20China%20Sea%2C%20we%20seek%20to%20preserve%20peace,or%20force%20to%20settle%20disputes>

регионе, находятся на передней линии тактики принуждения, применяемой КНР, и преисполнены справедливой решимости обеспечить свою автономию, безопасность и благосостояние. Мы будем поддерживать их способность принимать суверенные решения в соответствии с их интересами и ценностями, свободными от внешнего давления, и работать над предоставлением значительных инвестиций высокого стандарта, помощи развитию и рынкам»²⁷. Если перевести это с идеологического языка на обычный – совет выйти из-под китайского влияния тем, кто под него попал, и перейти в сферу влияния США, за что хорошо заплатят.

Нельзя сказать, что данная тактика не приносит результатов. Ее успех обусловлен не искусностью американской политики, а тем, что усиление Китая вызывает двойственные чувства у многих соседей. С одной стороны, велико желание использовать его экономический потенциал и финансовые возможности для собственных нужд, с другой – опасения попасть в экономическую и политическую зависимость. Курс самого Китая, в ряде случаев проводящего довольно негибкую политику по увеличению присутствия, в частности, с использованием китайской диаспоры и местных агентов влияния, вызывает законное недовольство. Особенно велики опасения в странах, где проживает значительное количество этнических китайцев: Сингапуре, Малайзии, Индонезии, Фиджи и др. Так, например, китайский вопрос стал одним из ведущих во время выборов в Малайзии в 2018 г., где пришедшая впервые за 60 лет к власти оппозиция активно использовала антикитайские лозунги. Задолженность Китаю по кредитам сыграла значительную роль в политической дестабилизации в Шри-Ланке 2022 г. Обостряется борьба за влияние между Китаем и союзниками Соединенных Штатов в островных государствах Тихого океана, в частности на Фиджи и Соломоновых островах. Территориальный спор с Китаем вызывает периодические антикитайские волнения во Вьетнаме, а его руководство проявляет заинтересованность в сотрудничестве со своим бывшим врагом – США. Остро стоит вопрос о китайском влиянии в Сингапуре, где около 70% населения – этнические китайцы. Сингапурские власти рутинно обвиняют Китай в попытках использовать этнических китайцев как агентов влияния. В 2017 г., после того как из страны был выслан американский профессор китайского происхождения Хуан Цзин, обвиненный в деятельности в качестве проводника влияния Пекина,

---

²⁷ National Security Strategy. October 2022. P. 24.

в стране завязалась дискуссия о необходимости бороться с китайскими попытками использования этнических китайцев в своих политических целях. Соединенные Штаты рассматриваются в этой борьбе как естественный союзник²⁸.

Что касается самого Китая, то США, в рамках концепции Байдена, с одной стороны, обвиняют его во всех смертных грехах и обещают заставить ответить за «геноцид и преступления против человечности в Синьцзяне, нарушения прав человека в Тибете, уничтожение автономии и свобод Гонконга», содействовать соседним государствам развивать свои армии для защиты от Китая и окружать Китай сетью новых и старых союзов, таких как Четырехсторонний диалог по безопасности (Австралия, Индия, Япония, США), AUKUS (Австралия, Великобритания, США), группа I2U2 (Индия, Израиль, ОАЕ, США). С другой – Вашингтон собирается вовлекать в сотрудничество любую страну, включая геополитических соперников (т.е., очевидно, и Китай), которые желают конструктивно работать²⁹.

К отдельным странам региона предполагается применять выборочный подход. В отношении союзников: Австралии, Японии, Южной Кореи, Филиппин и Таиланда вновь подтверждаются «железобетонные» обязательства и обещается модернизация союзов. В отношении Японии заявляется, что американские гарантии безопасности распространяются и на спорные с Китаем острова Сенкаку (китайское название «Дяоюй»). Индия объявляется крупнейшим партнером в области обороны, с ней предполагается развивать совместное видение ИТР. В отношении КНДР, единственным союзником которой является Китай, подтверждается курс на переговоры с целью ее полной денуклеаризации, а в отношении близкой к Китаю Мьянмы (в документе «Бирма») говорится лишь о стремлении восстановить «демократию»³⁰.

В «Стратегии» также упоминаются государства Центральной Азии, с которыми предполагается развивать сотрудничество в рам-

---

²⁸ LKY School Professor Huang Jing Banned, Has PR Cancelled, for Being Agent of Influence for Foreign Country // The Straits Times. 2017. August 4. URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/lky-school-professor-huang-jing-banned-has-pr-cancelled-for-being-agent-of-influence-for>; Wong K. Bilahari Kausikan: Huang Never Credibly Explained Why S'pore Took Action Against Him if He Was "Innocent" // Mothership. 2020. July 28. URL: <https://mothership.sg/2020/07/huang-jing-bilahari-kausikan/>.

²⁹ National Security Strategy. October 2022. P. 27.

³⁰ Ibid. P. 38.

ках дипломатической платформы C5+1 (пять государств Центральной Азии плюс США) по ряду направлений: адаптация к климату, региональная энергетическая и продовольственная безопасность, выход на глобальные рынки и даже региональная интеграция³¹. В данном регионе речь может идти о стремлении противодействовать прежде всего влиянию России. Однако с учетом увеличивающейся здесь роли Пекина и скоординированной российско-китайской деятельности в рамках процесса сопряжения ЕАЭС и «Одного пояса, одного пути» и ШОС, эти слова можно отнести и к КНР.

По тайваньскому вопросу «Стратегия» содержит уверения в приверженности ранее подписанным с КНР коммюнике и другим документам, а также в неприятии попыток подрвать статус-кво любой стороной. Утверждается также, что Вашингтон не поддерживает идею независимости Тайваня, но говорится о соблюдении обязательств по поддержке самообороны Тайваня и его способности противостоять любым силовым действиям и принуждению³².

Практика руководства Байдена показывает, однако, что вторые обязательства в его интерпретации полностью противоречат первым. Подписанные с КНР документы содержат ясное указание, что поставки вооружений США на Тайвань должны сокращаться, а отношения с его властями носить неофициальный характер. Между тем Соединенные Штаты и при Трампе, и при Байдене постоянно наращивают военные поставки на остров и повышают уровень официальных контактов с ним. Последним свидетельством стал визит на Тайвань третьего лица в национальном руководстве, спикера палаты представителей Конгресса Нэнси Пелоси в августе 2022 г., который никак нельзя отнести к неофициальным контактам.

Более того, именно Байден фактически изменил традиционную американскую политику «стратегической неопределенности», заключающуюся в отказе от прямого ответа на вопрос, будут ли Соединенные Штаты защищать Тайвань военными средствами в случае применения Пекином военной силы. Байден стал первым американским президентом со времен Никсона, который несколько раз довольно уверенно отвечал на этот вопрос утвердительно³³. Вероятно,

³¹ Ibid. P. 39.

³² Ibid. P. 24.

³³ Wang A.B. Biden Says U.S. Troops Would Defend Taiwan in Event of Attack by China // The Washington Post. 2022. September 18. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2022/09/18/biden-taiwan-military-china-attack/>

администрация считает, что такими средствами сдерживает желание Пекина применить военную силу для воссоединения. Однако есть вероятность, что они сыграют и провоцирующую роль, так как в КНР могут решить, что дело движется к объявлению островом формальной независимости, чего допустить ни один китайский лидер не может.

Выводы

Противоборство Китая и США в АТР, прежде всего в соседних с КНР странах, будет возрастать. Соединенные Штаты используют опасения многих соседей КНР относительно роста китайской мощи, которая, с их точки зрения, может привести к попыткам в новых условиях восстановить традиционную для Китая средневековую систему доминирования над соседями. Особенно широко такие опасения распространены в государствах с крупной китайской диаспорой, которая используется Пекином для укрепления своего влияния: Малайзии, Сингапуре, Индонезии, Вьетнаме и др. В результате эти и другие соседние государства часто рассматривают укрепление стратегического сотрудничества с США как реальный противовес китайскому вызову, даже несмотря на многочисленные противоречия с Вашингтоном.

Китай является наиболее важным и надежным стратегическим партнером России, однако и развитие отношений с другими государствами Азии, в том числе и с опасяющимися роста китайского влияния, также важно. В этих условиях России разумно применять дифференцированный подход. России нужно поддерживать политику Китая, однако эта поддержка не должна быть безусловной. Поддержку отдельных китайских позиций в Азии следует обусловить встречными действиями китайской стороны. В отношении наиболее близких к России государств, таких как КНДР или Мьянма, вполне возможен полностью единый подход с китайской стороной, как это проявляется в совместной позиции по ядерной проблеме Корейского полуострова. В странах, развивающих связи с США для противовеса китайскому влиянию (Вьетнам, Монголия, Филиппины, Индонезия, в какой-то степени Сингапур и Южная Корея), возможна более гибкая линия. Обычно там интерес к Соединенным Штатам проявляется в основном, чтобы добиться гарантий безопасности и получить альтернативный Китаю источник инвестиций. Россия могла бы предлагать собственное содействие в решении данных проблем

для балансирования влияния как Китая, так и США, хотя, конечно, ее ресурсы довольно ограничены.

Особый подход необходим по отношению к Индии, превращающейся в условиях антироссийских санкций в важнейшего партнера. Индия по собственным причинам крайне недовольна стремлением Вашингтона и его союзников к мировой гегемонии, традиционно дружелюбно настроена к России, однако имеет напряженные отношения с Китаем. Она также укрепляет влияние в мире, и концепция Индо-Тихоокеанского региона является важным элементом этого укрепления. Нью-Дели интерпретирует эту концепцию не так, как Соединенные Штаты и их союзники, официально отвергая антикитайскую и тем более антироссийскую направленность. Полное отрицание такой концепции Россией в Индии воспринимают с непониманием. Более продуктивным было бы не бороться с концепцией, которая уже стала частью мирового дискурса и принята не только в Индии, но и в государствах ЮВА, но стараться наполнить ее выгодным для России содержанием, снимая антикитайские моменты и подчеркивая роль Индии, Китая и других российских партнеров в регионе. Такой подход вызвал бы в Нью-Дели большее понимание.

В Центральной Азии необходима скоординированная политика с Китаем для купирования растущего влияния США и их союзников. Рост экономического влияния Китая неизбежен, противодействовать ему бессмысленно. К тому же оно более приемлемо для России, чем американское или европейское влияние. В рамках общей координации Россия могла бы делать упор на обеспечение безопасности, где у нее больше возможностей (это показали события в Казахстане в январе 2022 г.), не пренебрегая, конечно, и развитием торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества с государствами ЦА. Наконец, в отношении союзников Соединенных Штатов, полностью разделяющих их враждебную антироссийскую позицию (например, Японии), можно проводить более жесткую линию и поддерживать все претензии Китая к ним.

США и Китай: идти или жевать жвачку?

Опубликовано в изд.: Независимая газета. Дипкурьер. 27.11.2022.

URL: https://www.ng.ru/courier/2022-11-27/10_8600_china.html

Соперничество между США и Китаем – двумя лидерами мировой экономики и политики – вызывает закономерный интерес и беспокойство в современном мире. Говоря о причинах этого соперничества, необходимо понимать принципиальные различия в подходе Вашингтона и Пекина к мировой ситуации. После распада СССР США почувствовали себя единственным мировым лидером, забыв о том, что многие, в том числе и американские эксперты, еще за несколько десятилетий до этого писали о росте новых центров силы. С крушением главного соперника США этот процесс не прекратился. Пока США пребывали в эйфории от «однополярного момента» и рассуждали о «конце истории», Китай, Индия, Бразилия и некоторые другие крупные мировые игроки продолжили расти и укрепляться. Сегодня в условиях резкого снижения объективных основ своего влияния (например, постоянно снижающейся доли США в мировом ВВП), Вашингтон продолжает вести себя, как в 1990-е годы, пытаясь остановить прекрасное мгновение и доказать себе, своим союзникам и всем остальным, что старый лев все еще готов к прыжку и способен быть вожаком стаи. Идеологическим обоснованием этой политики стала теория о том, что именно лидерство (т.е. доминирование) США в мировой системе обеспечивает ее нормальное функционирование, в случае же его подрыва все в мире пойдет по неверному пути.

В предисловии к появившейся в середине октября этого года новой «Стратегии национальной безопасности США» президент Дж. Байден так выразил эту мысль: «Во всем мире потребность в американском лидерстве столь же высока, как и всегда. Мы находимся в ситуации стратегической конкуренции за формирование будущего миропорядка... Отвечая на этот вызов, США будут лиди-

ровать, опираясь на наши ценности, работать рука об руку с нашими союзниками и партнерами и со всеми, кто разделяет наши интересы. Мы не оставим будущее уязвимым для прихотей тех, кто не разделяет наше видение мира как свободного, открытого, процветающего и безопасного». Из этих и подобных рассуждений, в которых безопасность, интересы и ценности переплетены в единое целое, ясно следует, что появление в мире любого крупного игрока, не разделяющего американских интересов и видения мира, воспринимается как подрыв безопасности США, даже если он и не подрывает ее традиционными, скажем, военными, средствами.

Китай в последние годы, очевидно, вышел на первую роль как такая угроза. Именно поэтому его воспринимают в США как главного стратегического соперника, который, по словам той же «Стратегии», «таит намерение и во все большей степени обладает потенциалом переформатировать международный порядок в таком направлении, чтобы он способствовал сдвигу на мировой арене к его выгоде».

Естественно, этим якобы имеющимся у Китая затаенным стремлением необходимо давать отпор. Политика отпора началась еще при Д. Трампе, развязавшим против Пекина торговую войну. Идеологическим объяснением этого поворота послужила широко распространенная в США «теория обмана», согласно которой начавшее сотрудничество с коммунистическим Китаем еще в 1970-е годы, в Вашингтоне исходило из надежды, что выгоды от этого сотрудничества заставят Китай измениться, вестернизировать свое общество и сделать внешнюю политику более приемлемой для США. Китайские же коммунисты вместо этого использовали эти выгоды для укрепления своей страны, но не только не стали двигаться в сторону США, а наоборот, вооружившись гораздо более мощной экономикой, сделались еще более самостоятельными. Конечно, надежды эти были во многом иллюзорными, так как Пекин американцам ничего подобного не обещал, а напротив, всегда подчеркивал незыблемость своей самостоятельности и власти КПК. Однако в США отказывались верить в пессимистический для себя сценарий. Ведь согласно американской идеологии, все страны рано или поздно должны прийти к западной политической модели и смириться с американской гегемонией в мире: в этом, собственно, и состоит движение мира вперед по дороге прогресса.

В целом Дж. Байден продолжил курс Д. Трампа, однако относительно некоторых его нюансов в США идет дискуссия. Сам президент-демократ выступает за принцип, который он как-то сформули-

ровал в словах «идти и жевать жвачку одновременно», т.е. параллельно сдерживать Пекин, чтобы он не смог составить конкуренцию лидерству США в мире, но в то же время сотрудничать по ряду вопросов, которые без него Вашингтону трудно решить. Согласно отчету Белого дома, Байден открыто говорил об этом Си Цзиньпину во время встречи с ним на Бали 14 ноября. Байден объяснил китайскому лидеру, что Вашингтон собирается решительно конкурировать с Пекином, укрепляя как собственную мощь, так и сотрудничая с союзниками и партнерами по всему миру (т.е., фактически, окружая Китай жестким кольцом сдерживания), но при этом не доводя дело до конфликта. Американский президент предложил также общими усилиями «ответственно управлять конкуренцией» и «сохранять открытые линии коммуникации». Среди направлений, по которым можно было бы вести переговоры, Байден отметил изменение климата, глобальную макроэкономическую стабильность, включая проблемы долга развивающихся стран, здравоохранение и глобальную продовольственную безопасность.

Китайский подход к отношениям с США несколько иной. Пекин не борется с Вашингтоном или кем-то еще, по крайней мере, не ставит такой цели, но последовательно проводит политику собственного экономического развития и укрепления влияния в международных делах. В выступлении Си Цзиньпина на недавно прошедшем XX съезде КПК поставлена задача к середине нынешнего века превратить Китай «в ведущую модернизированную социалистическую державу по совокупной национальной мощи и международному влиянию». Однако конкретные страны, в том числе и США, в нем вообще не упоминаются, как бы создавая впечатление, что задача внутреннего развития страны никак не связана со стремлением потеснить кого-то другого на международной арене. Исходя из этих целей на встрече в Бали Си Цзиньпин выступил с совершенно другим видением двусторонних отношений. «Отношения между Китаем и США – это не игра с нулевой суммой, в которой результат – или поражение и победа, или подъем и падение», – заявил китайский лидер. – «Успех одной страны означает не столько вызовы другой стране, сколько возможности. Просторы мира достаточно велики для собственного развития Китая и США, а также для их совместного процветания».

Согласно официальному китайскому отчету о встрече на Бали, Си Цзиньпин совершенно ясно подчеркнул, что Китай никогда не претендовал на изменение действующего миропорядка, не вмешивается

во внутренние дела США, не собирается бросать им вызов и тем более заменить их в роли мирового лидера. В то же время китайский руководитель дал понять, что и от Вашингтона ожидает подобного подхода, придавая большое значение неоднократным заверениям Байдена в том, что тот не стремится спровоцировать «новую холодную войну», изменить политическое устройство Китая, укреплять против него союзы Китая, поддерживать «независимость Тайваня» или начинать прямой конфликт с Китаем.

Эти заверения США, однако мало чего стоят. Даже весьма ограниченные попытки Байдена хотя бы о чем-то договариваться с Пекином встречают резкую критику в Вашингтоне, в том числе в его собственной партии. Характерна здесь появившаяся 15 октября в газете «Вашингтон пост», которая принадлежит одному из богатейших людей США и крупнейшему донору демпартии Дж. Безосу и отражает мнение ее радикально-либеральных кругов, редакционная статья. В ней содержится резкая критика китайской политики Байдена и всего курса на привлечение Китая к сотрудничеству. Авторы утверждают: «Через полвека после открытия [США] для Китая президентом Ричардом М. Никсоном, две декады после того, как президент Б. Клинтон при поддержке обеих партий провел для него в Конгрессе статус наибольшего благоприятствования в торговле, очевидно, что США не могут направлять подъем Китая так, чтобы он сочетался с американскими стратегическими интересами, и еще в меньшей степени – гармонировал с международным порядком, основанным на правилах, на что надеялись многие западные архитекторы усилий по его вовлечению из правительственных, корпоративных, научных и интеллектуальных кругов». Приветствуя жесткую часть китайского курса Байдена, они подвергают критике призыв его «Стратегии» «работать вместе на благо нашего народа и всего мира» по проблемам климата и пандемий, и заявляют: «Мы надеемся на то, что это правда, но опасаемся, что это не так». Двойственный курс они предлагают сменить на неограниченное давление, так как, по мнению авторов, укрепление авторитарной власти Си Цзиньпина и ограничение им рыночных механизмов в экономике приведут к спаду и социальному кризису, а жесткая линия США этот кризис усилит и все же заставит Китай сменить свой курс на более проамериканский.

Позиция республиканцев по Китаю также не является последовательной, но их наиболее влиятельный лидер Д. Трамп все резче критикует администрацию Байдена за якобы прокитайский курс, а его семью – за коррупционные связи с китайскими компаниями,

и утверждает, что в годы его президентства Пекин не позволял себе столь откровенно антиамериканской политики.

В создавшихся условиях отношения США и Китая будущем не могут не быть сложными и комплексными. С одной стороны, у обеих сторон сохраняется понимание необходимости ограниченного сотрудничества. С другой, США не желает во имя этого сотрудничества ни свертывать резкой критики Китая по чувствительным для него вопросам (права человека, ситуация в Гонконге и Синьцзяне, Южно-Китайское море), ни отказываться от явно провокационного подхода к Тайваню, куда открыто стали ездить высшие американские чиновники (чего США обещали не делать в многочисленных подписанных с Китаем документах), ни смягчать свой курс на его стратегическое сдерживание. Пекину все это вряд ли понравится, и он продолжит резко отвечать на критику и принимать собственные встречные меры в области безопасности. Поэтому в будущем, если какие-то договоренности и возможны, то лишь временные и по очень ограниченному кругу проблем, будь то глобального характера или двусторонней торговли. В то же время периоды временного смягчения, как и прежде, будут сменяться охлаждением, а общая напряженность в случае продолжения укрепления Пекином своих позиций в целом будет только нарастать.

Американо-китайский конфликт в свете истории международных отношений

Опубликовано в журн.: Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66.
№ 1. С. 16–27

Конфронтация США и Китая и ее оценки

Американо-китайская конфронтация выходит сегодня в центр мировой политики. Естественно, ее пытаются осмыслить с точки зрения различных теорий политики и международных отношений. Доминирующий подход в самих США исходит из того, что Китай подрывает международную систему, которая частично сложилась после Второй мировой войны и окончательно – после распада СССР. Тогда безусловным мировым гегемоном стали Соединенные Штаты, считающиеся на политическом Западе гарантом этой системы. С такой точки зрения нынешняя конфронтация представляет собой борьбу правовой и, следовательно, справедливой системы с продвигаемым Китаем новым мироустройством, основанном на «непрозрачности», «недемократичности» и «несправедливости». Из данного положения делается практический вывод о необходимости всемерного сдерживания Китая. Он подкрепляется концепцией «обмана», на который якобы пошло китайское руководство, нарушившее некий заключенный с ним негласный контракт. Суть последнего состоит в том, что США и их западные союзники способствовали подключению Китая к международной системе торговли, его присоединению на льготных условиях к различным международным организациям и тем содействовали его экономическому росту, а Пекин в ответ должен был вписаться в эту систему на американских условиях и занимать в ней отведенное ему место, не покушаясь на гегемонию Вашингтона.

Такое обоснование необходимости сдерживания Китая зиждется на общетеоретическом и философском видении идеологами США всеобщей истории, согласно которому все страны рано или поздно придут к западным общественным, политическим и экономическим формам («демократии», «рыночной экономике», «правовому государству» и т.п.). Если же какая-то страна отказывается это делать, то

необходимо ограничивать рост ее мощи, чтобы она не задерживала неизбежный исторический процесс, не мешала другим странам идти по единому для всех пути, получила время и стимулы для собственного исправления (чему может способствовать и смена ее руководства, преемники которого начнут проводить исторически верный курс).

Основа такого рода внешнеполитических подходов – более фундаментальные, хотя и поверхностно трактуемые теории. Одна из них – упрощенная версия теории модернизации, согласно которой развитие, базирующееся на экономике свободного рынка, неизбежно ведет к созданию среднего класса, а тот на определенном этапе начинает требовать политических прав, что в свою очередь непременно ведет к «демократизации», т.е. принятию западной политической модели¹.

Таким образом западоцентричная модель исторического развития превращается во всемирный закон. Другая концептуальная схема – столь же упрощенно трактуемая теория демократического мира – гласит, что «демократические» государства не враждуют и не воюют друг с другом, соответственно, не будут посягать и на гегемонию Вашингтона, так как только она может обеспечить гармоничный мировой порядок и «нормальный» ход истории².

Описанный выше подход к американо-китайской конфронтации определяет политику Вашингтона и его союзников, но не является единственным на Западе. Он характерен для исследователей и идеологов, работающих в парадигме американского империалистического мессианства и основанных на нем либеральных и неолиберальных теорий международных отношений. Некоторые специалисты по международной политике, пишущие в традиции политического реализма (Г. Киссинджер, Э. Вогель, Г. Эллисон), рассуждают по-другому. Не подвергая сомнению общие западные стандарты представлений о ходе истории, они отмечают необходимость учета реальностей современного мира, прежде всего растущего влияния Китая, и выступают за более осторожную политику, а фактически – за продол-

---

¹ Lipset S.M. *Political Man: The Social Basis of Politics*. Garden City, NY: Anchor Books, 1963. P. 41; Diamond L., Linz J.J., Lipset S.M. (eds). *Democracy in Developing Countries: Latin America*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1989. P. 44–46.

² Doyle M.W. *Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs* // *Philosophy and Public Affairs*. 1983. Vol. 12. No. 3. P. 205–235; Idem. *Liberalism and World Politics* // *American Political Science Review*. 1986. Vol. 80. No. 4. P. 1151–1169.

жение прежнего курса на подключение (*engagement*) Пекина к международной системе³. С их точки зрения, логика исторического развития все равно приведет Китай к демократизации, а резкая конфронтация со столь мощной и гордой страной может закончиться катастрофой. Наиболее ярко идею разрушительных последствий жесткой политики выразил Г. Эллисон в своей теории «ловушки Фукидида», согласно которой нынешняя конфронтация является естественным следствием возвышения нового мирового гегемона, стремящегося сменить старого, а в большинстве случаев в мировой истории такое возвышение заканчивалось войной (что и отмечал еще древнегреческий историк Фукидид применительно к конфликту Афин и Спарты). Во избежание такого сценария в условиях наличия у конфликтующих сторон ядерного оружия необходимы новые механизмы ухода от конфронтации⁴.

В Китае есть свои объяснения нынешнего противостояния. По общему мнению, США пытаются незаконно удержать место мирового гегемона, и хотя Китай не претендует на этот статус, ему должна быть предоставлена более значительная роль в мировой политике, соответствующая его великой истории и нынешней мощи. Кроме того, такая роль должна быть предоставлена не только КНР, но и всем крупным государствам соответственно их значению. Таковую иерархическую по сути систему в Китае и называют многополярным миром. Она противопоставляется «международной системе, основанной на правилах», которая с точки зрения Пекина означает равенство всех в подчинении США. В рамках этой парадигмы тоже существуют два основных подхода. Первый из них исходит из убеждения в том, что неизбежность глобализации, объективное снижение экономической роли США в мире, их экономические интересы и потенциальные потери от конфронтации должны побудить Вашингтон конструктивно отнестись к китайскому подъему, в мирном характере которого его можно будет убедить. На это убеждение и были до недавнего времени направлены многочисленные китайские кон-

---

³ Kissinger H. On China. New York: Penguin Books, 2011; Pastreich E. Interview: Ezra Vogel: Ezra Vogel on Managing Relations in Northeast Asia // The Diplomat. 2015. September 29. URL: <https://thediplomat.com/2015/09/interview-ezra-vogel/>; Allison G., Hu F. An Unsentimental China Policy: The Case for Putting Vital Interests First // Foreign Affairs. 2021. February 18. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-02-18/unsentimental-china-policy>

⁴ Allison G. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.

цепции «мирного подъема», «гармоничного развития», «гармоничного мира» и т.п. Этот подход был доминирующим до прихода к власти в 2012 г. Си Цзиньпина и в первые годы его правления. Вера в неспособность или нежелание Вашингтона начать активное сдерживание была настолько прочной, что Си Цзиньпин счел возможным отказаться от подчеркнуто «скромного» подхода предыдущего руководства к внешней политике, основанного на выдвинутом еще Дэн Сяопином принципе *таогуан янхуэй* («скрывать свои возможности и держаться в тени»). Вместо этого он перешел к формулированию и осуществлению масштабных программ типа «Один пояс, один путь», «Сделано в Китае 2025», к реализации «китайской мечты» по созданию великой державы, а также активной внешней политике и напористому, переходящему в грубость, внешнеполитическому стилю, получившему название «дипломатия боевых волков». При этом для США был предложен формат «нового типа отношений между крупными державами», предполагавший смену гегемонии на согласованную с Китаем политику соблюдения взаимных интересов⁵.

Не желающий уступать единоличное лидерство Вашингтон отверг этот формат. Можно спорить о том, насколько именно активность нового китайского руководства напугала США и ускорила начало жесткого сдерживания, но очевидно, что действия Соединенных Штатов стали для Пекина неожиданными и вызвали серьезное замешательство. От сторонников прежней линии слышалась умеренная критика нового курса, однако в конце концов государство поддержало точку зрения приверженцев напористого подхода к отношениям с заокеанским партнером, утверждающих, что конфронтация была неизбежна и нужно принимать меры по адаптации к ней. Тем не менее более умеренная линия не снята с повестки дня и в случае краха жесткого курса и серьезных проблем в экономике еще может выйти на поверхность⁶.

В третьих странах, не союзных ни США, ни Китаю, американо-китайскую конфронтацию склонны рассматривать через призму реальной политики как борьбу за мировое господство традиционного

---

⁵ Денисов И.Е. Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине // Международная жизнь. 2015. № 5. С. 40–54; его же. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. № 5. С. 83–98.

⁶ Лукин А.В. Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 71–89.

гегемона и нового центра силы и часто чувствуют дискомфорт из-за необходимости выбирать между ними.

Глобализация не ведет к политическому единству

На наш взгляд, уязвимость всех изложенных выше подходов к анализу причин американо-китайской конфронтации обусловлена их узостью: все они подразумевают исключительно близкую перспективу. Мы попытаемся подойти к проблеме на основе более широкого исторического взгляда, который позволяет считать, что широкое распространение единых культурных норм, характеризующее процесс глобализации, далеко не является особенностью современного мира. История знает многочисленные подобные примеры. Однако такого рода процессы никогда не вели к длительным периодам политического единства. С этой точки зрения нынешний вызов, брошенный Китаем США, можно рассматривать как естественное движение к политическому распаду единой в цивилизационном отношении мировой системы, созданной глобализацией.

Современный миропорядок неодинаково описывается с позиций тех или иных концепций. Сторонники разных политических взглядов говорят о либеральном миропорядке, подрываемом государствами-«ревизионистами», о складывающемся многополярном или новом биполярном мире с США и Китаем в качестве центров, о мире, раздираемом «столкновением цивилизаций», или о мире постзападном, в котором возрастание влияния незападных государств является объективной и неизбежной тенденцией.

По нашему мнению, современный мир следует описывать, исходя из его *вестернистического* характера. Для этого уместно ввести термины «вестернизм» и «вестернистический период» – по аналогии с понятиями «эллизм» и «эллинистический период», предложенными в XIX в. И.Г. Дройзеном для обозначения культурной тенденции – распространения греческой цивилизации на негреческий мир после завоеваний Александра Македонского – и соответствующего временного отрезка⁷.

В термине «вестернизм» выражается идея о том, что процесс, сегодня называемый глобализацией – распространение в мире неких общих стандартов социально-экономической и политической организации, институтов, норм коммуникации и ценностей, протекал и протекает в виде вестернизации – широкого укоренения во всех

⁷ Droysen J.G. Geschichte des Hellenismus. Hamburg: F. Perthes, 1836–1843.

регионах определенных форм западной, изначально – европейской христианской цивилизации. В какой-то мере сходны и политические, и культурные результаты эллинизации и вестернизации. В истории можно найти и много других примеров подобного распространения культуры одного из цивилизационных центров на обширные географические ареалы, приведшие к сходным политическим результатам. Примечательно и то обстоятельство, что в таких процессах немаловажную роль играл фактор военной силы.

Всемирная история знает несколько попыток объединения известного на тот момент мира – региональной ойкумены – путем его завоевания как представителями западной, так и других цивилизаций. Походы Александра Македонского были одной из первых таких попыток, и достаточно успешной. Выделим несколько характерных черт цивилизационной экспансии, связанной с его кампаниями и другими подобными военными акциями.

1. Причина успешного распространения цивилизации – военное превосходство, основанное на определенной общественной организации и технологиях⁸. При этом общий цивилизационный и технологический уровень завоевателя не обязательно выше, чем у завоеванных народов.

2. Завоевателем оказывается политическое образование, развившееся на периферии ареала, контролируемого предшествующим гегемоном, который находится в состоянии кризиса.

3. Посредством завоевания расширяется ареал тех культурно-цивилизационных форм, которые первоначально сформировались на небольшой периферийной территории ойкумены, однако по мере захвата центров новых устойчивых культур эти формы подвергаются индигенизации.

4. Распространение единых культурно-цивилизационных стандартов трактуется в категориях некоторой идеологии, которая оправдывает доминирование таких стандартов как наилучших, естественных для человеческого общества и даже единственно возможных для «истинной» цивилизации.

5. Культурное единство ареала, возникающее в результате адаптации и укоренения относительно единых культурно-цивилизационных форм, не ведет к его политическому единству. Напротив, со

---

⁸ В настоящее время несколько исследователей международных отношений разрабатывают тему ключевой роли военных технологий и военной мощи в их эволюции (Б. Бузан, С. Караганов), однако этот фактор необходимо поставить в более широкий исторический контекст.

временем этот ареал распадается на отдельные политические образования, конкурирующие между собой.

6. Индигенизация пришлых норм, принципов и институтов приводит к возвышению на периферии нового динамичного политического образования, которое становится гегемоном.

Рассмотрим эти положения на нескольких примерах.

До македонского завоевания греческая цивилизация существовала более 1,5 тыс. лет и распространила свои культурные формы на значительные территории Южной Европы. Однако представления древних греков не предусматривали политического объединения этих территорий. Такое объединение совершила усилившаяся на периферии эллинского ареала Македония, впитавшая греческие культурные формы, которые, однако, подверглись там определенным изменениям в соответствии с македонскими политическими представлениями, в том числе о необходимости единого государства под монархической властью. Завоевания Александра Македонского распространили македонско-греческие культурные формы почти на весь известный тогда в Греции мир и на их основе создали единое государство. Орудием распространения послужило военное превосходство, манифестацией которого стали македонская фаланга и широкое применение осадных и метательных машин.

Об идеологическом обосновании завоеваний Александра известно немного, но принято считать, что им двигало желание покорить весь известный мир и сознание собственного божественного происхождения. Поначалу для обоснования своих целей он, возможно, использовал общегреческое стремление «наказать» персов за их предшествующие преступления против греков. Каких-либо сведений о его сознательном намерении распространять эллинскую культуру не имеется, и даже напротив, он говорил о необходимости синтеза культур⁹. Однако греческая культура распространялась вместе с греческим языком и его носителями, становившимися правителями обширных территорий и считавшими привычные цивилизационные формы естественными. Распространение последних сопровождалось их значительной индигенизацией, благодаря чему сложилась в чем-то единая, а в чем-то имеющая локальные различия культура эллинизма, затрагивавшая политику, экономику, военное дело, искусство и религию.

---

⁹ Brunt P.A. *Aims of Alexander* // *Greece and Rome*. 1965. Vol. 12. No. 2. P. 205–215; Schachermeyr F. *Alexander der Grosse. Das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens*. Wien: Osterreichischen Akademie Der Wissenschaften, 1973. P. 138–141.

Однако этот пример культурного процесса, во многом аналогичный глобализации, пусть затрагивавший и не весь мир, но одну из региональных ойкумен, не привел к политическому единству. После смерти Александра его государство распалось, и его части стали враждовать друг с другом. Говоря современным языком, «однополярный момент»¹⁰ продолжался недолго, и мир (точнее, его эллинистический сегмент) вновь перешел к многополярности.

Многополярная эллинистическая система просуществовала около двух веков, после чего большая часть эллинистического ареала была завоевана возвысившимся на его периферии Римом, в культуре которого соединились эллинистические и местные элементы. Орудием экспансии опять была передовая армия: новые виды вооружений (короткий меч, метательное копье и др.), а также тактика (маневры, организация лагерей и т.д.). Не меньшее значение имели общественная и экономическая системы, делавшие возможным существование мощных вооруженных сил. Римская идеология целенаправленно делала упор на необходимость распространения собственных общественных и культурных форм (республиканской, а позднее, императорской власти, освященной богами, систему законодательства и государственного управления и т.п.), которые несли «истинную» цивилизацию «варварам».

Риму не удалось захватить весь известный ему мир, но ему на основе римской версии глобализации удавалось сохранять единое, наиболее мощное в той ойкумене государство и однополярную систему международных отношений приблизительно в течение пяти веков. Однако затем единая империя распалась сначала на Западную и Восточную в конце IV в., а впоследствии первая из них, пришедшая в упадок, была поглощена проживавшими на ее периферии племенами, отчасти в той или иной степени латинизированными. В результате на ее территории возникло несколько государств, воспринявших некоторые ее институты, элементы культурного наследия и системы ценностей (например, христианскую церковь, использовавшую латинский язык, значительную часть философии и литературы) и частично изменивших их в соответствии с местными представлениями и традициями. Сохранилась и сама идея некоего культурного и духовного единства, предвосхищающая концепцию европейского единства, и представление о необходимости в той или иной форме его восстановить. В политическом смысле ойкумена вновь вернулась к многополярности.

¹⁰ Термин «однополярный момент» введен Ч. Краутхаммером в 1990 г.

Если посмотреть на другие части мира, существовавшие относительно независимо, то, несмотря на всю их уникальность, и там мы встретим много похожего. В Китае, например, в VIII в. до н.э. единое государство Чжоу распалось, после чего регион вступил в длительный период раздробленности. Однако в III в. до н.э. на его периферии возвысилось государство Цинь, которое в конце столетия объединило весь ареал под своей властью. Идеологией объединения стало учение о жесткой централизованной власти, основанной на формализованном писаном законе, которое в западной науке получило название «легизм» (кит. *Фацзя* – «школа закона»). Однако через полтора десятилетия единое государство распалось и после периода междоусобной войны и крестьянских восстаний вновь объединилось под властью династии Хань.

На протяжении многовековой китайской истории таких примеров смены периодов раздробленности и государственного единства было довольно много, причем часто периферийное политическое образование, смешавшее китайские культурные традиции со своими собственными, захватывало значительную часть или даже весь ареал китайской культуры. В XII в. его северную часть захватило чжурчжэньское государство Цзинь (самоназвание Анчун Гурун), а на Юге правила китайская династия Сун (Южная Сун)¹¹. В XIII в. весь Китай был захвачен монголами, которые также частично китаизировались на уровне государственных институтов и основали новую династию Юань. Через столетие в результате восстания монгольская династия была свергнута, на ее место пришло единое китайское государство Мин. Однако в 1644 г. Китай захватили наследники чжурчжэней – маньчжуры, до того основавшие на периферии ареала китайской культуры династию Цин, ставшую таким образом правящей в Китае. Высокий уровень ее китаизации можно оценить по хорошо сохранившимся в г. Шэньяне (по-маньчжурски Мукден) на Северо-Востоке Китая постройкам и музейным комплексам столицы маньчжурского государства, существовавшей здесь до завоевания Китая. Естественно, общий уровень развития культуры, науки и общественной организации у чжурчжэней, монголов и маньчжуров был ниже китайского, однако дело решило преимущество военное, прежде всего значительная мобильность и ударная сила конницы кочевых и полукочевых народов.

---

¹¹ Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун, 1127–1142. М.: Наука, 1986.

В дальнейшем Китай еще несколько раз был близок к распаду. В середине XIX в. значительная часть страны оказалась под властью движения тайпинов, идеологией которого было причудливое соединение христианства и традиционных китайских верований, однако его удалось подавить. В первой половине XX в., после свержения в 1911 г. маньчжурской монархии и образования республики, страна фактически распалась на несколько регионов, контролировавшихся местными военными лидерами. На роль нового объединителя претендовало китайское правительство, в 1928 г. сформированное партией Гоминьдан и признанное практически всеми регионами страны, но его планы были сорваны японской агрессией. В конце 30-х – начале 40-х годов Китай и всю восточную часть Азиатского континента пыталась объединить возвысившаяся на ее периферии Япония, выдвинувшая для оправдания своих планов концепцию «Великой восточноазиатской сферы сопроцветания». Однако и эта попытка не удалась. Окончательно объединить Китай смогли лишь китайские коммунисты, идеологией которых служила довольно запутанная смесь переработанного в СССР европейского марксизма и китайских идеологических традиций. Кстати, база для их наступления в 1935–1947 гг. находилась в Яньани провинции Шэньси, неподалеку от тех мест, из которых захват ареала протокитайской и древнекитайской культуры начинали династии Чжоу и Цинь.

Если считать ареалом китайской (синоиероглифической) культуры весь регион ее распространения, включая Корею, Японию, Вьетнам и ряд других территорий, где использовалась китайская письменность и которые в то или иное время находились в политической зависимости от китайских династий, то можно утверждать, что, как и в случае с Европой, ни одно мощное государство никогда не контролировало его полностью. В разные исторические периоды значительные его части находились под властью государств, которые образовывались не только китайцами, но и другими народами. Эти государства руководствовались различными идеологическими установками, которые в той или иной степени были результатом смешения китайской и некитайских духовных культур: от китаизированного буддизма до ислама и марксизма. Периоды гегемонии одного государства (однополярности) здесь, как и в Европе, сменялись периодами раздробленности (многополярности). При этом идея некоего культурного и политического единства сохранялась в том или ином виде на протяжении всей истории, а главным средством объединения служила военная сила, являвшаяся результатом технологи-

ческого прогресса и более эффективной (с точки зрения возможностей силовой политики) социальной и военной организации.

Таким образом, понятие «вестернизм» можно соотнести не только с распространением греческой культуры в период эллинизма, но и с процессами и тенденциями, имевшими место в ряде других культурных ареалов: «китайский мир» (*Sinic Zone*, или *sinosphere*)¹², «Большая Индия» (*Greater India*)¹³, «арабский мир» (*the Arab World*)¹⁴ и др.

Особенность вестернизма – в его глобальности, но не формах распространения

Примеры европейского и китайского культурных ареалов, возможно, наиболее показательны, но вряд ли уникальны. Случаи смены периодов объединения и раздробленности и сходные механизмы их возникновения можно, конечно, найти и в истории других культурно-цивилизационных ареалов – индийского, исламского, евразийского. Например, в IV в. до н.э. Чандрагупта объединил большую часть индийского ареала под властью империи Маурьев, начав наступление из отдаленного в то время Пенджаба. Российская империя, да и современное российское государство являются во многом следствием объединения «Русской земли», т.е. восточнославянского ареала, раздробленного после распада Киевской Руси, под властью первоначально окраинного Московского княжества. Гегемония США в западном мире возникла в результате возвышения бывших британских колоний в Америке, поначалу весьма периферийных территорий по отношению к европейской цивилизации. Однако нынешний период, который определяется нами как вестернистический, отличен от всех предыдущих тем, что на определенном этапе вестернизм как культурная, политическая и социально-экономическая тенденция охватил весь мир и стал основой глобализации в буквальном смысле этого слова как процесса, определяющего стандарты коммуникации для всего земного шара. Это процесс стал результатом

---

¹² Fairbank J.K. (ed.). *The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1968. P. 2.

¹³ Majumdar R.C. *Greater India*. 2nd ed. Bombay: National Information and Publications, 1948; Quaritch Wales H.G. *The Making of Greater India: A Study in South-East Asian Culture Change*. London: Bernard Quaritch, 1951.

¹⁴ Mansfield P. *The Arab World: A Comprehensive History*. New York: Crowell, 1976.

глобального распространения культурно-цивилизационных форм европейской цивилизации.

Конечно, вопрос о соотношении распространения культурных форм и уровня индигенизации и, следовательно, о том, распространение каких именно культурных форм и до какой глубины дает право записать ту или иную конкретную территорию в общий ареал распространения определенной цивилизации, всегда будет предметом дискуссий. Однако само наличие концепций западного, китайского, индийского и арабского ареалов говорит о том, что для их выдвигания есть основания, независимо от конкретных географических границ, которые для каждого периода могут быть установлены лишь эмпирическими исследованиями. Для нас важны следующие обстоятельства. Во-первых, все перечисленные ареалы содержат значительные элементы культуры доминирующей цивилизации в политической структуре, экономической системе, философии, литературе, письменности, религии, образовании и т.д. Во-вторых, все ареалы включают в себя как центральную часть, находившуюся под прямым политическим контролем государства-гегемона, так и автономные или независимые территории, принявшие чужую культуру добровольно. В-третьих, в то время как военная сила гегемона неизменно играла значительную роль, распространение его культуры не всегда было связано с прямыми силовыми захватами. В случае с Македонией, Римом или Арабским халифатом они играли ведущую роль, в случае с Китаем – значительную, но не определяющую, а в случае с Индией – почти никакой.

С учетом этих обстоятельств, сегодня вполне можно говорить о сложившемся *едином глобальном вестернистическом ареале*, в котором государством-гегемоном безусловно являются США. Однако эту гегемонию они осуществляют вместе с относительно автономными союзниками, и распространяется она на многие независимые части, которые принимают элементы западной цивилизации добровольно, либо считая их привлекательными идеологически, либо по необходимости (например, для целей военного или экономического развития).

Мысль о единстве цивилизованной Европы и ее превосходстве над остальным миром в тех или иных формах существовала на континенте с самого зарождения здесь цивилизации. Ее истоки – в концепциях эллинского единства и противостояния греческой культуры «варварской», затем в идее единого мира под властью Рима, которая после распространения христианства тесно сплелась с представле-

ниями о новой вере как о единственно истинной. После падения Рима тот же идейный комплекс реализовался в попытках его политического возрождения сначала под властью Византии, а затем – в рамках Священной Римской империи. Задача восстановления власти над территориями, утраченными христианским миром в результате арабских и турецких завоеваний (прежде всего, Святой Землей), легла в фундамент идеологического обоснования Крестовых походов, реконкисты на Иберийском полуострове и многовековых войн с Османской империей.

Однако до промышленного переворота и эпохи географических открытий планы глобального доминирования Запада не могли быть осуществлены, так как не имели под собой экономического и военного фундамента. Развитие капитализма, основанное на новых технологиях, создало новые военные возможности, благодаря которым идея превосходства западной цивилизации, ее ценностей и представлений получила возможность практической реализации. Было выработано и соответствующее идеологическое обоснование, выражавшееся в своеобразном замкнутом круге. С одной стороны, коль скоро мы, европейцы, сильнее, то наша культура выше, поскольку именно она создала социальные, экономические, религиозные, интеллектуальные и прочие условия нашего военного превосходства. С другой стороны, раз наша культура выше, то мы имеем право ее распространять и даже навязывать силой другим народам, так как приобщаем их к этой культуре и тем самым несем им прогресс.

В разных вариантах эта теория прогресса, существующего только на Западе или, по крайней мере, осуществляющегося там со значительным опережением, доминирует на самом Западе со времен эпохи Просвещения. А по мере распространения западных культурных форм по всему миру она стала преобладать практически повсюду. Различными ее воплощениями были теория колониализма, прославлявшая цивилизаторскую миссию Запада среди «отсталых» народов других континентов, марксизм, считавший Запад наиболее развитой частью мира и потому более близким к коммунистическому общественному идеалу, нацизм, понимавший западную цивилизацию в расистском ключе и привязывавший «высшую расу» к германцам как якобы потомкам мифических арийцев. Несмотря на все отличия этих идеологических волн как в области теории, так и в практике, и по последствиям для «отсталых» народов, все их объединяют несколько ключевых компонентов – радикальный западоцентризм, идеи превосходства западных ценностей и обоснованности их навязыва-

ния тем, кто не хочет цивилизоваться добровольно. Не является исключением и современная идеология распространения «свободной рыночной экономики», «прав человека», «правил» функционирования мировой системы и других элементов западного политического и общественного устройства на весь мир на основании того, что они якобы являются всеобщими, так как сам Запад представляет высшую форму глобальной цивилизации, более прогрессивный этап ее развития.

Между тем современная вестернистская глобализация является следствием глобального распространения локальных европейских культурных форм, сделавшееся возможным благодаря технологическому и военному превосходству Запада. При этом вовсе не так уж однозначны ответы на вопросы о том, является ли это превосходство случайностью или закономерностью, и в какой степени те или иные западные идеологические принципы и системы ценностей (например, религиозная толерантность или, как считал М. Вебер, протестантская этика¹⁵), такие черты общественного устройства как независимый суд, система разделения властей и другие конкретные цивилизационные формы создали для него необходимые условия и являются более «прогрессивными» по отношению к формам западным.

В любом случае созданный на основе глобализации западных культурных форм вестернистический мир является реальностью. Сегодня практически не существует невестернизированных государств. Даже если взять самых радикальных поборников собственной традиции, например, Саудовскую Аравию, во многом сохранившую не только традиционные политические и социальные институты, но и внешние формы быта, даже одежду, то и здесь можно наблюдать черты вестернизации. По улицам саудовских городов ездят европейские и американские автомобили, в небе летают американские самолеты, которые пилотируют летчики, учившиеся в США, экономика страны вписана в глобальную систему хозяйствования и, следовательно, работает по западным стандартам. Но и такие страны – приверженцы исходной чистоты цивилизационных форм – представляют собой небольшое исключение.

Большинство государств, даже из числа тех, кого Запад считает политическими соперниками, глубоко вестернизированы. Иран име-

---

¹⁵ Weber M. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. New York: Scribner, 1930.

ет парламент, президента, институт выборов, невообразимые в традиционном обществе. В Северной Корее есть правящая партия, парламент, современная армия и другие совершенно нетрадиционные институты. То же можно сказать о Китае или России. Ни в одной из этих стран не ходят на работу в традиционных национальных костюмах, не ведут себя так, как вели 100–200 лет назад, изучают химию, физику и математику «западными» методами. Общество в каждой из этих стран совершенно не похоже на то, которое в них существовало до близкого контакта с Западом.

С другой стороны, также легко можно увидеть и то, что институты, заимствованные с Запада, часто работают в незападных государствах иначе, нежели в той среде, в которой они родились. Парламент здесь может не избираться, а фактически или даже вполне официально назначаться и не контролировать исполнительную власть, а быть ее частью. Неправящие партии могут не исполнять функцию оппозиции, а играть какую-то другую роль, суды – не обладать независимостью, а быть орудием исполнительной власти. Где-то духовный лидер или верховный вождь может стоять над всеми институтами. Это изменение функций институтов заметили еще авторы концепции политической культуры Г. Алмонд и С. Верба, отмечая важность для реального политического устройства системы общественных представлений, которая часто адаптирует роль заимствованных институтов к местной традиции¹⁶. В этом и заключается суть индигенизации, результатом которой становится разная степень адаптации той или иной культурно-цивилизационной системы при значительном расширении ареала ее распространения.

Кроме того, общественные представления в самом культурном ареале-доноре тоже не стоят на месте, а существенно меняются с течением времени. Западные культурные установки, которые распространяются в мире сегодня, не похожи на те, что заимствовались в XIX или даже в первой половине XX в. Такие анахронизмы, встречаясь друг с другом в другой стране, могут входить между собой в противоречие. Например, законы о наказании палочными ударами и уголовном преследовании гомосексуалистов, введенные в Сингапуре англичанами в колониальный период и сохранившиеся до сих пор, сегодня жестко критикуются правительством современной Британии за нарушение прав человека.

---

¹⁶ Almond G., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press, 1963. P. 3–6, 497–498.

Все это приводит к неравномерному уровню вестернизации в вестернистическом мире. Но даже если бы она и была равномерна, все равно трудно себе представить, чтобы она вела к политическому единству. Поддерживаемая европейскими союзниками американская идея о том, что неизбежным следствием вестернизации должно стать принятие таких элементов американской идеологии, которые предполагают политическое подчинение нынешнему гегемону – США, благодаря чему государства-реципиенты не будут враждовать друг с другом (теория демократического мира), не выдерживает критики. Даже если предположить, что, например, Китай полностью перенял неприемлемые для его политической культуры демократические формы правления типа американских, все равно трудно представить, что такая крупная страна полностью подчинилась бы американской политической гегемонии. Если принятие извне неких норм и институтов и укрепит государство-реципиента, то и приобретенный выигрыш в силе вряд ли будет стимулировать желание подчиниться внешнему влиянию. Во всяком случае, можно уверенно утверждать, что общество в «вестернизированном» Китае относится к США и их союзникам еще более негативно, чем его правительство, и постоянно стимулирует власти к принятию более жестких антизападных мер.

В любом случае, как и в рассмотренных примерах распространения доминирующих культурно-цивилизационных норм на обширный ареал, вестернизация не гарантирует политического единства вестернистического мира. Такое единство может возникать только временно, в определенные периоды и на ограниченной территории, не захватывая всего ареала. В другие периоды в ареале будет господствовать раздробленность, а однополярность сменяться многополярностью. Так будет продолжаться до того времени, пока новый гегемон не распространит свое влияние на большую часть ареала, образовав новую однополярность.

Возвышение Китая и судьбы вестернизма

Рассматривая возвышение Китая и его нынешний конфликт с США в рамках парадигмы вестернизма, можно прийти к выводу, что оно довольно типично для ситуаций начального периода появления нового гегемона в каком-либо общекультурном ареале. Отличие состоит в том, что вестернистический ареал глобален.

Современный Китай – глубоко вестернизированное общество и совершенно законный член вестернистического ареала. Во многих

аспектах эта вестернизация более глубока, чем в ряде других азиатских и африканских государств, а по некоторым из них, например, таких как положение женщин в обществе или развитие современных ИТ-технологий, Китай даже более «прогрессивен» (в западном смысле), чем некоторые страны Европы. После распада традиционной империи в 1911 г. материковый Китай пережил несколько революционных волн, сопровождавшихся новыми витками вестернизации: создание республики и введение республиканских институтов после Синьхайской революции 1911 г., «движение 4-го мая» 1919 г. и связанные с ним реформы в области культуры и образования, коммунистическая революция 1949 г. и, наконец, перестроившие всю общественную систему реформы, начавшиеся в конце 70-х годов XX в.

О глубокой вестернизации Китая и смерти традиционного общества специалисты писали довольно много. Еще в 1958 г. в первом томе своей трилогии «Конфуцианский Китай и его современная судьба» Дж. Левенсон писал: «Трансформированная и брошенная конфуцианская традиция прямо привела к коммунистической версии измененного китайского мировоззрения не путем имманентного сохранения себя в коммунистической доктрине, но, не сумев сохранить себя, оставив наследников без гроша, потенциально чужими в собственной земле и, таким образом, прельстив их новой доктриной как ответом на их нужды»¹⁷. Позднее глубокий исследователь конфуцианства Ду Вэймин отмечал, что вестернизация конфуцианского региона, включая Японию, две Кореи, материковый Китай, Гонконг, Тайвань, Сингапур и Вьетнам, «возможно, навсегда изменила интеллектуальный ландшафт»¹⁸.

Это, однако, не означает, что традиционные китайские представления исчезли бесследно. Они сыграли значительную роль в индигенизации западных теорий в соответствии с местной традицией. Китай полностью принял такие доминирующие на Западе элементы мировоззрения, как идею технологического прогресса и теорию общественного прогресса как смысла существования государства. Это было сравнительно легко, так как все традиционные направления китайской мысли тысячелетиями были направлены на поиски путей создания совершенного общественного устройства. В области меж-

---

¹⁷ Levenson J.R. *Confucian China and its Modern Fate: A Trilogy*. Vol. 1. Berkeley, L.A.: University of California Press, 1965. P. 162–163.

¹⁸ Tu Wei-ming. *A Confucian Perspective on Human Rights* // Wong Sin Kiong (ed.). *Confucianism, Chinese History and Society*. Singapore: World Scientific, 2012. P. 1–22.

дународных отношений в Китае придерживаются скорее реализма и даже социального дарвинизма, согласно которому в международной системе, как и в природе, выживают и побеждают сильнейшие. Этот подход был популярен в Европе в конце XIX в. и позаимствован китайскими интеллектуалами еще тогда, однако затем в самой Европе был отвергнут в пользу различных теорий либерального единства мира. Здесь сказывается исторический опыт Китая, вернее, субъективное восприятие китайцами своей истории, согласно которому в то время, когда Китай был слаб, этим воспользовались мощные державы мира для его унижения. В то же время современный Китай не стремится к территориальным захватам или роли откровенного гегемона. Такого рода стремлениям также противоречит многовековая традиция, согласно которой Китай считал себя центром мира благодаря культурному, а не военному влиянию, а применение военной силы рассматривал только как ответ на вооруженное сопротивление варваров благородному китайскому стремлению их «окультурить»¹⁹. Китаю достаточно занять «законное», по мнению его идеологов, место в мировой системе мирными средствами.

В то же время китайскому обществу трудно принять западный индивидуализм, в частности идею приоритета индивидуальных прав над коллективными целями общественного развития. Этой установке противоречит весь китайский исторический опыт, да и не только китайский. Концепции индивидуальных прав, равенства всех перед законом, разделения властей и т.п., в широком смысле вышедшие из теологии западного христианства, прежде всего из теории «естественных прав», вообще сложно принять в полном объеме обществам, не связанным с этой традицией. И будучи принятыми на уровне идеологии, они не всегда и не сразу реализуются на практике даже в исторически католических обществах, в принципе считающих себя частью политического Запада. Об этом свидетельствуют, например, примеры современной Венгрии и Польши, а в прошлом – Германии. Что уж тут говорить об обществах, где христианство вообще не играло существенной роли.

С точки зрения многих в Китае, он является неотъемлемой частью современного вестернизированного мира, причем наиболее эффективной его частью²⁰. Там считают, что если прогресс, как дав-

¹⁹ Fairbank J.K. (ed.). Op. cit. P. 61–62.

²⁰ 习近平: 加强合作推动全球治理体系变革 共同促进人类和平与发展崇高事业 [Си Цзиньпин: Укреплять сотрудничество, продвигать преобразование системы глобального управления. Совместно стимулировать благородное дело ми-

но утверждают на Западе, заключается в эффективном экономическом и технологическом развитии, то именно Китай, обеспечивший более быстрый экономический рост, чем США, является наиболее прогрессивной страной²¹. А западные разговоры о недостаточной прогрессивности его политической системы служат лишь для того, чтобы путем внесения хаоса в его эффективную социальную модель этот рост затормозить²².

У Китая есть основания так считать. Во-первых, по крайней мере на сегодняшний момент он успешно осуществляет то, чего не удавалось сделать многим искателям пути развития, альтернативного западной теории модернизации, от СССР до различных государств Третьего мира. Китай создал эффективную экономическую модель с использованием западных технологий, но без заимствования западной политической модели. И, следовательно, утверждение о том, что западная политическая модель для прогресса несущественна, а на определенном этапе даже вредна, опирается на весомые аргументы. Конечно, сторонники теории политической модернизации могут говорить, что китайское общество еще не дошло до уровня «неизбежной демократизации». Но в Китае эту идею отвергают, ссылаясь на масштабы и особый характер китайского общества²³. Во-вторых, приоритет общественных целей над интересами индивида – отнюдь не только китайская идея. Это положение вполне можно доказывать и с использованием некоторых западных теорий. К приоритету общественного над личным склонялись многие западные мыслители: Платон, Гоббс, Руссо, Маркс и др. Однако на Западе в итоге победила другая линия, которую в Китае считают вредной для прогресса и причиной нынешнего мирового кризиса.

ра и развития человечества] // Синьхуа. 2016, 28 сентября. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2016-09/28/c_1119641652.htm; Zhang Pei. The Concept of the International System and China's Foreign Policy // Jianmian Yang (ed.). China's Diplomacy: Theory and Practice. Singapore: World Scientific, 2014. P. 65–119.

²¹ 宋晓军, 王小东, 黄纪苏, 宋强, 刘仰 [Сун Сяоцзюнь, Ван Сяодун, Хуан Цзисе, Сун Цян и Лю Ян]. 中国不高兴: 大时代、大目标及我们的内忧外患 [Китай недоволен. Великая эпоха, великие цели и наши внутренние и внешние трудности]. 南京, 江苏人民出版社, 2009. С.80–106.

²² Китай осудил США, Канаду, Великобританию и ЕС за санкции по вопросу Синьцзяна // Жэньминь жибао. 24.03.2021. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0324/c31521-9831795.html>

²³ Чжан Шухуа, Го Цзин, Гаоянь Цююй. Развитие национальной школы политологии в Китае // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 11. С. 84–95.

Таким образом, на сегодня Китай принял ту часть западного культурно-цивилизационного кода, которая была наиболее близка его традиционной культуре, что сделало его обществом чрезвычайно эффективным в технологическом, экономическом и военном отношениях. Он пытается использовать эти преимущества, чтобы потеснить старого гегемона – США. Явление это, как мы видели, не ново. Как и предшествовавшие кандидаты на гегемонию, Китай усилился на периферии старого ареала и укрепился там за счет принятия и эффективного использования правил и технологий, распространившихся усилиями прежних гегемонов. Возможность такого возвышения Китая предсказывали уже давно. Русский китаевед В.П. Васильев еще в конце XIX в. отмечал, что «Китай имеет все данные, чтобы достигнуть самой высшей точки умственного, промышленного и вместе политического прогресса», а «новейшие открытия других народов по физическим предметам найдут в них [китайцах] усердных продолжателей и изобретателей», в результате чего «мир может быть завален китайскими товарами». Писал он и о перспективах военного дела в Китае: «Дайте в руки китайскому солдату штуцер, и, поверьте, он будет стрелять из него так же метко и так же проворно, как и английский солдат»²⁴. Однако косность доминирующей западной идеологии не давала поверить в возможность такого развития событий до XXI в.

Сегодня еще рано говорить о том, позволит ли нынешнее возвышение Китая стать ему новым гегемоном и к чему приведет его конфронтация с гегемоном старым. Как мы видели, возвышающееся периферийное государство становилось новым гегемоном не всегда. Для этого, помимо длительного эффективного развития, необходимо множество других условий: серьезный кризис и падение влияния прежнего гегемона, благоприятная международная обстановка, желание других стран перейти на сторону нового гегемона (*bandwagon*).

Доля США в мировой экономике и, соответственно, их влияние в мире объективно сокращаются, и наличие кризисных явлений в американском обществе очевидно. Однако является ли эта ситуация фатальной – пока не вполне ясно. Примеров провала возможных новых гегемонов из-за неблагоприятной международной ситуации довольно много. Например, чжурчжэньское государство Цзинь в

---

²⁴ Васильев В.П. Открытие Китая и другие статьи академика В.П. Васильева. СПб.: Столичная типография, 1900. С. 162–163; Droysen J.G. Geschichte des Hellenismus. Hamburg: F. Perthes, 1836–1843.

XIII в. было захвачено более сильным конкурентом – монголами, Япония в XX столетии потерпела поражение в войне, а Советский Союз распался из-за неспособности выиграть экономическое противостояние с Западом.

Что касается Китая, то пока он сам стремится не свергнуть вестернистическую мировую систему, в которую эффективно встроился, а лишь играть в ней достойную его роль одного из основных игроков. Кроме того, трудно ожидать и согласия других государств принять его в качестве нового гегемона. Здесь ситуация скорее не благоприятствует Китаю. Его нынешняя «самоуверенная» (*assertive*) внешняя политика и грубый стиль «дипломатии боевых волков» скорее отталкивает от него потенциальных союзников, чем привлекает к нему. Кроме нескольких стран (с определенными оговорками, это Россия, Пакистан, небольшая Камбоджа), в современном мире трудно найти желающих поддержать смену мирового лидера на Китай. Большинство предпочитают лавировать между Пекином и Вашингтоном. Здесь ситуация коренным образом отличается от периода после Второй мировой войны, когда гегемон западного ареала сменился с Англии на США. Тогда смена прошла сравнительно легко, так как две страны были политическими союзниками и придерживались сходных взглядов на миропорядок будущего. В тех условиях переориентация третьих стран не представляла для них большой проблемы. По перечисленным выше причинам Китай вряд ли способен стать новым гегемоном и сменить парадигму вестернизма на новую. Однако его возвышение способно внести в эту парадигму существенные коррективы в соответствии с ее китайской трактовкой.

В любом случае можно сказать, что сегодня мы наблюдаем еще не этап смены гегемона, а начало периода раздробленности вестернистического мира, в котором возвышается сразу несколько центров, способных противостоять господству старого гегемона. В этом и заключается становление многополярности, приходящей на смену «однополярному моменту», сложившемуся в 90-е годы XX в. после распада СССР. Возвышение Китая и его нынешняя конфронтация с США являются лишь одним из ярких проявлений указанного процесса. Реальная картина гораздо более сложна, чем представленная в модели «ловушки Фукидида», рассматривающей американско-китайскую конфронтацию изолированно от мировой системы.

Результаты происходящего на наших глазах процесса предсказать сложно. Исторический опыт показывает, что в большинстве таких случаев многополярность вела к войне, в результате которой побеж-

дал новый гегемон. Подобная перспектива в эпоху ядерного оружия весьма опасна. Однако вооруженные конфликты в подобных ситуациях случались не всегда. Иногда в многополярном мире довольно длительное время путем достижения международных договоренностей удавалось поддерживать относительную стабильность и избегать крупной войны. Так было, например, после Вестфальского мира, Венского конгресса, какое-то время после Первой мировой войны и довольно длительный период после Второй мировой войны. Остается надеяться, что основные международные игроки найдут способ создать механизмы урегулирования спорных ситуаций, учитывающие интересы новых возвышающихся игроков и приемлемые для всех.

* * *

Сформулируем некоторые основные выводы из представленных выше рассуждений.

1. Нынешний вестернизированный мир в целом цивилизационно един, однако его части различаются по уровню вестернизации.

2. Различные уровни вестернизации и несовпадающие геополитические интересы отдельных частей мира, как это часто бывало в истории, ведут к его политической раздробленности. Мечты о политическом единстве всего мира иллюзорны и основаны на идеологических предпочтениях, а не на знании истории и современных реалий.

3. Возвышение Китая – обычный для начального периода раздробленности цивилизационно единого ареала пример укрепления периферийного государства, в котором соединение цивилизационных форм, распространяемых из центра, и местной традиции дало эффект взрывного роста.

4. Нынешняя американо-китайская конфронтация – типичный для такой ситуации конфликт старого гегемона с новой периферийной силой, старающейся потеснить его позиции в международной системе.

5. Приведет ли этот рост к смене гегемона – сегодня предсказать сложно. Однако история и идеология современного Китая позволяют сделать вывод о том, что эта страна вряд ли станет стремиться к жесткой гегемонии в мире по западному образцу, хотя, вероятно, и будет увеличивать свое политическое, экономическое и культурное влияние в рамках находящейся в кризисе вестернистической системы и тем самым видоизменять ее.

Китайский подход к отношениям с США: военные аспекты

Опубликовано в кн.: Ежегодник СИПРИ 2020: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2021. С. 779–794. – В соавт. с В.Б. Кашиным

Общий военно-политический подход КНР к США

Китайский подход к стратегическим отношениям с США приобрел относительно завершенные очертания, вероятно, в 2020 – начале 2021 г., но на данный момент он не обнародован в сколько-нибудь целостном виде. В отличие от США, в Китае не публиковали и, вероятно, не опубликуют комплексных программных документов, касающихся перспектив этих отношений.

Американские руководители, прежде всего, вице-президент М. Пенс и госсекретарь М. Помпео, выступали с собственным подробным видением новой эпохи соперничества с КНР еще при администрации Д. Трампа. Этот подход в целом разделяется сменившим ее кабинетом Дж. Байдена. На момент написания настоящей статьи в США велась работа над двухпартийным Законом о стратегической конкуренции (Strategic Competition Act 2021), в котором сформулированы политические установки по всем направлениям американо-китайских отношений: от торговой политики и военно-политических вопросов до идеологии и соперничества в Арктике¹.

Китай более лаконичен в своей внешнеполитической риторике. Вместе с тем изменившийся характер отношений с США отражен в документах съездов КПК и докладах премьера Госсовета КНР Сесиям ВСНП, имеющих отдельные внешнеполитические разделы.

---

¹ Strategic Competition Act of 2021, A Bill to Address issues involving the People's Republic of China, DAV21598 9VG, 117th Congress, 1st session // Senate Foreign Relations Committee. 2021. URL: <https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/DAV21598%20-%20Strategic%20Competition%20Act%20of%202021.pdf>

Исторически общая стратегия Пекина в отношении Вашингтона несколько раз коренным образом менялась. В период союза с СССР в 1950-е годы США рассматривались как безусловный противник, затем с конца 1960-х годов, после советско-китайского раскола, приведшего к вооруженным столкновениям на границе, ситуация полностью изменилась. Пекин начал довольно тесное стратегическое взаимодействие с США, стремясь создать единый фронт против СССР, который считал главной угрозой своей безопасности.

С начала 1980-х годов этот курс стал меняться, и Пекин начал проводить более осторожную политику в рамках доктрины «независимости и самостоятельности». Однако в целом до прихода в 2012 г. к власти Си Цзиньпина стратегия Пекина в отношении Запада основывалась на формулировке Дэн Сяопина: «скрывать свои возможности, держаться в тени» (*таогуан янхуэй*), т.е. копить силы и не проявлять слишком заметной активности². Смысл ее сводился к пониманию того, что для решения исторической задачи укрепления Китая и приобретения им достойного его великой истории места в мировом раскладе сил ему необходимо экономическое содействие технологически развитых государств Запада, а для это следует обеспечить их политическую поддержку или хотя бы дружелюбный нейтралитет. Поэтому нужно не раздражать внешний мир чрезмерной внешнеполитической активностью, а копить силы.

При этом сама цель превращения Китая в великую державу под властью коммунистической партии не снималась. Более того, способность именно КПК осуществить эту цель, до этого ставившуюся несколькими поколениями китайских реформаторов и революционеров, которые, однако, не справились с задачей ее реализации, служила основой легитимации власти компартии. Период накопления сил рассматривался как временный, однако конкретная его длительность не указывалась. Ясно было только, что сам Дэн Сяопин вводил его «всерьез и надолго».

При наследниках Дэна Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао мощь Китая росла и в китайской элите возникли дискуссии о том, не пора ли переходить к более активной внешней политике. Появились публикации журналистов и военных экспертов, призывавших к более решительной защите национальных интересов, и прежде всего, как это воспринималось в Пекине, к противодействию стремлению США

---

² Чэнь Вэньлян. Дуй «таогуан янхуэй» дэ чжэсюэ шэньши [Детальный философский анализ положения «скрывать свои возможности, держаться в тени»] // Чжунго фачжань. 2012. Т. 12. № 1.

окружить Китай сетью союзов для сдерживания его роста³. Однако в этот период руководство страны, опасаясь реакции Запада и возможных последствий для экономического роста, не включало большинство из этих предложений в официальную доктрину, объявляя их неофициальной частью свободной дискуссии. Смысл всех официальных внешнеполитических концепций этого времени («мирный подъем», «мирное развитие», «гармоничный мир») сводился к попыткам убедить внешний мир в отсутствии какой-либо угрозы возвышения Китая.

Руководство Си Цзиньпина изменило этот подход. Идеи о том, что принцип *таогуан янхуэй* устарел, что Китаю пора проявлять большую активность, создавать базы за рубежом, защищать свои коренные интересы военной силой, наказывать санкциями страны, проводящие враждебную политику и т.п., переместились в официальные документы⁴. Были выдвинуты масштабные международные программы: «Один пояс, один путь», «Made in China 2025» и другие, направленные на достижение Китаем технологической независимости и значительной роли в мировой экономике и политике⁵.

В области стратегии было значительно расширено понятие «коренных интересов», которые Пекин готов защищать всеми силами и средствами. Если ранее к ним относился в основном только вопрос суверенитета над Тайванем, то теперь в «коренные интересы» были включены проблемы Синьцзяна, Тибета, Гонконга, все территориальные споры (с Индией, Японией, в Южно-Китайском море) и даже не вполне ясно очерченные «интересы развития».

Осуществляя эти изменения, Пекин в то же время не предусматривал слишком резкой реакции США. Предполагалось, что мир на-

---

³ Сун Сяоцзюнь, Ван Сяодун, Хуан Цзису, Сун Цян, Лю Ян. Чжунго бугаосин: да шидай, да мубяо цзи вомэндэ нэйю вайхуань [Китай недоволен. Великая эпоха, великие цели и наши внутренние и внешние трудности]. Нанкин: Цзянсу жэньминь чубаньшэ, 2009; Лю Минфу. Хоу Мэйго шидайде даго сывай: Чжунго мэн [Великодержавное мышление постамериканского мира: китайская мечта]. Пекин: Чжунго юи чубаньшэ, 2010; Дай Сюй. С-синбаовэй. Нэйю вайхуань сяда Чжунго тувай [Дугообразное окружение: Китайский прорыв в условиях внутренних трудностей и внешнего давления]. Шанхай: Вэньхуэй чубаньшэ, 2010.

⁴ Денисов И.Е. Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине // Международная жизнь. 2015. № 5. С. 40–54; Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Крашенинникова Л.С. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 2. С. 123–138.

⁵ Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи / Отв. ред.: А.В. Лукин. М.: Научный эксперт, 2016.

столько глобализировался, а китайская экономика настолько срослась с мировой, что серьезных размежеваний (*decoupling*) и конфликтов не возникнет. Пекин ожидал, что отношения с Вашингтоном будут развиваться в соответствии с «новой моделью отношений между крупными державами в XXI в.», которую Си Цзиньпин предложил во время визита в США в 2012 г.⁶ Ее смысл сводился к координации действий на международной арене при соблюдении собственных интересов. Однако США не приняли этой модели, восприняв ее как угрозу своей лидирующей позиции в мире, и перешли к политике активного сдерживания Китая.

На практике курс на сдерживание начал осуществляться уже в конце срока президента Б. Обамы, но его наиболее активным проводником стал Д. Трамп. Для Китая такой поворот был крайней неожиданностью. Это выразилось в резкой полемике и открытых разногласиях в китайском обществе⁷.

На раннем этапе обострения американо-китайских отношений в 2018–2019 гг. от китайских коллег можно было слышать предположения о том, что кризис стал результатом деятельности конкретных политических деятелей и в целом может быть преодолен. Более того, многие были склонны обвинять в произошедшем разрыве непосредственно Си Цзиньпина, жесткость и чрезмерную активность его внешней политики и предполагаемые шапкозакидательские настроения в его окружении.

В этот период для КНР была характерна острая дискуссия внутри политической и интеллектуальной элиты, которая порой выплескивалась в публичное пространство. Например, в августе 2018 г. получило широкую известность коллективное письмо группы китайских ученых и общественных деятелей с призывом уволить видного китайского экономиста, директора Центра по изучению Китая университета Цинхуа Ху Аньгана. Его обвиняли в «триумфализме» за его утверждения о том, что Китай уже близок к достижению превосходства над США и превращению в ведущую мировую державу⁸.

---

⁶ Lampton D.M. A New Type of Major-Power Relationship: Seeking a Durable Foundation for U.S. – China Ties // *Asia Policy*. July 2013. No. 16. P. 51–68.

⁷ Лукин А.В. Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 1. С. 71–89.

⁸ Huang C. China's social media users call for sacking of "triumphalist" academic, as anti-hype movement grows // *South China Morning Post*. 2018. August 3. URL: <https://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2158054/chinas-social-media-users-call-sacking-triumphalist>

В том же ключе было выдержано выступление видного общественного деятеля, старшего сына покойного архитектора китайских реформ Дэн Сяопина Дэн Пуфана, долгие годы возглавлявшего Китайскую федерацию инвалидов. Дэн Пуфан отметил, что Китаю следует избегать чрезмерной демонстрации своего лидерства на международной арене, «знать свое место» и трезво воспринимать реальное положение дел⁹.

Представители китайских властей в тот период осторожно комментировали состояние отношений с США, подчеркивая сохраняющуюся заинтересованность в диалоге.

К 2020 г. в китайском экспертном сообществе прочно утвердилась точка зрения о системном характере противостояния с США, неизбежности американских попыток сдержать технологическое развитие Китая и ограничить его внешнеэкономические связи. К этому времени китайское экспертное сообщество исходило из неизбежности продолжения противостояния с США независимо от внутриполитических изменений там.

Курс США на технологическое сдерживание КНР рассматривался как безальтернативный: предполагалось, что любая американская администрация будет пытаться закрыть для китайских производителей мировые рынки телекоммуникационного оборудования 5G и продукции, относящейся к отрасли искусственного интеллекта. В качестве оптимистического сценария допускалась возможность возобновления сотрудничества США по отдельным направлениям двусторонних отношений, представляющим взаимный интерес, и возможность отмены новой администрацией наиболее бессмысленных и неэффективных тарифных ограничений, введенных администрацией Трампа¹⁰.

Ни при каких обстоятельствах не ожидали в Пекине от США и отказа от линии на военное сдерживание Китая. В 2020 г. накануне избрания Дж. Байдена высказывалась точка зрения, что политика военного сдерживания Китая, хотя и продолжится, станет, возмож-

---

⁹ Mai J. Deng Xiaoping's son urges China to "know its place" and not be "overbearing" // South China Morning Post. 2018. October 30. URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/2170762/deng-xiaopings-son-uses-unpublicised-speech-urge-china-know-its>

¹⁰ Ли Чжань. Шэй чжу чэньфу? Мэйго дасюань чжэнчжи гуаньча [Кто контролирует взлеты и падения? Политическое наблюдение за выборами в США] // Цайсинь. 2020. 25 августа. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1675988966161752896&wfr=spider&for=pc>

но, более упорядоченной и «осторожной». Допускалось, что новая администрация постарается наладить контакты по военной линии и выработать процедуры для предотвращения опасных инцидентов. При этом, как отмечал заместитель директора Китайской академии современных международных отношений (КАСМО) Ли Янь, курс на дальнейшее военно-техническое соперничество с Китаем, попытки достичь над ним решающего превосходства, а также размещение дополнительных войск в Азиатско-Тихоокеанском регионе продолжатся¹¹.

Эти оценки в целом подтвердились и за месяцы, прошедшие после вступления Байдена в должность. Американская военная деятельность в западной части Тихого океана продолжилась без существенных изменений по сравнению с последними годами администрации Трампа, включая проведение крупных военных учений в чувствительных для Пекина районах Южно-Китайского моря¹².

В конце концов в Пекине было принято решение готовиться к худшему, но надежда на то, что политика Трампа – некое исключение и после его ухода все можно повернуть вспять, явно сохранилась. Это выразилось в завышенных китайских ожиданиях от встречи с представителями администрации Байдена в Анкоридже в марте 2021 г., когда вместо ожидаемых предложений о взаимных компромиссах китайская делегация столкнулась с гневной отповедью по всем тем вопросам, которые Пекин считает своими «коренными интересами». Вероятно, только после этого китайская стратегия по отношению к США сможет принять более или менее последовательный характер.

Военная стратегия КНР в отношении США

Военная стратегия КНР в отношении США развивалась в соответствии с общими подходами. Пекин рассматривает Вашингтон в качестве наиболее вероятного источника военной угрозы, по всей видимости, начиная с конца 1980-х – первой половины 1990-х годов.

---

¹¹ Байдэн дэ дуй Хуа Цзюньши чжэнцэ чунцзай «цзиньшэнь эчжи» [Военная политика Байдена в отношении Китая по-прежнему состоит в «осторожном сдерживании»] // Чжун-Мэ цзюйцзяо ван. 2020. 30 декабря. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1687467596148077131&wfr=spider&for=pc>

¹² Lindberg K.S. U.S. Aircraft Carriers Conduct Exercises in South China Sea // Bloomberg. 2021. February 9. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-09/u-s-aircraft-carriers-conduct-exercises-in-south-china-sea>

Политическими факторами, определявшими изменения в китайском военном планировании в тот период, были нормализация отношений с СССР, закрепленная визитом в КНР советского лидера М.С. Горбачева в мае 1989 г., и резкое охлаждение отношений с США в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь в том же году.

Сильное впечатление на китайское руководство произвела операция «Буря в пустыне», проведенная в августе 1990 – январе 1991 г. США и их союзниками против иракских войск. Разгром вооруженных сил иракского диктатора Саддама Хусейна, осуществленный США в короткие сроки и с минимальными потерями, привел к переосмыслению руководством КНР характера современной войны. По состоянию на 1990 г. иракская армия существенно превосходила Народно-освободительную армию Китая (НОАК) и по техническому оснащению, и по боевому опыту, но оказалась не в состоянии оказать эффективное сопротивление США.

Изменения в китайском военном планировании могут лишь отчасти проследиваться по китайским доктринальным документам, которые никогда не публикуются в полном виде, доступны лишь отдельные цитаты из них. Центральное место среди подобных документов занимают Указания по военной стратегии (*Цзюньши чжаньлюэ фанчжэнь*) Центрального военного совета (ЦВС) КПК.

Их составными компонентами являются: идентификация основных стратегических оппонентов; определение цели ведения боевых действий, исходя из угроз; и основные стратегические направления. Далее идет раздел, обозначаемый как «Основы подготовки к военным действиям», содержащий описание характера будущих боевых действий. Наконец, в разделе «Основные руководящие соображения» приводятся указания и рекомендации по ведению боевых действий НОАК в будущем¹³.

«Указания» – секретные документы, хотя об их принятии Центральным военным советом объявляется в СМИ. Их принятие является сигналом о переоценке военно-политическим руководством КНР характера военных угроз, с которыми сталкивается страна. Известными из них становятся лишь отдельные выхолощенные фрагменты, носящие характер емких формул. Наиболее важные «Указания», приведшие к последующим глубоким изменениям в китайском военном строительстве, были выпущены в 1993 г. и призыва-

---

¹³ Fravel M.T. China's New Military Strategy: "Winning Informationized Local Wars" // China Brief. 2015. July 2. Vol. 15. No. 13. URL: <https://jamestown.org/program/chinas-new-military-strategy-winning-informationized-local-wars/>

ли НОАК готовиться к «локальной войне в условиях применения высоких технологий». Очевидно, что в качестве противника здесь могли иметься в виду только развитые страны Запада, прежде всего США.

Опубликованные впоследствии разъяснения и уточнения ясно показывали, что НОАК должна была готовиться к боевым действиям против вооруженных сил развитых государств, обладающих современным высокоточным оружием, системами разведки и управления, потенциалом ведения войны в информационном пространстве и прочими возможностями, имевшимися на тот момент лишь у США.

Последующие «Указания», выпускавшиеся в 2004 и 2015 гг., по известным данным, скорее уточняли установки документа 1993 г. С общего акцента на «высокие технологии» в них был осуществлен переход к «информационным технологиям», при этом в 2004 г. речь шла о подготовке к «локальной войне в условиях применения информационных технологий», а в 2015 г. – к «информатизированной локальной войне». Естественно, что и здесь имелись в виду, прежде всего, США и их союзники.

Отдельные фрагменты «Указаний» находят свое отражение в китайских «Белых книгах по национальной обороне», публикующихся в среднем раз в два года, начиная с 1998 г. Тем не менее, «Белые книги» являются преимущественно пропагандистскими документами, обходящими наиболее щекотливые аспекты военного планирования, включая вопрос о вероятных противниках, которые, по известным данным, должны прямо называться в «Указаниях».

Помимо очевидной из китайских документов ориентации военного строительства КНР на военное сдерживание другой сверхдержавы, обладающей мощными вооруженными силами и передовыми технологическими возможностями (т.е. США), свидетельствами разворота в китайском военном планировании, начавшегося в конце 1980-х годов, были и некоторые китайские военно-промышленные программы, а также сам ход реформирования вооруженных сил.

Среди них – перенос центра тяжести в китайском военном строительстве с сухопутных войск на флот, а также значительный объем инвестиций, начиная с конца 1980-х годов, в разработку межконтинентальных баллистических ракет наземного и морского базирования, необходимых прежде для военного сдерживания США. С конца 1990-х годов реформы велись на фоне начавшегося быстрого роста китайских военных расходов. В 1998–2007 гг. китайский во-

енный бюджет рос в среднем на 15,9% в год¹⁴. В последующем произошло замедление темпов роста китайских военных расходов: с 2015 г. рост был стабильно ниже 10%, превышая вместе с тем 6%¹⁵.

Наращивание военного потенциала КНР

Переориентация на США и их союзников в качестве вероятного противника привели к коренному изменению китайской армии. Официально Пекин заявляет, что не участвует в гонке вооружений, однако развитие его военного потенциала явно указывает на стремление противостоять США и их союзникам в оборонительной войне, которая будет вестись не только на сухопутной территории Китая, но и в окружающих его морях.

За прошедшие 30 лет китайского военного строительства радикально изменились китайский военный и военно-промышленный потенциалы и сам облик китайских вооруженных сил. НОАК перестала быть преимущественно сухопутной силой. На сухопутные войска, пережившие многочисленные волны сокращений, приходится теперь менее половины их численности.

Наиболее быстро растущим видом вооруженных сил стали военно-морские силы НОАК, в настоящее время – крупнейший флот мира по количеству военных кораблей и второй в мире по количеству крупных боевых кораблей основных классов (эсминцы, фрегаты, авианосцы).

Из безнадежного аутсайдера в сфере обороны и военных технологий Китай уже превратился во вторую военную державу мира, за исключением стратегических вооружений, в сфере которых 2-е место прочно принадлежит России.

В военных технологиях Китай рассматривается в качестве важнейшего конкурента США¹⁶. Несмотря на то, что Китай по-преж-

---

¹⁴ Chen S., Feffer J. China's Military Spending: Soft Rise or Hard Threat? // *Asian Perspective*. 2009. Vol. 33. No. 4. Special issue on Arms Race in Northeast Asia. P. 47–67.

¹⁵ China's Defense Budget Maintains Single-Digit Growth for Six Consecutive Years // *Xinhua*. 2021. March 5. URL: <http://www.xinhuanet.com/english/2021-03/05/c139785529.htm>

¹⁶ Xiangning Wu. Technology, Power, and Uncontrolled Great Power Strategic Competition between China and the United States // *China International Strategy Review*. 2020. Vol. 2. P. 99–119. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s42533-020-00040-0>

нему уступает России в ряде областей военной техники (ядерное оружие, баллистические ракеты, средства ПВО, авиационные двигатели), он воспринимается США как наиболее опасный соперник в ряде прорывных направлений развития технологий двойного назначения, включая искусственный интеллект и квантовые технологии.

В военно-экономическом отношении США сохраняют значительное превосходство над КНР по размеру номинального военного бюджета: 705 млрд долл. у США при 1,355 трлн юаней, или 202 млрд долл. по текущему курсу, у КНР на 2021 г.

Это превосходство, однако, в значительной степени обесценивается рядом обстоятельств экономического и военно-политического характера.

Важно, что бюджеты двух стран имеют разную структуру. В структуре военного бюджета США закупки вооружений и военной техники составляют лишь немногим более 20%, еще 14–15% тратятся на НИОКР¹⁷. В китайском военном бюджете на НИОКР и закупки с 2015 г. тратится более 40% расходов¹⁸. При этом известно, что подавляющее большинство расходов на разработку вооружений и военной техники в КНР не учитываются в официальном военном бюджете – они проходят через бюджет министерства промышленности и информационных технологий и ряда других госструктур. Оценки скрытых китайских затрат на военные НИОКР, проводившиеся СИПРИ¹⁹, позволяют предположить, что суммарные затраты на развитие существенно выше 50% военных расходов КНР.

При более тщательном рассмотрении американское превосходство оказывается не столь большим. При пересчете китайского военного бюджета в доллары с учетом паритета покупательной способности (4,223 юаня за доллар на 2021 г. по оценке МВФ), тот в долларовом выражении увеличивается более чем в полтора раза, – до 320,8 млрд долл.

---

¹⁷ Harrison T., Daniels S.P. Analysis of the FY2021 Defense Budget. A Report of the CSIS Defense Budget Analysis Program // Center for Strategic and International Studies. August 2020. URL: <http://defense360.csis.org/wp-content/uploads/2020/08/Analysis-of-the-FY-2021-Defense-Budget.pdf>

¹⁸ Full Text: China's National Defense in the New Era // Xinhua. 2019. July 24. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-07/24/c_138253389.htm

¹⁹ Tian N., Su F. A New Estimate of China's Military Expenditure' // SIPRI. January 2021. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/202101/2101_sipri_report_a_new_estimate_of_chinas_military_expenditure.pdf

С учетом этого речь не идет ни о многократном, ни даже о двукратном превышении американских расходов на закупки вооружения и НИОКР над китайскими. По вложениям в развитие своих вооруженных сил две страны находятся в одной лиге. Разрыв между ними сокращается в силу сохраняющихся более высоких темпов роста китайской экономики и военного бюджета. При этом Китай испытывает намного меньшее военное напряжение, чем США. Доля военных расходов в ВВП КНР, даже с учетом вероятных скрытых составляющих этих расходов, находится на уровне 1,9% ВВП у Китая и 3,4% ВВП у США²⁰.

Другим важнейшим фактором, влияющим на перспективы военного соревнования, является деиндустриализация США по ряду отраслей промышленности – при сохранении мощного гражданского промышленного потенциала в Китае. Прежде всего, это касается гражданского судостроения, где доля США в мировом производстве является незначительной (отрасль рассматривается как практически исчезнувшая)²¹, а доля Китая составляет около 50%²². Учитывая преимущественно военно-морской характер военного соперничества, наличие у одной из сторон мощного гражданского судостроения становится важнейшим преимуществом, поскольку дополнительно снижает издержки при реализации военно-морских программ, а также обеспечивает огромные резервы производственных мощностей. Тесная взаимосвязь коммерческой морской мощи и военно-морского могущества является важным принципом морской стратегии²³.

В результате ВМС НОАК уже в 2012–2014 гг. сравнялись, а с 2015–2017 гг. вдвое превосходят ВМС США по тоннажу ежегодно вводимых в строй боевых кораблей²⁴. Данные о количестве произво-

---

²⁰ SIPRI Military Expenditure Database // SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex>

²¹ Mall S. Freight Waves Classics: America's Commercial Shipbuilding Industry is Nearly Gone // Freight Waves. 2021. January 22. URL: <https://www.freightwaves.com/news/freightwaves-classics-americas-commercial-shipbuilding-industry-is-nearly-gone>

²² China's Shipbuilding Industry Keeps World-Leading Role // Hellenicshippingnews.com. 2021. January 19. URL: <https://www.hellenicshippingnews.com/chinas-shipbuilding-industry-keeps-world-leading-role/>

²³ Mahan A.T. The Influence of Sea Power upon History, 1660–1783. 5th edition. 1890; repr. Boston: Little, Brown, 1894. P. 45.

²⁴ Lague D., Kang Lim, B. China's Vast Fleet is Tipping The Balance in The Pacific // Reuters. 2019. April 30. URL: <https://www.reuters.com/investigates/special-report/china-army-navy/>

димых боевых самолетов носят более фрагментарный характер, но также позволяют предположить закупку ВВС НОАК сравнимого или большего количества современных боевых самолетов, чем ВВС США.

При этом важным фактором, влияющим на расстановку сил между КНР и США в военной сфере, является распределение американских военных сил по миру. Всего за пределами США на постоянной основе размещено около 200 тыс. человек, из которых лишь меньшинство находятся в западной части Тихого океана. Кроме того, значительные американские силы задействованы в операциях за рубежом на ротационной основе, сдерживая или оказывая давление на такие страны, как Россия и Иран.

Китай не располагает развитой системой баз за рубежом – пока что у него есть лишь один постоянно действующий военный объект в Джибути, где несут службу до 2 тыс. человек. В случае возможного возникновения конфликта на Тихом океане Китай будет способен задействовать все или почти все свои силы, в то время как США должны будут стягивать их со всего мира.

Одним из направлений китайской стратегии по защите своих «коренных интересов» от США и их союзников является стремление закрепить свое превосходство в окружающих морях, в которых имеются территориальные споры. Так, после нескольких острых перепалок с Японией и столкновения в 2010 г. китайского рыболовного траулера с судном японской береговой охраны в районе спорного архипелага Сенкаку (Дяоюй) в Восточно-Китайском море, Китай в 2013 г. объявил о введении там своей зоны идентификации ПВО, примерно половина которой пересекается с японской, а небольшая часть – с южнокорейской и тайваньской²⁵.

Еще более открыто на противодействие США направлено активное военное строительство КНР на занятых им островах и рифах Южно-Китайского моря, целью которого является обеспечение контроля за огромной морской территорией, на которую Пекин, по собственному утверждению, имеет «исторические права». Речь идет о беспрецедентных по масштабам мероприятиях по возведению искусственных островов на занятых Китаем рифах и последующему строительству на них военной инфраструктуры (причалы, маяки,

---

²⁵ Hayashi N., Kurashige N. China Overturned Draft Air Defense Zone, Expanded It Toward Japan // Asahi Shimbun. 2014. January 12. URL: <https://web.archive.org/web/20140216065721/http://ajw.asahi.com/article/asia/china/AJ201401120021>

аэродромы)²⁶. Китайские претензии на контроль за водной акваторией в ЮКМ не признаются США и их союзниками, которые периодически направляют сюда военные корабли для демонстрации своей позиции. Ряд экспертов полагают, что в среднесрочной или долгосрочной перспективе от Пекина можно ожидать введения зоны идентификации ПВО и в этом регионе, хотя сегодня он к этому не готов из-за уязвимости своих военных объектов и неготовности инфраструктуры²⁷. Высказывается также мнение, что китайские стратеги, возможно, используют советский опыт по противодействию американскому флоту²⁸.

В целом КНР в настоящее время находится в фазе крайне быстрого наращивания своего военного потенциала по отношению к вооруженным силам США. Вероятно, рубежным для развития китайских вооруженных сил станет 2035 г., когда, согласно имеющимся программным документам, должна быть достигнута полная техническая модернизация вооруженных сил. При этом промежуточным этапом для повышения боевых возможностей армии должен стать 2027 г. – год столетия со дня основания НОАК²⁹.

Высокий уровень американского госдолга, ограничивающий возможности резкого повышения военных расходов, и уверенный рост китайской экономики по отношению к американской позволяют предположить, что к 2035 г. Китай имеет шансы добиться подавляющего военного превосходства над США и их союзниками в западной части Тихого океана в сфере обычных вооружений.

При этом китайский потенциал в сфере ядерных вооружений может достигнуть к этому времени такого уровня, что угроза ядер-

---

²⁶ Дикарев А.Д., Лукин А.В. Подход КНР к территориальным спорам в Южно-Китайском море и внешняя политика России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 2. С. 5–15.

²⁷ Storey I. As US-China Tensions Rise, What Is The Outlook On The South China Sea Dispute In 2020–21? // *South China Morning Post*. 2020. September 8. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/3100563/us-china-tensions-rise-what-outlook-south-china-sea-dispute-2020>

²⁸ Goldstein L.J. Russia's Past Can Help Explain China's South China Sea Strategy // *The National Interest*. 2020. January 16. URL: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/russias-past-can-help-explain-chinas-south-china-sea-strategy-114141>

²⁹ Hart D., Glaser B.S., Funaiolo M.P. China's 2027 Goal Marks the PLA's Centennial, Not an Expedited Military Modernization // *China Brief*. 2021. 26 March. Vol. 21. No. 6. URL: <https://jamestown.org/program/chinas-2027-goal-marks-the-plas-centennial-not-an-expedited-military-modernization/>

ной эскалации вооруженного конфликта с Китаем станет неприемлемой для США.

Таким образом, при благоприятном для КНР развитии событий к 2035 г. может сложиться ситуация, при которой США будут не в состоянии эффективно гарантировать безопасность своим союзникам в Восточной Азии, что, в свою очередь, вынудит эти страны к поиску компромисса с Пекином на благоприятных для китайцев условиях.

Вероятно, что достижение такого положения без вступления в прямое военное столкновение с США и является истинной целью текущего китайского военного строительства. До решения этой задачи КНР едва ли будет заинтересована в активном участии в переговорах по контролю над вооружениями и даже в обеспечении эффективных мер транспарентности, которые могли бы обнажить истинную направленность китайского военного строительства.

Ядерная стратегия КНР и переговоры о контроле за вооружениями

Яркой иллюстрацией этой незаинтересованности является позиция Пекина по переговорам о сокращении ядерных вооружений и ракет средней дальности. Со времен создания в Китае ядерного оружия она заключалась в следующем: Китай берет на себя обязательство по неприменению ядерного оружия первым, но не участвует в советско/российско-американских переговорах по стратегическим вооружениям до тех пор, пока их потенциал не сократится до «сравнительно низкого уровня». До тех пор Пекин не декларирует количество имеющихся у него ядерных боеголовок и их носителей. Эта позиция удобна, так как позволяет наращивать свои ядерные силы, не признавая этого до какого угодно уровня или момента времени.

Между тем в последние годы Китай вступил в период быстрого наращивания численности своих ядерных вооружений и количество развернутых китайских боеголовок, по существующим американским оценкам, вырастет в 2–4 раза к 2030 г.³⁰ Если отталкиваться от существующих оценок численности китайских ядерных сил, например, от оценки СИПРИ, составляющей 320 боеголовок на 2020 г.,

---

³⁰ Richard C.A. Forging 21st-Century Strategic Deterrence // U. S. Naval Institute. February 2021. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2021/february/forging-21st-century-strategic-deterrence>

речь может идти о достижении КНР численности арсенала в 1200–1300 боеголовок, что сопоставимо с ядерными силами России и США, составляющими менее 1550 развернутых боеголовок в соответствии с нормами действующего договора о стратегических наступательных вооружениях.

В этих условиях Вашингтон начал проявлять беспокойство, которое совпало с общим усилением антикитайских элементов в его политике. В публикуемом Министерством обороны США документе «События с участием Китайской Народной Республики» в редакции 2020 г. в качестве особой угрозы называлось развитие Китаем баллистических ракет средней дальности (БРСД) DF-26, предназначенных для нанесения как обычных, так и ядерных ударов по наземным и морским целям, а также новых межконтинентальных баллистических ракет (МБР), которые могут быть оснащены разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН). Документ также отмечал, что «в течение следующих пяти лет ожидается рост количества боеголовок на МБР наземного базирования КНР, способных создать угрозу США, приблизительно до 200 таких боеголовок»³¹.

В октябре того же года специальный посланник президента США по контролю над вооружениями М. Биллингсли, говоря о китайских подкритических испытаниях ядерного оружия в Синьцзяне и внушительной программе тестовых запусков баллистических ракет на 2019–2020 гг., отметил, что неучастие Китая в переговорах позволяло ему на протяжении последних трех десятилетий сохранять полную свободу от каких-либо ограничений, в результате чего он смог создать от 1000 до 2000 БРСД и крылатых ракет 13 различных типов³².

В этих условиях администрация Трампа выступила с призывами к Китаю подключиться к возможным американо-российским договоренностям по ограничению вооружений. Новый всплеск этих требований был связан с обсуждением судьбы договора СНВ-3, срок которого истекал в 2021 г.

---

³¹ Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020 // U.S. Department of Defense. 2020. P. 55. URL: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF>

³² Virtual event: Behind the Great Wall of Secrecy: China's Nuclear Buildup // The Heritage Foundation. 2020. October 13. URL: <https://www.heritage.org/arms-control/event/virtual-event-behind-the-great-wall-secrecy-chinas-nuclear-buildup>

Китайские официальные лица решительно отвергли любую такую возможность, называя их американским шантажом, направленным на сохранение американского ядерного превосходства³³. При этом Пекин активно критикует позицию США и поддерживает предложения России. Например, в июле 2020 г. начальник Управления по контролю над вооружениями МИД КНР Фу Цун заявил, что «раскручивание китайского фактора является ничем иным, как заговором с целью отвлечь внимание мира и создать предлог для выхода США из СНВ-3». При этом он призвал США согласиться с российским предложением продлить СНВ-3 и на этой основе еще более сократить свой огромный ядерный арсенал³⁴.

Выступая на Аспенском форуме по безопасности в августе 2020 г., посол КНР в США Цуй Тянкай заявил, что сейчас для Китая «еще не время» участвовать в переговорах. Он утверждал, что «у Китая имеется очень небольшое количество ядерных вооружений, и он намного отстает от США и России... поэтому они должны начать международное ядерное разоружение»³⁵. Заместитель постоянного представителя КНР при ООН Ген Шуан, выступая в Генеральной Ассамблее 12 октября 2020 г., повторил традиционные китайские аргументы о том, что Пекин поддерживает ядерные силы на минимальном уровне, необходимом для самообороны, и что Китай никогда не будет ввязываться в гонку ядерных вооружений с какой-либо страной. Он заявил: «Учитывая значительный разрыв между ядерным арсеналом Китая и ядерными арсеналами США и России, ожидать подключения Китая к любым трехсторонним переговорам по контролю над вооружениями несправедливо, необоснованно и нереализуемо... Это просто трюк, чтобы отвлечь внимание международного сообщества. США хотят найти оправдание, чтобы уклониться от своей особой и первостепенной обязанности по

³³ Dotson J. Beijing Rejects Any Involvement in Nuclear Arms Limitation Talks // The Jamestown Foundation. 2020. October 30. URL: <https://jamestown.org/program/beijing-rejects-any-involvement-in-nuclear-arms-limitation-talks/>

³⁴ Department of Arms Control and Disarmament Holds Briefing for International Arms Control and Disarmament Issues // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2020. July 8. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zjzg_663340/jks_665232/jkxw_665234/t1795979.shtml; Expecting China to Join U.S.-Russia Nuclear Arms Talks "Unrealistic": Official // Xinhua. 2020. July 8. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-07/08/c_139197923.htm

³⁵ It is Not Right Timing for China to Join U. S.-Russia Arms Control Talks: Chinese Ambassador // Xinhua. 2020. August 11. URL: <http://www.xinhuanet.com/english/2020-08/11/c139282059.htm>

ядерному разоружению, и найти предлог для обретения свободы рук и получения абсолютного военного преимущества... Китай никогда не будет участвовать в таких переговорах и никогда не поддастся насилию и шантажу»³⁶.

Таким образом, вероятность участия КНР в переговорах по проблематике контроля над вооружениями в предстоящем десятилетии будет, по-видимому, невелика по нескольким причинам. Прежде всего, Китай едва ли может согласиться на участие в договоре, если он будет затрагивать ракеты средней дальности, и не пойдет на раскрытие значимой информации о своем арсенале таких ракет. Это связано с тем, что крылатые и баллистические ракеты средней дальности, главным образом в неядерном оснащении, являлись одним из приоритетов военно-технической политики НОАК на протяжении длительного времени (с 1980-х годов). К настоящему времени Ракетные войска НОАК обладают значительным арсеналом таких ракет (по максимальным встречающимся оценкам, до 2000 ед.), и военная промышленность страны достигла значительных успехов в их совершенствовании³⁷. В частности, в 2019 г. Китай стал первой страной в мире, развернувшей баллистическую ракету средней дальности с планирующим гиперзвуковым боевым блоком.

Ракеты средней и меньшей дальности в арсенале НОАК призваны компенсировать некоторое отставание, сохраняющееся у Китая в боевой авиации и военно-морских силах по отношению к США. Наличие такого арсенала дает КНР огромные преимущества, позволяя разрушить большинство объектов военной инфраструктуры вероятного противника в западной части Тихого океана уже на раннем этапе войны. Подавляющее большинство таких ракет (вероятно, более 90% от их общего количества) развернуты в неядерном оснащении. При этом ядерные и неядерные ракеты присутствуют в составе одних и тех же соединений Ракетных войск НОАК (ракетных баз). Любые переговоры, направленные на установление ограничений численности ракет средней дальности, должны будут превратиться в переговоры о балансе вооружений в регионе в целом, к которым должны будут подключиться и другие страны региона.

---

³⁶ Asking China to Participate In “Trilateral Arms Control Negotiation” Infeasible: Chinese Envoy // Xinhua. 2020. October 13. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-10/13/c_139435411.htm

³⁷ Military and Security Developments Involving the People’s Republic of China 2018 // U. S. Department of Defense. 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/Aug/16/2001955282/-1/-1/2018-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT.PDF>

В настоящее время из сопредельных с КНР стран и территорий ракеты средней дальности наземного базирования имеются у Индии, Северной и Южной Корей, Тайваня и Пакистана. Япония официально заявила о работе над гиперзвуковыми ракетами дальностью до 500 км, однако их действительные характеристики неизвестны. Необходимые в этой ситуации многосторонние переговоры по ограничению вооружений на практике едва ли реальны.

Не пойдет Китай на данный момент и на ограничение исключительно ядерных вооружений. Китай не готов рассматривать возможность соглашения, при котором за ним будет закреплен более низкий лимит числа боеголовок, чем за США или Россией, поскольку в таком случае речь пойдет о неравноправном соглашении. Следовательно, для того чтобы переговоры были возможны, США должны сократить свой арсенал до китайского уровня, на что и указывал МИД КНР, отмечая при этом, что такое развитие событий маловероятно³⁸.

КНР осуществила значительные инвестиции в развитие своих стратегических ядерных сил на протяжении последних трех десятилетий. Точная цифра вложений неизвестна, но мы знаем, что велась одновременная работа над тремя типами МБР, новыми подводными лодками и ракетами для них, а также над новым типом стратегического бомбардировщика. Построено большое количество дорогостоящих объектов инфраструктуры для этих сил.

В июле 2021 г. американские эксперты, основываясь на спутниковых фото, сообщили о строительстве в Китае сразу двух новых шахтовых объектов для размещения МБР: в районе г. Юймэнь в провинции Ганьсу (на 119 шахт)³⁹ и недалеко от г. Хами в Восточном Синьцзяне (предположительно на 110 шахт)⁴⁰. По данным исследователей Федерации американских ученых, это позволяет говорить о том, что всего в настоящее время в Китае строится около 250 шахт, что превышает число всех российских МБР шахтного базирования и составляет более половины количества всех МБР США. Сама программа их строительства представляет собой самую

---

³⁸ Китай объяснил необходимость наращивать военный потенциал // РИА Новости. 08.07.2020. URL: <https://ria.ru/20200708/1574036590.html>

³⁹ Warrick J. China is Building More Than 100 New Missile Silos in its Western Desert, Analysts Say // The Washington Post. 2021. June 30. URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/china-nuclear-missile-silos/2021/06/30/0fa8debc-d9c2-11eb-bb9e-70fda8c37057story.html>

⁴⁰ Korda M., Kristensen H. China Is Building A Second Nuclear Missile Silo Field // Federation of American Scientists. 2021. July 26. URL: <https://fas.org/blogs/security/2021/07/china-is-building-a-second-nuclear-missile-silo-field/>

крупную со времен холодной войны. «Если во всех строящихся шахтах будут размещены МБР, оснащенные одной боеголовкой, то количество китайских боеголовок на МБР возрастет с приблизительно со 185 до 415. Если же в новых шахтах будут размещены новые МБР «Дунфэн-41», то после того, как объекты в Юймэне и Хами будут закончены, китайские МБР смогут нести более 875 боеголовок (из расчета по 3 боеголовки на одну ракету)», – пишут авторы этого анализа⁴¹.

Конечно, само по себе строительство шахт не означает, что все они будут заполнены МБР. Для китайской практики размещения шахтных комплексов межконтинентальных баллистических ракет характерно строительство одновременно с реальными пусковыми установками очень большого количества ложных целей. Около половины численности ракетных войск НОАК приходится на военно-инженерные части, а это порядка 50–60 тыс. человек, которые непрерывно заняты сооружением, во-первых, подземных объектов, а во-вторых, всевозможных ложных целей, которыми маскируются реальные вооружения. Китай пользуется своим преимуществом в качестве страны с мощнейшим в мире строительным комплексом, в которой производится громадное количество стройматериалов. Нарращивание числа китайских ракетных объектов действительно идет быстрыми темпами, однако строительство сотен шахт для реального размещения МБР в одном районе маловероятно. Скорее всего, большинство этих шахт – ложные цели, среди которых будет прятаться намного меньшее количество реальных баллистических ракет. В ложных шахтах не будет «начинки», но из космоса это будет выглядеть одинаково. Тем не менее, принятие на вооружение даже 20-ти ракет «Дунфэн-41» будет очень серьезным шагом, так как речь в любом случае идет о многих десятках, а может и сотнях дополнительных китайских ядерных боеголовок, которые будут в состоянии достигнуть территории США. Кроме того, принять политическое решение по заполнению большего количества шахт Пекину ничего помешать не может⁴².

Россия расположена вплотную к Китаю, и для поражения российских целей ракеты такой дальности не являются необходимыми, а, очевидно, предназначены для гарантированного нанесения ответ-

---

⁴¹ Ibid.

⁴² Академик Арбатов: «Китайские боеголовки полетят над территорией России» // Новая газета. 30.07.2021. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/29/akademik-arbatov-kitaiskie-boegolovki-poletiat-nad-territoriei-rossii>

но-встречного удара по США⁴³. Если это так, то это будет означать коренное изменение китайской ядерной доктрины. Кроме того, нельзя не учитывать, что расположенные в этом регионе МБР в случае китайско-американского конфликта пройдут над российской территорией, что должно заставить Москву задуматься.

В любом случае, по известным американским оценкам⁴⁴, у КНР есть реальные шансы если не достигнуть паритета, то резко сократить отставание от ядерных сверхдержав. Заключение ядерного соглашения в таких условиях было бы односторонней китайской уступкой США.

Вероятно, Китай будет готов к началу переговоров в будущем, когда достигнет примерного равенства со сверхдержавами, но даже в этом случае ведение переговоров будет до предела осложнено наличием трех ведущих игроков (Россия, Китай, США) и асимметрией российско-китайско-американского треугольника. До этого попытки привлечь Китай к участию в переговорах в качестве стороны, вероятно, обречены на провал. Чего максимум можно было бы добиться, так это привлечения китайских представителей к переговорам о стратегической стабильности и предсказуемости с целью укрепления доверия. Китайские власти могут пойти на это с целью получения информации, а также уточнения своих представлений о силах и концепциях России и США.

---

⁴³ Ходаренок М., Поплавский А. Зачем Китай наращивает ядерный потенциал? // Газета.ru. 01.07.2021. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2021/07/01/13690568.shtml>

⁴⁴ Charles A.R. Forging 21st-Century Strategic Deterrence // U. S. Naval Institute. February 2021. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2021/february/forging-21st-century-strategic-deterrence>

Право на безумие. Новая идеология «проснувшихся» западных элит и ее последствия

В сокращенном виде опубликовано в журн.: Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 5. С. 172–192. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pravo-na-bezumie/>

Среди элит США и Европы возникли новые идеологические тенденции, которые постепенно распространяются и на остальной мир. Они различны, но уже можно говорить о появлении идеологической системы, отличной от той, что господствовала в этих странах еще недавно. Она присутствует как в форме новых этических концепций и правил, так и в виде псевдонаучных теорий, и получает выражение во всех сторонах жизни – от научных исследований до массовой культуры.

В этической части эта сумма новых идей и правил получила в России название «новая этика»¹. Она предусматривает правила общения между мужчинами и женщинами, представителями различных народов, рас и социальных групп. В сфере псевдонауки это целые направления типа неофеминистических, гендерных, постколониальных, ЛГБТ-исследований, критической расовой теории и прочие.

Идеология

В отличие от структурированных идеологических систем типа советского научного коммунизма или социализма с китайской спецификой рассматриваемая идеология пока не имеет учебников и программных документов (хотя они есть у некоторых ее компонентов). Рассмотрим основные составные концепции в порядке их появления. Но начнем с определения идеологии и ее отличий от обыденного знания, с одной стороны, и знания научного, с другой.

---

¹ Чебыкина А. Что такое «новая этика» и как она влияет на прессу // Общественная палата по жалобам на прессу. 2021. 14 марта. URL: <https://presscouncil.ru/novosti/novosti-iz-mira-mediaetiki/6305-cto-takoe-novaya-etika-i-kak-ona-vliyaet-na-media>

В западной политологии идеологией обычно называют совокупность политических программ или общую направленность близких политических движений, выражающих стремления части общества, например, либерализм, консерватизм, социализм, фашизм и тому подобное. В марксистской традиции идеологией считается вся культурная надстройка общества в целом, которая характеризуется общими чертами и легитимирует систему власти.

Нам ближе определение идеологии как современного мифа, выросшее из марксистской традиции и развитое в XX в. в рамках семиотических и структуралистских подходов. В этом понимании миф – символическая система, позволяющая человеку комплексно объяснить мир при помощи образов и представлений. Он отличается от разрозненных обыденных представлений именно системностью, стремлением дать понимание жизни и космоса в целом, а не их отдельных частей и явлений. От традиционных мифов идеологии отличаются претензией на научность. Они современны, так как возникли в западном мире после Просвещения с его культом научного прогресса и черпают обоснования для своих проектов в достижениях научного знания.

Однако они принципиально отличны от последнего в двух аспектах.

Во-первых, идеологии стремятся абсолютизировать ограниченный набор из множества факторов жизни, установленных той или иной областью науки, и придать ему всеобщий и вечный характер. В этом отношении идеологией является марксизм, который превратил в абсолют классовую борьбу, вытекающую из социального неравенства, фрейдизм, фиксирующий на отдельных психологических комплексах, или фашизм, отправной точкой которого стало утверждение о биологическом неравенстве рас. Но выделение одного фактора в качестве основного еще не делает систему идеологией, само по себе оно может характеризовать и упрощенную, одностороннюю псевдонаучную теорию.

Во-вторых, идеологии присущ утопизм, т.е. направленность на действие, призыв к изменению мира посредством устранения выделенного основного фактора противоречий или решения главной проблемы человечества, благодаря чему оно достигнет идеального состояния. Для марксизма это ликвидация эксплуатации для построения бесклассового общества, для фрейдизма – освобождение от проблем личного и общественного подсознания, для фашизма – уничтожение или подчинение низших рас высшими. И дело здесь не

в ошибочности идеологии: научная гипотеза тоже может оказаться неверной, да и само понятие «истинности» в науке (соответствие того или иного знания некоей объективной реальности) дискуссионно. Об этом писал Макс Вебер, говоря, что общественные науки должны говорить о «сущем», а не о «долженствующем быть сущим»². С призывами «изменить мир» на основе некоторых научных выводов выступают идеологи и публицисты. Кстати, довольно часто ученым и идеологом выступает один и тот же человек, наглядный пример – Карл Маркс.

Стремление многих изменить мир к лучшему – естественно, просто оно не имеет отношения к науке. Опасность возникает, когда для достижения идеологических целей элита начинает реализовывать меры, нарушающие права отдельных людей или групп населения, призывать к игнорированию законов природы. В этом плане ортодоксальный марксизм-ленинизм, колониальный расизм и фашизм – крайне опасны и по заслугам были отброшены человечеством. Нам представляется, что нынешняя новая идеология уже приобрела черты именно такой опасной для человечества системы.

Истоки и составные части: некоторые определения

Опираясь на данное определение, разберем некоторые концепции новой западной идеологии.

Феминизм. Современный феминизм, как и все идеологии, возник из необходимости решить реальную проблему – общественное неравенство женщин, но довел ее до крайности. В развитых странах равенство в основном достигнуто во всех сферах жизни и деятельности. Но, начав с обеспечения необходимого равенства перед законом и гарантий полноценных возможностей и безопасности женщинам, феминизм на каком-то этапе стал превращаться в идеологию насилия и беззакония, ведущую к абсурдному и биологически недостижимому общественному идеалу.

Феминистские движения добились того, что законы и корпоративные правила об изнасиловании и домогательствах составляются так, что во многих случаях для обвинения мужчины не требуется ни свидетелей, ни доказательств, только заявление пострадавшей. Это уничтожает такую основу западного права, как презумпция неви-

---

² Макс Вебер: «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Центр гуманитарных технологий. 2006. 2 декабря. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4919>

новности. В десяти европейских странах приняты «законы о согласии», которые вводят понятие «изнасилование по неосторожности» – изнасилованием считается любой половой акт, перед которым женщина не высказала явного согласия или же мужчина неверно интерпретировал ее сигналы, которые могут быть поданы или изменены в любой момент акта. Эта практика превращает всю сложность отношений мужчины и женщины в банальный юридический контракт, а с точки зрения правосудия для мужчины действует презумпция виновности. На практике такие дела легко использовать для преследования неугодных. Неслучайно в Швеции подобный закон был применен против журналиста Джулиана Ассанжа, который опубликовал материалы, компрометирующие разведывательные органы США.

Движение *MeToo* уничтожило еще один принцип права – «закон обратной силы не имеет». В результате при появлении первых обвинений в социальных сетях (зачастую они касаются событий, имевших место десятилетия назад) люди теряют работу и даже получают тюремные сроки, которые невозможно обжаловать в суде, так как судьи склоняются в пользу общественного мнения.

В области общественного управления для женщин вводятся квоты на участие в государственных и общественных органах. Это противоречит как идее равенства (женщины получают больше прав, чем мужчины), так и принципу меритократии, отбор производится не по способностям. В научной области радикальные феминисты выдвинули теорию укорененности неравноправия и угнетения женщин в социальных нормах и даже языке. В самой теории нет ничего страшного, во многом она может быть обоснованной. Проблема в выводах, которые из нее делаются: выдвигаются абсурдные требования изменения социальных норм общения, например, запрет пропускать женщин вперед при входе в помещение, уступать им места в транспорте и прочее на том основании, что это якобы их обижает, указывая на слабость³.

Неосуществимость феминистской утопии, основанной на постулате исключительно социальной обоснованности половых различий в области психологии, мышления и, в наиболее радикальном виде, даже в области физической силы, показывает реальный опыт стран, где все или большинство социальных препятствий для женщин дав-

---

³ См., например, Daniels A. Men Should Not Give Up Their Seats To Women: Why? // Medium.com. 2013. June 6. URL: <https://medium.com/@aleksy.contact.info/men-should-not-give-up-their-seats-to-women-why-fd9b2fe19ebf>

но устранены. Так, исследования доказывают, что после снятия социальных преград при условии сохранения свободы выбора женщины чаще, чем ранее, выбирают традиционно «женские» профессии, связанные с общением с другими людьми и их обслуживанием, например, становясь учителями или медсестрами. А учиться естественным наукам, технологиям, инженерному делу и математике в странах с большим гендерным равенством (в Финляндии, Норвегии и Швеции) хотят меньше девушек, чем в Албании и Алжире⁴.

Радикальный феминизм не признает подобные исследования, считает их выражением мизогинизма и оправдывается объяснениями наподобие того, что в Швеции государство всеобщего благоденствия в действительности не увеличивает, а уменьшает свободу женского выбора⁵. В этих условиях предлагается ограничить такую свободу и принудительно навязывать женщинам непопулярные роли, а также «перевоспитывать» их с раннего детства, меняя язык и взгляды, по методу китайской «культурной революции». Таким образом, реализация единственно верного принципа ставится выше прав и интересов конкретных людей, которыми считается возможным пожертвовать. Это превращает радикальный феминизм в тоталитарную идеологию.

ЛГБТизм. Вопросы ЛГБТ следует разделить на две части, так как проблематика гомосексуализма значительно отличается от той, что связана с «трансгендерами». Борьба за права гомосексуалистов имеет реальную основу: долгое время они преследовались и были поражены в правах. Однако, как и в случае с феминизмом, современная борьба за равноправие в Европе и США дошла до дискриминации других категорий населения и противоречия законам природы.

Современная идеология борцов за права гомосексуалистов основана на положении о том, что гомосексуализм является нормой. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) исключила гомосексуализм как психическую болезнь из Международной классификации болезней в 1990 г. Иными словами, сексуальное влечение к партнеру одного пола не является психической болезнью (как, например, влечение к трупам или эксгибиционизм). Но из этого не

---

⁴ Halpin H. 'A gender equality paradox': Countries with more gender equality have fewer female STEM grads // TheJournal.ie. 2018. February 18. URL: <https://www.thejournal.ie/gender-equality-countries-stem-girls-3848156-Feb2018/>

⁵ Sanandaji N. What Jordan Peterson Gets Wrong about the Nordic Gender Paradox // CAPX. 2018. November 20. URL: <https://capx.co/what-jordan-peterson-gets-wrong-about-the-nordic-gender-paradox/>

следует, что гомосексуализм – биологическая норма. В биологии и медицине норма (например, для того или иного органа или организма) обычно определяется на основе исполнения природной функции, как «то, что функционирует в соответствии с предназначением»⁶. Но кроме биологического, существует еще как минимум два других подхода к нормальности: статистический (нормально то, что характерно для большинства) и ценностный (нормально то, что считается нормальным в данном обществе)⁷. В биологии и медицине они применяться не могут: нельзя лечить человека на основании статистики или ценностей, так как все это может меняться, а функции органов у данного вида остаются неизменными (происходящие крайне медленно эволюционные изменения мы в расчет не берем). Признание гомосексуализма нормой фактически представляет собой подмену биологической нормальности ценностной.

Разумеется, недопустимо законодательное преследование гомосексуалистов просто за сам факт однополых отношений, если они не нарушают ничьих прав. Но общество вправе ограничивать распространение практик, если они ведут к негативным для него последствиям, и вполне может ограничивать пропаганду гомосексуализма, не признавать гомосексуальные семьи и лишать гомосексуалистов права усыновления, если считает, что это разрушает традиционную семью, ведет к демографическим и моральным проблемам.

Пропаганда гомосексуализма, как и навязывание феминистами женщинам не принимаемых ими самими социальных ролей, является типичным вторжением в сферу законов природы, попытки изменения которых всегда приводили к катастрофическим последствиям.

Что касается концепции о нормальности изменения пола, то она является крупнейшим мошенничеством и преступлением XXI в. Сама идея – не что иное, как идеологический обман, поскольку всякому биологу известно, что различие между полами не фенотипическое и даже не гормональное, оно определяется на хромосомном уровне. Поэтому никакая операция по изменению тела и даже терапия гормонами не превратят женщину в полноценного мужчину и наоборот. Конечно, есть особые случаи, когда люди рождаются с необычными половыми хромосомами, гонадами или гениталиями, но таких, по статистике, менее одного процента. В исключительных

---

⁶ King C.D. The Meaning of Normal // The Yale Journal of Biology and Medicine. 1945. Vol. 4. No. 17. P. 494.

⁷ Wachbroit R. Normality as a Biological Concept // Philosophy of Science. 1994. No. 61. P. 579–581.

случаях, когда возникают психологические проблемы (а так бывает далеко не всегда), возможно медицинское вмешательство.

Нынешняя пропаганда трансгендеризма не имеет ничего общего с медицинскими соображениями. Она распространяет антинаучные теории о существовании у индивидов гендерной идентичности, отличной от биологической. Истоки теории – в идеологизированной психологии, а именно во фрейдизме. Зигмунд Фрейд выдвинул идею о некоей догенитальной стадии развития младенца, на которой он получает либидинальное удовлетворение от оральных и анальных зон, не различая полов и являясь бисексуальным. Как можно установить, получает ли младенец удовлетворение и от чего именно, великий психолог не поведал, но это его «открытие», как и все прочие, получило большую популярность. Затем в результате «репрессии» (вытеснения) бисексуальности возникает гетеросексуальность, что приводит к эдипову комплексу и прочим психологическим мучениям, с которыми Фрейд предлагал бороться путем снятия психологических и социальных ограничений⁸.

В 1960-е годы американский психоаналитик Роберт Столлер выдвинул новую теорию: психические проблемы, возникающие у младенца, связаны с тем, что в подсознании каждого человека имеется гендерная идентичность, которая может не совпадать с биологическим полом⁹. Лечить это нужно не приведением представлений человека о своем поле в соответствие с биологической реальностью, а изменением биологического пола. Таким образом, если учение Фрейда можно назвать антикультурным и антицивилизационным (всякая культура подразумевает наличие запретов), то теория Столлера – антибиологична, она призывает приводить биологическую реальность в соответствие с чьим-то видением идеала, так же, как ее призывали менять популярные у нацистов сторонники евгеники.

Эта теория сегодня стала доминирующей и в ВОЗ¹⁰. На таком основании тысячам людей делают операции по смене пола. В случае же возникновения еще больших психологических проблем вернуться в прежнее качество чаще всего практически невозможно. Для обоснования подобного идеологического безумия используется новая терминология. Например, биологический пол теперь называется «закреп-

⁸ Фрейд З. Три очерка по истории сексуальности. СПб.: ВЭИП, 2017.

⁹ Stoller R. Sex and Gender: On the Development of Masculinity and Femininity. New York: Science House, 1968.

¹⁰ Gender and health // World Health Organization. URL: https://www.who.int/health-topics/gender#tab=tab_1

ленным» или «приписанным» (*assigned*), чтобы подчеркнуть, что он не существует объективно, а его навязали врачи, власти или родители, возможно, вразрез с истинной реальностью «гендерной идентичности».

Выдумываются несуществующие дополнительные полы: небинарный (*non-binary*), межполовой (*intersex*), гендерно-странный (*gender-queer*); гендерно-экспансивный (*gender-expansive*); агендерный (*agender*); гендерно-пустой (*gender-void*). В некоторых случаях их насчитывают более двадцати. Родителям, врачам и психологам настоятельно советуют не навязывать детям «стереотипы», с раннего возраста (один-два года) обращать пристальное внимание на то, в какие игрушки играет ребенок, какую одежду предпочитает. Если выяснится, что девочка, скажем, любит играть в машинки или носить штанишки, а не юбку, ей ставится диагноз «гендерная дисфория», т.е. дистресс, вызываемый несопадением «гендерной идентичности» с «приписанным полом», а сама она считается потенциальным трансгендером¹¹. Родителям рекомендуется попробовать позволить их ребенку почувствовать себя в гендерной роли мальчика: сменить прическу, одежду, имя и форму обращения к себе. В словаре новой идеологии это называется «социальный переход» (в отличие от медицинского) – *social transition*¹². А уж затем, если ребенку понравится, надо вести дело к операции по изменению пола.

Ясно, что ребенок вполне может принять все это за веселую игру. Некоторые врачи высказывают опасения: «Дети недостаточно знают о себе, чтобы доверить им принятие правильных, необратимых решений, им в целом не хватает развитости, чтобы с этим справиться. Сейчас больше детей стали сомневаться в своем поле потому, что это популярно в обществе или чаще обсуждается в прессе и социальных сетях. Мы не можем допустить, чтобы они наносили себе потенциально постоянный вред, находясь в потенциально временном состоянии». Однако врачи-идеологи борются с подобными естественными опасениями¹³, а описанная мифология становится частью школьных программ полового воспитания.

---

¹¹ Garcia M. Most Gender Dysphoria Established by Age 7, Study Finds // Cedars-Sinai. 2020. June 16. URL: <https://www.cedars-sinai.org/newsroom/most-gender-dysphoria-established-by-age-7-study-finds/>

¹² Santora T. What Age Do Transgender Kids Know They're Trans? // Fatherly. 2021. May 27. URL: <https://www.fatherly.com/health-science/what-age-do-transgender-kids-know-trans/>

¹³ Should There Be a Minimum Age for Gender Transition? // Psychiatry Advisor. 2020. February 4. URL: <https://www.psychiatryadvisor.com/home/topics/gender->

В серьезных исследованиях отмечается, что пропаганда трансгендеризма ведет к подозрительно взрывному росту числа подростков с диагнозом «гендерная дисфория» и стремящихся сменить пол (в особенности девочек)¹⁴. Почему именно девочек? Это легко объяснить другой теорией гендера как социального конструкта, необусловленного биологией. Так, на сайте ВОЗ сказано, что «гендер обозначает социально конструируемые характеристики женщин, мужчин, девочек и мальчиков... Гендер иерархичен и производит неравенство, которое пересекается с другими видами социального и экономического неравенства... Гендерное неравенство и дискриминация, направленные против женщин и девочек, угрожает их здоровью и благосостоянию»¹⁵. Естественно, что, если именно женщин подвергают дискриминации, а пол – лишь социальная конструкция, гораздо большему числу людей захочется не оставаться женщинами и изменить свою идентификацию, а затем и биологический пол¹⁶. Между прочим, кто-то заработает хорошие деньги на этих операциях. В большинстве стран мира изменение пола рекомендуется проводить с восемнадцати лет, но в некоторых можно и раньше, и активности в союзе с заинтересованными врачами ведут компании за снижение возрастного порога¹⁷. Хотя в мире растет число людей, пытающихся вернуться в свой изначальный пол¹⁸.

---

dysphoria/medical-guidelines-at-odds-with-public-policy-should-there-be-a-minimum-age-for-gender-transition/2/

¹⁴ Marchiano L. Outbreak: On Transgender Teens and Psychic Epidemics, Psychological Perspectives // A Quarterly Journal of Jungian Thought. 2017. Vol. 60. No. 3. P. 345–366. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00332925.2017.1350804>

¹⁵ Gender and health // World Health Organization. https://www.who.int/health-topics/gender#tab=tab_1

¹⁶ Abigail Sh. Irreversible Damage: The Transgender Craze Seducing Our Daughters. Washington, DC: Regnery Publishing, 2020.

¹⁷ Ansari A. Transgender rights: These Countries are Ahead of the US // CNN. 2017. February 23. URL: <https://edition.cnn.com/2017/02/23/health/transgender-laws-around-the-world/index.html>; McGreevy R. New legislation to make it easier for teenagers to change gender // The Irish Times. 2019. November 30. URL: <https://www.irishtimes.com/news/ireland/irish-news/new-legislation-to-make-it-easier-for-teenagers-to-change-gender-1.4099892>

¹⁸ Robertson S. Hundreds of Trans People Regret Changing their Gender, Says Trans Activist // News-Medical.Net. 2019. October 7. URL: <https://www.news-medical.net/news/20191007/Hundreds-of-trans-people-regret-changing-their-gender-says-trans-activist.aspx>

Намечены и дальнейшие шаги. Еще в 2014 г. респектабельный «научный журнал» *Transgender Studies Quarterly* опубликовал статью о «Трансвидовости» (*Trans species*), в которой отмечалось: «Трансвидовость выделяет пути соединения транс-образований с отношениями между людьми и нечеловекообразными животными, и делаются возможными благодаря этим отношениям, эффективно подрывающими гетеросексуальные гендерные нормы и родственные образования»¹⁹. А недавно существо, именуемое *Ferociously Steph* и идентифицирующее себя как олень, заняло важную позицию в крупной американской игровой платформе Twitch²⁰.

Трансгендеризм – не просто курьез, а идеологическое прикрытие преступной практики. Тысячам детей и подростков в разных странах наносятся психологические, а часто и физические увечья. Под абсурдным лозунгом обеспечения свободы выбора пола нарушаются коренные права людей на жизнь в том виде, в каком их создала природа.

Постколониальные исследования. Методология, основанная на «постколониальной теории», призывает не к объективному исследованию постколониальных обществ, как можно заключить из названия. Это «критическая» теория в современном, а не традиционном, кантовском понимании. Критике подвергается не собственно методология, а объект исследования, т.е. общество, которое необходимо изменить к лучшему. Согласно одному из определений, «постколониальная теория представляет собой базовое утверждение о том, что мир, в котором мы живем, невозможно понять кроме как в его связи с историей империализма и колониального правления... Последние тридцать лет он оставался одновременно привязан к факту колониального правления в первой половине XX в. и привержен политическим взглядам, направленным на достижение справедливости в настоящий момент»²¹. Это классическое определение не науки, а идеологии, абсолютизирующей ограниченный набор коренных противоречий мирового развития и пытающейся изменить мир путем устранения этих противоречий.

---

¹⁹ Weaver H. *Trans Species* // *Transgender Studies Quarterly*. 2014. No. 1(1-2). P. 253–254.

²⁰ McMahon K. SJW “Deer Person” Granted Authority in Gaming Community // Young America’s Foundation. 26.05.2020. URL: <https://www.yaf.org/news/sjw-deer-person-granted-authority-in-gaming-community/>

²¹ Elam J.D. *Postcolonial Theory* // *Oxford Bibliographies*. 2019. January 15. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780190221911/obo-9780190221911-0069.xml>

Постколониальная теория утверждает, что основным таким диссонансом мира является колониализм, и пытается повсюду выявить его катастрофические последствия для общества и сознания, чтобы искоренить в политической и общественной структуре, искусстве, литературе, мышлении и так далее. Несогласные объявляются сторонниками колониализма и должны быть подвергнуты перевоспитанию. Вопрос о том, как постколониальная теория выросла из активизма борьбы с колониализмом, хорошо изучен²². Отец-основатель теоретизации постколониального мышления Эдвард Саид был палестинским активистом и борцом с сионизмом. В своем наиболее известном труде «Ориентализм» он, выдвинув вполне разумную, но довольно банальную мысль о том, что само понятие Востока привнесено в незападный мир западными теоретиками, сразу же предложил теорию глобального подавления Востока Западом путем навязывания ему западных интеллектуальных и культурных форм, якобы обосновывающих эксплуатацию²³. Другой столп постколониализма Франц Фанон стал главным идеологом Фронта национального освобождения Алжира, выступал за всемирное антиколониальное восстание и освобождение от колониальной ментальности.

Хотя в рамках постколониальных исследований встречаются интересные работы о культуре, искусстве и мировоззрении в незападных обществах, значительное большинство современных постколониалистов политически крайне ангажированы и агрессивны в навязывании своих проектов по переустройству несправедливого общества.

Критическая расовая теория (КРТ) – новейшая из всех рассматриваемых. Ее существование было провозглашено на первом ежегодном семинаре по КРТ в Университете Висконсин-Мэдисон (США) в 1989 г., но интеллектуальные корни уходят в «критические правовые исследования» – направление, основанное на марксистских трактовках права и провозглашавшее, что правовые системы закрепляют угнетенное положение отдельных групп населения в интересах правящей элиты²⁴. Сторонники КРТ выделили основную угнетенную

---

²² Young R.J.C. Postcolonialism: An Historical Introduction. London: Blackwell, 2001.

²³ Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006.

²⁴ Critical Legal Theory // Legal Information Institute. Cornell Law School. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/critical_legal_theory

группу – цветных в Америке (а затем и в мире в целом), перенеся марксистскую теорию классовых противоречий на расы. Однако так же, как и идеологи трансгендеризма, они попытались отойти от биологического понимания расы, провозгласив расы не группами людей, различающихся некоторыми биологическими признаками (например, строением тела или цветом кожи), а навязываемой обществом социальной конструкцией, используемой для угнетения и эксплуатации меньшинства. Согласно их построениям, правовые системы Соединенных Штатов и других развитых стран являются имманентно расистскими и созданы для поддержания системы социального, экономического и политического неравенства между белыми и небелыми.

Среди основных понятий, выдвинутых КРТ, – «системный расизм», якобы существующий на всех уровнях государства и общества, «белые привилегии», которыми якобы пользуется белое население, причем часто «бессознательно» (радикальный феминизм тоже считает, что многие мужчины являются источниками «бессознательного сексизма»), и вытекающая из всего этого необходимость «борьбы с белизной» в законодательстве, государственном управлении и сознании. В этом отношении КРТ противостоит либеральному пониманию борьбы с расизмом, призывающему к равенству перед законом, независимо от расовой принадлежности, которое сторонники КРТ окрестили «цветной слепотой» (*colour blindness*). Вместо этого КРТ призывает распространять на цветное население привилегии, которые должны компенсировать его угнетение в прошлом (вплоть до репараций за рабство).

Цель КРТ – построить идеальное общество путем ликвидации «системного расизма». Спору нет, на личном и психологическом уровне расисты всех мастей существуют и в Соединенных Штатах, и в других странах. Но понятие «системный расизм» подразумевает что-то иное, что трудно сформулировать. Если говорить об институциональном расизме в США, то активный процесс по его устранению начался еще в 60-е годы XX в. реформами администрации Джона Кеннеди. К настоящему времени имеются многочисленные привилегии (например, квоты) как раз для цветных, в том числе при приеме на работу, поступлении в вузы и тому подобное. Такие же преимущества созданы для женщин, представителей ЛГБТ и других. Аналогично нет институционально укорененного белого расизма и в других странах. Последним его остатком был режим апартеида в ЮАР, павший в начале 1990-х годов.

О том, что принадлежность к ранее угнетаемым меньшинствам теперь дает реальные преимущества, говорит курьезное явление – приписывание себе небелого расового происхождения. В прессе США появляются все новые имена политиков (в том числе сенаторов), профессоров и общественных активистов, сделавших карьеру на выдуманном небелом происхождении, но разоблаченных бдительными блюстителями чистоты новой идеологии. Некоторые из них получили престижные места, гранты, контракты или премии, предназначавшиеся только представителям меньшинств²⁵. Такое наблюдалось, например, в СССР, где стремились изменить социальное происхождение на рабочее или крестьянское, или в фашистской Германии, где представители всех национальностей пытались записаться немцами.

КРТ долго оставалась маргинальным направлением, но ее время пришло в 2020 г., когда на волне выступлений против полицейской жестокости одной из ведущих политических сил Америки стало ранее малоизвестное движение *Black Lives Matter (BLM)*. Тогда же антибелыми настроениями в борьбе со сторонниками Дональда Трампа воспользовались лидеры Демократической партии. Термин «системный расизм» прочно вошел в дискурс американских лидеров, включая президента Джозефа Байдена²⁶, в администрацию которого на волне подъема *BLM* было принято несколько приверженцев КРТ²⁷. В результате эта теория стала чуть ли не официальной идеологией: открываются обязательные курсы (иногда только для белых), на которых учат выдавливать из себя «белизну», фактически нормальными и законными стали призывы к принятию на работу преимущественно цветных и других «угнетенных», а недавно в ведущем мировом журнале *Nature* появилось объявление о приглашении на

---

²⁵ Nagle R. How 'Pretendians' Undermine the Rights of Indigenous People // High Country News. 2019. April 2. URL: <https://www.hcn.org/articles/tribal-affairs-how-pretendians-undermine-the-rights-of-indigenous-people>; Lewis H. The Identity Hoaxers // The Atlantic. 2021, March 16. <https://www.theatlantic.com/international/archive/2021/03/krug-carrillo-dolezal-social-munchausen-syndrome/618289/>

²⁶ Remarks by President Biden on the Verdict in the Derek Chauvin Trial for the Death of George Floyd // The White House. 2021, April 20. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/04/20/remarks-by-president-biden-on-the-verdict-in-the-derek-chauvin-trial-for-the-death-of-george-floyd/>

²⁷ Rosenberg D. Biden nominates Black supremacist who endorsed anti-Semitic lecturer // Arutz Sheva. 2021, January 12. URL: <https://www.israelnationalnews.com/News/News.aspx/294766>

должность стажера именно черного кандидата²⁸. Группа медицинских компаний в Англии распространила информацию о поиске только черных стажеров под названием «Черные исследователи медицинских данных» (*Black health data scientists*) в рамках общей британской программы «Десять тысяч черных стажеров»²⁹. А ведь во всех странах Запада расовая дискриминация запрещена законом.

Укоренение идеологии КРТ ведет не к равенству, а к распространению другой формы расизма, на этот раз антибелого, под лозунгами установления окончательной справедливости и всеобщего равенства.

Истоки и принципы

Что дает право объединить эти отдельные теории и подходы в единую идеологию?

Во-первых, их объединяют сами сторонники, которых в США, например, называют «прогрессистами» (*progressives*), а в Европе – «левыми либералами» (*the liberal left*) и из которых состоит большая часть элиты: политики, руководители и сотрудники СМИ, университетская профессура, школьные учителя и работники других интеллектуальных профессий. Например, программа движения «Прогрессисты за Байдена» во время президентских выборов, помимо обычных левых требований о создании новой экономики и доступных для всех систем образования и здравоохранения, включала укрепление расовой справедливости, равенство женщин и представителей ЛГБТК+, а также входящую в новую идеологию, но требующую отдельного анализа экологическую справедливость³⁰.

Во-вторых, все рассмотренные системы взглядов имеют общие истоки и принципы, т.е. они являются составными частями одного направления мысли. Их интеллектуальные корни – в марксизме и частично – во фрейдизме. Оба направления мысли объединяло убеждение, что культурно-идеологическая надстройка общества существует не сама по себе, а является инструментом и выражением

---

²⁸ Clark C. Nature Magazine Requires Summer Interns To Be Black // The Daily Wire. 2021, May 28. URL: <https://www.dailywire.com/news/nature-magazine-requires-summer-interns-to-be-black>

²⁹ Health Data Research UK Announces Black Internship Programme Starting Summer 2021 // Health Data Research UK. 2021, December 1. URL: <https://www.hdrk.ac.uk/news/10000-black-interns-programme-launched/>

³⁰ Progressives for Biden // Joe Biden.com. URL: <https://joe Biden.com/progressive/>

неких реальных процессов: для Маркса – общественных, для Фрейда – психологических. Оба они хотели исправить реальность путем приведения ее в соответствие собственному умозрительно-абстрактному идеалу.

Из марксистской традиции особо важна теория идеологии как «ложного сознания», навязываемого правящим классом индивидам через культурно-образовательную систему для поддержания привилегированного положения, она была развита в XX в. философами Дьёрдем Лукачем, Теодором Адорно, Гербертом Маркузе, Луи Альтюссером и другими. Однако в современном мире их построения приняли крайне упрощенный характер. Если Карл Маркс считал, что истинное, объективное сознание установится на определенном этапе экономического и социального развития, а Зигмунд Фрейд – что для этого нужна психологическая терапия, то сегодняшние сторонники критических теорий полагают возможным просто поменять мышление человека на то, которое считают правильным, путем законодательных изменений, запрета несправедливых и распространения справедливых мнений либо с помощью хирургического вмешательства. Таким образом, навязывание неверных, репрессивных представлений должно смениться навязыванием свободных и истинных. Если это и марксизм, то скорее левацкий в трактовке Мао Цзэдуна с его «культурной революцией» и школами перевоспитания интеллигенции, а не учение Карла Маркса или Франкфуртской школы.

Новая идеологическая тенденция стремится поставить под контроль не только власть, но и персональное сознание. Отсюда и параллели с советским социализмом – подчинение индивида общественным интересам, а формального закона – справедливости. В этом плане на современные критические теории большое влияние оказали идеи французского философа Жака Деррида о «деконструкции» права в соответствии со справедливостью, которую он считал импульсом или стремлением человека к невозможному³¹. В идее противопоставления формального права идеальной справедливости нет ничего уникального: она была характерна для всех утопистов, от Платона до Ленина. Но попытка воплотить идеальную справедливость в жизнь неизменно приводила к созданию репрессивной системы, потому что невозможно заставить всех членов общества следовать умозрительной идее без насилия.

---

³¹ Derrida J. Force of law: the Metaphysical Foundation of Authority // Cornell D., Rosenfeld M., Carlson D.G. (eds). Deconstruction and the Possibility of Justice. 1st edition. New York: Routledge, 1992. P. 3–67.

Верховенство абстрактной справедливости и подчинение ей законодательства противоположно традиционной либеральной идее верховенства закона и равенства всех перед ним, независимо от принадлежности к той или иной социальной группе. Термин, олицетворяющий эту идею в современном американском новоязе, – *equity*, который можно перевести как «справедливость, выраженная в равенстве конечного результата», в отличие от справедливости формального права, выраженной в равенстве возможностей (*equality*).

Другим теоретическим истоком новой идеологии можно назвать еще одно направление теоретического левачества XX в., а именно – поздний экзистенциализм Жана-Поля Сартра, перенесшего идею личного индивидуального выбора из трансцендентальной области сознания на посюстороннее бытие³². В результате сам он сделал выбор в пользу левацкой революционности, поддержав студенческое движение 1960-х годов в Европе и даже «культурную революцию» в Китае. От обязательности политического выбора в пользу социалистического прогресса – один шаг до новоидеологического лозунга «молчание – значит насилие» (*silence is violence*), согласно которому отсутствие верного выбора или бездействие означает соглашательство.

Для обозначения новых целей создана целая терминология с понятиями, имеющими, как и в советской идеологии, двойное дно. Например, «разнообразие» (*diversity*) в обычном языке означает участие в чем-либо представителей разных сил и групп, а в новой идеологии оправдывает введение привилегий и квот для некоторых из них. «Инклюзивность» (скажем, в образовании) в реальности имеет то же значение. «Интерсекциональность» – не просто исследование особенностей личного опыта и представлений людей смешанного происхождения (например, соединивших в себе культуры нескольких стран), но пересечение «„независимых феноменов“ угнетения по признаку расы, гендера, класса, сексуальности, инвалидности, национальности и других социальных категорий», т.е. выявление связи различных видов эксплуатации для более эффективной борьбы с ними³³.

Есть и термины, обозначающие меры по обеспечению господства новой идеологии, например, «культура отмены» (*cancel culture*), означающий бойкот несогласного в соцсетях, СМИ и в обществе,

---

³² Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Скепсис. https://sceptis.net/library/id_545.html

³³ Runyan A.S. What Is Intersectionality and Why Is It Important? // American Association of University Professors. 2018. URL: <https://www.aaup.org/article/what-intersectionality-and-why-it-important#.YNzIxBMzbrQ>

«отказ в платформе» (*deplatforming* или *no-platforming*) – запрет для них на публичные выступления (часто путем их срыва). Под лозунгом вычищения «белых привилегий» и «мизогинизма» в школах запрещают произведения классической литературы. А перевоспитавшихся и послушных называют «проснувшимися» (*woke*).

К широкому распространению этих ранее маргинальных подходов, превращению их в предмет всеобщего насильственного распространения привели два социальных фактора – приход в западную университетскую и научную элиту повзрослевших леваков 1960-х годов и представителей интеллигенции бывших колоний, принесших с собой постколониальную мифологию, основанную на обвинении бывших колонизаторов в политической и экономической несостоятельности бывших колоний. Если люди типа Эдварда Саида – характерный пример второй тенденции, то знаменитая в СССР Анжела Дэвис, ученица Маркузе и Адорно, бывший участник движения «Черные пантеры» и член компартии США, которой инкриминировали соучастие в захвате заложников и убийстве, – отличная иллюстрация первой. Теперь она уважаемый профессор Калифорнийского университета в Санта-Крузе, гуру сторонников *BLM* и в многочисленных интервью рассказывает о том, что всегда выступала за ныне побеждающие принципы новой идеологии³⁴.

Перспективы новой идеологии и Россия

Новая идеология захватывает западный мир и оттуда, как и все модные культурные тренды, распространяется на другие части света. Исторически западное общество направляло усилия на борьбу с попытками государства ограничивать гражданские свободы и научилось хорошо защищаться от диктата государства. Дав полную свободу общественному мнению, оно пришло к тому, от чего предостерегали, например, отцы-основатели США в знаменитых «Записках федералиста» – диктатуре необразованного и ничем не ограниченного большинства, точнее – активистского общественного меньшинства в условиях пассивности молчаливого большинства. В новой атмосфере можно сколько угодно ругать правительство, но за одно неосторожное слово против господствующей общественной идеологии запросто стать изгоем.

---

³⁴ George N. Angela Davis Still Believes America Can Change // The New York Times. 2020, October 19. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/10/19/t-magazine/angela-davis.html>

Интересный пример из последних – дело британки Майи Форстейтер, уволенной из международной исследовательской организации за твиты, в которых говорилось, что пол является неизменным, у человека может быть два пола и сменить их невозможно. В 2019 г. она проиграла первое слушание в трибунале по трудовым спорам, но затем выиграла апелляцию. Однако это решение (еще неокончательное) нельзя считать поражением новой идеологии. Скорее, речь идет о столкновении между двумя ее частями: феминизмом и трансгендеризмом³⁵. Ведь Форстейтер – феминистка, для которой признание эфемерности женского пола ставит под вопрос само существование женщин. Неслучайно ее поддержала другая знаменитая феминистка – автор книг о Гарри Поттере Джоан Роулинг, за что подверглась попытке быть «отмененной» сторонниками трансгендеризма.

С новой идеологией и ее приверженцами начали активно взаимодействовать политические элиты, пытающиеся оседлать новое движение и с помощью его сторонников добить лагерь традиционалистов-консерваторов. Однако заигрывание с тоталитарной идеологией – опасная вещь. Логика развития тоталитарного движения всегда выводит на поверхность наиболее радикальную часть, которая, расправившись с врагами внешними, начинает уничтожать бывших союзников и попутчиков. Исторический опыт говорит, что западные политики, пытающиеся использовать шумиху вокруг борьбы с «системным расизмом», чтобы отвлечь внимание от необходимости решения реальных проблем общества (бедности, социального расслоения, миграции, кризиса образования и тому подобных), а также интернет-олигархи, помогающие «проснувшимся» установить жесткую цензуру, сами роют себе могилу.

Для внешнего мира это означает, что скоро мы увидим более тесное сращивание новой идеологии с государством и напористую политику ее навязывания другим обществам и странам. Принятое еще в 2011 г. решение администрации Барака Обамы о защите прав гомосексуалистов за рубежом и учете ситуации с правами секс-меньшинств в той или иной стране при принятии решений о выделении финансовой помощи или предоставлении политического убежища, вывешивание радужного флага на посольстве США в Москве демонстрирует начало этой тенденции. Запад, как всегда, наступает, навязывая всему миру идеологию «проснувшихся».

---

³⁵ Faulkner D. Maya Forstater: Woman Wins Tribunal Appeal over Transgender Tweets // BBC News. 2021. June 10. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-57426579>

Странам, где уже господствует новая идеология, противостоят государства с разными видами традиционных, в основном авторитарных режимов. Население в них, как правило, не принимает новые веяния, но правительства и элиты пассивны, так как не имеют глобальных амбиций. Россия и другие постсоветские и посткоммунистические государства в этих условиях могли бы сыграть роль инициаторов дискуссии об опасностях новой идеологии. Это обусловлено тем, что они давно, еще в 20-е годы XX в., пусть и в несколько ином виде, уже пережили подобный период, и разрушительный характер новой идеологии, ее неприемлемость здесь понимают гораздо лучше. Тогда наши предки прошли опыт отмены семьи, радикального феминизма (вспомним знаменитую Александру Коллонтай), запреты на детские сказки и другую литературу, поддержанные самой Надеждой Крупской, новые методы обучения в школе (читай «Республику ШКИД»), а главное – попытку построения общества на основе идеала равенства конечного результата с уничтожением во имя революционной целесообразности принципа равенства перед законом. Поэтому именно мы, жители этих стран, должны напомнить миру о том, к чему это привело. Вне же западного мира многие не спешат критиковать новую идеологию, боясь показаться «непрогрессивными», подвергнуться остракизму в «развитых странах». Между тем критическая дискуссия о новой идеологии крайне необходима, ее явно заждались молчаливое большинство людей в самых разных концах света, и если российские ученые выступят ее инициаторами, это может способствовать росту их интеллектуальных позиций в мире.

Конечно, было бы здорово, чтобы исследователи, иницирующие подобные дискуссии, представляли страны, имеющие моральный авторитет и высокий уровень свободы. К сожалению, это не всегда так. Однако традиционный авторитаризм в какой-то мере менее опасен, чем «проснувшееся» западное общество. Проблемы авторитаризма известны и хорошо описаны. Он, как правило, не имеет амбиций навязывать свои порядки другим (советский режим был не авторитарным, а тоталитарным, идеологическим) и деструктивен в основном для собственного населения. Риск же пути под знаменем новой идеологии плохо понятен тем, кто им следует. Они считают, что движутся вперед, а мы понимаем – что назад, к нашему трагическому прошлому. Нам же надо стремиться к тому, от чего отказывается Запад, – большей свободе, основанной на верховенстве права и господстве формальных институтов над принципами и идеалами.

А на западное общество сегодняшнего образца мы можем смотреть так же, как оно на большевистскую Россию столетие назад: странная орда дикарей, которые под лозунгом всеобщей справедливости за-чем-то разгромили свою страну и на ее остатках установили жестокую идеологическую диктатуру.

Умеренный прогресс в рамках возможностей: женевский саммит и Китай

Опубликовано на сайте журн.: Россия в глобальной политике. 17.06.2021.

URL: <https://globalaffairs.ru/articles/umerennyj-progress-sammit-i-kitaj/>

Когда-то великий чех Ярослав Гашек, издеваясь над политической системой своей страны, создал партию умеренного прогресса в рамках закона. Он был левым идеалистом, а говоря реалистически, такая партия была бы, пожалуй, лучшим вариантом для любой страны. В этом смысле исход российско-американского саммита в Женеве¹, результатом которого можно назвать умеренный прогресс в рамках имеющихся возможностей, является успешным.

Успехом было уже то, что он состоялся в условиях, когда двусторонние отношения достигли исторического дна. Успехом было и то, что достигнуты некоторые договоренности и даже подписан один документ². Результаты саммита 2018 г. с Дональдом Трампом³ в этом смысле были гораздо более скромными, несмотря на все бравурные заявления американского лидера. Подписанное заявление о запуске комплексного диалога по стратегической стабильности означает, что Россия продолжает рассматриваться Вашингтоном как важнейший игрок на поле ядерных вооружений, и закрывать глаза на эту ситуацию уже нельзя. Что-то делать надо, но что именно, там явно еще не решили. Обе стороны определяют это в ходе конкретных переговоров, которые нужны и России, так как ей ни к чему новая гонка вооружений.

---

¹ Российско-американские переговоры // Официальный сайт Президента России. 2021. 16 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65869>

² Совместное заявление Президентов России и США по стратегической стабильности // Официальный сайт Президента России. 2021. 16 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5658>

³ Саммит Россия–США // Официальный сайт Президента России. 2018. 16 июля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58014>

Хорошо это и для всего мира. В последнее время в обеих странах появились ястребы и просто абстрактные теоретики, рассуждающие о вреде системы нераспространения ядерного оружия и возможности или даже желательности признания ядерного статуса де-факто обладающих этим оружием государств. Реализация этих предложений крайне опасна как для мира, так и для России, поскольку это увеличило бы вероятность ядерной войны и девальвировало российский международный статус как одной из ведущих ядерных держав. К подобным предложениям с большой опаской относятся самые различные страны мира, в том числе Китай, для которого признание ядерного статуса, скажем, Индии или даже союзной КНДР, а тем более нуклеаризация Японии или Южной Кореи были бы крайне нежелательными. Новый диалог о стратегической стабильности с США с неизбежностью затронет и третьи страны. И к их реакции надо относиться с осторожностью.

Договоренность о возвращении послов в столицы обеих стран является символической, она предназначена для создания более конструктивной двусторонней атмосферы в целом. За ней могут последовать другие подобные решения: об увеличении количества сотрудников дипломатических представительств, размораживании дипломатической собственности, визовым вопросам и тому подобное. Идею об обмене заключенными не следует переоценивать. Кем, собственно, можно обменяться? В заключении в России находится вроде бы только один американец, обвиненный в шпионаже. Упомянутый Байденом бизнесмен Майкл Калви никак со шпионажем не связан и настаивает на своей невиновности. Вся история, связанная с ним, действительно сильно отпугивает от России американских бизнес-партнеров, так что все вполне и так может закончиться оправданием. Российские же «политические» сами не пойдут на обмен, так как это будет означать признание в том, что они имеют какую-то связь с Соединенными Штатами.

Крайне интересна договоренность о переговорах по кибербезопасности. Эта новая угроза, по ней с обеих сторон звучало много взаимных обвинений, но конструктивного разговора до сих пор не было. Важно здесь то, что одна из новых угроз человечеству, **во-первых**, признана в качестве таковой двумя оппонентами в международной системе, а **во-вторых**, именно США и Россия могут стать лидерами в ее решении. Реализация подобной идеи повысит авторитет России в мире. Конечно, если она состоится. А не состояться она

может по целому ряду причин, главная из которых – отсутствие решимости у американцев.

Уже в день переговоров Байдена начали критиковать за якобы сделанные России уступки. С совершенно абсурдным заявлением выступил бывший президент Трамп, заявивший о том, что отлично ладил с Путиным, но одновременно был гораздо более жесток по отношению к России. В реальности в период его президентства двусторонние отношения значительно ухудшились, а его рассуждения о возможности прекрасных договоренностей с Москвой остались пустым звуком. Впрочем, абсурдны эти заявления только с точки зрения формальной логики, в действительности они означают, что оппозиция будет резко критиковать администрацию Байдена за слабость по отношению к России и Китаю. И, несмотря на авторитет американского президента и демократическое большинство в обеих палатах Конгресса, эта критика может привести к корректировке его позиции – так же, как ранее критика со стороны оппонентов привела к изменению многих первоначальных планов Трампа. Элиты и в США, и в Европе свято верят в свою исключительность и в то, что успехом любых переговоров можно признать только безоговорочную сдачу оппонента или хотя бы его серьезные уступки.

Кроме того, неизвестно, насколько реализуема «доктрина Байдена» об одновременном давлении и сотрудничестве («идти и жевать жвачку одновременно»). Этот подход требует довольно тонкой тактики. Уклон в сторону давления может отбить желание другой стороны идти на сотрудничество, и напротив, крен в сторону сотрудничества вызовет мощную критику внутри. В России есть хорошая поговорка о желании достичь двух противоположных целей одновременно, смысл которой сводится к тому, что сделать это весьма затруднительно.

Немаловажно и то, что за американо-российскими договоренностями внимательно и ревниво следят в самых разных странах, прежде всего дружественных США и России. Для Вашингтона здесь наиболее важными являются союзники в Европе, где в прессе уже начинают осуждать его за то, что он «легитимирует» российскую экспансию, для России – дружественный Китай. В Пекине традиционно с подозрением относятся к любым договоренностям между Москвой и Вашингтоном, опасаясь, что они станут каким-то стовором за китайской спиной. И сегодня среди китайских экспертов есть те, кто считает, что Москва сближается с Пекином лишь для того, чтобы укрепить свои позиции в конфронтации с Западом, и быстро пере-

кинется на другую сторону, как только ей предложат выгодные условия. Хотя очевидно, что такое развитие событий в существующей международной ситуации невозможно и для России сотрудничество с Китаем важно само по себе, а не как козырь в какой-то геополитической игре: подобные идеи популярны как среди китайский ястребов-националистов, так и у некоторых прозападных аналитиков.

Конечно, российская сторона в рамках действующих механизмов стратегического партнерства проинформирует Китай об итогах переговоров. Однако здесь, возможно, было бы необходимо сделать что-то большее. Например, известно, что Китай принципиально отказывается становиться третьей стороной в российско-американских ядерных переговорах. Однако, возможно, стоило бы попробовать предложить китайцам принять участие в какой-то открытой их части в качестве наблюдателей. Китай может пойти на это для получения информации, его участие или даже само предложение укрепит доверие между Москвой и Пекином. Что касается США, то им трудно будет отказаться, так как они первые выдвинули идею подключения Китая. Но даже если и последует отказ, то он будет на совести Вашингтона.

Чего ожидать от встречи президентов Байдена и Путина в Женеве?

Опубликовано на сайте журн.: Россия в глобальной политике. 10.06.2021.

URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vstrecha-prezidentov-v-zheneve/>

В России среди большинства наблюдателей нет завышенных ожиданий от встречи в Женеве. Позиция России всегда была неизменной: она готова обсуждать с США любые вопросы, которые готовы обсуждать они сами. Однако Москва не будет предъявлять каких-то односторонних требований или проявлять инициативу, так как в Вашингтоне это может быть воспринято как излишняя заинтересованность.

Все высказывания российских политиков сводятся к тому, что Россия готова к сотрудничеству, но, с другой стороны, может обойтись и без него. Соединенные Штаты должны понять, зачем им нужно сотрудничество с Россией и в каких именно областях, и обсудить именно эти моменты.

Объявленная и, судя по всему, согласованная повестка включает вопросы стратегической стабильности (прежде всего, судьба закончившего действие и продленного на один год Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений – ДСНВ) и некоторые глобальные и региональные проблемы: окружающая среда и изменение климата, информационная безопасность, ситуация в Сирии, на Корейском полуострове и в Афганистане, иранская ядерная сделка. Возможно обсуждение и перспектив сотрудничества в космосе, где новый раунд американских санкций затронул ряд российских компаний, которые участвуют в этом сотрудничестве. В ответ российская компания «Роскосмос» заявила, что выйдет из проекта Международной космической станции, отсоединит от нее свой модуль и будет развивать собственные космические станции.

Трудно предсказать, какой линии будет придерживаться Вашингтон на переговорах. До сих пор его политика строилась на выдвину-

той Байденом формулировке о том, что «можно идти и жевать жвачку одновременно»¹, т.е. и подвергать оппонента резкой критике, и сотрудничать с ним в ряде областей. Этот подход противоречит традиционной дипломатии, в рамках которой считалось, что для достижения договоренности надо проявлять сдержанность и вежливость. Рассчитан он в основном на внутреннюю аудиторию: с одной стороны, надо удовлетворить критиков из оппозиции, которые ругают Байдена за недостаток жесткости, с другой – показать, что новый президент может лучше добиваться целей путем сотрудничества, чем предыдущая администрация Трампа. Этот подход американцы попробовали применить на переговорах с Китаем в Анкоридже², но он провалился, так как дело закончилось взаимной перепалкой.

В последнее время влиятельные американские аналитики стали высказывать мнение о том, что российско-китайское сближение представляет большую опасность и с этим надо что-то делать, например, улучшать отношения с Россией. Показательный пример: статья *China and Russia's Dangerous Convergence*³, опубликованная в марте этого года в журнале *Foreign Affairs*. Ранее говорилось о том, что одна из ее авторов, Андреа Кендалл-Тейлор⁴, близка к команде Байдена и может стать директором Совета национальной безопасности по России и Центральной Азии.

Эта и подобные статьи и высказывания отличаются от прошлых, в которых обычно говорилось, что Россия и Китай никогда не станут союзниками из-за больших противоречий между собой. Теперь проблема признается, однако рецепты того, как ее решать, весьма слабые. В основном говорится о том, что Россию надо убеждать в опасности Китая, но при этом все равно жестко ее критиковать и не идти на серьезные уступки. Ясно, что этот подход ни к чему не приведет, так как доверие к США в России полностью утеряно и структура российско-китайского взаимодействия уже достигла такой степени, что оторвать Россию от Китая будет крайне трудно.

¹ Лукьянов Ф. Не жевать на ходу // Россия в глобальной политике. 18.03.2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ne-zhevat-na-hodu/>

² Лукьянов Ф. Анкоридж, еще Анкоридж! Эфир передачи «Международное обозрение» от 26 марта 2021 г. // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ankor-eshhyo-ankor-mo-26-03/>

³ Кендалл-Тейлор А., Шульман Д. Опасное сближение Китая и России // Россия в глобальной политике. 2021. 11 мая. <https://globalaffairs.ru/articles/opasnoe-sblizhenie-kitaya-i-rossii/>

⁴ Андреа Кендалл-Тейлор // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/authors/andrea-kendall-tejlor/>

Поэтому в России ожидают несколько более конструктивного подхода, однако готовы и к повторению сценария Анкориджа.

Высказывания президента Путина о Соединенных Штатах, сделанные в нескольких недавних выступлениях, в частности, на Петербургском международном экономическом форуме, были вежливы по форме, но довольно резки по содержанию. При этом он затронул ряд внутренних американских проблем. Поэтому если американская сторона опять начнет с публичных обвинений и полемики, российская сторона ответит вежливо, но жестко.

Но если Байден станет обсуждать практические вопросы в конструктивном ключе, Россия также проявит конструктивность. В целом Россия заинтересована в нормальных отношениях с США хотя бы по ограниченному кругу вопросов, хотя и не ожидает от переговоров многого. Неурегулированность отношений с Соединенными Штатами и Западом в целом воспринимается в Москве как ситуация, потенциально опасная для внутренней стабильности, а именно внутренняя стабильность больше всего заботит российские власти. Однако американские требования относительно изменения российской внутренней и внешней политики, выдвигаемые Вашингтоном в качестве предварительных условий нормализации, также могут подорвать стабильность российской власти. Поэтому Москва пытается найти оптимальный баланс между жесткостью и конструктивностью.

Назад к традиционной дипломатии!

Опубликовано на сайте журн.: Россия в глобальной политике. 19.04.2021.

URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nazad-k-tradiczionnoj-diplomatii/>

17 марта 2021 г. президент США Джо Байден в интервью утвердительно ответил на вопрос журналиста о том, является ли его российский коллега Владимир Путин «убийцей». 13 апреля на фоне ухудшающихся двусторонних отношений он позвонил Путину и предложил встретиться в ближайшие недели. На следующий день он подписал указ о новых антироссийских санкциях. Еще через день в специальном выступлении о своем подходе к России Байден выразил надежду на начало с ней стратегического диалога по сотрудничеству в контроле за вооружениями и безопасности. При этом один раз он назвал российского президента «Клютиным» (в размещенной на сайте Белого дома официальной расшифровке стоит пометка «так в оригинале»).

На основе анализа всех этих событий и высказываний эксперты и аналитики многих стран мира стали строить догадки о том, что бы это все могло значить. Доминирующий в России подход состоит в том, что команда Байдена не вполне понимает, что делает и чего добивается, принимает решения ситуативно, потому результат выходит столь противоречивым. Пошли разговоры и о возрастной неадекватности американского президента, хотя эта теория возникла вовсе не в России, но активно распространяется республиканской оппозицией и ее сторонниками в США.

Мне представляется, что поведение демократической администрации вовсе не является непоследовательным. Точнее, оно является непоследовательным с точки зрения остальных, но с ее собственной точки зрения она придерживается линии, с которой сторонники Байдена шли на выборы, и которую они заявляли уже давно, противопоставляя ее курсу Дональда Трампа.

Трамп, по их мнению, своей жесткой и эгоистической линией не только отпугнул друзей, но и не мог конструктивно договариваться

с оппонентами. Он обоснованно критиковал этих оппонентов (Китай, Россию, Иран, КНДР и других), но недостаточно делал, чтобы превращать давление в нужные для США результаты. Советники Байдена предложили свой подход: одновременно давить, критиковать, но и разговаривать на темы, выгодные США, склоняя противника к договоренностям и уступкам. Байден сформулировал этот принцип афористично, заявив, что «можно идти и жевать жвачку одновременно».

В действительности, ничего нового в этом подходе нет. Его активно применял и сам Трамп. Придя к власти, он как только ни клеймил лидера Северной Кореи Ким Чен Ына: и «сумасшедшим», и «маленьким ракетным человеком», но все это не помешало двум политикам встретиться и провести переговоры. Трамп обрушился с резкой критикой на политику Китая, Ирана и даже таких дружественных стран, как Мексика и Канада, но это вовсе не означало, что он отказывается от переговоров с ними. Напротив, он считал жесткое давление, включая доходящую до неприличия критику, чем-то вроде составной части начальной переговорной позиции, и в некоторых случаях (например, с Китаем и Мексикой), хотя и не во всех, такая тактика даже приносила определенный успех.

Свою новую тактику демократы заявляли еще до выборов. Так, например, в интервью программе «Фронтлайн» компании PBS будущий госсекретарь Энтони Блинкен уже в 2017 г. фактически сформулировал стратегию, которую и проводит в жизнь теперь. С одной стороны, он говорил о необходимости «каким-то путем вернуться к месту, когда отношения между Соединенными Штатами и Россией не являются игрой с нулевой суммой, но мы работаем в реальности вместе в областях, представляющих взаимный интерес». С другой, он призывал не допустить, чтобы российский лидер смотрел на мир через призму нулевой суммы без последствий для него и без того, чтобы платить за это. Таким образом, предлагался подход кнута и пряника, а не одного только кнута, которым, по мнению демократов, только и хлестал Трамп.

Подход этот относился не только к России, но и ко всем оппонентам. Придя к власти, демократы поначалу испробовали его на Иране и Китае. Резкая критика Тегерана не помешала провести с ним консультации по перспективам новой ядерной сделки. Иранское руководство в публичной сфере отвечало столь же резко, однако от разговора не отказалось.

Следующим испытуемым был Китай, встречу с делегацией которого в Анкоридже 18–19 марта 2021 г. тот же Блинкен начал

с жесткой критики Пекина по вопросам Синьцзяна, Тибета, Тайваня, Южно-Китайского моря и другим. После такого введения и не менее жесткого ответа Китая начало встречи, передававшееся в прямом эфире, превратилось в перепалку. Однако после нее стороны все же провели закрытые переговоры по вопросам, представляющим взаимный интерес (Иран, Северная Корея, Афганистан, климат и торговля), которые обе стороны назвали «конструктивными».

Таким образом, случай с Россией не исключительный, он вполне вписывается в новую американскую тактику. При этом по сравнению со временами Трампа скорее изменился стиль, чем основная идея. Вашингтон при Байдене больше не критикует союзников и сместил критику противников с геополитических аспектов на права человека и «ценности». Однако сама идея одновременного давления и переговоров сохранилась.

В этой обстановке для стран, которые Вашингтон считает своими оппонентами, встает естественный вопрос: как реагировать. Понять подобный подход как логичный им трудно. Дело в том, что все эти страны более традиционны как в целом, так и в своих подходах к дипломатии, которая столетиями считалась искусством избегать вооруженных конфликтов путем взаимных уступок и достижения взаимоприемлемых договоренностей. Для таких целей и был изобретен сложный дипломатический протокол, суть которого сводилась к выражению формального уважения к другой стороне при любых обстоятельствах, так как согласно представлениям о чести, существовавших в период развития дипломатии, в противном случае с тобой просто не будут разговаривать. В результате даже нота, заключающая в себе ультиматум или объявление войны, должна была заканчиваться уверениями в «весьма высоком уважении».

Сегодня времена меняются. Понятие чести сменяется моральным эксгибиционизмом. Язык блогов и социальных сетей сливается с языком печати и приходит в политику, в особенности в странах, где политики зависят от выбора избирателей и во все большей степени должны разговаривать с ними на их языке. Трамп был, пожалуй, первым президентом США, избранным благодаря социальным сетям¹, он и говорил языком твитов и комментариев. Кроме того, сама необходимость отличаться от предшественника и казаться «круче»

---

¹ Макаров О. «Ночь цифровых ножей» и дискуссия о цифровом суверенитете // Россия в глобальной политике. 11.01.2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/noch-czifrovyh-nozhej/>

его, заставляет устраивать шоу, подобные тому, что мы видели в Анкоридже².

Но это только одна сторона дела. Другая состоит в том, что в США реально не знают, что делать со странами, бросающими им открытый вызов (а с американской точки зрения, вызов бросает любой, кто отказывается подчиняться). После распада СССР в Вашингтоне возникла иллюзия всесильности. Но внезапно возникшее подавляющее влияние США было не следствием укрепления их объективной мощи, а результатом самоубийства основного соперника.

В действительности относительная мощь США и доля американской экономики в мировой падали по мере укрепления Китая, стабилизации России и роста ряда других центров силы. Американское руководство крайне раздражено тем, что может повлиять на все меньшее количество процессов в мире, и символом этого раздражения являются крупные непослушные игроки. Поскольку сделать с ними практически мало что можно, остается только ругать их публично, пытаться душить бессмысленными санкциями, чтобы избиратели внутри и союзники за рубежом не подумали, что Вашингтон слабеет. Но ведь и вопросы с ними надо как-то решать, отсюда и одновременное стремление вести переговоры.

Как реагировать?

Для начала эту логику и ее причину надо понять. Это именно логика, а не сумасшествие, точнее логика крайне раздраженного человека, близкого к нервному срыву, который к тому же не хочет, чтобы его родственники и знакомые узнали о его состоянии. Другая возможная наглядная модель – стареющий человек, который не желает пока признаться ни себе, ни родственникам, ни поклонникам в том, что уже не может вести себя, как раньше. Иногда он пытается прыгать и бегать, как в молодости, но спотыкается и набивает шишки, из-за чего злится и клянет окружающих, которые порой, действительно, пользуются его слабостями и хотят отправить его на пенсию. В другое время он, понимая, что годы берут свое, ведет себя более осторожно и старается с окружающими договориться о новых, более выгодных условиях своей жизни.

---

² Лукьянов Ф. Анкоридж, еще Анкоридж! Эфир передачи «Международное обозрение» от 26 марта 2021 г. // Россия в глобальной политике. 26.03.2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ankor-eshhyo-ankor-mo-26-03/>

С нервными нужно разговаривать спокойно, но твердо и последовательно. Излишние эмоции могут вызвать лишь ответные, еще более сильные эмоции. Китайская тактика встречных обвинений не кажется выигрышной. Западные союзники и американские избиратели Байдена не вдохнутся китайской пропагандой, они даже не обратят на нее внимания. Другое дело, если она тоже предназначена для собственного внутреннего потребления.

В обиде отказываться от переговоров тоже не стоит, решать проблемы со все еще сохраняющими значительное влияние США необходимо. К тому же и с той стороны некоторая заинтересованность просматривается, и этим шансом нужно пользоваться. Как бывший работник дипломатической службы, придерживающийся традиционных взглядов, я бы порекомендовал просто избегать публичных мероприятий. Никаких переговоров в прямом эфире, поменьше пышных пресс-конференций, вопросов на них и тому подобного. Закрытые переговоры и короткие сообщения, выход к прессе без вопросов – этим можно ограничиться. Такая тактика исключит желание партнера использовать переговоры для пропаганды, а не для дела, не даст другой стороне шанса считать их инструментом общения с собственными избирателями и союзниками. Хочешь – говори дело, не хочешь – нечего и предлагать! А ругаться впустую в закрытом помещении без аудитории особого смысла нет: все равно никто не услышит.

Сумбур вместо дипломатии: об американско-китайских переговорах на Аляске

Опубликовано на сайте журн.: Россия в глобальной политике. 22.03.2021.

URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sumbur-vmesto-diplomatii/>

Яркие кадры перепалки на американско-китайских переговорах в Анкоридже 18–19 марта 2021 г. обошли весь мир. На первый взгляд они могли показаться совершенно абсурдными. Абсурдным предстает в первую очередь поведение США. Зачем, спрашивается, приглашать высокопоставленных китайских чиновников ехать к себе в гости, еще и на далекую Аляску, только для того, чтобы с ними поругаться. С гостями вежливые люди так не поступают, да и непонятно, в чем, собственно, цель подобного мероприятия. Но странным это выглядит только с точки зрения традиционной дипломатии, считавшейся искусством возможного, цель которой – достижение некоторых договоренностей. Американское же поведение можно понять только в контексте современного подхода к дипломатии, который активно развивается в США.

Прежде всего, его объект – внутренняя аудитория. Новой демократической администрации необходимо доказать, что она проводит жесткий курс в отношении Пекина, чтобы не подвергнуться критике за «предательство» со стороны республиканцев, которых при Трампе сами демократы обвиняли в «предательстве» и «мягком подходе» к России. С этой точки зрения Китай, как и Россия, для обеих партий в США – не реальные страны, а символы во внутриполитической борьбе.

Но это еще не все. В связи с быстрым развитием и укреплением Китая во всей политической элите Соединенных Штатов, в том числе и в обеих основных партиях, отношение к нему коренным образом изменилось, однако нового последовательного курса, связанного с этим изменением, пока не выработано. В США считают, что ранее, со времен Никсона или, по крайней мере, с начала реформ Дэн Сяо-

пина, с КНР был заключен некий негласный контракт, согласно которому Вашингтон закрывает глаза на коммунистический режим и содействует развитию Китая путем предоставления различных льгот и принятия в международные организации. Китай, со своей стороны, подключается к международной системе, «основанной на правилах», которые формулируют сами США и их союзники, и постепенно «либерализует» свой политический строй, меняя его в сторону «демократии» американского типа. Подключение к американской международной системе означало, в частности, содействие американским целям, например, урегулированию на Корейском полуострове или в Иране по плану Вашингтона.

Контракт этот, конечно, существовал только в воображении американцев. Цели китайских реформ, которые Пекин многократно провозглашал публично, состояли вовсе не в этом. Рост экономики рассматривался не как средство демонтажа коммунистического режима, а как путь к его укреплению и демонстрации его преимуществ. Что касается системы глобального управления, то Пекин не стремился подрывать ее полностью или менять на другую, но требовал изменить так, чтобы его роль в ней соответствовала новому весу КНР на мировой арене и в системе мировой экономики. *Когда стало очевидно, что реальность развивается скорее по китайскому плану, а Китай вырос настолько, что по объему ВВП почти догнал Соединенные Штаты, в Вашингтоне решили, что Пекин обманул американцев, нарушив воображаемый контракт.*

Первое решение, которое принял еще Трамп: прекратить льготы и жестко сдерживать Китай. Своей политикой он смог добиться некоторых уступок от Пекина в области торговли, однако главный, с точки зрения США, вопрос решен не был. Китай продолжает эффективно развивать экономику, справляться с различными кризисами, в то время как в Соединенных Штатах наступил внутривнутриполитический хаос. Кроме того, у курса на давление нет конструктивной программы – с таким важным экономическим партнером, как Китай, нельзя оборвать все связи, но как вести с ним диалог в новых условиях, Вашингтону неясно. Администрация Байдена предложила подход, который ранее был опробован на России: «можно идти и жевать жвачку одновременно» (выражение Байдена). То есть резко критиковать по одним позициям, но вести конструктивный диалог по другим, где это выгодно самим США.

Идея эта, может, и кажется в Вашингтоне удачной, однако неизвестно, согласятся ли на нее в Москве и Пекине. Государства эти об-

рели новую национальную гордость, и в них тоже есть внутренняя аудитория, которая не допустит безответных публичных унижений. Жесткие ответы китайской делегации на критику американцами в Анкоридже свидетельствуют об этом. Если Вашингтон будет и впредь открыто на камеру критиковать китайскую политику, ему придется столкнуться с такой же критикой со стороны Пекина, причем в том числе и по внутривнутриполитическим проблемам, которые в Америке все острее. И критика эта в мире может быть воспринята как вполне обоснованная.

Таким образом, жесткие нападки на Китай в первый день переговоров в Анкоридже означают лишь нерешенность для американской элиты главного вопроса: что делать с КНР в условиях, когда что-то решительно надо делать. *Попытки сдержать китайский рост проваливаются, остается только ругать Пекин публично, чтобы собственная элита поняла – новая администрация в этом направлении работает.*

Для Китая такая ситуация означает, что надежды тех китайских экспертов, кто считал, что жесткий курс Трампа связан исключительно с его личностью, а новая демократическая администрация вернется к старой политике, полностью не оправдались. КНР в будущем придется постоянно жить в условиях жесткого давления со стороны США. Это неизбежное следствие укрепления Китая, и изменить ситуацию никак невозможно. Разница лишь в том, что демократы, вероятно, будут более умело использовать для этого давления своих союзников и другие страны, опасющиеся роста Китая.

Конечно, все это не означает, что никакие договоренности между Китаем и США невозможны. Резкая перепалка между делегациями в Анкоридже заняла только начало первого дня. В остальное время дискуссия шла за закрытыми дверями, и глава китайской делегации Ян Цзечи назвал ее «откровенной, конструктивной и полезной». А госсекретарь США Энтони Блинкен рассказал о вопросах, в обсуждении которых стороны выразили взаимную заинтересованность: Иран, Северная Корея, Афганистан, климат и торговля. И, хотя конкретных решений ни по одному из них, очевидно, принято не было, само обсуждение может сыграть роль для достижения подобных решений в будущем. *Тем не менее любые шаги, как и в случае отношений США с Россией, будут очень затруднены резкими взаимными обвинениями и могут быть сделаны только по ограниченному числу проблем.*

Создавшаяся ситуация ставит перед Китаем важный вопрос. Дело в том, что у самого Пекина фактически нет союзников. Более того, отношение к нему в мире в связи с проведением того, что на Западе называют «самоуверенной» (*assertive*) внешней политикой и «дипломатией боевых волков», ухудшается. Согласно опросам общественного мнения, число тех, кто хорошо относится к КНР, за последние несколько лет резко уменьшилось практически во всех частях света, в том числе в таких традиционно дружественных местах, как Африка и Латинская Америка. Конечно, многие страны заинтересованы в китайских деньгах, но Китай постепенно теряет «мягкую силу», состоящую в искреннем стремлении к сотрудничеству, не подкрепленному материальными или силовыми факторами. В такой ситуации Пекину будет сложно противостоять американскому давлению. Китаю нужно научиться понимать другие страны и их интересы и работать с ними не путем окриков и приказов, как это делают США, а привлекая их к сотрудничеству взаимными компромиссами и демонстрируя не жесткость, а искренность и понимание.

Теория всеобщего расизма. Новая версия американского культурного доминирования

Опубликовано в журн.: Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 5. С. 119–136.
URL: <https://globalaffairs.ru/articles/teoriya-rasizma-novaya-versiya/>

Нынешняя «антирасистская» кампания в Соединенных Штатах – пик долгой эволюции американского общества в сторону принятия и распространения определенной системы взглядов. Формировалась она уже давно, однако до недавнего времени не вызывала серьезных опасений за рубежом. Между тем США оказывают значительное культурное влияние в глобальном масштабе, поэтому упомянутая система распространяется на весь мир, а в случае ее утверждения в мировом сообществе способна превратить его в место, где существовать и действовать будет довольно сложно. По сути, на нас надвигается новая всеобъемлющая тоталитарная теория, согласно которой все общественные и исторические явления нужно будет анализировать с «расовой» точки зрения – так же, как марксисты анализировали их с точки зрения «классовой борьбы».

Начавшись с требований квот для людей с черным цветом кожи во всех сферах жизни, из-за чего работники подбираются не по квалификации, а на основе расы (что как раз и является отъявленным расизмом), кампания перешла к совершенно абсурдным, но уже выполняющимся требованиям запретить некоторые не имеющие никакого отношения к цвету кожи слова, типа «черный», «белый», «хозяин» в словосочетаниях «черные списки», «белые списки», «хозяинская спальня» и так далее. Появилось даже требование исправить правила шахмат, потому что там первый ход делает тот, кто играет белыми фигурами. Это было бы простым курьезом, если бы новая идеология не распространялась настойчиво и последовательно, захватывая страны и континенты. Вероятно, ранние труды Ленина и его коллег о

том, что вся мировая история – это война классов, также считались образованными людьми забавным казусом, представители образованного класса на первых порах заигрывали с марксистами, а политики и олигархи мейнстрима предполагали использовать их в своих интересах. Кончилось все гражданской войной, высылкой бывших сторонников-профессоров за границу, лагерями и расстрелами несогласных, а потом и согласных.

Постепенно «борьба с расизмом», как и положено тоталитарной идеологии, захватывает все больше сфер и отменяет целые отрасли знания. В США и Европе уже фактически запрещены антропология в части исследования рас и различий между ними. Получается абсурдная ситуация: с одной стороны, согласно идеологии, одни расы угнетают другие, с другой – изучать, в чем состоят различия между ними, нельзя, потому что это – расизм.

В январе 2020 г. Йельский университет отменил пользовавшийся много лет большим успехом базовый курс «Введение в историю искусства: от Ренессанса до настоящего времени» – за то, что был слишком европоцентричен. Согласно заявлению руководителя департамента истории искусств Тима Бэрринджера, новый курс, который планируется разработать только через несколько лет, будет учитывать взаимодействие европейского искусства с неевропейскими традициями, а также будет рассматривать искусство в его связи с «проблемами пола, класса и расы», изучать его роль в западном капитализме и, конечно же, ключевой темой станет изменение климата¹. Вряд ли собственно истории искусства останется место в столь обширной и политически корректной программе.

Теперь, однако, обвинения в расизме распространяются не только на отдельные отрасли знания, но и на науку в целом. Согласно новой идеологии, если в вашей отрасли нет или недостаточно исследователей с черным цветом кожи, то вся она насквозь расистская. При этом, как и положено при тоталитаризме, виновные начинают каяться. Вот характерный отрывок редакционной статьи влиятельного американского журнала *Cell* («Клетка») о проблемах биохимии, генетики и молекулярной биологии:

«Мы – редакторы научного журнала, посвященного публикации и распространению существующих трудов, охватывающих биологические науки. Мы – 13 ученых. Ни один из нас не является черно-

---

¹ Hedeman M., Kristoffersen M. Art History Department to Scrap Survey Course // Yale News. 2020, January 24. URL: <https://yaledailynews.com/blog/2020/01/24/art-history-department-to-scrap-survey-course/>

кожим. Недостаточная представленность чернокожих ученых характерна не только для нашей команды, но и для авторов, рецензентов и консультативного совета. И мы не одни. Переводить вину на других, указывать на то, что журнал является отражением научного истеблишмента, приводить статистические данные – просто. Но именно эта эпидемия отрицания той неотъемлемой роли, которую играют все и каждый члены нашего общества в поддержании статус-кво своим отказом от активной борьбы с ним, позволила процветать открытому и системному расизму, калеча жизни и делаая непригодными средства существования черных американцев, включая черных ученых. В науке существует проблема расизма»².

Далее редакторы журнала делают антинаучное, но вполне политически корректное заявление о том, что «раса не определяется генетически», и намечают ряд мер по самоисправлению, суть которых сводится к принятию черных американцев в редакционный совет и первоочередной публикации статей чернокожих авторов. Возможно, для непуганых американцев эти рассуждения звучат прогрессивно. Но тем, кто знаком с историей Китая, они сильно напоминают покаяния времен «великой пролетарской культурной революции». А нам в России – классовый подход большевиков к науке, которые также продвигали «правильные кадры», правда, по принципу не цвета кожи, а социального происхождения. Я еще сам хорошо помню времена, когда в анкете при поступлении в университет или на работу мне приходилось заполнять графу «социальное происхождение». То, что я происходил «из служащих», было не очень хорошо, потому что те, кто был «из рабочих», пользовались преимуществом. В науке подобный подход привел к страшным катастрофам, таким, например, как возвышение небезызвестного Трофима Лысенко, обьявившего генетику «продажной девкой империализма». В результате передовая советская генетика погибла на долгие годы, а многие выдающиеся ученые сгинули в сталинских лагерях. Американским генетикам неплохо было бы помнить эту историю.

Тоталитарная тенденция приходит и в общественные науки, в том числе в исследования международных отношений. Когда несколько месяцев назад группа сторонников новой идеологии обвинила в расизме, «методологической белизне» и «античерной мысли» влиятельную Копенгагенскую школу и ее лидеров Оле Вевера и Бар-

---

² Editorial. Science Has a Racism Problem // Cell, 181. 2020, June 25. P. 1443. URL: [https://www.cell.com/cell/pdf/S0092-8674\(20\)30740-6.pdf](https://www.cell.com/cell/pdf/S0092-8674(20)30740-6.pdf)

ри Бузана³, которые в последнее время как раз занимаются изменением западоцентристского уклона в теории международных отношений, это показалось курьезом. Однако настораживало два момента. Во-первых, статья с критикой их теории «секьюритизации» была опубликована одним из ведущих журналов отрасли – издающимся в США *Security Dialogue*. Во-вторых, в статье, собственно, их теория совершенно не обсуждалась по существу. Критика была построена по хорошо знакомой нам в России схеме статьи журнала «Коммунист» о вредной буржуазной философии. Основная мысль сводилась к тому, что «большая часть ортодоксальной и критической социальной и политической мысли Запада основана не просто на европоцентричных, но расистских, а конкретно – белых расистских эпистемологических и онтологических предпосылках»⁴.

Доказывали они ее примерно так: авторы, говорившие когда-либо о прогрессивности Запада или западной цивилизации по сравнению с другими, в том числе сторонники Просвещения, виновны в «цивилизационизме» (идея превосходства одной цивилизации над другой), основа «цивилизационизма» – расизм, поэтому все теоретики, говорящие о преимуществах западной политической системы (Томас Гоббс, Эмиль Дюркгейм, Карл Шмитт, Ханна Арендт, Мишель Фуко и другие) – расисты, а те, кто на них ссылаются, тоже расисты.

Совершенно ясно, что аргументация эта к научному анализу не имеет никакого отношения.

Во-первых, авторы не дают определения расизму и используют термин «расист» для обозначения любого, с кем они не согласны, точно так же, как большевики использовали термин «враг народа».

Во-вторых, если говорить по сути дела, то вовсе не все сторонники просвещения были цивилизационистами (Руссо, например, вообще выступал против цивилизации, а Вольтер – даже приукрашивал Китай, ставя его в пример Франции).

В-третьих, теория о превосходстве Запада вовсе необязательно связана с расизмом, она может быть построена на совершенно иной основе (например, религиозной или стадиальной).

---

³ Барри Бузан о шести значимых событиях, которых достаточно для пересмотра мировой истории. Евразийский онлайн семинар НИУ ВШЭ от 8 мая 2020 г. // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/buzan-peresmotr-mirovoj-istorii/>

⁴ Howell A., Richter-Montpetit M. Is securitization theory racist? Civilizationism, methodological whiteness, and antiblack thought in the Copenhagen School // *Security Dialogue*. 2020. Vol. 51. No. 1. P. 3–22. First published online August 7, 2019.

В-четвертых, цитирование кого-либо, пусть даже расиста, совершенно не означает, что цитирующий тоже расист: на определенном этапе такие взгляды на Западе были широко распространены, поэтому в какой-то степени практически все были расистами, и значит, нам надо полностью отказаться от изучения многих предшественников. Как и полагается для таких поделок, статья была написана с множеством фактических ошибок и неверных интерпретаций. Например, некоторые высказывания, которые Вевер и Бузан приводили с целью подвергнуть их авторов критике, авторы статьи выдают за иллюстрацию взглядов Копенгагенской школы.

Дальнейшее развитие событий показало, что публикация в *Security Dialogue* – отнюдь не отдельный курьез. После начала новой волны «антирасистских выступлений» в США, поднявшейся из-за гибели 25 мая Джорджа Флойда, труды подобного содержания стали публиковаться в большом количестве и из экзотики превратились в повседневность.

4 июня никому не известная преподаватель Массачусетского университета Меридит Локен написала в своем Твиттере: «Раса – не „один из подходов“ к международным отношениям, на который можно потратить неделю аудиторного времени. Раса – неотъемлемая часть современной системы государств, дипломатии, конфликтов, торговли, глобального управления. Раса – ключ к пониманию того, как развивалась теория международных отношений и вытекающих политических рекомендаций»⁵.

В другой обстановке это довольно бессмысленное заявление, вероятно, осталось бы очередной попыткой недавнего студента создать общую теорию всего на свете на основе единственного известного ему принципа, но оно попало в струю. Через несколько дней в статье, опубликованной на сайте влиятельного журнала *Foreign Policy*, близкого к лево-либеральному истеблишменту, его поддержали известный международник, сотрудник Института Брукинга и бывший декан Школы международной службы Американского университета Джеймс Голдгейер и исполнительный директор Ассоциации профессиональных школ по международным отношениям Кармен Меззера. В программной статье «Как переосмыслить преподавание международных отношений» они, соглашаясь с Локен, заявили, что программы дисциплины теперь необходимо ориентировать на изучение, прежде всего, рас, хотя дополнить расовый вопрос можно и еще не-

⁵ Twitter.com. URL: <https://twitter.com/meredithloken/status/1268544801726763012>

которыми факторами, входящими в набор новой идеологии: изменением климата, растущим экономическим неравенством, искусственным интеллектом⁶.

19 июня воодушевленная Локен в соавторстве с аспирантом университета Южной Калифорнии Келебогиле Звобго опубликовала на том же сайте статью «Почему раса имеет значение в международных отношениях». В ней утверждалось, что «доминирование Запада» и «привилегии белых» пронизывают эту область знаний. Авторы представили новую, довольно безграмотную, но по нынешним временам политически корректную версию мировых событий. Утверждая, что «раса – не один из подходов к международным отношениям, это центральная организующая характеристика мировой политики», они высказали следующие мнения. Оказывается, «антияпонский расизм руководил и поддерживал участие США во Второй мировой войне», «широкие антиазиатские чувства повлияли на развитие и структурирование НАТО», «во время холодной войны расизм и антикоммунизм были неразрывно связаны со стратегией сдерживания, которая определяла подход Вашингтона к Африке, Азии, Центральной Америке, странам Карибского бассейна и Южной Америке». Сегодня, по их мнению, «раса формирует представления об угрозе и ответы на экстремизм, направленные против личности, внутри и вне „войны с террором“»⁷.

Опровергать каждое из этих абсурдных утверждений смысла не имеет. Чего стоит высказывание о том, что вступление США во Вторую мировую войну как-то связано с расизмом, и почему-то антияпонским, хотя Япония сама напала на США. Но эти высказывания показательны для понимания уровня сегодняшней дискуссии, ведущейся на страницах ведущих американских журналов.

Далее авторы, пока особо не проявившие себя в науках, громят три основные теории международных отношений: реализм, либерализм и конструктивизм, так как все они «построены на расовых и расистских интеллектуальных основаниях». «В их основных концепциях заложен расизм: они укоренены в дискурсе, который ставит

---

⁶ Goldgeier J., Mezzera C.I. How to Rethink the Teaching of International Relations // Foreign Policy. 2020. June 12. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/06/12/how-to-rethink-the-teaching-of-international-relations/>

⁷ Zvobgo K., Loken M. Why Race Matters in International Relations: Western dominance and white privilege permeate the field. It's time to change that // Foreign Policy. 2020. June 19. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/06/19/why-race-matters-international-relations-ir/>

Европу и Запад в центр и оказывает им предпочтение. Эти концепции явно и неявно противопоставляют „развитое“ „неразвитому“, „современное“ „примитивному“, „цивилизованное“ „нецивилизованному“. И эти выдуманные бинарности *расистски* используются для объяснения порабощения и эксплуатации на всем земном шаре. Первые два направления «были построены на европоцентризме и использовались для оправдания белого империализма». Конструктивизм же, хотя «пожалуй, и приспособлен лучше всего для преодоления расы и расизма», так как «конструктивисты отрицают состояние анархии как данность и утверждают, что анархия, безопасность и другие проблемы являются социально сконструированными на основе общих идей, истории и опыта», но они все же «редко признают, как это вообще формируется расой». В заключение авторы требуют принять организационные меры: включить изучение рас и расизма во все программы по международным отношениям, привлекать к их преподаванию более «разнообразные» (американский эвфемизм для небелых) кадры и сделать расовые исследования ведущей темой в Ассоциации международных исследований (ISA) и других влиятельных международных ассоциациях и форумах⁸.

3 июля на сайте того же журнала под общим заголовком «Почему магистральное направление международных отношений слепо к расизму?» была опубликована подборка комментариев девяти специалистов по международным отношениям, которые в отличие от авторов предыдущей статьи характеризуются как «ведущие мыслители» в этой сфере. Общая их мысль, так же, как и у менее известных коллег, выразилась в утверждении, что понимание современной системы межгосударственных отношений невозможно без признания центральной роли расы и колониализма⁹.

Из их высказываний можно сделать некоторые выводы о том, в какую сторону будут эволюционировать исследования международных отношений в США и Европе.

---

⁸ Ibid.

⁹ Bharna G.K., Bouka Y., Persaud R.B., Rutazibwa O.U., Thakur V., Bell D., Smith K., Haastrup T., Adem S. Why Is Mainstream International Relations Blind to Racism? Ignoring the central role of race and colonialism in world affairs precludes an accurate understanding of the modern state system // Foreign Policy. 2020. July 3. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/07/03/why-is-mainstream-international-relations-ir-blind-to-racism-colonialism/>

Во-первых, расовый фактор становится основным в исследовании международных отношений, по крайней мере со времени образования национальных государств, а, возможно, и ранее. Как пишет профессор университета Сассекса Гурминдер Бхамбра, «раса – не фактор, который проникает в так называемые национальные государства извне. Скорее расовая проблема присуща им с момента их возникновения как имперских политий, и они продолжают воспроизводить основанные на расе иерархии до сегодняшнего дня»¹⁰. Расизм, таким образом, становится основным фактором общественного развития (по крайней мере, с Нового времени), чем-то вроде классовой борьбы в марксизме, эдипова комплекса во фрейдизме или гендерного неравенства в феминизме. Расы и расизм будут искать всегда и везде, даже где их никогда не было, так же как марксисты повсюду искали классы и классовую борьбу.

Во-вторых, расизм будет пониматься крайне расширительно – не в обычном понимании как теория превосходства одной биологической расы над другой, но как любая попытка обосновать доминирование или просто «прогрессивность» Запада. С этой точки зрения расизм – не только идеология Ку-клукс-клана или колониальная теория «бремени белого человека», но и теория демократии как высшей формы политической системы, рыночной экономики, прав человека и вообще всего, что изобретено на Западе.

В-третьих, расовая теория наслоятся на все прочие «прогрессивные» принципы, типа «гендерного неравноправия», исламофобии, угнетения сексуальных меньшинств, классового и социального неравенства, станет для них основной и потребует перестроиться в соответствии с ней. Как утверждает преподаватель Лейденского университета Винет Тхакир, «раса почти всегда работает вместе с другими категориями: кастой, классом, цивилизацией – и в сегодняшнем контексте, расистски воспринимаемом мусульманином». А феминистка из того же университета Карен Смит уже готова исправить и собственную теорию в соответствии с новыми веяниями. Она осуждает даже прогрессивную «феминистскую внешнюю политику» Швеции и не дает Западу право гордиться своим феминизмом, потому что его отсутствие в незападных странах – вина самого Запада, в котором дела тоже не так уж хороши: «Доминирующее направление феминистской внешней политики серьезно не рассматривает расовые последствия колониализма, приведшие к условиям, благоприятным

---

¹⁰ Ibid.

для гендерной дискриминации в развитых экономиках... Страны с феминистской внешней политикой часто апеллируют к собственному опыту как позитивному примеру для других. Между тем гендерная дискриминация – универсальна, и часто меньшинства в развитых экономиках серьезно ущемлены из-за повального расизма и ксенофобии»¹¹.

В-четвертых, западоцентризм будет «исправляться» в общих рамках борьбы с расизмом. По мнению Винета Тхакира, «для анализа расовых конструкций мира исследователи должны обратить свой научный взор за пределы США и Британии. Как бы ни были важны американская и британская перспективы для понимания расы и ее роли в создании области международных отношений, изучение только этих перспектив исключает народы остального мира». При этом вклад незападных государств и народов будет преувеличиваться, чтобы уравновесить или даже превзойти роль Запада, как предполагает идеология. Например, доцент Американского университета Рэндольф Персауд утверждает, что «именно низшие в глобальной системе и исторически маргинализованные народы заставили международную систему принять тот уровень демократического управления, который в ней существует»¹².

В-пятых, на смену доминирующим со времен Просвещения расистским западоцентричным теориям поступательного прогресса придут различные формы релятивизма. Все по-своему хороши и прогрессивны, и все, от людоедов до космонавтов, вносят свой вклад в многоцветную и гармоничную жизнь счастливого человечества. Как пишет Сейфудин Адем, «претензиям культуры Запада на универсальное значение бросают вызов культурный релятивизм (то, что было значимо для одного западного общества, не было значимо для других), исторический релятивизм (то, что значимо для Запада в начале XX в., не значимо в начале XXI в.) и эмпирический релятивизм (Запад часто не соответствовал собственным стандартам, а иногда этим стандартам больше отвечали другие общества)... Безусловно, происходит отказ от процесса, делающего нас всех выглядящими одинаково (гомогенизация), и одновременно одного из нас боссом (гегемонизация). Нынешняя эра – эра, когда Запад ушел в оборону». Он мечтает о создании «истинно глобальной деревни, основанной не на культурной иерархии, но на... комбинации глобального фонда

---

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

достижений и локальных фондов отличных друг от друга инноваций и традиций»¹³.

В-шестых, в соответствии с новой теорией будут меняться принятые сегодня термины и произойдет полный пересмотр терминологии, в которой закреплена расовая дискриминация и «белое доминирование». Например, по мнению старшего преподавателя университета Портсмута Оливии Рутазибвы, исследователям международных отношений необходимо отказаться от термина «помощь» и говорить вместо этого о расизме и «репарациях».

В-седьмых, новая идеология ориентирует специалистов не изучать международные отношения, но исправлять их. Ученые должны не только давать идеологически верные моральные оценки, но и стать активистами, так как тот, кто активно не борется с расизмом – сам латентный расист. Кто не с нами – тот против нас, и отсидеться никому не удастся. Как гласит один из распространенных постулатов новой идеологии, «молчание – это насилие», т.е. за попытку уйти в тень будут судить так же, как за контрреволюционную деятельность. «Исследователи международных отношений, ставящие расу, расизм и колониализм в центр анализа, знают, что это требует большего, чем верная оценка прошлого. Исследовательский императив заключается в изучении и критической оценке современной международной системы, построенной на расовом капитализме, а также создании образа альтернативы», – пишет Рутазибва¹⁴. В советской идеологии это называлось проявлять классовую сознательность и общественную активность. Карл Маркс, как известно, требовал от философии не объяснять, а изменять мир, а директриса средней школы, где я учился, развивала эту мысль, говоря, что математика – наука партийная.

В-восьмых, как будут поступать с несогласными, ясно из высказывания Адема, которое заставляет вспомнить о принудительном лечении диссидентов в советских психбольницах: «Многие в мире считают, что с моральной болезнью расизма необходимо бороться так же настойчиво, как с физической болезнью, которая широко распространилась сегодня по земному шару»¹⁵.

Подобно всякой идеологии, новая теория всеобщего расизма состоит из трех частей: элементов верных и обоснованных, элементов бессмысленных и элементов откровенно абсурдных, крайне вредных

---

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

и опасных. Как и применение всякой идеологии на практике, осуществление этой вместо решения реальных проблем приведет к возникновению еще больших. Проблема белого расизма действительно существовала, но лишь определенный исторический период (XIX – начала XX в.) и только в некоторых странах Европы и США. В других частях света расизм как идея превосходства по признаку цвета кожи большую часть истории вообще отсутствовал. Не было ее ни в великих древних империях, ни в средневековье, ни в большинстве стран и регионов мира в более поздние времена. Нет нигде белого расизма и сегодня, в том числе и в Соединенных Штатах и Европе, по крайней мере, в виде сколько-либо влиятельного политического течения или тем более государственной политики. Есть лишь довольно маргинальные расистские группы, гораздо более распространен набирающий силу черный расизм. Последние государства, основанные на расовой сегрегации (Родезия и ЮАР), исчезли в XX в.

Конечно, различные формы дискриминации были, есть они и сейчас. Народы и их части дискриминировались по этническому, социальному, сословному, религиозному и другим признакам. Всегда существовала ксенофобия, идеи культурного и цивилизационного превосходства (как, например, в Древней Греции или традиционном Китае), превосходства религии (например, в христианской Европе или мусульманской Азии) или политического устройства («западной демократии» или советского «социализма»). Все это могло приводить к международным конфликтам, однако называть их причиной расизм совершенно необоснованно и в научном плане это приведет к неверным объяснениям и непониманию реальности, в том числе и политиками. Так всегда случалось с идеологами, например, советскими руководителями, которые не могли понять, почему мир не тянется к самому прогрессивному социалистическому государству, или с американскими идеологами демократизации, неспособными объяснить нынешний кризис доверия к их якобы идеальной политической системе.

Зачем же надо сегодня поднимать на щит несуществующий белый расизм, если и живой еще в отдельных медвежьих уголках США, то уж точно не оказывающий влияния на внешнюю политику? В этом на Западе заинтересованы два движения, слившихся в один мощный поток.

Первое – это левые силы, всегда существовавшие там в довольно маргинальном виде, но значительно укрепившиеся в последние десятилетия за счет новых сторонников. Это люди, недовольные гло-

бализацией, не находящие себя в олигархических многонациональных компаниях, которые обеспечили себе и своим сотрудникам огромные сверхдоходы, но в то же время сохраняющие приличный уровень жизни и завоевавшие систему образования, прежде всего, университеты. Это дети либералов поколения хиппи: некоторые из них стали профессорами, другие пошли в либеральные партии.

Федор Достоевский отлично описал эти два поколения в России: старые либералы и молодые революционеры. И те, и другие выступают за леволиберальные ценности, хотят перестроить общество «по справедливости», но молодежь не может больше ждать, считает, что хуже быть не может, поэтому нынешнее дьявольское общество надо решительно уничтожать. Отсюда и нежелание осуждать погромы и погромщиков, которые, как говорил Михаил Бакунин, разрушая общество, становятся естественными союзниками революционеров.

Второе – это эмигранты из бывших колоний и их потомки, которые принесли с собой в западные университеты и политическую жизнь «постколониальный синдром» – миф о том, что Запад все время всех только завоевывал и угнетал, незападный мир жил до колониализма в достатке, мире и гармонии, а потом западные завоеватели принесли с собой страшный застой и унижения, вывезли ресурсы, поэтому бывшим колониям теперь все кругом должны. В действительности колониализм был весьма малоприятным явлением, но рассматривать его необходимо в историческом контексте, как и доколониальный период в жизни незападного мира надо изучать объективно. Незападные державы и народы точно так же, как и Запад, часто завоевывали и угнетали друг друга, а рабство там существовало и без Запада.

Эта идеология «третьего мира», часто оправдывавшая собственную неспособность создать эффективную экономику и политическую систему, до недавнего времени в основном служила легитимации местных, часто коррупционных правящих элит в постколониальных государствах, и на Западе особым влиянием не пользовалась. Прилив эмигрантов в Европу и США, в том числе и в университеты, перенесло ее на Запад, где она слилась с местной левой идеологией и ее носителями. Правоглобалистская экономическая политика, доминировавшая на Западе после распада СССР, воспринятого там как конец незападной истории и триумф «рыночной экономики» и «западной демократии», в действительности расширила социальную базу левоэмигрантской идеологии. В Америке борьба с расизмом всегда была ее частью. Из Соединенных Штатов как культурного

центра Запада теория расизма в качестве основы леволиберальной идеологии стала распространяться и в Европу, где исторически у белого расизма корней было гораздо меньше. Теперь борьба с расизмом – это уже мода, распространяющаяся как снежный ком, которая постепенно заслоняет и подминает под себя другие элементы левого либерализма, делая их своими частями: феминизм, идеологию ЛГБТ, борьбу с «исламофобией», ненависть к Израилю и так далее.

Что же делать со всем этим нам, российским специалистам по международным отношениям? Прежде всего, отдавать себе отчет в серьезности ситуации и прийти к нескольким выводам.

Первое. Запад (США и Европа) не являются более свободными обществами. Как ни тяжело это будет признать многим нашим политологам и международникам, всю свою карьеру выстроившим на копировании западоцентристских теорий, факт этот отрицать уже довольно сложно. По определенным параметрам уровень свободы в Соединенных Штатах и Западной Европе, конечно, выше, чем в ряде других стран мира. Но общий баланс уже далеко не так однозначен, как несколько десятилетий назад. В сравнении, например, с Россией, современные США, возможно, выигрывают в смысле политических свобод, сохраняют значительное преимущество в области разделения властей и независимости суда. Однако в сфере общей свободы слова Россия гораздо более свободна, чем Соединенные Штаты. В ней нет «культуры запрета» (кампании по всеобщему осуждению и бойкоту человека, высказавшего «неправильное» мнение в соцсетях), не осуждают здесь за «культурную апроприацию» (например, исполнение песни другой национальности) и многое другое.

Второе. Гораздо свободнее в России и университеты, которые в США и Западной Европе превратились в места, где преподавателей и студентов заставляют каяться и исключают за неосторожно сказанное слово. Вот один из последних примеров: 19 июня 2020 г. уволена декан школы подготовки медсестер Массачусетского университета. Ее вина состояла в том, что, осуждая в электронном сообщении насилие против чернокожих, она написала неправильный лозунг: не только «Черные жизни имеют значение», но и «Все жизни имеют значение». Ее немедленно сняли с должности после жалобы студента на уозсть ее мышления¹⁶. Чуть ранее, в феврале, руководитель магистратуры, профессор журналистики университета Оклахомы Питер

---

¹⁶ Rambaran V. Dean fired after saying 'Black lives matter, but also, Everyones life matters' in email // Foxnews.com. 2020. July 2. URL: <https://www.foxnews.com/us/dean-fired-after-saying-black-lives-matter-but-also-everyones-life-matters-in-email>

Гейд, критикуя термин «бэйби бумер», сравнил его со словом «на букву н» (т.е. с давно запрещенным словом «негр», или, хуже того, «ниггер»). Оказалось, что подобные слова нельзя употреблять совсем, даже в качестве негативного примера. Профессор Гейд, несмотря на быстрое покаяние (привет «культурной революции») был отстранен от преподавания и послан на курсы «культурно компетентной коммуникации» и занятия, проводимые Офисом Разнообразия, Равенства и Инклюзивности (привет Джорджу Оруэллу)¹⁷. И таких примеров в сегодняшних США – сотни. В России на подобные «преступления» никто даже внимания не обратит. В отечественных вузах практически нет практики «непредоставления платформы» людям с неправильными взглядами на вопросы развития общества или «безопасных пространств», смысл которых сводится к тому, что студентам нельзя говорить ничего, что могло бы каким-то образом обидеть или задеть кого-либо (например, интересоваться национальностью или родным языком других).

Третье. Из-за общественной цензуры и самоцензуры западная гуманитарная наука превращается в откровенную идеологию, а ее продукты – в набор идеологических штампов. Ориентироваться на нее бессмысленно. Конечно, знать о том, что в ней происходит, нужно, но ориентировать всю российскую науку на публикации в подцензурных западных журналах – контпродуктивно и вредно. Это сделает российские исследования гораздо менее свободными и самостоятельными. Если уж и публиковать работы на английском языке, то есть намного более привлекательные возможности: например, Индия, где обстановка в вузах гораздо демократичнее. Более того, российские исследовательские центры, университеты и научные журналы, особенно те, что выходят на английском языке, в новой обстановке могут оказаться уникальной свободной территорией и активно привлекать подвергнувшихся остракизму по идеологическим причинам западных коллег, которым запретили преподавать или которые затрудняются публиковать свои труды на родине.

Четвертое. Проблема западоцентризма в современных международных исследованиях, действительно, существует. Совершенно верно, что практически все теории международных отношений, как и прочие теории общественных наук, имеют своей основой просвещенческую парадигму социального прогресса, передовым отрядом

---

¹⁷ Jaschik S. Professor Removed From Teaching This Semester After Using N-Word // Inside Higher Ed. 2020. February 17. URL: <https://www.insidehighered.com/quicktakes/2020/02/17/professor-removed-teaching-semester-after-using-n-word>

которого была Европа, а затем – США. *Но идеология всеобщего расизма не только не решает этой проблемы, но, экстраполируя локальную американскую и частично западноевропейскую проблему расизма на всю мировую историю, раздувая ее до размеров основного, доминирующего фактора общественного развития, по сути, закрепляет американоцентризм.* Это типичный пример давно известного в политологии явления – закрепления старой системы представлений путем отрицания ее с обратным знаком, но при сохранении ее структуры. Белый расизм здесь меняется на черный, западоцентризм – на незападоцентризм, при этом сама идея превосходства рас, а также прогрессивных и регрессивных частей света сохраняется. У прежних расистов белая раса несла свет цивилизации отсталым народам мира. У новых она только и делала, что порабощала и уничтожала другие расы, которые жили бы без нее в идеальном мире и согласии, и только это насилие и следует изучать в международных отношениях.

Навязывание всему миру своих сиюминутных «открытий» и «прозрений» – характерная черта западной культуры. Вначале это была теория превосходства христианской цивилизации, затем «бремени белого человека», помогающего несчастным дикарям во всем мире подняться до своего уровня, а после Второй мировой войны – ценности «демократии» и «свободного рынка», которые навязывались всем, независимо от того, ведут они к процветанию или краху западных политических систем. Именно на этот этап пришелся распад СССР и формирование российской политологии. В политологи оперативно перекрасились бывшие преподаватели научного коммунизма и исследователи «буржуазных обществ», выстроившие вместо науки новую идеологию с обратным знаком. Ей заполнились российские вузы, где активно стали преподавать теорию всеобщего «демократического транзита» вместо «построения коммунистического общества», среднего класса как социальной базы демократии вместо пролетариата как создателя коммунизма и всеобщей приватизации вместо огосударствления как панацеи от всех экономических проблем. Эта идеология привела к глубокому интеллектуальному застою, а попытки ее применения на практике – сначала к чрезмерной зависимости от Запада и экономическому краху 1990-х годов, а затем – к той политической и экономической системе, которую мы имеем сегодня, ставшей реакцией на эту зависимость.

Попытка тех же людей и на Западе, и в России перестроиться и навязать России и всему миру новую смесь левого либерализма,

подкорректированного марксизма, политкорректности и всеобщей теории расизма в качестве новейшего достижения западной мысли приведет к еще более тяжелым последствиям. Идея о том, что белые лучше дикарей, нисколько не хуже теории, согласно которой небелые лучше белых и все вдруг должны броситься вычищать «белизну» из истории и общественной жизни. Структурно они одинаковы и свидетельствуют о тоталитарном сознании их носителей.

Между тем опыт успешно развивающихся государств с разными политическими системами (Китай, Япония, Индия, Южная Корея, Сингапур и другие) показывает, что во всех этих случаях концепция развития не копировала западные или какие-то другие теории полностью, а сочетала в себе разные элементы как зарубежной, так и собственной традиции, сочетание которых давало адекватные инструменты для анализа реалий своего общества. По такому пути надо идти и российским обществоведам.

Пятое. В критике этого нового американоцентризма и обратного расизма, в деле сохранения объективности и нормальности в международных исследованиях российские ученые могут сыграть ведущую роль, опираясь на собственную традицию и присущую ей интернациональность. Делать это необходимо, сохраняя традиции дисциплины, причем делать не бесцеремонно, но решительно, называя безграмотную чушь тем, чем она является. Кадровый отбор в западных университетах начинает действовать так же, как в сталинском СССР – продвигают тех, кто громче кричит лозунги, а это, естественно те, кто неспособен вести серьезные исследования, но видит новый, более простой путь делать карьеру. Противников увольняют, и даже тот, кто в душе не согласен, вынужден делать правильные заявления и прикидываться активным борцом за новые идеалы.

В России, где государственного или политически значимого расизма никогда не было, не стоит по указке с Запада срочно искать его повсюду – так, как особо ретивые западники ищут в ней постоянное угнетение женщин или гомосексуалистов. Это, конечно, не значит, что в России не было других видов угнетения: было в ней и сословное, и религиозное неравенство, и крепостное право (почти рабство), но ни один из них не был основан на расизме. Еще в XVIII в. чернокожий Абрам Ганнибал дослужился в России до генеральского звания, занимал высокие государственные должности, и никто не придавал этому особого значения. А уж бурятов, калмыков и других представителей монголоидной расы среди российской элиты всегда было предостаточно. Исправлять западоцентристский уклон нужно

не борьбой с несуществующим расизмом, а совершенно другим способом: постепенно вводя в преподавание истории и международных отношений больше информации о незападном мире. Но изучать незападный мир необходимо объективно, а не подгоняя под новую идеологию.

Шестое. В изучении международных отношений необходимо опираться как на существующие западные теории, так и на собственную российскую школу, которая нисколько не уступает западной. Кроме того, необходимо включать в общетеоретические построения больше незападных подходов – современных и традиционных (например, китайских, индийских, бразильских). Это расширит российский взгляд и сделает его более объективным. К тому, что происходит на современном Западе, надо относиться с печалью и надеждой на то, что западная наука окончательно не свернет на путь идеологии и не превратится в новую лысенковщину от антирасизма.

Демократизм как воля и представление. Кто виноват в антизападных настроениях в России

Опубликовано: Независимая газета. 06.02.2019.

URL: https://www.ng.ru/ideas/2019-02-06/5_7501_ideas.html

Сегодня отношения между Россией и США находятся в самой низкой точке со времени распада СССР. Правящая элита США считает, что авторитарный и коррупционный режим в Москве проводит экспансионистскую политику, поддерживает антиамериканские силы во всем мире, подрывает так называемый либеральный мировой порядок, который США пытались выстроить несколько десятилетий. В Москве позицию Вашингтона оценивают как русофобскую, считают, что там избрали Россию на роль неомаккартистского жупела, некоего козла отпущения, виновного во всех проблемах США, а внешнюю политику США рассматривают как бессмысленную и глупую, подрывающую мировую стабильность и политическую систему самой России. В обеих странах считают, что разговаривать об улучшении отношений в нынешней ситуации незачем и не с кем.

В этих условиях об улучшении отношений или о возвращении России к прозападной политике говорить не приходится. Но остается другой вопрос: кто виноват в том, что проамериканский курс Москвы начала 1990-х годов постепенно сменился на антиамериканский? Почему Борис Ельцин в первые годы считал США естественным другом, а сегодня его наследник Владимир Путин видит в них опасного соперника?

Ключевым здесь является период, когда двусторонние отношения только складывались. В недавней статье, опубликованной в интернет-издании Politico Magazine, тогдашний разработчик политики Вашингтона в отношении России, заместитель госсекретаря в администрации Билла Клинтона Струоб Тэлботт противопоставляет российскую политику Клинтона и Дональда Трампа. Смысл ее в том,

что Клинтон активно помогал Ельцину, который двигал Россию в правильном – проамериканском – направлении, а Трамп якобы помогает России, проводящей антидемократический и антиамериканский курс, поэтому его политика противоречит американским интересам и является сговором (collusion) с врагом.

Интересно здесь признание помощи Ельцину, которую теперь, после публикации записи бесед с ним Клинтона, отрицать невозможно. Эта помощь, совершенно очевидно, была вмешательством во внутреннюю политику России. Ельцин просил Клинтона повлиять на МВФ, чтобы получить 10-миллиардный кредит перед президентскими выборами 1996 г. для выплаты зарплат и пенсий, а значит, и повышения своего рейтинга. Клинтон выполнил просьбу, прекрасно понимая, что поддерживает Ельцина против его основного оппонента – кандидата от КПРФ, т.е. вмешивается во внутривнутриполитическую борьбу на стороне одного из кандидатов. Он лишь предупредил российского президента: «Мы очень ясно даем понять, что именно поддерживаем». Ельцину было понятно, какой курс он должен проводить после победы.

Однако, по мнению Тэлботта и его единомышленников, это не было сговором, так как делалось во благо США. Напомним тем, кто придерживается подобных взглядов, что это далеко не все, что делал Клинтон. Он одобрил расширение НАТО на восток, несмотря на возражения Ельцина. Возражения эти были довольно мягкими, так как трудно возражать и одновременно просить денег. Однако позиция Ельцина по НАТО мало отличалась от позиции Путина, просто Путин меньше зависит от США, так как он восстановил финансовую самостоятельность России и может отвечать более решительно. Клинтон считал, что может безболезненно игнорировать возражения России по вопросам, которые она относил к своей безопасности. Так было в случае с бомбардировкой Югославии, когда Ельцин возражал крайне резко и даже предупредил, что «у наших людей теперь, безусловно, будет плохое отношение к США и НАТО».

Согласно Тэлботту, США были готовы сотрудничать только по вопросам, «которые, как мы считали, вызывают легитимную озабоченность» России, а не по всем, которые российская сторона заявляла как важные. Другими словами, с точки зрения администрации Клинтона, легитимные интересы России должны были определять в Вашингтоне, а не в Москве. Стоит ли удивляться, что такой подход не удовлетворял Москву, которая со времен Горбачева хотела стать частью Запада, но частью равноправной, имеющей возможность не

только определять собственную политику, но и участвовать в разработке курса всего «цивилизованного мира».

На роль проводника интересов, которые были ей определены в Вашингтоне, Клинтон избрал Ельцина, не обращая внимания не только на его отдельные внешнеполитические возражения, но и коррупционный и неэффективный характер его экономической политики, которая вызывала крайнее раздражение населения. Не надо забывать, что программа приватизации, которая привела к серьезному экономическому спаду, значительному снижению уровня жизни и к тому, что ведущий американский эксперт по российской экономике Джеймс Миллар назвал в 1996 г. «мошенничеством де-факто», была осуществлена на деньги американского правительства и контролируемых США международных финансовых организаций. Российский центр приватизации – формально независимая организация, возглавляемая сотрудниками соратника Ельцина Анатолия Чубайса, финансировалась USAID, МБРР, а также ЕС и его членами. Часть поступивших средств опосредованно шли на избирательную кампанию Ельцина. Вся эта история подробно описана в научной литературе, в частности в книге американской исследовательницы Жанин Уэдл с характерным названием «Столкновение и сговор».

Конечно, речь не идет о том, что западные деньги прямо шли на кампанию Бориса Ельцина. Схема была не такой примитивной и формально законной: Запад дает деньги на приватизацию, руководители приватизации организуют аукционы, на которых крупные российские воротилы бизнеса приобретают государственные предприятия (как утверждают многие, гораздо ниже реальной стоимости). Воротилы поддерживают Чубайса и дают деньги под него, Чубайс становится необходимым для президента и после выборов назначается первым вице-премьером с широчайшими полномочиями. На поверхности законность соблюдена, однако это не меняет того факта, что западные доноры нашли способ материально поддержать группу Чубайса и кандидатуру Ельцина в обход российской Конституции и Закона о выборах. Это был реальный сговор, а не предполагаемый сговор сотрудников избирательной кампании с Россией, который пока не доказан.

Поддержал Клинтон и очевидно подтасованные результаты президентских выборов 1996 г., когда кампания Ельцина финансировалась из черной кассы, а сотни тысяч неизвестно откуда взявшихся долларов сотрудники Чубайса, руководившего кампанией, носили в коробках из-под ксерокса.

Таким образом, на словах администрация Клинтона поддерживала демократию и создание рыночной экономики внутри страны и переход от империалистической к либеральной внешней политике. В действительности же она содействовала созданию неэффективного, коррупционного, антидемократического режима, так как его цели в большей степени отвечали американским интересам. Этим она способствовала росту недовольства населения как этим режимом, так и Западом. На волне этого недовольства к власти пришло руководство еще более авторитарное, но обещавшее соответствовать изменившимся настроениям. Это оно делает с большим успехом, о чем свидетельствует многолетний высокий рейтинг президента Владимира Путина.

Сам выбор Путина в качестве наследника Ельцина, вполне вероятно, был обусловлен тем, что Ельцин видел в нем сильного организатора и политика, в большей степени способного отстаивать национальные интересы России, т.е. осуществить то, что сам Ельцин сделать был неспособен. Об этом свидетельствуют его беседы с Клинтонем в 1999 г., когда он представлял Путина в качестве будущего президента, который обязательно выиграет выборы. Клинтона совершенно не смутила уверенность Ельцина в избрании никому не известного Путина, что, естественно, предполагало незаконное содействие его кандидатуре со стороны всех государственных структур. Напротив, Клинтон фактически одобрил кандидатуру Путина, назвав его очень умным человеком.

Пусть Путин и не оказался таким демократом, каким его представлял Ельцин Клинтону, но причина изменения внутривнутриполитической ситуации и внешнеполитического курса России, ее отхода от многих свобод и более агрессивная защита интересов за рубежом – не приход Путина к власти. Как раз наоборот, его приход к власти – результат банкротства политики Ельцина и разочарования населения в его курсе, чему во многом способствовала политика администрации Клинтона. Многие люди в России, которые выступали за демократические реформы в начале 1990-х годов и которым клептократический режим Ельцина был так же чужд, как и коммунистическая диктатура, сегодня резонно обвиняют Тэлботта и его единомышленников в содействии укреплению авторитаризма в России. Из-за их политики прозападные силы были полностью дискредитированы, так как клептократия, коррупция, западная помощь, прозападная политика и национальное унижение – все это в массовом сознании составило единое целое. И возникло это пред-

ставление в результате политики, разработанной Тэлботтом и его соратниками.

Между тем Путин изначально вовсе не был настроен антизападно. Вскоре после прихода к власти он сделал несколько реальных уступок США, а также первым позвонил президенту Бушу-младшему после террористического акта в Нью-Йорке. Он явно надеялся наладить равноправные отношения с Вашингтоном. Ельцин же в конце пребывания у власти был настроен совершенно иначе. Именно он, а не Путин во время визита в Китай в декабре 1999 г. заявил: «Клинтон, видимо, на несколько секунд забыл, что такое Россия. Россия владеет полным арсеналом ядерного оружия, но Клинтон решил поиграть мускулами. Я хочу сказать Клинтону: пусть он не забывается, в каком мире живет. Не было и не будет так, чтобы он диктовал людям, как жить, отдыхать. Мы будем диктовать, а не он». Политика поворота к Азии, поиск китайской дружественной альтернативы западной враждебности началась отнюдь не при Путине. Путин фактически прошел тот же путь, что и Ельцин: от надежд на налаживание равноправного сотрудничества с США до понимания невозможности этого и перехода к более самостоятельному курсу. Кстати, прошел его и Горбачев, но уже после отставки. Сегодня и он по отношению к США настроен крайне скептически. Сходная эволюция взглядов трех изначально прозападных лидеров в Москве показывает, что равноправное сотрудничество с Вашингтоном, который не принимает саму концепцию равноправия, действительно вряд ли возможно.

Почему же американские либералы так настойчиво проводили эту бессмысленную и вредную даже для американских интересов политику, а теперь так ревностно ее защищают? Дело в том, что их сознание крайне идеологизировано. Эту идеологию можно назвать демократизмом, по структуре она крайне похожа на коммунистическую. Место коммунизма в ней занимает некий «либеральный миропорядок», который никогда не существовал на практике, но должен существовать в будущем. Его должны создать государства мирового авангарда – США и их союзники.

Западные политики-идеологи, определяющие основное направление внешнеполитической мысли, считают, что лучший способ присоединить все «варварские» народы и страны к миру «свободы и демократии» – подчинить их своему влиянию через экономические и политические союзы. Для этого в них к власти должны прийти силы, видящие в ориентации на Запад собственную выгоду, чему необходимо всячески способствовать.

Однако не все страны могут воспринять эту схему. Присоединив к своей сфере влияния культурно близкие страны Восточной Европы, Запад столкнулся с большими проблемами в крупных и культурно отличных России, Иране, Китае, в арабском мире. В этих регионах политика, основанная на демократизме, создает хаос или укрепляет антизападные режимы, способные защитить свои страны от этого хаоса.

Идеологизированные специалисты по России типа Тэлботта и Макфола в действительности никогда не понимали ее и не хотели ей добра. Точнее, они считали, что добром для нее будет реализация ею их утопической схемы. А когда оказалось, что большинство населения России эту схему не принимает, они разочаровались и теперь требуют уничтожить реальную Россию, которая оказалась не такой, как Россия воображаемая, всеми средствами. Не вписалась в их схему и американская действительность, на роль козлов отпущения за свои нереализованные грезы они назначили Путина и Трампа. Но, как говорит российская пословица, на зеркало неча пенять, коли рожа крива.

Политика Трампа, с этой точки зрения, гораздо более понятна, так как менее идеологизирована и лицемерна. Трамп прямо говорит, что ее цель – сохранение американской гегемонии и экономическая выгода США. И хотел он улучшить отношения с Москвой вовсе не из-за мифического сговора, а так как считал Россию меньшей угрозой, чем Китай и Иран. Эта позиция по крайней мере рациональна. Но Тэлботт и его единомышленники в вашингтонском политическом классе не дали ему этого сделать. Думаю, Россия не будет им за это благодарна, так же как не будет она благодарна за политику США 1990-х годов.

Постбиполярный мир: рождение нового миропорядка или погружение в хаос?

Опубликовано под назв. «Постбиполярный мир: мирное сосуществование или погружение в хаос?» в кн.: Лукин А.В. Россия на рубеже веков: работы по политологии и российской политике. М.: Весь мир, 2016. С. 45–66; также в кн.: Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А.В. Лукина. М.: Международные отношения, 2018. С. 30–51. См. сокр. вариант в журн.: Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 1. С. 17–29.

На рубеже XX и XXI вв. мир вступил в новый период своего развития. Привычная биполярная система, господствовавшая после Второй мировой войны, рухнула в результате саморазрушения одного из полюсов. Можно долго рассуждать о том, почему это произошло, но ясно одно: советский коммунистический проект не выдержал конкуренции и распался. По сути, сама советская идеология загнала себя в угол. Будучи порождением западной секулярно-просвещенческой традиции, она унаследовала от этой последней идею технического прогресса и удовлетворения материальных потребностей населения. Но советская идеология утверждала, что более быстрый прогресс будет достигнут не за счет роста самоуправления, уважения личных прав и частной собственности, а путем концентрации ресурсов государством, обобществления собственности и справедливого распределения. Этот проект оказался экономически крайне неэффективен. Кроме того, СССР проводил политику, основанную на идеологической цели – добиться распространения собственной системы на максимальное количество государств, а в перспективе – на весь мир. Это привело к растрате значительных, но небезграничных ресурсов и углубило экономические проблемы.

У биполярной системы были свои преимущества и недостатки. Контроль двух центров силы над значительными территориями и

определение ими правил игры в мировой политике приводили время от времени к конфликтам на нейтральном пространстве, а практически любая вспышка локального характера в «третьем мире» превращалась в противостояние двух основных полюсов, так как оба центра начинали поддерживать противостоящие друг другу силы. Кроме того, жители государств и территорий, находящихся под контролем советского центра, жили в условиях крайней несвободы и социальной ненормальности тоталитаризма.

В то же время все эти конфликты не шли ни в какое сравнение с ужасами мировых войн. Международные правила, писанные и неписанные, все же существовали, и СССР и Запад демонстрировали способность о них договариваться (наиболее яркий пример – Хельсинкские договоренности, соглашения о нераспространении ядерного оружия, о сокращении и запрете оружия массового уничтожения).

Между тем биполярность, к которой все так привыкли, существовала в истории мировой политики крайне редко и почти всегда заканчивалась победой одной из сторон (например, противостояние Рима и Карфагена, Рима и Парфии или борьба за морское господство Испании и Британии). Так случилось и на этот раз.

Запад

После краха советского центра силы, вызванного не войной, но давлением и внутренними проблемами, наступил период триумфа Запада. Однако Запад переоценил свои силы. Погнавшись за всем миром сразу, его лидеры потеряли многое из того, чего они могли бы добиться.

Сложившаяся в начале 90-х годов XX в. обстановка действительно характеризовалась значительным, если не решающим, влиянием США и их союзников на мировую ситуацию. Победа в противостоянии с советским лагерем увеличила популярность западной политической и экономической модели. Части бывшей советской сферы влияния стремились присоединиться к западному миру, в других ее частях, в том числе в самой России, к власти пришли силы, искренне симпатизирующие Западу. Военная мощь США и их союзников также не имела себе равных.

В то же время распад советского лагеря не отменил другие коренные тенденции мирового развития. Продолжили свой рост и укрепление другие незападные центры силы: Китай, Индия, Бразилия и др. Они стремились сами решать собственные проблемы и защищать

свои интересы, по крайней мере вблизи своих границ. Они не стремились к конфронтации с Западом, так как были заинтересованы в сотрудничестве, да и не имели на нее сил, но в то же время в разной степени и по разным причинам не разделяли многие цели Запада, а на некоторые из них поглядывали с большой опаской.

На пространстве бывшей советской империи настроения также различались. Если большая часть государств Восточной Европы (за исключением Сербии, в советскую империю не входившую) согласилась безоговорочно войти в западную систему в качестве младших партнеров, то новые российские власти надеялись на равноправное сотрудничество в рамках общего понимания целей мирового развития. Центральноазиатские республики опасались западного демократизаторского порыва. Некоторые из них тяготели к России, другие старались балансировать между Россией и Западом, третьи выбирали автаркию.

В этих условиях США и их союзники могли начать проводить сбалансированный курс, стараясь, где это возможно, максимально сохранить собственное влияние, опираясь при этом на улучшение отношений с крупными мировыми игроками. Россию, например, тогда вполне возможно было в значительной степени интегрировать в западную систему, либо приняв ее в НАТО, как многократно предлагал, например, госсекретарь в администрации Дж. Буша-старшего Дж. Бейкер¹, либо даже и не делая этого, путем гибкой политики сочетания реальной помощи (нового плана Маршалла) и уважительного отношения к интересам и опасениям Москвы. Так можно было добиться ее близкого партнерства без формального союза по типу, например, Мексики или Египта при А. Садате и Х. Мубараке.

Этот путь был реалистичен, но требовал некоторых уступок и компромиссов по сравнению с идеологическими целями, стремление к достижению которых начинало захватывать западную политику. Уже в течение долгого времени в интеллектуальном пространстве США и Европы все более прочные позиции занимала идеология «демократизма» – своеобразное и однобокое соединение политического либерализма, концепции «фундаментальных прав человека», просвещенческого секуляризма и колониалистских теорий западного превосходства. В результате, как и часто в истории, Запад попытался силой навязать всему миру собственную модель, выдавая ее за универсальную.

---

¹ Baker J.A. Russia in NATO? // The Washington Quarterly. 2002. Vol. 25. No. 1. P. 95–103.

На протяжении истории объект навязывания менялся, справедливую власть божественного императора Рима сменяла истинная христианская вера времен крестовых походов, затем им на смену пришла высшая цивилизация времен колониализма, а она, в свою очередь, сменилась причудливо понимаемыми «демократией» и «правами человека». Но не менялась суть силовой политики. Оксидентоцентризм западной цивилизации – довольно обычное явление. Варварами всех, кроме себя, считали многие крупные цивилизации, например китайская или греческая. Но далеко не все пытались навязать собственные представления всему миру силой. До развала bipolarной системы таких тоталитарных идеологических систем было две: советская коммунистическая и западная демократическая. Советская идеология ушла в прошлое вместе с СССР, но получившая новый импульс после его распада западная идеология «демократизма» не только сохранилась, но стала приобретать все более явные тоталитарные черты.

Фундаментальные принципы внешней политики, основанной на идеологии «демократизма», просты. Западные политики-идеологи, определяющие основное направление внешнеполитической мысли, считают, что лучший путь присоединить все «варварские» народы и страны к миру «свободы и демократии» – подчинить их политическому влиянию через экономические и политические союзы. Для этого в них к власти должны прийти силы, понимающие, что им самим это выгодно (т.е. ориентирующиеся на Запад), и этому необходимо всячески способствовать. Если даже эти силы и не вполне отвечают «демократическим» стандартам – это не страшно. Пусть сначала подчинятся экономически и политически, а затем под влиянием Запада их дотянут до нужного стандарта.

После распада СССР Запад избрал путь, основанный не на реализме, а на этой идеологии. Его лидеры почувствовали себя победителями, которым не нужно считаться с интересами других: ведь мир и так скоро упадет к их ногам, так как все его народы мечтают слиться с Западом на основе единственно верных всеобщих «универсальных» ценностей. Эта идея была особенно ясно выражена Ф. Фукуямой. А между тем в большей части мира не принимали значительную часть «универсальных» ценностей, считая их, и не без основания, идеологическим прикрытием навязывания Западом миру своей гегемонии. Кроме того, многие из них прямо противоречили традиционной культуре и господствующим верованиям других крупных цивилизаций.

Таким образом, Запад переоценил себя в двух смыслах – политическом и культурном: мир оказался гораздо более сложным, а его ценности – гораздо более разнообразными, чем их представляли себе западные лидеры, опьяненные своими успехами, но ограниченные собственной идеологией. Привлекательность Запада и его объективные возможности снижались, чему способствовали рост экономического и политического влияния незападных центров силы, а также демографические процессы. В западных столицах, особенно в Вашингтоне, продолжали вести себя так, будто «история кончилась»: давлением, а часто силой продавливая свое видение мира и даже внутреннего устройства стран и целых регионов, которые вовсе не желали вестернизироваться. Эта политика привела к хаосу в Ираке, Египте, Сирии, а затем и на Украине.

Некоторые западные наблюдатели задним числом увидели эту тенденцию. Так, известный американский внешнеполитический аналитик Р. Хаас пишет, что действия США усугубили всемирный беспорядок: «Порядок, установившийся после окончания холодной войны, был основан на безусловном превосходстве и гегемонии США, которые зависели не только от их реальной силы, но и от способности влиять или от желания других стран благосклонно принимать лидерство Вашингтона. Влияние ослабло после ряда серьезных ошибок и неудач, включая слабое регулирование экономики, которое спровоцировало финансовый кризис, чрезмерно агрессивную политику в области национальной безопасности, попиравшую нормы международного права, а также внутреннюю некомпетентность администрации и плохо функционирующую политическую систему». По мнению Р. Хааса, «порядок развалился в результате сплава трех тенденций. Сила в мире распределилась между большим количеством игроков. Снизилось уважение к американской экономической и политической модели. А выбор конкретной политики, особенно на Ближнем Востоке, породил сомнения в рассудительности Америки и в том, что угрозы и обещания Соединенных Штатов заслуживают доверия. Чистый итог заключается в том, что хотя абсолютная сила и мощь США остаются значительными, их влияние уменьшилось»².

Если Р. Хаас пишет только о внешнеполитических просчетах, Г. Киссинджер фактически указывает на рост идеологизированности американской политики как на одну из причин неудач, правда, ис-

---

² Хаас Р. Разваливающийся миропорядок // Россия в глобальной политике. 2014. № 6. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Razvalivayuschiiysya-miroporyadok-17194>

пользуя другой термин. «Прославление универсальных принципов, – пишет он о внешней политике США, – должно быть соединено с признанием реальности истории, культуры и представлений о безопасности народов других регионов планеты», так как история «не гарантирует успех даже для самых возвышенных убеждений в отсутствие целостной геополитической стратегии»³.

В Европе в последнее время также можно встретить запоздалую критику курса, основанного на идеологии «конца истории». Так, в одном из докладов Европейского совета по международным делам утверждается, что уклад жизни ЕС, который европейцы приняли за универсальную модель будущего всего мира, для этого мира был исключением: «Новый европейский порядок отличался от всех предыдущих послевоенных систем... Перестройка Европы происходила в виде распространения западных институтов, большинство из которых создавалось еще как структуры биполярного мира. Моделью для объединения Европы стало объединение Германии... Европейцы хорошо осознавали особый характер своей системы, но были убеждены в ее универсальности. Европейские ценности, на которых основаны ВТО и Киотский протокол, а также Международный уголовный суд и „обязанность защищать“, казалось, обретали все большую силу. Европейцы были уверены, что экономическая взаимозависимость и общий стиль жизни станут доминирующим источником безопасности в мире будущего. Пребывая в эйфории от собственных инноваций, Евросоюз потерял связь с другими державами и видел только то, в чем они не соответствуют европейским стандартам, вместо того чтобы попытаться понять другие системы представлений. Это касается и соседей ЕС, и таких великих держав, как Китай, и даже союзников в лице США. А претензия новой европейской идеи одновременно на исключительность и универсальность сделала невозможным для европейцев принятие альтернативных проектов интеграции на континенте»⁴.

Конечно, между США и Европой (ЕС) существуют некоторые тактические разногласия. США, будучи отдаленной от Европы и самой мощной державой Запада, мало озабочены реальными послед-

---

³ Henry Kissinger on the Assembly of a New World Order // The Wall Street Journal. 2014. August 29. URL: <http://www.wsj.com/articles/henry-kissinger-on-the-assembly-of-a-new-world-order-1409328075>

⁴ Крастев И., Леонард М. Новый европейский беспорядок // Россия в глобальной политике. 2014. № 6. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-evropeiskii-besporjadok-17196>

ствиями своих действий. В области теории Вашингтон выступает за более чистое воплощение идеологических целей, не считаясь с (европейскими) издержками. Кроме того, курс на расширение военных операций по всему миру, раздувание различных угроз позволяет консолидировать доминирование США над Европой. В самой Европе есть чисто проамериканские силы, но есть и те, кто хотел бы превратить ее в самостоятельный или хотя бы автономный центр силы. Для этой цели конфронтация с другими центрами силы в мире не нужна и даже вредна. Кроме того, в Европе растет влияние открыто антиамериканских и антиинтеграционных сил (как крайне правых, так и крайне левых).

В целом США и Европу, а также, например, более отдаленные Австралию, Новую Зеландию и в меньшей степени Японию нужно рассматривать как единый центр силы, объединенный, прежде всего, общей тоталитарной идеологией «демократизма»: стремлением навязать собственную модель всему миру. Споры идут лишь о темпах и приемлемости тех или иных издержек. В обозримом будущем внешняя политика этого все еще остающегося самым мощным центра силы будет определяться противоречием между растущими идеологическими амбициями и снижающимся относительным потенциалом. Перед Западом стоят как внешние (рост влияния незападных центров силы), так и внутренние (меняющаяся демографическая и политическая ситуация) вызовы. При этом объективно его влияние в мире снижается.

Популярность западной модели и западной идеологии была основана, прежде всего, на том, что, как считали в значительной части незападного мира, особенно после Второй мировой войны, западная политическая модель обеспечивает наивысший уровень благосостояния. Свобода, конечно, привлекательна для некоторой части населения небогатых и диктаторских государств, но не за счет благосостояния, а параллельно с ним. Большинство же всегда стремилось к западной модели именно как к гарантирующей более зажиточную жизнь. Мощный рост китайской экономики в конце XX – начале XXI в., а также экономический и политических крах многих государств, которым США и ЕС пытались навязать собственную модель (Россия 90-х годов XX в., Ирак, Ливия и др.), заставили многих усомниться в универсальной эффективности западных лозунгов «демократизации», «рыночной экономики» и «свободной торговли». В то же время западная политика диктата и перманентного бомбометания показала, что идеология «демократизма» в действительности часто

служит прикрытием для установления политического господства. Это понимание значительно снизило «мягкую силу» Запада и одновременно увеличило привлекательность других моделей, прежде всего «пекинского консенсуса», как альтернативы «вашингтонскому».

Кроме того, Запад не может понять, что распространение его модели достигло культурно-цивилизационных границ. Западную систему было легко распространять в Восточной Европе, где государства, страдавшие под советским господством, стремились в западные союзы по политическим и культурным мотивам. Там установление или восстановление давалось относительно легко (хотя и не везде). Но Северная Африка и пространства Евразии в гораздо большей степени чужды этой модели в культурном отношении. Мусульманство и православие, все более популярные на постсоветском пространстве, не принимают западный «демократизм» с его все более усиливающимися стиранием общественных ролей женщин и мужчин, эвтаназией, суррогатным материнством, гомосексуальными браками и т.п. не только по политическим, но и по нравственным причинам. Причем не принимают настолько, что готовы воевать против этого диктата греха. Конфликт на Украине, где культурно-цивилизационная граница прошла внутри страны, разделив ее на две части, так же как и рост антизападных движений в исламском мире, во многом вызван этими причинами.

Подобное ранее случилось с другой тоталитарной идеологией – советской, а вместе с ней и с «мягкой силой» СССР после Второй мировой войны, а особенно в 70–80-е годы XX в. Коммунистические идеалы, пользовавшиеся искренней популярностью во всем мире, в том числе и в Европе и США, особенно в период антифашистской борьбы и деколонизации, поблекли, когда выяснилось, что экономически в «третьем мире» советская модель не работает, а ведет лишь к созданию коррупционных диктаторских режимов и застою. Кроме того, ввод советских войск в Венгрию в 1956 г., в Чехословакию в 1968 г. и в Афганистан в 1978 г. заставил усомниться в искренности Москвы относительно создания лучшего мира, привел к новому отношению к советской идеологии как к прикрытию геополитических интересов.

На самом деле и в СССР, и на современном Западе геополитические цели сложно отделить от идеологических. Все тоталитарные идеологи считают, что навязываемая ими высшая и наиболее прогрессивная политическая модель гарантирует процветание и счастье, а осуществлять ее наиболее эффективно можно с использованием,

как говорили в СССР, «братской помощи» «прогрессивных» государств, т.е. под их политическим контролем. Поэтому цели установления политического контроля над максимальным количеством государств и забота об их счастье путем навязывания единственно верной модели развития в этой идеологической конструкции неразделимы.

Поэтому когда на Западе говорят о том, что случаи с Косово и Крымом нельзя сравнивать, то этому не стоит удивляться. С точки зрения идеологии демократизма, такой подход нельзя назвать «двойным стандартом». Ведь Косово отделяется от Сербии, государства отсталого западного мира, и присоединяется к миру «свободы и прогресса», а Крым западная Россия тянет в мир «регресса и диктатуры». Дискутировать с западными идеологами, как и с советскими и любыми другими, с использованием формальной логики не имеет смысла.

В исторической перспективе Запад будет постепенно меняться. Современная западная система, несмотря на свою внешнюю устойчивость, стала терять популярность и в мире, и среди населения своих стран в связи с неспособностью решать реальные проблемы. Это вызвало нынешний рост популярности политических сил, представляющих крайние фланги: правых, призывающих решать проблему миграции и выступающих за сохранение традиционной морали, и левых, недовольных растущим неравенством. Пока не ясно, устоит ли центр против этого растущего недовольства. Приход к власти в Греции Коалиции радикальных левых (Сириза) и правонационалистических партий в Венгрии и Польше, выход Британии из ЕС и победа Д. Трампа на выборах в США – все это звенья одной цепи, начало процесса ухода со сцены старых элит, представлявших постбиполярный консенсус и не справившихся с задачей решения проблем своих стран в условиях доминирования Запада на мировой арене. Новые социальные и демографические процессы меняют политический ландшафт на Западе, этот процесс уже идет. Какими будут США, если через 20–30 лет значительная часть населения станет испаноязычной? В Англии во многих городах мусульмане занимают все большую часть населения, во Франции, согласно различным подсчетам, мусульман уже около 8–10%⁵. А что будет с ее политикой, когда их станет 30 или 40%?

---

⁵ International Religious Freedom Report 2008: International Religious Freedom Report 2008 // U.S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/2008/108446.htm>

Вызовет ли рост миграции ответную реакцию правых традиционалистов? Их партии и организации становятся все более популярными и получают все больше мест в парламентах европейских государств. Конечно, можно отвечать на вызовы миграции закрытием границ и другими жесткими мерами, но это уже само по себе будет означать серьезный отказ от многих постулатов «демократизма», что не может не привести к существенным изменениям и во внешней политике.

Даже если в перспективе западным элитам в очередной раз, как это было ранее с левым социалистическим движением, удастся переварить антиэлитарные настроения путем частичной адаптации и перевода в мейнстрим умеренных и подавления радикалов, на это уйдут годы. В обозримом же будущем, пока будет происходить процесс адаптации «демократизма» к новым реалиям, вряд ли можно рассматривать Запад как источник мира и стабильности. Напротив, его политика останется основным источником мировых конфликтов, которые будут особенно часто возникать на территориях, пограничных с другими, незападными центрами силами, придерживающимися иных ценностных установок.

Россия

2014 год можно назвать поворотным для внешней политики России. В связи с событиями на Украине она окончательно отказалась от следования в фарватере Запада и вступила с ним в конфронтацию. Это фактически означало коренное изменение внешнеполитического курса Москвы, проводившегося с 1991 г. Хотя 1991–2014 гг. знали различные периоды как близкого сотрудничества, так и разногласий с Западом, Москва в конце концов всегда шла на стратегические уступки. Сегодня такие уступки маловероятны, возможны лишь тактические договоренности. Это вызвано полной потерей доверия России к США и Европе как к политическим и экономическим партнерам и пониманием, что дружественные отношения с ними без полного политического подчинения установить не удастся. В связи с этим Москва начала реальный, а не только словесный (как это было до украинского кризиса) политический и экономический поворот к незападному миру.

В чем причины этого поворота? Постсоветский консенсус между Западом и Россией был основан на взаимопонимании с Западом того, что обе стороны будут двигаться к более тесному сотрудничеству, обе будут с пониманием относиться к интересам друг друга

и идти на взаимоприемлемые компромиссы. Однако выполняла эти условия на практике только Россия. Не отказавшись полностью от идеи национальных интересов, она показывала, что готова ими частично жертвовать ради сотрудничества с «цивилизованным миром», чтобы стать его частью. Однако сам «цивилизованный мир», несмотря на обилие ободряющих слов, мыслил категориями холодной войны, искренне считая себя победившей стороной. Забыв про все обещания (например, не расширять НАТО на Восток), Запад пытался осуществить все, что не мог сделать во время холодной войны из-за сопротивления СССР, – включал в сферу своего влияния все больше стран и территорий, передвигал военные объекты все ближе к российской границе, в том числе и на территорию ее традиционных союзников. Своими действиями в 2014 г. Россия решительно отказалась принять такую политику.

Когда очередь дошла до ближайшего российского партнера – Украины, Россия взорвалась. И хотя она не смогла в силу недостаточности ресурсов и сложившейся экономической зависимости от сотрудничества с Западом пойти на самые решительные меры, она делает и будет делать все, что в ее силах, чтобы остановить силовую экспансию Запада в направлении собственных границ. Новая Россия отвергла советскую и любую другую тоталитарную идеологию. Она не пытается навязать свою политическую модель другим. Более того, несмотря на авторитарную реальность, в теории эта модель провозглашается соответствующей западной, но лишь имеющей право на некоторую специфику, связанную с культурными традициями. На Украине, как и повсюду вокруг своих границ, Россия ведет борьбу не за навязывание модели идеального общества, а за чисто геополитические цели, связанные с выживанием. Она стремится не быть окруженной, не подпасть под политический контроль США и их союзников, сохранить дружественные ей или хотя бы нейтральные режимы у соседей.

Выступая на пресс-конференции 18 декабря 2014 г., Президент России В.В. Путин объяснил изменения в российской внешней политике не осложнениями с Западом, а общемировыми тенденциями: «Я часто слышу „разворот России на Восток“. А Вы почитайте американскую аналитику. Там пишут о развороте США на Восток. Это есть или нет? Отчасти есть. А почему? Это связано с политикой? Нет, это связано с процессами в глобальной экономике, потому что восточная часть АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион – развивается быстрее, чем все остальные части мира, появляются новые возмож-

ности. С точки зрения энергетики, для Китая, для Индии, для той же Японии, для Южной Кореи потребности в энергоресурсах растут семимильными шагами. Там все развивается быстрее, чем в других регионах мира. Поэтому, что же нам, от этого отказываться, что ли? У нас все, что мы сейчас делаем, было запланировано давно, еще до всяких проблем в глобальной и даже в нашей экономике. Это просто реализация того, что мы задумывали раньше»⁶. Во многом это верно, но в то же время в этих высказываниях явно чувствуется тактический элемент. В любом случае политические проблемы с Западом, безусловно, делают российский поворот к Азии более реальным и безальтернативным.

США и Запад в целом рассматривают конфликт с Россией как локальный, хотя и крайне опасный. Опасен он тем, что поведение Москвы фактически подрывает глобальный западный проект мирового развития: постепенного подключения всех стран мира к западному проекту на условиях Запада, т.е. в качестве подчиненных «учеников», старательно пытающихся довести себя до уровня западных стандартов. Локален же он потому, что Россия не самый опасный вызов на этом пути, хотя и наиболее острый в настоящее время. В долгосрочной перспективе складывание многополярного мира в целом вызывает у Запада гораздо большие опасения. Совершенно неясно, как вестернизировать огромный Китай, да и с Индией, Бразилией и многими другими центрами силы не все складывается идеально.

Китай

В долгосрочном плане возвышающийся Китай представляет собой гораздо более серьезный вызов западной идеологии мирового господства, чем все еще довольно слабая Россия. Китай – вторая экономика и самая густонаселенная страна мира – представляет угрозу не своей военной мощью, которая пока еще не сравнима с американской и даже с российской. Но коммунистическому Китаю удалось сделать то, чего не смог СССР, – построить модель эффективной и привлекательной экономики, не основанной на политической модели Запада. И это для последнего гораздо опаснее, так как заставляет народы и правительства многих государств мира усомниться в фундаментальном постулате «демократизма» – эффективная экономика и сопутствующая ей зажиточность возможны только

---

⁶ Большая пресс-конференция Владимира Путина // Официальный сайт Президента России. 18.12.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47250>

при условии принятия идеологии «демократизма». Более того, китайская экономика стала настолько взаимозависимой с экономика-ми США и государств ЕС, что в случае осложнений принять против Пекина меры, которые были приняты против России, будет крайне сложно. Сегодня Запад зависит от Китая экономически не меньше, чем Китай от Запада. Возможно, в случае открытой конфронтации объединенному Западу и удастся в конце концов одолеть Китай, но это будет стоить мировой экономике слишком дорого.

Сам бурно развивающийся Китай в последнее время существенно активизирует внешнюю политику. Суть первого этапа активизации сводилась к стремлению убедить соседей и весь мир в том, что усиление страны не угрожает их интересам. В этом смысл выдвинутой в 2003 г. в период правления Ху Цзиньтао концепции «мирного подъема», которая затем, в связи с опасениями относительно термина «подъем», была заменена теориями «мирного развития» и строительства «гармоничного мира».

При Си Цзиньпине Пекин перешел от защиты к наступлению. Это наступление выразилось в выдвижении новым китайским лидером амбициозных планов по созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути. В то время как их экономическое содержание пока не вполне ясно, понятен их политический смысл: Китай выдвигает собственные, альтернативные западным, концепции развития по крайней мере целого ряда азиатских регионов (первый план в большей степени касается Центральной Азии, Среднего Востока и частично России, второй – Юго-Восточной и Южной Азии и Океании). Они должны создать общие рамки для экономического, а возможно, и политического будущего этих регионов. Можно сказать, что Пекин предлагает этим странам и регионам концепцию соразвития, подкрепленную значительными материальными ресурсами. Он говорит: подключайтесь не к ареалу «демократизма», а к зоне Шелкового пути. История присоединения, даже несмотря на возражения Вашингтона, ряда союзников США против предложенного Пекином Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, показывает, что китайские проекты уже обладают серьезной альтернативной привлекательностью.

Другое свидетельство внешнеполитической активизации – часто раздающиеся в Китае призывы пересмотреть концепцию «таогуан янхуэй» (держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя), которая была выдвинута Дэн Сяопином в начале 90-х годов XX в. и, как считалось, должна была определять внешнеполитический курс

страны в период реформ и открытости⁷. И.Е. Денисов делает вывод, что «в современном китайском политическом дискурсе четко прослеживается как преемственность внешней политики (акцент на такие константы, как путь мирного развития, защита ключевых интересов, политика «мягкой силы»), так и стремление придать китайской дипломатии более инициативный характер, что в перспективе должно вывести КНР в число государств, устанавливающих правила игры в соответствии со своими возросшими интересами (такие намерения особенно ярко видны на примере амбициозной программы превращения Китая в морскую державу, они проявляются и в сфере военной дипломатии – корректировке подходов к использованию китайских воинских подразделений за рубежом)»⁸. И хотя, по его мнению, принцип ограничения стратегического планирования, прежде всего, вопросами, затрагивающими «ключевые интересы», в период Си Цзиньпина остался неизменным, сама сфера ключевых интересов постоянно расширяется. Если в период Дэн Сяопина к ним относились лишь проблема Тайваня и контроля над Тибетом и Синьцзяном, то сегодня – это уже и защита китайской позиции в территориальных спорах с Японией вокруг островов Дяоюй (Сенкаку), и конфликт в Южно-Китайском море. А некоторые эксперты относят к ключевым интересам и необходимость обеспечения Китаю возможности занять достойное его место в мире в целом.

Главным препятствием на этом пути, по широко распространенному в Китае мнению, являются США. Как мировая держава, теряющая свое влияние, но всеми силами стремящаяся сохранить его, Вашингтон, как считает большинство китайских аналитиков, старается сдерживать Китай, видя в нем своего основного конкурента. Для этих целей США при помощи союзников и дружественных государств пытаются окружить Китай в военном и стратегическом отношениях, настраивают против него соседей, раздувая теорию «китайской угрозы». В одной из книг, написанной китайским военным аналитиком Дай Сюем, утверждается, например, что окружение уже

---

⁷ См., напр.: 邓聿文：胡温的政治遗产（中）[Дэн Юйвэнь: Политическое наследие Ху и Вэня. Ч. 2] // hidg.net. 31.08.2012. URL: <http://www.hidg.net/news/bencandy-htm-fid-55-id-30975.html>; 国防大学教授：下一艘航母绝不是现在这个水平 [Профессор Университета обороны: следующий авианосец будет не другого уровня, как сейчас] // Huanqiu.com. 17.12.2012. URL: <http://mil.huanqiu.com/observation/2012-12/3387054.html>

⁸ Денисов И.Е. Эволюция китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Международная жизнь. 2015. № 5. С. 45.

удалось почти со всех сторон, за исключением России и Центральной Азии⁹.

Хотя некоторые и предлагают более активные меры по прорыву этого окружения, например, использовать строительство военно-морских баз за рубежом или поручить армии всеми средствами защищать зарубежные капиталовложения китайских предпринимателей, официальная позиция Пекина пока гораздо мягче. Характерно в этом плане отношение китайских аналитиков к идее «глобального управления». Считая нынешнюю теорию и практику глобального управления западной конструкцией, призванной защищать доминирование США и Европы в мире, в Китае не предлагают подорвать или ликвидировать существующую систему, но выступают за ее реформирование так, чтобы Китай и другие незападные государства получили бы в ней достойное представительство и голос¹⁰.

Таким образом, в целом Китай не заинтересован в конфронтации с кем бы то ни было или в революционном изменении механизма функционирования мировой системы. Однако он намерен настойчиво и последовательно содействовать ее эволюции в более выгодную для себя сторону. Интересен в этом смысле китайский ответ на идею «большой двойки», выдвинутую в 2009 г. З. Бжезинским¹¹. Идея З. Бжезинского полностью соответствовала идеологии американского доминирования. По сути он предлагал Пекину роль подчиненного союзника, который будет решать американские проблемы везде, где Вашингтон не может их решить самостоятельно. Китаю, в частности, предлагалось содействовать решению северокорейской ядерной проблемы, помочь США бороться с мировым кризисом, прямо участвовать в американском диалоге с Ираном, стать посредником в индо-пакистанском конфликте и даже подключиться к урегулированию на Ближнем Востоке. Китай вместе с США должен участвовать в решении проблем изменения климата и в создании крупных миротворческих сил ООН для их дислокации в «недееспособные

---

⁹ 戴旭《C型包围——内忧外患下的中国突围》[Дай Сюй. Дугообразное окружение: как Китаю прорвать окружение в условиях внутренних трудностей и внешнего давления]. 上海, 文汇出版社, 2010, 第3-4页.

¹⁰ 庞中英、王瑞平:《全球治理:中国的战略应对》[Пан Чжунъин, Ван Жуйпин. Глобальное управление: китайский стратегический ответ].《国际问题研究》, 2013年,第4期.

¹¹ Brzezinski Z. The Group of Two That Could Change the World // The Financial Times. 2009. January 13. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/d99369b8-e178-11dd-afa0-0000779fd2ac.html>

государства», в укреплении режима нераспространения ядерного оружия путем стимулирования неядерного выбора государствами мира. Пекин вежливо отказался от столь лестного предложения, коренным образом противоречащего основам его внешней политики, направленной на невмешательства в дела других стран и регионов. Он выдвинул встречное предложение: строить с США «отношения нового типа между крупными державами». Смысл этой идеи можно свести к тому, что Китай станет не агентом США в мире, а равным партнером, который разделит с Вашингтоном ответственность за решение ряда глобальных проблем, причем решаться они будут на основе взаимной выгоды и компромиссов. Но на это уже вряд ли пойдут США.

В целом Китай, как и Россия, далеко ушел от коммунистического глобального тоталитаризма, он более не стремится навязывать другим государствам собственную модель развития. В то же время он пытается обеспечить, как он считает, достойное своей новой мощи и исторической роли место в мире, а также мирное и дружественное окружение. При этом его экономические интересы все в большей степени выходят за пределы собственной территории. И само это стремление, подкрепленное экономическими успехами и серьезными финансовыми ресурсами, ростом популярности китайской модели модернизации без демократии у многочисленных авторитарных лидеров развивающихся стран, представляет собой вызов западной идеологии «демократизма», согласно которой Китай, как и весь мир, должен рано или поздно вестернизироваться и подчиниться западному влиянию.

Конечно, на Западе многие рассматривают китайский опыт как один из частных случаев теории модернизации. Согласно этой теории, Китай в принципе идет путем Японии и «азиатских тигров»: за экономической модернизацией должна последовать демократизация, как это было в Южной Корее и на Тайване. На это в Китае отвечают, что масштабы Китая настолько отличны от упомянутых стран, что сравнивать с ними его нельзя, Китай, как целая цивилизация, будет развиваться собственным путем, не по западным, а традиционно китайским схемам. В последнее время в Поднебесной появилось много статей о том, что и для мира в целом традиционные китайские концепции мироустройства гораздо полезнее, чем западные подходы¹².

---

¹² См.: 阎学通: 《公平正义的价值观与合作共赢的外交原则》 [Янь Сюэту. Ценностный подход честности и справедливости и дипломатический принцип

Идет ли Китай по общему пути или по своему собственному, покажет будущее. В любом случае сомнительно, чтобы даже демократизированный Китай стал бы ориентироваться на США или кого бы то ни было другого в своей политике, а не отстаивал бы собственные интересы. В настоящее время, по крайней мере, общественное мнение в Китае настроено гораздо более антиамерикански и антияпонски, чем руководство страны.

В последнее время среди западных экспертов распространились предсказания и скорого краха коммунистического Китая¹³. И хотя эти предсказания в ближайшей перспективе представляются выдачей желаемого за действительное, в целом в сравнительно отдаленном будущем серьезные проблемы и даже кризис китайской системы власти, вызванный экономическими проблемами, вполне возможен. Но, как показывает опыт СССР и России, даже гипотетический крах коммунизма и длительный кризис вряд ли приведет к вестернизации такой огромной страны, как Китай, и его подчинению западным интересам.

В любом случае в обозримом будущем при сохранении существующих тенденций усиление напряженности между Западом и Китаем неизбежно. Причина этой напряженности будет лежать не в области моральных ценностей, как в случае с Россией и евразийским пространством. Для китайской прагматической культуры, которой чужда монотеистическая религия с ее понятием непознаваемого Бога, установления которого не могут быть подвергнуты сомнению, западные моральные инновации гораздо более приемлемы. В то же время китайская культура серьезно отличается от западной в сфере социальных целей – для нее непонятно западное стремление ставить индивида с его правами выше общественного блага и социальной справедливости. Непонятен для китайцев и идеал минимального государства, не заботящегося о своих гражданах. Высшая ценность здесь – не обеспечение прав индивида и меньшинств, а хорошо организованное общество, гарантирующее благосостояние большинства. Именно эти различия и будут накладываться на геополитические противоречия, добавляя им остроты. В то же время существующая экономическая взаимозависимость будет действовать в противопо-

---

взаимовыгодного сотрудничества]. 《国际问题研究》，2013年，第1期；俞新天：《中国价值观的世界意义》[Юй Синьтянь. Значение китайских ценностей для мира]. 《国际问题研究》，2013年，第4期。

¹³ Shambaugh D. The Coming Chinese Crackup // The Wall Street Journal. 2015. March 6. URL: <http://www.wsj.com/articles/the-coming-chinese-crack-up-1425659198>

ложном направлении, и усиление напряженности вряд ли дойдет до уровня открытой конфронтации.

Другие центры силы и их объединения

Индия, Бразилия и целый ряд других государств, наряду с перчисленными, постепенно превращаются в мощные центры незападного мира. Индия, являясь самой крупной демократией мира, тем не менее, отнюдь не во всем ориентируется на Запад. Как и Китай, она проводит самостоятельную внешнюю политику, стараясь поддерживать конструктивные отношения со всеми основными мировыми игроками. В 2004 г. индийский премьер М. Сингх охарактеризовал внешнюю политику своей страны как «кооперативный плюрализм». Согласно М. Сингху «идея „единства в многообразии“ и породившая ее философская традиция остаются нашим великим наследием, которое мы хотели бы видеть принятым всем миром. Понятие „кооперативного плюрализма“ и уважение к многообразию, составляющие основу нашей демократии, должны также составить основу глобального управления в XXI в.»¹⁴. Согласно индийским экспертам, Индия обладает исключительным опытом. Являясь на протяжении веков страной мультикультурной и многоконфессиональной, она в то же время сохраняла общецивилизационное единство, основанное на уважении чужих мнений и традиций. Этот исключительный опыт стал основой индийской демократии, и его Индия хотела бы передать миру, видя мировое устройство таким же плюралистическим, как и само индийское общество. Основываясь на этих взглядах, Индия отказывается оказывать давление на другие страны, никогда не присоединяясь ни к каким силовым действиям Запада и мирового сообщества в целом. При этом Индия является одним из основных поставщиков военных для миротворческих сил ООН – сил, задача которых поддержание мира, а не наказание виновных.

Ясно, что этот идеал во многом противоречит западной идеологии «демократизма». Совпадая с ним в уважении к демократии, он отрицает идею навязывания «прогрессивных» идеалов и моделей силой и наказания за отход от них. Кроме того, в моральном отношении Индия хотя и идет за Западом, но во многом все еще гораздо

---

¹⁴ PM Manmohan Singh's Speech at HT Leadership Summit // IBN Live. 2008. November 21. URL: <http://ibn-live.in.com/news/pm-manmohan-singhs-speech-at-ht-leadership-summit/78659-3-1.html>

более традиционна. Приход к власти в 2014 г. правительства лидера индуистской Бхаратия джаната парти Н. Моди еще более укрепил чувство индийской миссии в мире и традиционалистические тенденции внутри страны. Это может только способствовать меньшей ориентации на Запад и большей – на другие центры силы, хотя, конечно, экономические интересы и близость политических систем будут продолжать действовать в сторону сотрудничества с Западом.

Индия старается наладить отношения с Китаем, так как этого требует экономическая необходимость. В то же время значительные проблемы в индийско-китайских отношениях сохраняются. Остается нерешенным территориальный спор. Но, что более важно, в случае с Китаем и Индией мир является свидетелем зарождения геополитических противоречий между двумя растущими западными центрами силы, интересы которых сталкиваются, например, в нескольких островных государствах, которые ранее считались сферой влияния Индии, но сегодня стали объектом экономической экспансии Пекина (Мальдивы, Сейшелы, Маврикий, Шри-Ланка).

Бразилия в 2015 г. была девятой экономикой мира, это страна с населением более 200 млн человек, объем ее ВВП превышает этот показатель таких стран, как Канада или Австралия. При этом политически она является типичной латиноамериканской страной с сильными левыми тенденциями, которые всегда развивались в этой части света как ответ на попытки доминирования США. Два ее последних президента, Л. да Сильва и Д. Русеф, представляли левые силы, и именно в этом – основа нарастающих расхождений с США.

В ее внешнеполитической доктрине основной упор делается на автономию, под которой подразумевается независимость от других крупных держав, прежде всего США. Ранняя концепция «автономии через дистанцию», идея «автономии через участие», выдвинутая президентом Ф.Э. Кордозо (1995–2003), и «автономия через разнообразие», провозглашавшаяся Л. Да Сильва (2003–2010) и Д. Русеф (2011–2016), различаются только степенью включенности в международные институты и ролью сотрудничества с растущими западными державами, такими как Индия, Китай и Россия. По словам ведущего бразильского теоретика внешней политики и дипломата Г. Фонсеке, «автономия... не означает „дистанцирования“ от спорных международных проблем, чтобы защитить страну от нежелательных альянсов... Автономия означает участие, означает, что мы хотим влиять

на открытую повестку ценностями, которые выражают традиционную [бразильскую] дипломатию»¹⁵.

Т. Вигевани и Г. Сепалуни следующим образом обобщили смысл основных бразильских концепций автономии.

1. Автономия через дистанцию – политика непринятия автоматически доминирующих международных режимов, вера в частичную автаркию, развитие, сфокусированное на внутреннем рынке. Из этого вытекает дипломатия, идущая против некоторых аспектов повестки великих держав, целью которой является сохранение национально-государственного суверенитета.

2. Автономия через участие – приверженность международным режимам, в особенности более либеральным, но без утери контроля над внешней политикой. Целью здесь является влияние на выработку принципов и правил, определяющих международную систему.

3. Автономия через разнообразие – приверженность международным нормам и принципам посредством союзов «Юг–Юг», включая региональные, и через соглашения с нетрадиционными партнерами (Китай, АТР, Африка, Восточная Европа, Ближний Восток и др.) в попытке уменьшить асимметрию во внешних связях с мощными государствами¹⁶.

Внешняя политика Бразилии во многом противоречит американской: она не поддержала операции США и их союзников в Ираке и Ливии, выступает за мирное решение сирийского конфликта, против санкций в отношении Ирана. В 2010 г. Бразилия и Турция подписали совместную декларацию с Ираном, в которой Тегеран обязался отправлять в Турцию свой низкообогащенный уран, а Турция – поставлять ему обогащенное топливо для исследовательского реактора. Это соглашение вызвало критику в США и Европе. В США также высказывались опасения относительно собственной ядерной программы Бразилии.

В экономической области Бразилия отказалась поддержать американский проект создания Американской зоны свободной торговли (АЛКА), что явилось одной из главных причин его провала. В США часто критикуют бразильский протекционизм и якобы осуществляемый бразильской стороной демпинг своей продукции, а также нарушения прав интеллектуальной собственности, в то время как Бразилия обвиняет Вашингтон в приверженности к «монета-

---

¹⁵ Цит. по: Vigevani T., Cepaluni G. Lula's Foreign Policy and the Quest for Autonomy through Diversification // *Third World Quarterly*. 2007. Vol. 28. No. 7. P. 1311.

¹⁶ Ibid. P. 1313.

ристской» политике и провоцировании «валютных войн» против развивающихся рынков. В перспективе, по мере усиления бразильского центра силы и возрастания его влияния в Латинской Америке и мире в целом противоречия с США будут возрастать, хотя экономическая необходимость, как и в случаях с Китаем и Индией, не позволит довести дело до острой конфронтации. Принципиальные основы автономной внешнеполитической стратегии вряд ли изменятся в будущем, даже если новый президент М. Темер сдвинет ее в сторону «участия».

Распад Советского Союза в начале 90-х годов XX в. означал принципиальное изменение характера международных отношений, основанного на противостоянии двух основных центров силы. Несмотря на то что еще в период существования СССР некоторые исследователи отмечали тенденцию к многополярности, заключающуюся в росте мощи ряда государств – региональных лидеров, внезапное исчезновение этого мощного государства с карты мира привело к возникновению определенного вакуума. Пусть не все, в том числе и в западном мире, любили СССР и многие даже его критиковали, однако без него ряд государств, в особенности крупных, почувствовали некоторую угрозу. Она заключалась, во-первых, в общей нестабильности международной ситуации (биполярная система гарантировала определенный порядок), а во-вторых, в возможности ущемления своих интересов единственным оставшимся мощным центром силы, который лишился каких-либо сдержек и противовесов.

Таким образом, когда в США праздновали победу в холодной войне, а Ф. Фукуяма объявлял о конце истории, в Китае, Индии, Бразилии, как и во многих других государствах Азии, Африки и Латинской Америки, смотрели на ситуацию с беспокойством. Прояви США сдержанность, возможно, дальнейшие события сложились бы и несколько по-другому, однако пришедший к власти в Вашингтоне Билл Клинтон, а затем еще в большей степени Дж. Буш-младший стали проводить курс на закрепление победы и обеспечение полного американского господства в мире. Европа не смогла или не захотела проводить самостоятельного курса и, как всегда, в целом последовала в русле политики Вашингтона.

Объединенный Запад все в большей степени пытался взять на себя функции международного арбитра, подменить международное право собственными решениями. Это проявлялось в игнорировании Совета Безопасности ООН в случаях, когда там не удавалось получить желаемого результата, предоставлении права НАТО и отдель-

ным его членам вмешиваться в международные конфликты без решения СБ. Конфликты в Ираке, Югославии (в особенности насильственное отделение Косово от Сербии), а затем в Ливии, где Запад явно превысил полномочия, предоставленные резолюцией СБ ООН, и позже в Сирии, где он начал уже без всякого международного решения содействовать свержению законного правительства, что привело к дестабилизации всего региона, – все это не могло не вызвать крайней озабоченности в западном мире.

В этой ситуации недовольные начали наводить мосты между собой. Эта координация первоначально не направлена против Запада, так как все участники процесса в значительной мере были вписаны в западную систему и дорожили сотрудничеством с ней. Но они стремились нащупать возможность координации позиций по тем параметрам, которые в новом мире доминирования Запада их не устраивали. Именно это стремление привело к созданию или укреплению организаций и групп, в которых государства Запада не участвовали: АСЕАН и различные форматы сотрудничества вокруг нее, ШОС, СЕЛАК и, конечно, БРИКС.

Из них группа БРИКС, формально не являясь организацией, привлекает к себе наибольший интерес. Причин этому несколько. Во-первых, группа объединяет наиболее крупные и влиятельные страны незападного мира. Во-вторых, она является не региональной, а общемировой, претендуя тем самым на представительство всего «Юга» или, более широко, всего незападного мира. В-третьих, она активно вносит собственные инициативы, представляющие альтернативу западному проекту организации мирового экономического и политического порядка.

Интересно, что хотя группа БРИКС (первоначально БРИК) и позаимствовала название, придуманное аналитиком «Голдман Сакс» Дж. О'Нилом, по сути, она складывалась совершенно не так, как он предполагал. В основе объединения лежали не схожесть экономик или этапов развития, а именно геополитические причины. Об этом свидетельствует и история возникновения группы. Группа, в которую вошли крупнейшие западные государства, как бы представлявшие разные континенты и регионы, где они были естественными лидерами, складывалась поэтапно. Ее истоки можно увидеть в сближении России и Китая, основанном на общности геополитических интересов. Без этого сближения, растянувшегося на два десятилетия, скорее всего, не было бы БРИКС. Затем возник РИК, т. е. фактически к процессу российско-китайского сближения подключилась Индия.

Из РИКа путем присоединения Бразилии возник БРИК. (Хотя формально РИК и осталась отдельной группой, но фактически после образования БРИК она бездействует.) И на данный момент последним штрихом стало присоединение Южной Африки и превращение БРИК в БРИКС.

Геополитическое значение БРИКС проявляется в том, что группа представляет международному сообществу собственный взгляд на происходящие в мире процессы. Одна из главных тем БРИКС – реформа мировой экономической системы. Государства БРИКС упорно предлагают увеличить представительство незападных государств в международных финансовых институтах, но встречают ожесточенное сопротивление со стороны традиционных властителей мировых финансов. Именно разочарование в возможности реформирования Всемирного банка и МВФ на более справедливых основах привело к решениям по созданию собственных Банка развития и Пула валютных резервов. Эти институты если и не создадут всеобъемлющую альтернативу существующим международным финансовым организациям, то должны способствовать коррекции их прозападного уклона, давать альтернативу государствам незападного мира при выборе источников финансирования развития или в случае серьезного экономического кризиса.

Главный эксперт российского МИДа по БРИКС В.Б. Луков считает реформу мировой финансовой системы первой из четырех стратегических интересов группы. К трем другим он относит укрепление центральной роли ООН и Совета Безопасности в международной системе, максимальное использование взаимодополняющего характера наших экономик для ускорения экономического развития, модернизацию социальной сферы и экономической жизни собственных стран¹⁷. Как видим, лишь некоторые из этих целей являются чисто экономическими.

Конечно, государства БРИКС во многом отличаются между собой, их разногласия с Западом также имеют разную историческую и политическую основы. Но общим здесь является не суть противоречий, а само их наличие и острое желание противостоять любому диктату.

Для БРИКС важно, что на этот раз в качестве объекта для конфронтации объединенным «Севером» избран один из членов груп-

---

¹⁷ Интервью Посла по особым поручениям МИД России В.Б. Лукова «РИА Новости», 14 апреля 2014 г. // Сайт МИД РФ. 17.04.2014. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/33A1D346558B4C3944257CBD0032BFDD

пы. Это укрепит бриксовскую солидарность, уже выраженную в коллективном протесте против попыток отдельных западных членов Группы двадцати не допустить Россию к участию в саммите в Брисбене в ноябре 2014 г. В марте 2014 г. министры иностранных дел БРИКС заявили: «Руководство Группой двадцати принадлежит в равной степени всем Государствам-Членам, и ни одно Государство-Член не может в одностороннем порядке исключить другое Государство-Член из числа участников Саммита»¹⁸. Эта консолидированная позиция стала проявлением роли БРИКС как представителя незападного мира в Группе двадцати, где государства БРИКС постоянно вносят инициативы, альтернативные предложениям коллективного «Севера». Успех этого демарша свидетельствует о том, что Запад теряет позиции в «двадцатке».

Кстати, приостановление Западом деятельности Группы восьми как одной из санкций против России еще более кристаллизовало полюсы в Группе двадцати. Если раньше Россия, входившая как в БРИКС, так и в «восьмерку», могла смягчить противоречия, то теперь в рамках «двадцатки» будут действовать два противоположных полюса: чисто западная «семерка» и представляющая весь остальной мир БРИКС.

Украинский кризис будет способствовать дальнейшей консолидации БРИКС. Он показал, что группа движется в правильном направлении и должна наращивать усилия по координации действий, чтобы представить реальную альтернативу попыткам Запада утвердить однополярную структуру мира. Эта деятельность БРИКС будет во многом способствовать созданию структуры реальной многополярности в мире.

Россия, со своей стороны, еще в большей степени будет заинтересована в сотрудничестве в формате БРИКС. Эта растущая заинтересованность проявляется не только в том, что Москва будет искать поддержки в противостоянии с Западом. Более глубокая причина состоит в том, что полный крах взаимного доверия с Западом, его санкции и попытки использовать экономические рычаги для политического давления, а также ответные меры Москвы в значительной степени стимулировали уже шедший процесс поворота России к незападному миру. В условиях санкций, которые скорее всего вряд ли

---

¹⁸ Media Statement on the Meeting of the BRICS Foreign/International Relations Ministers held on 24 March 2014 in The Hague, Netherlands // Brics.mid.ru. URL: <http://www.brics.mid.ru/brics.nsf/WEBmitBric/63AFCD6DA75BDFA544257CA70052CA90>

отменяют в обозримом будущем, именно государства Азии и Латинской Америки будут постепенно заменять Европу в качестве экспортеров многих товаров, в особенности пищевой и сельскохозяйственной продукции. На Китай и АТР постепенно переключается российский экспорт углеводородов. Российская политическая элита начинает понимать, что без сотрудничества с азиатскими соседями не удастся решить стратегическую задачу развития Сибири и Дальнего Востока. В целом Европа и США начинают рассматриваться в качестве ненадежных партнеров, готовых в любой момент пожертвовать экономическими связями ради политического давления. Таким образом, не только идеология, но и реальные обстоятельства и экономические интересы заставляют Россию переключить внимание на другие регионы. И интенсификация сотрудничества с политическими и экономическими лидерами этих регионов, какими являются государства БРИКС, становится ключевым направлением внешней политики.

Не меньшую роль в создании будущего мира многополярности может сыграть и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). В ШОС уже входит два крупных незападных центра силы – Россия и Китай, а также государства Центральной Азии, которые осуществляют координацию действий в области безопасности, а также ведут сотрудничество в экономике, культуре и образовании. Одновременное принятие в организацию Индии и Пакистана, принципиальная договоренность о чем, судя по всему, достигнута, может значительно укрепить позиции ШОС в мире и дать новый импульс ее развитию. Подключение этих крупных государств значительно укрепит геополитическое влияние ШОС и стимулирует торгово-экономическое сотрудничество между его членами (пока самую слабую сферу деятельности организации). После приема демократической Индии вряд ли кто-то сможет говорить о ШОС как о «союзе диктаторов», а ее присоединение ознаменует новый шаг в консолидации незападного мира, основные игроки которого, во многом из-за желания избежать доминирования Запада, тяготеют друг к другу, даже несмотря на существующие противоречия между ними.

Постбиполярная система

Российский отказ следовать курсу Запада – лишь первый острый симптом противостояния западного проекта единого мира и проекта складывающегося многополярного мира. Таким образом, постбипо-

лярный мир на нынешнем этапе можно было бы назвать промежуточным, переходным от глобального доминирования Запада, сложившегося после завершения холодной войны, к многополярному миру, который еще не сложился (и неизвестно, сложится ли окончательно). Для этого мира характерно уменьшение относительного влияния западного центра силы и увеличение влияния других центров (Китай, Индия, Бразилия, и др.). Его характерная особенность – новые центры силы будут пытаться создать вокруг своих границ зоны собственного влияния за счет зоны влияния Запада. Эта политика будет встречать ожесточенное сопротивление Запада (как это уже происходит в случае с Китаем и Россией). Более слабые незападные центры силы будут пытаться координировать свои действия против наиболее мощного центра (БРИКС, ШОС, АСЕАН). Однако это не означает создания антизападного альянса. Там, где зоны влияния незападных центров силы будут сталкиваться друг с другом, возможны и конфликты между незападными державами (например, уже намечается борьба за сферы влияния между Китаем и Индией). Причем Запад (в особенности США) может использовать эту борьбу в своих целях. В связи со сложной структурой такого мира окончательное складывание реальной многополярности с несколькими приблизительно равными по влиянию центрами силы не является исторически неизбежным.

Большую роль в этой системе будут играть среднemosные или региональные центры силы, например Вьетнам, Южная Африка, Нигерия, Венесуэла и др., имеющие собственные цели и взгляды на региональную политику. Они могут вступать во временные альянсы с более крупными центрами для достижения собственных локальных целей (как, например, это делает Вьетнам, пытаясь использовать США в территориальном конфликте с Китаем).

В то же время постбиополярный мир не следует понимать как полностью распадающийся на отдельные большие и малые центры влияния. В нем сохраняются и даже получают еще большую остроту глобальные проблемы, которые возможно решать только общими усилиями: нехватка ресурсов, перенаселение, загрязнение окружающей среды, нераспространение оружия массового уничтожения и т.п. Смертельную глобальную угрозу для человеческой цивилизации в целом вне зависимости от ее вида представляет терроризм, прежде всего основанный на исламском экстремизме. Это сегодня – вторая тоталитарная идеология, за которой не стоит какое-либо государство, но которая, тем не менее, обладает значительной привлекатель-

ностью, своеобразной «мягкой силой», причина роста которой во многом – радикальная реакция на «аморальность» и «греховность» современного мира. Именно поэтому радикальными националистами часто становятся молодые мусульмане – жители стран Запада, наглядно ощутившие коренное противоречие между своими верованиями и западной цивилизацией.

Решение этих проблем поставит вопрос о необходимости поиска механизма взаимодействия. Действенный механизм можно создать, если основные центры силы договорятся о той ограниченной сфере, где их взгляды сходятся, и о том, что по всем другим вопросам они «соглашаются не соглашаться», при этом не доводя дело до острой конфронтации. Это будет возрождение реальности «мирного сосуществования» периода биполярности, суть которой была сформулирована еще во времена Н.С. Хрущева: не разделяя ни целей мирового развития, ни идеалов общественного устройства, мы отказываемся от войны друг с другом и пытаемся договориться по тем проблемам, по которым можно договориться. Для рабочих органов этого механизма больше всего подходят уже существующие органы глобального управления, прежде всего система ООН с его Советом Безопасности, просто потому, что ей нет альтернативы. Но это не означает неизменность этой системы, напротив, она должна быть постепенно реформирована по общему согласию с целью достижения более адекватного представительства растущих центров силы. Альтернатива этому – непредсказуемый мир борьбы всех против всех без каких-либо правил.

Роль России в этом переходном мире пока только намечается. Россия пытается стать крупным независимым центром силы, позиционируя себя как центр евразийской интеграции. Однако хватит ли для этого самых различных ресурсов, пока неясно. Очевидно, что в нынешней обстановке серьезной экономической зависимости от Запада Россия вряд ли может позволить себе неограниченную конфронтацию. Гораздо более разумный курс – позиционировать Россию и Евразийский союз как часть большой Европы, но не проекта ЕС, попытаться создать альтернативу проекту ЕС в рамках Большой Европы. Такая цель представляется более реалистичной и приемлемой для самых различных кругов российского населения и элит (отсечь придется лишь самых крайних западников и националистов). Эта политика вызовет симпатии тех кругов в Европе, которые выступают против доминирования США, за более независимый курс, и позволит продолжить необходимое экономическое сотрудничест-

во с Европой. Больше того, для Европы Россия должна стать проводником европейских ценностей в Евразии (по крайней мере, некоторых из них). Такая теория существовала в России еще в XIX в. В то же время необходимо жестко говорить о том, что для Евразии с ее собственными традициями приемлемы лишь коренные европейские ценности, но не все сиюминутные установки, навязываемые ею (особенно в области секуляризма и морали). Для Азии же, напротив, Евразийский союз мог бы стать «послом» в Европе. Здесь необходимо подчеркивать не только европейскую, но и азиатскую принадлежность России.

Трамп испытывает терпение Китая. Как будут выглядеть отношения США и Китая при новом президенте

Опубликовано на сайте: Газета.Ru. 10.12.2016.

URL: https://www.gazeta.ru/comments/2016/12/09_a_10416155.shtml#page6

После избрания президентом Дональд Трамп остался верен антикитайской риторике. Китайский МИД пока осторожен в ответах, однако в воздухе висит напряженность. Что за ней последует и способна ли Россия ее разрядить? Ответить на эти вопросы предстоит участникам азиатской конференции¹ клуба «Валдай» в Сингапуре, открывающейся 13 декабря. Точка зрения участника дискуссии с российской стороны Александра Лукина, руководителя департамента международных отношений НИУ ВШЭ и директора Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО, – в материале «Газеты.Ru».

Если на выборах президента США большинство в России сочувствовало Трампу, то в Китае, судя по экспертным кругам, предпочитали Клинтон, так как Трамп высказывался о Китае крайне негативно. В одной из речей он даже заявил, что Китай «изнасиловал» Америку в экономическом смысле. Рядовые люди, конечно, как и у нас, были за Трампа – и не только потому, что он «свой мужик» и выступает против истеблишмента. У многих китайцев бизнес-сознание, им нравится, что Трамп – бизнесмен, всего добившийся сам.

После выборов Трамп не перестал выступать против Китая и писать соответствующие сообщения в твиттере, однако отношение к Трампу в кругу китайских специалистов изменилось, а пекинские власти проявляют завидную выдержку.

---

¹ Новые институты роста в России и Евразии: какова миссия России? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/announcements/novye-instituty-rosta-v-rossii-i-evrazii-kakova-missiya-rossii/>

После того как Трамп поговорил по телефону с президентом Тайваня – впервые с 1979 г., когда США разорвали с ним дипотношения и признали остров частью Китая, в американских СМИ поднялся шум. Все антитрамписты стали говорить, что Трамп обвалил отношения США и Китая. Сам же Китай отреагировал довольно мягко: министр иностранных дел КНР Ван И лишь назвал звонок из Тайбэя «небольшой уловкой Тайваня» и выразил надежду на то, что телефонный разговор «не создаст помехи или не нанесет ущерб взаимоотношениям страны с США».

После того как Трамп раскритиковал в твиттере девальвацию юаня, налогообложение американских товаров, идущих в Китай, и военную активность страны в Южно-Китайском море, МИД Китая вновь промолчал. Очевидно, что Пекин взял паузу и выжидает. После недавней встречи с Генри Киссинджером председатель КНР Си Цзиньпин делал заявления общего характера, а некоторые эксперты стали высказываться с некоторой надеждой на перезагрузку или даже на новый этап в отношениях с США.

Такому спокойствию есть несколько причин. В целом Китай, видимо, решил не принимать серьезных решений, пока Дональд Трамп не вступит в должность, хотя мы видим, что в других вопросах китайцы непреклонны: например, некоторое время назад они де-факто ввели экономические санкции против Монголии, потому что туда разрешили приехать далай-ламе. Весовые категории разнятся, но ситуация показательна.

Первый момент, который вселяет в Китае надежду, – то, что Дональд Трамп в первые дни президентства, чтобы возвратить в США рабочие места и производство, пообещал вывести страну из соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), подписанного между 12 странами АТР без участия Китая.

Барак Обама напрямую говорил, что ТТП, предусматривающее снижение тарифных барьеров и ряд других преференций для стран-участниц, создано для того, чтобы США, а не Китай устанавливали правила международной торговли. Поэтому в Китае довольны. На официальном уровне в Китае к этому партнерству относились осторожно, говорилось даже о рассмотрении вопроса о вступлении, но на экспертном уровне было понятно, что это антикитайская организация. Теперь новое развитие может получить проект Всестороннего регионального экономического партнерства – соглашение о «зоне свободной торговли +» между КНР, Индией, Австралией, Кореей, Японией, Новой Зеландией и странами АСЕАН. Или же Китай уско-

рит двусторонние переговоры с государствами, подписавшими ТТП, – такие переговоры, вне рамок организаций, китайцам близки.

Второй важный момент – экономическая взаимозависимость США и Китая. Понятно, что перед выборами и на первых порах президентства антикитайская риторика в США выгодна с популистской точки зрения: Китай якобы мешают нам экономически, создает недобросовестную конкуренцию. Сказать, что КНР строит козни США, проще, чем признать свой проигрыш в экономическом соревновании. Но когда человек укрепляется у власти, он понимает, что существуют объективные взаимосвязи с Китаем, что нельзя принимать односторонние антикитайские решения без ущерба собственной стране.

С одной стороны, Китай зависит от Америки, получая инвестиции и технологии. Экономическая модель Китая пока еще направлена на экспорт, поэтому терять рынки сбыта для него невыгодно. Иначе – сокращение производства и безработица, как это было во время кризиса 2008 г. С другой стороны, США также зависят от Китая, потому что значительную часть валютного запаса тот держит в американских ценных бумагах. Фактически Китай финансирует этим американский дефицит бюджета. Если Китай начнет активную продажу этих бумаг, то в США начнутся проблемы.

Две страны настолько взаимосвязаны, что если одна из них начнет применять санкции против другой, пострадают обе. Влиятельные люди способны объяснить это президенту-бизнесмену, если сам он этого не понимает. Ему придется менять свою позицию, если она не была маской с самого начала. Хотя Трамп создает впечатление человека, убежденно настроенного против Китая.

Дело в том, что американское общество разделено по вопросу о том, кто представляет главную угрозу для США. Для основной части истеблишмента это Россия и другие страны, мешающие американскому глобальному проекту, но эта часть проиграла на выборах. Выиграли те, кто вместе с Трампом считают главными угрозами стране терроризм и экономические проблемы.

В противостоянии терроризму Россия вполне может быть партнером, а в экономике Америки эти люди помимо внутренних проблем находят проблему Китая. Они считают, что Китай занижает курс юаня, демпингует в торговле, потворствует недобросовестной конкуренции. Правые в США всегда обвиняли в этом Китай, но во многом это лукавство. И Китай на это справедливо отвечает: если ваши рабочие заелись и слишком много получают, а наши согласны работать дешевле, что здесь недобросовестного?

Дональд Трамп все-таки бизнесмен, а не идеолог. Если бы он был идеологом, то он бы мог проводить свою идеологическую линию до конца, невзирая на издержки. А бизнесмен понимает, что ему нужно, понимает, что можно вести жесткие переговоры, но партнер в итоге также должен принять условия сделки. Нужно будет идти на компромиссы, и, думаю, в отношении с Китаем мы их еще увидим.

Также спокойствие Китая в отношении Трампа объясняется принципом китайцев не подрывать существующую систему миропорядка. Для них главное – стабильность и порядок: как в мире, так и в своей стране. Но они пытаются изменить порядок традиционными методами и постепенно: так, чтобы Китай получил больше места в системе глобального управления. Для этого необходимо вести настойчивые переговоры, гнуть свою линию, не порывая отношений с США, а напористо ведя с ними диалог.

США воспринимают в Китае двояко: с одной стороны, это самое мощное государство мира, с другой – оно явно уступает свое влияние Китаю и потому пытается всячески его сдержать и не дать себя согнуть. Китай выдвинул концепцию особых отношений между крупными державами, которая направлена прежде всего на США: американцам, по сути, предлагают признать Китай равным партнером и вести двусторонние переговоры об основных мировых проблемах. США же не хотят терять лидерскую позицию, поэтому продолжают поучать Китай.

С китайской точки зрения Россия – важная страна по ряду вопросов, но гораздо менее значительная, чем США. Прежде всего Россия важна как партнер по противостоянию однополярной системе мира, которую отстаивают США, и в этом деле она, возможно, самый важный партнер, с которым нет разногласий. Индия тоже придерживается таких позиций, но с Китаем у них много сложностей. С Россией у Китая особых проблем нет.

Есть известная книга военного аналитика Дай Сюя «Окружение буквой С», т.е. полумесяцем. С этой точки зрения Китай окружен противниками во главе с США, но есть некая брешь, где окружение не враждебное, – это, вероятно, Россия и Центральная Азия. Конечно, в отношениях с Россией важен и экономический фактор: Россия экспортирует в Китай оружие и сырье, является партнером по развитию приграничных регионов, но в целом это менее существенно.

Китай развивает стратегическое партнерство с Россией во многом из-за того, что укрепление России Китаю выгодно. Ему выгодно, что

Россия останавливает продвижение НАТО, и там довольны, что проблемы при этом возникают у нее, а не у Китая.

При этом на официальном уровне Китай никогда не говорит о том, что Россия не должна улучшать отношения с США. И даже говорят обратное. В журнале *Foreign Affairs* была интересная статья Фу Ин, председателя комитета по международным делам Всекитайского собрания народных представителей, в прошлом заместителя министра иностранных дел. Она, в целом одобряя сближение с Россией, отметила и то, что та в некоторых вопросах действует чрезмерно резко, а Китай ведет диалог с США и в целом с Западом более конструктивно.

Если при Трампе вдруг начнется тесное сближение России и США, в Пекине, безусловно, выскажут опасения. В 2001 г., когда после нападения террористов на США Владимир Путин первым позвонил Джорджу Бушу-младшему, в Китае заговорили о том, что Путин сделал это, не предупредив Китай... Тогда некоторые китайские эксперты писали о том, что Россия может слишком сильно сдвинуться в сторону США. Но думаю, что этот сценарий сегодня маловероятен. После украинского кризиса ситуация изменилась очень сильно, серьезное сближение России и США вряд ли произойдет. А вот некоторое налаживание отношений между Россией и США Китай воспримет позитивно.

Есть ли при этом в Китае люди, откровенно настроенные на улучшение отношений с США? Хотя китайская общественность по-разному видит ситуацию в мире, откровенно прозападные деятели в Китае, как правило, сидят в тюрьме. Этот дискурс публично недопустим.

Но есть другая любопытная точка зрения, которую можно, например, увидеть во влиятельной газете *The Global Times*, выходящей на английском и китайском языках, – о том, что Китаю следует вести диалог только с США. Россия в этом случае воспринимается как слабая страна, утратившая свое влияние, прислушиваться к мнению которой не стоит. Курс на развитие стратегического партнерства не очень конструктивен. Нужно выторговывать для себя лучшие условия в двусторонних отношениях с США. Это националистическая позиция, в которой США считаются партнером, которого в конечном счете надо победить, но пока что разговаривать только с ним, потому что больше не с кем: Китай слишком перерос всех остальных.

Но это не основная, не официальная точка зрения. Официальная позиция в том, что Россия – важный партнер для обеспечения ки-

тайских национальных интересов в мире. Согласно этой позиции, Россия укрепляется, хотя, может быть, и не так быстро, как хотелось бы, у нее есть проблемы, но она нужна, поскольку без нее противостоять тенденции к однополярному миру было бы гораздо сложнее.

Стало быть, Россия – важный и дружественный партнер, а США – важнейший партнер, но скорее враждебный, чем дружественный. Так что не стоит выдумывать экзотических сценариев. В период Трампа китайско-американские отношения вряд ли серьезно разладятся, хотя и особо не потеплеют, а отношения России и Китая при этом будут строиться по своей внутренней логике и позитивной повестке, напрямую не касаясь отношений между двумя крупнейшими экономиками мира.

Крах союза: что общего у Brexit и распада СССР

Опубликовано на сайте: Лента.ру. 03.07.2016.

URL: <https://lenta.ru/articles/2016/07/03/endoftheunion/>

Выход Соединенного Королевства из Евросоюза, за что большинство британцев проголосовали на референдуме, стал настоящей сенсацией. Эксперты рассуждают об особом отношении Британии к Европе, восстании народа против элит и влиянии миграционного кризиса. Но мало кто обращает внимание на другое: распад Евросоюза во многом сходен с крахом СССР. Дело в том, что и то, и другое геополитическое образование основывалось на идеологии. И к краху их привело коренное расхождение между провозглашавшимися идеологическими целями и реальностью. Именно это и вызвало восстание масс, неидеологизированных слоев населения, которые, как только им предоставили возможность высказать собственное мнение, потребовали от властей выполнить свои обещания или уйти.

Советская идеология обещала равенство, справедливость, более высокий уровень экономического развития и жизни по сравнению с «миром капитализма». В действительности граждане СССР получили дефицит товаров, несправедливое распределение, власть привилегированного класса номенклатуры, уровень развития и жизненные стандарты, значительно уступавшие западным. Характерно, что недовольство возникло поначалу среди представителей «верующей», идеологизированной элиты, всерьез относившихся к обещаниям. Движение за «истинный ленинизм» означало призыв вернуться к идеалу, к выполнению тех обещаний и достижению тех целей, которые провозглашала идеология. Приход к власти Михаила Горбачева, начавшего именно с «восстановления ленинских идеалов», означал заведомый крах. Последний советский лидер считал, что построенное утопическое социалистическое общество мешает бюрократия, а народ спит и видит, как бы осуществить идеал на деле. И он обра-

тился к народу за поддержкой против бюрократии, уверенный, что народ его поддержит. Но народ, впервые за долгие годы получив возможность высказывать свое мнение на относительно свободных выборах, голосовал за противников Горбачева – частично за прозападных «демократов», обещавших лучшее будущее в случае слияния с «цивилизованным миром», частично за правых националистов. Идеология «власти народа» вступила в противоречие с чаяниями реального народа. В результате проводник курса на демократизацию потерял власть. То, что народ все равно не получил желаемого, – это уже другой вопрос.

Недаром именно в Британии элита выступала за максимальное расширение Евросоюза, даже за прием в него Турции. Но эта элита забыла, что в стране живут не только университетские доны, банкиры лондонского Сити, все более идеологизированная молодежь, интернационализованные жители крупных городов, но и граждане зрелого возраста, рабочие, фермеры, рыбаки и продавцы магазинов, завсегдатаи небольших пабов и футбольные фанаты, даже язык которых, мягко говоря, сильно отличается от элитарного. Эти люди всегда были недовольны Брюсселем по вполне прагматическим причинам: они не желали платить часть своей и без того небольшой зарплаты за идеологические цели, за свободу и счастье жителей Восточной Европы и Северной Африки, отдавать им рабочие места. Они хотели иметь право голоса при решении проблем своей страны, но этого голоса им никогда ранее не давали. Британская «демократическая» избирательная система устроена так хитро, что по некоторым вопросам у людей нет выбора: все решает элита. Референдумы там проводят крайне редко, за всю историю их было всего три. Суверенной властью обладает парламент, а туда выбирают по мажоритарной системе в основном представителей трех партий, чьи лидеры занимают позицию в диапазоне от проевропейской до резко проевропейской. Небольшие партии евроскептиков в этой системе фактически лишены шансов.

И вот британский Горбачев, консервативный премьер Дэвид Кэмерон совершает ошибку своего советского предшественника. Кэмерон – представитель нового, идеологизированного поколения политиков, искренне верящих в демократическую религию. Это не прожженный прагматик Уинстон Черчилль, ответивший на критику своего союза с СССР так: «Если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане в палате общин». Желая продлить срок пребывания у власти, Кэмерон обращается

к народу, считая, что если британцам дать право проголосовать на референдуме, они поддержат его, как ему кажется, вполне разумную политику компромисса между интересами Лондона и европейским демократизмом – остаться в ЕС, выторговав максимально выгодные условия. Однако оказалось, что, как и Горбачев, он не понимает собственных сограждан, которым надоело все, связанное с объединенной Европой, надоели политики всех партий, обещающие демократический рай на земле, а на деле ведущие к бедности и национальному унижению. И народ проголосовал против. Правда, после выхода Великобритании из ЕС, подданные Ее Величества, вероятно, не получают то, чего хотели, а Соединенное Королевство, вместо того, чтобы превратиться в гордую независимую державу, скорее всего, распадется, как СССР. Но это уже другая история.

Ясно, что подобное недовольство населения существует и в других наиболее развитых странах Европы. Дадут ли народу высказать свое мнение или спохватившееся элиты примут меры – сказать сложно. Но вряд ли там смогут отказаться от культа демократии, а значит, идеологические идеалы элит будут постоянно входить в противоречие с реальными чаяниями населения, как только ему позволят высказаться. Повсюду избиратели требуют перемен, но как и правительство Горбачева, идеологизированная брюссельская бюрократия поворачивается медленно и если и проводит реформы, то лишь поверхностные и слишком поздно.

Это противоречие уже ведет к усилению партий (и правых, и левых), позиционирующих себя как антагонистов сложившейся элиты. Все они в той или иной степени являются евроскептическими, а это обещает ЕС очень трудную жизнь и реальную перспективу дальнейшего распада. В любом случае, в ближайшие годы элиты ведущих европейских государств изменятся. Где-то внесистемные партии придут к власти, а где-то наиболее прагматичные деятели традиционных партий перейдут к евроскептицизму, как это сделал своеобразный британский Борис Ельцин – один из лидеров консерваторов Борис Джонсон, который вполне может получить премьерский пост. Аналогичные процессы происходят и в США, где эту антиидеологическую тенденцию представляет Дональд Трамп, сумевший подчинить себе одну из ведущих системных партий.

Но не стоит сбрасывать со счетов и усилия идеологизированных элит Запада. Они будут бороться за свою власть и под демократическими лозунгами принимать меры, ограничивающие реальную демократию. Например, в Британии уже раздаются голоса о том, что

референдум имеет лишь рекомендательное значение, а суверенный парламент может и не принять во внимание итоги голосования. Так уже было и с референдумом в Голландии, отвергшим ассоциацию с Украиной. Так или иначе, ЕС в ближайшем будущем будет занят решением собственных проблем и бороться за самосохранение.

Сегодня, анализируя итог британского референдума, идеологи «демократизма», как, например, небезызвестный Майкл Макфол, пытаются объяснить его кознями врагов: Путина, «Исламского государства» и прочих. Это весьма напоминает поведение идеологов КПСС, типа Михаила Суслова, в любых собственных злоключениях виновных не «единственно верное учение», а козни ЦРУ. Политика Москвы, направленная на защиту российских интересов, и российская критика противоречий «демократизма» и реальности, двойных стандартов Запада действительно вызывает определенное одобрение в мире, в том числе среди антиглобалистских кругов на Западе. С этим, в частности, связана удивительная популярность в самых разных странах программ RT, представляющих пусть и не вполне объективную, но альтернативную точку зрения. Однако это не результаты подрывной деятельности, а следствие естественного стремления жителей Европы и США вырваться из пут официальной идеологии, слабо соотносящейся с реальностью.

Конечно, если считать всех, кто отвергает утопические цели «демократизма», в том числе собственных рабочих и фермеров, агентами Кремля, то в этих объяснениях можно найти логику. Но это тяжелая форма шизофрении, характерная для любых идеологов, встречающихся с реальной жизнью. И всем руководителям, в том числе и российским, надо помнить о последствиях этой болезни.

Россия и концепция «разворота в Азию»

Опубликовано в кн.: Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2015. Т. 11. № 1. С. 194–203. – В соавт. И.Е. Денисовым.

Содержание концепции «разворота в Азию»

Впервые концепция разворота (pivot) в Азию была изложена в статье тогдашнего госсекретаря США Хиллари Клинтон «Тихоокеанский век Америки», опубликованной в журнале «Форин полиси» в октябре 2011 г.¹ «В последующем десятилетии нам необходимо разумно и системно расходовать время и энергию, чтобы мы могли оказываться на самой удобной позиции для поддержки своего лидерства, обеспечения своих интересов и продвижения своих ценностей. Таким образом, одной из наиболее важных задач государственной деятельности США на протяжении следующего десятилетия будет направление значительно увеличившихся инвестиций – дипломатических, экономических, стратегических и иных – в Азиатско-Тихоокеанский регион», – писала Хиллари Клинтон. Несмотря на то, что впоследствии содержательная сторона «разворота» уточнялась в заявлениях президента Б. Обамы и представителей военно-политического руководства США, суть, основная направленность этой стратегии осталась неизменной.

В 2012 г. концепция разворота, получившая название «перебалансировки» (rebalancing), была включена в качестве одного из основных пунктов в обновленную военную стратегию США «Обеспечивая глобальное лидерство США: приоритеты для обороны XXI в.»². В до-

---

¹ Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy. 2011. November 10. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/>

² Sustaining US Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense // U.S. Department of Defense. 2012. January. URL: https://www.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf

кументе отмечалось, что экономические интересы и безопасность США неразрывно связаны с событиями на пространстве дуги, которая протянулась от западной части Тихого океана и Восточной Азии в регион Индийского океана и Южной Азии. «В то время когда американские вооруженные силы будут продолжать поддерживать безопасность на глобальном уровне, нам будет необходима перебалансировка деятельности в направлении Азиатско-Тихоокеанского региона», – так в 2012 г. был сформулирован один из стратегических приоритетов США.

В одном из последних основополагающих документов Министерства обороны США – четырехлетнем обзоре оборонной политики на 2014 г. (The Quadrennial Defense Review (QDR) 2014)³ – политика смещения баланса сил США в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона была полностью подтверждена. По оценкам экспертов Пентагона, АТР в дальнейшем будет иметь все большее значение для обеспечения политических, экономических и оборонных интересов США. В военно-политическом планировании США исходят из того, что в динамично развивающемся АТР сосредоточен огромный экономический потенциал и проходят важнейшие морские торговые пути. В последние годы в регионе активно растут расходы на оборону, наращивается военный потенциал ключевых игроков, не исчезают линии противостояния, вызванные территориальными спорами. Анализируя изменения в АТР, составители обзора приходят к выводу, что усиление позиций США в регионе по-прежнему является важной составной частью стратегии, призванной укрепить мировой порядок, основанный на американском лидерстве.

Внимание к АТР не в последнюю очередь определяется тем, что здесь находится главный геополитический конкурент США – Китай, успешно наращивающий свою экономическую и военную мощь, бросающий вызов американскому доминированию. Поэтому вся структура присутствия США в регионе направлена на сдерживание Китая. Причем соревнование с Пекином активно идет как на экономическом поле (конкурирующие проекты Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (ФТААП) и Транс-Тихоокеанского партнерства (ТПП), американская оппозиция китайской инициативе по созданию Азиатского банка инфраструктурных инвестиций), так и в военно-стратегической области, где США опираются на сложившуюся еще в период холодной войны сеть военных альянсов. В ре-

---

³ The Quadrennial Defense Review (QDR) 2014 // U.S. Department of Defense. 2014. URL: http://www.defense.gov/pubs/2014_Quadrennial_Defense_Review.pdf

гионе базируется одна из крупнейших американских военных группировок, входящая в зону ответственности Тихоокеанского командования (USPACOM).

В американских военных доктринальных документах (в частности, в последнем выпуске QDR) центральной частью «стратегического разворота» называется модернизация и усиление традиционных «альянсов безопасности». В эту группу партнеров США в регионе входят Япония, Республика Корея, Австралия, Таиланд и Филиппины. В последнем четырехлетнем обзоре оборонной политики подчеркивается, что «в рамках более широких усилий по поддержанию стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе США будут сохранять мощное военное присутствие в Северо-Восточной Азии, одновременно наращивая присутствие в Океании и Юго-Восточной Азии». Таким образом, речь идет о дальнейшей реализации сценария американского доминирования в АТР: расширении территориального охвата и улучшении качественных характеристик системы продвижения стратегических интересов США в регионе.

6 февраля 2015 г. была обнародована «Стратегия национальной безопасности» (СНБ), все разделы которой пронизаны принципом американского «лидерства с позиции силы»⁴. Слово «лидерство» (применительно к глобальному и региональному лидерству США) встречается на трех десятках страниц документа 37 раз. В последнем разделе СНБ подчеркивается, что стратегия «направлена на продвижение наших интересов и ценностей инициативно и с позиции силы».

Изложением принципов политики смещения баланса в Азиатско-Тихоокеанский регион открывается раздел «Международный порядок». Здесь воспроизведена основная мотивация присутствия США в АТР, подчеркивается, что «США были и останутся тихоокеанской державой», а американское лидерство будет сохранять фундаментальное значение для формирования долгосрочной траектории развития региона, «укрепления здесь стабильности и безопасности».

Что касается традиционных партнеров США в сфере безопасности, то стратегия не только выдвигает задачу укрепления сотрудничества с этими странами на двусторонней основе, но и призывает к «наращиванию взаимодействия между ними» для ответа на региональные и глобальные вызовы. В стратегии содержится обещание развивать «конструктивные отношения» с Пекином, несмотря на конкуренцию между КНР и США. Тем не менее американская сто-

---

⁴ National Security Strategy // The White House. 2015. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf

рона, по сути, переформулировала старую стратегию сдерживания, подчеркнув, что США будут управлять конкуренцией с Китаем с «позиции силы». В документе также поставлена задача «внимательно следить» за процессом военной модернизации Китая и его шагами по расширению присутствия в Азии.

Ростом мощи Китая США, как правило, мотивируют необходимость более тесного оборонного сотрудничества во время переговоров со своими союзниками. Это создает обстановку, напоминающую времена холодной войны, когда сложилась модель блокового противостояния и были заложены основы большинства сегодняшних американских военных альянсов в Азии.

Модернизация военных альянсов США в АТР

Япония. В Белой книге, опубликованной Министерством обороны Японии в августе 2014 г., подчеркивается важная роль военного присутствия вооруженных сил США на территории Японии как «сдерживающей силы». Кроме этого, отмечается, что военное присутствие США в Азиатско-Тихоокеанском регионе требуется для «поддержания стабильности в регионе» на фоне «значительного ухудшения условий безопасности».

В документе говорится, что правительство будет прилагать усилия для облегчения бремени властей Окинавы по размещению американских военных баз. Старая проблема, связанная с недовольством населения префектуры присутствием американских военных, обострилась в связи с тем, что в ноябре 2014 г. губернатором Окинавы стал Такэси Онага, выступающий за вывод с острова американских баз (в общей сложности в префектуре расположены 32 военные базы, занимающие 20% территории основного острова архипелага). Синдзо Абэ, заинтересованный в укреплении военного сотрудничества с США на фоне обострения отношений с Китаем, даже если согласен со своим губернатором, вряд ли устоит перед американским давлением. Единственный возможный вариант, на который американцы дали согласие, – перевод авиабазы Футэмма в район Хэноко около города Наго в той же префектуре.

США не только стремятся сохранить свое военное присутствие на Японских островах, но и активно способствуют перевооружению Сил самообороны Японии. Токио намерен закупить три американских стратегических разведывательных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) RQ-4 Global Hawk, которые будут использоваться

для слежения за военной активностью соседних стран. Кроме этого Министерство обороны Японии объявило о планах покупки четырех палубных самолетов дальнего радиолокационного обнаружения Grumman E-2D Advanced Hawkeye. На 2015–2016 финансовый год намечена закупка американских конвертопланов Osprey MV-22, которые найдут применение в амфибийном подразделении Сил самообороны.

Кроме того, весной 2014 г. во время визита в Токио министр обороны США Чак Хейгел объявил о том, что США приняли решение к 2017 г. направить к берегам Японии дополнительно два эсминеца, оснащенных многоцелевыми зенитно-ракетными комплексами «Иджис» (Aegis). По словам главы Пентагона, этот шаг призван содействовать существенному наращиванию присутствия американских ВМС, укреплению японо-американского альянса и повышению способности сдерживать агрессию со стороны КНДР. В конце 2014 г. Соединенные Штаты завершили процесс развертывания второй станции радиолокационного слежения (РЛС) своей системы противоракетной обороны в Японии. Новый объект будет эксплуатироваться Тихоокеанским и Северным командованиями ВС США.

Беспокойство у соседних государств, прежде всего Китая, вызывает возможный пересмотр принципов двустороннего оборонного сотрудничества Японии и США. Токио и Вашингтон продолжают активные взаимные консультации, и, возможно, решение будет принято уже весной 2015 г. Предполагается, что основным пунктом обновленного договора станет положение о коллективной самообороне. В июле прошлого года кабинет Синдзо Абэ одобрил решение, согласно которому за страной признается право на коллективную оборону. Это разрешает японским военным принимать участие в боевых действиях для защиты «дружественных стран», даже если сама Япония при этом не подвергалась нападению. Таким образом, теоретически возникает возможность для совместных действий вооруженных сил США и Японии и в АТР, и даже вне этого региона.

Южная Корея. США являются главным союзником Республики Корея в сфере безопасности, сохраняя в Южной Корее более 28 тыс. своих военнослужащих. В Стратегии национальной безопасности, принятой в США в начале февраля 2015 г., указывается, что в АТР существуют «риски эскалации и конфликта» в связи с территориальными спорами и угрозой со стороны КНДР. На примере американского оборонного сотрудничества с Сеулом хорошо видно, что северо-корейская угроза используется как удобный повод для наращива-

ния мощи военной группировки США в регионе. В этом контексте следует рассматривать планы США разместить на территории Республики Корея противоракетные комплексы подвижного наземного базирования для высотного заатмосферного перехвата ракет средней дальности (Terminal High Altitude Area Defense, или ТНААД). Пока решение не принято, и южнокорейская сторона говорит о намерении развивать собственную систему ПРО, тем не менее США продолжают навязывать Сеулу размещение ТНААД.

Обсуждение этих планов встречено с настороженностью в Пхеньяне и Пекине. Для Китая развертывание в западной части Тихого океана десятков комплексов ТНААД представляет серьезную проблему, поскольку баллистические ракеты средней дальности являются наиболее многочисленным компонентом китайских стратегических ядерных сил. В ходе контактов с южнокорейской стороной представители КНР неоднократно обращали внимание на то, что этот шаг вызовет усиление напряженности в АТР и не послужит обеспечению безопасности самого Сеула. Сходную позицию занимает и Москва. «Нельзя не видеть, что речь, по сути, идет о перспективе дальнейшего расширения географии развертывания американской глобальной ПРО и появления ее элементов теперь уже и на южнокорейской земле. Такое развитие событий неизбежно негативно повлияет на стратегическую обстановку в регионе, способно спровоцировать гонку вооружений в Северо-Восточной Азии, породит дополнительные осложнения для решения ядерной проблемы Корейского полуострова», – отмечалось в комментарии МИД России.

Если говорить о перспективах развития ситуации на Корейском полуострове, то меры военного характера (в том числе и частое проведение военных учений), предпринимаемые США, Южной Кореей и Японией, зачастую носят непропорциональный характер и ведут лишь к дальнейшей опасной маргинализации северокорейского режима.

Австралия. В ноябре 2011 г. Вашингтон и Канберра достигли соглашения о расширении американского военного присутствия на территории Австралии. Договор также предусматривает увеличение числа американских самолетов, которые на ротационной основе будут размещены на базах в северной части Австралии. В последних заявлениях представителей Пентагона говорится, что всего к 2017 г. в Австралию планируется перебросить 2,5 тыс. морских пехотинцев. Создание полноценной оперативно-тактической группировки вписывается в планы усиления американского военного присутствия в АТР.

В 2007 г. Канберра и Вашингтон запустили новый диалоговый формат – встречи глав оборонных и внешнеполитических ведомств, которые проводятся поочередно в США и Австралии. По итогам встречи «два плюс два» в Вашингтоне в 2013 г. «США и Австралия условились рассмотреть возможности расширения сотрудничества в области баллистической противоракетной обороны, в том числе совместной работы над определением потенциального вклада Австралии в (систему) противоракетной обороны в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Так говорилось в коммюнике по итогам встречи.

Тем не менее, у оборонного сотрудничества США и Австралии есть не только важные стимулы для дальнейшего развития, но и серьезные ограничители. В отличие от ряда других американских союзников в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Австралия обладает весьма скромными вооруженными силами численностью около 57 тыс. человек, протяженными морскими границами и огромной территорией, нуждающейся в защите. На фоне наращивания военной мощи КНР (особенно в связи с развертыванием подводных лодок нового поколения и крылатых ракет морского базирования) собственный оборонный потенциал кажется австралийцам недостаточным. С другой стороны, неуверенность в том, что США выполняют свои договорные обязательства в кризисной ситуации, а также большая заинтересованность в развитии экономического сотрудничества с Пекином, заставляют австралийское руководство осмотрительно относиться к предложениям США. При напористости китайской дипломатии, особенно экономической, участие Австралии в американской стратегии сдерживания Китая может быть существенно ограничено.

Филиппины. Вовлеченность Манилы в территориальный спор с Китаем позволило США, ссылаясь на «китайскую угрозу», придать новый импульс сотрудничеству двух стран в оборонной сфере. Важным для Манилы шагом стала американская поддержка обращения Филиппин в международный арбитраж по поводу китайско-филиппинского территориального спора в Южно-Китайском море.

В рамках состоявшегося в апреле 2014 г. визита на Филиппины президента США Барака Обамы стороны дополнили Соглашение о взаимных армейских обменах рядом положений. Внесенные поправки предполагают расширение присутствия американского воинского контингента, а также увеличение количества и видов вво-

зимой Пентагоном на Филиппины военной техники. Вооруженные силы США получили право в течение 10 лет использовать военные объекты на Филиппинах. США особенно заинтересованы в использовании двух баз на главном филиппинском острове Лусон – военно-воздушной Кларк-Филд и военноморской Субик-Бей. До вывода американских войск в 1992 г. эти военные объекты были главными стратегическими пунктами Тихоокеанского командования в регионе.

Однако американские войска не будут размещены там на постоянной основе, кроме того, поправки запрещают ввоз на территорию страны американского ядерного оружия.

Таиланд. В последних официальных американских документах, в частности в Стратегии национальной безопасности, Королевство Таиланд не называется в числе союзников США. Формально две страны не были связаны военно-политическим договором, однако углубленное оборонное сотрудничество развивалось на основе Совместного заявления о политике США в отношении Таиланда от 1962 г. (так наз. коммюнике Раск-Танат). До последнего времени Таиланд считался одним из ключевых партнеров США в сфере безопасности в Юго-Восточной Азии, а американо-таиландские учения «Кобра Голд» были самыми крупными за пределами США военными маневрами.

После перехода власти к военной хунте в мае 2014 г. сотрудничество по военной линии было заморожено. Тем не менее США не отказались от проведения учений «Кобра Голд» на территории Таиланда, хотя такая возможность обсуждалась. Это говорит о том, что, несмотря на критику нарушений прав человека в Таиланде, Вашингтон стремится сохранить важные каналы коммуникации с таиландскими военными.

Новые и обновленные партнерства в регионе

Частью американской стратегии смещения баланса в АТР стал поиск новых партнеров, втягивание в орбиту оборонного сотрудничества даже прежних противников. Показательно, что в октябре 2014 г. США сняли эмбарго на поставки оружия Вьетнаму. Как подчеркивает американская сторона, это «первый важный шаг» к налаживанию военно-технического сотрудничества между двумя странами, которое находилось под запретом в течение последних 40 лет.

Подобное постепенное «размораживание» происходит и с Мьянмой, которая с 1988 г. находилась под западными санкциями. В то же время запреты ЕС и США на военный экспорт в Мьянму остаются в силе. Однако обращает на себя внимание, что на прошедших в январе американо-мьянманских консультациях, формально посвященных вопросам прав человека, присутствовали двое высокопоставленных американских военных. США внимательно следят за реализацией китайских экономических проектов в Мьянме, особый интерес вызывает соглашение о строительстве железной дороги из юго-западной китайской провинции Юньнань к побережью Бенгальского залива. Если эта дорога будет построена, Китай сможет избежать необходимости доставлять грузы через Малаккский пролив, который, как часто любят писать китайские военные специалисты, в любой момент может быть блокирован США.

В 2013 г. на сингапурскую базу Чанги прибыл первый американский корабль USS Freedom класса LCS (Littoral Combat Ship / Боевой корабль прибрежной зоны). В будущем на базе Чанги будут базироваться четыре американских корабля класса LCS, что позволит ускорить развертывание сил ВМС США в Малаккском проливе.

Активность США в ЮВА во многом является реакцией на действия Китая. Пекин в последние годы пытается усилить военно-политическое влияние в регионе вблизи своих границ. При этом китайское руководство воспользовалось тем, что в определенный период США, занятые операциями в Афганистане и Ираке, снизили внимание к ЮВА. В результате Китаю удавалось наращивать военные контакты даже с Индонезией, для которой США до сих пор являются одним из военно-политических приоритетов. Во всем регионе только Филиппины, Вьетнам и Бруней пока не являются получателями китайского оружия.

Один из видных китайских экспертов-международников, профессор Янь Сюэтун заявлял, что Китаю необходимо обеспечить защиту безопасности стран ЮВА. Янь Сюэтун предложил даже создать в регионе организацию по типу Шанхайской организации сотрудничества. Налаживанию отношений со странами региона служат и выдвинутая недавно Пекином концепция «Морского Шелкового пути XXI века», и создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Это уже серьезная заявка на региональное лидерство, основанная, прежде всего, на привлекательности Китая как торгового и ин-

вестиционного партнера. Единственным препятствием для вытеснения США из региона служат опасения, с которыми страны ЮВА пока воспринимают рост Китая, что проявляется в обострении территориальных споров.

США активно пользуется моментом и непримиримостью китайской позиции по спорам в Южно-Китайском море, поддержав, например, Ханой в связи с размещением китайской нефтяной платформы. Показательно, что, снимая эмбарго на поставки оружия, Вашингтон сразу же пообещал сотрудничество в военно-морской сфере, что должно усилить позиции Вьетнама в спорах на море. Вслед за США аналогичную политику начала проводить Япония: она уже предоставила 10 патрульных кораблей Филиппинам и рассматривает возможность аналогичной помощи Вьетнаму.

Отношения с Индией также рассматриваются Вашингтоном не в последнюю очередь как фактор сдерживания китайских амбиций. Кроме того, после перехода Запада к конфронтации с Россией здесь присутствует антироссийский элемент, который даже не скрывается. Заместитель помощника американского президента по национальной безопасности Бен Родс в связи с визитом Б. Обамы в Нью-Дели заявил, что США «движутся к тому, чтобы обогнать» Россию в военном сотрудничестве с Индией. Между тем итоги переговоров говорят о том, что говорить о прорыве пока нельзя, и скорее всего американская сторона недооценила прагматичный характер премьер-министра Н. Моди, многовекторность его внешней политики и нежелание играть в чужие геополитические игры. В рамках подписанного соглашения США и Индия договорились совместно производить тактические БПЛА с дальностью полета до десяти километров, мобильные электрогенераторы и средства защиты для солдата.

По общему объему военно-технического сотрудничества РФ по-прежнему опережает США за счет совместных проектов, лицензионного производства, а также контрактов на обслуживание российской военной техники. Хотя присутствие американских производителей на индийском рынке создает новую конкурентную среду, однако в Дели пока чувствуют неготовность США поставлять в Индию современные военные технологии и участвовать в значимых для этой страны стратегических проектах. Настороженность вызывает и стремление США развивать сотрудничество в оборонной сфере с Пакистаном.

Российские подходы к «повороту к Азии»

В России, хотя идеи необходимости политической и экономической переориентации на Азию и высказывались экспертами и политиками, по крайней мере с середины 1990-х годов, практических шагов делалось мало. После нескольких лет прозападной ориентации (1991–1995) Москва, чаще всего устами нового министра иностранных дел, а затем премьера Е.М. Примакова начала высказывать идеи о повышении внимания к АТР. Он же впервые высказался о необходимости создания оси Россия–Китай–Индия. Однако до реализации всех этих намерений тогда дело не дошло. Но уже тогда была поставлена задача активного подключения к международным структурам АТР.

В начале XXI в., по мере нарастания подозрительности Запада по отношению к России, Москва начала активнее участвовать в создании новых форм сотрудничества в Азии. Она стала одним из инициаторов создания Шанхайской организации сотрудничества в 2001 г. и БРИК – в 2006 г. (с 2011 г. – БРИКС). Однако до украинского кризиса речь шла скорее не о переориентации на Азию, а о дополнении связями с Азией составлявшего основу внешней и внешнеэкономической политики сотрудничества с Европой. И хотя интересы России все более расходились с политикой Запада и все чаще совпадали с интересами основных игроков незападного мира, Москва порой разыгрывала восточную карту, чтобы повлиять на Запад, а не реально переориентироваться на Восток. Не случайно, что в утвержденной в начале 2013 г. Концепции внешней политики Российской Федерации задача укрепления российских позиций в АТР ставится в пункте 75, а развитие дружественных отношений с Китаем и Индией – в пункте 79, в то время как о ЕС и США речь идет гораздо раньше⁵.

Украинский кризис принципиально изменил ситуацию. В Москве сложилось окончательное понимание, что США и ЕС не собираются считаться с ее интересами, и в связи с этим ухудшение отношений с ними – всерьез и надолго. Более того, впервые необходимость переориентации на азиатские рынки стали понимать и крупные российские бизнесмены, некоторые из которых попали под санкции, а другие стали опасаться попасть под них в будущем. Китай, Индия,

---

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом РФ В.В. Путиным 12 февр. 2013 г. // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142236/

другие государства Азии, в которых ранее видели непонятных партнеров, стали восприниматься как более надежные, и бизнес смирился с тем, что их придется понимать⁶.

Российское руководство старается подчеркивать экономические, а не политические факторы своего поворота к Азии и подчеркивает, что он соответствует мировым тенденциям, а оно (руководство) лишь последовательно продолжает давно сложившуюся внешнеполитическую линию. Так, на пресс-конференции 18 декабря 2014 г. президент В.В. Путин заявил: «Я часто слышу „разворот России на Восток“. А Вы почитайте американскую аналитику. Там пишут о развороте США на Восток. Это есть или нет? Отчасти есть. А почему? Это связано с политикой? Нет, это связано с процессами в глобальной экономике, потому что восточная часть АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион – развивается быстрее, чем все остальные части мира, появляются новые возможности. С точки зрения энергетики, для Китая, для Индии, для той же Японии, для Южной Кореи потребности в энергоресурсах растут семимильными шагами. Там все развивается быстрее, чем в других регионах мира. Поэтому, что же нам, от этого отказываться, что ли? У нас все, что мы сейчас делаем, было запланировано давно, еще до всяких проблем в глобальной и даже в нашей экономике. Это просто реализация того, что мы задумывали раньше»⁷. Во многом это верно, но в то же время в этих высказываниях чувствуется и тактический элемент. В любом случае, политические проблемы с Западом, безусловно, делают российский поворот к Азии более реальным и безальтернативным.

Выводы и рекомендации

В условиях активизации политики США в АТР России следует умело и прагматически маневрировать с целью увеличения собственного влияния.

Прежде всего, России необходимо наращивать свое экономическое присутствие в регионе, развивать торгово-экономические свя-

---

⁶ Подробнее см.: Лукин А.В. Консолидация незападного мира на фоне украинского кризиса: Россия и Китай, ШОС и БРИКС // *Международная жизнь*. 2015. № 2. С. 71–91.

⁷ Большая пресс-конференция Владимира Путина // *Официальный сайт Президента России*. 18.12.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47250>

зи не только с Китаем, Японией и Южной Кореей, но и с государствами АСЕАН, с которыми пока они находятся на крайне низком уровне. Только серьезное экономическое присутствие в АТР сделает Россию заметным и уважаемым фактором региональной политики.

Необходимо продолжить курс на всемерное развитие сотрудничества с КНР. Однако, учитывая некоторые опасения, которые вызывает рост влияния Китая в регионе у его соседей, этот курс не должен проводиться в ущерб отношениям России с другими региональными игроками (Японией, Вьетнамом и др.). Слишком тесная военно-политическая ассоциация с Пекином может нанести ущерб российским отношениям с другими государствами региона и репутации Москвы как самостоятельного центра мировой политики.

Нынешняя сложная ситуация в отношениях с Западом, как это ни парадоксально, создает благоприятные условия для серьезного диалога с Токио, в том числе и по территориальной проблеме. Нынешнее японское руководство, которое занимает прочные позиции в стране, настроено на такой диалог. Достижение здесь какой-либо договоренности способствовало бы позиционированию России как конструктивной державы, лишило аргументов тех западных критиков, которые утверждают, что она стремится лишь «захватывать новые территории» и «восстанавливать СССР».

Необходимо всемерно поощрять Сеул, отказавшийся присоединяться к западным санкциям, активнее открывая российский рынок для южнокорейских предпринимателей.

Необходимо активнее развивать сотрудничество с ведущими государствами АСЕАН, в том числе и с имеющими территориальные споры с Пекином (Вьетнам, Филиппины, Индонезия, Таиланд). Кроме собственной ценности, такое развитие необходимо для уравнивания пекинского вектора российской внешней политики.

Австралия является активным союзником США и резким критиком России. Какое-либо поощрение ее вряд ли возможно. Здесь, скорее, необходимо пытаться действовать через Пекин, имеющий на Канберру значительное экономическое влияние.

Следует отдавать себе отчет в том, что именно усиление Пекина делает фактор США привлекательным для многих государств региона. Вашингтон во многом рассматривается здесь в качестве альтернативы Пекину. Россия, естественно, не может и не должна заменять

в этом плане США. Однако, нарастив свое экономическое и политическое присутствие в регионе, в том числе и за счет умелого балансирования между другими игроками, она сможет стать серьезным дополнительным фактором влияния, тем самым существенно уменьшив привлекательность США.

Часть 2

**РОССИЯ,
И КИТАЙ
В ЕВРАЗИИ**

Шанхайская организация сотрудничества в новых геополитических условиях

Опубликовано в журн.: Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 1.
С. 129–148. – В соавторстве с Ш.М. Еникеевым и Д.П. Новиковым

Новая геополитическая ситуация и развитие ШОС

Шанхайская организация сотрудничества существует уже более 20-ти лет. Декларация о ее создании была подписана лидерами шести государств: Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана 15 июня 2001 г. в Шанхае. А за день до этого в малом актовом зале шанхайского отеля Цзиньцзян тогдашний китайский лидер Цзян Цзэминь встретился с президентом России Владимиром Путиным, чтобы обсудить развитие двусторонних отношений и задачи ШОС. Интересно, что в том же самом зале, но почти за три десятилетия до этого, в феврале 1972 г. президентом США Р. Никсоном и премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем было подписано знаменитое Шанхайское коммюнике между КНР и США. Поэтому эту встречу можно назвать вдвойне символической. Во-первых, она продемонстрировала, что именно российско-китайское стратегическое сотрудничество стало основой для создания ШОС, во-вторых, она показала, что годы холодной войны для Москвы и Пекина остались далеко в прошлом и что Россия и Китай стремятся возглавить движение мира от биполярности и основанной на господстве США однополярности к реальной многополярности.

За более чем два десятилетия своей работы ШОС прошла большой путь, развиваясь «вширь» (за счет вступления новых участниц), и «вглубь» (за счет создания новых институтов, например, Региональной антитеррористической структуры). Вместе с тем, в развитии Организации сохраняется и немало проблем. Несмотря на отдельные успехи, в целом динамика развития Организации протекала на невысоких скоростях, а ШОС остается институтом с недоисполь-

зованным потенциалом¹. Серьезные вызовы порождает и проблема расширения ШОС – как с точки зрения дальнейших механизмов функционирования, так во многом и дальнейшего целеполагания Организации². Пока по традиции Организация формулирует ответы на эти вызовы нового времени весьма неспешно, стремясь скорее адаптировать новые обстоятельства под уже сложившиеся институциональные механизмы и культуру, чем перестраивая себя.

Геополитическая встряска 2022 г. привела к серьезным структурным сдвигам в международной системе, которая, с одной стороны, еще более повышает значение ШОС, с другой – является мощным стимулом для дальнейшего развития и трансформации этой организации. Авторы данной статьи полагают, что происходящие сегодня коренные структурные изменения международной среды могли бы стать фактором глубокой трансформации ШОС, способствовать повышению ее эффективности. Одновременно с этим авторы статьи стремятся сформулировать возможные пути этой трансформации в трех основных направлениях деятельности ШОС: треках сотрудничества в области безопасности, экономики, а также культурного сотрудничества и научно-экспертного диалога.

Трек безопасности ШОС: адаптация к новым условиям

Из трех вышеупомянутых направлений наибольших достижений ШОС смогла добиться в области безопасности. К настоящему моменту заключен ряд важнейших международных договоров, регулярно проводятся совместные военные учения.

Особое значение имеет координация действий по противодействию международному терроризму. Все государства – члены ШОС подвергаются или подвергались атакам международных террористов. В связи с выводом Международных сил по поддержанию безопасности из Афганистана в 2020–2021 гг. эта угроза значительно усилилась. К проблематике безопасности также относятся такие направления деятельности ШОС, как борьба с наркотрафиком, информационная безопасность, проблемы нелегальной миграции.

---

¹ Лукин А.В. Проблемы и перспективы развития Шанхайской организации сотрудничества: мнения экспертов // Вестник МГИМО-Университета. 2011. Т. 17. № 2. С. 82–88.

² Денисов И.Е., Сафранчук И.А. Четыре проблемы ШОС в свете вопроса о расширении организации // Вестник МГИМО-Университета. 2016. Т. 48. № 3. С. 112–122.

Развивается сотрудничество в военной области, практически ежегодно проводятся совместные учения вооруженных сил государств-членов «Мирная миссия», а также учения спецслужб и правоохранительных структур. В рамках принятой в 2019 г. в Бишкеке Программы Антинаркотической стратегии государств – членов Шанхайской организации сотрудничества на 2018–2023 гг. на территории стран-участниц проведена международная антинаркотическая операция «Паутина». Высокого уровня достигла координация в рамках работы Региональной антитеррористической структуры (РАТС) в Ташкенте. Как отмечал президент РФ В.В. Путин в выступлении на заседании Совета глав государств в Душанбе в сентябре 2021 г., «ШОС по праву является одним из наиболее влиятельных центров многополярной архитектуры международного сотрудничества, вносит существенный вклад в обеспечение безопасности евразийского региона, его устойчивого социально-экономического роста, в поддержание международного мира и стабильности в целом»³.

Вместе с тем, несмотря на ряд успехов, роль ШОС как института безопасности остается ограниченной и весьма далекой от, например, таких институтов, как ОБСЕ (членами которой являются Россия и Казахстан). Между тем новые геополитические вызовы требуют от ШОС возможно постепенной, но решительной перестройки в сторону такой всеобъемлющей организации в области безопасности. ШОС целесообразно развивать как главную институциональную опору системы комплексной безопасности в «Большой Евразии». При этом сама логика такой центральной роли предусматривает дальнейшее расширение организации – несмотря на риски, связанные со снижением и так относительно невысокой эффективности организации в кратко- и среднесрочной перспективе.

Вступление Индии и Пакистана в ШОС существенно увеличило потенциал этого формата как ключевого института евразийской безопасности – расширение состава участников усиливает возможности организации в таких сферах, как противодействие терроризму, сотрудничество по Афганистану, борьба с организованной преступностью и наркотрафиком, киберугрозами. Широкий состав участников может способствовать и появлению в организации повестки обеспечения «жесткой» безопасности или по крайней мере ее предметного обсуждения с учетом наличия ряда конфликтов между уча-

---

³ Заседание Совета глав государств – членов ШОС // Официальный сайт Президента России. 17.09.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66706>

стниками организации. Что потенциально – при всех внутренних проблемах – будет в среднесрочной перспективе способствовать усилению эффективности ШОС как института безопасности.

Важным направлением развития представляется налаживание сотрудничества между ШОС и другими региональными организациями. Одним из наиболее перспективных представляется развитие институционального сотрудничества по линии ШОС–ОДКБ, особенно важного ввиду сохраняющейся центральной роли среднеазиатских государств в повестке безопасности ШОС. По-видимому, целесообразно постепенное «подтягивание» к ШОС государств АСЕАН через углубление диалога по вопросам безопасности на площадке ШОС. Вероятно, на первом этапе – в качестве наблюдателей или в виде диалога АСЕАН – ШОС, возможно, путем объединения военных учений, проводящихся в рамках ШОС, и совместных международных антитеррористических учений воинских формирований вооруженных сил РФ и вооруженных сил государств – членов АСЕАН («СМОА плюс»)⁴. Ключевой повесткой такого диалога может стать борьба с терроризмом, другими нетрадиционными угрозами. Имеет смысл создание форматов сотрудничества между антитеррористическими ведомствами, в том числе в форме проведения совместных учений, площадок обмена информации.

При этом развитие такого формата ШОС, по крайней мере на первых порах, должно основываться на узкой и жестко фиксированной повестке, чтоб избежать «затягивания» ШОС в не касающиеся ее сложные проблемы, например, территориальные споры в Южно-Китайском море. Последнее – очевидно нежелательно, так как, во-первых, будет оказывать деконсолидирующий эффект (с учетом вовлеченности в эти споры Китая), во-вторых, будет вынуждать Россию более четко и однозначно формулировать свою позицию по этой проблеме, что в ближайшей перспективе в целом нецелесообразно. Наконец, в-третьих, сама по себе тема конфликтов в Южно-Китайском море может быть использована США для подключения к диалогу в том или ином формате либо внесения раскола в отношения по линии ШОС–АСЕАН.

Во-вторых, целесообразно сохранить курс на расширение организации. Важным шагом является вступление в нее в 2023 г. Ирана. Оформление последнего как полноправного члена ШОС как уже видно не просто не ослабит организацию (в силу еще большего расши-

---

⁴ Korolev A., Shumkova V. Security Institutions in Greater Eurasia: Implications for Russia // International Organisations Research Journal. 2018. Vol. 13. No 3. P. 70–81.

рения состава участников), но способно наоборот, повысить ее эффективность⁵.

Экономический трек ШОС

Экономическое сотрудничество в рамках ШОС – тема наиболее сложная. Здесь организация еще не смогла достичь значительных успехов. На протяжении долгих лет эксперты и политики стран-членов говорят о необходимости создания Банка развития ШОС, который мог бы финансировать многосторонние межгосударственные экономические проекты. Но пока создана только общая договорная база: на ней осуществляется лишь несколько многосторонних проектов, в основном в сфере транспорта и логистики. Это признается и в самой организации. Выступая на 23 заседании Совета глав государств в июле 2023 г. президент Казахстана К.-К. Токаев прямо заявил: «Следует признать, что за более чем 20 лет не удалось реализовать ни одного крупного экономического проекта именно под эгидой ШОС. Очевидным фактором является отсутствие механизмов финансового сопровождения проектной деятельности». Он предложил поручить Совету глав правительств рассмотреть возможность создания совместного инвестиционного фонда⁶.

В новой геополитической обстановке, когда крайне необходимо сохранить все то позитивное, что было наработано ШОС за два десятилетия ее существования, на первый план выходит именно задача интенсификации многостороннего экономического сотрудничества. В нынешних условиях, когда страны ШОС с некоторым опасением смотрят на происходящее, попытки продвинуть единую расширительную повестку в области безопасности, выходящую за рамки поддержания региональной стабильности и борьбы с международными терроризмом, вряд ли будут встречаться с таким же энтузиазмом, как и раньше. Большинство государств ШОС имеют собственное видение сотрудничества с США и ЕС. С одной стороны, опасаясь вмешательства во внутренние дела и навязывания им неприемлемых западных политических и экономических моделей, они одновремен-

---

⁵ Ebrahimitorkaman A. Iran's accession to the SCO: energy and socio-political aspects // RSUH/RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations". 2020. No 4. P. 45–56.

⁶ Павленко О. Токаев: за 20 лет ШОС не удалось реализовать ни одного крупного проекта // Коммерсантъ. 04.07.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6083185>

но заинтересованы в развитии торгово-экономического сотрудничества со всеми регионами мира, в зарубежных инвестициях и помощи развитию и не готовы к тотальной геополитической конфронтации. При этом в условиях, когда некоторые из государств пространства ШОС страдают от западных санкций, а другие опасаются вторичных санкций, а также снижения экономических показателей в связи с общими проблемами мировой экономики, углубление экономического сотрудничества с целью купировать эти угрозы необходимо всем.

Эксперты по ШОС в России и других государствах-членах выступали за ускоренное развитие экономической составляющей ШОС – ее деятельности как региональной организации. Китай и государства Центральной Азии всегда поддерживали экономическое сотрудничество на официальном уровне, хотя и в разных аспектах: Китай настаивал на скорейшем создании условий для «постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий» – цели, поставленной в Хартии ШОС⁷, – т.е. фактически, создания Зоны свободной торговли. Это и естественно, так как мощная китайская промышленность требует расширения рынков сбыта. Государства Центральной Азии занимали более осторожную позицию.

Однако на практике эти идеи серьезного расширения многостороннего экономического сотрудничества зачастую сталкивались с инерцией мышления в ряде стран, в том числе и в России. Теперь же совершенно ясно, что если бы в рамках ШОС существовало больше крупных многосторонних экономических проектов, России было бы гораздо легче отвечать на санкционные вызовы, с которыми она сталкивается сегодня.

Нужно надеяться, что вступление в ШОС ряда новых крупных экономических держав, некоторые из которых также находятся под санкциями Запада, стимулируют интенсификацию международных проектов ШОС, что еще более укрепит ее, сделает более практически значимой для широких слоев населения.

Возрождение энергетического клуба

Мотором углубления экономического сотрудничества вполне может стать сфера энергетики. Сегодня энергетическое сотрудничество

---

⁷ Хартия Шанхайской организации сотрудничества. 2003. URL: <https://sco-russia2020.ru/images/17/25/172532.pdf>

становится одним из наиболее приоритетных направлений деятельности ШОС в условиях дестабилизации мировых энергетических рынков, вызванных введением ценовых потолков, эмбарго и иных санкционных ограничений в отношении российской нефти и нефтепродуктов со стороны стран – членов «Большой семерки». При этом западная стратегия выходит далеко за рамки официально декларируемой цели, направленной на лишение России экспортных доходов от продажи энергоресурсов.

По сути, речь идет о попытке западных государств поменять механизмы функционирования международных энергетических рынков в свою пользу, создав с помощью ценовых потолков и иных рестрикций собственный картель покупателей, определяющий ценовую политику на энергоресурсы. Помимо этого, государства Запады активно используют климатическую повестку для создания дополнительных препятствий в отношении конкурентов из других стран мира и для экстерриториального продвижения своих собственных правил, технологий и стандартов в области возобновляемых источников энергии.

Подобная климатическая политика подчас нацелена не только на сокращение выбросов CO₂ и решение реально существующих проблем глобального изменения климата, но и на создание дополнительных конкурентных преимуществ для производителей из ведущих западных экономик. Например, введение Европейским союзом трансграничного углеродного механизма (СВАМ) является налогом на углеродоемкую продукцию (минеральные удобрения, железо, сталь, алюминий, цемент и продукты химии) зарубежных производителей. При этом, европейские производители углеродоемкой продукции получают конкурентные преимущества через систему закупок квот на выбросы CO₂, а наибольшие финансовые издержки понесут производители из стран «глобального юга», такие как ЮАР и Бразилия⁸.

Одновременно западные государства оказывают активное давление на «глобальный юг» с целью продвижения политики перехода к возобновляемым источникам энергии и отказа от использования углеводородов. Критики такого подхода, отмечают, что сами за-

---

⁸ How Will the EU's Carbon Border Adjustment Mechanism Affect Global Trade and Carbon Pricing? // S&P Global Commodity Insights. 2023, February 21. URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/podcasts/platts-future-energy/022123-eu-cbam-carbon-border-adjustment-mechanism-decarbonization-industry-energy-transition-politics-vcm-market-trade-import-ex>

падные государства построили свой экономический рост и благополучие на активном использовании углеводородных ресурсов, а сегодня предлагают развивающимся экономикам в других частях мира оказаться от доступных и относительно дешевых углеводородных ресурсов в пользу инвестиционно-интенсивных «зеленых» проектов⁹.

В связи с вышеуказанным, сегодня ШОС может стать площадкой, предлагающей альтернативную энергетическую повестку мировому сообществу и продвигающей лучшие международные практики в области энергетического перехода и изменения климата, не направленные на создание конкурентных преимуществ для каких-либо страновых блоков. В рамках ШОС формально уже существует институциональный механизм для решения данных задач, остро требующий своего дальнейшего развития – Энергетический клуб Шанхайской организации сотрудничества. Однако история его формирования свидетельствует о медлительности и малой эффективности организации в этой сфере.

Президент России Владимир Путин предложил создать данную платформу энергетического сотрудничества еще в июне 2006 г. на 6-м Саммите глав государств – членов ШОС¹⁰. Изначально данная структура была нацелена на гармонизацию национальных энергетических стратегий стран ШОС на основе широкого консенсуса представителей официальных, деловых и академических кругов стран-производителей, потребителей и транзитеров углеводородных ресурсов. Несмотря на то, что инициатива российской стороны была поддержана главами всех государств – членов организации, реальные шаги по ее воплощению в жизнь столкнулись с определенными трудностями и продвигались медленно.

Спустя год после инициативы Владимира Путина Минпромэнерго РФ подготовило проект Положения об Энергетическом клубе ШОС, представленный российской стороной на заседании Группы экспертов ШОС по топливно-энергетическому комплексу, прошедшему 19 июня 2007 г. в Москве¹¹. На том этапе данный документ не

---

⁹ Pilling D. Africa Resists Pressure to Put Emissions Before Growth // Financial Times. 2022, August 26. URL: <https://www.ft.com/content/c4ff5997-2b04-4f07-9252-12da0d2f8b02>

¹⁰ В. Путин предложил создать Энергетический клуб ШОС // РБК. 15.06.2006. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/06/2006/5703c30e9a7947dde8e0aa2c>

¹¹ Впоследствии, 19 ноября 2014 г., Совещанием министров государств – членов ШОС, отвечающих за внешнеэкономическую и внешнеторговую деятель-

вызвал особых возражений и даже был рекомендован к рассмотрению на первой (неформальной) встрече министров государств – членов ШОС, отвечающих за развитие топливно-энергетического комплекса (ТЭК), которая состоялась в Москве 29 июня 2007 г. Непосредственно на самой встрече Россия, Китай, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан приняли решение продолжить работу по созданию Энергетического клуба, за исключением Узбекистана, заявившего о нецелесообразности запуска новой структуры. Особое мнение узбекской стороны было закреплено в итоговом протоколе встречи.

Казахстан также выдвигал идею дальнейшего развития энергетического сотрудничества в рамках ШОС, предложив принять проект концепции формирования Азиатской энергетической стратегии. Главным тезисом данной концепции, разработанной национальным исследовательским центром ШОС Казахстана «Международным институтом современной политики», стало создание сырьевой биржи, запуск которой позволил бы государствам – членам ШОС начать формировать общие подходы к ценообразованию на энергоресурсы. Однако большинство членов ШОС не поддержало данную инициативу.

В 2008–2009 гг. в рамках своего председательства в ШОС российская сторона предполагала ускорить процесс развития Энергетического клуба, и даже запланировала проведение заседания клуба во втором полугодии 2008 г. Однако оно не состоялось из-за отсутствия консенсуса.

Спустя два года, в апреле 2010 г., концепция Энергетического клуба вновь обсуждалась на конференции «Атомное сотрудничество на пространстве Шанхайской организации сотрудничества», проходившей в Москве под эгидой национального исследовательского центра «Курчатовский институт». На данной конференции также были рассмотрены проблемы использования альтернативных источников энергии как один из важных компонентов будущей региональной энергетической стратегии ШОС.

Только в 2011–2013 гг. были предприняты реальные шаги по созданию Энергетического клуба ШОС как самостоятельного полноценного института. Предложение российского президента по формированию новой энергетической площадки нашли продолжение в принятии соответствующей инициативы на заседании ШОС в Сиане (КНР) 21–23 сентября 2011 г. Тогда в рамках 4-го Евразийского экономиче-

---

ность, было принято решение об упразднении данной экспертной группы ШОС по топливно-энергетическому комплексу.

ского форума состоялось заседание министров энергетики Китая, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана, по результатам которого была принята программа под названием «Сианьская инициатива».

7 ноября 2011 г. в Санкт-Петербурге на заседании Совета глав правительств государств – членов ШОС было заявлено о принятии окончательного решения о создании Энергетического клуба и соответствующего положения о нем. В целях координации деятельности Клуба создавалась Группа высокого уровня (ГВУ), состоящая из заместителей министров энергетики по вопросам развития ТЭК и представителей профильных ведомств, корпоративных структур ТЭК и ведущих информационно-аналитических институтов государств-членов. Предполагалось, что совещания профильных министров государств – членов ШОС будут предшествовать заседаниям ГВУ. Для поддержки деятельности Энергетического клуба положением предусматривалось создание Секретариата клуба.

Первое заседание ГВУ в составе руководителей энергетических ведомств государств-членов и наблюдателей ШОС, а также других заинтересованных партнеров, состоялось по инициативе российской стороны в Москве 28 октября 2011 г. и было посвящено учреждению Энергетического клуба. Второе заседание ГВУ прошло 16 февраля 2012 г. в Пекине, где китайская сторона представила проекты Устава и Программы совместных действий по созданию Энергетического клуба. Однако его деятельность долгое время носила декларативный характер¹².

6 декабря 2013 г. в Москве был подписан Меморандум о создании Энергетического клуба, призванного стать неформальной дискуссионной площадкой для обсуждения вопросов, связанных:

- с гармонизацией законодательства в области развития энергетического сектора,
- продвижением энергетической безопасности государств-членов, наблюдателей и партнеров по диалогу ШОС,
- координацией взаимодействия основных региональных производителей, транзитеров и потребителей энергоресурсов,
- консультациями по проблемам ценообразования на энергоресурсы.

---

¹² Шевелева М.В. Энергетический клуб Шанхайской организации сотрудничества и формирование стратегии многостороннего сотрудничества в сфере энергетики // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития. 2014. Вып. 2. С. 168–73.

Меморандум был подписан заместителями министров энергетики трех групп государств с разным статусом в рамках ШОС: четырех стран-членов (Россия, Китай, Казахстан и Таджикистан), трех стран-наблюдателей (Афганистан, Индия и Монголия) и трех партнеров по диалогу (Турция, Белоруссия, и Шри-Ланка). Российские эксперты в то время отмечали, что «клуб мог бы стать влиятельной платформой согласования энергетической политики государств-членов и наблюдателей организации, к числу которых принадлежит целый ряд крупнейших производителей и импортеров энергоносителей»¹³.

На июнь 2023 г. Энергетический клуб состоит из 12 стран-членов, наблюдателей и партнеров по диалогу ШОС: России, Индии, Казахстана, Китая, Пакистана, Таджикистана, Афганистана, Беларуси, Ирана, Монголии, Турции и Шри-Ланки. Кыргызстан также планировал присоединиться к деятельности Клуба, но до сих пор не предпринял конкретных шагов в этом направлении. Узбекистан пока избегает любого сотрудничества в области энергетики в формате ШОС.

Первое официальное заседание Клуба состоялось 6 июня 2014 г. в столице Казахстана, г. Астане, в ходе которого был определен целый ряд перспективных направлений взаимодействия его участников:

- традиционные виды топлива, новые технологии добычи, транспортировки и переработки нефти, газа и угля, чистые угольные технологии;
- возобновляемые источники энергии, включая гидроэнергетику;
- энергосбережение и повышение энергоэффективности;
- энергетическая безопасность и устойчивое энергетическое развитие;
- обеспечение свободного доступа к энергетическим ресурсам.

В 2015 г. председательство в Энергетическом клубе перешло по ротации от Казахстана к Китаю. Однако китайская сторона не проявила особой активности. Год спустя Россия предприняла дальнейшие шаги по продвижению сотрудничества в рамках Энергетического клуба ШОС. 22 ноября 2016 г. в Москве в рамках 5-й Междуна-

---

¹³ Лукин А.В. Современное состояние и перспективы развития Шанхайской организации сотрудничества. Выступление на Восьмом заседании Форума ШОС. Пекин, 18 апр. 2013 г. // Лукин А.В. Поворот к Азии. Российская внешняя политика на рубеже веков и ее активизация на восточном направлении. М.: Весь мир, 2014. С. 213–216.

родной конференции «Энергоэффективность и энергосбережение (ENES 2016)» было проведено очередное заседание ГВУ Энергетического клуба, в котором приняли участие представители Китая, Ирана, Пакистана, Турции, Казахстана, и Белоруссии. По итогам данного мероприятия были приняты важные решения технического характера, направленные на повышение эффективности Энергетического клуба:

- утверждена типовая повестка дня заседаний ГВУ,
- достигнута договоренность о том, что любое государство, независимо от его статуса в ШОС, может брать на себя функции председателя в Клубе после подписания Меморандума о его создании.

Для ускорения институционализации Энергетического клуба российская сторона также предложила запустить процесс формирования его национальных частей. Данный план, разработанный Министерством энергетики России, предполагал, что национальные части стран – членов Энергетического клуба после их создания будут объединены в единую структуру по аналогии с Деловым советом ШОС. Эту российскую инициативу поддержали Китай, Индия, Пакистан, Афганистан, Турция, Шри-Ланка, Белоруссия и Таджикистан.

В 2016 г. Россия создала свою национальную часть Энергетического клуба, структурно состоящую из рабочих секторальных групп по атомной энергетике, нефти, газу, электроэнергетике, угольной промышленности и возобновляемым источникам энергии. Российская национальная часть возглавляется Министром энергетики Российской Федерации и включает в свой состав представителей крупнейших энергетических компаний.

11 декабря 2017 г. было принято решение о том, что Российский национальный комитет Мирового энергетического конгресса будет осуществлять функции Секретариата Российской части Энергетического клуба ШОС.

Впоследствии, до пандемии COVID-19 были проведены два заседания ГВУ Энергетического клуба – в Анкаре 14 декабря 2017 г. и в Пекине 15 мая 2018 г. Следующее запланированное Минэнерго России заседание Клуба должно было пройти в Казани 18 июня 2020 г. в рамках XII Международного экономического саммита «Россия–Исламский мир: KazanSummit 2020». Однако из-за разразившейся в 2020 г. пандемии коронавируса этот план не был реализован.

Несмотря на медленное развитие энергетического клуба как института ШОС и существующие проблемы с его эффективным функционированием, меняющиеся реалии международных отношений, вызванные концом однополярного мироустройства, открывают для клуба новые возможности.

Энергетическое сотрудничество в рамках ШОС обладает большим потенциалом, учитывая роль и вес полноправных и ассоциированных членов данной организации в международной энергетической архитектуре. Так Китай и Индия сегодня являются одними из крупнейших мировых потребителей энергоресурсов. В будущем их доля в глобальном энергопотреблении будет только увеличиваться. Роль Китая и Индии в потреблении продукции, произведенной компаниями российского топливно-энергетического сектора, также значительно повысилась после введения западных санкций против России. Это привело к ситуации, когда эти две страны в значительной степени заместили других традиционных потребителей российских энергоресурсов из недружественных государств.

Помимо крупных энергопотребителей в ШОС в разном качестве также присутствуют ключевые игроки – поставщики энергоресурсов на мировой энергетический рынок: Россия, Саудовская Аравия, Иран, Катар, Казахстан, Азербайджан. Энергетическое сотрудничество этих стран в рамках ШОС может повысить роль Энергетического клуба на различных уровнях международной и региональной кооперации¹⁴. В связи с этим, экспертами традиционно выделяются четыре уровня функционирования Энергетического клуба ШОС:

1. Глобальный.
2. Регионально-евразийский (Россия, Китай, Индия, Иран, Пакистан и четыре государства Центральной Азии).
3. Субрегиональный центральноазиатский (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан).

---

¹⁴ Дутта М. Индия и ШОС: возможности и проблемы // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему сотрудничеству (Материалы Третьего заседания Форума ШОС, Китай, г. Пекин, 19–21 мая 2008 г.) / Под ред. А.В. Лукина. М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 128–130. URL: https://mgimo.ru/files/37535/kb-05_shos-Lukin.pdf?ysclid=luvlzmivqe917299615; Фэн Шао-лэй. Выступление на Третьем заседании Форума ШОС // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему сотрудничеству... С. 134–135.

4. Страновой (развитие национальных энергетических моделей девяти стран – членов ШОС)¹⁵.

Следует отметить, что участие в деятельности ШОС Саудовской Аравии (с 2022 г. – партнер по диалогу) и Ирана как двух ключевых членов Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК), недавно восстановивших дипломатические отношения между собой, может содействовать усилению влияния Энергетического клуба ШОС на глобальном уровне. В результате клуб мог бы стать дополнительной стабилизирующей силой на международном нефтяном рынке. Это направление деятельности клуба становится особенно актуальным ввиду попыток стран – членов «Большой семерки» поменять рыночные механизмы нефтяного ценообразования в свою пользу путем создания искусственных ценовых потолков на энергоресурсы.

Регионально-евразийский уровень деятельности Энергетического клуба ШОС направлен на гармонизацию энергетических стратегий и укрепление энергетического сотрудничества стран – производителей углеводородных ресурсов – России, Саудовской Аравии, Ирана, Казахстана, Узбекистана – и стран-потребителей – Китая, Индии, Пакистана, Турции, Монголии, Таджикистана и Кыргызстана. По мнению ряда экспертов, при такой модели синхронизации энергетического развития стран, участвующих в деятельности ШОС, энергетический клуб Организации мог бы дать толчок трансформации ШОС в самодостаточную энергетическую систему¹⁶. Дальнейшее развитие международной роли Энергетического клуба ШОС также может получить новую динамику после создания на территории Турции газового хаба для торговли трубопроводным и сжиженным природным газом на европейском и регионально-евразийском направлении.

---

¹⁵ Зеленева И.В., Власов А.В. Будущее энергетического клуба Шанхайской организации сотрудничества в контексте евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2012. № 2. С. 150–57; Быков А.И. Быть России энергетической сверхдержавой! Энергетическое сотрудничество в рамках ШОС // Российское предпринимательство. 2009. № 2 (1). С. 112–116; Хуан Х. Энергетический клуб в Шанхайской организации сотрудничества // Переломные моменты истории: люди, события, исследования. К 350-летию со дня рождения Петра Великого. Материалы междунар. науч. конф. В 3 т. Т. 3 // Под ред. С.И. Бугашева, Ю.В. Ватолиной, А.С. Минина. СПб.: Санкт-Петербургский гос. университет промышленных технологий и дизайна, 2022.

¹⁶ Бушуев В.В. ШОС создает энергетический клуб // Институт энергетической стратегии. 10.11.2011. URL: http://www.energystrategy.ru/press-c/source/10.11.11_B.htm

В условиях трансформации мирового порядка субрегиональный центральноазиатский уровень функционирования Энергетического клуба ШОС также приобретает новый смысл. В ноябре 2022 г. Президенты Российской Федерации и Республики Казахстан Владимир Путин и Касым-Жомарт Токаев выступили с идеей создания «тройственного газового союза» между Россией, Казахстаном, и Узбекистаном¹⁷. Координация газового сотрудничества между тремя странами и согласование их внешних энергетических стратегий были обозначены в качестве целей данного союза. Его основой могли бы стать традиционные отношения между Россией, Казахстаном и Узбекистаном в газовой сфере, уходящие своими корнями в советскую эпоху. Несмотря на то, что на протяжении 30 лет центральноазиатский газ транспортировался через систему магистральных газопроводов на российскую территорию, в последнее время Узбекистан и Казахстан не имеют возможности покрывать внутреннее потребление природного газа за счет собственного производства. В сложившейся ситуации Газпром способен покрыть дефицит газа в этих двух государствах без особых усилий. В связи с этим стоит отметить традиционные своповые поставки газа, которые российский газовый концерн использовал для решения задач по удовлетворению газовых потребностей Узбекистана и Казахстана¹⁸. В экспертной среде также существует мнение, что трем странам стоит рассмотреть вопрос о трансформации традиционной газовой инфраструктуры, созданной в эпоху СССР, и строительстве новых дополнительных трубопроводных мощностей для осуществления газовых поставок из России потребителям в Узбекистане, Казахстане и даже в Китае¹⁹.

Однако у предполагаемого тройственного газового союза есть и уязвимые места. Это в первую очередь касается неучастия в нем крупнейшего центральноазиатского производителя газа – Туркменистана. Потенциальное введение вторичных западных санкций про-

---

¹⁷ Пламенев И. Казахстан сообщил о планах «тройственного газового союза» с Россией // РБК. 20.11.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/11/2022/63859f849a7947863b8a31ce>

¹⁸ Yenickeyeff S.M. Kazakhstan's Gas: Export Markets and Export Routes. NG 25 // Oxford Institute for Energy Studies. 2008. URL: <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:ba17f342-1c31-44b6-9454-03f410b5a08e/files/m7b5883658df155a397c3951c07301f29>

¹⁹ Конырова К. Ключ к газовому альянсу России, Казахстана и Узбекистана лежит в Китае // Inbusiness.kz. 06.02.2023. URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/klyuch-k-gazovomu-alyansu-rossii-kazakhstan-i-uzbekistana-lezhit-v-kitae>

тив Казахстана и Узбекистана за сотрудничество с Россией также несет определенные риски. В этой связи координация стратегий центральноазиатских и российских производителей газа в рамках Энергетического клуба ШОС более оптимальна и может нивелировать риски введения вторичных западных санкций. Более того, в этом контексте следует учитывать и готовность Туркменистана сотрудничать с ШОС в области инвестиций, экономики, и торговли²⁰. Следует отметить, что Туркменистан обладает значительной ресурсной базой, которая легла в основу поставок центральноазиатского газа в Китай, а также рассматривается как ключевой источник газа для газопровода Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия (ТАПИ), строительству которого может поспособствовать и Российская Федерация²¹.

Сегодня полноценная институционализация Энергетического клуба ШОС является его главной проблемой. Это связано с тем, что клуб в основном выступает в роли некой дополнительной консультационной площадки для обсуждения различных энергетических вопросов заместителями министров энергетики стран – участниц ШОС и ассоциированных членов данной организации. При этом в основном только российская сторона предпринимает реальные попытки по превращению Энергетического клуба в полноценный институт ШОС. Так в ноябре 2022 г. на заседании Совета глав правительств государств – членов ШОС премьер-министр Российской Федерации Михаил Мишустин заявил о необходимости повышения роли Энергетического клуба ШОС в углублении «практического взаимодействия в сфере энергетики»²².

Один из ведущих отечественных экспертов в области энергетики, генеральный директор Института энергетической стратегии Виталий Бушуев еще 12 лет назад предложил следующие конкретные шаги по трансформации Энергетического клуба ШОС из дискуссионной и консультативной площадки в полноценного игрока на международной энергетической сцене:

---

²⁰ Туркмения готова к сотрудничеству с ШОС в политике, торговле и инвестициях // ТАСС. 16.09.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15773681>

²¹ Россия может присоединиться к проекту газопровода ТАПИ // ТАСС. 19.01.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16840041>

²² Заседание Совета глав правительств государств – членов ШОС // Сайт Правительства России. 01.11.2022. URL: <http://government.ru/news/46943/>

- гармонизация энергетических политик и координация разработок долгосрочных программ энергетического развития стран-членов и стран-наблюдателей и их партнеров;
- выработка и осуществление мер коллективной энергетической безопасности;
- развитие системы транспортных энергокоммуникаций;
- разработка общего экономического механизма реализации энергетических политик стран-членов;
- координация инвестиционных планов стран-членов;
- информационное сотрудничество;
- выработка согласованных действий на мировом энергетическом рынке²³.

Сегодня в условиях изменения мирового порядка вопрос об интенсификации энергетического сотрудничества в рамках ШОС стоит весьма остро. Это понимают и в самой организации. В связи с чем в ШОС запускаются новые формы энергетического сотрудничества. Так, в 2021 г. таджикская сторона предложила создать в рамках ШОС новый механизм энергетического взаимодействия – Совещание министров энергетики. Данный механизм уже показал свою эффективность в процессе проведения трех первых подобных встреч – 12 августа 2021 г. (ВКС), 24 июня 2022 г. (онлайн) и 14 марта 2023 г. (онлайн). При проведении трех совещаний утверждены следующие документы:

- Концепция сотрудничества государств – членов ШОС в энергетической сфере;
- План мероприятий по практической реализации данной концепции;
- Программа сотрудничества в области использования возобновляемых источников энергии.

Во время встреч также принято совместное заявление о сотрудничестве по новым видам топлива и моделированию в энергетическом секторе, а также достигнута договоренность о создании постоянно действующей Рабочей группы государств – членов ШОС по сотрудничеству в сфере энергетики.

---

²³ Бушуев В.В. ШОС создает Энергетический клуб // Институт энергетической стратегии. 10.11.2011. URL: http://www.energystrategy.ru/press-c/source/10.11.11_B.htm

В связи с запуском данного нового профильного механизма взаимодействия в ШОС, встает вопрос о будущем Энергетического клуба как института взаимовыгодного сотрудничества в области энергетики. Ближайшее будущее покажет, какой из данных механизмов займет главенствующую роль в рамках ШОС для эффективного продвижения энергетического диалога как среди участников Шанхайской организации сотрудничества, так и за ее пределами.

Научно-экспертный трек ШОС: углубление качества диалога

За время существования вокруг ШОС сложилась разветвленная экосистема общественных структур. Вокруг организации сложилось несколько международных общественных и бизнес-структур, оказывающих ей содействие в работе. К ним относятся Деловой совет ШОС, Молодежный совет ШОС, Межбанковское объединение ШОС и некоторые другие.

Однако, пожалуй, наиболее востребованной является научно-экспертная экосистема. Сегодня, пожалуй, нет в мире ни одной серьезной международной организации, которая не использовала бы механизм «второй дорожки» – ассоциации научных центров и экспертов, занимающихся проблематикой организации и предоставляющих ей научно-аналитическую экспертизу. Такие структуры существуют, например, при ООН, АСЕАН, АТЭС, ОДКБ и других международных организациях. Согласно принятому в 2006 г. на учредительном заседании регламенту, Форум является многосторонним общественным консультационно-экспертным механизмом.

В случае с Шанхайской организацией сотрудничества эту роль играет Форум ШОС. Согласно учредительным документам, Форум является многосторонним, общественным консультационно-экспертным механизмом, образованным для содействия и научной поддержки деятельности ШОС, развития взаимодействия научно-исследовательских и политологических центров государств – членов ШОС, проведения совместных исследований по актуальным вопросам круга ведения Организации, разъяснения задач и принципов деятельности ШОС, расширения ее связей с научными и общественными кругами, а также поощрения обменов мнениями между учеными и экспертами в сферах политики, безопасности, экономики, экологии, новых технологий, в гуманитарной и других областях. Форум строит свою деятельность, исходя из принципов Хартии ШОС, на основе

законодательства государств-членов ШОС и Регламента. Форум работает в тесном взаимодействии с Секретариатом ШОС, Советом национальных координаторов, МИДами государств-членов.

Форум был основан в 2006 г. на учредительном заседании в Москве и уже в том же году в статье «ШОС – новая модель успешного международного сотрудничества» российский президент Владимир Путин написал, что «созданный недавно Форум ШОС, объединивший представителей экспертных и научных кругов... призван стать своеобразным неправительственным экспертным механизмом Организации»²⁴.

А два года спустя, выступая на третьем заседании Форума в Пекине, занимавший в то время пост министра иностранных дел Китая Ян Цзечи отметил: «На протяжении двух лет, организуя различные виды обменов, дискуссии и двусторонние мероприятия, Форум проводил всесторонний обмен информацией, мнениями, выдвигал различные предложения. Снабжая государственные ведомства полезными предложениями и основаниями для принятия решений, он в значительной степени способствовал развитию ШОС. Китайская сторона это высоко оценивает»²⁵.

От каждого государства-члена в состав Форума входит один исследовательский центр, наиболее авторитетный в области исследований ШОС. Он получает статус Национального исследовательского центра ШОС и в качестве такового входит в Форум. На сегодня в ШОС восемь членов, и в составе Форума восемь национальных центров. Первыми в состав Форума вошли Институт мировой экономики и политики при Фонде первого президента Республики Казахстан, Китайский институт международных проблем при МИД КНР, Национальный институт стратегических исследований Кыргызской Республики, Центр стратегических исследований при президенте Республики Таджикистан, Институт стратегических и межрегиональных исследований при президенте Республики Узбекистан и Центр исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД России. После официального вступления в ШОС Индии и Пакистана в 2018 г. в Форум были приняты Индийский совет по между-

---

²⁴ Путин В. ШОС – новая модель успешного международного сотрудничества // Официальный сайт Президента России. 14.06.2006. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23633>

²⁵ Приветственное слово министра иностранных дел КНР Ян Цзечи // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему сотрудничеству... С. 32.

народным делам и Институт стратегических исследований города Исламабад.

В настоящее время фактически единственной формой деятельности Форума являются его ежегодные заседания, на которых обсуждаются важнейшие вопросы развития организации, принимаются заключительные протоколы и предложения, которые направляются в органы организации и МИДы государств-членов. Этого явно недостаточно, однако попытки наладить стабильное каждодневное аналитическое сотрудничество наталкивалось на различные проблемы, прежде всего с отсутствием финансирования.

Дальнейшее развитие научно-экспертного трека, по-видимому, может проходить по двум основным направлениям. Во-первых, Форум ШОС может и должен стать площадкой для выработки стратегии дальнейшего развития организации, направленной на укрепление ее институциональной роли в регионе. Это подразумевает не только усиление роли самого Форума ШОС, но и принципиальное повышение интенсивности связей между научно-экспертными институтами стран ШОС в рамках «второго трека».

Второе не менее важное направление – это укрепление научно-образовательных связей в рамках Университета ШОС, который пока имеет виртуальный характер, а также «второго трека» для формирования более широкой сети специалистов по компетенциям ШОС. Хорошим примером может служить инициированная в 2023 г. МИДом Индии в рамках председательства страны в организации программа стажировок для молодых ученых, специалистов по ШОС и проблемам безопасности и развития региона. Развитие и углубление такой сети контактов будет способствовать не только повышению качества экспертизы, но и укреплению связей между гражданскими обществами. А это в свою очередь может стать основой для развития других треков – направлений деятельности ШОС.

ШОС как институциональная опора Большой Евразии

Новый виток украинского кризиса, начавшийся в феврале 2022 г., серьезно изменил геополитическую ситуацию в мире в целом. Сегодня мир сталкивается с новыми вызовами. Эти вызовы связаны с резкой поляризацией и консолидацией сил, выступающих за многополярный мир, с одной стороны, и поддерживающих гегемонию США, с другой. Государствам и международным организациям, ранее занимавшим промежуточную позицию и старавшимся сохранять

конструктивные отношения со сторонниками обеих тенденций, пришлось делать более четкий выбор и присоединяться к одной из них, занимая более враждебную позицию по отношению к другой.

В новых условиях встает вопрос и о судьбе международных организаций и форматов сотрудничества в области безопасности и экономики в Азии и на Евразийском пространстве: Форума АТЭС, Восточно-Азиатского саммита и, конечно, ШОС. Достаточно вспомнить недавние споры о представительстве России на саммитах некоторых из них. В результате работа этих форумов может быть значительно ослаблена, что может оставить регион вообще без эффективных многосторонних форматов. В этих условиях эффективная и результативная работа ШОС приобретает новую значимость.

Развитие описанных выше направлений – лишь часть возможно раскрытия потенциала ШОС как одной из ключевых глобальных и региональных площадок. Ключевой стратегической задачей дальнейшего развития этой организации должно стать ее органичное включение в магистральные процессы развития региональных и глобальных процессов, существенно ускорившихся в 2022 г. Ключевым процессом является оформление мегарегионального международного порядка в Евразии, который был бы направлен на укрепление безопасности и развитие огромного потенциала стран западной части континента.

В этом контексте главной российской мегаинициативой на евразийском континенте, направленной на реализацию этого потенциала, уже фактически стала идея формирования сообщества соразвития и безопасности Большой Евразии – от стран АСЕАН и Республики Корея и, возможно, Японии на востоке, Индии на юге до Турции, Ирана, с главными опорами в виде России, ЕАЭС и Китая, а также, безусловно, ШОС.

Шанхайская организация сотрудничества представляется наиболее оптимальным политическим стержнем данного пространства и площадкой для обсуждения общих вопросов безопасности, особенно после ее расширения на Индию и Пакистан и в перспективе на Иран. При этом как было показано выше, она может играть важную роль и в развитии международного экономического порядка, например в области энергетики. Она может стать важной площадкой для обсуждения правил игры и в других сферах экономического сотрудничества, которое, судя по всему, будет неизбежно нарастать. В рамках новой схемы организации международной торговли, которая формируется в том числе в связи санкционным давлением стран

Запада на Россию, Китай и Иран, эти государства за единичными исключениями оказываются изолированными и неизбежно будут тяготеть друг к другу. Относительно менее развитые страны региона – Пакистан, некоторые государства Центральной Азии – за счет эффекта низкого старта имеют перспективы быстрого экономического роста. То же касается и Ирана, спустя долгие годы выходящего из-под режима санкций и почти «обреченного» на быстрый рост. А огромные экономики Китая и Индии обеспечивают новому пространству соразвития экономическую «подушку безопасности».

Во многом на формирование такого пространства был направлен ряд российских инициатив – сопряжение ЕАЭС и китайского проекта «Один пояс, один путь», инициатива о заключении Всеобъемлющего торгово-экономического соглашения ЕАЭС–КНР, интенсификация сотрудничества с АСЕАН. Центральной инициативой на этом направлении стало выдвинутое в 2016 г. Президентом России В.В. Путиным предложение по формированию Большого евразийского партнерства²⁶. Данная инициатива уже получила признание со стороны стран – участниц ШОС, что отразилось в совместных межгосударственных декларациях. Однако она все еще требует конкретного наполнения для дальнейшей реализации.

Сформировавшаяся в Евразии институциональная среда, состоящая из множества частично дублирующих, частично вступающих в противоречие друг с другом инициатив, на сегодняшний день не в полной мере соответствует потребностям государств региона: обеспечению устойчивого роста, политической стабильности и безопасности. Эта среда лоскутна и нуждается в большем сочленении / сопряжении²⁷.

Возникновение и развитие сообщества Большой Евразии не является исключительно российским планом или стремлением. Это объективный процесс, основанный на основных мировых геополитических тенденциях. Его основой является российско-китайское сближение, обусловленное ростом Китая, распадом СССР и укреплением новой России, а также активным стимулированием попыток США и их союзников сдерживать развитие обоих государств в рам-

---

²⁶ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Официальный сайт Президента России. 17.06.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>

²⁷ Новые международные отношения в Большой Евразии. Российская стратегия в меняющейся геополитической динамике // Под. ред. А.В. Лукина, Д.П. Новикова. М.: Весь мир, 2019.

ках установления западного господства в международной политике. Другие государства региона имеют свои собственные интересы, что также побуждает их к более активному участию в создании новой евразийской системы, свободной от вмешательства сил извне²⁸.

В новых условиях ШОС необходимо определить свою роль в процессах консолидации Евразии. Большинство предлагаемых концепций Большой Евразии предполагают, что эта новая общность будет строиться на основе уже существующих здесь и хорошо зарекомендовавших себя организаций и групп: ЕАЭС, ШОС, ОДКБ, АСЕАН, возможно, АТЭС. Это подразумевает значительную роль ШОС как одной из наиболее авторитетных евразийских структур. Однако, какова именно эта роль – в большей степени политическая, экономическая или культурно-цивилизационная – предмет серьезной дискуссии.

Нам представляется, что ШОС смогла бы сыграть роль второго круга в концентрических кругах евразийского сотрудничества, которые отличались бы разной интенсивностью. Различные государства Евразии неодинаково готовы к подключению к евразийской кооперации: кто-то стремится к интеграции и даже политическому союзу, кто-то хотел бы лишь расширять торгово-экономическое сотрудничество и культурные связи. И в этом плане по крайней мере на первоначальном этапе необходимо избегать жестких критериев, как это практикуется, например, в ЕС или НАТО, где из-за этого уже возникли серьезные внутренние проблемы.

В этих условиях система концентрических кругов, позволяющих каждому государству подключаться к евразийской системе по мере и степени готовности, представляется весьма конструктивной. И здесь ШОС могла бы сыграть значительную роль. Сегодня уже ясно, что ядро евразийской системы составит тесное взаимодействие ЕАЭС и Китая. Однако она вряд ли станет возможной без активного подключения других крупных игроков, таких, как Индия, АСЕАН, а в перспективе, возможно, и ЕС или отдельных его членов. И здесь роль ШОС будет неопределимой. Эта роль будет заключаться в том, что через ШОС к системе евразийского сотрудничества могли бы подключиться некоторые государства, не входящие в ЕАЭС, но являющиеся либо полными членами ШОС, либо наблюдателями и партнерами по диалогу. А следующий, третий круг, составили бы государ-

---

²⁸ Lukin A., Novikov D. Sino-Russian Rapprochement and Greater Eurasia: From Geopolitical Pole to International Society? // Journal of Eurasian Studies. 2021. Vol. 12. No 1. P. 28–45.

ства, не входящие ни в ШОС, ни в ЕАЭС. Эксперты, занимающиеся проблематикой ШОС, могли бы заняться детальной разработкой этой концепции.

Заключение

20 лет работы ШОС показали, что эта организация стала не только результатом, но и одним из важнейших моторов развития международного сотрудничества в Евразии. За это время она прошла довольно долгий путь и сегодня вызывает значительный интерес в мире. В то же время этот интерес в чем-то даже более значителен, нежели тот, который могли бы вызвать реальные достижения организации. События последнего времени, повышение мировой турбулентности и резкое усиление геополитической конкуренции могут дать толчок для дальнейшего развития ШОС и ее трансформации в одну из центральных институциональных основ глобального и регионального порядка.

За прошедшие два десятилетия ШОС сумела существенно нарастить авторитет, став одной из ключевых международных организаций незападного мира. Причина интереса к ШОС – в том, что она, наряду с рядом других западных структур, заняла роль противовеса западному влиянию в мире, оставшемуся вакантным после распада СССР²⁹. Однако значительную роль сыграла и ее собственная деятельность, доказавшая эффективность шосовских структур.

В настоящий момент совершенно ясно, что, независимо от чьих-то субъективных пожеланий, на начало третьего десятилетия нынешнего века область безопасности объективно стала в ШОС наиболее развитой и продвинутой. Однако ситуация в мире с тех пор существенным образом обострилась. Поэтому, мы, критически оценивая то, что создано, считаем, что, хотя в организации политический диалог достиг высокого уровня, практическая реализация принятых решений порой пробуксовывает, политические и экономические договоренности, заключенные главами государств, зачастую не реализуются. В связи с этим всем органам ШОС необходимо обратить внимание не на количество, а на качество и реализуемость принятых документов, возможно, сократить их до ключевых

---

²⁹ Лукин А. Шанхайская организация сотрудничества: в поисках новой роли // Россия в глобальной политике. 09.07.2015. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/shanhajskaya-organizacziya-sotrudnichestva-v-poiskah-novoj-rolj/?ysclid=lunvxpct5k255534800>

стратегических, сконцентрировав усилия на их практической реализации.

В качестве конкретных мер логичного внутреннего развития было бы полезно, например, осуществить ранее намеченную реорганизацию РАТС в Универсальный центр по противодействию вызовам и угрозам безопасности государств ШОС. Другие важнейшие меры – активизация экономического сотрудничества, прежде всего в области энергетики, и углубление кооперации в сферах научной экспертизы и образования.

Выступая в 2021 г. в Душанбе В. В. Путин отметил, что Россия считает полезным «укрепить функциональные возможности региональной антитеррористической структуры за счет включения в ее кадровый состав экспертов по борьбе с отмытием доходов, финансированием терроризма и распространением оружия массового уничтожения»³⁰. По всем этим направлениям есть конструктивные предложения государств-членов. Например, Казахстана – по обеспечению информационной безопасности, Кыргызстана – по созданию Центра по борьбе с оргпреступностью в Бишкеке, Таджикистана – по антинаркотическому Центру в Душанбе. Все эти предложения заслуживают одобрения, однако, чтобы не распылять силы и сохранять общую координацию, было бы разумно, чтобы все новые структуры работали как подразделения Универсального центра.

В области безопасности у ШОС целый ряд направлений работы. Прежде всего, это общая координация усилий в противодействии силам, стремящимся навязать миру гегемонию одного цивилизационного центра. Эта политика нового колониализма встречает растущее противодействие многих незападных государств, в том числе и государств – членов ШОС. В этом смысле следует приветствовать планы по дальнейшему расширению Организации – включению в нее Ирана в качестве полного члена, повышение до статуса наблюдателя Азербайджанской Республики, Республики Армения, предоставление статуса наблюдателя Египту, Катару и Саудовской Аравии. При этом при рассмотрении вопросов расширения Организации необходимо строго учитывать положение ст. 4. подписанного в 2007 г. Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств – членов ШОС, согласно которому члены ШОС

---

³⁰ Заседание Совета глав государств – членов ШОС // Официальный сайт Президента России. 17.09.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66706>

не должны поддерживать «какие-либо действия, враждебные другим Договаривающимся Сторонам»³¹.

Сохраняется значение координации работы в области безопасности ШОС с ОДКБ, проведения совместных заседаний и мероприятий. Необходимо более тесное взаимодействие и по вопросу Афганистана. Сегодня ситуация в Афганистане несколько более спокойная, однако декларированная в Душанбе цель ШОС по содействию реализации инклюзивного межафганского мирного процесса с одновременным блокированием исходящих из этой страны угрозы терроризма, наркотрафика, религиозного экстремизма пока в полной степени не достигнута.

Пандемия коронавируса нанесла значительный ущерб международному сотрудничеству в целом. В условиях пандемии многие страны предпочли принимать меры на национальном уровне, роль международных организаций снизилась. Страны ШОС также столкнулись с серьезными трудностями. Из-за распространения коронавирусной инфекции на всем пространстве Шанхайской организации сотрудничества сложилась крайне сложная санитарно-эпидемиологическая ситуация. В этих условиях страны-члены были вынуждены принять ограничительные меры, которые не могли не отразиться на многих аспектах практического взаимодействия между ними, а также на интенсивности контактов по линии профильных министерств, ведомств и других структур.

В этих сложных условиях на передний план вышла задача скорректировать методы совместной работы, чтобы не только сохранить, но и придать дополнительный импульс многостороннему сотрудничеству, несмотря на вызов пандемии. И ШОС во многом справилась с этой задачей, выдержала испытание на прочность и показала способность адекватно реагировать на возникающие риски и вызовы.

За время пандемии был накоплен значительный опыт оперативного взаимодействия в борьбе с COVID-19, созданы предпосылки для углубления сотрудничества в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия и биологической безопасности. Многие мероприятия, в том числе встречи министров иностранных дел, руководителей санитарно-эпидемиологических служб и туристских администраций, а также консультации экспертов в сферах здравоохране-

---

³¹ Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств – членов ШОС (г. Бишкек, 16 августа 2007 г.). URL: <https://dokipedia.ru/document/5191422>

ния, транспорта и финансов, перешли в новый для ШОС онлайн-режим.

В целом страны – члены ШОС проявили высокий уровень солидарности и взаимную поддержку. Как заявил в декабре 2020 г. Генеральный секретарь ШОС В. И. Норов, организации удалось реформатировать работу основных отраслевых механизмов сотрудничества, подготовить взаимный пакет документов, регламентирующих ряд важных политических и экономических решений. Первая часть этого периода выпала на время председательства России, которая сыграла в этом реформатировании значительную роль³².

Не менее важным в новой ситуации является и укрепление роли России и Китая в ШОС. В складывающейся сегодня двухполюсной структуре мира США и их союзникам, пытающимся сохранить мировую гегемонию, противостоит не одна Россия, но и гораздо более экономически мощный Китай. В этих условиях в случае успешного взаимодействия этих двух стран шансы на поддержание безопасности и сохранение мира на пространстве ШОС на приемлемых для всех условиях гораздо более велики. Только более тесное российско-китайское сотрудничество, в том числе и в рамках ШОС, способно сохранить относительную стабильность в Евразии.

---

³² Генсек ШОС рассказал о взаимоподдержке стран во время пандемии // ИА Новости. 08.12.2020. URL: <https://ria.ru/20201208/shos-1588241580.html>

Геополитика Большой Евразии

Опубликовано в кн.: Новые международные отношения в Большой Евразии. Российская стратегия в меняющейся геополитической динамике / Под ред. А.В. Лукина, Д.П. Новикова. М.: Весь мир, 2019. С. 20–63. – В соавт. с Д.П. Новиковым

В последние несколько лет в пространстве евразийского континента был выдвинут целый ряд крупных инициатив в сфере развития транспортно-логистических, экономических и институциональных связей между различными частями континента. Наиболее масштабные из этих инициатив и существующих вокруг них концепций подразумевают формирование единого геоэкономического и институционального пространства если не в пределах всего континента, то на территории большей его части.

Контуры этой обширной по своему географическому размаху новой политико-экономической общности достаточно широки. Она, по мнению ее теоретиков, может включать в себя как «страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, центра Евразии, Россию, так и, видимо, в растущей степени страны европейского субконтинента и их организации, в той мере, в какой они будут способны и настроены на конструктивное сотрудничество»¹. В официальной внешнеполитической риторике России идея создания международного сообщества Большой Евразии приняла форму инициативы Всеобъемлющего евразийского партнерства, выдвинутого в 2016 г. Президентом России В.В. Путиным. В ходе своего выступления на Санкт-Петербургском экономическом форуме российский лидер предложил «создание более широкого интеграционного контура» «с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми... уже сложились тесные отношения, – Китая, Индии, Пакистана,

---

¹ Караганов С.А. От поворота на Восток к Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 30.05.2017. URL: <https://globalaffairs.ru/pubcol/Ot-povorota-na-Vostok-k-BolshoiEvrzii-18739>

Ирана и... партнеров по СНГ и других заинтересованных государств и объединений»².

В научной литературе, изучающей это явление, ведется спор, насколько устойчивым может быть такая архитектура международного сотрудничества и каковы перспективы ее дальнейшего развития. Ряд исследователей указывает на то, что укрепление связей между различными государствами и регионами евразийского континента является объективным процессом. В его основе лежит наращивание сотрудничества между двумя крупнейшими центрами экономического развития в Евразии – ЕС и Китаем, а также вовлечение в этот динамичный процесс других стран. Указывается в связи с этим и на формирование нового феномена – трансрегионализма, который характеризуется сочетанием и синергией нескольких регионалистских проектов в рамках одного большого пространства. Такая трактовка предполагает, что возвышение и консолидация Евразии является объективным историческим трендом, который развивался бы вне зависимости от внешних геополитических факторов³.

Другая точка зрения, получившая большее распространение в западной науке и экспертизе, рассматривает саму концепцию Большой Евразии как следствие российско-китайского сближения и способ оформления их неформального союза. Возможность появления российско-китайского блока в целях балансирования США рассматривалась в реалистских и геополитических подходах по меньшей мере с 1990-х годов⁴. После 2014 г., с началом российско-западной конфронтации из-за Украины российская политика на сближение с КНР трактуется в рамках этого подхода как стремление Москвы усилить тем самым свои позиции в противостоянии с США и их союзниками. Через эту же призму трактуется и концепция Большой Евразии и сопутствующие ей инициативы: с точки зрения России это позволяет повысить статус Москвы в союзе с Пекином, а для Китая развитие евразийских инициатив и форматов создает позитивное политическое и концептуальное оформление расширения их экономическо-

---

² Пленарное заседание Петербургского экономического форума // Официальный сайт Президента России. 17.06.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>

³ Diesen G.E. The Decay of Western Civilisation and Resurgence of Russia: Between Gemeinschaft and Gesellschaft (Rethinking Asia and International Relations). New York: Routledge, 2018.

⁴ Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: АСТ, 2015.

го присутствия практически на всем континенте. В отличие от первой данная точка зрения, как правило, сопровождается указанием на хрупкость такого альянса, а значит, и всех евразийских инициатив по причине неизбежного нарастания дисбалансов в российско-китайских отношениях. Исходя из этого же в западной экспертизе господствует мнение, что Россия может легко отказаться от партнерских отношений с КНР, как только у нее появится возможность наладить отношения с Западом.

Авторы данной статьи полагают, что объяснение феномена Большой Евразии лежит в сочетании обоих этих подходов. С одной стороны, несмотря на рост экономических связей между европейской и азиатской оконечностями евразийского континента, пока что формированием и развитием инициатив, из которых складывается Большая Евразия, движет политическая и стратегическая, а отнюдь не экономическая логика. В пользу заключения свидетельствует то, что формирование самой концепции Большой Евразии и многих составивших ее основу инициатив произошло после 2014–2015 гг., с началом российско-западной конфронтации и на фоне нарастания напряженности между Пекином и Вашингтоном. Однако это отнюдь не означает ни неизбежной хрупкости российско-китайского партнерства, ни того, что формирование Сообщества Большой Евразии невозможно и не обладает самостоятельной экономической и политической логикой. Ключевые вопросы, к которым обращаются авторы данной статьи, почему российско-китайское сближение приняло такую форму, приведя к развертыванию множества масштабных инициатив, и могут ли геополитически мотивированные проекты стать геэкономически устойчивым международным сообществом.

Сообщество Большой Евразии: теоретические интерпретации

Ученые, наиболее последовательно отстаивающие устойчивость геэкономической консолидации Большой Евразии, как правило, говорят о нем как о международном сообществе⁵. В общих чертах они описывают такое состояние международных отношений, которое теоретики английской школы называли международным обще-

---

⁵ Караганов С.А. От поворота на Восток к Большой Евразии; Сулов Д.В., Пятачкова А.С. Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России // Вопросы географии / Под общ. ред. В. Котлякова, В. Шупера. Вып. 148: Россия в формирующейся Большой Евразии. М.: Кодекс, 2019. Гл. 2. С. 16–53.

ством, определяя его как «...группу государств (или, в более широком смысле, группу политических сообществ), которые не просто формируют систему, в том смысле, что поведение каждого является необходимым фактором для расчета ответной реакции остальных, но систему, установленную посредством диалога, принятия общих правил и институтов для регулирования их отношений и осмысления общих интересов, которые позволяют поддерживать данные установления»⁶.

Моделью и источником вдохновения для формирования этой концепции служило и продолжает служить то уникальное состояние международных отношений, которое сложилось в Северной Атлантике между США и их европейскими союзниками, где все указанные критерии – диалог, общие правила, институты – наблюдались и оказывали определяющее влияние на развитие политических отношений между государствами⁷. Таким образом, говоря о Большой Евразии как о формирующемся сообществе в терминах английской школы, исследователь, по-видимому, должен исходить из того, что уровень развития отношений и доверия между его участниками должен достичь уровня, существующего сегодня в рамках трансатлантического стратегического партнерства. Хотя ряд исследователей указывает на то, что развитие международной системы в Евразии идет в этом направлении – ссылаясь, например, на беспрецедентный уровень российско-китайского партнерства⁸, вопрос об устойчивости этого тренда остается открытым и является одним из ключевых вопросов данной статьи.

В рамках западной исследовательской традиции, анализирующей проблемы формирования и развития международных сообществ, наблюдается ряд допущений, которые фактически отрицают возможность их появления вне Евроатлантики. Во-первых, концепция английской школы, как и большинство других научных концепций, анализирующих формирование устойчивых сообществ, фактически подразумевает разделение международной среды на две области – условно более «цивилизованную», в которой это сообщество сфор-

---

⁶ Bull H., Watson A. *The Expansion of International Society*. Oxford: University Press, 1985. P. 1.

⁷ Buzan B. *From International to World Society?* Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 7.

⁸ Бордачев Т.В. Евразия: обреченная на разделенность? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 07.09.2017. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evraziya-obrechyennaya-na-razdelyennost/>

мировалось, – группу государств, образующую условный Запад, – и остальную часть мира, где в отношениях между государствами по-прежнему царит анархия⁹.

Во-вторых, единственным видимым путем формирования такого сообщества в глобальном масштабе западные теоретики видели и продолжают видеть последовательное расширение международного сообщества, сложившегося в рамках Запада¹⁰. В результате исследования, апеллировавшие к терминам и проблемам английской школы и схожих концепций, в последние десятилетия, как правило, фокусировались на проблемах расширения евроатлантических институтов как способа постепенной трансформации евроатлантического международного сообщества в мировое, а не на проблемах формирования таких сообществ в других регионах¹¹. Это во многом определило скептическое отношение западных ученых к возможностям формирования подобных международных сообществ за пределами Запада и без экспорта западных институтов.

Как следствие, анализ международных отношений в неевропейской Евразии, как правило, осуществлялся в категориях реализма и геополитики. Аналитикам и ученым-международникам Евразия представлялась зоной анархии и значительных противоречий между различными державами, центрами силы и народами, а не потенциального сотрудничества. Вероятно, поэтому и самим термином «Евразия» как политическим и географическим обозначением исторически оперировали в основном представители геополитической мысли.

Геополитическое осмысление международных процессов в пространстве евразийского континента, особенно его неевропейской части, восходит к работам Хелфорда Маккиндера и Николаса Спикмана¹². Оба придавали большое стратегическое значение централь-

---

⁹ См.: Buzan B. *From International to World Society?*

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ Gilbert M. *European Integration: A Concise History*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 2012; Ginberg R. *Demystifying the European Union: The Enduring Logic of Regional Integration*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 2010; Zimmerman H., Dur A. *Key Controversies in European Integration*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.

¹² Mackinder H.J. *The Geographical Pivot of History* // *The Geographical Journal*. 1904. Vol. 23. No. 4. P. 421–437; Spykman N.J. *America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1942.

ной части континента («Хартлэнду»), в которой исторически доминировала Россия/СССР, и необходимости ее сдерживания.

Объединение Евразии виделось исключительно путем военно-политической экспансии крупной континентальной державы, что означало бы поражение Запада и, по сути, установление такой державой мирового господства: «Кто контролирует Хартлэнд, контролирует мировой остров, кто контролирует мировой остров, тот властвует над миром»¹³. В работах Спикмана допускалась и даже рекомендовалась возможность кооперации западных держав как с континентальными державами («Римлэндом»), не входящими в Хартлэнд, для сдерживания последнего, так и с государством Хартлэнда для балансирования государств Римлэнда, если произойдет их чрезвычайное усиление.

Эти геополитические построения повлияли на современную стратегическую и научную мысль по вопросам об американской и западной политики в Евразии. Единственным сценарием объединения Евразии в какую-либо политическую общность рассматривалось силовое завоевание этого пространства одной из континентальных держав. Соответственно главным императивом американской и в более широком смысле западной политики должно было стать недопущение появления одного или целого альянса государств, которые могли бы объединить неевропейскую Евразию на антиамериканской основе. «Потенциально самым опасным сценарием развития событий может быть создание „антигегемонистской“ коалиции с участием Китая, России и, возможно, Ирана, которые будет объединять не идеология, а взаимодополняющие обиды. Такое развитие событий может напоминать по своему размеру и масштабу проблему, которая однажды уже была поставлена китайско-советским блоком, хотя в этот раз Китай, вероятнее всего, будет лидером, а Россия – ведомым», – писал вскоре после распада СССР один из ведущих теоретиков американского господства З. Бжезинский¹⁴. О недопущении российско-китайского сближения для американских национальных интересов писали и другие американские авторы, относящиеся к реалистской интеллектуальной традиции.

Распад СССР, по мнению ведущих американских аналитиков, предоставил США уникальную возможность самим стать гегемоном в Евразии. Согласно Бжезинскому: «Главный геополитический приз

¹³ Spykman N.J. America's Strategy in World Politics.

¹⁴ Бжезинский З. Великая шахматная доска. С. 100.

для Америки – Евразия. Половину тысячелетия преобладающее влияние в мировых делах имели евразийские государства и народы, которые боролись друг с другом за региональное господство и пытались добиться глобальной власти. Сегодня в Евразии руководящую роль играет неевразийское государство и глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте»¹⁵.

При этом американские аналитики сразу же выставляли геополитические ограничения для развития России. Даже дружественной России (как и Китаю или, скажем, Германии) нельзя было разрешить чрезмерно укрепиться в Евразии; влияние любой крупной державы, кроме США, должно было быть ограничено. Об этом прямо писал, например, Г. Киссинджер: «Геополитически Америка представляет собою остров между берегами гигантской Евразии, чьи ресурсы и население в огромной степени превосходят имеющиеся у Соединенных Штатов. Господство какой-либо одной державы над любым из составляющих Евразию континентов – Европой или Азией – все еще остается критерием стратегической опасности для Америки, независимо от наличия или отсутствия холодной войны. Ибо такого рода перегруппировка стран способна превзойти Америку в экономическом, а, в конечном счете, и в военном отношении. Опасности этой придется противодействовать, даже если господствующая держава будет по отношению к Америке настроена доброжелательно, так как стоит ее намерениям измениться, как Америка окажется лишенной значительной части возможностей, обеспечивающих эффективное сопротивление, и во все большей степени начнет утрачивать возможности оказывать решающее воздействие на события»¹⁶. Таким образом, признавалось, что опасность для США, представляли не иные политические режимы, а просто все крупные, самостоятельные и влиятельные государства как таковые.

В связи с этим современное российско-китайское сближение оценивается в западной научной литературе, как правило, критически. Распространенным является и тезис о росте дисбалансов в российско-китайских отношениях: усиление КНР, как предполагается, либо превратит Россию в младшего союзника и сателлита, либо приведет к конфликту между двумя державами, если Россия не прими-

---

¹⁵ Бжезинский З. Великая шахматная доска. С. 58.

¹⁶ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997.

рится с этим статусом. Главным фактором их объединения большинству аналитиков видится не стремление к сотрудничеству и развитию региональной интеграции, а неудовлетворенность собственным местом в мировом порядке и совместное противодействие американскому доминированию¹⁷. А такой основанный на конфронтации союз не способен сформировать «систему, установленную посредством диалога, принятия общих правил и институтов для регулирования их отношений и осмысления общих интересов», – т.е. международное сообщество. Большая Евразия – это геополитическое построение, которое неизбежно падет жертвой геополитических же противоречий.

Указанные риски представляются отчасти реальными и, по-видимому, способны будут создать немало проблем на пути реализации такого масштабного проекта, которым является формирование сообщества Большой Евразии. Вместе с тем авторы данной статьи видят три основных пробела в научных и экспертных оценках, посвященных проблеме формирования Большой Евразии и российско-китайскому сотрудничеству в этой области. Во-первых, весьма дискуссионным является изначальный тезис о наличии глубоких противоречий между Москвой и Пекином. Хотя многие национальные интересы России и Китая не совпадают, они не противоречат друг другу. Более того, в последние годы в отношениях двух стран наблюдается сближение не только в стратегической и внешнеполитической сферах, но и в области ценностей и характера политических систем¹⁸. Этому не мешает видимое изменение баланса сил в пользу Пекина. Ведь и между членами западных союзов существует значительный дисбаланс политической и экономической мощи, однако благодаря значительному уровню доверия и единству базовых ценностей этот дисбаланс не приводит к серьезным политическим противоречиям, чреватым распадом союзов. Данное наблюдение позволяет говорить о том, что российско-китайское сближение более устойчиво, чем принято считать, особенно в западной экспертной среде.

Во-вторых, в большинстве работ именно Россия и Китай рассматриваются в качестве инициаторов ухудшения отношений с США и другими странами Запада, а их стратегическое сближение – как

---

¹⁷ Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton & Company, 2001.

¹⁸ См.: Lukin A. China and Russia: The New Rapprochement. Cambridge: Polity, 2018.

взаимная поддержка в этом противостоянии. Между тем политика Москвы и Пекина, первоначально стремившихся вписаться в качестве значимых партнеров в существующую международную систему, во многом стала вынужденной реакцией на триумфализм Вашингтона после распада СССР.

Наконец, в-третьих, сама логика формирования международного сообщества, предложенная теоретиками английской школы, кажется нам не лишенной недостатков. В их понимании формирование устойчивого международного сообщества носит идеалистический характер и, по сути, близко к кантианскому представлению о «вечном мире» – через совершенствование общественных структур и развитие внутренних и международных институтов¹⁹. Однако исторически формирование евроатлантического сообщества, так же как сегодня евразийского, проходило не само по себе, а в условиях внешнего давления со стороны СССР и усиления американской роли в Европе. Оба этих фактора – советская угроза и резкое усиление США после Второй мировой войны – сыграли значимую роль в возникновении и развитии и европейской интеграции, и евроатлантических структур безопасности и политического сотрудничества²⁰.

Особенности нынешней международно-политической ситуации в неевропейской Евразии структурно напоминают условия формирования евроатлантического сообщества в 1940–1950-х годах. Современная Евразия сталкивается с резким усилением Китая и необходимостью адаптироваться к этому новому фактору, так же как Европа была вынуждена реагировать на возросшую мощь США после Второй мировой войны. В обычных условиях эта необходимость, видимо, могла бы привести к балансированию усиливающейся державы. Однако внешнее давление со стороны Запада, с которым столкнулись евразийские державы, стимулирует Россию, Китай и другие евразийские державы искать новые пути сопряжения своих интересов в рамках более сложной политической организации. По мнению некоторых аналитиков, противостояние политике Запада уже привело к формированию евразийского полюса в рамках конфронтации между США и их западными союзниками и рядом западных держав. Сохранение этой конфронтации и последовательное развитие институциональной среды в Большой Евразии может привести к действительному возникновению евразийского сообщества,

---

¹⁹ Buzan B. From International to World Society?

²⁰ Киссинджер Г. Дипломатия.

подобно тому, как в условиях холодной войны возникло сообщество евроатлантическое.

Американская политика на «флангах» Евразии

Политика США и Запада в Евразии после окончания холодной войны сегодня подвергается глубокому переосмыслению. Многие критики указывают на ее излишнюю самоуверенность, отсутствие долгосрочного стратегического планирования и пренебрежение перспективными угрозами и вызовами в угоду краткосрочным интересам.

Если анализировать политику США в отношении Евразии и двух ведущих континентальных держав через призму геополитических концепций, то создается впечатление, что она не просто напрямую противоречила им, но, напротив, была направлена на то, чтобы создать оптимальные условия для российско-китайского сближения, сформировав для них и как эффект общей внешней угрозы, так и повестку для позитивного регионального сотрудничества в различных сферах. В качестве общей внешней угрозы на сегодня выступают сами США: против обеих держав Вашингтон ввел экономические санкции и инициировал политику военно-стратегического сдерживания, официально признавая своими геополитическими оппонентами. Повестка для регионального сотрудничества между Россией и КНР во многом определяется результатами американской политики в центре евразийского континента – дестабилизирующим эффектом войн в Ираке и Афганистане, отсутствием повестки для экономического развития региона и одновременным повышением геэкономического значения Центральной Евразии в условиях нарастания геополитических рисков на «флангах» Евразии.

Сама по себе возможность российско-китайского сближения в целях выравнивания баланса с США после окончания холодной войны обсуждалась учеными-реалистами как один из вероятных сценариев дальнейшего развития международной системы уже в 1990-е годы²¹. Как правило, в рамках таких моделей речь шла либо о формировании той или иной формы политического или военного союза между данными странами, либо о «сателлизации» одного из участников этих отношений²². В целом любая форма сближения Москвы и Пе-

---

²¹ Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics.

²² Ibid.

кина рассматривалась как тактическая, так называемый брак по расчету, и направленная на борьбу с американской гегемонией.

Однако на практике Россия и Китай хотя и имели общее мнение по многим проблемам и демонстрировали недовольство сформировавшимся после окончания холодной войны однополярным порядком, не спешили образовать какой-либо союз. Континентальная Евразия, которая сегодня является ключевой зоной сотрудничества Москвы и Пекина, значительно уступала по степени важности евроатлантическому направлению для России и тихоокеанскому – для Китая, что отражается в представленной иерархии приоритетов, зафиксированной во внешнеполитических документах двух стран²³. Уровень развития торгово-экономического, технологического и политического партнерства с западными странами многократно превосходил повестку российско-китайского сотрудничества в 1990-е и 2000-е годы, что заставляло обе страны стремиться к развитию отношений на «флангах» евразийского континента, а не геополитической консолидации вокруг его центральной части. Хотя многие совместные инициативы России и Китая, такие, как создание ШОС, урегулирование пограничных споров и пр., сегодня стали важной основой для беспрецедентного стратегического партнерства, в предшествующие десятилетия многие западные аналитики предпочитали видеть в российско-китайском сближении стремление Москвы и Пекина усилить свои переговорные позиции в отношениях с Западом. В целом внешнеполитические приоритеты России и Китая в этот период соответствовали либеральным представлениям об эволюции постбиполярной международной системы: обе державы искали пути интеграции в новый международный порядок с пользой для себя и ради усиления своего политического веса.

Проводимая Москвой и Пекином политика по интеграции в западный порядок исчерпала себя в 2014–2015 гг. на фоне кризиса взаимоотношений с Вашингтоном и его союзниками. В отношениях с Москвой переход к конфронтационной модели произошел весной 2014 г., в результате событий на Украине и введения Западом экономических санкций, которые с этого времени лишь ужесточались. Китайско-американские отношения трансформировались в конфронтационные гораздо более плавно, главным образом в силу зна-

---

²³ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февр. 2013 г. // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142236/

чительной экономической базы: товарооборот между двумя странами в 2017 г., уже в условиях обострения противоречий, составлял более 700 млрд долл. Однако уже в 2015–2016 гг. в них наметились кризисные тенденции, которые отразились в трех основных аспектах: 1) усиление конкуренции в АТР между американскими и китайскими региональными инициативами; 2) обострение противоречий в Южно-Китайском море между Китаем и США, принявших сторону оппонентов Пекина в вопросе о принадлежности спорных территорий; 3) обострение противоречий Пекина и Вашингтона в сфере торговли и финансов, включающих в том числе обвинения в занижении курса юаня. Приход к власти в начале 2017 г. республиканской администрации окончательно утвердил жесткую линию американской политики в отношении КНР.

В западном научно-экспертном сообществе кризис в отношениях Запада с Россией и Китаем объясняется главным образом реакцией Запада на отказ Москвы и Пекина следовать правилам либерального порядка и, следовательно, от интеграции в него. Реалисты, как правило, интерпретируют это как запоздалый, но логичный возврат международной системы к многополярности и балансу сил через формирование блока двух возвышающихся держав²⁴. Либералы указывают на усиление авторитаризма в этих странах, что повышает агрессивность внешней политики России и Китая и заставляет проводить более антиамериканскую политику – даже если она ведет к экономическим потерям. Однако ни один из этих подходов не анализирует должным образом, почему целенаправленные стратегии Москвы и Пекина по интеграции в Запад уступили место разочарованию, в какой мере противоречия с США и Западом подталкивали две страны к укреплению стратегического партнерства и почему их сближение приняло именно такую форму – создание международного сообщества, направленного на развитие традиционно отстающей в экономическом отношении центральной части евразийского континентального массива.

Ответ на этот вопрос следует искать в девиациях политики самого Вашингтона и тех ошибках, которые были присущи его стратегической линии в последние четверть века. Можно выделить две условные сферы, одновременно политические и географические, где американская политика сталкивалась с проблемами, закладывая фун-

---

²⁴ Mearsheimer J. *Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven and London: Yale University Press, 2018.

дамент нынешней конфронтации. Это, во-первых, политика на «флангах» Евразии, где США приходилось перестраивать отношения одновременно со старыми союзниками по холодной войне и новыми партнерами в лице России и Китая. Во-вторых, политика в центре Евразии, где США оказались вовлечены в военные конфликты, во многом ими же и порожденные. Провал на всех трех направлениях – на обоих флангах и в центре континента определил облик стратегических противоречий между великими державами и в конечном счете привел к наблюдаемой сегодня геополитической консолидации Евразии.

Политика на «флангах» континента страдала от трех проблем. Вначале – от недооценки темпов возвышения России и Китая и соответственно роста их требований к повышению своего статуса в мире, который Вашингтон после окончания холодной войны полагал однополярным. Затем – от институционального наследия холодной войны, когда сохранение старых альянсов сделало политику США слишком неповоротливой, чтобы перестроить свои отношения с Москвой и Пекином и привести их в соответствие с новыми реалиями. И по крайней мере до прихода к власти Д. Трампа – от нарастающей идеологизированности внешней политики, из-за которой недостаточная «демократичность» России и Китая становилась препятствием для развития отношений. Эти проблемы сделали российско-американские отношения в АТР и российско-американские в Европе историей недооцененных полууступок в поисках нового баланса отношений, который стороны так и не сумели нащупать.

Возвышение Китая, которое сегодня видится как главный вызов международному порядку и американским позициям, рассматривалось и демократической администрацией Клинтона, и по большому счету республиканской администрацией Буша-младшего как достаточно отдаленный по своему характеру вызов. Начало рыночных реформ в КНР и стремление страны интегрироваться в глобальную экономику породили в Вашингтоне во многом завышенные надежды на то, что Китай удастся интегрировать в либеральный международный порядок в качестве «ответственного партнера», играющего по установленным США правилам. «...Наше сотрудничество с Китаем позволяет быть уверенными, что... Китай по праву является источником позитивных изменений как для своего народа, так и для всего мира»²⁵, – отмечал Билл Клинтон в 1996 г.

---

²⁵ Clinton B. *Between Hope and History: Meeting America's Challenges for the 21st Century*. New York: Random House, 1996. P. 151–152.

Отношения с другой ведущей евразийской державой, Россией, также страдали от стратегической недооценки ее растущих возможностей и широты интересов, особенно на фоне постепенного восстановления экономического и военного потенциала после тяжелого периода транзита к рыночной экономике. Россия в 1990-е и, по меньшей мере в первую половину 2000-х годов, напротив, рассматривалась как слабеющий международный игрок, который на долгое время, если не навсегда, потерял свое былое значение. Эта недооценка роли России привела к ряду спорных решений, которые до сих пор служат источником российско-западных противоречий. Уже в 1993–1994 гг. администрация Клинтона приняла решение о поддержке расширения НАТО на страны бывшего Варшавского договора, очень болезненное для официальной Москвы, воспринявшей такое расширение как угрозу своей безопасности. С середины 1990-х годов и вплоть до настоящего момента вопрос об архитектуре европейской безопасности остается одним из главных источников напряженности в российско-американских и российско-западных отношениях²⁶. Эти противоречия усиливались общим разочарованием российского общества результатами завершения холодной войны: несмотря на относительную демократизацию после распада СССР и сближения с Западом, Россия ни экономически, ни политически так и не стала его частью²⁷.

Модель отношений с Россией предполагала ограниченное партнерство в рамках особых отношений с НАТО и ЕС.

Инициативы администрации Обамы по обновлению отношений с возвышающимися державами с самого начала ограничивались инерцией старых альянсов и союзов, унаследованных со времен холодной войны. Геоэкономические проекты, запущенные Вашингтоном на Тихом океане и в Евроатлантике, практически совпадали со структурой военных союзов и, как следствие, имели ограниченный потенциал вовлечения возвышающихся держав и воспринимались Москвой и Пекином с настороженностью. Российский президент

---

²⁶ Данному вопросу посвящено большое количество научной и экспертной литературы. См.: Trenin D. *European Security: From Managing Adversity to a New Equilibrium* // Carnegie Moscow Center. 2018. February 22. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP329_Trenin_Euro_Security_WEB.pdf; NATO 2020: *Assured Security; Dynamic Engagement* // NATO. 2010. May 1. URL: <https://www.nato.int/strategic-concept/expertsreport.pdf>

²⁷ Sakwa R. *Russia Against the Rest*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017; Legvold R. *Return to Cold War*. Malden: Polity Press, 2016.

В. Путин открыто критиковал ТТП и ТАТИП: «Вероятно, всех нас хотят поставить перед фактом, что правила игры переписаны, и переписаны опять в угоду узкого круга избранных, причем без участия ВТО. Это чревато полной разбалансировкой торговой системы, раздроблением глобального экономического пространства»²⁸. Представители руководства Китая высказывались осторожно, допуская китайское участие в этих проектах, хотя и указывая на связанные с реализацией соглашения риски. Однако запуск в 2013 г. проекта Всеобъемлющего регионального экономического партнерства сделал гипотетическое участие КНР в американской инициативе весьма прозрачным: в регионе развернулась ожесточенная конкуренция экономических инициатив²⁹.

Инициированная администрацией Обамы политика «перезагрузки» с Россией никогда не касалась каких-либо институциональных преобразований европейской системы безопасности, которая по-прежнему оставалась основанной на старых союзах времен холодной войны. Например, США отклонили инициативу тогдашнего лидера России Д. Медведева по подписанию договора о европейской безопасности в 2010 г. Опасение девальвировать роль НАТО и сохранение возможности его расширения на постсоветское пространство способствовало росту разочарования Москвы и постепенной эрозии «перезагрузки». Украинский кризис 2014 г., рассматриваемый в общем контексте этих противоречий, можно рассматривать как предпринятую российским руководством сознательную смену парадигмы российско-западных отношений³⁰.

В Азии разветвленная архитектура американских союзов также была фактором, ограничивавшим возможности Вашингтона по поиску нового подхода к отношениям с азиатским гигантом. Как и в Европе, администрация Обамы оказалась вынуждена балансировать между консолидацией сети собственных альянсов и стремлением плотнее вовлечь КНР в глобальный и региональный порядок под своим лидерством. На деле эти две задачи вступали в противоречие друг с другом. Укрепление связей с союзниками вызывало опасения

---

²⁸ 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН // Официальный сайт Президента России. 05.09.2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>

²⁹ Andrew D. Bishop. Standard Power: The New Geopolitical Battle // The National Interest. 2017. October 7. URL: <https://nationalinterest.org/feature/standard-power-the-new-geopolitical-battle-14017>

³⁰ Суслов Д.В. Всерьез и надолго // Россия в глобальной политике. 2014. 11 ноября. № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Vserez-i-nadolgo-17102>

Пекина и создавало у китайского руководства впечатление стратегического окружения. Укрепление же двусторонних китайско-американских диалоговых форматов вызвало озабоченность уже американских союзников, опасавшихся, что ключевые региональные и глобальные решения будут приниматься Вашингтоном и Пекином на двусторонней основе. По мере того как политический и экономический вес Китая возрастал, это противоречие становилось все более ясным, способствуя усилению напряженности в АТР и готовя почву для конфронтации двух стран.

Таким образом, к концу правления Обамы на обоих «флангах» континента, и в Европе, и в Азии стратегии вовлечения двух ведущих евразийских держав привели к обратному результату – отношения США и с Россией, и с Китаем приняли характер «игры с нулевой суммой», в которой вовлечение этих держав в американский порядок стало трактоваться не как взаимовыгодный процесс, а как односторонняя победа Вашингтона, увязываемая некоторыми экспертами даже со сменой режимов в странах-противниках. Это открыло путь для радикализации подхода к внешним вызовам.

Уже в период президентских выборов 2016 г. практически все кандидаты выступали с позиций проведения более жесткого курса по отношению и к России, и к Китаю. Победа Д. Трампа, кандидата, который был в наименьшей степени политически вовлечен в строительство либерального международного порядка и соответственно не стремится соблюдать осторожность для сохранения этой хрупкой конструкции, судя по всему, лишь ускорила эту трансформацию американской политики и структурирование конфронтации на «флангах» Евразии.

Центр Евразии: от провала к возвышению

К началу 2010-х годов на двух оконечностях евразийского континента – в Европе и в Восточной Азии – сформировались тлеющие и готовые в любой момент разгореться противоречия между США и двумя крупными евразийскими державами. Однако сами по себе эти противоречия хотя и сближали Москву и Пекин на почве критики «американской гегемонии», не давали этим странам конкретной повестки для стратегического сотрудничества. За исключением определенной координации в рамках СБ ООН и таких институтов, как БРИКС и ШОС (которые сами находились в определенном поиске конкретики в плане определения повестки своей деятельности),

российско-китайское сотрудничество по трансформации международного порядка оставалось областью политических деклараций, а не содержательных инициатив.

Предложи Вашингтон позитивную повестку развития для центральной части евразийского континента под американской эгидой, это могло бы нивелировать потенциал российско-китайского сближения и вовлечения в этот процесс других стран региона. Американское лидерство в пространстве Большого Ближнего Востока и Центральной Азии лишило бы российско-китайское сближение конкретной географической сферы приложения, кроме того, создало бы вокруг евразийских центров силы такое международное окружение, которое, вероятно, не позволило бы им консолидировать Евразию на антиамериканской основе. К началу 2010-х годов лидерство в центральной части Евразии было прочно связано с развитием таких проектов и инициатив, которые гарантировали бы экономический рост и социальную стабильность в странах этого обширного региона.

Вторжение 2001 г. войск международной коалиции в Афганистан вначале создало такую ограниченную, но зато конкретную повестку сотрудничества в регионе. Географическое положение этой страны в центре Евразии диктовало США и другим странам коалиции необходимость выстраивания тесных контактов со всеми государствами региона. Однако решение Вашингтона переключиться с Афганистана на Ирак, начав военную кампанию в марте 2003 г. в рамках глобальной войны с террором, а также давление на Иран ослабили поддержку американской политики в регионе и стали источником ее постоянной критики со стороны Пекина и в особенности Москвы³¹.

Эта политика США в центральной части Евразии имела целый ряд негативных последствий как для отношений Вашингтона с Москвой и Пекином, так и для его отношений с другими региональными игроками. Как и на флангах континента, в его центральной части маневренность американской политики была скована наследием предшественников, в данном случае начатых Дж. Бушем-младшим масштабных военных кампаний. В ходе своей предвыборной кампании Обама обещал ускоренный вывод американских войск вначале из Ирака, а затем и из Афганистана; на практике вскоре стало оче-

---

³¹ Kuchins A. What is Eurasia to US // *Journal of Eurasian Studies*. 2018. Vol. 9. No. 2. P. 125–133 URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/1016/j.euras.2018.07.001>

видно, что быстрого сворачивания военного присутствия не получится, а сам уход американских войск может оказать дестабилизирующее воздействие на весь Большой Ближний Восток³².

Чтобы избежать этих негативных последствий, администрации Обамы необходимо было предложить повестку развития региона, которая включала бы в себя укрепление и развитие экономик, расширение внутри- и внерегиональных торгово-экономических связей и институтов сотрудничества и безопасности, – эти меры обсуждались в экспертном сообществе и в общем смысле декларировались в принятой администрацией Обамы Стратегии национальной безопасности как краеугольный камень мер по обеспечению безопасности в пространстве Большого Ближнего Востока³³. Однако это требовало масштабных дипломатических и экономических инвестиций, которые США в период разразившегося финансового кризиса едва ли могли себе позволить.

В итоге администрация Обамы сконцентрировалась главным образом на поддержании инфраструктуры, необходимой для достижения быстрой военной победы и ухода из региона. Единственной крупной региональной экономической инициативой был проект «Нового Шелкового пути», который стал компонентом афганской стратегии новой администрации, связанной с решением конкретной задачи: необходимости создания транспортно-логистической инфраструктуры для сбыта производимых в Афганистане товаров, что, в свою очередь, должно было обеспечить рост внутреннего производства и в конечном счете способствовать долгосрочной политической стабилизации страны.

Однако по целому ряду причин эта инициатива так и не выросла в сколько-нибудь внятную дорожную карту для регионального развития и не стала мегапроектом, на котором США могли бы укрепить свои позиции в регионе: в условиях бюджетных ограничений Вашингтон не хотел тратить масштабные ресурсы на «План Маршалла» для Центральной Евразии. Сама инициатива была отдана на откуп Центральному командованию Вооруженных Сил США (CENTCOM), заведомо сконцентрированному главным образом на военно-стратегических, а не экономических вопросах. К 2014 г., когда администрация Обамы объявила о выводе своих войск из Афганистана, проект

---

³² Gates R. Duty: Memoirs of a Secretary at War. New York: Vintage, 2015.

³³ National Security Strategy of the United States. Washington: White House, 2010. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf

фактически лишился политической и финансовой поддержки. При этом в 2013 г. ему на смену фактически пришел китайский проект Шелкового пути, направленный на достижение тех же целей, но более масштабный и амбициозный.

Ситуацию с безопасностью в регионе еще более усугубили последствия «арабской весны», которые еще более дестабилизировали Большой Ближний Восток и затронули много других стран евразийского континента, приведя к росту угрозы терроризма в ЕС, России, Китае, странах Центральной Азии. Администрация Обамы приветствовала движения против авторитарных режимов во многих странах Магриба и Ближнего Востока, рассматривая их как процесс демократической трансформации региона. Однако затем Вашингтон начал оказывать политическую и военную поддержку антиправительственным движениям в Ливии и Сирии, что вызвало негативную реакцию в Пекине и в особенности в Москве: например, занимавший в тот период пост премьер-министра В.В. Путин назвал принятую в 2011 г. резолюцию СБ ООН по Ливии «средневековым призывом к крестовому походу»³⁴.

Ситуация значительно ухудшилась в 2014 г., когда боевики террористического движения ИГИЛ взяли под контроль значительную часть Ирака и Сирии, ярко продемонстрировав неспособность США выстроить устойчивую систему региональной безопасности. При этом ввиду того, что подъем исламистских движений являлся во многом результатом изначально поддержанной США «арабской весны», рост экстремизма и дестабилизация региона стали рассматриваться многими странами, в том числе Россией и Китаем, как результат ошибок проводимой Вашингтоном политики. Хотя история анализируемых нами событий безусловно сложнее, фактически «провал» центра Евразии и то тяжелейшее состояние, в котором этот макрорегион оказался к середине 2010-х годов, объяснялись тем, что США вначале грубо вторглись в регион, сломав или приведя в негодность старые политические и социальные структуры, а затем, подобно легионам слабеющей Римской империи, покинули оказавшиеся ненужными рубежи, оставив многие народы и страны наедине с хаосом и ростом экстремизма.

В этих условиях региональная стратегия Вашингтона, вероятно, могла бы быть более эффективной, опирайся она в большей степени

---

³⁴ Путин назвал резолюцию СБ ООН по Ливии «призывом к крестовому походу» // РИА Новости. 21.03.2011. URL: <https://ria.ru/20110321/356272787.html>

на региональных союзников и партнеров, прежде всего Китай и Россию, или как минимум поддерживая их экономические и интеграционные инициативы, а также более активно кооперируясь с ними в таких сферах, как борьба с терроризмом и другими угрозами. Однако, так и не сформулировав привлекательной повестки для сотрудничества в Центральной Евразии, США весьма скептически и критически относились и продолжают относиться к усилиям неамериканских игроков по продвижению евразийской интеграции.

Например, в Вашингтоне рассматривали и продолжают рассматривать продвигаемые Россией проекты, такие, как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), как слабозавуалированные средства по укреплению российского регионального влияния³⁵. В течение более пятнадцати лет США и НАТО отказывались и от сотрудничества с ОДКБ, чтобы тем самым не легитимизировать Организацию. Между тем ОДКБ сыграла важную роль в обеспечении безопасности Центральной Азии, причем с начала 2000-х главным образом от угроз, исходящих от дестабилизированного Афганистана.

И администрация Буша-младшего, и администрация Обамы игнорировали и преуменьшали значимость Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) с момента ее основания в 2001 г. Выдвижение Китаем инициативы Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути в конце 2013 г., которые впоследствии были объединены под названием «Инициатива Пояса и Пути» (ИПП), также рассматривалось администрацией Обамы в негативном ключе, главным образом как конкурирующий проект тогда уже по сути свертывавшейся инициативе Нового Шелкового пути.

Администрация Трампа с присущим ей экономическим национализмом и узкореалистским подходом к решению внешнеполитических задач в еще меньшей степени способствует тому, чтобы США играли в Евразии роль лидера, а не внешнего игрока, ведущего геополитическую шахматную партию. При нем конфронтации США с Россией и Китаем институционализировались, получив не только политическую, но и законодательную основу. Более того, интенсификация одновременного нажима на обе страны способствует тому, что эти две конфронтации перерастают в одну – системное противо-

---

³⁵ Clinton Vows to Thwart New Soviet Union // The Financial Times. 2012. December 6. URL: <https://www.ft.com/content/a5b15b14-3fcf-11e2-9f71-00144feabd0>

стояние США не с двумя отдельными оппонентами, а с российско-китайским блоком. Интенсификация вывода оставшихся американских войск из Ирака и Афганистана, подрыв «ядерной сделки» с Ираном способствуют дальнейшей дестабилизации в центре Евразии. По сути, те тенденции, которые обозначились при предыдущих администрациях, продолжают развиваться при Трампе в еще более радикальной форме, способствуя росту конфронтации на флангах континента и ухудшению ситуации с безопасностью в его центре.

Это лишь усиливает тренд на консолидацию Евразии на антиамериканской основе, по сути, способствуя формированию нестабильного и неформализованного геополитического полюса. Этот полюс весьма разношерстен и состоит из множества государств, их группировок и организаций, которые нередко могут противоречить друг другу, зачастую не обладают достаточным уровнем взаимной координации, не имеют общей идеологической основы. Однако эта общность, которая и называется Большой Евразией, объединена общими интересами, порожденными во многом негативными последствиями западной политики: необходимостью балансировать растущее геополитическое давление со стороны Запада и восстанавливать политическую стабильность и экономическую состоятельность центральной части континента.

Большая Евразия и формирование «евразийского полюса»

Структурной основой этого объединения, образующим ее главным геополитическим потенциалом является стратегическая связка России и Китая. Российско-китайское сближение сегодня является фундаментальной чертой трансформации современной системы международных отношений. В последние несколько лет характер их отношений все чаще описывается как отношения стратегического партнерства, близкие к союзу без формальных обязательств взаимной обороны *entente* (согласие) – неформализованный, но все более углубляющийся стратегический альянс, основанный на осознании общности угроз и необходимости координации совместных действий³⁶. В идеальных представлениях наиболее последовательных сторонников этого союза Россия, являясь крупнейшей по территории и

---

³⁶ Trenin D. From Greater Europe to Greater Asia...

одной из мощнейших военных стран мира, может выполнять в этой паре роль источника «жесткой силы» и «жесткой безопасности», в то время как экономическая мощь Китая должна служить источником экономического роста³⁷. Помимо собственной важности, российско-китайское сближение также стало предпосылкой для появления и развития целого ряда многосторонних институтов: ШОС, БРИКС, партнерских инициатив между ОПОП и ЕАЭС, которые играют важную региональную и глобальную роль. Наконец, вершиной сотрудничества в сфере развития институтов как раз и стало Сообщество Большой Евразии.

Фундаментальной политической основой для российско-китайского сближения является родство их подходов к проблемам установившегося после окончания холодной войны глобального порядка – обе страны считают его полным изъяном – и достаточно схожий образ его идеального будущего. Как отмечает известный китаевед Гилберт Розман³⁸, «риторика Китая в поддержку действий Путина в Украине и риторика России, одобряющая мышление Си о Восточной Азии, неслучайна. Скорее, это особенность нового геополитического порядка после холодной войны. Пока нынешние политические элиты Китая и России удерживают власть, нет оснований ожидать серьезного сдвига ни в национальной идентичности, ни в китайско-российских отношениях»³⁹.

На сегодня эта общность взглядов на направление развития мирового порядка не просто сохранилась, но упрочилась, составив идеологическое ядро стратегического партнерства. Так, российская официальная точка зрения на глобальный порядок исходит из того, что «международные отношения находятся в процессе перехода, суть которого заключается в формировании полицентричной системы международных отношений»⁴⁰. Китайский лидер Си Цзиньпин, выступая на Генеральной Ассамблее ООН 28 сентября 2015 г., указывал, что «движение к многополярному миру, а также подъем новых рынков и развивающихся стран стали непреодолимой тенден-

---

³⁷ Graham A. China and Russia: A Strategic Alliance in the Making // The National Interest. 2018. December 14. URL: <https://nationalinterest.org/feature/china-and-russia-strategic-alliance-making-38727>

³⁸ См.: Rozman G. The Sino-Russian Challenge to the World Order. Stanford: Stanford University Press, 2014.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации В. Путиным 12 февраля 2013 г.

цией истории»⁴¹. Эта общая позиция закреплена во многих двусторонних документах, и неоднократно подтверждалась в ходе речей и выступлений представителей руководства двух стран.

В контексте сложившейся у России и Китая общности подходов к преобразованию международного порядка можно говорить о двух аспектах. С одной стороны, у двух стран сложилась некая общая внешнеполитическая идеология многополярности, формулирующая идеальную модель международного порядка, основанного на том, что Г. Розман назвал «параллельными идентичностями»⁴². С другой – интерес России и Китая к многополярному миру основан на стремлении вырваться из однополярной системы, что объясняется тем, что в мире, где доминируют США и их западные союзники, они не видят возможности реализации намеченных целей развития как в политике, так и в экономике. Россия и Китай как крупнейшие страны с независимыми взглядами на международную повестку дня и амбициозными стратегическими целями считают, что могут более эффективно работать в многополярной среде, понимая, что желаемой многополярной системе будет не хватать одного лидера и она будет управляться несколькими энергосистемами, в основном взаимодействующими друг с другом по глобальным вопросам с использованием платформы ООН. Предполагается, что Совет Безопасности будет играть центральную роль в этом мировом порядке, так же как когда он был разработан в XX в. до официального создания ООН.

При этом с точки зрения обеих держав отношения между центрами силы должны быть конкурентными, но не конфронтационными – так страны смогут сохранить свои уникальные экономические модели, идеологии и политические структуры. Подобный подход был в какой-то степени отражен в китайской концепции «великодержавных отношений нового типа», которая была первоначально предложена для китайско-американских отношений, но, по мнению китайских теоретиков, может применяться к отношениям между Китаем и большинством, если не всеми странами G20⁴³.

Однако до поры до времени эта близость взглядов не имела геополитического оформления, так как у Москвы и Пекина, с одной

---

⁴¹ Полный текст первого выступления Си Цзиньпина на Генеральной Ассамблее ООН // Посольство КНР в РФ. 28.09.2015. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/ce/ce/rus/ztbd/QQ13/t1320669.htm>

⁴² См.: Rozman G. The Sino-Russian Challenge to the World Order.

⁴³ Полный текст первого выступления Си Цзиньпина на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. 28.09.2015.

стороны не было стимулов к более активным действиям, с другой – не было конкретной сферы приложения для сотрудничества в этой области. Этим фундаментом во многом стала дестабилизация и социально-экономическая деградация центра Евразии, где Россия и Китай имели общие цели и общие интересы, главным образом в сфере обеспечения собственной безопасности. Созданная в 2001 г. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) как площадка общеполитического диалога с широкой повесткой с началом кампаний в Афганистане и Ираке сделала борьбу с терроризмом и экстремизмом одним из центральных пунктов своей деятельности. Вместе с тем повестка развития экономического сотрудничества в рамках ШОС традиционно стагнировала, в немалой степени в связи с опасениями России и некоторых других стран-членов в связи со стремительно растущим экономическим потенциалом Китая.

К началу 2010-х годов, однако, необходимость предложения и продвижения повесток в сфере регионального развития стала очевидна для обеих держав. Россия начала активно развивать собственный интеграционный проект на постсоветском пространстве, запустив в 2010 г. Таможенный союз, который в 2012 г. был трансформирован в Евразийский экономический союз, к настоящему моменту включающий в себя Россию, Казахстан, Белоруссию, Армению и Кыргызстан. В сочетании с ОДКБ и ШОС эти организации составляли институциональную основу для обеспечения безопасности и экономического развития для постсоветских республик Центральной Азии и ряда других стран постсоветского пространства. С точки зрения России, эти институты безусловно институционализировали и ее собственное лидерство как источник безопасности и экономического роста в ближнем зарубежье.

Китай запустил свою главную геоэкономическую инициативу в 2013 г., к сегодняшнему дню эта инициатива трансформировалась в один из самых масштабных экономических проектов, покрывающих практически весь евразийский континент. Эта инициатива изначально имела несколько измерений: помимо таких официально заявленных целей, как развитие транспортно-логистической инфраструктуры в рамках сухопутных и морских маршрутов из Китая в Европу и развитие западных китайских провинций, через которые проходит сухопутный компонент Пути, эта мегаинициатива имеет и ряд политических задач. Прежде всего это попытка сформировать дружественное и безопасное окружение на континенте, особенно важное в условиях нарастающего геополитического конфликта

с США, как надежный и невраждебный тыл. По-видимому, ИПП будет оставаться главным экономическим фактором, определяющим интеграционные процессы в широком континентальном пространстве Евразии⁴⁴.

Россия как евразийская держава

Курс на превращение России в независимый евразийский центр силы и мирового влияния сегодня стал официальной политикой Кремля и основным направлением мысли большинства российских экспертов по внешнеполитической стратегии. В сентябре 2013 г. во время заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» В.В. Путин отметил, что «евразийская интеграция – это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферии для Европы или для Азии»⁴⁵.

Поворот в Евразию и антизападничество, практически маргинальные еще около десятилетия назад, сегодня стали одним из мейнстримных направлений внешнеполитической мысли России. В.Ю. Сурков, главный интеллектуал президентской администрации, сегодня заявляет о прекращении «многократных и бесплодных попыток стать частью западной цивилизации» и предсказывает ей сто, а может, и триста лет одиночества⁴⁶. Бывший западник С.А. Караганов пишет об исчерпании Россией «европейской кладовой» и основывает целое интеллектуальное направление, разрабатывающее концепцию «Большой Евразии», в которой Россия займет центральное место⁴⁷.

Подобная эволюция свидетельствует о том, что разочарование в сделанном в 80-е годы европейско-либеральном выборе России

---

⁴⁴ Об инициативе «Пояс и путь» см.: Miler T. *China's Asian Century*. London: Zedbooks, 2017; Rollande N. *China's Eurasian Century? Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative*. Washington, DC: National Bureau of Asian Research, 2017.

⁴⁵ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Официальный сайт Президента России. 19.09.2013. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243>

⁴⁶ Сурков В.Ю. Одиночество полукровки (14+) // Россия в глобальной политике. 09.04.2018. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Odinochestvo-polukrovki-14-19477>

⁴⁷ Karaganov S. *From the Pivot to the East to Greater Eurasia* // The Embassy of the Russian Federation to the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. 2017. April 24. URL: <https://www.rusemb.org.uk/opinion/50>

и ее новая, евразийская ориентация стали результатом длительного и болезненного процесса, реакцией на развитие международной ситуации, а не следствием изначальной «антиевропейскости» Путина или российской элиты в целом. Политикой Запада после распада СССР Москва фактически была поставлена в безвыходную ситуацию, она столкнулась с выбором: полностью подчиниться геополитическим целям США и их союзников, отказаться от собственных подходов к безопасности или переориентироваться с прозападной на какую-то другую политику. Это вступало в противоречие с российским восприятием собственной роли и статуса в мировых делах как великой державы, что определило постепенный отказ от прозападной ориентации, характерной для политики Москвы 90-х годов в пользу превращения России в «независимый центр силы». Как отметил В.В. Путин в послании Федеральному Собранию в феврале 2019 г., «Россия не может быть государством, если она не будет суверенной. Некоторые страны могут, Россия – нет»⁴⁸.

Упомянутый выше тезис о невозможности для России быть несuverенным государством – вопрос пока не до конца ясный. Ее военная мощь этому стремлению в целом соответствует, но экономическое развитие пока существенно отстает. Чтобы стать независимым центром силы в Евразии, ее руководство и правящая элита должны существенно изменить свои традиционные подходы, по меньшей мере, по четырем направлениям.

Во-первых, необходимо понять значение этого региона и думать о нем стратегически, а не использовать незападное направление внешней и внешнеэкономической политики ситуативно, например, чтобы показать Западу другие возможности и тем самым оказать на него давление. Важность Евразии для России должна быть понята сама по себе. В этой области после 2014 г. произошел существенный сдвиг. Создается впечатление, что у большей части политической и экономической элиты появилось понимание, что ухудшение отношений с Европой произошло всерьез и надолго и что необходимо перестраиваться и перенаправлять хотя бы часть связей на западный мир. Об этом свидетельствуют как высказывания руководства России, в которых оно все чаще позиционирует страну как евразийское (а не европейское) государство, так и изменение концептуальных основ внешней политики в последние годы.

---

⁴⁸ Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента России. 20.02.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>

Во-вторых, необходимо сформулировать и активно проводить такую экономическую политику, которая, обеспечив ускоренный экономический рост, подкрепила бы претензии на роль одного из центров мировой политики. В этой области успехи гораздо более скромны, а если точнее, то их нет вовсе. По показателям роста российская экономика существенно отстает как от среднемирового уровня, так и от экономик других претендентов на роль мировых центров – Индии и Китая, а также от многих постсоветских стран. Это не способствует росту притягательности России для ее соседей по региону.

Проблема экономической эффективности состоит не только в том, как развивать торгово-экономическое сотрудничество с европейскими странами в нынешних сложных условиях, но также как усилить нынешние относительно слабые экономические связи с большинством государств Азии, которые способствовали бы ускоренному развитию России. Вопрос о том, как сделать сотрудничество с Китаем более сбалансированным, обсуждается уже два десятилетия. Сегодня много надежд связано с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), который сотрудничает с Китаем как организация в рамках проекта сопряжения с китайской инициативой Экономического пояса Шелкового пути.

В-третьих, чтобы стать центром влияния, независимым от китайского, необходимо проводить умелую и сбалансированную политику в отношении Пекина, чтобы одновременно не оттолкнуть важнейшего партнера, но и не попасть от него в зависимость. Сегодня дипломатическая линия в этом направлении выстроена верно, но она, опять же, слабо подкреплена экономическими достижениями. Россия по-прежнему экспортирует в Китай в основном сырье, что вызывает у некоторых российских экспертов опасения относительно превращения России в сырьевой придаток Китая, однако если ей больше нечего будет экспортировать, то ситуацию вряд ли можно будет исправить.

Наконец, в-четвертых, роль евразийского лидера предполагает признание этого статуса другими государствами региона. В этой области у России имеется определенный потенциал. В большинстве государств Центральной Азии и Закавказья существует ясное понимание того, что Россия является единственным гарантом безопасности в регионе. В случае серьезных террористических атак или попыток исламистов захватить власть вряд ли кто-то, кроме Москвы, придет на помощь местным светским режимам. Именно поэтому,

например, такие страны, как Армения и Азербайджан, несмотря на конфликт между собой и многочисленные претензии к Москве, концентрируют за военное и стратегическое сотрудничество с ней. Еще яснее необходимость поддержки России в борьбе с терроризмом понимают в Центральной Азии, где Казахстан и Кыргызстан являются участниками ОДКБ. Все еще велико и культурное влияние России в регионе, сохраняющееся с советских и даже царских времен. В области экономики Китай все больше теснит Россию, он уже стал главным торговым партнером большинства стран региона. Однако это никак не угрожает безопасности России, хотя ее статус как отдельного экономического центра Евразии может попасть под сомнение.

Исторический опыт в этой области также невелик. Сама идея некоего особого пути развития России возникла в ней не так уж давно, в первой половине XIX в. как реакция на революционные события в Европе. До Петра I дискуссий о том, азиатской или европейской страной было государство со столицей в Москве, в ней самой почти не велось. Со времен принятия православия Русь считала себя частью христианской цивилизации, независимо от того, находилась ли эта цивилизация в Европе или частично в Азии. Петр I стремился, по меткому выражению А.С. Пушкина, «в Европу прорубить окно», что, по его мнению, должно было сделать Россию ведущим игроком мировой политики, концентрировавшейся в то время в Европе. Европейский выбор Петра был вызван не стремлением подчинить Россию более передовой Европе, а наоборот, сделать ее великой державой. Европейский статус обновленной России был официально закреплён в 1767 г. Екатериной II в «Наказе комиссии о сочинении проекта нового уложения», в котором прямо утверждалось: «Россия есть европейская держава»⁴⁹. И лишь при Николае I, опасавшемся революционного влияния Европы, была сформулирована идеологическая триада «православие–самодержавие–народность», подчеркивавшая самобытную социальную и политическую структуру России, в которой неограниченный самодержец без посредников общался с народом и заботился о нем на основе принципиально иной духовности. Эта концепция отрицала деление общества на враждебные друг другу социальные группы и необходимость представительных

---

⁴⁹ Томсинов В.А. Императрица Екатерина II (1729–1796) // Российские правovedы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества: В 2 т. М.: Зерцало, 2007. Т. 1. С. 63–89.

органов как защитников интересов этих групп перед верховной властью. Особый, неевропейский характер России подчеркивали и представители других направлений мысли, в том числе неофициальные и даже открыто оппозиционные: славянофилы, панслависты, народники и вышедшие из них социалисты-революционеры и др.

Приход к власти большевиков в целом был победой западничества: согласно марксизму весь мир идет по одному пути, и революционная Россия не должна быть исключением из правил. Владимир Ленин и его преемники не рассматривали советское общество как отличное от западного в цивилизационном плане, они лишь считали, что вырвались вперед на лестнице общественного развития. Более того, всякие идеи отличного от Запада российского общества, в частности возникшая среди эмигрантов в 20-е годы XX в. концепция «евразийства» или марксистская теория «азиатского способа производства», в СССР запрещались или по крайней мере не поощрялись. Осуждая капиталистический Запад и противопоставляя империалистическую НАТО советскому блоку, советское руководство, так же как и западные либералы, верило в единое движение истории к общему идеалу и не считало СССР какой-то особой цивилизацией с собственным путем развития, отличным от европейского или американского.

Распад СССР и победа в России «демократического движения» в принципе не означали смены западной ориентации, веры в то, что Россия – часть всемирного однолинейного исторического прогресса. Отличие было в другом: Россию теперь считали не передовой, а отсталой страной, находящейся на более низкой ступени всемирного прогресса, чем западный «цивилизованный мир», готовой стать подчиненным учеником. Эта позиция стала реакцией на крах советского эксперимента, но не принципиальным поворотом к иной идеологической парадигме. Кроме того, он явно противоречил традиции российского западничества, заложенной опытом реформ Петра I и другими похожими реформами, которые всегда были направлены не на подчинение России западным державам, а на использование западных достижений для превращения ее в державу, способную стать с ними в один ряд.

Политика, основанная на идеологии подчинения, не могла продолжаться долго. Сам размер России, ее история и политическая культура требовали от нее большей самостоятельности. Объективные интересы безопасности, игнорируемые Западом, толкали ее к более активной политике. Изменялся Запад; захватившая его секу-

лярная идеология прав меньшинств, вылившаяся в диктат непривычных социальных форм и ограничение свободы слова под предлогом «политической корректности», все более расходилась с получившими большую популярность в России традиционными религиозными подходами к решению социальных проблем, что также стало важным фактором переосмысления внешней политики России. Наконец, изменилась геополитическая ситуация в мире – центр мировой политики и экономики стал смещаться в АТР, поворот к Азии стали осуществлять многие страны: США, государства ЕС, Австралия.

Окрепшая после экономических и политических неурядиц 90-х годов Россия стала проявлять большее беспокойство относительно безопасности, по крайней мере вокруг своих границ. В утверждениях Запада о том, что никто не вправе создавать сферы влияния, официальная Москва, по крайней мере, с начала 2000-х годов, стала видеть стремление Вашингтона включить в собственную сферу влияния весь мир, прикрываясь идеями универсализма и однолинейного прогресса⁵⁰. Концепция многополярности, идея множественности различных цивилизационных путей развития естественным образом стали отвечать ее интересам, так же как и интересам других крупных государств, недовольных западным диктатом, – Китая, Индии, Бразилии и др. Рост популярности идеи полицентричности и цивилизационной разнонаправленности мирового развития в незападном мире стал лишь вопросом времени.

Как часть этого тренда в России начала набирать популярность теория евразийства 20-х годов. Первоначально она приобрела популярность в Казахстане, где особенно пришлось по вкусу весьма спорное построение о том, что этнически русские отличны от европейцев, в том числе прочих славян, так как перемешались с мифическим степным «туранским» элементом и составили на этой основе особую цивилизацию. Это возвышало степные племена до уровня особой цивилизации, в связи с чем классические евразийцы, в особенности их последний представитель – советский историк Л.Н. Гумилев, стали здесь предметом культа (именем Л.Н. Гумилева в Казахстане назван Евразийский национальный университет; к столетию его рождения выпущена почтовая марка с его портретом; президент

---

⁵⁰ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Официальный сайт Президента России. 10.02.2007. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

Н. Назарбаев часто цитировал его в книгах и выступлениях). В России эти идеи приобрели популярность позднее, по мере ухудшения отношений с Западом. Немаловажную роль сыграло и то, что экономический идеал евразийства – не полностью рыночная экономика западного типа, но государственно регулируемая сверху, с допущением частной инициативы в сельском хозяйстве и мелкой промышленности. Идеал этот зародился в среде российской эмиграции в связи с необходимостью оправдания нэпа – эффективной политики большевиков, которая, как надеялись евразийцы, будет продолжена и приведет к отказу от коммунизма. Такая модель соответствовала экономической политике Путина, создававшего крупные государственные корпорации, а также большинству моделей центральноазиатских государств. Тема евразийства довольно быстро распространилась в российских интеллектуальных кругах еще в 90-е годы XX в., однако гораздо больше времени потребовалось для понимания практической, а не романтико-мифологической важности Евразии для возрождающейся России и того, как она может вписаться в регион на фоне ухудшения отношений с Западом.

В евразийской идее России есть ряд преимуществ. Во-первых, стремление стать независимым полюсом в мировой политике соответствует исторически сложившемуся представлению России о собственной роли и статусе в международных делах. Российское руководство при Путине неоднократно подчеркивало, что Россия всегда была самостоятельным государством и никогда не подчинялась политическому диктату извне, даже когда считала себя частью Европы. Это действительно соответствует исторически сложившейся традиции российской внешней политики. Советский опыт также выработал в россиянах привычку жить в великой державе, поэтому ситуация подчиненности Западу 90-х годов казалась большинству населения и значительной части элит неестественной. Экономическая система нынешней России также в большой степени соответствует евразийскому идеалу. Все прорывные реформы исторически проводились в ней при помощи государства, которое играло самую активную роль в экономике. Так было и при Екатерине II, и при Александре II, и в период реформ С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, и при нэпе.

Поворот к собственному региону и большее внимание к Азии могут способствовать решению стратегической задачи России – развитию ее сибирских и дальневосточных регионов, задачи, многократно провозглашаемой и все еще очень далекой от реализации.

С геополитической точки зрения превращение России в центр консолидации и интеграции Евразии будет способствовать обеспечению ее безопасности, созданию дружественного внешнего окружения, а значит и ее мирному политическому и эффективному экономическому развитию. Большую роль здесь призвано сыграть дальнейшее развитие и возможное расширение Евразийского экономического союза, его сопряжения с китайской инициативой Экономического пояса Шелкового пути, повышение эффективности Шанхайской организации сотрудничества, развертывание в сотрудничестве с Китаем проекта Большого евразийского партнерства.

Поворот к политике создания собственного, независимого евразийского полюса мировой политики, по-видимому, является долгосрочным трендом внешней политики России. В российском внешнеполитическом истеблишменте и экспертизе к настоящему моменту утвердилось мнение, что такой поворот не просто необходим – его необходимо было осуществлять еще во второй половине 90-х годов, по меньшей мере, после натовских бомбежек Югославии, когда стало ясно, что Запад воспринимает распад СССР не как возможность создания нового мирового порядка, приемлемого для всех, но как удачный момент для захвата позиции абсолютного мирового гегемона. Но инерция западничества была слишком сильна, и потребовалось еще несколько кризисов (грузинский 2008 г., украинский 2014 г.), чтобы российское руководство осознало его неизбежность. За это время Европа и США во многом утратили свою роль не только идейных, но и технологических лидеров. Их стал во многом теснить Китай и другие незападные государства. Поэтому вполне вероятно, что живи Петр I сегодня, он бы прорубал окно не в Европу, а в Азию. Только действовал бы он более решительно и жестко, в присущем ему стиле.

Это, конечно, не означает необходимости замуравить окно в Европу. Скорее Россия движется в сторону уравнивания двух направлений, превращения России из бедного родственника Европы в посредника между Европой и Азией, объединяющего преимущества обеих частей света и представляющего собой некий сплав цивилизаций и культур.

Китай и Большая Евразия

Описанное выше переосмысление и трансформация российской внешнеполитической стратегии вкупе с ошибками западной полити-

ки в Евразии заложили содержательный фундамент под российско-китайское сближение. Задача по превращению России в евразийский независимый центр силы привела к появлению таких инициатив, как Евразийский экономический союз и Большое евразийское партнерство, а также сделала необходимой интенсификацию политических и экономических контактов с государствами континента, прежде всего КНР. Эти инициативы неизбежно должны были вступить в определенное взаимодействие – на основе соперничества или сотрудничества – с китайскими проектами в рамках проводимой Пекином политики разворота в Евразию. Последствия западной политики в Евразии сформировали структурные предпосылки для того, чтобы взаимодействие российских и китайских инициатив приняло характер сопряжения, вначале между ЕАЭС и Экономическим поясом Шелкового пути, а к настоящему моменту – между последним и более широкой инициативой по созданию Большой Евразии.

Поддержка идеи Большого (или всеобъемлющего) евразийского партнерства зафиксирована в нескольких официальных российско-китайских документах, в том числе в совместной декларации 2016 г.⁵¹ Во время визита китайского премьера Ли Кэцзяна в Москву в ноябре 2016 г. председатель российского правительства Д.А. Медведев заявил, что Россия «продолжает работать над формированием всеобъемлющего евразийского партнерства с Китаем», которое «предполагает подключение государств Евразийского союза и ШОС». Он также отметил, что Россия и Китай провели «совместное исследование того, на чем должно строиться партнерство», результаты которого были обсуждены на встрече с китайским премьером, и экспертам было поручено приступить к разработке экономического обоснования проекта⁵².

На встрече с президентом В.В. Путиным 25 мая 2017 г. министр иностранных дел КНР Ван И отметил, что Китай поддерживает «личную инициативу господина Президента о создании евразийского партнерства». Согласно министру, Министерство коммерции Китая и российское министерство экономического развития «сейчас рас-

---

⁵¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Официальный сайт Президента России. 25.06.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100>

⁵² Медведев: Россия формирует евразийское пространство с Китаем // РИА Новости. 16.11.2016. URL: <https://ria.ru/east/20161116/1481497327.html>

смастривают возможность запуска процесса изучения возможностей создания евразийского торгового партнерства»⁵³.

4 июля 2017 г. в рамках визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Россию китайский министр коммерции Чжун Шань и российский министр экономического развития М. Орешкин подписали совместное заявление о разработке технико-экономического обоснования Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве⁵⁴. В официальном китайском комментарии документ оценивался как «значительное достижение этого визита Председателя Си Цзиньпина в области экономики и торговли, демонстрирующее твердую решимость Китая и России углублять взаимовыгодное сотрудничество и содействовать либерализации торговли и региональной экономической интеграции, а также общее желание научной проработки комплексного механизма либерализации торговли и инвестиции высокого уровня, в перспективе открытого для других экономик, который придаст новый импульс всеобъемлющему партнерству и стратегическому взаимодействию двух стран»⁵⁵.

Во время ответного визита В.В. Путина в Китай в начале июня следующего года было объявлено о завершении разработки ТЭО и предстоящем начале переговоров непосредственно о создании партнерства «после завершения необходимых внутригосударственных процедур». Согласно официальному сообщению, «соглашение будет сфокусировано на таких вопросах, как либерализация торговли услугами и инвестиций, защита капиталовложений, передвижение физических лиц, электронная коммерция, интеллектуальная собственность, конкуренция, транспарентность, сохранение энергии и энергоэффективность, технико-экономическое сотрудничество, малые и средние предприятия, государственные закупки, а также отдельные аспекты торговли

---

⁵³ Встреча с министром иностранных дел Китая Ван И // Официальный сайт Президента России. 25.05.2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54576>

⁵⁴ Максим Орешкин подписал Совместное заявление Министерства экономического развития РФ и Министерства коммерции КНР о совместном технико-экономическом обосновании Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве // Министерство экономического развития Российской Федерации. 04.07.2017. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/deptorg/2017040706>

⁵⁵中俄签署《关于欧亚经济伙伴关系协定联合可行性研究的联合声明》[Китай и Россия подписали «Совместное заявление о совместном технико-экономическом обосновании Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве»]. 06.07.2017. URL: http://english.mofcom.gov.cn/article/zt_cv/lanmua/201707/20170702605908.shtml

товарами в пределах компетенции Сторон⁵⁶. Для координации данной работы в МИД России была создана специальная должность посла по особым поручениям, которую занял бывший специальный представитель Президента России по делам ШОС К.М. Барский.

Большинство китайских экспертов также поддерживают проект или по крайней мере саму идею более тесного сотрудничества с Россией в Евразии. Так, первый вице-президент Китайской академии международных проблем МИД КНР Жуань Цзунцзе отмечал: «Выдвижение инициативы „Один пояс, один путь“ оказало значительное влияние на Россию, в России также обдумывают, как осуществлять сопряжение. В выдвинутых недавно Путиным предложениях по созданию партнерства в Большой Евразии есть некоторые совпадения с „Один пояс, один путь“. По сути, они создают возможность сотрудничества Китая и России в евразийском материковом регионе, расширяют пространство китайско-российского сотрудничества». По мнению Жуань Цзунцзе, концепцию «Большого Евразийского партнерства» надо рассматривать как результат неизменного российского стремления улучшить стратегическую среду путем постоянного совершенствования своей общей стратегии, что в разное время выразилось в выдвижении таких проектов, как «Транспортный коридор Север–Юг» и ЕАЭС⁵⁷.

Исполняющий обязанности директора Института ШОС той же академии Ли Цзыго, объясняя мотивы России, фактически солидаризируется с наиболее распространенным российским подходом. Согласно Ли, начиная с 60-х годов XX в. лидеры СССР и России пытались создать «большую европейскую семью», и еще в 2010 г. для реализации этого идеала Д.А. Медведев, будучи президентом, продвигал проект нового договора о европейской безопасности; премьер В.В. Путин предложил новую европейскую экономическую систему «от Лиссабона до Владивостока». Однако «Запад считал себя победителем в холодной войне, постоянно сжимая российское пространство» и пытаясь сделать ее полностью проигравшей стороной

---

⁵⁶ Россия и Китай завершили совместное технико-экономическое обоснование Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве // Министерство экономического развития Российской Федерации. 08.06.2018. URL: <http://Economy.Gov.Ru/Minec/About/Structure/Deptorg/201808062>

⁵⁷ 习近平与俄罗斯总统普京举行会谈 打造大欧亚伙伴关系 [Си Цзиньпин и российский президент Путин на переговорах сформулировали партнерские отношения в Большой Евразии] // Ифэн. 27.06.2016. URL: http://news.ifeng.com/a/20160627/49247845_0.shtml

в геополитическом противостоянии. «В конце концов Россия осознала, что стать частью Запада невозможно»⁵⁸.

Согласно Ли Цыго, «Большое евразийское партнерство – это инициатива общерегионального экономического сотрудничества, выдвинутая Россией в новой ситуации и имеющая некоторый геополитический оттенок. Ее центральный элемент – продвижение строительства ЕАЭС, однако в качестве важного партнера рассматривается Китай, а важнейшего направления – сопряжение ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути». Большое евразийское партнерство может в какой-то степени наложиться на «Один пояс, один путь», но его идеи открытого, инклюзивного и согласованного развития совпадают с духом китайской инициативы. Поэтому две инициативы могут двигаться навстречу друг другу, обеспечивая развитие и стабильность в евразийском регионе в ходе перестройки международного политического и экономического порядка, стать рычагом формирования будущего мира»⁵⁹.

Влиятельный китайский эксперт по России и Центральной Азии из Фуданьского университета Чжао Хуашэн в написанной в 2017 г. статье высказывается о российском проекте несколько более осторожно, поскольку, с его точки зрения, не совсем ясно, станет ли Большое евразийское партнерство долгосрочной стратегией или будет лишь переходным курсом России. Он также высказывает сомнения относительно того, достаточно ли у России сил, чтобы поддерживать этот проект, поэтому пока неясно, насколько далеко он сможет продвинуться. Но, несмотря на это, пишет Чжао, курс на развитие сотрудничества в области экономики, дипломатии и безопасности в регионе Большой Евразии, остается рациональным и необходимым. Он заключает: «Сотрудничество в Большой Евразии совпадает с национальными интересами Китая, в особенности в связи с тем, что оно способствует реализации инициативы „Один пояс, один путь“. Китай должен совместно с Россией и другими государствами продвигать сотрудничество в Большой Евразии»⁶⁰.

---

⁵⁸ 李自国 [Ли Цыго]. 大欧亚伙伴关系: 重塑欧亚新秩序? [Большое евразийское партнерство: трансформация нового евразийского порядка?] // Гоцзи вэньти яньцзю. 2017. № 1. URL: http://www.ciis.org.cn/gyzz/2017-01/16/content_9288805.htm

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ 赵华胜 [Чжао Хуашэн]. 中国与大欧亚伙伴关系 [Китай и Большое евразийское партнерство] // Гоцзи вэньти яньцзю. 2017. № 6. URL: http://www.ciis.org.cn/gyzz/2017-11/24/content_40079881.htm

В другой статье Чжао указывал, что в рамках Большой Евразии Китай является участником и движущей силой, здесь перед ним не стоит вопрос политического выбора⁶¹. Он дает следующую рекомендацию: «Китай и Россия должны перевести процесс сопряжения „Одного пояса и одного союза“⁶² на этап практической реализации, серьезно подумать о начале переговоров о зоне свободной торговли между Китаем и ЕАЭС, практически продвинуть региональную экономическую интеграцию в рамках ШОС, реализовать на практике соответствующие соглашения и проекты сотрудничества, совместно реагировать на проблемы региональной экономики и развития. В процессе создания Большой Евразии у Китая, России и Индии имеются важнейшие особые интересы. Китай должен еще более творчески использовать механизм РИК (Россия, Китай, Индия), расширить его содержательные рамки, смягчить китайско-индийские противоречия и укреплять доверие, усилить взаимодействие между Китаем, Россией и Индией по региональным вопросам»⁶³.

Таким образом, сегодня можно с полной уверенностью сказать, что Пекин поддерживает российские идеи более тесного сотрудничества в Большой Евразии, на официальном уровне подключился к реализации проекта Большого евразийского партнерства и рассматривает различные варианты его реализации. Проект этот в полной мере можно называть не российским, а российско-китайским.

Другие евразийские партнеры

Что касается других стран региона, то их отношение к проекту также довольно позитивное, но не везде еще выработана официальная позиция, а кое-где просто недостаточно информации о нем. Казахстан в лице прежде всего его первого президента Н.А. Назарбаева – один из инициаторов и активных проводников идеи. Естественно, в его отношении есть некоторые особенности. Казахстан больше обращает внимание на экономическую эффективность, конкретную

---

⁶¹ 赵华胜 [Чжао Хуашэн]. 印太战略与大欧亚: 认知与应对 [Индо-Тихоокеанская стратегия и Большая Евразия: восприятие и реакция] // Гоцзи вэньти яньцзю. 2019. № 2. С. 44.

⁶² ЕАЭС и ЭПШП (Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза).

⁶³ 赵华胜 [Чжао Хуашэн]. 印太战略与大欧亚: 认知与应对 [Индо-Тихоокеанская стратегия и Большая Евразия: восприятие и реакция] // Гоцзи вэньти яньцзю. 2019. № 2. С. 40.

экономическую отдачу и выступает против политизации любых евразийских программ.

В интервью «Российской газете» 2 апреля 2019 г. новый президент Казахстана К.Ж. Токаев отметил: «Мы считаем, что идея Большой Евразии – в широком понимании этого термина – открывает горизонты для активизации экономических связей Азии и Европы, может стать и фундаментом формирования новой системы международных отношений на евразийском пространстве. Процессы, происходящие на нашем мегаконтиненте, на мой взгляд, формируют новые геополитические реалии...»⁶⁴. Упоминание Большой Евразии новым главой государства в позитивном контексте говорит о преемственности линии Казахстана и готовности стать одним из важных партнеров этого процесса.

Говоря о Центральной Азии, Токаев отметил: «Тесное взаимодействие стран региона, связанных узами стратегического партнерства с Россией, является серьезным фактором обеспечения мира, стабильности, безопасности в Евразии. Другими словами, достижение данной цели невозможно без России». Он заключил: «Идея Большой Евразии открывает горизонты для активизации экономических связей Азии и Европы, может стать фундаментом формирования новой системы международных отношений на евразийском пространстве... В целом несущим элементом будущей архитектуры сотрудничества должно стать раскрытие интеграционного потенциала наших стран и объединений в рамках формирования Большой Евразии, которую мы хотели бы видеть как единое евразийское пространство безопасности и процветания»⁶⁵.

Как и Казахстан, Киргизия как член ЕАЭС естественным образом подключена к процессам создания Большой Евразии через механизм сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Таджикистан также будет участвовать как член ШОС и активный партнер ЭПШП. То же можно сказать и о других членах ШОС, ЕАЭС и партнерах ЭПШП. В последнее время Узбекистан стал более активно открываться для внешнего мира и широких международных интеграционных инициатив. В недавней статье бывшие высокопоставленные узбекские дипломаты А. Хайдаров и С. Миркасымов упоминают идею Большой Евразии, выдвину-

⁶⁴ Долгополов Н., Пронин В. Накануне визита в Москву новый президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев ответил на вопросы «Российской газеты» // Российская газета. 02.04.2019. URL: <https://rg.ru/2019/04/02/nakanune-vizita-v-moskvu-novyj-prezident-kazahstana-otvetil-na-voprosy-rg.html>

⁶⁵ Там же.

тую российскими экспертами, а также идею Большого евразийского партнерства, которую они по какой-то причине называют китайской, в качестве основных концепций развития Евразии. Авторы напоминают, что Узбекистан всегда занимал центральное место в развитии этого региона⁶⁶.

Что касается такой крупной страны, как Индия, то там официальная позиция по проекту Большого евразийского партнерства пока не сформулирована. Тем не менее, индийские эксперты в целом позитивно относятся к идее активного сотрудничества с Россией в Евразии, не в последнюю очередь ввиду необходимости сбалансировать растущее влияние Китая.

Одним из ключевых факторов, обеспечивающих поддержку либо по меньшей мере позитивное отношение к концепции Большой Евразии со стороны ряда государств, гипотетически входящих в очерченное данной инициативой геополитическое пространство, является «зонтичный» характер этой инициативы, который оставляет ее открытой для обсуждения и, следовательно, не превращает ее в инструмент установления региональной гегемонии. Напротив, и российские, и китайские эксперты и популяризаторы данной инициативы отмечают, что консолидация вокруг такой зонтичной инициативы может являться для малых и средних держав континента средством мягкого балансирования усилившегося Китая, «растворения» его возросшей мощи в региональном международном сообществе – Сообществе Большой Евразии.

Проект Большой Евразии сегодня

Идея Большой Евразии получила дальнейшее развитие и начала постепенно становиться частью внешнеполитических нарративов России и Китая, обрастая содержательной повесткой. Так, эта концепция была подтверждена в российско-китайской декларации, которую лидеры обеих стран подписали в ходе визита президента России в Китай в июне 2016 г.⁶⁷ В ходе визита в Россию премьер-министра Госсовета КНР Ли Кэцяна премьер-министр России Дмитрий Медведев заявил, что Россия продолжает работу с Китаем по

---

⁶⁶ Khaydarov A.A., Mirkasymov S.M. Uzbek Perspectives on Eurasia // India Quarterly. 2019. Vol. 75. No. 1. P. 95.

⁶⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 25.06.2016.

формированию всеобъемлющего Евразийского партнерства, в которое войдут государства – члены ЕАЭС и ШОС⁶⁸. Выступая на встрече министров иностранных дел России и АСЕАН 2 августа 2018 г., министр иностранных дел России С.В. Лавров отметил, что «Большое евразийское партнерство – это не то, к чему нужно присоединяться... не заранее подготовленный проект, координируемый узким кругом первоначальных участников, которые говорят другим, что есть условия, на которых мы будем с вами взаимодействовать». Он подтвердил, что эта идея «основана на том, что Евразийский экономический союз и ШОС, которые частично перекрывают ЕАЭС и АСЕАН, уже присутствуют в этом регионе». Министр подчеркнул роль ШОС, АСЕАН и Китая и призвал все страны, расположенные в этом огромном геополитическом пространстве, «объединить свои ресурсы и определять пути достижения такого партнерства»⁶⁹.

С точки зрения конкретных инициатив эти идеи вылились в российско-китайскую инициативу Сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути, Всеобъемлющее экономическое соглашение между ЕАЭС и КНР и в целом в беспрецедентную интенсификацию и институционализацию российско-китайских экономических отношений, а также в логичное, с точки зрения создания евразийского сообщества, расширение ШОС и включение в него Индии и Пакистана, а также наделение Ирана статусом наблюдателя. Помимо России и Китая со своими проектами в сфере развития инфраструктуры и торговли в евразийском континентальном пространстве выступили и многие другие страны, в том числе Япония, Республика Корея, Индия; свои проекты в этой области имеет и ЕС. В настоящий момент ключевой задачей является формирование такого характера отношений между всеми этими региональными игроками, который исключил бы конкуренцию между различными геоэкономическими проектами и сформулировал правила и нормы экономического и политического взаимодействия в этом пространстве. Это противоречит текущим стратегическим целям США, что позволяет ряду ученых трактовать формирование сообщества Большой Евразии как процесс образования евразийского полюса новой холодной войны, который, с одной стороны, уравнивает возглавляемый США

---

⁶⁸ Медведев: Россия формирует Евразийское партнерство с Китаем.

⁶⁹ Комментарии министра иностранных дел России С.В. Лаврова и ответы на вопросы СМИ в ходе пресс-конференции по итогам встречи министров иностранных дел России и государств – членов АСЕАН. Сингапур, 2 августа 2018 г.

западный полюс, с другой – ищет собственную, независимую от западных институтов и ресурсов модель развития⁷⁰.

Вместе с тем построение евразийского сообщества пока находится на начальном этапе. Сформировавшаяся в Большой Евразии институциональная архитектура, состоящая из множества иногда дублирующих, а порой вступающих в противоречие друг с другом инициатив, требует длительного и кропотливого развития. В частности, Россия и Евразийский экономический союз пока остаются в стороне от большинства азиатских институциональных площадок.

Россия, будучи заинтересованной в формировании благоприятной внешней среды для своего развития, в очень слабой мере вовлечена в экономические многосторонние форматы вне собственной интеграционной инициативы. Потенциал же ЕАЭС как инструмента включения в эти процессы пока в полной мере не реализован. Его развитие направлено в основном «внутри себя», что ограничивает возможность превращения ЕАЭС в одну из институциональных основ Большой Евразии, равно как и возможности России по продвижению выгодных ей норм и стандартов торговли и инвестиций.

Можно выделить два основных фактора, влияющих на динамику развития интеграционных процессов в пространстве Большой Евразии: 1) **экономический** – регионализация торговых, инвестиционных и логистических связей вокруг новых точек роста и формирующихся вокруг них интеграционных инициатив; 2) **политический** – рост конкуренции между различными институциональными форматами, подстегивающими развитие старых и появление новых проектов.

Как результат бурного институционального строительства разных интеграционных треков и межгосударственных организаций в Евразии образовался феномен так называемой миски лапши – конгломерата взаимосвязанных и взаимоперетекающих друг в друга проектов. Такое обилие институциональных форматов, не имеющих единой логики развития, снижает качество этих форматов и потенциал их дальнейшего развития. **В результате при чрезвычайно активном институциональном строительстве наблюдается относительное снижение качества институтов и девальвация их политического значения.**

В этих условиях формирование единой логики институционального развития в рамках Большого евразийского партнерства и дру-

---

⁷⁰ Karaganov S. The New Cold War and the Emerging Greater Eurasia // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9. No. 2. P. 85–93.

гих многосторонних инициатив приобретает особенно важное значение. Инициатива формирования Большой Евразии как геополитической и геоэкономической реальности призвана сформировать не столько унифицированный институт регулирования и сотрудничества (все попытки создания такого института в АТР на базе АТЭС и других инициатив провалились), сколько единую логику сосуществования и развития уже существующих и потенциальных новых форматов, что позволит повысить эффективность и устойчивость институциональной архитектуры Большой Евразии. Россия должна играть в этом процессе значимую и даже лидирующую роль.

Таким образом, авторы данной статьи полагают, что и российско-китайское сотрудничество, и процесс формирования пространства Большой Евразии имеют гораздо более сложную и неоднозначную природу. Трудно не согласиться, что геополитическое давление Запада стало ключевым фактором консолидации ряда незападных держав в Большой Евразии и во многом мотивировало развитие многочисленных экономических инициатив в этом пространстве. Однако это отнюдь не означает, что исчезновение западного давления приведет к немедленному исчезновению порожденного им явления. Подобно тому, как холодная война привела к формированию устойчивого международного сообщества в Евроатлантическом регионе, западная политика во многом формирует политические условия для развития сходного пространства безопасности и экономического сотрудничества в Большой Евразии.

Заключение: от евразийского полюса к евразийскому сообществу?

Можно ли рассматривать концепцию Большой Евразии как доминирующую карту устойчивого развития для неевропейской Евразии (а быть может, в какой-то перспективе – и для всего континента)? И могут ли инициативы России и Китая действительно составить основу для условного евразийского сообщества, которое будет устойчиво функционировать и обеспечивать экономическое процветание и мир, подобно тому, как евроатлантическое сообщество поддерживает мир в Европе? Эти вопросы, по-видимому, не имеют однозначного ответа – слишком рано говорить о долгосрочных последствиях, принимая во внимание то, что проекту Большой Евразии и составляющим ее инициативам насчитывается всего несколько лет.

Вместе с тем и критика российско-китайского партнерства и воздвигаемых в его рамках инициатив едва ли релевантна. Как показал проведенный анализ, сама по себе аргументация, что геополитическая природа российско-китайского сближения и развития Большой Евразии делает этот процесс неустойчивым и хрупким, имеет ряд контраргументов. Во-первых, геополитическое давление, оказываемое США на Россию и Китай, не может исчезнуть одномоментно, так как уже имеет собственную логику развития и известную инерцию, преодоление которой потребует больших усилий от всех сторон и значительного времени. Учитывая, что и администрация Трампа, и конгресс стремятся закрепить за Россией и Китаем роль главных стратегических оппонентов, от США это потребует даже большей политической воли. В случае с Пекином и Москвой главной проблемой будет преодоление сформировавшегося в их внешнеполитических нарративах недоверия и откровенного антиамериканизма. Их источниками является критическое отношение к американской политике в Евразии на протяжении последних двух десятилетий.

В данном контексте можно сделать важный вывод: трансформация сложившейся геополитической конфигурации «новой биполярности» – это мяч, находящийся, по-видимому, на стороне США. Смена стратегического подхода к Евразии, отход от концепции «шахматной доски» к большей вовлеченности США в построение пространства со-развития и безопасности в масштабах всего евразийского континента – это идеалистическое, но гипотетически возможное развитие событий, которое вполне могло бы привести и к искомому самими США результату – смене внешнеполитического поведения Китая и России, их большей ответственности за поддержание стабильного международного порядка, возможно, и к обращению вспять авторитарных тенденций в обеих этих странах. Такой подход на риторическом уровне разделялся администрацией Обамы, однако в силу институциональных и идеологических ограничений не был реализован (напротив, произошло ухудшение политической обстановки в центре Евразии и на ее окраинах, а геополитические позиции США ослабли). Политическая линия администрации Трампа в настоящий момент напрямую противоречит данному подходу.

Впрочем, принципиальный отказ США от попыток доминировать в мире и согласие на модель многополярности крайне маловероятны. К тому же даже если представить возможность одномоментного изменения политики и США, и составляющих основу «евразийского полюса» России и Китая, это, по-видимому, едва ли будет

означать свертывание идеи евразийского сообщества и тех инициатив, которые его образуют. Данные проекты определяются объективными потребностями по обеспечению безопасности, политической стабильности и экономического роста в центральной части евразийского континента. По-видимому, будучи запущенными неблагоприятными геополитическими обстоятельствами, эти мегапроекты будут реализовываться дальше. Вместе с тем преодоление конфронтации между условными «полюсами» новой холодной войны может стать предпосылкой для более активного включения и европейских стран, и США в эти процессы. Геополитическая и геоэкономическая консолидация Евразии на антиамериканской основе, формирование «евразийского» и «западного» полюсов, рост конфронтации между ними, которые наблюдаются сегодня, могут смениться конвергенцией «полюсов» и совместным развитием.

Пример европейской интеграции и построения евроатлантического сообщества, которым вдохновляются многие теоретики интеграции, позиционируется многими как уникальный случай и как главный контраргумент против того, что подобные начинания могут закончиться успехом где-либо еще. Страны Европы, пережившие две мировые войны и обескровленные ими, страшась перспективы начала нового конфликта, стремились объединиться вокруг повестки развития, а также с целью коллективной защиты от внешних угроз, впервые в истории перевесивших внутренние противоречия. Идея объединения Европы вынашивалась европейскими интеллектуалами столетиями, а ее воплощение базировалось на глубокой культурной, исторической и политической общности европейских народов и объективно существовавшей экономической взаимозависимости между ними.

Однако, с нашей точки зрения, пример евроатлантического сообщества как раз позволяет смотреть на перспективы создания подобного сообщества в Евразии с осторожным оптимизмом. Структурные условия формирования евроатлантического сообщества и планируемого сообщества Большой Евразии до известной степени схожи. Евроатлантическое сообщество также сложилось в условиях геополитического давления – со стороны Советского Союза и возглавляемого им складывающегося тогда социалистического лагеря. Это определяло необходимость геополитической и геоэкономической консолидации Запада и нашло выражение в формировании масштабной системы безопасности (НАТО) и появления ряда интеграционных инициатив, приведших в 1992 г. к подписанию Мааст-

рихтского договора. Немаловажно, что другой важной проблемой, которую решали европейские и евроатлантические институты, стала необходимость растворить колоссальную мощь США в этом международном сообществе, не допустить какого-либо объединения на почве страха перед американской гегемонией для ее балансирования. Такие коалиции не раз приводили к войнам в Европе, в том числе, к двум мировым, на почве страха перед Германией.

Формирование евразийского сообщества – мегазадача и мегатренд, который может решить сходные структурные проблемы в Евразии. Евразийский континент, полный противоречий и тлеющих конфликтов, источником многих из которых является дестабилизированный в 2000-е годы центр континента, нуждается в сходной общей повестке и общей идее развития, подобно той, которая легла в основу европейской интеграции. Политическим двигателем этой идеи стала геополитическая конфронтация США с двумя ключевыми евразийскими державами. Однако подобно тому, как европейская интеграция получила собственную логику и продолжает развиваться после окончания холодной войны, евразийское сообщество, если оно сложится и наполнится содержательной повесткой, имеет шанс стать новой, самоподдерживающейся реальностью, стать фактором безопасности в широком пространстве евразийского континента и изменить к лучшему жизнь миллиардов проживающих в этом пространстве людей.

«Вторая дорожка» делает ШОС более эффективным инструментом

Опубликовано на сайте: Российская газета. 13.06.2019.

URL: <https://rg.ru/2019/06/13/vtoraia-dorozhka-delaet-shos-bolee-effektivnym-instrumentom.html>

Сегодня, пожалуй, нет в мире ни одной серьезной международной организации, которая не использовала бы механизм «второй дорожки» – ассоциации научных центров и экспертов, занимающихся проблематикой организации и предоставляющей ей научно-аналитическую экспертизу. В случае с Шанхайской организацией сотрудничества такую роль играет Форум ШОС.

Форум был основан в 2006 г. на учредительном заседании в МГИМО МИД России и уже в том же году в статье «ШОС – новая модель успешного международного сотрудничества» российский президент Владимир Путин написал: «Форум ШОС, объединивший представителей экспертных и научных кругов... призван стать своеобразным неправительственным экспертным механизмом организации». А три года спустя, выступая на третьем заседании Форума в Пекине, занимавший в то время пост министра иностранных дел Китая Ян Цзечи отметил: «На протяжении двух лет, организуя различные виды обменов, дискуссии и двусторонние мероприятия, Форум проводил всесторонний обмен информацией, мнениями, выдвигал различные предложения. Снабжая государственные ведомства полезными предложениями и основаниями для принятия решений, он в значительной степени способствовал развитию ШОС. Китайская сторона это высоко оценивает».

Неофициально Форум называют «второй дорожкой» ШОС. Так обычно называют полуофициальные общественные структуры, создаваемые для экспертной поддержки международных организаций. Такие структуры существуют, например, при ООН, АСЕАН, АТЭС, ОДКБ. Согласно принятому в 2006 г. на учредительном заседании

регламенту, Форум является многосторонним общественным консультационно-экспертным механизмом.

Он образован для содействия и научной поддержки деятельности ШОС, развития взаимодействия научно-исследовательских и политических центров государств – членов ШОС, проведения совместных исследований по актуальным вопросам жизни организации. А также для разъяснения задач и принципов деятельности ШОС, расширения ее связей с научными и общественными кругами, поощрения обменов мнениями между учеными и экспертами в сферах политики, безопасности, экономики, экологии, новых технологий и т.д. От каждого государства-члена в состав Форума входит один исследовательский центр, наиболее авторитетный в области исследований ШОС. Он получает статус Национального исследовательского центра ШОС и в качестве такового входит в Форум. На сегодня в ШОС восемь членов, и в составе Форума восемь национальных центров. Первыми в состав Форума вошли Институт мировой экономики и политики при Фонде первого президента Республики Казахстан, Китайский институт международных проблем при МИД КНР, Национальный институт стратегических исследований Кыргызской Республики, Центр стратегических исследований при президенте Республики Таджикистан, Институт стратегических и межрегиональных исследований при президенте Республики Узбекистан и наш Центр исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД России. После официального вступления в ШОС Индии и Пакистана в 2018 г. в Форум были приняты Индийский совет по мировым делам и Центр глобальных и стратегических исследований Пакистана.

Главное мероприятие Форума – ежегодное заседание, на которое собираются делегации, сформированные национальными центрами. Место проведения очередного заседания определяется в порядке русского алфавита названий государств – членов ШОС. Делегации, формируемые национальными центрами, могут состоять не только из их сотрудников, но и известных экспертов по ШОС из других организаций, научных центров, вузов, министерств и ведомств. Принимающий национальный центр может приглашать и экспертов из государств-наблюдателей и партнеров по диалогу ШОС, но они выступают в личном качестве и участвуют не во всех мероприятиях заседания.

Обсуждаются на заседаниях основные направления деятельности ШОС, ее сильные и слабые стороны: сотрудничество в области безопасности, экономическое сотрудничество, сотрудничество в области

науки, культуры и образования. Наиболее важные проблемы в области безопасности – это борьба с терроризмом, религиозным экстремизмом, сепаратизмом, наркоторговлей, ситуация вокруг Афганистана. На заседаниях Форума обычно выступают представители Секретариата ШОС – либо генеральный секретарь, либо его заместитель, а также представители руководства принимающей стороны – министр или заместитель министра иностранных дел, глава администрации Президента. Приглашаются, конечно, и представители Региональной антитеррористической структуры – РАТС, располагающейся в Ташкенте.

Заседания Форума ШОС проходят в закрытом режиме – для большей откровенности. Порой дискуссии бывают острыми. Например, я помню жесткую полемику между таджикской и узбекской делегациями по водным проблемам. Но мы стараемся обсуждать любую проблему конструктивно. По окончании Форума составляется итоговый протокол, который отражает согласованные рекомендации. Протокол рассылается в министерства иностранных дел стран-членов и в Секретариат ШОС.

Кроме ежегодных заседаний, мы обмениваемся информацией, сотрудничаем в различных исследовательских проектах. К сожалению, пока так и не удалось наладить полноценного постоянного сотрудничества, поскольку остро стоит вопрос финансирования, есть и технические проблемы. Но мы все же надеемся развивать общие проекты именно по линии Форума, чтобы иметь возможность в промежутке между заседаниями вести совместные исследования.

Помимо участия в работе Форума каждый национальный центр ведет свою работу по исследованию ШОС, информирует собственное правительство. Мы в России, например, по заказу министерства иностранных дел готовим аналитические материалы. Однако в Форуме мы объединены общей целью – сделать ШОС более эффективной.

Мы высказываем рекомендации, доводим их до Секретариата и правительств наших стран, официальным и неофициальным путем. Например, в России мы постоянно взаимодействуем с департаментом МИДа, который занимается проблематикой ШОС, с российским Национальным координатором. Перед каждым заседанием проводим встречу в МИДе, где Национальный координатор – сегодня это известный дипломат Б.М. Хакимов – знакомит нас с практической работой ШОС, насущными проблемами, иногда рекомендует, какие вопросы можно было бы обсудить на Форуме.

Есть вопросы, которые наш центр давно ставит и настойчиво пытается провести в жизнь. Например, с самого начала мы говорили, что ШОС должна играть большую роль не только в вопросах безопасности, но и развивать экономическое сотрудничество, без которого организации будет тяжело существовать. Теперь уже признано, что экономика – важнейшее направление деятельности ШОС. Но, к сожалению, не всего удалось добиться. Например, механизм финансирования многосторонних совместных проектов в ШОС так и не появился. В отличие, например, от группы БРИКС, которая появилась позже, но смогла создать свой банк.

Но для того и существуют независимые эксперты, чтобы будоражить чиновников, высказывать новые предложения и убеждать в необходимости их реализации. Привилегия участников Форума в том, что они могут делать это не только публичным путем, но и с использованием внутренних каналов организации. И организация, как нам кажется, это ценит. Поэтому мы полны решимости продолжать и развивать нашу деятельность.

Евразийская интеграция и развитие азиатской России

Опубликовано в кн.: Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения / Под ред. А.В. Лукина, В.И. Якунина. М.: Весь Мир, 2019. С. 209–238. – В соавт. с В.И. Якуниным

Стратегическая задача России – развитие ее азиатских регионов – непосредственно связана с серьезностью российских намерений в Азии. Это закономерно, ведь российская включенность в политическую, экономическую и культурную систему Евразии и АТР возможна только через ее азиатские регионы. Заявления руководства страны о принадлежности России как к Европе, так и к Азии, не могут выглядеть достаточно убедительно для азиатских соседей, если азиатская часть страны теряет население и отстает в развитии.

Между тем относительная отсталость азиатских регионов страны связана с многовековой российской политической и культурной традицией, согласно которой европейское направление развития страны является основным, а азиатское – обслуживающим и вспомогательным. Лишь в самое последнее время, когда стало ясно, что возможности России на Западе сильно ограничены, ситуация стала меняться.

Программы развития азиатской России: история, успехи и провалы

В течение долгих столетий, по крайней мере со времен Петра I, Россия концентрировала свои основные политические, экономические и культурные усилия на западном направлении. И несмотря на то, что большая часть ее территории находилась в Азии, азиатская политика чаще всего рассматривалась как вторичная, обслуживаю-

щая европейскую. С этим связано и современное состояние азиатской части России: относительная экономическая неразвитость и малая заселенность.

Нельзя сказать, что руководство страны не предпринимало попыток по ускоренному развитию этих регионов. Различные программы разрабатывались и в царской России, и в советское время, и после распада СССР. Однако слишком часто дела на Западе отвлекали внимание руководства страны и восточная политика рассматривалась по остаточному принципу.

Крупнейшими и наиболее успешными программами развития Сибири и Дальнего Востока царского правительства были строительство Транссибирской железнодорожной магистрали¹ (вместе с прошедшей по территории Китая Китайско-Восточной железной дорогой), соединившей Москву с Владивостоком (1891–1916), и переселенческая политика премьер-министра П.А. Столыпина. И в том, и в другом случае в реализации этих программ значительную роль играли как экономические, так и политические мотивы: стремление освоить богатства Сибири и Дальнего Востока, дать землю и возможность для ведения собственного хозяйства крестьянскому населению европейской части, а также опасения относительно невозможности удержать в России ее азиатскую часть. Выступая в 1908 г. в Государственной думе, П.А. Столыпин говорил о Дальнем Востоке: «Отдаленная наша суровая окраина вместе с тем богата, богата золотом, богата лесом, богата пушниной, богата громадными пространствами земли, годными для культуры. И при таких обстоятельствах, господа, при наличии государства густонаселенного, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной. В нее прососется чужестранец, если раньше не придет туда русский, и это просачивание, господа, оно уже началось. Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками и, когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию»². Столыпинская программа переселения предусматривала предоставление желающим отправиться в Сибирь многих льгот: права переезда за казенный счет, безвозвратная ссуда от 100 до 200 р. в зависимости от района переселения, предварительные землеустроительные работы. В районах переселения за государственный счет создавались школы и фельд-

---

¹ Первоначально проект носил название «Великий сибирский рельсовый путь».

² Столыпин П.А. Речи в Государственной Думе (1906–1911). Пг.: Типография министерства внутренних дел, 1916. С. 132–133.

шерские пункты, строились дороги. В результате с 1906 по 1914 г. за Урал переселилось более 3 млн душ только мужского пола (женщины и дети в статистике не учитывались) и был совершен значительный скачок в социально-экономическом развитии региона³.

В первый период после разрухи, вызванной гражданской войной, советское правительство в развитии азиатской России сделало ставку на привлечение иностранного капитала. Никогда до этого этот край не был так вписан в мировую экономику, как в первую половину 20-х годов XX в. Так, в 1923 г. в Дальневосточной области иностранному капиталу принадлежало 57,9% промышленных предприятий, которые давали 50% промышленной продукции. Советское правительство пошло на создание концессий, благодаря которым оно получало средства на восстановление народного хозяйства и индустриализацию без дополнительных вложений. Однако к концу 20-х годов новая экономическая политика была свернута и концесии закрыты⁴.

После принятия курса на ускоренную индустриализацию, основанную на внутренних ресурсах, о широком взаимодействии с соседними государствами не могло быть и речи. Новая политика была сформулирована в постановлениях ВЦИК и Политбюро ЦК ВКП(б) об экономическом развитии Дальнего Востока. Ее целью стало достижение более высоких темпов развития промышленности и создание собственного экономического комплекса, независимого от внешних факторов и способного обеспечить свои вооруженные силы в случае, как тогда считали, неизбежного вооруженного конфликта. Как отмечают дальневосточные экономисты П.А. Минакир и О.М. Прокапало, с 1932 г. «началось массированное перераспределение общесоюзных ресурсов в пользу Дальнего Востока, в экономику которого было инвестировано более 7 млрд р. (в 6,8 раза больше чем в предыдущем пятилетии). Основными объектами инвестирования стали не экспортные ресурсные отрасли, а совершенно новые (судостроение, химия, авторемонт, энергетика, нефтепереработка, топливная промышленность, цветная металлургия). Особенно быстро наращивалась транспортная инфраструктура (рост инвестиций за 1928–1932 гг. – 4700%). В результате объем промышленного производства увеличился в 3,35 раза, а в тяжелой промышленности –

---

³ Белянин Д.Н. Столыпинская аграрная реформа в Сибири // Вестник Томского университета. 2012. № 1 (17). С. 15.

⁴ Плохих С.В., Ковалева З.А. История Дальнего Востока России. Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2002. С. 175–176.

в 4,3 раза. Дальний Восток превратился из аграрного в супериндустриальный регион с долей промышленности в валовом продукте более 80%»⁵.

Рост населения достигался за счет насильственного переселения, в основном заключенных. В годы правления И.В. Сталина азиатская Россия вообще во многом развивалась за счет труда заключенных, причем использовалась в основном как кладовая полезных ископаемых, которые добывались для нужд промышленности, сконцентрированной в европейской части, а также для покрытия прочих затрат бюджета. В 1934 г. созданный за три года до этого решением Совета труда и обороны СССР Государственный трест по промышленному и дорожному строительству в районе Верхней Колымы (Дальстрой) был передан НКВД. Дальстрой, несмотря на свое скромное название, создавался как комплексная организация, которая должна была вести всеми сторонами жизни Дальнего Востока, от промышленности до культуры. В его ведении находилось около 100 исправительно-трудовых лагерей, тысячи заключенных которых, в основном осужденных по политической 58-й статье, использовались в качестве бесплатной и бесправной рабочей силы на строительстве дорог, добыче золота и других полезных ископаемых, строительстве городов и предприятий⁶. Целые города, такие, как Тайшет, Магадан, Находка, Игарка, возникали и развивались как административные и пересыльные центры лагерной системы. В других частях азиатской России были созданы подобные организации: Сиблаг (Западная Сибирь), Бамлаг (строительство Байкало-Амурской магистрали) и пр.⁷. Развитие подобными средствами, когда хозяйство развивается не для людей, а тысячи беспричинно осужденных заключенных гибнут от голода и холода ради абстрактных целей, вряд ли принесло много пользы региону, оно привело к хищническому расхищению его богатств.

В годы Великой Отечественной войны развитию промышленности региона способствовал перевод сюда эвакуированных из европейской части производств. После ее окончания особый упор был сделан на рыболовство. В 1948 г. Совет Министров СССР принял

---

⁵ Минакир П.А., Прокапало О.М. Российский Дальний Восток: экономические фобии и геополитические амбиции // ЭКО. 2017. № 4. С. 10–11.

⁶ Плохих С.В., Ковалева З.А. История Дальнего Востока России. С. 181–182.

⁷ Попков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941 / Отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Издательство СО РАН, 1997. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/1997Papkov/03c.htm>

постановление «О развитии рыбной промышленности Дальнего Востока», которое предусматривало усиленные инвестиции в отрасль, создание ее современной технической основы, освоение активного морского рыболовства, решение проблемы кадров. К 1965 г. один Дальний Восток давал 40% всего союзного улова, причем до 90% рыбы вылавливалось в открытых морях и океанах. Был построен мощный рыболовецкий флот⁸.

Пришедший на смену И.В. Сталину Н.С. Хрущев демонтировал лагерную систему. Новое руководство страны сделало ставку на науку и образование. В 1957 г. было образовано мощное Сибирское отделение Академии наук СССР с центром в Новосибирске и институтами в различных городах Сибири, которые стали заниматься решением самых современных, в основном естественнонаучных, задач и созданием новых технологий. Кроме того, Сибирскому отделению в 1958 г. был переподчинен укрепленный Дальневосточный филиал АН СССР, существовавший с 1932 г. В 1956 г. был восстановлен расформированный в 1930 г. Дальневосточный государственный университет, ставший одним из ведущих вузов страны. В крупных городах Сибири: Новосибирске, Иркутске, Томске, Омске, Чите, Улан-Удэ развивались крупные университетские центры.

Были приняты и меры по привлечению и закреплению населения. В 1960 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упорядочении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера», согласно которому в значительной части Сибири и Дальнего Востока работники получали возможность зарабатывать больше жителей других регионов. Сумма надбавки составляла от 10 до 80% в зависимости от района и стажа работы. В 1967 г. подобные льготы были распространены и на южные районы Сибири и Дальнего Востока. Впоследствии размеры льгот менялись и уточнялись, но суть их сохранялась. Гонка вооружений с США и ухудшение отношений с Китаем дали толчок к усиленному военному строительству на Дальнем Востоке и вдоль советско-китайской границы. К началу 1970-х годов на Тихом океане был создан новый океанский ракетно-ядерный флот, решавший задачу стратегического сдерживания США. К середине 80-х годов Тихоокеанский флот составлял 32% всех ВМФ СССР, он имел 800 кораблей и 150 тыс. человек личного состава и действовал на просторах Тихого и Индийского океанов. С 10,3 тыс. человек

---

⁸ Плохих С.В., Ковалева З.А. История Дальнего Востока России. С. 208–209.

в 1965 г. до 51,3 тыс. человек в 1970 г. увеличилась численность пограничных войск на границе с Китаем. Группировка сухопутных войск возросла с пятнадцати дивизий в середине 60-х до более шестидесяти дивизий в начале 80-х годов⁹. Для всего этого требовалась соответствующая инфраструктура. Гонка вооружений подстегивала и производство на военных заводах региона. Все это, естественно, вело к притоку населения в азиатскую часть России.

Принимавшиеся в это время меры по развитию Южной Сибири и Дальнего Востока также основывались на военно-стратегической необходимости, как она понималась руководством СССР, хотя официально они объяснялись стремлением к развитию народного хозяйства и повышению жизненного уровня населения. Эти меры были сформулированы в двух постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР: «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области» от 8 июля 1967 г. № 638 и «О мерах по дальнейшему комплексному развитию производительных сил Дальневосточного и Восточно-Сибирского экономических районов» от 25 мая 1972 г. № 368. Это видно даже из названия: Читинская область присоединялась к Дальнему Востоку, очевидно потому, что она тоже граничила с Китаем. Документы «должны были способствовать развитию производительных сил, притоку и закреплению трудовых ресурсов за счет ввода в действие новых производственных мощностей, строительства объектов жилищного и культурно-бытового назначения»¹⁰. Однако ни один из них не был выполнен в полном объеме.

В первую очередь военной необходимостью – опасениями относительно безопасности Транссибирской магистрали, проходившей слишком близко к границе с враждебным в то время Китаем, – скорее всего можно объяснить и продолжение в 70-е годы строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Этот проект, широко разрекламированный как «стройка века», вызванная необходимостью хозяйственного развития, на первый взгляд не имел большого самостоятельного экономического значения. Возможно, оно проявилось бы в контексте более системных планов по развитию транспортной инфраструктуры региона, например, в сторону

---

⁹ Ларин В.Л. Внешняя угроза как движущая сила освоения Тихоокеанской России. М.: Московский центр Карнеги. 2013, май. С. 11.

¹⁰ Платонова Н.М. Российский Дальний Восток в 1965–1985 гг.: специфика промышленного развития региона // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 119. С. 10.

Камчатки. Однако даже и те экономические планы, которые существовали в связи с БАМом, не удалось осуществить из-за кризиса, а затем и распада СССР. Тем не менее, на ее строительство были потрачены значительные ресурсы. Железная дорога от Усть-Кута на западе до Комсомольска-на-Амуре на востоке протяженностью 3145 км потребовала строительства 3700 водопропускных сооружений, 142 крупных мостов, 24 км тоннелей¹¹. На этот раз строительство вели не заключенные, а мобилизованные комсомольцы и военные.

Сибирь во многом продолжает рассматриваться как кладовая минерального сырья, которое во все большей степени используется для экспорта. Вырученные средства в течение долго времени поддерживали на плаву умирающую советскую экономику, помогая смягчить дефицит самых различных товаров. С середины 60-х годов начинает разрабатываться нефтегазоносный район, который постепенно стал давать 70% добычи нефти и более 90% газа страны, а также система нефтепроводов, а позднее и газопроводов для поставок в страны Европы¹². В Восточной Сибири расширялась добыча угля, алмазов, железной руды, золота и других полезных ископаемых.

Таким образом, развитие региона в советский период шло, но имело однобокий характер. Во многом под давлением внешних обстоятельств системные планы социально-экономического развития региона уступали место развитию военной сферы и военно-промышленного комплекса, добыче полезных ископаемых. Лишь некоторые отдельные отрасли гражданской промышленности получили здесь развитие, что не дало возможность сформировать полноценную социально-экономическую инфраструктуру для привлечения в регион людей. Несмотря на надбавки, условия жизни в большей части Сибири и Дальнего Востока были трудны. Тем не менее оттока населения не было, его численность росла. Если в 1959 г. население Дальнего Востока составляло 4832 тыс. человек, то в 1989 г. – 7950 тыс. человек. За тот же период население Сибири выросло с 18 040 тыс. человек до 24 158,3 тыс. человек. Тем не менее этот прирост не подразумевал коренных изменений в общем балансе населения: его основная часть концентрировалась в европейской части страны.

---

¹¹ Плохих С.В., Ковалева З.А. История Дальнего Востока России. С. 210–211.

¹² Славкина М.В. История принятия решения о промышленном освоении Западной Сибири // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 10. М., 2005. С. 146–148.

Новый советский лидер М.С. Горбачев, выступая во Владивостоке в 1986 г., пожалуй, впервые после 20-х годов связал планы развития азиатской России с расширением международного сотрудничества, для чего выдвинул ряд инициатив по улучшению отношений с соседями, прежде всего Китаем и Японией. Заявив, что «Советский Союз – тоже азиатская и тихоокеанская страна», советский лидер провозгласил не только военное, но и экономическое возвращение СССР в АТР, которое необходимо было осуществлять через развитие экономики Дальнего Востока¹³.

Но здесь существовали серьезные проблемы. Признав, что развитие экономики Дальнего Востока идет медленнее, чем страны в целом, М.С. Горбачев призвал превратить регион в высокоразвитый народнохозяйственный комплекс за счет использования не только его географического положения, природных ресурсов, топливно-энергетического комплекса и производственной инфраструктуры, но и за счет развития экспортной направленности экономики, оживления прибрежной и приграничной торговли, освоения «прогрессивных форм» экономических связей с зарубежными странами, в том числе производственной кооперации, совместных предприятий и т.п.¹⁴. Это фактически означало частичное возвращение к опыту 20-х годов: развитие Сибири и Дальнего Востока с использованием местных ресурсов и разветвленных внешнеэкономических связей.

Принципы, провозглашенные М.С. Горбачевым, были сформулированы в принятой в 1987 г. Долговременной государственной программе комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г. В ней предлагались знакомые стимулы: создание совместных предприятий, налоговые льготы для иностранных инвесторов, выделение части таможенных доходов в пользу региона. Однако из-за возраставшего хаоса и последовавшего распада СССР эта программа не была реализована.

В первое десятилетие после распада СССР необходимость ускоренного развития Сибири и Дальнего Востока признавалась, однако принимавшиеся программы стали еще менее эффективными (см. табл. 1).

---

¹³ Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. М.: Издательство политической литературы, 1987. С. 24.

¹⁴ Там же. С. 17.

Таблица 1

Выполнение инвестиционных заданий программ развития Дальнего Востока и Забайкалья за период с 30-х годов XX в. по настоящее время

Документы, решение	Выполнение заданий, %
Постановление ВЦИК и ЦК ВКП(б) 1930 г.	130
Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР 1967 г.	80
Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР 1972 г.	65
Государственная целевая программа на 1986–2000 гг. (1987)	30
Президентская программа на 1996–2005 гг. (1996)	30
Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2010 (19 марта 2002)»	10
Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2010 (2004)»	25,7
Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2010 (2006)»	87,5
Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 (от 21.11.2007)»	98,0
Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 (16 июня 2008)»	76,6
Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 (10 января 2009)»	86,6

Источник: Ишаев В.И. Россия в глобальном мире. Хабаровск, 2007.

Поворот к Азии и новый этап в развитии азиатской России

Анализ опыта развития Дальнего Востока в советское время привел ведущих дальневосточных экономистов к заключению, что «регион успешно развивался либо тогда, когда анклавность дополнялась

экономической и финансовой автономией (как в 1920-х годах), либо компенсировалась ролью региона в решении геополитических задач страны, что вызывало полный патронат со стороны государства, гарантировавшего ресурсное обеспечение, рыночный спрос и финансовую сбалансированность (как в 1860–1916, 1930–1945, 1965–1980 гг.)¹⁵. Эти выводы, вероятно, можно отнести к большинству других регионов страны, но прежде всего к более отдаленным от Европейской части, где сконцентрированы основные промышленные мощности государства.

Второй путь в сегодняшней России вряд ли возможен. Речь идет не о том, что Сибирь и Дальний Восток не должны решать геополитические задачи страны. Как раз наоборот, в условиях осуществляемого Россией поворота к Азии, смещения в АТР центра мировой политики и экономики основные геополитические задачи России в XXI в. как раз и будут решаться через азиатские регионы. Но речь идет о том, что в условиях новой политической и экономической системы центр никогда не будет способен сконцентрировать такие огромные ресурсы для решения геополитических задач. К тому же такая концентрация и не нужна, поскольку, как это часто было в СССР, неверное понимание реальных проблем и угроз может привести к бессмысленному разбазариванию огромных ресурсов.

Единственный оставшийся путь – это экономическая автономия, основанная на глубокой вовлеченности региональной экономики в экономические процессы Евразии, значительная часть дивидендов от которой будет оставаться в регионе и способствовать его экономическому и социальному развитию. Такой подход не только крайне необходим, но и единственно возможен сегодня по целому ряду причин.

Прежде всего, Россия не может стоять в стороне от процессов мощного экономического развития Евразии. Разговоры о необходимости переключить хотя бы часть внимания на Азию шли в советском научном сообществе еще в 70–80-е годы прошлого века. Ученые обращали внимание руководства на быстрый исторический рывок сначала Японии, затем так называемых азиатских тигров, а потом и Китая, предлагали воспользоваться этим для диверсификации внешнеэкономических связей страны. Как мы видели, М.С. Горбачев хотел, но не успел начать реальный поворот на Восток. В 90-е годы, несмотря на все разговоры о том, что российский двуглавый орел

---

¹⁵ Минакир П.А., Прокапало О.М. Российский Дальний Восток. С. 15.

смотрит как на Запад, так и на Восток, реально азиатским направлением занимались по остаточному принципу. Лишь после прихода к власти В.В. Путина ситуация стала меняться.

Программы развития Сибири и Дальнего Востока стали более эффективными (см. табл. 1). Значительные средства были вложены в развитие инфраструктуры Владивостока в ходе подготовки проведения саммита АТЭС в 2012 г. В 2009 г. было создано Министерство по развитию Дальнего Востока. В 2012 г. полномочный представитель Президента РФ на Дальнем Востоке получил статус вице-премьера, что повысило уровень решения задач и улучшило координацию госорганов. В 2015–2016 гг. были приняты федеральные законы о создании территорий опережающего развития (ТОР) с льготным режимом для инвесторов, большая часть которых сконцентрирована на Дальнем Востоке, а также зона Свободного порта Владивосток, в которую вошло 15 муниципальных образований Приморского края. Задача поддержки инвестиционных проектов была возложена на специально созданный Фонд развития Дальнего Востока. Кроме того, были введены новые меры стимулирования: транспортные субсидии, выравнивание энерготарифов и т.п. По данным экспертов Валдайского клуба, эти и другие меры дали значительный эффект, в частности к сентябрю 2017 г. позволив привлечь более 2 трлн 116 млрд руб., 96% из которых – частные инвестиции. Значительно возросли иностранные инвестиции, в основном из Китая¹⁶.

В то же время геополитические мотивы сегодня, пожалуй, еще в большей степени, чем экономические, определяют курс России. Поначалу руководство страны вслед за П.А. Столыпиным опасалось угроз, исходящих от соседей. Так, выступая на совещании по развитию Дальнего Востока и Забайкалья, которое проходило в июле 2000 г. в Благовещенске, В.В. Путин, признав неудачу предыдущих попыток Москвы ускорить региональное развитие, сказал: «Я не буду здесь драматизировать события, но если в ближайшее время мы не предпримем реальных усилий, то тогда даже исконно русское население через несколько десятилетий будет говорить в основном на японском, китайском, корейском языках»¹⁷.

¹⁶ К Великому океану-5. От Поворота на Восток к Большой Евразии. Доклад международного клуба «Валдай». Москва, сентябрь 2017. С. 23–24.

¹⁷ Путин В.В. Вступительное слово на совещании «О перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья» // Официальный сайт Президента России. 21.07.2000. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21494>

По мере ухудшения отношений с Западом, и в особенности после украинского кризиса и принятия США и их союзниками антироссийских санкций, которые сократили возможности сотрудничества с Западом, настроение в российских политических и деловых кругах стало меняться. Поворот к Азии стал не только экономической и политической необходимостью, но и сделался безальтернативным: Запад не оставил российскому руководству выбора. В результате давно назревшая необходимость ускорения развития азиатской России как рычага для подключения страны к азиатской экономике также стала восприниматься более серьезно.

Неплохую базу для превращения России в важного евразийского игрока создает ее членство в нескольких организациях. Прежде всего, это созданный в 2015 г. Евразийский экономический союз, который значительно укрепляет позиции как России, так и других его членов, в отношениях с более экономически мощными государствами региона. Об этом свидетельствует начавшийся в том же году процесс сотрудничества по сопряжению ЕАЭС и китайской инициативы Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Российское участие в Шанхайской организации сотрудничества дает возможность координации различных инициатив в Евразии с Пекином, государствами Центральной Азии, а после вступления в организацию Индии и с Нью-Дели. Немаловажную роль играет и российское участие в АТЭС и различных форматах, связанных с АСЕАН.

Инфраструктура и развитие

Одновременно развивая свои азиатские регионы и активно подключаясь к различным форматам сотрудничества в Евразии, Россия решает как фундаментальные экономические, так и политические задачи. В то же время бросается в глаза, что, научившись работать тактически, российское руководство пока не выдвинуло официальной стратегии по инфраструктурному развитию Евразии, сравнимой с китайскими инициативами «Одного пояса, одного пути», казахстанской государственной программой «Нурлы жол» («Путь в будущее»), монгольским проектом «Степной путь» и др. А между тем наличие такой стратегии, в которой были бы отражены экономические цели России по развитию собственных азиатских регионов и через них по подключению страны к общим экономическим процессам на пространстве Евразии, по соразвитию со своими соседями, было бы весьма полезно как для ее имиджа, так и для собственного понимания перспективных задач.

В России проекты подобного типа разрабатываются отдельными, пусть и влиятельными, исследовательскими центрами. Так, разработанная Валдайским клубом концепция «Большой Евразии» начала использоваться в официальном дискурсе в форме «Большого евразийского партнерства». О необходимости создания такого партнерства «с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у нас уже сложились тесные отношения: Китай, Индия, Пакистан, Иран», российских партнеров по СНГ и других заинтересованных государств и объединений в 2016 г. говорил на Петербургском экономическом форуме В.В. Путин¹⁸.

Идея Путина была закреплена в российско-китайской декларации, подписанной лидерами двух стран во время визита российского президента в Китай в июне 2016 г.¹⁹. В ноябре 2016 г. во время визита в Россию китайского премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна премьер России Д.А. Медведев сообщил, что Россия продолжает работать над формированием всеобъемлющего евразийского партнерства с Китаем, которое предполагает подключение государств Евразийского союза и ШОС²⁰. Однако конкретное экономическое содержание этого партнерства пока остается не вполне ясным.

Между тем развитие инфраструктуры входит в политическую повестку многих политических лидеров и политических сил. Д. Трамп в своей предвыборной программе заявлял о развитии инфраструктуры и после выборов сформировал пакет из пятидесяти инфраструктурных проектов общей стоимостью 137,5 млрд долл.²¹. Китайский лидер Си Цзиньпин еще в 2013 г. выступил с инициативами по созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути, которые теперь известны как инициатива «Один пояс, один путь»²², во многом определяющая содержательную повестку

---

¹⁸ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Официальный сайт Президента России. 17.06.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>

¹⁹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Официальный сайт Президента России. 25.06.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100>

²⁰ Медведев: Россия формирует евразийское партнерство с Китаем // РИА Новости. 16.11.2016. URL: <https://ria.ru/east/20161116/1481497327.html>

²¹ Администрация Трампа составила список из 50 инфраструктурных проектов стоимостью 138 млрд // ИА RNS. 25.01.2017. URL: <https://rns.online/economy/administratsiya-Trampa-sostavila-spisok-iz-50-infrastrukturnih-proektov-toimostyu-138-mlrd-2017-01-25/>

²² Китайский глобальный проект для Евразии (аналитический доклад). С. 13.

рассуждений о развитии на евроазиатском пространстве. Крупные международные инфраструктурные проекты, такие, например, как “Bioceanic Rail”, обсуждаются на уровне руководства Бразилии и Китая²³. Необходимость развития инфраструктуры, повышения ее доступности упоминается во многих посланиях Президента Российской Федерации²⁴.

Бизнес также является сторонником развития инфраструктуры. Международная консалтинговая компания McKinsey в своем докладе *Bringing Global Infrastructure Gaps 2016*²⁵ утверждает, что с 2016 по 2030 г. миру потребуется инвестировать в инфраструктуру 3,3 трлн долл., или 3,8% от мирового ВВП, ежегодно только для поддержания существующих темпов экономического роста. Для координации деятельности по развитию и продвижению инфраструктурных проектов действует несколько международных форумов: под эгидой McKinsey с 2012 г. действует *Global Infrastructure Initiative*²⁶ – крупный международный форум, целиком посвященный проблемам и перспективам реализации крупных инфраструктурных и других капиталоемких проектов. Под эгидой Всемирного банка с 2016 г. также организуется ежегодный *Global Infrastructure Forum*²⁷, который призван формиро-

---

²³ China and Brazil sign \$27 billion deals // *Global Times*. 2015. 20 мая. URL: <http://gbtimes.com/china/china-and-brazil-sign-27-billion-deals>

²⁴ См., например: 1) Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 1 декабря 2016 г.: «Обращаю внимание, в каждом регионе страны базовые сервисы для бизнеса: разрешение на строительство, доступ к инфраструктуре и так далее и тому подобное – должны в полной мере соответствовать требованиям федерального законодательства и лучшим региональным практикам»; 2) Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 3 декабря 2015 г.: «Мы продолжим модернизацию транспортной инфраструктуры. Будем развивать мощные логистические центры, такие, как Азово-Черноморский, Мурманский транспортные узлы, современные порты на Балтике, на Дальнем Востоке, укреплять систему межрегиональных авиаперевозок, в том числе в северных и арктических территориях. На одном из предстоящих заседаний Государственного совета детально рассмотрим состояние внутренних водных, речных путей».

²⁵ См.: Woetzel J., Garemo N., Mischke J., Patler R. *Bridging Global Infrastructure Gaps* // *McKinsey Report*. June 2016. URL: <http://www.mckinsey.com/industries/capital-projects-and-infrastructure/our-insights/bridging-global-infrastructure-gaps>

²⁶ *Global Infrastructure Initiative*. URL: <http://www.globalinfrastructureinitiative.com/summit>

²⁷ *Global Infrastructure Forum 2016*. URL: <http://live.worldbank.org/global-infrastructure-forum-2016>

вать повестку для инвесторов, национальных и наднациональных органов в этой сфере.

При формулировке целей развития инфраструктуры группа Всемирного банка ориентируется на цели «Повестки устойчивого развития 2030» ООН²⁸. Это очень важно, так как данная повестка в настоящее время является едва ли не единственной международной программой в этой области, открыто сформированной, обсужденной и утвержденной в рамках признаваемого всеми международным институтом.

«Повестка» устанавливает 17 целей устойчивого развития, как минимум четыре из которых непосредственно касаются развития инфраструктуры: в части обеспечения людей системами водоснабжения и канализации, доступа к энергосетям, создания устойчивой инфраструктуры, в том числе комфортной городской среды²⁹. По мнению аналитиков McKinsey, для достижения этих целей потребуется в три раза больше инвестиций, чем при инерционном варианте развития³⁰.

Таким образом, можно сказать, что развитие инфраструктуры в настоящее время задается как международной, так и национальной политическими повестками. В чем реальные возможности инфраструктурных проектов и как к ним нужно относиться с точки зрения государственной политики?

Интерес к инфраструктурным проектам всегда был связан с их возможностью производить эффект «большого толчка» (big push)³¹ для развития экономики. Так как в ходе ряда исследований установлена сильная корреляция капитальных вложений в транспортную инфраструктуру не только с ВВП, но и с индексом

---

²⁸ Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // United Nations System Staff Colledge. URL: https://www.unssc.org/sites/unssc.org/files/2030_agenda_for_sustainable_development_primer_russian.pdf

²⁹ Аналитики McKinsey относят к ним только первые три: С. 2 доклада Bringing Global Infrastructure Gap, 2016. Доступно по ссылке: URL: <http://www.mckinsey.com/industries/capital-projects-and-infrastructure/our-insights/bridging-global-infrastructure-gaps>

³⁰ Bringing Global Infrastructure Gap, 2016, p. 1. URL: <http://www.mckinsey.com/industries/capital-projects-and-infrastructure/our-insights/bridging-global-infrastructure-gaps>

³¹ Обычно авторство этого термина приписывается Rosenstein Rodan. См.: Agenor P-R. A Theory of Infrastructure-Led Development // Centre for Growth and Business Cycle Research. Manchester, 2006. P. 2. URL: <http://hummedia.manchester.ac.uk/schools/soss/cgbcr/discussionpapers/dpcgbc83.pdf>

человеческого развития³², который также является важным индикатором Повестки ООН, представляется возможным говорить о социально-экономических эффектах от развития инфраструктуры.

Необходимость выявления взаимосвязей влияния инфраструктуры на уровень экономического развития вызвала множество экономических исследований в этой сфере за последние три десятилетия. Споры об эффективности инфраструктурных проектов ведутся на макро- и микроуровнях.

Одними из самых первых и фундаментальных исследований взаимосвязи инвестиций в инфраструктуру макроуровня и производительностью труда можно отметить работы Дэвида Ашауэра³³. Замедление роста производительности труда в 70–80-е годы в Америке Ашауэр связывал с недостаточностью одних только государственных инвестиций в инфраструктуру экономики. Выдвигался тезис о том, что увеличения производительности труда, прибыльности и экономического роста можно достичь, наращивая вложения в инфраструктуру, в том числе за счет частных инвестиций. Другие американские экономисты, такие, как Алишия Мунелл³⁴ и Пол Кругман³⁵, в будущем лауреат Нобелевской премии, Санчес-Роблес³⁶, Д. Дональдсон³⁷, развили и укрепили теорию Ашауэра. Однако эмпирические исключения, не укладывающиеся в теорию Ашауэра, породили ее критику и поиск альтернативных объяснительных моделей. Наиболее заметными оппонентами теории Ашауэра выступили Эйс-

---

³² Amador-Jimenez L., Willis Chr. J. Demonstrating a Correlation between Infrastructure and National Development // *International Journal of Sustainable Development and World Ecology*. 2012. Vol. 19. No. 3. P. 197–202.

³³ Aschauer D.A. Does Public Capital Crowd Out Private Capital? // *Journal of Monetary Economics*. 1989. Vol. 24. No. 2. P. 171–188; Aschauer D.A. Is Public Expenditure Productive? // *Journal of Monetary Economics*. 1989. Vol. 23. No. 2. P. 177–200.

³⁴ Munnell A.H. How Does Public Infrastructure Affect Regional Economic Performance? // *New England Economic Review*. 1990. September/October. P. 11–33.

³⁵ Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // *Journal of Political Economy*. 1991. Vol. 99. No. 3. P. 483–499.

³⁶ Sanchez-Robles B. Infrastructure Investment and Growth: Some Empirical Evidence // *Contemporary Economic Policy*. 1998. Vol. 16. No. 1. P. 98–108.

³⁷ Donaldson D. Railroads of the Raj: Estimating the Impact of Transportation Infrastructure. Asia Research Centre Working Paper 41 / London School of Economics & Political Science. London, 2010.

нер³⁸, Грамлих³⁹, Эванс и Каррас⁴⁰, Шварц⁴¹, Реллер и Уэверман⁴². Новые подходы не умаляли влияния инфраструктуры на национальную экономику, но больше внимания уделяли поиску косвенных и отложенных эффектов.

Микротеории в отличие от макро- апеллируют к региональному уровню и уровню отдельных проектов. Детальное изучение конкретных кейсов в свою очередь выявляет скорее негативные оценки и убыточность инфраструктурных проектов: истинные затраты практически всегда превышают плановый уровень, а прогнозируемые доходы возвращаются в меньшем объеме и с большим запаздыванием по времени⁴³. Наиболее масштабный анализ мегапроектов осуществил Бент Фливиборг, который пришел к выводу, что неадекватная оценка вложений и их эффекта возникает настолько часто, что не может быть ошибкой расчета или статистической погрешностью. В своих исследованиях Фливиборг выдвигает тезис о том, что это скорее специальное стратегическое допущение, облегчающее процедуру принятия проекта к реализации. Иными словами, заниженные издержки, завышенные выгоды, неадекватная оценка влияния на окружающую среду и завышенные ожидания эффектов экономического развития гарантируют быстрое утверждение проекта, а следовательно, открывают доступ к финансированию. В результате действия «стратегического искажения», или так называемой формулы Макиавелли, накапливается систематический перерасход средств на «некачественные» проекты, неспособные генерировать отдачу в виде количественных и качественных экономических эффектов.

---

³⁸ Eisner R. Infrastructure and Regional Economic Performance: Comment // *New England Economic Review*. 1991. September/October. P. 47–58.

³⁹ Gramlich E.M. Infrastructure Investment: A Review Essay // *Journal of Economic Literature*. 1994. Vol. 32. No. 3. P. 1176–1196.

⁴⁰ Evans P., Karras G. Is Government Capital Productive? Evidence from a Panel of Seven Countries // *Journal of Macroeconomics*. 1994. Vol. 16. No. 2. P. 271–279.

⁴¹ Schwartz A.E. Infrastructure in a Structural Model of Economic Growth // *Regional Science and Urban Economics*. 1995. Vol. 25. No. 2. P. 131–151.

⁴² Röller L.-H., Waverman L. Telecommunications Infrastructure and Economic Development: A Simultaneous Approach // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91. No. 4. P. 909–923.

⁴³ Подробнее см.: Pickrell D.H. A Desire Named Streetcar: Fantasy and Fact in Rail Transit Planning // *Journal of the American Planning Association*. 1992. Vol. 58. No. 2. P. 158–176; Flyvbjerg B. *Rationality and Power: Democracy in Practice*. Chicago, Ill: University of Chicago Press, 1998.

Рассуждая о том, как неудачные инфраструктурные проекты микроуровня согласуются с экономическим ростом на макроуровне, Фливбьорг проводит подробный анализ около сотни китайских проектов в области транспортной инфраструктуры⁴⁴. Касательно оценки «стратегического искажения» для Китая результаты исследования свидетельствуют о том, что в среднем реальные издержки на 31% превышают плановые; что же касается задач развития, то многие проекты оказались неэффективны в силу дискретности – новая инфраструктура не решает проблему неравномерной загруженности. В то же время нельзя не признать, что рост инвестиций в инфраструктуру может быть предвестником экономического бума. Однако все имеет свои «границы полезного действия» как по времени, так и по объему. Чрезмерное инвестирование в инфраструктуру, особенно если для этого привлекаются дорогие заемные средства, как и в законе убывающей отдачи, рано или поздно проявит негативный эффект.

Анализ взаимосвязи уровня инвестиций в инфраструктуру и экономического роста на примере Индии дает более оптимистичные оценки ожидаемого эффекта. В своем исследовании П. Саху и Р.К. Дэш⁴⁵ изучают влияние объема инфраструктурных инвестиций на национальную экономику, используя модель Кобба–Дугласа. Результаты исследования, полученные путем оценки эластичности замещения факторов производства, демонстрируют значительный позитивный вклад, который вносит развитие инфраструктуры в экономический рост Индии.

Однако здесь стоит сделать две оговорки. Во-первых, инфраструктура понимается в достаточно узком смысле (в сводный индекс инфраструктуры в данном случае включались показатели потребления энергии, плотности автомобильных и железных дорог, телефонных сетей, объема воздушных перевозок, но в широком смысле сети инфраструктуры могут включать социальную сферу, здравоохранение, образование и пр.).

Во-вторых, всегда нужно учитывать контекст. Апелляция к выводам исследования в случае других национальных экономик, чей уровень развития инфраструктуры заметно отличается от уровня Индии, не гарантирует столь однозначных результатов. Эти и другие

---

⁴⁴ Ansar A., Flyvbjerg B., Budzier A., Lunn D. Does Infrastructure Investment Lead to Economic Growth or Economic Fragility? Evidence from China // *Oxford Review of Economic Policy*. 2016. Vol. 32. No. 3. P. 360–390.

⁴⁵ Sahoo P., Dash R.K. Infrastructure Development and Economic Growth in India // *Journal of the Asia Pacific Economy*. 2009. Vol. 14. No. 4. P. 351–365.

противоречия (в том числе связанные с различными подходами к сбору и анализу эмпирики) отмечаются и в исследовании Т. Денг, сосредоточенном на анализе эластичности производственной функции в отношении инвестиций в транспортную инфраструктуру⁴⁶. Работа Т. Денг в очередной раз подтверждает большую разницу в оценках эластичности. Переходя с исследовательского уровня на уровень принятия решений, это означает необходимость скрупулезного анализа каждого инфраструктурного проекта.

Решения об инвестировании, особенно если речь идет о государственных инвестициях, вынуждены приниматься в условиях пространственной и секторальной асимметрии национальных экономик, что генерирует дополнительные риски в процессе реализации того или иного проекта. Поэтому требования к системности и рациональности государственной политики в сфере инвестирования становятся чрезвычайно высокими. Все решения должны основываться на высококачественном прогнозе, на строгих расчетах межотраслевых балансов. Выполнение этого требования, как правило, и становится самым уязвимым местом в рамках реальной государственной политики.

В этой связи важно отметить исследования, доказывающие наличие устойчивой корреляции между развитием инфраструктуры и индекса человеческого развития (Human Development Index)⁴⁷. Это является принципиальным моментом – инфраструктура должна обеспечивать не просто экономический рост в финансовых показателях, но и качественное развитие, в том числе человека.

Такой подход позволяет поставить во главу угла не физические показатели развитости той или иной инфраструктуры и не финансовые показатели роста ВВП или доходности соответствующих объектов, а социально-экономические показатели, оценивающие то, каким образом инфраструктура обеспечивает развитие человека, сообщества, государства, региона. Такой подход позволяет иначе посмотреть на цели развития инфраструктуры.

Следует также подчеркнуть, что оценка эффективности, например, железнодорожных инфраструктурных проектов в силу их мак-

---

⁴⁶ Deng T. Impacts of Transport Infrastructure on Productivity and Economic Growth: Recent Advances and Research Challenge // *Transport Reviews*. 2013. Vol. 33. No. 6. P. 686–699.

⁴⁷ Amador-Jimenez L., Willis Ch.J. Demonstrating a Correlation between Infrastructure and National Development // *International Journal of Sustainable Development & World Ecology*. 2012. Vol. 19. No. 3. P. 198.

роэкономической сущности не должна осуществляться с использованием так называемых ограниченных моделей, т.е. когда расчет эффективности инвестиций осуществляется лишь для самого проекта строительства и использования железнодорожной инфраструктуры.

Например, развитие железнодорожного транспорта обслуживается и, в свою очередь, влияет на развитие девятнадцати отраслей экономики России⁴⁸. Это приводит к тому, что, по оценкам экспертов, создание одного рабочего места в инфраструктурном проекте инициирует возникновение как минимум трех рабочих мест в сопутствующих отраслях, стимулирует развитие производства новых материалов, тяжелого транспортного машиностроения, диктует спрос на развитие систем управления и обеспечения безопасности, стимулирует рост социальной активности населения⁴⁹, диктует спрос на качественный человеческий капитал, т.е. на образование, здравоохранение.

Опыт работы ОАО «РЖД» в период 2005–2012 гг. убедительно доказал, что при таком подходе к оценке инвестирования в инфраструктуру доходы бюджета в полтора, а то и в два раза перекрывали предоставляемые компании государственные бюджетные дотации, направляемые на покрытие убытков, связанных с регулированием тарифов⁵⁰, в частности на пригородные и дальние пассажирские перевозки.

Проект ТЕПР

Именно этот подход – «инфраструктура для развития» был заложен в проект под названием «Трансевразийский пояс „Развитие“». Идея проекта, выдвинутого рядом ведущих российских ученых и поддержанного Президиумом Российской академии наук, состоит в том, что Россия может и должна стать интегратором на Евроазиат-

---

⁴⁸ Хусаинов Ф.И. Реформа железнодорожной отрасли. Проблемы незавершенной либерализации // Аналитический доклад для Экспертного института Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». М., 2014. С. 6. URL: http://f-husainov.narod.ru/reformazd_problemy30102014.pdf

⁴⁹ Коровин М.Ю. Анализ международного опыта финансирования инфраструктурных проектов // *Transport business in Russia*. 2015. № 2. С. 78.

⁵⁰ Филина В.Н. Транспортная стратегия России: основные принципы и приоритетные направления развития инфраструктуры // *Проблемы прогнозирования*. 2005. № 2. С. 82. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2005/fp/2/06.pdf>

ском континенте⁵¹. Это альтернатива ситуации «яблока раздора» – когда Россия не находится между Европой и Азией, а соединяет цивилизационные общности, становясь при этом цивилизационным центром. Данный проект возник в результате поиска ответов на вызовы, возникшие как перед Россией, так и перед мировым сообществом: деиндустриализация в результате ставки на развитие в парадигме «постиндустриальной» экономики, приоритет количественных оценок роста ВВП исключительно в финансовых показателях над качественными показателями развития, затрагивающими более широкие спектры социально-экономических явлений.

Деиндустриализация становится проблемой для западных стран (Европа и США) с 1990-х годов: фактически после распада СССР наблюдается последовательное сокращение доли промышленного производства как в структуре национального ВВП, так и в структуре мирового промышленного производства. Если в 1990 г. Европа и Северная Америка занимали соответственно 40,7 и 23,0% в структуре добавленной стоимости, произведенной промышленностью, против 27,8% в Азиатско-Тихоокеанском регионе, то в 2014 г. ситуация выглядит иначе: 27,5% для Европы, 20,9% для Северной Америки и 44,6% для Азиатско-Тихоокеанского региона (данные UNIDO). Конечно, можно рассуждать о методиках подсчета, но результат налицо – западные страны столкнулись с масштабной деиндустриализацией. В Великобритании, например, с 1960-х годов доля реального сектора в ВВП сократилась с 41 до 27,9%, т.е. почти на 30%. Социальные результаты такого перехода к «постиндустриальной экономике» в виде потерянных рабочих мест, «депрессивных регионов» точно никто не просчитал. В результате за «евроскептиков» и Трампа проголосовали как раз люди, проигравшие в результате деиндустриализации.

Россия и постсоветские страны в этом плане оказались «в одной лодке» с западными странами, а Китай и страны Юго-Восточной Азии – в другой. Это задает противоречия в векторах возможного развития наших стран, и игнорировать это противоречие, особенно при сопряжении китайских и российских евразийских инициатив, уже нельзя: если Россия выберет модель «моста» между Европой

---

⁵¹ Осипов Г.В., Садовничий В.А., Якунин В.И. Интегральная евразийская инфраструктурная система как приоритет национального развития страны. М.: ИСПИ РАН, 2013; РАН поддерживает проект по созданию Трансевразийского пояса развития // РИА Новости. 11.03.2014. URL: <https://ria.ru/science/20140311/998998921.html>

и Китаем, то имеет шанс так и остаться в качестве наблюдателя за развитием в этих регионах, не получив импульса для собственной модернизации.

Новые вызовы выдвигает и мировая политика: глобализация, формирование новых экономических макрорегионов, смена экономических лидеров, появление новых экономических и политических объединений и структур.

В проекте особо отмечается необходимость интеграции России и евразийского пространства в мировую экономику с учетом геополитических и геоэкономических особенностей региона, расположенного на стыке двух макрорегионов (Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона), имеющих высокие темпы развития. Товарооборот между этими регионами постоянно растет, что создает потенциал для сухопутных транзитных перевозок. Так, например, перевозка контейнеров по сети железных дорог неуклонно растет: если в 2016 г. она составила 3,27 млн TEU (ДФЭ, эквивалент 20-футового контейнера), показав прирост на 10% относительно предыдущего года, то в 2018 г. этой уже было 4,5 млн TEU и прирост к предыдущему году составил 14,3%. При этом транзитные контейнерные перевозки растут еще большими темпами: в 2016 г. они составили 205,6 тыс. TEU, дав прирост к прошлому году в 36,1%, а в 2018 г. уже 557,2 тыс. TEU и прирост к предыдущему году в 33,5%⁵².

Драйвером роста является электронная торговля в целом в мире: с 2012 по 2016 г. ее объемы выросли с 1,51 трлн долл. до 2,05 трлн долл.; к 2019 г. по некоторым прогнозам ожидается увеличение в два раза – до 3,5 трлн долл.⁵³. Значительная ее часть приходится на торговлю между Европой и странами Азии. В этих условиях возникает перспектива для срочных грузовых доставок, в том числе высокоскоростным железнодорожным транспортом, обеспечивающим ожидаемую потребителем доставку в 3–5 дней по приемлемой для поставщика цене.

Одной из составляющих проекта ТЕРП является идея высокоскоростных грузовых перевозок. Эта идея сегодня прорабатывается

---

⁵² Перевозки контейнеров по сети ОАО «РЖД» в 2018 г. выросли на 14%. URL: http://cargo.rzd.ru/news/public/ru?STRUCTURE_ID=704&layer_id=4069&refererLa yerId=4066&id=93032

⁵³ Седых И.А. Рынок интернет-торговли в РФ: Доклад НИУ ВШЭ. С. 49–50. URL: <https://dcenter.hse.ru/data/2017/03/10/1169536647/Рынок%20Интернет-тор говли%20в%20РФ%202016.pdf>

ОАО «Российские железные дороги» (РЖД)⁵⁴. В частности, изучаются возможности высокоскоростного железнодорожного сообщения между Китаем и Россией, и даже между Берлином и Пекином⁵⁵. Проект предполагает в том числе и высокоскоростную перевозку грузов для обеспечения потребностей электронной торговли. Перевозка будет осуществляться в подвижном составе, созданном на базе аналогичного пассажирского, но вагоны которого сконструированы таким образом, чтобы их объем максимально заполнялся специальными контейнерами (аналогичными авиационным), которые определенным образом закрепляются для обеспечения безопасной перевозки и оперативной механической погрузки-выгрузки в специально оборудованных хабах по «перронной технологии»⁵⁶. Грузоподъемность такого поезда может составлять до 600 т, что существенно выше, чем у грузовых самолетов (Boeing 747 Dreamlifter – 113 т); скорость движения при этом может составлять до 300 км/ч. При проектировании такой линии могут использоваться новые прорывные технологии: магнитно-левитационные и вакуумно-левитационные транспортные системы. Последняя, например, может быть использована при прохождении значительных отрезков пути по тоннелям в горах. На таких участках возможно движение подвижного состава со скоростью до 1000–1100 км/ч. Это возможно,

---

⁵⁴ Составлено на основе служебных данных компании. Официальные ссылки: Веденева А. ОАО РЖД разгоняет тонны. Для ВСМ разработают грузовые поезда // ИД Коммерсант. 19.12.2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3175011>; РЖД разрабатывает высокоскоростной грузовой поезд // ИА Sputnik. 19.12.2016. URL: <https://news.sputnik.ru/transport/a0fc2d130f96e965d50cfa3b150409ba1455e043>; ОАО «РЖД» и «Китайские железные дороги» договорились о стратегическом сотрудничестве // Gudok.ru. 26.06.2016. URL: <http://www.gudok.ru/news/?ID=1341632>; ОАО «РЖД» и Китайские железные дороги будут обмениваться электронными данными при перевозке грузов. 21.06.2017. URL: http://press.rzd.ru/news/public/ru?STRUCTURE_ID=654&layer_id=4069&refererLayerId=3307&id=90027

⁵⁵ ОАО «РЖД» и «Китайские железные дороги» договорились о стратегическом сотрудничестве // Gudok.ru. 26.06.2016. URL: <http://www.gudok.ru/news/?ID=1341632>; ОАО «РЖД» и Китайские железные дороги будут обмениваться электронными данными при перевозке грузов. 21.06.2017. URL: http://press.rzd.ru/news/public/ru?STRUCTURE_ID=654&layer_id=4069&refererLayerId=3307&id=90027

⁵⁶ РЖД разрабатывают высокоскоростной грузовой поезд // 24РосИнфо. 19.12.2016. URL: <http://24ri.ru/down/open/rzhd-razrabatyvajut-vysokoskorostnoj-gruzovoj-poezd.html>

например, в случае прохождения маршрута с выходом из китайского города Урумчи и пересечением китайско-российской границы на ее западно-алтайском участке с последующим выходом на трассу Транссиба. Однако надо отметить, что эти проекты пока еще не находятся в высокой степени проработки и вызывают много критики, прежде всего вследствие высокой стоимости капитальных вложений.

Прорабатывается несколько вариантов прохождения и протяженности маршрута от Берлина до Пекина (см. табл. 2).

Таблица 2

Маршрут	ЕС	Белоруссия	Россия	Казахстан	Монголия	Китай	Всего	Доля России
Через Казахстан (Достык)	750	597	2200	2250	–	4070	9867	22%
Через Наушки и Монголию	750	597	5988	–	1000	860	9195	65%
Через «Кызыл-Куракино» и Монголию	750	597	5185	–	1755	860	9147	57%
Через Забайкальск и Харбин	750	597	6750	–	–	1900	9997	68%

При этом ставится задача стать не просто «мостом», «транспортным коридором» между центрами развития, а получить новые стимулы для собственного развития и сохранения геополитической субъектности, обеспечения равноправного и взаимовыгодного взаимодействия с партнерами.

Исторически проект ТЕПР начинался как проект транспортных или транспортно-логистических коридоров, однако позже концепция была уточнена и возникла идея «пояса развития». Технологическую основу этого пояса должны составить транспортно-коммуникационные инфраструктуры:

- скоростная железнодорожная магистраль (47 тыс. км железнодорожных путей);
- система магистральных шоссе (120 тыс. км);
- телекоммуникационные магистрали (23 тыс. км оптоволоконного кабеля).

Указанная транспортно-коммуникационная инфраструктура должна соединить российский Дальний Восток с Западной Европой, обеспечить транспортные коммуникации по направлению Север–Юг с Ираном. Существует возможность соединения ее через Берингов пролив с транспортной инфраструктурой Северной Америки.

Единая транспортная система предполагает координацию всех видов транспорта, не только железнодорожного и автомобильного, но и авиационного, речного и морского, в том числе за счет создания инфраструктуры соответствующих транспортно-логистических центров.

Особое значение в проекте придается развитию Северного морского пути, на маршруте которого также возможно создание нескольких мультимодальных транспортно-перегрузочных терминалов – логистических центров, обеспечивающих перевалку и доставку грузов по рокадным водным маршрутам (направлениям) на территории Сибири и Дальнего Востока. Отдельные решения предлагаются и для труднодоступных районов – транспортную логистику в них предлагается организовывать с использованием сети быстровозводимых взлетно-посадочных полос для малой авиации, а также инновационных авиационных транспортных средств большой грузоподъемности (60 т и более) и дальности полета (до 5 тыс. км). При реализации такого подхода пространство России (и Евразии) может быть покрыто «транспортной решеткой» с Северным морским путем, железно- и автодорожной инфраструктурой в параллельном направлении и речной, железнодорожной и авиационной инфраструктурой в меридианном.

Большое значение при определении задач развития инфраструктуры в проекте придавалось и повышению транспортной доступности месторождений полезных ископаемых на территории России, а также созданию в районах прохождения новой инфраструктуры экономических зон с промышленным производством инновационного технологического уклада. В результате «пояс» выглядит как поселенческо-индустриальная полоса 200–300 км вокруг транспортных и энергетических коридоров вдоль всей Евразии, которая способна

послужить моделью для использования в других странах и регионах. Именно за счет этого планируется получить эффекты для развития: создание новых рабочих мест, новых поселений с новым укладом жизни, освоение новых территорий, управляемая и масштабная миграция внутри страны, а также Евразийского экономического союза.

Последний аспект является весьма важным. Россия и ее среднеазиатские соседи имеют разную демографическую динамику. Для России и западных стран, как мы знаем, характерны стагнация, или снижение численности населения в результате сокращения естественного воспроизводства, которые компенсируются миграцией. Китай долгое время проводил последовательную политику сдерживания рождаемости. Для стран Центральной Азии, например, характерна кардинально иная динамика: за период с 1992 по 2016 г. численность населения в этих странах увеличилась на 30%, или на 15,5 млн человек. Очевидно, что эти тенденции нужно учитывать при разработке интеграционных и инфраструктурных проектов.

Демографические и социально-экономические диспропорции, прежде всего разница в уровне оплаты труда, создают мощные миграционные потоки внутри стран СНГ, в первую очередь в Россию. В результате доля доходов трудовых мигрантов в ВВП некоторых стран СНГ могла составлять до 30% (Киргизия) или даже до 45% (Таджикистан). Начиная с 2015 г. во многом в результате кризиса в России эти показатели снизились до 26 и 29% соответственно. Нужно ли говорить, насколько негативно отразилось это на социально-экономической ситуации и к каким последствиям, в том числе в части стимулирования экстремистской деятельности и терроризма в этих странах, способно привести.

Что касается социальных ожиданий, то, как показывают социологические исследования, люди в наших странах в части приоритетов развития определяют достаточно простые вещи: здравоохранение, образование, доступное жилье – они более приоритетны для граждан, чем просто развитие инфраструктуры, например транспортной. Они и должны составлять инфраструктуру «поясов развития».

В проекте особо отмечается, что реализация «мегапроектов» полностью соответствует мобилизационному типу развития Российского государства, а также ценностным установкам российского народа, ориентированного на реализацию масштабным проектом, преобразующих жизнь человечества.

Вводится понятие «развитие» как политэкономическая категория, которую предлагается рассматривать как ценность и предмет

кооперации для достижения принципиально новых возможностей человека, сообщества, государства, человечества в целом. Инструментом развития может стать интегральная инфраструктурная система – гибкое единство транспортных, энергетических и телекоммуникационных инфраструктурных систем (включая спутниковую и иную космическую инфраструктуру). Это позволяет не только облегчить товарные обмены между различными странами и регионами мира за счет сохранения сроков доставки, упрощения таможенных процедур, но и запустить новую индустриализацию, обеспечить новые импульсы развития регионов России.

Проект такого масштаба рассчитан на реализацию в три этапа до 2035 г. По предварительным оценкам разработчиков, для его реализации потребуются инвестиции в объеме до 320 млрд долл. США, из которых 280 млрд планируется потратить на строительство высокоскоростного железнодорожного комплекса. Оценочные сроки окупаемости инвестиций составят 12–15 лет. По предварительным оценкам, при реализации Проекта может быть организовано до 20 млн новых рабочих мест, в том числе при строительстве высокоскоростного железнодорожного комплекса и создании полосы развития вокруг него до 7 млн новых рабочих мест.

Для реализации проекта потребуются мобилизация огромных инвестиционных ресурсов. Для решения этой задачи предлагается выстраивать новую архитектуру международных финансовых отношений с основными партнерами, в том числе в рамках стран БРИКС. Этот вопрос, особенно в условиях западных санкций в отношении России, является одним из наиболее важных для реализации проекта.

Проект ТЕРП вызывает большой интерес общественности и государственных органов. В декабре 2016 г. он был рассмотрен и обсужден на специальном заседании Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации⁵⁷, а в июне 2017-го – на Петербургском международном экономическом форуме⁵⁸.

В августе 2016 г. Совет безопасности РФ направил письмо вице-премьеру А.В. Дворковичу с рекомендацией рассмотреть составлен-

---

⁵⁷ О заседании Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации на тему «Стратегические инфраструктурные проекты как локомотивы экономического роста на евразийском пространстве» // Официальный сайт Совета Федерации Российской Федерации. 15.12.2016. URL: <http://council.gov.ru/media/files/QSitjvd9Fpc9vKKA4tE3zZD8IRNefL.Rg.pdf>

⁵⁸ Будущее, рождаемое сегодня: интеграционные и инфраструктурные проекты Евразии // ИА ТАСС. 2017. 3 июня. <http://tass.ru/pmef-2017/articles/4311200>

ное на основе проекта ТЕРП предложение директора Московской школы экономики МГУ академика РАН Александра Некипелова о «создании пространственных транспортно-логистических коридоров», которые соединили бы ЕС и АТР «с учетом интересов и безопасности РФ». Это предложение предполагает формирование «Единой Евразии» с целью создания условий «для выхода страны на новый социально-экономический уровень за счет глубокого освоения Сибири, Дальнего Востока и Арктики». Согласно информации, опубликованной в газете «Коммерсант», к проекту предлагается привлечь Китай, а также США и страны Европы, «которые взамен могли бы отменить санкции», говорится в документе. Авторы считают проект «наиболее безопасным с геополитической точки зрения», уверяя, что новое взаимовыгодное партнерство с ЕС и США «имело бы под собой более прочную основу». Разработчики полагают, что масштаб проекта и сроки окупаемости (15–20 лет) заинтересуют бизнес и позволят «провести репатриацию российского капитала из офшоров»⁵⁹. В январе 2019 г. ректор МГУ В.А. Садовничий на заседании Попечительского совета МГУ доложил Президенту России В.В. Путину о том, что эксперты РАН и МГУ готовы представить концепцию мегапроекта создания транспортной системы «Единая Евразия – трансевразийский пояс развития» (ТЕПР) на обсуждение Совета при президенте по стратегическому развитию и национальным проектам⁶⁰.

Являются ли эти предложения чрезмерно оптимистичными и будут ли они взяты на вооружение российским руководством целиком, либо в программу его действий войдут какие-то их элементы, как это уже происходит с высокоскоростными грузоперевозками, покажет время. Необходимо учитывать, что за время обсуждения проекта в России мировая ситуация сильно изменилась. Если в 2014 г. можно было рассчитывать на его реализацию за счет инвестиционных ресурсов российского правительства с привлечением части средств иностранных инвесторов, в том числе международных финансовых институтов, то с введением против России санкций и развитием экономического кризиса эти источники уже являются неактуальными. Кроме того, активно реализуется китайская инициатива «Один

---

⁵⁹ Кузнецова Е., Скоробогатко Д. Дирижабли поднимут \$200 млрд. Совет безопасности выдвинул новый мегапроект // ИД Коммерсант. 11.08.2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3060944>

⁶⁰ Ректор МГУ готов представить концепцию мегапроекта ТЕПР на уровне Совета при президенте // ИА ТАСС. 23.01.2019. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6032299>

пояс, один путь»: в 2015 г. китайский и российский лидеры договорились о ее сопряжении с ЕАЭС. Это заставляет по-новому взглянуть на перспективы ТЕПР, который может стать российским вкладом в развитие евразийского пространства, взаимодействуя с китайскими, казахстанскими, монгольскими и другими партнерскими инициативами. Его осуществление позволило бы решать проблемы хозяйственного развития азиатской России и, опираясь на это развитие, обеспечить ее подключение к процессам экономического развития Евразии. Это будет содействовать превращению России в важнейшего самостоятельного и конструктивного игрока на евразийском пространстве, действующего в тесной координации с партнерами как на Востоке, так и на Западе.

ШОС в поисках новой роли

Опубликовано в кн.: Мир на взводе: пружина разжимается. М.: Эксмо, 2015. С. 161–171

ШОС сегодня: достижения и проблемы

Созданная в 2001 г. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) прошла довольно долгий путь и вызывает значительный интерес в мире. В то же время этот интерес в чем-то даже более значителен, нежели тот, который могли бы вызвать реальные достижения организации.

В чем причина столь повышенного внимания? ШОС, будучи по своей сути объединением регионального сотрудничества, часто воспринимается как потенциальный центр формирующегося многополярного мира, способный стать альтернативой – или противовесом – США и их союзникам. В этом смысле ШОС заняла ту нишу, которая освободилась после распада СССР, или, по крайней мере, ее часть.

Распад Советского Союза в начале 90-х годов XX в. вызвал кардинальное изменение баланса сил в международных отношениях, основанных на противостоянии двух основных центров силы. Несмотря на то, что еще в период существования СССР некоторые исследователи отмечали тенденцию к многополярности, отмечая рост влияния государств – региональных лидеров, исчезновение этой мощной державы с карты мира привело к возникновению определенного вакуума. Не все, в том числе и в незападном мире, с симпатией относились к СССР. Но без него у ряда стран, в особенности крупных, появились опасения, связанные с внешней угрозой. Она исходила, во-первых, из общей нестабильности международной ситуации (биполярная система гарантировала определенный порядок), а во-вторых, из возможности ущемления своих интересов единственным оставшимся мощным центром силы, который лишился каких-либо сдержек и противовесов.

Таким образом, когда в США праздновали победу в холодной войне, а Ф. Фукуяма объявлял о «конце истории», в Китае, Индии, Бразилии, как и во многих других государствах Азии, Африки и Латинской Америки, смотрели на ситуацию с беспокойством. Прояви США сдержанность, возможно, дальнейшие события сложились бы и несколько по-другому, однако пришедший к власти в Вашингтоне Билл Клинтон, а затем, еще в большей степени, Дж. Буш стали проводить курс на закрепление успеха и обеспечение полного американского господства в мире. Европа не смогла или не захотела проводить самостоятельный курс и последовала в русле политики Вашингтона.

Объединенный Запад все в большей степени пытался взять на себя функции международного арбитра, подменить международное право собственными решениями. Это проявлялось в игнорировании Совета Безопасности ООН в случаях, когда там не удавалось получить желаемого результата, предоставлении права НАТО и отдельным его членам вмешиваться в международные конфликты без решения СБ. Конфликты в Ираке, Югославии (в особенности насильственное отделение Косово от Сербии), а затем – в Ливии, где Запад явно превысил полномочия, предоставленные резолюцией СБ ООН, а затем в Сирии, где он начал уже безо всякого международного решения содействовать свержению законного правительства, что привело к дестабилизации всего региона, – все это не могло не вызвать крайней озабоченности в незападном мире.

Недовольные этой ситуацией страны начали наводить мосты между собой. Координация первоначально не была направлена против Запада, так как все участники процесса в значительной мере были вписаны в западную систему и дорожили сотрудничеством с ней. Но они стремились нащупать возможность координации позиций по тем параметрам, которые в новой системе координат их не устраивали. Это привело к созданию или укреплению организаций и групп, в которых государства Запада не участвовали: АСЕАН и различные форматы сотрудничества вокруг нее, ШОС, СЕЛАК и, конечно, БРИКС.

Деятельность ШОС в целом можно разделить на три направления: сотрудничество в области поддержания региональной безопасности, экономики и культуры. Из них наибольших достижений организация смогла добиться в области безопасности.

Заклучен ряд важнейших международных договоров, регулярно проводятся совместные военные учения. Особое значение имеет ко-

ординация действий по противодействию международному терроризму. Все государства – члены ШОС подвергаются или подвергались атакам международных террористов. В связи с выводом Международных сил по поддержанию безопасности из Афганистана эта угроза может усилиться. К проблематике безопасности также относятся такие направления деятельности ШОС, как борьба с нарко-трафиком, информационная безопасность, проблемы нелегальной миграции.

Экономическое сотрудничество в рамках ШОС – тема наиболее сложная. Здесь организация еще не смогла достичь значительных успехов. На протяжении долгих лет эксперты и политики стран-членов говорят о необходимости создания Банка развития ШОС, который мог бы финансировать многосторонние межгосударственные экономические проекты. Но пока создана лишь договорная база: на практике многосторонние проекты не осуществляются и система их финансирования до сих пор не создана.

Сотрудничество в сфере образования и культуры особенно важно сегодня, когда евразийский мир ищет собственную, уникальную культурно-ценностную основу региональной интеграции. Однако и здесь делается немного. Пожалуй, единственное крупное достижение – создание сетевого Университета ШОС, но его деятельность могла бы быть гораздо более активной.

Важна и тема расширения ШОС. Существуют планы принятия в организацию Индии и Пакистана в качестве полноправных членов (ныне они имеют статус наблюдателя). Принятие таких крупных государств, естественно, коренным образом изменит характер ШОС. Как сделать так, чтобы эти изменения были конструктивными, укрепили, а не ослабили ШОС – важнейший вопрос дальнейшего существования организации.

Интенсификация российско-китайского сотрудничества и ШОС

Подписание 8 мая 2015 г. президентом В.В. Путиным и председателем Си Цзиньпином «Совместного заявления Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути ставит серьезные вопросы перед ШОС. Фактически речь идет о дальнейшем смысле ее существования.

Представление в 2013 г. Пекином плана Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) стало во многом реакцией на разочарование Пекина в экономической составляющей ШОС. При создании ШОС в КНР возлагали большие надежды на способность этой структуры организовать многостороннее экономическое сотрудничество. Пекин, естественно, преследовал собственные цели: реализовывать свои товары, использовать излишки рабочей силы и капитала в ближнем зарубежье. Для этого Китай предлагал различные проекты: от введения зоны свободной торговли до создания Банка развития ШОС. Однако все эти предложения были заблокированы другими членами организации, в том числе Россией. В Москве опасались китайского экономического доминирования и предпочитали вести сотрудничество в привычных «постсоветских» рамках.

В качестве первоначальной реакции Пекин предложил ряд программ по инвестированию в государства ШОС на двусторонней основе, записывая их в актив организации. Кроме этого, фактически никакие другие экономические проекты в ШОС не осуществлялись. Наконец, Пекину показалось тесно в вязких рамках ШОС, и он выступил с более широкой инициативой ЭПШП.

Россия с самого начала рассматривала ШОС в большей степени не как экономическую, но как политическую организацию. При этом военно-политическое взаимодействие планировалось укреплять через ОДКБ – ШОС же отводилась роль некоего идеологического олицетворения концепции многополярного мира: принимались декларации, в которых формулировалось незападное видение мира, его многополярность, иные ценности и т.п., но серьезной организационной деятельности не велось.

«Шелковый путь» ставит вопрос о будущем экономической составляющей ШОС. Если экономическое сотрудничество между Китаем и центральноазиатскими членами ШОС, из которых два (Казахстан и Киргизия) уже входят в ЕАЭС, а некоторые другие могут войти в будущем, будет осуществляться в рамках концепции сопряжения, и именно по этой линии пойдут основные инфраструктурные проекты, то в чем тогда будет заключаться роль ШОС? И если экономическая сторона ШОС так и не окрепнет, чем займется организация? Только безопасностью?

Но здесь у ШОС нет реальных рычагов воздействия на ситуацию, за исключением деклараций. Согласно Хартии, ШОС – не военный союз, организация не планирует создавать собственные силы быстрого реагирования, поэтому в случае серьезных угроз безо-

пасности в Центральной Азии, гораздо более реально ждать помощи от ОДКБ.

Расширение и переформатирование ШОС

В этих условиях единственной возможностью для ШОС не превратиться в дискуссионный клуб может стать расширение организации. Вопрос о принятии новых членов давно назрел. Кроме того, у ШОС нет формальных оснований кому-то отказывать.

Согласно Хартии (основному документу) ШОС является открытой организацией. Нежелание принимать новых членов официально объясняли техническими причинами – отсутствием механизмов присоединения. Однако к концу первого десятилетия существования организации такой механизм был создан, разработана четкая процедура. На заседании Совета глав государств (СГГ) в Ташкенте в июне 2010 г. одобрено Положение о порядке приема новых членов. В этом документе четко сформулированы критерии, которым должно соответствовать государство – член ШОС. Согласно Положению, оно должно принадлежать к евроазиатскому региону, иметь дипломатические отношения со всеми странами-членами, обладать статусом наблюдателя или партнера по диалогу, поддерживать активные (субстантивные) торгово-экономические связи с партнерами по организации, не находиться под санкциями СБ ООН. Последний критерий отсек на неопределенное время возможность членства одного из активных заявителей – Ирана.

В сфере безопасности обязательства государства, претендующего на полное членство, не должны противоречить международным договорам и иным документам, принятым ШОС. Кроме того, оно не может находиться в состоянии вооруженного конфликта с другим государством или государствами.

На саммите ШОС в Астане в июне 2011 г. был принят типовой «Меморандум об обязательствах государства-заявителя в целях получения статуса государства – члена ШОС». После этого не осталось никаких формальных оснований отказывать в приеме желающим, ссылаясь на отсутствие соответствующих процедурных документов.

Первым о намерении вступить в ШОС еще в 2006 г. заявил Пакистан, обладавший статусом наблюдателя. На следующий год в организацию обратился Иран, также имеющий статус наблюдателя. В 2010 г. об этом заявил еще один наблюдатель – Индия.

В 2009 г. на саммите ШОС в Екатеринбурге был введен новый статус – «партнер по диалогу», который получили Шри-Ланка и Белоруссия. На саммите в Астане в июне 2012 г. к ним присоединилась Турция, а Афганистан стал пятым наблюдателем. Однако ни одна страна до сих пор не была принята в качестве полноправного участника.

После отсечения находящегося под санкциями Ирана основным сторонником расширения стала выступать Россия. На саммите в Душанбе в 2008 г. она инициировала создание специальной группы экспертов ШОС по вопросам расширения организации, которая и подготовила проекты документов о вступлении. Поддержка Москвой стремления Индии стать полноправным членом ШОС зафиксирована в тексте совместной российско-индийской декларации об углублении стратегического партнерства, подписанной главами двух государств во время официального визита в Россию премьер-министра Республики Индия М. Сингха в декабре 2009 г.

Главным оппонентом приема новых членов в ШОС до сих пор выступала КНР. Официально Пекин против расширения организации не возражает, но говорит о том, что для этого еще «не созрели условия». При этом выдвигается ряд аргументов. Первый сводится к тому, что вступление в ШОС – сравнительно молодой интеграционный институт – какой-либо крупной страны вызовет массу организационных проблем, будет еще более затруднен и так непростой процесс принятия решений. С этим аргументом, между прочим, ранее соглашалась и Россия, впоследствии изменившая свою позицию. Реальная причина сомнений Китая – сложные двусторонние отношения с Дели, нежелание терять часть влияния, к чему неизбежно приведет участие в ШОС такой крупной державы, как Индия.

Новая роль для ШОС

Принятие в ШОС в качестве полных членов Индии, Пакистана, и, возможно, в недалеком будущем, Ирана, поставит организацию в совершенно новые условия. В результате ШОС будет включать ведущие незападные государства Евразии. С учетом того, что все более разочаровывающаяся в Европе Турция уже получила статус наблюдателя ШОС, такой же статус имеет и европейская, но обладающая своеобразной политической системой Белоруссия, и разочарованная в Западе из-за его бессмысленной защиты тамильских сепаратистов Шри-Ланка. После расширения можно будет говорить о склады-

важнейшей роли ШОС как важнейшей структуры возникающего многополярного мира, своеобразной платформы, объединяющей евразийскую альтернативу Западной Европе. Если БРИКС превращается в представляющую интересы незападного мира альтернативу Западу в системе глобального управления (более узко – альтернативу «семерке» и «двадцатке»), то ШОС станет вторым незападным полюсом Евразии (если считать, что Западная Европа тоже входит в Евразию).

При этом, если БРИКС, так же как «семерка», и «двадцатка», не являются организациями, то ШОС все же довольно четко организационно оформлена. В то время как ЕАЭС стремится стать экономической альтернативой ЕС, ШОС может быть его политико-идеологической альтернативой. При этом, как и в случае с БРИКС, эта альтернатива не является конфронтационной, второй полюс Евразии не заинтересован в борьбе на уничтожение с первым. Напротив, его программа – конструктивное сотрудничество, но при условии признания его особенностей и равноправия.

В чем заключается эта альтернатива? Ее можно сформулировать в нескольких пунктах:

1) невмешательство во внутренние дела других государств (и ответственность самих государств за свою стабильность – в отличие от западной концепции «ответственности по защите» как прикрытия вмешательства во внутренние дела);

2) сохранение ведущей роли ООН и СБ;

3) более справедливая система глобального управления без ее ломки, учет интересов незападного мира;

4) уважение ценностных различий, отказ от навязывания собственных ценностей в качестве универсальных.

Для соответствия этой новой роли ШОС должна серьезно измениться. Она должна превратиться из организации, занимающейся российско-китайским взаимодействием в Центральной Азии, в гораздо более широкий интеграционный институт. В ее рамках крупные западные государства восточного полюса Евразии должны на равноправной основе согласовывать интересы, отличные от интересов западного полюса, и, по возможности, выработать совместную позицию по отношению к нему.

Индия и Пакистан – крупные государства с множеством проблем и сложными отношениями между собой. Поэтому их принятие в ШОС породит множество вопросов: от мелких, типа перевода всех имеющихся документов на английский язык, который наверняка станет третьим официальным (пока это только русский и китай-

ский), до гораздо более принципиальных. Не потеряет ли организация своего лица? Не станет ли менее эффективной за счет усложнения механизма принятия решений, для чего необходим консенсус? Все это – не праздные вопросы. Например, многие считают, что ЕС стал гораздо менее эффективным именно из-за чрезмерного расширения. Однако плюсы присоединения этих стран все же перевесят минусы. Подключение Индии сделает ШОС гораздо более мощной и влиятельной международной организацией, с которой многим придется считаться, ведь она будет представлять большую часть незападного мира.

Кроме того, присоединение динамично развивающейся Индии может во многом стимулировать экономические проекты ШОС, особенно в Центральной Азии, с которой у Дели широкие традиционные связи. Таким образом, одновременное принятие в организацию Индии и Пакистана может значительно укрепить позиции ШОС в мире и дать новый импульс ее развитию. Подключение этих крупных государств значительно укрепит геополитическое влияние организации и торгово-экономическое сотрудничество между его членами (пока что самую слабую сферу деятельности организации). Кроме того, после вступления демократической Индии вряд ли кто-то сможет говорить о ШОС как о «союзе диктаторов»; ее присоединение ознаменует новый шаг в консолидации незападного мира, основные игроки которого – во многом из-за желания избежать доминирования Запада – тяготеют друг к другу, даже несмотря на существующие противоречия.

Что касается другого наблюдателя – Ирана, то и его принятие в ШОС в нынешней международной обстановке также было бы весьма желательным. Во-первых, Иран проводит самостоятельную внешнюю политику и может быть важным партнером России и Китая в их стремлении сохранить собственную независимость, противостоять давлению Запада. Во-вторых, Иран – важнейший экспортер энергоресурсов и важный экономический партнер. В-третьих, это одна из основных сил, противостоящих террористической угрозе, исходящей от ИГИЛ. Однако для принятия Ирана существует препятствие – это санкции ООН.

В последнее время, однако, переговоры по иранской ядерной проблеме идут успешно. Россия как член «шестерки» посредников, занимающихся иранским урегулированием, прилагает все усилия для скорейшего снятия санкций. 31 марта 2015 г. на пресс-конференции в Лозанне министр иностранных дел России С.В. Лавров заявил, что

санкции с Ирана должны быть сняты «по достижении договоренности», т.е. сразу, а не поэтапно, как предлагают США. Если этого удастся добиться, то принятие Ирана может состояться если и не в этом году, то, возможно, в следующем.

Россия ранее выступала против его вступления в ШОС. При этом политика Москвы в отношении Тегерана всегда была частью более широкой внешней политики России. По мере ухудшения отношений с Западом важность Ирана понималась все больше. Однако иногда позиция по «иранскому вопросу» служила для балансировки этих отношений. Например, СМИ писали о том, что после грузинской войны 2008 г. была достигнута неформальная договоренность с Вашингтоном о том, что он закрывает глаза на признание Россией Абхазии и Осетии, а Россия голосует за санкции против Ирана в СБ ООН.

Сегодня ситуация изменилась. Россия разочаровалась в позиции Запада, и у нее нет причин идти у него на поводу. Противоречия между Китаем и Западом (особенно с США) также обостряются. В этой обстановке становится очевидной самоценность отношений со странами, проводящими независимую внешнюю политику, в том числе с Ираном. И его принятие в ШОС полностью отвечает интересам как России, так и Китая.

Особенно важно то, что расширение ШОС даст дополнительный импульс экономическому сотрудничеству в рамках организации и выведет его за рамки сопряжения проектов Китая и ЕАЭС. Многосторонние проекты ШОС смогут быть гораздо шире и привлекать новых участников, у которых имеются собственные весьма широкие экономические интересы и планы. Например, у Индии – свои экономические отношения с КНР и Россией и давние исторические связи с Афганистаном (наблюдатель ШОС) и Центральной Азией. Иран является ключевым энергетическим партнером как России, так и Китая. Таким образом, через расширение экономическое сотрудничество в ШОС получит собственную программу, отличную от взаимодействия России и Китая в Центральной Азии.

Особое внимание в этом смысле должно быть уделено конкретным структурам и проектам многостороннего экономического сотрудничества. Среди них:

- Начало активной деятельности Энергетического клуба ШОС, создание его постоянной структуры, деятельность которой была бы направлена на координацию экспорта и импорта энер-

горесурсов между членами и наблюдателями организации. В ШОС – в тех иных форматах – входят несколько крупнейших экспортеров (Иран, Россия, Казахстан) и импортеров энергоресурсов (Китай, Индия). Эффективная координация их политики может сделать Энергетический клуб ШОС одной из ведущих международных организаций в этой сфере. Именно в этой структуре можно было бы подумать и о создании так называемого газового ОПЕК.

- Скорейшее создание и начало работы Банка развития ШОС, способного финансировать многосторонние экономические проекты. Реализация нескольких крупных многосторонних проектов имела бы огромное значение для повышения привлекательности организации.
- Создание органа координации инфраструктурных проектов между Россией и членами ЕАЭС, с одной стороны (они будут вырабатывать единую позицию в рамках сопряжения), и другими членами, наблюдателями и партнерами по диалогу ШОС – с другой.

Новый импульс получит и культурно-гуманитарное сотрудничество. В результате расширения ШОС объединит уже не три, а пять уникальных центров мировых цивилизаций. Мирное и конструктивное взаимодействие между ними без навязывания другим собственных ценностей и подходов должно стать примером для всего мира.

В целом ШОС должна оставаться региональным объединением, цель которого – не конфронтация с кем-либо (даже в условиях, когда сегодня эта конфронтация активно навязывается Западом), но постепенный переход к решению проблем региональной безопасности собственными силами. В идеале должно наступить время, когда проблемы вроде афганской будут решаться в рамках ШОС и других региональных механизмов, без вмешательства извне. В области экономики необходимо активнее развивать многосторонние проекты, задействуя потенциал крупных государств: России, Китая, Индии и Ирана. Всему этому должно способствовать подключение к работе организации новых влиятельных государств, которые помогут ШОС обрести новое лицо.

О задачах и перспективах дальнейшей работы форума ШОС (по материалам 10-го заседания форума ШОС)

Опубликовано в кн.: Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2015. Т. 14. № 4(14). С. 157–163. – В соавт. с А.В. Ивановым

Десятое заседание Форума ШОС состоялось 11–12 марта 2015 г. в г. Ханты-Мансийск (Россия). Заседание открыл ректор МГИМО МИД России А.В. Торкунов. С приветствиями к участникам заседания обратились заместитель министра иностранных дел РФ И.В. Моргулов, Генеральный секретарь ШОС Д.Ф. Мезенцев и временно исполняющая обязанности Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Н.В. Комарова.

В заседании Форума приняли участие более 80-ти экспертов, в том числе делегации Национальных исследовательских центров ШОС государств – членов Организации, представители научных центров государств-наблюдателей (Индии, Монголии, Пакистана, Афганистана) и партнеров по диалогу ШОС (Белоруссии, Турции).

В соответствии с Регламентом Форума перед заседанием состоялась рабочая встреча руководителей Национальных исследовательских центров государств – членов ШОС, в которой приняли участие: руководитель, ученый секретарь Института мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Е.А. Пастухов, исполнительный директор Китайского центра исследований ШОС Ли Фэнлинь, генеральный секретарь Китайского центра исследований ШОС Чэнь Юйжун, советник директора Национального института стратегических исследований Кыргызской Республики Н. Момунов, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО МИД России А.В. Лукин, директор Центра стратегических

исследований при Президенте Республики Таджикистан Х. Холикназар, руководитель проекта Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан А. Расулов.

На заседании состоялось всестороннее обсуждение следующих вопросов:

1. Основные достижения и проблемы сотрудничества в рамках ШОС в области безопасности.

2. Проблемы углубления экономического сотрудничества в рамках ШОС.

3. Гуманитарные проекты ШОС.

4. Перспективы расширения ШОС и отношения с другими международными организациями.

Обсуждение проблем безопасности не выявило существенных разногласий. Однако ряд участников высказал опасения относительно возможных последствий полного вывода сил Международной коалиции из Афганистана. В частности, представитель Узбекистана А. Расулов призвал к большей координации действий с силами МССБ. В то же время китайские и афганские специалисты выступили за то, чтобы афганцы сами решали свою судьбу.

Активно обсуждался на заседании и китайский план создания Экономического пояса Шелкового пути. Большинство экспертов согласилось, что этот план не противоречит инициативам ШОС и работе Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Было подчеркнуто, что все три проекта необходимо тесно координировать между собой с тем, чтобы они дополняли друг друга.

По мнению главы китайской делегации, директора Института социального развития Евразии Центра исследований проблем развития Госсовета КНР Ли Фэнлиня, в настоящее время ШОС сталкивается с новыми вызовами, в числе которых: 1) ИГИЛ, в рядах которого воюют граждане некоторых стран – членов ШОС; 2) Афганистан, который может стать фактором нестабильности после вывода оттуда вооруженных сил США. Ли Фэнлинь выразил надежду, что ШОС и ЕАЭС выстроят отношения сотрудничества.

Касаясь китайской инициативы Экономического пояса Шелкового пути, китайский представитель отметил, что она не подменяет ШОС. По его мнению, экономические возможности Пояса, ШОС и ЕАЭС дополняют друг друга, и тут нет проблемы выбора. Ли Фэнлинь призвал Россию отбросить подозрительность к Китаю, а Китай – уважать традиционные интересы России, в том числе в Цен-

тральной Азии. По его мнению, РФ и КНР необходимо создать благоприятную атмосферу для более тесного сотрудничества.

Директор Института Евразии Китайской академии международных проблем Чэнь Юйжун отметила, что ШОС приняла ряд документов, заложивших правовые основы обеспечения безопасности перед лицом «трех сил зла», быстро усиливающихся, особенно в регионе ЦА, где для религиозного экстремизма есть социальная база. По ее мнению, в Афганистане после вывода американских войск ситуация ухудшилась, вернулись экстремизм и терроризм. Кроме того, отметила она, НАТО не боролась против наркотиков, а геополитическая игра, отражением которой стали события на Украине, также ухудшает ситуацию с безопасностью.

Чэнь Юйжун подчеркнула, что в 2015 г. большинство стран ЦА вступают в год выборов, что увеличит опасность «цветных революций». В этих условиях ШОС необходимо сыграть ключевую роль в решении проблем безопасности и усилить сотрудничество в этой области.

И. о. директора Института Дальнего Востока РАН С.Г. Лузянин внес ряд предложений по оптимизации модели ШОС. По его мнению, для повышения эффективности работы Организации ей необходимы: 1) проработка возможностей параллельного существования проектов ШОС, ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути путем устранения конфликтных сценариев и недоверия; 2) усиление правовой базы военного сотрудничества ШОС при сохранении статуса ШОС как невоенной Организации; 3) создание на полях ШОС треугольника РФ–КНР–Монголия; 4) повышение экономической безопасности ШОС путем реализации многосторонних проектов; 5) создание финансовой базы ШОС; 6) обновление Делового совета ШОС.

Ведущий научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО М.А. Конаровский отметил, что в значительной степени двустороннее сотрудничество стран – членов ШОС все еще выдается за общешосовское и что на международном уровне ШОС остается, прежде всего, декларативным институтом, за решениями которого не следуют конкретные практические шаги, способные (в отличие от ЕС и НАТО) реально влиять на развитие событий в региональном и тем более глобальном масштабе. Это вызвано огромной разницей в размерах, потенциалах и геополитических задачах стран-участниц, а также наличием достаточно глубоких противоречий практически между всеми членами ШОС. Эти факто-

ры предопределяют пока еще сохраняющуюся внутреннюю слабость и недостаточную устойчивость ШОС. Российский эксперт отметил, что все большую актуальность будет приобретать проблематика обеспечения безопасности и стабильности, в связи с чем стоит подумать о создании в рамках ШОС регионального форума безопасности по примеру АРФ, всемерно привлекать к сотрудничеству на анти-террористическом треке государств-наблюдателей и партнеров по диалогу. Вместе с тем М.А. Конаровский считает нереалистичной идею создания совместной оборонной структуры ШОС, поскольку на это вряд ли пойдет Китай, а остальные члены Организации (за исключением Узбекистана) уже являются членами ОДКБ.

Заместитель директора Индийского института объединенных служб, генерал-майор в отставке Б. К. Шарма дал развернутый анализ ситуации в Афганистане и призвал к укреплению международного сотрудничества для борьбы с терроризмом. Он выразил готовность Индии активно участвовать в сотрудничестве в области безопасности в рамках ШОС.

В процессе обсуждения проблематики **экономического сотрудничества** в рамках ШОС некоторые участники критиковали позицию России, которая, по их мнению, сдерживает создание банка развития ШОС, из-за чего уже долгие годы не может начаться финансирование многосторонних экономических проектов. Высказывалось мнение, что китайские планы по созданию Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Экономического пояса Шелкового пути связаны с желанием Китая действовать самостоятельно вследствие разочарования в возможности активного развития экономического сотрудничества в рамках ШОС. В результате России, вместо того чтобы участвовать в банке ШОС на паритетных началах, теперь приходится присоединяться к инициативам, выдвинутым в Пекине.

Были сформулированы и конкретные предложения о том, как создать Банк ШОС, как добиться того, чтобы в нем не доминировала одна из стран, а его средства работали в интересах всех членов Организации. В свою очередь руководитель программы «Россия в АТР» Московского Центра Карнеги А.Т. Габуев призвал согласиться на создание Банка ШОС на условиях формирования уставного капитала пропорционально размеру экономик. При этом, однако, следует четко прописать правила, согласно которым Банк будет осуществлять инвестирование, обеспечит доступ компаний к проектам, определит экологические стандарты и т.д.

Директор Центра исследований России Шанхайской академии международных исследований Ли Синь также посвятил свое выступление вопросам соотношения ШОС, Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза. Эксперт предложил создать валютный фонд ШОС, изучить возможность введения «супер-суверенной» валюты и содействовать государствам-членам в диверсификации валютных резервов. Он призвал также содействовать формированию общего денежного рынка и рынка облигаций, поддерживать использование в регионе национальных валют.

Временно исполняющая обязанности губернатора Ханты-Мансийского автономного округа Н.В. Комарова обозначила несколько направлений сотрудничества округа с ШОС. Первое – это развитие совместных инфраструктурных проектов, которые могут быть синхронизированы с планами Китая по созданию Экономического пояса Шелкового пути. Она выступила за осуществление совместных проектов в области нефтегазсервиса, нефтегазхимии, IT-технологий, медицины; за развитие общей научной и образовательной среды, включая активизацию научных и гуманитарных проектов Университета ШОС; запуск крупных многосторонних проектов, связанных с экологией Иртыша и Амура, соединяющих отдельные страны ШОС и регионы входящих в ШОС стран. С особым интересом участники отнеслись к предложению Н.В. Комаровой активизировать сотрудничество между регионами государств-членов и создать Фонд исследований ШОС.

Научный сотрудник Института стратегических исследований при Совете национальной безопасности Монголии Сарантуяа Нансал говорила о заинтересованности Монголии в сотрудничестве со странами ШОС в разработке монгольских энергоносителей на основе новейших технологий, не причиняющих вреда окружающей среде. Эксперт призвала ШОС обратить внимание на проекты в сфере транспортно-логистического сотрудничества и на транзитные перевозки нефтегазовой продукции через территорию Монголии из России в Китай. Она также отметила заинтересованность Улан-Батора в создании транспортных коридоров, связывающих Монголию со странами Центральной Азии, а также в создании зоны свободной торговли стран ШОС в контексте реализации китайской инициативы и программы Экономического пояса Шелкового пути. Монголия весьма заинтересована в создании торговой зоны в своих западных регионах, которая могла бы обеспечить стране прямую экономическую связь с государствами Центральной Азии и Россией.

Директор Центра международных исследований факультета международных исследований Белорусского государственного университета Е.А. Достанко рассказала об экономическом измерении во взаимодействии Белоруссии с ШОС. В качестве примеров удачного экономического сотрудничества Белоруссии с ШОС она назвала создание опытного образца первого в СНГ многоцелевого морского беспилотного комплекса, для которого Белоруссия разрабатывала программное обеспечение, а также создание в Белоруссии Парка высоких технологий и Китайско-Белорусского индустриального парка (работы вступили в завершающую фазу). Эксперт сформулировала предложения по участию Белоруссии в реализации проекта Экономического пояса Шелкового пути, состоящие в модернизации участков двух трансевропейских коридоров; совершенствовании логистической инфраструктуры на своей территории, в том числе с участием китайских компаний; совершенствовании автодорожной инфраструктуры, формировании дополнительной транзитной сети с участием стран – членов ЕС; проведении мероприятий по повышению загрузки железнодорожных составов, следующих из Европы в Китай; решении задач по оптимизации доставки грузов; использовании белорусских аэропортов как оптимальных пунктов для транзитных технических посадок на дозаправку и обслуживание, а также стыков рейсов для зарубежных авиакомпаний. Эксперт отметила, что потенциально регион ШОС является для Белоруссии важным направлением для достижения поставленных президентом А. Лукашенко задач по диверсификации экспорта и наращиванию внешне-торгового товарооборота.

Научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ «Высшая школа экономики» И.А. Макаров призвал к активизации экологического сотрудничества в рамках ШОС. Необходимость этого он обосновал: 1) повышением внимания к этой теме в Китае и ростом готовности КНР обсуждать экологические инициативы с другими государствами; 2) постепенным переносом трудоемких и энергоемких производств из Китая в другие азиатские страны, в том числе в ЦА, что означает, что экологические проблемы соседних с Китаем стран, которые воспринимались Пекином как внешние, а потому не заслуживающие пристального внимания, постепенно становятся для него важными. Среди возможных направлений экологического сотрудничества в рамках ШОС эксперт отметил: 1) регулирование использования водных ресурсов; 2) координацию систем торговли квотами на выбросы парниковых газов;

3) гармонизацию экологических стандартов и обмен зелеными технологиями.

Заместитель председателя Исполнительного комитета Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» С.В. Тихомиров также отметил необходимость усилий в целях решения проблем окружающей среды, в частности утилизации золошлаков путем включения соответствующей программы в экологические проекты на пространстве ШОС.

В дискуссии по **гуманитарной проблематике** был затронут широкий круг проблем и высказан ряд конкретных рекомендаций по активизации сотрудничества в области защиты окружающей среды, а также по работе сетевого Университета ШОС.

С интересной информацией выступил член Молодежного совета ШОС, депутат Государственной Дума ФС РФ В.С. Золочевский. Из его слов стало ясно, что Молодежный совет, объединяющий молодежные организации пяти стран-членов (кроме Узбекистана), гораздо дальше продвинулся по пути реализации конкретных многосторонних проектов сотрудничества, чем другие структуры ШОС. Он, в частности, подробно описал проект создания «Карты молодого человека ШОС». Начальник управления международных связей администрации Губернатора и Правительства Новосибирской области внес ряд конкретных предложений в сфере образования:

1. Внести на рассмотрение постоянно действующего Совещания министров образования стран ШОС предложение по разработке на национальных уровнях нормативных документов, позволяющих осуществлять кратковременные образовательные стажировки с поддержкой государства в вузах партнерских стран ШОС; создание единого центра стажировок ШОС, имеющего информацию о конкретных возможностях партнерских вузов, об их научно-преподавательском составе, оснащении лабораторий и т.д.; создание проектов, подобных европейским «Темпус», «Эразмус», «Молодежь в действии» и т.д.; развитие сетевого образовательного пространства, академической мобильности, внедрение программ «Гостевой профессор».

2. Рекомендовать Секретариату ШОС рассмотреть возможность учреждения в Организации единой службы академической мобильности (наподобие DAAD, Германия) с разветвленной сетью агентств, аккумулирующей и предоставляющей информацию о возможностях обучения в странах ШОС.

Дискуссия по проблематике расширения ШОС прошла особенно остро, активно выступали представители государств-наблюдателей и партнеров по диалогу.

Заведующий отделом Института России Китайской академии современных международных отношений Дин Сяосин отметил рост открытости ШОС, повышение ее международного влияния, расширение экономического сотрудничества, рост возможностей решения проблем региональной безопасности, обостряющихся в связи с ситуацией в Афганистане и активностью ИГИЛ. Говоря о проблемах, которые могут быть порождены расширением ШОС, китайский эксперт выделил несколько проблем:

1) *Проблему нового позиционирования*, связанную с необходимостью решить, где после расширения будет находиться сердцевина Организации, а также должно ли расширение иметь географические ограничения. Кроме того, по его мнению, чем больше членов имеет международная организация, тем сложнее процесс координации ее деятельности.

2) *Проблему внутренней координации*. Уже сейчас отношения внутри ШОС достаточно сложны, существуют конфликты и противоречия по поводу водных источников и пограничные споры, что оказывает негативное влияние на сотрудничество внутри ШОС. Сложные отношения существуют между Индией и Пакистаном. После присоединения этих стран к ШОС это может осложнить отношения внутри Организации и оказать влияние на эффективность согласования принципов деятельности.

3) *Технические проблемы*. Например, останется ли русский и китайский рабочими языками ШОС? Потребуется решения и вопрос выделения средств на содержание Секретариата и вопрос о статусе членов-учредителей.

Как отметил Дин Сяосин, расширение не должно проводиться ради расширения, оно должно быть постепенным, на основе всесторонних обсуждений и с учетом принципов и духа ШОС.

Представители Индии, в особенности научный сотрудник Института оборонных исследований и анализа (Министерства обороны Индии) Миина Сингх Рой, подвергли критике Китай за фактическое блокирование вступления их страны в ШОС и за недостаточный учет интересов соседей при выстраивании своей внешней политики. Ведущий научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО А.В. Иванов рассказал о большом интересе, который испытывают к ШОС в Японии. В ответ представитель ки-

тайской делегации Чэнь Юйжун заявила, что Индии следует, если она хочет стать полноправным членом, самой начать придерживаться «шанхайского духа», а Япония вообще не стоит того, чтобы о ней говорили.

Член комиссии по СМИ Независимой избирательной комиссии Афганистана Наджибулла Ачакзай, выступая на хорошем русском языке, подверг критике руководство Х. Карзая за коррумпированность и фактически обвинил в его поддержке, наряду с США, некоторые государства ШОС.

Эксперт Международного центра стратегических исследований (Анкара) Керим Хас отметил, что усиление интереса в Турции к ШОС вызвано не только предложением президента Т. Эрдогана о вступлении Турции в Организацию, высказанном президенту РФ В.В. Путину, но и прагматическими соображениями. Во-первых, по состоянию на 2014 г. 29% импорта в Турцию шло из стран ШОС (2003 г. – 16%). Объем импорта из государств ШОС составил 70 млрд долл., а экспорта в ШОС – 17 млрд долл. При этом доля импорта в Турцию из ЕС в период 2003–2014 гг. сократилась с 51 до 36%, а экспорта – с 58 до 43%. Эксперт признает, что Анкара заинтересована в установлении зоны свободной торговли с ШОС, но этот вопрос нуждается в дополнительной проработке. При этом, отметил К. Хас, уникальное географическое положение Турции предоставляет возможность для скорейшей реализации китайского проекта Экономического пояса Шелкового пути с инклюзивной, но не эксклюзивной политикой, учитывающей интересы Турции, по территории которой проходил исторический Шелковый путь.

Прочими факторами, работающими в пользу интереса Турции к ШОС, по мнению К. Хаса, является отказ Анкары примкнуть к антироссийским санкциям, а также успешное развитие в последнее десятилетие сотрудничества между Турцией и такими регионами России и Китая, как Татарстан и Синьцзян. К. Хас отметил, что к активизации «более прямых» связей с ШОС Турцию подталкивает динамика ситуации с безопасностью в регионе, в том числе представляющие угрозу для Турции «три силы зла» (терроризм, сепаратизм, экстремизм), особенно ИГИЛ, поскольку усилия Запада по борьбе с этими угрозами недостаточны. При этом и Турция может представлять интерес для ШОС в сфере обеспечения безопасности в регионе, учитывая богатый опыт Турции в Афганистане. Важно и то, что Турция – практически единственный член НАТО, который ведет переговоры с Китаем о закупке его противоракет дальнего ра-

диуса действия и ракетных технологий и давно сотрудничает с Россией в военно-технической области. Турецкий представитель отметил, что возможное сотрудничество Турции как члена НАТО с ШОС в сфере безопасности может позитивно сказаться на отношениях ШОС с Западом.

Интересные мнения были высказаны в ходе дискуссии по перспективам сотрудничества ШОС с другими международными организациями. Так, Исполнительный директор Национального комитета по исследованию БРИКС Г.Д. Толорая говорил о ШОС и БРИКС как о примере новых переговорных механизмов и площадок для согласования интересов различных участников новой «мультиплексной» системы международных отношений, которая позволит достичь компромисса и оформить новый «глобальный договор». Эксперт предупредил, что восприятие ШОС и БРИКС как антизападных структур может вызвать противодействие и сыграть самую неконструктивную роль в глобальном прогрессе. По его мнению, только во взаимодействии, а не в конфронтации с передовыми странами государства ШОС и БРИКС способны решить и глобальные задачи, стоящие перед человечеством, и задачи собственного развития, включая повышение качества жизни населения. Согласно Г.Д. Толорая, роль БРИКС как глобального межцивилизационного союза потенциально куда более перспективна и важна, чем роль ШОС – изначально региональной организации, ориентированной на стабильность и большую кооперацию на евразийском пространстве, чем на выработку нового миропорядка. Эксперт отводит БРИКС роль союза реформаторов глобальной системы управления (регулирования) и инструмента для выработки новой социально-экономической модели развития человечества, своего рода «нового капитализма». Он считает, что ШОС такую роль играть не может и не должна. Г.Д. Толорая отметил, что БРИКС в рамках доктрины «сетевой дипломатии» ставит своей целью активное взаимодействие с международными и региональными объединениями и группировками, что вписывается в концепцию «аутрич», когда каждая из стран БРИКС позиционирует себя в качестве естественного лидера и даже центра тяготения стран того региона, где она находится, и может выступать с защитой их интересов на мировой арене. Грядущий «совместный» саммит БРИКС и ШОС символичен, поскольку расширенный ШОС становится для БРИКС особым партнером в рамках «аутрича», так как органично входит в пространство «хартленда» Евразии – аналогов таких организаций с «двойным» членством в других регионах

нет (Африка, Латинская Америка, Юго-Восточная Азия). Цели, задачи и миссия обеих Организаций во многом совпадают. Но если основой объединения государств БРИКС являлась прежде всего экономика, то в ШОС упор пока в основном делался на сотрудничестве в области безопасности, противодействию терроризму, сепаратизму, экстремизму. В то же время ШОС значительно дальше продвинулась по пути институционализации, став полноценной организацией, тогда как БРИКС остается аморфной группировкой. В этих условиях можно вести дело к тому, чтобы поставить взаимодействие ШОС и БРИКС на системную основу, в том числе путем заключения соответствующих соглашений и «совмещения» форматов по образцу саммита в Уфе, считает Г.Д. Толорая. Кроме того, по его мнению, БРИКС и ШОС могут совместно выступать в качестве партнеров иных международных организаций, в частности ЕС, что для России было бы особенно важно.

М.А. Конаровский выразил опасения по поводу того, что принятие в состав ШОС Ирана может быть расценено на внешней арене как ярко выраженный коллективный антизападный демарш ШОС, и порекомендовал не спешить с изменением статуса Афганистана с «наблюдателя» при ШОС до «полного члена» в связи с наличием у Афганистана соглашения с США и НАТО о пребывании на его территории иностранных войск и сохранением глубоких внутренних противоречий и глеющего вооруженного противостояния центральных властей с талибами (к чему может добавиться и фактор ИГИЛ). Что касается возможного принятия в ШОС Индии и Пакистана, то по этому вопросу все участники, за исключением части представителей Китая, высказывались позитивно.

На заседании было принято решение, что, в соответствии с Регламентом Форума, председательство в Форуме с момента завершения заседания перейдет к Национальному центру Республики Таджикистан – Центру стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан, а следующее заседание Форума пройдет в 2016 г. в Республике Таджикистан.

Часть 3

**РОССИЯ
И КИТАЙ:
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ
ПАРТНЕРСТВО**

Визит В.В. Путина в Китай: от церемониала к конкретике

Опубликовано: Независимая газета. 19.10.2023.

URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2023-10-19/3_8857_kb.html

Российский президент В.В. Путин уже в третий раз был основным и наиболее почетным гостем в Пекине на Международном форуме «Один пояс, один путь», посвященном одноименной китайской глобальной инициативе, ставшей фирменным проектом китайского лидера Си Цзиньпина и включенной в устав правящей КПК. Китайская политика придает большое значение символам, и на этот раз особый статус российского президента был совершенно очевиден из каждой протокольной детали: он выступал первым после хозяина форума, на официальной фотографии занимал наиболее почетное место справа от него, все китайские СМИ цитировали его высказывания сразу вслед за словами собственного лидера. Это может показаться странным хотя бы потому, что Россия напрямую в китайской инициативе не участвует. Об этом ясно сказано на интернет-сайте российского МИД. Там же разъясняется, что Москва лишь осуществляет взаимодействие с ОПОП по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, т.е. не на двусторонней основе, а как часть более широкой организации. Она участвует лишь в нескольких международных форматах, связанных с ОПОП, а в работе других не задействована. Между тем лидер страны, которую Председатель Си сразу после прихода к власти в 2013 г. избрал для провозглашения этого самого Экономического пояса Шелкового пути, ныне ставшего первой частью ОПОП, – президент Казахстана К.-Ж. Токаев, на протокольном фото стоит слева от китайского лидера (2-е место). А Дж. Видодо, президент Индонезии, где в том же году была провозглашена вторая часть ОПОП – Морской Шелковый путь, занял лишь третью позицию.

Однако странным все это может показаться только непосвященным. Действительно, в ОПОП, а тем более в нынешних условиях, для России перспектив немного. Инициативе уже 10 лет, и поначалу на нее возлагали большие надежды. В частности, планировалось создание высокоскоростной железнодорожной магистрали через Сибирь в Китай. Обговорили даже ее первый участок: Москва–Казань. Но затем российское правительство признало ее «экономически нецелесообразной». На сегодня единственным транспортным проектом, осуществленным в рамках ОПОП, можно условно считать газопровод «Сила Сибири», введенный в эксплуатацию в 2019 г. Кроме того, Фонд Шелкового пути – китайский инвестиционный фонд, занимающийся в первую очередь крупными вложениями в инфраструктурные проекты ОПОП, купил доли в ряде российских компаний, в частности, в «Ямал СПГ» (проекте ОАО «НОВАТЭК») и «Сибур». Но все это не так много по сравнению с многочисленными китайскими проектами в ряде других стран как Азии и Африки, так и Европы. Кроме того, не следует забывать, что как Пояс, так и Путь рассматриваются Пекином как столь необходимые для его огромного экспорта транзитные пути в Европу, выход на рынки ЕС, а в этом смысле в обозримом будущем подсанкционная Россия вряд ли может рассматриваться им как полезный партнер.

Тем не менее не следует путать ОПОП и двусторонние отношения Москвы и Пекина. В отличие от проектов по линии ОПОП, они развиваются по восходящей. Россия крайне необходима Пекину прежде всего как геополитический партнер. Китай весьма обеспокоен стремлением США и их союзников к глобальному доминированию, его не устраивает военная активность США в Восточной и Азии и Тихом океане, сколачивание здесь Вашингтоном новых союзов и групп типа AUKUS (Австралия–Великобритания–США), Четырехстороннего диалога по безопасности (Австралия–Индия–США–Япония), попытки открыть в союзных Японии и Южной Корее представительства НАТО. Все это китайские лидеры считают стремлением Вашингтона создать азиатский аналог НАТО либо прямо «пристегнуть» деятельность дружественных США стран региона к Североатлантическому альянсу с тем, чтобы сдержать развитие Китая. С этой точки зрения такой близкий партнер, как Москва, сдерживающий наступление НАТО на другом направлении, для Китая, – ключевой игрок, без него Пекин остался бы с объединенным Западом один на один, а по крайней мере, пока в китайской столице к этому не готовы.

Все более возрастает для Китая и экономическая роль России. Конечно, общий торговый оборот с нашей страной, достигший в этом году, как было объявлено в ходе нынешнего визита, рекордной цифры 200 млрд долл., все же меньше, чем объемы китайской торговли с рядом других партнеров. Но это уже заметно. Кроме того, Россия во все большем объеме поставляет Китаю сравнительно недорогие энергоносители, а покупает все на свете: от машин и оборудования до ширпотреба. Все это – совершенно нелишнее для Пекина, отношения которого с Западом становятся все более натянутыми, а собственное экономическое положение далеко не идеально.

Все это по этим причинам, даже несмотря на то, что Москва, по мнению Пекина, порой ведет себя на международной арене чересчур резко и недостаточно осмотрительно, делает из нее крайне важного и ценного партнера, заслуживающего особого почета и уважения. Тот факт, что лидер столь мощной страны приехал в Пекин и принят на самом высоком уровне – знак для Запада, ответ Пекина на требования к США и Европы надавить на Россию или снизить с ней уровень сотрудничества, выражение стремления сбалансировать западную враждебность.

Не менее важно сегодня развитие сотрудничества с Китаем как в области безопасности, так и экономики, и для России. Именно поэтому основным моментом визита нынешнего визита В.В. Путина стала его более чем трехчасовая беседа с Си Цзиньпином, в ходе которой они обсудили и острые международные проблемы (например, ближневосточный кризис), и самые различные проекты в рамках двустороннего сотрудничества. По словам В.В. Путина, речь, в частности, шла о коридоре «Север–Юг», транспортном меридиане с Севера на Юг через Уральский регион России и Сибирь, модернизации центрального участка Транссиба, строительстве Северного широтного хода и других транспортных проектах, а также о китайских инвестициях на российском Севере, в Арктической зоне. Отметим, что все эти проекты для России – внутренние. Транзитные пути из Китая в Европу, вероятно, пока пойдут не через ее территорию. Но такое сегодня время.

Китай и новая ситуация на Украине

Опубликовано в сокр. виде под назв. «Китай и украинский кризис. Позиция Пекина пока не сформировалась окончательно» в изд.: Независимая газета. Дипкурьер. 27.03.2022. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2022-03-27/9_8401_china.html

Власти Китая столкнулись с серьезными проблемами в связи с российской военной операцией в Украине. С одной стороны, отношения между Пекином и Москвой в последние несколько лет достигли наивысшей степени близости. Для КНР это было обусловлено важностью России не только как поставщика сырья, но и как геополитического союзника в противостоянии США, которое было навязано ему еще во время президентства Дональда Трампа.

Эта «линия» была выражена в знаменитой формуле министра иностранных дел Ван И, выдвинутой в январе 2021 г., о том, что в отношениях между двумя странами отсутствуют конечная линия, запретные зоны и верхний ограничитель¹. Через год она была закреплена в совместном заявлении, принятом во время визита президента Владимира Путина в Китай, в котором Пекин впервые четко солидаризировался с российскими требованиями остановить расширение НАТО, а также совместно с Москвой призвал альянс «отказаться от идеологизированных подходов времен холодной войны, уважать суверенитет, безопасность и интересы других стран, многообразие их цивилизационных и культурно-исторических укладов»².

С другой стороны, с началом российской военной операции для Пекина возникли факторы, которые могут действовать в негативном

---

¹ 王毅 [Ван И], “中俄战略合作没有止境, 没有上限, 没有进去” [В китайско-российском сотрудничестве отсутствуют конечная линия, запретные зоны и верхний ограничитель]. 02.01.2021. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2021-01/02/c_1126937927.htm

² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. 24.02.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770>

направлении. Во-первых, новая ситуация ставит под вопрос всю идеологическую линию КНР, призванную обосновать принципиальное отличие агрессивной, гегемонистской политики США и их союзников, их неуважение суверенитета и территориальной целостности других стран, двойные стандарты в отношении к послушным и самостоятельным государствам от миролюбивого курса Китая и дружественной ему России, направленного на мирное сосуществование и конструктивное сотрудничество со всеми, в том числе с Западом.

Во-вторых, новая нестабильность в Европе, вызванная боевыми действиями, западными санкциями и ответными мерами России, создает проблемы для китайской экономики: рост цен на энергоносители, возможность для китайских компаний быть косвенно затронутыми антироссийскими санкциями и т.п. В-третьих, уже по ходу операции в Китае возникли сомнения относительно способности России быстро достичь поставленных целей и выйти из конфликта окрепшей, а не ослабленной.

Все это привело к дискуссии в китайском экспертном сообществе, которую можно проследить в различных публикациях и на основе общения с китайскими коллегами, даже несмотря на все большую идеологическую закрытость страны. Китайские авторы в целом продолжают писать о том, что нынешний конфликт был спровоцирован многолетней провокационной политикой США. Хороший пример – напечатанная в конце марта в нескольких номерах газеты Народно-освободительной армии Китая «Цзефанцзюнь бао», а затем растиражированная многочисленными интернет-сайтами статья военного аналитика Цзюнь Шэна, имя или псевдоним которого звучит как «голос армии». Автор обрушился с критикой внешней политики США и утверждает, что это «США заложили бикфордов шнур, который привел к нынешнему пожару войны в Украине», в течение долгого времени оказывая давление на Россию и сдерживая ее, сжимая стратегическое пространство этой державы, используя при этом два грязных трюка: последовательно осуществляя расширение НАТО на восток и организуя «цветные» революции на ее периферии³.

---

³ 钧声 [Цзюнь Шэн], 从乌克兰危机看美国在国际舞台上扮演的卑劣角色 [Циничная роль США на международной арене через призму украинского кризиса] // Сицзан цычжицьюй жэньминь чжэнфу. 01.06.2022. URL: https://www.xizang.gov.cn/xwzx_406/ztzl_416/cxzt/xzzzqrmzffzyjzx/zxdt/gwyfzyjzx/202205/t20220530_300656.html

Сомнения относительно идеологической верности российских действий хорошо выразил в статье, появившейся 28 февраля на сайте шанхайского журнала «Таньсо юй чжэнмин», известный китайский эксперт по России Ян Чэн. Изложив российскую аргументацию и признавая «первородный грех» НАТО, которое должно было быть распущено после распада СССР, он замечает, что и Россия должна строго соблюдать принцип, согласно которому «безопасность одной страны не может обеспечиваться за счет безопасности других стран». А теперь складывается впечатление, что обе стороны верят в утверждаемый политическими реалистами «закон джунглей», говорящий о неравенстве больших и малых государств, который действовал в международной политике с XIX в. Китай в этой ситуации действует правильно, не принимая чьей-либо стороны, выступая против игры с нулевой суммой и призывая к мирному урегулированию, уважению суверенитета и территориальной целостности всех стран и эффективному соблюдению целей и принципов Устава ООН⁴.

Мнения экспертов о том, как закончится конфликт и какую позицию должен занять Китай, высказываются самые разные. Так, Ху Сицзинь, бывший редактор газеты Global Times – рупора сторонников активно-силовой политики, – неожиданно выступил с весьма умеренными рекомендациями.

4 марта в длинном посте в соцсети «Вэйбо» он, пожелав России «плавного приземления» и восстановления надежного стратегического окружения на западном направлении, в то же время высказался против попыток «русификации» китайской внешней политики, т.е. призывов действовать так же, как Россия. С его точки зрения, сила Китая в отличие от России – не столько в армии, сколько в экономике, поэтому ему следует действовать более мягко и в расчете на более длительную перспективу, используя дипломатические методы, привязывая США к себе экономически и завоевывая преимущества в конкурентной борьбе⁵. Замдекана Института международных ис-

---

⁴ 杨成 [Ян Чэн], 认知偏差、平等声索与乌克兰危机的深层原因 [Когнитивные искажения, поиски равенства и глубинные причины украинского кризиса] // Таньсо юй чжэнмин. 28.02.2022. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA4MjcxMDEwNQ%3D%3D&mid=2686308912&idx=2&sn=15091a40ed0a6e188920cf52da3b74e7

⁵ 胡锡进: 中俄是坚定伙伴, 但网友们莫要中国外交“俄罗斯化” [Ху Сицзинь: Китай и Россия – прочные партнеры, но нетизены не должны требовать «русификации» китайской внешней политики] // Ифэн. 04.03.2022. URL: <https://news.ifeng.com/c/8E6rwHA5ILj>

следований Фуданьского университета Фэн Юйцзюнь в интервью, опубликованном на сайте телекомпании «Фэнхуан», отметил, что ключевым принципом, определявшим траекторию развития России, исторически всегда было напряжение между великодержавными амбициями и недостатком мощи. Сегодня Россия вновь энергично встала на путь восстановления империи, однако кроме стратегических ядерных вооружений ее общая государственная мощь характеризуется множеством изъянов. Поэтому лишь время покажет, сможет ли она восстановить империю или опустится до положения «одинокого острова»⁶. А заместитель гендиректора Центра исследования государственной политики Консультативного офиса при Госсовете КНР Ху Вэй в интервью, опубликованном 12 марта на зарубежном сайте, вообще выразил сомнение в том, что Россия сможет достичь своих целей, что поставит ее в трудную ситуацию, поэтому Китаю следует отказаться от нейтралитета и не предоставлять помощи Москве. По мнению Ху Вэя, это приведет к скорейшему миру, «поможет Китаю укрепить международный имидж и смягчить свои отношения с США и Западом», заслужив «широкое международное одобрение за поддержание международного мира»⁷.

Конечно, все эти во многом не совпадающие друг с другом позиции, несмотря на близость их выразителей к официальным структурам, могут быть названы лишь частными мнениями, не имеющими прямого отношения к официальному курсу. Как бы то ни было, они интересны для понимания того обсуждения, которое идет в стране.

Что касается официальной позиции, то она формулируется в заявлениях представителей МИД КНР, а также его дипломатами и, конечно, руководителями страны. Пожалуй, в наиболее четком виде она выражена в статье посла КНР в США Цинь Гана, опубликованной 15 марта в *Washington Post* специально для западной аудитории. Высокопоставленный дипломат отверг утверждения американских СМИ о том, что Китай якобы знал заранее о российских планах и даже просил Москву отложить военную операцию до конца зим-

---

⁶ 重建帝国还是沦为孤岛? 解析炮火中的俄罗斯走向 [Восстановление империи или превращение в одинокий остров? Анализ российского пути среди артиллерийского огня] // Фэнхуанван. 28.02.2022. URL: <https://news.ifeng.com/c/8E0RShETSfz>

⁷ Hu Wei, Possible Outcomes of the Russo-Ukrainian War and China's Choice // US-China Perception Monitor. March 12, 2022. URL: <https://uscnpm.org/2022/03/12/hu-wei-russia-ukraine-war-china-choice/>

них Олимпийских игр в Пекине. Более того, он даже отметил, что Китай – крупнейший торговый партнер как России, так и Украины, в Украине проживает более 6 тыс. китайских граждан, поэтому боевые действия там противоречат интересам Пекина. Китай, по его словам, сделал бы все возможное, чтобы предотвратить вооруженный конфликт, если бы знал о нем заранее. Китайский посол также опроверг утверждения о том, что Москва якобы обращалась к Пекину за помощью, и отметил, что Китай выступает за мирные переговоры и «продолжит координировать реальные усилия по достижению прочного мира», так как его конечная цель – «поддержание региональной и глобальной стабильности»⁸.

Эти позиции подтвердил и председатель КНР Си Цзиньпин во время онлайн-встречи с президентом США Джоозефом Байденом 18 марта. Он заявил: «Китай не хотел, чтобы ситуация в Украине стала такой, как сегодня. Китай выступает за мир и против войны. Этот подход – неотъемлемая часть китайской культуры». Си отверг попытку США заставить Китай оказать одностороннее давление на Россию и призвал все страны поддержать РФ и Украину в ведении результативных переговоров, способных привести к миру, а сами США – вступить в диалог с Россией, чтобы заняться сутью украинского кризиса и смягчить озабоченности и Москвы, и Киева в области безопасности⁹.

Заявления китайских официальных лиц, звучащие не во время диалога с американцами, еще более критичны в отношении Вашингтона. Так, 17 марта представитель МИДа Чжао Лицзянь заявил, что решение правительства США о расширении НАТО на восток напрямую связано с нынешним кризисом в Украине и что ключ к его урегулированию находится в руках США и НАТО¹⁰. За два дня до этого он призвал США глубоко задуматься о той роли, которую они сыграли в развитии украинского кризиса, и приложить осязаемые

---

⁸ Qin Gang, Chinese ambassador: Where we stand on Ukraine // The Washington Post. March 15, 2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/03/15/china-ambassador-us-where-we-stand-in-ukraine/>

⁹ Xi has candid, in-depth exchange of views with Biden // Xinhuanet. March 19, 2022. URL: <http://www.xinhuanet.com/english/20220319/3e721d52bec440dc913f4ffdc68106c7/c.html>

¹⁰ Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on March 17, 2022 // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. March 17, 2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xwfw_665399/s2510_665401/202203/t20220317_10652759.html

усилия для разрядки ситуации¹¹. В выступлении 19 марта замминистра иностранных дел Лэ Юйчэн привел сходную аргументацию, подвергнув резкой критике блоковое мышление и само существование НАТО после распада СССР, а также односторонние санкции, принимаемые без мандата Совета Безопасности ООН, которые он охарактеризовал как попытки «использовать глобализацию в качестве оружия»¹². Выступая в СБ ООН 14 марта, китайский постпред Чжан Цзюнь фактически солидаризировался с российской аргументацией, подчеркнув важность принципа неделимости безопасности и призвав к отказу от мышления холодной войны в контексте украинского кризиса¹³.

Таким образом, китайскую позицию можно сформулировать в следующих пунктах: 1) Китай выступает за скорейшее мирное урегулирование и сохранение территориальной целостности Украины; 2) по мнению Китая, военная операция России была спровоцирована политикой США, прежде всего расширением НАТО; 3) реакция Москвы была чрезмерной, и Китаю не следует идти по этому пути; 4) Россия остается важнейшим партнером, и любое урегулирование должно учитывать ее законные озабоченности, так же как и озабоченности Украины.

О том, что Пекин считает реакцию России чрезмерной, свидетельствует, в частности, тот факт, что в последних официальных высказываниях китайские чиновники формулируют свою позицию так, что критику силовой политики можно отнести не только к США и НАТО, но и к другим государствам, в том числе к России. Это достигается тем, что конкретные объекты критики не называются. Так, на встрече с генсеком ШОС Чжан Мином 17 марта Ван И призвал решительно противодействовать возрождению менталитета холодной войны и созданию блоковой конфронтации, выступить категорически против незаконных односторонних санкций,

---

¹¹ Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on March 15, 2022 // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. March 15, 2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/202203/t20220315_10651967.html

¹² Vice Foreign Minister Le Yucheng Attends and Addresses the Fourth International Forum on Security and Strategy // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. March 19, 2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjbxw/202203/t20220320_10653531.html

¹³ Chinese envoy stresses importance of indivisible security // Xinhuanet. March 15, 2022. URL: <http://www.xinhuanet.com/english/20220315/e96e89ae825046e29d64e7de56189a1d/c.html>

уважать цели и принципы Устава ООН и защищать международную справедливость. Однако кто именно всем этим занимается и не уважает международную справедливость, Ван И не уточнил¹⁴. Что касается позиции в отношении Украины, то китайский посол Фань Сяньжун, выступая во Львове, куда переехало посольство, согласно украинским СМИ, ясно говорил о том, что Китай будет и впредь оказывать помощь Украине в развитии и уважать «тот путь, который выбирают украинцы, потому что это суверенное право каждого народа»¹⁵.

В целом представляется, что позиция Пекина еще не сформировалась окончательно и может претерпеть некоторые изменения по ходу конфликта. Однако основные ее черты понятны. С одной стороны, принципиальный подход Китая по защите территориальной целостности всех государств остается неизменным. Это связано прежде всего с сепаратистскими проблемами самого Китая, а также с тем, что он позиционирует себя лидером государств Юга, для многих из которых проблема сохранения территориальной целостности также является одной из острейших. Не случайно в Пекине постоянно говорят о том, что ситуация с Украиной и Тайванем не имеет между собой ничего общего, так как первая – суверенное государство, а второй – неотъемлемая часть КНР.

С другой – Россия важнейший партнер КНР в противостоянии с США, сделавшими в последние годы чрезвычайно много, чтобы в Пекине поняли – это противостояние всерьез и надолго. Поэтому нынешние призывы США оказать им содействие в попытке «задушить» Москву вряд ли могут быть позитивно восприняты в Пекине, где прекрасно понимают, что, покончив с Москвой, США и НАТО с удвоенными усилиями возьмутся за обуздание оставшегося в одиночестве Китая. Запугать же Пекин санкциями также вряд ли удастся, так как поддержка США была бы для нынешнего пекинского руководства самоубийственной политикой. Пожалуй, лучше всех суть нынешних предложений США сформулировала в своем Твиттере известная китайская телеведущая англоязычного канала CGTN Лю

---

¹⁴ Chinese FM meets with secretary-general of SCO // Xinhuanet. March 17, 2022. URL: www.xinhuanet.com/english/20220317/db104aed302844ddb0695db605cc532/c.html

¹⁵ China will never attack Ukraine but will support it economically and politically // Ukrinform. March 15, 2022. URL: <https://www.ukrinform.net/rubric-politics/3430195-china-will-never-attack-ukraine-ambassador-assures.html>

Синь: «Помоги мне бороться с твоим другом, чтобы потом я бы мог сосредоточиться на борьбе с тобой»¹⁶.

Китаю невыгодно ослабление России. Скорее всего, Пекин будет оказывать ей всевозможное содействие, при этом стараясь избежать вторичного воздействия американских санкций, ради чего он может пойти на определенные уступки в наиболее чувствительных сферах, например в банковской, а также склоняя Москву к скорейшему урегулированию ситуации. Однако его тесное сотрудничество с Россией в будущем в большей степени будет опираться на собственные чисто геополитические интересы, чем на общее видение миропорядка.

---

¹⁶ CGTN Liu Xin, 刘欣. March 19, 2022. URL: <https://twitter.com/LiuXininBeijing/status/1505043155682402306>

Российско-китайское сближение: выгоды и вызовы

Опубликовано на сайте изд.: Независимая газета. Дипкурьер. 30.01.2022.
URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2022-01-30/9_10_8358_china.html

В начале февраля президент РФ Владимир Путин отправится в Китай, где примет участие в церемонии открытия зимних Олимпийских игр. Этот визит будет крайне важным по целому ряду причин. Во-первых, лидеры двух стран в условиях пандемии коронавируса давно не встречались друг с другом офлайн и вообще не часто лично посещают международные мероприятия.

Что стало тому виной – собственно коронавирус или неблагоприятная международная обстановка, в которой лидеры Запада, да и не только Запада, не упускают любой возможности обрушиться с резкой критикой на Москву и Пекин, – сказать сложно. Скорее всего имеет место сочетание обеих причин. В последний раз Путин и Си Цзиньпин очно встречались в ноябре 2019 г. на полях саммита БРИКС. С тех пор все встречи проходили в онлайн-формате, и, конечно, личные переговоры должны придать новую динамику двустороннему сотрудничеству.

Во-вторых, встреча двух лидеров незападного мира, которых западные оппоненты обвиняют в подрыве «международной системы, основанной на (западных) правилах», символизирует все более тесное сближение России и Китая и взаимную поддержку в противостоянии давлению со стороны Вашингтона и его союзников. В условиях «дипломатического бойкота» пекинской Олимпиады из всех гостей российский президент наверняка будет лидером крупнейшей и наиболее влиятельной страны мира. В Пекине, для которого, как это часто бывает у подобных режимов, спортивные достижения – важный элемент престижа и легитимации власти, это будет воспринято как серьезный акт поддержки, за который там будут благодарны. Но для Москвы встреча с лидером второй по значению страны

мира, в то время как первая оказывает на нее беспрецедентное давление и фактически ведет дело к вооруженному конфликту, также означает поддержку в трудной ситуации, создание впечатления, что за Россией стоит Китай.

Но что же скрывается за этой символикой, что происходит в российско-китайских отношениях в реальности? Россия и Китай действительно сближаются, это сближение началось еще во второй половине прошлого века, и сегодня некоторые поговаривают уже о близости формального военного союза или по меньшей мере союза де-факто. Несколько лет назад, когда ситуация в мире была совершенно иной, я написал, что такой союз возможен только в случае, если политика США приведет к военному конфликту у границ России и Китая одновременно. К сожалению, сегодня международная ситуация вплотную подошла к этой черте. США открыто провоцируют вооруженный конфликт в Украине и фактически поощряют движение Тайваня в сторону независимости, из-за чего в Пекине вскоре могут решить, что мирные пути объединения с островом исчерпаны.

Конечно, на сегодняшний день до войны еще дело не дошло, но Москва и Пекин, безусловно, прорабатывают меры совместного реагирования на различные нестандартные ситуации, в том числе военные, а это, собственно, и есть «союз де-факто». Но политика Запада – не единственная и даже не основная причина роста уровня российско-китайского взаимодействия. Это две соседние страны с протяженной границей, крупными экономиками, и развитие политического, торгово-экономического и культурного сотрудничества между ними – процесс естественный. Он скорее исправляет ненормальную ситуацию, по идеологическим причинам сложившуюся после разрыва Москвы и Пекина в 60-е годы прошлого века. Хотя без мощного давления со стороны Запада этот процесс шел бы гораздо медленнее и с гораздо большими ограничениями.

Причина здесь в том, что Запад никак не может смириться с тем, что он, уверовав в собственные мифы о конце истории, упустил возможности, открывавшиеся для него «однополярным моментом» 1990-х годов. Пребывая в иллюзорной идеологической реальности, которая, по выражению Макса Вебера, выдает за сущее «долженствующее быть сущим», западные элиты проводят в жизнь внешнеполитический курс, казавшийся анафемой всем традиционным геополитикам – от Хэлфорда Маккиндера до Генри Киссинджера со Збигневом Бжезинским, – усматривавшим главную опасность для Запада

в получении контроля над Евразией одним или союзом нескольких враждебных государств.

При этом нынешние западные страхи относительно того, что Россия или Китай стремятся чуть ли не захватить весь мир, подорвать всю мировую систему, вредить США и их интересам в любой точке земного шара, сильно преувеличены и напоминают состояние знаменитого министра обороны США Джеймса Форрестала, выбросившегося в 1949 г. из окна психиатрической больницы, где в бреду постоянно повторял: «Русские идут!»

В действительности режимы типа российского или китайского обеспокоены в основном собственной стабильностью. Военные авантюры для них так же опасны, как и внутренние катаклизмы, так как могут вести к крупным расходам и дестабилизации. Они могут применять силу лишь в крайнем случае, будучи «припертыми к стене», когда сдача позиций кажется более опасной, чем активные действия. И в этом смысле с ними вполне можно договориться, если только отказаться от безумного плана перестроить все общества мира по европейскому или американскому образцу.

Между тем в мире растет влияние незападных центров силы, которые довольно резонно считают рассказы о «международном порядке, основанном на принципах», идеологическим прикрытием для превращения всего земного шара в сферу влияния США. Как все крупные державы, они пытаются обозначить собственную сферу безопасности вокруг своих границ. Китай и Россия, относясь к этой группе стран и подвергаясь агрессивному давлению со стороны США и их союзников, в этой ситуации, естественно, все теснее координируют свои усилия.

Сближение с Китаем, ставшее реальностью и одной из главных тенденций внешней политики, несет России как очевидные преимущества, так и определенные вызовы. Преимущества тут ясны. В геополитическом плане Россия получает мощного партнера в своем противостоянии западному давлению, стремлении сохранить суверенитет, территориальную целостность и хотя бы региональное влияние. Наконец, вместе с Китаем Россия может с большим основанием выступить за реформу международных институтов с тем, чтобы они учитывали интересы незападных государств, решать острые международные проблемы (например, проблемы Афганистана, Сирии, Корейского полуострова и др.), плодотворно работать в международных организациях и группах, таких как ООН, ШОС, «Группа двадцати», БРИКС, РИК. В экономическом плане Россия в лице Ки-

тая получила главного (с 2010 г.) торгово-экономического партнера, товарооборот с которым в прошлом году даже в условиях пандемии вырос на 35,8% и составил рекордные 146,9 млрд долл. при сохранении положительного баланса.

Что касается вызовов, то тут надо учитывать, что всякое сближение позиций основано на некоторых компромиссах. При этом компромисс необязательно наносит ущерб одной из сторон. Бывает, что для учета озабоченностей другой стороны необходимо просто что-то изменить в своей политике или поведении для того, чтобы другая сторона пошла навстречу в нужном вам вопросе. Например, в одной из статей базового российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, вступившего в силу в феврале 2002 г., признается отсутствие взаимных территориальных претензий. На этом пункте настаивала Москва, а Пекин согласился не сразу и после долгих размышлений. В то же время в другой статье говорится о том, что стороны не должны допускать «создания и деятельности на своей территории организаций и групп, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности» друг друга. На этом настаивал Китай, так как именно в России действовали запрещенные в КНР организации типа «Фалуньгун» или уйгурских сепаратистов, не нарушавшие российское законодательство того времени.

По мере сближения, однако, подобные компромиссы накапливаются, что происходит на фоне роста разрыва экономической мощи Китая и России. Так, за прошедшие 20 лет Китай увеличил свое преимущество по ВВП с приблизительно четырех раз до почти десяти, и этот разрыв продолжает расти. Хотя огромные ресурсы мобилизованы на борьбу с пандемией, в 2021 г. китайская экономика показала более чем 8-процентный рост, а российская – около 4%. Растут китайский бюджет и его расходы на самые различные отрасли. Например, официальный военный бюджет КНР в 2021 г. приблизился к 209 млрд долл., причем его рост в последнее время составляет 6–7% в год, а российский – 51 млрд при ежегодном росте менее 3%. На исследования и развитие в 2018 г. Китай тратил больше 2% бюджета, а Россия – менее 1%, по абсолютным цифрам Китай превзошел ЕС и почти догнал США. По данным МВФ, в 2020 г. Китай обошел Россию по ВВП на душу населения (58-е и 60-е места в мире соответственно). В Китае население, которое и так почти в 10 раз больше, хоть и медленнее, чем раньше, но растет, а в России сокращается. И не будем ли мы скоро, по примеру черногорцев, говорить: «С китайцами нас полтора миллиарда, а без них – два грузовика»?

Между тем уже сегодня ради китайской поддержки Россия закрывает глаза на многие неравномерности в отношениях. Например, в России свободно распространяются китайские СМИ, а в Китае издание и распространение всех иностранных СМИ (кроме специально отведенных мест) запрещено законом. Практически во всех городах Северо-Восточного Китая памятники советским воинам перенесены за пределы центральных районов, где они находились ранее. В России действует музей 6-го съезда КПК – филиал Китайского культурного центра в Москве, подчиняющегося Министерству культуры КНР, а в Китае в некоторые музеи, связанные с историей двусторонних отношений, россиян, как и других иностранцев, вообще не пускают.

В последнее время наблюдается и такое явление – проникновение китайской терминологии в двусторонние документы. Новейший пример – опубликованное в декабре прошлого года совместное письмо российского и китайского послов в США по поводу проведенного Вашингтоном так называемого Саммита за демократию. Панегирик китайской демократии, перенесенный на его страницы, кажется, прямо из резолюций пленумов ЦК КПК, может вызвать только усмешку. И это притом что даже в самой китайской Конституции политическая система страны определяется как «демократическая диктатура народа», являющаяся формой «диктатуры пролетариата», т.е. не совсем демократией.

Отдельно следует сказать и о том, что новый, самоуверенный стиль китайской дипломатии начинает распространяться и на Россию. Китайские дипломаты зачастую выступают грубо, дают указание российским ученым и журналистам, что и как им следует говорить и писать о Китае (об этом в «НГ» знают не понаслышке), китайские студенты срывают занятия, если их однокурсники из других стран говорят что-то «неправильное» про их страну. Китай на международной арене начинает вести себя так, как обычная сверхдержава: строить базы за рубежом, ускоренно развивать армию и флот, в том числе ядерные силы, количественные и качественные характеристики которых отказывается сообщить мировому сообществу.

Российские власти на поверхности стараются не замечать этих явлений, вероятно, потому, что они не относятся к сфере, которую они считают проблемной или создающей угрозу. Некоторые из них, например запрет деятельности антипекинских общественных организаций, по их мнению, скорее укрепляют, а не подрывают внутреннюю стабильность и в принципе соответствуют общему внутривосточному

тическому курсу. Вероятно, в связи с этим некоторая ползучая псевдокитаизация российского общества сводится к тому, что из китайского опыта (а у Китая есть чему поучиться!) порой берутся негативные, а не позитивные элементы. Например, Россия сближается с Китаем по уровню централизации политической системы, но в КНР она сочетается с большой финансовой самостоятельностью регионов, а в России, наоборот, сопровождается перераспределением бюджета в пользу центра. В России, как и в Китае, создана система мощных госкомпаний. Но при этом в Китае вклад малого бизнеса в ВВП страны составляет около 60%, в налоговых поступлениях – более 50%, он дает 75% рабочих мест и 68% экспорта. В России же доля малого бизнеса в экономике составляет около 20%. Китайский интернет жестко цензурируется, но взамен зарубежных сервисов там активно развиваются собственные, даже более удобные. В Китае ужесточение авторитаризма компенсируется ростом ВВП на душу населения, в России же этот показатель в зависимости от года падает либо растет гораздо более низкими темпами.

Таким образом, во многом нынешняя псевдокитаизация происходит так же, как и псевдовестернизация 1990-х годов: из зарубежного опыта берется не лучшее, а худшее. Обсуждать то, какие последствия это может иметь для развития России в целом, – не цель данной статьи. Но нас, специалистов по Китаю, очень волнует, не скажется ли это на будущих отношениях с нашим великим соседом. Перемены, которые неизбежно рано или поздно наступят в российском обществе, приведут к переосмыслению и внешнеполитического опыта. Но не будет ли оно происходить, как и после распада СССР, по принципу отрицания отрицания, превращения бывших врагов в друзей, а друзей во врагов? Не произойдет ли резкого отторжения усиленно и навязчиво пропагандируемого сегодня псевдокитайского опыта, которое будет сопровождаться бессмысленным ухудшением отношений с этой великой страной? Нам бы этого очень не хотелось.

Коррекция и хеджирование: двадцать лет «большого договора» и эволюция российско-китайских отношений

Опубликовано в журн.: Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 4. С. 154–172. – В соавт. с И.Е. Денисовым. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/korrekcziya-i-hedzhirovanie/>

16 июля 2021 г. – двадцать лет со дня подписания российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве¹. Первоначальный срок его действия завершается, но в марте во время визита в Китай Сергея Лаврова министры иностранных дел двух стран заявили, что договор будет продлен еще на пять лет, как и предусмотрено в его тексте. В статье мы хотели бы дать объективную оценку этого рамочного документа, его реального значения сегодня, поместив договор в общий контекст двусторонних отношений и мировой ситуации.

Постсоветский транзит и российско-китайские отношения: от неопределенности к стратегическому партнерству

Нормализация советско-китайских отношений началась в период правления Михаила Горбачева, когда Москва и Пекин согласились действовать на основе известной формулы Дэн Сяопина «закрыть прошлое, открыть будущее». Тем не менее результат выстраивания взаимодействия КНР с новой Россией был далеко не предопределен. После распада СССР китайское руководство в первую очередь было озабочено тем, чтобы максимально застраховаться от неблагоприятных изменений в ближайшем внешнем окружении. Пекин тщательно отслеживал ситуацию в России и других государствах СНГ, одно-

---

¹ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Официальный сайт Президента России. 16.07.2001. <http://www.kremlin.ru/supplement/3418>

временно пытаюсь избежать роста внутривнутриполитических рисков из-за краха КПСС и процессов декоммунизации в Восточной Европе. Еще в сентябре 1989 г. Дэн Сяопин говорил: «Вопрос сегодня не в том, упадет ли знамя Советского Союза – в Советском Союзе непременно будет хаос, вопрос в том – не упадет ли китайское знамя»².

Китайский подход, фоном которого служили неопределенность и стремительность развития событий на постсоветском пространстве, можно назвать «идеологической обороной». Сначала в Пекине не было четкого понимания, куда все движется, насколько устойчивым образованием окажется Российская Федерация и сохранится ли СНГ в целом. Так, временный поверенный в делах КНР Чжан Чжэнь, не исключал что Россия может распасться на несколько «суверенных государств»³.

Со стороны Китая доминировал осторожный и консервативный подход, который подпитывался травматическими переживаниями по поводу падения коммунистического режима в СССР. А вот в новых государствах, прежде всего в России, внешняя политика явно дала прозападный крен. Первое посткоммунистическое правительство исходило из того, что демократическая Россия – естественный союзник демократических стран Запада. Идея интеграции в либеральный западный мир стала определяющей в российской внешней политике, что не могло не беспокоить Китай. Тем более что постсоветский транзит совпал с охлаждением отношений Пекина и Запада после подавления студенческих волнений 1989 г. Дополнительным раздражителем стал правозащитный акцент, который все чаще звучал в заявлениях Москвы.

Несмотря на некоторое недоверие к новым российским властям, неуверенность в стабильности соседнего государства, а также ряд важных идеологических разногласий, в том числе по правам человека, Пекин проявил стратегическое терпение и прагматизм. Прагматичный подход взял верх и в Москве, которая видела в Китае прежде всего покупателя оружия, что было критически важно для поддержки оборонной промышленности Китая, а также как поставщика потребительских товаров, особенно необходимых дальневосточным ре-

---

² 邓小平 [Дэн Сяопин]. «改革开放政策稳定，中国大有希望» [Когда политика реформ и открытости стабильна, у Китая есть большая надежда] // 邓小平文选 [Собрание сочинений Дэн Сяопина]. Т. 3. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1993. С. 320.

³ См.: Radchenko S. Unwanted Visionaries: The Soviet Failure in Asia at the End of the Cold War. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 188.

гионам России в период экономического кризиса. В протоколе по итогам переговоров заместителей министров иностранных дел в Москве уже в декабре 1991 г. говорилось, что «руководящими принципами развития российско-китайских отношений остаются основные принципы, определенные в двух советско-китайских коммюнике 1989 и 1991 гг.», и подтверждалось действие договоров и соглашений, ранее подписанных СССР и КНР⁴. В течение 1992 г. Россия подтвердила намерение выполнять соглашения в сфере военно-технического сотрудничества с Китаем, подписанные Советским Союзом. Импорт китайских товаров народного потребления играл немаловажную роль в стабилизации социальной ситуации в России, снизив остроту товарного дефицита. Со временем зависимость российского рынка от китайского ширпотреба снижалась, но военное и военно-техническое сотрудничество остается одним из цементирующих факторов.

То, что первоначальные политические шероховатости удалось быстро сгладить, скорее всего, связано не столько с внешними, сколько с внутренними факторами. Москва и Пекин начали действовать в парадигме реализма, отдавая приоритет национальным интересам, а не призрачным идеологическим формулам, перестали рассматривать двусторонние отношения исключительно сквозь призму третьей стороны – коллективного Запада. Постепенно выработанный деидеологизированный подход придал самостоятельную ценность российско-китайским отношениям, тем более что активно шел процесс пограничного урегулирования, превращавший ситуацию на границе в стабильную и безопасную.

Китаю, заинтересованному в развитии Центральной Азии, пришлось считаться с особой ролью России на постсоветском пространстве Евразии⁵. В последние годы президентства Бориса Ельцина и особенно с приходом к власти в 2000 г. Владимира Путина Китай становится важным партнером России на азиатском направлении российской внешней политики. Свидетельством тому стало заключение в 2001 г. российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

---

⁴ Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999 / Под. ред. Г.Б. Карасина и др. М.: Terra-спорт, 1999. С. 132–133.

⁵ 张植荣 [Чжан Чжизун]. 中国边疆与民族问题: 当代中国的挑战及其历史由来 [Приграничные районы Китая и национальный вопрос: современный вызов Китаю и его исторические истоки]. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2005. С. 125.

«Большой договор» и элементы устойчивости в отношениях

Сам факт, что договор до сих пор на практике задает общие рамки двусторонних отношений, свидетельствует о дальновидности тех, кто его составлял и подписывал. Документ выразил суть российско-китайских связей, которая не только не изменилась за прошедшие два десятилетия, но и с большой вероятностью сохранится в обозримом будущем. Это тесное взаимовыгодное «стратегическое партнерство», не доходящее до уровня формального союза.

Именно отсутствие четких союзных обязательств при закреплении других механизмов сотрудничества объясняет уникальную устойчивость документа. Достаточно сравнить его с тремя союзными договорами, которые на протяжении истории заключались между Россией и Китаем. Действие договора 1896 г., подписанного Российской Империей и Империей Цин, было формально прекращено в 1905 г. после поражения России в войне с Японией. Заключенный на тридцать лет договор о дружбе и союзе между СССР и Китайской Республикой 1945 г. просуществовал всего пять лет, а фактически потерял значение в 1949 г. после поражения Гоминьдана на материке (расторгнут Законодательным юанем 24 февраля 1952 г.). Советско-китайский Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 г. хотя и действовал формально весь положенный срок, на практике не соблюдался после резкого ухудшения отношений между двумя странами в начале 60-х годов XX в., т.е. фактически применялся чуть более десятилетия.

Исторический опыт говорит о том, что формальное закрепление союзнических отношений России и Китая не выдерживает испытания временем. Во-первых, обе страны слишком велики, чтобы одна из них стала явным лидером, в то время как большинство современных союзов (НАТО и Варшавский договор, например) скрепляется авторитетом и мощью такого лидера. *Во-вторых*, их интересы хоть и близки, но не совпадают полностью, поэтому любые двусторонние документы должны допускать некоторый люфт, чтобы действия по реализации различающихся интересов не входили с ними в противоречие.

Какие же основные положения договора особенно важны? Для России это, прежде всего, зафиксированное в статье 6 «отсутствие взаимных территориальных претензий». Вкупе с полностью завершенным в 2004 г. определением линии прохождения границы это

положило конец территориальным спорам, длившимся еще с XIX в. Несмотря на периодическую критику алармистов и псевдопатриотов с обеих сторон, договор юридически зафиксировал нерушимость существующей границы, и вряд ли по этому поводу нужен какой-либо дополнительный документ. Конечно, договор – не гарантия на века. В случае прихода к власти в одной из стран радикальных националистов они могут потребовать его пересмотреть. Но пока это маловероятно, и существующий договор в данной части имеет хорошие перспективы.

Для Китая важна статья 5, в которой Россия признает, что правительство КНР – единственное законное правительство, представляющее весь Китай, а «Тайвань является неотъемлемой частью Китая». Эта позиция не изменялась с 1949 г., однако после распада СССР в Пекине возникали некоторые опасения относительно готовности Москвы ее четко подтвердить.

Важна для Пекина и статья 8, запрещающая «заключение договоров с третьими государствами, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности», а также создание и деятельность «организаций и групп, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности» другой стороны. Фактически, особенно во второй части, статья накладывает ограничения лишь на Россию, поскольку в Китае и так не действуют никакие независимые от государства структуры, а в России могут работать любые организации, не нарушающие российское законодательство, и требования не подрывать суверенитет, безопасность и территориальную целостность других стран оно не накладывает.

В статье 4 стороны заявили о поддержке друг друга в «вопросах, касающихся защиты государственного единства и территориальной целостности». Однако данная статья как раз создает определенный люфт, поскольку понимание того, что именно составляет территорию другой стороны, у Москвы и Пекина не вполне совпадает. Например, у Китая нет четкой позиции в отношении принадлежности Южно-Курильских островов, а у России – островов и рифов Южно-Китайского моря. После вхождения Крыма в состав РФ эти расхождения стали еще более очевидными, поскольку КНР официально его частью России не признаёт.

Значительную свободу толкований дает и статья 9, предусматривающая незамедлительное вступление в контакт и проведение консультаций в случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из сторон, «может создать угрозу миру, нарушить мир

или затронуть интересы ее безопасности, а также в случае возникновения угрозы агрессии». Не фиксируя четких союзных обязательств по взаимной обороне, которые, кстати, не предусматривает, например, и знаменитая статья 5 Североатлантического договора, она устанавливает формат взаимодействия в любой угрожающей ситуации.

Таким образом, договор создал гибкий и практичный механизм взаимодействия в рамках тесного стратегического партнерства.

Соотношение сил и перспективы российско-китайских отношений

«Большой договор» не столько создал новую правовую реальность, сколько закрепил уже имеющиеся явления и достижения. Это, в частности, означает, что в случае изменения реалий сам договор или отдельные его части вполне могут потерять практическое значение, но по иным причинам, чем в случае с договором 1950 г. Так как «не все союзы создаются равными»⁶, устойчивость несоюзнических отношений со временем может испытывать давление внутренних и внешних факторов. Россия и Китай вообще относятся к той категории стран, где не правовая реальность следует букве, а буква – реальности.

По данным Всемирного банка, в 2001 г. номинальный ВВП России составлял 306,6 млрд долл., а КНР – 1,3 трлн, в 2019 г. соответственно – 1,7 и 14,3 трлн. Таким образом, Китай увеличил преимущество с приблизительно четырех раз до 8,5, и разрыв продолжает расти. Хотя огромные ресурсы мобилизованы на борьбу с пандемией коронавируса, в 2020 г. китайская экономика показала более чем двухпроцентный рост, а российская стагнирует с 2014 г. Растет китайский бюджет и его расходы на самые различные отрасли. Например, официальный военный бюджет КНР в 2021 г. составит 209 млрд долл., причем его рост в последние годы составляет 6–7% в год, а российский – 51 млрд при ежегодном росте менее 3%. На исследования и развитие в 2018 г. Китай тратил больше 2% бюджета, а Россия – менее одного, по абсолютным цифрам Китай превзошел ЕС и почти догнал США. По данным МВФ, в 2020 г. Китай обошел Россию по ВВП на душу населения (58 и 60-е места в мире соответствен-

---

⁶ Gibler D.M. *Alliances That Never Balance: The Territorial Settlement Treaty* // SAGE Journals. 1996. February 1. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/073889429601500104>

но). Таким образом, общее соотношение сил между двумя странами резко меняется в пользу КНР.

Накапливаемая Китаем объективная мощь привела к серьезным изменениям во внешней политике. Если на макроуровне Россия и Китай декларируют общность взглядов на эволюцию международной системы, то в практической сфере с ростом китайского глобального охвата Москве может быть сложнее строить отношения с Пекином на основе провозглашаемых в Концепции внешней политики РФ принципов: независимость и суверенитет, прагматизм, транспарентность, многовекторность, предсказуемость, неконфронтационное отстаивание национальных приоритетов⁷.

Пришедшее к власти в 2012 г. руководство во главе с Си Цзиньпином фактически отменило внешнеполитическую стратегию Дэн Сяопина, суть которой выражалась в формулировке «скрывать свои возможности, держаться в тени» (*таогуан янхуэй*), т.е. копить силы и не проявлять слишком заметной активности. Ей на смену пришел курс на активное отстаивание интересов, который на Западе окрестили «напористым» (*assertive*). Затем сменился и стиль китайской дипломатии: официальные представители китайского МИД и сотрудники посольств в разных странах стали резко критиковать зарубежных ученых, общественных и политических деятелей, высказывания которых не нравились официальному Пекину. Например, в марте 2021 г. посольство КНР во Франции в своем аккаунте в «Твиттере» (кстати, запрещенном в самом Китае) и на официальном сайте охарактеризовало одного из французских экспертов как «мелкого отморозка» (*petite frappe*)⁸, «сумасшедшую гиену» (*hyène folle*) и «идеологического тролля» (*troll idéologique*). И таких примеров сегодня множество. Этот стиль, поначалу в Китае, а затем на Западе, окрестили дипломатией «боевых волков»⁹ – по названию патриотического китайского боевика. В пресс-релизе посольства КНР во Франции со ссылкой на этот распространенный образ китайских дипломатов отмечалось, что «боевые волки существуют потому, что имеет-

⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Официальный сайт Президента России. 30.11.2016. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf>

⁸ Ambassade de Chine en France // @AmbassadeChine. 2021. March 19. URL: <https://twitter.com/AmbassadeChine/status/1372813385688027138>

⁹ Zhu Z. Interpreting China's 'Wolf Warrior Diplomacy' // The Diplomat. 2020. No. 15. P. 648–658.

ся слишком много сумасшедших собак, в том числе скрывающихся под личиной ученых и представителей СМИ»¹⁰. Атаки на выразителей неугодных взглядов диппредставительство считает нормой, дает понять, что будет заниматься этим и впредь, и отвергает обвинения во вмешательстве во внутренние дела.

Новый стиль китайской дипломатии и напористый внешнеполитический курс, естественно, в основном касается стран, которых в Пекине считают оппонентами и в которых сам Китай подвергается жесткой и открытой критике. **Однако в последнее время он стал затрагивать и «стратегических партнеров», в том числе и Россию.**

Возможно, первой ласточкой можно считать статью научного сотрудника Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук Хань Кэди¹¹, опубликованную в июле 2016 г. в газете ЦК КПК *Global Times* (английская версия газеты «Хуаньцю шибао»), которая превратилась в рупор сторонников «самоуверенности» в китайской элите. В ней автор, в частности, утверждал: «Постоянные российские обвинения США в гегемонизме и вмешательстве во внутренние дела других стран верны, но омрачаются скрытыми факторами. Россия в действительности сама хочет делать то, в чем она обвиняет Соединенные Штаты». На эту статью на страницах газеты пришлось отвечать тогдашнему временному поверенному в делах России Георгию Зиновьеву¹², что говорит о том, что Москва не видит в таких настроениях исключительно персональное мнение отдельных исследователей.

В ответ на критику по подобным поводам китайские власти обычно отвечают, что выражаемые авторами мысли отражают не официальную позицию, а частные взгляды. Однако с учетом действующей в Китае жесткой цензуры трудно поверить, что в китайские СМИ могут «проскочить» материалы, значительно отклоняющиеся от официальной позиции. Тем более это касается официальных изданий ЦК КПК. Скорее «напористость» относится не только к враждебным государствам, но становится общим поветрием, которое

---

¹⁰ Une discussion démocratique sur la liberté d'expression // Ambassade de la République Populaire de Chine en République Française. 2021. March 21. URL: <http://www.amb-chine.fr/fra/zfzj/t1862928.htm>

¹¹ Kedi H. Russian suspicions of China hold back ties // Global Times. 2016. July 24. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/996163.shtml>

¹² Zinoviev G. Facts prove depth of Russia-China relations // Global Times. 2016. July 27. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/996840.shtml>

поддерживается значительной частью элиты, а руководство либо не может, либо не желает это менять.

В марте 2019 г. «Независимая газета» сообщила, что начальник отдела печати и публичной дипломатии, советник посольства КНР в России Гоу Юнхай угрожал внести в «черный список» на въезд в Китай ее журналиста за статью, которая ему не понравилась¹³.

Неэкономические диспропорции и возможности их преодоления

Другая важная тенденция – рост диспропорций в российско-китайских отношениях, несмотря на официальные заявления обеих сторон об обратном. И диспропорции не исчерпываются растущей асимметрией в экономической области, на что часто обращают внимание исследователи.

На территории России свободно работают китайские телекомпании, которые включены в пакеты основных российских спутниковых компаний и операторов кабельного телевидения. В России свободно распространяются китайские печатные СМИ, некоторые из них – на русском языке. В Китае свободное распространение любых иностранных СМИ, в том числе и российских, запрещено законом. Российское спутниковое телевидение доступно разве что в самых дорогих отелях. Печатный орган правительства Российской Федерации «Российская газета» регулярно публикует китайские официозные материалы в рамках проекта «Россия – Китай: главное»¹⁴, российские официальные СМИ не имеют подобного доступа к широкой китайской аудитории. Публикации МИА «Россия сегодня» в китайских социальных сетях часто подвергаются разного вида цензуре: либо удаляются, либо доступ к ним ограничивается. Таким образом, обмен по линии СМИ приобретает все более асимметричный, порой не учитывающий российские интересы характер. В год 75-летия Победы в китайском интернете продолжительное время был недоступен размещенный на сайте «*Sputnik. Китай*» перевод статьи президента РФ Владимира Путина, посвященной итогам Второй мировой войны.

---

¹³ Китайский дипломат угрожает журналисту «НГ» попаданием в черные списки // Независимая газета. 04.03.2019. URL: https://www.ng.ru/world/2019-03-04/2_7523_china.html

¹⁴ Россия–Китай: главное // РИА Новости. URL: https://ria.ru/Russia_China_Tor/

Российские издательства публикуют значительное число переводных китайских материалов, посвященных истории, политике и международным отношениям. Многие отражают официальные подходы Пекина, не разделяемые большинством российских исследователей. Издание же российских работ по соответствующей тематике в Китае возможно лишь в случае, если они не противоречат официальной позиции Пекина, причем в последнее время контроль значительно ужесточился.

В китайском общественном сознании не только жив, но и постоянно подпитывается комплекс «утраченных территорий». Летом 2020 г. в китайских социальных сетях поднялась критика празднования в России 160-летия Владивостока, причем ее поддержали некоторые ученые и журналисты, в том числе главный редактор упомянутой «Хуаньцю шибао» Ху Сицзинь¹⁵.

Недалеко от Москвы с 2016 г. работает единственный в России музей, полностью финансируемый и контролируемый другим государством. Это музей VI съезда КПК, оформленный как филиал Китайского культурного центра. Экспозиция музея, естественно, полностью отвечает китайской версии истории КПК, которую оспаривают многие российские исследователи. Никакой речи о том, чтобы признать музей иностранным агентом, не ведется. В то же время в Китае во многие музеи, посвященные истории российско-китайских отношений, доступ иностранцам, в том числе россиянам, вообще закрыт, а об открытии российского музея под эгидой, скажем, Российского культурного центра, куда был бы разрешен доступ всем китайцам, не может быть и речи.

Другое примечательное явление – массовый снос или перенос на менее заметные места памятников советским воинам, погибшим во время освобождения Северо-Восточного Китая в 1945 г. В КНР их перенесено гораздо больше, чем во всех странах Восточной Европы вместе взятых. В Китае обычно говорят, что местные власти делают это для оптимизации движения транспорта, что представляется не вполне правдоподобным. Скорее китайские власти, на высоком уровне постоянно отдавая должное помощи советской армии в войне с Японией, стараются «не выпячивать» вклад иностранцев на уровне простых граждан. В результате в России у части населения,

---

¹⁵ Зуенко И. Китайцы о юбилее Владивостока: «Посольство России унизило Китай» // Аргументы и факты. Владивосток. 15.07.2020. URL: https://vl.aif.ru/society/a_byl_li_hayshenvay

среди руководителей предприятий и в спецслужбах возрастают опасения относительно новой «напористости» китайских партнеров.

Трудно становится сотрудничать с китайскими коллегами и в сфере естественных наук, все более часты случаи осуждения российских ученых за передачу секретной информации¹⁶. Усугубляющаяся идеологизация и цензура мешают развитию сотрудничества в области общественных наук. Порой китайские студенты и преподаватели считают возможным вмешиваться в учебный процесс в российских вузах для приведения его в соответствие с официальной китайской идеологией. Российские власти принимают меры, чтобы сдерживать возникновение новых Институтов Конфуция. Достигнута договоренность о том, чтобы число Русских центров в Китае и Институтов Конфуция в России было равным. В отдельных случаях правоохранительные органы пытались даже приостановить работу некоторых Институтов Конфуция за якобы незаконную деятельность, но до сих пор безуспешно¹⁷.

Интересно и малозаметное, но существенное изменение отношения России к китайской инициативе «Один пояс, один путь» (ОПОП). В 2017 и 2019 гг. президент России выступал в качестве главного гостя на международных форумах «Пояс и путь» высшего уровня, с большой помпой проводившихся в Пекине. Москва продолжает словесно выражать всяческую поддержку ОПОП, однако на международной видеоконференции уровня министров иностранных дел в июне 2020 г. от России выступал посол по особым поручениям, министр прислал лишь письменное приветствие¹⁸. Некоторые наблюдатели увидели в этом символическое выражение того, что практический эффект для Москвы от помпезных мероприятий Пекина весьма несущественен¹⁹. О том, что Россия не собирается полностью включаться в орбиту китайских интересов, говорили и раньше. Так в 2017 г. посол РФ в КНР Андрей Денисов отметил: «Ничего такого,

---

¹⁶ Громкие дела о госизмене и разглашении гостайны в отношении российских ученых // ТАСС. 15.06.2020. URL: <https://tass.ru/info/8724239>

¹⁷ Прокуратура Благовещенска больше не требует закрыть Институт Конфуция // РИА Новости. 17.09.2015. URL: <https://ria.ru/20150917/1256979779.html>

¹⁸ О видеоконференции в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // МИД РФ. 18.06.2020. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4169112

¹⁹ Лесных А. Не стой на рельсах: Россия отдаляется от «Шелкового пути» // Газета.ru. 21.06.2020. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/07/21/13161061.shtml>

что России невыгодно, Россия делать не будет». По словам дипломата, у России достаточно ресурсов для проведения самостоятельной политики, и, несмотря на близость по большинству позиций, у Москвы и Пекина могут быть свои интересы²⁰.

Москва настойчиво объясняет Пекину, что участвует в ОПОП не на правах обычного партнера, который подписывает с Пекином двусторонний документ о сотрудничестве в рамках инициативы, а как член Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Состоящий же из пяти членов ЕАЭС взаимодействует не с ОПОП, а с одной его частью – Экономическим поясом Шелкового пути (ЭПШП) в рамках документов, подписанных Евразийской экономической комиссией и китайским Министерством коммерции. То есть Россия не включилась в китайскую инициативу, а сотрудничает с ней на равных как один из членов международной организации региональной экономической интеграции. Между тем Пекин, формально принимая идею сотрудничества с ЕАЭС, где Россия играет основную роль, предпочитает вести дела с менее крупными членами Союза на двусторонней основе.

Наконец, бывший премьер и руководитель Службы внешней разведки, а ныне – директор Российского института стратегических исследований Михаил Фрадков, представляющий по поручению президента Россию в китайском проекте «Пояс и путь», 18 января 2021 г. выразил мнение, что эта работа «должна вестись с нашими регионами, через которые проходит „Пояс и путь“, чтобы вовремя заметить и не пропустить то, что может стать риском для обеспечения наших интересов»²¹. Впервые на высоком уровне публично отмечено, что сотрудничество с Китаем по ОПОП может быть сопряжено для России с определенными рисками. Это ставит перед российской внешней политикой задачу более активной диверсификации международного взаимодействия в Азии, в том числе путем углубления сотрудничества с Японией и Южной Кореей (которые, несмотря на нажим США, воздержались от эскалации санкционного давления на Россию), а также с Индией и странами АСЕАН.

---

²⁰ «Ничего, что России невыгодно, она делать не будет» // Коммерсант. 06.03.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3235889>

²¹ Встреча с директором Российского института стратегических исследований Михаилом Фрадковым // Официальный сайт Президента России. 18.01.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64902>

Перехват инициативы

Важным моментом новой ситуации является тенденция к перехвату Китаем инициативы в формулировании нарратива двусторонних отношений. До недавнего времени все определения и понятия либо были международными, либо предлагались российской стороной. Так, например, понятия «многополярного» или «полицентричного» мира, к которому Россия и Китай стремятся, противопоставляя его «однополярному», пришли из западных теорий международных отношений. То же относится к необходимости реформы системы «глобального управления», принципу «взаимного выигрыша» (*win win*), «глобализации» и «Глобальному Югу». Все предыдущие определения характера российско-китайских отношений были сформулированы Москвой: «отношения стратегического взаимодействия и партнерства, обращенные в XXI век», «всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие» и прочие.

Сегодня китайский нарратив все больше входит в двусторонние документы. Россия приняла понятия «сообщества единой судьбы», «новой эпохи российско-китайских отношений», истоком которых является теория Си Цзиньпина о новой эпохе строительства социализма с китайской спецификой в КНР. В какой-то степени это естественно, так как влияние Китая растет и появление его формулировок в международной терминологии закономерно. Вопрос в том, всегда ли в России эта терминология принимается сознательно и разумно, и в том, почему российские формулировки отходят на второй план.

Например, возьмем Совместное заявление по некоторым вопросам глобального управления в современных условиях, подписанное министрами иностранных дел во время визита Сергея Лаврова в КНР в марте 2021 г. Там содержится в целом обоснованное утверждение о том, что «единого стандарта демократической модели не существует», поэтому следует «уважать законные права суверенных государств самостоятельно определять свой путь развития», а «вмешательство во внутренние дела суверенных государств под предлогом „продвижения демократии“ недопустимо». В то же время сама «демократия» или «народовластие» определяется как «возможность участия граждан в управлении собственной страной, а также применения полученной власти в законных целях»²². Такое определение

---

²² Совместное заявление министров иностранных дел Китайской Народной Республики и Российской Федерации по некоторым вопросам глобального

демократии, мягко говоря, нетрадиционно и содержит следы влияния китайской правовой доктрины.

В первой главе Конституции РФ четко сказано, что многонациональный народ является «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации» и осуществляет свою власть «непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». Там же говорится, что «никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону» (статья 3)²³.

Непосредственное осуществление власти и «участие» в ней с позволения кого-то, от кого она «получена», – не одно и то же. Между тем Конституция КНР, хотя и признает тот факт, что вся власть в стране принадлежит народу, определяет характер политического режима как «социалистическое государство демократической диктатуры народа, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян». Также утверждается, что «руководство со стороны Коммунистической партии Китая является самой сущностной особенностью социализма с китайской спецификой», и запрещается «любым организациям или частным лицам подрывать социалистический строй»²⁴. Таким образом, суверенитет народа строго ограничен определенными рамками, и власть КПК не может быть подвергнута сомнению. Это, по сути, и означает участие народа в управлении в пределах, установленных КПК. Таким образом, в формулировке заявления усматривается сознательное или бессознательное принятие российской стороной китайского подхода, не соответствующего Конституции РФ.

В стремлении Пекина формировать нарратив российско-китайских отношений и в более широком плане определять общую позицию стран на международной арене можно усмотреть стратегию, которую профессор Университета Нового Южного Уэльса Ван Хэн назвал «избирательное переформатирование» (*selective reshaping*, он применяет это понятие к международному экономическому поряд-

---

управления в современных условиях // МИД РФ. 23.03.2021. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4647776

²³ Конституция Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>

²⁴ Конституция КНР (в редакции 2018 г.) // Chinalaw.center. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/

ку). Такая политика Китая по переформатированию правил и институтов, подразумевающая также их принятие другими странами, о которой писал Ван Хэн, безусловно, затрагивает и важнейшие политические вопросы, которые выходят на первый план в условиях ценностного конфликта КНР и США²⁵.

Заключение

Для оценки сценариев развития российско-китайских отношений необходимо учитывать меняющееся соотношение сил и новые элементы внешнеполитического курса Пекина. В рамках реалистического подхода теории международных отношений сформировалось мнение о трех возможных реакциях на усиление или активизацию внешней политики другой стороны: это балансирование (*balancing*), переход на сторону (или под эгиду) победителя (*bandwagoning*) и хеджирование (*hedging*). Первые два подхода для российской политики в отношении усиливающегося Китая не годятся. Балансирование, т.е. создание коалиций с другими оппонентами возвышающегося или просто более мощного государства с целью создать противовес его влиянию или сдержать его рост, применяется против враждебных держав. Китай для России таковой не является. Скорее России и Китаю надо создавать баланс США и Западу. Сам же Запад, формируя антикитайские и антироссийские коалиции типа группы QUAD (США, Япония, Индия, Австралия), явно пытается балансировать укрепляющееся китайско-российское партнерство.

Переход на сторону Китая не соответствует ни интересам России как страны, пытающейся стать независимым центром влияния в Евразии, ни исторической самоидентификации ее населения, в рамках которой вряд ли возможна зависимость от кого бы то ни было. Поэтому наиболее разумен вариант хеджирования рисков. Эта политика (сам термин пришел из финансово-инвестиционной сферы) означает сочетание обоих подходов: развитие тесных отношений с сильным партнером при соблюдении собственных интересов и диверсификации связей с ним, дабы застраховаться от чрезмерной зависимости.

Основным вызовом для России является политика Запада, и Китай ей, безусловно, необходим и как политический, и как экономи-

---

²⁵ Wang H. Selective Reshaping: China's Paradigm Shift in International Economic Governance // Journal of International Economic Law. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 583–606.

ческий партнер. Но не следует забывать, что в условиях конфронтации КНР с Западом значение Москвы возрастает и для Пекина. В Китае это стали понимать, хотя и не сразу, так как надежды на восстановление прежних партнерских отношений с США сохранялись там долгое время. Сдвиг настроений Пекина виден, например, в интервью китайского министра иностранных дел Ван И в начале января 2021 г., в котором он вместо традиционных китайских «трех нет»: не вступать в союз, не устраивать конфронтацию и не нацеливаться на третьи страны, – выдвинул три новые принципа: в отношениях между двумя странами отсутствуют конечная линия, запретные зоны и верхний ограничитель²⁶.

Возможно, высказывания Ван И означают, что старые ограничения фактически снимаются, и связи с Россией получают некий высший приоритет, близкий к союзу. Пока Китай не использует подобную формулировку для описания отношений с каким-либо другим партнером. Однако никаких пояснений, какую степень близости предполагает новая формула, с китайской стороны не дано. Как считает китайский исследователь Чжан Синь, формулировка Ван И предоставляет «неопределенное, но гибкое и достаточно большое поле для воображения в деле концептуализации двусторонних отношений». Кроме того, это может означать, что идея о «новом типе отношений между крупными державами», которая первоначально, еще в 2013 г., предназначалась для американской аудитории, довольно неожиданно частично реализовалась между Китаем и Россией²⁷.

Однако в практической сфере стороны следуют прежним принципам свободы маневра в отношениях с третьими странами, в том числе и с США. Более того, Москва посчитала необходимым подчеркнуть, что не видит нужды в согласовании ответа на санкционное давление Запада²⁸. Несмотря на декларируемое сотрудничество в борьбе с пандемией COVID-19, Китай не откликнулся на просьбу

---

²⁶ 王毅：中俄战略合作没有止境，没有禁区，没有上限 [Ван И: У китайско-российского стратегического сотрудничества отсутствуют конечная линия, запретные зоны и верхний ограничитель] // 外交部 [Министерство иностранных дел]. 02.01.2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjzbhd/t1844069.shtml>

²⁷ Zhang X. “Endogenous Drives” with “No-Limits”. Contrasting Chinese Policy Narratives on Sino–Russian Relations since 2014 // *Russia’s Relations with China. Russian Analytical Digest (RAD)*. 2021. March 19. № 265. P. 7. URL: <https://www.research-collection.ethz.ch/bitstream/handle/20.500.11850/476768/2/RAD265.pdf>

²⁸ Лавров: Россия и Китай не будут вместе отвечать на санкционные «выходки» Запада // ТАСС. 01.04.2021. URL: <https://tass.ru/politika/11050253>

России предоставить штаммы вируса, исходя из приоритета создания собственных вакцин и решения своих задач в сфере вакцинной дипломатии²⁹. Таких случаев конкурентных противоречий, особенно когда дело касается роли двух стран в предоставлении глобальных общественных благ, видимо, будет становиться все больше.

Сложным выбором для России по-прежнему остается собственное позиционирование в грядущей борьбе техноэкономических блоков (китайского и американского). По всей видимости, предположение, что Россия якобы готова к формированию «авторитарного цифрового союза» с Пекином, является мифом. Интересы национальной безопасности заставляют Москву одинаково не доверять ни западным, ни китайским технологиям 5G³⁰.

Возможно, чувствуя эти настроения, Пекин будет пытаться и дальше проверять готовность Москвы пойти на нечто большее, чем стратегическое партнерство. Но, во-первых, в России хорошо понимают, что китайская экономика на деле значительно больше зависит от западной, чем от российской, и при первой возможности партнерские отношения КНР с США и Европой будут восстановлены. Во-вторых, такой сдвиг может вызвать критику внутри России с самых разных позиций: как «либеральных», так и «патриотических». Он также противоречит ключевым целям современной внешней политики РФ: поддерживать статус самостоятельного и активного глобального центра силы, избегая затратной конфронтации. Вероятно, главная причина китайской настойчивости и некоторого перекоса в двусторонних отношениях связана с тем, что нынешнее руководство КНР, располагая ресурсами и чувствуя уверенность, не видит рисков в стратегическом перенапряжении и считает, что Россия готова взять на себя большую ответственность, чем она действительно может себе позволить.

Конечно, новые реалии не позволяют говорить о возможности принципиального изменения российского курса, предположим, переориентации на сближение с Западом. **Во-первых**, это невозможно, поскольку конфронтация с ним дошла до крайней степени. **Во-вторых**, история показала, что такое сближение приемлемо для Запада, только если осуществляется за счет ущемления национальных

---

²⁹ Китай не передал России штамм нового коронавируса, заявила Голикова // РИА Новости. 03.02.2020. URL: <https://ria.ru/20210611/traur-1736566601.html>

³⁰ Kovachich L., Kolesnikov A. Digital Authoritarianism with Russian Characteristics? // Moscow Carnegie Center. 2021. April 21. URL: <https://carnegie.ru/2021/04/21/digital-authoritarianism-with-russian-characteristics-pub-84346>

интересов Москвы, что не может быть принято значительным большинством ее граждан. В этом плане тесное взаимодействие с Китаем на долгие годы, а возможно, и навсегда, останется для России политической и экономической необходимостью. В то же время новая китайская заинтересованность в России создает возможность для выправления сложившегося в последние годы крена в сторону Пекина, который грозит движением от хеджирования к переходу на сторону победителя (*bandwagoning*).

Подход КНР к территориальным спорам в Южно-Китайском море и внешняя политика России

Опубликовано в журн.: Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65.
№ 2. С. 5–15. – В соавт. с А.Д. Дикаревым

Территориальный спор в Южно-Китайском море (ЮКМ), затрагивающий Китай и несколько стран АСЕАН, в последнее время превратился в один из основных источников угроз для безопасности в Юго-Восточной Азии (ЮВА) и уже привел к затяжной политической напряженности в этом регионе. Он грозит не только расколом в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН, Association of South East Asian Nations), но и втягиванием в конфликт внерегиональных сил, прежде всего США, которые стремятся воспользоваться напряженностью для того, чтобы укрепить влияние в ЮВА, а также свои позиции в нарастающей глобальной конфронтации с Китаем. О своей готовности поддержать Соединенные Штаты заявляли и некоторые их союзники, прежде всего Великобритания, Австралия и Япония. Конфликт в ЮКМ, таким образом, превратился в один из основных факторов складывания так называемого «четырёхстороннего» формата – США, Япония, Австралия, Индия и формирования концепции Индо-Тихоокеанского региона, которая, по мнению России и Китая, направлена на сдерживание их влияния. Следовательно, можно говорить об определенной связи между процессом российско-китайского сближения, уже ставшим одной из важнейших тенденций развития международной системы, и территориальным спором в ЮКМ. В данной статье показано, что, с одной стороны, конфронтационная политика США и их союзников в отношении РФ, начатая в 2014 г. после украинского кризиса, ускоряющая сближение Москвы с Пекином, стимулирует Россию и на сближение ее позиции по ЮКМ с китайской. С другой

стороны, политика США и их союзников в АТР, направленная на ограничение влияния Китая в регионе, в свою очередь способствует китайско-российскому сближению, формированию единой российско-китайской позиции по «четырёхстороннему» формату и концепции Индо-Тихоокеанского региона.

Интересы Китая в ЮКМ: стратегии прошлого и настоящего

Менее чем через два года после образования КНР, в августе 1951 г., премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай заявил об островах в Южно-Китайском море как «части китайской территории испокон веков»¹. Эта жесткая позиция подавалась Китаем как попытка решить вопросы, «оставленные историей» и возникшие в результате «несправедливых действий колониальных держав».

Начиная по крайней мере с конца 1950-х годов (со времени опубликования декларации «О территориальном море КНР» в 1958 г.) Китай неуклонно пытается обрести максимально возможный контроль над акваторией ЮКМ, продолжая заявлять при этом о своих бесспорных правах практически на все участки суши в нем: острова, скалы и отмели. В 1990-е годы, когда постепенно становится ясно, сколь велики потенциальные нефтяные ресурсы ЮКМ, в китайский политический лексикон входит концепция исторических прав на море и его «содержимое», по многим параметрам идущая вразрез с международным морским правом, в частности с основополагающей Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. (UNCLOS), которую КНР ратифицировала в 1996 г.

Для закрепления своих интересов в регионе ЮКМ Китай за минувшие десятилетия попеременно прибегал к разного рода стратегиям: «силового давления» на страны ЮВА (1970-е годы) с военным захватом отдельных островов, «активного выжидания» (1980-е годы), «совместного развития» (1990-е годы) в сочетании с «рывком на юг» (1992–1997).

В последние годы XX в. на первый план выходит идея «совместного мирного развития». Начинается переход к стратегии «сотрудничества и интеграции», которой сильно способствовал азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., подтолкнувший государства ЮВА в сторону Китая. В политическом плане новая стратегия вы-

---

¹ Мясников В.С., Степанов Е.Д. Границы Китая: история формирования. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 421.

лилась в совместную Декларацию 2002 г. АСЕАН–Китай «О правилах поведения в ЮКМ». Важнейшим ее пунктом (особенно в свете дальнейших событий) следует считать обязательство воздерживаться от «самовольного заселения на ранее необитаемые острова и рифы».

Май 2009 г. – важнейшая веха в эскалации территориальных споров. КНР жестко реагирует на заявки Филиппин, Вьетнама и Малайзии, внесенные в Комиссию по границам континентального шельфа (КГКШ), и направляет в ООН ноту протеста с приложением карты ЮКМ, где посредством пресловутой «9-пунктирной линии» (о ней чуть подробнее ниже) обозначено «историческое море» Китая, охватывающее почти 90% акватории ЮКМ. При этом не ясно, что Пекин имел в виду под суверенитетом над «прилегающими к островам водами», поскольку в Конвенции данное расплывчатое понятие отсутствует².

В 2010–2011 гг. КНР, корректируя свой общий внешнеполитический курс в сторону «добрососедства, диалога, обоюдного выигрыша», продолжает тем не менее наращивать давление в регионе ЮКМ³. С этого времени можно говорить, во-первых, о переходе региональной борьбы за ресурсы ЮКМ на новую стадию (дележка морского дна и его содержимого) и, во-вторых, о постепенном выходе конфликта на глобальный уровень.

Глобализации конфликта способствовали действия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в рамках курса на «разворот к Азии» и обеспечение «свободы судоходства» (Freedom of Navigation Operation, FONOP), а также попытки оппонентов Китая подключить к региональным спорам международно-правовые институты⁴. В свою очередь Китай, опираясь на союзников, не имеющих непосредственных интересов в ЮКМ (Камбоджа, Лаос), пытался внести раскол в блок АСЕАН, отказываясь обсуждать в данном формате принадлежность участков суши в ЮКМ и методы их освоения, что соглас-

---

² Franckx E. The PRC's Position Paper on the Philippines v. PRC Arbitration: Legal Significance // Security and Cooperation in the South China Sea: Actual Problems and Conflict Regulation. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2015. P. 131.

³ Портяков В.Я. Внешняя политика КНР в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 102–106.

⁴ Арбитраж по иску Филиппин 2013–2016 гг. после конфликта 2012 г. из-за суверенных прав на отмель Скарборо (Хуанъянь), находящуюся в 200-мильной исключительной экономической зоне (ИЭЗ) Филиппин.

но китайской риторике должно было означать достижение «нового консенсуса» по данному поводу⁵. Переговорная стратегия КНР по проекту Кодекса поведения в ЮКМ по-прежнему заключается в достижении временных договоренностей со странами АСЕАН на двусторонней основе и перенесении окончательного решения «сложных» вопросов на неопределенное будущее.

И, наконец, последняя по времени стратегическая концепция «Морского Шелкового пути» явно означает попытку придать деятельности Китая в регионе ЮКМ новое, еще более масштабное измерение. «По мере превращения Китая в морскую державу Мировой океан обретает все большее значение для его развития, а также для глобального сотрудничества. Интересы Китая, несомненно, выходят все дальше за пределы Южно-Китайского моря, подтверждением чему служит инициатива „Один пояс, один путь“», – так формулируют ведущие китайские эксперты геостратегические приоритеты в настоящее время⁶.

Понятно, что в конкретно-тактическом плане все вышеупомянутые стратегии и «инициативы» применительно к ЮКМ имели главной целью не столько приобретение самих по себе клочков суши, большей частью безжизненных, сколько освоение природных и стратегических ресурсов этого моря: Китай здесь пытался лидировать, расширяя рыбный промысел в исключительной экономической зоне Филиппин, все активнее занимался поисками нефти и газа, то и дело вступая в конфликт с Вьетнамом из-за расхождений в определении границ ИЭЗ и континентального шельфа.

В последнее же десятилетие внимание всего мира было привлечено к процессам, которые можно назвать попытками использования Китаем геополитических преимуществ ЮКМ. Речь идет о беспрецедентных по масштабам мероприятиях по возведению искусственных островов на занятых Китаем рифах и последующему строительству военной инфраструктуры (причалы, маяки, аэродромы) на них, что сильно обеспокоило соседей КНР, особенно США, свихшихся со своей ролью военно-политического гегемона в АТР. «Строительство военных баз-форпостов дает Пекину возможность войти

---

⁵ См. об этом: Дикарев А.Д. Государства АСЕАН в политике Китая // Сравнительная политика. 2018. № 3. С. 75–87.

⁶ Fu Y., Wu S. South China Sea: How We Got to this Stage // The National Interest. 2016. May 9. URL: <https://nationalinterest.org/feature/south-china-sea-how-we-got-stage-16118>

в число тех, для кого реальная политика всегда была важнее международного права», – считает историк Билл Хэйтон⁷.

Итак, обобщая вышесказанное, интерес Китая к этому региону имеет четыре главные составляющие: во-первых, субъективное ощущение исторических правооснований на почти все ЮКМ в сочетании со стремлением поддержать престиж государства; во-вторых, потребность в «стратегической глубине» для защиты прибрежных китайских городов силами военно-морского флота в соответствии с новой оборонной стратегией эпохи Си Цзиньпина – «переход от береговой обороны к обороне в открытом море»; в-третьих, стремление обеспечить стратегический доступ к открытым водам Индийского и Тихого океанов для реализации инициативы «Один пояс, один путь»; в-четвертых, желание иметь беспрепятственный доступ к морским ресурсам, особенно к рыбным и углеводородным.

Эти четыре составляющие финансируются и курируются различными центрами сил внутри Китая. Помимо Министерства иностранных дел и НОАК, это также Государственная океаническая администрация и Государственная оффшорная нефтяная корпорация, а также прибрежные провинции, где хорошо развита рыбная промышленность. Мотивы могут быть разные – национальный престиж, безопасность, прибыль или занятость. Но все заинтересованные китайские организации сходятся в одном: ресурсы прилежащих к побережью материка зон уже близки к исчерпанию, это касается как рыбы, так и углеводородов. Нужно идти дальше в море.

Правооснования: теория и практика

Укрепляясь и постепенно продвигаясь на юг в военном и экономическом отношениях, Пекин годами активно выстраивал свою политическую линию, в главном остающуюся неизменной по сей день и сильно расходящуюся с действительностью.

Вкратце эту линию можно определить так: абсолютно все острова четырех архипелагов являются суверенной территорией Китая. «Что же касается некоторых островов Наньша и рифов, оккупированных другими странами, то Китай не откажется от своего суверенитета», – так без обиняков формулируется официальная позиция от имени китайского народа, который «не допустит никаких дальнейших по-

---

⁷ Hayton B. The South China Sea: The Struggle for Power in Asia. New Haven; London: Yale University Press, 2014. P. 120.

святательств на суверенитет и права страны в отношении земельных объектов в ЮКМ»⁸.

Юридическую базу для такого подхода властям Китая предоставило решение Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) от 25 февраля 1992 г. Согласно принятому им Закону о территориальных водах и прилегающих к ним районах, все острова ЮКМ были объявлены неотъемлемой частью территории КНР и административно подчинены провинции Хайнань. Специалисты полагают, что именно с принятием этого закона ЮКМ фактически стало превращаться во «внутренний водоем» Китая⁹.

В то же время в китайском подходе уже тогда были видны некоторые новации и склонность к компромиссу: на определенных условиях правительство КНР было готово признать зоны контроля на островах Спратли и обсуждать сложившееся статус-кво на основе признания другими странами суверенитета Китая над островами. Естественно, что в 1990-е годы идея многостороннего партнерства на этой основе особой поддержки не получила и вряд ли реальна и сегодня, когда практически все более или менее крупные острова, мало-мальски пригодные если не для жизни, то хоть для какой-то деятельности, уже фактически поделены между странами региона и так или иначе осваиваются, пусть и более скромными темпами и не с таким размахом, как в случае с КНР.

Поскольку Китай фактически занимает в ЮКМ лишь несколько рифов, он имеет минимум правовых преимуществ перед странами-конкурентами: без физического присутствия на островах его аргументы по территориальным вопросам останутся чисто теоретическими. В этом, в частности, и заключается побочный смысл масштабного строительства искусственных островов с военной (и/или гражданской) инфраструктурой.

Здесь следует уточнить, что Конвенция ООН 1982 г. попросту не регламентирует (хотя и не запрещает) строительство искусственных островов в открытом море, за пределами ИЭЗ и континентального шельфа прибрежного государства. В этом смысле Китай формально не нарушает международное морское право и при этом явно рассчитывает путем «эффективной оккупации» скал, рифов, банок и отмелей доказать, что они пригодны для жизни и хозяйственной деятельности, с целью их последующей правовой квалификации в каче-

⁸ Fu Y., Wu S. South China Sea: How We Got to this Stage...

⁹ Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М.: ИВ РАН, 2012. С. 62.

стве полноценных островов. Между тем, согласно ст. 60(8) Конвенции, искусственные острова не образуют вокруг себя ни территориальных вод, ни исключительной экономической зоны, в этом смысле они просто не обладают статусом островов.

Что касается программы «совместного освоения ресурсов», соседи Китая опасаются, что в рамках такого партнерства китайцы рассчитывают получить прямой доступ на акватории и острова, уже объявленные находящимися под суверенитетом прилегающих государств ЮВА. А в силу своего превосходства, военного и финансового, КНР легко сможет поставить все эти земли под свой финансовый, а потом фактический контроль. Все без исключения время от времени предлагаемые Китаем программы сотрудничества в ЮКМ относятся только к спорной акватории, и никогда не предлагается партнерам из АСЕАН осваивать что-либо, находящееся в его бесспорной 200-мильной ИЭЗ к югу от острова Хайнань.

Позиция КНР: сочетание «исторического» и международно-правового подходов

12 июля 2016 г. Постоянная палата третейского суда в Гааге вынесла решение по иску Филиппин. В этом решении большая часть действий КНР в ЮКМ квалифицировалась как нарушение международного морского права. Это, безусловно, негативно отразилось на международном имидже Китая. Но сколько-нибудь серьезных правовых последствий этого решения вряд ли стоило ожидать, так как Пекин с самого начала отказался быть стороной процесса, заранее объявил любое решение трибунала юридически ничтожным и для себя необязательным. Этот подход не выходил за рамки обычных действий великих держав. До этого решения международных судов и арбитражей игнорировали США (в 1986 г. в споре с Никарагуа), Россия (в 2013 г. по делу *Arctic Sunrise*¹⁰) и Великобритания (в 2015 и в 2019 гг. в споре с Маврикием по архипелагу Чагос). В этом смысле мир смог лишний раз убедиться, что «право силы» остается важнейшим инструментом в международных отношениях, а благодаря изменениям в раскладе сил в регионе (смена власти и корректировка внешнеполитического курса на Филиппинах и в США) Китай сумел

---

¹⁰ Уголовное дело, возбужденное Следственным комитетом России против активистов Гринпис, которые пытались проникнуть на российскую нефтедобывающую платформу в международных водах.

политически компенсировать свое поражение на международно-правовом поле.

День в день с вынесением вердикта трибунала (12 июля 2016 г.) было опубликовано специальное «Заявление правительства КНР о территориальном суверенитете и морских правах и интересах Китая в ЮКМ», которое, по сути, являет собой квинтэссенцию официальной позиции по всем основным связанным с этим регионом проблемам¹¹. Многостраничные документы, статьи и заявления, опубликованные впоследствии, лишь развивают с теми или иными подробностями тезисы этого заявления. Поэтому для выяснения позиции Китая и ее критического рассмотрения следует в первую очередь опираться именно на этот документ. Основополагающими источниками являются также многочисленные труды Института Южно-Китайского моря, главные из которых выходят в свет за подписью президента института У Шицуня, иногда в соавторстве с бывшим заместителем иностранных дел Фу Ин, которая является заместителем председателя Комитета по иностранным делам ВСНП и председателем ученого совета китайского Института международной стратегии. Научную деятельность этих институтов, особенно первого из них, можно охарактеризовать как важную часть согласованных общегосударственных усилий по вписыванию китайских претензий в рамки международного права.

Из текста Заявления (п. 1.1) ясно, что Китай полагает: все острова, скалы и отмели, а также прилегающие к ним воды четырех архипелагов вплоть до самой южной точки (отмель Джеймса, или Цзэнму Аньша) представляют собой неоспоримую и неделимую часть исторической китайской территории. Публикации китайских авторов, как правило, содержат утверждения такого рода: «Южно-Китайское море было известно китайским рыбакам и мореплавателям с незапамятных времен», причем без каких бы то ни было дальнейших разъяснений, если не считать ссылок на древние карты Поднебесной¹².

Подобные аргументы, мягко говоря, противоречивы. Они базируются на таком понимании истории, которое обращено скорее

---

¹¹ 中华人民共和国政府关于在南海的领土主权和海洋权益的声明 [Заявление правительства Китайской Народной Республики о территориальном суверенитете и морских правах и интересах в Южно-Китайском море]. 12.07.2016. URL: <https://www.mfa.gov.cn/nanhai/chn/snhwtlcwj/t1380021.html>

¹² Gao Z., Jia B. The Nine-Dash line in the South China Sea: History, Status and Implications? // *The American Journal of International Law*. 2013. Vol. 107. No. 1. P. 98–124.

к патриотическим чувствам, нежели документальным свидетельствам. Поэтому, возвращаясь к исторически первой «эффективной юрисдикции» над островами и прилегающими к ним водами, следует вспомнить, что в параграфе 270 вердикта Гаагского трибунала говорится следующее: «Трибуналу не удалось обнаружить ни одного свидетельства, которое позволило бы полагать, что Китай исторически регулировал или контролировал рыболовный промысел в ЮКМ вне пределов своих территориальных вод»¹³.

Государственные органы Китая все же не могут оставаться безразличными к мировому общественному мнению и стремятся по возможности не выходить за рамки современного международного права. Этим и объясняются все предпринятые Китаем в 2016 г. усилия по оспариванию выводов Гаагского трибунала, а также его «демпфированию» (таковым можно считать попытки склонить как можно большее число стран мира на свою сторону в оценке вердикта как не имеющего силы). Но получается это не очень убедительно. Определенно поддержали Китай в этом вопросе всего шесть стран.

Начать нужно с того, что принадлежность всех четырех групп «китайских островов в ЮКМ» до сих пор остается весьма спорной¹⁴. Если, например, рассматривать Парасельские острова отдельно, то, не вдаваясь здесь в историко-правовые подробности, у Китая больше оснований претендовать на группу Амфитрит, а у Вьетнама – на группу Круассан.

Что же касается островов группы Спратли (Наньша), то, во-первых, китайские претензии на них базируются на упоминаниях об островах в древних документах. Однако более пристальное рассмотрение текстов не дает возможности определить, о каких конкретно островах идет речь. В документах колониального периода даже новейшего времени (не говоря уже о средневековье и Новом времени) Парасельские острова, например, часто путают с островами группы Спратли.

---

¹³ PCA Case № 2013-19 in the Matter of the South China Sea Arbitration before an Arbitral Tribunal Constituted under Annex VII to the 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea between the Republic of the Philippines and the People's Republic of China // *The Diplomat*. 2016. July 12. P. 144. URL: https://thediplomat.com/wp-content/uploads/2016/07/thediplomat_2016-07-12_09-15-50.pdf

¹⁴ Вопрос о суверенитете над островами ЮКМ трибунал в Гааге не рассматривал, не имея на то компетенции. Выводы арбитража основаны исключительно на нормах морского права.

Во-вторых, на протяжении всего колониального периода в истории ЮВА Китай практически никак не проявлял свои притязания на обладание малыми островами ЮКМ, а вплоть до окончания Второй мировой войны в китайском флоте попросту не было кораблей, способных доплыть до них.

В-третьих, довольно любопытно, что в случае вынесения вопроса о государственной принадлежности островов группы Наньша в Международный суд документально зафиксированные (что наиболее важно для суда) претензии на них могут предъявить даже Англия и Франция как страны-первооткрыватели и бывшие собственники некоторых островов.

Самый парадоксальный случай – Чжунша. Стандартное европейское название этих «островов» размерами в 140 км в длину и 60 км в ширину – банка Макклесфильда. Возвышенности этого типа также включаются в список китайских территориальных претензий, но... в качестве сухопутных они в принципе не рассматриваются в тексте Конвенции: это подводные участки, глубина самого мелководного из них на этой банке – 9 м¹⁵. Согласно Конвенции, ни у одного государства нет никаких оснований претендовать на отмель или риф, остающиеся под водой при отливе, это просто части морского дна. Но это не останавливает Китай от предъявления территориальных претензий, основанных на «исторических правах», на банку Макклесфильда и на отмель Джеймса (Цзэнму Аньша).

Архипелаги ЮКМ (хотя применять данный географический термин к этим четырем группам островов следует с оговорками¹⁶) состоят из сотен островов и островков, песчаных отмелей, скал и рифов. В совокупности они называются *maritime features* («морскими возвышенностями»). Бруней, Малайзия, Филиппины, Вьетнам, а также Тайвань имеют здесь пересекающиеся с китайскими территориальные претензии. Но китайское правительство, как уже говорилось, считает все прочие претензии на суверенитет несостоятельными. Таким образом, возможности мирного «слияния» фактического обладания с юридическим на любой из «возвышенностей» представляются нереальными, пока все стороны конфликта предъявляют пересекающиеся претензии на участки суши.

¹⁵ Единственное исключение – находящаяся в ИЭЗ Филиппин отмель Скарборо, также относимая Китаем к группе Чжунша.

¹⁶ Так именоваться может лишь группа островов, имеющих общее происхождение и расположенных близко друг к другу. В случае с группой Спратли степень «близости» между островами явно невелика.

В Заявлении указывается, что «по окончании Второй мировой войны Китай восстановил суверенитет над островами ЮКМ, которые были незаконно оккупированы Японией в ее агрессивной войне с Китаем»¹⁷. По Сан-Францисскому договору Япония действительно отказалась от прав и правооснований на острова ЮКМ, хотя кому отходят эти территории – указано не было, Китай в конференции 1951 г. не участвовал, а делегация Вьетнама, который находился тогда под протекторатом Франции, объявила о вьетнамском суверенитете над островами. Поэтому тезис относительно «восстановления суверенитета» Китая требует уточнения, принимая во внимание многие события первых послевоенных лет. Например, надо иметь в виду декларацию вице-президента Филиппин Квирино в 1946 г. относительно островов Спратли, с которой не согласилась Франция, также пытавшаяся в 1946–1947 гг. закрепиться на островах Спратли.

Только после ослабления позиций Франции и появления вакуума силы в ЮКМ Китай осторожно начал экспансию в этом регионе, но когда именно начался данный процесс – ученые спорят¹⁸. Достоверные факты о мероприятиях правительства Чан Кайши – это две военно-морских экспедиции гоминьдановского правительства на Амфитрит (Сиша) и Иту Аба (Наньша) в декабре 1946 г., а также декрет о присоединении всех Парасельских островов к Китаю (май 1947 г.). При этом крайне важно, что никакой делимитации морских границ Китайской Республики в этом регионе не было (вряд ли она была возможна вообще) – в результате вопрос о суверенитете на большинство островов остался подвешенным в состоянии, названном впоследствии «стратегической двусмысленностью».

В тексте Заявления имеется ссылка на «пунктирную линию», вокруг нее уже сломано и еще будет сломано множество копий. На всех картах эта “U-образная линия” обозначает, по сути, как сухопутные, так и морские территории, на суверенитет над которыми претендует Китай. Впрочем, согласно последним историческим исследованиям, проведение данной линии первоначально не предполагало, что она станет обоснованием претензий на море. Она предназначалась лишь для обозначения на карте того, на какие острова в ЮКМ Китай претендует, а на какие нет.

---

¹⁷ 中华人民共和国政府关于在南海的领土主权和海洋权益的声明 [Заявление правительства Китайской Народной Республики о территориальном суверенитете и морских правах и интересах в Южно-Китайском море].

¹⁸ Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии... С. 19–20.

Самая последняя версия этой карты была представлена в 2009 г. в Комиссию по границам континентального шельфа в качестве приложения к заявке КНР. Количество пунктиров и их расположение менялись со временем, но в общем нынешняя 9-пунктирная линия соответствует 11-пунктирной линии, опубликованной гоминьдановским правительством в 1947 г. В свою очередь, эта карта дублирует карту, опубликованную в 1935 г. Особым комитетом Китайской Республики¹⁹.

Будучи не привязанной к географическим координатам и к тому же как бы «плавающая» на разных картах, эта линия никак не может считаться некой государственной границей. Но начиная с 2009 г. от Китая неизменно и настойчиво требуют пояснить, что именно представляет собой эта линия. Различные китайские государственные учреждения отвечают на этот вопрос по-разному. Наиболее адекватно значение линии сформулировал У Шицунь. Он утверждал, что она означает претензии, состоящие из трех компонентов:

- суверенитет на участки суши в пределах этой линии;
- суверенные права и юрисдикцию над окружающей эти участки водной территорией в соответствии с Конвенцией по морскому праву;
- «исторические права» на рыболовство, навигацию и разработку ресурсов²⁰.

При этом У Шицунь в международной аудитории активно разъясняет, что Китай никогда не претендовал на все ЮКМ внутри этой линии как на свои внутренние исторические воды и ни в коем случае не собирается препятствовать мирному судоходству кораблей любых стран. Другие китайские ученые уточняют, что линия потому и пунктирная, что допускает ее пересечение, т.е. свободу судоходства²¹, хотя

---

¹⁹ И Тайвань, и КНР, считающая себя правопреемницей Китайской Республики, занимают по сути одинаковые позиции по территориальному вопросу в ЮКМ.

²⁰ Цит. по: Hayton B. China's "Historic Rights" in the South China Sea: Made in America? // *The Diplomat*. 2016. June 21. URL: <http://thediplomat.com/2016/06/chinas-historic-rights-in-the-south-china-sea-made-in-america/>

²¹ Beech H. Just Where Exactly Did China Get the South China Sea Nine-Dash Line From? // *Time*. 2016. July 19. URL: <http://time.com/4412191/nine-dash-line-9-south-china-sea/>

это и без всяких линий предусмотрено буквой и духом Конвенции 1982 г. применительно к открытому морю.

В апреле 2011 г. китайский МИД направил в ООН еще одно официальное письмо со ссылкой на «неоспоримый суверенитет над островами в Южно-Китайском море и прилегающими водами», где «пунктирная линия» почему-то упомянута не была. В начале 2012 г. официальный представитель МИД КНР заявляет, что никакая страна, включая Китай, не требует установления своего суверенитета над всем ЮКМ²². Китайские эксперты в этот период явно склоняются к идее держаться за острова, пойдя на уступки по вопросам морской акватории.

В отстаивании суверенитета над островами ЮКМ основным козырем Пекина остается тот факт, что после первой международной публикации карты в 1947 г. все участки суши внутри этой линии в большинстве европейских, в том числе российских, а также американских и многих других географических атласов помечены как принадлежащие Китаю. По этой логике Вьетнам, Филиппины и все другие (очевидно, за исключением Тайваня) страны, поддерживающие в настоящее время жизнедеятельность на островах ЮКМ, являются лишь захватчиками и временными оккупантами.

Неудивительно, что многие простые китайцы, равно как и некоторые китайские географы, предполагают, что U-образная линия является просто границей территории страны. Для укоренения в умах граждан этого представления с апреля 2012 г. на все китайские паспорта также наносится эта линия. Даже мелкие частные организации, которые хотят наглядно показать, в каких местах Китая они действуют, не могут опубликовать карту страны без этой пунктирной линии. Деятельность же крупных организаций свидетельствует, что все они интерпретируют линию как территориальную претензию на весь этот регион. В последнее время стала появляться непроверенная информация, явно направленная уже на зондирование международного общественного мнения, что якобы на некоторых картах в прошлом пунктирная линия была показана сплошной²³.

Отдельные наблюдатели рассматривают китайские претензии на Южно-Китайское море просто как грандиозный блеф в стратегиче-

²² Портяков В.Я. Внешняя политика КНР в XXI столетии... С. 107, 114.

²³ Chen S. China's claims in South China Sea 'proposed by continuous boundary for the first time' // South China Morning Post. 2018. April 22. URL: <https://www.scmp.com/news/china/society/article/2141323/chinas-claims-south-china-sea-proposed-continuous-boundary-first>

ском покере, который дал возможность Пекину сесть за игровой стол и привлечь внимание зрительской аудитории²⁴. Но причина, наверное, глубже. На всех уровнях китайского общества, от начальной школы до Политбюро ЦК КПК, «U-образная линия» давно стала сакральной темой. Эта основанная на исторических мифах географическая конструкция, возникшая в смутное время перехода от империи к республике, сохранится на неопределенно долгое время, а окончательное решение территориального вопроса в ЮКМ возможно, только если линия будет перечерчена. На что рассчитывать в обозримом будущем явно не приходится.

Можно заключить, что китайское правительство по большому счету продолжает придерживаться принципа «стратегической двусмысленности» в отношении того, что же представляет собой эта линия, а его ключевые структуры (вооруженные силы, нефтяные компании и южные прибрежные провинции) продолжают действовать, основываясь не столько на международном морском праве, сколько на исторических претензиях Китая на все ЮКМ.

Китай–Вьетнам: основная правовая коллизия. Что касается территориальных споров с основным оппонентом КНР – Вьетнамом, здесь позиции китайской стороны с точки зрения международного права довольно сильны. Пекин ссылается на ноту премьер-министра ДРВ Фам Ван Донга, направленную премьеру Госсовета КНР Чжоу Эньлаю 14 сентября 1958 г., в которой заявлялось о признании декларации китайского правительства о территориальном море Китая от 4 сентября 1958 г. Хотя в этом письме и отсутствует ясно выраженное признание китайских претензий на острова, но нет и явных возражений против них. Это объясняется тем, что руководство Северного Вьетнама в то время считало Пекин основным партнером и союзником в борьбе за объединение страны. Согласно Д. Мосякову, «Вьетнам тогда искренне верил, что после войны и воссоединения Вьетнама все территориальные проблемы с Китаем будут должным образом по-братски разрешены»²⁵.

Сила права или право силы? Известный российский правовед П. Гудев полагает, анализируя нарушение Китаем Конвенции, что с точки зрения КНР само международное право является скорее продуктом западной цивилизации и потому нацелено в первую очередь на обслуживание интересов наиболее сильных и влиятельных

²⁴ Hayton B. The South China Sea: The Struggle for Power in Asia... P. 267.

²⁵ Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии... С. 41.

государств этой части земного шара²⁶. Это мнение может показаться излишне категоричным, но вполне очевидно, что поднявшийся до уровня сверхдержавы Китай уже научился, как и прочие ведущие страны мира, уважать одни нормы международного права и пренебрегать другими, которые его не устраивают.

Можно с уверенностью утверждать, что подавляющее большинство аналитиков государств ЮВА, Индии, США и других стран отмечает двойственность позиции Пекина по проблеме территориального суверенитета в ЮКМ, к тому же его политика в данном вопросе явно не пользуется поддержкой международного сообщества²⁷. Поэтому китайские научные учреждения не прекращают попыток изыскивать в международном праве основания для оправдания политики КНР по освоению ЮКМ. Пока же эта политика в регионе вызывает у некоторых экспертов ассоциации с «Доктриной Монро», только теперь уже речь идет не о США, а о Китае, и не об Атлантическом океане, а о Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях²⁸.

В тексте Заявления нет постоянно выдвигаемого Пекином тезиса о необходимости решать споры на двусторонней основе. В любом случае довольно трудно представить, как на такой основе могут вестись переговоры по группе островов Спратли, учитывая, что претендуют на них несколько стран АСЕАН, и из-за этого Ассоциация не способна выдвинуть единую коллективную позицию на переговорах с КНР²⁹. В свете всего изложенного можно утверждать, что «окончательное урегулирование» споров в ЮКМ выглядит несбыточной мечтой.

---

²⁶ Гудев П. Конвенция ООН по-китайски // Новый оборонный заказ. Стратегии. 25.06.2017. № 3(45). URL: <https://dfnc.ru/politica/konventsija-oon-po-kitajski/>. См. также: Гудев П. Политика Китая и международное морское право // Дынкин А.А., Арбатов А.Г., Барановский В.Г. (пер. с англ.). Ежегодник СИПРИ 2016. М.: ИМЭМО РАН, 2017.

²⁷ Новосельцев С.В. Конфликт в Южно-Китайском море в XXI веке: эволюция позиций участников // Сравнительная политика. 2018. № 3. С. 91; Портяков В.Я. Внешняя политика КНР в XXI столетии... С. 136; Franckx E. The PRC's Position Paper... P. 133.

²⁸ Franckx E. The PRC's Position Paper... P. 261.

²⁹ Воробьев В.Я. Южно-Китайское море: Китай и другие // Дипломат чеченской школы. Сборник памяти дипломата-китаиста В.Я. Воробьева / Под. ред. А.Д. Дикарева, А.В. Лукина, Н.С. Степанова. М.: Весь мир, 2018. С. 257.

Россия и ЮКМ

В области азиатской безопасности Россия ведет независимую политику, избегая вовлеченности в крупные территориальные споры в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. В то время как в Постоянной палате Третейского суда в Гааге рассматривалась филиппинская жалоба, в Пекине, как отмечалось выше, активно занимались поисками международной поддержки своей позиции, или, по крайней мере работая на внутреннюю аудиторию пытались выставить реакцию в других странах как такую поддержку. Очевидно, этим можно объяснить то, что несколько китайских государственных СМИ превратно истолковали позицию некоторых российских и других официальных лиц. Так, в мае 2016 г. ведущие китайские новостные агентства дали изложение заявления Генерального секретаря Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) Р. Алимова, якобы выразившего полную поддержку своей организацией позиции Китая³⁰.

Комментируя эти сообщения, МИД России, ссылаясь на пресс-релиз об итогах встречи Совета министров иностранных дел стран ШОС, прошедшей 24 мая 2016 г. в Ташкенте, вновь подчеркнул, что члены организации «подтверждают приверженность своих государств поддержанию законного порядка на море на основе принципов международного права, как, в частности, зафиксировано в Конвенции ООН по морскому праву», и убеждены, что все соответствующие споры «должны урегулироваться мирным путем на основе дружественных переговоров и договоренностей между заинтересованными сторонами, без их интернационализации и вмешательства извне»³¹. Это означало, что в реальности ШОС не принимает чьей-либо стороны по вопросу о территориальной принадлежности островов.

Комментируя вердикт Третейского суда в Гааге, официальный представитель МИД России М. Захарова 14 июля 2016 г. отметила: «Позиция России по ситуации в ЮКМ последовательна и неизменна. Мы выступаем за то, чтобы государства, вовлеченные в территориальные споры в указанной акватории, строго следовали принципу

---

³⁰ SCO Supports Peace and Stability in South China Sea // ChinaDaily. 2016. May 25. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/world/2016-05/25/content_25454951.htm

³¹ Комментарий МИД РФ относительно заявления Генсекретаря ШОС Р.К. Алимова по проблематике ЮКМ // МИД России. 26.05.2016. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1528996/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/2292783

неприменения силы и продолжали поиски путей дипломатического урегулирования имеющихся разногласий на основе международного права, прежде всего Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Они должны действовать в духе документов АСЕАН и КНР, а именно Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море, подписанной в 2002 г., и Руководящих принципов ее реализации, согласованных в 2011 г.»³².

Вскоре, однако, Россия сделала определенный жест в сторону КНР. Не изменив позиции собственно по территориальной принадлежности спорных территорий, Москва поддержала позицию Пекина в части непризнания решения суда на том основании, что Китай не являлся участником разбирательства в Суде. На этот раз жест исходил от самого В. Путина, который, выступая на пресс-конференции на заседании G20 в Ханчжоу 5 сентября 2016 г., заявил: «Прежде всего, мы не вмешиваемся. И считаем, что вмешательство любой не-региональной державы идет только во вред урегулированию этих вопросов. Вмешательство третьих, нерегionalных держав, на мой взгляд, вредно и контрпродуктивно». По мнению российского президента, при неучастии одной из сторон Суд вообще лишен смысла и правомочности: «Это не политическая позиция, а чисто юридическая. Заключается она в том, что любые третейские разбирательства должны быть инициированы спорящими сторонами, а арбитражный суд должен выслушивать аргументы и позиции спорящих сторон. Как известно, Китай в Гаагский арбитраж не обращался и его позицию там никто не слушал. Как же можно признавать справедливыми эти решения?»³³.

Таким образом, нигде в официальных российских заявлениях не говорится о поддержке собственно территориальных претензий КНР³⁴. Россия лишь поддерживает Китай относительно необходимо-

---

³² Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой. Москва, 14 июля 2016 г. // МИД России. 14.07.2016. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/1531538/

³³ Владимир Путин ответил на вопросы российских журналистов по завершении рабочего визита в Китайскую Народную Республику для участия в саммите «Группы двадцати» // Официальный сайт Президента России. 2016. 5 сентября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52834>

³⁴ П. Гудев предсказывает, что Россия «не может и не будет поддерживать правовую позицию КНР по ЮКМ, так как та является явно завышенной и излишне радикальной». Но его вывод о «безусловном неприятии Россией правовой позиции Поднебесной в акватории ЮКМ» представляется чересчур катего-

сти разрешения споров самими спорящими сторонами без вмешательства извне. Эта позиция для Москвы не является новой и, очевидно, обусловлена не столько желанием поддержать Пекин, сколько собственными интересами. Как отмечалось выше, в 2013 г. РФ сама отказалась признать юрисдикцию Гаагского арбитража по делу *Arctic Sunrise* – конфискованного российскими властями судна, принадлежащего природоохранной организации «Гринпис» и зарегистрированного в Нидерландах³⁵. В 2016 г. Украина угрожала России международным арбитражем по вопросу исключительной экономической зоны Крым. В этой ситуации, как отмечает В. Кашин, «китайское решение отвергнуть юрисдикцию арбитража UNCLOS на основании положения о суверенитете создает полезный для России прецедент»³⁶.

Таким образом, создавая впечатление движения в сторону китайской позиции путем подчеркивания и частого повторения идеи невмешательства третьих стран, РФ в действительности занимает нейтральную позицию по вопросу самих территориальных претензий различных сторон. Создание же впечатления движения в сторону китайской позиции также вполне объяснимо политически (по большинству важнейших мировых проблем российская и китайская позиции совпадают) и подкреплено экономически (товарооборот России со всеми странами АСЕАН более чем в 5 раз меньше ее товарооборота с КНР).

Тем не менее РФ ведет активное сотрудничество в области безопасности и разработки энергоресурсов с Вьетнамом и является ведущим поставщиком вооружений в эту страну, так же как и Китай. Совместная с Вьетнамом разведка и разработка нефтяных и газо-

---

ричным. См.: Гудев П. Россия и Китай в «ловушке» правосудия: как проигрыш Пекина в международном арбитраже затронет интересы Москвы? (часть 1) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 1. № 1. С. 35–52; он же. Россия и Китай в «ловушке» правосудия: как проигрыш Пекина в международном арбитраже затронет интересы Москвы? (часть 2) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 1. № 2. С. 13–27.

³⁵ МИД: РФ не будет участвовать в трибунале по делу *Arctic Sunrise* // Российская газета. 23.10.2013. URL: <https://rg.ru/2013/10/23/mid-anons.html>. Тем не менее весной 2019 г. Россия все же выплатила Нидерландам половину требуемой суммы, хотя так и не признала решения арбитража.

³⁶ Kashin V. The Ukrainian Crisis: Impact on Sino-Russian Relations // RSIS Commentary. 2016. October 14. URL: https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/rsis/co16257-the-ukrainian-crisis-impact-on-sino-russian-relations/?doing_wp_cron=1657626344.1570589542388916015625#.Ys1fDSvP3IU

вых месторождений ведется российскими компаниями в том числе и в районах ЮКМ, на которые претендует КНР. По этому поводу Пекин несколько раз высказывал озабоченность, однако Москва урегулировала с ним вопрос и не отказалась от этих планов³⁷. Кроме того, российские компании начинают совместную добычу нефти и газа в ЮКМ и с Филиппинами³⁸. Все это не может не влиять на российскую позицию по территориальному спору.

В международно-правовом отношении позиция России не лишена некоторого противоречия. Она не вполне соответствует положениям Конвенции ООН по морскому праву, как раз допускающей судебное разбирательство при несогласии одной из сторон. Характерно также отсутствие в «Комплексном плане действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (2016–2020)», принятом на саммите Россия–АСЕАН весной 2016 г., какого-либо упоминания об этой Конвенции, хотя в основных подготовительных документах в параграфах о безопасности на море она фигурировала³⁹. Видимо, стороны сочли достаточными формулировки, содержащиеся в документе более ритуального характера – Сочинской декларации, принятой на саммите 2016 г.⁴⁰.

Кроме того, Россия и АСЕАН выступили за «эффективную реализацию в полном объеме Декларации о поведении сторон ЮКМ и скорейшее принятие на основе консенсуса Кодекса поведения в ЮКМ». Все эти положения относительно безопасности на море

---

³⁷ Никулина Е.В. Россия и Вьетнам: совместная разработка энергоресурсов Южно-Китайского моря // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов / Под ред. Е.В. Кобелева. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 68.

³⁸ «Роснефть», PNOС Exploration Corporation и Pionaire Finance Limited развивают сотрудничество // Роснефть. 02.06.2017. URL: <https://www.rosneft.ru/press/releases/item/186787/>; Ranada P. Duterte invites Russian oil giant to explore in West Philippine Sea // Rappler.com. 2019, October 9. URL: <https://www.rappler.com/nation/242143-duterte-invites-russian-oil-giant-explore-west-philippine-sea/>

³⁹ См., например: РОССИЯ–АСЕАН: обращенное в будущее многоплановое стратегическое партнерство. Доклад Группы видных деятелей Россия–АСЕАН // АСЕАН. 19–20.05.2016. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2016/06/11.-May-2016-ASEAN-Russia-EPG.pdf>

⁴⁰ Сочинская декларация юбилейного саммита Россия–АСЕАН в связи с 20-летием установления диалогового партнерства между Российской Федерацией и АСЕАН «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству». Сочи, 19–20 мая 2016 г. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-sochi-declaration.pdf>

и Кодекса поведения, согласованные на первом саммите, слово в слово были воспроизведены и в принятом два года спустя в Сингапуре «Совместном заявлении 3-го саммита Российская Федерация – АСЕАН о стратегическом партнерстве».

В 2019 г. Россия продолжила выступать за единство АСЕАН, критикуя западный подход, основанный на проведении неких «разделительных линий» между государствами, т.е. разделение стран региона на «союзников», «привилегированных партнеров», «изгоев» и т.д. Представитель России в АСЕАН А. Иванов поддерживает выработку странами Ассоциации «собственного видения общерегионального сотрудничества» в следующих формулировках: «Надеемся, что асеановская концепция будет „идти от жизни“ и базироваться на универсальных принципах международного права, а не на подменяющих их неких расплывчатых „правилах“»⁴¹. Ясно, что это высказывание относится в первую очередь к американской политике в АТР, развивая тем самым критику «международного порядка, основанного на правилах», содержащуюся в известной статье С. Лаврова⁴². Но применительно к территориальным спорам АСЕАН с Китаем нужно иметь в виду следующее.

Во-первых, часть стран АСЕАН не имеет выхода к Южно-Китайскому морю, не участвует в территориальных спорах и не обязательно заинтересована в «общерегиональном сотрудничестве» по данному конкретному вопросу. Этим активно пользуется Пекин на саммитах АСЕАН – Китай, внося раскол в Организацию, о чем говорилось выше.

Во-вторых, призыв «идти от жизни» применительно к отношениям, складывающимся в формате АСЕАН–Китай по поводу территориальных споров, выглядит несколько двусмысленно как раз с точки зрения международного права и его «универсальных принципов»,

---

⁴¹ Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при АСЕАН А.А. Иванова в ходе Диалога высокого уровня по индо-тихоокеанскому сотрудничеству. Джакарта, 20 марта 2019 г. // Постоянное представительство Российской Федерации при Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. 20.03.2019. URL: https://asean.mid.ru/ru_RU/publikacii-i-vystuplenia/-/asset_publisher/CczwEr8Fkk8T/content/remarks-of-h-e-mr-alexander-ivanov-ambassador-of-the-russian-federation-to-asean-at-the-high-level-dialogue-on-indo-pacific-cooperation-jakarta-20-mar?inheritRedirect=false

⁴² Лавров С. Мир на перепутье и система международных отношений будущего // Россия в глобальной политике. 2019. 20 сентября. № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mir-na-perepute-i-sistema-mezhdunarodnyh-otnoshenij-budushhego/>

если иметь в виду развитие ситуации в ЮКМ и особую китайскую позицию по поводу решения Третейского суда в Гааге по иску Филиппин.

* * *

Несмотря на все политические сложности и правовые нюансы, рассмотренные в статье, взаимопонимание между Россией и Китаем продолжало в последние годы нарастать при наличии общих для двух стран вызовов и угроз. Вместе с тем можно утверждать, что, несмотря на усиление азиатского вектора российской внешней политики, регион ЮКМ не входит в число ее приоритетов. В споре о территориальной принадлежности островов ЮКМ РФ придерживается строгого нейтралитета. Однако в общем подходе к проблемам ЮКМ наблюдается определенное движение Москвы в сторону Пекина, которое можно понимать как стремление оказать содействие стратегическому партнеру в надежде на его поддержку в других вопросах, например, в области противодействия санкциям США или по крымской проблеме. Кроме того, это сближение нельзя рассматривать в отрыве как от общемировой ситуации, нарастающей китайско-американской конфронтации, продолжающегося похолодания между Россией и Западом, так и некоторых новых тенденций в АТР. В первую очередь это так называемое «четырёхстороннее сотрудничество» и выдвижение США и их союзниками концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), которые, как считают в Москве и Пекине, направлены на сдерживание обеих стран и, естественно, подталкивают их к дальнейшему сближению.

Пик миновал? Российская стратегия в отношении Китая в новую эпоху

Опубликовано в журн.: Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 3. С. 222–233.
URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pik-minoval/>

5 июня 2019 г. лидеры России и Китая подписали совместное заявление о том, что всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие между двумя странами вступают в новую эпоху. Сразу после этого российские и китайские политики и эксперты начали размышлять, а что, собственно, произошло в двусторонних отношениях и в чем эта новая эпоха заключается. Как в самом документе, так и в большинстве официальных комментариев ни о каких качественных сдвигах речи не идет. В них в основном суммируются достижения и сообщается, что работа на всех направлениях будет продолжена.

Но дело вовсе не в углублении старых тенденций, а в некоторых совершенно новых факторах, которые начали действовать для России с 2014 г., когда она пошла на серьезную конфронтацию с Западом, а для Китая – с 2016 г., когда США начали против него торговую войну. Обе страны окончательно осознали невозможность вписаться на равных условиях в международную систему, в которой доминируют Соединенные Штаты и их западные союзники. До 2014 г. Москва всегда шла на уступки, надеясь сохранить конструктивные отношения с Западом, который, приняв эти уступки за слабость, продолжал двигать военную инфраструктуру все ближе к российским границам. Когда же Запад поддержал переворот на Украине, в результате которого к власти в Киеве пришли радикально настроенные антироссийские националисты, в Москве решили, что настало время дать решительный отпор.

Для Китая поворотным моментом стал приход к власти Дональда Трампа, который увидел в Пекине основного соперника на международной арене и развязал против него торговую войну. Хотя этот

политический поворот долго готовился и фактически уже начался при Бараке Обаме, китайских экспертов и руководство страны он застал врасплох, так как до этого стратегия экономического развития Китая основывалась на западных теориях неизбежности глобализации и создания всемирной либеральной экономической системы, от распространения которой выигрывали и США, и КНР. В Пекине не хотели верить в то, что ради достижения геополитических целей по сдерживанию Китая Вашингтон пойдет на меры, вредные для собственной экономики. Однако в администрации Трампа решили, что Китай необходимо сдерживать любыми средствами, даже ценой экономических потерь, в противном случае тот может воспользоваться американскими технологиями, чтобы обойти Соединенные Штаты сначала в экономике, а затем и по политическому влиянию в мире.

В Пекине неожиданная атака Трампа вызвала недоумение и дискуссии о возможной реакции. Были сторонники жесткого ответа и те, кто говорил о необходимости значительных уступок. Однако в целом возобладало мнение, что конфликт принял затяжной характер и нужно готовиться к худшему. Пекин не отказывается от переговоров и надеется заключить с Вашингтоном сделку, которая, по крайней мере, даст передышку для перестройки экономики в сторону меньшей зависимости от экспорта в США и союзные им государства и от их технологий. **Однако иллюзий относительно сохранения стабильного, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества с Вашингтоном уже нет. Концепция «отношений нового типа между крупными державами», отражавшая эти иллюзии, ушла в прошлое.**

Такой поворот в китайском видении будущего непосредственно связан с его пониманием роли России. Еще в начале 2016 г. бывший заместитель министра иностранных дел КНР Фу Ин в статье, вызвавшей большой резонанс в России, в целом весьма позитивно оценивая российско-китайское стратегическое сотрудничество, подспудно упрекала Москву за излишнюю горячность и неумение рационально выстраивать отношения с Вашингтоном. Сегодня, однако, когда стало очевидно, что китайская осторожность также не принесла ожидаемых плодов в умиротворении американцев, россиян в Китае все чаще называют «нацией бойцов», которая способна дать отпор врагам и защищать свои интересы, мало того, их порой даже ставят в пример собственному руководству. Именно поэтому столь широкой популярностью в Китае пользуется боевито выглядящий российский президент Владимир Путин.

У нового этапа отношений есть не только очевидные причины, но и вполне конкретные признаки. К ним можно отнести следующие.

Допуск инвестиций китайских государственных кампаний в энергетическую отрасль и сферу высоких технологий.

До 2015 г. российское правительство фактически препятствовало китайским государственным кампаниям инвестировать в энергетическую отрасль. Но в феврале 2015-го российский вице-премьер Аркадий Дворкович заявил, что правительство России готово рассмотреть заявки китайских компаний на приобретение контрольного пакета [акций] в стратегических нефтегазовых месторождениях. В результате уже к концу 2015 г. российские и китайские компании подписали несколько крупных инвестиционных контрактов.

Изменилась позиция и в области инвестиций в высокие технологии. В сентябре 2015 г. во время визита президента Путина в Пекин российская компания “En+ Group Limited”, управляющая активами в сфере энергетики, цветной металлургии и горнорудной промышленности, логистики и в стратегически связанных с ними отраслях, контролируемых близким к руководству страны олигархом Олегом Дерипаской, подписала соглашение с компаниями “Centrin Data Systems” и ООО «Техкомпания Хуавэй» о совместном строительстве дата-центра в Иркутске. Между тем, когда за десять лет до этого, в январе 2005 г., во время посещения российским президентом Новосибирска, руководитель Сибирского отделения РАН академик Николай Добрецов предложил совместно с китайскими учеными создать в Сибири центр информационных технологий, Путин спросил: «Зачем с Китаем?» И, явно намекая на проблему безопасности, заметил: «Только чтобы эти зоны не превратились потом для китайцев в доступную такую... Ну, понятно...», призвав сотрудничать со стратегическим партнером «аккуратно».

Начало процесса сопряжения строительства китайской инициативы «Экономического пояса Шелкового пути» и Евразийского экономического союза и одобрение Китаем российско-казахстанской идеи Большого евразийского партнерства.

В 2015 г. в Китае принято решение о развитии отношений с Евразийским экономическим союзом как организацией, что, безусловно, способствовало росту ее авторитета. До этого Пекин предпочитал иметь дело с государствами постсоветского пространства лишь на двусторонней основе. По сути, это была поддержка российских планов углубления и расширения евразийской интеграции, демонстрация отсутствия каких-либо опасений относительно их.

Активизация сотрудничества в космической сфере.

Продажа Китаю наиболее современных видов российских вооружений: 24 истребителей Су-35 и системы ПВО С-400, что, по мнению российских экспертов, значительно укрепит безопасность Китая.

Переход на новый уровень в области военных учений – проведение совместных военно-морских учений в «чувствительных» для НАТО районах (Южно-Китайское, Балтийское моря, Ормузский пролив) и совместное патрулирование ВВС над акваториями Японского и Восточно-Китайского морей.

Российское содействие созданию в КНР системы предупреждения о ракетном нападении, что указывает на высочайший уровень доверия.

Изменения в стиле китайской внешней политики

Значительным препятствием для дальнейшего сближения может стать недостаток доверия, вызванный изменением стиля китайской внешней политики. Еще с конца первого десятилетия XXI в. эксперты стали отмечать нарастание «самоуверенности» внешнеполитического курса Пекина. В ряде публикаций китайских журналистов и экспертов, в особенности военных, стали появляться призывы брать пример с США и проводить силовой курс, борясь за геополитическое влияние и обеспечивая внешнеэкономические интересы. В то время китайские власти говорили, что это лишь частные мнения, не отражающие официальную линию. Затем широкую популярность приобрела газета «Хуаньцю шибао» (в английском варианте *Global Times*), редактор которой, бывший военный корреспондент Ху Сицзинь, был открытым сторонником более «самоуверенного» курса. С ним спорили некоторые сторонники традиционной дипломатии, продолжающей идею Дэн Сяопина о скромности, выраженной в формуле *таогуан янхуэй* («держаться в тени и стараться не проявлять себя»). Наиболее известная дискуссия состоялась в 2016 г., когда У Цзяньминь, известный дипломат, подверг позицию Ху Сицзиня открытой критике. Однако сегодня можно с уверенностью сказать, что в практической политике курс на «самоуверенность» взял верх.

Это создает серьезное противоречие между заявляемыми целями китайской дипломатии и ее практикой. В официальных документах написано о стремлении к «взаимному выигрышу», пяти принципах

мирного сосуществования, невмешательстве во внутренние дела других стран, уважении принципов международного права, отличии внешней политики Пекина от гегемонистского курса других крупных держав, прежде всего США.

При этом одновременно в сторону Китая сыпятся обвинения в том, что он закабалает другие государства кредитами, китайские компании не соблюдают трудового законодательства других стран, происходит подкуп местных чиновников, загрязнение окружающей среды. Пекин упрекают в неэффективности капиталовложений, неиспользовании местной рабочей силы. Критикуют за вмешательство в дела других стран с использованием своих граждан, китайских студентов и соотечественников (*хуацяо*). Помимо этого, КНР создает военные базы за рубежом (первая военно-морская база открыта в Джибути в 2017 г.), применяет экономические санкции против соседей (Монголия, Южная Корея), даже пытается диктовать свою волю государственным органам других стран. Например, недавно по интернету разошлись фотографии нот китайских посольств в Украине с требованием к мэрии Киева закрыть выставку, посвященную событиям в Гонконге, и в адрес правительства Эстонии – с предложением изменить содержание официального документа, в котором, с китайской точки зрения, неправильно отражена роль Китая в мире. Пусть даже выставка и документ действительно нехороши, однако подобные требования в дипломатии всегда считались примером вмешательства во внутренние дела.

Конечно, все это детский лепет по сравнению с тем, что делают или делали классические великие державы, такие, как США, СССР или европейские государства в период колониализма. Кроме того, часть обвинений, исходящих от американцев и их союзников, явно вызваны стремлением оказать идеологическое давление в конкурентной борьбе. Тем не менее общая тенденция налицо: Пекин начинает использовать те же инструменты, что и другие державы, хотя и не признает этого в официальной внешнеполитической риторике. Но лишь в официальной. В китайской экспертной литературе и публицистике легко найти доказательства необходимости открытия большего числа военных баз в различных регионах мира, использования армии для защиты экономических интересов, применения санкций как инструмента давления на правительства других стран¹.

---

¹戴旭 [Дай Сюй]. С-型包围 – 内忧外患下的中国突围 [Дугообразное окружение: как Китаю прорвать окружение в условиях внутренних трудностей и внешнего давления]. 上海: 文汇出版社, 2010; 罗援 [Ло Юань]. 没有尚武精神的民族

Изменился и сам стиль китайской дипломатии. Высокопоставленные ее представители, активно используя современные средства коммуникации, зарубежные социальные сети и мессенджеры (большая часть которых запрещена в Китае), напористо дискутируют с журналистами, экспертами, политиками других стран, дают им советы, как себя вести, что писать и чего не писать, угрожают внести в «черные списки» за «неправильные» взгляды, порой доходя до открытой грубости. Поскольку такие действия никак не критикуются высшим руководством, надо полагать, что эта тенденция, напоминающая стиль времен «культурной революции», считается нормальной и даже полезной. Китайские граждане – сотрудники различных зарубежных учреждений, преподаватели и студенты вузов – используются для навязывания официальной китайской точки зрения по различным историческим и международным вопросам, причем часто это делается в чрезвычайно активной форме, что приводит к срывам занятий и выходит за рамки товарищеских отношений в коллективах.

Этот внешнеполитический стиль контрпродуктивен прежде всего для самого Китая. Пекин прилагает огромные усилия и тратит значительные средства на пропаганду собственных достижений и улучшение международного имиджа: проводятся сотни конференций, издается литература, по всему миру работают Институты Конфуция. И действительно, Китаю есть чем гордиться и о чем рассказать миру – это страна древней и уникальной культуры, власти которой в последние три десятилетия создали эффективную экономическую модель, обеспечившую беспрецедентный экономический рост и повышение уровня благосостояния населения. Однако перерастание законной гордости в высокомерие, пренебрежительное отношение к опыту других стран, попытки диктовать им, как строить свою жизнь, можно воспринять как возврат к ксенофобским традициям китайской империи, которые в конечном счете привели к ее краху.

Отношение к Китаю в разных странах мира

Все это приводит к снижению популярности Китая во многих странах, в первую очередь среди соседей. Так, согласно опросу *Pew*

没有希望 [Ло Юань: У нации без воинственного духа нет будущего] // Ифэнван. 2012. http://news.ifeng.com/mainland/special/diaoyudaozhengduan/content-3/detail_2012_10/21/18411333_0.shtml; 阎梁 [Янь Лян]. 中国对外经济制裁: 目标与政策议题 [Внешнеэкономические санкции Китая: дискуссии о целях и политическом курсе] // Вайцзяо пинлунь: Вайцзяо сюэюань сюэбао. 2012. Т. 29. №. 6. С. 16–29.

Research 2019 г., неблагоприятного взгляда на Китай придерживаются 63% жителей Южной Кореи, 85 – Японии, 57 – Австралии, 54 – Филиппин, 46% – Индии, более 50% – почти всех европейских стран (за исключением Греции). А ведь когда-то многие из них были к Китаю настроены весьма дружелюбно.

Несколько лучше к Китаю относятся в Африке, Латинской Америке и Восточной Европе, но и там показатели ухудшаются. Можно с уверенностью сказать, что победа «самоуверенности», или линии Ху Сицзиня, ведет Китай к серьезным проблемам. Не совсем ясно, как в этой атмосфере можно проводить в жизнь такую глобальную программу, как «Пояс и путь», для которой сотрудничество со многими государствами является ключевым фактором.

Подход Китая к борьбе с эпидемией коронавируса – еще один пример новой китайской «самоуверенности». КНР, действительно, эффективно боролась с эпидемией и оказала значительную помощь другим странам. Но Пекин превращает победу над эпидемией в предмет гордости, которую вряд ли смогут понять в других странах. Ведь перед победой там все же допустили распространение вируса и довольно длительное время не принимали активных мер. Кроме того, именно из Китая болезнь распространилась в другие страны. Поэтому довольно неуклюжие попытки выдать проблему, пусть и эффективно решаемую, за достижение и проскальзывающее в высказываниях китайских представителей пренебрежительное отношение к системам здравоохранения других государств, которые якобы справляются с ней хуже, чем Китай, вряд ли пойдут на пользу его имиджу.

Отношение к Китаю в России

В России популярность Китая пока не снижается и даже растет. Это связано с распространенным убеждением, что «напористые» действия Китая России не коснутся, поскольку наша страна официально развивает с ним «стратегическое партнерство и взаимодействие» и является для него, в отличие, скажем, от США, дружелюбной и почти союзнической страной. **Но стоит помнить о том, что в случае Китая «напористость» может проявляться не только по отношению к враждебным государствам – она становится универсальным китайским инструментом, а китайское руководство либо не может, либо не желает это изменить.**

Несмотря на официальные заявления обеих сторон, наблюдается рост диспропорций в двусторонних отношениях. В России свободно

вещают китайские телекомпании, входящие в основные пакеты многих спутниковых компаний, и распространяются китайские СМИ, в том числе на русском языке. А на территории Китая аналогичная деятельность запрещена законодательно, российское телевидение там можно смотреть только в ряде крупных отелей. В России издается много китайских книг по истории, общественной и международной тематике. В Китае подобное возможно, только если содержание не противоречит китайской позиции, причем в последнее время ситуация стала значительно жестче: в результате «подвисло» большое количество ранее переведенных, но не изданных работ российских авторов.

В 2016 г. под Москвой в торжественной обстановке открылся музей VI Съезда КПК, который полностью контролируется китайской стороной, так как формально является филиалом Китайского культурного центра в Москве. Естественно, музей пропагандирует официальную китайскую версию партийной истории и советско-китайских отношений, которая, мягко говоря, не во всем совпадает с результатами объективных исследований. Вероятно, это единственный музей в России, который административно подчиняется иностранцам. Между тем во многие музеи КНР, в том числе посвященные российско-китайским отношениям, доступ иностранцам, в том числе россиянам, вообще запрещен. Кроме того, в Китае гораздо чаще, чем в Восточной Европе, перемещают памятники российским воинам, освобождавшим Северо-Восток страны от японцев в 1945 г., из центров городов в пригороды и пустынные места. По официальной версии, это делается, чтобы освободить место для транспорта, однако, вероятно, здесь играет роль и некоторое нежелание выпячивать роль внешних сил в разгроме японских агрессоров. Хотя на высоком уровне роли СССР отдается должное.

Усилившиеся в Китае идеологизация и цензура мешают углублению кооперации в общественных науках. Поведение китайских студентов и преподавателей сдерживает расширение межвузовского взаимодействия. Ряд российских вузов уже отказался от приглашения на постоянную работу китайских преподавателей, сокращают количество китайских студентов. Россия стремится сдерживать распространение Институтов Конфуция, добившись договоренности о том, чтобы их число не превышало числа Русских центров в Китае. Ряд Институтов Конфуция уже пытались закрыть за якобы незаконную деятельность, хотя попытки эти провалились. В связи с участвовавшими случаями арестов и осуждения российских ученых за

шпионаж в пользу Китая сотрудничество в естественно-научных областях становится опасным.

В российском обществе отношение к растущему Китаю также неоднозначно. Согласно большинству исследований, россияне считают Китай наиболее дружественной страной мира. Так, по данным специального опроса государственного Фонда общественного мнения (ФОМ) «Китай. Представления россиян о китайцах и китайской культуре», проведенного в июле 2018 г., дружественным государством Китай считают 62% респондентов. Согласно опросу независимого «Левада-центра» за февраль 2018 г., в хорошем отношении к Китаю признались 70% россиян. В то же время опрос ФОМ показал: 68% россиян полагают, что сегодня Китай развивается более успешно, чем Россия. При этом читали статьи или книги, смотрели фильмы, передачи, посвященные Китаю, 52% участников опроса, а 47% вообще ничего о Китае не смотрели и не читали. 57% респондентов заявили, что культура, ценности и образ жизни русских и китайцев сильно различаются. Хотели бы отправиться в Китай 52% россиян (молодых, разумеется, значительно больше: 64%), а 46% не хотели бы туда ехать. В случае выбора, поехать в европейскую страну или Китай, 49% предпочли бы Европу и лишь 27% – Китай. 35% выразили больший интерес к европейской культуре, чем к китайской, 19% интересуются обеими, и лишь 12% питают больший интерес к китайской культуре.

В целом можно сказать, что россияне начинают благосклонно относиться к Китаю. В то же время сохраняется стабильное меньшинство, которое проявляет настороженность. Это в основном те, кто поддерживает крайних либералов-западников и крайних националистов. В связи с консолидацией центра вокруг правительства и его курса эти два фланга стали довольно малочисленными. Впрочем, если положение в стране будет ухудшаться, их влияние теоретически может вновь возрасти.

Стратегические интересы России

Общие стратегические интересы, которыми руководствуется Россия, соглашаясь на более тесное взаимодействие с Китаем, можно условно разделить на две составляющих. Первая: естественная необходимость поддерживать стабильные отношения с экономически и политически мощным соседним государством. Вторая: надежное партнерство в условиях санкционного режима. В свете западной политики давления Россия обращается к Китаю за политической под-

держкой, а также как к альтернативному торговому партнеру, источнику инвестиций и кредитов. Китай, который также попал под санкции Запада, в свою очередь движется в сторону России.

Однако несмотря на то, что российское руководство считает Китай крайне важным торгово-экономическим и геополитическим партнером, особенно в условиях конфронтации с Западом, и на то, что российская политическая система становится все более близкой китайской, отношение к Пекину в Москве двойственное.

Есть, например, опасения относительно углубляющегося разрыва в экономике, осуществляемого КНР мощного военного строительства и растущей китайской бесцеремонности. Пока они не часто выйдут в публичное пространство, но это не значит, что их нет и что определенные меры в этом направлении не принимаются.

Другое и, пожалуй, главное опасение Москвы в плане стратегического сотрудничества с Китаем касается нежелания связывать себя обязательствами полной поддержки всех китайских инициатив и позиций, поскольку в некоторых случаях это могло бы осложнить отношения России с другими партнерами. До известного предела Москва демонстрирует солидарность с Китаем, например, выражая понимание относительно его позиции по проблемам Синьцзяна, Гонконга, соглашаясь с мотивами его непризнания решения международного арбитража по спору в Южно-Китайском море. Однако поддерживать территориальные претензии Пекина она вряд ли станет. Точно так же и Китай, исходя из своей принципиальной позиции о строгом соблюдении принципа территориальной целостности, не признает российские действия в Крыму, Абхазии, Южной Осетии.

Таким образом, политические и экономические факторы, способствуя сближению, одновременно демонстрируют и определенные пределы.

Будущее двусторонних отношений

Что все это значит для будущего российско-китайских отношений? Вряд ли можно согласиться с идеологическим, не основанным на реальности алармизмом как наших крайних националистов, так и прозападной оппозиции, предлагающих помогать Вашингтону изолировать Пекин. Первые всех на свете считают врагами, и непонятно, с кем тогда иметь дело, а позиция вторых – вместо превращения России в «младшего партнера Китая» сделать ее сателлитом Запада, который между тем находится в серьезном кризисе. Объектив-

но давление США и Запада в целом на Россию в настоящее время гораздо более сильно и создает гораздо большую угрозу ее интересам, чем растущая китайская «самоуверенность». Это делает укрепление отношений с Китаем необходимою.

Оправданно и сближение с менее сильным центром силы для балансировки давления со стороны более мощного и с геополитической точки зрения. Но это не означает, что можно закрывать глаза, убаюкивая себя лозунгами о росте «взаимного доверия» и «принципиально новом характере взаимоотношений». Геополитические закономерности и потребности безопасности остались теми же, и на них должна быть основана реальная внешняя политика.

Россия и Китай, имея значительный спектр общих интересов, способны сохранять тесные отношения по крайней мере до тех пор, пока Соединенные Штаты будут продолжать демонстрировать стратегическое превосходство и проводить враждебный курс по отношению к обеим странам. Если же КНР превзойдет США по общей мощи, это серьезно изменит расстановку сил в мире, что, естественно, отразится и на российской внешней политике.

На фоне эпидемии коронавируса, с одной стороны, возникает тенденция к большей обособленности, а с другой – государства лучше осознают необходимость бороться с вызовами и выходить из вызванного эпидемией мирового экономического кризиса сообща. Новая ситуация может позволить России не так жестко выбирать между партнерами и ориентироваться не только на тех, кто может составить противовес США.

В Китае экономические проблемы способны временно ослабить тенденцию к «самоуверенности», так как они увеличат потребность в сотрудничестве с ведущими экономиками мира. Но, если не произойдет коренных изменений в политической системе, это ослабление не будет длительным. Похоже, что «самоуверенность» является неизбежным следствием усиления Китая, как, впрочем, и любой другой страны. Поэтому Москва вряд ли согласится на еще более близкие отношения с Пекином, например, на формальный союз. Не нужен он и Китаю, так как тенденция к «самоуверенности» противоречит идее связывать себя формальными обязательствами, способными ограничить суверенитет и свободу действий. Поэтому весьма вероятно, что пик российско-китайского сближения уже пройден. В будущем обе стороны будут на практике проявлять больше прагматизма, хотя это не обязательно выразится в лозунгах или официальных заявлениях.

Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР

Опубликовано в журн.: Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 2. С. 135–151. – В соавт. с В.Б. Кашиным

Факторы российско-китайского сближения

Российско-китайское сближение является фундаментальной чертой современной системы международных отношений. Важность этого процесса определяется прежде всего тем, что он заложил основы многих более широких международных тенденций: формирования многополярного мира, появления таких международных групп и организаций, как БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), а также проекта сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭППП) и др. В последнее время все эти тенденции прочно ассоциируются с идеей формирования Большой Евразии.

Разработанное российскими внешнеполитическими экспертами понятие Большой Евразии стало частью официального дискурса сравнительно недавно, что выразилось в инициативе Большого или Всеобъемлющего евразийского партнерства. Выступая перед пленарным заседанием Петербургского международного экономического форума 17 июня 2016 г., президент В.В. Путин говорил о необходимости формирования такого партнерства «с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у нас уже сложились тесные отношения: Китай, Индия, Пакистан, Иран», партнеров России по СНГ и других заинтересованных государств и объединений¹.

---

¹ Стенограмма выступления Путина на ПМЭФ–2016 // Российская газета. 17.06.2016. URL: <https://rg.ru/2016/06/17/reg-szfo/stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-na-pmef-2016.html>

Эта идея была подтверждена в совместной российско-китайской декларации, которую лидеры двух стран подписали в ходе визита российского президента в Китай в июне 2016 г.² В ходе визита в Россию председателя Госсовета КНР Ли Кэцзяна российский премьер Д.А. Медведев заявил, что Москва продолжает работу с Пекином по формированию Всеобъемлющего евразийского партнерства, в которое войдут государства-члены ЕАЭС и ШОС³.

Выступая на встрече министров иностранных дел России и АСЕАН 2 августа 2018 г., министр иностранных дел России С.В. Лавров отметил, что «Большое Евразийское партнерство – это не нечто, к чему надо присоединяться, не какой-то заранее подготовленный проект, согласованный в узком кругу, когда остальным говорят о том, что есть условия, на которых мы будем с вами взаимодействовать». Согласно Лаврову, эта идея основана на том, что в регионе уже действуют Евразийский экономический союз, ШОС, ЕАЭС, АСЕАН, он также напомнил призыв В.В. Путина «искать естественные, отвечающие сегодняшним и завтрашним потребностям каждого из этих объединений, каждого из участников, формы сотрудничества»⁴.

По мнению большинства серьезных экспертов, происходящее сегодня российско-китайское сближение в значительной степени основывается на близости взглядов лидеров стран на прошлое и будущее мировой политики. Известный американский специалист по АТР Г. Розман называет данное сходство взглядов «параллельными идентичностями»⁵. По его словам, «риторика Китая в поддержку действий Путина на Украине и риторика России, одобряющая подход Си к Восточной Азии, не случайна. Скорее, это особенность нового гео-

---

² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Официальный сайт Президента России. 25.06.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100>

³ Медведев: Россия формирует евразийское партнерство с Китаем // РИА Новости. 16.11.2016. URL: <https://ria.ru/20161116/1481497327.html>

⁴ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам Совещания министров иностранных дел Россия–АСЕАН, Сингапур, 2 августа 2018 г. // МИД России. 02.08.2018. URL: https://archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3313736

⁵ Rozman G. Asia for the Asians: Why Chinese-Russian Friendship Is Here to Stay // Foreign Affairs. 2014. October 29. <https://www.foreignaffairs.com/articles/east-asia/2014-10-29/asia-asians>

политического порядка, пришедшего на смену холодной войне. Пока нынешние политические элиты Китая и России удерживают власть, нет оснований ожидать серьезного сдвига ни в национальной идентичности, ни в российско-китайских отношениях»⁶. Американская исследовательница российско-китайских отношений Э. Вишник утверждает, что «из-за нормативных сходств это всегда было партнерством следствия, а не тактическим партнерством. Обмен нормами не подразумевает совпадения позиций по всем вопросам; скорее, Россия и Китай разделяют общее негативное восприятие западного вмешательства в их внутренний порядок и ограничения их возможностей на глобальном уровне»⁷. Дж. Стоукс придерживается схожего мнения: «Общее политическое видение мирового порядка создает основу для китайско-российского сотрудничества. Оно определяется, прежде всего, желанием положить конец первенству США, которое должно быть заменено многополярностью»⁸.

Такой подход находит свое отражение и на официальном уровне. В Концепции внешней политики России, в частности, отмечается, что международные отношения «переживают переходный период, существо которого заключается в формировании полицентричной международной системы»⁹. Китайское видение также предполагает многополярный мир будущего. Так, выступая на Генеральной Ассамблее ООН 28 сентября 2015 г., Председатель КНР Си Цзиньпин отмечал, что «движение к многополярному миру, а также подъем новых рынков и развивающихся стран стали непреодолимой тенденцией истории»¹⁰. Эта общая позиция закреплена во многих двусторонних документах, включая российско-

---

⁶ Ibid.

⁷ Wishnick E. In Search of the 'Other' in Asia: Russia-China Relations Revisited // *The Pacific Review*. 2016. Vol. 30. No 1. P. 114–132.

⁸ Stokes J. Russia and China's Enduring Alliance: A Reverse 'Nixon Strategy' Won't Work for Trump // *Foreign Affairs*. 2017. February 22. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-02-22/russia-and-chinas-enduring-alliance>

⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации // МИД России. 15.02.2013. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents//assetpublisher/CptlCk6B6Z29/content/id/122186?pp_id=101_INSTANCE_CptlCk6B6Z29&_101_INSTANCE_CptlCk6B6Z29_languageId=ru_RU

¹⁰ The Full Text of Xi Jinping's First UN Address to the United Nations General Assembly // *Quartz*. 2015. September 29. URL: <https://qz.com/512886/read-the-full-text-of-xi-jinping-first-un-address/>

китайскую совместную декларацию о многополярном мире, принятую еще в 1997 г.¹¹.

Заинтересованность России и Китая в формировании и укреплении многополярного мира основана на сомнениях обоих государств в возможности успешного долгосрочного экономического и социального развития в мире, в котором доминируют США и их западные союзники. Так, в Китае ясно видят, что попытка США сорвать реализацию китайской стратегии «Сделано в Китае-2025» путем введения санкций против крупных китайских инновационных предприятий служит подтверждением того, что экономический подъем Китая будет встречать все более жесткое сопротивление со стороны Вашингтона. Нынешняя китайская модель экономического и технологического развития, предполагающая широкую государственную поддержку технологических «национальных чемпионов», рассматривается США и частью их союзников как опасная, разрушительная и несовместимая с поддерживаемым США международным экономическим порядком.

Корни же нынешнего конфликта Запада с Россией во многом связаны с неспособностью обеих сторон прийти к некоему консенсусу относительно роли Москвы в международной, прежде всего – в европейской политике, а также той степени, в которой Россия должна принять западное лидерство в своей внутренней политике и экономическом развитии.

И Россия, и Китай, как крупнейшие страны с независимыми внешнеполитическими курсами и амбициозными стратегическими целями, полагают, что многополярная международная система будет достаточно эффективно управляться несколькими центрами силы, взаимодействующими друг с другом по глобальным вопросам при общей координации со стороны ООН. Предполагается, что Совет Безопасности будет играть центральную роль в этом мировом порядке, вероятно, даже в большей степени, чем в период холодной войны.

Отношения между центрами силы должны быть конкурентными, но не конфронтационными. Ведущие государства смогут сохранить свои уникальные экономические модели, идеологии и политические структуры. Подобный подход был в какой-то степени отражен в ки-

---

¹¹ Russian-Chinese Joint Declaration on a Multipolar World and the Establishment of a New International Order // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 1997. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn//asset_publisher/WhKWb5DV BqKA/content/id/412066

тайской концепции «новых отношений между крупными державами», которая была первоначально предложена для китайско-американских отношений, но, по мнению китайских теоретиков, может применяться и к отношениям между Китаем и большинством, если не всеми странами G20¹².

Именно такой характер во многом приняли отношения между Россией и Китаем. При этом для России сближение с Китаем является также важной частью российской стратегии «поворота на Восток», обусловленного, с одной стороны, объективными потребностями развития дальневосточных регионов и страны в целом, а с другой – общим разочарованием российского руководства в возможности выстроить равноправные отношения с Западом.

В первые годы после прихода к власти В.В. Путина Россия продолжала уделять основное внимание Европе, по крайней мере в торгово-экономическом плане. Российские лидеры по-прежнему пребывали в иллюзии, что смогут говорить с Западом на равных и достичь удовлетворительных договоренностей на основе взаимных уступок. В первые годы пребывания В.В. Путина у власти была предпринята попытка оживить процесс интеграции России в «Большой Запад», причем даже за счет российско-китайских отношений, которые к тому времени уже носили весьма позитивный характер. Россия способствовала созданию американских военных баз в Центральной Азии, к большому раздражению Китая, и даже выразила готовность вступить в НАТО.

Однако оказалось, что Запад воспринимал такие уступки не как акты доброй воли, а как признаки слабости, настаивая всегда на своих условиях и неустанно продвигая свою военную машину ближе к границам России, даже пытаясь убедить Москву в том, что такое развитие событий отвечает интересам страны.

В результате этого фундаментального недопонимания отношения России с Западом переживали кризис несколько раз: в 1999 г. во время бомбардировок Югославии, в 2008 г. из-за войны в Грузии и во время украинского кризиса в 2014 г., когда Запад попытался включить Украину – ближайшего российского партнера и страну с самыми сильными культурными связями с Россией – в свою зону военного и политического контроля. Если ранее подобные конфликты удавалось урегулировать, то начавшаяся в 2014 г. открытая конфронтация с Западом во многом способствовала ускорению поворо-

---

¹² The Full Text of Xi Jinping's First UN Address...

та России к Азии, так как Москва стала всерьез рассматривать азиатские страны не только в качестве дополнительных торгово-экономических партнеров, но и как возможную альтернативу основным существующим. Эти давно назревшие изменения во внешней и внешнеэкономической политике России, направленные на ослабление односторонней зависимости от США и Европы, начавшие набирать скорость и глубину после 2014 г., по сути были запущены задолго до кризиса на Украине и введения западных санкций. Нынешнее понимание Москвой необходимости изменений и построения более сбалансированной внешней политики, а также сохранения независимости от других центров силы во многом основывается на признании того, что Россия культурно и геополитически самобытна и является не столько частью Европы, сколько ее внешним партнером.

Сотрудничество России и Китая как фактор глобальной безопасности

В 1990-е и в первой половине 2000-х годов России и Китаю удалось существенно расширить взаимное доверие, решить пограничные проблемы и создать механизм сотрудничества в области мер доверия на границе. Одновременно стороны расширили военно-техническое сотрудничество, что также способствовало повышению взаимной транспарентности в сфере безопасности.

С самого начала российско-китайское сотрудничество в данной области не только имело значение для развития двусторонних отношений, но и оказывало весомое влияние на глобальную и региональную безопасность. Российско-китайское сближение повлияло на стратегическую ситуацию и расстановку сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а российско-китайское военно-техническое сотрудничество в значительной степени способствовало превращению Китая к концу 2000-х годов в крупную промышленную и военную державу. Немаловажно и то, что партнерство Москвы и Пекина по линии ВТС привело к установлению большей степени взаимозависимости между двумя странами в области безопасности.

Решение о восстановлении крупномасштабной военно-технической кооперации с Китаем, полностью прерванной в 60-е годы XX в., было принято Москвой незадолго до распада Советского Союза, а первый крупный контракт на поставку в Китай истребителей Су-27СК и Су-27УБК был подписан в 1990 г. Цели советского руково-

дства по налаживанию такого сотрудничества были политически. Нормализация отношений с Китаем в 1989 г. считалась очень важным успехом, и советское руководство было готово пойти на многое, чтобы сохранить и расширить эту важную стратегическую победу. Так, Китай стал первой страной, получившей доступ к самому передовому в то время советскому истребителю – Су-27, даже доверенным традиционным союзникам из стран Варшавского договора выдавались менее совершенные истребители МиГ-29.

После распада СССР российское руководство после во многом сохранило тот же курс в отношении Китая: укрепление связей с Пекином считалось приоритетным по ряду причин, которые были понятны для советских политических аналитиков 80-х годов и сохранили свою актуальность в 90-е годы. Китаю, очевидно, суждено было стать следующей великой экономической державой. Отношения с Пекином, таким образом, должны были укрепить позиции России в диалоге с Западом.

Советско-китайский раскол 60-х годов XX в. считался в России одним из худших стратегических поражений Советского Союза в ходе холодной войны. Срочное развертывание и поддержание значительных сил вдоль китайской границы в 60–80-е годы были тяжелым бременем для советской экономики. В конце 80-х годов в Забайкальском военном округе (который также включал 39-ю армию в Монголии) насчитывалось около 270 тыс. военнослужащих, в Дальневосточном военном округе – около 370 тыс., в Сибирском военном округе – около 80 тыс.¹³. Эти силы были срочно развернуты в отдаленных районах Восточной Сибири и Дальнего Востока с суровым климатом и неразвитой инфраструктурой, что сделало их содержание очень дорогостоящим. Китай стал одним из главных противников советского влияния в развивающемся мире и его ключевым поставщиком вооружений, а также базой для подготовки сил сопротивления во время советского военного присутствия в Афганистане в 1979–1989 гг. Катастрофические стратегические последствия раскола получили широкое освещение в работах советских и российских дипломатов и военных аналитиков. Урок был усвоен, и Россия не хотела повторять ошибки прошлого¹⁴.

¹³ Слугин В., Фешков К., Калашников С. Вооруженные силы СССР после Второй мировой войны: от Красной армии к Советской. Томск: НТЛ, 2013. С. 640.

¹⁴ Кулик Б. Советско-китайский раскол: причины и последствия. М.: ИДВ РАН, 2000. С. 639.

Это обоснование было также сохранено и в середине 90-х годов, когда Россия перешла к более многовекторной внешней политике. В 1996 г. две страны наладили стратегическое сотрудничество и начали все активнее координировать свою политику в ООН и других международных организациях. В подписанном в 2001 г. Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве содержался пункт, согласно которому в случае возникновения угрозы агрессии против одной из сторон «Стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы»¹⁵. В то же время договор не накладывает ни на одну из сторон каких-либо других, более конкретных обязательств.

В течение большей части 90-х годов объемы российско-китайской торговли были незначительными и колебались между 5,4 и 7,6 млрд долл. в год в зависимости от состояния российской экономики. Устойчивый рост двусторонней торговли начался только в 2000 г.¹⁶. В 90-е и начале 2000-х годов объем товарооборота военной продукции составлял 1,5–2,2 млрд долл. и был одним из основных столпов сотрудничества двух стран. Тогда экспорт вооружений имел решающее значение для выживания российской оборонной промышленности, поскольку закупки обычных вооружений российскими военными в 1992–1993 гг. в основном прекратились и не достигли значительного уровня вплоть до 2009–2011 гг. В те годы на долю Китая приходилось около 40–45% российского экспорта вооружений, а выживание российского оборонно-промышленного комплекса часто зависело от доступа на китайский рынок. Стоимость поставок российского оружия в Китай в реальном выражении достигла максимума в 2,7 млрд долл. в 2002 г.¹⁷.

Военно-техническое сотрудничество двух стран начало сокращаться после 2003 г. в связи с развитием китайской военной промышленности и успешным копированием технологий, ранее постав-

---

¹⁵ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // МИД России. 16.07.2001. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/576870

¹⁶ Справка МИД «Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество» // МИД России. 03.09.2002. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn//asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/548594

¹⁷ Объем ВТС России и Китая за последние восемь лет составил 16 млрд долл. – «Рособоронэкспорт» // Новости ВПК. 21.04.2009. URL: https://vpk.name/news/27293_obem_vts_rossii_i_kitaya_za_poslednie_vosem_let_sostavil_16_mlrdsoboroneksport.html

ляемых Россией. Однако с конца 2000-х годов растущие амбиции китайских военных и неспособность внутреннего рынка удовлетворить некоторые их запросы привели к возрождению российско-китайского оборонного сотрудничества. В 2016 г. экспорт российского оружия в Китай превысил 3 млрд долл. и имеет тенденцию к дальнейшему увеличению¹⁸.

Таким образом, российско-китайское военно-техническое сотрудничество спасло от краха значительную часть российского военно-промышленного комплекса и в то же время позволило Китаю «перескочить» через несколько поколений систем вооружений, сэконо- мив тем самым десятилетия научных исследований и разработок. Так, Китай перешел прямо с производства истребителей второго поколения в конце 1990-х годов на производство истребителей поколения 4++. В Китае начали выпуск систем вооружений, которые до этого никогда там не производились, такие как зенитные управляемые ракеты (ЗУР) дальнего действия, ракеты класса «воздух-воздух», действующие за пределами прямой видимости, беспилотные подводные аппараты; бомбы с лазерным наведением и т.д. Можно утверждать, что российско-китайское военно-техническое сотрудничество в какой-то мере способствовало передаче статуса великой военно-технологической державы от России к Китаю.

В свою очередь, обеспокоенность России относительно роста китайского военного потенциала, осуществляемого при поддержке России, отчасти снизилась благодаря двум факторам: во-первых, благодаря эффективным мерам по укреплению доверия вдоль границы и в Центральной Азии и, во-вторых, очевидному приоритету морской экспансии в китайской внешнеполитической и военной стратегии. Анализ китайского военного развития, включая такие компоненты как постепенное сокращение сухопутных войск Народно-освободительной армии Китая, строительство крупного и дорогостоящего морского флота и практическую подготовку к конфликту в Тихом океане, означал, что Пекин преследует именно глобальные цели, которые в значительной степени соответствуют стратегическим интересам России. С конца 90-х годов китайские военные стратеги уделяли все больше внимания таким задачам, как защита китайских интересов за рубежом и в море. В Москве полагают, что наращивание военного потенциала КНР будет поддерживать более активную ки-

---

¹⁸ Шойгу: Россия и Китай за год реализовали контракты в сфере ВТС на 3 млрд долларов // Деловая газета «Взгляд». 23.11.2016. URL: <https://vz.ru/news/2016/11/23/845346.html>

тайскую внешнюю политику во всем мире. Это, в свою очередь, будет способствовать ослаблению роли США и укреплению многополярного характера международной системы, что соответствует интересам Москвы.

Военно-техническое сотрудничество способствовало и росту связей между военными ведомствами и офицерским составом двух государств. Российские специалисты активно обучали китайских офицеров эксплуатировать самые современные виды вооружений. С конца 90-х годов стороны начали проводить регулярные военные стратегические консультации (на уровне заместителей начальников генеральных штабов) и консультации по вопросам стратегической безопасности (секретарь Совета безопасности РФ и член Госсовета КНР, отвечающий за внешнюю политику).

С 2012 г. Россия и Китай увеличили масштабы военного сотрудничества, начав ежегодные совместные учения «Морское взаимодействие». Эти учения проходят либо в Японском море, либо в одном из морей, прилегающих к Китаю. В 2015 и 2017 гг. учения проводились в два этапа: 1-й этап в Северной Атлантике (Восточное Средиземноморье в 2015 г., Балтийское море в 2017 г.) и 2-й в Тихом океане. Они считаются самыми сложными морскими учениями, проведенными до сих пор современной Россией. Мероприятия включают в себя отработку совместных действий в области противовоздушной обороны, совместные противолодочные маневры, испытания крылатых ракет и артиллерийские стрельбы, операции морских вертолетов, десантные операции и другие сложные аспекты военных действий на море.

Хотя обе стороны подчеркивают антитеррористический и гуманитарный характер учений, они явно были направлены на борьбу с враждебным государством, обладающим современным вооружением. Другим примером практической подготовки к возможному конфликту с крупной иностранной державой являются регулярные компьютерные командно-штабные учения по организации противоракетной обороны, начавшиеся в 2016 г. В России и Китае также растет число совместных военных соревнований, в которых задействованы многие подразделения и службы вооруженных сил как этих двух стран, так и некоторых членов ШОС и партнеров из таких регионов, как Африка и Ближний Восток.

Таким образом, мы можем наблюдать постоянные усилия обеих сторон по расширению взаимодействия российских и китайских вооруженных сил и на море, и на суше. Однако на официальном уровне обе стороны по-прежнему отрицают возможность создания

формального военного союза. Кроме того, Россия по-прежнему проводит полностью независимую политику в области безопасности в Азии, имея очень тесное военно-техническое и военное сотрудничество с некоторыми из китайских региональных соперников (Вьетнам, Индия) и даже с одним союзником США (Южная Корея). Россия избегает вмешательства в крупные территориальные споры с участием Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Отсутствует и какая-либо дипломатическая координация между Россией и Китаем в отношении территориального спора последнего с Японией.

Будучи относительно пассивным игроком в области обеспечения региональной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Россия по-прежнему оказывает существенное влияние на ситуацию в этом регионе и для этого не нуждается в каком-либо формальном союзе с Китаем.

Российско-китайское взаимодействие по урегулированию ситуации на Корейском полуострове

Россия и Китай ведут активный диалог по ситуации на Корейском полуострове. В конце 2002 г., обвинив Пхеньян в тайном обогащении урана, США приостановили поставки топлива на северокорейские электростанции, предусмотренные двусторонним рамочным соглашением 1994 г. В ответ 12 декабря 2002 г. Северная Корея официально возобновила свою ядерную программу и выслала инспекторов МАГАТЭ из страны. 10 января 2003 г. Пхеньян официально вышел из Договора о нераспространении ядерного оружия, создав тем самым крайне опасную точку региональной напряженности.

Москва и Пекин немедленно начали совместный поиск дипломатических путей разрешения конфликта. В специальном совместном коммюнике, подписанном 27 февраля 2003 г., министры иностранных дел двух стран выразили серьезную озабоченность ситуацией на Корейском полуострове и призвали все заинтересованные стороны приложить максимум усилий для нахождения мирного и справедливого решения, призвав к превращению Корейского полуострова в зону, свободную от ядерного оружия, и подчеркнув, что соблюдение режима нераспространения и сохранение мира, безопасности и стабильности на полуострове будет отвечать интересам всего международного сообщества. Они также призвали к началу «конструктивного и равноправного диалога» между США и КНДР в целях раз-

решения «северокорейской ядерной проблемы». Россия и Китай также заявили о своем намерении «и далее развивать добрососедские, дружественные связи и сотрудничество с КНДР и Республикой Корея». Хотя обе страны осуждали Пхеньян, подход России и Китая отличался от позиции США, которые возложили на КНДР всю вину за кризис и отказались начать с ней какие-либо переговоры¹⁹.

Тем не менее 27 августа 2003 г., в основном благодаря деятельной поддержке Китая и России, в Пекине начались шестисторонние переговоры по северокорейской ядерной программе. Помимо КНДР, России, США и Китая, в переговорах также приняли участие Япония и Республика Корея. Впоследствии Москва и Пекин продолжили тесное сотрудничество и консультации по корейскому вопросу. Формат шестисторонних переговоров стал с их точки зрения базовым, на основе которого необходимо было искать дипломатические пути решения политического кризиса.

После выхода КНДР из шестисторонних переговоров в 2009 г. Россия и Китай заняли последовательную позицию, с одной стороны, поддерживая все санкционные резолюции СБ ООН, призванные побудить КНДР отказаться от ядерного оружия, а с другой – призывая Вашингтон начать прямой диалог с Пхеньяном.

Россия и Китай также совместно противодействовали планам США по развертыванию в Южной Корее противоракетных комплексов подвижного наземного базирования ТНААД. Официальные лица обеих стран неоднократно осуждали эти планы в 2015 и 2016 гг. В марте 2016 г. министры иностранных дел Сергей Лавров и Ван И предупредили на совместной пресс-конференции, что развертывание ракетных систем на корейском полуострове может повлечь совместный ответ России и Китая. Ван И указал, что эти планы «наносят прямой ущерб стратегической безопасности России и Китая» и что «такие планы выходят за рамки потребностей безопасности в регионе, нарушают стратегический баланс и приведут к новой гонке вооружений»²⁰.

---

¹⁹ Совместное коммюнике министров иностранных дел Российской Федерации и Китайской Народной Республики о ситуации на Корейском полуострове // МИД России. 27.02.2003. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/530622

²⁰ Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел КНР Ван И. Москва, 11 марта 2016 г. // МИД России. 11.03.2016. URL: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2138588

Сергей Лавров призвал США и Южную Корею «не прятаться за объяснения, что планы связаны с авантюрами КНДР...». «Россия и Китай выступают за принятие таких мер, которые, с одной стороны, препятствовали бы дальнейшему развитию северокорейских ракетных ядерных программ, а с другой – не вели бы к нарастанию напряженности в регионе, не перекрывали бы возможность политико-дипломатического урегулирования и не использовались бы в качестве предлога для опасного дестабилизирующего „накачивания“ в регион вооружений, включая планы создания здесь системы противоракетной обороны», – заявил российский министр²¹.

Когда в ноябре 2016 г. Китай и США договорились о новых жестких санкциях против КНДР, в российской печати появились критические заметки в связи с тем, что Пекин не сообщил Москве заранее о содержании этих договоренностей²². Китайские дипломаты в частном порядке признавали недостаточную координацию с российскими коллегами в этом случае. В итоге российская озабоченность по этому вопросу была учтена.

В апреле 2017 г. Россия и Китай выступили с планом – «дорожной картой» для решения ядерного кризиса в Корее. Она включала три этапа. На первом этапе КНДР должна была приостановить свои ракетные и ядерные испытания, а Вашингтон и Сеул – не проводить ежегодные совместные военные учения. Второй этап предполагал начало прямых переговоров между Пхеньяном и Вашингтоном, а также Сеулом и Пхеньяном. На последнем этапе должны быть возобновлены многосторонние переговоры, такие как формат «шестерки» с участием США, Китая, Японии, Южной Кореи, России и Северной Кореи. Такой многосторонний диалог должен служить средством обеспечения гарантий безопасности для КНДР и укрепить систему региональной безопасности²³.

Во время визита Си Цзиньпина в Россию в начале июля 2017 г. Россия и Китай подчеркнули, что размещение системы ПРО в АТР

---

²¹ Там же.

²² США и Китай договорились о новых санкциях в отношении Северной Кореи // Агентство «Regnum». 23.11.2016. URL: <https://regnum.ru/news/2209060.html>

²³ Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова // МИД России. 04.07.2017. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662

наносит «серьезный ущерб интересам стратегической безопасности стран региона, в том числе России и Китая», и призвали отменить планы по ее развертыванию. В совместном заявлении китайского и российского лидеров также содержался призыв ко всем сторонам конфликта начать переговоры на основе отказа от применения силы и обещания сделать Корейский полуостров свободным от ядерного оружия²⁴.

Большинство китайских экспертов полагают, что, хотя система ТНААД в Южной Корее малоэффективна для сдерживания ракетных ударов Северной Кореи или России, содержащиеся в данных комплексах системы радиолокации могут использоваться для отслеживания ракетных систем Китая. Это даст США весомое преимущество в любом потенциальном конфликте с Китаем. По словам научного сотрудника Китайской академии военных наук генерал-майора Ло Юаня, США окружают Китай противоракетными системами и единственным недостающим звеном в этом окружении является Корейский полуостров²⁵. Таким образом, размещение систем ТНААД на Корейском полуострове можно рассматривать как элемент американской антикитайской военной стратегии, которая в свою очередь является стимулом для развития российско-китайского военного сотрудничества.

Накануне встречи американского и северокорейского лидеров в Сингапуре в июне 2018 г. министр иностранных дел России Сергей Лавров заметил, что процесс решения проблемы идет «в логике российско-китайской дорожной карты»²⁶. И Россия, и Китай приветствовали результаты переговоров между лидерами США и КНДР в июне 2018 г. в Сингапуре и призвали обе стороны искать мирное решение северокорейской ядерной проблемы.

---

²⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о текущей ситуации в мире и важных международных проблемах // Официальный сайт Президента России. 04.07.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5219>

²⁵ См.: Zhang Y. China, Russia to Hold First Joint Anti-Missile Drill // China Daily. 2016. May 5. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/cn_eu/2016-05/05/content_25067674.htm

²⁶ Ответ министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопрос СМИ «на полях» саммита Шанхайской организации сотрудничества. Циндао, 9 июня 2018 г. // МИД России. 09.06.2018. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1572832/

Российско-китайское взаимодействие по Южно-Китайскому морю

В отличие от проблем Корейского полуострова, российский и китайский подходы к ситуации в Южно-Китайском море значительно разнятся. Но и здесь наблюдается определенное сближение. Это сотрудничество значительно усилилось после начала украинского кризиса в 2014 г.

Когда в 2016 г. территориальный спор в Южно-Китайском море рассматривался Постоянной палатой Третейского суда в Гааге, Пекин активно искал международную поддержку своей позиции. В ряде случаев китайские государственные СМИ (скорее всего, специально) неправильно истолковали позицию российских и других международных чиновников в пользу Китая. Например, в мае 2016 г. главные китайские информационные агентства цитировали заявление генерального секретаря ШОС Р. Алимова, который якобы выразил полную и недвусмысленную поддержку своей организации позиции Китая в этом конфликте²⁷. МИД России вынужден был опубликовать собственный комментарий, в котором указывалось, что, как было сказано в информационном сообщении о заседании Совета министров иностранных дел ШОС 24 мая в Ташкенте, министры «подтверждают приверженность своих государств поддержанию законного порядка на море на основе принципов международного права» и считают, что все соответствующие проблемы «должны урегулироваться мирным путем на основе дружественных переговоров и договоренностей между заинтересованными сторонами, без их интернационализации и вмешательства извне» и на основе соблюдения всех положений Конвенции ООН по морскому праву²⁸. Это означало, что, в целом поддерживая позицию Китая о необходимости урегулирования территориального спора на двусторонней основе путем переговоров между участниками конфликта без вмешательства вне-региональных сил, Россия в то же время не поддерживает конкретные территориальные претензии Китая или любой другой стороны.

Однако после решения международного арбитража, неблагоприятного для Китая, российская позиция по этому вопросу стала не-

²⁷ SCO Supports Peace and Stability in South China Sea // Xinhuanet. 2016. May 25. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2016-05/25/c_135385276.htm

²⁸ Комментарий Министерства иностранных дел России относительно заявления Генсекретаря ШОС Р.К. Алимова по проблематике ЮКМ // МИД России. 26.05.2016. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2292783

сколько менее осторожной и сблизилась с позицией Пекина. Москва поддержала отказ Китая от выполнения арбитражного решения и приняла китайскую аргументацию, которая заключалась в том, что Китай не являлся инициатором арбитража, а его позиция в ходе судебного разбирательства не была услышана. Однако это все равно не означало однозначной поддержки китайских территориальных претензий.

Тем не менее постепенное сближение позиций было очевидно. Эта динамика отражалась в растущем военном сотрудничестве и особенно в формах и местах проведения совместных военных учений. В мае 2015 г. Россия и Китай впервые провели совместные морские учения в Средиземном море. Эта акция привлекла значительное внимание в западной прессе. Россию и Китай обвинили в создании нового военно-морского альянса против США и их союзников. Место проведения учений отражало желание двух стран продемонстрировать совместное присутствие своих военно-морских флотов в море, где флоты стран НАТО доминировали после распада Советского Союза. Кроме того, в 2015 и 2016 гг. китайские военные корабли посетили российский черноморский порт Новороссийск, расположенный недалеко от Крыма, а в сентябре 2016 г. совместные морские учения были проведены в Южно-Китайском море.

Несмотря на некоторое расхождение позиций двух стран по Крыму и Южно-Китайскому морю, военные России и Китая демонстрируют взаимную поддержку и готовность к сотрудничеству. Как пояснил заместитель министра обороны РФ А.И. Антонов, это сотрудничество основано на общих вызовах и угрозах двум странам. Выступая по итогам переговоров министра обороны РФ С.К. Шойгу с заместителем председателя Центрального военного совета КНР Фань Чанлуном, А.И. Антонов отметил: «Китайские коллеги подчеркнули совпадение общих позиций по проблеме вызовов и угроз. Они отметили необходимость перестройки нынешнего миропорядка, отхода от двойных стандартов и упрочения равноправных и взаимовыгодных отношений в мире»²⁹. 7 июня 2017 г. министры обороны России и Китая подписали «Дорожную карту» по военному сотрудничеству на 2017–2020 гг. По словам представителя министерства обороны Китая, «дорожная карта» задала общие рамки для военного сотрудничества между Китаем и Россией в 2017–2020 гг., что отразило высокий уровень взаимного стратегического доверия

---

²⁹ Россия и Китай расширяют военное сотрудничество против общих угроз // Звезда. 11.05.2015. URL: <https://tvzvezda.ru/news/201505111109-4uqh.htm>

и готовность двух стран совместно реагировать на новые угрозы и вызовы безопасности³⁰.

Российско-китайское сотрудничество в рамках ШОС

Ключевой многосторонней площадкой, на которой Москва и Пекин взаимодействуют по вопросам обеспечения региональной безопасности, является ШОС, в которую наряду с Китаем и Россией входит также большинство государств Центральной Азии, а с недавнего времени также Индия и Пакистан. Опыт многостороннего сотрудничества в рамках этой организации показал, что есть несколько общих интересующих государств-участников направлений.

Одним из ключевых направлений является сотрудничество в борьбе с международным терроризмом. Все восемь государств-членов столкнулись с исламским экстремизмом и терроризмом, часто связанными с сепаратистскими движениями и международными фундаменталистскими организациями. Россия и Китай не являются в этом исключениями – Россия на протяжении многих лет ведет войну с терроризмом на Северном Кавказе. В Китае существует достаточно острая проблема синьцзянского сепаратизма.

Подход ШОС к вопросам международной безопасности, особенно в борьбе с терроризмом, гораздо шире, чем используемый США и их союзниками. Вашингтон придает первостепенное значение военным ударам по международным террористическим центрам и жесткое давление на государства, поддерживающие терроризм (таким может быть объявлен любой режим, который по каким-то причинам не нравится Вашингтону), а члены ШОС видят прямую связь международного терроризма, с одной стороны, и сепаратизма и религиозного экстремизма – с другой. Подписанная в 2001 г. Конвенция ШОС по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом содержит четкие описания этих трех понятий³¹, хотя общепринятого международного определения терроризма не существует.

---

³⁰ Wu D.D. China and Russia Sign Military Cooperation Roadmap // The Diplomat. 2017. June 30. <https://thediplomat.com/2017/06/china-and-russia-sign-military-cooperation-roadmap/>

³¹ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // МИД России. 16.07.2001. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/576870

Руководимые более широким пониманием борьбы с терроризмом, страны – участницы ШОС сформулировали свою позицию по вопросу присутствия военных из США и других стран так называемой «антитеррористической коалиции» в Центральной Азии. ШОС смотрит на иностранное присутствие в регионе под своим углом. С одной стороны, Россия, Китай и страны Центральной Азии понимают, что военные операции в Афганистане направлены на борьбу с терроризмом. Однако есть серьезные подозрения, что США могут использовать свое присутствие в регионе для достижения собственных геополитических целей. По этому вопросу в январе 2002 г. страны ШОС подписали декларацию, в которой заявлялось, что силы международной коалиции в Афганистане должны действовать в соответствии с мандатом Совета Безопасности ООН и с согласия законных властей Афганистана³². В 2005 г. саммит глав государств – участниц ШОС в Астане принял декларацию, в которой призвал командование Международных сил по сохранению безопасности (МССБ, командование которыми в 2003 г. приняло на себя НАТО) установить предельный срок для присутствия своих войск в Афганистане³³.

После избрания Б. Обамы президентом США тенденция к сотрудничеству стран ШОС и Западом по афганской проблематике начала усиливаться. Предыдущая республиканская администрация Дж. Буша-младшего игнорировала любые сигналы извне и отказывалась сотрудничать с ШОС. Администрация Обамы пришла к выводу о том, что ей необходимо сотрудничать со всеми, кто может быть вовлечен в принятие решений по афганской проблеме. Как страны ШОС, так и США исходили из того, что провал антитеррористической коалиции в Афганистане будет серьезным, возможно, непоправимым ударом по всей системе международной безопасности в регионе. Страны-члены ШОС, являющиеся потенциальными мишенями террористической и наркоугрозы, исходящей из Афганистана, были также крайне заинтересованы в стабилизации ситуации в этой стране. Активизация участия ШОС в борьбе с терроризмом в Афганистане стала крупным успехом организации. Специальная конфе-

---

³² Справка МИД «Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество» // МИД России. 03.09.2002. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn//asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/548594

³³ Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества // МИД России. 28.05.2003. URL: http://www.mid.ru/sanhajskaa-organizaciia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/433380

рениция по Афганистану, состоявшаяся в Москве 27 марта 2009 г. под эгидой ШОС, стала серьезным этапом в развитии организации и способствовала эволюции подхода международного сообщества к региональным проблемам. В конференции приняли участие Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, генеральный секретарь ОБСЕ Марк Перрен де Бришамбо, помощник генерального секретаря НАТО Мартин Ховард, а также представители государств – наблюдателей ШОС, Группы восьми и международных организаций, таких как ОДКБ, ЕС, СНГ, ОИК и СВМДА. Участие в конференции официальных лиц НАТО, США и их основных союзников свидетельствовало об изменении отношения Запада и его стремлении сотрудничать с ШОС и ее членами в данном вопросе.

После Московской конференции ШОС продолжала заниматься афганской проблемой. 25 января 2010 г. в Москве состоялись региональные консультации ШОС по Афганистану, в которых приняли участие заместители министров иностранных дел Афганистана, Индии, Ирана, Казахстана, Кыргызстана, Китая, Пакистана, России, Таджикистана и Узбекистана, а также представители Секретариата ШОС. Однако принятие санкций против России в 2014 и 2015 гг. привело к сворачиванию этих усилий и постепенному отказу западных стран от сотрудничества с ШОС.

ШОС также является важной площадкой для развития военно-сотрудничества между странами-членами. Министерства обороны этих стран объединили усилия в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Совместные военные учения ШОС «Мирная миссия» проводятся раз в два года. В их ходе разрабатываются реалистичные сценарии военных конфликтов, которые могут иметь место в Центральной Азии. Например, в ходе учений «Мирная миссия – 2016» решалась задача «восстановления конституционного порядка» в одной из стран – участниц ШОС. Учения включали боевое столкновение подразделения Вооруженных Сил Кыргызстана с террористами, которым удалось проникнуть в два местных поселка. Кыргызские войска сразу же получили поддержку с воздуха ВВС России, которая также развернула в этом районе подразделения тактической разведки. Позднее на место происшествия прибыли российские и китайские подкрепления с тяжелым вооружением и вертолетами, которые помогли ликвидировать противника.

Экономическое сотрудничество в рамках ШОС уже давно буксует. Однако в 2018–2019 гг. оно может получить новый импульс отчасти

потому, что и Россия, и Китай столкнулись с возросшей напряженностью в отношениях с США и считают необходимым активизировать экономическое взаимодействие. Кроме того, повышению роли экономической повестки должно способствовать вступление в ШОС Индии и Пакистана, имеющих традиционные развитые экономические связи с Россией, Китаем и Центральной Азией.

Определенный импульс реализации экономических проектов в рамках ШОС может придать и выдвинутая Россией инициатива Большого евразийского партнерства, которая рассматривает ШОС как один из опорных институциональных форматов для формирования обширного континентального сообщества в области безопасности и экономического сотрудничества.

В отличие от ситуации с экономическим сотрудничеством, в области образования и здравоохранения в ШОС были достигнуты определенные успехи. То же относится и к культурной сфере. Страны Центральной Азии, Китай и Россия имеют древние и уникальные цивилизации. По мере того как эти страны все более открываются, массовая культура становится неотъемлемой частью их собственной культурной жизни, поэтому все они сталкиваются с проблемой сохранения своих национальных традиций перед лицом глобализации. Эта обширная область для взаимодействия в рамках ШОС.

Наконец, четкая позиция ШОС, которая выступает за многополярный мир и сохранение решающей роли ООН и Совета Безопасности в международных делах, вызывает интерес и уважение во многих частях мира. В целом, несмотря на некоторые проблемы, ШОС уже превратилась в реально функционирующую авторитетную международную организацию, с которой приходится считаться другим странам и институтам. Основа ее существования проста: все члены ценят сотрудничество с Западом и понимают, что без сотрудничества с ним невозможно экономическое и технологическое развитие. В то же время они чувствуют себя более комфортно в мире, где есть альтернативные центры силы и где есть организации, понимающие их фундаментальные проблемы лучше и глубже, чем Запад и руководимые им союзы. Те же соображения и даже само существование такой авторитетной международной организации, как ШОС, где рабочими языками являются русский и китайский, но не английский, привлекают в нее все больше новых заинтересованных партнеров. В современном мире с его сильной тенденцией к единообразию во всем, включая политику, существует запрос на голос стран, выступающих за многополярный мир, плюрализм и терпимость во внешней политике.

В первые годы существования ШОС все ее члены и большинство экспертов считали, что она не готова к расширению, так как организация должна прежде всего укрепиться в своем нынешнем составе, запустить свои механизмы и набраться опыта. Между тем международный интерес к ШОС продолжал расти. Еще в 2006 г. Пакистан, который имел статус государства-наблюдателя, обратился с просьбой о полноправном членстве. Иран обращался с аналогичными просьбами в 2007 и 2008 гг., и еще один наблюдатель, Индия, выразил желание стать полноправным членом в 2010 г. В 2009 г. саммит ШОС в Екатеринбурге ввел статус «партнера по диалогу», который был предоставлен Шри-Ланке и Белоруссии. Заинтересованность в установлении контактов с ШОС проявили также Египет, Непал, Сербия, Катар, Азербайджан, Турция и ряд других стран. Уже в 2011 г. Турция обратилась к Генеральному секретарю ШОС с просьбой предоставить ей статус «партнера по диалогу». США тоже продемонстрировали официальный интерес в этом статусе. Оба государства являются членами НАТО, что свидетельствует о серьезном отношении альянса к ШОС.

Нежелание принимать новых членов ШОС объяснялось техническими причинами, а именно отсутствием механизмов вступления в организацию. Однако к концу первого десятилетия XXI в. такой механизм был создан наряду с правовой базой и четкими процедурами. На заседании глав государств-членов в июне 2010 г. в Ташкенте было утверждено Положение о приеме новых членов ШОС, в котором были сформулированы четкие критерии, которым страны, желающие вступить в ШОС, должны соответствовать³⁴. Согласно этому документу, государство, желающее стать полноправным членом ШОС, должно географически принадлежать к евразийскому пространству, иметь дипломатические отношения со всеми государствами – членами ШОС, поддерживать с ними активные торгово-экономические связи, иметь статус наблюдателя или партнера по диалогу и не находиться под санкциями ООН. Последний критерий на неопределенное время отсек одного из наиболее активных заявителей – Иран. В сфере безопасности международные обязательства государств, желающих вступить в ШОС, не должны противоречить международным договорам и другим документам, принятым организацией. Кроме того, государство-заявитель не должно быть вовлечено в вооруженный конфликт с другим государством (государства-

³⁴ Положение о порядке приема в ШОС новых членов утверждено в Ташкенте // Regnum. 11.06.2010. URL: <https://regnum.ru/news/1293166.html>

ми). На саммите ШОС в Астане в июне 2011 г. был принят меморандум об обязательствах государства-заявителя, необходимых для вступления в ШОС, что стало последним шагом в создании формальной основы для приема новых членов. После этого уже не было никаких формальных оснований отказывать другим странам в участии, ссылаясь на отсутствие соответствующих процессуальных документов.

Россия стала главным сторонником расширения ШОС. Пекин занял более осторожную позицию, официально не отказывая организации в расширении, но намекая, что ситуация еще «не созрела». Однако по мере углубления российско-китайского сотрудничества и изменения международной обстановки Пекин также изменил свою позицию и согласился на одновременный прием Индии и Пакистана. В результате формальный допуск двух стран был санкционирован саммитом в Астане в 2017 г.³⁵. Саммит в Циндао в 2018 г. первым приветствовал официальные делегации и лидеров как Индии, так и Пакистана. Кроме того, Россия официально поддержала прием Ирана, что создает перспективу для вступления последнего в организацию.

Присоединение Индии, Пакистана и, возможно, в будущем – Ирана коренным образом меняет саму природу ШОС. Тогда в число членов организации войдут все ведущие незападные государства Евразии. Беларусь, европейское государство с несколько своеобразной политической системой, уже стала государством-наблюдателем ШОС. Все более скептически настроенная в отношении Запада Турция и разочаровавшаяся в защите Западом прав тамильских сепаратистов Шри-Ланка получили более свободный статус партнера по диалогу.

С этими и другими новыми членами и партнерами ШОС можно рассматривать как формирующийся краеугольный камень многополярного мира в процессе становления, платформу, предлагающую Евразийскую альтернативу Западной Европе. Если группа БРИКС способна стать альтернативой западным структурам с точки зрения глобального управления (в узком смысле альтернативой «Группе семи» в «Группе двадцати»), то ШОС могла бы взять на себя роль второго, незападного центра тяжести в Евразии (поскольку Западная Европа также является частью Евразии).

Существует довольно популярная как в России, так и за рубежом теория о том, что России и Китаю суждено бороться за влияние

---

³⁵ Астанинская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт Президента России. 09.06.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5206>

в Центральной Азии. С легкой руки западных политологов, вроде З. Бжезинского (1997) и С. Хантингтона (1997), строящих абстрактные конструкции типа «шахматных досок», «великих игр» или «столкновения цивилизаций», они получили довольно широкое распространение в экспертных кругах на постсоветском пространстве. Относительную популярность таких идей в США можно объяснить выдачей желаемого за действительное антироссийскими и антикитайскими консерваторами, которые считают, что конфликты и борьба между Москвой и Пекином могут принести пользу Вашингтону. На постсоветском пространстве распространенность данных теорий базируется отчасти на подчас слепом доверии западным теориям, а отчасти определяется политическими факторами. В России, как правило, об опасности Китая говорят либо радикальные западники, стремящиеся побудить Россию следовать за США и Европой, либо радикальные националисты, которые видят угрозы России повсюду, и Китай в этом смысле для них не исключение.

В действительности интересы Китая в Центральной Азии совпадают с интересами России и заключаются в следующих трех ключевых факторах:

1. Поддержка политической стабильности (никто не хочет политического взрыва, который может привести к власти радикальные исламистские движения).
2. Сохранение у власти светских режимов.
3. Ускорение экономического развития стран региона как единственной прочной основы политической стабильности.

В этом смысле экономическая и внешнеполитическая деятельность России и Китая в Центральной Азии не должна рассматриваться как угроза интересам других государств (так иногда утверждают негибкие консерваторы эпохи холодной войны). Если Китай инвестирует в экономику Центральной Азии, поддерживает там культурную и исследовательскую работу, то он не обязательно стремится нанести ущерб интересам России в регионе, потому что его усилия в конечном счете приведут к экономическому и культурному развитию этих стран. Было бы неразумно выступать против такой деятельности. Скорее сама Россия должна быть более активной в реализации аналогичных программ.

Конечно, совпадение жизненно важных государственных интересов не означает отсутствия экономической конкуренции между компаниями из разных государств. Многие из них, включая крупные государственные компании и корпорации, очевидно, конкурируют за цен-

тральноазиатские рынки и часто получают поддержку от своих правительств. Но экономическую конкуренцию между хозяйственными субъектами не следует путать с соперничеством между государствами. Такая конкуренция часто встречается даже между самыми близкими союзниками, как это было во время «картофельной» войны между США и Канадой в 1982–1983 гг. или «банановой», затрагивавшей интересы США, Великобритании, государств ЕС и некоторых латиноамериканских стран. То же можно сказать и о постоянной торговой напряженности между США и Японией. Эти острые экономические конфликты не испортили политических отношений, основанных на прочном союзническом фундаменте.

Выводы

Совместное противостояние вызовам безопасности и повышение взаимного доверия изначально были ключевыми факторами в развитии отношений между Москвой и Пекином. К середине 90-х годов XX в. они продвинулись дальше, все более стараясь координировать свою политику на региональном и глобальном уровнях. Такое сотрудничество основывалось на общих взглядах на мироустройство и стабильно растущей напряженности в отношениях с США.

Разрешение пограничных споров, частичная демилитаризация границ и успешное сотрудничество соседних стран в Центральной Азии обеспечили необходимую основу для вывода партнерства на глобальный уровень. России и Китаю пока удалось сдержать конкуренцию в регионе и продвинуть вперед совместный региональный проект – Шанхайскую организацию сотрудничества.

На глобальном уровне отношения в области безопасности шли рука об руку с военно-техническим сотрудничеством, которое фактически превратило Китай в военно-промышленную державу мирового класса, способную проецировать силу на региональном и глобальном уровнях.

В то же время Россия избегает прямого вовлечения в наиболее острые проблемы региональной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Скорее Москва оказывает влияние на ситуацию в главном вопросе, ограничивая возможности США по перегруппировке своих военно-стратегических и дипломатических ресурсов с Ближнего Востока и Европы в сторону Азии.

Россия и Китай работают над повышением оперативной совместимости своих вооруженных сил с середины 2000-х годов. Технически

они уже проделали большую работу по подготовке почвы для военного альянса. Однако в политическом плане они пока к этому не готовы. Сценарий создания формального союза может стать реалистичным лишь при наихудшем раскладе, в случае если безопасность обеих стран будет одновременно подвергнута серьезной и прямой угрозе со стороны США и их союзников.

Российско-китайское сближение и структура международных отношений

Опубликовано в кн.: Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2015. Т. 14. № 4(14). С. 47–58; также в расширенном виде в кн.: Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А.В. Лукина. М.: Международные отношения, 2018. С. 291–319

Российско-китайское сближение – яркое явление современных международных отношений. В чем его причина? Вызвано ли оно нынешним ухудшением американо-российских и американо-китайских отношений или имеет более фундаментальные истоки? Как оно меняет сложившуюся структуру международных отношений?

По всем этим вопросам как в Российской Федерации, так и за рубежом существуют различные, порой противоположные мнения. В нашей стране сторонники западной ориентации высказывают опасения по поводу того, что это сближение угрожает превращением более слабой России в «сателлита» и «сырьевой придаток» мощного и агрессивного Китая¹. Тот факт, что противоположная ориентация превращает ее в сателлита и сырьевой придаток гораздо более агрессивного Запада, трактуется как «вхождение в мировую экономику» и присоединение к «цивилизованному миру». Сторонники противостояния с Западом, напротив, пишут о необходимости и неизбежности создания союза с Китаем, который укрепит позиции России в ее борьбе за независимый курс². При этом на подход самого Китая

---

¹ См., например: Храмчихин А. Пекин Москве – партнер, но не друг. Китайский вектор не должен преобладать во внешней политике Кремля // Независимое военное обозрение. 07.11.2014. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2014-05-16/1_china.html

² Мартынюк В. Политический союз России и Китая неизбежен, потому что выгоден обеим странам // KM.ru. 19.05.2014. URL: <http://www.km.ru/world/>

должного внимания не обращается, так как это помешало бы построению упрощенной биполярной схемы. Обе эти позиции вызваны скорее идеологическими предпочтениями, чем анализом реальной ситуации.

На Западе можно наблюдать во многом сходную картину. Фактически сложилось две позиции. Часть авторов акцентирует внимание на российско-китайских противоречиях, порой преувеличивая их. Обычно к ним относятся те, кто поддерживает антироссийский курс Вашингтона и Брюсселя и стремится доказать, что он не приведет к созданию опасного антизападного российско-китайского блока³. Среди них есть две группы: видя опасность создания такого блока, одни рекомендуют Западу использовать российско-китайские противоречия для сближения с Китаем против России⁴, другие – примириться с Россией для совместного противостояния Китаю, который, по их мнению, в перспективе представляет большую опасность⁵. Другая часть авторов критикует политику Вашингтона за то, что она уже привела к ставшему реальностью российско-китайскому блоку, основанному на близости видения геополитической реальности и идеологий правящих режимов и сформированному всерьез и надолго⁶.

2014/05/19/vladimir-putin/740321-politicheskii-soyuz-rossii-i-kitaya-neizbezhnotomu-chto-vy

³ Bobo Lo. Sino-Russian Relations // Europe China Research and Advice Network (ECRAN), Short Term Policy Brief 87. 2014. May. P. 3; Baev P. Upgrading Russia's Quasi-Strategic Pseudo-Partnership with China // PONARS Eurasia. 09.11.2014. URL: <http://www.ponarseurasia.org/memo/upgrading-russia's-quasi-strategic-pseudo-partnership-china>

⁴ Brattberg E., Pires de Lima B. Confronting Moscow With the Help of Beijing. The West Should Exploit China-Russia Asymmetries to Avert an East-West Confrontation // The Diplomat. 2014, May 25. <http://thediplomat.com/2014/05/confronting-moscow-with-the-help-of-beijing/>

⁵ Luttwak E.N. Play Russia Against China // Politico Magazine. 2017, January/February. URL: <http://www.politico.com/magazine/story/2017/01/outside-the-box-ideas-policies-pres-ident-trump-administration-214661>; Bandow D. A Nixon Strategy to Break the Russia-China Axis // The National Interest. 2017, January 4. URL: <http://nationalinterest.org/blog/the-skeptics/nixon-strategy-break-the-russia-china-axis-18946>; Nadeau J. Trump's Great Game: Courting Russia to Contain China // Foreign Policy Association. 2016, December 15. URL: <https://foreignpolicyblogs.com/2016/12/15/trump-courting-russia-contain-china/>

⁶ Rozman G. Asia for the Asians. Why Chinese-Russian Friendship Is Here To Stay // Foreign Affairs. 2014, October 29. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/142305/gilbert-rozman/asia-for-the-asians>; Stokes J. Russia and China's En-

Геополитические основы российско-китайского сближения

Проблема всех этих предложений заключается в том, что они, как правило, базируются на политических предпочтениях авторов, а не на анализе реальной позиции и мотивации сторон. Прежде всего это касается мотивов сближения Москвы и Пекина. Говоря о них, необходимо в первую очередь подчеркнуть, что само сближение началось задолго до украинского конфликта и продолжается уже более 30 лет. Его причины гораздо более фундаментальны и заключаются в постепенном понимании близости и даже совпадении коренных взглядов на международную систему и геополитическую ситуацию.

Нормализация российско-китайских отношений началась задолго до появления сегодняшних проблем во взаимодействии России и Запада. Однако это не означает, что эти проблемы, вызванные украинским кризисом, не влияют на двусторонние отношения. Чтобы понять характер этого влияния, необходимо сначала рассмотреть фундаментальные основы российско-китайского сближения.

Нормализация отношений между Москвой и Пекином, дошедших до серьезного кризиса, сопровождавшегося вооруженными столкновениями на границе в конце 1960-х годов, началась еще в советский период, в последние годы правления Л.И. Брежнева. Тогда лидерам обоих государств стало ясно, что постоянная острая конфронтация вредна как для внутривнутриполитического положения в обеих странах, так и для их международного престижа. С началом горбачевской перестройки и углублением китайских реформ Москва и Пекин в двусторонних отношениях все более отходили от идеологических споров и все более активно обсуждали конкретные вопросы двустороннего партнерства. С принятием курса на независимую и самостоятельную внешнюю политику Пекин отошел от идеи создания единого фронта против СССР и перестал рассматривать Москву в качестве главного врага. В то же время для М.С. Горбачева нормализация отношений с Китаем стала одним из основных внешнеполитических успехов, который внутри страны поддерживали как реформаторы, видевшие в китайских реформах пример для подражания, так и консерваторы, радовавшиеся успехам коммунистического соседа.

После краха СССР Москва, некоторое время пребывавшая в прозападной эйфории, стала постепенно возвращаться к прагматичной

политике, позволявшей решать актуальные внутренние проблемы. Торгово-экономическое сотрудничество с Китаем, особенно в сфере ВТС, сыграло в сложные 1990-е годы важную роль в сохранении целых отраслей российской экономики.

После распада СССР государственная идеология потерпела в России крах. За тот же период она существенно видоизменилась в Китае. Обе страны перестали ставить перед собой глобальные цели: построение коммунизма во всем мире или хотя бы в Азии. Политика стала более прагматичной и основанной на собственном понимании национальных интересов, и именно близость этого понимания и стала основой сближения. Поэтому, соглашаясь с мнением, что нынешнее сближение носит идеологический, а точнее, ценностный, мировоззренческий характер, нужно хорошо понимать, что под идеологией здесь нужно иметь в виду не прежнюю тоталитарную идеологию, целью которой было изменение всего мира по определенному образцу, ради достижения которой можно было пожертвовать некоторыми традиционно понимаемыми национальными интересами (например, оказывать массированную помощь близким по природе режимам в ущерб собственному населению), но, напротив, именно восприятие правящими элитами этих национальных интересов, а также общий взгляд на развитие мировой системы в сторону многополярности⁷. За тот же период тоталитарная (в смысле провозглашаемой внешнеполитической, а не внутривластной модели) идеология «демократизма», исповедуемая США и государствами ЕС, развилась и укрепилась до такой степени, что стала практически полностью определять внешнюю политику.

По мере дистанцирования России от Запада, связанного с полным непониманием последним пожеланий Москвы и отказом идти на любые компромиссы, отдалявшие, по мнению западных политиков, Россию от превращения ее в «современную» (т.е. подчиненную Западу и проводящую его политику) страну, Москва начала со все большей активностью выстраивать прагматичные и взаимовыгодные отношения с Пекином. Этот курс совпал и с намерениями самого Китая, все более укреплявшегося в результате успешных экономических реформ и проводившего все более активную внешнюю политику.

В результате возник новый тип российско-китайских отношений, основанных не на общей идеологии (в старом понимании), а на

---

⁷ Лукьянов Ф. Консерватизм сближает // Газета.ru. 02.10.2014. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/6244657.shtml>

прагматических интересах и направленных на синергетическое наращивание собственного влияния в мире, но не против третьих стран. Они получили название «стратегическое партнерство и взаимодействие».

К общим интересам, которые лежат в основе российско-китайского сближения, можно отнести следующие.

1. Общее стремление к уходу от однополярного и переходу к многополярному или многополюсному миру. Это стремление объясняется тем, что в мире, в котором доминируют США и их западные союзники, Россия и Китай не видят возможности обеспечения своих интересов как в области безопасности, так и в сфере экономики. Как крупные страны, имеющие собственные подходы к различным международным проблемам, они могут более свободно реализовывать эти подходы в мире, где есть не один, а несколько лидеров и где единственный центр силы не мог бы диктовать им свои монопольные условия.

Сотрудничество с Китаем крайне важно для России в международном плане. Китай разделяет российский взгляд на будущее устройство мира, определяемый понятием «многополярность». За этим понятием скрывается очевидная реальность: Россия и Китай, так же как и некоторые другие государства мира, достаточно велики, чтобы иметь собственные интересы и подходы к проблемам регионального и мирового развития. Их не устраивает мир, в котором полностью доминирует одна сила, не учитывающая их интересы. Зато их вполне устраивает послевоенная структура мира и сложившаяся система международного права, в рамках которой высшим авторитетом является Совет Безопасности ООН.

Эти принципы Китай и Россия разделяют с другими важнейшими государствами незападного мира, прежде всего объединившимися в группу БРИКС. Они рассматривают себя в качестве лидеров незападного мира, стремящихся реформировать существующую систему глобального управления, не подрывая или разрушая ее, но постепенно обеспечивая в ней достойную роль представителей растущих экономик и «Юга» в целом. Ожесточенное сопротивление этому курсу Запада – основа все большей консолидации и нарастания активности БРИКС.

2. Стремление сохранить систему международного права, основанную на принципе суверенитета государств, ядром которой является ООН и ее Совет Безопасности. Будучи единственными представителями незападного мира в СБ ООН, и Москва, и Пекин заинтере-

сованы в сохранении ведущей роли этого органа, так как право вето уравнивает их влияние с влиянием Запада, в то время как по всем прочим параметрам они во многом объединенному Западу уступают. Статус постоянных членов Совета Безопасности ставит их в равное положение с США – государством, во всех других отношениях более мощным и, естественно, стремящимся видоизменить эту систему, сковывающую их возможности. Принцип абсолютности суверенитета государств не позволяет ведущему центру силы навязывать свою волю другим государствам в сфере внутренней политики. Именно поэтому и Россия, и Китай, отличающиеся от западных государств по внутривнутриполитическому устройству и подвергающиеся из-за этого серьезному давлению, с крайней настороженностью относятся к концепциям, подрывающим суверенитет и оправдывающим «гуманитарные интервенции» (например, к концепции «ответственности по защите»).

3. Позиции России и Китая по региональным конфликтам близки или совпадают. Это проявляется в одинаковом голосовании в ООН по Корейской ядерной проблеме, ядерной программе Ирана, ситуации в Ливии и Сирии, а также в тесной координации линии по этим и другим региональным конфликтам.

4. Россия и Китай заинтересованы в реформировании международной финансовой системы, увеличении роли незападных государств во Всемирном банке и МВФ, расширении использования региональных валют в международной торговле и т.д.

5. Россия и Китай необходимы друг другу как торгово-экономические партнеры. С 2010 г. Китай является первым торговым партнером России. Он наполняет российский рынок не только потребительскими товарами, но и во все большей степени машинами и оборудованием. Доля Китая во внешней торговле России составляет более 10%. В последние годы Китай также стал крупным инвестором в российскую экономику, и хотя российские и китайские статистические данные здесь расходятся почти на порядок, значение китайских инвестиций в российский нефтяной и газовый сектор, которые весьма возросли после введения Западом антироссийских санкций, трудно переоценить.

Российская доля в общем внешнеторговом обороте Китая сравнительно мала – всего около 2%. Однако Китай получает из России ряд товаров, которые он не может приобрести у других поставщиков (например, вооружения из-за санкций Запада). Россия также поставляет некоторые товары (прежде всего энергоносители), которые

Китай не может получить у других стран в достаточных количествах, по приемлемой цене и источники которых он хотел бы максимально диверсифицировать.

6. Бурно растущее сотрудничество между приграничными регионами двух стран играет значительную роль в развитии российских Сибири и Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая.

7. Россия и Китай активно сотрудничают в Центральной Азии, прежде всего в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), добиваясь здесь общих целей: экономического развития этого региона, поддержания политической стабильности и сохранения у власти светских режимов.

8. И Россия, и Китай отрицательно относятся к советам извне относительно их внутривнутриполитического устройства, называя это «вмешательством во внутренние дела», а также поддерживают друг друга в борьбе с сепаратизмом. И в России, и в Китае все больше не приемлют ценностей, которые Запад навязывает всему миру в качестве «универсальных» и «всеобщих». В России наблюдается подъем всех традиционных религиозных конфессий, лидеры которых резко критикуют отход господствующей на Западе секулярно-релятивистской идеологии от своих христианских корней как ведущий к упадку и возвращению к язычеству. Они отрицают гомосексуальные браки, эвтаназию, суррогатное материнство, радикальный феминизм и прочие явления, распространение которых на Западе считают торжеством свободы и либерализма. В Китае, видящим себя лидером развивающегося «Юга», особенно резко критикуют концепцию «универсальных» ценностей как идеологическое прикрытие, с помощью которого Запад пытается сохранить свое господство над бывшими колониальными и полуколониальными государствами. Здесь все большей популярностью пользуется собственная традиционная мораль, основанная на конфуцианских ценностях. И хотя конфуцианство сильно отличается от традиционного христианства, общее отрицание западной идеологии сближает Россию и Китай.

Китай и Россия не предлагают другим странам мира свою модель, тем более не стараются навязать ее. Этим занимается Запад, который прикрывает идеологией «демократизма» старую идею превосходства над остальными расами, народами и цивилизациями. Но Москва и Пекин решительно отвергают западный диктат. Какая система в конце концов сложится в этих двух странах – похожая на западную или какая-то иная, – сейчас сказать трудно. Но в любом случае она должна сложиться на основе внутреннего развития российского

и китайского обществ. Навязывать таким крупным странам ценности и политические системы, которые большинство их населения не готовы принять, – политика бессмысленная и опасная, она способна вызвать хаос, по сравнению с которым ситуация в Ливии или Ираке, где такая попытка была сделана, покажется верхом стабильности. Пока можно сказать, что общества, складывающиеся в России и Китае, несмотря на всю свою вестернизированность, отличаются от западного, но отличаются по-разному. Россия, в принципе не отрицающая западные принципы политического устройства, все более расходится с Западом в смысле моральных ценностей. В Китае с его прагматической культурой, где монотеистические религии с их верой в непознаваемого Бога и сообщаемые им абсолютные моральные заповеди никогда не имели широкого распространения, западные моральные инновации могут быть приняты гораздо легче. Однако китайскому обществу гораздо труднее согласиться с западной идеей превалирования индивидуальных прав над общественными и государственными целями. Таким образом, Китай будет расходиться с Западом именно во взглядах на общественный идеал и на политическое устройство общества, которое должно обеспечить осуществление этого идеала. Не случайно основным правом человека в Китае считают право на жизнь: если человек умирает от голода, то зачем ему свобода собраний или совести? Сначала ему надо обеспечить материальный достаток, а это возможно только усилиями всего общества.

Эти общие интересы создают базу для последовательного сближения Пекина и Москвы. Хорошие отношения с Китаем нужны России как по политическим, так и по экономическим причинам. Китай – важный стратегический партнер России, и именно благодаря связям с ним (как и с другими странами Азии) российская политика способна стать менее односторонней, приобрести собственное лицо, а Россия – превратиться в один из центров мирового влияния. Курс В.В. Путина на превращение России в более самостоятельную и мощную державу естественным образом подразумевает выстраивание ее партнерских отношений со всеми незападными центрами силы, из которых Китай России наиболее близок и необходим как близкий сосед и важнейший экономический и геополитический партнер. Как отмечал В.В. Путин, «китайский голос действительно звучит в мире все увереннее, и мы приветствуем это, поскольку Пекин разделяет наше видение формирующегося равноправного миропорядка. Будем продолжать оказывать друг другу

поддержку на международной арене, сообща решать острые региональные и глобальные проблемы, наращивать взаимодействие в Совете Безопасности ООН, БРИКС, ШОС, „двадцатке“ и других многосторонних механизмах»⁸.

Китай также заинтересован в России как в геополитическом и экономическом партнере. Пекин предпочитает стабильную и сильную (хотя, возможно, и не слишком мощную) Россию. Стабильная Россия, способная стать независимым центром силы, интересует Пекин как определенный противовес в его сложных партнерско-конкурентных отношениях с США и Западной Европой, как один из гарантов, способных обеспечить его «независимую и самостоятельную» внешнюю политику. Стабильная ситуация на границе с Россией, так же как и с другими соседями, имеет большое значение для экономического развития Китая, т.е. для осуществления основной цели, поставленной нынешним руководством страны. Именно поэтому Пекин все последние годы настойчиво и конструктивно подходит к решению пограничных проблем, проблем миграции и двусторонней торговли. Китай хотел бы видеть Россию стабильной и экономически развитой, он готов конструктивно содействовать развитию приграничных российских регионов, и страхи относительно его намерений, раздуваемые некоторыми российскими оппозиционными политиками и СМИ, ему непонятны.

В то же время и в Москве, и в Пекине прекрасно понимают значение конструктивных партнерских отношений с Западом, которые крайне необходимы обеим странам для укрепления своего положения на международной арене, решения важных международных задач (например, в области нераспространения ОМУ), а также задач экономического развития. Именно поэтому и Китай, и Россия выступают против создания антизападного военного союза.

Таким образом, конструктивные отношения сотрудничества, тесные, но не доходящие до крайностей как враждебности, так и союзничества, полностью соответствуют интересам и России, и Китая, если, конечно, под интересами России понимать ее становление в качестве сильного, стабильного и экономически процветающего государства, проводящего независимую, но ответственную внешнюю политику, а не превращение ее в младшего брата «цивилизованного мира» и передового бойца с «китайской угрозой» или, наоборот,

---

⁸ Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27.02.2012. URL: <https://www.mn.ru/politics/78738>

младшего брата нового центра коммунистического движения и передового бойца с «мировым империализмом».

Украинский кризис и российско-китайские отношения

Переворот в Киеве, поддержанный США и ЕС, спровоцировал гражданскую войну и ответные меры России, которые привели к резкой конфронтации Москвы с Западом. Эта ситуация была неоднозначно воспринята в Пекине. С одной стороны, там всегда с опасениями относятся к любым попыткам подрвать территориальную целостность существующих государств, так как помнят о собственных сепаратистах. Именно этим объясняется поддержка Китаем территориальной целостности Украины. С другой стороны, китайские лидеры, считающие хаос «культурной революции» и волнений 1989 г. мрачными и разрушительными периодами собственной истории, всегда предпочитают стабильность любым беспорядкам. Вину за подрыв стабильности, по крайней мере первоначальную, они возлагают на США и ЕС, считая, что так они стремились расширить сферы своего влияния за счет России. Россия же, по их мнению, приняла ответные меры. Характерен комментарий официального агентства «Синьхуа» от 7 марта 2014 г.: «Жители остальных частей света в очередной раз наблюдают, как еще одну великую страну разрывают на части из-за неуклюжего и эгоистичного Запада, который кичится слишком многими возвышенными идеалами, но никогда не предлагает практических решений»⁹. Под хаосом в Пекине обычно понимают ситуацию, созданную в результате спонсируемых Западом действий, направленных на подрыв стабильных (часто авторитарных) режимов по всему миру, которые, с точки зрения Пекина, только и могут обеспечить экономическое развитие той или иной страны и расширение ее сотрудничества с Китаем. Этот термин был использован для описания кризиса, вызванного событиями на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., «цветных революций» в арабских странах и т.п. Руководство КНР рассматривает противодействие этой тенденции даже в отдалении от своих границ как средство самозащиты, так как понимает, что такая же тактика может быть использована Западом и против Китая. В связи с этим Китай может лишь приветствовать растущую твердость России в противостоянии экспансии Запада.

---

⁹См.: Ming Jinwei. Commentary: The West's Fiasco in Ukraine // Xinhuanet. 2014, March 7. URL: http://news.xinhuanet.com/english/indepth/2014-03/07/c_133168143.htm

И хотя российские контрмеры в Пекине многие считают чрезмерными и также не вполне способствующими стабильности, все же в целом российская позиция встречает понимание и даже одобрение. Вот комментарий агентства «Синьхуа» от 7 марта 2014 г.: «Возможно, Россия больше и не заинтересована в соревновании с Западом за глобальное превосходство, но, когда дело дошло до устранения последствий хаоса, созданного Западом на ее границах, российские лидеры в очередной раз показали убедительность и проницательность в планировании и осуществлении эффективных ответных мер»¹⁰.

С геополитической точки зрения китайские руководители, рассматривающие мировую политику как арену борьбы за сферы влияния, лишь иногда прикрываемую различными идеологическими лозунгами, в целом не могут не одобрять жесткий отпор, данный Россией силовой западной экспансии, во-первых, потому, что он задерживает эту экспансию на китайском направлении, а во-вторых, потому, что в конфронтацию на этот раз вступил не Китай и его экономическое сотрудничество с Западом не пострадало. Что же касается обычных китайских граждан, то, судя по комментариям, наполнившим китайский Интернет, многие из них не только одобряют действия В.В. Путина, но и ставят его решительность в пример своему руководству, которое, по их мнению, проявляет ненужную мягкость по отношению к Японии, США, Вьетнаму и другим государствам, желающим Китаю зла.

Таким образом, если, как считают некоторые эксперты, Б. Обама действительно рассчитывал на осуждение Китаем присоединения Россией Крыма и российской политики на Украине в целом¹¹, то он серьезно просчитался. Этот просчет показывает полное непонимание мотивов действий Пекина, как и точно такое же непонимание реакции Москвы на экспансию Запада. В результате администрация Б. Обамы продолжила проводить политику, от которой предостерегали Вашингтон все американские стратеги начиная со времен Р. Никсона: одновременная конфронтация с Москвой и Пекином, стимулирующая их сближение.

---

¹⁰ Ibid.

¹¹ Trenin D. From Greater Europe to Greater Asia? The Sino-Russian Entente // Carnegie Moscow Center. 2015. April. URL: http://carnegieendowment.org/files/CP_Trenin_To_Asia_WEB_2015Eng.pdf

Сотрудничество с Китаем под огнем критики

В последнее время в России и за рубежом активизировалась дискуссия о повороте России к Азии. Обсуждалось, насколько лозунги о его необходимости и большие ожидания соответствуют результатам реальной российской политики. При этом значительная часть споров шла относительно крупнейшего российского азиатского партнера – Китая.

Примечательно, что новый толчок дискуссии дал сам Китай, точнее, высказывания одного из китайских журналистов. 17 декабря 2015 г. на сайте агентства «Синьхуа» был опубликован комментарий одного из обозревателей, который с многочисленными ссылками на российских официальных лиц и некоторых китайских экспертов весьма взвешенно проанализировал проблемы внешней и внутренней политики России, указав, конечно, и на трудности. В целом выводы были весьма позитивны и заканчивались выражением уверенности в том, что, «опираясь на собственные силы и разум, а также на эффективное сотрудничество с другими странами, россияне способны преодолеть существующий непростой кризис»¹².

Удивление вызвала не сама статья, а реакция на нее некоторых российских СМИ прозападного направления, представители которых увидели в ней то, чего в ней явно не было, и начали бурную кампанию критики российской политики в отношении Китая и Азии в целом. Начало положила «Независимая газета», в которой содержание китайского комментария было изложено под совершенно неадекватным заголовком «Россия зашла в стратегический тупик»¹³. За ней последовали многочисленные информагентства и интернет-сайты, в материалах которых комментаторы, вероятно, даже не прочитав первоисточник, на разные лады обсуждали, зачем Пекин начал резко критиковать Россию, почему он в ней разочаровался и отдал предпочтение сотрудничеству с Западом. Многие делали вывод о том, что на российском повороте к Азии теперь можно поставить крест. Интересно, что в этой кампании в едином порыве объединились как прозападные СМИ, всегда стремившиеся в преувели-

---

¹² Чжао Юй. Комментарий: сможет ли Россия выдержать испытание на прочность на фоне сложного кризиса? // Синьхуа. 17.12.2015. URL: http://russian.news.cn/2015-12/17/c_134926887_2.htm

¹³ Забелина Н. Россия зашла в стратегический тупик. Китайцы задаются вопросом – выдержит ли наша страна экономические испытания // Независимая газета. 18.12.2015. URL: https://www.ng.ru/economics/2015-12-18/1_tupik.html

ченном виде показать различные опасности, якобы исходящие от Китая и сотрудничества с ним, так и их противники, указывавшие на то, что в Китае якобы критикуют не Россию в целом, а ее «монитористско-прозападное» правительство¹⁴.

Этот довольно низкокачественный информационный поток вызвал более серьезную дискуссию. Ряд авторов, подводя итоги российской политики «поворота к Азии», попытались подойти к ней более взвешенно, но в целом также довольно критически¹⁵. Их аргументы можно суммировать в нескольких пунктах.

1. Ухудшение отношений России с Западом сопровождалось завышенными ожиданиями в отношении азиатских партнеров, которые, как считалось, могут почти полностью заменить европейских. Эти ожидания не оправдались.

2. Азиатские партнеры, в особенности Китай, оказались жесткими переговорщиками, в ряде случаев они воспользовались сложной ситуацией в России, чтобы добиться более выгодных для себя условий.

3. Китайские партнеры интересуются только российским сырьем, продажей ей товаров и возможностью использования в России своей рабочей силы, они не помогают России решить задачи развития собственного производства, импортозамещения, мало инвестируют.

4. Китайские банки опасаются американских санкций и не предоставляют достаточного количества кредитов.

5. Товарооборот с Китаем и другими странами Азии в 2015 г. резко упал.

6. Разочарованное российское руководство утратило интерес к сотрудничеству с государствами АТР, о чем свидетельствует отказ В.В. Путина от участия в Восточноазиатском саммите и саммите АТЭС, а также от встречи с азиатскими бизнесменами на Восточном саммите во Владивостоке.

---

¹⁴ См., например: Оверченко М. Как Китай отвоевывает у России Центральную Азию // Ведомости. 25.10.2015. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/10/26/614254-kitai-aziyu-rossii>; Иванов А. Китай «списывает» российское правительство // Свободная пресса. 18.12.2015. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/138622/>

¹⁵ См., например: Коростиков М. Недоворот на Восток: Итоги российской политики поворота в Азию противоречивы // Коммерсантъ. 25.12.2015. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2884691>; Габуев А. Поворот в никуда. Итоги азиатской политики России в 2015 г. // Московский центр Карнеги. 29.12.2015. URL: <https://carnegie.ru/commentary/62369>

Из всего этого делается вывод, что, несмотря на некоторые позитивные моменты, масштабы сотрудничества с Китаем и другими государствами Азии не достигли ожидаемого уровня, Азия не смогла заменить Европу и расчет российского руководства на азиатских партнеров был неверным. Далее мнения расходятся. Для одних эта ситуация подразумевает, что с Западом ссорились зря, надо было идти на уступки и следовать за «цивилизованным миром», для других – что надо менять курс правительства и более решительно идти к Азии, приравливая ее к ее потребностям.

Реальности китайской политики России

За критикой политики «поворота к Азии» можно видеть реальные интересы различных политических и экономических групп внутри России. С одной стороны, те, кто имеет бизнес-интересы и собственность на Западе, пытается доказать вредность и опасность сотрудничества с «непредсказуемым» и «эгоистичным» Востоком. С другой, сторонники более «национально ориентированной» внутренней политики стремятся отправить в отставку нынешнее правительство, которое они считают наследником прозападного курса Гайдара–Чубайса. Однако понимание этого не должно препятствовать разбору их аргументов по существу.

Прежде всего бросается в глаза, что для большинства критиков, несмотря на все различия в их подходах, характерны несколько общих, весьма спорных положений. Во-первых, в большинстве критических статей начало поворота Москвы к Азии относят ко времени последнего ухудшения ее отношений с Западом, связанного с украинским кризисом. Во-вторых, поворот к Азии рассматривается и оценивается как чисто экономический процесс. В-третьих, критики непропорционально выделяют значение сотрудничества с Китаем. В-четвертых, «поворот к Азии» рассматривается как альтернатива отношениям с Западом, сохранение сотрудничества с которым якобы подразумевает отказ от интенсификации связей с Востоком.

В действительности же о необходимости развития отношений с государствами АТР в России, а до этого – в СССР говорят уже несколько десятилетий. Об этом аналитики из академических институтов начали писать еще в период правления Л.И. Брежнева, о новой политике в АТР говорил М.С. Горбачев в 1986 г. в знаменитом выступлении во Владивостоке, многое для активизации азиатского направления на постах министра иностранных дел и премьера сделал

Е.М. Примаков, впервые еще в 1998 г. сформулировавший идею координации действий России, Китая и Индии. Задолго до украинского кризиса многократно выступал с идеями необходимости повысить активность в Азии и В.В. Путин. При этом «поворот к Азии» с самого начала связывался не с ухудшением отношений с Западом, а с двумя совершенно объективными задачами: необходимостью налаживания связей с регионом, который постепенно становится центром мировой экономики и политики, а также с решением стратегической задачи развития России – подъемом ее сибирских и дальневосточных регионов.

Конечно, решение этих задач шло медленно. Многочисленные правительственные программы оставались невыполненными, население восточных регионов страны сокращалось, российское экономическое присутствие в АТР оставалось на минимальном уровне. Лишь в последнее время благодаря усилиям руководства России были достигнуты некоторые успехи: к саммиту АТЭС во Владивостоке в 2012 г. была значительно обновлена инфраструктура, в 2014 г. был принят важный закон о территориях опережающего социально-экономического развития, который уже заработал, а также ряд других мер.

Если рассматривать процесс развития российско-китайских отношений, то он также начался еще в брежневский период и с тех пор поступательно развивался при всех сменявших друг друга лидерах в Пекине и Москве. Он прошел от этапа восстановления через нормализацию до тесного стратегического партнерства. Это означает, что улучшение отношений между двумя странами объективно соответствует их интересам и не зависит от политической конъюнктуры или отношений с другими странами.

И в российском сближении с Китаем, и в повороте к Азии в целом экономическое сотрудничество является важным, но лишь одним из многих компонентов. При этом коренные причины этого поворота, особенно на первом этапе, определенно относились к сфере геополитики, а не экономики. Советское руководство, проигрывая соревнование с Западом, пыталось использовать нормализацию отношений с Китаем прежде всего для того, чтобы разыграть «китайскую карту» против США, так же, как ранее Вашингтон разыграл ее против Москвы, и хотя бы частично разорвать «единый антигегемонистский фронт» (используя китайский термин) США и их союзников с Китаем.

В начале 90-х годов XX в. для России, пытавшейся проводить односторонний курс, быстрый возврат после некоторых коле-

баний к курсу на развитие отношений с Китаем, как и с другими не ориентирующимися на Запад государствами Азии, был действительно вызван экономической необходимостью. Выяснилось, что без китайских военных заказов может окончательно встать весь российский ВПК, а это вызовет серьезное недовольство сотен тысяч занятых на его предприятиях людей (о военной мощи тогда не думали). И несмотря на то что еще в 1996 г. Е.Т. Гайдар призывал ориентироваться в Азии на Японию, а против Китая создать военный кордон¹⁶, его сторонники были оттеснены от процесса принятия внешнеполитических решений. Заняв пост министра иностранных дел, Е.М. Примаков сразу же заговорил о важности АТР для России¹⁷.

В дальнейшем, по мере нарастания взаимного непонимания с Западом, сотрудничество с Китаем, Индией и другими растущими западными центрами силы стало рассматриваться прежде всего как поиск альтернативы рушащемуся проекту создания единой Европы от Лиссабона до Владивостока, вхождению в единый, мощный, «цивилизованный» мир как главный центр мировой политики. Выяснилось, что в этом центре России уготовано лишь подчиненное место, с чем она согласиться не пожелала. Москва, не сокращая связей с Западом – экономических с Европой и политических с США (свидетельство тому – попытка «перезагрузки»), – начала искать тех, с кем она могла бы разговаривать на равных, кто мог бы составить противовес западному направлению и помог бы уйти от чрезмерной зависимости от Запада.

Основа развития отношений с такими государствами, как Китай и Индия, лежала не в экономических интересах, а в сходном видении будущего мира. На этой основе, а вовсе не на экономической, как предсказывали западные аналитики, сложилась группа БРИКС, выросшая не из двустороннего экономического сотрудничества ее членов, а из геополитического сближения Москвы и Пекина, к которому затем присоединились Дели, а позднее – Бразилия и Претория. Стремление государств БРИКС изменить международные экономические институты, получить в них больший вес также тесно связано с их геополитическими амбициями.

Именно на этой основе развивались и развиваются отношения Москвы с Пекином. В редакционном комментарии агентства «Синь-

---

¹⁶ Гайдар Е.Т. Россия XXI века: не мировой жандарм, а форпост демократии в Евразии // Известия. 18.05.1995. С. 4.

¹⁷ Sergounin A.A., Subbotin S.V. Sino-Russian Military Cooperation: Russian Perspective // Regional Studies. 1997. Vol. 15. No 4. P. 26.

хуа» от 12 ноября 2015 г. в качестве основных достижений двух стран прежде всего отмечается полное решение доставшихся в историческое наследие приграничных проблем, достижение взаимного доверия в военной области и взаимного разоружения в приграничных районах, упрочение политической и законодательной основ отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, а лишь затем – экономическое сотрудничество. «Синьхуа» приводит мнение китайского эксперта Сунь Чжуанчжи, который замечает, что Россия и Китай имеют близкие позиции по многим важным международным и региональным вопросам, два государства ставят единые цели в ходе международного сотрудничества: выступать против однополярного мира и политики силы, содействовать демократизации международных отношений и разработке более рациональных правил многостороннего торгово-экономического сотрудничества¹⁸. Все это относится к политическому, а не экономическому взаимодействию.

Украинский кризис и последовавшее за ним резкое ухудшение отношений России с Западом, ставшее закономерным следствием давно нараставших противоречий, лишь стимулировали некоторые тенденции, ускорив российский поворот к Азии, а вовсе не став его началом. Основным результатом этого кризиса стало изменение не риторики или планов, но психологии российской элиты, в особенности бизнес-элиты. «В 2015 г. уже почти вся российская элита поняла, что противостояние с Западом надолго и не случайно, что России придется жить в иной реальности, чем предполагали прекраснодушные мечты об интеграции с Западом при сохранении независимости и суверенитета. Они преваляровали в российском политическом классе чуть ли не до конца 2000-х годов», – пишет С.А. Караганов¹⁹.

Представители крупного российского бизнеса, привыкшие ездить в страны ЕС и США как к себе домой, покупать там особняки, отправлять детей на учебу и вести дела с западными компаниями на равных, поняли, что на этот раз руководство России не шутит, улучшения отношений с Западом можно не дожидаться. А так как многие из них тесно связаны с этим руководством и зависят от его отноше-

---

¹⁸ Китай и Россия служат образцовым примером междержавных отношений // Жэньминь жибао. 12.11.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/1112/c31521-8975278.html>

¹⁹ Караганов С.А. Праздновать еще рано // Российская газета. 11.01.2016. URL: <https://rg.ru/2016/01/12/karaganov.html>

ния к себе, им пришлось подумать о реальной переориентации на Восток. К тому же к Западу было утеряно доверие как к партнеру: кто-то попал в санкционные списки и физически не смог продолжить сотрудничество, но и тот, кто не попал в них, все равно начал учитывать такую возможность. Одним словом, политические риски экономического сотрудничества с Западом стали оцениваться многими как слишком высокие.

В большинстве стран Азии такие политические риски отсутствуют. Но здесь сдерживает другое: инерция привычной западной ориентации, плохое знание азиатских рынков и азиатской культуры ведения бизнеса, нехватка соответствующих специалистов. Поэтому естественно, что экономический поворот к Азии осуществляется медленно, и если у кого-то и были завышенные ожидания, если кто-то и считал, что, скажем, Китай сможет быстро заменить Запад и как торговый партнер, и как инвестор, и как источник банковских кредитов, то он действительно ошибался. Но подобные настроения могли существовать лишь среди крайне слабо информированных представителей бизнеса. Эксперты всегда предостерегали от излишнего оптимизма, объясняли, что государства Азии, даже наш стратегический партнер Китай, никогда не станут спасать Россию за счет собственных интересов, торговать себе в убыток или без достаточной прибыли, инвестировать в непроработанные проекты исключительно из братских чувств. Китай ценит сотрудничество с Россией, она важна ему и в геополитическом (в большей степени) и экономическом (в меньшей степени) плане, он многократно продемонстрировал, что готов учитывать ее интересы, идти на определенные компромиссы. Но компромиссы взаимоприемлемые, а не те, что несут ему убытки, да еще в той непростой экономической ситуации, в которой сегодня оказался и он.

С китайскими предпринимателями нужно работать, доказывать взаимную выгодность проектов, что не так просто, потому что некоторые печальные примеры сотрудничества в 1990-е годы многие из них хорошо помнят. Необходимо изучать китайский рынок, понимать китайскую бизнес-культуру, действительно довольно жесткую манеру ведения переговоров. Надо понимать и китайские обстоятельства, в частности то, что в Пекине ценят сотрудничество с США и ЕС, считают его важным для достижения целей развития своей страны, вовсе не желают конфронтации с Западом и не готовы делать то, что это сотрудничество может серьезно подорвать. Считая США геополитическим оппонентом, обвиняя их в стремлении сдер-

живать растущее политическое и экономическое влияние Китая в мире, пекинское руководство пока полагает, что занять свое законное место в мировой системе ему удастся без серьезных конфликтов, путем последовательного давления, разъяснения своей позиции и постепенной перестройки сложившейся системы глобального управления без ее революционного разрушения. Пекин ведет тонкую дипломатическую игру, а не войну с американским империализмом по всем фронтам, как это кажется некоторым слабо информированным российским политикам и экспертам, которые хотят подтолкнуть к подобному заведомо проигрышному курсу и саму Россию.

Китайское видение России и российской политики было четко сформулировано в статье бывшего заместителя министра иностранных дел, а ныне председателя комитета по международным делам ВСНП Фу Ин, которая в начале 2016 г. была опубликована в американском журнале "Foreign Affairs"²⁰. Как автор, так и выбор места для публикации весьма примечательны. Как дипломат Фу Ин не занималась Россией и вряд ли хорошо знакома с деталями двустороннего сотрудничества, поэтому, вероятно, тут не обошлось без коллективного творчества китайского дипломатического ведомства. Выбор влиятельного журнала явно свидетельствует о том, что статья предназначалась западной аудитории (хотя ее перевод был опубликован и в китайской газете «Гуанмин жибао»²¹). Видимо, автор посчитала необходимым разъяснить западным партнерам китайские мотивы и ограничения для сближения с Россией и подчеркнуть, что (как явствует из подзаголовка) «Китай и Россия близки, но не являются союзниками». В самих Китае и России этого разъяснять никому не нужно, так как эта официальная позиция обеих стран там хорошо известна.

Тем интереснее ясные выводы Фу Ин, что «российско-китайские отношения являются стратегическим партнерством и ни в коем случае не браком по расчету: они являются комплексными, крепкими и глубоко укорененными», а «изменения в международных отношениях после конца холодной войны лишь способствовали большему

---

²⁰ Fu Ying. How China Sees Russia: Beijing and Moscow Are Close, but Not Allies // Foreign Affairs. 2016. January/February. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-12-14/how-china-sees-russia>

²¹ 傅莹谈中俄关系: 是伙伴还是盟友 [Фу Ин о китайско-российских отношениях] // Гуанмин жибао. 23.12.2015. URL: https://china.chinadaily.com.cn/shizheng/2015-12/23/content_22785119.htm

сближению двух стран»²². Далее автор отмечает, что рассуждения, а возможно, и надежды некоторых западных аналитиков и политиков относительно того, что конфликты в Сирии и на Украине вызовут напряженность или даже разрыв между Пекином и Москвой, явно не оправдались.

В то же время Фу Ин отмечает, что ни Китай, ни Россия не собираются заключать юридически оформленный союз или формировать антизападный блок, и указывает некоторые расхождения. В частности, по ее мнению, Россия в своей политике продолжает в основном ориентироваться на Европу, а Китай – на Азию, российская дипломатия имеет большой опыт ведения дел на глобальном уровне и «имеет тенденцию отдавать предпочтение сильным, активным и часто неожиданным дипломатическим маневрам», в то время как китайская дипломатия, наоборот, реактивна и осторожна. Автор также отмечает, что в России не все смогли приспособиться к изменению соотношения сил между двумя странами, что вызывает теории «китайской угрозы» и опасения относительно роста китайского влияния в «ближнем зарубежье». В то же время, несмотря на решение пограничного вопроса, «китайские комментаторы иногда критически высказываются по поводу 600 тыс. кв. км территории, которые царская Россия аннексировала в конце XIX в.»²³. Тем не менее, как отмечает Фу Ин, эти различия не ведут к охлаждению двусторонних отношений, которые продолжают крепнуть прежде всего благодаря развитию геополитической ситуации.

Углубление сотрудничества

Таким образом, хотя Россия и Китай продолжали бы сближение и без украинского кризиса, нынешнее охлаждение в отношениях между Россией и Западом способствует ускорению и углублению этого процесса. Например, заключение двух крупнейших соглашений по экспорту российского газа в Китай в 2014 г., переговоры о которых велись долгие годы, могло состояться и в другой международной обстановке, но, возможно, они тянулись бы дольше и не были бы столь конструктивными. То же можно сказать и обо всех прочих контрактах и соглашениях, подписанных во время визита президента В.В. Путина в Пекин в мае 2014 г., премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна в Москву в октябре 2014 г., посещения В.В. Путиным

---

²² Fu Ying. How China Sees Russia...

²³ Ibid.

саммита АТЭС в ноябре 2014 г. и визита Си Цзиньпина в Москву в мае 2015 г.

Впрочем, значение газовых контрактов с Китаем не стоит переоценивать. Это лишь небольшая часть общего объема двусторонней торговли и всего комплекса сотрудничества, которое имеет многосторонний и самоценный характер и прямо не обусловлено отношениями Москвы и Пекина с другими государствами.

Похолодание между Россией и Западом пока сказывается не только на конкретных решениях, но и на появлении серьезного отношения к сотрудничеству с Китаем в самых различных кругах российского общества. Необходимость наращивания этого сотрудничества все в большей степени понимается не как декларация, а как насущная практическая необходимость. Это новое понимание касается как государственных чиновников, так и представителей крупного бизнеса. Показательно, что в марте 2014 г. крупный и (по словам самого российского президента²⁴) близкий к В.В. Путину бизнесмен Г.Н. Тимченко, попавший под американские санкции, возглавил Российско-китайский деловой совет – ассоциацию российских предпринимателей, работающих с Китаем.

Наиболее яркое свидетельство принципиального сдвига в российско-китайском сотрудничестве – подписание 8 мая 2015 г. лидерами двух стран в Москве совместного заявления о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и проекта Экономического пояса Шелкового пути, которое дало возможность готовить не только российско-китайские, но и ЕАЭС-китайские проекты сотрудничества, т.е. рассматривать ЕАЭС в целом как единого партнера Китая. В этом документе Пекин фактически поддержал деятельность ЕАЭС, несмотря на враждебное отношение к этому объединению Запада, да и собственные сомнения. При этом он почти полностью согласился на российские предложения, первоначально выработанные группой экспертов Валдайского клуба – экспертного механизма, работающего в тесном сотрудничестве с администрацией российского президента, и поддержанные руководством страны²⁵. Эта история показывает заинтересованность Китая в сотрудничестве с Москвой, ради которой он готов идти на определенные компромиссы. Она также демонстрирует возросший

---

²⁴ Прямая линия с Владимиром Путиным. 2014. 17 апреля. URL: <http://2014.moskva-putinu.ru/#page/main>

²⁵ РФ и Китай договорились о «стыковке» проектов ЕАЭС и «Шелковый путь» // ТАСС. 08.05.2015. URL: <http://tass.ru/ekonomika/1956881>

интерес российского правительства к экспертизе по китайскому вопросу. В настоящее время во исполнение заявления и последующих документов по сопряжению эксперты Евразийской экономической комиссии и Китая готовят проекты по совместным инвестициям в транспортные коридоры, по снятию торговых барьеров и сотрудничеству в области высоких технологий. Обсуждается и идея создания Зоны свободной торговли между Китаем и членами ЕАЭС.

Вероятно, подобную поддержку России по указанным выше причинам Пекин будет оказывать и впредь. В то же время естественно, что такая крупная и независимая страна, как Китай, не будет помогать России в ущерб собственным интересам или торговать себе в убыток. У Китая слишком много собственных проблем, чтобы углублять их за счет помощи другим. Поэтому основными принципами российско-китайского сотрудничества и впредь будут взаимная заинтересованность и взаимная выгода. Только на этой основе две страны смогут сотрудничать конструктивно и эффективно.

Что же касается аргумента о сокращении торговли как показателе отсутствия переориентации России на Азию, то он не выдерживает критики. Во-первых, падает торговый оборот России не только с Азией, а со всеми государствами. Это вызвано ее экономическими проблемами, а в случае с Китаем еще и китайскими, а также падением цен на ее основной экспортный товар – энергоносители. Такое было и после кризиса 1998 г., и после 2008 г., но последующее улучшение экономической ситуации в России всегда вело к тому, что показатели всякий раз восстанавливались и резко росли. Кроме того, торговый оборот в 2015 г. снижался не только у России с партнерами, но и у многих стран мира. Выступая на VII Гайдаровском форуме в Москве 13 января 2016 г., заместитель министра экономического развития России С.С. Воскресенский привел следующие цифры за 2015 г.: экспорт в странах ОЭСР снизился на 20,4%, а импорт – на 20,8, в Европе, соответственно, – на 13,2 и 14,5, товарооборот Германии упал на 12, Японии – на 18, Бразилии – на 16, Австралии – на 21%²⁶. Таким образом, ничего экстраординарного в российско-китайской торговле не происходит.

В то же время вместе с падением в торговле наблюдались и благоприятные для России тенденции. По данным С.С. Воскресенского, в 2015 г. в российском экспорте в Китай доля минерального сырья снизилась с 78 до 71%, экспорт продовольствия вырос на 23, а хими-

---

²⁶ Экономика Китая: возможные сценарии развития и стратегия России // Youtube. 2016. 13 января. https://www.youtube.com/watch?v=M_FC2swBKhY

ческой промышленности почти на 8%²⁷. Кроме того, как отмечалось выше, торговая статистика – лишь один (и вовсе не основной) показатель уровня партнерства. В российско-китайском торгово-экономическом взаимодействии происходят гораздо более значимые сдвиги. Эти сдвиги как раз и говорят о коренном изменении психологии российских элит, позволившем двустороннему сотрудничеству распространиться на такие сферы, которые раньше для него были закрыты.

Приблизительно те же аргументы приводятся и в комментарии агентства «Синьхуа» от 27 января 2016 г., полностью посвященном резкой критике тех, кто, ссылаясь на снижение показателей торговли, утверждает, что двусторонние отношения в целом идут на спад. Между тем, согласно комментарию, «за три года Россия стала страной, визиты Си Цзиньпина в которую принесли наиболее значимые плоды»²⁸.

В упомянутом выступлении С.С. Воскресенский выделил несколько знаковых российско-китайских сделок, заключенных в 2015 г., о которых стоит рассказать подробнее.

1. Экспортный проект по сжижению природного газа «Ямал СПГ», в который были привлечены китайские инвестиции в размере 700 млн евро. Договоренность о продаже фонду «Шелковый путь» 9,9%-й доли в «Ямал СПГ» была достигнута во время визита премьер-министра Д.А. Медведева в Китай в декабре 2015 г. При этом 20% «Ямал СПГ» уже принадлежит Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC).

2. Соглашение о покупке 10%-й доли в крупнейшей российской газоперерабатывающей и нефтехимической группе СИБУР Китайской нефтехимической корпорацией (*Sinopet Group*). Китайские инвестиции составили 1,338 млрд долл., что сделало Sinopet стратегическим инвестором. При этом предполагается, что в течение трех лет *Sinopet* купит еще 10% акций СИБУРа²⁹.

3. Консорциум частных инвестиционных китайских фондов купил 13,3% в забайкальском Быстринском ГОК у ГКМ «Норильский никель»³⁰. И хотя сумма сделки здесь не столь велика (100 млн долл.),

---

²⁷ Там же.

²⁸ Комментарий: Отношения китайско-российского партнерства устоят перед вызовами // Жэньминь жибао. 28.01.2016. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0128/c95181-9010535.html>

²⁹ Мордюшенко О. Китаю разрешили зайти в СИБУР // Коммерсантъ. 11.12.2015. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2876066>

³⁰ «Норникель» продал инвесторам из Китая 13,3% в золотомедном проекте за \$100 млн // ТАСС. 29.12.2015. URL: <https://tass.ru/ekonomika/2563649>

она важна, так как является первым случаем масштабных частных китайских инвестиций, причем инвесторы не претендовали на контрольный пакет.

Все эти соглашения, заключенные под самый конец года, свидетельствуют о том, что российские власти теперь поощряют китайские инвестиции в чувствительные секторы экономики, куда ранее они не допускались (достаточно вспомнить известную историю с недопуском той же *CNPC* к тендеру по продаже в 2002 г. российской доли в НГК «Славнефть»). Важно и то, что российский холдинг *En+ Group*, объединяющий алюминиевые, металлургические, энергетические, горнодобывающие и логистические компании О.В. Дерипаски, договорился с китайскими корпорациями *Centrin Data Systems* и *Huawei* о совместном строительстве нескольких центров по обработке данных (ЦОД) в Иркутске. Это соглашение было заключено во время визита президента В.В. Путина в Китай в сентябре 2015 г. Примечательно это потому, что, по данным СМИ, когда в январе 2005 г. во время совещания по проблемам высоких технологий в Новосибирске председатель Сибирского отделения Российской академии наук Н.Л. Добрецов предложил создать сибирский центр информационных технологий совместно с китайскими партнерами, В.В. Путин спросил его: «Зачем с Китаем?», призвал к аккуратности со стратегическим партнером и просил следить за тем, «чтобы эти зоны не превратились потом для китайцев в доступную такую... Ну понятно...»³¹. Изменение отношения здесь налицо.

Не выдерживает критики и аргумент о том, что китайские банки отказывают российским компаниям в кредитах. В начале 2016 г. Банк Китая (*Bank of China*) подписал соглашение с ОАО «Газпром» о предоставлении кредита в размере 2 млрд евро. Эта сделка – крупнейшая в истории «Газпрома». Ранее, в августе 2015 г., «Газпром» уже смог привлечь клубный кредит от консорциума азиатских банков на 1,5 млрд долл. Агентом по этой сделке выступил Строительный банк Китая (*China Construction Bank*)³². Начали выдавать китайские банки и менее крупные кредиты.

Сделаны серьезные шаги по устранению барьеров в торгово-экономическом сотрудничестве. Так, был подписан Протокол о вне-

---

³¹ Колесников А. Владимир Путин поработал на науку // Коммерсантъ. 12.01.2005. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/537896>

³² «Газпром» получил в китайском банке рекордный кредит // РБК. 03.03.2016. URL: <https://www.rbc.ru/business/03/03/2016/56d809049a7947167e8cb4a>

сении изменений в Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы от 13 октября 2014 г., целью которого является переориентация заемного капитала с евторынков в сторону азиатского рынка капитала³³.

Немаловажно и то, что уже после ухудшения отношений с Западом были заключены важнейшие российско-китайские контракты в области ВТС, согласно которым Китай получит самые современные виды российских вооружений. Так, согласно сообщениям СМИ, в начале осени 2014 г. был заключен контракт на поставку в Китай четырех дивизионов зенитных ракетных комплексов С-400 на сумму не менее 1,9 млрд долл. с доставкой в 2017 г. А через год была достигнута договоренность о продаже Китаю 24 истребителей СУ-35. И хотя ведущий российский эксперт по российско-китайскому ВТС В.Б. Кашин и утверждает, что эти контракты нельзя рассматривать как результат украинского кризиса, так как переговоры по ним начались еще в 2010–2011 гг., а «к 2014 г. многие спорные вопросы уже были решены»³⁴, все же ранее в России многие высказывались против продажи Пекину новейших российских вооружений. Очевидно, новые трудности с Западом снизили убедительность аргументов скептиков, и здесь, как и в случае с китайскими инвестициями в российский сырьевой сектор, они могли ускорить принятие давно назревавших решений.

Особый интерес представляет укрепление военного сотрудничества. В мае 2015 г. прошли ежегодные российско-китайские учения «Морское взаимодействие-2015». Однако интересно, что на этот раз они впервые проходили в Средиземном море. Маневры наделали много шума в западной прессе – Россию и Китай обвинили в создании нового военно-морского альянса, направленного против США и их союзников. Но главное, конечно, место учений, стремление показать совместное присутствие флотов двух стран в море, где со времени распада СССР привыкли доминировать ВМС государств НАТО. Кроме того, в 2015 и 2016 гг. китайские боевые корабли захо-

---

³³ Стародубцева И. Анализ изменений, внесенных в Соглашение между Правительством РФ и Правительством Китая об избежании двойного налогообложения // RosCo. 07.06.2015. URL: <https://rosco.su/press/analiz-izmeneniy-vnesennykh-v-soglashenie-mezhdu-pravitelstvom-rf-i-pr/>

³⁴ Кашин В. Зачем Китай купил у России новые истребители? // Московский центр Карнеги. 02.06.2016. URL: <https://carnegie.ru/commentary/62640>

дили в российский черноморский порт Новороссийск, расположенный неподалеку от Крыма. А в сентябре 2016 г. учения «Морское взаимодействие–2016» прошли уже в Южно-Китайском море, т.е. там, где у Китая больше всего проблем с США.

Очевидно, что, несмотря на некоторое несовпадение российской и китайской позиций как по Крыму, так и по островам Южно-Китайского моря, военные двух стран демонстрируют взаимную поддержку и стремление к сотрудничеству, которое, как ясно разъяснил российский заместитель министра обороны РФ А.И. Антонов, обусловлено общими вызовами и угрозами. По его словам, во время визита в КНР С.К. Шойгу в мае 2015 г. «китайские коллеги подчеркнули совпадение общих позиций по проблеме вызовов и угроз. Они отметили необходимость перестройки нынешнего миропорядка, отхода от двойных стандартов и упрочения равноправных и взаимовыгодных отношений в мире»³⁵.

Таким образом, противостояние России и Запада создает почву для глубинного поворота России к Китаю, созданию как его физической инфраструктуры, так и культурно-образовательной основы. Но главный поворот осуществляется в сознании российских чиновников и бизнесменов. Они все больше понимают, что перспектив восстановления и тем более расширения сотрудничества с Западом нет. Духовный и ценностный разрыв увеличивается, перспективы разрешения украинского конфликта не просматриваются, доверие к Западу как надежному партнеру подорвано. Всех этих проблем нет при сотрудничестве с Китаем. И хотя существуют другие – необычность китайской культуры и психологии, трудности отказа от налаженных связей с Европой, языковые сложности и т.п., – все эти проблемы представляются гораздо меньшими и гораздо более легкопреодолимыми.

Возможные проблемы

Все вышесказанное не означает, что в России не видят сложностей в сотрудничестве с Китаем. Ни у правительства, ни в экспертном сообществе нет в отношении партнера никаких иллюзий. Мало кто в России считает, что Пекин, вдруг преисполнившись альтруизма, начнет за свой счет спасать Россию, если она окажется в сложном

---

³⁵ Россия и Китай расширяют военное сотрудничество против общих угроз // Телеканал «Звезда». 11.05.2015. URL: <http://tvzvezda.ru/news/forces/content/201505111109-4uqh.htm>

финансовом положении, или развивать сотрудничество в ущерб себе. Напротив, считается совершенно естественным, что Пекин отстаивает собственные интересы, порой жестко. Как при переговорах о поставке нефти, так и газа шел долгий торг относительно условий и цены. В России понимают, что слишком сильная зависимость от Китая как от монопольного покупателя может создать для нее проблемы. Такие проблемы уже возникали, например, в 2003 г. с Турцией, которая потребовала снизить цену на поставляемый газ уже после пуска трубопровода «Голубой поток». В случае переключения импортных поставок значительных объемов сельскохозяйственной продукции из-за российских контрсанкций из Европы на Китай может увеличиться товарооборот, но возрастет и зависимость России от китайского рынка. Отдают себе отчет в Москве и в том, что у Китая собственные отношения с Западом, сотрудничество с которым ему необходимо для развития экономики. Пекин не будет подрывать их ради российских интересов. Бурно развивающийся и политически отличный Китай представляет определенный вызов для экономически стагнирующей России. В России видят и то, что новая китайская внешнеполитическая активность порой вызвана ростом национализма внутри страны, в том числе в армии.

Все это понимают в Москве, и при иных обстоятельствах, возможно, она выступала бы за более сдержанную политику. В российском руководстве и элите всегда существовало различие подходов к Китаю и Западу. Все еще сильна группировка, выступающая за сохранение более тесных отношений с США и ЕС. Она состоит из трех подгрупп: постгайдаровский блок в правительстве и близких к нему кругах; коррумпированные чиновники и близкие к ним бизнесмены, обладающие крупными активами и недвижимостью в Европе и США; представители бизнес-элиты, имеющие серьезные деловые интересы на Западе (на практике часто представители этих подгрупп пересекаются). Другая группа выступает за более жесткий курс в отношении Запада и более активное развитие евразийской интеграции и связей с государствами Азии. Президент В.В. Путин маневрирует между двумя крайностями, стараясь не порвать полностью связи с Западом (необходимые для российской экономики), но одновременно развивая интеграцию на постсоветском пространстве и сотрудничество с Азией (особенно с Китаем, но также с Южной Кореей, Индией, Ираном, Турцией, государствами АСЕАН). В.В. Путин, вероятно, действительно считает Россию неотъемлемой частью боль-

шой Европы (о чем он неоднократно заявлял), однако частью независимой, неподчиненной евроатлантическому политическому центру, с интересами которой считаются. Для обеспечения этой независимости он прилагает большие усилия для диверсификации внешнеполитических и внешнеэкономических связей страны, в том числе в евразийском и китайском направлениях.

Антироссийский курс Запада серьезно ослабил позиции прозападной группы и укрепил влияние их оппонентов. Смягчение этой политики, например, путем отмены санкций (что в обозримом будущем крайне маловероятно) в какой-то мере смягчит и политику России, приведет к усилению «прозападной» группировки и восстановлению части разрушенных связей. Но полного возврата к доукраинскому состоянию все равно не произойдет. Во-первых, наращенные связи с Китаем и другими государствами Азии имеют необратимый характер, и от выгодных контрактов с китайскими партнерами никто отказываться не будет. Во-вторых, доверие к западным партнерам серьезно подорвано, вряд ли кто-то захочет заключать многомиллионные контракты с компаниями государств, которые в любой момент могут своими политическими решениями принести ему серьезные убытки. В-третьих, принципиально изменилось общественное мнение: большая часть россиян стала считать США и государства ЕС враждебными и желающими нанести ущерб России.

Общая стратегия России в ближайшие пять-десять лет будет определяться сочетанием вышеперечисленных факторов и соотношением сил различных группировок в руководстве, но в целом значительное укрепление и углубление отношений с Китаем неизбежно. Враждебная политика Запада не оставляет альтернативы. Расширение НАТО на Восток, приближение военных структур этой организации к российской границе в сочетании с поддержкой антироссийских радикалов на Украине, приход которых к власти был активно поддержан Западом только потому, что они обещали вывести Украину из сферы российского влияния, – все это представляется Москве реальной и непосредственной угрозой самому существованию России. В условиях политики экономического шантажа, угроз и нескрываемого желания заставить Россию изменить свои позиции по международным вопросам, которые она считает правильными, Москве не остается ничего, кроме как поворачиваться к Азии, прежде всего Китаю. Больше того, можно сказать, что санкции в этом смысле сыграли весьма позитивную роль, так

как стимулировали этот давно назревший процесс, который до сих пор тормозился инертными элитами, привыкшими к западной ориентации.

Вызовы со стороны Китая в сегодняшней ситуации представляются российским элитам гораздо менее серьезными, чем со стороны Запада. Они могут быть компенсированы за счет активного развития как экономического, так и политического сотрудничества с другими государствами Азии, в том числе и соседями Китая, а также путем искреннего обмена мнениями с самой китайской стороной, которая, исходя из духа сотрудничества, часто учитывает российские пожелания и опасения.

В целом в настоящее время восстановление перспективы полномасштабного сотрудничества России с Западом не просматривается, так как взаимное непонимание слишком велико. Видение мира Западом и Россией все больше расходится. В этой ситуации России нужно стремиться к какому-то варианту «мирного сосуществования». Этот советский термин подразумевает следующее: 1) концептуальные вопросы не обсуждаются, так как это только приводит к углублению разногласий, и каждый все равно остается при своем мнении; 2) обсуждаются только вопросы ухода от вооруженной конфронтации (например, условия прекращения огня на Украине, вопросы мер доверия в военной области, сокращения вооружений и т.п.). Возможно сотрудничество по международным проблемам, которые представляют угрозу как России, так и Западу (например, международный терроризм); 3) ведутся прагматические переговоры по взаимовыгодному торгово-экономическому сотрудничеству, причем избегаются долгосрочные проекты, которые могут быть использованы для политического давления.

Такая система отношений уже давно (по крайней мере с конца 70-х годов XX в.) существует между Западом и Китаем. В отношении Китая до сих пор действуют некоторые из санкций, принятых Западом в 1989 г. Идеологические дискуссии между сторонами бесполезны – по концептуальным вопросам (например, о сущности и перспективах демократии) делают только односторонние заявления. Это не мешает широкомасштабному торгово-экономическому сотрудничеству, хотя и в нем немало проблем. Это также не мешает взаимодействию по ряду международных проблем, хотя по некоторым другим существуют серьезные разногласия и часты взаимные обвинения. Альтернативой «мирному сосуществованию» будет новая холодная война, периодически перерастающая в вооруженные

конфликты по границе зоны российских стратегических интересов (типа украинского), а также в некоторых других регионах мира, где сохраняется российское влияние.

В отношении Китая у России нет альтернативы наращиванию сотрудничества по всем направлениям. Угроза от Запада на сегодняшний момент реальна, а от Китая никакой угрозы не исходит. Возможные вызовы будущего должны учитываться и по возможности смягчаться.

Что же касается возможных вызовов и угроз, которые могут быть порождены ростом китайской мощи и роли национализма в его внешней политике, то здесь можно было бы предложить следующее.

1. Диверсификация азиатской политики. Развитие отношений России с Азией не должно замыкаться на Китае, торгово-экономическое сотрудничество необходимо ускоренно развивать с другими крупными державами региона, в том числе и с теми государствами, в отношениях с которыми у Китая имеются проблемы, – с Индией, Японией, Республикой Корея, Вьетнамом, Индонезией, Таиландом, Ираном, Турцией и др.

2. Восстановление традиционных связей. Так как развитие сотрудничества с союзниками США в Азии в настоящее время затруднительно, особый упор необходимо делать на восстановление традиционных связей с бывшими союзниками и геополитическими «друзьями» – Вьетнамом, Индией, Ираном. Возможно и более тесное политическое взаимодействие с КНДР, которая находится под слишком большим влиянием Пекина, хотя в экономическом плане это мало что даст.

3. Откровенное обсуждение российских опасений с китайским руководством.

4. В экономическом плане необходим курс на продолжение интеграции экономик двух стран. Такая интеграция создаст взаимную, а не одностороннюю зависимость, при которой обострение отношений будет невыгодно как Китаю, так и России.

Российско-китайское сближение коренным образом изменит геополитическую карту мира и сильно видоизменит парадигму его развития, в рамках которой Запад действовал весь период после краха СССР. Как точно заметил Д.В. Тренин, на наших глазах вместо провозглашенной тогдашними лидерами Запада и М.С. Горбачевым «Большой Европы» от Лиссабона до Владивостока начинает складываться «Большая Азия», а точнее, Большая Евразия от Донецка до

Шанхая³⁶. Основой этого объединения, кроме российско-китайского стратегического партнерства, будет целый ряд международных организаций и групп, каждая из которых проявляет все большую активность и расширяется на фоне украинского кризиса. Это ШОС, ЕАЭС, ОДКБ.

В подписанном 8 мая 2015 г. во время визита Председателя КНР в Россию «Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути» сказано, что стороны «будут налаживать совместную работу в двусторонних и многосторонних форматах, прежде всего на площадке Шанхайской организации сотрудничества»³⁷. В то же время этот документ ставит перед ШОС серьезные вопросы. Необходимо выработать конкретные механизмы взаимодействия ЕАЭС и инициативы ЭПШП с ШОС. Над этим сейчас работают российские и китайские эксперты. В России, в частности, над проектом такого взаимодействия работают эксперты Валдайского клуба. Согласно их предложениям, ШОС должна стать рамочной структурой для организации взаимодействия стран, участвующих в проекте сопряжения ЭПШП и ЕАЭС, с другими крупными евразийскими государствами, прежде всего с Индией, Пакистаном и Ираном, которые либо уже стали полноправными членами ШОС, либо могут ими стать в ближайшем будущем. В этом случае роль ШОС значительно повысится, и особенно укрепитя ее экономическая составляющая.

Немаловажную роль будет играть и все более активизирующаяся БРИКС. Роль этого объединения изначально заключалась в продвижении реформы международной финансовой системы. Столкнувшись с решительным сопротивлением со стороны Запада стремлению государств БРИК получить большее влияние в МВФ и Всемирном банке, БРИКС пришлось создавать собственные финансовые институты: пул валютных резервов и Новый банк развития. Сегодня БРИКС все более расширяет свою деятельность и может рассматриваться как основной двигатель реформирования системы глобально-

---

³⁶ Trenin D. From Greater Europe to Greater Asia...

³⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути» // Официальный сайт Президента России. 08.05.2015. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971>

го управления в целом, которая членами группы рассматривается как отвечающая лишь интересам Запада.

Все эти и другие группы и институты со временем и составят систему Большой Евразии. Концепция Большой Евразии зародилась в российских экспертных кругах в 2015 г., после того как стала ясна необратимость ухудшения отношений с Западом в связи с украинским кризисом³⁸.

Эти идеи были обобщены в некоторых докладах и рекомендациях, составленных экспертами Валдайского клуба и Высшей школы экономики для руководства страны. Они были транслированы В.В. Путиным в его выступлении и интервью на Санкт-Петербургском экономическом форуме в июне 2016 г. Российский президент назвал зарождающуюся систему более осторожно: «Евразийское партнерство». Он рассказал, что накануне обсуждал этот проект с президентом Казахстана Н. Назарбаевым, которого назвал автором его идеи. В.В. Путин отметил, что более 40 государств и международных организаций выразили желание создать ЗСТ с ЕАЭС, и высказал мнение, что ЕАЭС «может стать одним из центров формирования более широкого интеграционного контура». Он предложил «подумать о создании большого Евразийского партнерства с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у нас уже сложились тесные отношения: Китай, Индия, Пакистан, Иран», и государств СНГ, других заинтересованных государств и объединений³⁹.

Предложения Путина были закреплены в российско-китайской декларации, подписанной лидерами двух стран во время визита российского президента в Китай в июне 2016 г. В ней стороны подчеркнули первостепенное значение, придаваемое ими реализации российско-китайской договоренности о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути, а также выступили за создание «евразийского всеобъемлющего партнерства, основанного на принципах открытости, транспарентности и учета взаимных интересов, в том числе с возможным подключением стран – членов ЕАЭС,

---

³⁸ Trenin D. From Greater Europe to Greater Asia...; Lukin A. Russia, China and the Emerging Greater Eurasia // ASAN Forum. 2015, August 18. URL: <https://theasanforum.org/russia-china-and-the-emerging-greater-eurasia/>

³⁹ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Официальный сайт Президента России. 17.06.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>

ШОС и АСЕАН». Правительствам двух стран было поручено разработать меры по реализации этой инициативы⁴⁰.

В ноябре 2016 г. во время визита в Россию китайского премьера Ли Кэцяна российский премьер Д.А. Медведев сообщил, что Россия продолжает работать над формированием всеобъемлющего евразийского партнерства с Китаем, которое предполагает подключение государств Евразийского союза и ШОС. По словам Д.А. Медведева, Россия и Китай провели «совместное исследование того, на чем должно строиться партнерство», его «результаты были обсуждены и одобрены в ходе встречи с Ли Кэцяном», и экспертам двух стран «было поручено приступить к разработке экономического обоснования проекта»⁴¹.

В прессе и экспертной литературе все же распространилось название «Большая Евразия». Так, согласно С.А. Караганову, «Россия и Китай официально и совместно выдвинули концепцию партнерства или сообщества Большой Евразии. Это – общее поле экономического, логистического, информационного сотрудничества, мира и безопасности от Шанхая до Лиссабона и от Дели до Мурманска». По его мнению, причиной этого стал кризис миропорядка, который Запад пытался навязать с 1990-х годов. Этот кризис «был мощно подстегнут с 2010-х годов, когда Россия жестко, а Китай, другие новые лидеры помягче, но вполне открыто стали ломать его как несправедливый, невыгодный им и опасный для мира, к тому же и так оказавшийся нерабочим. Новые начали предлагать и альтернативы»⁴².

Согласно высказыванию вице-президента Китайской академии международных проблем Жуань Цзунцэ: «Выдвижение инициативы „Один пояс, один путь“ оказало значительное влияние на Россию, в России также обдумывают, как осуществлять сопряжение. В выдвинутых недавно Путиным предложениях по созданию партнерства в Большой Евразии есть некоторые совпадения с „Один пояс, один путь“. По сути, они создают возможность сотрудничества

---

⁴⁰ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Официальный сайт Президента России. 25.06.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100>

⁴¹ Медведев: Россия формирует евразийское партнерство с Китаем // РИА Новости. 16.11.2016. URL: <https://ria.ru/east/20161116/1481497327.html>

⁴² Караганов С.А. С Востока на Запад, или Большая Евразия // Россия в глобальной политике. 25.10.2016. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/s-vostoka-na-zapad-ili-bolshaya-evraziya/>

Китая и России в евразийском материковом регионе, расширяют пространство китайско-российского сотрудничества». По мнению Жуань Цзунцзэ, концепцию «Большого Евразийского партнерства» надо рассматривать как результат неизменного российского стремления улучшить стратегическую среду путем постоянного совершенствования своей общей стратегии, что в разное время выразилось в выдвигании таких проектов, как «Транспортный коридор Север–Юг» и ЕАЭС⁴³.

Каковы же основные черты Большой Евразии, заявленные авторами идеи?

1. Некое новое международное единство, которое можно назвать Большой Евразией, складывается на основе российско-китайского сближения, а также проекта сопряжения ЕАЭС и ЭПШП.

2. В этом процессе большую роль призваны сыграть другие незападные международные организации и группы, прежде всего ШОС, АСЕАН, БРИКС.

3. Большая Евразия – пока не организация и даже не группа. Это некое партнерство, складывающееся на основе общих интересов незападных государств.

4. Существует два типа сближающих интересов: политические и экономические. Политические интересы связаны с опасениями в отношении однополярного мира, в котором диктаторскую роль пытаются играть США и их союзники, не уважающие интересы других стран, а часто и их суверенитет. В этом отношении в Большой Евразии складывается принципиально иное отношение к мировой политике: соблюдение норм международного права, как оно сложилось после Второй мировой войны, ведущей роли ООН и ее Совета Безопасности, уважение различных культурных традиций и сложившихся на их основе политических систем, плюрализм и демократия не только внутри страны, но и в международных отношениях. Эти принципы весьма близки к принципам «мирного сосуществования», высказывавшимся развивающимися странами еще на конференции в 1955 г. в Бандунге, или так называемому «Шанхайскому духу» ШОС.

5. Второй тип интересов – экономический. Здесь возможно создание широкого экономического партнерства. Его основой станет

---

⁴³ 习近平与俄罗斯总统普京在会谈中制定了大欧亚伙伴关系 [Си Цзиньпин и российский президент Путин на переговорах сформулировали партнерские отношения в Большой Евразии] // Ифэн. 27.06.2016. URL: https://news.ifeng.com/a/20160627/49247845_0.shtml

сопряжение ЕАЭС и ЭПШП, усиление экономической составляющей ШОС после вступления в нее Индии и Пакистана, а в перспективе – Ирана. В перспективе возможно создание широкой зоны свободной торговли (ЗСТ). Важно, что в 2016 г. Россия и Китай уже выступили с инициативой создания двусторонней ЗСТ, такие зоны уже созданы между Китаем и рядом стран АСЕАН, а также в рамках ЕАЭС. Впоследствии может произойти расширение всех этих зон или даже их соединение, возможно, на основе продвигаемого Китаем и АСЕАН Регионального всестороннего экономического партнерства (РВЭП). Важным экономическим интересом является и создание новых транспортных маршрутов в рамках проекта сопряжения через Центральную Азию в Европу, а также в рамках инициативы «Морского Шелкового пути», связывающего Евразию с государствами АСЕАН.

6. Большая Евразия будет открытым партнерством для всех, в том числе и для Европы. Европейские страны или ЕС как организация вполне смогут к нему подключиться, если они готовы будут придерживаться его плюралистических принципов. Интерес, который государства Европы проявляют к инициированному Китаем Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ), проекту ЭПШП, а в последнее время и к ЕАЭС, показывает, что такой вариант не исключен. Однако теперь новая евразийская система будет строиться не с центром в Европе и с условием принятия всеми так называемых «европейских ценностей», но с центром в Евразии и на основе плюрализма и многополярности.

Сегодня концепция Большой Евразии еще только разрабатывается. Ее четкие контуры нигде не сформулированы. Над ее разработкой работают эксперты многих стран, прежде всего в России и Китае. Они отмечают и многие трудности на пути ее создания: деструктивную политику США, международный терроризм, различие интересов и несогласованность между крупными игроками и организациями Евразии. Однако глобальные тенденции благоприятствуют созданию Большой Евразии, и этот процесс уже становится необратимым.

Государства Большой Евразии не будут связаны союзническими отношениями, как США и их европейские сателлиты. Некоторые из них могут относиться к различным центрам силы. Однако в целом они будут составлять некое единство, объединенное коренными интересами. Именно такое демократическое единство Большой Европы не смогли создать США и их союзники. Пытаясь подчинить всех

своему жесткому диктату, они присоединили к системе своих союзов большую часть Восточной Европы, но потеряли Россию, Центральную Азию, все более антагонизируют Китай и Индию, заставляя их двигаться все ближе друг к другу, даже несмотря на значительные противоречия. Для кого это удача, а для кого – поражение, покажет будущее.

Часть 4

**РОССИЯ
В ВОСТОЧНОЙ
АЗИИ**

Российские приоритеты и подходы к решению проблем Корейского полуострова

Опубликовано в журн.: Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 3. С. 1–27. –
В соавт. с О.С. Пугачевой

Корейский полуостров и внешняя политика России в Азиатско-Тихоокеанском регионе

У России есть два основных интереса относительно Корейского полуострова, о чем неоднократно заявляли российские официальные лица. Во-первых, Россия не заинтересована в появлении оружия массового уничтожения где-либо в мире и меньше всего у своих границ. Поэтому Россия последовательно придерживается позиции сохранения международного режима ядерного нераспространения, в том числе недопущения нуклеаризации Корейского полуострова.

Во-вторых, Россия опасается вспышки военных действий в Корее. На это есть причины. Такая война была бы настоящей катастрофой вблизи российских границ, чреватой радиоактивным заражением местности, потоками беженцев на российский Дальний Восток, значительно затруднила бы реализацию российской стратегии развития дальневосточных регионов страны.

Политика России в отношении Корейского полуострова и Северо-Восточной Азии не может быть понята в отрыве от ее общей стратегии в Азии, в частности российского «поворота на Восток»¹. В рамках усиления азиатского азимута своей внешнеполитической активности Россия проводит курс на укрепление своих позиций в АТР. Вместе с тем, по словам заместителя министра иностранных дел РФ И.В. Моргулова, «Россия не занимается выстраиванием под себя „баланса сил“, а нацелена на развитие такой системы межгосу-

---

¹ Lukin A.V. Pivot to Asia: Russia's Foreign Policy Enters the 21st Century. New Delhi: Vij Books India Pvt Ltd, 2017.

дарственных отношений в регионе, которая сама стала бы залогом стабильности и всеобщего процветания»².

В 2013 г. Россия выступила инициатором диалога по архитектуре региональной безопасности под эгидой Восточноазиатского саммита (ВАС) и с тех пор работает на площадке ВАС в направлении совершенствования архитектуры безопасности в этом регионе³. Россию не может не беспокоить тот факт, что напряженная ситуация на Корейском полуострове используется для наращивания военной активности государств региона и США и ведет к эскалации гонки вооружений. Эта тенденция рассматривается как угроза безопасности России. По словам российского министра иностранных дел С.В. Лаврова, одним из проявлений этой угрозы являются «планы США развернуть на территории Японии и на территории Республики Корея системы противоракетной обороны и ракеты наземного базирования средней и меньшей дальности, которые были запрещены разрушенным американцами договором»⁴.

По мнению Москвы, Россия сталкивается с попытками недоброжелателей оставить ее «за бортом региональных проектов, оттеснить от участия в формировании региональной архитектуры, которое идет полным ходом»⁵, и последовательно выступает за комплексное решение проблем Корейского полуострова, включая ядерную, дипломатическим путем на многосторонней основе в формате шестисторонних переговоров, который, как полагают многие российские эксперты по Корее, в наибольшей степени отвечает российским интересам⁶.

---

² Моргулов И. Восточная политика России в 2016 г.: результаты и перспективы // *Международная жизнь*. 2017. № 2. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1799>

³ Интервью заместителя министра иностранных дел России И.В. Моргулова информационному агентству «Интерфакс», опубликованное 14 декабря 2018 г. // МИД РФ. 14.12.2018. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1580252/

⁴ Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2020 году, Москва, 18 января 2021 г. // МИД РФ. 18.01.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1414102/

⁵ Там же.

⁶ Денисов В.И. Россия и Корейский полуостров в новой международной ситуации // *Международная аналитика*. 2015. № 1. С. 39–48; Толорая Г. Корейское замирение: что делать России? // РСМД. 24.09.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koreyskoe-zamirenje-chto-delat-rossii/>; Дьячков И.В. Ядерная проблема Корейского полуострова в 2019 г.: вызо-

КНДР в системе российских приоритетов в регионе и позиция России по вопросу объединения Кореи

Оба корейских государства крайне важны для России. Они являются неотъемлемой частью Восточной Азии, сотрудничество со странами которой необходимо нашей стране для решения одной из ее стратегических задач – развития собственных азиатских регионов. Они расположены в непосредственной близости от российских границ и играют важную роль в геополитическом раскладе сил в регионе. Наконец, ядерная проблема Корейского полуострова (ЯПКП) – один из острейших вопросов мировой политики, и Россия играет важную роль в поисках подходов к его решению. В силу перечисленных обстоятельств Россия считает необходимым проведение сбалансированной, равноудаленной и добрососедской политики в отношении обоих корейских государств⁷.

Что касается возможного объединения Кореи, то официальная позиция России заключается в поддержке создания единой демократической Кореи, сценарий объединения которой и то, каким путем оно произойдет, должны решить сами корейцы⁸. Пожалуй, наиболее четко данную позицию выразил в 2011 г. тогдашний посол России в Южной Корее К.В. Внуков: «Дело в том, что ситуация на Корейском полуострове напрямую влияет на безопасность российских граждан, проживающих в соседних регионах Дальнего Востока, влияет на планы масштабного бурного развития этих территорий России. Кстати, с этой точки зрения создание в будущем демократической, процветающей и дружественной к нам объединенной Кореи полностью отражает политические и экономические интересы России»⁹.

Российское руководство исходит из того, что объединение Кореи должно происходить мирно, без разрушительных последствий и с

вы для региона и России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 184. С. 201–208.

⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // МИД РФ. 01.12.2016. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/

⁸ Lukin A.V. Russia's Policy in Northeast Asia and the Prospects for Korean Unification // International Journal of Korean Unification Studies. 2017. Vol. 26. No. 1. P. 1–19.

⁹ Speech of the Ambassador of the Russian Federation, H.E. Mr. K. Vnukov at the Diplomat's Roundtable // The Embassy of the Russian Federation to the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. 2011. May 29. URL: <http://russian-embassy.org/en/?p=591>

учетом интересов обоих корейских государств, являющихся членами ООН¹⁰. Для России сохранение мира и стабильности являются условиями возможного объединения Кореи¹¹.

По мнению авторов, как корейский народ, так и Россия только выиграют, если превратившийся в наследственную монархию пережиток тоталитаризма сталинского типа, по иронии истории сохранившийся на севере Кореи, исчезнет, будь то под международным давлением или по внутренним причинам. Объединенная Корея будет гораздо более крупной и, следовательно, независимой страной, так как исчезнет главная угроза ее безопасности, и союз с США уже не будет иметь такого значения (хотя, возможно, и будет сохранен из-за фактора Китая). Россия сможет спокойно, не опасаясь ядерных катастроф, развивать с ней торгово-экономическое сотрудничество, как сейчас она это успешно делает с Южной Кореей – одним из главных своих азиатских партнеров. Это будет важно как само по себе, так и с точки зрения необходимости диверсификации сотрудничества в Восточной Азии, с тем чтобы уйти от чрезмерной экономической зависимости от мощного Китая.

Вместе с тем российская политика в отношении КНДР и РК исходит из реального положения вещей – сохранения двух корейских государств в обозримой перспективе¹². Большинство российских экспертов считают, что воссоединение Кореи – это перспектива далекого будущего. Во-первых, как южнокорейское, так и северо-корейское руководство используют националистические лозунги в целях пропаганды для решения тактических, по большей части внутриполитических, задач. Фактически же Сеул и Пхеньян опасаются объединения из-за его экономических и социальных последствий¹³.

---

¹⁰ Путин В.В. Интервью южнокорейской телерадиокомпании KBS // Официальный сайт Президента РФ. 12.11.2013. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19603>

¹¹ Толорая Г.Д. Россия и проблемы Корейского полуострова на современном этапе // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 37. С. 88.

¹² Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В. Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020). М.: Просвещение, 2021. С. 6–7; Денисов В.И. Россия и Корейский полуостров в новой международной ситуации // Международная аналитика. 2015. № 1. С. 39–48.

¹³ Хамутаева С.В. Проблема объединения Кореи в российской историографии // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2010. № 8. С. 252–255; Lukin A.V. Russia's Korea Policy in the 21st Century // International Journal of Korean Unification Studies. 2009. Vol. 18. No. 2. P. 43–46; Ланьков А.

Во-вторых, отмечается, что Китай, являющийся основным партнером России в регионе, вряд ли захочет потерять «социалистического» союзника и получить на его месте довольно сильного экономического и геополитического конкурента¹⁴, возможно к тому же сохранившего союзнические отношения с США. Кроме того, большинство российских корееведов убеждены в устойчивости северокорейского режима, основными факторами которой являются единство руководства КНДР по ключевым вопросам внутренней и внешней политики, равно как и стабилизирующая роль Китая¹⁵.

В этих условиях российский подход состоит в том, что необходимо снять озабоченности Пхеньяна в области безопасности и угрозы суверенитета и способствовать выходу КНДР из изоляции, что создаст условия для внутренних экономических и политических изменений. Россия не поддерживает смены режима в КНДР и выражает понимание озабоченностей Пхеньяна. В июле 2019 г. В.В. Путин заявил, что «надо с уважением отнестись к законным озабоченностям Северной Кореи в смысле обеспечения ее безопасности»¹⁶. Посол России в КНДР А.И. Мацегора пояснял, что отличие российского подхода от американского состоит в том, что американцы думают, что северокорейскую ракетно-ядерную проблему можно решить путем экономического удушения КНДР и изменения ее политического строя. Он подчеркнул, что если Вашингтон преследует цель смещения политического режима Ким Чен Ына, то Москве с ним не по пути¹⁷.

Относительно мягкая политика России в отношении КНДР обусловлена, во-первых, тем, что России не выгодна нестабильность на ее восточной границе. Во-вторых, в правительственных и эксперт-

---

Цугцванг Пхеньяна. Почему Северная Корея не пойдет китайским путем // Россия в глобальной политике. 2013. № 2. С. 187–197.

¹⁴ Лузянин С.Г. Кому нужна единая Корея? // Радио «Голос России». 16.08.2010. URL: <http://rus.ruvr.ru/2010/08/16/15981397/>

¹⁵ Кирьянов О. Объединение Кореи будет выгодно всем соседним державам // Российская газета. 17.09.2014. URL: <https://rg.ru/2014/09/17/obyedineniye-site.html>

¹⁶ Путин В.В. Интервью газете The Financial Times // Официальный сайт Президента России. 27.06.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60836>

¹⁷ Интервью Посла России в КНДР А.И. Мацегоры информгентству «Россия сегодня», 14 апреля 2017 г. // МИД РФ. 17.04.2017. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/journalist_help/mass_media/1545511/

ных кругах укоренилось убеждение о важности для России поддержания хороших отношений с руководством КНДР¹⁸. Это позволяет ей играть более значимую роль в корейском урегулировании и дает возможность участвовать в выстраивании системы безопасности в Северо-Восточной Азии. В-третьих, Россия заинтересована в реализации трехсторонних экономических проектов в формате Россия – КНДР – РК, что внесло бы вклад в развитие российских дальневосточных регионов и способствовало бы повышению вовлеченности России в экономические связи в АТР.

Кроме того, к факторам, влияющим на политику России в отношении КНДР, можно отнести наличие общего политического оппонента на международной арене – США, а также фактор Китая, стратегические связи с которым вышли на новый уровень всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия¹⁹. Так, как правило, ухудшение отношений с Западом повышало значение КНДР в российских внешнеполитических расчетах и сопровождалось потеплением отношений между Москвой и Пхеньяном²⁰. В последние годы, с усилением антироссийской политики США и Запада в целом, в России укрепляются позиции тех, кто считает, что в этих условиях возрастает роль Северной Кореи как партнера в геополитическом противостоянии США. Если ранее такой линии по идеологическим причинам придерживались в основном российские коммунисты и их сторонники, то после введения Западом антироссийских санкций ее стали более активно поддерживать все большее количество влиятельных экспертов по Корее²¹.

Фактор Китая, с одной стороны, также способствует укреплению российско-северокорейских отношений. КНДР приобретает большое значение для России, создавая дополнительную возможность диверсифицировать свою азиатскую внешнюю политику. Это может позволить ей действовать более автономно как в треугольни-

---

¹⁸ Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В. Современная Корея: метаморфозы... С. 342.

¹⁹ Картунов А.В., Кузьмина К.А., Теркина Д.А., Лю Фэнхуа, Сунь Чжуанчи. Стратегическое взаимодействие России и Китая: значимость и сущность // РСМД. 2020. № 28. С. 1–17.

²⁰ Асмолов К.В., Захарова Л.В. Отношения России с КНДР в XXI веке: итоги двадцатилетия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. № 3. С. 598.

²¹ Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В. Современная Корея: метаморфозы... С. 336–337, 342.

ке Россия–КНДР–Китай, так и с другими участниками корейского урегулирования. Поэтому России выгодно сбалансировать китайское влияние в Северной Корее. С другой стороны, при условии дальнейшего сближения с Пекином и сохранения конфронтационных отношений с США и Западом Россия может столкнуться с ограничением возможностей маневрировать в корейском вопросе, так как будет вынуждена принимать во внимание базовые интересы безопасности Китая, влияние которого на полуострове значительно выше российского²².

Ряд авторов полагают, что уже сейчас Россия зачастую вынуждена следовать в фарватере китайской политики в отношении Корейского полуострова²³. Повышение координации Россией своей северо-корейской политики с Китаем стало особенно очевидным после украинского кризиса. В частности, Китай и Россия в тандеме выдвигали предложения по урегулированию на Корейском полуострове, например «дорожную карту» (2017) и российско-китайский «план действий» (2019).

Более того, для России принципиально важнее сохранить режим ядерного нераспространения, не допустив увеличение числа ядерных держав. Позиция России по ЯПКиП остается последовательной и однозначной – «Россия неизменно выступает за безъядерный статус Корейского полуострова и будет всемерно содействовать его денуклеаризации...»²⁴. 15 мая 2017 г. во время визита в Пекин Президент В.В. Путин подтвердил, что «мы категорически против расширения клуба ядерных держав, в том числе за счет Корейского полуострова, за счет Северной Кореи... Мы против и считаем это контрпро-

---

²² Лукин А.Л. Урегулирование ракетно-ядерного кризиса на Корейском полуострове: интересы России и перспективы многостороннего формата // Известия Восточного института. 2018. № 2. С. 32–40.

²³ Давыдов О.В. Проблемы Корейского полуострова и возможные пути их решения // Россия и АТР. 2018. № 3(101). С. 68–83; Gabuev A. Bad Cop, Mediator or Spoiler: Russia's Role on the Korean Peninsula // The Moscow Times. 2019. April 24. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2019/04/24/bad-cop-mediator-or-spoiler-russias-role-on-the-korean-peninsula-a65369>; Lukin A. Russia's Policy Toward North Korea: Following China's Lead // 38 North. 2019. December 23. URL: <https://www.38north.org/2019/12/alukin122319/>; Rumer E., Sokolsky R., Vladicic A. Russia in the Asia-Pacific: Less Than Meets the Eye // Carnegie Endowment for International Peace. 2020. September 3. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/09/03/russia-in-asia-pacific-less-than-meets-eye-pub-82614>

²⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.).

дуктивным, вредным и опасным»²⁵. Очевидно, что и после ухудшения отношений с США этот вопрос с повестки дня российской дипломатии не снимается. Это связано со следующими факторами.

Во-первых, Россия, как один из самых влиятельных членов ядерного клуба и крупная мировая держава, несет особую ответственность за поддержание международной безопасности и противостоит любым попыткам подрвать ее с помощью распространения оружия массового уничтожения (ОМУ). Во-вторых, Москва хорошо понимает, что страны, которые приобретают или могут приобрести ядерное оружие, прежде всего Иран и Северная Корея, являются ее соседями и их вступление в ядерный клуб создает прямую угрозу территории России. В-третьих, с учетом относительного уменьшения возможностей обычных вооружений России по сравнению со временами СССР, ядерное оружие становится для нее все более важным средством сдерживания. Более того, в условиях снижения, по сравнению с тем же периодом, экономического и политического влияния ядерный паритет с США остается единственным атрибутом сверхдержавы, ставящим Москву в один ряд с Вашингтоном. Распространение ядерного оружия и признание ядерного статуса КНДР способно повлечь за собой цепную реакцию в регионе, что значительно обесценивает роль и влияние России в мире.

Российский подход к урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова

Москва склонна возлагать ответственность за возникновение ядерной проблемы и последующее ее усугубление как на Пхеньян, так и на Вашингтон. При этом Россия исходит из необходимости придерживаться краеугольного принципа общей и неделимой безопасности – нельзя выстраивать собственную безопасность в ущерб безопасности своих соседей. Это относится как к США, так и к КНДР. С одной стороны, по мнению Москвы, США совместно с Южной Кореей проводят военные учения, зачастую не скрывая своей конечной цели – ликвидации политической системы КНДР, что равнозначно ликвидации северокорейской государственности, а также используют ядерную проблему КНДР как предлог для наращивания военной инфраструктуры в регионе. Тем самым они провоци-

---

²⁵ Путин В.В. Ответы на вопросы журналистов // Официальный сайт Президента России. 15.05.2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54499>

руют жесткую реакцию Пхеньяна. С другой стороны, появление ядерных возможностей у самой КНДР, по словам А.И. Мацегоры, сделало ситуацию в регионе гораздо опасней²⁶. Россия решительно осуждает испытание КНДР ядерных устройств и проведение запусков баллистических ракет, отмечая, что «ракетно-ядерная программа Пхеньяна грубо нарушает резолюцию Совета Безопасности ООН, подрывает режим нераспространения, создает угрозу безопасности в Северо-Восточной Азии»²⁷.

Москва выступает за урегулирование всего комплекса проблем Корейского полуострова, включая ядерную, исключительно мирным политико-дипломатическим путем. Российское руководство неоднократно заявляло, что альтернативы переговорному процессу для решения ракетно-ядерной проблемы нет. Поэтому Россия приветствовала снижение конфронтации и поддержала активизацию и развитие диалога между КНДР и Республикой Корея, а также КНДР и США в 2018–2019 гг.²⁸.

В целом Россия принимает в корейском урегулировании участие, соразмерное ее возможностям и ограничениям. Она стремится позиционировать себя беспристрастным, равноудаленным, хорошо информированным участником урегулирования ситуации на полуострове. Москва заявляет о твердом выполнении своих международных обязательств по резолюциям Совета Безопасности ООН, устанавливающим международный режим санкций в отношении КНДР в связи с разработкой последней ракетно-ядерных программ. Российские дипломаты находятся в постоянном контакте со всеми вовлеченными сторонами, включая США и КНДР. В апреле 2019 г. В.В. Путин встретился с лидером КНДР Ким Чен Ыном во Владивостоке, что многими было оценено как подтверждение значимой роли России в решении корейских проблем. При этом Россия по мере возможности способствует экономическому развитию КНДР в рамках нало-

---

²⁶ Интервью Посла России в КНДР А.И. Мацегоры информгентству «Россия сегодня», 14 апреля 2017 г.; Ответ официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопрос СМИ о ракетных пусках КНДР // МИД РФ. 26.03.2021. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1418522/

²⁷ Заявления для прессы по итогам переговоров с Президентом Республики Корея Мун Чжэ Ином // Официальный сайт Президента России. 06.09.2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55541>

²⁸ МИД России заявил об угрозе «апокалиптического» сценария на Корейском полуострове // Коммерсант. 27.11.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3479914>

женных международным сообществом ограничений и в соответствии с собственными интересами²⁹.

Не подвергая сомнению необходимость давления в ответ на желание КНДР обладать ядерным оружием, российское руководство убеждено, что решить проблемы Корейского полуострова одними лишь санкциями и давлением невозможно³⁰. При этом Россия пытается сделать давление «соразмерным северокорейскому поведению»³¹. Так, Россия выступает за поэтапное смягчение международных санкций в отношении КНДР по мере осуществления последних шагов по отказу от ракетно-ядерных разработок. С точки зрения Москвы, предпринятые Пхеньяном действия в направлении денуклеаризации после начала 2018 г. достаточны для того, чтобы снять какую-то часть ограничений. Кроме того, Россия выступает против односторонних и вторичных санкций, практикуемых США и их союзниками³².

Россия выражает понимание мотивов Пхеньяна, отказавшегося вести переговоры до тех пор, пока США не изменят своего подхода «получить все и сразу» без каких-либо уступок со своей стороны, однако призывает к их возобновлению³³. Москва убеждена, что достичь успеха как в американо-северокорейских переговорах, так и в урегулировании всего комплекса проблем Корейского полуострова возможно «исключительно на основе встречного движения – действие за действие, поэтапно, постепенно, последовательно»³⁴. Данный подход нашел свое отражение как в «дорожной карте», представленной Россией и Китаем в 2017 г., так и в российско-китайском «плане

---

²⁹ Асмолов К.В., Захарова Л.В. Отношения России с КНДР... С. 585–604.

³⁰ Заявления для прессы по итогам переговоров с Президентом Республики Корея Мун Чжэ Ином.

³¹ Асмолов К.В., Захарова Л.В. Отношения России с КНДР... С. 599.

³² Интервью Посла России в КНДР А.И. Мацегоры информагентству «Россия сегодня», 14 апреля 2017 г.

³³ Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова южнокорейскому информационному агентству «Ёнхап», Москва, 29 сентября 2020 г. // МИД РФ. 29.09.2020. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1442998/

³⁴ Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на Московской конференции по нераспространению по теме «Внешнеполитические приоритеты Российской Федерации в сфере контроля над вооружениями и нераспространения в контексте изменений в глобальной архитектуре безопасности». Москва, 8 ноября 2019 г. // МИД РФ. 08.11.2019. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1475160/>

действий», выдвинутом в 2019 г. В «плане действий» изложены «будущие совместные шаги вовлеченных государств в четырех основных измерениях: военном, политическом, экономическом и гуманитарном», в том числе пункт о постепенном ограничении санкционного давления на КНДР. При этом, как подчеркнул С.В. Лавров, данные шаги «могли бы осуществляться параллельно, чтобы достигать прогресса в решении тех или иных проблем без их искусственной привязки друг к другу»³⁵. Эти предложения не согласуются с позицией США, которые настаивают на полной, верифицируемой и необратимой денуклеаризации КНДР как предварительном условии снятия с нее санкций. Вместе с тем подобная логика США, считают в Москве, «абсолютно неработоспособна, и встреча в Ханое это подтвердила»³⁶.

После того как из-за различного видения сторонами механизма и последовательности взаимных шагов американо-северокорейский переговорный процесс застопорился³⁷, Россия, стремясь вывести ситуацию из тупика, заявила о том, что в принципиальном плане участники корейского урегулирования подошли к заключительному третьему этапу российско-китайской «дорожной карты» – «возобновлению многостороннего взаимодействия по урегулированию всего комплекса проблем Корейского полуострова»³⁸.

Не выступая против прямых переговоров между Пхеньяном и Вашингтоном, Москва придает особое значение шестисторонним переговорам по северокорейской ядерной программе, важность которых следует рассматривать в контексте ее общей политики в Азии. С точки зрения России, к решению ядерной проблемы Корейского полуострова необходимо подходить в контексте решения проблем безопасности в СВА и учета интересов всех вовлеченных государств³⁹. В Москве считают, что только американские гарантии не могут га-

---

³⁵ Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова южнокорейскому информационному агентству «Ёнхап»...

³⁶ Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на Московской конференции по нераспространению...

³⁷ Жебин А.З. Корея: денуклеаризация в обмен на нормализацию? // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 1. С. 7–14; Искендеров П. Россия и КНДР: ключевые точки взаимодействия // Международная жизнь. 26.04.2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/22345>

³⁸ Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова южнокорейскому информационному агентству «Ёнхап»...

³⁹ Интервью Посла России в КНДР А.И. Мацегоры информагентству «Россия сегодня», 14 апреля 2017 г.

рантировать безопасность КНДР и мир на Корейском полуострове, примером чему считают договоренности рамочного Соглашения между КНДР и США 1994 г., которые не были выполнены США⁴⁰.

Оценивая перспективность шестисторонних переговоров для урегулирования корейского кризиса в контексте реформирования архитектуры безопасности в регионе, стоит отметить, что едва ли предложения России могут быть реализованы в среднесрочной и долгосрочной перспективе, т.к. пока для этого не сложились необходимые условия. КНДР предпочитает обсуждать свою ядерную программу напрямую с США. США, в свою очередь, стремятся укрепить существующую структуру безопасности в регионе⁴¹, основанную на двусторонних союзах, полагая, что российская инициатива приведет к ослаблению их позиций в регионе⁴².

Конечно, в России понимают невозможность реализовать данный формат в текущих условиях. Скорее, приверженность Москвы шестисторонним переговорам по ЯПКП, с одной стороны, является свидетельством ее неудовлетворенности существующей системой безопасности в регионе и нацеленности на ее реформирование, а с другой – говорит о признании того, что сложившийся на Корейском полуострове статус-кво, своеобразная «конфронтационная стабильность», рассматривается как наилучший среди плохих сценариев в ближайшей перспективе⁴³.

Вместе с тем авторы данной статьи полагают, что для России важнее результат – денуклеаризация Корейского полуострова, а не то, в каком формате она будет происходить. Урегулирование ядерного вопроса и установление официального мира на Корейском полуострове, будь то в двустороннем или четырехстороннем форматах, не вступает в противоречие с российскими интересами. Эта позиция

---

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Толорая Г.Д., Торкунов А.В. Ракетно-ядерная угроза на Корейском полуострове: причины и меры реагирования // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 138.

⁴² Морозов Ю.В. Северокорейская ядерная проблема и возможные пути ее решения совместными усилиями России и Китая // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. № 7. С. 1360–1378; Blank S. Russia and the Korean Peace Process // International Journal of Korean Unification Studies. 2018. Vol. 27. No. 2. P. 53.

⁴³ Под «конфронтационной стабильностью» понимается ситуация «ни мира, ни войны». См.: Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В. Современная Корея: метаморфозы... С. 432.

практически высказывалась Москвой официально, когда она дважды, в 2018 и 2019 гг., приветствовала встречи лидеров США и КНДР, отмечая, что «нормализация американо-северокорейских отношений, стремление к которой отражено в итоговом совместном заявлении сторон, является неотъемлемой частью комплексного урегулирования проблем Корейского полуострова, включая ядерную»⁴⁴, и одновременно призывая к закреплению многостороннего характера политико-переговорного процесса⁴⁵.

Россия, безусловно, не останется за бортом урегулирования ситуации на Корейском полуострове «в первую очередь с учетом близости к нашим границам»⁴⁶. Кроме того, являясь постоянным членом Совета Безопасности ООН, одним из инициаторов и депозитариев Договора о нераспространении ядерного оружия, а также поддерживая неплохие отношения как с Пхеньяном, так и с Сеулом, Москва не может быть отстранена от процесса урегулирования в Корее. При этом трехстороннее экономическое сотрудничество России с двумя Кореями не только не потеряет своей привлекательности и востребованности для всех трех стран после решения ядерной проблемы, но, напротив, и станет, наконец, возможным.

Таким образом, в этой ситуации первоочередной задачей РФ должна быть денуклеаризация Корейского полуострова, которая может быть осуществлена и без реформирования системы безопасности в Восточной Азии. Вместе с тем денуклеаризация возможна только в случае мощного солидарного давления на КНДР всех стран «пятерки» (США, Китай, Россия, Южная Корея и Япония), а также более конструктивного и прагматичного подхода Вашингтона к достижению этой цели. В условиях нынешней острой конфронтации между Россией и США, а также между США и Китаем создать «единый фронт» на корейском направлении вряд ли возможно. В связи с этим целесообразной и перспективной представляется

---

⁴⁴ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с проведением американо-северокорейской встречи на высшем уровне в Сингапуре // МИД РФ. 12.06.2018. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1572873/

⁴⁵ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с проведением американо-северокорейской встречи на высшем уровне в Пханмунчжоме // МИД РФ. 01.07.2019. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1465059/

⁴⁶ Интервью Посла России в КНДР А.И. Мацегоры международному информационному агентству «Россия сегодня», 18 июля 2018 г. // МИД РФ. 18.07.2018. URL: <https://mid.ru/ru/about/sovesanie-poslov-i-postoannyh-predstavitelej-rossijskoj-federacii-2018/1574297/>

идея О.В. Давыдова о создании постоянно действующего консультативного механизма пяти стран (Россия, Китай, США, Южная Корея, Япония) в целях повышения доверия и взаимодействия по северокорейской ракетно-ядерной проблеме⁴⁷.

Перспективы межкорейского и многостороннего экономического сотрудничества на Корейском полуострове и роль России

Нормализация межкорейских отношений в начале 2018 г., подписание КНДР и Республикой Корея Пханмунчжомской и Пхеньянской деклараций вселили робкую надежду на возможность активизации различных форматов экономической кооперации на Корейском полуострове, в частности возобновление работы ключевых межкорейских экономических проектов (Кэсонская промышленная зона, туристические туры в горы Кымгансан), а также подключение Южной Кореи к российско-северокорейскому проекту Хасан–Раджин, который предполагает доставку грузов по железной дороге из России в северокорейский город Раджин с последующей переправкой морем в порты Республики Корея или других стран. Однако в итоге по прошествии почти четырех лет после событий 2018 г. так и не удалось запустить на полуострове ни межкорейское, ни многостороннее сотрудничество. Основное препятствие – это действующий против КНДР режим международных санкций. Сохраняющаяся на практике привязка межкорейского экономического сотрудничества к вопросу денуклеаризации КНДР также оказывает негативное влияние на перспективы межкорейских отношений. Отсутствие решительности со стороны администрации Мун Чжэ Ина не позволило ей, оттолкнувшись от идей политики «солнечного тепла» и имеющейся межкорейской договорной базы, приступить к практической реализации сотрудничества между двумя Кореями в области экономики. Межкорейский кризис июня 2020 г. продемонстрировал хрупкость межкорейского диалога и обнажил искусственность нормализации двусторонних отношений при отсутствии реального содержания межкорейского сотрудничества⁴⁸.

⁴⁷ Давыдов О.В. Северокорейская ракетно-ядерная проблема: состояние, типики, возможные пути решения // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. № 7. С. 17–26.

⁴⁸ Пугачева О.С. Межкорейские отношения: факторы и перспективы развития // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. № 14(1). С. 151–175.

Россия убеждена, что межкорейский политический диалог и экономическое сотрудничество являются важнейшими условиями для установления мира, стабильности и безопасности в СВА. В силу этого Россия выражала и выражает заинтересованность и поддержку продвижению сотрудничества между КНДР и РК, а также реализации трехсторонних проектов в формате Россия–КНДР–Республика Корея. Россия рассматривает вовлечение КНДР в международное экономическое сотрудничество, в том числе в трехстороннем формате (Россия–КНДР–Республика Корея), в качестве «важного стабилизирующего фактора, способствующего укреплению доверия между Севером и Югом Кореи и создающего благоприятную атмосферу для укрепления межкорейского диалога»⁴⁹.

За прошедшие тридцать лет вопросы трехстороннего сотрудничества неоднократно поднимались представителями России, РК, КНДР на самом высоком уровне. В частности, обсуждались возможности реализации крупномасштабных проектов, таких как соединение транскорейской магистрали с Транссибом, прокладка газопровода и строительство линии электропередачи из России через КНДР в РК. Кроме того, прорабатывался вопрос о создании территорий опережающего социально-экономического развития на Дальнем Востоке России и на территории КНДР в трехстороннем формате, с участием России, КНДР и РК⁵⁰.

Значительный потенциал имеет сотрудничество между тремя странами и в более широких форматах, в том числе с подключением Китая⁵¹. Существуют предложения насчет участия Северной Кореи в Расширенной Туманганской инициативе (РТИ) с целью создания транспортного кольца, которое бы включало Раджин, Хуньчунь и ряд зон Приморья⁵². В частности, вовлечение КНДР в проекты раз-

---

⁴⁹ Россия и урегулирование ситуации на Корейском полуострове // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/krizisnoe-uregulirovanie-regional-nye-konflikty/uregulirovanie-situacii-na-korejskom-poluostrove/

⁵⁰ Россия–КНДР: новые горизонты сотрудничества и перспективы трехсторонних проектов // Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики. 04.03.2015. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/rossiya-kndr-novye-gorizonty-sotrudnichestva-i-perspektivy-trehstoronnikh-proektov-1356/?view=desktop>

⁵¹ Толорая Г. Кластер сотрудничества между Россией, Северной и Южной Кореей // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 12.09.2018. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/klaster-sotrudnichestva/>

⁵² Там же.

вития железнодорожной инфраструктуры Дальнего Востока обсуждалось на заседании Совета РТИ в 2015 г.⁵³. Учитывая стоимость восстановления железнодорожного полотна в Северной Корее, возвращение КНДР в РТИ стало бы оптимальным решением.

Однако отсутствие соответствующих политических условий на полуострове, недоверие и вражда между КНДР и РК, а также сдерживание Вашингтоном намерений Сеула по развитию отношений с Пхеньяном не позволяли перевести планы в практическую плоскость. Вместе с тем трехстороннее сотрудничество с участием России и двух Корей не потеряло своей актуальности. Посол России в Республике Корея А.Б. Кулик в интервью ТАСС в декабре 2018 г. подтвердил заинтересованность России «в реализации трехсторонних экономических проектов с участием России, РК и КНДР в транспортно-логистической, газовой и электроэнергетической сферах», отметив что «их успешное воплощение могло бы не только принести значительные дивиденды странам-участницам, но и внести весомый вклад в развитие межкорейских отношений, укрепление мира и стабильности на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии в целом»⁵⁴. В ходе заседания Восточного экономического форума в сентябре 2018 г. В.В. Путин предложил немедленно приступить к реализации проекта энергетической суперсети Северо-Восточной Азии с участием в том числе КНДР⁵⁵.

В краткосрочной перспективе наиболее реалистичным выглядит проект «Хасан–Раджин». Во-первых, он находится в наиболее продвинутом состоянии и готов к эксплуатации. В 2008–2014 гг. совместное российско-северокорейское предприятие с участием РЖД восстановило железную дорогу от станции Хасан (Россия) до порта Раджин (КНДР), при этом суммарный объем инвестиций составил 10,6 млрд рублей. В 2014 г. в порту Раджин открылся терминал, из

---

⁵³ Свободный порт Владивосток представлен на заседании Совета Расширенной Туманганской инициативы // Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики. 22.06.2015. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/svobodnyy-port-vladivostok-predstavlen-na-zasedanii-soveta-rasshirennoy-tumanganskoy-initsiativy-1531/?view=desktop>

⁵⁴ Интервью Посла России в Республике Корея А.Б. Кулика информационному агентству ТАСС, 24 декабря 2018 г. // МИД РФ. 26.12.2018. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1580943/>

⁵⁵ Пленарное заседание Восточного экономического форума // Официальный сайт Президента России. 12.09.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58537>

которого в рамках пилотного проекта российский уголь отправлялся морским путем в Южную Корею. Вскоре, однако, экспорт из России прекратился из-за санкций против КНДР⁵⁶, но в любой момент он может быть возобновлен. В то же время проект строительства железной дороги вдоль восточного побережья КНДР требует многомиллиардных вложений, которые в условиях действующих против нее международных санкций, а также политических рисков инвестирования будет непросто найти⁵⁷. Во-вторых, благодаря усилиям России проект «Хасан–Раджин» выведен из-под международных санкций⁵⁸.

Запуск проекта «Хасан–Раджин» тормозится действием южнокорейских односторонних санкций в отношении КНДР, в соответствии с которыми введен запрет на заход в южнокорейские порты северокорейских судов, а также иностранных судов, ранее побывавших в портах Северной Кореи⁵⁹. Как подчеркнул А.Б. Кулик, «мощным позитивным импульсом для КНДР могла бы стать отмена именно южнокорейских односторонних ограничений»⁶⁰. Отсутствие соответствующих действий со стороны южнокорейских партнеров вызывает вопросы насчет возможности реализации трехсторонних экономических проектов без «отмашки» США на современном этапе. В частности, на пресс-конференции во Владивостоке В.В. Путин отметил, что «это и в интересах Южной Кореи, но есть, видимо, дефицит суверенитета при принятии окончательных решений»⁶¹.

Значительные проблемы создают и американские вторичные санкции. И хотя для российских угольных компаний экспорт через КНДР является более выгодным, чем через российские порты, российские угольщики, по словам А.И. Мацегоры, «не готовы рисковать

---

⁵⁶ Посол Южной Кореи: успех проекта «Хасан–Раджин» связан с отменой санкций против КНДР // ТАСС. 27.11.2018. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5841720>

⁵⁷ Варивода С. Восточный треугольник: что принесет потепление межкорейских отношений России // ТАСС. 25.06.2018. URL: <https://tass.ru/opinions/5320469>

⁵⁸ Интервью Посла России в Республике Корея А.Б. Кулика информационному агентству ТАСС, 24 декабря 2018 г.

⁵⁹ СМИ: Южная Корея запретит заход в свои порты судам, следующим из КНДР // ТАСС. 15.02.2016. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2667476>

⁶⁰ Интервью Посла России в Республике Корея А.Б. Кулика информационному агентству ТАСС, 24 декабря 2018 г.

⁶¹ Пресс-конференция по итогам российско-северокорейских переговоров // Официальный сайт Президента России. 25.04.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60370>

миллиардными активами, зарегистрированными в США, ради нескольких миллионов долларов, полученных от работы в КНДР»⁶². В Москве рассчитывают на восстановление доверия между корейскими государствами и проведение ими более активной и независимой политики в вопросах трехстороннего экономического сотрудничества⁶³.

* * *

Россия заинтересована в мирном развитии ситуации на Корейском полуострове, его денуклеаризации и развертывании здесь многостороннего экономического сотрудничества. По мнению авторов, она не возражала бы и против объединения Кореи при условии, что процесс объединения происходил бы мирно, в условиях социальной стабильности и не вызывал бы серьезных конфликтов между региональными державами. Однако каких-либо активных действий по достижению объединения она предпринимать не готова. Причина этого в нежелании обострять и без того напряженную обстановку, раздражать дружественный Китай, и, что особенно важно в условиях нарастающей конфронтации с США, ликвидировать в лице КНДР потенциального партнера в этой конфронтации.

Выступая за развитие экономических связей на Корейском полуострове и включение КНДР в международное экономическое сотрудничество, Россия поддержит любые форматы межкорейской и многосторонней экономической кооперации. При этом развитие экономических отношений по замыслу Кремля должно идти постепенно и параллельно с осуществлением шагов в трех других основных измерениях – военном, политическом и гуманитарном, – предусмотренных в российско-китайском «плане действий», «без их искусственной привязки друг к другу»⁶⁴. С российской точки зрения, выдвигание денуклеаризации в качестве предварительного условия для развития регионального экономического сотрудничества на Ко-

---

⁶² Григорьева Э. Транскорея – 2020: быть или не быть? // Морские вести России. 18.10.2018. URL: <http://www.morvesti.ru/analitika/1687/74917/>

⁶³ Проект модернизации железной дороги Хасан–Раджин нуждается в восстановлении доверия между двумя Кореями – Трутнев // Новая перевозочная. 17.07.2018. URL: <https://npktrans.ru/Doc.aspx?docId=96050&CatalogId=653>

⁶⁴ Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова южнокорейскому информационному агентству «Енхап», Москва, 29 сентября 2020 г.

рейском полуострове, в частности для создания межкорейской экономической зоны, представляется контрпродуктивным.

Выступая на Восточном экономическом форуме в 2018 г., президент России В.В. Путин подтвердил безальтернативность российского «поворота на Восток», подчеркнув, что развитие Дальнего Востока представляет для России безусловный приоритет, последовательную и долгосрочную политику⁶⁵. Поэтому, будучи, как никто другой, заинтересована в поддержании мира и стабильности на Корейском полуострове, уважая суверенитет и интересы всех вовлеченных государств, Россия стремится к решению проблем полуострова, включая ядерную, исключительно мирным, политико-дипломатическим путем.

Россия, как отметил И.В. Моргулов, «делает ставку на повышение внутри- и межрегиональной взаимосвязанности, продвигает философию неделимости экономического развития, положенную в основу выдвинутой президентом В.В. Путиным концепции Большого Евразийского партнерства»⁶⁶. Представляется, что подключение Республики Корея к евразийским интеграционным процессам и проектам, получение выхода на континент полностью отвечает южнокорейским интересам продвижения в Евразию, будь то в рамках Евразийской инициативы бывшего президента РК Пак Кын Хе, Новой северной политики действующего президента РК Мун Чжэ Ина либо иных подобных стратегий с вариациями будущих президентов. Вместе с тем очевидно, что все эти планы не могут быть осуществимы без участия КНДР в процессах региональной интеграции. Как справедливо отмечает российский эксперт по Корее Александр Жебин, без стыковки транскорейской железной дороги с Транссибирской магистралью РК останется по сути «островом в Северо-Восточной Азии»⁶⁷. Равно как и полноценная интеграция КНДР в международные экономические связи возможна только в случае необратимого курса и реальных шагов северокорейского руководства в направлении полной денуклеаризации.

---

⁶⁵ Пленарное заседание Восточного экономического форума.

⁶⁶ Интервью заместителя министра иностранных дел России И.В. Моргулова информационному агентству «Интерфакс», опубликованное 14 декабря 2018 г.

⁶⁷ Zhebin A. In Search for Denuclearization and Peace in Korea: a View from Russia // Global Peace Foundation. URL: <https://www.globalpeace.org/denuclearization-and-peace-korea>

Влияние украинского кризиса 2022 г. на стратегическую ситуацию в Северо-Восточной Азии

Опубликовано под назв. «Спецоперация ускоряет давно объявленный поворот на восток. Как украинский кризис отразился на стратегической ситуации в Северо-Восточной Азии» в изд.: Независимая газета. Дипкурьер. 15.05.2022.
URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2022-05-15/9_8435_situation.html

Начало военной операции России в Украине существенно изменило стратегическую ситуацию во всем мире, в том числе в Северо-Восточной Азии. Эти изменения выразились в резкой поляризации и консолидации сил, выступающих за многополярный мир, с одной стороны, и поддерживающих гегемонию США – с другой. Государствам и международным организациям, ранее занимавшим промежуточную позицию и старавшимся сохранять конструктивные отношения со сторонниками обеих тенденций, пришлось делать более четкий выбор и присоединяться к одной из них, занимая более враждебную позицию по отношению к другой.

Из государств региона однозначно поддержала Россию лишь КНДР. Она была среди всего 24 стран, проголосовавших 7 апреля в Генеральной Ассамблее ООН против исключения России из Совета ООН по правам человека. Мотивы КНДР ясны: в Пхеньяне считают свою страну такой же жертвой неоправданных санкций, направленных на укрепление гегемонии США в мире и борьбу с независимыми от Вашингтона странами, как и Россия.

Ясно, что в условиях острой конфронтации с Западом роль КНДР для России возрастает и две страны будут сближаться. Это, в частности, означает, что Москва, как и Пекин, будет не только блокировать любые попытки введения новых санкций против Пхеньяна, но и более активно требовать отмены существующих санкций, а также пытаться их обойти. Тенденции к такой смене курса уже наблюдались

начиная с первого украинского кризиса в 2014 г., но теперь они стали еще более резко выраженными.

Позиция же Японии и Южной Кореи по отношению как к КНДР, так и к России, наоборот, стала гораздо более негативной. Если ранее, несмотря на свой союз с США, Республика Корея (РК) уклонялась от принятия антироссийских санкций, сохраняя сотрудничество с ней в полном объеме, то в марте Сеул принял решение присоединиться к санкциям в области торговли и финансов, включая прекращение транзакций с Центробанком России. 10 мая вступил в должность президента РК представитель правых сил Юн Сок Ёль, который, в отличие от левых, настроен более проамерикански и антироссийски.

Что касается Японии, то и там пришедший к власти в 2021 г. премьер-министр Фумио Кисида с самого начала взял курс на демонтаж системы сотрудничества с Россией, созданный Синдзо Абэ, который лично встречался с президентом Владимиром Путиным 28 раз. После 24 февраля Япония, санкции которой ранее против России были довольно формальными, серьезно их ужесточила. В частности, были введены ограничения против российских банков, более 400 политических деятелей, а также запрет на импорт оборудования для машиностроения, некоторых видов древесины и водки из России, объявлено о намерении сокращать импорт российских угля и нефти до полного от них отказа. Токио вновь объявил спорные «северные территории» «оккупированными Россией» (ранее употреблялись более мягкие термины). Япония также заняла более проамериканскую и антикитайскую позицию и активно выступает за развитие продвигаемых США Четырехстороннего диалога по безопасности (США, Япония, Индия, Австралия) и концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), имеющих прежде всего антикитайскую, но также и антироссийскую направленность.

Между тем Китай занял позицию де-факто поддержки России. Это видно из высказываний официальных представителей Пекина и его руководителей. Их смысл сводится к тому, что, хотя Пекин и не одобряет боевые действия, выступает за скорейшее мирное решение и соблюдение суверенитета и территориальной целостности всех стран, он в то же время считает, что кризис был спровоцирован политикой Запада по расширению НАТО, и выражает понимание политики Москвы, стремящейся обеспечить свою безопасность. Китай также резко критикует американские санкции. Эта позиция основана на понимании того, что поражение России может привести к то-

му, что Запад с новыми усилиями продолжит политику сдерживания Китая и применит против него те же санкции, которые сейчас применяет против России. В этих условиях ослабление дружественной России для Китая не только не выгодно, но и опасно.

Одним из опасных последствий такой кристаллизации позиций является, в частности, полная невозможность выработки совместного решения Корейской ядерной проблемы, например, в рамках возобновления шестисторонних переговоров. Здесь региональная ситуация влияет на глобальную, так как наносит серьезный удар по системе нераспространения ядерного оружия. Теперь, несмотря на все более ранние усилия международного сообщества, наличие ядерного оружия у КНДР является уже свершившимся фактом, который вряд ли удастся изменить. Более того, в условиях новой конфронтации о возможности создания ядерного оружия для сдерживания Китая и России заговорили в Японии и РК. В случае реализации этих планов всю систему безопасности в Северо-Восточной Азии необходимо будет коренным образом пересматривать.

Более опасной становится и ситуация вокруг Тайваня. Уже с приходом к власти в США Дональда Трампа Вашингтон начал проводить провокационный в отношении Пекина курс на повышение уровня отношений с Тайбэем и увеличение поставок ему военной техники. Сегодня Вашингтон фактически не считает себя обязанным исполнять обязательства, зафиксированные в подписанных еще в прошлом веке коммюнике, о необходимости соблюдения исключительно неправительственных связей и постепенном сокращении военных поставок. Единственный принцип, от которого Вашингтон пока не отказывается, это соблюдение политики «одного Китая», однако США фактически поощряют отказ от него некоторых своих союзников (например, Литвы) или по крайней мере не возражают против такого отказа, вероятно, стремясь прощупать реакцию Пекина.

После начала российской операции в Украине роль Тайваня для США возрастает. Вашингтон высказывает крайнее недовольство позицией Китая по поддержке России и пытается использовать угрозы повышения уровня отношений с Тайбэем как один из рычагов давления на Пекин (к другим рычагам можно отнести угрозы распространить вторичные американские санкции на китайские компании, сотрудничающие с Россией, усиление критики Китая за «нарушения прав человека» в Гонконге, Синьцзяне и Тибете).

Чисто геополитические угрозы в Северо-Восточной Азии дополняются экономическими. В случае если боевые действия в Украине затянутся, США и их союзники будут ужесточать экономические санкции против России, стремясь уничтожить ее экономику. Прежде всего они будут оказывать все большее давление на РК и Японию, которым придется подчиняться и сокращать связи с Россией. Между тем эти связи играют значительную роль в экономике обоих государств. Например, на поставки из России приходится 13% угля, используемого для производства электроэнергии в Японии (в 2021 г. – 21,6 млн т). Как признал недавно министр экономики, торговли и промышленности Японии, нефтегазовые проекты России на Сахалине являются жизненно важными для энергетической безопасности страны. Пока Япония не собирается от них отказываться, но в случае затягивания российской военной операции, возможно, ей придется это сделать.

Южная Корея закупает в России даже больше угля, чем Япония (в 2021 г. – 24,2 млн т). В прошлом году она также закупила у России 7,9 млн т нефти и 2,9 млн т сжиженного газа. Кроме того, довольно значительны южнокорейские прямые инвестиции в Россию. В случае разрыва этих связей под давлением США ее экономика понесет еще больший ущерб.

В новых условиях встает вопрос и о судьбе международных организаций и форматов сотрудничества в области безопасности и экономики, в которые входят все или некоторые страны Северо-Восточной Азии: форум АТЭС, Восточноазиатский саммит и другие. Возможно ли вообще их проведение в условиях, когда США и их союзники будут требовать исключения из них России или недопуска ее представителей? Будут ли дружественные России страны участвовать в них при условии, что Москва не будет допущена? В любом случае работа этих форумов будет значительно ослаблена, что может оставить регион без эффективных многосторонних форматов.

Экономические проблемы в Японии и РК могут привести к серьезному экономическому кризису во всей Восточной Азии. Например, сокращение покупательной способности их населения приведет к уменьшению импорта из Китая, что ударит по его экономике. А проблемы в экономике Китая – второй по размерам экономики мира – способны вызвать уже глобальный экономический кризис. Конечно, всего этого может и не произойти, если российская операция закончится в ближайшее время и будет достигнуто соглашение

хотя бы о прекращении огня. В этом случае санкции США и их давление на третьи страны могут ослабнуть, хотя вряд ли ситуация быстро вернется к прежнему уровню.

В любом случае новая ситуация требует нового уровня сотрудничества между Россией и Китаем в противостоянии США и их союзникам в Северо-Восточной Азии. Это не означает, что Москва и Пекин заинтересованы в конфронтации. Как раз напротив, им выгодно сохранение стабильности и существующих механизмов сотрудничества хотя бы в этом регионе. Россия заинтересована в этом, так как страны Азии вообще, но прежде всего страны Северо-Восточной Азии в обозримой перспективе будут для нее основными партнерами. Фактически российская операция в Украине стимулирует и значительно ускоряет давно объявленный Москвой поворот к Азии, который до этого осуществлялся недостаточно энергично. Теперь реализовать этот поворот ее заставит сама жизнь, точнее, крайне враждебная политика Запада. И, естественно, наиболее важными партнерами для нее в Азии станут страны-соседи.

Китай также крайне заинтересован в стабильной ситуации в Северо-Восточной Азии, потому что только мир способствует нормальному развитию его экономики. В условиях же растущей турбулентности в Европе стабильность в Азии выходит для него на передний план. Исходя из этого новый этап развития российско-китайского сотрудничества в области безопасности, в том числе и в регионе Северо-Восточной Азии, должен осуществляться с учетом американских угроз распространить вторичные санкции на Пекин. Поэтому возрастает роль неформальных контактов и консультаций с целью выработки безопасных для обеих стран каналов осуществления взаимной поддержки без огласки и без возможности для США принимать новые антикитайские и антироссийские меры.

Интересно, что на протяжении долгого времени западные эксперты утверждали, что в Северо-Восточной Азии отсутствует единый механизм поддержания безопасности по типу европейского ОБСЕ, поэтому здесь скорее могут возникнуть международные конфликты. Однако серьезный конфликт возник как раз не здесь, а в Европе. Причиной стала неэффективность ОБСЕ, которая была фактически монополизирована странами НАТО и использовалась для навязывания своих «ценностей» и подходов всем остальным.

В складывающейся сегодня двухполюсной структуре безопасности в Северо-Восточной Азии США и их союзникам в отличие от Европы противостоит не одна Россия, но и экономически более

мощный Китай. В этих условиях в случае успешного взаимодействия этих двух стран шансы на поддержание безопасности и сохранение мира в этом регионе на приемлемых для всех условиях гораздо более велики.

Курильские острова: пора, наконец, разобраться, что к чему

Опубликовано на сайте журн.: Россия в глобальной политике. 12.08.2021.
URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kurilskie-ostrova-pora-razobratsya/>

11 августа 2021 г. на сайте журнала «Россия в глобальной политике» была опубликована заметка¹ профессора НИУ ВШЭ и бывшего посла в Саудовской Аравии Андрея Бакланова, на которую хотелось бы отреагировать. Не вполне понятно, почему известный специалист по Арабскому Востоку счел необходимым высказаться о проблемах региона, которым он никогда не занимался, что вызвало ошибки и искажения. Нетипично так же, что бывший дипломат посчитал нужным употребить некоторые весьма недипломатические выражения (типа «в Токио набираются наглости») и фактически выступить против подхода российской дипломатии к решению довольно сложного и запутанного вопроса, не выдвигая никаких конструктивных предложений.

Начнем с истории. Автор критикует известную советско-японскую декларацию 1956 г., которая, по его словам, имела «несбалансированный, невыгодный для Москвы, характер» и была принята по личной инициативе Никиты Хрущева, чтобы путем уступок Японии достичь прорыва в отношениях с ней и выйти из сложного положения, к которому привела хрущевская политика разоблачения сталинизма. Данная схема не выдерживает никакой критики.

Во-первых, сама идея о том, что в 1956 г. СССР был в сложной международной ситуации, ставшей последствием «разоблачений сталинизма, а фактически системной дискредитации советского строя, реального социализма», что привело «к осложнению отношений

---

¹ Бакланов А. Курильские острова: пора, наконец, занять ясную позицию // Россия в глобальной политике. 11.08.2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kurily-yasnaya-pozicziya/>

Москвы с Пекином, кризису коммунистического и лево-социалистического движения в Западной Европе и в мире в целом», весьма спорна. Не затрагивая всего спектра проблем, скажем только, что разоблачение сталинизма было только одной из многих причин разногласий с Пекином, которые в 1956 г. вообще еще даже не начали проявляться. Напротив, 1955–1956 гг. были пиком развития советско-китайских отношений, который был связан с односторонними советскими уступками Пекину.

Во-вторых, попытки списать проблемы советской внешней политики исключительно на Хрущева также не обоснованы. Конечно, хрущевская внешняя политика не всегда была успешной или последовательной. Однако говорить о том, что проблемы были вызваны исключительно критикой сталинизма, нет никаких оснований. Скорее, их причина в общей системе принятия решений в СССР. При Сталине возникали не менее серьезные проблемы. Если уж говорить о «кризисе коммунистического и лево-социалистического движения», то к гораздо большему кризису привел одобренный Сталиным курс Шестого конгресса Коминтерна, запретивший сотрудничество с этим самым лево-социалистическим движением и совместную борьбу с «социал-фашистами» против собственно фашистов. К не меньшему кризису левых сил привело решение советского лидера заключить «Договор о дружбе и границе» с фашистской Германией в 1939 г. Говоря о более позднем времени, вряд ли успешным можно назвать санкционирование Сталиным начала Корейской войны в 1950 г., которая закончилась безрезультатно, но привела к консолидации ООН против СССР и огромным жертвам среди корейцев, китайцев и, что немаловажно, советских летчиков, которые в ней участвовали.

Говоря о том, что в конце 1956 г. «назревал сложный разговор с Никитой Сергеевичем», Андрей Бакланов, очевидно, имеет в виду подготовку попытки свержения Хрущева, предпринятой в июне 1957 г. бывшими соратниками Сталина, которых после поражения назвали «антипартийной группой Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова». Объективно говоря, мы не знаем, каким был бы внешнеполитический или внутривнутриполитический курс страны в случае их успеха, так как в группу входили самые разные по взглядам люди, которых объединяло лишь недовольство Хрущевым. Однако о возврате к сталинской политике говорить не приходится, ее время ушло. Ведь теперь хорошо известно, что даже ближайший сподвижник Сталина Лаврентий Берия, свергнутый за два года до этого, в короткий период пребывания на вершине власти

предлагал даже более далеко идущие изменения во внешней политике, чем Хрущев. А Георгий Маленков готов был пойти гораздо дальше в экономических реформах.

Кроме того, Хрущев принимал внешнеполитические решения не единолично, они одобрялись Президиумом ЦК и партийным консенсусом. Особенно важна здесь четко сформулированная на прошедшем в феврале 1956 г. XX съезде КПСС концепция «мирного сосуществования», проводившаяся в жизнь советским руководством и после свержения Хрущева. В ней фактически была отвергнута ленинско-сталинская идея о неизбежности войны с империализмом, которая в условиях наличия у сторон ядерного оружия становилась крайне опасной. Основанное на этой концепции стремление улучшить отношения с Токио также вовсе не было личной инициативой Хрущева – проведение этого курса поддерживало большинство высших советских руководителей того времени: Николай Булганин, Георгий Маленков, Анастас Микоян. Сомнения высказывал только Вячеслав Молотов².

В-третьих, при подписании декларации советская сторона вовсе не пошла на односторонние уступки, ее текст был, как и положено в дипломатии, результатом взаимных компромиссов. Достаточно сказать, что в качестве первоначальной позиции японская сторона требовала передачи Японии южной части о. Сахалин и всех Курильских островов³.

В-четвертых, автор неверно излагает текст Декларации, утверждая, что в ней «говорится о возможности возвращения Японии двух островов – Хобомаи и Сикотан (Шикотан)». В действительности в ней сказано, что СССР соглашается не на «возвращение», а на «передачу» этих островов, «идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства». Это означает, что СССР при определенных условиях (заключении мирного договора) может не вернуть то, что ему не принадлежит, а передать то, что ему принадлежит. Непонимание этого тонкого момента приводит автора к утверждению о мнимой двусмысленности российской позиции, которая, с одной стороны, отвергает возможность пересмотра итогов Второй мировой войны, а с другой – соглашается вести переговоры на основе Декларации 1956 г.

---

² Панов А.Н. Советско-японская Совместная декларация 1956 г.: сложный путь к подписанию, нелегкая судьба после ратификации // Японские исследования. 2019. № 2. С. 73–74.

³ Там же. С. 75.

В действительности никакого противоречия здесь нет. Об этом многократно говорил министр иностранных дел Сергей Лавров. Так, в декабре 2018 г., поясняя договоренность российского президента Владимира Путина и премьер-министра Японии Синдзо Абэ «придать дополнительный импульс переговорам о заключении мирного договора на основе советско-японской декларации 1956 г.», он отметил: «В этой декларации сказано, что мирный договор должен быть заключен прежде, чем начнется какой-либо разговор о чем бы то ни было. Заключение мирного договора означает ни много ни мало признание итогов Второй мировой войны»⁴. То есть, согласно российской позиции, схема должна быть такой: сначала заключается мирный договор, в котором говорится о признании итогов Второй мировой войны, в том числе и принадлежности всех Курильских островов России, а затем можно начинать переговоры о прочих вопросах. При этом договор, естественно, будет заключен на основе Декларации, так как именно в ней предусмотрена необходимость его подписания. Примечательно, что Андрей Бакланов критикует «некоторых политиков», у которых «трепетное» отношение к Декларации, «как будто речь идет о тщательно, всесторонне продуманном продукте длительной политико-дипломатической работы», и которые предлагают ее «в качестве основы для разблокирования тупиков в отношениях между Москвой и Токио». К этим политикам можно отнести Лаврова, а также Владимира Путина, который многократно заявлял о готовности России «выстраивать переговорный процесс на основе Совместной декларации СССР и Японии 1956 г.»⁵. Но, как мы только что выяснили, ничего двусмысленного в этом нет, а документ этот как раз и является всесторонне продуманным продуктом длительной политико-дипломатической работы.

Теперь о необходимости продолжать переговоры с Японией о мирном договоре, которые неизбежно будут затрагивать и территориальный вопрос и которые автор фактически требует прекратить. Подписание Декларации 1956 г. вовсе не было вынужденным для Москвы шагом, вызванным какими-то трудностями, как это утверждается в заметке. ***Это была тонкая дипломатическая игра, целью которой было приблизить Японию к нейтральному статусу***

⁴ Лавров: Токио должен признать итоги Второй мировой для переговоров по мирному договору // ТАСС. 07.12.2018. URL: <https://tass.ru/politika/5884645>

⁵ Заявления для прессы по итогам переговоров с премьер-министром Японии Синдзо Абэ // Официальный сайт Президента России. 22.01.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59714>

су по примеру Швейцарии или Австрии (чего в отношении последней советскому руководству удалось успешно добиться за год до этого). Из-за давления Соединенных Штатов этот план не удался, но такой исход вовсе не был предreshен. В нынешних условиях, когда против России фактически складывается единый санкционный фронт, вести подобную дипломатическую игру не только можно, но и необходимо.

И она ведется. В этом плане характерна не вполне верная трактовка Андреем Баклановым последних российских инициатив по развитию Южных Курильских островов. Он фактически смешивает два процесса – российско-японские переговоры о налаживании здесь совместной хозяйственной деятельности и последние предложения о создании свободной таможенной зоны, выдвинутые во время визита на острова премьера Михаила Мишустина в июле 2021 г.

Совместную деятельность, действительно, наладить будет непросто. И не потому, что России нужно требовать от японских бизнесменов каких-то политических клятв, а потому, что желающие в Японии вряд ли найдутся, так как этой деятельности будет препятствовать японское законодательство, согласно которому острова должны ему подчиняться. Что же касается свободной зоны, то это предложение сделано не Японии, а любым государствам. По вышеуказанной причине им скорее заинтересуются не в Японии, а в соседних ей странах, особенно в тех, что имеют с ней напряженные отношения, например, в Китае или Южной Корее. Япония же как раз этому плану будет всячески препятствовать. То есть то, к чему призывает Андрей Бакланов, уже сделано, только несколько менее прямолинейно. ***Россия как бы говорит японским бизнесменам: если вы не хотите использовать острова на наших условиях, то сюда придут ваши конкуренты.***

Этот подход довольно тонок и в случае его реализации может привести к позитивным экономическим и политическим результатам. Вспомним, что, например, китайская свободная экономическая зона Шэньчжэнь начиналась на пустом месте, а теперь представляет собой огромный индустриальный город с передовой экономикой.

К сожалению, все эти важные нюансы не были замечены автором заметки, что снижает ее убедительность.

Корея в начале XXI века и интересы России

Опубликовано в журн.: Международные процессы. 2020. Т. 18. № 4(63). С. 143–157. – В соавт. с О.С. Пугачевой

В новой международной ситуации, сложившейся после 2014 г., и характеризующейся растущими противоречиями с США и Западом, появляются многочисленные экспертные предложения по адаптации к ней внешнеполитического курса Москвы. Одно из направлений такой адаптации – развитие более тесных отношений со странами, также находящимися в проблемных отношениях с Западом – Ираном, Китаем, Турцией, КНДР и др. Вероятно, в ряде случаев такие предложения могут быть обоснованными, однако, по нашему мнению, к таким случаям не относится КНДР, так как ситуация на Корейском полуострове – крайне специфическая и сопряжена с необходимостью решения здесь ядерной проблемы. Цель данной статьи – обосновать этот тезис и показать всю специфичность политики России на Корейском полуострове.

В мире есть страны, интересные не только сами по себе, но и ставшие символами некоторых явлений или тенденций мирового развития, которые часто используются политологами-международниками для иллюстрации той или иной теории. Сложилось так, что оба корейских государства, Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) и Республика Корея (РК), образовавшиеся в результате раскола ранее единой страны после Второй мировой войны, стали именно такими странами-символами. Южная Корея (РК) символизирует экономический рывок в условиях ориентированного на развитие авторитарного режима, который, как и предсказывает теория модернизации, в конечном счете привел к созданию среднего класса и успешной демократизации. Северная Корея (КНДР) – пример тоталитарного режима коммунистического толка, причем в самой его радикальной, экзотической форме. Несмотря на то что эти схемы значительно упрощают реальность обеих стран, они глубоко укоренились в общественном сознании.

Оба корейских государства важны для России. Сотрудничество со странами Восточной Азии необходимо нашей стране для решения одной из ее стратегических задач – развития собственных азиатских регионов. Они расположены в непосредственной близости от российских границ и играют важную роль в региональном балансе сил. Наконец, ядерная проблема Корейского полуострова (ЯПКП) – один из острейших вопросов мировой политики, и Россия играет важную роль в поисках подходов к его решению¹. В этой связи выход в свет книги, посвященной проблемам современных корейских государств, их внутренней и внешней политике, написанной группой исследователей, среди которых наиболее авторитетные российские эксперты, не может не вызвать интерес как у специалистов, так и в обществе в целом. Книга «Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.)» написана авторским коллективом МГИМО МИД России в составе ректора этого вуза, академика РАН А.В. Торкунова, бывшего дипломата, а ныне профессора МГИМО и члена Группы экспертов по содействию комиссии СБ ООН по санкциям в отношении КНДР Г.Д. Толораи и доцента И.В. Дьячкова². Она представляет собой результат глубокого изучения внешней и внутренней политики двух корейских государств, которое ведется в этом университете на протяжении многих десятилетий, и продолжает вышедшую более десятилетия назад комплексную монографию, посвященную политическому и социально-экономическому развитию Корейского по-

---

¹ Armstrong Ch.K., Rozman G., Kim S.S. (eds). *Korea at the Center: Dynamics of Regionalism in Northeast Asia*. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2006; Cha V. *The Impossible State North Korea, Past, and Future*. New York: Ecco, 2013; Tan Hongmei. *Chaoxian bandao guanxi yanhua yinsu yanju (The Study of the Factors Influencing the Evolution of North-South Relations on the Korean Peninsula)*. Changchun: Jilin University Press, 2015; Park Byung-in. *Leosiaui dongjin jeonlyaggwa daehanbando jeongchaeg yeongu: ukeulaina satae ihu, gugje jeonlyaghwangyeong-ui byeonhwaleul baegyeong-eulo (Study on Russia's Eastward Strategy and Policy toward the Korean Peninsula: With Change in the Strategic Environment since the Ukrainian Crisis as the Background)* // *Segyejiyeogyegunonchong (Journal of International Area Studies)*. Vol. 33. No. 3. P. 127–146; Jeh Sung-hoon, Lee Hye-jung, Kim Jae-kwan. *Sinhanbandocheje silhyeon-eul wihan mi-jung-leoui segyejeonlyag yeongu (A Study on the Grand Strategies of the US, China, and Russia for the Realization of "New Korean Peninsula Regime")* // *Korea Institute for International Economic Policy*. 30.12.2019. URL: http://www.kiep.go.kr/sub/view.do?bbsId=search_report&nttId=206474&searchIssue=&searchWrt=&pageIndex=12

² Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В. *Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.)*. М.: Просвещение, 2021.

луострова вплоть до межкорейской разрядки 2000–2008 гг.³ Усилия школы МГИМО по изучению современной Кореи во многом уникальны, поскольку данная проблематика в России исследуется явно недостаточно. Специалистов по Корее у нас значительно меньше, чем, например, по соседним Китаю или Японии, и столь значительных работ выпускается немного. Естественно, за период с 2008 г. ситуация на Корейском полуострове и в мире существенно изменилась, что остро требовало ее нового осмысления и оценок.

1

Во введении книги синтезирована основная проблематика изучения новейших тенденций в развитии ситуации на Корейском полуострове. Ученые размышляют о том, как происходящие в мире изменения, связанные со становлением нового мирового порядка, отразятся на Корейском полуострове. Они отмечают, что «Север и Юг продолжают идти разными путями, и „путеводные звезды“ у них разные, никаких свидетельств их сближения пока нет»⁴, как и нет оснований рассчитывать на коллапс северокорейского режима. Авторы книги даже полагают, что «изменения глобального устройства могут укрепить позиции Северной Кореи», десятилетиями пребывающей вне глобализации, в то время как Южная Корея, вероятно, останется «внешнеполитическим карликом» под опекой США «в условиях разворачивающегося американо-китайского конфликта»⁵. По их мнению, нынешние изменения мирового устройства «не сгладили, а скорее усилили конфликтный потенциал» корейского вопроса⁶.

Структурно книга состоит из трех разделов. В первом анализируются проблемы внутреннего и международного развития двух корейских государств, а также перипетии межкорейских отношений за последние 13 лет, включая недавние события 2020 г. Второй раздел сконцентрирован на изложении ракетно-ядерной проблемы Корейского полуострова и попыток ее дипломатического решения после прихода к власти в США администрации Барака Обамы. В третьем рассматриваются российская дипломатия на корейском

---

³ Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.

⁴ Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В. Современная Корея: метаморфозы... С. 6–7.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Там же. С. 3.

направлении, двусторонние отношения России с Северной и Южной Кореей.

Анализируя последние годы правления Ким Ченира в КНДР, исследователи отмечают усиление централизации власти в Пхеньяне и отказ от попыток преобразований, обусловленные как внутренними, так и внешними факторами. Внутренние факторы связаны с острой необходимостью обеспечения стабильности во властной верхушке и гладкой передачи власти в стране в условиях ухудшения здоровья северокорейского лидера. Внешним фактором стал приход к власти в Южной Корее консерваторов, враждебно настроенных к Северу и преисполненных навязчивых идей о скором коллапсе пхеньянского режима⁷. Режим во второй половине 2010-х годов «как бы „спрятался в скорлупу“», и «преодоление страной ядерного рубежа» привело к нарастанию международной изоляции КНДР⁸.

Вместе с тем исследователи констатируют, что попытки Ким Ченира «повернуть время вспять» и обратить назад некоторые послабления репрессивного режима начала 2000-х годов провалились. Результаты денежной реформы 2009 г. «оказались предсказуемо катастрофическими: столкнувшись с остановкой экономики и массовым отторжением со стороны населения, власти отступили»⁹. Негласно и постепенно восстановились «буржуазные тенденции» и зачатки рыночной активности. Однако боязнь разбалансировки политической системы и отсутствие квалифицированных экономистов не позволяли разработать стратегию преобразований, в итоге власти ограничились лишь косметическими мерами, не способными решить хронические проблемы экономики.

В главах, посвященных консолидации Ким Чен Ыном политической власти после смерти в 2011 г. его отца, исследователи анализируют особенности внутривластного курса нового руководителя КНДР. Во-первых, придя к власти, Ким Чен Ын серьезно ограничил «позиции армии как политического фактора»¹⁰. «Главное – произошла смена парадигмы власти. Руководство стало осуществляться, как и в классических соцстранах, через партийные структуры, а не военную „вертикаль“, что практиковалось при Ким Чен Ире». Во-вторых, Ким Чен Ын отошел от политики *сонгун* (приоритет вооруженных сил), провозгласив в марте 2013 г. на пленуме ЦК Трудовой партии

⁷ Там же. С. 19.

⁸ Там же. С. 16–17.

⁹ Там же. С. 26.

¹⁰ Там же. С. 31.

Кореи курс *пёнчжин*, предполагавший параллельное развитие экономики и ядерных сил. Подобные меры и искусные интриги позволили Ким Чен Ёну «основательно перетрясти элиты и выдвинуть верных лично вождю людей»¹¹. Кроме того, после преобразования системы государственного управления путем конституционной реформы Ким Чен Ён аккумулировал в своих руках всю полноту власти, заняв высшие должности во всех ключевых ее структурах – партии, армии и государстве¹².

По мнению авторов книги, установление единоличной власти и внутриполитической стабильности позволили Ким Чен Ёну обеспечить надежный тыл и приступить к ракетно-ядерным испытаниям. Вместе с тем абсолютное подчинение и отсутствие альтернативных мнений обернулись провалом переговорного процесса с США в 2018 г.: «никто не решился удерживать вождя от попытки „сыграть ва-банк“ с южнокорейским президентом Мун Чжэ Ином и американским президентом Д. Трампом»¹³.

Рассматривая социально-экономическое развитие КНДР при Ким Чен Ёне, авторы приводят примеры незаметных преобразований рыночного характера в сельском хозяйстве, промышленности, финансовой сфере. Переход к политике *пёнчжин* они оценивают как прогресс по сравнению с предыдущим курсом *сонгун*, аргументируя это тем, что новый курс фактически выдвигал экономические цели на тот же уровень приоритетности, что и военные¹⁴. В то же время надежды на изменения в стране в связи с провозглашением достижения целей политики *пёнчжин* в 2018 г. и сменой ориентации на приоритетное развитие экономики не оправдались. Основные причины заключались в нарастающем по инициативе США международном санкционном давлении и дефиците внутренних ресурсов, в результате которых «и государственный сектор, и „независимый“ уклад в 2018–2020 гг. перешли к „борьбе за выживание“ и на полувоенное положение»¹⁵. В стране возобладали консервативные тенденции и усилилась централизация.

Поворотным моментом во внутренней и внешней политике КНДР стал декабрь 2019 г., когда Северная Корея провозгласила новый курс «фронтального прорыва», предполагавший приоритет ме-

¹¹ Там же. С. 32.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 41.

¹⁴ Там же. С. 54.

¹⁵ Там же. С. 59.

тодов мобилизационной экономики, и объявила о возврате к традиционной политике «опоры на собственные силы». «Объяснение – осознание того, что страна будет очень долго, если не всегда, жить под гнетом санкционного давления»¹⁶. Пандемия коронавируса, в свою очередь, послужила фактором, облегчившим и ускорившим переход северокорейского руководства к жесткой линии¹⁷.

2

Большое внимание в книге А.В. Торкунова, Г.Д. Толорая и И.В. Дьячкова посвящены процессам, происходившим в Южной Корее в период трех последних администраций – Ли Мён Бака (2008–2013), Пак Кын Хе (2013–2017) и Мун Чжэ Ина (2017– настоящее время). Приход к власти в стране представителя консервативной партии Ли Мён Бака авторы книги характеризуют как «консервативный реванш», означавший полный пересмотр подходов леволибералов к внутренней и внешней политике, правление которых посчитали «потерянным десятилетием»¹⁸. При этом внешнеполитическая стратегия Ли Мён Бака, которая, как справедливо отмечается, «явно предполагала синергию с экономикой», была нацелена на повышение статуса Республики Корея на международной арене¹⁹. Таким образом, несмотря на некоторые успехи глобального позиционирования, в этот период Сеул сохранил свое положение «политического карлика».

Что касается внутренней политики, то, по мнению авторов, в целом экономическая политика Ли Мён Бака была успешной, но вследствие разного рода причин («нажимной» стиль политики Ли Мён Бака, невыгодное соглашение о свободной торговле с США, репутационные проблемы, ухудшение межкорейских отношений, сомнительные мегапроекты, «затягивание гаек» в общественно-политической сфере и внутривнутриполитическая борьба) президент стремительно терял популярность. Подводя итоги его правления, авторы заключают: «В 2007 г. Республика Корея встречала Ли Мён Бака с ликованием, а в 2012 г. уже хотела от него поскорее избавиться, надеясь, что со следующим лидером все будет по-другому»²⁰.

---

¹⁶ Там же. С. 61.

¹⁷ Там же. С. 42, 64–65.

¹⁸ Там же. С. 66.

¹⁹ Там же. С. 60.

²⁰ Там же. С. 84.

Тем не менее от такого руководителя, президента Пак Кын Хе, дочери «отца корейского экономического чуда» Пак Чон Хи, страна избавилась даже раньше истечения срока ее полномочий.

Глава, посвященная ее правлению в Южной Корее, дает целостное представление об обстоятельствах прихода к власти, внутренней и внешней политике, отношениях с народом, оппозицией и сопартийцами-консерваторами, ее характере и стиле управления, политических скандалах и последующем импичменте. Исследователи отмечают, что «политическая карьера Пак Кын Хе, ее взлет и падение, стали ярчайшей иллюстрацией отношений лидера и народа в Республике Корея после демократизации»²¹. Важной проблемой в этом отношении выступает общественное мнение, переменчивое, недоверчивое к власти имущим, очень требовательное и щепетильное к репутации и имиджу руководителя, особенно лидера государства²², которым не преминут воспользоваться политические силы, находившиеся в оппозиции. Например, «политические элиты и население в равной мере были недовольны стилем руководства Пак Кын Хе»²³. Президент оказалась неспособна консолидировать элиты и не смогла найти общий язык со своим народом.

Для российского читателя небезынтересно читать о последствиях демократизации в Южной Корее, в результате которой ранее все-таки диктаторы Чон Ду Хван и Ро Дэу, жестко расправлявшиеся с оппозицией, были приговорены соответственно к смертной казни и длительному сроку тюремного заключения по обвинению в коррупции (правда, затем освобождены по амнистии). Вместе с тем и пришедшие к власти бывшие оппозиционеры, которые при диктатуре преследовались, или по крайней мере члены их семей также не устояли перед коррупционными соблазнами.

Избранный президентом в 1998 г. вечный лидер оппозиции при диктатуре Ким Дэ Чжун, похищенный в Токио агентами южнокорейского ЦРУ, чуть не убитый ими в 1973 г. при Пак Чон Хи и приговоренный к смертной казни при Чон Ду Хване, объявил борьбу с коррупцией, жертвой которой пали два его сына, очутившиеся в тюрьме за взятки. Но Му Хён покончил жизнь самоубийством после того, как был обвинен во взятках на сумму 6 млн долларов США. Ли Мён Баку пришлось принести официальные извинения после того, как его старший брат был приговорен к двум годам тюрьмы за

²¹ Там же. С. 118.

²² Там же. С. 115–116.

²³ Там же. С. 94.

взятку от бизнесмена, а впоследствии и он сам был приговорен к 17 годам тюрьмы по обвинению в злоупотреблении средствами и коррупции²⁴. И наконец, Пак Кын Хе была подвергнута импичменту, в том числе и за финансовые нарушения²⁵.

Сильной стороной монографии является изложение политических событий в Южной Корее с опорой на объяснение внутривнутриполитической жизни азиатского государства особенностями менталитета народа, культуры и исторического опыта страны. В частности, отмечается, что «исторический опыт жизни в авторитарном государстве и нежелание возвращаться к такой системе – причины повышенной требовательности к президентам в Республике Корея»²⁶. Неменьший интерес для читателя представляет описание личностных особенностей южнокорейских президентов и стилей их управления страной, которые некоторым из них стоили президентского кресла. На основе этого богатого материала можно понять, в чем же причина того, что высший пост в государстве стал чуть ли не самым опасным видом деятельности.

Вероятно, это можно объяснить тем, что традиционная политическая культура Южной Кореи меняется медленнее, чем политическая система. Система перестроилась под правовую модель, где в идеале руководителей и государственных служащих должны набирать в соответствии с их способностями и личными талантами. При этом Южная Корея – азиатская страна. Придя к власти, любой лидер по традиции часто выбирает сотрудников, используя не чисто политические, но клановые и семейные связи: из родственников, знакомых, тех, с кем ранее работал или жил по соседству в родной провинции или городе. Те, в свою очередь, используют близость к шефу для решения личных проблем. Тем не менее реально независимые СМИ и общественные организации, в отличие от диктаторского периода, расследуют и разоблачают нарушения, а независимые суды судят высших чиновников так же, как простых граждан, и выносят строгие приговоры.

Касаясь социально-экономического положения в РК накануне прихода к власти президента-левоцентриста Мун Чжэ Ина, отечест-

---

²⁴ Кирьянов О. Экс-президент Южной Кореи Ли Мен Бак приговорен к 17 годам тюрьмы // Российская газета. 29.11.2020. URL: <https://rg.ru/2020/10/29/eks-prezident-iuzhnoj-korei-li-men-bak-prigovoren-k-17-godam-tiurny.html>

²⁵ Why South Korea's corruption scandal is nothing new // BBC. 2016. November 24. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-38078039>

²⁶ Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В. Современная Корея: метаморфозы... С. 85.

венные исследователи указывают на системные вызовы, стоящие перед южнокорейским обществом, в частности стремительное старение населения, высокий уровень безработицы, коррупцию. Став президентом, Мун Чжэ Ин попытался решать экономические проблемы, ориентируясь на социально-ориентированные и этатистские практики. Впрочем, по заключению авторов, «экономические эксперименты Мун Чжэ Ина не только не помогли исправить структурные проблемы, стоящие перед южнокорейской экономикой, но и не смогли обеспечить рост»²⁷.

Анализируя внешнюю политику Мун Чжэ Ина, исследователи отмечают, что в центр своего внешнеполитического курса президент поставил северокорейскую политику, стремясь помириться с Севером и выступить посредником в решении ядерной проблемы Корейского полуострова. Однако этот подход оказался ошибкой с точки зрения внутренней политики, так как «Мун Чжэ Ин поставил свою политическую судьбу в зависимость от воли импульсивного соседа и не менее импульсивного патрона»²⁸. Последовавшее за оптимизмом разочарование на северокорейском направлении может служить уроком последующим президентам, свидетельствуя об отсутствии у Южной Кореи рычагов влияния на КНДР и США и ограниченных возможностях Сеула играть самостоятельную роль в корейских делах. К причинам провала курса Мун Чжэ Ина в отношении Северной Кореи исследователи относят позицию американского «глубинного государства», которое «совершенно не собиралось прекращать политику давления и допускать, чтобы союзник действовал иначе», а также «недостаток решительности Сеула»²⁹.

Критика нерешительности РК здесь представляется несколько необоснованной и отражающей скорее пожелания авторов, чем реальную ситуацию. Исследователям хотелось бы, чтобы Сеул проявлял большую смелость в развитии отношений в Пхеньяном, несмотря на негативную реакцию Вашингтона. В какой-то степени Сеулу удастся сохранить внешнеполитическую автономию. Достаточно сказать, что РК, в отличие, например, от Японии, не присоединилась к антироссийским санкциям. Тем не менее у этой автономии есть пределы. Формально РК находится в состоянии войны с Севером, заключено лишь перемирие. КНДР представляет вполне реальную угрозу безопасности и даже самому существованию Южной Кореи,

---

²⁷ Там же. С. 125.

²⁸ Там же. С. 121.

²⁹ Там же. С. 135.

которую один раз ее войска чуть не захватили полностью. Если сегодня повторное нападение вряд ли возможно, то скорее не потому, что в Пхеньяне этого не хотят, а из-за того, что там понимают, что будут немедленно уничтожены военной машиной США. Таким образом, США гарантируют само существование и безопасность Южной Кореи, и ожидать, что какое-либо правительство в Сеуле пойдет на серьезное ухудшение отношений с Вашингтоном ради довольно эфемерной цели завоевания доверия Пхеньяна, едва ли реалистично.

Подчеркивая, что главной опорой внешней политики Республики Корея остаются Соединенные Штаты, исследователи указывают и на расхождения в интересах союзников. Особенно это стало очевидно после прихода к власти в США Д. Трампа. Южнокорейцев беспокоила и судьба торговых соглашений, и перспективы передачи им командования южнокорейскими войсками в военное время, и вопрос о распределении расходов на содержание американского контингента, и конфронтационная политика в отношении КНДР (до 2018 г.) и Китая. Авторы отмечают, что «для Сеула как никогда остро встает проблема выбора между ключевым военно-политическим союзником и важнейшим экономическим партнером», каковым является Китай³⁰.

Вместе с тем и этот выбор представляется не вполне реалистичным. Китай действительно считается ведущим торговым партнером Южной Кореи, хотя США – второй по значению, но этот фактор не является главным для отношений Сеула с Вашингтоном и Пекином. Соединенные Штаты – союзник и гарант безопасности, поэтому стремление Сеула получить материальные выгоды от торгово-экономического сотрудничества с Пекином имеет свои границы. Развитие связей может происходить только в тех формах и до того уровня, пока оно не подрывает союза с США и тем самым безопасность Южной Кореи.

Стремление Пекина надавить на Сеул, выразившееся в гневных окриках в ныне популярном в Пекине стиле «дипломатии боевых волков», принятие экономических санкций против Южной Кореи имеют обратный эффект. Согласно опросам, популярность Китая в Южной Корее в последние несколько лет резко упала, а США – выросла. По данным Pew Research, если в 2002 г. количество опрошенных, позитивно относящихся к Китаю, было 66%, а негативно – 31%, то в 2020 г. ситуация кардинально изменилась – первых стало всего

---

³⁰ Там же. С. 137.

24%, а вторых – 75%³¹. В 2019 г. 82% опрошенных жителей Южной Кореи назвали США лидером мировой экономики и только 12% – Китай, хотя за несколько лет до этого их количество почти сравнялось³². Вряд ли в этой обстановке стоит ожидать, что Сеул повернется в своем внешнеполитическом курсе к КНР, тем более за счет связей с Соединенными Штатами – скорее наблюдается обратное.

К сожалению, в книге практически обходится стороной «новая северная политика» Сеула, непосредственно затрагивающая Россию. За рамками исследования остается дипломатическая активность РК в странах Центральной Азии. Говоря об индийском векторе «новой южной политики», исследователи ограничиваются констатацией того, что «по сочетанию торжественности и политической бесплодности курс на развитие южнокорейско-индийских связей перекликается с «„новой северной политикой“»³³. Подводя итоги первой половины президентства Мун Чжэина, они отмечают, что перед южнокорейской экономикой по-прежнему стоят структурные проблемы, которые не решить хозяйственным экспериментом. При этом администрация Мун Чжэ Ина «не стремится примирить левых и правых, выстроить гармоничную систему политического общения». В результате сохраняются все старые проблемы: «ожесточенная борьба двух лагерей, интриги и взаимные обвинения, часто препятствующие достижению стратегических целей»³⁴.

3

Анализ межкорейских отношений показывает, что у напряженности на полуострове есть два взаимосвязанных измерения: интернационализированное (ядерная проблема) и внутреннее (разделение единой нации на два отдельных государства в течение нескольких десятилетий), влияние которых друг на друга неоднозначно:

---

³¹ Silver L., Delvin K., Huang C. Unfavorable Views of China Reach Historic Highs in Many Countries // Pew Research Center. 2020. October 6. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/10/06/unfavorable-views-of-china-reach-historic-highs-in-many-countries/>

³² Cha J. People in Asia-Pacific regard the U.S. more favorably than China, but Trump gets negative marks // Pew Research Center. 2020. February 25. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/25/people-in-asia-pacific-regard-the-u-s-more-favorably-than-china-but-trump-gets-negative-marks/>

³³ Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В. Современная Корея: метаморфозы... С. 144.

³⁴ Там же. С. 145.

«Отказ Пхеньяна от ядерных разработок сам по себе не прекратит противостояния между Севером и Югом. В то же время межкорейская нормализация представляет собой непреложное условие решения ядерной проблемы, поскольку ракетно-ядерная программа КНДР – прямое производное многолетнего противостояния между Северной и Южной Кореей»³⁵.

Это замечание авторов важно для понимания проблем межкорейских отношений. Из него можно сделать вывод об ошибочности любой северокорейской политики Сеула, обуславливающей развитие межкорейских связей денуклеаризацией КНДР и отвергающей сотрудничество до тех пор, пока этого не произойдет. На основе представленного в книге фактического материала авторы приходят к выводу о бесперспективности конфронтационного курса южнокорейских консерваторов, который привел к полнейшей деградации межкорейских отношений и прекращению всякого рода двустороннего сотрудничества в 2016 г.³⁶.

Анализируя июньский кризис 2020 г., авторы отмечают, что реакция Пхеньяна на отправку южнокорейскими правозащитниками листовок на территорию КНДР «была куда более жесткой и далекоидущей, чем мог предполагать такой эпизод, что выдавало созревшее решение Пхеньяна вновь перейти к нажимным методам и отказу от диалога»³⁷. Они считают, что примирение двух Корей и выработка «формулы мирного сосуществования» могут произойти не ранее, чем через 10–15 лет, пока «по обе стороны ДМЗ не останется ни одного лидера, лично пережившего травму Корейской войны»³⁸. Характерно, что речь идет именно о позитивном мирном сосуществовании, а не объединении Севера и Юга Кореи; отмечается, что пока нет оснований ожидать воссоединения двух государств в сколько-либо обозримой перспективе.

В разделе, посвященном ракетно-ядерной проблеме Корейского полуострова и усилиям ее политико-дипломатического урегулирования, исследователи даже с некоторой долей симпатии показывают, как КНДР последовательно совершенствовала свой ракетно-ядерный потенциал и стойко выдерживала связанное с этим нарастание международного давления и изоляции. Выражая понимание позиции Пхеньяна, они отмечают, что «ядерная карта... не только являет-

³⁵ Там же. С. 146.

³⁶ Там же. С. 167.

³⁷ Там же. С. 179.

³⁸ Там же. С. 182.

ся „сдерживателем“, но и обеспечивает заинтересованность партнеров (как противников режима, так и поддерживающих его Китая и России) в стабильности в де-факто ядерном государстве во избежание хаоса. Ядерная программа выдвигает КНДР в число немногих самостоятельных субъектов международных отношений, работая на престиж северокорейских вождей»³⁹. Далее авторы приходят к неизбежному, по их словам, выводу, что «КНДР будет держаться за ядерное оружие до последнего – во всяком случае, до маловероятного момента, пока не будет полностью уверена в отсутствии враждебных намерений со стороны своих противников и сможет обоснованно рассчитывать на получение действенной помощи развитию страны. В скором будущем ожидать такого точно не придется»⁴⁰.

По мнению исследователей, «значительная часть вины за тупик лежит на США и их союзниках»⁴¹. Они указывают на такие ошибки предыдущих американских администраций, как ожидание «скорого краха КНДР, который естественным образом разрешил бы ядерную проблему», нажимной курс «стратегического терпения», сочетающий санкции и изоляцию, нацеленный прежде всего на ослабление режима. «Именно такая политика и спровоцировала погоню КНДР за ядерной бомбой», срыв выполнения договоренностей, достигнутых в ходе шестисторонних переговоров в 2005–2007 гг., и, наконец, провал американско-северокорейских ядерных переговоров 2018–2019 гг. и возврат Ким Чен Ына к конфронтационной линии в декабре 2019 г.⁴². Авторы также указывают на недоговороспособность США, в которой северокорейское руководство еще больше убедили ливийские события 2011 г., а также выход США из иранской ядерной сделки в мае 2018 г.

Рассматривая события разрядки на Корейском полуострове 2018–2019 гг., авторы книги неоднократно критикуют нажимной американский подход к решению ядерной проблемы, за проведение которого выступают сторонники «максимального давления», в частности американское «глубинное государство». Они отмечают бесполезность такого курса⁴³ и бесперспективность стремления США получить «все и сразу» без каких-либо уступок. Отечественные эксперты как будто пытаются вразумить американских ястребов, указывая на

³⁹ Там же. С. 183.

⁴⁰ Там же. С. 184.

⁴¹ Там же. С. 202.

⁴² Там же. С. 204.

⁴³ Там же. С. 236.

нелепость и неразумность их расчетов и представления ситуации вокруг ЯПКП: «они [ястребы] искренне убеждали всех, что до полной денуклеаризации говорить с КНДР вообще не о чем, будто бы не отдавая себе отчет в том, что после денуклеаризации говорить с КНДР никому не будет интересно»⁴⁴. В итоге, разочаровавшись в переговорах с США, Ким Чен Ын вернулся к самоизоляции, отказавшись от тактики взаимных уступок и сделав ставку на развитие экономического и военного потенциала страны собственными силами.

Одна из глав монографии посвящена шестистороннему формату, в рамках которого в 2003–2007 гг. шли дипломатические переговоры по урегулированию ядерной проблемы. Авторы убеждены, что шестисторонние переговоры «не только являются рецептом политико-дипломатического урегулирования проблем безопасности на Корейском полуострове», но и могут стать основой для формирования системы коллективной безопасности в Северо-Восточной Азии⁴⁵. Интересно замечание о том, что шестисторонние переговоры – «„слишком состоявшийся“ институт, ставший из-за своего структурного совершенства и эффективности ненужным и неудобным для целого ряда участников»⁴⁶. По тем или иным причинам и Вашингтон, и Токио, и Сеул, и Пхеньян «на данный момент, похоже, устраивает определенный градус конфронтации, как им кажется – контролируемой»⁴⁷. В частности, США придерживаются стратегии «управляемого хаоса» на Корейском полуострове с целью оказания давления на Китай.

4

А.В. Торкунов, Г.Д. Толорая и И.В. Дьячков подробно прослеживают эволюцию позиции России по ядерному вопросу, подкрепляя свой анализ многочисленными цитатами из заявлений и комментариев российских официальных лиц. Исследователи критикуют первоначальный подход Москвы за «реактивность», заключающийся в действиях по «привычному сценарию»⁴⁸, в частности поддержку согласованных США с Китаем резолюций Совета Безопасности ООН, и призывают стороны искать политический путь урегулирования

⁴⁴ Там же. С. 240.

⁴⁵ Там же. С. 259.

⁴⁶ Там же. С. 258.

⁴⁷ Там же. С. 257.

⁴⁸ Там же. С. 284.

ядерной проблемы и других вопросов в Северо-Восточной Азии на многосторонней основе.

Касаясь событий 2017 г., ученые пишут, что «ситуация на полуострове продолжала развиваться по конфронтационной спирали, оставляя Россию в качестве наблюдателя»⁴⁹. Они критически оценивают поддержку Россией американско-китайского проекта «драконовской» резолюции № 2397 от 22 декабря 2017, когда «российский МИД был просто поставлен перед фактом», хотя проект резолюции «явно расходился с видением Кремля и конкретными российскими интересами». Отечественные специалисты заключают, что «скрепя сердце Москва выступила солидарно с Пекином»⁵⁰.

Аналогично, анализируя развитие ситуации после начала разрядки на Корейском полуострове в 2018 г., авторы пишут, что «события разворачивались лавинообразно, отодвигая Россию на второй план»⁵¹, но только «накопленный актив связей с КНДР позволил [России] все же включиться в разворачивающиеся процессы»⁵². «В течение весны 2018 г. происходило налаживание сначала межкорейских, затем северо-корейско-китайских и северо-корейско-американских контактов, в том числе на высшем уровне»⁵³.

В условиях вновь наступившего тупика в решении ядерной проблемы «все более явными стали расхождения между Россией и США по поводу дальнейшей линии корейского урегулирования. Россия продолжала настаивать на том, что решение должно быть компромиссным, комплексным и учитывать законные интересы всех партнеров. Коалиция западных держав во главе с США продолжала политику санкций и давления, дальнейшую изоляцию КНДР, хотя вроде бы уже стало ясно, что для прекращения и тем более поворота вспять ракетно-ядерной программы КНДР такая линия абсолютно неэффективна»⁵⁴.

Интересны замечания относительно дуализма политической линии России по отношению к корейскому урегулированию. «Речь идет о сочетании попыток, с одной стороны, не противоречить западному курсу на давление и изоляцию КНДР, а с другой – стремиться к компромиссному дипломатическому решению. Такое ре-

⁴⁹ Там же. С. 282.

⁵⁰ Там же. С. 290.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 291.

⁵³ Там же. С. 293.

⁵⁴ Там же. С. 298.

шение предполагает учет законных интересов всех участников, включая КНДР, что неприемлемо для Запада. Так что на деле дипломатия сводится к лавированию, продиктованному желанием поддерживать ровные отношения со всеми участниками долговременного конфликта, несмотря на их непримиримые противоречия между собой, и предотвратить обострение»⁵⁵. Ученые утверждают, что решение корейской проблемы, допускающее в том числе исчезновение КНДР как государства, «явно не отвечает интересам России», а отвечает лишь интересам США и их союзников, но не приводят аргументов в обоснование этого тезиса. В итоге они обвиняют Москву в том, что она «пытается создать видимость единомыслия и идет на компромиссы иной раз даже по принципиальным вопросам», чтобы «не испортить отношения со странами Запада и международными организациями, где эти страны доминируют»⁵⁶, снова не указывая, что это за вопросы, которые они считают принципиальными.

В целом авторы критически оценивают участие России в санкциях против КНДР, считая ее политику в данном вопросе «неоправданной ни с точки зрения политической целесообразности, ни с точки зрения этики»⁵⁷. Они также отмечают, что «для США Корейский полуостров – своего рода полигон испытаний методов санкционной войны, а объектом такой же войны является и Россия. Таким образом, недопущение обкатки подобных технологий „в поле“ связано с национальными интересами самой России»⁵⁸. Кроме того, с точки зрения авторов, санкции контрпродуктивны в решении ядерной проблемы – более того, они «фактически укрепляют политический режим в КНДР и внутривнутриполитическую стабильность за счет оправдания „закручивания гаек“, а также способствуют формированию «новых подпольных цепочек поставок и сетевых структур в мировом масштабе, которые могут самостоятельно развиваться и без связи с КНДР»⁵⁹. Анализируя динамику российско-северокорейских связей с 2008 г., которые пережили как периоды улучшения, так и этапы кризисов, авторы объясняют нормализацию отношений тем, что дефицит контактов невыгоден обеим сторонам⁶⁰.

⁵⁵ Там же. С. 299.

⁵⁶ Там же. С. 300.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. С. 303.

⁵⁹ Там же. С. 309.

⁶⁰ Там же. С. 319.

Рубежным моментом для российско-северокорейских контактов стал 2014 год: несмотря на то что «причины для недовольства Москвы акциями КНДР сохранялись, российский подход к этим событиям изменился»⁶¹. Россия стала более сочувственно относиться к позиции КНДР. В результате, несмотря на ухудшение отношений с КНДР в 2016–2017 гг. из-за активизации последней ракетно-ядерных испытаний, Москва старалась «сбалансировать свои отношения с обеими сторонами конфликта, не возлагая вину полностью на КНДР»⁶². Они также пишут: «Ирония состояла в том, что растущая турбулентность в мире после победы на выборах в США президента Д. Трампа, нестабильность в западном лагере, в том числе в ЕС и „Большой семерке“, напряженность между „единственной сверхдержавой“ и иными центрами силы, включая Китай, а также беспрецедентная враждебность Запада по отношению к России фактически подталкивали Россию и КНДР друг к другу»⁶³. Более того, разрядка 2018 г. еще раз подтвердила «важность для России поддержания хороших отношений с руководством КНДР»⁶⁴. В целом сдвиги в российско-северокорейских связях, последовавшие за апрельским саммитом в апреле 2018 г., упрочили роль России в урегулировании и обеспечили Ким Чен Ыну «дополнительный источник поддержки в своем диалоге с противниками», чем «мало кто был доволен»⁶⁵.

Оценки ученых российской политики по ядерной проблеме представляются крайне неоднозначными. По сути, они предлагают отказаться от поддержки международных санкций, по крайней мере от значительной их части, и сдвинуться в сторону большего содействия КНДР. При этом они не объясняют, какие именно цели должен преследовать этот сдвиг. Официально целью присоединения России к международным санкциям против КНДР считается денуклеаризация Корейского полуострова, т.е. отказ Пхеньяна от ядерного оружия. Эта цель провозглашена, в частности, в принятой в 2016 г. Концепции внешней политики Российской Федерации, в которой указано, что «Россия неизменно выступает за безъядерный статус Корейского полуострова и будет всемерно содействовать его денуклеаризации...»⁶⁶.

⁶¹ Там же. С. 330.

⁶² Там же. С. 335.

⁶³ Там же. С. 336–337.

⁶⁴ Там же. С. 342.

⁶⁵ Там же. С. 349.

⁶⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // МИД России. 01.12.2016. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1538901/?lang=ru

15 мая 2017 г. во время визита в Пекин В.В. Путин подтвердил, что «мы категорически против расширения клуба ядерных держав, в том числе за счет Корейского полуострова, за счет Северной Кореи... Мы против и считаем это контрпродуктивным, вредным и опасным»⁶⁷. Даже после ухудшения отношений с США данный вопрос с повестки дня российской дипломатии не снимается.

Достижение этой цели с 2017 г. не только не приблизилось, но даже отдалилось. Со времени введения против Пхеньяна первых санкций позиция ее руководства стала еще более жесткой: КНДР объявила себя ядерной державой и от этого статуса отказываться не собирается. В этих условиях смягчение существующих ограничений может означать признание того, что Россия не только более не считает эту цель достижимой, но и хотела бы поощрить Северную Корею за ее отказ выполнять требования международного сообщества.

Предположим, что Москва этого и хочет, пусть и не признавая такую цель открыто. С 2014 г. США вступили в непосредственную конфронтацию с Россией, а в 2016 г. – с Китаем, и роль КНДР как антиамериканской силы для Москвы и Пекина возросла. Тем не менее стоит ли весьма эфемерная поддержка со стороны КНДР фактического признания провала всего курса России и международного сообщества на денуклеаризацию Корейского полуострова? Или отказа КНДР от ядерного оружия предполагается достигнуть другими средствами? Упования на шестисторонние переговоры вряд ли реалистичны, потому что от них отказываются не только Вашингтон и его союзники, но и Пхеньян. Как признают сами авторы, «КНДР пока не настроена обсуждать ключевые вопросы ни с одной из сторон, кроме США»⁶⁸. Тем самым эта позиция снижает роль России в урегулировании, а другого пути авторы не намечают.

Возможно, исследователи полагают, что стратегия нераспространения ядерного оружия устарела как таковая. Странники таких взглядов есть как в России, так и в США. В опубликованном в 2019 г. докладе российских экспертов «Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности» фактически содержится предложение официально признать все страны, де-факто обладающие таким оружием, в том числе Израиль и КНДР, ядерными, и привлекать их к «концептуально-стратегическим диалогам»

---

⁶⁷ Путин В.В. Ответы на вопросы журналистов // Официальный сайт Президента России. 15.05.2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54499>

⁶⁸ Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В. Современная Корея: метаморфозы... С. 251.

с существующими ядерными державами⁶⁹. Это будет означать признание ядерного статуса КНДР, что повлечет за собой цепную реакцию. Например, в США авторитетные эксперты уже всерьез выдвигают предложения разрешить разработку собственного ядерного оружия Южной Кореи и Японии в качестве средства сдерживания возможного ядерного нападения КНДР⁷⁰.

Укрепит ли такое развитие событий безопасность России? На наш взгляд, это крайне сомнительно. Не следует забывать, что КНДР – ближайшее к России государство, обладающее ядерным оружием. Его испытания проводятся в самой северной части Корейского полуострова, от которой рукой подать до Владивостока. Не говоря уж о военной операции, любая технологическая авария сразу же поставит под угрозу его шестисоттысячное население. В июле 2015 г. в Приморском крае был переработан план эвакуации населения на случай войны в безопасный район, представляющий собой «территорию, расположенную вне зон возможных разрушений, возможного радиационного загрязнения, возможного химического заражения...»⁷¹.

Кроме того, увеличение числа ядерных держав явно противоречит интересам России тем, что снижает ее вес в мире. Сегодня экономика России по номинальному ВВП – лишь 11-я в мире, но статус ведущей ядерной державы делает ее второй после США и одной из пяти официально признанных ядерных держав (или одной из семи, если считать де-факто признанными ядерными государствами Индию и Пакистан). Чем больше государств будут получать ядерное

---

⁶⁹ Караганов С.А., Суслов Д.В. Новое понимание и пути укрепления много-сторонней стратегической стабильности. Доклад. М.: НИУ ВШЭ, 2019. С. 49. URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2019/09/REPORT_Rus_1.pdf

⁷⁰ Badow D. Let Them Make Nukes: The Case for “Friendly” Proliferation // Foreign Affairs. 2016. July 26. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/japan/2016-07-26/let-them-make-nukes>

⁷¹ Басаргин В.Д. Актуальные вопросы эвакуации населения, материальных и культурных ценностей в безопасные районы в системе гражданской обороны Приморского края // Совершенствование гражданской обороны в Российской Федерации. Материалы Всероссийского совещания с руководителями федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по проблемам гражданской обороны и защиты населения и XI Научно-практической конференции «Совершенствование гражданской обороны в Российской Федерации». М.: ДГО МЧС России, ФКУ ЦСИ ГЗ МЧС России, ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015. С. 55. URL: https://www.chuvsu.ru/wp-content/uploads/2020/04/sovershenstvovanie_grazhdanskoj_oborony.pdf

оружие, больше девальвируется относительный статус России в мировой политике. Таким образом, борьба за нераспространение ядерного оружия в целом и его ликвидацию в Северной Корее в частности должна остаться приоритетной задачей российской внешней политики, и хотелось бы получить от авторов ответ, каким образом можно добиться этой цели, если поощрять Пхеньян за отказ от денуклеаризации смягчением санкций.

Ссылки исследователей на этику также не представляются достаточно обоснованными. От исчезновения северокорейского режима, будь то под международным давлением или по внутренним причинам, только выиграют как корейский народ, так и его соседи. Объединенная Корея будет гораздо более крупной и, следовательно, независимой страной, так как исчезнет главная угроза ее безопасности, и союз с США уже не будет иметь такого значения (хотя, возможно, и будет сохранен из-за соседства с Китаем). Россия сможет спокойно, не опасаясь ядерных катастроф, развивать с ней торгово-экономическое сотрудничество, как сейчас она это успешно делает с Южной Кореей – одним из главных своих азиатских партнеров. Это будет важно как само по себе, так и с точки зрения необходимости диверсификации отношений сотрудничества в Восточной Азии, с тем чтобы уйти от чрезмерной экономической зависимости от мощного Китая. Если положить все это на одну чашу весов, а на другую – стремление проводить внешнеполитический курс по иррациональному советскому принципу «назло маме отморожу уши», то первая явно перетянет.

Ученые отмечают, что, несмотря на сложность и турбулентность политических отношений между Россией и КНДР в 2008–2017 гг., между странами продолжали развиваться культурные и гуманитарные связи. Любопытно замечание о том, что «из всех стран, ранее входивших в „социалистический лагерь“, КНДР оказалась наиболее восприимчивой к российской „мягкой силе“»⁷². Тут с ними нельзя не согласиться. Конечно, хотелось бы, чтобы к российской мягкой силе оказался восприимчив кто-то еще.

Обращаясь к российско-южнокорейским отношениям, исследователи указывают на заинтересованность России в развитии в большей мере экономических связей с Южной Кореей в силу «ограниченности суверенитета» последней⁷³. Что касается самого Сеула, то «главный фактор южнокорейского политического интереса к Моск-

---

⁷² Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В. Современная Корея: метаморфозы... С. 328.

⁷³ Там же. С. 414.

ве – желание использовать ее связи с Пхеньяном как инструмент влияния на КНДР»⁷⁴. Авторы монографии заключают, что «российско-южнокорейское сотрудничество отвечает взаимным интересам и в отдельных аспектах добивается существенных результатов, но для обеих стран развитие отношений не является приоритетной задачей, а границы взаимодействия определены конфигурацией связей с другими, более важными партнерами». В то же время в целом позитивно оцениваются перспективы укрепления контактов между Россией и Республикой Корея в силу «сочетания относительной “беспроblemности”, определенного накопленного капитала отношений и потенциала для их развития», хотя и отмечается, что цели сторон не всегда совместимы, а «сравнительно низкая экономическая взаимозависимость и военно-политические факторы могут наложить ограничения на дальнейшее развитие связей»⁷⁵.

Авторы считают «высокий уровень политических отношений как с Югом, так и с Севером» важным для России дипломатическим активом «в масштабах не только Корейского полуострова, но и Северо-Восточной Азии в целом», поэтому они предостерегают от «перекосяков в ту или иную сторону», имевших место в советские годы и в начале 1990-х годов, подчеркивая «необходимость поддержания этого уровня и в будущем»⁷⁶.

Авторы монографии формулируют заключение о том, что если ставить задачу урегулирования в Корее, то единственно возможный путь – «целенаправленный поиск компромисса и баланса интересов», однако, констатируют они, ни одна из сторон особо не стремится к этому. Поэтому сложившаяся в регионе ситуация «ни мира, ни войны», своеобразная «конфронтационная стабильность», является долгосрочной и, «возможно, наилучшим среди плохих сценариев»⁷⁷.

* * *

Корейская проблематика крайне важна для России по многим причинам. Оба корейских государства – соседи России, с которыми необходимо развивать добрососедское сотрудничество, они – влиятельные игроки в регионе Северо-Восточной Азии, который важен

---

⁷⁴ Там же. С. 409.

⁷⁵ Там же. С. 412–413.

⁷⁶ Там же. С. 413.

⁷⁷ Там же. С. 432.

России как с геополитической точки зрения, так и для решения ее стратегической задачи по экономическому развитию ее восточных регионов. Наконец, ядерная проблема Корейского полуострова – один из «горячих» вопросов мировой политики, в которой Россия играет значительную роль. Поэтому расширение исследований современной Кореи имеет для нашей страны огромное теоретическое и практическое значение.

Книга А.В. Торкунова, Г.Д. Толораи и И.В. Дьячкова вносит в это дело значительный вклад. Она – видное достижение российского корееведения и регионоведения в целом. Как и любое серьезное исследование, она способна вызывать дискуссии и возражения и в том числе благодаря этому, безусловно, станет настольным пособием российских корееведов, специалистов по Восточной Азии и всех, кто интересуется современной жизнью в двух корейских государствах, их экономикой, культурой, внешней и внутренней политикой.

Часть 5

**КИТАЙ:
ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Об исследовании идей Лян Шумина в России

Опубликовано в журн.: Российское китаеведение. 2023. № 4 (5). С. 72–92

Исследования творчества выдающегося китайского мыслителя XX в. Лян Шумина (梁漱溟, 1893–1988) в России немногочисленны и не охватывают всех сторон его наследия. Тем не менее интерес к нему среди специалистов как к продолжателю конфуцианской традиции, соединившему ее с некоторыми западными теориями и буддизмом, зародившись уже в середине 50-х годов XX в., сохраняется и в настоящее время.

Трудно сказать, упоминался ли Лян Шумин в работах советских авторов до создания КНР, но даже если это и было, то, скорее всего, они были эпизодическими и связанными с его политической и общественной деятельностью. Вероятно, первое в СССР исследование его философии после создания КНР было опубликовано в журнале «Вопросы философии» в 1957 г. Его автор Куо Шао-тан (郭肇堂, Го Шаотан, русское имя Афанасий Гаврилович Крымов) – человек крайне интересной судьбы: активист КПК, сотрудник Коминтерна, отсидевший в советском лагере с 1938 по 1953 г. После реабилитации в 1956 г. он стал научным сотрудником Института востоковедения РАН, где занимался историей китайской общественной мысли и идеологической борьбой XX в. Естественно, его статья о Лян Шумине, в основном анализирующая первое крупное произведение мыслителя «Культуры Востока и Запада и их философия», а также другие его статьи пронизаны советскими марксистскими подходами. Автор утверждает, что китайский философ проповедует «субъективно-идеалистическую агностическую теорию» и «метафизический метод» (в марксизме эти термины имеют уничижительный смысл), пытается «отвлечь внимание трудящихся от познания объективных законов общества» и выступает за возрождение «феодальной культуры средневековья»¹. В то

---

¹ Куо Шаотан [Крымов А.Г.]. Философские взгляды Лян Шумина // Вопросы философии. 1957. № 1. С. 133–136.

же время следует отметить и позитивное значение работы А.Г. Крымова: из нее советский читатель впервые мог узнать не только о самом существовании в Китае такого немарксистского мыслителя, как Лян Шумин, открыто критиковавшего марксизм, но и о многих его подходах и высказываниях, приведенных автором в собственном переводе. Примечательно, что статья была опубликована на следующий год после XX съезда КПСС, на котором был подвергнут критике культ личности И.В. Сталина. В новой атмосфере советские обществоведы начали знакомить читателей с зарубежными немарксистскими авторами под видом их марксистской критики. Сегодня трудно сказать, руководствовался ли автор этой целью или искренне хотел разоблачить немарксистского мыслителя, но в любом случае в ином виде в то время сведения о Лян Шумине вряд ли могли быть преданы гласности.

В том же русле писал о Лян Шумине в защищенной в 1964 г. кандидатской диссертации «Критика основных направлений китайской реакционной буржуазной философии новейшего времени (1919–1949)» советский исследователь, впоследствии – известный политолог Э.Я. Баталов², по мнению которого «философия Лян Шумина была выражением мировоззрения реакционной консервативной части китайской буржуазии, которая была кровными узами связана с феодально-помещичьим классом, и в силу этих связей стремилась к сохранению китайской феодальной культуры, феодальной морали, а развитие капиталистических отношений пыталась направить по так называемому „китайскому пути“»³.

Тенденция марксистской критики продолжалась до первой половины 1980-х годов. Так, известный марксистский историк китайской философии В.Г. Буров повторял подобные выводы в вышедшей в 1980 г. книге «Современная китайская философия», характеризуя в ней Лян Шумина как апологета феодальной китайской культуры, который кроме нее восхвалял восточную цивилизацию⁴. Позитивной чертой работы В.Г. Булова был не анализ взглядов китайского философа, носивший поверхностно-идеологический характер, но тот факт, что он приводил названия целого ряда работ Лян Шумина, помимо обычно обсуждаемой «Культуры Востока и Запада и их фи-

---

² Баталов Э.Я. Критика основных направлений китайской реакционной буржуазной философии новейшего времени (1919–1949). Канд. дисс. М., 1964.

³ Там же.

⁴ Буров В.Г. Современная китайская философия. М.: Наука, ГРВЛ, 1980. С. 57–58.

лософии», а также рассказывал о судьбе философа в КНР: признании им своих ошибок в 1949 г., нападках на него в 1954–1955 гг. в рамках кампании «критики современной буржуазной и феодальной философии»⁵.

К середине 1980-х годов в СССР выросло новое поколение китайцев, выступавших за более объективный, научный и неидеологизированный анализ Китая в целом и китайской мысли в частности. Их центром стал отдел Китая Института востоковедения АН СССР, заведующим которого в то время был известный исследователь и общественный деятель Л.П. Делюсин, сам много писавший об истории китайской мысли, в том числе и о Лян Шумине как участнике споров о культуре 1920-х годов⁶.

В 1984 г. на ежегодной конференции «Общество и государство в Китае» с докладом о дискуссии между Лян Шумином и Ху Ши в 1920-е годы выступил А.Г. Цверганишвили, текст этого выступления был опубликован⁷. Большая часть доклада была посвящена объективному изложению идей Лян Шумина, высказанных в книге «Культуры Востока и Запада и их философия», и лишь две последние страницы – критике ее Ху Ши. Автор приходит к интересному выводу о том, что, несмотря на острые разногласия, оба китайских мыслителя разделяли убеждение в том, что «фундаментальные проблемы общественного развития Китая носят в первую очередь не экономический и политический, а культурный характер»⁸. Через год он опубликовал статью, в которой сравнивал воззрения Лян Шумина и популярного в 1920-е годы в Китае британского философа Б. Рассела, и доклад о категории «жэнь» в трактовке Лян Шумина и Ху Ши⁹.

---

⁵ Там же. С. 174–177, 183, 298.

⁶ Делюсин Л.П. Спор о социализме в Китае. Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х годов. М.: Наука, ГРВЛ, 1980. С. 25–28; он же. Китайская идея Лян Шумина // XXIV научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: Вост. лит., 1993. Ч. 2. С. 78–84.

⁷ Цверганишвили А.Г. Лян Шумин и Ху Ши о культурах Востока и Запада // XV научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: Наука, ГРВЛ, 1984. Ч. 3. С. 120–131.

⁸ Там же.

⁹ Цверганишвили А.Г. Категория «жэнь» в трактовке Лян Шумина и Ху Ши // XVI научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: Наука, ГРВЛ, 1985. Ч. 3; он же. Лян Шумин и Бертран Рассел о китайской и западной культурах // Развивающиеся страны. Политика и идеология. М., 1985.

В 1986 г. А.Г. Цверганишвили защитил в Институте востоковедения кандидатскую диссертацию на тему «Лян Шумин и его концепция национального спасения Китая»¹⁰.

Некоторые ее положения он изложил в статье «Культурологические воззрения Лян Шумина», изданной двумя годами спустя¹¹. В своих работах А.Г. Цверганишвили впервые в российской историографии рассматривал идеи Лян Шумина в контексте мировой мысли, отмечая влияние на него ряда европейских философов и его уникальность для Китая как первого китайского мыслителя, выдвинувшего глобальную теорию культурно-исторических типов, аналогичную теориям Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби¹². В качестве уникальных особенностей мышления Лян Шумина он отмечал: 1) попытку развернутого теоретического и систематизированного соотнесения китайской культуры с другими культурами; 2) выдвижение собственной концепции мирового развития, отличной как от западной модели прогресса, так и от конфуцианской циклической модели, несмотря на общую приверженность к конфуцианству; 3) попытку, несмотря на апологию конфуцианских ценностей, найти опору за пределами национальной традиции¹³. В то же время А.Г. Цверганишвили, как и большинство российских исследователей, в то время мало знакомых с другими произведениями Лян Шумина, опирался в основном на его первую книгу «Культуры Востока и Запада и их философия» и главным образом описывал его культурологическую теорию. Это, конечно, можно понять, так как другие его работы были труднодоступны, а некоторые даже еще не изданы. Однако такой подход несколько обеднял ляншуминоведение, так как Лян Шумин много занимался и другими вопросами, от аграрного строительства до проблем души, жизни и смерти.

Я заинтересовался Лян Шумином параллельно с А.Г. Цверганишвили, но сначала не знал о его работах, так как находился в основном в Китае, сначала на стажировке, а затем на работе в советском посольстве. В 1985–1986 гг. я проходил стажировку на философском факультете Пекинского университета и мне посчастливилось стать, вероятно, единственным советским исследователем, ко-

---

¹⁰ Цверганишвили А.Г. Лян Шумин и его концепция национального спасения Китая: дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

¹¹ Цверганишвили А.Г. Культурологические воззрения Лян Шумина // Общественно-политическая мысль в Китае. М.: Наука, ГРВЛ, 1988.

¹² Там же. С. 160.

¹³ Там же. С. 193–194.

торый несколько раз встречался с китайским философом и беседовал с ним. Меня познакомил с ним Ду Вэймин, известный американский специалист по конфуцианству тайваньского происхождения. В то время он также находился в Пекинском университете как приглашенный профессор, жил, как и я, в кампусе – в комплексе для иностранцев Шаоюаньлоу, только не в студенческом общежитии, а в профессорском корпусе. Я стал ходить на его лекции и как-то после одной из них подошел к нему, задал какие-то вопросы. Мы разговорились, и он пригласил меня к себе в гости в соседний корпус. Я рассказал ему, что интересуюсь современной дискуссией о роли китайской культуры в модернизации и как пример развития современными китайскими авторами традиционных идей привел их ссылки на Лян Шумина. Я считал его давно умершим, так же как, скажем, Кан Ювэя или Лян Цичао. «А, Лян Шумин, – сказал профессор Ду, – я считаю его своим учителем, точнее, даже не непосредственным учителем, а через поколение, через Моу Цзунсяня. Кстати, завтра я иду к нему, могу захватить с собой». Для меня это было как гром среди ясного неба. Лян Шумин жив! Конечно, я хочу с ним познакомиться!

На следующий день мы отправились в гости к философу. К тому времени после долгой опалы его восстановили членом Постоянного комитета НПКСК и жил он в здании комплекса, кажется, построенного специально для НПКСК на широком проспекте Фусинлу в районе Мусиди в западной части Пекина. Потом я часто ходил в этот комплекс, например, к вдове бывшего генерального секретаря ЦК КПК Ли Лисаня Елизавете Павловне Кишкиной и к сыну революционного поэта Эми Сяо Виктору. Но в первый раз привилегированная квартира произвела на меня впечатление. По-нашему, это была обычная трехкомнатная квартира в блочном доме, но для Китая того времени, где большинство людей жили в одноэтажных хибарах без воды и туалета, такое жилье было роскошью. Там даже был лифт с лифтером, который сидел на табуретке и нажимал за вас на кнопки, одновременно посматривая, кто к кому ходит.

Лян Шумин произвел впечатление вполне бодрого старика, хотя ему уже немного сложно было ходить и он не очень хорошо слышал. Это естественно, ведь ему было за 90. Помогал ему его сын Лян Пэйкуань и иногда внук Лян Циньнин. Они объясняли ему то, что он не слышал, и повторяли его слова, если я их плохо понимал. С внуком мы потом подружились и сохраняем отношения до сих пор. Он учился на юрфаке Пекинского университета, был младше меня на

несколько лет и интересовался в основном китайской рок-музыкой. Так как я в то время тоже был фанатом рока, то с удовольствием принял его приглашение на концерт основателя китайской рок-музыки Цуй Цзяня, у которого он выполнял роль старосты группы поддержки.

Мы пробыли с Лян Шумином около часа, дольше ему было тяжело разговаривать, хотя мыслил он очень ясно и каждый день занимался гимнастикой цигун для поддержания формы. Потом я приходил еще несколько раз, в том числе в годы работы в советском посольстве (1986–1988), один раз даже пришел с видеокамерой и записал наш разговор. К сожалению, в то время я не был как следует знаком ни с китайской философией в целом, ни с широтой мысли Лян Шумина, поэтому интересовался в основном его мнением о китайской культуре, ее роли в мире и в процессе модернизации. К моему удивлению, Лян Шумин несколько раз говорил о том, что его понимание китайской культуры как преждевременно стремящейся решить основные проблемы общества, не развив как следует его материальные возможности, близка к пониманию социализма официальными китайскими реформаторами того времени. Вероятно, он искренне так и считал, вскоре он скажет об этом в одном из интервью: «Будущее мира будет характеризоваться возрождением китайской культуры, т.е. внимание с внешних объектов переключится на взаимоотношения между людьми, что будет означать социализм или даже вступление в коммунистическое общество»¹⁴. В то же время он никак не мог принять марксистскую идею классовой борьбы, которая, по его мнению, не способствовала гармоническому развитию общества.

Во второй раз мое удивление вызвало то, что человек, которого с легкой руки американского исследователя Г. Алитто называли «последним конфуцианцем»¹⁵, сам себя конфуцианцем не считал. Он говорил о себе как о глубоко верующем последователе буддизма, который, по его мнению, выше конфуцианства. Позитивно относясь к роли конфуцианства в китайском обществе и мире в целом, он все же считал, что в конечном счете человечество придет к буддизму.

---

¹⁴ 传统文化与现代化: 冯友兰, 李泽厚, 任继愈, 何兹全, 季羨林, 金克木, 张岱年, 梁漱溟 [Традиционная культура и модернизация: Фэн Юлань, Ли Цзэхуо, Жэнь Цзюй, Хэ Цзыцюань, Цзи Сяньлинь, Цзинь Кэму, Чжан Дайнянь, Лян Шумин] // Цюнь янь, 1986, № 11. URL: <https://www.mmzy.org.cn/qunyan/qywc/mjld/80683.aspx>

¹⁵ Alitto G. *The Last Confucian: Liang Shu-ming and the Chinese Dilemma of Modernity*. Berkeley: University of California Press, 1986.

Лян Шумин и его родственники рассказали о своей жизни после 50-х годов, в особенности о трудном времени после кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Философ, не разбираясь в истинных ее целях, вступился за конфуцианство и выступил по этому поводу на собрании в НПКСК в 1973 г., пытаясь разъяснить его полезность. К вождю китайской революции он относился без особого пиетета, так как знал о нем еще с Пекинского университета, где он был самым молодым профессором, а Мао – библиотекарем, который, вероятно, подбирал профессорам книги. Это выступление вызвало гнев вождя и новую опалу со всеми сопровождавшими ее тяготами жизни. Он подарил мне ксерокопию рукописи этого выступления, которое тогда еще нигде не было опубликовано. Меня также пригласили на лекцию Лян Шумина в недавно основанную философской общественностью независимую Академию китайской культуры, где вели горячие дискуссии видные представители разных поколений и направлений китайской мысли – Фэн Юлань, Чжан Дайнянь, Ли Цзэхоу, Тан Ицзе, Ду Вэймин и другие, и где я потом стал завсегдатаем. Некоторые из них были преподавателями нашего факультета, Фэн Юлань уже давно вышел на пенсию, но к нему меня тоже отправил Ду Вэймин, и я пытался беседовать с ним в его знаменитом «доме с тремя соснами» (三松堂) прямо на территории кампуса Пекинского университета. К сожалению, в то время он уже был сильно нездоров. Встретился я через несколько лет и с Моу Цзунсанем, жившим в Гонконге. Но беседы с Лян Шумином были, конечно, самыми запоминающимися.

По приезде в Москву я выступил с докладом о Лян Шуmine на конференции в Институте востоковедения, где стал работать, рассказал о его жизни и современных взглядах¹⁶. Я также упоминал о его позиции в другом докладе, посвященном дискуссии о роли китайской культуры и написанном в основном по мотивам бесед в Академии китайской культуры¹⁷. Но, к сожалению, жизнь сложилась так, что Лян Шумином я долго не занимался, лишь в последнее время стал приводить его идеи в контексте новейших дискуссий о китайской цивилизации.

---

¹⁶ Лукин А.В. О некоторых аспектах эволюции мировоззрения Лян Шумина // XIX научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: Наука, ГРВЛ, 1988. Ч. 3. С. 210–213.

¹⁷ Лукин А.В. Дискуссия о роли традиционной культуры в КНР (1980-е годы) // XXI научная конференция «Общество и государство в Китае» М.: Наука, ГРВЛ, 1990. Ч. 3. С. 200–210.

Для российского ляншуминоведения 90-е годы XX в. стали временем накопления материала. Работ, посвященных китайскому мыслителю, тогда публиковалось немного, и касались они в основном отдельных, конкретных вопросов. В 1990 г. в материалах конференции «Общество и государство Китая» появился небольшой доклад А.Б. Краснова об интерпретации Лян Шумина термина «лисин» (理性)¹⁸. Автор приходит к выводу, что «лисин» у Лян Шумина означает некий моральный императив, свойственный человеку и отличающий его от животного и природных предметов. Он отличен от интеллекта (разума) «личжи» (理智) и соотносится с ним как субстанция и функция (体用). Лян Шумин считал: «Лисин – это сама жизнь, ее сущность. Интеллект – это инструмент жизни, ее функция»¹⁹. Лисин, так же как и человеколюбие, является воплощением в человеке «небесных принципов» (天理). Они в наибольшей степени присущи идеальной (не реально существующей) китайской культуре, поэтому именно трансформированному Китаю принадлежит сыграть особую роль в будущем²⁰. Можно сказать, что эта небольшая работа – первая в России попытка проанализировать собственно философские, а не историко-философские взгляды Лян Шумина.

В опубликованной в 1993 г. статье Л.П. Делюсин оценил «китайскую идею Лян Шумина» как консервативную утопию. Согласно этому исследователю, китайский мыслитель видел историческое призвание Китая в том, что «создав на своей земле счастливое и справедливое общество, в котором будет торжествовать любовь и человечность, китайцы покажут всем народам мира образец нравственного самосовершенствования, гармоничного сотрудничества и единения». Делюсин соглашается с современными китайскими оценками, согласно которым Лян Шумин, критикуя левые утопии, сам «вынашивал утопические идеалы». В этом плане он сопоставлял мысли Лян Шумина с идеями консервативного русского философа И.А. Ильина. В то же время он впервые заметил «определенную перекличку» между призывами Лян Шумина искать собственный, ки-

---

¹⁸ Краснов А.Б. Категория «лисин» в философии Лян Шумина // XXI научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: Наука, ГРВЛ, 1990. Ч. 1. С. 199–201.

¹⁹ 梁漱溟 [Лян Шумин]. 几个问题的讨论 [Обсуждение нескольких вопросов]. Сянчунь цзяньшэ, 1936. Цит. по: Краснов А.Б. Категория «лисин» в философии Лян Шумина. С. 200.

²⁰ Краснов А.Б. Категория «лисин» в философии Лян Шумина. С. 201–202.

тайский путь развития, отличный как от западного капиталистического, так и от советского социалистического опыта, с концепциями КПК, в частности с теорией «новой демократии»²¹.

В 1994 г. статья о Лян Шумине появилась в подготовленном в Институте Дальнего Востока РАН под редакцией его директора М.Л. Титаренко энциклопедическом словаре «Китайская философия». В ней довольно подробно излагалась жизнь и деятельность философа и его взгляды на историю и культуру, приводился список его трудов, а также российских и зарубежных работ о нем, но собственно философские идеи затрагивались довольно коротко²².

На рубеже веков среди российских исследователей конфуцианства завязалась дискуссия о периодизации идей наследников этой традиции в XX в. В книге, посвященной другому выдающемуся китайскому мыслителю Фэн Юланю, А.В. Ломанов²³ вслед за китайским исследователем Чжэн Цзядуном предложил отличать «современное неоконфуцианство» и «постконфуцианство». Современное неоконфуцианство он относил к 1920-м годам и считал его представителями таких философов, как Лян Шумин, Ма Ифу, Сюн Шили, Моу Цзунсяня, Тан Цзюньи. Главным для него был «вопрос трансформации традиции для включения ее в дискурс западной философской традиции», в философском плане – это ориентация на создание «антропоцентричной философии субъекта в духе неоконфуцианской школы „учения о духе“ (心学) Ван Янмина и Лу Цзююаня²⁴. «Постконфуцианство», согласно А.В. Ломанову, «должно обозначать конфуцианскую мысль, направленную на аналитическую реконструкцию традиции, логицизированную герменевтику и объективизм, при этом сознательно ориентированную на открытость идеям западной философии». К постконфуцианцам он относил прежде всего Фэн Юланя, а также некоторых исследователей, работающих в США. Термин же «современное конфуцианство» этот автор предлагал использовать как общий для «современного неоконфуцианства» и «пост-

²¹ Делюсин Л.П. Китайская идея Лян Шумина. С. 82–83.

²² Белоусов С.Р. Лян Шумин // Китайская философия. Энциклопедический словарь. М.: Мысль, 1994. С. 207–208.

²³ А.В. Ломанов также написал небольшую статью о Лян Шумине в «Новой философской энциклопедии», составленной в Институте философии РАН: Ломанов А.В. Лян Шумин. Новая философская энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. Т. 2. С. 471.

²⁴ Ломанов А.В. Современное конфуцианство: философия Фэн Юланя. М.: Вост. лит., 1996. С. 11.

конфуцианства». В рамках этой схемы А.В. Ломанов предложил считать Лян Шумина одновременно «последним конфуцианцем» и первым «современным неоконфуцианцем»²⁵.

Эту схему подверг критике известный специалист по конфуцианской философии А.И. Кобзев. Смысл его критики заключается в том, что современные китайские философские системы, подвергшись в XX в. массивному влиянию инородной цивилизации, выходят за рамки конфуцианства в целом²⁶. Поэтому он соглашается с более ранней классификацией, также предложенной А.В. Ломановым, согласно которой все системы китайской философии XX в. считались этапами развития «постконфуцианства», так как, по его мнению, этот термин «предполагает выход за пределы конфуцианства и даже его преодоление»²⁷. В этом смысле он считает правильным называть Лян Шумина только «последним конфуцианцем»²⁸.

В 2009 г. вышло в свет наиболее полное российское исследование идей Лян Шумина: монография А.Б. Старостиной «Философия истории Лян Шумина»²⁹, подготовленная на основе ее защищенной в 2003 г. кандидатской диссертации³⁰. Работа посвящена всем аспектам творчества Лян Шумина, генезису его мысли и ее эволюции. Она начинается с подробной биографии мыслителя. Первая глава посвящена соотношению его теорий исторического процесса с представлениями о нем в традиционном Китае. Во второй анализируется влияние на Лян Шумина различных религиозно-философских систем: буддизма, учения Ван Янмина, западных теорий. Важно, что здесь подробно говорится не только о самой известной книге Лян Шумина о культурах Востока и Запада, но и о развитии его философии в последующих трудах: «Основы китайской культуры» (中国文化要义) и «Сознание и жизнь» (более точный перевод «Сознание человека и его жизнь», 人心与人生). В четвертой главе говорится о культурологической теории Лян Шумина, а в пятой – о его понимании мировой истории. Крайне важно также, что в приложении к монографии даны первые в российской историографии и, кажет-

²⁵ Там же. С. 12.

²⁶ Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Вост. лит., 2022. С. 24.

²⁷ Там же. С. 22.

²⁸ Там же. С. 24.

²⁹ Старостина А.Б. Философия истории Лян Шумина. М.: ИДВ РАН, 2009.

³⁰ Калкаева А.Б. Философия истории Лян Шумина. Канд. дис. М., 2003.

ся, на сегодняшний день единственные переводы двух работ философа³¹.

Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что данная монография внесла значительный вклад в изучение наследия Лян Шумина в России, что тем не менее не означает, что российским ляншуминоведам больше будет нечем заняться. В то время как историософские и культурологические взгляды мыслителя исследованы на сегодняшний день достаточно полно и, вероятно, в каком-то смысле даже глубже, чем за рубежом, что связано с лучшим пониманием в России перипетий политической борьбы в коммунистическом Китае, этого нельзя сказать о собственно философских построениях Лян Шумина, его взглядах на человеческое сознание, на жизнь и смерть. До монографии А.Б. Старостиной эти темы в России практически не обсуждались, да и в ней они лишь намечены и явно требуют дальнейшей проработки.

Другой темой для дальнейшей работы могло бы стать развитие мысли Л.П. Делюсина о некоторой близости идей Лян Шумина современным официальным теориям китайских коммунистов. Ведь многое из того, за что выступал Лян Шумин и подвергался критике Мао Цзэдуна, сегодня вошло в официальную идеологию КПК. Это и идея особого пути Китая, отличного как от западного, так и от советского, и идея особой уникальности китайской цивилизации, в особенности конфуцианства, и ее позитивной роли для будущего человечества, и явное затушевывание роли классовой борьбы в пользу социальной стабильности. Все это подразумевается в сформулированной китайскими лидерами концепции создания в Китае «нового типа человеческой цивилизации» (人类文明新形态), основанного на традиционных, в основном конфуцианских ценностях, в подробно освещенной китайским лидером Си Цзиньпином на XX съезде КПК концепции «китаизации марксизма» (马克思主义中国化), в идеях некоторых влиятельных китайских авторов о Китае как «государстве цивилизации»³².

Представляется, что современное направление развития официальной китайской идеологии во многом соответствует мыслям Лян

---

³¹ Еще один перевод А.Б. Старостиной был опубликован отдельно: Лян Шумин. Об учении Конфуция [Перевод А.Б. Старостиной из книги «Культуры Востока и Запада и их философии»] // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5.

³² Лукин А.В. Концепции «китаизации марксизма», «новой формы человеческой цивилизации» и «государства-цивилизации» в современном китайском идеологическом дискурсе // Российское китаеведение. 2023. № 1(2). С. 71–99.

Шумина позднего периода о близости идей социализма и коммунизма, его пониманию идеальной китайской культуры, которая раскроется в полной мере только после того, как Китай решит проблему достижения материального уровня развития Запада, т.е. преодолет «скороспелость» своей культуры и станет реальным примером будущего для многих стран мира. Согласно плану, заявленному на XX съезде КПК, к середине нынешнего века страну предполагается превратить «в модернизированную социалистическую державу, которая будет лидировать в мире по совокупной национальной мощи и международному влиянию»³³. И в этих условиях рост интереса к наследию Лян Шумина в Китае неслучаен и в каком-то смысле неизбежен. Мы в России должны это понимать и прилагать усилия для его более глубокого изучения.

Приложение. Беседа с Лян Шумином. Пекин, 1987 г.³⁴

Участники Лян Шумин, А.В. Лукин, Лян Циньнин

Лукин: Я сейчас пишу статью и у меня есть несколько вопросов, кое-что мне непонятно. Я прочитал Ваше интервью в журнале «Жэнью»³⁵, и в нем говорится о Вашем отношении к классовой борьбе. Согласно интервью, Вы в 50-е годы говорили, что классовая борьба приемлема, правильно? То есть Вы изменили Ваш более ранний подход.

Лян Шумин: Ну, это потому, что Мао Цзэдун все время говорил о классовой борьбе. Я не соглашался. Почему не соглашался? Потому что вопрос о классах неотделим от экономического и социального неравенства. Понимаете?

Лукин: Да.

---

³³ Си Цзиньпин. Полный текст доклада XX Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zgxw/202210/t20221026_10792071.htm

³⁴ Расшифровка видеозаписи, сделанной А.В. Лукиным. Беседа состоялась в 1987 г. в квартире Лян Шумина. Расшифровка осуществлена Лян Циньнином, перевод А.В. Лукина.

³⁵ Речь идет об интервью с Лян Шумином журналиста-биографа Ван Дунлина, публиковавшихся в нескольких номерах журнала «Жэнью» («Личности») в 1986–1987 гг. и затем объединенных в книгу: 汪东邻 [Ван Дунлин]: 梁漱溟问答录 [Запись беседы с Лян Шумином], 长沙: 湖南人民出版社, 1988.

Лян Шумин: Экономическое и социальное неравенство. С одной стороны – бедные и низкорожденные, с другой – богатые и благородные. Противостояние. Тогда и идет классовая борьба. Но в Китае, в традиционном обществе, в традиционном китайском обществе было не так. В старом обществе как говорили? Вот я сейчас скажу. Как там говорили? «Утром – крестьянский парень, а вечером поднялся в небесный дворец»³⁶. «Человек не рождается для славы, а всего достигает собственными усилиями»³⁷. Я Вам напишу это в тетрадь. Нет, Вы открывайте [тетрадь]. Вы говорите, что знаете, а Вы прочтите. Что значит первая фраза?

Лукин (читает): Утром – крестьянский парень, а вечером поднялся в небесный дворец³⁸. Человек не рождается для славы, без собственных усилий.

Лян Шумин: Достигает. Достигает всего собственными усилиями.

Лукин: Достигает. Иероглиф «дан» здесь полный. Это полные иероглифы. Мы изучали сокращенные иероглифы, но ничего, [понять] можно.

Лян Шумин: Это распространенная поговорка, все понимают. «朝» – это утро, в выражении «朝为田舍郎» «田舍郎» – это хлебопашец, крестьянин. До обеда, утром, человек еще хлебопашец, крестьянин. «暮登天子堂», т.е., а после обеда он уже поднимается во дворец Сына Неба. Знаете, кто такой «Сын Неба»?

Лукин: Сын Неба – это император.

Лян Шумин: Да, император. То есть он уже идет к императору. Это означает трансформацию, говорит о трансформации.

Лукин: Да, да.

Лян Шумин: Далее говорится об этой перемене. «将相本无种». «将» – это военачальник как в слове «大将», «相» – первый министр, как в слове «宰相», крупный чиновник. Выражение «本无种» означает «не заложено первоначально» (на роду не написано). 种 здесь не то, что в выражении «сажать хлеб», не семья. Военачальниками и чиновниками в старом, традиционном Китае становились не по рождению, а в результате этой трансформации. Этой трансформации настоящий мужчина достигал собственными усилиями. Ты сам должен потрудиться, должен учиться, должен приложить собст-

³⁶ 朝为田舍郎, 暮登天子堂.

³⁷ 将相本无种, 男儿当自强.

³⁸ 朝为田舍郎, 暮登天子堂.

венные усилия. То есть так обозначается то, что в китайском обществе деление на бедных и богатых, низких и благородных не было предопределением. Можно было вырасти, можно опуститься. Можно возвыситься, а можно и упасть вниз. То есть классовое разделение не было устойчивым, не было неподвижным, можно было подниматься и опускаться. И это популярное выражение свидетельствует о сомнительности «классовой борьбы», как ее понимал Мао Цзэдун. Было не так, существовала циркуляция, а не четкое разделение. Не было четкого разделения: бедные – всегда бедные, богатые – всегда богатые, вечно богатые, благородные – всегда благородные, низкие – всегда низкие. Было не так. Я с ним спорил, спорил с Мао Цзэдуном по этому вопросу.

Лукин: В статье, опубликованной, кажется, в «Гуанмин жибао» в 1950 г., Вы написали, что [концепцию] классовой борьбы все же можно использовать, она все же верна, правильно?³⁹

Лян Шумин: «На что я направляю свои усилия?», эти статьи?⁴⁰

Лукин: В журнале «Жэнью».

Лян Циньнин: «На что я направляю свои усилия?» в «Гуанмин жибао» напечатаны?

Лукин: В 1950 или 1951 году.

Лян Циньнин: «На что я направляю свои усилия?»

Лукин: «Какие со мной произошли перемены за три года?», кажется, 1951 г., т.е. с конца 40-х до 1951 г. В общем, в 50-е годы, в 1950 или 1951 г. Вы опубликовали статью в «Гуанмин жибао» о классовой борьбе⁴¹.

Лян Циньнин: «Какие со мной произошли перемены за три года?»

Лукин: Да, эта. Кажется, Вы там писали: классовая борьба – это все же правильно.

Лян Шумин: Что?

---

³⁹ Речь идет о статье: 梁漱溟 [Лян Шумин] «两年来我有了哪些转变» [Какие изменения произошли со мной за последние два года]. «光明日报», 05.10.1951.

⁴⁰ Сборник «На что я направляю свои усилия?» («我努力的是什么») – автобиографические заметки Лян Шумина за период с 1937 по 1941 г., опубликованные в 1941 г. в издаваемой им в Гонконге газете «Гуанмин бао» (光明报). Переизданы в изд.: 梁漱溟: «我的努力与反省», 桂林: 漓江出版社, 1987. С. 97–219.

⁴¹ Точное название: «Какие изменения произошли со мной за последние два года?».

Лян Циньнин: Он говорит, что Вы в той статье говорили, что [трактовка] Мао Цзэдуном классовой войны все же верна. Было такое?

Лян Шумин: Верно или не верно – не шаблонное, закостенелое [суждение]. В одно время верно, в другое – неверно, в одном месте верно, в другом – неверно. История традиционного китайского общества очень длинна и сопровождалась самыми разными подъемами и падениями.

Лян Циньнин: Дедушка, я вставлю одну фразу, хорошо? Председатель Мао, говоря об этом Вашем подходе, говорил, что Вы подчеркиваете особенности китайского общества, в то время как обычно, говоря с точки зрения динамики исторического процесса в целом, все же имеется классовая борьба. Я считаю, что эти слова [Председателя] Мао верны. В целом есть определенные слои, определенные классы.

Лукин: Нет, Мао Цзэдун...

Лян Шумин: Классы были неустойчивыми.

Лян Циньнин: Да.

Лян Шумин: Есть такое выражение, неустойчивые классы.

Лукин: Да. Но я сейчас спрашиваю, отличается ли то, что Вы говорили в 50-е годы, от сегодняшних Ваших взглядов?

Лян Шумин: Изменений нет.

Лукин: Изменений нет?

Лян Шумин: Я говорю, как есть.

Лукин: Но в этой Вашей статье Вы не... (*ищет*).

Лян Шумин: Сейчас нет.

Лукин (*Лян Циньнину*): У тебя есть этот журнал «Жэнью»?

Лян Циньнин: Есть журнал «Жэнью».

Лукин: Поищи это интервью.

Лян Шумин: Незачем искать эту старую статью. Я сейчас собственными устами говорю, сейчас на этом и надо основываться.

Лукин: Хорошо. Правильно, я думаю. Вы говорите, что по этому вопросу у Вас мнение не изменилось.

Лян Шумин: Не изменилось.

Лукин: Хорошо. Тогда не могли бы Вы поговорить о вопросе сегодня довольно модном, о связи конфуцианства и модернизации? Вы считаете, как связано конфуцианство и модернизация? Оно способно ускорить модернизацию или препятствовать модернизации Китая?

Лян Шумин: Не может ускорить и не может препятствовать. Конфуцианство представлено Конфуцием, его взглядами, его пони-

манием. Его понимание китайского общества подвижно, не закостено. В этих [конфуцианских] книгах множество обоснований, нельзя по своему усмотрению Вам так говорить, а мне эдак, и так изменять их, как хочешь, нет.

Лукин: Но можно так поставить вопрос: какую роль конфуцианство может играть в будущем? То есть, например, то, что говорил Конфуций, то, что говорил Мэн Цзы, потом...

Лян Шумин: Подход конфуцианства, представленного Конфуцием, является просвещенным. Просвещенным, понимаете?

Лукин: Да, понимаю.

Лян Шумин: Просвещенным.

Лукин: Понимаю.

Лян Шумин: Просвещенным. Он является просвещенным, многосторонним, не закостенелым, не шаблонным. Прочитайте мою книгу «Основы китайской культуры» и поймете.

Лукин: Некоторые говорят, что конфуцианство не занимается абстрактными вещами, не обращает внимание на абстрактные вещи.

Лян Шумин: Что?

Лян Циньнин: Он говорит, что конфуцианство не обращает внимания на абстрактные вещи.

Лукин: Да, поэтому...

Лян Циньнин: Абстрактные.

Лян Шумин: Абстрактные.

Лукин: Поэтому оно способствовало стабильности в Китае, и по этой причине в Китае не развился капитализм. Потому что конфуцианство...

Лян Шумин: Конфуцианство очень многосторонне и много говорит о разуме (理性)⁴². Оно не закостено. Конфуцианство, Конфуций не закостенили. Для подтверждения этих слов существует множество книг, [их] можно подтвердить. Прочтите мою книгу «Основы китайской культуры» и поймете. У меня есть книга, называется «Основы китайской культуры».

Лукин: Да, я читал. И еще у меня есть один друг, он занимается современной китайской историей, «третьей силой»⁴³.

Лян Циньнин: «Третьей силой».

Лукин: «Третьей силой». Вы же, можно считать, участвовали в «третьей силе»?

⁴² Об интерпретации Лян Шумином термина 理性 см. выше.

⁴³ В республиканском Китае (1912–1949) так обозначались попытки создания политической силы или партии, отличной как от Гоминьдана, так и от КПК.

Лян Циньнин: В «Демократической лиге Китая».

Лукин: Да, в Демократической лиге Китая. Вы не могли бы рассказать о деятельности этой Демократической лиги и о том, какую роль она играла в Китае?

Лян Шумин: Я был человеком, учреждавшим Демократическую лигу, учреждавшим и организовывавшим. В самом начале было четыре человека, я был одним из этих четверых. Ее сутью было присоединение ни к Гоминьдану, ни к коммунистам, ни к Чан Кайши, ни к КПК. То есть Демократическая лига представляла средний путь, не склоняясь ни влево, ни вправо. Она часто спешила занять эту промежуточную позицию. Мы сотрудничали с маршалом Дж. Маршаллом⁴⁴. Он был иностранным сторонником среднего пути, а мы – внутренними сторонниками. Для этого есть фактические подтверждения, в одной-двух фразах не разъяснишь.

Лукин: Из этих четырех человек кто были остальные трое? Был еще Чжан Цзюньмай, да?

Лян Шумин: Чжан Цзюньмай, Цзо Шуньшэн, Хуан Яньпэй. Хуан Яньпэй, Цзо Шуньшэн.

Лукин: Они какие организации представляли?

Лян Шумин: У них у всех была своя база, никто не был в индивидуальном качестве.

Лукин: Да.

Лян Шумин: У Хуан Яньпэя – Китайское общество профессионального образования (中华职业教育社), у Цзо Шуньшэна, у них была Младокитайская партия, я представлял группу аграрного строительства. Ни один из нас не был в личном качестве, каждый представлял партию или группу. Нужно исследовать факты, нельзя разъяснять на основе домыслов. Изучать факты – это и значит изучать историю.

Лукин: На Ваш взгляд, какую роль сыграла Демократическая лига в политике того времени?

Лян Шумин: Она была между двумя большими партиями. Две партии – это Гоминьдан и компартия. Мы были не Гоминьданом и не коммунистами. Все это нужно подтверждать фактами, разъяснять на каждом историческом событии, обосновывать, а не заниматься пустой болтовней.

---

⁴⁴ Джордж Маршалл-младший (1880–1959) с декабря 1945 г. по январь 1947 г. был специальным представителем президента США в Китае. Действительное воинское звание – генерал армии.

Лян Циньнин: То есть этого в одной-двух фразах не расскажешь, надо изучить множество документов, документы Демократической лиги.

Лян Шумин: Надо изучать историю, изучать ход событий того времени. Без пустословия.

Лукин: Вы потом не участвовали в этой Лиге? С какого времени?

Лян Шумин: Гораздо позже, после Сычуани⁴⁵.

Лукин: С 1950 г. не участвовали?

Лян Циньнин: Еще до Освобождения⁴⁶ перестал участвовать. Дедушка, Вы же еще до Освобождения объявили о выходе из Демократической лиги?

Лян Шумин: Конечно. Если об этом начать говорить, то получится очень долго. Нужно хорошо знать историю того времени, подтверждать одно событие за другим, а не просто, кто что сказал, то и верно. Голословно болтать нельзя.

Лукин: Но Вы лично участвовали в этой деятельности. Сейчас многие пишут неверно.

Лян Шумин: Что?

Лян Циньнин: Он говорит, что сейчас материалы, которые многие пишут о Демократической лиге, неточны, недостоверны. А Вы лично участвовали.

Лян Шумин: Что?

Лян Циньнин: Говорит, Вы лично участвовали в деятельности этой Демократической лиги.

Лян Шумин: Конечно. Я был важным участником, ответственным секретарем.

Лян Циньнин: Да, да.

Лян Шумин: Когда я был в Демократической лиге, я был ее ответственным секретарем, я возглавлял эту работу.

Лян Циньнин: Он хочет задать некоторые вопросы именно потому, что он знает твою важную роль, он опасается, что другие говорят неверно. В этом цель.

Лян Шумин: Надо изучать факты, многие факты отражены в документах, которые сохранились до сегодняшнего дня.

---

⁴⁵ В ноябре 1946 г. после срыва переговоров между Гоминьданом и КПК Лян Шумин прекратил свое посредничество между ними, объявил об отставке и выехал в основанную им школу в Бэйпэе (北培) около Чунцина (в то время в пров. Сычуань). См.: Alitto G. *The Last Confucian: Liang Shu-ming and the Chinese Dilemma of Modernity*. Berkeley: University of California Press, 1986. P. 319.

⁴⁶ Приход к власти КПК в 1949 г.

Лян Циньнин: Этот вопрос слишком большой.

Лян Шумин: Нельзя, чтобы я говорил белое, а Вы – черное. Нельзя говорить безосновательно.

Лукин: А Вы можете рассказать о концепции, о которой Вы писали: что китайская культура – скороспелая культура будущего?

Лян Шумин: Этот термин «скороспелая» означает следующее. Человечество первоначально подвергалось давлению природы. В первоначальный период, время младенчества культуры человечество подвергалось давлению природы. Понимаете эти слова?

Лукин: Да.

Лян Шумин: По мере постепенного прогресса, в особенности прогресса науки, природу стали покорять. Понимаете? Покоряя природу, человечество превратилось в хозяина природного мира. Но это успех Запада, точнее, современного Запада. Китай в этом отношении не продвинулся. Он не продвинулся в области покорения природы, в области материальной науки. Китайцы, китайская культура уделяли особое внимание в основном отношениям между людьми, а не между человеком и природой. Понятно?

Лукин: Да.

Лян Шумин: Китайцы относились к природе с восхищением. Они не стремились ее покорять, использовать природный мир. Люди современного Запада были не такими. Современные люди Запада, начиная с эпохи Возрождения, отошли от своих религиозных начал, они сконцентрировали внимание на изучении, познании природного мира. В этой области у Китая дефицит, дефицит естественных наук. Этого не разъяснишь в одной-двух фразах.

Лукин: Вы говорили о трех этапах исторического развития: один этап западной культуры, другой – китайской и третий – индийской. Но можно ли сказать, что проблема, решаемая западной культурой, это проблема капитализма? А проблема китайской культуры, отношений между людьми – это проблема социалистической культуры?

Лян Шумин: На современном Западе большую часть интеллектуальных усилий направляли на познание природы, покорение природного мира, его использование. Самолет может облететь земной шар. Современный Запад достиг высокого уровня в этой области прогресса человечества, а Китай не достиг. Китай в основном занимался отношениями между людьми, а не человека с природой.

Лукин: Имеют ли эти два типа культуры отношение к капитализму и социализму? И если да, то какое?

Лян Шумин: Конечно, имеют. Китай – это отношения между людьми, в нем говорили о нормах этих отношений (人伦), о морали (道德). Люди Запада, современные люди Запада все же познавали, покоряли природный мир, использовали его. Они могут на самолете взлететь на небо. Тут различие очевидно. Очень понятное различие.

Лукин: К социализму это имеет отношение?

Лян Циньнин: Дедушка, он спрашивает, имеют ли эти два типа культуры отношение к социализму.

Лян Шумин: В Китае не было социализма. Первоначально не было, он не зародился в нем самом. Китайцы говорили только о семье.

Лукин: Китайская культура, как Вы говорите, занимается отношениями между людьми, правильно?

Лян Шумин: *(кивает утвердительно)*.

Лукин: Социализм тоже занимается отношениями между людьми.

Лян Шумин: Социализм – это коллективизм. Коллектив, понимаете?

Лукин: Традиционная китайская культура тоже говорит о коллективе.

Лян Шумин: Не о коллективе, а о семье. Семья и коллектив – две разные вещи. Китайцы говорят об отце и сыне, старшем и младшем братьях, а это и значит о семье. Они не говорят о группах! У них не было религии. В Китае дефицит религии. Религия пришла в Китай извне. Сам Китай не породил религии.

Лян Циньнин: Даосизм не в счет? Дедушка, даосизм считается?

Лян Шумин: Даосизм и религия – две разные вещи.

Лян Циньнин: В даосизме тоже есть храмы.

Лян Шумин: В даосизме? Есть.

Лян Циньнин: Он коренной, можно считать, китайский.

Лян Шумин: Он распространился очень рано. Даосизм распространился очень рано! Уже на начальном этапе был даосизм, он не сформировался до религии, у него уже был этот принцип. Этот даосский принцип, суеверие.

Лукин: Означает ли Ваша мысль о «скороспелости», что в Китае в будущем будет техника, западные вещи сделают китайское общество лучше, правильно?

Лян Шумин: Ну, конечно.

Лукин: То есть еще надо изучать западную культуру?

Лян Шумин: Естественные науки дают знания о природе, их можно использовать. Это сильно поможет Китаю.

Лукин: Но должны ли государства Запада войти в период китайской культуры? То есть, решив проблемы техники, материальные проблемы, должны ли они также пройти через этап решения проблем отношений между людьми?

Лян Шумин: Дело в том, что на современном Западе есть направления, первое – это индивидуализм, оно говорит о свободе и равенстве. Другое – коллективизм, утверждающий коллектив. Ни одного из них не было в Китае. В Китае любят говорить о семье, семья – это и не коллектив, и не индивид.

Лукин: Я говорю вот о чем: должны ли люди и государства Запада также изучать китайскую культуру, т.е. отношения между людьми? Потому что тоже этого не хватало.

Лян Шумин: Вопрос не в том, кому у кого учиться. Это трансформация, а не преднамеренное изучение. Не то, что я хочу изучить и изучаю.

Лукин: Но им же этого не хватает? То есть верно ли, что западной культуре не хватает отношений между людьми?

Лян Шумин: Что западная культура?

Лукин: Верно ли, что ей не хватает этого?

Лян Циньнин: Верно ли, что западной культуре не хватает этого аспекта: отношений между людьми?

Лян Шумин: Нет, тут есть различие с Китаем, нельзя сказать, что не хватает. Они различны. В семье все же есть отец, сын и братья. Здесь надо изучать социальную реальность, а не просто говорить, что хочешь.

Лукин: Хорошо, спасибо.

Концепции «китаизации марксизма», «новой формы человеческой цивилизации» и «государства-цивилизации» в современном китайском идеологическом дискурсе

Опубликовано в журн.: Российское китаеведение. 2023. № 1(2). С. 71–99

Каждый новый китайский лидер считает своим долгом внести свой теоретический вклад в теорию управления государством, которая, формально считаясь марксистской, все дальше уходит и от классического учения Маркса и Энгельса, и от его советского, ленинско-сталинского варианта. Китайские партийные теоретики объясняют необходимость теоретических новаций изменяющейся ситуацией и спецификой китайского общества, а не просто амбициями лидеров. Неслучайно целый раздел доклада Си Цзиньпина XX съезду КПК посвящен «китаизации» (中国化) и «осовремениванию» (时代化) марксизма, что признается важнейшим теоретическим достижением КПК.

О том, насколько это оригинально, говорит хотя бы то, что сами эти термины, например, в СССР были невозможны. Конечно, марксизм в СССР «творчески развивали»: так назывались одобренные руководством КПСС изменения (не одобренные назывались попытками «ревизовать» марксизм). Но все же формально изменения преподносились в форме более точной интерпретации доктрины, а не открытого внесения поправок. Для обоснования любого нового положения необходимо было подтвердить его какими-то высказываниями классиков (Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина) или прежними партийными решениями, благо писали классики и принималось решений очень много, и при желании обосновать можно было почти все что угодно. При этом такие формулировки, как, скажем, «русификация» или «советизация» марксизма, сразу же были бы признаны ревизионистскими, так как за марксизмом признавалась всеоб-

щая, универсальная значимость и не могло существовать различных национальных марксизмов. В этом случае марксистский подход унаследовал просвещенческий взгляд на мир, согласно которому любая передовая (естественно, европейская) теория имеет всеобщий характер. Что касается осовременивания, то от него, как сказали бы в СССР, тоже пахнет ревизионизмом. Конечно, Сталин говорил, что ленинизм «есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции»¹, т.е. Ленин, как и Си Цзиньпин, адаптировал его к новой эпохе. Однако термин «осовременивание» вряд ли мог бы быть применен в СССР, из него можно было сделать вывод, что изначальный марксизм не обладает вневременной истиной, а это уже явный ревизионизм. Как писали советские теоретики, «Маркс современен всегда»².

Между тем китайские документы последнего времени много говорят о марксизме, но практически не имеют ссылок на классиков марксизма. Не является исключением и упомянутый доклад. В нем утверждается, что марксизм – «коренная руководящая идеология, лежащая в основе нашей партии и государства и обеспечивающая их процветание и могущество», а приверженность ему как руководящей научной теории – это «основная гарантия нашей партии для укрепления веры и убеждений и владения исторической инициативой»³. В то же время в докладе говорится, что именно в плодотворности китаизированного и осовремененного марксизма кроется причина успеха КПК⁴.

Китаизация марксизма

Впервые термин «китаизация марксизма» в политический дискурс КПК был, по всей вероятности, введен Мао Цзэдуном еще до ее прихода к власти. Он употребил его в своем крайне объемном докладе «О новом этапе национальной антияпонской войны и развития единого национального антияпонского фронта», сделанном в конце октября 1938 г. на 6-м расширенном пленуме ЦК КПК 6-го созыва.

---

¹ Сталин И.В. Об основах ленинизма. Лекции, читанные в Свердловском университете / Сочинения. Т. 6. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1947. С. 71.

² Косолапов Р.И. Маркс современен всегда // Коммунист. 1983. № 7. С. 19–43.

³ Полный текст доклада XX Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая. 2022. 25 октября. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html

⁴ Там же.

В разделе доклада, формально посвященного марксистской учебе, лидер КПК начал довольно неожиданно рассуждать о необходимости для китайского марксиста изучать китайскую культурно-философскую традицию. «Мы – сторонники марксистского подхода к истории, мы не можем отмахиваться от нашего исторического прошлого. Мы должны обобщить все наше прошлое – от Конфуция до Сунь Ятсена – и принять это ценное наследие. Это будет большим подспорьем для руководства нынешним великим движением. Коммунисты являются сторонниками интернационального учения – марксизма, однако марксизм мы сможем претворить в жизнь только с учетом конкретных особенностей нашей страны и через определенную национальную форму». И далее Мао заметил: «Поэтому китаизация марксизма, с тем чтобы он во всех своих проявлениях отражал китайскую специфику, – это вопрос, который вся партия должна безотлагательно понять и решить». Он подверг критике увлечение иностранщиной, «пустые, абстрактные напевы», догматизм и призвал заменить их на свежие и живые китайские стиль и манеры, которые приятно слушать и радостно видеть простым китайцам⁵.

Неожиданным для многих членов КПК это должно было быть потому, что китайские марксисты, как и все революционеры страны, считали национальную традицию, в особенности конфуцианство, главной причиной отставания Китая в развитии и его унижений от империалистических держав. Они, как правило, разделяли ставший популярным со времени движения «4-го мая» в 1919 г. лозунг «Долой лавку Конфуция».

Не было исключением и Мао Цзэдун. В написанной в 1937 и изданной с апреля по июнь 1938 г., т.е. всего за несколько месяцев до 6-го пленума, работе «Диалектический материализм» он утверждал совершенно иное: «В связи с отсталостью развития китайского общества, развивающегося сегодня в Китае идейное течение диалектического материализма вышло не из преемственности и преобразования собственного философского наследия, но из изучения марксизма-ленинизма. Тем не менее это идейное течение в Китае необходимо углублять и развивать, и твердо вести китайскую революцию по

---

⁵ 毛泽东 [Мао Цзэдун]. 论新阶段抗日民族战争与抗日民族统一战线发展的新阶段 -- 一九三八年十月十二日至十四日在中共扩大的六中全会的报告 [О новом этапе национальной антияпонской войны и развития единого национального антияпонского фронта. Доклад на 6-м расширенном пленуме ЦК КПК. 12–14.10.1938]. URL: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/szyw/200705/22/t20070522_11449970_2.shtml

пути к окончательной победе, одновременно следует вести борьбу с различными существующими философскими учениями, водрузить знамя критики на общенациональном идейном фронте и тем самым окончательно расщитаться с древнекитайским философским наследием, и только тогда можно достичь цели»⁶.

Такое изменение в подходе лидера было, как это часто случается у политиков, вызвано тактическими соображениями борьбы за власть. Именно в этот период Мао боролся за влияние в партии с прибывшим из Москвы посланником Коминтерна Ван Мином, которого пытался выставить в качестве абстрактного догматика и сторонника иностранщины. Если раньше ему выгодно было представить себя как наиболее последовательного ортодоксального марксиста, то теперь, после того как Москва фактически поддержала его в качестве лидера КПК, Мао стал утверждать себя в качестве национального марксистского лидера, который, так же как Ленин и Сталин, адаптировал марксизм к условиям своей страны.

Москва в принципе поддержала этот курс⁷. Сама по себе идея о применении марксистской истины с некоторыми различиями, исходя из конкретных особенностей каждой страны, т.е. не в качестве догмы, а «руководства к действию»⁸ не была чужда советским марксистам. Единственное, что им не понравилось, – это сам термин «китаизация», так как в нем слышалось не просто применение марксистской истины к конкретным условиям, а создание какого-то нового, китайского марксизма. Именно поэтому в русских переводах доклада Мао на 6-м пленуме термин «китаизация» (中国化) переводился как «применить марксизм к конкретным особенностям Китая»⁹.

В мае 1945 г. с идеей китаизации марксизма довольно развернуто выступил занимавший в то время пост члена секретариата ЦК КПК Лю Шаоци. Выступая на VII съезде КПК в Яньани с докладом «О поправках в устав партии», он заявил: «Идеи Мао Цзэдуна от его миро-

---

⁶毛泽东 [Мао Цзэдун]. 辩证法唯物论 (讲授提纲) [Диалектический материализм. (Конспект лекций)]. 1938. URL: <https://www.marxists.org/chinese/maozedong/1937/02.htm#2>

⁷ Панцов А.В. Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 451–465.

⁸ Энгельс Ф. Письмо А. Зорге. 29.11.1886 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. М.: Политиздат, 1964. С. 488; Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. Т. 41. М.: Политиздат, 1981. С. 55.

⁹ Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 2. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. С. 364.

воззрения до стиля работы являются не чем иным, как развитием и совершенствованием китаизированного марксизма, целостной революционной теорией китайского народа». Лю пояснил, что необходимость такой китаизации связана с особенностями китайского общества, вызванными его отсталостью, т.е. с ситуацией, с которой коммунистам никогда и нигде еще не приходилось сталкиваться, и с проблемами, которые им еще не приходилось решать. К этим проблемам он отнес следующие: основу народных масс в Китае составляют крестьяне, а не рабочие, а борьба ведется против гнета иностранного империализма и пережитков средневековья, а не против национального капитализма. Поэтому в этой ситуации недостаточно, как говорят некоторые, просто глубже прочитывать, декламировать наизусть и цитировать марксистскую классику, но необходимо «соединить высокий научный дух и высокий революционный дух»¹⁰.

О значении этого доклада говорит то, что после съезда Лю Шаоци фактически стал третьим человеком в партии. Очевидно, Мао Цзэ-дуну понравилось то, что Лю прославил его как выдающегося марксиста, равного основателям учения. Однако сам Мао термин «китаизация» (中国化) публично более не использовал. По крайней мере, он больше не встречается в письменных изданиях его работ. Причиной этому были, скорее всего, осторожность и нежелание вызвать негативную реакцию советских коммунистов. Как поясняет китайский исследователь Ли Цзюньжу: «После освобождения страны КПК очень редко открыто использовала формулировку „китаизация марксизма“: обычно использовалась формула „соединение марксизма и практики Китая“». Причиной стала принятая в июне 1948 г. Информбюро резолюция с критикой Коммунистической партии Югославии в так называемом националистическом, антисоветском и прокапиталистическом уклоне. КПК, понимая, что формулировка «китаизация марксизма» может быть ошибочно расценена как националистический уклон, и нуждаясь после завоевания власти во всей стране в помощи Советского Союза, не выдвигала больше формулу «китаизация марксизма»¹¹.

Фактически до начала XXI в. в китайской литературе термин «китаизация марксизма» появлялся лишь фрагментарно. Например,

---

¹⁰ 刘少奇[Лю Шаоци]. 关于修改党章的报告 [Доклад об изменениях в устав партии] // Жэньминьван. URL: <https://news.12371.cn/2017/09/21/ART11505977556383646.shtml>

¹¹ Ли Цзюньжу. Об основных вопросах китаизации марксизма // Свободная мысль. 2017. № 4. С. 69.

в 1960 г. известный китайский марксистский философ Ли Да в статье, посвященной необходимости всем теоретикам и практикам изучать идеи Мао Цзэдуна, писал: «Идеи Мао Цзэдуна от мировоззрения до методов мышления и методов работы – это развивающийся и совершенствующийся китаизированный марксизм, научная теория социалистической революции и строительства коммунизма»¹². Любому грамотному китайскому марксисту было понятно, что эти строки – лишь парафраз слов Лю Шаоци из его выступления на VII съезде КПК. И хотя именно в этом месте ссылки на доклад Лю «О поправках в устав партии» нет, Ли Да дает несколько прямых цитат из него в некоторых других местах своей статьи¹³. Однако интересно и некоторое отличие от текста Лю Шаоци. Хотя из контекста ясно, что речь идет о Китае, все же Ли Да нигде прямо не говорит, что китаизированный марксизм Мао должен применяться только в этой стране, из чего можно сделать вывод о его и более широком значении.

Советские идеологи сразу же заметили эти формулировки и активно использовали их для набравшей обороты критики китайских коммунистов. В письме, переданном Лю Шаоци во время его визита во главе китайской делегации на состоявшееся в Москве в конце 1960 г. совещание представителей коммунистических и рабочих партий, критиковался его доклад 1938 г., в котором использовался тезис «китаизированный марксизм» и тем самым якобы игнорировался интернациональный характер марксистско-ленинского учения. В датированном 5 ноября письме, ставшем ответом на ранее полученное письмо от ЦК КПК, говорилось, что китайская печать якобы широко использует этот термин¹⁴.

В проекте доклада М.А. Сулова по итогам совещания, разосланном членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС в январе 1961 г., говорится, что формула «китаизация марксизма» свидетельствует об ошибочной претензии «китайских товарищей» на «особую

---

¹² 李达 [Ли Да]. 努力学习以致用。谈学习毛泽东同志的著作 [Упорно изучать и применять. Об изучении работ товарища Мао Цзэдуна] // Жэньминь жибао. 04.01.1960. С. 7; Knight N. Li Da and Marxist Philosophy in China. Oxford: Westview Press, 1998. P. 251.

¹³ 李达 [Ли Да]. 努力学习以致用。谈学习毛泽东同志的著作 [Упорно изучать и применять. Об изучении работ товарища Мао Цзэдуна]...

¹⁴ Ли Цзюньжу. Об основных вопросах... С. 69; Об итогах совещания коммунистических и рабочих партий. (Проект доклада М.А. Сулова на Пленуме ЦК КПСС). РГАНИ: Ф. 2. Оп. 1. Д. 495. С. 46.

роль в развитии марксистско-ленинской теории». В документе отмечается, что во время совещания член делегации Дэн Сяопин стремился доказать, что эта формула в популярной форме выражает мысль о «сочетании всеобщей истины марксизма-ленинизма с конкретной практикой в Китае»¹⁵, т.е. вполне приемлемую для всех коммунистов. Однако советские идеологи уловили в ней другой смысл. Ссылаясь на статью Ли Да, а также на работы некоторых других авторов, прославлявших Мао, в частности, на статью кандидата в члены ЦК КПК Ван Жэньчжуна, в которой утверждается, что идеи китайского вождя являются «новым развитием марксизма-ленинизма в новый исторический период» и имеют «новое всеобщее значение для революции на Востоке и для мировой революции», они фактически обвинили китайских коллег в претензии на создание марксистского учения нового типа. По мнению советских идеологов, это неверное учение предлагалось Пекином для применения в мире в качестве альтернативы советскому марксизму, а из его автора Мао Цзэдуна там лепили нового классика марксизма, равного Ленину и Сталину как по глубине мысли, так и по роли (естественно, первой) в мировом коммунистическом движении. Все это отодвигало лидеров СССР на второй план, разрушая их монополию на трактовку марксистской истины. Таким образом, казалось бы, схоластический спор о терминах превращался в рычаг борьбы за влияние в мировом коммунистическом движении.

Авторы советского документа заключали: «Совершенно очевидно, что, выдвинув формулу „о китаизации марксизма“, китайские товарищи имели в виду не применение основных, общих для всех стран марксистско-ленинских принципов к историческим и национальным особенностям Китая, а особый этап развития марксистско-ленинской теории, связанный с именем Мао Цзэдуна. Эта формула тянет назад, к временам „культы личности“, когда считалось, что развитие марксистско-ленинской теории является монополией только „избранных“ лидеров коммунистического движения»¹⁶.

Однако советские идеологи зря волновались по поводу данной конкретной формулировки. Впоследствии она длительное время не использовалась в китайской пропаганде. И причина здесь скорее всего в том, что, будучи вынужденным в этот период отойти от управления экономикой и сосредоточиться на идеологии, Мао, оче-

---

¹⁵ Об итогах совещания... С. 64.

¹⁶ Там же. С. 65.

видно, уже готовил меры по возвращению неограниченной власти и коренную смену курса, которые затем нашли воплощение в «культурной революции». В рамках этого нового курса опора на китайскую традиционную культуру ему была более не нужна. Напротив, он считал именно ее, прежде всего конфуцианство, причиной самовоспроизводства бюрократического класса «идущих по капиталистическому пути» партийцев, которые якобы и тормозят быстрее постройка его коммунистической утопии.

В результате Мао вернулся к критике традиционной китайской культуры. Еще в 1958 г. он произнес знаменитые слова: «Наша страна – и бедная, и белая: бедные ничего не имеют, белые – это чистый лист бумаги, бедность – это хорошо для революции, на белом можно написать, что угодно: писать статьи, делать чертежи, на чистом листе хорошо писать статьи»¹⁷. Тогда это касалось буржуазной, капиталистической культуры и идеологии. Но, столкнувшись с фактическим саботажем курса на ускоренное строительство социализма со стороны соратников в партии, Мао стал применять этот подход и к собственно китайской культуре. В его рамках «ценное наследие» от Конфуция до Сунь Ятсена становилось ненужным и даже вредным. Это привело к конфликту Мао с «последним конфуцианцем» Лян Шуминем¹⁸, подключению критики Конфуция к компании по осуждению Линь Бяо, сносу культурных памятников «хунвэйбинами» и многому другому.

Неслучайно во время «культурной революции» обнаружилось, что сторонники формулы «китаизация марксизма» как раз были противниками курса на ускоренное построение коммунизма. Для них эта формула была составной частью идеи размеренных преобразований с опорой на лучшие достижения мировой, в том числе и китайской цивилизации, а прославляли они Мао как теоретика в рамках авторитарно-коммунистической традиции, когда популяризация своих идей ведется не в виде создания оппозиционной программы, а в форме «правильной» интерпретации идей вождя. Но данная интерпретация показала вождю неверной, и большинство ее сторонников, в том числе упоминавшиеся нами ранее Лю Шаоци, Ли Да и Ван Жэньчжун, были репрессированы.

---

¹⁷ 毛泽东 [Мао Цзэдун]. 在最高国务会议上的讲话（一九五八年一月二十八日）[Выступление на заседании Госсовета. (28.01.1958)]. URL: <https://www.marxists.org/chinese/maozedong/1968/4-007.htm>

¹⁸ Alitto G.S. *The Last Confucian: Liang Shu-ming and the Chinese Dilemma of Modernity*. Berkeley: University of California Press, 1979.

Лишь один раз, при обсуждении доклада Дэн Сяопина о результатах совещания коммунистических и рабочих партий в Москве, состоявшемся на 9-м пленуме ЦК 8-го созыва в январе 1961, Мао указал Лю Шаоци (на которого в своем письме ссылались советские коммунисты), что у него нет «патента» на термин «китаизация марксизма», и даже вспомнил, что сам говорил об этом на 6-м пленуме в 1938 г.¹⁹ Но речь здесь шла скорее о месте главного теоретика, а не о содержании концепции, суть которой Мао объяснил вполне приемлемо и с точки зрения советских марксистов как «соединение всеобщей истины марксизма с конкретной практикой китайской революции», т.е. в том же ключе, что и Дэн Сяопин на самом совещании.

Возобновление интереса в Китае к концепции «китаизации марксизма» связано, во-первых, с выдвинутой в 1982 г. Дэн Сяопином формулой о построении социализма с китайской спецификой²⁰, а, во-вторых, с общим усилением Китая, ростом его мирового влияния, которое потребовало создать некую новую идеологическую систему, объясняющую это его укрепившееся положение, в том числе и тот факт, почему именно китайский марксизм оказался способным это положение обеспечить, а советский привел СССР к краху. Как пишет китайский автор, иероглиф «化» (придающий китайскому термину «中国化» значение китаизации) обозначает в этой обстановке «китайскую специфику» и «черты эпохи»²¹.

Со времени выдвижения концепции «социализма с китайской спецификой» прошло более десятилетия, прежде чем формула «китаизированный марксизм» вернулась в официальный китайский идеологический дискурс. Ее обсуждение началось в экспертном обществе, и лишь затем она была взята на вооружение руководителями страны. В 1994 г. в издательстве провинции Хэбэй вышла книга «Ход истории китаизации Маркса» историка КПК Ян Куйсуна²². В 1997 г. в издательстве Педагогического университета Северо-Восточного Китая появилось исследование «Мао Цзэдун и китаизация марксизма» известного специалиста по идеям вождя Чжэн Дэ-

¹⁹ Ли Цзюньжу. Об основных вопросах... С. 69.

²⁰ 顾海良 [Гу Хайлян]. 马克思主义中国化的历史、理论与现实 [История, теория и реальность китаизации марксизма] // Гаосяо макэсычжунь лилунь яньцзю. 2015. Т. 1. №. 1. С. 44–52.

²¹ Там же.

²² 杨奎松 [Ян Куйсун]. 马克思中国化的历史进程 [Исторический процесс китаизации марксизма]. 河南人民出版社, 1994.

жуна. В 2000 г. уже в столице была опубликована небольшая брошюра Ян Куйсуна «Беседы по истории китаизации марксизма»²³.

И только с начала нынешнего века интерес к концепции стали проявлять лидеры страны. В июле 2001 г. в речи на собрании, посвященном 80-летию создания КПК, ее тогдашний руководитель Цзян Цзэминь назвал китаизированный марксизм, в котором воплотились основные принципы марксизма-ленинизма и который в то же время включил в себя выдающиеся идеи китайской нации и практический опыт китайских коммунистов, достижением идей Мао Цзэдуна и теории Дэн Сяопина²⁴. Как видим, речь здесь вновь пошла не просто о соединении всеобщей истины марксизма с китайской практикой, но и, как у Мао Цзэдуна в 1938 г., с лучшими достижениями китайской традиции. А в принятом в сентябре того же года «Постановлении ЦК КПК об усилении и усовершенствовании стиля партийного строительства» говорилось о необходимости «непрерывно способствовать китаизации марксизма»²⁵. В 2003 г. выдвинутая Цзян Цзэминем «теория трех представительств» была объявлена «новейшим достижением китаизации марксизма»²⁶.

Преемник Цзян Цзэминя Ху Цзиньтао уже неоднократно говорил о китаизации марксизма, в основном повторяя мысли предшественника о необходимости изучения идей двух основных китаизаторов: Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, а также теории «трех представительств» самого Цзяна²⁷.

---

²³ 杨奎松 [Ян Куйсун]. 马克思主义中国化史话 [Беседы об истории китаизации марксизма]. 社会科学文献出版社, 2000.

²⁴ 江泽民在庆祝中共成立 80 周年大会上的讲话 [Речь Цзян Цзэминя на праздновании 80-й годовщины основания КПК]. 02.07.2001. URL: <https://www.chinanews.com.cn/2001-07-02/26/101847.html>

²⁵ 中共中央关于加强和改进党的作风建设的决定 [Решение ЦК КПК по усилению и усовершенствованию стиля партийной работы]. 26.09.2001. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/71380/102565/182138/10326334.html>

²⁶ 中央:学习“三个代表”要着力解决实际问题 [ЦК: При изучении «трех представительств» необходимо сосредоточить усилия на решении практических вопросов]. 22.06.2003. URL: <https://www.chinanews.com.cn/n/2003-06-22/26/316472.html>

²⁷ 政治局进行第六次集体学习 胡锦涛主持并讲话 [Политбюро провело 6-ю коллективную учебу. Ху Цзиньтао председательствовал и выступил]. 04.08.2003. URL: <https://news.sina.com.cn/c/2003-08-04/1100502567s.shtml>; 胡锦涛 [Ху Цзиньтао]. 在新时期保持共产党员先进性专题报告会上的讲话 [Выступление на собрании по докладу на специальную тему о поддержании передового характера членов партии в новое время]. 14.01.2005. URL: <http://www.reformdata.com>

Получив официальное признание, формула «китаизация марксизма» стала активно обсуждаться китайскими экспертами. О ней начали публиковать десятки книг и статей. Однако на первых порах это обсуждение шло довольно осторожно. Так, например, в предисловии к вышедшему в 2013 г. сборнику «Исследования по „китаизации марксизма“» его редактор Ли Цзяньюн отмечал, что, хотя в XXI в. в основном политическом и теоретическом дискурсе признание концепции «китаизация марксизма» значительно увеличилось и она стала вполне легитимной, тем не менее она по-прежнему вызывает серьезные споры, и проблема ее оценки остается сложной. Автор признает: сегодня, как и ранее, раздаются голоса как сторонников, так и противников этой формулы, а наряду с одобрением в ее адрес слышны и насмешки. При этом, несмотря на широкое употребление, есть и те, кто подвергает ее легитимность сомнению. Кроме того, за пределами основного политического и теоретического дискурса существует множество немейнстримных мнений, согласно которым «китаизация марксизма» является данью прагматизму, конфуцианизацией, вульгаризацией, окрестьяниванием марксизма и т.п. Именно поэтому необходимы дальнейшие исследования истоков и эволюции данной концепции для установления ее истинного содержания²⁸.

Выдвижение следующим китайским лидером Си Цзиньпином на XX съезде КПК в ноябре 2022 г. развернутой концепции «китаизации марксизма», изложение которой заняло весь второй раздел письменного варианта доклада, должно развеять все эти сомнения²⁹. Само по себе использование высшим руководителем Китая формулы «китаизация марксизма» не было неожиданным. Си Цзиньпин использовал ее и ранее, еще до прихода на пост высшего руководителя

---

org/2005/0114/4810.shtml; 胡锦涛在学习《江泽民文选》报告会上讲话 [Выступление Ху Цзиньтао на собрании по докладу об изучении «Избранных трудов Цзянь Цзэминя»]. 15.08.2006. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2006-08/15/content_362771.htm; 胡锦涛：把马克思主义同马克思主义中国化结合 [Ху Цзиньтао: Соединить марксизм с китаизацией марксизма]. 18.12.2008. URL: <http://news.cctv.com/china/20081218/104662.shtml>

²⁸ 习近平：不断推进马克思主义中国化 坚持中国特色社会主义道路 [Си Цзиньпин: Продолжать продвигать вперед китаизацию марксизма и придерживаться социалистического пути с китайской спецификой]. 21.06.2021. URL: https://www.most.gov.cn/ztlz/jd90zn/jd90znzyjs/201107/t20110701_87872.html

²⁹ Полный текст доклада XX Всекитайскому съезду...

партии и государства³⁰, а также позднее, например, в докладе на XIX съезде КПК в 2017 г.³¹. Неожиданностью стала развернутость и концептуальная направленность раздела о «китаизации» доклада 2022 г.

До него Си Цзиньпин оценивал «китаизацию марксизма» в принципе в русле того, что ранее говорили Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао: подчеркивал роль идей Мао и теории Дэна как важнейших шагов на пути китаизации, а теорию «трех представительств» как новейший ее этап, связывал ее с построением социализма с китайской спецификой. В качестве единственной новеллы можно было выделить лишь упоминание в контексте китаизации марксизма цели великого возрождения китайской нации.

Все это получило отражение и на XX съезде, однако основной упор был сделан на соединение марксизма с китайской традицией. В докладе подчеркивается: «Для отстаивания и развития марксизма необходимо сочетать его с лучшими достижениями традиционной китайской культуры. Только вросши корнями в китайскую землю, в плодородную почву исторического и культурного наследия китайской нации, древо марксистской истины сможет пустить глубокие корни и распускать густые листья. Выдающаяся традиционная китайская культура – это богатая и глубокая культура, она корнями уходит в далекое прошлое и представляет собой квинтэссенцию мудрости китайской цивилизации. Содержащиеся в ней идеи... являются важным воплощением взглядов китайского народа на Вселенную, Поднебесную, общество и мораль, которые были сформированы им в производственной деятельности и в жизни в течение длительного времени, и во многом они совпадают с ценностями и положениями научного социализма. Поэтому нам необходимо укреплять историческую уверенность и уверенность в собственной культуре, продолжать ставить древнее на службу современности, отбрасывать устаревшее и возвращать новое, гармонично сочетать квинтэссенцию марксизма с лучшими достижениями традиционной китайской культуры, с общими представлениями народных масс о ценностях, которых они подсознательно придерживаются в своей

---

³⁰ 习近平：推进马克思主义中国化 实现与时俱进 [Си Цзиньпин: Продвигать китаизацию марксизма, идти в ногу со временем]. 20.06.2011. URL: <https://www.chinanews.com.cn/gn/2011/06-20/3123690.shtml>

³¹ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК // Синьхуа. 03.11.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm

повседневной жизни, непрерывно придавать научной теории марксизма яркую китайскую специфику и постоянно укреплять историческую и массовую основу для китаизации и осовременивания марксизма, чтобы он прочно укоренился в Китае»³².

Это воспевание традиционной культуры, безусловно, неслучайно. Оно явилось выражением новой самоуверенности китайского руководства на фоне возросшей мощи Китая и его роли на международной арене, а также желания сформулировать идеологическое обоснование укрепившегося положения страны, противопоставляющего ее как миру Запада, так и советскому опыту. Развитие по пути, основанном на китаизированном марксизме, представлялось теперь более эффективным для применения к китайской реальности, чем эти два пути, и, возможно, даже и для мирового развития в целом. Таким образом, если Мао Цзэдуну опора на традиционную китайскую культуру понадобилась для закрепления самостоятельности по отношению к сторонникам советской интерпретации марксизма внутри партии, то Си Цзиньпин использует ее для противопоставления своей модели развития Западу и СССР. Вероятно, для уравнивания этой отсылки к прошлому, Си заговорил на XX съезде также и об «осовременивании марксизма». С его легкой руки о задачах «китаизации» и «осовременивания» марксизма теперь в Китае обычно говорят одновременно.

Новая форма человеческой цивилизации

В этом плане интересно упоминание в разделе доклада на XX съезде, посвященном «китаизации марксизма», китайской цивилизации. Это непосредственно связывает формулу «китаизация марксизма» с другой концепцией, выдвинутой Си Цзиньпином незадолго до XX съезда и повторенной им на съезде: концепцией «новой формы человеческой цивилизации». Ее создание в Китае лидер КПК объявил на съезде одним из требований китайской модернизации, над исполнением которых работают китайские коммунисты³³.

Выступая 7 февраля 2023 г. на церемонии открытия учебного семинара по изучению последовательного претворения в жизнь идей Си Цзиньпина о новой эпохе социализма с китайской спецификой и духа XX съезда КПК, в котором приняли участие новые члены и кандидаты в члены ЦК, а также кадры провинциального и мини-

---

³² Полный текст доклада XX Всекитайскому съезду...

³³ Там же.

стерского уровня, Си Цзиньпин так сформулировал эту концепцию: «...модернизация китайского типа глубоко укоренена в прекрасной традиционной китайской культуре, она воплотила в себе сущность научного социализма, использовала и впитала все выдающиеся достижения человеческой цивилизации, представляет собой прогрессивное направление развития человеческой цивилизации. Она открыла новую перспективу модернизации, отличную от ее западной модели, и является совершенно новой формой человеческой цивилизации». Он также отметил, что «модернизация китайского типа создала образец независимого продвижения по пути модернизации для широкого круга развивающихся государств, тем самым предоставив им совершенно новую возможность выбора»³⁴.

Концепция новой формы человеческой цивилизации была выдвинута на прошедшем в ноябре 2021 г. 6-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва. Сформулированная в краткой форме в принятом по итогам пленума коммюнике она звучит так: «Под руководством КПК китайский народ успешно открыл китайский путь модернизации, создал новую форму человеческой цивилизации, проложил развивающимся странам новые пути к модернизации»³⁵. В опубликованной через несколько дней «Резолюции ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии» она изложена более развернуто: «В течение прошлого столетия КПК боролась как за счастье китайского народа и возрождение китайской нации, так и за прогресс человечества и великое единение мира, своей неустанной борьбой существенно изменила тенденцию мирового развития и мироустройство. Партия, ведя за собой народ, успешно сформировала китайскую модель модернизации, создала новую форму человеческой цивилизации, открыла развивающимся странам новые пути к модернизации, предоставила совершенно новые альтернативы странам и нациям, стремящимся ускорить свое развитие и желающим сохранить собственную независимость»³⁶.

³⁴ 习近平在学习贯彻党的二十大精神研讨班开班式上发表重要讲话 [Си Цзиньпин выступил с важной речью на церемонии открытия семинара по изучению и претворению в жизнь духа XX съезда партии]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2023-02/07/content_5740520.htm

³⁵ Коммюнике 6-го пленума Центрального комитета Коммунистической партии Китая // Синьхуа. 11.11.2021. URL: http://russian.news.cn/2021-11/11/c_1310305235.htm

³⁶ Полный текст «Резолюции ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии» // Синьхуа. 16.11.2021. URL: http://russian.news.cn/2021-11/16/c_1310314781.htm

Таким образом, формирование новой цивилизации сама КПК считает одной из своих основных заслуг, причем не только перед китайским народом, но и перед всем миром, в особенности перед развивающимися странами, которым была продемонстрирована новая, более эффективная альтернатива ускоренной модернизации.

В чем значение появления этого цивилизационного подхода? По сути, китайское руководство частично принимает теорию множественности цивилизаций, развивающихся различными путями, которая исторически возникла как критика европоцентристских моделей развития, возникших в рамках общей просвещенческой парадигмы.

Сам термин «цивилизация» довольно молод, он появился в европейских языках лишь во второй половине XVIII в. для обозначения существовавшего еще со времен Древней Греции понятия о культурном и образованном обществе или народе, где господствуют «смягченные нравы», в отличие от народа варварского, дикого и некультурного³⁷. Возникшие в эпоху Просвещения идеи социального прогресса поставили уровень цивилизации исторически выше, чем уровень дикости, цивилизованность стала считаться более высокой степенью общественного развития.

В этом плане марксизм был довольно типичной просвещенческой теорией, хотя и, пожалуй, одной из самых разработанных и убедительных. Его основатели были просвещенческими европоцентристами. Они верили в принципиальное единство мира и в то, что все общества проходят одинаковые стадии развития, хотя и в разное историческое время, и в отдельных случаях, возможно, с перескакиванием через некоторые этапы (такие мысли в конце жизни возникли у К. Маркса, например, по поводу России)³⁸.

Теория цивилизации как некоего комплекса духовно-культурных черт, характерных для разных народов и культурных центров, которые могут отличаться друг от друга и не обязательно представлять некую иерархию развития, т.е. не находиться на более высоком или низком его этапах, а эволюционировать в разных направлениях, возникла в XIX в. на волне подъема романтического национализма и консерватизма, пытавшихся доказать ценность и уникальность

---

³⁷ Велижев М. Цивилизация, или Война миров. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 26–35.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. М.: Политиздат, 1964. С. 137; Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста коммунистической партии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М.: Политиздат, 1961. С. 305.

исторического опыта каждого крупного народа. Если традиционно «цивизованность» противостояла «варварству», то теперь одна цивилизация стала противостоять другой.

Не случайно труд одного из основателей этой теории Н.Я. Данилевского, впервые выделившего десять отдельных «культурно-исторических» типов, или цивилизаций, называется «Россия и Европа» и в значительной степени посвящен критике европейской цивилизации в ее противопоставлении некоему славянскому типу, который еще только должен появиться³⁹. Единое же человечество для него – пустая абстракция. Эта теория развивалась в работах таких авторов, как О. Шпенглер, А. Тойнби, и в недавнее время в довольно упрощенном виде С. Хантингтоном⁴⁰.

В самом Китае тоже существовали сторонники теории цивилизаций, которые особенно распространились в первой половине XX в. Особую известность тогда получили труды крупного философа и общественного деятеля Лян Шумина, согласно учению которого три мировые цивилизации – европейская, китайская и индийская представляют собой примеры развития трех основных групп потребностей человека – материальных, социальных и духовных⁴¹. После прихода к власти КПК подобные теории подверглись критике с марксистских позиций, Лян Шумина осудил лично Мао Цзэдун, и философ надолго попал в опалу именно потому, что не признавал теории марксизма, в частности идеи классовой борьбы⁴².

Таким образом, принимая теорию различия цивилизаций, китайские власти фактически берут на вооружение традицию, идущую от Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, Лян Шумина и А. Тойнби. При этом они не отказываются вовсе от К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, веривших в единую человеческую цивилизацию и прямую линию прогресса, общей целью которого является построение

³⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1888.

⁴⁰ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993; Тойнби А.Дж. Постижение истории. М.: Рольф, 2001; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

⁴¹ 梁漱溟 [Лян Шумин]. 中西文化及其哲学 [Культура Востока и Запада и их философия]. 商务印书馆, 1987.

⁴² Лукин А.В. О некоторых аспектах эволюции мировоззрения Лян Шумина // XIX научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1988. Ч. 3; Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России. М.: Международные отношения, 2015. С. 211.

идеального и унифицированного общества – коммунизма на всей земле. Отдельные марксистские, или, по крайней мере, просвещенческие черты в китайском подходе сохраняются. Из документов пленума можно сделать вывод о том, что в мире существуют не только различные типы цивилизаций, но и некая единая «человеческая цивилизация», в развитие которой «китайская нация как древняя и великая нация мира» «внесла немеркнущий вклад», создав «блестящую цивилизацию с более чем 5-тысячелетней историей». Больше того, иногда термин «цивилизация» употребляется и в изначальном смысле «уровня развития». Например, в резолюции в заслугу компартии ставится то, что она «заимствовала все созданные человечеством лучшие достижения цивилизации»⁴³.

По официальной теории, блестящая традиционная китайская цивилизация в XIX в. «покрылась пылью» из-за вторжения западных держав и феодального правления. Заслуга же КПК состоит в ее возрождении, продолжении ее традиций и создании на ее основе некоей «новой человеческой цивилизации», цивилизации нового типа. Этот тип, согласно китайской схеме, является одной из нескольких или даже многих цивилизаций, составляющих сегодня общую цивилизацию человечества.

Таким образом, мы имеем дело с неким синтезом двух подходов – просвещенческо-прогрессистского, постулирующего единство мировой цивилизации, и плюралистического. Согласно новой китайской схеме, различные цивилизации развиваются по-разному, каждая своим путем, но в рамках единой общемировой цивилизации, в целом двигающейся по пути всеобщего прогресса. Такая общечеловеческая цивилизация не отрицается, но новая форма человеческой цивилизации, созданная в Китае, с одной стороны, воплощает все лучшее в ней, а с другой – вносит новый и еще больший вклад в ее прогрессивное развитие, в общемировой мирный прогресс⁴⁴.

Такой синтез не является уникальным. Он встречается и у многих сторонников цивилизационного плюрализма, например, у Н.Я. Да-

---

⁴³ Полный текст «Резолюции ЦК КПК...».

⁴⁴ 新华社评论员：中国式现代化创造人类文明新形态。三论深刻领会习近平总书记在学习贯彻党的二十大精神研讨班开班式重要讲话 [Комментатор агентства «Синьхуа»: модернизация с китайской спецификой создает новую форму человеческой цивилизации. Три аспекта глубокого осмысления речи Генерального секретаря Си Цзиньпина на церемонии открытия семинара по изучению и претворению в жизнь духа XX съезда партии]. 11.02.2023. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2023-02/11/content_5741106.htm

нилевского, который признает существование «общечеловеческого», а в отношении Китая соглашается, что прогресс там, хотя и был в прошлом, «давно прекратился» и «что даже многие прекрасные черты китайской гражданственности (как, например, влияние, предоставляемое науке и знанию) обратились в пустой формализм, что дух жизни отлетел от Китая, что она замирает под тяжестью прожитых им веков»⁴⁵. То же касается и Лян Шумина, который выстраивает западный, китайский и индийский типы культуры в иерархическую и временную последовательность⁴⁶. Тойнби также не противопоставляет сосуществование различных цивилизаций и единство человечества на более высоком уровне.

Тем не менее идея об уникальности китайской цивилизации в современных построениях китайских коммунистов очевидна. Прежде всего, она, вполне в традиции Н.Я. Данилевского и его последователей, описывается как комплексная и включает в себя многочисленные аспекты. Об этом говорил сам китайский лидер Си Цзиньпин, отметивший в июле 2021 г. в речи, посвященной 100-летию КПК, что новый тип человеческой цивилизации был создан в Китае как результат строительства социализма с китайской спецификой и скоординированного продвижения материальной цивилизации, политической цивилизации, духовной цивилизации, социальной цивилизации и экологической цивилизации⁴⁷.

Сразу после упоминания нового типа человеческой цивилизации лидером страны китайские обществоведы начали разрабатывать его идеи. Один из них пояснял: «Материальная цивилизация определяет отношения человека с вещами, реализацию цели совместного использования материальных достижений всем народом на основе значительного увеличения суммы производительных сил. Политическая цивилизация определяет отношения между партией и народом, заключающиеся в поддержании руководящей роли КПК, положения народа как хозяина, органического единства, основанного на управлении при помощи закона, „самого широкого представительства коренных народных интересов“. Духовная цивилизация определяет

⁴⁵ Данилевский Н. Я. Россия и Европа... С. 75, 128–129.

⁴⁶ 梁漱溟 [Лян Шумин]. 中西文化及其哲学 [Культура Востока и Запада и их философия].

⁴⁷ 习近平：在庆祝中国共产党成立 100 周年大会上的讲话 [Си Цзиньпин. Речь на торжественном собрании по случаю 100-летия со дня основания КПК] // Синьхуа. 15.07.2021. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2021-07/15/c_1127658385.htm

отношения человека с самим собой. Необходимо строго руководствоваться патриотическим чувством, выраженным в высказывании „каждый несет ответственность за процветание или упадок Поднебесной“, соблюдать правило порядочности, согласно которому слова не должны расходиться с делами, правило доброжелательности – „не делай другим того, чего не желаешь себе“, дух терпимости, выраженный в принципе „гармония при сохранении различий“ и другие ценностные требования. Социальная цивилизация определяет отношения человека с другими людьми, делает акцент на сосуществовании в мире и гармонии, обеспечении и повышении уровня народного благосостояния, продвижении принципа социальной справедливости. Экологическая цивилизация определяет отношения человека с природой, поддержание и совершенствование системы и режима экологической цивилизации, создание условий для гармоничного сосуществования человека с природой. В целом новый путь китайской модернизации – путь не однолинейный, это путь комплексного развития цивилизации. Он предлагает китайский проект государствам и нациям мира, стремящимся найти лучшую общественную систему»⁴⁸.

Отличительные черты новой китайской цивилизации, так же как и в других цивилизационных теориях, определяются в их противопоставлении другим цивилизациям. Другой китайский теоретик заключает: «Новый тип человеческой цивилизации – это новейшее творение китайского народа, созданное под руководством коммунистической партии, ведомой марксистским учением, и рожденное на основе твердого следования социализму с китайской спецификой и его развития, преемственности и развития китайской культуры, заимствования и усвоения достижений человеческой цивилизации. Она отличается как от открытого порокам западного капиталистического типа цивилизации, так и от социалистического типа, основанного на советской модели. Она соответствует требованиям всеобщих законов мировой цивилизации и выходит за рамки усвоения западной капиталистической цивилизации. Она преодолела многочисленные изъяны капиталистической модернизации и освободилась от порока капиталистического отчуждения, разрушила монополию Запада на так называемые универсальные ценности. Этот тип

---

⁴⁸ 曾楠 [Цзэн Нань]. 中国式现代化新道路的文明高度 [Цивилизационная высота нового пути модернизации с китайской спецификой] // Жэньминьван. 02.11.2021. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2021/1102/c148980-32271299.html>

цивилизации продолжает лучшие традиции китайской цивилизации на основе усвоения передовых достижений человеческой цивилизации и обладает большой жизненной силой, он обогатил знания человечества о законах цивилизационного развития и представляет огромную ценность для великого возрождения китайской нации и будущего развития мировой цивилизации»⁴⁹.

В теоретическом плане можно заметить, что принятие китайскими коммунистами цивилизационной теории знаменует собой новый этап индигенизации марксизма на китайской почве, причем китаизация идет уже не по пути прямого смешения марксизма с традиционной китайской мыслью, а скорее с китайской мыслью первой половины XX в., которая уже тогда в значительной степени впитала в себя распространенные в то время западные теории. Это смешение можно видеть в приведенной выше формулировке резолюции пленума. Термин «великое единение» (大同) взят здесь из традиционной китайской философии, где он означал идеальное общество, однако лишь на рубеже XIX и XX вв. философ и реформатор Кан Ювэй перенес его из прошлого в будущее⁵⁰, и в этом значении он стал употребляться китайскими мыслителями и политиками, в том числе и, например, Чан Кайши⁵¹. Понятие «модернизации» перенесено из современной западной социологии и политологии. И лишь сентенции о партии и народе можно каким-то образом отнести к марксизму в его ленинской интерпретации.

Если закрыть глаза на различия в терминологии, обнаружится: то, что излагают сегодня идеологи КПК, мало чем отличается от теории того же Лян Шумина, который, кстати, в конце жизни прямо стал отождествлять китайскую социальную цивилизационную модель с социализмом. Если китайская культура обогатится элементами материальной культуры Запада, которых ей недостает, «будущее мира будет характеризоваться возрождением китайской культуры, т.е. внимание с внешних объектов переключится на взаимоотношения между людьми, что и будет означать социалистическое или даже

---

⁴⁹ 洪泽宇 [Хун Цзэюй]. 深刻把握“人类文明新形态”的时代内涵 [Глубоко постичь современное содержание «новой формы человеческой цивилизации»] // Гуанминван. 27.10.2021. URL: https://www.gmw.cn/xueshu/2021-10/27/content_35263827.htm

⁵⁰ Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ювэй. М.: Наука, 1980.

⁵¹ Ларин А.Г., Лукин А.В. Жизнь Цзян Цзинго в СССР и становление его мировоззрения // Общество и государство в Китае. Т. 52. М.: ИВ РАН, 2023. С. 334–337.

вступление в коммунистическое общество», – говорил он в 1986 г.⁵². Разница лишь в том, что Лян, в отличие от Си Цзиньпина, все же считал, что наиболее высокая цивилизация должна быть построена на индийских духовных принципах.

Государство-цивилизация

Обращает на себя внимание и еще одна набирающая популярность в Китае концепция, выраженная в термине «цивилизационное государство», или «государство-цивилизация» (civilizational state, или civilization state). Эта формула была выдвинута европейскими и американскими международниками для объяснения того, почему некоторые крупные государства в своей внешней политике не хотят подчиняться западным правилам игры в рамках так называемого либерального международного порядка, основанного на правилах. В этом плане «государства-цивилизации» обычно противопоставляются «национальным государствам».

При этом само определение «государства-цивилизации» в научной литературе еще не устоялось. Так, А. Пабст пишет, что модель цивилизационного государства, к которым он относит прежде всего Россию и Китай, «основана на утверждении существования уникальных культурных, этнических и семейных отношений, которыми охвачены сообщества как внутри страны, так и за рубежом». При этом он выражает сомнение в том, что «идея цивилизационного государства является объективно верной и имеет большую легитимность, чем модель национального государства»⁵³. Другой автор исследования о цивилизационных государствах К. Кокер вообще называет само понятие «цивилизация» «подозрительной категорией»⁵⁴.

Новейшее понятие «государство-цивилизация» унаследовало оба вида противопоставления, которые исторически характеризовали само понятие «цивилизации»: западное противопоставление западного «варварства» (единственной) цивилизации как таковой и попытку незападных государств утвердить свою цивилизованность

---

⁵² 梁漱溟 [Лян Шумин] // Цюнь янь. 1986. No. 11. С. 2. См. также: Лукин А.В. Дискуссия о роли традиционной культуры в КНР (1980-е годы) // Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России. М.: Международные отношения, 2015. С. 201; Старостина А.Б. Философия истории Лян Шумина. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 150.

⁵³ Pabst A. Liberal World Order and Its Critics: Civilisational States and Cultural Commonwealths. Abingdon: Routledge, 2019. P. 37.

⁵⁴ Coker C. The Rise of the Civilizational State. Cambridge: Polity Press, 2019.

в противопоставлении с Западом. Как отмечалось выше, она первоначально использовалась западными политологами, однако позднее приобрела широкую популярность и в крупных незападных странах, недовольных доминированием Запада в продвигаемой им международной системе и борющихся за большую автономию в ней: в Китае, России, Индии, Турции и некоторых других. Для достижения этой цели элиты в этих странах стали использовать ее с целью доказать их фундаментальную уникальность, часто ее преувеличивая.

Это особенно заметно в Китае, где концепцию «государства-цивилизации» с легкой руки некоторых дружественно настроенных западных экспертов стали поддерживать многие известные ученые-международники. Совместно они создали теорию, согласно которой Китай в современном мире является единственным чистым примером государства-цивилизации.

В 2009 г. британский журналист, бывший редактор коммунистического журнала «Марксизм тудэй» М. Жак выпустил книгу с характерным названием «Когда Китай будет править миром», в которой утверждал, что возвышение Китая в будущем приведет не к сближению его с Западом, а к сохранению и усилению уникальных черт китайской цивилизации, что подорвет западное доминирование и выльется в китаизацию мира⁵⁵. В статье в «Лос-Анджелес таймс» он концентрированно выразил свою основную мысль следующим образом: «Существует много цивилизаций, западная цивилизация – один из примеров, но Китай – единственное „государство-цивилизация“». Это определяется чрезвычайно долгой историей, а также его огромными размерами и разнообразием с географической и демографической точки зрения... Для китайского государства характерны совершенно отличные от западных отношения с обществом. Оно пользуется гораздо большим естественным авторитетом, легитимностью и уважением, даже несмотря на то что за него никто не голосует. Причина в том, что китайцы видят в государстве защитника, хранителя и воплощение своей цивилизации. Задача государства – защищать ее единство. Легитимность государства, таким образом, уходит корнями глубоко в китайскую историю. Это принципиально отличается от того, как смотрят на государство в западных обществах»⁵⁶.

---

⁵⁵ Jacques M. When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order. New York: Penguin Press, 2009.

⁵⁶ Jacques M. Understanding China // Los Angeles Times. 2009. November 22. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2009-nov-22-la-oe-jacques22-2009-nov22-story.html>

Естественно, эти идеи китайской уникальности и ведущей мировой роли китайского «государства-цивилизации», к тому же легитимирующие авторитаризм политической системы страны, получили значительную популярность как в самом Китае, так и среди экспертов – этнических китайцев в других государствах Азии. Одним из их ведущих популяризаторов стал Институт Китая Фуданьского университета, который постоянно проводит различные научные мероприятия, посвященные тематике «государств-цивилизаций». Его директор Чжан Вэйвэй в книге «Китайская волна: подъем цивилизационного государства», прямо ссылаясь на М. Жака, писал: «Китай действительно является единственной страной в мире, соединившей самую длительную в мире непрерывную цивилизацию с огромным современным государством»⁵⁷.

Доказывая, что лишь Китай сегодня можно назвать «цивилизационным государством», Чжан Вэйвэй отмечает, что такими могли бы стать Древний Египет, Месопотамия, древнеиндийские государства, античная Греция или классический Рим, если бы они дожили до сегодняшнего дня и стали едиными современными государствами. То же могло произойти и с многочисленными исламскими политическими образованиями, если бы они смогли сохранить государственное единство. Но этого не случилось. Он приводит следующие черты цивилизационного государства: «Цивилизационное государство имеет чрезвычайно сильную историческую и культурную традицию. Ему сложно имитировать другие модели, будь то западные или иные, или следовать им. Ему присуща собственная внутренняя логика эволюции и развития. В будущем оно неизбежно будет встречаться с различными вызовами, но его возвышение неотвратимо и необратимо. Цивилизационное государство обладает мощным потенциалом использования сильных сторон других наций, сохраняя при этом собственную самоидентификацию. Как эндогенная цивилизация, способная генерировать собственные стандарты и ценности, она вносит уникальный вклад в мировые цивилизации. Цивилизационное государство может существовать и эволюционировать независимо от одобрения или признания других. Его политическая и экономические модели отличаются от других многими аспектами»⁵⁸.

Приводимые сторонниками концепции «государства-цивилизации» аргументы относительно особой уникальности Китая, описа-

---

⁵⁷ Zhang Weiwei. *The China Wave: Rise of a Civilizational State*. Hackensack, NJ: World Century Publishing Corporation, 2012. P. 2.

⁵⁸ Ibid. P. 2–3.

ние его истории как абсолютно непрерывной и сохраняющей основные черты древности по меньшей мере преувеличены и часто не выдерживают критики. Тем не менее, весьма вероятно, что в нынешних обстоятельствах идея «государства-цивилизации» окажется весьма привлекательной для официальной китайской идеологии, так как она, так же как и концепции «китаизации марксизма» и «новой формы человеческой цивилизации», подчеркивает «китайскую специфику» в развитии современного китайского общества и может быть использована для обоснования успешности китайской модели развития как отличной от западной и независимой от Запада и других центров силы внешней политики Пекина.

Китаизация или прагматизация?

В данной работе не затрагивались проблемы адекватности описания современного Китая в терминах «китаизации марксизма», «нового типа человеческой цивилизации» и «государства-цивилизации», т.е. не ставились вопросы о том, насколько марксизм в Китае в реальности был китаизирован и чем он отличается от марксизма некитаизированного, скажем, советского типа, действительно ли там создана цивилизация нового типа, является ли он «государством-цивилизацией». Все эти вопросы требуют отдельного и гораздо более глубокого изучения.

Если говорить о китаизации марксизма, то на эту тему много писали еще в 1960–1970-е годы советские, а позднее и российские исследователи в рамках общей линии на критику маоцзэдуновского руководства. Уже тогда отмечалось, что Мао Цзэдун начал кампанию по китаизации в период пребывания в Яньани в политических целях для борьбы с прокоминтерновской группой Ван Мина и консолидации собственной власти. Подробно описывались и отдельные аспекты, отличавшие китаизированный марксизм от советского: упор на крестьянство как на основную движущую силу революции, подчеркивание значения военных действий (лозунг «винтовка рождает власть»), идеи об ускоренном достижении коммунизма минуя теоретически необходимые этапы, пренебрежение образованием и культурой. Было обнаружено и сходство этой программы с более ранними левацкими интерпретациями марксизма⁵⁹.

⁵⁹ Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун и его наследники. М.: Международные отношения, 1979. Гл. «Китаизация» марксизма; Смирнов Д.А. Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 16–56; Панцов А.В. Мао Цзэдун... С. 462–494.

Основной причиной китаизации считалось негативное влияние отсталости китайского общества. Так, Д.А. Смирнов отмечал: «Преобладание в основном традиционной структуры китайского общества при слабом развитии элементов новых социально-экономических отношений обусловило сохранение в различных слоях общества устойчивой приверженности традиционной китайской идеологии и социально-политической традиции, оказавших большое влияние и на становление общественно-политических взглядов Мао Цзэдуна и в конечном счете на теорию и практику возглавляемой им компартии в ходе революции и строительства социализма в Китае»⁶⁰. По его мнению, Мао Цзэдун «выводил особенности развития китайской революции за рамки признанной в международном коммунистическом движении системы общих закономерностей исторического развития, основанных на практическом опыте России»⁶¹. При этом «речь шла не просто о „китаизации“ марксизма в смысле адаптации общей теории марксизма к конкретным условиям Китая, а о создании „китаизированного марксизма“, разработанного в качестве теоретического руководства антиимпериалистической, антифеодальной революцией в колониальных и зависимых странах»⁶².

В более позднее время, уже после начала реформ Дэн Сяопина «китаизированный марксизм» в СССР критиковали как идейно-политическую платформу уже не «левацкую», а «правонационалистическую», ведущую к «сдаче завоеванных социализмом позиций», суть которой, как и прежде, составляют «претензии на «исключительность» Китая, «особый путь» в революции и социалистическом строительстве, категорическое отрицание общих закономерностей, значения опыта КПСС и других братских партий»⁶³. В то же время советские исследователи закрывали глаза на то, что многие отличия программы Мао, особенно в 1950-е годы, как раз соответствовали советам советских коммунистов и самого И.В. Сталина и были основаны на марксистском понимании отсталости китайского общества, его неподготовленности к немедленному переходу к коммунизму⁶⁴.

---

⁶⁰ Смирнов Д.А. Идеино-политические аспекты... С. 17.

⁶¹ Там же. С. 44.

⁶² Там же. С. 55.

⁶³ Борисов О. Из истории советско-китайских отношений в 50-х годах: К дискуссии в КНР о Мао Цзэдуне. 2-е изд. М.: Международные отношения, 1982. С. 6–18.

⁶⁴ Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999.

Сегодня представляется, что серьезное изучение механизмов и результатов китаизации марксизма в Китае могло бы вестись в рамках теории индигенизации, как ее частный случай. Это понятие, возникшее в середине XX в. в протестантской христианской среде, впоследствии стало означать эволюцию какой-либо идеологической, религиозной, политической или экономической модели в процессе ее адаптации к местным традициям, например, христианства в Африке, буддизма в Китае и Японии или марксизма в России⁶⁵. Однако для реализации данного подхода необходимо более подробное знакомство с другими случаями индигенизации и более детальный анализ конкретного китайского кейса.

Что касается проблем цивилизации, то первоначально необходимо договориться о терминах и методах анализа: что именно считать цивилизацией и как измерять и оценивать уровень ее преемственности и новизны. Конечно, Китай – уникальное государство. Но все государства по-своему уникальны. Является ли китайская, или, если точнее, восточноазиатская цивилизация, в которой доминирующей была китайская культура (так как китайское государство никогда не охватывало всего восточноазиатского цивилизационного ареала), уникально уникальной из-за ее якобы непрерывной традиции? Просто из-за размеров ее необходимо сопоставлять с другими цивилизациями сравнимого масштаба, например, с европейской или индийской. И тут, если смотреть на вещи объективно, оказывается, что ее ареал, так же как и ареалы всех других крупных мировых цивилизаций, не охватывается и никогда не охватывался одним государственным образованием. Кроме того, она часто подвергалась внешним завоеваниям и периодам распада, а нынешний Китай отличается от чжоуского или ханьского не меньше, чем современная Греция от древней. Что же касается того, что он якобы в большей степени, чем, например, Европа или Индия, сохранил свою сущность, то не совсем понятно, что является этой сущностью и как ее измерять⁶⁶.

Важно, что оба значения термина «цивилизация» возникли из противопоставления, будь то «нецивилизированному» миру или дру-

---

С. 56–57, 76; Меликсетов А.В. «Новая демократия» и выбор Китаем путей социально-экономического развития (1949–1953) // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 82–95.

⁶⁵ Лукин А.В., Пузанова О.В. «И в Японии жатва многа...» Эволюция мировоззрения святителя Николая Японского. М.: Весь мир, 2021. С. 12–22.

⁶⁶ Лукин А.В. О некоторых проблемах сравнительных исследований политических систем КНР и СССР // Возвышающийся Китай и будущее России. М.: Международные отношения, 2015. С. 73–100.

гим цивилизациям. В первом значении культурный и, позднее, цивилизационный аргумент часто использовался сильными государственными образованиями или союзами для оправдания своего особого статуса, а иногда и права доминировать над остальными. Наиболее очевидный пример – западная цивилизация. Содержание понятий «Европа», а позднее «Запад» или «западная цивилизация», и понимание того, что именно она несет нецивилизованным варварам, со временем менялось от греческих и римских законов в древности до истинной христианской веры в Средние века, социального и научного прогресса в эпоху Просвещения и до сегодняшних «демократии», «рыночной экономики» и «верховенства закона». В то же время само убеждение в превосходстве западных ценностей и образа жизни и их универсальности осталось неизменным с древнейших времен до сегодняшнего дня.

Но Европа или Запад не были единственным центром мирового развития, провозглашавшим свое превосходство над другими. Как писал еще А. Тойнби, однородность, которую отдельные цивилизации «демонстрируют в сфере культурного развития и социальной структуры, распространяется и на их историческое мировоззрение. Каждое из этих обществ было убеждено в том, что оно единственное цивилизованное общество в мире, а остальное человечество – варвары, неприкасаемые или неверные»⁶⁷. Китай с его дихотомией «Китай – варвары» (华夷之辨), разделявшей мир на две части: центральную, населенную цивилизованными китайцами, понимавшими великую «Культуру» (文), и периферийные варварские территории, – другой яркий пример такой убежденности. Эта теория стала идеологической основой китаецентричной даннической системы отношений, в том или ином виде существовавшей в Восточной Азии тысячи лет до самого краха китайской империи в 1911 г.⁶⁸.

В то же время цивилизационный аргумент также использовался некоторыми странами и обществами для того, чтобы защитить себя от влияния и доминирования таких мощных цивилизационных центров. Утверждая принадлежность к иной цивилизации, они отвергали претензии утвердившегося лидера на универсализм его культуры и утверждали, что их собственная культура или цивилизация является отдельной и уникальной. В этом смысле культурный или цивили-

---

⁶⁷ Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: АСТ, Астрель, 2011. С. 74–75.

⁶⁸ Fairbank J.K. (ed.). The Chinese world order: Traditional China's foreign relations. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1968.

лизационный аргумент начиная с XIX в. часто использовался для создания не альтернативы национальному государству, но как раз новой нации под лозунгами этнического национализма. Этот аргумент брали на вооружение самые различные силы и группы: от немецких романтиков, итальянских, греческих и польских революционеров, боровшихся за объединение новых наций или их отделение от империй, до российского императора Николая I, пытавшегося утвердить свою империю как зону консервативной стабильности, отличную от подверженной постоянным революциям и восстаниям Европы.

По поводу судьбы традиций китайской империи в коммунистическом Китае существуют самые различные мнения, от того, что они полностью погибли⁶⁹, хотя, возможно, и способны сыграть некоторую роль в рамках нового культурного синтеза⁷⁰, до того, что они в новой форме фактически уже возродились в коммунистическом Китае⁷¹.

Как бы то ни было, умерла ли китайско-конфуцианская традиция полностью или она способна возродиться в той или иной форме и еще сыграть свою роль в рамках синтеза с глобальными трендами, основанными на западных представлениях, последние уже коренным образом изменили китайское общество и его сознание. Китайское государство, в частности, представляет собой вполне современное национальное государство, а его стремление, например, использовать свою диаспору или популяризировать свою культуру за рубежом несколько не отличается от подобных усилий Германии, Франции, Израиля или Казахстана. Поэтому известное высказывание Л. Пая должно быть видоизменено: Китай – не «цивилизация, притворяющаяся государством»⁷², а современное государство, в силу идеологических и политических причин «притворяющееся» цивилизацией.

Это можно видеть на примере использования формулировок из классических китайских исторических и философских трактатов в

---

⁶⁹ Levenson J.R. *Confucian China and its Modern Fate: A Trilogy*. Vol. 1. Berkeley, L.A.: University of California Press, 1965. P. 162–163.

⁷⁰ Tu Wei-ming. *A Confucian Perspective on Human Rights* // Wong Sin Kiong (ed.). *Confucianism, Chinese History and Society*. Singapore: World Scientific, 2012. P. 1–22.

⁷¹ Pye L.W. *The Spirit of Chinese Politics*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992. P. 15–16.

⁷² *Ibid.* P. 235.

докладе Си Цзиньпина на XX съезде КПК, которые, по мнению его авторов, представляют «квинтэссенцию мудрости китайской цивилизации». В подборе десяти фраз, превратившихся в сегодняшнем языке в поговорки, трудно найти какую-либо систему. Большая их часть (восемь из десяти) восходит к конфуцианским канонам. Три взяты из «И Цзина» («Книги перемен», источнику, гораздо более древнему, но включенному позднее в конфуцианское Пятикнижие): 革故鼎新 («Изменять устаревшее и утверждать новое»); 自强不息 («Неустанно прилагать усилия для самоусиления»); 厚德载物 («Заботиться обо всех вещах с помощью морали»). Два – из «Ли цзи» («Книга ритуалов»): 天下为公 («Поднебесная является общественным достоянием»); 讲信修睦 («Доверять и поддерживать дружеские отношения»). Еще два – из «Лунь юя» («Беседы и суждения» Конфуция): 民为邦本 («Народ – основа государства»); 为政以德 («Управлять посредством морали»). Еще один – из «Шан шу» («Книга истории», или «Книга документов»): 任人唯贤 («Назначать на должности только достойных людей»).

Еще одна фраза взята из историко-литературного памятника периода «Весны и осени» (VIII–V вв. до н.э.) «Цзо чжуань» («Комментарий Цзо»), который к конфуцианству имеет лишь опосредованное отношение⁷³: 亲仁善邻 («Проявлять доброе отношение к соседям»). И наконец, десятая фраза относится к классическому даосскому трактату «Чжуан цзы»: 天人合一 («Единство неба (природы) и человека»).

Почему именно эти, а не другие фразы представляют квинтэссенцию китайской мудрости, в документе не разъясняется. Между тем в огромном объеме древнекитайской философской и художественной литературы, естественно, можно обнаружить и множество других формул с совершенно иным и даже противоположным смыслом. Избранный подход можно сравнить с попыткой привести несколько русских поговорок, пусть взятых из каких-то средневековых текстов (например, «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет», «Не в силе Бог, а в правде», «Незванный гость хуже татарина»), и заявить, что именно они представляют квинтэссенцию русской мудрости.

Какую-либо последовательность в тематике данных высказываний также обнаружить сложно. Они относятся к самым разным сфе-

⁷³ «Цзо чжуань» – подробный комментарий к краткой хронике «Чуньцю», которая, хотя и вошла в конфуцианское Пятикнижие, но то, что ее автором был Конфуций, точно не установлено. Авторство «Цзо чжуань» традиционно приписывается Цзо Цюмину, жившему в царстве Лу в одно время с Конфуцием.

рам: отношению человека с государством, с обществом, с природой, с соседями, к общественному устройству в целом, отношениям между людьми и т.д.

В этом смысле представляется, что такое использование древних высказываний не является свидетельством китаизации марксизма в смысле планомерного и систематического использования культурной традиции и ее соединения с истинами учения К. Маркса. Скорее оно похоже на упоминавшийся выше прагматизм, в смысле прагматического использования отдельных вырванных из контекста древних высказываний с целью легитимации в глазах населения конкретных элементов политического курса нынешнего руководства страны.

В этом, конечно, особой уникальности подхода не просматривается. Но даже если согласиться с тем, что китайская цивилизация более уникальна, чем другие, все равно будет довольно трудно доказать, что именно эта уникальность определяет ее внешнеполитическое поведение и подход к так называемому либеральному миропорядку. Территория современной КНР, конечно, довольно велика, но она, как уже отмечалось, не охватывает весь так называемый Китайский мир (the Sinic world). К нему обычно относят также корейские государства, Японию, Вьетнам, Сингапур, и все они проводят совершенно иной курс в отношении Запада. Некоторые из них фактически стали частью западного миропорядка, другие взаимодействуют с ним на совершенно отличной от Китая основе. Даже Тайвань, являющийся частью Китая юридически, этнически и культурно, проводит в отношении Запада совершенно другую политику.

Подобную ситуацию можно наблюдать и в других цивилизациях. Так, согласно С. Хантингтону, Россия, Украина, Молдова и Грузия – все относятся к одной православной христианской цивилизации⁷⁴, но многие из них враждебны друг к другу, в то время как Россия и Китай близки к формированию союза. Этот и подобные примеры свидетельствуют о том, что цивилизационные ценности являются только одним из многих, и, очевидно, не самым важным фактором, определяющим внешнюю политику. Геополитика, баланс сил, интересы безопасности и экономики, а также многое другое играет более важную роль. Поэтому для дальнейшего использования концепции «цивилизационного государства» необходимо гораздо более глубоко изучить влияние цивилизационных ценностей на внешнюю политику.

---

⁷⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

ку, а также то, что конкретно означает этот термин для политиков и экспертов.

Но все это – задачи на будущее. В настоящем исследовании лишь обращается внимание на то, что рассматриваемые новые китайские концепции и формулы и их активное использование внутри страны свидетельствуют о новой ситуации, возникшей в Китае. Используя марксистскую терминологию, можно сказать, что они – часть идеологической надстройки над новым китайским базисом, достигшем значительных успехов в развитии экономики и общегосударственного потенциала.

Становление новой цивилизационной идеологии основано на росте гордости и самоуверенности китайского руководства на фоне грандиозных экономических успехов страны и знаменует новый этап развития китайского общества и государства. Но в этом нет ничего уникального. Не случайно во многих странах – в Германии, России, США (например, теория пограничного духа Ф. Тернера)⁷⁵, Японии, странах Африки – подобные идеологии возникали тогда, когда рост национализма приводил к необходимости противопоставления собственных традиций и культуры другим, доминировавшим ранее. В сегодняшнем Китае это новый шаг к отходу от курса на внешнеполитическую скромность Дэн Сяопина. Китайское руководство говорит миру (а точнее, само себе), что Китаю больше почти нечему учиться у других, наоборот, кое-чему другим стоит поучиться у Китая. Этим, собственно, и объясняется новая волна прагматического использования традиционной культуры, очередное поднятие ее на идеологический щит.

Конечно, Китай, в отличие от США или СССР, пока не навязывает свою политическую или экономическую модель другим. Во время беседы с Дж. Байденом 16 ноября 2021 г. Си Цзиньпин прямо заявил: «Китай не намерен распространять свой путь на весь мир, наоборот, мы всегда поощряли другие страны на поиски пути развития, отвечающего национальным условиям своей страны»⁷⁶. Однако сама идея о том, что новый тип китайской цивилизации более совершенен, чем другие, превзошел все остальные по всем параметрам, оставляет место для желания популяризировать его и за рубежом, по крайней мере, путем усиленной пропаганды.

⁷⁵ Тернер Ф.Дж. Фронтир в американской истории. М.: Весь мир, 2009.

⁷⁶ 习近平同美国总统拜登举行视频会晤 [Си Цзиньпин провел видео встречу с президентом США Байденом]. 16.11.2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zqhxw/t1919210.shtml>

О возможности такого развития событий говорит уже общепринятая в Китае идея о том, что Китай показал миру новый путь модернизации, отличный от западного. Тем самым, используя термин западной политологии, китайская официальная пропаганда пытается подорвать самую основу выраженной в западной теории модернизации идеологии США и их союзников, согласно которой, с одной стороны, благосостояния можно добиться, только приняв экономическую модель Запада, а с другой – экономическое развитие, создавая средний класс, неизбежно ведет к демократизации и принятию западной политической модели.

Заявку на успешную альтернативную модернизацию исторически делали разные страны, однако ни одна пока не добилась успеха. Особенно показателен и важен для Китая в этом плане крах социалистического СССР. Именно поэтому в Китае указывают, что китайская модель преодолела не только западные, но и советские ошибки. Конечно, сторонники теории модернизации могут сказать, что время демократизации в Китае еще не пришло. Но в Китае, совершенно очевидно, так не считают. Там полагают, что нашли, наконец, иной путь, который может привлечь и других.

На практике признание собственной цивилизации наиболее совершенной напоминает не столько советскую идею «преимуществ социализма» (СССР никогда не претендовал на роль особой цивилизации), сколько классическую китаецентричную модель миропорядка, когда мир делился на культурную китайскую часть (華) и варварскую (夷), причем задачей китайского императора было не завоевать варваров, а убедить их в превосходстве своей «блестящей» цивилизации. Методы убеждения были разными, от торговых и других привилегий до военной поддержки прокитайских сил на варварских территориях. Это приводило к тому, что очень часто соседние государства и племена попадали в вассальную зависимость от Китая даже без прямого завоевания и начинали приносить дань императору Поднебесной. При этом в Китае искренне считали, что действуют варварам во благо. Сегодняшний Китай активно вводит экономические санкции против соседних стран (Монголии, Южной Кореи, Австралии и др.), когда его советы относительно того, как надо воспринимать китайскую политику, там не принимают. Китайские дипломаты по всему миру резко, иногда в грубой форме, критикуют тех, кто с их точки зрения неправильно интерпретирует гуманный и справедливый китайский подход к их странам. Иногда это приводит к изменению позиции этих стран и даже извинениям. И в Китае

искренне не понимают, почему такие действия, которые, как считают в Пекине, направлены на благо этих стран, вызывают там раздражение.

В связи с этим хотелось бы напомнить слова автора наиболее развернутой теории цивилизаций А. Тойнби, который много критиковал западную теории исключительности: «Цивилизация, как мы ее понимаем, – это движение, а не состояние, странствие, а не убежище. Ни одна из известных нам цивилизаций не достигла своей конечной цели. Никогда на этой земле не существовало Сообщества Святых. В самом цивилизованном обществе, в самые цивилизованные его переходы подавляющее большинство его членов оставались очень близки к примитивному уровню человеческого существования. И ни одному обществу не удавалось удержаться на том гребне духовного развития, которого ему удавалось достичь»⁷⁷. Кроме того, большая часть известных цивилизаций на определенном этапе исчезали, уступая место другим.

---

⁷⁷ Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: АСТ, Астрель, 2011. С. 60.

XX съезд КПК – без неожиданностей

Опубликовано под назв. «Почему Китаю грозит геронтократия позднесоветского типа»: Независимая газета. 27.10.2022

Недавно закончившийся XX съезд Коммунистической партии Китая (КПК) не был похож на своего тезку, XX съезд советских коммунистов. Ничего потрясающего основы или даже просто неожиданного, за исключением не вполне понятного инцидента с бывшим лидером страны Ху Цзиньтао, которого по какой-то причине публично вывели из зала, на нем не произошло. За неделю работы съезда в зале заседаний было сказано много мудреных и высокопарных китайских слов, в точном смысле которых еще долго придется разбираться специалистам. В этом плане он больше напоминал советские съезды времен зрелой брежневщины – XXIV или XXV. Но ясно одно. Было закреплено положение нынешнего лидера партии и страны Си Цзиньпина, его статус безоговорочного вождя и положение «ядра ЦК партии», а также курс на отход от многих политических правил и традиций, заложенных архитектором китайских реформ Дэн Сяопином еще в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого века.

Бросается в глаза этот отход в кадровых вопросах, которые четко соблюдались прежними руководителями – Цзян Цзэминем и Ху Цзиньтао. Это негласное правило об уходе из Политбюро по достижении 68 лет (самому Си уже 69 лет), а также идея смены поколений руководителей у власти каждые десять лет. По этой традиции к власти на XX съезде должно было прийти «седьмое поколение руководителей», однако руководители остались примерно того же возраста. Сам Си сохранил свой пост, вероятный будущий премьер Госсовета Ли Цян всего на 4 года младше уходящего Ли Кэцяна. А в ПК вошли еще два человека одного возраста со старым премьером (1955 г.р.). Все это означает, что принцип личной лояльности полностью заменил формальные возрастные ограничения, а открывает дорогу возникновению геронтократии позднесоветского типа.

Другое направление отхода от стратегии Дэна – это замена абсолютного приоритета экономического роста другими. Идея выдвигания на первый план цели ускоренного экономического роста имеет две основы – марксистскую (так как идеальное общество – коммунизм, должно возникнуть на базе высочайшего развития производительных сил, создающую возможность создания полного изобилия) и националистическую – осуществление «китайской мечты» – общей цели китайских революционеров преодолеть отставание периода «столетия унижений» от империалистов и восстановить ведущее место Китая в мире. Ради этого прежние руководители КПК готовы были закрывать глаза на многое: рост «капиталистических» отношений, укрепление позиций частных монополий, привилегии иностранным инвесторам, даже не особенно активно бороться с коррупцией. Структура власти была существенно децентрализована, регионы получили значительные финансовые и другие права. Во внешней политике Дэн провозгласил принцип скромности, сформулированный в китайском выражении «копить силы и не показывать своих возможностей».

Нынешнее руководство решило, что дальнейшее отступление принципов социализма грозит перерождением общества. Возникла опасность, что вскоре оно не будет отличаться от существовавшего при власти Гоминьдана, против которого, собственно, и боролись коммунисты. Для борьбы с этой тенденцией власть была решительно централизована и во многом сосредоточена в руках лично лидера. Началась решительная борьба с коррупцией, влиянием олигархов и всяческих негосударственных «инфлюенсеров», с «сомневающимися» в верности линии партии как внутри, так и во вне ее. На международной арене китайские представители и дипломаты начали активно защищать курс «ядра партии», критиковать его критиков и сомнеющихся за рубежом, давать советы иностранцам, как следует относиться к Китаю. Порой использовались весьма нелицеприятные выражения. Другой яркий пример нового курса: политика «нулевой терпимости» в борьбе с коронавирусом. Китайский лидер многократно заявлял, что для Китая наиболее важны жизни людей. И действительно, жесткие и длительные локдауны для целых крупных промышленных городов привели к тому, что число смертей от коронавируса в Китае на сегодняшний день в 200 раз меньше, чем в США (в Китае – около 5 тыс., а в США – более 1 млн). В то же время экономический рост, который в прошлом году начал быстро восстанавливаться и составил 8%, в этом году ожидается всего в 2,5%

(в то время как до прихода к власти Си он в течение 30 лет был в среднем около 10% в год).

В марксизме позитивное изменение прежних подходов называют их «творческим развитием», а негативное – «ревизионизмом». Как окончательно назовут изменения, предпринятые Си Цзиньпином, во многом будет зависеть от их результатов, о которых пока говорить рано. Оптимисты, в том числе и в самом Китае, утверждают, что со времен Дэна ситуация в стране коренным образом изменилась, ее экономика и внешнеполитическое влияние в разы выросли, и поэтому изменения в курсе совершенно естественны. Пессимисты же, напротив, говорят о том, что упор на идеологию в ущерб экономике напоминает времена Мао Цзэдуна и может закончиться такими же спадом и экономическим хаосом, к которому привела его политика. Борьба же с крупнейшими национальными корпорациями и интернет-бизнесом ведет к торможению развития, а излишняя напористость во внешней сфере приводит к снижению популярности Китая в мире и росту враждебности со стороны основных экономических партнеров, без сотрудничества с которыми огромная экспортноориентированная экономика страны столкнется с большими трудностями.

Китай – страна сложная и непредсказуемая. У нее – свой путь. Окажутся ли новые лидеры правы или нет, покажет будущее развитие, за которым мы, специалисты, да и многие в мире будут с интересом наблюдать. Но послание XX съезда миру ясное – Китай продолжит политику «ядра ЦК», которая уже сложилась до съезда. Никаких инноваций внесено не было. Если кто-то предрекал или надеялся на перемены, то он просчитался. Если кто-то предсказывал, что перемен не будет, то он оказался прав.

Хорошо ли это для России? Полагаю, что в данной ситуации – неплохо. Курс руководства Китая на дружественную поддержку нашей страны, конечно, не в ущерб собственным интересам, будет также продолжен. А хорошо ли это для самого великого китайского народа – он решит сам.

Жизнь Цзян Цзинго в СССР и становление его мировоззрения

Опубликовано: Общество и государство в Китае. Т. 52 / Под ред. А.И. Кобзева. М.: ИВ РАН, 2023. С. 297–340. – В соавт. с А.Г. Лариным

Будущий тайваньский лидер Цзян Цзинго (蔣經國, 1910–1988) приехал на учебу в СССР в 1925 г. в возрасте 15 лет и оставался там до 1937 г. Его жизнь и идейное развитие в этот период не могли не повлиять на его дальнейшую жизнь, и, следовательно, на судьбы Китайской Республики на Тайване. При этом они теснейшим образом связаны с событиями как в СССР, так и в его родном Китае. Сами обстоятельства его жизни в СССР исследованы неплохо, однако вопросу связи между его идейной эволюцией и политико-идеологической борьбой в двух странах до сих пор уделялось недостаточно внимания. Данная статья частично заполняет этот пробел и намечает возможные пути дальнейших исследований в этом направлении.

В марте 1925 г. в Пекине умер основатель и лидер китайской партии Гоминьдан (中國國民黨, букв.: Партия китайской нации) Сунь Ятсен (Сунь Чжуншань 孫中山, 1866–1925), вооруженные формирования которой вместе с союзными милитаристами к тому времени контролировали лишь южную провинцию Гуандун и часть соседней Гуанси. В своем политическом завещании, продиктованном на смертном одре, Сунь Ятсен выразил надежду на поддержку коммунистической Москвы и на приближение дня, «когда Советский Союз будет приветствовать свободный и сильный Китай как своего друга и союзника, и что оба государства пойдут рука об руку как союзники в великой борьбе за освобождение угнетенных всего мира»¹.

---

¹ Шэн Юэ. Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания / Пер. с англ. Л.И. Головачёвой и В.Ц. Головачёва. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2009. С. 26.

Сунь Ятсен не был ни марксистом, ни тем более коммунистом. Как все китайские революционеры, он стремился объединить Китай и возродить его влияние в мире, утраченное в XIX в., как он считал, из-за империалистической политики ведущих мировых держав и антинародного курса маньчжурских правителей империи Цин. Сотрудничество с другими странами и их помощь он рассматривал как инструмент достижения этой цели. Он пытался обращаться и к другим державам, но там достаточного отклика не нашел: единый и мощный Китай никому не был нужен. Кроме Москвы, где он нашел понимание, так как, согласно большевистской теории, угнетенные народы колоний и полуколоний, к которым относился Китай, боровшиеся с империализмом за национальную независимость и объединение, были естественными союзниками социалистического СССР в его борьбе с капиталистическими державами и за приближение мировой коммунистической революции². С 1923 г. советские большевики и контролировавшийся ими Коммунистический интернационал (Коминтерн), в который входили пробольшевистские партии разных стран мира, оказывали Гоминьдану существенную помощь, выражавшуюся в направлении военных и гражданских советников, помощи в обучении кадров, финансовой и военной помощи³. Одной из частей этой помощи стало открытие в 1925 г. в Москве Университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (УТК) для подготовки кадров Гоминьдана. По соглашению с Сунь Ятсеном членов созданной в 1921 г. Коммунистической партии Китая (КПК) обязали вступить в Гоминьдан на индивидуальной основе. Это соглашение коммунисты называли созданием «Единого фронта», а в Гоминьдане – «допуском» членов КПК в Гоминьдан (жун дан 容黨). В 1928 г. после разрыва Единого фронта китайский сектор созданного еще в 1921 г. только для коммунистов Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) был объединен с УТК в Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК), который Цзян уже и заканчивал.

Решение о создании университета было принято в Москве уже менее чем через месяц после смерти лидера Гоминьдана⁴. На фоне

---

² Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: Восток-Запад; АСТ, 2007. С. 162–168.

³ Юркевич А.Г. Москва – Кантон, 1920-е: помощь СССР Гоминьдану и две стратегии объединения Китая. М.: Вариант, 2013. С. 225–250.

⁴ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1920–1925: Документы. М.: АО «Буклет», 1994. С. 539.

разворачивавшейся национально-освободительной борьбы в Китае оно имело целью не только расширить масштабы подготовки китайских кадров, уже имевшей место в работавшем с 1921 г. Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). «Цель Университета Сунь Ятсена, – отмечал главный политический советник ЦИК Гоминьдана и представитель ИККИ в Китае М.М. Бородин (1884–1951), – помочь всем студентам понять идеологию господина Сунь Ятсена для того, чтобы продолжить его работу и завершить китайскую национальную революцию»⁵. Усадив рядом за парты членов КПК и Гоминьдана, дав им одних и тех же советских профессоров, Москва хотела способствовать углублению сотрудничества этих двух революционных партий в соответствии с принятой коммунистами в 1924 г. стратегией «единого фронта». Из обеих партий в Китае было отобрано по конкурсу 340 человек, еще 30 как родственников вождей добавили без экзаменов, и среди них Цзян Цзинго – сына командира 1-го корпуса руководимой Гоминьданом Национальной революционной армии (НРА) Чан Кайши (Цзян Цзешу 蔣介石, 1887–1975)⁶.

Согласно биографам Цзян Цзинго, он сам выступил с инициативой поехать в СССР. Точно его мотивы неизвестны, но, скорее всего, пятнадцатилетний подросток, как и все в его окружении, был заражен революционными идеями. Отец колебался, но решил его поддержать⁷. Понять, почему один из руководителей Гоминьдана направил в Москву своего единственного в то время сына, невозможно без рассмотрения ситуации, в которой он в то время находился. Чан Кайши заручился доверием Сунь Ятсена в 1922 г., когда гуандунский милитарист генерал Чэнь Цзюньмин (陳炯明, 1878–1933) поднял мятеж в Гуанчжоу и Сунь вместе с Чаном вынуждены были укрыться на канонерской лодке «Юнфэн» 永豐. В следующем году Чан Кайши был назначен членом военного совета Гоминьдана, и Сунь Ятсен направил его на несколько месяцев в СССР для обучения и ведения переговоров о помощи. После возвращения Чан Кайши в Гуанчжоу на острове Вампу (Хуанпу 黃埔) на советские деньги была создана одноименная военная академия для подготовки кадров гоминьдановской Национальной революционной армии, и Чан стал ее начальником.

---

⁵ Спичак Д.А. Китайский авангард Кремля. Революционеры Китая в московских школах Коминтерна (1921–1939). М.: Вече, 2012. С. 77.

⁶ Там же. С. 80.

⁷ Taylor J. The Generalissimo's Son: Chiang Ching-kuo and the Revolutions in China and Taiwan. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. P. 25–26.

Таким образом, на момент смерти Сунь Ятсена Чан Кайши был его доверенным лицом и одним из основных военных руководителей Гоминьдана. Он также был ключевой фигурой в организации советской помощи⁸. В то же время он еще не был не только лидером Гоминьдана, но до 1926 г. даже не входил в его руководящий орган – Центральный исполнительный комитет (ЦИК). Амбициозный Чан Кайши уже в то время начал проводить курс на получение власти в Гоминьдане, опираясь на армию, над которой надо было установить личный контроль, ограничивая влияние советских военных советников. Задача эта была противоречива: ему нужно было завоевать доверие Москвы, одновременно укрепляя собственную власть, на которую претендовали также активно продвигаемые Москвой китайские коммунисты, пытавшиеся установить контроль над Гоминьданом. Направить единственного сына на учебу в Москву представлялось логичным шагом для достижения доверия Коминтерна без особых уступок ему внутри Китая⁹. К тому же сын этот был от первой жены, с которой Чан развелся несколько лет назад, собираясь жениться на новой возлюбленной Сун Мэйлин (宋美齡, 1897–2003) – сестре жены Сунь Ятсена Сун Цинлин (宋慶齡, 1893–1981).

О том, что такой возможностью заручиться доверием Коминтерна пользовались и другие лидеры Гоминьдана, говорит то, что на учебу в УТК были отправлены также дети и родственники будущего члена ЦИК Шао Лицзы (邵力子, 1882–1967), будущего президента КР Ли Цзунжэня (李宗仁, 1891–1969), дипломата Чэнь Южэня (陳友仁, 1878–1944), генералов Чжан Факуя (張發奎, 1896–1980), Дэн Яньда (鄧演達, 1895–1931), Гу Чжэнлуня (谷正伦, 1889–1953), Фэн Юйсяна (馮玉祥, 1882–1948) и других.

Естественно, в СССР китайских революционеров обучали в основном премудростям советского марксизма. Организация учебы с целью подготовки профессиональных революционеров была делом новым и далеко не легким. Борцы за новый Китай в большинстве своем обладали лишь поверхностными теоретическими знаниями, у многих даже общеобразовательный уровень был низким. С другой стороны, не хватало марксистской литературы на китайском языке, не было приспособленных к китайской специфике учебных программ, недоставало разработок по современной восточной проблематике, которые можно было бы положить в основу лекционных курсов. По-

⁸ Юркевич А.Г. Москва – Кантон, 1920-е... С. 61–79.

⁹ Галицкий В.П. Цзян Цзинго: трагедия и триумф сына Чан Кайши. М.: РАУ – Университет, 2002. С. 22.

этому преподавателям пришлось уже в ходе учебного процесса составлять учебные пособия, переводить на китайский язык массу учебных материалов, труды классиков марксизма, выступления руководителей ВКП(б) и т.п. В переводческой работе активно участвовали и сами студенты – те, кто имел достаточную для этого подготовку.

Для занятий с китайскими студентами привлекались лучшие преподавательские кадры Москвы, известные советские китаеведы¹⁰. Рядом с ними работали и китайские революционеры, в большинстве – вчерашние студенты того же УТК. Параллельно с преподаванием была развернута интенсивная научно-исследовательская работа с целью совершенствования лекционных материалов. Сознвая значимость того контингента иностранных борцов за революцию, который воспитывался в Москве, в стенах названных выше университетов нередко выступали руководящие работники Исполкома Коминтерна и ЦК ВКП(б), в том числе И.В. Сталин (1878–1953), Л.Д. Троцкий (1879–1940), Н.И. Бухарин (1888–1938), Н.К. Крупская (1869–1939), представители КПК в ИККИ, приезжавшие в Москву видные деятели КПК и Гоминьдана¹¹.

Учебные планы в УТК им. Сунь Ятсена, как и в Коммунистическом университете трудящихся Востока, строились таким образом, чтобы дать китайским студентам основательный теоретический багаж для предстоящей революционной работы. Так, на первом курсе изучались русский язык, история развития общественных формаций, история китайского революционного движения, история революционных движений на Западе и Востоке, история ВКП(б), экономическая география, политическая экономия, партийное строительство, военное дело и некая дисциплина, именуемая «Газета»¹².

Не подлежит сомнению, что Цзян, приехав в СССР в пятнадцатилетнем возрасте, не имея устойчивых взглядов, но желая, как и все тогда, «возродить» Китай, попал под влияние советского марксизма. На приезжавших в СССР революционно настроенных китайцев эта страна должна была производить глубокое впечатление: огромная страна, недавно освободившись от гнета империализма благодаря (как утверждалось) приходу к власти трудящихся, она не только активно развивалась (нэп был в полном разгаре), но и помогала другим

---

¹⁰ Подробнее см.: Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М.: Муравей-Гайд, 2001. С. 240–241.

¹¹ Спичак Д.А. Китайский авангард Кремля... С. 94–95.

¹² Подробнее см.: Панцов А.В. Тайная история советско-китайских... С. 241.

угнетенным странам сделать то же самое. К тому же Цзян сразу начал общаться с коммунистической элитой, которая еще была полна энтузиазма. Поначалу он жил у старшей сестры самого недавно умершего лидера русской революции В.И. Ленина Анны Ильиничны Елизаровой-Ульяновой (1864–1935), у которой и позаимствовал свою русскую фамилию Елизаров. Имя и отчество Николай Владимирович он взял у самого вождя мирового пролетариата Ленина (Николай был одним из его псевдонимов). Это было необходимо, так как в УТК было принято брать русские имена.

Жизнь студентов в материальном отношении была крайне скромной, но Цзян Цзинго (Елизаров), довольствовался тем, что имел, тем более что видел, как трудно живут люди вокруг. Он много занимался, усердно изучал русский язык и постепенно хорошо овладел им. Он увлекался политикой и много занимался общественной работой, постоянно выступал на собраниях, писал статьи и стал членом редколлегии университетской стенгазеты «Хун цян» 紅牆 («Красная стена»), делал доклады о положении в Китае перед массовыми аудиториями за пределами университетских стен.

В политическом плане жизнь китайского студенчества была наполнена конфликтами. На нее оказывали сильное влияние сложный ход революции в Китае, перипетии взаимоотношений между Гоминьданом, Компартией Китая и ВКП(б), а также фракционная борьба внутри этих партий, в первую очередь борьба между сторонниками Сталина и Троцкого, которая по мере ее углубления захватила и китайских студентов. Оно и неудивительно: речь шла о жизненно важных проблемах, о разных взглядах на мировую революцию и на революцию в Китае, о выборе правильной стратегии для революционных сил.

Елизаров-Цзян Цзинго быстро нашел свое место в этой мозаике. Уже в декабре 1925 г., т.е. всего через несколько недель после приезда в Москву, он подал заявление в ячейку китайского комсомола при университете, был принят в эту организацию и скоро стал одним из ее наиболее активных членов. Напомним, что по пути в Москву во время остановки в Шанхае Цзян Цзинго вступил в Гоминьдан; двойная партийность в определенных формах допускалась правилами существовавшей в тот период коалиции Гоминьдана и КПК... Что же касается выбора между сталинизмом и троцкизмом, то Елизаров стал на сторону троцкистов, притом что их было явное меньшинство (примерно 30 человек, т.е. 10% в августе 1927 г.¹³).

¹³ Там же. С. 254.

Чтобы яснее понять причины выбора, сделанного Елизаровым, и его последующее поведение, мы должны рассмотреть развитие событий в Китае и реакцию на них Москвы. Еще в 1923 г. во время переговоров в СССР Чан Кайши представил план объединения Китая военным путем, разработанный Сунь Ятсеном. СССР предлагалось организовать прогоминьдановскую армию на территории Внешней Монголии, которая ударила бы в южном направлении, а на соединение с нею пошла бы гоминьдановская армия из Гуандуна. Москва согласилась предоставить военную помощь, но план наступления с Севера не приняла, опасаясь международных осложнений. По той же причине советские военные советники не рекомендовали и решительное наступление с юга, предлагая в ближайшее время сконцентрироваться на укреплении позиций и подготовке армии¹⁴. Чан Кайши же стремился как можно быстрее идти на север, разумно полагая, что кроме возможности осуществления мечты всех китайских революционеров по объединению страны, крупная военная операция под его руководством будет способствовать укреплению его позиций в партии и государстве.

Идею скорейшего начала Северного похода Чан Кайши отстаивал на прошедшем в январе 1926 г. Втором съезде Гоминьдана, где он был избран членом ЦИК, а затем – членом его постоянного комитета, т.е. вошел в высшее руководство партии. В то же время социальную программу съезда определяли коммунисты и находившиеся в союзе с ними левые гоминьдановцы. Во второй половине марта он предпринял первую попытку отодвинуть коммунистов от власти: несколько сотен членов КПК были обвинены в организации военного переворота и арестованы.

Ситуация для Москвы была неприятная, но рвать отношения с Чан Кайши из-за нее не стали, так как это подорвало бы весь курс Москвы на создание единого фронта, в рамках которого коммунисты должны были захватить власть внутри Гоминьдана, а не бороться с ним открыто. Для достижения этой цели им рекомендовалось действовать в союзе с левыми гоминьдановцами, а Чан Кайши все еще считался ближе к левым¹⁵. Такова была позиция правившего тогда блока Сталина–Бухарина. Однако китайский вопрос был поднят на щит «левой оппозицией», сторонники которой, прежде всего Л.Д. Троцкий, сделали его одним из пунктов критики сталинского

---

¹⁴ Юркевич А.Г. Москва–Кантон, 1920-е... С. 72–74.

¹⁵ Панцов А.В. Тайная история советско-китайских... С. 136–138.

руководства. Троцкий утверждал, что курс на единый фронт КПК и Гоминьдана был неверен с самого начала и что китайские коммунисты должны были проводить собственную линию, не боясь спровоцировать реакцию империалистических держав, с тем чтобы помочь рабочим развитых стран совершить коммунистическую революцию¹⁶.

В результате доминирующей позиции сталинского большинства в советском Политбюро в этот раз отношения с Чан Кайши не были разорваны. Между тем летом 1926 г. Чан Кайши стал формальным лидером Гоминьдана. В июле он занял должности председателя Постоянного комитета ЦИК и главнокомандующего НРА, соединив власть военную и партийную. За несколько месяцев он стабилизировал обстановку на юго-востоке страны и начал Северный поход. Советские специалисты не только не возражали, но и оказывали всемерное содействие. СССР также помог восстановить боеспособность союзной Чан Кайши Национальной армии Фэн Юйсяна, который осенью 1926 г. вступил в союз с НРА и поддержал ее действия. В СССР поход изображался как национально-демократическая революция. В газетах описывали успешные бои с проимпериалистическими милитаристами, на предприятиях проходили митинги в поддержку НРА.

Поначалу в поддержке левой оппозиции не было ничего криминального. Левые в то время были все более теснимым, но еще не гонимым меньшинством в большевистской партии. Хотя сторонники оппозиции в целом были в меньшинстве, среди партийных интеллигентов и молодежи их было довольно много. Ее лидерами были известные и авторитетные члены партии, в том числе – из высшего партийного руководства. Г.Е. Зиновьев (1883–1936) был членом Политбюро ЦК ВКП(б) до июля, а Председателем Исполкома Коминтерна – до октября 1926 г., Л.Д. Троцкий и Л.Б. Каменев (1883–1936) оставались членами Политбюро до октября 1926 г. Троцкий сохранял пост члена Исполкома Коминтерна до сентября 1927 г. Еще в марте 1926 г. ему было поручено возглавить комиссию Политбюро для выработки рекомендаций по политике СССР на Дальнем Востоке (в основном в отношении Китая и Японии)¹⁷. Из ЦК все трое были исключены только в конце октября 1927 г. Ректором УТК до начала апреля 1927 г. был К.Б. Радек (1885–1939) – видный партийный деятель и сторонник Троцкого.

¹⁶ Там же. С. 150.

¹⁷ Там же. С. 158.

Ректор Карл Радек, ранее член ЦК РКП(б) и секретарь Коминтерна, читал в университете курс истории революционного движения в Китае и часто обсуждал ход событий в Китае со своими студентами, особенно с Елизаровым. Согласно многим свидетельствам, он пользовался исключительным уважением и любовью большинства студентов¹⁸. Как отмечал сам Цзян Цзинго, его влияние сыграло заметную роль в том, чтобы отдать предпочтение троцкизму¹⁹. Другие преподаватели – сторонники троцкизма также не уклонялись от острых вопросов студентов, давали им читать оппозиционную литературу, тогда как в глазах преподавателей-сталинистов такие вопросы сами по себе уже были крамолой.

Молодые троцкисты не ставили своей целью создать собственную организацию. Они вели идеологическую и пропагандистскую работу, освещая в первую очередь китайскую проблематику, но не отказываясь и от внутрисоюзных и международных тем. Они обращались и к ЦК КПК, куда они пересылали переведенную с русского оппозиционную литературу, и к студенческой аудитории, интенсивно занимаясь индивидуальной устной агитацией, выступая на собраниях и в стенной печати. Цзян Цзинго, например, «в одной из своих статей (она носила характерное название: „Я никогда не говорил ‘да’!“) призывал студентов не бояться высказывать оппозиционные настроения, активно бороться против сталинской линии. В другой статье („Китайская национальная революция и Коммунистическая партия Китая“) он резко критиковал политику КПК, руководство которой, как он считал, шло на поводу у Москвы»²⁰.

Столкновения политических позиций в УТК носили далеко не академический характер. Общественная жизнь университета с самого начала была наполнена сведением личных счетов, интригами, доносами. Собственно, она и не могла быть другой, поскольку воспроизводила атмосферу коммунистической страны, создавшей университет и управлявшей им. Примечательно, что студенты – а среди них были люди и молодые, и вполне зрелого возраста, прошедшие у себя на родине многолетнюю партийную закалку – восприняли предложенный им в Москве стиль отношений как должное и легко усвоили

¹⁸ Там же. С. 361, примеч. 70.

¹⁹ Цзян Цзинго 蔣經國. Во цзай Сулянь дэ жицзы 我在蘇聯的日子 [Мои дни в Советском Союзе] // Цзян Цзинго сяньшэн цюаньцзи. И цюань 蔣經國先生全集. 一卷 [Полн. собр. соч. Цзян Цзинго. Т. 1]. Тайбэй: Синчжэн юаньсинь вэньцзюй 行政院新聞局, 1991. С. 69–70.

²⁰ Панцов А.В. Тайная история советско-китайских... С. 256.

его. Знакомство с архивными документами, отмечал российский историк-китаевед К.В. Шевелёв (1947–2003), «позволяет ставить вопрос не о том, кто повинен в фабрикации тех или иных дел, а о том, кто не виновен в этом. Их, к сожалению, меньшинство»²¹.

Атмосфера в университете еще более накалилась после того, как в конце 1926 г. Сталин и его последователи в руководстве компартии усилили наступление на сторонников Троцкого и начали втягивать в свою борьбу китайских студентов²². К баталиям стали подключаться сталинисты-преподаватели, находившиеся в то время в Москве представители ЦК КПК, а также органы безопасности. Интересно, что Елизаров, насколько можно судить по архивным документам и воспоминаниям современников, никогда не опускался до участия в замешанных на политике интригах и склоках.

События весны 1927 г. в Китае резко усилили противостояние в УТК и отразились на позиции Цзян Цзинго и других китайских студентов. 21 марта 1927 г. подразделения НРА подошли к Шанхаю, союзные Гоминьдану коммунисты подняли там восстание рабочих, благодаря чему на следующий день город был взят. В СССР взятие Шанхая было воспринято как значительная победа революционных сил. Ведущий советский поэт-большевик В.В. Маяковский (1893–1930) в специальном стихотворении писал, что лучшей поэзией в это время могут быть только слова «Товарищи! Рабочими и войсками Кантона взят Шанхай!»²³.

Через несколько дней был взят и расположенный неподалеку Нанкин, где Чан Кайши разместил свое правительство. Естественно, китайские студенты УТК, как коммунисты, так и гоминьдановцы, радовались этим событиям. Но тут случилось неожиданное. Используя ультиматум Англии, США, Японии, Франции и Италии, требовавших наказать виновных в гибели иностранцев при взятии Нанкина, Чан Кайши начал репрессии против коммунистов. 12 апреля начались аресты и казни, были распущены органы и организации, находившиеся под контролем коммунистов, в том числе городское правительство. Затем те же акции распро-

---

²¹ Шевелёв К.В. К вопросу об отражении китайской тематики в «Биографическом справочнике Коминтерна» // Научно-информационный бюллетень Российского государственного архива социально-политической истории. 2000. № 2(12) (специальный).

²² Панцов А.В. Тайная история советско-китайских... С. 249.

²³ Маяковский В.В. Лучший стих // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. Т. 8. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1958. С. 60.

странились на другие города, которые контролировали силы Чан Кайши.

На некоторое время эти действия раскололи Гоминьдан. В Ухане было создано альтернативное «левое» правительство во главе с Ван Цзинвэем (汪精衛, 1883–1944), на которое пыталась опереться Москва, но вскоре и оно пошло на соглашение с Чан Кайши.

Для Москвы эти события стали неожиданными. Разногласия с Чан Кайши далее скрывать было невозможно. «Прогрессивного», «левого» главнокомандующего и лидера национально-демократической революции пришлось резко переименовать в предателя и агента крупной буржуазии. Отношения с Гоминьданом, представитель которого только в январе 1927 г. был введен в Президиум Коминтерна с правом совещательного голоса, были разорваны²⁴. 21 апреля в «Правде» появились тезисы для пропагандистов, в которых говорилось: «Переворот Чан Кайши знаменует собой отход национальной буржуазии от революции, нарожение центра национальной контрреволюции и сделку правых гоминьдановцев с империализмом против китайской революции». Точки над «i» были, таким образом, поставлены.

В университете им. Сунь Ятсена между тем шла подготовка к Первомаю, и для демонстрантов был приготовлен большой портрет Чан Кайши. Теперь портрет убрали подальше, и начались митинги, участники которых гневно осуждали бывшего «красного генерала». ТАСС распространил заявление Елизарова – Цзян Цзинго, в котором тот по идейным соображениям отрекся от отца. Однокашник Николая пишет: «После этого заявления, куда бы мы ни пошли, нам встречались люди, которые с большим интересом спрашивали нас: „Где сын Чан Кайши?“. За один день он стал известной и даже знаменитой фигурой»²⁵.

Нет смысла гадать, был ли неординарный поступок Елизарова обусловлен высокими идейными соображениями или же то был вынужденный шаг, совершенный под диктовку работавших в Коминтерне китайских коммунистов. Заметим только, что он был совершен семнадцатилетним юношей, неожиданно попавшим в экстремальные условия и совершенно выбитым из колеи. Как и некоторые другие китайские комсомольцы, он «особенно остро переживал трагедию коммунистического движения в Китае»²⁶. Заметим также, что

²⁴ Панцов А.В. Тайная история советско-китайских... С. 146.

²⁵ Шэн Юэ. Университет имени Сунь Ятсена... С. 139.

²⁶ Панцов А.В. Тайная история советско-китайских... С. 252.

в СССР вскоре стало обычной практикой принуждать жену и детей человека, который был репрессирован как контрреволюционер, отказываться от родственных связей с ним.

В своих мемуарах он пишет, что, окончив в апреле 1927 г. университет, он вместе с группой своих товарищей стал добиваться возвращения на родину, однако представители КПК в Москве воспрепятствовали этому, посчитав, что его возвращение будет равнозначно усилению позиций Чан Кайши, и порекомендовали ему продолжать учебу в Советском Союзе.

Елизаров был не единственным из детей высокопоставленных родителей, кого не хотели отпускать в Китай: задержать в СССР отпрысков китайской элиты было выгодно с политической точки зрения. Вот часть письма ректора университета им. Сунь Ятсена П.А. Мифа (1901–1939) и секретаря университетского парткома в адрес оргбюро ЦК ВКП(б), написанного в январе 1928 г.:

В связи с проводимым Университетом составлением партийных и учебных характеристик нами выявлен целый ряд студентов, пребывание которых в Университете как с партийно-политической, так и с учебной точек зрения является абсолютно нецелесообразным. В числе этих намеченных к исключению студентов находятся: Фэн Ци-го (Собинов), Фэн Фу-нэн (Нежданова) – дети генерала Фына и Чжао Сянь-дин – Мотылькова – дочь генерала Чжао Шу-и, комкора, одного из сподвижников Фэна.

Собинов – комсомолец, вступил в Москве, партийно-политическими вопросами не интересуется, партийно не выдержан (сторонник оппозиции), недисциплинирован, связан с Гоминьданом и китайским консульством. Нежданова и Мотылькова в политическом отношении ничего из себя не представляют, очень молоды. Мотылькова – жена студента Лю Хуэй (Уншлихта), арестованного оперотделом ОГПУ... Всем троим дана характеристика по учебной линии как балласта. Принимая во внимание все изложенное и учитывая общеполитические условия, считаем необходимым в отношении всех троих принять меры к тому, чтобы задержать их в СССР в качестве заложников²⁷.

Между тем с Фэн Фунэн у Цзяна был роман. В некоторых внутренних документах ее называли его женой. Однако отношения их не сложились, причем, как впоследствии писал сам Цзян, по политиче-

²⁷ РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 34. С. 6.

ским причинам. На партийном собрании 8 марта 1930 г. он говорил: «Связь с дочерью Фына: она получает задание от своего отца и хочет политически обработать меня. Я тогда хотел ее политически обработать. От этого, конечно, ничего не вышло. По советам комсомольской организации я порвал с ней связь»²⁸. Конечно, такое описание романтических отношений было в стиле времени, однако явно имевшее место вмешательство в личную жизнь вряд ли могло добавить Цзяну позитивных впечатлений об СССР.

Вскоре, однако, детям Фэн Юйсяна было позволено вернуться на родину – в отличие от младшего Чана, получившего при окончании университета такую характеристику: «...а) выдержанность: в вопросах русской и китайской революции – активный сторонник оппозиции; б) дисциплинирован; в) в текущей партийной жизни разбирается поверхностно; г) тактическую партийную линию проводить не может... Примечание: очень способный товарищ, из которого может вырасти хороший партийный работник, но еще совершенно не оформившийся, нуждающийся в низовой и трудной работе под крепким руководством»²⁹.

Жизнь Цзян Цзинго разом переменялась. Переписка с родными прервалась, и он оказался отрезанным от Китая, если не считать приходивших с опозданием китайских газет и журналов. Из бловня судьбы он объективно превратился в заложника, на судьбе которого скрестились интересы различных политических сил, отнюдь не всегда благоприятные для него самого.

С этого момента образ Елизарова-Цзян Цзинго как бы раздваивается. По одним документам, это – не знающий сомнений борец за коммунизм, солдат великой армии мировой революции, хладнокровно жертвующий родственными связями ради великих идеалов и счастливый своей судьбой. По другим он – жертва, карта, которую разыгрывают между собой влиятельные политические силы. В этом качестве он подвергается постоянному давлению, испытывает самые неожиданные превратности судьбы.

Из документов первого рода наиболее характерны анкета и автобиография, составленные Елизаровым при вступлении в ВКП(б) в 1936 г. Автобиография цитируется ниже. Из материалов второго рода самые интересные – его мемуары «Мои дни в Советской России», черновой вариант которых составил часть большого отчета,

---

²⁸ Галицкий В.П. Цзян Цзинго: трагедия... С. 28.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 2. С. 267.

написанного в 1937 г. сразу после возвращения Цзян Цзинго в Китай. Впервые «Мои дни» были опубликованы на английском языке в 1989 г. в качестве приложения к книге Р. Клайна³⁰ о Цзян Цзинго³¹.

С нашей точки зрения, вторая версия значительно ближе к истине, однако, думается, в жизни Елизарова можно найти элементы обеих гипотез, а на самом деле она была богаче и сложнее, чем любая из них³². Об искренности Цзян Цзинго в осуждении отца, о том, что это не было просто актом конформизма, свидетельствует тот факт, что он не продемонстрировал конформизма в другом вопросе: он не перешел на позиции сталинского большинства, но, наоборот, еще более укрепился в своем троцкизме. Тайваньская исследовательница УТК Юй Миньлин считает возможным, что Цзян Цзинго, попав в России в «атмосферу нарастающей левизны, присоединился к мнению, что его отец „предал“ революцию, и решил пока не возвращаться»³³.

«Предательство» Гоминьдана многими китайскими студентами было воспринято как провал всей китайской политики сталинского руководства. Те, кто сохранил верность Гоминьдану, были отправлены на Родину как «правые». Но среди «левых», сочувствовавших коммунистам, популярность получила критика китайской политики Москвы «левой оппозицией». Именно в это время многие из них стали троцкистами.

Этот идейный поворот хорошо описал один из «левых» студентов и одновременно представитель Гоминьдана в ИККИ Шэн Юэ (盛岳, 1907–2007): «Как я подозреваю, после всех этих событий немногие из студентов УТК им. Сунь Ятсена сохранили ощущение, что для мудрого проведения революционного курса в Китае надо непременно полагаться на Коминтерн или советских руководителей. Высокий

---

³⁰ Р. Клайн в 1958–1963 гг. возглавлял отделение ЦРУ в Тайбэе и тесно общался с Цзян Цзинго, который и предоставил ему свои записи для публикации.

³¹ Cline R.S. Chiang Ching-Kuo Remembered: The Man and His Political Legacy. Washington, DC: United States Global Strategy Council, 1989. См.: Юй Миньлин 余敏玲. Эго данъаньчжун дэ лю Су сюэшэн Цзян Цзинго 俄國檔案中的留蘇學生蔣經國 [Цзян Цзинго – студент в СССР. По [материалам] российских архивов] // Цзиньдай ши янцзюсо цзикань 近代史研究所集刊 (Сборник Института новой истории). Июнь 1998. № 29. Мы пользовались тайваньским изданием кн.: Цзян Цзинго 蔣經國. Во цзай Сулянь дэ жицзы 我在蘇聯的日子.

³² Это подтверждается и архивными розысками тайваньских исследователей. См.: Юй Миньлин. Эго данъаньчжун дэ лю Су сюэшэн Цзян Цзинго...

³³ Юй Миньлин. Эго данъаньчжун дэ лю Су сюэшэн Цзян Цзинго... С. 117.

авторитет, которым пользовались среди нас Сталин и Бухарин, был сильно поколеблен. Такое состояние дел, конечно, было благоприятным для студентов и преподавателей, которые симпатизировали Троцкому. Они могли представлять позиции Троцкого в ходе критики Сталина и Коминтерна, и спорить с ними отваживалась лишь горстка лояльных сторонников Коминтерна. Именно этот момент стал первым толчком к появлению в УТК троцкизма, и среди тех, кто продвигал в то время дело Троцкого, был Цзян Цзинго»³⁴.

Симпатии китайских студентов к платформе «левой оппозиции» по китайскому вопросу также понятны. Левые выступали за более активную, даже бескомпромиссную помощь китайской революции без оглядки на ситуацию в СССР. Левые и сталинисты не расходились в том, что «национально-демократическое» движение в колониях и полуколониях является естественным союзником социалистического СССР в борьбе с западным империализмом. Однако Троцкий и его сторонники подчеркивали международное значение этих движений, которым необходимо оказывать содействие для скорейшего успеха мировой революции. «Нужно уметь сочетать восстание индусских крестьян, стачку носильщиков в портах Китая, политическую пропаганду буржуазных демократов Гоминьдана, борьбу корейцев за независимость, буржуазно-демократическое возрождение Турции, хозяйственную и культурно-воспитательную работу в Советских республиках Закавказья, нужно уметь все это идейно и практически связать с работой и борьбой Коммунистического Интернационала в Европе», – говорил он в апреле 1924 г.³⁵.

Сталин же делал упор на приоритет интересов СССР как базы мировой революции, ради которых можно иногда идти на некоторые уступки и компромиссы в отношении местной борьбы. В практической политике это выражалось в бескомпромиссной поддержке троцкистами быстрее перехода к самостоятельной деятельности местных компартий, их прихода к власти и решения коммунистических задач: обобществления экономики, борьбы с местными капиталистами и некоммунистическими партиями и т.п. Сталинисты же выступали за более осторожный курс и активную поддержку местными коммунистами «национально-демократических» партий

³⁴ Шэн Юэ. Университет имени Сунь... С. 148.

³⁵ Троцкий Л.Д. Перспективы и задачи на Востоке. Речь на трехлетнем юбилее Коммунистического Университета Трудящихся Востока 21 апреля 1924 г. // Троцкий Л.Д. Запад и Восток. Вопросы мировой политики и мировой революции. М.: Красная новь, 1924. С. 35.

типа Гоминьдана, которые, будучи более сильными, могли принести больше пользы внешнеполитическим целям Москвы.

Сталин объяснял свою осторожность тем, что такие страны, как Китай, гораздо менее развиты, чем Россия, и коммунистические цели там ставить рано. Он исходил из того, что мировая революция отодвигается на длительный срок, в течение которого обязанность коммунистов всех стран – защищать СССР как базу мирового социализма. Являлась ли эта позиция просто стремлением оправдать свою власть или реалистичной стратегией выживания коммунизма в условиях неясности сроков мировой революции – тема для отдельного анализа. Но она, безусловно, гораздо больше авантюристического троцкизма привлекала социальную базу сталинского режима: новую коммунистическую бюрократию, которой мысль умереть за эфемерную мировую революцию нравилась гораздо меньше планов пользоваться своим привилегированным положением и спокойно строить социализм в одной отдельно взятой стране. Что касается китайских и вообще иностранных революционеров, стремившихся победить прежде всего в своих странах, то их, столь же естественно, гораздо больше привлекал троцкизм, призывавший Москву оказывать им содействие несмотря ни на что.

В одном из документов оппозиционеров говорилось: «Китайскую революцию ЦК рассматривает только как способ нанесения максимального ущерба империалистам как врагам СССР. Это политика не Коминтерна, а НКВД»³⁶. Такая критика была близка китайским коммунистам, старейший лидер которых Ли Дачжао (李大釗, 1889–1927), например, с одобрением писал: «Можно понять, что Троцкий рассматривал русскую революцию как бикфордов шнур мировой революции. Русская революция всего лишь одна из революций в мире, неисчислимые народные революции еще поднимутся друг за другом»³⁷.

Подобные дискуссии велись в Москве не только по китайскому вопросу. Еще ранее СССР оказал значительную помощь кемалистской Турции и тем самым во многом способствовал ее сохранению как независимого государства. Расчет был на то, что Анкара займет антизападную позицию, которую она на время и заняла. Однако укрепившись у власти, турецкий лидер Мустафа Кемаль Ататюрк (1881?–1938) в 1923 г. запретил местную компартию. Несмотря на это, Москва продолжила сотрудничество с Анкарой. Позднее Сталин

³⁶ Панцов А.В. Тайная история советско-китайских... С. 19.

³⁷ Ли Дачжао. Избранные произведения. М.: Наука, 1989. С. 160.

по тем же геополитическим мотивам пошел на соглашение с гитлеровской Германией, проводившей репрессии против коммунистов. Для левых это означало предательство местных коммунистов и мировой революции. Антикоммунистический «переворот» Чан Кайши привел к радикализации как советских оппозиционеров, так и их китайских сторонников в УТК, так как позволил обвинить сталинское руководство в серьезном провале и говорить о верности предупреждений лидеров левых³⁸.

Для Цзян Цзинго это было время трудного поиска истины, углубления и подтверждения своих взглядов. Архивные документы свидетельствуют, что он со своими товарищами обращался за разъяснениями к преподавателям-троцкистам, изучал полученную у них оппозиционную литературу³⁹.

Цзян Цзинго активно выступал на оппозиционных собраниях, в университетской стенгазете, где критиковал Москву и КПК, которая, по его мнению, шла у нее на поводу, призывал не бояться выступать с оппозиционными мнениями. И, наконец, выступил публично. Об этом в воспоминаниях поделился участник оппозиции И.М. Павлов (Хорошев, 1904–1991): «В день 10-й годовщины Октябрьской революции, 7 ноября 1927 г., в 8 часов утра тысячи студентов заполнили двор старого здания Московского университета на Моховой улице. С крыльца университета зазвучали первые речи. С приветственной речью „от имени китайских трудящихся масс“ выступил одетый в кожаную куртку комсомолец-студент китайского университета в Москве им. Сунь Ятсена, приемный⁴⁰ сын Чан Кайши – Елизаров. Восторженно встреченный слушателями, Елизаров на русском языке произнес темпераментную и зажигательную оппозиционную речь. Толпа бушевала»⁴¹.

Демонстрация оппозиционеров 7 ноября напугала сталинское руководство и была использована им для разрешения прямых репрессий. До этого хотя сторонников оппозиции критиковали и все активнее отстраняли от руководящих постов, исход внутрипартийной борьбы был еще далеко не ясен, оппозиционные взгляды еще не были запрещены, и, естественно, никто не мог предположить, что через десять лет за них будут расстреливать. К концу года оппози-

³⁸ Панцов А.В. Тайная история советско-китайских.... С. 193.

³⁹ Там же. С. 252.

⁴⁰ Так в тексте.

⁴¹ Павлов И.М. 1920-е: революция и бюрократия. Записки революционера. СПб.: XXI век, 2001. С. 88–89.

ционеро́в начали исключать из партии, а наиболее активных отправлять в ссылку или даже в тюрьмы.

Подход к китайским студентам тоже стал гораздо жестче. Отношения между Москвой и гоминьдановским правительством резко ухудшились. Московская партиячейка Гоминьдана была распущена, студенты-члены ГМД стали покидать СССР. Советские власти отпускали их неохотно, затягивали отъезд, а после того как ЦИК ГМД в сентябре 1927 г. официально разорвал отношения с УТК, ОГПУ арестовало почти всех оставшихся гоминьдановцев, в том числе тех, кто уже выехал из Москвы, но еще не успел пересечь границу⁴². Всего 239 из общего числа 562 покинули УТК⁴³, однако около 50 гоминьдановцев не выполнили приказ своего ЦИК: они продолжили обучение в университете, и многие из них выразили желание вступить в комсомол и компартию⁴⁴. Это был результат усилий студентов-коммунистов, которые при поддержке советских товарищей по идеологии целенаправленно вели работу среди своих однокашников-гоминьдановцев, стараясь перетянуть их на свою сторону.

С другой стороны, как признавали сами руководители КПК, немало вернувшихся на родину выпускников УТК перешло на сторону Гоминьдана или занимали троцкистские позиции⁴⁵, и это также вряд ли способствовало смягчению отношения стоявших у власти сталинистов к желавшим репатриироваться, но задержанным в России китайским студентам. Короче говоря, было очевидно, что жизнь в условиях сталинской диктатуры загоняет Елизарова в тупик.

Однако, оставшись волею судьбы в чужой стране, Николай не потерял оптимизма и не собирался капитулировать. Питая с детства интерес к военной службе, он подал заявление в военную школу особого назначения, был принят туда курсантом, а окончив ее, в августе 1927 г.⁴⁶ послан на учебу в Ленинград в Военно-политическую Ака-

⁴² Спичак Д.А. Китайский авангард Кремля... С. 85–86.

⁴³ Бай Юй сяньшэн фанвэнь цзилу 白瑜先生訪問紀錄 (Запись беседы с г-ном Бай Юем). Тайбэй: Чжунъян яньцзюань цзиньдай ши яньцзюсо, 1987. С. 22–25.

⁴⁴ Yu Min-ling L. Sun Yat-sen University in Moscow: 1925–1930. Department of History, New York University. January 1995. Unpublished manuscript. P. 79. Цит. по: Спичак Д.А. Китайский авангард Кремля... С. 85.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 57. Л. 34, 109. Цит. по: Спичак Д.А. Китайский авангард Кремля... С. 121.

⁴⁶ Галицкий В.П. Цзян Цзинго: трагедия... С. 64. В тайваньской биохронике Цзян Цзинго приведена другая дата: 3 октября 1928 г. См.: 将经国记事年表 1910–1988 [Запись событий жизни Цзян Цзинго по годам]. 张瑞成编撰. Тайбэй, 1992. С. 35.

демию им. Толмачева. Эти и все последующие назначения производились по рекомендации или по крайней мере с согласия китайской секции Коминтерна.

Два с половиной года, проведенные Елизаровым в Академии им. Толмачева, дали ему возможность серьезно изучить не только разные отрасли военной науки (в том числе стратегию, которую преподавал маршал Тухачевский), но и политику, экономику, философию. Елизаров прекрасно учился, написал интересный доклад о тактике партизанской войны, публиковал статьи в научных журналах.

Много места в его жизни по-прежнему занимала общественная работа. Он был избран в комсомольское бюро Академии, а в 1929 г. стал кандидатом в члены ВКП(б). Годом раньше он объявил о своем разрыве с троцкистами. Как объясняет Елизаров в своих воспоминаниях, он предпринял эти шаги по совету друзей, чтобы укрепить свое положение в чужой стране, и этот совет нельзя не признать вполне разумным, хотя, по мнению кое-кого из его товарищей, он просто «испугался троцкистской нашей активной работы»⁴⁷. Как раз на время его учебы в Москве пришелся пик и эпилог ожесточенной битвы Сталина и его приверженцев с «троцкистско-зиновьевским блоком» (1926–1927). Сталинисты одержали полную победу. Троцкий с группой ближайших сторонников был выслан в Алма-Ату (1928 г.), а на следующий год – за границу. Но острая борьба за власть в партии и стране продолжалась, сопровождаясь поголовными чистками в учреждениях и на предприятиях и массовыми репрессиями, причем ярлык троцкизма по-прежнему играл в ней роль самой страшной «черной метки». В таких обстоятельствах придерживаться троцкистских взглядов было равносильно самоубийству, и даже иметь небольшое пятно троцкизма в биографии было крайне опасно. До антикоммунистического переворота Чан Кайши тесное сотрудничество Гоминьдана с компартиями Китая и России служило для Елизарова залогом его неприкосновенности, но после событий 12 апреля 1927 г. он, как мы уже говорили, превратился в бесправного заложника, политическая ценность которого признавалась не всеми, особенно после разрыва дипломатических отношений между СССР и Китаем в 1929 г. в связи с известным конфликтом на КВЖД. Кое-кто из коммунистов готов был принести младшего Цзяна в жертву личным карьерным амбициям, продемонстрировав на его примере свою бдительность в борьбе с врагами.

---

⁴⁷ Панцов А.В. Тайная история советско-китайских... С. 265.

В декабре 1927 г. в этой обстановке и возникло так называемое «дело землячества Цзянсу–Чжэцзян»⁴⁸, которое стоит вкратце пере-сказать здесь как яркий пример нравов, царивших в то время в шко-лах Коминтерна. Дело было от начала до конца сфабриковано пре-подавателем-переводчиком, членом парткома УТК Чэнь Шаоюем (陳紹禹, он же Ван Мин 王明, 1904–1974), и ректором университета ста-линистом П.А. Мифом, обнаружившими «подпольную контррево-люционную организацию» студентов – выходцев из названных про-винций. Затем к расследованию привлекли ОГПУ. Сначала подозре-ваемых было несколько человек, но вскоре следователь Б.Я. Менис собрал компромат уже на 22 студентов из разных вузов и сделал за-ключение: задача членов организации – «захват партийного руко-водства китайского студенчества, ориентируя его на поддержку оппортунистических вождей киткомпартии – Чэнь Дусю, поддержи-вать связь с правогоминьдановцами, захват влияния в военных шко-лах. Преступная, антипартийная деятельность полностью устанавли-вается документными делами. Нужен арест и дознание»⁴⁹.

Цзян Цзинго был включен Чэнь Шаоюем в число руководителей «землячества», как только Чэнь начал плести свой заговор. В самом деле, Цзян был родом из провинции Чжэцзян; в начале пребывания в Москве он увлекался троцкизмом; мало того, он с приятелями имели обыкновение ссужать друг другу небольшие суммы денег на бытовые нужды и в шутку именовали себя «кассой взаимопомощи». Чэню и Мифу потребовалось добавить немного фантазии, чтобы превратить эту «кассу» в фонд, созданный «землячеством» в пре-ступных контрреволюционных целях.

Затем эта история была доведена до сведения находившегося в то время в Москве представителя ЦК КПК, члена Президиума ИККИ Сян Чжунфа (向忠發, 1880–1931), а тот попытался привлечь к «делу» внимание вождей ВКП(б) Сталина и Бухарина, но из этих попыток ничего не вышло. Удачнее были попытки инициаторов «дела» обра-титься в ИККИ и ОГПУ с требованием покончить с опасной крамо-лой. В результате четверо студентов были арестованы, некоторые были исключены из партии или комсомола, 34 курсанта были ис-ключены из военных вузов⁵⁰. В конце концов дело дошло до Полит-

⁴⁸ Подробнее см.: Спичак Д.А. Китайский авангард Кремля... С. 109–117.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 4. Д. 3. Л. 20. Цит. по: Спичак Д.А. Китайский аван-гард Кремля... С. 111.

⁵⁰ Спичак Д.А. Китайский авангард Кремля... С. 113; Yu Min-ling L. Sun Yat-sen University in Moscow: 1925–1930...

бюро ЦК ВКП(б) и Центральной контрольной комиссии. Партколлегия ЦКК на своем заседании 10 августа 1928 г. под председательством крупного партийного деятеля Е.И. Ярославского (1878–1943) «в присутствии нескольких десятков китайских и русских товарищей» вынесла постановление, которое полностью оправдывало членов «землячества Цзян–Чжэ» и объявляло «дело о кассе взаимопомощи землячества» «ликвидированным». Миф и Чэнь Шаоюй еще накануне, учитывая обстановку, сняли свои обвинения (что не помешало, однако, Чэнь Шаоюю через несколько лет вернуться к «делу»).

Надо сказать, хотя Цзян Цзинго и значился в числе предводителей «землячества», фактически интриги вокруг этой организации его не затронули сколько-нибудь заметным образом. Ему, в отличие от других виртуальных «предводителей», сотрудники ОГПУ не учиняли допросы. Наверное, его происхождение все-таки защищало его. Окончив с отличием Академию в июне 1930 г., он обратился к советским властям с просьбой отпустить его на родину или направить служить в Красную армию. Однако ни одна из этих просьб не была выполнена, как считал Цзян, из-за противодействия опять-таки китайской секции Коминтерна. Но и со стороны советской власти полноценное доверие было ему, так сказать, «не положено». В характеристике на Елизарова, составленной на третьем курсе Академии, осторожно отмечалось: «Политически развит хорошо. В партийной работе активен. В силу молодости, отсутствия практической работы и социального происхождения посылать сразу в Китай на ответственную работу не следует. Желательно послать на год на производство»⁵¹.

Так оно и произошло. Военная карьера Цзян Цзинго в России на этом закончилась. После двух томительных месяцев вынужденного безделья он направлен в Международную ленинскую школу (МЛШ – учебное заведение Коминтерна, предназначенное для обучения среднего и высшего кадрового состава иностранных коммунистических партий), однако в сопроводительных документах указывалось, что по постановлению Восточного секретариата ИККИ он на два года должен быть направлен на производство⁵².

Цзян совершил ознакомительную поездку на Украину и в Закарпатье, перенес тяжелую болезнь. В МЛШ он впервые, кажется, получил отрицательную характеристику: «Не понимает действительность

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.

⁵² Галицкий В.П. Цзян Цзинго: трагедия... С. 79.

положения киткомпартии и китайской революции, не может оказать помощи руководителю в практическом руководстве по проведению лозунга „национализация“ в жизнь»⁵³.

А затем его судьба превратилась в цепь неожиданных и крутых перемен, ограниченных, однако, более или менее низкими должностями на различных производствах, далеких от его квалификации и профессиональных интересов. Была ли это назначенная ему последовательная форма «партийной закалки»? Или в руководящих инстанциях просто не было ясности насчет того, что делать с молодым иностранцем – обладателем необычного политического статуса, чтобы не нажить неприятностей? Отправка в провинцию на производство проштрафившегося студента, получившего, скажем, много критических замечаний в ходе партийной чистки, с тем чтобы там он поднабрался от рабочих идеологического здоровья, не была экзотикой в практике коминтерновских школ.

В октябре 1930 г. он был послан на завод «Динамо» учеником слесаря с крохотной зарплатой, недостаточной даже для пропитания, и вынужден был подрабатывать на стороне. В 1931 г. его направили в расположенную между Москвой и Рязанью деревню Большое Жокково, где, согласно выданной ему характеристике, в качестве уполномоченного от РК ВКП(б) в течение трех месяцев во время осенне-посевной и хлебозаготовочной кампаний «вполне самостоятельно осуществлял на месте партийное руководство над сельсоветами и 4-мя правлениями колхозов»⁵⁴.

И на заводе, и в деревне Елизарову удавалось умелым и честным трудом завоевать доверие окружающих и укрепить свое положение. В октябре 1932 г. Елизарову пришло распоряжение вернуться из деревни в Москву, а в 1933 г. он попал в качестве рабочего на золотые прииски на Алтае, где провел в изнурительном труде и лишениях девять тяжелейших месяцев. Это было уже чем-то вроде ссылки, из которой, однако, он смог досрочно вернуться благодаря образцовому поведению и трудовым успехам. Только после того как в 1933 г. Елизаров поступил на Уральский завод тяжелого машиностроения в Свердловске, жизнь его постепенно стала налаживаться. Так писал Цзян в своей автобиографии 1937 г., объясняя эти перипетии, раз за

---

⁵³ РГАСПИ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 21. Л. 19. Цит. по: Спичак Д.А. Китайский авангард Кремля... С. 157. Речь, вероятно, идет о курсе на национализацию банков и предприятий иностранных государств, проводившемся в это время в контролируемых коммунистами советских районах Китая.

⁵⁴ Галицкий В.П. Цзян Цзинго: трагедия... С. 94.

разом понижавшие его социальный статус, враждебным отношением к себе со стороны представителей КПК в Коминтерне, с которыми не мог не считаться ЦК ВКП(б)⁵⁵. Впрочем, вряд ли этот источник следует считать объективным, так как его очевидной целью было оправдаться за свои коммунистические взгляды перед отцом и его новыми союзниками.

В автобиографии, которую Цзян написал в 1936 г. при приеме в партию и которая еще в меньшей степени является объективной, так как писалась для советских властей, вся цепь событий выглядела несколько по-иному: «После окончания академии Коминтерн посылает меня для работы на завод рядовым рабочим, для того чтобы я получил пролетарскую закалку, которая необходима была для моего дальнейшего воспитания. Я пошел работать на завод с большим желанием. После годичной работы на заводе я написал заявление в Коминтерн с просьбой послать меня работать в колхоз. В колхозе непосредственно работал председателем и вместе с колхозниками выполнял полевую работу.

Завод и колхоз являются огромной жизненной, большевистской школой для меня. Я работал на заводе и в колхозе с большим желанием и подъемом. Я работал и учился у рабочих и колхозников, учился у руководителей партийной организации. В 1932 году по решению политсекретариата ИККИ я был послан ЦК ВКП(б) в распоряжение Уралобкома ВКП(б). Обком послал меня работать на Уралмашзавод»⁵⁶.

Между тем Цзян не знал, что в начале 30-х годов лишь тончайшая грань отделяла его от возвращения в Китай! Москва предложила обменять его на арестованного в Шанхае советского разведчика Я.М. Рудника (1894–1963), проживавшего там с супругой-сотрудницей под именем Хилэра Нуланса⁵⁷. Предложение было передано через вдову Сунь Ятсена Сун Цинлин, несомненно действовавшую по поручению Москвы. Чан посоветовался с женой. Их супружество длилось уже четыре года, но детей не было, и Сун Мэйлин стояла за то, чтобы согласиться на сделку. Однако Чан после тяжелых разду-

---

⁵⁵ Подробное описание этих событий см.: Цзян Цзинго. Во цзай Сулянь дэ жицзы... С. 76 и сл. В российских архивах сведений о его работе на Алтае пока не найдено.

⁵⁶ Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 153. Оп. 1. Д. 120. Л. 5.

⁵⁷ Taylor J. The Generalissimo's Son... P. 58–59; Litten F.S. The Noulens Affair // The China Quarterly. June 1994. Vol. 138. P. 492–512.

мый отказался⁵⁸. Сделка не состоялась. Цзян Цзинго-Елизаров еще на несколько лет остался в России.

Уралмаш, одна из крупнейших индустриальныхстроек первой пятилетки, служил в то время чем-то вроде места почетной ссылки, куда в ходе политической борьбы группа Сталина потихоньку с дальним прицелом убирала из столицы кадры, в той или иной мере связанные с оппозицией. Для человека, находящегося в опале, попасть на Уралмаш казалось далеко не худшим вариантом. Существует гипотеза, будто бы мысль попроситься в Свердловск на строительство нового завода Елизарову подал А.М. Горький (1868–1936), который находился в дружеских отношениях с секретарем парткома завода Л.Л. Авербахом (1903–1937), в прошлом – известным комсомольским деятелем, редактором ряда газет и журналов, одним из основателей Всероссийской ассоциации пролетарских писателей. Известно, что Елизаров был знаком с Горьким, а на Урале сблизился с Авербахом. Любопытная версия того, как Цзян Цзинго на улице познакомился с самим Горьким, содержится в воспоминаниях Цзяна⁵⁹.

На Уралмаше Елизаров работал сначала заместителем начальника цеха по кадрам, а с 1934 г. – заместителем и исполняющим обязанности главного редактора заводской многотиражки «За тяжелое машиностроение». Он оказался хорошим газетчиком. Свердловский журналист М. Банников, работавший под началом Елизарова ответственным секретарем газеты, вспоминал впоследствии: «Коля показывал себя грамотным, искусным руководителем, способным, например, диктовать „с колес“ целые статьи. Бывало, редакционное утро начиналось с того, что заглядывал к своему ответсеку, спрашивал о готовящемся номере. И если оставалась на полосе „дыра“, то успокаивал: „Ничего, я сам забью ее“. Коммунисты типографии и редакции на партсобраниях хвалили Елизарова: „По его инициативе наша газета сейчас не опаздывает, стала работать лучше“»⁶⁰.

Газета «За тяжелое машиностроение» посвящала свои страницы главным образом заводским делам, но иногда на основании присылаемых из Москвы пропагандистских материалов рассказывала о

⁵⁸ Taylor J. The Generalissimo's Son... P. 59.

⁵⁹ Сюй Су 徐甦. Цзян-Сун да цзяцзу 蔣宋大家族 [Большие кланы Цзянов и Сунов]. Шэньян: Ляонин жэньминь чубаньшэ 辽宁人民出版社, 1988. С. 46.

⁶⁰ Зайцев В. Коля Елизаров – президент Тайваня // Вечерний Свердловск. 26.02.1990. О жизни Цзян Цзинго-Елизарова в Свердловске см. также публикации С. Алексеева и В. Зайцева, Г. Каеты, Г. Максимова: Уральский рабочий. 12.10.1988, 16.12.1990, 25.05.1993.

важнейших международных событиях. Елизаров писал о Китае, где революция к этому времени вступила в новый этап – советского движения, этап вооруженной борьбы коммунистов против господства Гоминьдана. Гражданская война разворачивалась в сельских районах южного и центрального Китая, куда коммунисты переместились после серии неудачных попыток поднять восстания в городах.

В Екатеринбурге в редакции газеты «За тяжелое машиностроение» нам удалось найти в старых подшивках газеты номера со статьями Елизарова на эту тему. Вот отрывок из одной его статьи, опубликованной в 1934 г.

С конца 1929 г. мы имеем два Китая: советский Китай, которому принадлежит будущее, и гоминьдановский Китай, отходящий в прошлое.

За короткий период советское движение стало крупным политическим фактором, миллионные массы рабочих и крестьян под руководством китайской компартии начали устанавливать советскую власть. Из отдельных сельских советов, расположенных в разбросанных районах, образовалось мощное государство – республика с общей площадью 1 848 180 кв. километров, а территория уже устойчивых советских районов составляет 681 355 кв. километров. По отношению к территории устойчивых районов территория Германии составляет 68,7 проц., Англии (без колоний) 35,5 проц., Японии – 55,9 проц.⁶¹

Еще одно из выступлений Елизарова в том же, 1934 г. было посвящено седьмой годовщине Кантонской коммуны:

11 декабря 1927 года рабочие и трудящиеся города Кантона под руководством китайской коммунистической партии подняли первое знамя советов в полуколониальных странах.

В лозунгах Кантонской коммуны от имени захвативших власть рабочих и крестьян на всю страну было заявлено о гегемонии пролетариата, о советах как о форме демократической диктатуры пролетариата и крестьянства...

Кантонская коммуна пала, но пусть помнят враги, что ее дело живет и развивается. Вместо гоминьдановского Китая будет Китай советский, где будут хозяевами страны рабочие и крестьяне.

---

⁶¹ За тяжелое машиностроение. Свердловск, 27.11.1934.

В случае войны империалистов против родины социализма – СССР китайские рабочие и крестьяне под руководством китайской компартии, со знаменем кантонской коммуны выступят все как один на защиту СССР!⁶²

Установить с достаточной точностью, что именно Цзян Цзинго думал в этот период, верил ли в то, что пишет, и до какой степени, довольно сложно. Но мы точно знаем, что он с самого начала не поддерживал сталинизм и после поражения троцкизма, вероятно, находился в процессе разочарования в советской системе в целом. Как известно из других примеров, этот процесс должен был быть долгим, и трудно сказать, на каком его этапе он дошел до логического конца и Цзян стал выполнять некоторые правила игры просто для того, чтобы не быть арестованным. Как будет показано нами ниже, положительные оценки по крайней мере некоторых аспектов советской системы сохранялись у него уже после того, как он возвратился в Китай.

Как ни загружен был Елизаров делами в газете, его, обладателя незаурядного темперамента, хватало и на большую общественную работу. Его фамилия часто встречается в протоколах партсобраний того времени: то он делает доклад об организации охраны огородов, то говорит о выплате рабочим задержанной зарплаты, то выступает в прениях по вопросу о чистке в партии. При этом стилистика его выступлений вполне соответствует моменту. Он говорит резко и безапелляционно, кругом видит врагов и вредителей: «Коммунист Бабин опоздал на 20 минут, Павлов после пьянства не вышел на работу. Лебедев сломал станок и скрыл это... Классовый враг действует в наших рядах!» «Наш инженерно-технический персонал стоит в стороне от политической работы цеха. Товарищ Молотов сказал, что не может быть инженеров и техников, которые не участвуют в политической и общественной жизни. А наши инженерно-технические работники собраний не посещают! Надо с этим решительно бороться!» Но выступал он и более практично: критиковал то, что «плохо организован быт рабочих», или предлагал создать добровольную дружину для охраны огородов, «а то картошку с них уже всю почти выкопали»⁶³.

Не без влияния, вероятно, Л.Л. Авербаха, который в свое время был ответственным секретарем главной редакции многотомного из-

---

⁶² За тяжелое машиностроение. Свердловск, 12.12.1934.

⁶³ Джапаков А. Уральские корни президента Тайваня // Урал. 2002. № 7. С. 77–189.

дания «Истории заводов и фабрик», Елизаров взялся за написание истории Уралмашзавода и к моменту отъезда в Китай успел как будто бы много написать и даже подготовить к печати. К сожалению, найти эти материалы не удалось. В свободное время Николай охотно ездил с товарищами за город отдыхать, участвовал в вечеринках, где, по воспоминаниям товарищей, развеселившись, исполнял кавказские танцы с ножом в зубах и пел русские песни. Побывал с женой на черноморском курорте по путевке, выданной заводом.

Трудолюбивый, умный, энергичный, общительный – таким помнят Елизарова те, кто был с ним знаком. Вдобавок он был образованным человеком, и уже одно это вызывало уважение к нему среди массы малограмотных людей, прибывших на строительство «завода заводов», а затем трудившихся в его цехах. М.С. Аникеева, в прошлом учетчица в одном из цехов Уралмаша, муж которой Ф.П. Аникеев, будучи комсоргом цеха, познакомил Цзяна с его будущей женой и семья которой потом дружила с его семьей, в 1990 г. с восхищением рассказывала одному из авторов этих строк о том, какой популярностью пользовались лекции Елизарова о международном положении, каким он был простым и приветливым в обращении.

На заводе Николай познакомился с токарем Фаиной Ипатьевной Вахревой (1916–2004). Она была, по воспоминаниям знавших ее людей, «девочка очень скромная, умная, все к ней хорошо относились». Фаина была сиротой. Она только что окончила ремесленное училище и жила вдвоем со старшей сестрой. «Фаина лучше всех понимала мое положение, в трудные моменты проявляла сочувствие и протягивала руку помощи», – вспоминал впоследствии Елизаров-Цзян Цзинго. В марте 1935 г. Фаина и Николай поженились, а в декабре у них родился первенец – сын Алан (Цзян Сяовэнь 蔣孝文, 1935–1989). В сентябре 1935 г. на закрытом партсобрании типографии и редакции газеты «За тяжелое машиностроение» принимается решение об утверждении акта проверки кандидата в члены ВКП(б) Елизарова⁶⁴. Окруженный всеобщим уважением и доброжелательностью, Елизаров в ноябре 1936 г. подал заявление о приеме в партию, в котором написал: «...мой отец Чан Кайши является изменником и предателем великой китайской революции и в настоящее время глава китайской черной реакции. С первого момента его измены я вел борьбу против него...». В декабре он был принят в ВКП(б)⁶⁵.

---

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

Однако то была лишь одна, доступная взглядам окружающих сторона жизни Елизарова. Помимо нее, существовала, судя по всему, и другая, невидимая сторона, доставлявшая ему тяжелейшие переживания. В 1934 г., пишет Цзян Цзинго в своих мемуарах, начальник Уральского управления НКВД вызвал его в свою канцелярию: «Китайское правительство требует Вашего возвращения... Вы должны написать заявление в Министерство иностранных дел о том, что не желаете возвращаться». Спустя несколько дней начальник управления «сообщил мне, что один из секретарей китайского посольства желает побеседовать со мной, и потребовал, чтобы я затем изложил ему содержание беседы. Вскоре беседа состоялась. Кроме секретаря, в ней участвовали еще двое, один из которых, китаец, сидел в соседней комнате. Конечно же, я не посмел выказать свое желание вернуться на родину»⁶⁶.

То, что этот эпизод действительно имел место, косвенно подтверждается воспоминаниями, которыми поделился с одним из авторов бывший коллега Елизарова по газете А.П. Панфилов (1912–1996). По его словам, в те годы по редакционным комнатам ходила такая история: «К Николаю приезжали посыльные от отца. Зашли к нему в кабинет. О чем разговаривали, Николай не рассказывал, но шила в мешке не утаишь, мы все равно узнали. Они всячески уговаривали его вернуться, а тот отказался наотрез, накричал на них. Они говорят: напишите письменный отказ – как доказательство, что мы у Вас были. Что ж, он и написал – вроде бы даже что-то очень резкое»⁶⁷.

Цзян Цзинго написал письмо матери, которое в феврале 1936 г. было опубликовано в «Ленинградской правде» и в сокращенном виде перепечатано в ряде изданий, в том числе за рубежом⁶⁸. В нем он писал, что обрел свое счастье в борьбе за счастье всего человечества, что он будет смело идти дорогой китайской революции. Он объяснял матери, какие замечательные люди коммунисты, вновь резко критиковал действия отца, обвиняя его заодно в грубом обращении с женой. Называл СССР своим отечеством и призывал к борьбе за независимость Китая, за создание советской власти в Китае. В конце он писал, что будет очень рад встретиться с матерью в любой стране, если она сможет выехать из Китая.

⁶⁶ Цзян Цзинго. Во цзай Сулянь дэ жицзы... С. 84.

⁶⁷ Беседа А.Г. Ларина с А.П. Панфиловым. Свердловск, 1990 г. Из личного архива автора.

⁶⁸ Denny H. Son Repudiates Chiang Kai-Shek // The New York Times. 1936. February 12. P. 12.

Это письмо, в котором сын обращается к родной матери, малограмотной женщине, на казенном языке газетных передовиц, производит странное впечатление: трудно отделаться от мысли, что оно составлено под чужую диктовку. В дневнике же Цзян Цзинго рассказывает, как ему «выкручивали руки» сотрудники Коминтерна, добиваясь, чтобы он подписал подготовленный ими текст. «На четвертый день я не выдержал давления и согласился подписать черновик при условии, что добавлю от себя фразу: „Если вы хотите повидаться со мной, приезжайте в Западную Европу, там мы сможем встретиться“. Я рассуждал так: если мои родственники пришлют мне письмо, в котором позовут меня в Европу, то я смогу воспользоваться им, чтобы покинуть СССР»⁶⁹.

Но встреча в Европе не состоялась. В последующие 1936–1938 гг. атмосфера всеобщей подозрительности и выискивания врагов в СССР накалилась до предела. Страну накрыла широкая волна репрессий. Никто не чувствовал себя в безопасности. О том, чтобы выпустить Елизарова в Европу, не могло быть и речи.

В это время китайская делегация и некоторые преподаватели китайских школ Коминтерна энергично действовали в унисон с общесоюзной репрессивной кампанией и не упускали из поля зрения своих бывших студентов, в какой бы точке страны они ни находились. Еще в 1931 г. в Москву вернулся Чэнь Шаоюй, теперь в новом статусе – члена Политбюро ЦК КПК и главы делегации КПК в Коминтерне – и с новым псевдонимом Ван Мин. Он вновь вытащил на свет свой любимый козырь – дело «землячества Цзян-Чжэ» – и как его продолжение представил вниманию ИККИ и органов НКВД новый плод своих политических спекуляций – «шпионскую группу Чу-гунова»⁷⁰. В «шпионской группе» значился и Цзян Цзинго. Под настойчивым давлением Ван Мина Чжоу Давэнь и еще три китайских товарища, работавшие на Дальнем Востоке, в 1937 г. были арестованы, а в 1938–1939 гг. казнены.

В водоворот событий в Свердловске оказались вовлечены близкие к Елизарову люди. Главной мишенью кампании на Уралмаше стал его приятель Е.В. Цетлин (1898–1937), заведующий бюро технического обслуживания, а прежде – председатель ЦК РКСМ, заведующий секретариатом Н.И. Бухарина. Пострадал и Авербах, став-

⁶⁹ Цзян Цзинго. Во цзай Сулянь дэ жицзы... С. 84.

⁷⁰ Владимир Васильевич Чугунов – русское имя Чжоу Давэня (周大文, 1903–1938), главного редактора китаезычной газеты «Гунжэньчжилу» («Рабочий путь») в Хабаровске, ранее – председателя Всекитайского студенческого союза.

ший к тому времени секретарем райкома⁷¹. Вскоре оба были арестованы и расстреляны. Между тем Авербах был не только товарищем Елизарова, но и дал ему рекомендацию для вступления в партию.

Тут же обнаружилось, что газета «За тяжелое машиностроение» «не развернула должным образом освещения методов предательской контрреволюционной работы Цетлина», и 5 января 1937 г. бюро райкома постановило: «Освободить временно исполняющего обязанности редактора газеты тов. Елизарова от занимаемой должности»⁷². Он был переведен на должность заместителя заведующего организационным отделом горкома. Но на районной партконференции 7–11 февраля уже зазвучали слова о связи Елизарова с троцкистами⁷³.

Это грозило арестом. Однако его поддержало партийное руководство области и города: первый секретарь обкома ВКП(б) И.Д. Кабаков (1891–1937), уже разжалованный к тому времени из 1-го во 2-е секретари Свердловского горкома М.В. Кузнецов (1900–1937) и заведующий отделом партийных кадров горкома И.А. Кормилов (1899–1938)⁷⁴.

Все трое через несколько месяцев были арестованы и расстреляны. Помогали ли они Цзяну из дружеских чувств или по указанию из Москвы, сказать сложно. Возможно, в Москве относительно Цзяна уже имелись иные планы, чем в отношении его партийных руководителей.

К счастью для Цзян Цзинго, в этот момент произошли крупные перемены в международных отношениях на Дальнем Востоке. Ввиду угрозы японской агрессии отношения между правительствами СССР и Китая стали опять налаживаться, при активном содействии Советского Союза Гоминьдан и китайская компартия вновь пошли на сотрудничество. В этих условиях возымели свое действие и просьбы Елизарова-Цзян Цзинго о направлении в Китай, и усилия Чан Кайши, добивавшегося возвращения сына на родину.

Решение отпустить Елизарова-Цзян Цзинго на родину принималось на высшем уровне. 3 марта 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) без голосования постановило: «Не возражать против поездки в Китай сына Чан Кайши, если он сам на это согласен»⁷⁵.

⁷¹ За тяжелое машиностроение. Свердловск. 08.02.1937.

⁷² Там же. 06.01.1937.

⁷³ Джапаков А. Уральские корни президента Тайваня.

⁷⁴ Агеев С., Иглин А. Так кто же он, Елизаров? // На смену! 14.01.1989.

⁷⁵ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 68. Д. 146. Л. 15.

М.С. Анিকেева рассказывала: «Как-то Николай поехал в Москву – сказал, его вызывает ЦК. Он и раньше туда часто ездил, привозил нам, бывало, гостинцы. На этот раз вернулся и говорит: „Давайте прощаться. ЦК посылает меня в Китай с заданием: повернуть отца в нашу сторону“. И уехал со всей семьей. А потом пришла телеграмма, и мы по этой телеграмме встретили Елизаровых на вокзале, повидались последний раз, когда они ехали в Китай»⁷⁶. Это было в марте 1937 г. Через месяц Цзян Цзинго должно было исполниться двадцать семь лет.

В апреле 1937 г. он покинул СССР, отправившись в Китай на теплоходе из Владивостока. Совершенно неясно, как бы сложилась его судьба, если бы он этого не сделал. Уже в июле 1937 г. неким Сухим на него был написан личный донос в Свердловский горком, в котором перечислялись всевозможные грехи: связи с Авербахом, Цетлиным и другими подозрительными деятелями, беседы с иностранными корреспондентами, создание контрреволюционной организации и даже пьянство⁷⁷. К чему нужно было писать все это про человека, уже бывшего за границей, не совсем понятно. Возможно, автор об этом не знал.

Интересно, что и сам Цзян Цзинго-Елизаров уже по пути на родину отправил из Владивостока письмо в родную газету, обращая ее внимание на то, что у директора завода Л.С. Владимиров (1895–1938) брат арестован как троцкист⁷⁸. Такие доносы в то время часто вели к репрессиям. Владимиров, крупный организатор производства, был арестован в сентябре 1937 г. и в январе следующего года расстрелян. Чем объясняется этот поступок Цзян Цзинго, уже находившегося неподалеку от границы, сказать сложно. Возможно, это было одним из условий его отъезда, поставленных органами, искавших подхода к Владимирову. Мог он и специально мстить Владимирову за то, что тот был одним из активных участников кампании критики Цзяна в феврале, что могло привести к его аресту. А может быть, он хотел продемонстрировать свою лояльность для того, чтобы его выезду не стали препятствовать в последний момент. Так или иначе, этот эпизод многое говорит о людях и обстановке в СССР в то время, как и о самом Цзян Цзинго.

---

⁷⁶ Беседа А.Г. Ларина с Марией Семеновной Анিকেевой. Свердловск, 1990 г. Из личного архива автора.

⁷⁷ Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 161. Оп. 6. Д. 322. Л. 6.

⁷⁸ Там же. Ф. 153. Оп. 1. Д. 120. Л. 143–145.

Впоследствии Цзян Цзинго называл годы, прожитые им в СССР, «самым тяжелым периодом своей жизни». Вероятно, так оно и было. Но едва ли можно согласиться с утверждениями тайваньских авторов, будто бы «двенадцать лет, проведенных им в России, остались без всякой награды, если не считать того, что он нашел там жену и узнал неприглядную правду о коммунизме»⁷⁹. Действительно, орденов Елизаров не получал, хотя был премирован часами как «проделавший огромную работу на развертывании конкретного соцсоревнования в самом крупном цехе завода». А «за организацию первой штурмовой коммунистической бригады, созданной для ликвидации прорыва», имя Елизарова было занесено в Красную книгу ударников⁸⁰. Но дело даже не в этом. Он получил в СССР основное образование, овладел несколькими специальностями, приобрел опыт руководства, пусть и скромный – разве все это ничего не стоит?

Что же касается «познания правды о коммунизме», то тут не все так просто. Противоречивость и неполнота материалов, имеющихся в нашем распоряжении, субъективность любых мемуарных источников не позволяют однозначно судить, насколько глубоким и скорым было разочарование Елизарова в идеях коммунизма. В СССР в период его становления, подъема, а потом застоя и упадка имели место и безусловная преданность социализму, и его полное отрицание, и различные промежуточные варианты, когда теневые стороны действительности подвергались более или менее глубокому анализу, более или менее резкому осуждению, но в любом случае рассматривались как временные, случайные, а может быть, и неизбежные отклонения от благородных, а потому неоспоримых идеалов коммунизма в процессе их осуществления. Российская интеллигенция накопила немалый опыт выработки взглядов подобного рода – разнообразных версий «критической веры» в марксистско-ленинско-сталинскую теорию построения светлого социалистического сегодня и еще более светлого коммунистического завтра.

Возможно, Елизаров во время жизни в СССР в конце концов пошел дальше в отрицании коммунистических идей. В любом случае следует, видимо, признать, что испытания, выпавшие на его долю, вкуче с тем негативным, что он мог наблюдать с близкого расстоя-

---

⁷⁹ Free China Review. 1978. Vol. 28. № 5. P. 12.

⁸⁰ Ефимова Т. Уралмашевцы. Десять заводских пятилеток. Литературно-документальная летопись. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1982. С. 63.

ния, остудили его юношеский романтический энтузиазм, побудили к критическим раздумьям, а впоследствии способствовали эволюции в сторону антикоммунизма.

Интересным вопросом остается, как именно повлияла жизнь в СССР на взгляды Цзян Цзинго и его дальнейшую деятельность в Китае. Вопрос этот непростой не только потому, что по этой теме трудно найти достоверные источники, но и из-за того, что нелегко выяснить, что именно нового узнал он в СССР. Ведь судьбы российских и китайских революционеров и их идеи были так переплетены, что ситуация в СССР была известна многим китайцам, хотя, вероятно, и не так хорошо, как Цзяну, проведшему там более десятилетия и видевшему самую адскую эпоху сталинского террора.

Очевидные свидетельства влияния жизни в СССР на дальнейшую деятельность Цзяна уже описаны. Например, стиль его докладов о политической работе или выполнении планов развития или заготовки статей, которые ничем не отличались от советских: «Партия – душа революционной армии», «В борьбе, жертвуя собой, выполним трехлетний план» и т.п.⁸¹ По содержанию они тоже мало отличались от его же статей в советских газетах (за исключением, конечно, сменя партии)⁸². Другой пример: организация Цзяном системы политкомиссаров в армии и политической учебы военных кадров в период его пребывания в должности начальника Главного политического управления Министерства обороны, на которую он был назначен в 1950 г.⁸³ Однако здесь надо иметь в виду, что Цзян внедрял советский опыт не на пустом месте. Гоминьдан в целом с 1923 г. строился по образцу коммунистической партии, многие его члены так же, как и Цзян, учились в СССР. Цзян мог заимствовать какие-то элементы с большим знанием дела, но в целом и без него Гоминьдан, его структура и методы работы долгое время сильно походили на коммунистические. Даже обращались члены партии друг к другу так же, как и коммунисты: «товарищ» (*тунчжи* 同志).

Различия с коммунистами, конечно, были, но они, скорее, относились к программе, к целям, хотя и здесь первоначально было мно-

⁸¹ Цзян цзунтун Цзинго сяньшэн яньлунь, чжушу, хуэйбянь 蔣總統經國先生言論著述彙編 [Речи, статьи, записки г-на президента Цзян Цзинго]. Т. 1. 1940–1948. Т. 2. 1949–1952. Тайбэй: Лимин вэньхуа шиегу фэньсю сянь гунсы 黎明文化事業股份有限公司, 1981.

⁸² Ларин А.Г. Цзян Цзинго в России // Современный Тайвань / Отв. ред. и сост. Иванов П.М. Иркутск: Улисс, 1994. С. 142–143.

⁸³ Taylor J. The Generalissimo's Son... P. 194–195.

го общего. И здесь в более общем плане встает несколько вопросов. Например, связан ли как-то опыт жизни Цзян Цзинго в СССР с тем, что именно он начал демократизацию на Тайване. С одной стороны, известно, что Тайвань, особенно после захвата материковой части Китая коммунистами, стал позиционировать себя как «Свободный Китай», где лишь временно, в соответствии с учением д-ра Сунь Ят-сена, введено военное положение. Но почему именно Цзян Цзинго отменил его и разрешил реальную многопартийность? Конечно, важнейшую роль здесь сыграли внутренние обстоятельства и давление Запада, в особенности США. С другой стороны, можно вспомнить, что одним из лозунгов троцкистов была внутривнутрипартийная демократия, к которой они начали призывать, оказавшись в оппозиции. Конечно, они не выступали за демократизацию в западном смысле, партийная демократия – это лишь разрешение дискуссий внутри партии. Но в то же время именно идеи Троцкого с его критикой сталинской «диктатуры секретариата» стали исходной точкой возникшей внутри коммунистического движения теории нового правящего класса в коммунистических странах, впервые выдвинутой югославским коммунистом М. Джиласом (1911–1995), а далее – к коммунистическим реформаторам: еврокоммунистам в Западной Европе, а в советском блоке – к «Пражской весне» и в конечном счете горбачевским гласности и перестройке. В этом направлении развивались идеи многих советских реформаторов коммунизма. Конечно, тайваньская интеллектуальная история отличалась от советской, однако вполне вероятно, что многие подходы Цзян Цзинго, в особенности после того, как он близко, на собственном опыте увидел в СССР результаты господства сталинского «нового класса», развивались сходным образом. Однако когда именно Цзян окончательно стал антикоммунистом, сказать сложно. После отъезда из СССР он утверждал, что он был им чуть ли не с самого начала.

В 1955 г. в беседе с американским журналистом Р. Мартином он говорил: «Я был настроен антикоммунистически еще в России. Поэтому меня и направили в Сибирь и на Урал. Я не был там свободен. Сталин не разрешал мне вернуться в Китай до восстановления отношений между Россией и Китаем. Я посвятил себя делу уничтожения коммунизма»⁸⁴. Однако даже здесь он не говорит, когда именно в России он стал антикоммунистом. Кроме того, следует иметь в виду, что быть троцкистом и антикоммунистом – совсем не одно и то

---

⁸⁴ Галицкий В.П. Цзян Цзинго: трагедия... С. 81.

же. Цзяна действительно могли отправить из Москвы как бывшего троцкиста в связи с отсутствием доверия, но это не значит, что он к тому времени уже разочаровался в коммунизме в целом.

Многочисленные свидетельства очевидцев говорят о том, что коммунизм, по крайней мере в его троцкистском варианте, он воспринимал всерьез. Даже уже в 1947 г. в письме его жены сестре – А.И. Вахревой (1899–1976), написанном из Китая, сообщается, что они с мужем и еще несколькими друзьями, учившимися в СССР, собираются встречать 30-ю годовщину Октябрьской революции и «выпивать за вас и за процветание Родины»⁸⁵. Конечно, подобные слова могли писаться для того, чтобы письмо дошло (большинство из них конфисковывались советскими властями и не доходили до адресата) или чтобы у получателя не было проблем. Но, возможно, Цзян тогда все еще считал революцию 1917 г. позитивным событием. Второй интересный вопрос – это истоки создания на Тайване рыночной экономики. Как известно, общественный идеал, к достижению которого первоначально стремился Чан Кайши, основываясь на идеях Сунь Ятсена, теоретики Гоминьдана называли обществом *да-тун* (大同, «великое единение»). В этом идеальном обществе, названном термином классической китайской философии, вся собственность должна быть обобществлена, преодолены различия между богатыми и бедными, а труд должен служить всему обществу, а не являться трудом ради заработной платы. Тогда будет осуществлен принцип «народного благоденствия» (*миньшэнчжун* 民生主義) – третий из трех принципов Сунь Ятсена: национализм (*миньцзучжун* 民族主義), народное правление (*миньцюаньчжун* 民權主義) и народное благоденствие.

В период антияпонской и гражданской войн, используя чрезвычайную ситуацию, Чан Кайши пытался приблизиться к этому идеалу, постоянно увеличивая долю государственной собственности и роль государства в экономике⁸⁶. После поражения на материке и отхода на Тайвань, под давлением американцев и собственных экономистов, считавших, что этот курс был одной из причин недовольства населения, не поддержавшего Гоминьдан, Чан начал увеличивать роль частного сектора, при этом сохраняя контроль государства над ведущими секторами экономики, индикативное планирование и значительную роль государственных инвестиций в перспективные от-

⁸⁵ Там же. С. 156.

⁸⁶ Меликсетов А.В. Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае: 1927–1949. М.: Наука, 1977. С. 202–212.

расли. Для обоснования этой политики он выдвинул концепцию общества *сяокан* (小康, среднего достатка⁸⁷) как первого шага к достижению общества *датун*. На этапе *сяокан* частная собственность объявлялась приемлемой и даже полезной, «товары производятся ради прибыли, а люди трудятся ради получения заработной платы»⁸⁸.

С теорией *сяокан* (термин также позаимствован из классической философии), Чан Кайши выступил уже в начале 50-х годов⁸⁹. С конца 60-х годов, будучи премьером, а затем президентом, Цзян Цзинго активно проводил ее в жизнь, сохраняя значительную роль государства и при этом развивая частное предпринимательство. Об этом он говорил, например, в административном отчете премьера четвертому пленуму ЦИК Гоминьдана в 1973 г., где заявил, что отстаиваемая им экономическая система основывается на свободном предпринимательстве, но при этом согласуется с идеалами общества Великого единения⁹⁰. Именно под его руководством, по официальному признанию, в 70-е годы правительство осуществило так называемые «Десять крупных строительных проектов» («Ши да цзяньшэ» 十大建設) и «Двенадцать планов строительства» («Ши-эр сяньцзяньшэ-цзихуа» 十二項建設計畫), успех которых, согласно официальному президентскому сайту, «внес вклад в быстрое экономическое развитие, социальную стабильность и благосостояние страны, подготовив почву для осуществления экономического рывка»⁹¹.

Интересно, что с самого начала экономических реформ на материке тот же термин «сяокан», естественно без ссылок на Чан Кайши, стал использовать лидер китайских коммунистов Дэн Сяопин, который учился в УТК в одно время с Цзян Цзинго и хорошо знал его. Дэн Сяопин, конечно, не мог не быть знаком с гоминьдановскими

⁸⁷ Букв. «малого благополучия». – Ред.

⁸⁸ Чан Кайши / Цзян Цзешу 蔣介石. Миньшэн чжуй юйлэ лян пьян бушу 民主主義育樂兩篇補述 [Дополнительное описание двух разделов принципа народного благоденствия – образование и отдых] // Цзунтун Цзян гуансы сяньяньлунь цзунцзи 總統蔣公思想言論總集 [Сборник высказываний господина президента Чана [в области] мысли], 1954 // Интернет-сайт Китайского образовательного фонда. URL: http://www.ccfid.org.tw/ccef01/index.php?option=com_content&view=article&id=535:0002-4&catid=110&Itemid=256

⁸⁹ Меликсетов А.В. Социально-экономическая политика... С. 236–237.

⁹⁰ Free China Weekly. 1973. № 45. P. 4–5.

⁹¹ Синсяньхоу лижэньцзунтун. Ди 6–7 Цзян цзунтун 行憲後歷任總統. 第 6~7 任蔣總統經國先生 [Президенты после введения конституционного правления. Президент господин Цзян Цзинго (6-й и 7-й сроки)] // Интернет-сайт президента Китайской Республики (Тайвань). URL: <https://www.president.gov.tw/Page/85>

теориями. Логичнее даже предположить, что он хорошо изучил опыт реформ на Тайване и использовал их, в том числе и в плане терминологии. Но об обратном влиянии Гоминьдана на коммунистов здесь можно говорить лишь частично. Дело в том, что вся аргументация концепции «сяокан–датун», введение этапа *сяокан* как начального этапа продвижения к *датун*, на котором возможны элементы рыночной экономики и частнопредпринимательского эгоизма, очень сильно напоминают большевистскую идею «переходного периода» к коммунизму, давшую возможность осуществить в Советской России новую экономическую политику (НЭП). Идея этого периода как раз и заключалась в осуществлении экономического рывка, сохраняя за государством «командные высоты экономики», но опираясь и на частную инициативу в сельском хозяйстве и мелкой промышленности. Целью этого рывка, с точки зрения коммунистической теории, было догнать передовые экономики мира, так как именно в передовых странах рабочие должны осуществить всемирную коммунистическую революцию. Полное схождение концепций *сяокан* и «переходного периода» можно наблюдать в современной идеологии китайских коммунистов, которые считают целью «начального периода строительства коммунизма», на котором разрешены частная собственность и рыночная экономика, достижение уровня среднего достатка *сяокан*.

Это, конечно, не означает, что Цзян Цзинго позаимствовал идею *сяокан* из СССР. Скорее, можно говорить о том, что попытки теоретиков Гоминьдана и КПК легитимировать рыночные реформы путем реинтерпретации понятий традиционной китайской философии были практически идентичными и на ход мысли и тех, и других существенное влияние оказала ленинская концепция нэпа, хорошо известная Цзян Цзинго по опыту жизни в СССР.

Троцкизм, которым восхищался одно время Цзян Цзинго, выступал против нэпа, за быстреее огосударствление экономики и ускоренную «сверхиндустриализацию» за счет крестьянства. Однако, оставаясь в СССР в 30-е годы, Цзян Цзинго не мог не видеть, что, расправившись с левой оппозицией, Сталин фактически взял на вооружение ее экономическую программу. Видел он на собственном опыте и то, к каким катастрофическим последствиям это привело как в промышленности, так и в деревне. В Гоминьдане также многие считали, что политика огосударствления стала одной из причин отказа народа националистам в поддержке в период гражданской войны.

Критика сталинизма была возможна не только с левых, но и с правых позиций. Переход к рыночным реформам на Тайване был не только результатом давления Вашингтона, но осмысления неудачных советских и гоминдановских попыток ускорить развитие путем огосударствления экономики. И, возможно, неслучайно многие учившиеся в СССР китайские троцкисты, вернувшись на родину, перешли на сторону Гоминьдана, Цзян Цзинго здесь отнюдь не исключение⁹². Опыт жизни в сталинском СССР вполне мог привести к пониманию того, что правый подход более продуктивен и какие-то реформы в стиле советского нэпа, но более последовательные, Тайваню необходимы. О том, что такой путь идейного развития вполне вероятен для китайских революционеров, говорит и то, что к тем же выводам в конечном счете пришли и китайские коммунисты на материке. Конечно, точные ответы на все эти вопросы могут быть найдены только в результате дальнейших исследований.

---

⁹² Галицкий В.П. Цзян Цзинго: трагедия... С. 215.

Политическая система современного Китая и типология коммунистических режимов

Опубликовано в журн.: Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 3. С. 63–84

В современном Китае происходят значительные политические изменения. Нынешний китайский лидер решительно изменил установившуюся систему наследования власти, автором которой был архитектор китайских реформ Дэн Сяопин. Си Цзиньпин отменил введенное в 1982 в конституцию положение об ограничении двумя сроками нахождения в должности Председателя КНР, значительно централизовав систему управления и вновь усилив в ней роль партийных органов по отношению к государственным, передав принятие основных решений от традиционных министерств и отделов ЦК КПК многочисленным руководящим группам, большинство из которых он возглавляет лично. Во внешней политике руководство Си Цзиньпина фактически отказалось от выдвинутого тем же Дэн Сяопином принципа «скромности» во внешней политике. Согласно официальной китайской идеологии, новая теория государственного управления составляет одну из основ «идей Си Цзиньпина», которыми, наряду с положениями основателей марксизма и некоторых других китайских лидеров, должны руководствоваться народы Китая. Это положение в 2018 г. было закреплено в Конституции страны. Однако наиболее важным, с точки зрения китайских властей, изменением, стало проведение многоплановой реформы государственного управления, которую зарубежные наблюдатели окрестили «пятой модернизацией»¹.

Официальная китайская пропаганда провозглашает, что управленческие теории и политика Си Цзиньпина представляют собой

---

¹ Bradley T.A., Han Lianchao. China's 'Fifth Modernization' Shows Its Intent to Lead the World // The Hill. 2019. November 29. URL: <https://thehill.com/opinion/international/471888-chinas-fifthmodernization-shows-its-intent-to-lead-the-world>

совершенно новый этап социалистического строительства, который призван адаптировать марксистскую теорию в ее интерпретации предыдущими выдающимися китайскими лидерами: Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином (их имена и концепции содержатся в конституции), – к «новой эпохе социализма с китайской спецификой». Таким образом, закрепляется роль Си как крупного теоретика «социализма с китайской спецификой» и выдающегося политического лидера, завершившего достижение основных целей китайской революции. Схема примерно такова: Мао Цзэдун объединил Китай и сделал его независимым от империализма, Дэн Сяопин смог достичь прорыва в экономическом развитии, сократив разрыв с развитыми странами и создав базу для создания зрелого социалистического общества, Си Цзиньпин окончательно вывел Китай на уровень развития передовых государств и исполнил «китайскую мечту» – вернул страну в число великих мировых держав, преодолев период «унижений», начавшийся с поражений в «опиумных войнах». Таким образом, легитимизируется власть коммунистической партии и ее политика: никакая другая власть этого сделать не смогла, хотя попытки предпринимались и в период поздней Цинской империи, и различными лидерами Китайской Республики.

Для того чтобы понять, действительно ли сегодняшние власти Китая создают некую принципиально новую систему управления и как эта система соотносится с другими коммунистическими моделями, необходимо рассмотреть типологию коммунистических режимов в целом.

Типы коммунистических режимов

Перед тем, как говорить о типах коммунистических режимов, необходимо пояснить, что мы под ними понимаем. Здесь существует два подхода. В немарксистской политологической литературе под коммунистическими режимами обычно понимаются режимы государств, где у власти стоят партии, которые либо прямо называют себя коммунистическими, либо провозглашают свою приверженность конечному построению коммунизма и ориентацию на крупные коммунистические партии (например, советскую или китайскую).

Второй подход – марксистский. Согласно теории К. Маркса, коммунизм в чистом виде, т.е. бесклассовая ассоциация, основанная на принципе «Каждый по способностям, каждому по потребностям!»²,

² Маркс К. Критика готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М.: Политиздат, 1961. С. 20.

где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»³, где нет денег и государства, конкуренция заменена ассоциацией, средства производства принадлежат обществу в целом, а само производство ведется по общественному плану – такой строй пока не был построен ни в одной стране, и вообще, если говорить собственно об учении К. Маркса и Ф. Энгельса, он не достижим в отдельной стране, так как коммунистическая революция должна произойти одновременно во всех цивилизованных странах (согласно Ф. Энгельсу, по крайней мере в Англии, Америке, Франции и Германии)⁴. Однако еще К. Маркс отмечал, что подобного уровня общество достигнет лишь на высшей стадии коммунизма, до этого же оно будет сохранять некоторые «родимые пятна» старого⁵. Этот первый, не вполне совершенный этап коммунизма был назван В.И. Лениным «социализмом». В то же время Ленин считал, что «поскольку общей собственностью становятся средства производства, постольку слово „коммунизм“ и тут применимо, если не забывать, что это не полный коммунизм»⁶. Все коммунистические партии, придя к власти и проведя соответствующие реформы, называли свои общества «социалистическими». Таким образом, и с точки зрения марксизма все режимы в государствах, где правят коммунисты, вполне можно называть коммунистическими.

Как это ни странно, типология коммунистических режимов разработана крайне слабо. Бóльшая часть авторов, как в самих коммунистических государствах, так и вне их, обращала основное внимание на их сходство или отличия от других политических систем⁷ или на общность между собой⁸. Так, например, А. Браун, признавая, что между отдельными членами разных коммунистических партий и некоторыми коммунистическими государствами существовали зна-

---

³ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 447.

⁴ Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 329–330, 334.

⁵ Маркс К. Критика готской программы. С. 18.

⁶ Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 98

⁷ Skilling H.G. Soviet and Communist Politics: A Comparative Approach // The Journal of Politics. 1960. Vol. 22. No. 2. P. 300–313.

⁸ Holmes L. The Policy Process in Communist States: Politics and Industrial Administration. L.: Sage, 1981; idem. Politics in the Communist World. Oxf.: Clarendon Press, 1986.

чительные различия во взглядах на то, что представляет из себя коммунизм, заключил, что все коммунистические системы объединяет шесть основных характеристик. В политике – это монополия на власть коммунистической партии и принцип «демократического централизма», в экономике – некапиталистическая собственность на средства производства и доминирование командно-административных методов экономического управления над рыночными, в идеологической сфере – декларирование построения коммунизма в качестве конечной цели системы, оправдывающей ее существование, и чувство принадлежности к международному коммунистическому движению⁹. Западная политическая наука концентрировалась также на сравнении коммунистических политических и экономических систем с другими, например, фашистскими в рамках концепции тоталитаризма, традиционными, рыночными и организационными обществами, с коммунистическими партиями в демократических государствах Запада и др.¹⁰.

Гораздо меньше авторов изучали отличия коммунистических режимов друг от друга, хотя призывы делать это раздавались довольно часто¹¹. Например, Дж. Монтиас в вышедшем в 1975 г. сборнике выделил четыре типа коммунистических экономических систем, различающиеся по организации экономического процесса: мобилизационные, централизованные, децентрализованно-административные и системы рыночного социализма¹². К. Бек в том же сборнике писал о трех типах коммунистических политических режимов Восточной Европы: интегрированном (ГДР), гегемонистском (Польша и Венгрия) и партийно-центральном (Болгария и Румыния)¹³. Но таких примеров немного.

⁹ Браун А. Взлет и падение коммунизма. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 150–160.

¹⁰ Friedrich C.J., Brzezinski Z.K. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge: Harvard University Press, 1956; Roberts A. *The State of Socialism: A Note on Terminology* // *Slavic Review*. Summer, 2004. Vol. 63. No. 2. P. 349–366.

¹¹ Meyer A.G. *The Comparative Study of Communist Political Systems* // *Slavic Review*. March 1967. Vol. 26. No. 1. P. 3–12; Fleron F.J.Jr. (ed.). *Communist Studies and the Social Sciences*. Chicago: Rand McNally, 1969.

¹² Montias J.M. *A Classification of Communist Economic Systems* // Mesa-Lago C. & Beck C. (eds). *Comparative Socialist Systems: Essays on Politics and Economics*. Pittsburgh, Penn.: University of Pittsburgh Press, 1975. P. 39.

¹³ Beck C. *Patterns and Problems of Governance*. In: Mesa-Lago C. & Beck C. (eds). *Comparative Socialist Systems: Essays on Politics and Economics*. Pittsburgh, Penn.: University of Pittsburgh Press, 1975. P. 138–141.

Типология по признаку идеологии

С учетом того факта, что коммунистические режимы сформировались на основе коммунистической идеологии, причем формирование идеологии предшествовало созданию собственно государств, а государство строилось по идеологическим лекалам, гораздо более обоснованным представляется строить типологию коммунистических режимов именно на основе сходства и различия идеологических постулатов, заложенных в их основу.

Конечно, коммунистическая идеология в каждом конкретном государстве сталкивалась с существующими там реалиями, с традиционной политической и экономической культурой, что приводило к существенной степени индигенизации. Споры о том, является ли российский или китайский коммунизм простым продолжением культурной традиции этих стран или чем-то совершенно новым, шли с самых первых дней возникновения коммунистической России и КНР. В России, например, радикальным сторонником теории возрождения традиции выступал Н.А. Бердяев, уже в 1918 г. написавший следующие слова: «На поверхности все кажется новым в русской революции – новые выражения лиц, новые жесты, новые формулы господствуют над жизнью... Но попробуйте проникнуть за поверхностные покровы революционной России в глубину... Если пойти в глубь России, то за революционной борьбой и революционной фразеологией нетрудно обнаружить хрюкающие гоголевские морды и рожи»¹⁴. Позже он развил эти идеи в книге «Истоки и смысл русского коммунизма», находя корни большевизма в идеях русских мыслителей и революционеров XIX в.¹⁵ Для Китая сходную позицию выразил, например, известный гарвардский политолог-китаевед Л. Пай: «Комбинация бюрократической иерархии и идеологического подчинения управляла почти всеми измерениями традиционной китайской политической культуры. Как отмечали многие наблюдатели, коммунисты снова дали китайцам политическую систему, сконцентрированную вокруг бюрократической иерархии, на этот раз в форме коммунистической партии, и вновь интегрированную всепроникающей идеологией – марксизмом и маоизмом... Важно, что имперская бюрократия и коммунистическая партия в процедурной практике, так же как и конфуцианство и маоизм в идео-

---

¹⁴ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 251.

¹⁵ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.

логическом содержании, ясно подчеркивали вопросы власти и порядка»¹⁶.

Противоположную позицию высказывал другой известный американский китаевед Дж. Левенсон, в своей трилогии «Конфуцианский Китай и его современная судьба» утверждавший: «Трансформированная и отброшенная конфуцианская традиция прямо привела к коммунистической версии измененного китайского мировоззрения не путем имманентного сохранения себя в коммунистической доктрине, но, не сумев сохранить себя, оставив наследников без гроша, потенциально чужими в собственной земле, и, таким образом, прельстив их новой доктриной как ответом на их нужды»¹⁷. Идеи о том, что российский коммунизм полностью основан на чуждой иностранной идеологии, уничтожившей национальную традицию, придерживались идеологи белого движения, а позднее, например, А. Солженицын¹⁸.

Нам представляется, что оба этих подхода слишком радикальны. В реальности играла роль как идеология, пришедшая в обе страны извне, так и процесс ее адаптации к местной традиции. Однако именно в случае с коммунизмом идеология, пришедшая и в Россию, и в Китай из-за рубежа, играла ведущую роль, в особенности на этапе формирования нового государства. Отличие коммунистической теории от других систем, например буддизма или христианства, которые также подверглись адаптации в России, Китае и других странах, в аспекте ее влияния на государственную (общественную) систему состоит в двух моментах. Во-первых, она изначально содержала в себе довольно четкую схему того, на каких принципах должно быть построено новое общество: отсутствие частной собственности, постепенное отмирание государства и создание некоей всемирной общности, государственный атеизм, постепенное уничтожение классовых и национальных различий и т.п. Во-вторых, эта схема активно и последовательно навязывалась сверху, с использованием всей мощи государственной власти, а не распространялась снизу как бы сама собой. Конечно, столкнувшись с общественными реалиями, по-

¹⁶ Pye L.W. *The Spirit of Chinese Politics*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992. P. 15–16.

¹⁷ Levenson J.R. *Confucian China and its Modern Fate: A Trilogy*. Vol. 1. Berkeley, L.A.: University of California Press, 1965. P. 162–163.

¹⁸ Солженицын А.И. *Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни* // Солженицын А.И. Публицистика. Париж: YMCA-press, 1989. С. 45–65.

литику по немедленному достижению этих идеалов приходилось несколько видоизменять, однако стремление их рано или поздно осуществить, пусть даже преодолевая крайне жесткое сопротивление общественного материала, нельзя понять без знания этих идеалов и идейных расхождений внутри правящих групп относительно путей их достижения. «Большой скачок» и «культурную революцию» в Китае, массовое уничтожение грамотных жителей городов в Камбодже, близкое к патологическому стремление Н.С. Хрущева уничтожать церкви и приусадебные участки в условиях, когда это очевидно вело к недовольству населения и упадку сельскохозяйственного производства, политику предоставления значительных прав республикам внутри федерации в социалистической Югославии, приведшую в конце концов к войне между ними, невозможно объяснить с точки зрения каких-либо прагматических целей. Все эти меры можно понять, только исходя из идеологии правящей верхушки, развивавшей марксизм в том или ином направлении.

Три модели коммунизма

Представления Маркса и его сотрудника Энгельса о государстве при коммунизме было довольно туманными. На втором, высшем этапе коммунизма государства быть вообще не должно. Согласно Энгельсу, с уничтожением классов и классового господства «ничего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества – взятие во владение средств производства от имени общества, – является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другою излишним и само собою засыпает. Место правительства над лицами заступает распоряжение вещами и руководство процессами производства. Государство не „отменяется“, оно *отмирает*»¹⁹.

Как видим, однако, государство отомрет не одномоментно. В течение какого-то периода оно, очевидно, будет «выступать как представитель всего общества» и «брать владение средств производства от имени общества». В этот период, как сказано в «Манифесте коммунистической партии», пролетариат «использует свое политиче-

---

¹⁹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. С. 292.

ское господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т.е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил». Государство этого переходного периода революционного превращения капиталистического общества в коммунистическое «не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»²⁰.

Все эти рассуждения касаются какого-то абстрактного государства, или общества вообще. Что до судьбы конкретных государств, то из «Манифеста коммунистической партии» ясно, что они также сохранятся на какое-то время. Господство пролетариата лишь ускорит исчезновение наций, а условием всемирного освобождения пролетариата станет соединение «усилий, по крайней мере цивилизованных стран». На этом этапе нации не исчезнут, но вместе с антагонизмом классов внутри наций «падут и враждебные отношения наций между собой»²¹.

Оговорка о «цивилизованных странах» не случайна. С ростом популярности марксизма еще при жизни его основателей среди революционеров незападных стран возникли дискуссии о том, следует ли им стремиться к революции и захвату власти в условиях, когда в их странах экономические условия для перехода к коммунизму еще не созрели. Отвечая в марте 1881 г. на вопрос русской революционерки В.И. Засулич о том, возможно ли социальное возрождение России на основе сельской общины, Маркс ответил, что «историческая неизбежность» описанного им в «Капитале» пути перехода к коммунизму, т.е. на основе наивысшего уровня развития капиталистической промышленности, была им «умышленно ограничена странами Западной Европы». В России же «точкой опоры социального возрождения» может при определенных условиях стать и община, но «чтобы она могла играть эту роль, нужно было бы сперва устранить пагубные влияния, давящие ее со всех сторон, и затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»²². В написанном Марксом и Энгельсом в январе 1882 г. «Предисловии ко второму русскому изданию „Манифеста Коммунистической партии“» говорится еще об одном условии: «русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической... С. 446.

²¹ Там же. С. 445.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. М.: Политиздат, 1964. С. 137.

развития», если «русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга»²³. Таким образом, революция в отсталой стране все же может победить первой, но для того, чтобы она привела к коммунизму, необходима ее поддержка одновременной или произошедшей вскоре революцией на развитом Западе.

Ленин и другие русские марксисты строили свои теории на основе развития этих положений. При этом между ними велись споры о деталях трактовки построений Маркса и Энгельса, которые, после их прихода к власти из абстрактных споров маргинальных теоретиков приобрели огромное значение, а занимаемые позиции стали определять государственную политику и судьбы миллионов людей.

Став главой огромного государства, Ленин стал применять марксистские догматы довольно гибко, исходя из интересов консолидации и сохранения власти своей партии. Установив, как и полагалось, диктатуру, он поначалу сразу попытался провести рекомендуемое теорией обобществление всей собственности в рамках политики «военного коммунизма». Однако, когда эта политика потерпела крах и привела к массовым антибольшевистским восстаниям, он ввел «новую экономическую политику» (нэп), предусматривавшую более длительный переходный период и сохранение на его время некоторых элементов негосударственной собственности и частного предпринимательства. При этом он создал теорию переходного периода в отсталой стране, соответствующую этой политике, не указав, однако, на какой срок он вводится.

Так как и советское государство в России, и все другие коммунистические государства возникли в результате или после прихода большевиков к власти в СССР, можно сказать, что все они идеологически вышли из ленинизма, т.е. ленинской трактовки марксистской теории. Споры между ними велись не относительно цели – строительства коммунизма. Эту цель разделяли все. Разногласия касались того, каким образом ее лучше достичь: например, какова длина периода обобществления, каков его механизм, следует ли при этом опираться на государственную бюрократию, силу материальной заинтересованности или энтузиазм народа и его перевоспитание, необходима ли мировая революция (т.е. революция на развитом Западе) и когда именно: сразу, и, следовательно, надо ее всемерно

---

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста коммунистической партии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М.: Политиздат, 1961. С. 305.

стимулировать, или она допустима и через некоторое время, в которое первоначально возможно «построение социализма (как первого этапа коммунизма) в одной стране», а следовательно, и более осторожная политика в отношении Запада.

История сложилась так, что в разных коммунистических государствах к власти пришли сторонники разных трактовок этих марксистских вопросов. Более того, часто они боролись между собой в одной стране и сменяли у власти друг друга. Именно эти различные трактовки во многом и определили различные модели коммунистических государств.

Три модели коммунистических режимов

Исходя из этих соображений представляется возможным выделить три модели коммунизма, основанные на трех различных интерпретациях теории переходного периода, которые можно условно назвать «левокоммунистической», «правокоммунистической» и «бюрократической». Истоком всех трех моделей является марксизм в ленинской интерпретации. Несмотря на различия внутри моделей, вызванные особенностями их адаптации к национальным реалиям, каждая из них все же сохраняет некоторые существенные особенности, отличающие ее от двух других (см. табл. 1).

Таблица 1

Особенности моделей коммунистических режимов

Модель	Экономика	Политика	Лидерство	Идеология и культура
Левый коммунизм	– Полное обобществление экономики – Прямое распределение – Энтузиазм и преданность идеологии как экономический стимул	Контроль осуществляется обществом под руководством лидера	Гарант верного курса – лидер, непосредственно обращающийся к массам	Принятие идеологии и воспитание не принявших ее

Модель	Экономика	Политика	Лидерство	Идеология и культура
Правый коммунизм	<ul style="list-style-type: none"> – Допущение частной собственности в мелком и среднем секторе – Частично рыночное распределение – Материальная заинтересованность как стимул 	Контроль осуществляется легитимными органами государственной власти в интересах государства с учетом интересов экономики	Гарант верного курса – бюрократия во главе с партией	Постепенное повышение культурного уровня
Бюрократический коммунизм	<ul style="list-style-type: none"> – Полное обобществление – Плановое хозяйство – Нематериальное и ограниченное материальное поощрение 	Контроль осуществляется легитимными органами государственной власти	Гарант верного курса – бюрократия во главе с партией	Бюрократическое навязывание

В левокоммунистической модели полное обобществление частной собственности необходимо осуществить сразу после революции, так как считается, что именно оно может обеспечить успешное догоняющее развитие, которое будет замедляться остатками частнособственнической психологии. В этих условиях должно быть введено прямое распределение продуктов, возможно, в первое время за деньги или трудовой вклад, но в идеале – «каждому по потребности», как и положено при коммунизме. Материальная заинтересованность как стимул развития производства отвергается как вредный пережиток, в качестве основного фактора роста признается сознательная активность масс. Для усиления сознательности особый упор делается на воспитании недостаточно образован-

ных и перевоспитании образованных «неправильно», т.е. зараженных буржуазной идеологией. Идеологическая обработка граждан в коммунистическом духе важна во всех коммунистических моделях, однако в левой она становится сутью деятельности режима, так как, по теории, без нее невозможно достижение его главной цели – ускоренного экономического развития с целью достижения уровня развития коммунистического общества.

Особое значение в этой модели приобретает и насильственная организация производства, типа «трудовых армий», так как в условиях отсутствия материальных стимулов и еще не полной «сознательности» населения только жесткая организация способна заставить неосознанных граждан работать с необходимой скоростью и эффективностью. Другая важнейшая черта этой модели – вождизм. Обладающий неоспоримым, почти божественным авторитетом вождь, непосредственно общаясь с народными массами, возбуждает их энтузиазм и служит для них личным примером, противостоя скованоющему народную инициативу бюрократизму государственного аппарата, который теоретически должен отмереть вместе с государством.

Правая модель, противостоящая левой, рассматривает переходный период как длительный. Для правых коммунистов более важна теоретическая, а не революционная часть марксистского учения. Будучи марксистами-ленинцами, они, в отличие от других социал-демократов, например меньшевиков, не отрицали самой необходимости взятия власти «пролетарской партией» до создания материальной базы коммунизма, но считали, что после ее захвата эту базу следует создавать, опираясь не на энтузиазм, но на некоторые «несоциалистические методы», сохраняя ограниченное распространение частной собственности (в мелком и среднем производстве), применение материальных методов поощрения, сохранение товарно-денежных отношений и т.д. Теоретически все это должно сохраняться до достижения уровня развития производства развитых стран, когда на основе полного обобществления можно будет осуществить принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям». В политической области «диктатура пролетариата» сохраняется, однако политический контроль осуществляется легитимными органами партийно-государственной власти, причем учитываются не только идеологические интересы, но и интересы экономического роста, ради обеспечения которого коммунистические власти готовы идти на некоторые идеологические уступки, смягчающие режим. Гарантией осуществления политических целей здесь служит не

личность вождя, но партийная и государственная бюрократия, которая вынуждена привлекать и воспитывать специалистов-экономистов, действующих в интересах роста. Для обеспечения такой политики упор делается не на идеологическое воспитание, но на профессиональное обучение, развитие науки и профессионального образования, без которых рост экономики, основанной на рыночных принципах, невозможен. Левые критикуют правых за неверие в человека, его сознательное желание создать новый мир после устранения единственного препятствия – частной собственности и обусловленной ее существованием капиталистической эксплуатации. Правые заявляют, что коммунистическая левизна свидетельствует об «утопизме», недооценке природы человека и трудностей перестройки его психологии, стремлении «забежать вперед», а также игнорировании того факта, что «мировая революция» запаздывает, в то время как для быстрого построения коммунизма в отсталой стране, согласно Марксу и Ленину, необходима массированная помощь пролетариата развитых стран. И те и другие аргументируют свою позицию различными элементами учения Маркса, который, с одной стороны, писал, что ни одна общественная формация «не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»²⁴, а с другой – призывал к немедленной революции, например, в отсталой России.

Внешнеполитические импульсы левых и правых различны. Левые склонны стимулировать «мировую революцию», так как ее длительное «откладывание» свидетельствует о полной несостоятельности их расчетов. Об этом хорошо говорил Л.Д. Троцкий, отметивший в 1925 г., что «если бы невозможное стало возможным, если бы мировой и, в первую очередь, европейский капитализм нашел новое динамичное равновесие... для своих производительных сил, если бы капиталистическая продукция в ближайшие годы и десятилетия совершила новое мощное восхождение, – то это означало бы, что мы, социалистическое государство, хотя и собираемся пересечь и даже пересаживаемся с товарного поезда на пассажирский, но догонять-то нам приходится курьерский. Проще говоря, это означало бы, что мы ошиблись в основных исторических оценках. Это означало бы,

---

²⁴ Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. М.: Политиздат, 1959. С. 7.

что капитализм не исчерпал своей „исторической миссии“ и что развертывающаяся империалистическая фаза вовсе не является фазой упадка капитализма, его конвульсий и загнивания, а лишь предпосылкой его нового расцвета...»²⁵. Из этого следовало, что необходимо сохранять напряженность в отношениях с развитыми странами и оказывать всемерную поддержку коммунистическим партиям как в них, так и в колониях и незападных государствах, стремясь превратить последние в союзников в борьбе с западными капиталистическими режимами. Для этого не нужно было бояться обострений, подрывной деятельности и даже войны, которую Ленин считал неизбежным следствием империализма, ведущим к его краху, а его левые последователи – в чем-то даже полезной, так как исторически она привела к революции в России. В этом смысле для левых Первая мировая война так же, как и мировая революция, не закончилась. Они были лишь начальной фазой некоторого временно приостановившегося процесса, который должен возобновиться в ближайшее время.

Правые же вынуждены были использовать западные технологии, инвестиции и экспертизу, поэтому были более склонны к поддержанию нормальных отношений с развитыми странами по крайней мере на время переходного периода. Для них временная задержка мировой революции была неприятной, но не фатальной неожиданностью, которую они стремились прагматично использовать для осуществления догоняющего развития.

Наконец, суть третьей формы коммунистического режима, бюрократического, состоит в опоре не на сознательную массу или рыночные стимулы, но на партийно-бюрократический аппарат. С точки зрения идеологов новой партийной бюрократии, левая политика ведет к непредсказуемому хаосу, потере управляемости и экономическому краху, что может привести к утере власти партией, являющейся гарантией построения коммунизма. Правый же курс точно так же отбирает власть у партии, возрождая или сохраняя неконтролируемые классы мелких предпринимателей и частников, у которых могут развиваться некоммунистические политические интересы. Бюрократы, как правило, согласны с левыми в необходимости немедленного обобществления, но для догоняющего развития используют не энтузиазм масс, а бюрократическое директивное планирование и государственное распределение. Они не отрицают материальное

²⁵ Троцкий Л. К социализму или к капитализму? (Анализ советского хозяйства и тенденций его развития). 2-е изд. М.: Плановое хозяйство, 1926. С. 66, 68.

поощрение как таковое, но оно должно быть организовано государством, а не обусловлено рынком. Деньги также могут быть сохранены, но определение валютного курса и вся кредитно-денежная политика должны осуществляться государством. Контроль осуществляется легитимными (с коммунистической точки зрения) партийно-государственными органами, которые, однако, в отличие от системы правых, получают полный контроль не только над политикой, но также и над экономикой и культурой. Цель образования – подготовка кадров для государственной экономики и идеологической системы и навязывание культа социалистического государства, самоотверженности ради достижения его целей, так как мощное социалистическое государство становится гарантом построения коммунизма как в своей стране, так и в мире в целом.

Развивается социалистический государственный патриотизм, который часто упрощенно трактуется как возрождение традиционного национализма. Так, например, Сталина часто обвиняют в возрождении русского национализма. Сталин, конечно, был прагматичным политиком и ради сохранения власти мог решительно менять курс. Однако при этом он всегда облачал эти изменения во вполне марксистские формы. Он объяснял, что интересы СССР совпадают с интересами мировой революции на период ее задержки на Западе. Левый курс ведет к поражению советской базы мировой революции, а он сохраняет и укрепляет эту базу до лучших времен, когда новая война неизбежно приведет к победе коммунизма во всем мире. В 1927 г. Сталин так аргументировал свою позицию: «*Революционер* тот, кто без оговорок, безусловно, открыто и честно, без тайных военных совещаний готов защищать, оборонять СССР, ибо СССР есть первое в мире пролетарское государство, строящее социализм. *Интернационалист* тот, кто безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР потому, что СССР есть база мирового революционного движения, а защищать, двигать вперед это революционное движение невозможно, не защищая СССР»²⁶.

Для левых коммунистов это было национальным эгоизмом и предательством мировой революции, для идеологов бюрократического пути – разумный прагматический курс в новых условиях.

Многие критики сталинизма, начиная с Троцкого, отмечали тот факт, что новая идеология советского патриотизма отвечает интере-

---

²⁶ Сталин И.В. Международное положение и оборона СССР: Речь на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1 августа 1927 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 10. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. литературы, 1949. С. 51.

сам новой правящей бюрократической постройки, состоящей не из революционеров, а новых людей пришедших во власть не ради лозунгов и хаоса, а ради нее самой и своего нового привилегированного положения, которой удобно пользоваться в условиях стабильности и всеобщего послушания²⁷. Это, конечно, так – за всякой идеологией стоят определенные социальные интересы. Однако это не означает, что только они и играют роль, идеология имеет и собственную логику. Сталинисты несколько изменили курс, адаптировали его к реальной ситуации, которая не вполне соответствовала теории, предложили решение, которое в большей степени соответствовало интересам нового бюрократического класса. Однако они действовали вполне в русле большевизма, вели дебаты в марксистско-большевистских формах и не могли, например, вообще отбросить идеологию ради каких бы то ни было интересов, пусть даже они обеспечивались бы в этом случае еще более эффективно. Таким образом, сталинизм был вполне легитимным, но не единственно возможным развитием большевистской формы марксизма в условиях «задержки» мировой революции²⁸.

Исторически к левой форме коммунистического государства можно отнести советскую Россию периода «военного коммунизма», Китай периода «культурной революции», Камбоджу периода правления «красных кхмеров», Кубу (по крайней мере в первый период правления Ф. Кастро). К правой – СССР времен нэпа, Китай периода реформ Дэн Сяопина, нынешний режим социалистического Вьетнама, в какой-то степени социалистическую Югославию Тито и Венгрию Я. Кадара. К бюрократической: СССР от Сталина до Черненко и большинство коммунистических государств Восточной Европы, а к наиболее радикальной форме – Северную Корею. Конечно, предлагаемые модели являются чисто аналитическими, веберовскими «идеальными типами», в реальности у каждой страны и каждого периода имелись значительные особенности, связанные с адаптацией к конкретной ситуации и национальной политической культуре. Красные кхмеры, например, пошли несколько дальше обычной левой идеологии в аспекте перевоспитания и решили буквально уничтожить прослойку «неправильно образованных соотечественников». Однако эту политику, в принципе, вполне можно было вывести и из марксизма, так как еще в «Манифесте коммунистической партии»

²⁷ Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений: Большевики и китайская революция (1919–1927). М.: Муравей-Гайд, 2001. С. 114–115.

²⁸ Там же. С. 123.

говорилось о том, что в результате революции вся существующая надстройка, составленная из слоев, образующих официальное общество, должна «взлететь на воздух» и что с буржуазией необходимо «покончить». Эти слова, конечно, можно трактовать с умеренных позиций, как уничтожение экономических и законодательных условий существования эксплуататорских классов, но при желании – и более радикально, как призыв к физической ликвидации их представителей. Тем более что камбоджийские революционеры были отлично знакомы и со сталинскими репрессиями, и опытом маоистского Китая, а также с работами французских марксистов, оправдывавших революционное насилие. К тому же они перешли к физическому уничтожению не сразу, поначалу испробовав перевоспитание по китайскому образцу²⁹. В СССР, несмотря на общий бюрократический характер власти, ее стиль значительно различался в зависимости от личности лидера: Сталин злоупотреблял репрессиями и напугал ими правящую бюрократию, которая после его смерти создала себе значительные гарантии путем восстановления партийного контроля за репрессивным аппаратом. Хрущев в существенных политических моментах, особенно в период борьбы с конкурентами, опирался на партийно-бюрократический аппарат, но его правление имело и значительные элементы левизны: веру в быстрое построение коммунизма, ведение решительной борьбы с религией и с остатками индивидуальной собственности (ликвидация приусадебных участков), постоянную перестройку государственных органов. За этот сумбур, характерный для левого правления, он, собственно, и поплатился властью, когда его сверг аппарат, утомленный бессмысленными (для интересов этого аппарата) реформами. Титоизм включал в себя значительные элементы рабочего самоуправления, которые также вполне можно было вывести из учения Маркса. Этим, собственно, и занялись идеологи особого югославского пути (Э. Кардель, М. Джилас и др.), когда начали искать теоретическое обоснование разрыва со сталинским СССР³⁰. Но все эти особенности не противоречат факту наличия существенных общих черт, характерных для трех рассматриваемых моделей.

---

²⁹ Gough K. Roots of the Pol Pot Regime in Kampuchea // *Contemporary Marxism*. 1986. No. 12/13, Southeast Asia. P. 14–48; Path K. Converts, not Ideologues? The Khmer Rouge practice of thought reform in Cambodia, 1975–1978 // *Journal of Political Ideologies*. 2015. Vol. 20. No. 3. P. 304–332.

³⁰ Пирьевец Й.Э. Кардель и Россия // *Slovenica*. 2018. No. 4. С. 154–172.

Китайские модели и современный политический режим КНР

Если рассмотреть более подробно эволюцию коммунистического политического режима в КНР на фоне выделенных трех моделей, то большая часть его истории представляется борьбой сторонников левого и правого коммунизма. КПК пришла к власти под правыми лозунгами. Хотя исторически в КПК влиятельные позиции занимали и левые, в том числе и открытые троцкисты, однако ко времени своего прихода к власти практически все открытые левые были вычищены из партии. Правая идеология была выражена в программных работах Мао Цзэдуна, в особенности в его статье «О новой демократии». В ней провозглашалось, что на первом, новодемократическом этапе революции будет осуществляться диктатура не одного пролетариата, а «всех революционных классов», союза «всех антиимпериалистических и антифеодальных сил, руководимых пролетариатом», направленная лишь против национальных предателей, причем власть будет избираться на «подлинно всеобщих и равных выборах». В экономике, согласно Мао, в государственную собственность «должны быть переданы крупные банки, крупные промышленные и торговые предприятия», но «вовсе не будет конфисковываться капиталистическая частная собственность, кроме указанной выше, и отнюдь не будет запрещаться развитие такого капиталистического производства, которое не может «держат в своих руках жизнь народа», так как экономика в Китае все еще крайне отсталая»³¹. Это программа, характерная для правого пути, практически повторяла советский нэп и была даже более терпимой по отношению к частным собственникам. Характерно, что Сталин, ликвидировавший нэп в СССР, рекомендовал Мао проводить в жизнь именно эту правую программу³². Такому подходу может быть только одно объяснение: советский вождь понимал, что Китай – гораздо более отсталая страна, чем Россия, и в ней с марксистской точки зрения совершенно невозможно говорить о немедленном построении коммунизма или даже социализма. И Мао на первых порах вынужден был с этим соглашаться.

Однако после прихода к власти постепенно выяснилось, что лидер китайских коммунистов писал правую эту программу лишь в пропа-

³¹ Мао Цзэдун. О новой демократии // Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 3. М.: Издательство иностранной литературы, 1953. С. 199–276.

³² Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937–1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999. С. 56–57, 92–94.

гандистских целях, чтобы привлечь на свою сторону широкие слои населения и обеспечить их поддержку в борьбе с Гоминьданом, а в действительности был леваком. Тактика Мао сработала, он консолидировал власть и сразу же начал пытаться проводить левые меры. Но тут он столкнулся с проблемой: значительная часть его сторонников принимала правую программу за чистую монету и выступала за правый курс, некоторые (как, например, Чэнь Юнь) – за несколько более осторожную бюрократическую политику советского типа, но леваков среди них почти не было. Больше того, многие из них и пришли в КПК именно из-за того, что поддерживали правый курс, а искренние леваки (Чэнь Дусю, Цюй Цюбо, Ли Лисань и др.) в основном были из ее руководства изгнаны. Таким образом в партии уже в 50-е годы развернулась борьба двух подходов, в которой Мао, как наиболее авторитетный лидер, хотя с трудом и не сразу, смог одержать верх³³.

Политика Мао Цзэдуна имеет все признаки принадлежности к левой модели. Это идея быстрого догоняющего развития за счет энтузиазма масс («Большой скачок»), попытки возбудить этот энтузиазм различными идеологическими кампаниями, идея построения трудовых коллективов по военному принципу, непосредственный переход к коммунизму, основанному на самодостаточных народных коммунах (К. Маркс писал о свободных ассоциациях, которые при коммунизме приходят на смену классовому обществу³⁴), обвинение партийной бюрократии в неудачах этого курса и попытки ее уничтожить, заменив на непосредственное общение вождя с массами (Культурная революция), наконец, вера в неизбежность и полезность мировой войны для построения коммунизма, четко высказанное им в знаменитом выступлении на Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в октябре 1957 г.³⁵. Конечно, Мао был китайским левым коммунистом, он впитал в себя стремление всех китайских реформаторов и революционеров, с конца XIX в. стремившихся возродить Китай как мощное государство, занимающее достойное место в мире. Однако это не означает, что он был обыкновенным националистом, каким его порой пытаются представить. Никакой националист не стал бы намеренно разрушать систему государственной власти ради достижения идеоло-

---

³³ Меликсетов А.В. «Новая демократия» и выбор Китаем путей социально-экономического развития (1949–1953 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 82–95.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической...

³⁵ Маоизм без прикрас: сборник высказываний Мао Цзэдуна / Под ред. О.Е. Владимировой. М.: Прогресс, 1980. С. 244.

гических целей, не стал бы этого делать и бюрократический или правый коммунист, однако идеология левого коммунизма вполне объясняет идею Мао о необходимости периодически устраиваемой культурной революции для борьбы с постоянно возрождающимся бюрократическим аппаратом. По сути, это та же «перманентная революция» Троцкого. Кроме того, в отличие от, скажем, от националистов из Гоминьдана, возрождение Китая Мао было нужно не само по себе, а как шаг к мировой революции. «Не мы хотим воевать, а они стремятся к войне... в крайнем случае погибнет половина людей, но останется еще другая половина, зато империализм будет стерт с лица земли, и весь мир станет социалистическим. Пройдет сколько-то лет, население опять вырастет до 2700 миллионов человек, а наверняка и еще больше», – говорил Мао на упомянутом совещании. Цель здесь – не восстановление конкурентоспособности Китая в мировой системе, а всемирный социализм.

В этом контексте гораздо легче понять логику разногласий Мао с Хрущевым. Во многом это был спор левого коммуниста и коммуниста-бюрократа. Для левака Мао советские теории мирного перехода к социализму в капиталистических странах и отказ от войны – предательство мировой революции, а для бюрократа Хрущева – призывы к войне в условиях наличия ядерного оружия – безумие и самоубийство, к которому советский номенклатурный класс отнюдь не стремился. Чрезмерный культ личности для бюрократов – скорее извращение, или, как тогда говорили, «перегиб», а для леваков – суть системы и основная гарантия верности курса. Большой скачок и культурная революция для бюрократов – создание экономического хаоса и подрыв политической системы, а для леваков – подъем энтузиазма народных масс и борьба с обуржуазившемся бюрократическим классом, ставящим палки в колеса ускоренному развитию. Не следует также забывать, что до Мао левый курс в коммунистическом государстве последовательно и долго никто не проводил, поэтому его крах не был совершенно очевиден.

Конечно, Мао использовал отдельные элементы традиционной китайской идеологии и политики. Известно, например, что он резко критиковал конфуцианство, противопоставляя ему древнекитайский легизм (*фацзя*). Он также отдавал приоритет крестьянству, а не рабочему классу, который был в Китае малочислен. Но, помимо прагматических соображений, здесь также можно усмотреть роль левокоммунистической идеологии. Конфуцианство критиковалось за приверженность бюрократии, старому образованию и формаль-

ному ритуалу, основанному на культе старших. Левый же коммунизм борется с бюрократией и старым образованием и устанавливаемыми ими формальными общественными нормами, которые сдерживают революционный энтузиазм масс. В этом смысле легизм, призывающий к разрушению традиции особыми, выдающимися людьми, гораздо более соответствует левокоммунистической идеологии, как и вообще ленинизму с его вождизмом и особой ролью компартии. В «Книге правителя области Шан», основополагающей для легизма, говорится о том, что «мудрый творит законы, а глупый ограничен ими; одаренный изменяет ритуал, а никчемный связан ритуалом»³⁶. Кроме того, легизм, как и левые, выступал за жесткую организацию общественного производства по военному образцу.

Это также объясняет, почему Мао предпочитал необразованных крестьян всем более образованным классам, считая бедность и необразованность не недостатком, а преимуществом. В 1956 г. он говорил: «Указанные два наших недостатка являются вместе с тем и достоинствами. Как я в свое время уже говорил, наша страна и бедная и отсталая... С точки зрения развития это отнюдь не плохо. Бедность побуждает к революции, богатому же трудно на нее подняться. Страны с высоким уровнем науки и техники обычно сильно зазнаются. Мы же представляем собой чистый лист бумаги, на котором удобно писать»³⁷.

Это означает, что необразованному легче привить новую, верную коммунистическую идеологию. Именно поэтому в 60-е годы XX в. Мао, а не советские лидеры, пользовался популярностью у французских и прочих европейских леваков, воспитанных на теориях Л. Альтюссера и Г. Маркузе, согласно которым капиталистическая идеология насильно навязывается классовым обществом его членам с детства в процессе социализации³⁸.

С другой стороны, маоизм подчеркивал роль перевоспитания, а не призывал физически уничтожать неправильно образованных. В этом плане гораздо большим легистом был Сталин. Это левое

---

³⁶ Шан цзюнь шу / Пер. Л.С. Переломова // Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2 томах. Т. 2. М.: Мысль, 1973. С. 213.

³⁷ Мао Цзэдун. О десяти важнейших взаимоотношениях // Мао Цзэдун. Революция и строительство в Китае. М.: Палея-Мишин, 2000. С. 332–358.

³⁸ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (замечки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskieapparaty-gosudarstva.html>; Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994; Wolin R. The Wind from the East: French Intellectuals, the Cultural Revolution, and the Legacy of the 1960s. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2010.

стремление к перевоспитанию в конечном счете привело к тому, что в отличие от правых в СССР, где они были физически уничтожены, так и «недо»перевоспитанные правые в КНР пережили Мао, смогли прийти к власти и с успехом продолжили правый курс, который ранее не менее успешно сворачивался Мао в 50-е годы, когда он начал «Большой скачок», и в середине 60-х, когда он сначала свернул курс на «урегулирование» и начал культурную революцию. Таким образом, маоизм можно назвать своеобразным левым коммунизмом или троцкизмом с китайской спецификой, а вовсе не традиционной китайской идеологией.

Реформы Дэн Сяопина и политика его последователей вплоть до прихода к власти Си Цзиньпина четко вписываются в правокоммунистическую идеологию. Первой попыткой ее претворения в жизнь был советский нэп, разработанный еще Лениным, с его разрешением частной собственности в сельском хозяйстве, мелком и среднем бизнесе и сохранением «командных высот в экономике» за государством. Многие китайские руководители жили и учились в СССР именно в период нэпа и хорошо были с ним знакомы (Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Ли Фучунь, Чжан Вэньтянь, Чжу Дэ, Ян Шанкунь и др.). Интерес китайских реформаторов к опыту советского нэпа, прежде всего к работам Н.И. Бухарина, а также к периодам «правой» политики в других социалистических странах (Югославия, Венгрия), многократно описан. Идея Дэн Сяопина об обогащении первоначально некоторых регионов и части населения³⁹ вполне соответствует лозунгу Бухарина «Обогащайтесь!». Осторожный внешнеполитический курс, суть которого выражает лозунг «скрывать свои возможности, держаться в тени» (*таогуан янхуэй*) и который должен был обеспечивать сотрудничество с развитыми странами для нужд внутреннего роста, также вполне отвечает правой идее⁴⁰.

Конечно, китайские правые пошли гораздо дальше, чем организаторы нэпа, досрочно отмененного Сталиным. Они фактически отодвинули границы переходного периода («начального периода строительства социализма» в китайской терминологии) на неопределенный срок – «100 или более лет». Частный бизнес распростра-

³⁹ Дэн Сяопин: Жан ибуфэнь жэнь сянь фу цилай [Дэн Сяопин: Пусть первоначально обогатятся некоторые регионы и часть людей]. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/34136/2569304.html>

⁴⁰ Чэнь Вэньлян. Дуй «таогуаняньхуэй» дэ чжэсюэ шэньши [Детальный философский анализ положения «скрывать свои возможности, держаться в тени»] // Чжунго фачжань. 2012. Февраль. Т. 12. № 1. С. 81–83.

нился не только на мелкий и средний сектор, но практически на всю экономику. Однако сохранен важнейший признак ленинского социализма – власть компартии как гарантия ускоренного развития. Эта власть закреплена в конституции и в «четырёх базовых принципах», попытки пересмотреть которые жестко подавляются, в том числе и военной силой (как это было в 1989 г.).

Впрочем, как уже отмечалось, для проведения правой политики в Китае не обязательно было быть бухаринцем. На первых порах сторонники бюрократической сталинской модели также поддерживали ее, так как, как указывалось выше, сталинское руководство поддерживало правую политику в Китае. Поэтому в реформаторском руководстве некоторую, хотя и не ведущую роль, всегда играли и сторонники бюрократического коммунизма (Чэнь Юнь, позднее Ли Пэн и др.).

В этом плане интересно проанализировать характер эволюции политического режима при Си Цзиньпине⁴¹. Основными характеристиками этой эволюции во внутренней политике являются укрепление государственного контроля и государственной собственности в экономике, а также идеологических инструментов партии (организация различных политических занятий, отчетов, собраний критики и т.п.), попытки идеологически перевоспитать целые народы и религиозные группы, чистка партийного аппарата от коррупционеров, усиление роли партийно-государственной бюрократии, цензуры и контроля за СМИ и интернетом. Во внешней политике она ознаменовалась отказом от курса Дэн Сяопина на «скромность», выдвижением собственных региональных и даже глобальных инициатив, постоянное педалирование идеи необходимости поставить Китай в ряд крупнейших государств мира и получить достойную его долю в мировом раскладе сил. При этом все это сопровождается «напористыми» мерами, включающими создание военных баз за рубежом и введение экономических санкций против стран, проводящих по отношению к Пекину «недружественный курс». Появился и новый внешнеполитический стиль, выражающийся в так называемой «дипломатии боевых волков», т.е. активных поучениях, встречной критике и жесткой риторике со стороны китайских дипломатов по всему миру, доходящей до открытой грубости. Конечно, можно трактовать эти изменения с реалистической точки зрения, просто как естественное следствие превращения Китая в мощную мировую державу.

---

⁴¹ См.: Денисов И. Повелитель компаса: как Си Цзиньпин изменил китайский политический ландшафт // Контрапункт. 2017. Декабрь. № 10. С. 1–8.

Однако тот факт, что этот новый внешнеполитический курс приводит не к повышению, а к снижению популярности Китая в большинстве стран мира⁴², говорит о том, что Пекин уходит от прагматики в сторону идеологизированности. При этом эти изменения можно понимать как движение от правокоммунистической модели в сторону бюрократически-коммунистической, конечно, на совершенно новом уровне экономического развития, в новых международных условиях и с некоторым левым «налетом». Бюрократической модели соответствуют почти все новые веяния китайской политики, за исключением, пожалуй, традиционного для маоизма упора на перевоспитание и публичной резкой критики оппонентов, напоминающих период «культурной революции».

В целом такое развитие китайской политической системы объяснимо. В 2012 г. перед новым руководством стояло несколько проблем, главная из которых виделась ему в перспективе эволюции в сторону обычного неидеологического государственного капитализма, да еще и насквозь коррумпированного. Фактически, КПК становилась мало отличной от потерпевшего от нее в 1949 г. поражение Гоминьдана. Коммунистические лозунги приобретали формальный характер, в партию, в соответствии с теорией «трех представительств» Цзян Цзэминя, активно шли предприниматели, что делало ее «коммунистичность» весьма условной⁴³. Пытаться изменить эту ситуацию можно было тремя путями: проводить демократизацию западного типа, чтобы бороться с коррупцией и застойными явлениями открытостью, гласностью и средствами правового государства, левым ударом по бюрократии или восстановлением бюрократического контроля, попытавшись очистить бюрократию от коррупционеров административно-идеологическими методами.

Печальный опыт горбачевских реформ, приведших к уходу от власти КПСС, распаду СССР и экономическому спаду 90-х годов в России, надолго отбил у китайских руководителей желание идти по этому пути. Левый путь также был неприемлем, так как вел к экономическому и политическому хаосу. Оставался третий, бюрократический путь, который и был избран. Даже китайские методы борьбы

⁴² Silver L., Devlin K. Unfavorable Views of China Reach Historic Highs in Many Countries // Pew Research Center. 2020. October 6. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/10/06/unfavorable-views-of-china-reach-historic-highsin-many-countries/>

⁴³ Денисов И.Е. Китайские и западные ценности в современном политическом дискурсе КНР // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 35–44.

с эпидемией коронавируса и упор на защиту окружающей среды в ущерб интересам экономического развития свидетельствуют о торжестве бюрократической модели – экономический рост теперь не главное, основная цель – правильное и стабильное функционирование общества под руководством обновленной и очищенной от коррупции бюрократии. Конечно, китайская реальность далека от сталинской, хрущевской или брежневской бюрократической модели. Уровень репрессий гораздо ниже, чем в сталинском СССР, роль рыночной экономики во многом сохраняется, эффективность управления гораздо выше, чем в хрущевском и брежневском СССР. Если с чем-то и можно сравнивать современный Китай, то с попыткой реализовать на новом уровне модель, которую хотел, но не смог осуществить премьер А.Н. Косыгин в середине 60-х годов: идеальную плановую систему, основанную на «научных» методах и подразумевающую некоторые элементы материальной заинтересованности и рынка. Удастся ли ее осуществление китайскому руководству, обладающему для этого гораздо лучшими начальными условиями, предсказать сложно.

Выводы

Сравнительно длительное успешное развитие современного Китая ставит серьезные вопросы перед исследователями коммунистических систем, историками и политологами в целом. Главный вопрос заключается в том, существует ли эффективная альтернатива основанному на рыночной экономике и демократическо-правовой политической системе пути развития, который можно назвать «западным». Господствующие теории говорят о том, что такого пути нет, а мир развивается поступательно, в разных своих регионах более или менее быстро приближаясь к западной модели. Согласно одной из таких теорий, экономическое развитие ведет к модернизации экономической системы и всего общества, в результате чего в нем растет средний класс, который начинает требовать политических прав, и демократизация становится неизбежной. В этом случае материковый Китай должен развиваться по пути Японии, Южной Кореи и Тайваня и рано или поздно превратиться в большой Тайвань – остров, населенный китайцами и с практически полностью вестернизированными политической и экономической системами.

Политика Си Цзиньпина направлена на то, чтобы опровергнуть эту теорию. Окажется ли эта попытка успешной, сказать трудно. С одной стороны, имеющийся исторический опыт показывает, что почти все страны Восточной Азии шли по этому пути. С другой –

можно поставить вопрос о том, свидетельствует ли это о жесткой исторической тенденции или просто о силе влияния западной модели развития в конкретный исторический период. Ведь Япония радикально изменила политическую и экономическую систему только в результате оккупации США, Тайвань – под их сильным давлением, в Южной Корее и до сих пор размещены американские войска, а Сеул находится в сильной зависимости от Вашингтона.

В современном мире относительное влияние США падает не в последнюю очередь в связи с ростом экономической и политической роли Китая. Запад сам находится в кризисе, и его модель развития уже не столь привлекательна, появились серьезные конкуренты. Не захлебнется ли в этих условиях следующая «волна демократизации»? И не превратится ли в этих условиях Китай не в большой Тайвань, а в большой Сингапур – государство, где большинство населения составляют этнические китайцы, но которое, развив эффективную современную экономику, пока не собирается менять авторитарную политическую систему.

Конечно, в каждом таком случае можно утверждать, что авторитаризм в любой стране – явление временное и все страны движутся к западной политической системе, только одни медленнее, чем другие. Так говорили и коммунисты, утверждавшие, что все страны рано или поздно придут к коммунизму, одни раньше, а другие позже, причем в поступательном историческом движении к светлой коммунистической цели возможны даже временные откаты и отступления. Но ведь на историю политических режимов можно посмотреть и в более широкой исторической перспективе. Действительно, коммунистические режимы существовали исторически короткий период, на сегодня это чуть более ста лет, причем большая их часть исчезла. Но ведь и современные режимы западного типа существуют не так уж и долго. Если считать со времени образования США, то это не более чем 250 лет, причем некоторые из них явно эволюционируют в обратную сторону (Россия, ряд постсоветских государств, Турция, даже такие члены ЕС, как Польша и Венгрия). Между тем авторитарные режимы самых разных типов существовали всегда, а отдельные авторитарные государства – гораздо дольше, чем демократии и коммунистические режимы. Римская империя на Западе существовала пятьсот лет, а на Востоке – еще тысячу, Османская империя – около шестисот лет. Истории древнеегипетского царства и традиционной китайской империи насчитывают по нескольку тысяч лет. При этом отдельные правители и династии могли меняться,

но сам тип государства во многом сохранялся. Конечно, говорят, что сегодня ход времени ускорился, но не является ли это взгляд результатом аберрации зрения тех, кто естественным образом считает собственное время наиболее значимым и события, которые ближе к нему, рассматривает более пристально?

Важную роль в западоцентризме играет возникшая в период Просвещения в Европе идея прогресса. Именно с ней связаны две коренные черты современной западной историософии: убеждение в поступательном движении истории к некоему абсолютному идеалу и уверенность в том, что этот идеал находится на Западе. При этом конкретный идеал разные западные мыслители понимали по-разному: французские просветители как абстрактную просвещенную монархию или некую республику будущего, отцы-основатели США – как собственную систему, Гегель – как современное ему Прусское государство, К. Маркс и Ф. Энгельс – как утопический коммунистический идеал, который должен одновременно возникнуть в «цивилизованных государствах» Европы и США. Большинство сегодняшних политологов, в соответствии с этой традицией, считают, что все общества идут к «современной демократии», основанной на рыночной экономике, которая если еще и не полный идеал, то по крайней мере гораздо ближе к нему, чем все прочие общества. Но не станет ли и этот тип государства историческим эпизодом в существующем многообразии различных общественных систем? Не создадут ли в коммунистическом Китае современную эффективную альтернативу ему? Или, может быть, эта альтернатива станет неким возвращением на новом уровне к тысячелетней китайской государственной традиции и тогда революционный период сам станет незаметным эпизодом в ней, чем-то вроде краткого и яркого правления Эхнатона в тысячелетней истории Египта фараонов?

Вряд ли кто-то сегодня может точно ответить на эти вопросы. Представляется, что вестернизация Китая по тайваньскому образцу не исключена, но также вряд ли стоит сбрасывать со счетов и вариант нахождения им собственной модели развития. Это не означает, что в Китае будут невозможны смуты и смена власти. Его сверхцентрализованная система управления неустойчива к кризисам и безопасна только в случае выполнения властью обязанностей по повышению жизненного уровня населения. Любой серьезный экономический кризис может вызвать и кризис всей властной системы, так как винить будут ее, а сменить лидеров в случае разочарования ими, сохранив систему, как это обычно происходит в демократии, будет не-

возможно из-за отсутствия соответствующих механизмов. Однако даже если в результате такого кризиса конкретные лидеры или даже партия вынуждены будут уйти, это совершенно не означает, что новая система власти будет соответствовать идеальной западной модели. Об этом свидетельствует опыт многих государств: России, Ирана, Ирака, Ливии, где после отстранения жестких авторитарных режимов политическая система либо во многом вернулась к традиции, либо превратилась в хаотическую. Даже в центре Европы некоторые государства, такие как Польша или Венгрия, не знавшие демократии до коммунизма, скорее возвращаются к традиционному мягкому авторитаризму, чем к современной западноевропейской системе.

В этом плане проделанный нами анализ современной китайской политической модели с точки зрения трехмодельной классификации политических режимов коммунистических государств представляет определенный интерес. На основании этой классификации можно, например, предварительно заметить, что именно бюрократические коммунистические режимы скорее склонны к эволюции в сторону некоммунистического общества, тогда как подобная эволюция левокоммунистической модели в принципе невозможна, а правокоммунистической – маловероятна. Ведь именно бюрократические коммунистические государства советского блока за несколько лет ликвидировали у себя коммунистическую власть⁴⁴. Возможно, это связано с тем, что в бюрократической системе со сменой нескольких поколений правящая бюрократия начинает чувствовать себя связанной партийной диктатурой и стремится освободиться от рамок бессмысленных идеологических, политических и экономических догм, ограничивающих ее привилегии и достаток. В правокоммунистических режимах же бюрократия, тесно связанная с бизнесом, не чувствует такой скованности и может позволить себе более обеспеченную и свободную жизнь. Впрочем, это не означает что китайская бюрократическая модель обречена. Китай тысячелетиями правился бюрократией, к тому же его специфика настолько велика, что он вполне может дать пример некоей новой, ранее невиданной эффективной государственной организации.

В любом случае китайский эксперимент заслуживает пристального изучения и отхода от западоцентристских клише, все еще господствующих в мировой политологии и исторической науке.

---

⁴⁴ Из правокоммунистических такое произошло лишь в Югославии, однако ее модель весьма специфична, и решающую роль здесь сыграл национализм ее составных частей.

«Тайваньская нация»: от мифа к реальности?

Опубликовано в журн.: Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 1. С. 118–133. –
В соавт. с А.Д. Дикаревым

С ловом «Тайвань» обозначаются различные понятия. В географическом смысле – это остров в Тихом океане. В политическом контексте этим термином могут обозначать провинцию КНР, провинцию Китайской Республики или некое политическое образование, которое, с точки зрения одних, представляет собой часть КНР, а с точки зрения других – либо совпадает с государством, называемым «Китайская Республика», либо является его частью, либо вообще представляет собой отдельное государство. В большинстве случаев то, что конкретно подразумевается под «Тайванем», зависит от политической позиции говорящего. Далеко не все из тех, кто считают Тайвань государственным образованием, смогут четко ответить на вопросы о его точном названии, границах и отношении к КНР. Но многие тайваньские политики часто специально трактуют эти непростые проблемы уклончиво, чтобы не спровоцировать острой реакции Пекина или не потерять поддержки какой-либо части собственного населения.

Цель данной статьи – не определение объективного статуса Тайваня в международной системе, но анализ процессов, происходящих в массовом сознании тайваньцев, а также взглядов тайваньской элиты как примера создания и утверждения сепаратистской идеологии, которая может служить теоретическим обоснованием существования нового государственного образования. Создание подобного теоретического обоснования обычно предшествует возникновению независимых государств, этот процесс можно назвать складыванием государственного мифа. При этом создание такого мифа не всегда совпадает с политическим процессом становления собственно государства. Он может долгое время существовать в зрелом виде, но государство еще не появляется, так как политические условия для это-

го не созрели. Например, украинский государственный миф сложился еще до создания независимого украинского государства. Но в некоторых случаях политика обгоняет мифотворчество: например, государственные мифы в странах Центральной Азии стали складываться после создания самих государств, так как неожиданный распад СССР обогнал здесь идеологические процессы созревания национализма.

Само понятие национального государства исторически довольно новое. Считается, что международная система, основанная на суверенных государствах, возникла после Вестфальского мира (1648). Однако «суверенные» тогда не означало «национальные». Суверенные государства в качестве новой основы международной системы в то время противопоставлялись надгосударственным образованиям, основанным на общности династии или религии. Провозглашались верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти на территории государства, независимость в международном общении, обеспечение целостности и неприкосновенности территории, т.е. принцип государственного суверенитета не еще был связан с этничностью. Внутри государства сувереном чаще всего продолжал оставаться монарх.

На следующем этапе в результате Великой французской революции сувереном стала провозглашаться нация, противопоставлявшаяся монарху. Однако нация понималась не этнически, а как совокупность всех лиц, проживающих на территории суверенного государства. Именно эта совокупность под названием «нации» была провозглашена сувереном, источником власти, вместо суверена-монарха. Таким образом, мир стал рассматриваться как система суверенных государств, власть в которых принадлежит их жителям, гражданам или подданным, однако они все еще не обязательно должны были принадлежать к конкретному этносу.

Лишь в XIX в., в связи с ростом национализма, возникла идея, что каждый этнос имеет право на свое государство. Она выразилась в теории «права нации на самоопределение», ставшей одним из принципов международного права. Ее истоки – в национальных движениях XIX в.: греческой войне за независимость 1821–1829 гг. и более поздних восстаниях различных народов за отделение от Османской империи, венгерской революции 1848 г., польских восстаниях за отделение от России, движениях за объединение Германии и Италии и т.д. Во всех этих случаях лозунги борьбы с религиозным угнетением использовались параллельно с лозунгами борьбы с гнетом

национальным, причем национальный фактор выходил на первое место: выдвигалась идея о праве нации (этноса) образовать собственное государство.

Классический исследователь национализма Э. Кедури писал: «Национализм – доктрина, изобретенная в Европе в начале XIX в. Она претендует на то, чтобы дать критерий для определения единицы населения, которому подобает иметь правительство исключительно для себя, для легитимного осуществления власти в стране и правильной организации сообщества государств».

Согласно Кедури, эта доктрина провозглашает, что «человечество естественным образом разделено на нации, что нации имеют некоторые характеристики, которые можно установить, и что единственным легитимным типом управления является национальное самоуправление...¹. При этом, несмотря на то что в современном мире эта доктрина победила и считается самоочевидной, до конца XVIII в. само понятие нации не заключало в себе того этнического значения, которое оно имеет сегодня. Это, кстати, подтверждается тем, что в языках, в которых слово «нация» вошло в обиход ранее распространения идеи национализма, например в английском и французском, оно не имеет этнической коннотации. А в более «восточных» языках, например в русском или китайском, национальность означает этничность. “Nationality” на английском означает гражданство, а «национальность» на русском или 民族 на китайском – этническую принадлежность. Поэтому «United Nations Organization» на русский язык правильно было бы переводить «Организация Объединенных Государств», на китайский язык она так и переводится – 联合国.

Существует несколько способов осуществления идеала национального государства. Во-первых, уже существующее государство может быть объявлено этническим, несмотря на свою полиэтничность. Например, Испания объявляется государством испанской нации (как, например, в период правления Ф. Франко), Турция – турецкой (как у младотурок), Россия – государством, где русский народ играет некую «государствообразующую» роль (хотя в Российской империи, например, вообще не было юридического понятия национальности). Во-вторых, национальное государство создается на основе ранее возникшего государственного мифа путем объединения отдельно существовавших частей – средневековых княжеств,

---

¹ Kedourie E. Nationalism. 4th edition. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1993. P. xviii, 154.

частей других государств, населенных этнически близкими группами и т.п. Так были созданы современные Германия и Италия. Иногда объединению может способствовать территориальное деление, учрежденное бывшей метрополией (Индия, Индонезия). В-третьих, новое национальное государство может возникнуть в результате успеха сепаратистского движения или распада крупного многонационального образования. Так в результате распада Австро-Венгрии возникли Австрия, Венгрия и Чехословакия, затем в свою очередь распавшаяся на Чехию и Словакию, Ирландия отделилась от Великобритании, Польша и Финляндия – от распавшейся Российской империи, постсоветские государства появились в результате распада СССР.

Возникновение Тайваня как особого политического образования соответствует несколько иной модели: разделению национального государства в результате гражданской войны или оккупации. В этом случае отделение не связано с национальным движением или мифом. Превратности международной политики сначала разделяют страну, а мифология начинает складываться потом, в уже отделившемся новом политическом образовании. Обычно ее разрабатывают силы, которым выгодно сохранять и консервировать отделение, для чего они начинают формировать национально-государственный миф. Однако далеко не всегда эти попытки имеют успех у населения. Например, две Германии, Восточная и Западная, отдельно существовали около 40 лет и с точки зрения международного права имели все признаки легитимных независимых государств. Но, несмотря на попытки лидеров ГДР убедить народ в существовании некоей «социалистической немецкой нации», успеха это проект не имел, и при первой политической возможности две части Германии объединились. Общенациональный миф оказался сильнее. Точно так же, несмотря на длительное параллельное существование двух корейских государств, единый национальный миф и мечта об объединении Корейского полуострова настолько сильны, что никаких серьезных попыток создать миф о отдельных корейских нациях ни на Севере, ни на Юге даже не предпринимается. А вот в Австрии, несмотря на существовавшее до Второй мировой войны мощное движение за объединение с Германией, сосуществование с Третьим рейхом вызвало такое разочарование, что сепаратистский государственный миф утвердился.

Чтобы разобраться в ситуации на Тайване, необходимо вкратце осветить его историю и рассмотреть эволюцию позиций различных политических сил в отношении его статуса.

Первоначально остров Тайвань был заселен племенами аборигенов, говоривших на языках австронезийской семьи. Приблизительно с XIII в. на соседних Пескадорских островах (острова Пэнху) начинают селиться китайские рыбаки, однако не многие из них добираются до Тайваня. С XVI в. на острове появляется больше рыбаков и торговцев из соседней китайской провинции Фуцзянь, а также китайских и японских пиратов. В XVII в. за контроль над островом боролись испанцы и голландцы, затем власть захватил сторонник терпящей власть на материке династии Мин Чжэн Чэнгун, изгнавший с него голландцев. В 1683 г. войска Цинской династии захватили Тайвань и административно подчинили его провинции Фуцзянь. В 1887 г. Тайвань был выделен в отдельную провинцию, называвшуюся Фуцзянь-Тайвань. В 1895 г., после поражения Китая в войне с Японией, Тайвань с Пескадорскими островами по Симоносекскому мирному договору отошел к Японии, причем японский суверенитет признавали все государства, в том числе и Цинская империя.

Во время Второй мировой войны союзники по антигитлеровской коалиции заключили договоренность о передаче Тайваня и Пескадорских островов Китайской Республике (КР) после поражения Японии.

Эта договоренность была зафиксирована на Каирской мирной конференции 1943 г. и в Потсдамской декларации, подписанной в июле 1945 лидерами США, Великобритании и КР. Согласившись на безоговорочную капитуляцию, Япония выполнила условия Потсдамской декларации. Японские войска сдались войскам КР как представителям Чан Кайши – главнокомандующего союзными войсками на китайском театре военных действий. Гоминьдановский губернатор Тайваня Чэнь И объявил 25 октября 1945 г. Днем Ретроцессии (возвращения) Тайваня.

Однако вопрос о том, признали ли США Тайвань частью КР, долгое время оставался неясным. Например, во время антиправительственных выступлений на Тайване в феврале 1947 г., жестоко подавленных гоминьдановскими войсками (так называемый «Инцидент 228»), генеральное консульство США в Тайбэе призывало свое правительство к интервенции от имени США или ООН на том основании, что Тайвань был лишь передан под административное управление КР, что не означало передачи суверенитета. Юридически же остров оставался частью Японии, оккупированной США. По Сан-Францисскому мирному договору 1951 г. Япония отказалась от всех прав на Тайвань и Пескадорские острова, однако в нем не говорилось о том,

кому именно она передавала суверенитет над ними, так как существовала неясность, передавать его КР или КНР. Аналогичные формулировки были зафиксированы в договоре между Японией и КР 1952 г. Еще в 1971 г. Государственный департамент США фактически подтвердил свою позицию относительно неясности статуса Тайваня: «Так как Тайвань и Пескадоры не определены никакими существующими международными договоренностями, суверенитет над этой областью является нерешенным вопросом, который должен быть урегулирован будущим международным решением»².

В подписанном в 1972 г. в Шанхае президентом США Р. Никсоном и Премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем совместном заявлении, известном как «Шанхайское коммюнике», США признали Тайвань частью Китая, но не КНР³. Такая формулировка соответствовала позиции как Пекина, так и Тайбэя и лишь означала отказ от позиции «двух Китаев», т.е. признания КНР и КР двумя разными странами. И лишь из совместного коммюнике об установлении дипломатических отношений между США и КНР от 1 января 1979 г., в котором США признали правительство КНР единственным законным правительством Китая, можно сделать вывод, что, признавая Тайвань частью Китая, Вашингтон тем самым считает его частью КНР (хотя прямо и там об этом не сказано)⁴. Такой же позиции в настоящее время придерживается большинство государств мира.

Что касается позиций различных китайских сторон и политических сил, то они весьма противоречивы. Наиболее ясна позиция КНР. В Пекине всегда считали, что КНР является государством-правопреемником КР и со дня ее образования 1 октября 1949 г. к ней перешел суверенитет над всей бывшей территорией КР, в том числе и над Тайванем. Согласно Конституции КНР, «Тайвань является частью священной территории Китайской Народной Республики»⁵.

² Starr R.I. Legal Status of Taiwan, US State Department. 1971. July 13. URL: <https://www.taiwanbasic.com/nstatus/starr.htm>; John Tkacik on Taiwan: Taiwan's Status Remains 'unsettled' // Taipei Times Sun. 2007. September 30. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2007/09/30/2003381074/2>

³ Joint Statement Following Discussions with Leaders of the People's Republic of China. Shanghai. 1972. February 27. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v17/d203>

⁴ Joint Communique of the United States of America and the People's Republic of China. 1979. January 1. URL: <http://www.taiwandocuments.org/communique02.htm>

⁵ Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) // Окно в Китай. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch0

Административно бóльшую часть территории, контролируемой сегодня тайбэйским правительством, КНР считает своей провинцией Тайвань, а некоторые небольшие острова относит к своим провинциям Фуцзянь, Гуандун и Хайнань.

Гоминьдановцы, правившие на Тайване без перерыва с 1945 до 2000 г., считали себя правительством Китайской Республики (КР), которое в 1949 г. вынуждено было перебраться на Тайвань в связи с тем, что материковая часть страны была охвачена «коммунистическим мятежом». Естественно, это правительство полагало, что обладает суверенитетом над всей территорией бывшей КР, в том числе и над Тайванем, хотя иногда и признавало, что этот факт не был признан никаким международным соглашением.

Конституция КР, принятая в 1946 г., точно не определяет, что именно относится к ее территории. Однако принадлежность к ней Тайваня основывается на том, что правительство КР никогда не признавало Симоносекский договор, хотя и не оспаривало его. Таким образом, с точки зрения Гоминьдана, передача Тайваня КР в 1945 г. была и возвращением суверенитета над ним. Поначалу Гоминьдан строил планы вернуться на материк, однако, когда невозможность этого стала ясна, его представители начали выдвигать иные предложения. В 1991 г. президент Ли Дэнхуэй неофициально предложил не претендовать на материковую территорию, контролируемую правительством КНР. Однако эта позиция не была принята ни судебной системой, ни Национальной Ассамблеей КР, которая затем была распущена. Отвергли ее и в Пекине, так как, по мнению правительства КНР, изменение границ КР будет означать движение к независимости Тайваня, а в этом случае Пекин грозит установить над ним контроль силой.

1 августа 1992 г. тайваньский Совет по делам материка опубликовал следующую формулировку: «Обе стороны Тайваньского пролива согласны, что существует только один Китай. Однако две стороны пролива придерживаются различных мнений относительно того, что означает „один Китай“. Для Пекина „один Китай“ означает „Китайская Народная Республика (КНР)“, а Тайвань после объединения должен стать ее „Специальным административным районом“. Тайбэй, с другой стороны, считает, что „один Китай“ означает Китайскую Республику (КР), основанную в 1911 г., суверенитет которой де-юре распространяется на весь Китай. В настоящее время КР обладает юрисдикцией над [островами] Тайвань, Пэнху, Цзиньмэнь и Мацзу. Тайвань является частью Китая, и материко-

вый Китай также является частью Китая»⁶. Позднее в том же, 1992 г., на неофициальных переговорах представителей Тайваня и КНР эта формулировка была принята за основу так называемого «консенсуса 1992 г.», который до настоящего времени признается и КНР как основа для переговоров⁷. Ее смысл в том, что обе стороны согласны с существованием одного Китая, частями которого являются и Тайвань, и материк, но трактуют этот «Китай» по-своему. Конечно, Пекин отвергает тайбэйскую интерпретацию «одного Китая», он лишь соглашается вести переговоры и развивать неофициальные отношения с Тайванем, но только в случае признания Тайбэем принципа «одного Китая».

Гоминьдан, остающийся одной из двух наиболее влиятельных партий Тайваня и после демократизации, изначально разделял подход, зафиксированный в Конституции: КР – это государство, возникшее в Китае в 1911 г., оно унаследовало территорию Цинской империи, но в 1949 г. уступило контроль над материковой частью Китая из-за коммунистического мятежа. Территория его – весь Китай, а жители – китайцы, граждане Китайской Республики. Однако после провала попыток вернуться на материк и в связи с ее явной нереалистичностью, эта позиция на практике несколько изменилась. В демократический период тайваньские лидеры, представлявшие Гоминьдан, во время пребывания у власти в целом придерживались консенсуса 1992 г. Правда, здесь случались и отклонения. Например, в конце своего правления в 1999 г. Ли Дэнхуэй выдвинул предложение фактически признать КНР и КР двумя странами и вести между ними переговоры на этой основе, что означало отход от «консенсуса 1992 г.» и сближение с позицией оппозиционных сторонников независимости⁸. Однако эти предложения были решительно отвергнуты Пекином и крупнейшими мировыми игроками, в результате чего от них пришлось отказаться, и более Гоминьдан их не выдвигал.

---

⁶ Shirley A.K. China/Taiwan: Evolution of the “One China” Policy – Key Statements from Washington, Beijing, and Taipei // Congressional Research Service 7-5700. 2014. October 10. P. 49.

⁷ Wu Yu-shan. The Evolution of the KMT’s Stance on the One-China Principle: National Identity in Flux // Schuber G., Damm J. (eds). Taiwanese Identity in the Twenty-first Century: Domestic, Regional and Global Perspectives. London: Routledge, 2011. P. 54; Консенсус 1992 г. стал основой для всех переговоров материковой части Китая и Тайваня // CNTV. 07.11.2015. URL: <http://cctv.cntv.cn/2015/11/07/VIDE1446895931827820.shtml>

⁸ Ли Дэнхуэй. Позиция Тайваня. М.: МГУ, 2000. С. 53.

гал⁹. При президенте Ма Инцзю, находившемся у власти с 2008 по 2016 г., консенсус 1992 г. строго соблюдался, что дало возможность наладить неформальные связи с КНР по многим направлениям¹⁰. При этом представителями Тайваня «один Китай» иногда интерпретировался как КР, а иногда, чтобы еще меньше раздражать КНР – даже как некий идеальный Китай, который возникнет когда-то в будущем после объединения.

Вторая ведущая партия Тайваня, Демократическая прогрессивная (ДПП) вышла из тайваньского движения за независимость, активисты которого жестоко подавлялись во время диктатуры Го-миньдана, длившейся до конца 80-х годов XX в. Идеология борцов за независимость фактически была локализмом или тайваньским национализмом. Ее сторонники еще в период диктатуры создавали миф о том, что коренные жители Тайваня – это не китайцы или «не совсем» китайцы (ханьцы), на Тайване в результате длительных исторических периодов, когда весь остров или его части находились под властью разных сил: местных племен аборигенов, испанцев, голландцев, китайских пиратов и японцев, в результате смешения всех этих элементов образовалась некая новая нация, отличная от ханьской, со своим языком, культурой и привычками. При этом в качестве особо позитивного часто особо выделяется период японской оккупации, когда тайваньская нация якобы окончательно сложилась¹¹. Политически Тайвань никогда не принадлежал Китаю, кроме периодов его «оккупации» Цинской империей и Гоминьданом, не являлся он и частью КР, так как до 1945 г. был колонией Японии, что признавала и Цинская империя, а затем формально не был передан

---

⁹ Wu Yu-shan. The Evolution of the KMT's Stance on the One-China Principle... P. 60–61.

¹⁰ Liu Fu-kuo. Ma Ying-jeou's Rapprochement Policy: Cross-Strait Progress and Domestic Constraint // Cabestan J.-P., de Lisle J. (eds). Political Changes in Taiwan under Ma Ying-jeou: Partisan Conflict, Policy Choices, External Constraints and Security Challenges. Abingdon: Routledge, 2014. P. 139–155.

¹¹ В соответствии с модными идеями британского историка Б. Андерсона в западной этнологии также распространено представление о «креольском» (смешанном) характере китайского национализма. М. Браун приходит к выводу о том, что с 1987 г. (после отмены чрезвычайного положения) тайваньская идентичность является амальгамой китайского, аборигенного и японского компонентов: Brown M. Is Taiwan Chinese? The Impact of Culture? Power and Migration of Changing Identities. Berkeley: University of California Press, 2004. См. также: Кузнецов А.М. Этнонациональная политика и современные проблемы национализма в Китае. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2010. С. 129.

под суверенитет КР. Таким образом, он был незаконно оккупирован войсками КР в 1945 г., а к КНР вообще не имеет никакого отношения¹².

Подобных позиций придерживалась ДПП, будучи в оппозиции. Еще в резолюции ее съезда, состоявшегося в 1991 г., говорилось о необходимости проведения референдума о независимости Тайваня. Однако для прихода к власти их пришлось модифицировать по двум причинам. Во-первых, странно бороться за власть в Китайской Республике в соответствии с ее конституцией, легитимность которых не признаешь. Во-вторых, активная политика по осуществлению программы приобретения формальной независимости, например, ее провозглашение или даже изменение границ КР, могла вызвать вторжение войск КНР, что спровоцировало бы войну в регионе с неясным исходом. Вашингтон, не желавший воевать за Тайвань с КНР, но в обычное время предоставлявший ему гарантии безопасности, не позволил бы этого сделать.

В результате, в принятой в 1999 г. «Резолюции относительно будущего Тайваня» была выдвинута идея о том, что Тайвань под именем Китайской Республики уже является независимым государством, референдум о независимости не требуется, а, наоборот, изменение этого независимого статуса потребует референдума¹³. Таким образом, ДПП признала и существование КР, идентифицировав ее с Тайванем, и ее конституцию, но в границах, реально контролируемых правительством в Тайбэе¹⁴. Именно в этом последнем пункте и состоит отличие ее позиции от позиции Гоминьдана.

Смягчение позиции помогло кандидатам от ДПП дважды быть избранными на пост президента КР: Чэнь Шуйбяню, правившему с 2000 по 2008 г., и Цай Инвэнь, которая находится у власти с 2016 г. до настоящего времени (2021 г.). Тем не менее даже в смягченном

---

¹² Fleischauer S. Taiwan's Independence Movement // Schubert G. (ed.). *Routledge Handbook of Contemporary Taiwan*. Abingdon: Oxon & New York: Routledge, 2016; Барышников В.Н. Роль группировки Ляо Вэнь-и в агрессивных планах США на Тайване // Краткие сообщения ИНАз. 1963. № 56. С. 119–129; Shi Ming. *Taiwanren sibi nian shi [Four hundred years of history of the Taiwanese]*. 1962; repr.: Taipei: Huaciao wenhua, 1998.

¹³ Fleischauer S. Taiwan's Independence Movement...

¹⁴ Duchâtel M. The DPP's Cross Strait Policy under Tsai Ying-wen and the 2012 Elections in Taiwan. Project paper. Track Two Dialogue on EU-China-Relations and the Taiwan Question. Wujiang, 23-24 June 2011. P. 4. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/projekt_papiere/Taiwan2ndTrack_Duchatel_2011.pdf

виде позиция ДПП отвергает идею «одного Китая» и «консенсус 1992», что вело к серьезному сокращению связей с материком в период ее правления¹⁵. Принципиально эта позиция не изменилась до сегодняшнего дня. Тем не менее недовольные таким «соглашательством» сепаратисты вышли из ДПП и организовали Партию тайваньской независимости, которая особым влиянием не пользуется.

Таким образом, на Тайване фактически отсутствует единая позиция относительно того, что собой представляет государственное образование, руководство которого находится в Тайбэе, каковы его название и границы, кто его жители, к какому этносу принадлежат и на каком языке разговаривают (диалекте китайского или каком-то особом тайваньском). Представители различных политических сил, приходя к власти, интерпретируют эти вопросы по-разному, а их практическая политика сводится к тому, что при власти Гоминьдана упор делается на единство китайской нации, изучение истории, культуры и достижений всего Китая, в то время как при ДПП система образования ориентируется на изучение истории и культуры преимущественно Тайваня, связи с материком сокращаются и вся государственная идеология строится на восприятии КНР как другой страны, а материковых китайцев – как другой нации. Жители же Тайваня могут выбрать для себя любую интерпретацию, и чаще всего она определяется политическими взглядами.

Тайваньская идентичность: некоторые теоретические подходы

Если обратиться к истокам формирования «тайваньской идентичности», то можно сделать вывод, что на начальном, «протестном» этапе своего существования она носила именно «этнический» характер¹⁶. По мнению большинства тайваньских специалистов, «этническая идентичность» не только может передаваться из поколения в поколение, но и образовываться/приобретаться под влиянием внешней среды (в этнологии это называется инструменталистским подходом¹⁷). При этом другие ученые полагают, что «этническое

---

¹⁵ Китай остановил коммуникации с Тайванем из-за «Консенсуса 1992 г.» // РИА Новости. 25.06.2016. URL: <https://ria.ru/20160625/1451507696.html>

¹⁶ Каимова А. С. Проблемы интерпретации понятия «тайваньская идентичность» // Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение. 2013. № 2. С. 27–39.

¹⁷ Инструменталистскому подходу (этническая идентичность – сознательный выбор индивида) противостоит конструктивизм, который представляет

сознание тайваньцев в процессе сначала японизации, а затем „ханизации“ все более ослабевало»¹⁸.

Главным фактором формирования современной тайваньской «этнической идентичности» была монополизация власти партией гоминьдан в период 1945–1987 гг. и ее попытка политическими методами обеспечить управление группы населения, прибывшей с материка и находящейся в меньшинстве (外省人), большинством жителей Тайваня, живших там до 1945 г. (本省人)¹⁹. В начальный период тайваньской самостоятельности, после ликвидации японского колониального господства, Гоминьдан пытался навязать Тайваню китайскую идентичность, чтобы облегчить тем самым авторитарное правление и получить поддержку дискурса воссоединения нации. Но в своей реальной политике Гоминьдан различал жителей материка, прибывших из Китая после Второй мировой войны, и местных тайваньцев, чьи предки иммигрировали на Тайвань ранее.

Поэтому этнический подход к идентичности стал связываться с дискриминационной политикой, разного рода привилегиями для «жителей материка». После 1987 г. стало возможным свободное обсуждение этих вопросов и жители Тайваня начали долгие дебаты по поводу своей национальной идентичности, проходившие на фоне дальнейшего вытеснения Китайской Республики с официальной международной арены.

Идентичность в основном измеряется и определяется двояко. Во-первых, это самоидентификация: человек может идентифицировать себя как «китайца»²⁰ или принять альтернативную местную идентичность. Во-вторых, идентичность косвенно (но только косвенно!) может проявляться при выяснении отношения индивида к политической системе и статусу своего региона, в случае с Тайванем альтернатива очевидна: надлежит предварительно выяснить, что именно опрошенный считает предпочтительным для Тайваня – объединение или независимость? Предполагается, что поддержавший объединение с большей вероятностью считает себя китайцем.

этнос как конструкт, создаваемый искусственно, прежде всего властными элитами.

¹⁸ Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. М.: Памятники исторической мысли, 2005.

¹⁹ Каимова А.С. Проблемы интерпретации понятия...

²⁰ В опросах политологического характера – «чжунгожэнь», 中国人 (гражданин или житель Китая без этнической окраски), этнографического – «хуажэнь», 华人 (китаец по этнической принадлежности и культуре).

Следует пояснить: ученые отмечают, что значение понятия «китайцы» не является постоянным, оно явно эволюционирует, становясь менее этническим и более политическим, отчасти потому, что Пекин стремился контролировать и монополизировать определение понятия «китайцы» в стране и за рубежом. В результате все больше респондентов считают, что «китайская» идентификация ассоциируется теперь с Китайской Народной Республикой. Жители Тайваня принадлежат преимущественно к ханьскому этносу, признают свои китайские корни, но это далеко не тождественно «общекитайской» идентичности.

Таким образом, вот уже на протяжении трех десятилетий после отмены военного положения параллельно демократизации в обществе идет процесс, который иногда рассматривается аналитиками как открытая борьба за тайваньскую идентичность.

Этнологи-китаеведы задаются вопросом, можно ли назвать «тайваньскую идентичность» «национальной идентичностью» или это всего лишь одна из региональных идентичностей, характерных как для Китая, так и для других стран мира, и в качестве которой «тайваньское самосознание» воспринимается правительством Китайской Народной Республики (КНР), отстаивающим принцип «одного Китая»²¹? И не являются ли тайваньцы примером «воображаемого сообщества»²², в лучшем случае – регионального, рамки которого ограничиваются территорией самого Тайваня и нескольких групп островов, находящихся под юрисдикцией КР?

Ряд тайваньских исследователей выдвигает предположение, что национальная идентичность может укрепляться только при создании демократических институтов²³. Этот вывод остается дискуссионным применительно к другим странам, но, возможно, имеет основания в случае с Тайванем, как показывают приводимые ниже результаты социологических опросов.

---

²¹ Каимова А.С. Проблемы интерпретации понятия...

²² Здесь имеется в виду понятие, введенное Б. Андерсоном, отметившим исключительную трудность адекватного определения основных терминов этнологии. См.: Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London; New York, 2006.

²³ Syaru S.L. *Analyzing the Relationship between Identity and Democratization in Taiwan and Hong Kong in the Shadow of China* // The Asan Forum. 2018. December 20. URL: <http://www.theasanforum.org/analyzing-the-relationship-between-identity-and-democratization-in-taiwan-and-hong-kong-in-the-shadow-of-china/>

Самоидентификация тайваньцев в зеркале социологии

Центр электоральных исследований тайваньского университета Чжэнчжи ежегодно проводит обследования, направленные на выяснение политических взглядов тайваньцев, их отношения к национальной идентификации, независимости и объединению, партийных предпочтений. В июне 2019 г. были проведены очередные опросы. Выяснялось, в частности, кем называют себя респонденты: тайваньцами (тайваньжэнь) или же китайцами (чжунгожэнь). Вот что показали ответы на этот вопрос в сравнении с ответами, полученными в 2018 г.²⁴.

На вопрос кем вы себя считаете – 58,5% опрошенных заявили, что они тайваньцы (на 4% больше, чем в 2018 г.), 34,7% назвали одновременно и китайцами, и тайваньцами, что чуть меньше, чем годом ранее (38,2%). Совсем небольшое число респондентов считают себя только китайцами (3,5% против 3,7% в 2018 г.). Затруднились с ответом около 3% опрошенных, что также чуть меньше, чем в 2018 г. – 3,6%.

Интересно, что резкий рост тайваньской идентификации в последние три года начался после четырехлетнего периода медленного последовательного падения этого показателя от пиковых значений (60,6%) в 2014 г., в разгар Движения подсолнухов, направленного против политики Гоминьдана. К 2020 г., судя по всему, тенденция не просто сохранилась, но резко усилилась. «Тайваньцев» социологи насчитывают уже 67%, «двойственно идентифицирующихся» – 27,5, «китайцев» – 3%. Скорее всего, это можно трактовать как реакцию на менее «мирную» риторику о «воссоединении» со стороны КНР в последнее время, в частности, во время сессии ВСНП весной 2020 г.

Следующий важный вопрос – какова корреляция между тайваньской самоидентификацией и поддержкой политической независимости Тайваня. Подавляющее число опрошенных (более 86%), выбирая между «независимостью или объединением», давно и стабильно предпочитают статус-кво в тех или иных его формах, т.е. политическая неопределенность пока что устраивает большинство на-

---

²⁴ В пояснительном тексте к этим обследованиям (Russel H. New Polling Data Reflect Deepening Taiwanese Identity // Global Taiwan Institute. 2019. August 2. URL: <https://english.cw.com.tw/article/article.action?id=2502>) некоторые цифры по непонятной причине чуть отличаются от тех, что отражены на графике в источнике. Мы придерживаемся данных источника (<https://esc.nccu.edu.tw/course/news.php?Sn=166>).

селения. Это говорит, на наш взгляд, о том, что жители острова хорошо понимают опасность резких телодвижений на этом самом опасном минном поле.

Но будет ли и как именно меняться ориентация большинства тайваньцев на статус-кво, если новое китайское руководство с самого начала «эпохи Си Цзиньпина» проявляет признаки нетерпения, заявляя, что «вопрос о разделенности нельзя вечно передавать из поколения в поколение»²⁵? Сепаратистский дискурс остается, судя по преобладающим настроениям «статус-кво», в значительной степени в меньшинстве. Именно поэтому, по мнению Ж.-П. Кабестана, тайваньская идентичность и тайваньский национализм на данном этапе не являются синонимами поддержки независимости²⁶.

Вывод этот был сделан 15 лет назад, но принятие в КНР в марте 2005 г. Закона о противодействии расколу государства (反分裂国家法), статья 8 которого подтверждает угрозу применения силы²⁷, подстегнуло националистические настроения и привело, по некоторым оценкам, к пятикратному росту поддержки независимости. Этот новый закон главным образом способствовал укреплению тайваньского консенсуса как реакции на упорный отказ Китая признать разделение китайской нации на два отдельных государства и сохранение вплоть до нашего времени Китайской Республики, которая была основана в 1912 г. на части национальной территории.

Каковы последние тенденции? Из опросов 2019 г. (в скобках – результаты 2018 г.) следует, что из тех, кто поддерживает статус-кво, 30,6% (33,4%) предпочитают, чтобы дилемма «независимость или объединение» была как-то решена будущими поколениями. 26,9% (24%) не определили свое отношение. 19,9% (15,1%) предпочитают движение в сторону независимости, 8,7% (12,8%) – в сторону объединения при сохранении статус-кво. 6,3% (6,6%) предпочли не отвечать на этот вопрос. 5,8% (5%) опрошенных предпочли бы видеть Тайвань независимым как можно скорее, и только 1,7% (3,1%) хотели бы видеть Китай единым как можно скорее.

---

²⁵ Речь Си Цзиньпина на Форуме АПЕС в Индонезии // Reuters. 06.10.2013. URL: <https://www.reuters.com/article/us-asia-apec-china-taiwan/chinas-xi-says-political-solution-for-taiwan-cantwait-forever-idUSBRE99503Q20131006>

²⁶ Cabestan J.-P. Specific cities and Limits of Taiwanese Nationalism // China Perspectives. 2005. December 1. <https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.2863>

²⁷ Закон дает право властям применить «немирные средства и другие необходимые меры для защиты суверенитета и территориальной целостности Китая».

Что касается партийных предпочтений опрошенных, то 42,5% (49,1%) называют себя независимыми либо не считают нужным отвечать на этот вопрос. Любопытно, что «партийность» опрошенных выросла в количественном выражении в случае как с Гоминьданом (27,6% в 2019 г. и 25,4% в 2018 г.), так и с ДПП (24,5% против 20,1% в 2018 г.). Сторонниками Партии новой власти являются 4,7% (4,5%). Другие партии имеют менее 1% сторонников среди опрошенных²⁸.

* * *

Рассматривая показатели идентичности на более протяженном отрезке времени, можно отметить практически неуклонный рост самоидентификации населения острова в качестве «тайваньцев». Особенно наглядно эта тенденция предстает на графике, который фиксирует динамику показателя самоидентификации за все время ежегодных (за исключением 1993 г.) наблюдений: с 1992 по 2020 г.²⁹.

Только в течение трех лет (до 1995 г.) число тех, кто называл себя «только китайцем», превышало число назвавшихся «тайваньцами». В этот период значительное большинство (свыше 45%) относили себя одновременно к китайцам и тайваньцам. Лишь около 20% в это время считали себя только «тайваньцами».

Ситуация начинает кардинально меняться с 1996 г., когда Ли Дэньхуэй избирается президентом и начинает продвигать концепцию «Китайской Республики на Тайване». Доля «тайваньцев» практически неуклонно растет, приближаясь к 40% и обретает новую динамику с 2000 г., когда к власти впервые приходит представитель ДПП. В этот период рост едва заметен и происходит стабилизация на уровне около 45%-ной доли как «тайваньцев», так и «тайваньцев-китайцев».

Интересно, что с приходом к власти гоминьдановца Ма Инцзю в 2008 г. эти кривые расходятся. Доля «тайваньцев» растет, а «тайваньцев-китайцев» падает примерно в той же пропорции. Доля же «однозначных» «китайцев» сходит почти на нет, равно как и тех, кто не отвечал на данный вопрос социологов (с 10,5 до 4% к 2008 г.).

---

²⁸ Russel H. New Polling Data Reflects Deepening Taiwanese Identity // Global Taiwan Institute. 2019. August 2. URL: <https://english.cw.com.tw/article/article.action?id=2502>

²⁹ 臺灣民眾臺灣人/中國人認同趨勢分佈 (1992 年 06 月~2020 年 06 月) [Тенденции распределения самоидентификации населения Тайваня [по принципу] тайваньцы/китайцы]. URL: <https://esc.nccu.edu.tw/course/news.php?Sn=166>

Очевидно, что за это время как минимум половина «колеблющихся» определила свое отношение к данному вопросу. При этом есть основания утверждать, что позиции ведущих тайваньских партий по вопросу самоидентификации и независимости вполне определенно сближаются. Население острова одновременно консолидируется вокруг состояния статус-кво, сохраняя вместе с тем ориентацию на ту или иную политическую партию.

Период 2014–2018 гг. на графике выделяется, в это время доля называющих себя «тайваньцами» неожиданно обрела нисходящий тренд. С чем это могло быть связано? Некоторые комментаторы полагали, что эту тенденцию закрепили выборы мэров городов 2018 г. ДПП на них победила лишь в 6 городах, тогда как Гоминьдан – в 15. ДПП проиграла даже в Гаосюне, где в течение 20 лет мэрами были ее сторонники.

Кроме того, в 2018 г. состоялся референдум, одним из пунктов которого было предложение о замене весьма неуклюжего названия «Китайский Тайбэй» на международных спортивных соревнованиях на «Тайвань». Отклонение этого предложения большинством в 55% голосов привело некоторых комментаторов к заключению, что и требования большей автономии от Китая в тайваньском обществе ослабевают вкупе с национальной самоидентификацией. Думается, такие заключения все же недооценивают общую долгосрочную тенденцию «тайванизации» Тайваня, что подтверждают данные рассмотренного выше лонгитюдного обследования, проводимого с целью выяснения электоральных предпочтений тайваньцев.

Выводы таковы: более 90% тайваньских граждан считают себя полностью или хотя бы частично тайваньцами³⁰. Укрепляется также представление о том, что Тайвань есть независимое государство, отдельное от Китая. Около 70% тайваньцев теперь считают Тайвань и Китай двумя отдельными государствами, и только 20% рассматривают две стороны Тайваньского пролива как части единого государства. Коротко говоря, на Тайване доминирует идентификация, в центре которой Тайвань, а не Китай.

---

³⁰ По другим данным, мнение о том, что Тайвань и Китай – это одно государство, в 2010 г. разделяли более 30%, в 2017 г. – чуть более 20% жителей острова. См.: Wang T.Y. Declining Taiwanese Identity? // University of Nottingham's Asia Research Institute. 2019. February 8. URL: <https://theasiadialogue.com/2019/02/08/declining-taiwanese-identity/>

* * *

В июле 2019 г. были опубликованы результаты еще одного любопытного обследования, которое проводилось спонсируемым правительством Фондом поддержки национальной демократии *Taiwan Foundation for Democracy (TFD)*. Жителей острова опрашивали на предмет их желания сопротивляться китайскому вторжению с континента. 57,4% ответили, что в случае атаки со стороны Китая в ответ на провозглашение независимости готовы к участию в боевых действиях по обороне Тайваня. Это на 2,4% больше, чем в 2018 г. Тех же, кто не рассчитывает активно сопротивляться – 31%, что меньше, чем в 2018 г. (35,9%).

Более подробные результаты опроса 2018 г. относительно готовности тайваньской молодежи воевать были опубликованы на семинаре в тайваньском Институте глобальных проблем. Два вопроса на одну и ту же тему были сформулированы с разными акцентами. Первый звучал так: «Пойдете ли вы воевать за Тайвань, если континентальный Китай применит силу для воссоединения?» Более 70% респондентов моложе 39 лет ответили на этот прямой вопрос утвердительно, и только 26,5% – отрицательно. Для людей старше 40 лет пропорция немного иная: 66,1 на 24,9%.

Интересны ответы на аналогичный вопрос, подразумевающий что противостояние инициирует не КНР, а Тайвань. Он звучит так: «Пойдете ли вы воевать за Тайвань, если тот формально провозгласит независимость, что приведет к применению континентальным Китаем силы против Тайваня?». Результаты были в принципе сходными, но ожидаемо чуть более скромными. Утвердительно ответили 63,4% и только 32,6% – отрицательно. У респондентов старшей возрастной группы пропорция более ровная – 49,9 на 39,2%³¹.

Результаты еще одного опроса показывают, что две трети граждан Тайваня поддержат независимость Тайваня, если военного конфликта удастся избежать, но тех, кто предпочтет этот вариант, будучи уверенным в резкой реакции Пекина, гораздо меньше, чуть более 30%. Эта более или менее стабильная примерно с 2005 г. пропорция между теми, кто осознает разницу между независимостью, достигнутой военным либо мирным путем», говорит, по мнению обозревателя, о коллективной рациональности тайваньцев³².

---

³¹ Russel H. New Polling Data...

³² Wang T.Y. Declining Taiwanese Identity?..

Из вышеприведенных данных можно сделать вывод о том, что уверенность Пекина и некоторое беспокойство Вашингтона о том, что тайваньцы не пойдут воевать за свою страну, не имеют под собой достаточных оснований. Большинство тайваньцев собираются дать в том или ином виде отпор агрессии с континента. Китай наращивает кампанию в пользу «воссоединения», но параллельно растет и склонность тайваньцев сопротивляться такому развитию событий³³.

В более узких и специализированных исследованиях делается попытка объяснить мотивацию к той или иной идентификации в разных поколениях. Предполагается, в частности, что молодежь с большей вероятностью склонна идентифицировать себя как тайваньцы вследствие ее большей политизированности и неприятия воссоединения с Китаем, в то время как пожилые люди склонны считать себя тайваньцами благодаря этническим связям и историческим воспоминаниям. Межпоколенные различия внутри тайваньской идентичности не только объясняют, почему эта идентичность стала более востребована в обществе, но и показывают, как формируется новая тайваньская нация³⁴.

Программа изучения азиатской безопасности Университета Дьюка (США) отслеживает самоидентификацию жителей острова по пяти возрастным группам с 2002 г. Опрос 2017 г. показал, что самая молодая когорта, в возрасте менее 30 лет, имела самый высокий процент респондентов, идентифицирующих себя только как «тайваньцы» (71,2%). В этой когорте также самая низкая доля тех, кто считает себя только «китайцами» (2,5%).

Тайваньский фонд «За демократию» также отслеживает политические взгляды по возрастным группам с 2011 г. Опрос 2018 г. показывает, что самое молодое поколение имело самый высокий уровень поддержки независимости и самый низкий уровень поддержки немедленного или окончательного объединения. Не менее важно и то, что тайваньцы в возрасте до 40 лет гораздо более оптимистично настроены в отношении демократического развития Тайваня, чем старшее поколение. Опросы показывают, что, обладая относительно более выраженным чувством идентичности, молодые тайваньцы вме-

---

³³ Russel H. New Polling Data...

³⁴ Lee K.-C., Yang W.-Y. Old Taiwanese vs. New Taiwanese: Exploring the Generational Difference of Taiwanese Identity // The Taiwanese Political Science Review. 2016. Vol. 20. No. 2. URL: https://www.researchgate.net/publication/318586117_Old_Taiwanese_vs_New_Taiwanese_Exploring_the_Generational_Difference_of_Taiwanese_Identity

сте с тем вполне прагматичны и поддерживают расширение экономических отношений с КНР³⁵.

Пандемия и другие новейшие тенденции

Согласно новейшим опросам тайваньского Фонда общественного мнения, уже 54% респондентов выступают за скорейшее объявление независимости от Китая, лишь 23,4% поддерживают статус-кво, 12,5% приветствуют скорейшее объединение с Китаем. Более углубленный анализ мнений тех, кто поддерживает статус-кво, позволяет утверждать, что более 64% респондентов – сторонники независимости (которое, по их мнению надлежит провозгласить прямо сейчас или позже), тогда как только 18% поддерживают объединение, как пишет Джеймс Холмс в статье в журнале «Нэшнл интерес», опубликованной 5 июля 2020 г.³⁶

За последние 30 лет это самый высокий уровень поддержки курса на независимость. Изменения весьма резкие, если не сказать, пугающие. Напугать они могут не только наблюдателей и пекинское руководство, но и миролюбиво настроенных островитян. Ведь положение статус-кво объединяло подавляющее большинство жителей Тайваня, как правило, менее 10% избирателей проявляли «радикальные настроения», т.е. выступали за немедленную независимость или немедленное объединение. 80% же вполне устраивало состояние, при котором решение вопроса откладывалось на неопределенный срок.

Каковы причины такого внезапного всплеска настроений в пользу независимости? «Всплеск» в социологическом плане подразумевает, что кривая, отражающая настроение тайваньцев, должна раньше или позже пойти вниз. Поэтому одно из объяснений такого резкого изменения в общественных настроениях – пандемия коронавируса, с которой Тайвань справился сравнительно быстро и эффективно, чему в немалой степени способствовал географический фактор – островное положение Тайваня. Логика сторонников такого объяснения такова: респонденты, опрошенные в текущем году, более решительно выступают за фактический суверенитет острова как гарантию того, что тайваньские власти смогут и в дальнейшем эффектив-

³⁵ Russel H. New Polling Data...

³⁶ Holmes J. China and Taiwan Could Be Headed Towards a Showdown. What Should America Do? // The National Interest. 2020. July 5. URL: <https://nationalinterest.org/feature/china-and-taiwancould-be-headed-towards-showdown-whatshould-america-do-164164>

но контролировать границы и противостоять трансграничной инфекции.

Другие аналитики такое объяснение изменений настроения тайваньцев считают недостаточным, при всей важности и очевидности фактора пандемии. Предполагается, что определяющим фактором современного состояния общественного мнения на Тайване являются внешне- и внутривластные демарши Пекина последнего времени (включая участвовавшие маневры авиации и флота вокруг Тайваня и принятие закона о безопасности Гонконга).

В результате радикальные западные и тайваньские эксперты считают смертельной угрозой политическому строю Тайваня отнюдь не пандемию, а действия КНР. К такому выводу их подвигают, разумеется, события в Гонконге, за которыми внимательно следят на Тайване, не без основания полагая, что сегодняшняя участь Гонконга завтра будет уготована Тайваню, если он воспримет концепцию «одна страна, две системы», которая была положена в основу соглашения с Гонконгом при присоединении этой территории к Китаю.

Поэтому зафиксированные в 2020 г. изменения в настроениях тайваньцев вполне могут оказаться не временным всплеском в условиях всемирного форс-мажора, а тектоническим сдвигом, кардинально меняющим ландшафт общественного мнения. Этот вывод можно будет верифицировать, когда пандемия в мире сойдет на нет.

Заключение

Вопреки формальной непризнанности Тайваня как отдельного государства, тайваньцы все в большей степени демонстрируют признаки отдельной нации, имеющей связи различной степени плотности с другими частями общекитайской нации, особенно на континенте (в КНР).

На протяжении последних лет в Китае параллельно развиваются два процесса: тяготение к объединению китайской нации и созданию единого китайского государства, которое является унитарным и с точки зрения политического строя несет все больше авторитарных черт. Таковым государством является нынешняя КНР, не допускающая мыслей о федерации и тем более самоопределении какой-либо из его частей. С другой стороны, процесс обретения национальной идентичности продолжается в некоторых частях территории Китая (Тибет, Синьцзян, Гонконг), где нарастает стремление к автономии

или даже независимости, понимаемое в другом политическом дискурсе как сепаратизм.

Общекитайская идентичность, которую предлагает Пекин как основу для объединения, удовлетворяет все меньшую часть населения острова и ее сохранение представляется там маловероятным. Более вероятно длительное сохранение смешанной идентичности («я признаю себя одновременно тайваньцем и китайцем»).

Можно ли заключить, как это делают некоторые эксперты на основании последних опросов, что тайваньцы «понимают независимость как панацею не только от заразных болезней, но и от возможной агрессии КНР?»³⁷. Думается, что нет. Скорее всего, сторонники независимости в большинстве своем просто не считают угрозу большой китайско-тайваньской войны реальной, а политическая элита продолжает рассчитывать на «американский зонтик». В любом случае следует согласиться с тем, что тайваньский национализм все еще находится в процессе становления, а представление об идентичности тайваньской нации еще не вошло в сознание всех тайваньцев³⁸.

---

³⁷ Green M., Medeiros E. Is Taiwan the Next Hong Kong? China Tests the Limits of Impunity // Foreign Affairs. 2020. August 7. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/east-asia/2020-07-08/taiwan-next-hong-kong>

³⁸ Москалев А.А. Нация и национализм в Китае...

Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики

Опубликовано в журн.: Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 71–89

Время критики

Второй срок пребывания во главе КНР руководителя партии и государства Си Цзиньпина начался с укрепления его позиций и утверждения его политических идей и инициатив, которые состоявшийся в октябре 2017 г. XIX съезд КПК включил в устав партии в качестве одной из основ ее идеологии и фундаментального курса страны на долгие годы. Тем самым роль Си Цзиньпина довели до уровня Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и даже марксизма-ленинизма в целом. Уставом закрепили и выдвинутые лидером еще в 2013 г. инициативу «Один пояс и один путь» и поддержанную им концепцию «китайской мечты». Поправки в конституцию, внесенные на сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) в марте 2018 г., сняли ограничение на пребывание высшего руководителя страны – Председателя КНР – в должности двумя пятилетними сроками, т.е. создали возможность Си находиться у власти в течение неопределенно длительного времени.

Несколько месяцев после этого китайское общество казалось монолитным, все говорили о том, что лидер твердо держит бразды правления, а курс его верен и ведет Китай к исполнению мечты – достижению уровня средней зажиточности и превращению в одну из ведущих держав мира. Развязанная Д. Трампом торговая война с Китаем, однако, коренным образом изменила ситуацию. Оказалось, что общество в Китае не столь едино, появились сомнения в правильности некоторых аспектов курса властей, в их способности верно прогнозировать ситуацию в мире. Конечно, в китайских условиях достоверные следы критики найти нелегко, но о ней можно судить по косвенным свидетельствам. О появлении критики китайские экс-

перты (часто, но не всегда на условии анонимности) стали говорить в интервью и выступлениях за рубежом, в частных доверительных беседах и постах в социальных сетях, обсуждение выплеснулось и на страницы официальной печати.

Замечания высказываются по нескольким основным направлениям. Во-первых, выражается недоумение тем, что китайские власти и правительственные эксперты не смогли предсказать принципиально новой жесткой линии Д. Трампа, а рассчитывали на то, что США, как и раньше, пойдут на уступки и взаимные договоренности. Во-вторых, задается вопрос, не спровоцировала ли жесткую политику новой американской администрации китайская пропаганда, настаивавшая на том, что Китай становится (или уже стал) крупной державой и может бросить вызов доминированию США. В этом контексте обсуждается своевременность выдвижения и агрессивная пропаганда инициативы «Один пояс, один путь» и сформулированной в 2015 г. стратегии «Сделано в Китае. 2025», предусматривающей превращение Китая в мирового лидера в области промышленности и современных технологий. В-третьих, ставится под сомнение целесообразность отхода от принципа Дэн Сяопина «скрывать возможности и держаться в тени» (韬光养晦), выражавшего рекомендацию китайским лидерам не обострять отношения с внешним миром, держать себя скромно и использовать эту тактику для накопления сил.

При этом практически никто в Китае не подвергает критике стратегию руководства страны – превращения ее в одну из ведущих держав мира, – критикуется лишь тактика. Ставится вопрос о том, не слишком ли рано и очевидно вышли из тени, потеряв преимущество имиджа бедной развивающейся страны, достойной не жесткого сдерживания, а экономической помощи и поддержки. Не стали ли громко объявленные и разрекламированные инициативы фальстартом, не ведущим к победе, а лишь раздражающим судьей и болельщиков?

Свидетельств этих настроений немало, но так как руководство страны критиковать в Китае не принято, под удар попали советники или те, кого считали таковыми. Против одного из них, Ху Аньгана, идеолога китайского триумфализма, директора Института китайской национальной специфики влиятельного пекинского Университета Цинхуа (который окончил и Си Цзиньпин), выступило более тысячи выпускников. Они подписали петицию ректору университета с требованием уволить Ху Аньгана за то, что «состряпанный им так называе-

мый научный доклад “Китай по общей национальной мощи превзошел США”, можно сказать, наверху приводит к выработке ошибочной стратегии, внизу – смущает простой народ, вдали вызывает настороженность других государств, а вблизи возбуждает опасения соседей. Это можно считать нанесением вреда государству и народу!»¹.

Чтобы понять направление мысли Ху Аньгана, достаточно прочитать строки из изданной в 2011 г. в США его книги «Китай в 2020. Новый тип сверхдержавы»: «Быстрый рост Китая изменил не только модель мировой власти, но и китайскую роль в международной системе. Это открыло для Китая беспрецедентную историческую возможность активно участвовать в экономической глобализации, экономической интеграции, либерализации торговли и инвестиций и предоставило лидерство в этих областях, позволило Китаю еще более расширить пространство своего развития и доступ к важным международным ресурсам. Китай может содействовать реформе систем глобального управления, разрушить монополию США и обеспечить себе большее влияние в мире. Это также может послужить разрушению долгосрочной монополии западной культуры и перенести на мировую сцену более диверсифицированные культуры и ценности»².

В 2015 г. Ху Аньган пришел к выводу, что Китай уже в 2013 г. по совокупной мощи превзошел США, и с тех пор распространял эту идею в статьях и выступлениях. При прошлом лидере Ху Цзиньтао о нем говорили как о советнике китайского премьера Чжу Жунцзи, а затем как о человеке, близком к отделу пропаганды ЦК КПК. Считается, что его идеи были популярны и у высшего руководства страны. Критиковали и любимое детище Си Цзиньпина – инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП). Так, в апреле 2018 г. ведущая англоязычная газета Гонконга “South China Morning Post”, контролируемая китайским гигантом интернет-торговли Alibaba Group, опубликовала статью, в которой многие китайские банкиры выражали сомнения в эффективности ОПОП в связи с тем, что финансирование этих программ недостаточно, а страны-участницы часто экономически несостоятельны и не могут выплачивать огромные долги по

---

¹ 李强 [Ли Цян]. 清华校友：呼吁校长解聘胡鞍钢 维护学术声誉 [Выпускники Цинхуа призвали ректора уволить Ху Аньгана для защиты научной репутации] // China Digital Times. 02.08.2018. URL: <https://chinadigitaltimes.net/chinese/2018/08/校友呼吁清华解聘胡鞍钢-维护学术清白高校应发声/>

² Hu Angang. China in 2020: A New Type of Superpower. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2011. P. 161.

китайским кредитам³. Летом 2018 г. директор Центра идей Си Цзиньпина Народного университета в Пекине Ван Ивэй говорил в интервью: «Торговая война сделала Китай более скромным. Мы должны быть менее заметными». В связи с этим он высказал мнение, что Китай должен заново обдумать, как претворять в жизнь инициативу «Один пояс, один путь»⁴.

Триумфализм и реальность

Споры в китайском обществе о «выходе из тени» велись и раньше. Триумфалистские настроения распространялись в некоторых слоях китайского общества, а также среди пользователей интернета еще до прихода к власти Си Цзиньпина, со второй половины первого десятилетия XXI в. Тогда в Китае издавали статьи и книги, призывавшие к более активной внешней политике. Их авторами обычно были журналисты, близкие к силовым структурам, и военные аналитики. Они писали, что Пекин должен жестко, в том числе с использованием армии и флота, обеспечивать свои экономические интересы по всему миру и даже контролировать мировые ресурсы и их распределение. Так, в книге «Китай недоволен», ставшей бестселлером, утверждалось, что китайцы якобы лучше всех в мире распоряжаются природными ресурсами, которых стране не хватает, поэтому в будущем Пекин должен взять их под контроль, чтобы управлять ими на благо человечества. Армия, по мнению авторов, должна активно поддерживать борьбу Китая за ресурсы за его пределами⁵. Ранее один из авторов – Ван Сяодун писал, что главная проблема Китая – нехватка «жизненного пространства»⁶. Сходные мысли содержались в ряде книг и статей других военных аналитиков.

³ He Huifeng. Is China's Belt and Road Infrastructure Development Plan About to Run Out of Money? // South China Morning Post. 2018. April 16. URL: <https://www.scmp.com/news/china/economy/article/2141739/chinas-belt-and-road-infrastructure-development-plan-about-run>

⁴ См.: Martin P., Crawford A. Is Xi Jinping's Bold China Power Grab Starting to Backfire? // Bloomberg Businessweek. 2018. April 14. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-08-07/is-xi-jinping-s-bold-china-power-grab-starting-to-backfire>

⁵ 宋晓军, 王小东, 黄纪苏, 宋强, 刘仰 [Сун Сяоцзюнь, Ван Сяодун, Хуан Цзисе, Сун Цян и Лю Ян]. 中国不高兴: 大时代、大目标及我们的内忧外患 [Китай недоволен. Великая эпоха, великие цели и наши внутренние и внешние трудности]. 南京, 江苏人民出版社, 2009 年. 第 80-81, 98-99, 106-108 页.

⁶ 王小东 [Ван Сяодун]. 当代中国民族主义论 [Теория современного китайского национализма] // 战略与管理. 2000 年. 第 5 期. 第 69-82 页.

Так, в приобретшей большую популярность книге «Китайская мечта» профессор Университета обороны старший полковник Лю Минфу утверждал, что в XXI в. Китай должен стремиться стать первой по мощи державой мира, чтобы не обречь себя на судьбу «третьеразрядной военной страны»⁷. Он призывал: «Превратите несколько мешков с деньгами в патронташи»⁸.

В книге «Дугообразное окружение: как Китаю прорвать окружение в условиях внутренних трудностей и внешнего давления» полковник ВВС Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и военный журналист Дай Сюй приводит те же аргументы: при координации со стороны Вашингтона территория Китая опоясывается военным полукольцом соседей, среди которых Япония, Вьетнам, Индия и сами США в Афганистане. Один из возможных путей противодействия «окружению» – создавать по примеру США военные базы за рубежом⁹. Рекомендации строить инфраструктуру НОАК за пределами КНР широко распространились среди военных аналитиков. Например, в ноябре 2009 г. директор Института стратегии Университета обороны контр-адмирал Ян И заявил: «Мы должны уверенно и открыто сказать Соединенным Штатам и другим государствам, что Китаю необходимо усилить военную мощь за рубежом... в национальных интересах»¹⁰.

В начале 2010 г. острую реакцию за рубежом вызвало размещенное на официальном интернет-сайте министерства обороны интервью отставного адмирала Инь Чжо, в котором он предложил создать военно-морскую базу в Аденском заливе для обеспечения операций китайского флота по борьбе с морскими пиратами. Не отвергая прямо линию политического руководства, авторы этого направления фактически создавали новую идеологию внешней и оборонной политики, противоречащую разработанному под руководством Дэн

---

⁷ 刘明福 [Лю Минфу]. 后美国时代的大国思维: 中国梦 [Великодержавное мышление постамериканского мира: китайская мечта]. 北京, 中国友谊出版, 2010 年.

⁸ Цит. по: Buckley C. China PLA Officer Urges Challenging U.S. Dominance // Reuters. 2010. March 1. URL: <http://www.reuters.com/article/idUSTRE6200P620100301>

⁹ 戴旭 [Дай Сюй]. С型包围--内忧外患下的中国突围 [Дугообразное окружение: как Китаю прорвать окружение в условиях внутренних трудностей и внешнего давления]. 上海, 文汇出版社, 2010, 第 3-4 页.

¹⁰ South China Morning Post. 2009. November 28. Цит. по: Karotkin J. PLAN Shapes International Perception of Evolving Capabilities Publication // China Brief. Vol. 10. No. 3. P. 5.

Сяопина в конце 1970-х годов курсу, лозунгом которого была «скромность». «Не нужно хвалиться; чем больше мы развиваемся, тем скромнее надо быть», – призывал китайский лидер в 1989 г.¹¹

«Ястребиной» тенденции противостояли китайские «голуби», поддерживавшие более осторожный официальный курс министерства иностранных дел. Споры между ними велись и на страницах печати, поначалу зарубежной. Осенью 2010 г. известный американец, профессор Университета Цинхуа Чу Шилун в интервью *The Wall Street Journal* заявил: «Китайские военные слишком влиятельны в области принятия решений». Он посетовал на то, что в Центральном военном совете только одно гражданское лицо – генеральный секретарь ЦК Ху Цзиньтао, который «слишком занят и не может заниматься военными, и в результате военные принимают решения без участия гражданских лидеров»¹². Намек на то, что армия недостаточно контролируется партийной властью и имеет собственную повестку дня, – необычное и резкое обвинение в китайском контексте, где со времен создания КНР армия считалась орудием партии.

В интервью японской газете «Асахи» директор Института международных отношений Пекинского университета Ван Цзисы отметил, что политика властей в Китае идет вразрез с общественным мнением. С одной стороны, «руководство в Китае проявляет большую предусмотрительность и трезвость», заявляя, что Китай все еще является развивающейся страной, которой пока далеко до американской мощи и даже до второй позиции в мире, что Пекин не принял концепцию G-2¹³ и не собирается вступать в глобальную конфронтацию с Вашингтоном. С другой стороны, говорил Ван, согласно одному из популярных в Китае взглядов, «Китай уже превзошел Японию как державу номер два и не должен бояться бросать вызов Америке. Согласно этому взгляду, Китай должен вести себя в мире в большой степени как США: быть готовым использовать военную силу или экономическое оружие, чтобы принуждать другие страны принимать законные требования Китая. Его сторонники утверждают, что

---

¹¹ 邓小平 [Дэн Сяопин]. 邓小平文选. 第三卷 [Избранные сочинения Дэн Сяопина. Т. 3]. 北京, 人民出版社, 1993. 第 320 页.

¹² Page J. China's Army Extends Sway // *The Wall Street Journal*. 2010. October 4. URL: <http://www.wsj.com/articles/SB10001424052748703466104575529810234851000>

¹³ См.: Brzezinski Z. The Group of Two that Could Change the World // *The Financial Times*. 2009. January 13. URL: <https://www.ft.com/content/d99369b8-e178-11dd-afa0-0000779fd2ac>

в настоящее время Пекин проявляет „излишнюю мягкость“ в своих отношениях с США, Японией или Филиппинами. Они испытывают ностальгические чувства по эпохе Мао, когда Китай, по их мнению, был более дерзким по отношению к внешнему миру»¹⁴.

Весной 2016 г. разногласия между двумя группами вышли в публичную сферу, что не характерно для китайской политической культуры. Предал их гласности китайский теоретик и практик внешней политики, бывший посол во Франции и ректор Дипломатического института при МИД У Цзяньминь. Выступая в институте, которым он ранее руководил, он подверг критике главного редактора «Хуаньцю шибао» (*Global Times*), бывшего военного корреспондента в Югославии Ху Сицзиня. Эта газета, издаваемая принадлежащей ЦК КПК группой «Жэньминь жибао», известна призывами к активной внешней политике в русле упомянутой «ястребиной» тенденции.

У Цзяньминь обвинил Ху Сицзиня в публикации слишком резких статей и неспособности увидеть общемировые тенденции¹⁵. Бывший дипломат утверждал, что сущность новой эпохи составляет общая тенденция к миру, и выразил сожаление, что многие в Китае из-за инерции мышления еще говорят о войнах и революциях, задаваясь вопросом: «Если невозможно победить Америку, то, может, хотя бы ударить по Филиппинам?» Ссылаясь на опыт зарубежных поездок Дэн Сяопина, которые, по его мнению, сыграли заметную роль в формулировании политики реформ и открытости внешнему миру, он призвал сохранить этот курс. У Цзяньминь фактически подверг критике позицию китайских военных аналитиков: «Военные часто подозревают дипломатию в мягкости. Когда ранее я выступал во французском университете обороны, они тоже задавали мне вопросы о дипломатии. Я сказал: в последние 30 лет Китай не отходил от верного курса ЦК, разве это не заслуга китайской дипломатии? Мягкость и жесткость – это средства, но какое из них сложнее? Мягкость труднее. Жесткость – это ты меня бьешь рукой, а я тебя ногой. Даже трехлетний ребенок способен на такое, здесь нет ничего трудного. Урезонивать, вести переговоры, использовать мягкую си-

---

¹⁴ Kato Y. Interview with Wang Jisi: China Deserves More Respect as a First-Class Power // The Asahi Shimbun. 2012. October 5. URL: <https://web.archive.org/web/20131018040918/http://ajw.asahi.com/article/views/opinion/AJ201210050003>

¹⁵ 中國外交部前發言人吳建民與《環球時報》主編胡錫進爆口水戰 [Бывший официальный представитель МИД Китая У Цзяньминь и главный редактор «Хуаньцю шибао» Ху Сицзинь вступили в словесную перепалку] // 博聞社 [Bowen Press]. 30.03.2016. URL: http://bowenpress.com/news/bowen_80971.html

лу, вот это трудно – прежде всего ты должен понравиться другому. Если другой не принимает то, что ты говоришь, разве в этом мягкая сила?»¹⁶.

Отвергая обвинения МИДа в мягкости, У Цзяньминь пояснил, что внешнеполитический курс страны вырабатывает не МИД, а ЦК партии, а МИД лишь проводит его в жизнь. Ссылка на ЦК звучала довольно иронично, так как «Хуаньцю шибао» фактически издается ЦК. Трудно представить, чтобы такая газета не контролировалась властями; скорее можно предположить, что в самих властных структурах существуют различные мнения и какая-то группа поддерживает «ястребов», что позволяет их взглядам существовать в условиях жесткой китайской цензуры. Ху Сицзинь написал ответ в микроблоге, изобразив оппонента представителем старого стиля мышления, согласно которому СМИ должны только рапортовать о дипломатических достижениях, ничего не комментируя и не критикуя. Он даже апеллировал к демократии, утверждая, что недемократично требовать не публиковать комментарии, противоречащие позиции МИДа. Он подчеркивал, что в любой стране СМИ якобы занимают более «ястребину» позицию, чем официальная дипломатия¹⁷.

Дискуссия обсуждалась в китайском интернете, причем мнения комментаторов также резко разделились. Но еще более важно то, что позиция «ястребов» стала влиять на внешнюю политику. Экономические успехи привели к популярности взглядов «ястребов» среди интеллектуальной элиты и значительной части населения. Об этом говорят публикации и посты в соцсетях, призывающие к войне или жестким действиям в отношении тех или иных стран. Власти вяло сопротивлялись общественному давлению, но все же отчасти скорректировали прежнюю линию.

В научных кругах началось обсуждение лозунга «скрывать возможности и держаться в тени». Высказывалось мнение, что, сыграв свою роль на определенном историческом этапе, он устарел и в новых условиях, когда Китай стал сильнее, надо вырабатывать принципы более активной внешней политики¹⁸. «Коренные интересы», за которые надлежит бороться всеми имеющимися средствами, включая военные, в официальных документах стали трактоваться расширительно. Если при Дэн Сяопине к ним относили только проблемы,

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Денисов И.Е. Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине // *Международная жизнь*. 2015. № 5. С. 40–55.

обусловленные распространением китайского суверенитета на Тайвань, Гонконг и Макао, то сегодня в них включают также и претензии на распространение суверенитета КНР на спорные территории с Японией, Индией, в Южно-Китайском море, проблемы Тибета и Синьцзяна, а иногда даже и стремление Китая занять достойное место в мире в целом. Еще важнее то, что многие предложения «ястребов» реализовались. В 2017 г. Китай открыл первую военно-морскую базу за рубежом – в Джибути, хотя официально называет ее не базой, а «пунктом материально-технического обеспечения ВМС», чтобы не подрывать многолетний идеологический постулат, согласно которому зарубежные военные базы создают только империалисты и гегемонисты.

Пекин стал активно применять экономические санкции, также избегая их так называть, поскольку это не пристало социалистической стране. Еще в 2009 г., когда австралийский алюминиевый концерн *Rio Tinto* отказался от договоренности продать дополнительную долю своих акций государственной Китайской алюминиевой корпорации (*Chinalco*), в Шанхае арестовали четырех сотрудников представительства *Rio Tinto*, которым вменили в вину промышленный шпионаж. Позже обвинения с них сняли, но осудили за взятки. Этот первый громкий случай давления на иностранные компании – формально не экономические санкции, но совпадение все же довольно красноречивое.

В 2016 г. Пекин ввел дополнительные пошлины на монгольские товары в связи с визитом в Монголию далай-ламы, и глава МИД страны Мунх-Оргил Цэндийн был вынужден выразить «сожаление» по поводу этого визита и заявить, что подобное больше не повторится¹⁹. В 2017 г. введены санкции против южнокорейского конгломерата *Lotte*, освободившего часть принадлежащей ему земли для размещения американского комплекса ТНААД (противоракетного комплекса подвижного наземного базирования для высотного заатмосферного перехвата ракет средней дальности). К тому же Пекин отменил концерты южнокорейских звезд, сократил поток туристов в Южную Корею и ужесточил таможенные ограничения, которые принесли ощутимые потери южнокорейским торговым компаниям.

Более жесткий курс в территориальных спорах с соседями привел к новым виткам противостояния с Японией в 2012 г., Индией и Бу-

---

¹⁹ Монголия пообещала больше не приглашать далай-ламу // Lenta.ru. 22.12.2016. URL: https://lenta.ru/news/2016/12/22/dalai_lama_no_welcomed/

таном в 2017 г., Филиппинами и Вьетнамом вокруг островов в Южно-Китайском море, где Поднебесная ведет строительство военных сооружений.

Официальная риторика и ее критики

Риторика Пекина особо не меняется, она становится даже миролюбивее по сравнению с прошлыми периодами. Как отмечают российские ученые, если «при прошлых руководителях достаточно жесткая риторика компенсировала слабость политики и стремление „оставаться в тени“ в глобальных делах, то сейчас, скорее, происходит обратное – риторика призвана сгладить опасения, существующие в разных странах мира в связи с повышением роли Китая в международных делах»²⁰.

Все китайские концепции взаимодействия с другими странами в той или иной степени вызваны стремлением успокоить мир при усилении Китая. Такова роль выдвинутой в 2003 г. при Ху Цзиньтао теории «мирного подъема», позднее – из-за опасений соседей относительно целей «подъема» – измененной на «совместное построение гармоничного мира». Подобные цели преследовали и выдвинутые Си Цзиньпином инициативы: «Один пояс, один путь», концепции «китайской мечты о великом возрождении китайской нации» и «сообщество единой судьбы человечества». Все они говорят о том, что Китай может занять достойное место в мире только в сотрудничестве с другими государствами, в условиях мирного окружения²¹. Китайский лидер многократно заявлял, что строительство «Одного пояса, одного пути» будет проводиться в интересах не только Китая, но и государств-партнеров, с учетом их интересов, на основе принципа взаимного выигрыша. В то же время при нынешнем лидере даже в официальном дискурсе подчеркивается стремление Китая стать сильным государством, способным влиять на международные процессы, участвовать в принятии решений по мировым проблемам, или, как говорил Си Цзиньпин, вступить в эпоху «по-

---

²⁰ Денисов И.Е., Адамова Д.Л. Формулы внешней политики Си Цзиньпина. Основные особенности и проблемы интерпретации // Китай в мировой и региональной политике. История и современность / Под. ред. Е.И. Сафроновой. Вып. XXII. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 84.

²¹ XIX Всекитайский съезд КПК. Полный текст доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК // Xinhuanet.com. 03.11.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm

степенного приближения Китая к центру международной арены и непрерывного внесения Китаем еще большего вклада в развитие человечества»²².

Китайский лидер изложил на XIX съезде КПК тезис, согласно которому Китай долгие тысячелетия был ведущей державой мира, но со времен опиумных войн «переживал мрачные времена, а китайский народ жил в муках из-за нескончаемых военных смут, раздробленности страны и невыносимости бедствий»²³. По его словам, задача нынешнего этапа – занять достойное великой страны место, которое исторически всегда ей принадлежало. Для этого необходимо быть сильным не только экономически, но и в военном отношении, обладать крепкой социально-политической системой, основанной на руководящей роли КПК, и формулировать новые подходы, благоприятно влияющие на мировое развитие²⁴.

Нынешние критики внутри Китая утверждают, что подобная риторика не вполне убеждает внешний мир. Возникают два противоречия. Во-первых, между «миролюбивой» и «силовой» составляющими самой риторики. С одной стороны – сотрудничество и взаимная выгода, с другой – упор на военное строительство, перенос технологий в Китай, создание собственных брендов, и в целом – подчеркивание уникальности собственной роли и места в мире, которые нужно сделать еще значительнее. Во-вторых, отмеченное выше противоречие между риторикой и реальной политикой.

Яркий и комплексный пример такой критики – эссе профессора юридического факультета Университета Цинхуа Сюй Чжанжуня «Наши нынешние опасения и надежды», опубликованное 24 июля 2018 г. на сайте Института экономики Тяньцзэ²⁵, независимого исследовательского центра, который работает с 1993 г. в Пекине и выступает за экономический либерализм и конституционную демократию²⁶. Эссе делится на три части. В первой формулируются четыре принципа политики периода, последовавшего после «культурной революции», от которых, как считает автор, отошло новое руководство страны. Во второй автор отмечает «восемь опасений», которые

---

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵许章润 [Сюй Чжанжунь]. 我们当下的恐惧与期待 [Наши нынешние опасения и надежды] // 天则观点, 天则京你研究所 [Unirule Institute of Economics]. 24.07.2018. URL: <http://unirule.cloud/index.php?c=article&id=4625>

²⁶ Там же.

вызывает у него этот отход. В третьей он выделяет «восемь надежд», с которыми связывает будущее Китая.

Суть эссе, состоящую именно в критике отхода от принципов политики Дэн Сяопина, Сюй Чжанжунь излагает уже во введении: «В настоящее время вся нация, в том числе и бюрократическая группировка, вновь находится в замешательстве и испытывает огромную тревогу относительно направления развития страны и личного и семейного благополучия, что уже привело к некоторой панике общенационального масштаба. Причина в том, что государственное строительство последних лет вышло за пределы принципов, которые я формулирую ниже, а фактически было основано на сознательном отказе от них и движении в противоположном направлении. А между тем именно эти принципы стали основой восстановления легитимности правящей партии после „культурной революции“ и высшей легитимации ее курса в течение тридцати лет политики „реформ и открытости“. Они также создали условия для мирного сосуществования всех граждан, установления нижней границы социально-политического консенсуса. Колебать и расшатывать их ни в коем случае нельзя»²⁷. К принципам, выработанным прежними лидерами, но нарушаемым нынешним руководством, Сюй Чжанжунь относит поддержание базового уровня безопасности и ясное видение перспектив; ограниченный уровень уважения частной собственности, допущение стремления к повышению благосостояния и некоторого уровня гражданских свобод; ограничение срока занятия политических должностей.

По поводу нарушения этих принципов автор высказывает «восемь опасений» – несоблюдения прав собственности; возвращения к лозунгу «политика – командная сила», к классово-борьбе и политике «закрытых дверей»; оказания чрезмерной внешней помощи, из-за чего придется ту же затянуть пояса дома; поворота к левой политике в отношении интеллигенции и идеологическому перевоспитанию; перспективы ввязаться в тяжелейшую борьбу и гонку вооружений, развязать войну или холодную войну; сворачивания политики реформ и открытости и возврата к тоталитаризму²⁸.

Далее Сюй Чжанжунь формулирует «восемь надежд», т.е. рекомендаций об изменении курса – прежде всего о необходимости закончить с закачиванием денег в иностранную помощь и с внешнепо-

---

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

литическим расточительством. При этом нынешний внешнеполитический курс он называет «политикой славы», которой противопоставляет «политику эффективности». Он также говорит о необходимости отменить привилегии высших партийных кадров при выходе на пенсию, отменить систему спецраспределения; принять прозрачные законы о собственности госслужащих; немедленно прекратить культ личности, восстановить ограничение на срок занятия должности председателя КНР, реабилитировать события 4 июля (антиправительственные выступления 1989 г.)²⁹. С резкой критикой любимого детища официальных пекинских идеологов – теории «китайской модели развития» – выступил известный экономист-рыночник, профессор Пекинского университета Чжан Вэйин. В октябре 2018 г. он заявил, что причина успешного сорокалетнего развития Китая – не особая китайская модель, а «переход к рынку, дух предпринимательства и накопленные за 300 лет западные технологии». Постановка же в основу развития базирующейся на госкапитализме особой «китайской модели» ведет к внутреннему застою и конфронтации с Западом. «Недружественная международная среда, с которой мы сегодня сталкиваемся, имеет определенное отношение к ошибочным трактовкам успехов Китая за последние 40 лет некоторыми экономистами (как китайскими, так и иностранными)», – заявил он³⁰.

Показателем того, что подобные настроения дошли до высокого уровня в китайском руководстве, служит информация о выступлении в защиту курса Дэн Сяопина его сына Дэн Пуфана, долгие годы возглавлявшего Китайскую федерацию инвалидов. В речи на съезде федерации, текст которой попал к гонконгским журналистам, переизбранный почетным председателем Дэн Пуфан якобы говорил: «Мы должны исходить из реальности, сохранять трезвость ума и знать свое место». Он также выступил с осуждением «культурной революции», многие лозунги которой стали популярны в последнее время. О роли съезда федерации инвалидов говорит тот факт, что на его открытии присутствовали все члены Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Однако Дэн выступал в другой день, и его речь,

---

²⁹ Там же.

³⁰ 张维迎: “中国模式论”是中美关系紧张的重要根源 [Чжан Вэйин. «Китайская модель» – важнейший источник напряженности в китайско-американских отношениях] // 中国禁闻网. 24.10.2018. URL: <https://www.bannedbook.org/bnews/baitai/20181024/1019494.html>

в отличие от речи на предыдущем съезде, не была опубликована на сайте федерации³¹. В ноябре 2018 г. с критикой официальной реакции на торговую войну, развязанную США, выступил авторитетный экономист, бывший заместитель министра коммерции и глава делегации на переговорах о вступлении в ВТО Лун Юнту. Критикуя решение китайских властей отказаться покупать американские сельскохозяйственные товары (в частности, сою) в ответ на введение Вашингтоном новых торговых тарифов на китайский импорт, Лун Юнту призвал не жертвовать экономическими интересами ради политических. Ссылаясь на свой опыт переговоров и поведение США на них, он предупредил: «Если у нас все время будут говорить о включении политики в переговоры, мы никогда не достигнем соглашения»³².

Обоснованность обвинений

Насколько обоснованна подобная критика властей и как можно оценить предлагаемые изменения? Вопросы эти непросты. Прежде всего, создается общее впечатление, что в Китае много недовольных политикой властей. Среди них – традиционно прозападные интеллектуалы и, вероятно, бизнесмены, связанные экономическими интересами с США и Европой. Недовольство вызывает и антикоррупционная кампания властей, в результате которой заключены под стражу десятки, если не сотни тысяч чиновников разного уровня, в том числе и несколько высших руководителей. Естественно, у многих это вызывает желание вернуться к старым порядкам, причем для критики используются лозунги о том, что государство, борясь с коррупционерами, якобы подрывает интересы инвесторов и частных собственников. Подобные обвинения вряд ли обоснованы. Массовой кампании по изъятию собственности в Китае не наблюдается.

---

³¹ Jun Mai. Deng Xiaoping's Son Urges China To 'Know Its Place' and Not Be 'Overbearing' // South China Morning Post. 2018. October 30. URL: https://www.scmp.com/news/china/politics/article/2170762/deng-xiaopings-son-uses-unpublicised-speech-urge-china-know-its?utm_medium=Social&utm_source=Facebook&fbclid=IwAR0YzFdC4tpq7PDFlv69x4_G61hLMjjua2aljeNpE4TQvquovG5gSQ3B-g#Echobox=1540883946

³² Tang F. China F. Former Chief Trade Negotiator Criticises Beijing's 'Unwise' Tactics in US Tariff War // South China Morning Post. 2018. November 18. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/2173779/chinas-former-chief-trade-negotiator-criticises-beijings>

Однако часть проблем, на которые указывают Сюй Чжанжунь и другие, совпадает с теми, которые отмечают и иностранные наблюдатели.

Сообщения мировой печати о реализации инициативы «Один пояс, один путь» порой поражают тенденциозностью³³. Часто они вызваны недовольством стран Запада тем, что «авторитарный» Китай теснит их на африканских и латиноамериканских рынках. Но китайские инициативы критикуют и в государствах-партнерах «Одного пояса, одного пути», причем во многих из них – Малайзии, Шри-Ланке, Мальдивах, Фиджи и др., – «китайский вопрос» стал предметом внутривластной борьбы.

Так, в Шри-Ланке в ходе президентской кампании 2015 г. оппозиция тесно связала рутинные обвинения правящих кругов в коррупции с китайскими инвестиционными проектами и кредитами³⁴. В результате президент М. Раджапакса потерпел сенсационное поражение, а к власти пришел лидер оппозиции М. Сирисена, резко критиковавший зависимость правительства от китайских денег, связывая ее с коррупцией и поворотом к авторитаризму, а также обещая пересмотреть ряд проектов. Однако в конце 2017 г. он все же передал новый порт в аренду китайским компаниям на 99 лет фактически в счет списания долга по кредитам, и это несмотря на серьезные беспорядки во время торжественного открытия промышленной зоны порта в январе 2017 г.³⁵.

---

³³ Zhou L. Is China Undermining its Neighbours' Trust by Buying Political Influence with Foreign Aid? // South China Morning Post. 2018. June 27. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2152639/china-undermining-its-neighbours-trust-buying-political>; China's President Xi Takes a Lower Profile as Criticism Mounts Over Trade War with the US Just Months After Clearing His Way to Rule for as Long as He Wants // Mail Online. 2018. August 13. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6053745/Chinas-Xi-beset-economic-political-challenges.html>

³⁴ Darren J.L., Mukherjee R. Does Debt Pay? China and the Politics of Investment in Sri Lanka // The Diplomat. 2018. January 20. URL: <https://thediplomat.com/2018/01/does-debt-pay-china-and-the-politics-of-investment-in-sri-lanka/>. С 2005 по 2017 г. Шри-Ланка получила китайских кредитов на сумму около 15 млн долл. США, в основном для проектов, осуществляемых китайскими компаниями: строительство электростанции, аэропорта, реконструкция порта в Коломбо и создание нового порта в г. Хамбантота.

³⁵ Sri Lankans Protest Against Chinese Investment // The Economist. 2017. January 12. URL: <https://www.economist.com/asia/2017/01/12/sri-lankans-protest-against-chinese-investment>

В Малайзии вновь пришедший к власти во главе коалиции в мае 2018 г. Махатхир Мохамад также в ходе избирательной кампании обещал пересмотреть китайские инвестиционные проекты, а его сторонники критиковали поощрение этих проектов правительством правившей Объединенной малайской национальной организации, которая в результате потерпела поражение³⁶. Одним из объектов критики были планы компании «Бигуйюань» (*Country Garden Holdings Co. Ltd.*) вложить 100 млрд долл. в строительство элитных квартир, а фактически нового города в штате Джохор близ Сингапура. Сообщалось, что две трети покупателей квартир будут китайцами³⁷. «У нас нет достаточно богатых людей, чтобы купить все эти дорогие квартиры, значит, вы ввозите иностранцев. Ни одна страна не хочет притока огромного числа иностранцев», – заявлял Махатхир³⁸. Между тем Китай занимает первое место по инвестициям в Малайзию, а в 2017 г. они составили около 7% всех инвестиций в эту страну³⁹.

На Мальдивах руководство избранного в сентябре 2018 г. президента И. М. Солиха также призвало пересмотреть крупные китайские инвестиционные проекты, соглашения о которых были заключены его предшественником А. Ямином⁴⁰.

Аналогичная ситуация сложилась и в Африке, вышедшей в ведущие торговые партнеры Китая: в Сьерра-Леоне избранный в марте 2018 г. президент Джулиус Маада Био отменил решение своего предшественника о строительстве аэропорта неподалеку от Фритауна, на которое направлялся китайский кредит в 400 млн долл.⁴¹ Там,

---

³⁶ Shukry A., Ho Y. Malaysia's Mahathir Pledges to Review China Investment if Re-Elected // Bloomberg. 2018. August 4. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-04-08/mahathir-pledges-to-review-china-investment-after-malaysia-vote>

³⁷ Malaysian Government Working on Forest City Project Ownership Guide // The Straits Times. 2018. September 2. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/malaysian-government-working-on-forest-city-project-ownership-guide>.

³⁸ Elections: Mahathir Slams Selling the Country to the Beijing // AsiaNews. 2018. September 2. URL: <http://www.asianews.it/news-en/Elections-Mahathir-slams-selling-the-country-to-the-Beijing-43567.html>

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Faced with a Mounting Economic Crisis, the Cash-strapped Maldives Is Looking to Renegotiate Its Piles of Chinese Debt // South China Morning Post. 2018. November 22. URL: https://www.scmp.com/news/asia/south-asia/article/2174413/faced-mounting-economic-crisis-cash-strapped-maldives-looking?fbclid=IwAR1bZIPWgh4pejFQlmaqPEk7gmSgKxMhRGzRmpt15VKvz9G8iTj_p18JGTcs

⁴¹ Mamamah Airport: Sierra Leone Cancels China-Funded Project // BBC News. 2018. October 10. URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-45809810>

где Китай добывает полезные ископаемые⁴², регулярно вспыхивают беспорядки – на Мадагаскаре, в Нигерии, Намибии, Замбии, Чаде и Нигере. Такие же акции отмечены в Латинской Америке – в Перу и Эквадоре.

Классические претензии в адрес Китая – это загрязнение окружающей среды, использование китайскими компаниями в основном китайской рабочей силы, влекущее за собой потерю рабочих мест местными жителями, низкие зарплаты, пренебрежение производственной безопасностью, враждебность китайского бизнеса к местным профсоюзам, его коррупционные связи с властями, хищническое использование ресурсов, кредитное «закабаление» правительств и местного бизнеса и т.п. Подобные претензии адресованы и западным конгломератам и ТНК. Но есть и обвинение, предъявляемое именно китайским проектам: они мало обоснованы экономически, излишне затратны и предназначены больше для того, чтобы пустить пыль в глаза.

Например, по поводу ланкийских проектов высказывались мнения, что построенная на китайские деньги угольная электростанция Норочолай, изображение которой даже поместили на одну из банкнот страны, не раз выходила из строя⁴³, международный аэропорт им. Раджапаксы в Маттале стал самым пустым в мире⁴⁴, а порт в Хамбантоте – коммерческим провалом, так как он практически не принимает судов. Конечно, здесь не все следует принимать за чистую монету – критика иностранных компаний часто вызвана внутренними факторами: стремлением местных политиков и профсоюзных деятелей укрепить власть и популярность, склонностью СМИ к сенсационности и т.п. Не следует забывать и о международной конкуренции. Выходя на зарубежные рынки, китайские компании сталкиваются не только с западными конгломератами, ведущими антикитайскую кампанию в СМИ, но в ряде островных государств и с интересами Индии, которая считает их своей традиционной сферой

⁴² Wegant T., Strüver G., Giesen J., Krauser M. At Africa's Expense? Disaggregating the Social Impact of Chinese Mining Operations // GIGA Research Programme: Growth and Development. 2017. No. 308. P. 6. URL: https://www.giga-hamburg.de/de/system/files/publications/wp308_wegenast-struever-giesen-krauser.pdf

⁴³ Sri Lanka Imposes Daily Power Cuts after Chinese Plant Fails // Reuters. 2018. October 17. URL: <https://in.reuters.com/article/sri-lanka-power/sri-lanka-imposes-daily-power-cuts-after-chinese-plant-fails-idINKBN12H1UD>

⁴⁴ Shepard W. The Story behind the World's Emptiest International Airport // Forbes. 2018. May 28. URL: <https://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2016/05/28/the-story-behind-the-worlds-emptiest-international-airport-sri-lankas-mattala-rajapaksa/#70bb882c7cea>

влияния (Шри-Ланку, Мальдивы, Фиджи, Маврикий и др.). Есть проблемы, связанные с присутствием китайского этнического меньшинства (Малайзия, Сингапур, Индонезия). Тем не менее проблемы китайского выхода на мировую арену в качестве крупного экономического и внешнеполитического игрока, очевидно, существуют. Они вызваны двумя возможными причинами: геополитической борьбой с США и внешнеполитической и внешнеэкономической практикой Пекина.

Геополитика

Геополитическая борьба обострилась с приходом во власть Д. Трампа. Именно его политика и ухудшение двусторонних отношений спровоцировали усиление внутренней дискуссии в Китае, сделав очевидной неподготовленность китайского руководства к такому повороту событий. Вся стратегия нынешнего пекинского руководства была основана на идее, что, несмотря на разговоры и угрозы, США не осмелятся, не смогут или не захотят принять решительные меры по сдерживанию Китая. Расчет был на то, что Китай уже настолько силен, что сможет ответить. Надеялись и на огромную торговую взаимозависимость, в условиях которой от резких мер могут пострадать сами США. Обо всем этом писали и говорили китайские аналитики, но они недооценили решимость Вашингтона – пока не поздно, предотвратить возвышение Китая.

Именно у республиканцев особенно сильно стремление видеть Китай причиной многих американских бед, обвинять в росте дефицита двусторонней торговли, в «несправедливом» занижении курса юаня ради стимулирования экспорта, в нарушении авторских прав и т.п. Это, можно сказать, одна из коренных внешнеполитических идеологем американских консерваторов. Проявлять жесткость к Китаю и помогать Тайваню призывали и Р. Рейган, и Дж. Буш-мл. Но с ростом роли КНР эта идеология «захватила» всю элиту США, ведь не кто иной, как «либерал» Б. Обама, обосновывал необходимость Транстихоокеанского партнерства (TPP) тем, что «Соединенные Штаты, а не такие страны, как Китай», должны писать правила международной торговли⁴⁵. Значит, дело не в Трампе и других личностях.

---

⁴⁵ President Obama: The TPP Would Let America, not China, Lead the Way on Global Trade // The Washington Post. 2016. May 2. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/president-obama-the-tpp-would-let-america-not-china->

Трамп – лишь символ, выражение объективной ситуации: США, привыкшие доминировать в мире и извлекать из этого политические и экономические дивиденды, слабеют, а влияние других центров силы, прежде всего Китая, растет. Продолжая вести себя как гегемон, Вашингтон все больше раздражается по поводу растущего сопротивления и ощущает необходимость действовать против конкурентов «сейчас или никогда», пока еще, как ему кажется, можно остановить собственный отход на второй план. Такова объективная ситуация, поэтому стиль поведения Вашингтона в отношении Пекина после смены лидера может измениться, но суть в обозримой перспективе сохранится. И хотя Трамп пытается сдерживать Китай, действуя в свойственной ему экстравагантной манере, мысль о том, что нужно принимать решительные меры, разделяет большинство американских политиков из разных лагерей.

Поэтому, если и можно в чем-то обвинять китайские власти, китайских экспертов и аналитиков, то это в просчете относительно реальных намерений США и их решимости⁴⁶. В Китае слишком верили в необратимость – как объективных процессов – глобализации и взаимозависимости двух держав. Однако в Вашингтоне отбросили эти идеи и вернулись к давно, казалось бы, забытому протекционизму, лишь только выяснилось, что Китай от них выигрывает и грозит сравняться с США по мощи или даже выйти вперед.

В то же время китайские власти вряд ли можно упрекнуть в провозировании Вашингтона: что бы они ни делали, они все равно «виноваты» в том, что экономика и общая мощь Китая растут. США принимают меры, направленные не на достижение отдельных уступок, а на коренную трансформацию курса Пекина: не только на снижение торговых барьеров, но и смену политики в отношении меньшинств (санкции в связи с ситуацией в Синьцзяне), отказ от закупок вооружений в России (санкции в связи с закупкой российской системы ПВО С-400) и т.п. Фактически от великой страны требуют полностью изменить политику.

Американские официальные лица не скрывают этого. В экономике – настаивают и на сокращении внешнеторгового дефицита, и на уменьшении роли китайских госкомпаний в хозяйстве страны, и на

---

lead-the-way-on-global-trade/2016/05/02/680540e4-0fd0-11e6-93ae-50921721165d_story.html?utm_term=.0788df6ad1fd

⁴⁶ Chinese Leadership Is Facing a Rare Backlash for Its Handling of the US Trade Dispute // CNBC. 2018. August 9. URL: <https://www.cnbc.com/2018/08/09/handling-of-us-trade-dispute-causes-rift-in-chinese-leadership-source.html>

разрешении американским фирмам владеть контрольным пакетом акций китайских компаний и т.п.⁴⁷. В политике – стремятся сдержать рост китайской мощи в целом. В сентябре 2018 г. помощник президента по национальной безопасности Дж. Болтон в интервью телеканалу *Fox News* говорил: «Это не просто экономический вопрос. Мы не говорим только о тарифах или условиях торговли. Это вопрос власти. Воровство интеллектуальной собственности, о котором вы упомянули, оказывает значительное влияние на экономический потенциал и, следовательно, на военный потенциал... Я думаю, что это станет основной темой XXI в.: как Китай и США будут ладить друг с другом»⁴⁸.

В чем причина такой враждебности по отношению к Китаю?

Директор ФБР К. Рэй официально признал Китай угрозой даже большей, чем Россия. Он объяснил, что Россия лишь борется за то, чтобы быть значимой после распада СССР, т.е. ведет «борьбу вчерашнего дня»; Китай же бьется за день завтрашний⁴⁹. То есть, с американской точки зрения, Россия несколько сошла с верного пути движения в сторону подчинения *Pax Americana*, и ее довольно легко можно вновь на него поставить с помощью давления. Китай же обманул Запад – вместо того, чтобы постепенно встать на верный, прозападный путь, используя инструменты помощи, инвестиций, торговли, вступив в различные международные организации и т.п., Пекин использовал все это для собственного укрепления, но несколько не сдвинулся в сторону подчинения. В результате Китай смог сделать то, что ранее не удавалось никому: создал эффективную экономическую систему без заимствования западной политической системы. Это подрывает западную идеологию развития, в частности, так называемую теорию модернизации, согласно которой экономический рост неизбежно приводит к демократизации. А последняя должна вести к прозападной политике, так как – по другой популярной «демократической теории» – демократии не воюют между собой.

---

⁴⁷ Davis B. U.S. Tariffs on China Aren't a Short-Term Strategy // *The Wall Street Journal*. 2018. October 6. URL: <https://www.wsj.com/articles/u-s-tariffs-on-china-arent-a-short-term-strategy-1538841600>

⁴⁸ Friedman U. Trump Calls out Election Meddling by China // *The Atlantic*. 2018. September 26. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/09/trump-security-council/571351/>

⁴⁹ McArdle M. FBI Director: China Is Bigger Counterintelligence Threat Than Russia // *National Review*. 2010. October 10. URL: <https://www.nationalreview.com/news/fbi-director-china-bigger-counterintelligence-threat-than-russia/>

В апреле 2018 г. возглавлявший тогда ЦРУ М. Помпео объяснил, почему Китай представляет угрозу для США, отметив, что он «безусловно, не принял демократию», даже стал более авторитарным и взял на вооружение такое определение мирового экономического порядка, которое по сути означает, что «мы получим все преимущества от глобальной торговли и экономики», «но мы не собираемся соблюдать никаких обязательств, которые они накладывают»⁵⁰ (Помпео имеет в виду собственную, американскую интерпретацию международных обязательств).

Таким образом, если З. Бжезинский своей идеей G-2 хотел уговорить Китай, чтобы он вел себя в мире как привилегированный агент и помощник США, то сегодня, разочаровавшись в этом курсе, США хотят заставить его это сделать. Китай, естественно, на эти требования пойти не может. Следовательно, по чисто геополитическим причинам конфронтация Пекина и Вашингтона была бы неизбежна, даже если бы Си Цзиньпин и не выдвинул амбициозных программ.

Внешнеполитическая и внешнеэкономическая практика Пекина

Конфронтация с США выявила общую проблему китайской внешней политики – у Пекина нет союзников. Формально его единственный союзник – Пхеньян, но и с ним отношения довольно натянуты. Действительно хорошие отношения Китай по геополитическим причинам имеет лишь с небольшим числом стран, например, с Россией и Пакистаном. Развивающиеся экономики ждут от него лишь кредитов и инвестиций. Отношения Пекина со многими соседями испортились из-за жесткого курса, например, в территориальных спорах, проводимого под нажимом внутренних «ястребов». Такова до недавнего времени была ситуация с Японией, Индией, многими странами АСЕАН⁵¹. Из-за визита далай-ламы ухудшились отношения с Монголией, а из-за размещения американских систем ПВО – с Южной Кореей. В ситуации, когда из-за конфронтации

---

⁵⁰ China Poses Strategic Challenge to US: CIA Director Tells Senators // The Economic Times. 2018. April 13. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/china-poses-strategic-challenge-to-us-cia-director-tells-senators/articleshow/63748402.cms>

⁵¹ Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России. М.: Международные отношения, 2015. С. 400–438; Иванов А.В., Лукин А.В. Россия и АТР: перспективы сотрудничества // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 15–23.

с США Пекину нужны сторонники, такой поворот событий вряд ли ему выгоден⁵².

В ряде стран АТР растут опасения относительно истинных намерений Пекина, его обвиняют в широчайшем шпионаже, попытках повлиять на их внутреннюю политику с использованием этнических китайцев. Так, высылка из Сингапура в 2017 г. американского профессора Хуан Цзина, выходца из Китая, по обвинению в том, что он «был агентом влияния иностранного государства»⁵³, дала толчок дискуссии о роли хуацяо в проводимой Китаем политике продвижения своих интересов⁵⁴. В Малайзии, Шри-Ланке, Австралии, Новой Зеландии и других странах региона действующих политиков обвиняли в том, что они работают на Пекин⁵⁵. Конечно, такие обвинения вполне могут быть следствием козней политических конкурентов, но даже так они влияют на общественное мнение, что вредит имиджу Китая. На остроту проблем указывают не только недруги, но и «официальные друзья» Китая. Например, представители стран, правительства которых официально поддержали китайскую инициативу – Камбоджи, Эфиопии, Греции, Венгрии, Казахстана, Кении, Монголии, Пакистана, России и Сербии, на семинаре, проведенном МИД КНР в октябре 2018 г. в Пекине в рамках подготовки ко второму форуму «Один пояс и один путь», отмечали трудности при реализации китайских проектов, которые не всегда приносят реальную пользу большинству населения.

Похоже, что кризис в отношениях с США приводит пекинское руководство к корректировке позиции, и Китай уже сделал несколько жестов для нормализации отношений с Японией, Индией и Южной Кореей. При президенте Р. Дутерте наладились почти дружеские

---

⁵² Laura Zhou. Is China Undermining its Neighbours' Trust by Buying Political Influence with Foreign Aid? // South China Morning Post. 2018. November 11. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2152639/china-undermining-its-neighbours-trust-buying-political>

⁵³ Koon W.K. Opinion: Chinese-American Academic Is Expelled from Singapore for Being 'an Agent' but Espionage Is Nothing New // South China Morning Post. 2017. August 18. URL: <https://www.scmp.com/magazines/post-magazine/article/2107112/opinion-chinese-american-academic-expelled-singapore-being>

⁵⁴ Yong Ch. S'poreans Should Be Aware of China's Influence Ops: Bilahari // The Straits Times. 2018. June 28. URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/sporeans-should-be-aware-of-chinas-influence-ops-bilahari>

⁵⁵ Doshi R., Williams R.D. Is China Interfering in American Politics? // Brookings. 2018. October 2. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/10/02/is-china-interfering-in-american-politics/>

связи с Филиппинами. После введения США в сентябре 2018 г. санкций против Китая за покупку российской системы ПВО С-400 Пекин заявил о необходимости поднимать стратегическое взаимодействие между Россией и Китаем «на новый уровень»⁵⁶. До этого сообщалось о введении китайскими банками более строгих правил обслуживания российских юрлиц из-за угрозы американских санкций⁵⁷.

Принимаются и меры для обуздания внутренних «ястребов», на которых до кризиса с США смотрели снисходительно. В июле 2018 г. интернет-сайт органа ЦК КПК «Жэньминь жибао» разместил комментарии с осуждением «хвастливо-чванливого стиля», критикующие материалы, авторы которых, заигрывая с читателями, используют выражения типа «США напугались», «Япония обезумела от страха», «Европа раскаивается» и т.п. Этот стиль, отмечает «Жэньминьван», «уничтожает общественное доверие к СМИ, загрязняет среду общественного мнения, деформирует народные чувства, оказывает неблагоприятное влияние на сознание и настроение людей и создание прозрачного интернет-пространства»⁵⁸. Во втором комментарии, озаглавленном «Разве китайцы не самоуверенны?», говорится: «Подменив уверенность в себе и гордость самообманом и бахвальством, мы никак не завоюем уважения, наоборот, сделаем невозможным правильный взгляд людей на развитие, создадим препятствия для видения дальней перспективы»⁵⁹. Интересно, что термин «самоуверенная (assertive) внешняя политика» западные комментаторы ввели для обозначения курса страны, основанного на отходе от принципов Дэн Сяопина⁶⁰.

---

⁵⁶ Несмотря на санкции: Китай продолжит сотрудничество с Россией // РИА Новости. 21.09.2018. URL: <https://crimea.ria.ru/world/20180921/1115258586.html>

⁵⁷ Бадмаева И. Китай поддержал санкции против России // Московский комсомолец. 16.09.2018. URL: <https://www.mk.ru/economics/2018/09/16/kitay-podderzhal-sankcii-protiv-rossii.html>

⁵⁸ 林峰 [Линь Фэн]. 人民网三评浮夸自大文风之一: 文章不会写了吗? [Критика мощного кичливо-бахвального стиля на «Жэньминьван» в трех частях. Часть первая: не умеем писать статьи?] // Жэньминьван. 02.07.2018. URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2018/0702/c1003-30098611.html>

⁵⁹ 又观 [Ю Гуань]. 人民网三评浮夸自大文风之二: 中国人不自信了吗? [Критика мощного кичливо-бахвального стиля на «Жэньминьван» в трех частях. Часть вторая: разве китайцы не самоуверенны?] // Жэньминьван. 03.07.2018. URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2018/0703/c1003-30106201.html>

⁶⁰ Lukin A.V. China's New Foreign Policy Strategy and Russia's Concerns // Pivot to Asia, Russia's Foreign Policy Enters the 21st Century. New Delhi: Vij Books India, 2017. P. 203–224.

Эти и другие публикации в западных СМИ дали повод считать, что в китайском руководстве недовольны идеологическим блоком и думают об улучшении его работы⁶¹. В конце августа 2018 г. впервые за пять лет в Пекине созвали Всекитайское совещание по вопросам пропагандистской и идеологической работы, выступая на котором, Си Цзиньпин «подчеркнул необходимость лучше выполнять цели и задачи пропагандистской и идеологической работы в новых обстоятельствах»⁶².

Некоторые итоги

Дрейф Пекина в сторону большей дэнсяопиновской «скромности», вероятно, сыграл бы положительную роль, прежде всего для самого Китая, в его стремлении использовать мирные, неконфронтационные внешние условия для собственного ускоренного развития. Это касается и внешнеэкономической политики, где было бы полезно установить больший контроль над деятельностью крупных госкорпораций за рубежом, чтобы лучше соответствовать заявляемым китайским государством целям «взаимной выгоды», принципиально отличным от западного неокOLONиализма.

Китайские проекты также можно было бы сделать конкретнее, экономически обоснованнее и полезнее для местных жителей, без неоправданной гигантомании, нацеленной на пропаганду успехов и отчет перед начальством. Что касается неспособности экспертов предвидеть ситуацию, то здесь причины очевидны. В Китае сложилась целая система псевдоисследовательских центров типа многочисленных институтов «Шелкового пути» или «Одного пояса и одного пути», которые в погоне за государственным финансированием оттесняют старые и традиционные мозговые центры и рапортуют об успехах. Их представителей и приглашаемых «дружественных Китаю» зарубежных специалистов периодически за большие деньги собирают на конференции, финансируемые отделом пропаганды ЦК. Естественно, что они направлены на пропаганду, а не на честный анализ ситуации. Вероятно, эта система будет пересматриваться.

---

⁶¹ Chinese Leadership is Facing a Rare Backlash for Its Handling of the US Trade Dispute // CNBC. 2018. August 9. URL: <https://www.cnbc.com/2018/08/09/handling-of-us-trade-dispute-causes-rift-in-chinese-leadership-source.html>

⁶² Си Цзиньпин призвал лучше выполнять цели и задачи пропагандистской и идеологической работы // Синьхуа Новости. 2018. 22 августа. URL: http://russian.news.cn/2018-08/22/c_137410767.htm

Для России ситуация в Китае, а также то, как будет эволюционировать его внешняя политика, представляет огромный интерес⁶³. С теоретической точки зрения крайне интересно понять, сможет ли Китай создать альтернативный путь эффективного экономического развития без принятия западной политической модели, т.е. на собственном примере опровергнуть теорию модернизации, согласно которой экономический рост должен неизбежно вести к вестернизации политической системы. Лишь в случае его успеха можно будет говорить о реальной политической многополярности мира. С практической точки зрения России было бы удобнее иметь дело с менее «самоуверенным» Китаем, так как сторонники самоуверенности часто вспоминают о якобы существующих российских «территориальных долгах» и считают, что великий Китай может обойтись в мире без каких-либо друзей и партнеров.

---

⁶³ Lukin A.V. Russia's Pivot to Asia: Myth or Reality? // *Strategic Analysis*. 2016. Vol. 40. No. 6. P. 573–589; Lukin A.V. A Russian Perspective on the Sino-Russian Rapprochement // *Asia Policy*. 2018. Vol. 13. No. 1. P. 19–25; Лукин А.В. Китай: Опасный сосед или выгодный партнер // *Pro et Contra*. 2007. № 6. С. 72–94.

Часть 6

**РЕЦЕНЗИИ,
ВОСПОМИНАНИЯ,
ИНТЕРВЬЮ,
ВЫСТУПЛЕНИЯ**

Грозят ли миру вооруженные конфликты вокруг Китая?

[Рец. на: Jean-Pierre Cabestan. Facing China: The Prospect for War and Peace. Trans. by N. Jayaram. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2023. 233 p.]

Опубликовано в журн.: Российское китаеведение. 2024. № 3(8)

Книга известного французского политолога-китаевода Ж.-П. Кабестана (русский перевод названия: «Лицом к лицу с Китаем. Перспективы войны и мира») интересна как личностью автора, так и своим содержанием. По сути, она представляет собой прогностический доклад, в котором оценивается вероятность вспышки в обозримом будущем военных конфликтов вокруг Китая. Характерно, что французское издание книги, вышедшее несколько раньше, озаглавлено не «Лицом к Китаю», а «Завтрашний день Китая», что в большей степени подчеркивает прогностический характер книги, тогда как английское название делает упор на поиск оптимальной реакции Запада.

Примечательно, что автор, полностью ассоциирующий цели своего издания с интересами Запада, в особенности Европы, в то же время хорошо известен в Китае, долго жил в этой стране, хотя и в ее особом районе – Гонконге, часто посещает ее «материковую часть» и выступает там перед китайской аудиторией.

Ассоциация с интересами Запада ясно видна из стилистики работы, в которой, например, постоянно говорится о том, как «мы» должны отреагировать на китайскую политику, причем под «нами» со всей очевидностью понимается в некоторых случаях Европа, а в других – Запад в целом (США и их союзники). Что касается подходов автора, то уже на первой странице предисловия проявляется их стандартность для большинства мейнстримных европейских и американских исследователей. Он начинается с рассмотрения т.н. «ловуш-

ки Фукидида» – схемы, выдвинутой американским политологом Г. Аллисоном, который замечал, что в ситуации сосуществования старого гегемона и новой возвышающейся державы, претендующей на его место, в большинстве случаев в мировой истории происходила война¹. Кабестан довольно безапелляционно утверждает, что причиной нынешнего американско-китайского соперничества является исключительно китайская политика: «Планы Китая становятся яснее с каждым днем: стать ведущей мировой державой и сместить Вашингтон с этого пьедестала, доминировать в Восточной Азии и вытеснить США из западной части Тихого океана» (с. 1). Кроме того, ситуацию, по мнению автора, усугубляет то, что это соперничество становится не локальным и стратегическим, а глобальным и в значительной степени идеологическим. Он пишет: «Хотя оно всегда было идеологическим, это измерение усилилось после того, как Си пришел на смену Ху Цзиньтао в качестве партийного лидера и главы государства. Китай все более открыто демонстрировал свою антидемократичность и антизападность по всему миру, особенно среди развивающихся стран. Более того, в ООН и на других площадках он стремится перевернуть международные нормы таким образом, чтобы они служили его собственным интересам. Проще говоря, Китай стал главной мировой ревизионистской державой: китайско-американская конфронтация стала глобальной» (с. 1).

Первая глава книги, характерно озаглавленная «Накопление страстей и боеприпасов», посвящена эволюции позиций США, Китая и других основных потенциальных участников конфликтов: Японии, Индии и Австралии. Во всех случаях подчеркивается рост конфронтационности и напряженности, часто вызванных внутренними факторами, а также накопление вооружений. Автор заключает, что основной раскол углубляется по линии Китай – США и их союзники (Япония, Австралия). В то же время государства АСЕАН, будучи зависимыми от Китая, хотели бы развивать хорошие отношения с обеими сторонами, и даже такие союзники США, как Южная Корея и Таиланд, имеют свои причины не раздражать Китай. Северная же Корея скорее обуза для Китая, чем союзник. В целом в регионе происходит предконфликтная перегруппировка. В ситуации серьезной напряженности США в борьбе с Китаем, вероятно, захотят использовать такие структуры, как AUKUS (Австралия, Великобрита-

---

¹ Allison G. *Destined For War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.

ния, США) и Четырехсторонний диалог по безопасности (Австралия, Индия, Япония США), однако как последний отреагирует на возникновение «горячего» конфликта в Тайваньском проливе, в ЮКМ или вокруг островов Сэнкаку (Дяоюй), остается неясным (с. 36).

Во второй главе анализируются китайские дискуссии о рисках войны, которые, как пишет автор, особенно активизировались в период нахождения у власти Ху Цзиньтао (2002–2012). Тогда, задолго до появления работы Г. Аллисона, книга американского теоретика-реалиста Дж. Миршаймера «Трагедия великодержавной политики»² вызвала к жизни аргументы таких китайских реалистов, как Янь Сюэтунь, о неизбежности конфликта с США. На основе анализа официальной позиции Китая и работ китайских экспертов Кабестан приходит к выводу, что Китай кажется обеспокоенным угрозой войны и не готов идти на большие риски. В то же время и в Пекине, и в Вашингтоне отлично понимают, что риски войны не могут быть полностью устранены (с. 60–61).

Третью главу автор специально посвящает анализу возможности возникновения войны вокруг Тайваня. Ссылаясь на свою книгу, вышедшую в 2004 г.³, Кабестан отмечает: «Сегодня Тайвань, безусловно, в более опасном положении, чем 20 лет назад. Риски если и не тотальной войны, то вооруженных инцидентов или даже ограниченных конфликтов в проливе растут и будут заставлять три участвующие стороны – Пекин, Тайбэй и Вашингтон – лучше готовиться к управлению трудными, даже нерешаемыми конфликтами» (с. 108). По мнению автора, украинский конфликт способствовал американскому курсу по уменьшению экономической зависимости от Китая, что увеличило вероятность начала конфронтации в Тайваньском проливе. В то же время опыт украинского конфликта будет здесь действовать в сторону большей осторожности, так как он демонстрирует сторонам, насколько непредсказуемыми могут быть ход и результаты вооруженного противостояния в современных условиях (с. 110).

Тем не менее сохраняются возможные источники конфликта: страх, гордость и интересы. Если интересы продолжат брать верх над двумя другими источниками, войны можно избежать. В противном

---

² Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton & Company, 2001.

³ Cabestan J.-P. *Chine-Taiwan: la guerre est-elle conceivable?* Paris: Economica, 2004.

случае Пекин может почувствовать необходимость воспользоваться любым мелким предлогом для начала враждебных действий, несмотря на огромные риски для себя (с. 110). Как видим, здесь, как и везде, начало вооруженного конфликта ставится автором в полную зависимость от поведения Пекина. Другие стороны как будто не имеют выбора в своей политике, они все всегда делают верно. И лишь Пекин должен выбирать между войной и миром, что бы ни делали другие.

В четвертой главе рассматриваются риски возникновения вооруженного конфликта в ЮКМ. Кабестан пишет: «Хотя пока нет впечатления, что Китай хотел бы использовать превосходство своих вооруженных сил, в особенности флота, для изменения статус-кво в отношениях с соседями, весьма вероятно, что он использует самую малую слабость или возможность для консолидации своей позиции... В долгосрочной перспективе вопрос заключается в том, будут ли присутствие и противовес со стороны США устойчивым» (с. 146).

Такой подход весьма характерен для современных экспертов и политиков из стран НАТО и других союзников США. Китай подзревается в стремлении подорвать мир на основе не своих реальных действий, а якобы существующих намерений, представления о которых по идеологическим причинам возникли в головах самих этих экспертов и политиков. Практика же реальных действий Пекина, как признаёт сам Кабестан, демонстрирует довольно высокую степень осторожности. Китай с 1970-х годов не участвовал ни в одном международном вооруженном конфликте, свою армию за рубежом он направляет только для учений и участия в миротворческих операциях. Между тем намерения США и их союзников, постоянно проводящих самые реальные боевые операции во многих странах мира и держащих мощные вооруженные контингенты на границах Китая, постулируются как мирные и стабилизирующие обстановку.

Пятая глава посвящена возможности возникновения конфликта вокруг спорных островов Сэнкаку (Дяююй). Описав историю этого территориального конфликта, автор заключает, что в Китае понимают риски высадки на эти острова, связанные с «красными линиями», Японии и США. Поэтому и вооруженный конфликт здесь возможен лишь в случае проявления слабости со стороны Токио, что вряд ли реально в обозримом будущем. Нынешняя активность Китая на этом направлении, которую автор называет «войной на истощение», вызвана стремлением разделить и таким образом ослабить

японский политический класс, а также усилить свое влияние в этом морском районе, что может быть полезно в случае серьезного конфликта вокруг Тайваня (с. 168).

В шестой главе описывается напряженность на китайско-индийской границе. Осветив ход событий последних десятилетий, а также подходы Китая и Индии, автор приходит к выводу, что и здесь Китай не заинтересован даже в ограниченной войне. Индия быстро развивается, и Китай не способен замедлить рост ее военного потенциала. Поэтому, хотя отдельные инциденты на спорных территориях могут продолжаться, «трудно представить себе какую-либо реальную китайско-индийскую войну» (с. 181).

Седьмая глава посвящена рассмотрению вопроса о том, насколько растущий китайский военный потенциал позволит Пекину осуществлять военные операции за рубежом (ВОЗ), к которым относят участие как в миротворческих операциях, так и в различных зарубежных конфликтах. Автор считает, что этого роста все же будет недостаточно для ведения крупных войн. Это обстоятельство в будущем заставит Народно-освободительную армию Китая (НОАК) сфокусировать свое внимание на защите экономических интересов, инфраструктуры и своих граждан за границей, а также морских коммуникаций. НОАК сможет рассматривать конкретные операции только на ограниченной территории и в ограниченное время. До 2035-го, а возможно, и до 2050 г. Пекин не будет способен осуществлять более крупные операции типа французской «Сервал» в Мали в 2013 г. (с. 195).

В Заключении автор формулирует свои предложения по будущей политике Запада в отношении Китая. Он утверждает, что нынешнее стратегическое противостояние Китая и США будет оставаться по большей части мирным, в результате чего «новая холодная война» будет отличаться от первой (с. 212). Однако его рекомендации фактически сводятся к одобрению крайне противоречивого курса американской администрации президента Дж.Байдена, который описывал его как «идти и жевать жвачку одновременно», то есть одновременно сдерживать и сотрудничать⁴. Кабестан не одобряет курс на тотальное сдерживание Китая, проводившийся предыдущей администрацией Д. Трампа, в основном потому, что та не особо учитывала мнение союзников, прежде всего европейских. Байден же изменил его, продолжив сдерживание, но с опорой на европейских и азиат-

---

⁴ Лукин А.В. Американско-китайское соперничество в АТР: декларации и реальность // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 118–137.

ских союзников. Это, по мнению Кабестана, важно для Европы, так как «единственной силой, способной удержать Китай от начала войны, в особенности против Тайваня, являются США». Сами европейцы не будут способны сыграть серьезную роль в системе баланса сил в Индо-Тихоокеанском регионе, за исключением экономической и финансовых областей, даже если ведущие государства Европы: Франция, Германия и, возможно, Великобритания – будут действовать сообща (что тоже не гарантировано). Поэтому, если «европейцы хотят оказывать влияние на стратегическую ситуацию в АТР, у них нет другого выхода, кроме как делать это вместе с США и их региональными партнерами, в особенности с Японией, Индией, Австралией и Тайванем» (с. 214).

При этом Кабестан предлагает продолжить одновременно жестко сдерживать региональные амбиции Пекина и даже «готовиться к войне», но при этом осуществлять и взаимодействие, направленное не на изменение политической системы (что нереально), а на сотрудничество в областях, выгодных Западу: изменение климата, здравоохранение, образование, культурные связи, а также нераспространение ядерного оружия (с. 204).

Выводы эти довольно стандартны и даже банальны для проамериканского европейского политического лобби. Но их проблема не в этом, а в том, что подобная противоречивая политика в отношении Китая в период пребывания Дж.Байдена у власти уже показала свою полную неэффективность, а в перспективе может быть и весьма опасной.

Сочетание жесткого сдерживания и попыток сотрудничать только в выгодных одной из сторон областях вызывает в Пекине крайнее раздражение. Этот подход соответствует шуточному описанию советского переговорного – стиля: «что мое, это мое, а что твое – давай вести переговоры» и предполагает не взаимные компромиссы, а лишь односторонние уступки партнера. Все это вызывает законное недовольство Китая, в результате чего за весь период пребывания Дж.Байдена у власти никаких конструктивных договоренностей между Вашингтоном и Пекином достигнуто не было. Кроме того, активно углублялось сближение Пекина с Москвой, что, с точки зрения самих западных аналитиков, является крайне негативной тенденцией⁵.

---

⁵ Pucek K. A Chinese Tributary? The Consequences of Moscow's Increased Dependence on Beijing // Clingendael Alert. 10 June, 2024. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2024-06/Alert_The_Consequences_of_Moscows_increased_dependence_on_Beijing.pdf

Опасностью конфликта с Китаем чреваты многие предложения автора. Например, говоря о взаимодействии, он, в полном соответствии с большинством американских коллег, тут же утверждает, что оно должно проводиться «более выборочно и быть обусловлено тем, чтобы способствовать коррекции поведения Пекина в свете любых открывающихся возможностей и уступок» (с. 214). То есть предлагаемое сотрудничество только по нужным Западу направлениям должно еще и служить приманкой для изменения партнером своего поведения в выгодную Западу сторону. Вряд ли такой подход реалистичен в отношении такого мощного и самостоятельного государства, как Китай.

Аналогично и предложение о ненаправленности взаимодействия на смену режима. Его Кабестан тут же обуславливает тем, что США и их союзники не только не должны отказаться от усилий по продвижению своих целей и осуждению авторитарной модели управления КПК, но и «усилить борьбу за уважение прав человека и более твердо осуждать политику Пекина в Синьцзяне, Гонконге и в отношении противников режима, чаще используя адресные санкции» (с. 215). То есть предлагается одновременно не стремиться менять режим, но в то же время способствовать смене его политики путем принятия антикитайских санкций (а что это, если не смена основ режима?).

Чем опасен подобный курс? Если вернуться к ловушке Фукидида, с которой начинал автор, то он фактически предлагает существующему гегемону не идти ни на какие уступки и всеми силами цепляться за свою уходящую из-под ног позицию, жестко сдерживая конкурента. При этом конкурента одновременно приглашают вписаться в существующую систему, в которой господствует старый гегемон. Такой подход может оказаться успешным, если конкурент достаточно слаб и его вызов существующему гегемону не слишком серьезен. Он также понятен в рамках доминирующей на Западе идеологии западоцентризма, согласно которой Запад олицетворяет единственно возможный магистральный путь развития цивилизации, а все прочие модели – досадные от него отступления. Однако если вслед за многими наблюдателями, в том числе и самим автором концепции Аллисоном, полагать, что Китай способен догнать и даже обогнать США по потенциалу и влиянию, то такая политика – прямой путь к войне. По мере усиления Китая она будет способствовать укреплению влияния в нем групп и тенденций, стремящихся как можно скорее закрепить свое превосходство военным путем или да-

же нанести упреждающий удар, чтобы ускорить события. Кто окажется прав, в конечном счете покажет история. Но это очень опасная игра, и примеры краха подобной политики уже есть.

И сам Аллисон, кстати, предлагал совсем иной подход, который может помочь выбраться из ловушки. Он полагал, что в условиях, когда доля США в мировом ВВП падает и Вашингтону противостоит претендент, экономика которого, по некоторым данным, соразмерна американской, необходимо взаимовыгодное сотрудничество, основанное на общих правилах, которое обеспечит этому претенденту его долю выигрыша⁶.

Однако Аллисон и его сторонники до сих пор не были услышаны. Построение нового миропорядка на основе «правил», не постулируемых одной стороной, а приемлемых для всех или хотя бы основных мировых игроков, пока еще всерьез даже не обсуждается на Западе, и книга Кабестана – яркое тому свидетельство.

---

⁶ Allison G., Hu F. An Unsentimental China Policy: The Case for Putting Vital Interests First // Foreign Affairs. 2021. February 18. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-02-18/unsentimental-china-policy>

Памяти Эльвиры Андреевны Синецкой (1939–2024)

Опубликовано в журн.: Российское китаеведение. 2024. № 1 (6). С. 156–160. –
В соавт. с А.Д. Дикаревым. А.Д. Дикарев – сотрудник Отдела Китая в 1985–2013 гг.;
А.В. Лукин – сотрудник Отдела Китая в 1988–1991 гг.

В начале января 2024 г. ушла из жизни наш друг и коллега, известная исследовательница социальных проблем современного Китая, ветеран Отдела Китая Института востоковедения и просто замечательный человек Эльвира Андреевна Синецкая.

Она не собиралась быть китаеведом. Начав в 1955 г. учиться в Москве на экономиста, в Китае Эльвира Андреевна впервые оказалась в 1957 г. благодаря своему отцу, Андрею Яковлевичу Синецкому, в то время советнику в министерстве образования КНР. Позднее она вспоминала, что в Китае той поры ее поразили в первую очередь две вещи: бедность и абсолютная непринужденность китайцев в общении.

Еще через год, опять же при содействии отца, студентке Синецкой было разрешено перевестись на обучение в КНР. Она продолжила образование вначале на подготовительном факультете Пекинского университета, где ей пришлось начать учить китайский язык, а затем перешла в Китайский Народный университет. Учеба проходила в период Большого Скачка, поэтому, по ее словам, год она проучилась практически в одиночестве, пока китайские студенты «бежали на бесконечные собрания и ездили в народные коммуны».

В 1960 г. советских специалистов отозвали из Китая, уехала и Синецкая. Доучиваться ей пришлось в Москве, на экономическом факультете МГУ. В 1964 г. началась трудовая деятельность. Эльвира Андреевна пришла на работу во Всесоюзный институт научной и технической информации АН СССР, а в конце 60-х годов перешла в отдел информации Института Дальнего Востока АН СССР, где под руководством выдающегося китаеведа-экономиста Я.М. Бергера опубликовала

ликовала в информационном бюллетене Института свою первую научную работу, посвященную анализу соотношения импорта зерна и его потребления в Китае. Тема выглядела предельно актуальной, поскольку страна, погруженная в хаос «культурной революции», готовилась, как известно, «рыть туннели и запастись зерно». Примерно в это же время Э. Синецкая приняла участие в переводе на русский язык добытого кем-то из коллег тайваньского сборника «Кто есть кто в китайской армии 1967–68 гг.». Нет нужды говорить, какое значение придавалось подобной работе в то время враждебного противостояния двух наших стран.

В 1974 г. Э.А. Синецкая становится научным сотрудником Отдела Китая Института востоковедения АН СССР, с которым связана вся ее последующая научная и организационная работа (долгое время она исполняла обязанности ученого секретаря Отдела).

По приходе в Отдел Китая Э.А. Синецкая включилась в работу по технической подготовке рукописей докладов на ставшую впоследствии знаменитой ежегодную конференцию «Общество и государство в Китае». Постепенно она стала едва ли не основным организатором технической стороны этого проекта. Неслучайно она, по ее собственным словам, относилась к конференции как к усыновленному ребенку. А потом стала называть себя «кормящей матерью», поскольку взяла на себя ответственность за фуршетную составляющую конференции. Чтобы накормить всех гостей в ту эпоху продовольственного дефицита, ей приходилось тратить на поиск достойных продуктов немало времени, а иногда и собственных денег. В лихие 90-е, когда с финансированием конференции в Институте стало совсем туго, Эльвира Андреевна взяла на себя роль продюсера, с которой успешно справлялась, год за годом находя разных спонсоров, готовых пожертвовать средства на издание материалов и даже оплату поездки иногородних авторов в Москву. Можно сказать, что во многом благодаря Синецкой конференция сохранилась как регулярное китаеведческое мероприятие.

Но «кормящей матерью» она была не только для участников конференции. Постепенно она стала душой Отдела, создавала и поддерживала в нем неповторимую домашнюю атмосферу, которая складывалась из самых разных деталей: от неформального обсуждения научных и политических проблем до чаепитий с пряниками и бутербродами, во время которых эти обсуждения, как правило, и происходили. Мы, как и многие другие в то время молодые сотрудники, до сих пор помним эту атмосферу гостеприимства, теплоты и откровенности.

Главный объект индивидуальной научной работы Э.А. Синецкой в начале ее карьеры – рабочий класс КНР. Тема эта была довольно чужеродной для традиций Отдела Китая, больше занимавшегося историческими и культурными проблемами старого Китая. Не исключено, что это стало одной из причин задержки с защитой диссертации.

Основным источником ее работы в то время стал подаренный ей одним из коллег уникальный двухтомник, содержащий 5412 дацзыбао Шицзиншаньского металлургического завода, изданный Канцелярией Пекинского горкома КПК в сентябре 1957 г. в ходе движения «за исправление стиля работы партии».

Поначалу на эти дацзыбао Эльвира Андреевна, по ее словам, «смотрела с большой тоской». Но постепенно она взялась-таки за их перевод и периодически публиковала основанные на их содержании статьи, где иногда делала смелые обобщения. Так, например, в докладе «О правовом сознании горожанина Северного Китая середины XX века» (1993) речь шла скорее об отсутствии такого сознания. Ее доклад, по воспоминаниям Эльвиры Андреевны, вызвал со стороны некоторых коллег ненаучную критику, сводившуюся к тезисам типа «нехорошо обижать китайцев».

Эльвире Андреевне всегда была свойственна привычка занижать научную ценность своих занятий. Карьерные амбиции ей были чужды. Поэтому она долго, вплоть до начала турбулентного периода российской истории начала 90-х годов оставалась «незащищенным» младшим научным сотрудником. Но в конце концов поддалась на уговоры коллег и руководства¹ и в 1993 г. вполне успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Социальный облик горожанина Северного Китая середины XX века».

В ней Э.А. Синецкая выдвигала гипотезу существования замкнутого городского сообщества, внутри которого совершались социальные эксперименты по строительству социализма. Впервые в мировой синологии, основываясь на уникальном материале, она исследовала взаимоотношения КПК и масс, от имени которых эта партия выступала, и подошла в итоге к ответу на вопрос о реальной роли социальной группы, называвшейся «рабочим классом», в общественно-политической и экономической жизни страны.

---

¹ Сама автор не без иронии говорила, что на защиту вышла лишь для того, чтобы некоторые коллеги не упрекали ее в «беготне по митингам», в которых участвуют якобы только «неудавшиеся младшие научные сотрудники».

В годы «перестройки» Эльвира Андреевна увлеклась общественно-политической деятельностью, оказавшись активной сторонницей демократических перемен. Она примкнула к движению «Демократическая Россия», а затем – к «Выбору России». И на этом поприще она, также не имея никаких карьерных амбиций, скромно вела огромную и нужную работу: составляла, печатала и распространяла различные предвыборные материалы, организовывала собрания и дискуссии, хранила многочисленные документы. Говорят, что одно время адрес ее небольшой квартиры в одном из Верхних Михайловских проездов служил юридическим адресом московского отделения «Выбора России» и местом хранения его архива. В качестве функционера и активиста она сумела создать на базе института и возглавить избирательную комиссию, впоследствии активно участвовала и в правозащитном движении.

Надо сказать, что, несмотря на успешную защиту диссертации и все последующие публикации, Эльвира Андреевна продолжала являть чрезвычайную, точнее – чрезмерную – скромность в отношении своей научной деятельности. Она по-прежнему считала себя не более чем «научным адъютантом», которого обычно заряжает интересом к поиску истины маститый специалист, особенно если он непосредственный начальник. С начальниками, по словам Эльвиры Андреевны, ей очень повезло, равно как и всем сотрудникам Отдела Китая, которым руководил с 1967 по 1990 г. наш легендарный китайист Лев Петрович Делюсин. Эльвира Андреевна нередко помогала перепечатывать и оформлять рукописи его работ². Даже после того, как в 1990 г. Лев Петрович перешел на работу в Институт международных экономических и политических исследований, ставший позднее частью Института экономики РАН, Эльвира Андреевна продолжила эту работу, что было особенно важно в последние годы жизни Льва Петровича, когда он сильно болел и писать ему было тяжело. Без такой помощи многие его работы последнего времени, скорее всего, не увидели бы свет.

Эльвира Андреевна говорила о себе как о натуре «ленивой и любопытной», хотя ее научная деятельность, особенно в последние годы жизни, дает основание считать эти слова кокетством. Достаточно посмотреть список ее работ. После того как она увлеклась женским вопросом в Китае, ею было опубликовано несколько инте-

---

² Общество и государство в Китае. Специальный выпуск. М.: ИВ РАН, 2004. С. 36.

ресных докладов и на эту тему в материалах «Общества и государства в Китае»³.

Ее многолетние исследования теории и практики движения за эмансипацию женщин в Китае завершились публикацией в 2019 г. книги «„Путешествие на Запад“ китайской женщины, или Феминизм в Китае». В ней Э.А. Синецкая рассказала, в чем состоит национальная специфика этого явления, почему в публикациях о феминизме времен гоминьдановского периода истории Китая проблема «китайской специфики» не звучала, как трактуется «женский вопрос» в современной китайской социологии.

В книге и предшествующих ее появлению многочисленных статьях она рассматривает феминизм как естественный результат развития коллективного сознания определенной части общества. Э.А. Синецкая показывает, чем отличается китайский феминизм от западного, объясняет, почему на Тайване феминизм обретает иной характер, чем на континенте, исследует, как проявляется гендерный дисбаланс в КНР.

Некоторые последние публикации Э.А. Синецкой находятся на стыке литературоведения и социологии. Это аналитические рефераты самых популярных китайских романов последнего времени, способных, по ее мнению, помочь составить социально-психологический портрет определенных слоев населения⁴. Обретший в Китае большую популярность и подробно проанализированный Э. Синецкой роман «Тотем волка» видится ею как история становления экологического сознания жителей Китая⁵.

В тот период своего творчества Синецкая обращалась также и к редко исследуемым в научной литературе социальным явлениям⁶.

---

³ См. ее работы, опубликованные в материалах этой конференции: «Женская» тематика в современном китаеведении. Т. XXXIII. М.: ИВ РАН, 2003; Феминизм в Китае. Т. XXXVI. М.: ИВ РАН, 2006; О национальных особенностях китайского феминизма. Т. XXXVII. М.: ИВ РАН, 2007; и др.

⁴ См., например, ее публикации в материалах «Общества и государства в Китае»: Бэби из Шанхая исполнилось 30 лет. Т. XXXIX. М.: ИВ РАН, 2009; Социальные последствия культурной революции в современной китайской литературе. Т. XLIII. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2013.

⁵ См.: Синецкая Э.А. Индивидуальный опыт «культурной революции» // Общество и государство в Китае. Т. XLIII. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2013.

⁶ Например, в публикации «Суицид как знаковое явление среди молодых жителей Шанхая». См.: Общество и государство в Китае. Т. XL. М.: ИВ РАН, 2000. С. 432.

О китайских детях-сиротах Э.А. Синецкая рассуждает в статье «По поводу прочтения повести „Красные туфельки“». Вслед за переводчиком этой повести И.А. Егоровым она рассматривает ее как притчу о возмездии, «отличную иллюстрацию того, в какое чудовище может превратиться человек, если в детстве ему не достало любви»⁷.

«Любите жизнь. А все остальное приложится» – таким пожеланием в адрес коллег и друзей Эльвира Андреевна Синецкая завершила взятое у нее в 2013 г. интервью⁸.

Мы стараемся по мере сил следовать в этом отношении ее примеру. В нашей памяти навсегда останутся ее обезоруживающая улыбка, неповторимо ироничная и при этом неизменно корректная манера общения, дружественная готовность помочь и посочувствовать всем коллегам независимо от пола и возраста, охотно делившимся с ней не только производственными, но и личными проблемами. Мы всегда могли рассчитывать на неформальный отклик и эмпатию с ее стороны. Именно благодаря ее присутствию в Отделе в нашем коллективе иногда складывалось то, что принято называть «семейной атмосферой».

Теперь наше китаеведное сообщество осиротело. Горькая утрата для всех, знавших ее, хотя таких с каждым годом становится, увы, все меньше. Покоя Вам, дорогая Эльвира Андреевна.

---

⁷ Синецкая Э.А. Несколько слов о китайских сиротах, или По поводу прочтения повести «Красные туфельки» // Общество и государство в Китае. Т. XLVI. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2016. С. 492.

⁸ Российское китаеведение – устная история / Отв. ред. В.Ц. Головачёв. Т. 2. М.: ИВ РАН, 2017. С. 392–437.

Евгений Петрович Бажанов в моей жизни

Опубликовано в сокр. виде в журн.: Российское китаеведение. 2023. № 4(5). С. 175–183

Евгений Петрович Бажанов – один из тех людей, которые сыграли существенную роль в моей жизни, по большей части позитивную, хотя случались и сложные моменты. Таких людей не очень много, поэтому его уход, несмотря на то что мы довольно давно не виделись, произвел на меня тяжелое впечатление своей неожиданностью и необратимостью.

Мы познакомились в далеком 1983 году, когда я, тогда студент пятого курса восточного отделения факультета международных отношений МГИМО, приехал на практику в советское посольство в Китае. Практикантов, как всегда, в посольстве не особо ждали и не совсем понимали, чем их загрузить. Им назначали куратора, который и должен был этим заниматься. Мне повезло, что таким куратором мне определили Евгения Петровича, тогда уже довольно опытного дипломата, советника и, кажется, руководителя группы, занимавшейся внешней политикой Китая. Он поручал мне делать переводы статей из китайских газет, которые потом входили в дайджест китайской прессы, направлявшийся, среди прочей информации, посольством в Москву. Обстановка в посольстве была вполне советская: помимо обычной дипломатической работы все выполняли поручения партии и правительства, проводили летучки, партийные и комсомольские собрания и сообщали друг о друге информацию в соответствующие органы.

На фоне скучных чиновников Евгений Петрович казался примечательным исключением. Он обладал живым умом, постоянно шутил, весьма критически отзывался обо всем на свете, был приветливым. До Китая он уже поработал в США в генконсульстве в Сан-Франциско и в МИД на китайском и юго-восточноазиатском направлениях; после окончания МГИМО был на стажировке, но не в Китае, а в Сингапуре. Туда посылали китаистов для совершенство-

вания китайского языка в то время, когда с коммунистическим Китаем студенческие и научные связи оборвались. Он обладал каким-то загранично-дипломатическим лоском, всегда хорошо одевался, был приветлив, в отличие от многих советских начальников – дружелюбен. И что более важно, он вызывал какое-то чувство доверия, о котором имеют представление только советские люди: казалось, что с ним можно было обсуждать темы, которые с другими обсуждать не стоит. Ко мне он вроде бы испытывал такое же чувство. По крайней мере говорил со мной о многом, в том числе о положении на Родине, довольно откровенно.

Жаловался он и на обстановку в посольстве, где многие, по его словам, не занимались дипломатической работой, а мешали ей. Например, он рассказывал случай, как один из коллег спросил его, какие он носит на руке часы. Евгений Петрович быстро сориентировался и сказал, что советского производства. Тогда тот стал говорить что-то типа: «Ну, сознайтесь, что советские часы гораздо хуже американских или японских, вы же хорошо это знаете, вы же работали в США!». Евгений Петрович настаивал, что советские часы по качеству гораздо лучше всех заграничных. По всей видимости, если бы он сказал, что американские часы лучше, что было очевидно всем, то на него в центр ушел бы донос о том, что член КПСС советник Бажанов прихлебательствует перед Западом. «Как можно работать в таких условиях и сообщать центру правдивую информацию, если приходится врать даже о часах», – расстраивался он.

Вместе со своей женой Натальей Евгеньевной он почему-то проницая ко мне симпатией как к одинокому, застенчивому, но, видимо, производящему впечатление смышленного, юноше. Они стали давать мне советы не только по работе, но и опекать в нерабочее время. Думаю, что им понравилась моя любознательность и искреннее желание узнать больше о Китае, его истории и культуре, которые они тоже старались изучать все свободное время. Евгений Петрович уже был кандидатом наук, он защитил диссертацию по Сингапуру и хорошо его знал, он уже писал что-то и о США, и было ясно, что и Китай он не оставит своим литературным вниманием.

В результате, пока другие стажеры вместе с прочими сотрудниками посольства в свободное время ездили по магазинам и заказывали отсутствующую в СССР электронику по гонконгским каталогам, мне почти каждые выходные удавалось поехать вместе с Бажановыми в какой-то буддийский храм, посмотреть могилы китайских императоров, Великую Китайскую стену и много еще чего из расположен-

ных в окрестностях Пекина исторических памятников и достопримечательностей. Не обходили мы вниманием и рестораны, куда меня водили подкормить (студент всегда голоден) и заодно показать различные направления китайского кулинарного искусства – одной из основ великой китайской цивилизации (впоследствии Бажановы написали небольшую книгу и на эту тему).

Вероятно, тогда и на работе Евгений Петрович обратил на меня внимание. По крайней мере в предисловии к моей книге об образе Китая в России, которую я издал гораздо позднее, он, очень мило по старой привычке называя меня Сашей, описал историю, которую я, честно говоря, не помню. Якобы на одной из ежедневных утренних летучек у тогдашнего посла И.С. Щербакова я, когда до меня дошла очередь высказать мнение о том, как улучшить отношения с Китаем, заявил, что лучше всего было бы устранить три препятствия, которые Пекин выдвигал как предварительные условия, т.е. отвести войска от границы, вывести их из Монголии и прекратить помощь Вьетнаму в его акции в Камбодже. За это меня, по словам Евгения Петровича, чуть было не выслали из посольства.

Щербаков был типичным советским чиновником, который про Китай ничего не знал и запомнился мне только тем, что, когда меня оставляли дежурить по ночам в посольстве, заходил в комнату дежурного дипломата, где стоял телевизор, и просил перевести ему китайские новости (никакими иностранными языками, он, естественно, не владел). Пару раз я переводил ему на приемах, на которые вместе с ним ездил на посольской «Чайке» с советским флагом. Это, естественно, вызывало у меня чувство законной гордости, присущее всякому советскому человеку. Однако, я думаю, что, если бы я что-то такое сказал в его присутствии, мне бы точно не поздоровилось.

Если что-то такое и было, то это могло быть только во время моей стажировки, потому что Евгений Петрович уехал из Китая на работу в ЦК КПСС в 1985 г., а я приехал работать в посольство уже в начале 1986 г. Я даже помню, как был на прощальном приеме в посольстве. Но никакой серьезной критики своего поведения со стороны посольства во время стажировки я не запомнил, и после возвращения особых проблем у меня не было. Наоборот, вскоре я был направлен на практику в Пекинский университет, а туда вряд ли бы послали политически неблагонадежного. Возможно, Евгений Петрович преувеличил, и я сказал не совсем это или не совсем там, а скажем, ему в ресторане. Но в любом случае, как явствует из его предисловия, у него сложилось (во многом превратное) впечатление, что я

человек мужественный, принципиальный и даже политически прозорливый. Вероятно, в будущей моей судьбе это сыграло какую-то роль.

Другая история, произошедшая чуть позже, описана Евгением Петровичем довольно точно. После окончания МГИМО я поступил на работу в Первый дальневосточный отдел МИД и сразу же был отправлен на стажировку в Пекинский университет, где попросил прикрепить меня к философскому факультету, так как интересовался культурой и философией этой страны. Но связь с посольством у советских студентов не прекращалась. Там для руководства нам был выделен ответственный сотрудник, но кроме него я по старой памяти неформально продолжал общаться и с Евгением Петровичем. Он живо интересовался реальной китайской жизнью, которую трудно узнать дипломату, находящемуся под постоянным наблюдением и ограниченному в общении. Я же как студент мог встречаться с кем угодно, одно время я даже жил с китайским студентом, изучающим марксизм, в одной комнате. Евгений Петрович расспрашивал меня обо всем: о жизни китайских студентов и их преподавателей, культурных новостях, моих поездках по городам и весям Китая. О чем-то я давал ему письменные заметки, которые он, вероятно, как-то обрабатывал и отправлял в Москву. Но главное, что его поразило, это то, что я приносил ему журналы, издававшиеся институтами Китайской академии общественных наук, на которых по старинке стоял гриф «для внутреннего использования». Ничего секретного в них, конечно, не было, они продавались в книжных магазинах, но в специальных отделах, куда пускали только китайцев. Впрочем, после начала реформ в стране царил такой бардак, что временами старые номера продавали в университете прямо на улице всем подряд, а иногда меня как студента китайского вуза пускали и в эти закрытые отделы, где, увидя мой жалостный взгляд учащегося, который не может найти материала для диплома, отдавали мне их, срывая обложку с грифом. В основном это были журналы Института СССР и Восточной Европы или Института мировой экономики и политики, где ученые писали о китайской внешней политике. Очень скоро гриф с них сняли, и теперь все они выходят открыто. Но тогда в ЦК КПСС очень интересовались взглядами китайских ученых, и эти материалы, переправленные с соответствующими комментариями Бажановым в Москву, были высоко оценены. А Евгений Петрович удивлялся, как это раньше десятки дипломатов, и не только дипломатов посольства, не смогли сыскать то, что в большом количестве находил один стажер.

После моего возвращения в Москву мы продолжали общаться, хотя встречались не очень часто. Мы с другим стажером Андреем Дикаревым написали книгу «Три путешествия по Китаю» о наших поездках в разные части страны: на юг, в только начинавший строиться Шэньчжэнь, на в то время загадочный остров Хайнань, на север, в город русских эмигрантов Харбин, на запад, в недоступный даже для Пржевальского Тибет. Издательство «Молодая гвардия» очень заинтересовалось нашей рукописью, потому что про Китай тогда писали мало, а ездили по его регионам еще меньше, многие из них только что открылись для иностранных туристов. Но так как отношения с Пекином были еще достаточно напряженными, редактор решил подстраховаться и отправить ее на рецензию кому-то из начальства, причем попросил нас самих этих рецензентов найти. В МИД я отдал нашу книгу В.Я. Воробьеву, который заведовал сектором в Первом дальневосточном отделе, а в ЦК КПСС – Евгению Петровичу. Он, конечно, хорошо знал о наших поездках и даже повторил наш маршрут или его часть с одним из сотрудников посольства. Он активно рекомендовал книгу к печати. В результате она вышла, и весь тираж в 100 тыс. экземпляров был быстро распродан. Никогда уже с тех пор мои книги не печатались таким огромным тиражом.

Из-за разных задержек книга была напечатана только в 1989 г., я к тому времени уже поработал два года в посольстве, куда меня направили после стажировки, вернулся в Москву и пошел на работу в отдел Китая Института востоковедения Академии наук. Годом раньше Евгений Петрович защитил там докторскую диссертацию, посвященную роли США во внешнеполитической стратегии Китая. Я об этом тогда не знал, так как до 1988 г. был в Китае, но потом мне рассказывали, что защищалась она не без проблем. Ее текст несколько раз просили дорабатывать. Возможно, это было связано с тем, что к диссертации, по которой он потом издал книгу, Евгений Петрович подошел не как к своим публицистическим запискам, в которых он писал, что думал, а как к политическому документу, в котором следует писать, что положено. К тому же, как я потом сам обнаружил, к академическим формальностям в своих текстах он относился весьма свободно: цитаты у него, например, часто не совпадали с оригиналом, ссылки вообще брались неизвестно откуда, даты тоже бывали неточными. Он, впрочем, считал все эти трудности происками завистников и объяснял мне, что главное – это мысль, а всей этой оформительской ерундой заниматься скучно и проверять все равно никто не будет.

В том же, 1989 г. в Китае прошли известные студенческие выступления, переросшие в серьезные беспорядки. Я в то время был активным сторонником демократизации и решил написать статью о реакции в СССР на эти события. Так как площадь Тяньаньмэнь была в центре мирового внимания, мою статью быстро опубликовали в “The China Quarterly” – ведущем мировом китаеведческом журнале, издающемся в Великобритании. Среди прочих авторов я цитировал в ней публикации некоего Н. Анина в еженедельнике «Новое время», которого подверг критике за непоследовательность и следование в фарватере оценок официальной китайской прессы. То же я повторил и в другой статье, опубликованной в России. Кем был этот Анин, мне установить не удалось, и я решил, что это какой-то журналист-международник. Лишь через много лет Евгений Петрович рассказал мне, что за этим псевдонимом скрывался он. Больше того, из-за того что он написал об этих событиях, слегка отклонившись от официальной позиции, у него были большие проблемы в ЦК, т.е. с другой стороны.

В 1991 г., незадолго до распада СССР, Евгений Петрович перешел в Дипломатическую академию МИД проректором по научной работе. Он чувствовал, что история ЦК, да и всего СССР приближается к концу, но МИД должен был оставаться при любом режиме и ему всегда будут нужны квалифицированные кадры, которые готовили в Дипакадемии. Меня в то время затащила политика, с 1990 г. я был депутатом Моссовета последнего созыва. А когда в 1993 г. все Советы распустили, я уехал в аспирантуру в Оксфорд и долго не видел Евгения Петровича, хотя и следил за его работами.

Вернувшись и поступив на работу в МГИМО, я иногда заходил к нему в гости, мы разговаривали о том о сем в его кабинете в Большом Козловском переулке, иногда меня даже приглашали в квартиру к Бажановым на престижном Кутузовском проспекте. Квартира эта всегда поражала меня многочисленными китайскими вещицами, знаменитой коллекцией кукол и хорошим ремонтом, который в то время был многим не по карману. Иногда я просил его подписать мне какую-нибудь рекомендацию, что он безотказно делал. Всегда дарил свои многочисленные книги. Написаны они были в основном в публицистическом или научно-популярном стиле. Это была некая смесь воспоминаний, рассуждений и пересказанных занимательных сведений, почерпнутых из самых разных источников. Многие из них были посвящены разным сторонам жизни Китая, и я читал их с интересом.

В 2005 г. я попросил его помочь в организации защиты моей докторской диссертации в Дипломатической академии, и он сразу же согласился. Защищаться в МГИМО, в учреждении, где сам работал, считалось не очень этичным, к тому же в Дипакадемии Евгений Петрович организовал мне полную техническую поддержку. Диссертацию я защищал по тексту монографии об образе Китая в России, которая вышла за несколько лет до этого, той самой, к которой он написал весьма лестное предисловие. Сам же он выступил научным консультантом диссертации.

Как-то раз он показал мне свои воспоминания о работе в ЦК под характерным названием «Вознесенные на Олимп». Это была довольно едкая, саркастическая критика священного для советской бюрократии места, написанная легко и с юмором. Евгений Петрович хотел опубликовать эти воспоминания в каком-нибудь толстом журнале, который бы читали не только востоковеды или международники, но и культурная общественность в целом. Я через разных знакомых помог напечатать их в журнале «Знамя», и статья вызвала определенный резонанс. Кое-что в ней, правда, меня несколько удивило. Евгений Петрович резко и заслуженно критиковал организацию, в которой стремился работать и в которой проработал довольно долгое время. Ушел он, только когда стало ясно, что там нет никаких перспектив. Из воспоминаний становится понятно, что занимался он делом, которое презирал. Он как бы раздвоился: для начальства был верным партийцем, а для себя и друзей – критиком режима. Он описывал сотрудников как напыщенных ничтожеств (какими они, возможно, и были), их задания и всю их деятельность – как абсурдную, бессмысленную и даже вредную. И тем не менее он занимался всем этим весьма усердно, хотя в общем-то его никто не заставлял. Сам я, например, ушел из МИД частично поэтому, а еще потому, что у меня кончался комсомольский возраст и мне нужно было вступать в КПСС (беспартийных там не держали). А в КПСС мне вступать совершенно не хотелось.

В этом тексте Евгений Петрович, например, описывал историю, как один из начальников дал ему задание подготовить справку о том, что в проводящем активные реформы Китае все еще процветает «маоизм», а другой, более высокий начальник поручил написать, что этот самый «маоизм» там давно отброшен. Евгений Петрович написал две справки противоположного содержания и отдал их каждому из начальников, прекрасно понимая, что никакого «маоизма» в Китае давно нет, а его сторонники сидят в тюрьме.

Кажется, он сам мне рассказывал, что речь здесь идет о противоречиях между заместителем заведующего Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран (сокращенно просто «Отдел») О.Б. Рахманиным, который в течение долгого времени курировал там китайское направление, и назначенным в марте 1986 г. М.С. Горбачевым новым заведующим этого отдела секретарем ЦК КПСС В.А. Медведевым. О.Б. Рахманин был твердым сталинцем и называл китайских сторонников рыночных реформ «правыми маоистами», обвиняя их в отходе от классической социалистической модели. Человек с твердыми убеждениями, он активно пытался убедить товарищей по партии в верности своего подхода, который полностью расходился с подходом М.С. Горбачева и его ближайшего сторонника В.А. Медведева. В результате через несколько месяцев О.Б. Рахманина отправили на пенсию. Однако заставила меня задуматься не сама эта борьба, а роль в ней Евгения Петровича. «Неужели нельзя каким-нибудь, пусть не прямым, образом все же сформулировать одну позицию – ту, которую считаешь верной? – думал я. – Ведь есть же в конце концов совесть. Ну, пусть даже не совесть в моральном смысле, но научная добросовестность, что ли. Конечно, это дело рискованное, но, с другой стороны, возможно, тебя кто-то будет уважать за то, что ты имеешь собственную позицию. Может быть, это даже будешь ты сам».

Впрочем, кажется, Евгений Петрович не задавался подобными вопросами. Все, что он делал, он делал легко. Он легко раздвигался, оставаясь одним для начальства и подчиненных и совершенно другим для друзей и родственников. Для первых он писал записки и доклады, такие, какие они хотят, а для вторых – многочисленные воспоминания и публицистические заметки, в которых высказывал все, что думает. В них он мог быть резким в критике как общественной жизни вообще, так и бывших коллег в частности. И чем дальше действительность разводила эти две его личности, тем сильнее становилось противоречие между ними и тем длиннее и резче становились его записки. За эту критику, как говорят, он в конце концов и поплатился своей должностью ректора.

Работая в Центре исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО, я задумал книгу об истории и современности российско-китайских отношений. Моя идея состояла в том, чтобы всю эту историю разбить на несколько периодов и попросить написать главы по каждому из них лучших специалистов в стране. Проблема возникла по периоду после образования КНР в 1949 г. и до распада СССР. Специа-

листы по нему были либо люди пожилые советские, зафиксированные на прежних оценках, либо молодые, плохо знавшие то время. Первоначально я поручил эту главу одному молодому специалисту, работавшему за границей и много изучавшему российские и китайские архивы. Однако результат меня не вдохновил. Оказалось, что ему было трудно понять дух времени и мотивы лидеров, например Мао Цзэдуна, Сталина, Хрущева. Архивы архивами, но должно быть еще знание широкого контекста, понимание смысла и значения российско-китайских дискуссий. И я предложил сделать это Евгению Петровичу. Он, несмотря на свою занятость, согласился. Вскоре он дал текст, частично уже где-то несколько раз опубликованный, но исправленный и дополненный. Часть материала была взята еще из его диссертации, рукопись которой он мне дал для сверки сносок. Она и сейчас стоит у меня на полке.

Несмотря на недостатки, это было совершенно другое дело! Евгений Петрович отлично разбирался во всех тонкостях и перипетиях российско-китайских отношений того времени, когда он сам работал на китайском направлении и был в курсе многих событий и их интерпретаций. С текстом, конечно, мне как редактору пришлось серьезно поработать: выверить ссылки, добавить новые цитаты из работ российских и зарубежных китаеведов, чтобы создать впечатление широкого использования литературы, дополнить все это интересными кусками из некоторых других работ автора, которые имели отношение к делу. Одним словом, создать так называемый научный аппарат, которому Евгений Петрович особого значения не придавал. Закончил я книгу, уже работая в Дипломатической академии вместе с Евгением Петровичем. Вышел довольно солидный том, и мы провели его презентацию с участием ведущих российских и зарубежных китаеведов. Евгений Петрович был доволен, о чем сам написал в целом томе воспоминаний, посвященном первым годам его ректорства в академии.

Ректором он стал в 2011 г. после того, как несколько его предшественников довели ее до весьма плачевного состояния. И он довольно быстро предложил мне занять должность проректора по научной работе, которую освободил он сам. Мне это было нужно, можно сказать, что я даже мечтал о чем-то таком, потому что к тому времени я уже много лет работал на одной и той же должности в МГИМО и хотел чего-то нового и более масштабного. В упомянутых воспоминаниях он сам рассказал, что в его решении большую, может быть решающую, роль сыграла Наталья Евгеньевна. Он советовался с ней

по многим вопросам, а она продолжала мне симпатизировать, несмотря на то что видел я ее гораздо реже, чем его. Возможно, некоторую роль сыграло и то, что по моей просьбе мой отец поговорил о его кандидатуре на высоком уровне. Об этом, опять же, написал сам Евгений Петрович. Отец тогда занимал довольно высокую должность, и к его мнению прислушивались, хотя, конечно, он был не единственным таким ходатаем.

Я хотел, чтобы Евгений Петрович стал ректором. И не потому, что на что-то рассчитывал. А просто считал, что лучше его человека не найдешь, он знает Дипакадемию насквозь, к тому же всегда неплохо иметь знакомого на высокой должности – мало ли для чего это может пригодиться. А Евгений Петрович называл меня другом и был со мной на «ты». Я же, конечно, называл его почтительно на «вы» и «Евгением Петровичем», ведь он был на 15 лет старше меня и уже был почтенным дипломатом, когда я еще студентом приехал в посольство.

Случилось так, что я все-таки стал проректором, хотя Евгений Петрович, как он сам утверждает, какое-то время уговаривал ректора МГИМО А.В. Торкунова разрешить мне уйти в Дипакадемию, оставшись в МГИМО лишь на часть ставки. Поначалу мы вместе работали над налаживанием научной работы вполне успешно. Перестроили работу научного подразделения – Института актуальных международных проблем, создали систему внебюджетного финансирования научной работы и зарубежных поездок исследователей, провели многочисленные резонансные научные конференции, запустили научный журнал «Россия и мир» на основе аналитических материалов сотрудников. Но постепенно мы сильно разошлись в отношении к научной работе, перспективам ее развития в Дипакадемии, а также в стиле руководства и понимании того, зачем вообще нужно быть руководителем. Я понял тогда, что, начав работать под его руководством, несмотря на все заверения в дружбе, в его системе координат я перешел из разряда друзей в разряд подчиненных, и мне все чаще приходилось иметь дело со вторым Евгением Петровичем, а не с первым. И дело здесь не в каких-то политических расхождениях. По убеждениям Евгений Петрович был умеренным западником, т.е. выступал за развитие отношений с Китаем и странами Азии не в качестве альтернативы традиционным связям России с Западным миром, но как дополнение к ним. Для него это было важнейшее направление, которому ранее не уделялось достаточного внимания и укреплению которого он посвятил всю жизнь. Под этим

общим углом он и смотрел на Китай и на отношения России с ним. Не идеализируя Азию, он понимал ее значение для будущего нашей страны. Все это вполне мне импонировало. Проблемы были, как говорится, скорее стилистическими.

Как и многие в России, теоретический западник, получив руководящую должность, на практике оказался типичным советским начальником, да еще и с примесью какой-то южной склонности к мелкому жульничеству. Последнее, возможно, было связано с тем, что молодость Евгений Петрович провел в Сочи, где его отец П.И. Бажанов был в 60-е годы председателем исполкома, т.е. мэром. Место было непростое. Сам П.И. Бажанов в 1971 г. благополучно ушел на пенсию и через несколько лет умер, а вот его преемник и бывший заместитель В.А. Воронков стал главным фигурантом знаменитого краснодарского дела и получил 13 лет с конфискацией имущества. Всего же в результате расследования, которое курировал лично Ю.В. Андропов, 5000 чиновников края были уволены со своих постов и около 1500 осуждены по коррупционным статьям.

Как бывший сотрудник советского МИД, Евгений Петрович относился к ученым как к более мелким чиновникам и считал, что одним из главных показателей их эффективности должно быть присутствие на рабочем месте. Мысль о том, что умственный труд отличается от конторского тем, что им можно заниматься не в конторе, а, например, в библиотеке или даже дома на диване, и, например, не днем, а ночью, и главное в нем – результат, выражающийся в идеях и научных публикациях, ему не приходила в голову. Сам он появлялся на работе рано, а уходил поздно, и если кого-то он не находил на рабочем месте, то считал его тунеядцем и прогульщиком, а его комнату – зря простаивающей недвижимостью, которую можно, например, сдать какой-нибудь сторонней организации. Время от времени он, как унтер Пришибеев, устраивал личные рейды по кабинетам ближе к концу рабочего дня, а с утра требовал объяснительные записки с тех, кого не находил на службе. Некоторых сотрудников, которые в это время что-то делали вне помещений Дипакадемии, приходилось буквально прятать от него.

Поездки сотрудников за границу или в другие регионы России на научные конференции он, как и все советские начальники, тоже считал не работой, а отдыхом, рассматривал их как поощрение и практически никогда не финансировал. И даже когда мы нашли внешние источники, все равно считал, что все гуляют по заграницам вместо работы в своих кабинетах.

Став ректором, теоретический демократ так централизовал управление, что без его вмешательства невозможно было решить даже самый мелкий вопрос. Все финансы он контролировал лично. Например, я, как руководитель некоторых подразделений, даже не знал, какую зарплату получают мои подчиненные, и, следовательно, не мог каким-либо образом поощрить лучших работников и наказать нерадивых. Хорошо или плохо человек работал, решал лично ректор на основе собственных критериев и сам же назначал им зарплату. На каком-то этапе он стал назначать моих подчиненных, даже не сообщая мне об этом. Прихожу я так на работу, приходит ко мне какой-то человек и говорит: я назначен руководителем такого-то центра Института актуальных международных проблем, который я возглавлял по должности. А я даже не знаю, кто он такой. Но когда в списке моих сотрудников стали появляться «мертвые души» – важные для ректора люди, которые никогда не ходили на работу, но за присутствие которых он пытался заставить меня расписываться в ведомости, я уже реально начал опасаться, что дело кончится уголовным расследованием.

Довольно странным образом Евгений Петрович понимал как форму, так и содержание научных работ. Например, он принципиально не читал других авторов по Китаю и не следил за научной литературой, так как считал, что сам знает все лучше других. А если и цитировал, то, как правило, неточно, цитаты подгонялись под доказательство того, что он сам хотел сказать. Многое он действительно знал хорошо, но в науке существуют определенные правила. Одно из них – необходимо быть знакомым с уровнем исследования проблемы в научном сообществе. С работами коллег вовсе не обязательно соглашаться, но надо их хотя бы знать, чтобы случайно не «открыть Америку».

Между тем в докторской диссертации Бажанова, посвященной политике США в отношении Китая, которую он сам дал мне, чтобы я брал из нее какой-то материал для оформления его главы в книге под моей редакцией, значительная часть цитат из китайских источников, в том числе высказывания бывшего китайского премьера Чжао Цзяняна, оказались либо просто вымышленными, либо перепутанными до такой степени, что источник установить не удалось. Пришлось мне самому вставлять в эту главу цитаты из работ других китаеведов и обзор их взглядов. Я говорил ему об этом, но он отвечал в том плане, что все равно кроме меня никто проверять не станет и, вообще, главное – смысл, а не формальности. Тексты свои, конеч-

но, в отличие от многих других начальников, он писал сам или в крайнем случае вместе с женой, но к плагиату в работах других относился либерально: ну, что же, написано-то неплохо, какая разница.

Кстати, защита диссертации Бажанова в Институте востоковедения проходила трудно, к ней было множество, как я теперь понимаю, вполне заслуженных претензий. Л.П. Делюсин, тогда руководивший в этом институте отделом Китая, говорил мне, что не нашел в ней оригинальных мыслей, это был текст официальный, там излагалось то, что тогда было положено.

Собственные мысли Евгений Петрович излагал в работах другого типа. После изданной еще в 1982 г. отдельной книгой докторской диссертации он практически не писал работ, которые можно было бы признать чисто научными. В большинстве из них отсутствовал научный аппарат, но были рассуждения, которые, перемежаясь с личными воспоминаниями, могли далеко отойти от четко поставленной проблемы. Причем, когда он писал о том, что хорошо знал, например о Сингапуре, Китае, США периода своей работы в них, это было интересно. Но постепенно начал рассуждать обо всем на свете, о странах, в которых пробыл несколько недель и с которыми был плохо знаком, при этом писал он бесконечными томами. Многие из них он зачем-то снабжал личными фотографиями, вплоть до ресторанных застолий с женой и знакомыми и возлежаний на пляжах всех стран мира. Смотрелись все эти произведения, которые он почему-то считал научными монографиями, довольно дико. Я уже не говорю о более позднем периоде, когда после смерти жены он зачем-то решил издать двадцать томов каких-то воспоминаний, записок и дневников в ее честь, в том числе личную переписку и даже отрывки из истории ее болезни. Это уже граничило с полной графоманией.

Уровень образования, с которым я столкнулся в Дипакадемии, также был крайне низок. Я пытался бороться с плагиатом в работах студентов, но мне говорили: а ты знаешь, чей это сын, знакомый и родственница? Я, пришедший из МГИМО, такого разгула откровенной халтуры и явного плагиата не видел до этого никогда. И никакой возможности их победить при подобном отношении ректора не было.

Доходило до смешного. Один раз я, будучи во главе экзаменационной комиссии, поставил оценку «хорошо» студенту из одной среднеазиатской страны. На следующий день меня вызвал Бажанов (наши кабинеты находились в разных зданиях) и сказал: мне звонил министр иностранных дел и просил поставить ему «отлично», вопрос

поднимался на еще более высоком уровне. Оказалось, что это сын руководителя личной охраны той самой страны. Ну, что тут поделаешь? Была создана новая комиссия под председательством ректора и уже без меня, и студент получил свою оценку «отлично».

Евгений Петрович всегда говорил, что главное – это не содержание и качество работ, а отчет. В научные отчеты записывались откровенное вранье и подтасовки. Например, в отчет по количеству монографий заносили все книги, где какой-либо сотрудник академии публиковал статью или главу. Иногда их число просто выдумывалось. «Сколько монографий получилось за год? – спрашивал Бажанов. – 42? Пиши 52. А кто проверит?»

Примерно так же была организована и работа диссертационного совета. Евгений Петрович, который был его председателем, очень любил «защищать» в нем высокопоставленных чиновников, их родственников и других полезных людей. Причем почти всегда результат был «единогласно», хотя некоторые члены совета говорили мне, что якобы голосовали против. Как-то раз обсуждалась докторская диссертация (причем уже вторая) одного из таких «крупных ученых», но текст был довольно неплохой, и я подошел что-то уточнить у соискателя. «Да откуда я знаю, что там написано! – откровенно сказал он. – Написали что-то, мне не до того, дел много». Тут я сам проголосовал против, но результат опять был «единогласно». Вот что значит правильно подбирать членов счетной комиссии! При этом поднимать скандал никто не хотел, так как это означало бы вылететь с работы уже на следующий день: нельзя наносить ущерб престижу своего учреждения. И сегодня Е.П. Бажанов совершенно справедливо на сайте «Диссернет» характеризуется как «участник позорных решений».

Отправил меня Евгений Петрович и в экспертный совет ВАК по политологии, но через год отозвал. Он считал, что моя задача там – «пробовать» утверждение диссертаций, защищенных в Дипакадемии, а я – что давать объективную экспертизу всех работ независимо от места их защиты.

И конечно, крайне неприятным был постоянно усиливавшийся культ славословия в адрес ректора. Евгений Петрович никогда не говорил о себе хорошо сам, отзывался даже уничижительно. Например, постоянно даря всем свои книги, которых было такое огромное количество, что их не успевали даже развезти по магазинам, он говорил что-то вроде: «Ну, какой я ученый, вот набросал тут пару томов в свободное время». Ну, тут надо было быть осторожным, пото-

му что подразумевалось, что получатель (особенно если это подчиненный) ответит: «Да что вы говорите! Вы крупнейший ученый, выдающийся международник! Как можно так себя недооценивать!» А если вы этого не говорите, то Евгений Петрович мог обидеться и затруднить вашу жизнь.

Помню, как-то, кажется, это было в ноябре 2013 г., на свой день рождения он собрал все руководство подразделений академии на празднование. Началось все где-то в обед, собралось человек 30–40, накрыли стол. С виду все было обычно, но затем мероприятие превратилось в нечто невыносимое. Каждый присутствующий должен был произнести длинный тост-славословие достижениям великого руководителя, причем каждый следующий стремился превзойти предыдущего. А он скромно отвечал: «Ну, что вы, что вы!» Через полчаса все это мне страшно наскучило, и я стал искать повод «смыться» и заняться чем-нибудь полезным. Но мне шептали, что будет страшнейшая обида и так нельзя. Короче, все это продолжалось восемь часов, до позднего вечера, и я еще ушел до официального завершения, не знаю даже, чем все закончилось. Помню, тогда я, возможно, впервые подумал, что оставаться в атмосфере этого сумасшествия нельзя, можно сойти с ума самому.

Потом я где-то прочитал, что самоуничижение – это обратная сторона гордыни. Странно было видеть, как этот человек, который в общем-то презирал большинство людей вокруг, в том числе и начальство, в отношениях с непосредственным руководством проявлял полное раболепие, боялся высказать любое несогласие и всегда старался выполнить любое самое бессмысленное указание. И, как и всякий руководитель, в душе сомневающийся в своей значимости и потому постоянно нуждающийся в ее публичных подтверждениях со стороны подчиненных, он не терпел среди них самостоятельных людей, избавлялся от них и окружил себя бесцветными личностями, которые к этим подтверждениям всегда были готовы. Есть два типа руководителей: те, кто считают, что их учреждение красят сильные, выдающиеся люди, и полагают, что такие подчиненные только подчеркнут их собственную способность собирать мощный коллектив, и те, кто из скрытого комплекса неполноценности опасаются, что такие сильные люди затмят их своими достижениями. Евгений Петрович был явным представителем второго типа.

При этом он не особо интересовался материальными благами. На работу он часто ходил пешком, хотя от его дома идти было, наверное, не меньше часа, иногда я даже подвозил его домой. Не было

у него и дворцов с фонтанами. Довольно хорошая квартира на Кутузовском проспекте, обставленная в несколько аляповатом стиле «жены советского дипломата», машина, дача – обычные признаки представителя среднего класса, но не более того. Его страстью было создание текстов, иногда неплохих, но часто – посредственных, и признание их другими гениальными. Этого ему было вполне достаточно.

Окончательно я решил уйти из Дипакадемии после того, как организовал приезд в нее Г. Киссинджера. С Киссинджером был знаком еще мой отец. Я же, независимо от этого, на каком-то научном мероприятии познакомился с дипломатом и политологом Томасом Грэмом, ставшим позже помощником Киссинджера в его консультационной компании. Мне пришло в голову использовать все эти знакомства, чтобы пригласить его в Дипакадемию и вручить степень почетного доктора. Я сказал Бажанову, что это можно осуществить, но он не очень поверил и ответил, что сделает мне все, чего я ни захочу, если мне это удастся. И это было понятно – реклама для Дипакадемии была бы значительной.

В конце октября 2013 г. мой план удалось осуществить. Предлогом для приглашения стало участие в Международной американо-российско-китайской конференции, проходившей уже несколько лет попеременно то в США, то в Китае, то в России, организатором которой с российской стороны был я. В тот год местом ее проведения как раз стала Россия, и я пригласил Киссинджера в качестве основного докладчика. 28 октября в присутствии ведущих ученых трех стран в актовом зале Дипакадемии прошла церемония вручения почетного звания, Киссинджер выступил с речью, затем его приняли министр иностранных дел С.В. Лавров и президент В.В. Путин.

Все прошло как нельзя успешно, но Евгений Петрович не только не сделал мне ничего хорошего, но даже стал увольнять моих сотрудников без моего ведома, как-то нарочито меня не замечал и создавал впечатление ревности. Я такого не очень ожидал, хотя к тому времени уже знал, что ректор считал невыполнение обещаний не свинством, а административной хитростью. Я же придерживался другого мнения: руководитель, конечно, может отказать, но гораздо лучше, если он говорит об этом ясно и прямо. Стиль же Бажанова приводил к тому, что я ссорился с известными учеными и даже друзьями. Например, он вполне мог обещать принять кого-то на работу, человек подавал на увольнение из другой организации, а Бажанов «заматывал» дело, оставляя кандидата в подвешенном состоянии

на долгие месяцы. Или пообещать одну зарплату, но по факту платить в два раза меньше. Короче говоря, трех лет работы в этой атмосфере показалось мне вполне достаточным. В результате после окончания моего трехлетнего контракта я решил его не продлевать и перешел на работу в НИУ ВШЭ, куда меня активно приглашали.

Будущее показало, что поступил я совершенно правильно. Смерть жены в 2014 г., очевидно, сильно ухудшила психологическое состояние Евгения Петровича, что выразилось в создании ее совершенно гротескного культа как великого ученого во всех областях гуманитарного знания. Ее имя было присвоено научному центру, был издан упомянутый 20-томник, и он даже написал посвященный ей том в серии «Жизнь замечательных людей». При этом Наталья Евгеньевна была приветливой и доброй женщиной, довольно неплохим корееведом, и все это абсурдное возвеличивание приносило только вред ее памяти и самому Евгению Петровичу.

После моего увольнения встретились только раз, на защите докторской диссертации известного таджикского дипломата Рашида Алимова, научным консультантом которой я был до своего ухода. Но с Бажановым тогда мы особо не разговаривали. С тех пор мы не виделись. Это, конечно, очень печально. Когда в 2022 г. мы в Институте Китая и современной Азии РАН, бывшем Институте Дальнего Востока, в котором, кстати, Евгений Петрович был аспирантом и защитил кандидатскую диссертацию, запустили журнал «Российское китаеведение», я несколько раз звонил ему, чтобы попросить написать что-то для него. Но он не брал трубку. Наверное, болел или был занят. Я все же отправлял электронные номера журнала ему на WhatsApp, и он вроде бы их видел, надеюсь, что просматривал. Увидел же я его в последний раз только на похоронах.

Евгений Петрович был человеком сложным. Но одно можно сказать твердо: он хорошо знал и понимал Китай. Многие его работы по Китаю и сегодня сохраняют свое значение для специалистов, с другими с интересом знакомятся обычные читатели, интересующиеся этой страной. Он считал, что, несмотря на все особенности нашего великого соседа, Россия должна развивать с ним тесные, конструктивные отношения. Относясь к Китаю объективно, он в то же время, безусловно, любил его.

Артему Игоревичу Кобзеву 70 лет!

Опубликовано в журн.: Российское Китаеведение. 2023. № 3(4). С. 160–162

15 октября 2023 г. исполнилось 70 лет выдающемуся российскому Китаеведу, специалисту по китайской философии Артему Игоревичу Кобзеву. Артем Игоревич – уникальное и крайне колоритное явление не только в российском Китаеведении, но и во всей науке и общественной жизни нашей страны. Я познакомился с ним еще в 80-е годы прошлого века, сначала как с исследователем, а затем и лично. Тогда, будучи студентом МГИМО, я начал ходить на самую значительную в России Китаеведческую конференцию «Общество и государство в Китае», которую проводил Отдел Китая Института востоковедения АН СССР. Конференция была одним из заметных ежегодных событий не только науки, но и всей общественной жизни позднего СССР, она собирала не только лучших Китаеведов страны, но и многих, как тогда говорили, «представителей общест-венности». В основном это было потому, что старшее поколение Китаеведов, говоря здесь о Китае, часто в действительности имело в виду не только Китай, но мир социализма в целом, а значит и свою страну, серьезно судить о которой напрямую в то время воз-можности не было. Эти разговоры интересовали и меня, но я также заметил, что на конференции сформировалось новое поколение Китаеведов, которые хотели разговаривать о Китае самом по себе, а не в связи со своими политическими или общественными взгля-дами, считая, что китайская культура того достойна. Между ними шла постоянная научная дискуссия, но объединяло их именно это – стремление к академической объективности и понимание того, что китайская цивилизация – явление в той или иной мере уникальное и заслуживает, чтобы посвятить свою жизнь ее изуче-нию. Тогда я не очень хорошо разбирался во всех деталях этих дис-куссий, затрагивавших философию, филологию, историю, эконо-мику и многое другое, но, именно наблюдая их, ясно понял, что

востоковед – человек особый и должен быть специалистом во всех этих вопросах и подходить к избранной для изучения стране комплексно. Артем Игоревич был одним из ярчайших представителей этого молодого поколения. Если представить его идеи в очень упрощенном виде, он говорил о том, что в Китае не развилась метафизическая философия западного типа и китайская мысль представляет собой многовековое развитие натурфилософии типа древнегреческой, но, естественно, гораздо более глубокое и многогранное. По этому и многим другим вопросам с ним тогда спорили некоторые, как тогда мне казалось, вполне сформировавшиеся китаеведы, которые в действительности были еще довольно молодыми людьми: Е.А. Торчинов, В.В. Малявин, С.Н. Гончаров. Всем им тогда было около 30. Иногда к их дискуссиям подключались и более почтенные ученые, которые говорили с ними вполне на равных.

В 1988 г. приехав из Китая, после двух лет работы в советском посольстве я поступил младшим научным сотрудником в это са크ральное для молодых китаеведов место – Отдел Китая Института востоковедения – и даже оказался в одном секторе с Артемом Игоревичем – секторе китайской идеологии. К сожалению, буквально через год меня затянула бурная в то время общественная жизнь, но с Артемом Игоревичем мы продолжали поддерживать отношения. Помню, что я как-то заходил к нему в общежитие Пекинского университета, где он пребывал на стажировке, а за несколько лет до этого жил и я. Встречались мы и в других местах, но не очень часто. Тем не менее я, естественно, следил за его работами. Я заметил, что его подходы развивались и не вылились в обычную для западных философов XVIII–XIX вв. идею о том, что в Китае, в связи с отсутствием метафизики, вообще не было философии или она тысячи лет пребывала в каком-то недоразвитом состоянии. Напротив, Артем Игоревич сформулировал целую теорию развития китайской мысли в собственном направлении, отличном от европейского или индийского, которое было основано на иной методологии – не европейской формальной логике, но логике иного типа, которую он назвал нумерологией. Идеи об этом уникальном типе мышления пронизывают все его основные работы: «Учение Ван Янмина и классическая китайская философия» (1983), «Учение о символах и числах в китайской классической философии» (1994), «Философия китайского неоконфуцианства» (2002), «Традиционная наука в Китае» (2014) и др.

Конечно, этим не ограничивается вклад Артема Игоревича в мировую и российскую науку. Его труды охватывают самые различные сферы китаеведения: историю Китая, развитие его науки и общественной мысли, политику, литературу, этику, эстетику и даже эротику. Он автор и редактор многочисленных переводов, в последние десятилетия – организатор конференции «Общество и государство в Китае», сборники материалов которой он превратил из небольших брошюр в полноценное периодическое издание весьма внушительного размера и вида.

Артем Игоревич проявил себя как недюжинный организатор науки и образования и как человек истинно государственного мышления – он постоянно генерирует предложения о том, как необходимо развивать китаеведение с пользой для России. Выступая за то, чтобы из российских вузов выпускались не только китаеведы-гуманитарии, но и специалисты по конкретным отраслям экономики и по естественным наукам, он фактически с нуля создал цикл гуманитарного образования в МФТИ. Преподавал он также и в других вузах, где составлял собственные программы. Кроме Института востоковедения он также работал в Институте философии и Институте Дальнего Востока РАН. Много труда он положил и для воссоздания истории российского китаеведения, издания трудов и жизнеописаний ушедших коллег. Под его руководством был создан интернет-сайт synologia.ru, где в открытом доступе собраны основные работы многих российских китаеведов. Полное описание его научной, образовательной и организационной деятельности заняло бы много страниц.

К сожалению, государство не всегда прислушивалось к его советам. Конечно, нельзя сказать, что его труд остается совершенно не оцененным. Артем Игоревич – обладатель многих наград и званий, в 2010 г. ему была присуждена Государственная премия за выдающиеся достижения в развитии отечественного и мирового китаеведения и подготовку фундаментальной академической энциклопедии «Духовная культура Китая». Оценили его многолетний труд и в Китае: в 2020 г. он был награжден Национальной премией КНР за особый вклад в литературу, присуждаемой иностранным переводчикам, писателям и издателям за популяризацию китайской литературы и развитие культурных контактов с другими странами. По его предложению на развитие китаеведения государство выделяло определенные средства.

Однако суть его идей, которые сводятся к превращению китаеведения в отдельное направление науки, активно поддерживаемое го-

сударством материально и институционально, несмотря на его многочисленные официальные письма и предложения, пока осуществлена не была. Относится Артем Игоревич к этому обстоятельству, насколько я могу судить, как и должно истинному философу, философски. Здесь он остается оптимистом и идеалистом. Когда я говорю ему, что некоторые его идеи в отношении государственной поддержки являются слишком идеальными и непрактичными, он обычно отвечает, что необходимо зафиксировать свою позицию, а что уж делает руководство – это дело его.

Зная активность и размах деятельности Артема Игоревича, можно с уверенностью сказать, что он еще очень многое сделает для российской и мировой науки. Но уже сейчас ясно, что он войдет в историю так же, как вошли в нее наши выдающиеся китаеведы: о. Иакинф (Н.Я. Бичурин), архимандрит Палладий (П.И. Кафаров), академики В.П. Васильев и В.М. Алексеев. Возможно, некоторые научные выводы Артема Игоревича, в особенности в части уникальности китайской цивилизации, некоторым кажутся чрезмерно радикальными, а его отдельные оценки своих коллег-китаеведов – слишком резкими, но для того и существует наука, чтобы не застыть, а развиваться, в том числе в ходе бурных дискуссий и откровенных обсуждений.

Поздравляем Артема Игоревич со славным юбилеем и желаем дальнейших успехов в его многотрудной деятельности!

*Главный редактор журнала «Российское китаеведение»
А.В. Лукин*

Памяти Юрия Борисовича Савенкова (1933–2023)

Опубликовано в журн.: Российское китаеведение. 2023. № 2(3). С. 143–145

13 марта 2023 г. не стало Юрия Борисовича Савенкова – одного из наиболее известных журналистов-китаистов. Журналист-страновед сегодня вымирающая профессия. В огромной медиаиндустрии больше, кажется, не считают, что журналист должен хорошо знать конкретную страну или проблему – достаточно прочитать вопросы интервью по бумажке, а статью написать по данным из Википедии. Да и анализ проблем не требуется. Но люди старшего поколения еще помнят блестящих журналистов – специалистов по Индии, Китаю, Японии, США и Франции, десятки лет проводивших в одной или нескольких странах, прекрасно знавших их язык и нравы и отличавшихся от кабинетных исследователей, пожалуй, только широтой охвата проблем, краткостью и занимательностью их изложения. Их имена, статьи и книги знали в СССР многие: Всеволод Овчинников, Станислав Кондрашов, Мэлор Стуруа, Игорь Фесуненко, Фарид Сейфуль-Мулюков. Юрий Борисович относился к этой плеяде, поколению и типу журналистов, его любовью и предметом наблюдений были Китай и страны с китайской диаспорой, прежде всего Сингапур.

Я познакомился с ним, когда по распределению после окончания МГИМО приехал на работу в советское посольство в Пекине. Шел 1986 год, незадолго до этого в Китае был восстановлен корпункт «Известий», который он открывал. Советские журналисты часто заходили в посольство, где мы и познакомились. Мне он сразу понравился, потому что на довольно однообразном фоне посольской рутины показался некоторой отдушиной – он жил за пределами стен посольской территории, с огромным интересом, даже жаром рассказывал о том, что происходит в стране, о китайской культуре и ее памятниках. Кроме того, он уже успел побывать в то время для меня

загадочном Сингапуре и сравнивал быт тамошних китайцев с пекинским.

Наверное, симпатия была взаимной. Я был довольно любознательным, но совсем молодым человеком, который хотел все знать о Китае. Но я уже успел провести год в китайском университете и даже жил с живым китайским студентом в одной комнате. Этот опыт интересовал Юрия Борисовича, так как, хотя жизнь журналистов в Китае в то время и была гораздо более вольной, чем в посольстве, китайские власти все же довольно жестко ограничивали контакты с простыми китайскими гражданами, а я мог что-то рассказать об их реальной жизни и отношении к ней. Юрий Борисович мог часами расспрашивать меня о моих впечатлениях о Китае, о том, что мне говорили мои китайские знакомые, интересовался тем, как устроена китайская жизнь. Иногда его вопросы звучали резко или даже провокационно, в том смысле, что он задавал их как бы не от себя, а специально высказывал парадоксальное мнение, чтобы вызвать на него бурную реакцию. Эту тактику я запомнил и впоследствии тоже часто применял. А позже я находил отголоски этих бесед в его заметках.

Юрий Борисович вместе со своей радушной женой Ритой Цезаревной приглашали меня в гости, возили по разным местам Пекина и окрестностей, магазинам и рынкам, где бурлила новая жизнь, царил новый предпринимательский дух, вызванный реформами Дэн Сяопина. Мы разговаривали о многом, причем не только о Китае. В СССР тогда начиналась перестройка, говорить и даже писать можно было более свободно, чем раньше, но пока еще лишь до определенной степени. И мы, насколько я помню, говорили и о своей стране и, конечно, сравнивали изменения в ней с китайскими.

Для меня все это было чрезвычайно важно. Обстановка в посольстве на откровенные разговоры не настраивала, там все еще царствовал советский принцип «слово – не воробей, поймает – вылетит». А тут я вдруг попал в атмосферу нормальной московской интеллигентной семьи без всякого чиновного налета. И даже то, что Савенковы жили за территорией посольства, хотя и в специально отведенном для иностранцев компаунде, было очень удобно. Китайцев туда без особого разрешения не пускали, но иностранцы проходили свободно, и, отрапортовав в посольстве, что иду к ним в гости, я мог по дороге заходить к китайским и иностранным друзьям, которые, конечно, сохранились у меня в большом количестве со времени моей стажировки в Пекинском университете.

Продолжили мы знакомство и в Москве, я подружился с их дочерью Леной, с которой мы встречались потом и в Москве. Я ввел ее в круг тогдашних моих фанатических симпатий – подпольных рокеров и организаторов их концертов, и как-то в отсутствие родителей мы устроили в их большой по тогдашним меркам квартире на Кутузовском проспекте «квартирник» будущих звезд, а в то время мало кому известных Кинчева и Башлачева.

Шли годы, я стал заниматься общественной деятельностью в России, а Юрий Борисович еще оставался в Китае. Я, конечно, читал его статьи о студенческих волнениях 1989 г., он был в самой гуще этих событий, но встречались мы довольно редко. А потом СССР ушел в историю, и вскоре я уехал в аспирантуру в Оксфорд. Но когда, вернувшись в Россию, в 2005 г. я стал главным редактором нового иллюстрированного журнала «Россия–Китай. XXI век», полностью посвященного Китаю и отношениям с ним нашей страны, я сразу же решил, что у него не может быть лучшего автора, чем Юрий Савенков. К тому времени он уже вернулся из Китая и за два года существования журнала опубликовал в нем около десятка статей на самые разные темы.

Сегодня в память о Юрии Борисовиче мы публикуем небольшую заметку о нем двух его коллег по «Известиям» Владимира Михеева и Владимира Скосырева, а также две статьи самого Юрия Борисовича из журнала «Россия–Китай. XXI век»: одну – о Китае, другую – об удивительной русско-китайской семье известного китаевода, долгое время работавшего в Институте Дальнего Востока (ныне Институт Китая и современной Азии) РАН, Леонарда Сергеевича Переломова.

О китайской мечте, Тайване и России, которой никто ничего не должен

Беседа с Ольгой Вандышевой. Опубликовано в интернет-издании «Бизнес Online» 14.10.2022. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/567228>

«Сейчас в китайском истеблишменте есть люди, которые считают, что страна уже достаточно развита, чтобы проводить более жесткий курс по отношению к Западу. Есть и люди, которые говорят, что мы еще слишком слабы для этого и надо дальше развиваться по пути, который проложил Дэн Сяопин. Но ни та ни другая группа не является проамериканской. Это не пятая колонна и не шпионы», – рассуждает и.о. научного руководителя Института Китая и современной Азии РАН Александр Лукин. О том, как Си Цзиньпин стал в КНР руководителем всего, какие требования Пекин предъявляет Западу, почему РФ не стоит ждать от Китая того, что ему невыгодно, а США не понимают, что «однополярный момент» закончился, он рассказал «БИЗНЕС Online».

– Александр Владимирович, 16 октября в Китае открывается XX съезд Коммунистической партии, на котором, как ожидается, Си Цзиньпин будет переназначен лидером КПК и военным главнокомандующим, а в начале следующего года утвержден в качестве председателя КНР. На ваш взгляд, это окончательно решенные вопросы или возможны какие-то неожиданности?

– На съезде Компартии Китая никаких неожиданностей, как правило, не бывает. Это мероприятие парадного характера. Все неожиданности обычно бывают до съезда. Но и до него неожиданностей не произошло. А все разговоры в прессе о возможности каких-то коренных кадровых перемен – это разные журналистские ходы. На самом деле власть в Китае довольно стабильна уже много лет. По крайней мере с прошлого съезда было ясно, что власть Си Цзиньпина

значительно укрепилась и вряд ли кто-то может с этим что-то поделать.

– Вы хотите сказать, что в китайской партии и политике все стабильно?

– То, что в китайской власти нет враждующих между собой фракций, это не значит, что по различным вопросам в стране нет дискуссий. Конечно, централизация власти в КНР привела к тому, что дискуссии стали более скрытными. Когда кто-то кого-то критикует в китайской партии, они применяют различные эвфемизмы, например термин «некоторые товарищи». Чтобы не называть имен, говорят, что некоторые товарищи считают так, а я считаю так. Но определенные формы дискуссии велись практически всегда. И в 1980-е годы, когда я работал в посольстве в Пекине, и в 1990-е, и позднее.

Когда я говорю, что в Компартии нет фракций, это значит, что чьи-то позиции не определяются принадлежностью к какой-то группе. Да, там есть некоторые неформальные содружества, связанные, например, с бывшей работой в одной организации или регионе, и их представители помогают друг другу в том числе занять более высокие должности. Но это не значит, что они всегда мыслят одинаково. Такое бывает во многих странах.

Что касается сути политических дискуссий, то они ведутся и о том, как должна развиваться экономика и каким должен быть внешнеполитический курс. Сейчас актуальны дискуссии относительно дальнейших действий, связанных с пандемией. Некоторые выступают за смягчение мер, другие настаивают на сохранении политики так называемой нулевой терпимости, которая предполагает жесткие ограничения.

Например, премьер-министр Ли Кэцян (в Китае эта должность называется премьер Госсовета) в своих выступлениях часто говорит о том, что надо придавать большее значение экономическому росту. Не то чтобы он напрямую говорит о смягчении пандемийных мер, но из его слов можно сделать вывод, что он бы не возражал против этого. Это не значит, что премьер ведет с кем-то борьбу, но, как человек, отвечающий за экономику, он, видимо, более остро чувствует, что она находится не в очень хорошей ситуации.

Еще совсем недавно серьезная дискуссия велась о нюансах внешней политики, которая открыто выплескивалась на страницы китай-

ских газет и журналов. Некоторые, например, высказывали критику по поводу того, что Китай слишком сильно забрал в сторону конфликта с Западом и, может быть, надо что-то смягчить. Китайский лидер Дэн Сяопин, который начинал реформы, этого тоже не предусматривал. Такие нотки звучали. Специалисты это все отслеживают по разным текстам, настроениям, которые высказывают наши китайские коллеги. У меня даже была статья на эту тему. Конечно, обо всем этом на съезде не будут вставать и говорить прямо. Там все будут говорить то, что положено, т.е. высказывать согласованную позицию.

– А что положено?

– Будет, как на съездах в Советском Союзе. Да здравствует великая политика Коммунистической партии Китая и наш вождь, ядро партии, товарищ Си Цзиньпин, мы все его поддерживаем, одобряем и так далее. Но какой будет эта согласованная позиция, представляет безусловный интерес.

– Какова сегодня роль Компартии в китайском обществе, если учесть, что в последние годы в страну проникали и западные традиции, и много молодежи училось на Западе?

– Роль, как всегда, руководящая и направляющая. Это обеспечивается всей политической системой. Номенклатура, назначение на должности, которые, как и в СССР, полностью контролируются партийными органами. Что касается популярности КПК, то ее довольно сложно измерить. Сейчас у нас часто говорят, что в Советском Союзе все любили Сталина. Но это весьма сомнительно. С какой стати его должны были любить крестьяне, которые составляли 70 процентов населения, если у них все отобрали? Но их, собственно, никто и не спрашивал.

Но в Китае Коммунистическая партия принципиально иная. Она добилась значительного улучшения реального положения людей. Если сравнить период, когда я туда впервые приехал, в 1983 г., и тем более начало реформ, в 1978-м, с нынешними временами, то китайцы сейчас живут в десятки раз лучше. Тогда они жили очень бедно, скученно, у них не было нормального жилья, во многих домах отсутствовали отопление и элементарные удобства. Это была крайне отсталая страна. А в последние годы и до недавнего времени, до пан-

демии, в Китае происходил бурный экономический рост – примерно на 10 процентов в год. Только в последние годы он снизился.

Естественно, у обычных людей, которые имеют работу, живут нормальной жизнью, а некоторые стали довольно богаты, нет особых причин быть недовольными. Конечно, среди отдельных слоев населения некоторое недовольство было. Кто-то хотел больше свободы предпринимательства, кто-то – больше политических свобод. Но таких людей немного. Основная часть населения в принципе довольна ситуацией. И сейчас руководство страны заявляет, что оно фактически реализовало так называемую китайскую мечту. Что это такое? Это историческая мечта китайской нации выйти на позиции в мире, которые Китай занимал большую часть истории.

В КНР китайская история рассматривается в рамках официальной идеологии, согласно которой Китай всегда был великой страной, но в середине XIX в. настало столетие унижений со стороны империалистических держав, которые его угнетали, по кускам завоевывали и превратили в полуколонию. Сейчас стараются меньше говорить о том, что творила сама Коммунистическая партия, например во время «культурной революции», но подчеркивается, что в конце концов именно КПК смогла вновь вывести Китай на передовые позиции в мире.

Это очень многим китайцам нравится с психологической точки зрения. Даже представители интеллигенции поддерживают, упрощенно говоря, националистические позиции. Сегодня китайцы испытывают гордость за страну, говорят, что мы такие сильные, лучше других развиваемся, не надо никому уступать и позволять нас никому учить. Такие настроения росли до недавнего времени. Сейчас ситуация немного изменилась, прежде всего из-за пандемии и ухудшения отношений с Западом.

– Тем не менее торговое сотрудничество между КНР и США наиболее масштабное. В этой связи какие позиции в китайской политике у проамериканского лобби?

– В Китае нет проамериканского лобби, там есть только прокитайское. Изначально политика «реформ и открытости», принятая при Дэн Сяопине, использовалась в КНР для широкого сотрудничества со всем миром и прежде всего с развитыми государствами, чтобы достичь опережающего развития и догнать ведущие страны. Сейчас в китайском истеблишменте есть люди, которые считают, что страна уже достаточно развита, чтобы проводить более жесткий курс

по отношению к Западу. Есть и люди, которые говорят, что мы еще слишком слабы для этого и надо дальше развиваться по пути, который проложил Дэн Сяопин. Но ни та ни другая группа не является проамериканской. Это не пятая колонна и не шпионы. Просто между ними идут споры об оптимальном пути развития страны. Открытых сторонников второго курса сейчас трудно найти, они немного притихли, потому что официальная линия склонилась в сторону более самоуверенной политики, во всяком случае так было до последнего времени. Сейчас эта позиция, кажется, несколько смягчается. Я встречал сторонников продолжения линии Дэн Сяопина не только из числа научных сотрудников, профессоров университетов, но и среди военных аналитиков. Они точно не являются проамериканской силой, просто они думают, что так будет лучше для Китая.

– А как бы вы оценили результаты Си Цзиньпина за те 10 лет, что он находится у власти?

– После прихода к власти Си Цзиньпин прежде всего стал активно бороться с коррупцией, потому что китайская система была ею серьезно поражена. Были арестованы, осуждены, уволены сотни тысяч людей и несколько сотен крупных чиновников, в том числе партийные руководители. Арестовали даже одного члена постоянного комитета политбюро, т.е. одного из 5–6 высших лидеров. Эта практика действует в Китае и сейчас.

Но проводятся не только репрессии. При Си Цзиньпине ввели многочисленные правила и ограничения на расходование государственных средств. Широко известны восемь правил по совершенствованию рабочего стиля и связи с массами. Эти правила определяют даже то, какого размера офис может иметь чиновник на каждом уровне карьерной лестницы. Если ты построил офис больше, чем разрешено, то тебя могут снять с работы или отобрать здание. Я сам видел, как в Чжэцзянском университете, где я преподаю, отгрохали огромное административное здание. А китайский университет – это не то, что среднероссийский. У него огромное количество денег, они строят современные здания, часто небоскребы. И вот партийные руководители провинции сказали, что кабинеты в университете слишком большие, и все здание отдали для обучающихся и других дел. А руководство университета туда сидеть не пустили.

Нельзя тратить государственные деньги и на приемы. Например, если какое-то мероприятие происходит днем (конференция, съезд)

и предусмотрен обед, то во время него нельзя выпивать спиртное. И вообще, прием должен быть скромным. А сам обед теперь заказывают в коробочках, как при доставке. Хотя раньше китайцы сидели на приемах часами, ели, пили, потому что в Китае поесть считается очень важным делом. Сократились бюджеты и на поездки за границу. Например, если какой-то высший чиновник ушел на пенсию, он не может ездить за рубеж за государственный счет больше двух раз в год.

Второе, что сделал Си Цзиньпин, – это централизация всей системы управления, как при Мао Цзэдуне. Эта система, чего не знают или не хотят знать поверхностные исследователи, не предполагает разногласий. При такой системе, как и в СССР, есть ЦК, секретариат ЦК, отделы ЦК, которые курируют ту или иную отрасль промышленности, сферу пропаганды, другие отрасли. У руководителей этих отделов была довольно большая власть.

Но Си Цзиньпин создал более 80 рабочих групп по всем вопросам, куда входят представители министерств, отделов ЦК, разных других заинтересованных ведомств. В самых основных из этих рабочих групп, например по армии, промышленности, Си Цзиньпин сам является руководителем. Фактически он стал непосредственным руководителем всего, потому что эти рабочие группы выше министерств, отделов ЦК.

То есть Си Цзиньпин создал централизованную систему фактически полуручного управления. Подобная система существовала только при Мао Цзэдуне. Хотя страна по количеству населения сегодня больше России почти в 10 раз. Про новую науку руководства, созданную товарищем Си, в Китае написаны десятки книг. Но в чем ее новизна и, главное, как все это будет сказываться на развитии страны, пока не совсем ясно.

Третье важное изменение, сделанное Си Цзиньпином, касается внешней политики. При нем фактически был отменен выдвинутый Дэн Сяопином принцип, который с китайского переводится примерно как «находиться в тени и не демонстрировать своих возможностей». Согласно этому принципу, не надо говорить, что мы развитые, нужно учиться у внешнего мира, сотрудничать со всеми странами, а свои коренные интересы, т.е. интересы, которые Китай будет отстаивать всеми средствами, в том числе и военными, сократить до минимума: тайваньской проблемы и некоторых других.

До недавнего времени такая политика обеспечивала широкое сотрудничество с внешним миром. При Си Цзиньпине Китай начал

проводить, как говорят на Западе, более самоуверенную и решительную внешнюю политику. Стал применять санкции в отношении некоторых стран или контрсанкции. Риторика тоже изменилась. Китайские представители начали критиковать положение дел в других странах, давать советы о том, где и как себя вести. Во многих государствах это вызвало опасения.

Четвертое направление, которым характеризуется нынешнее руководство, – это «нулевая терпимость» в борьбе с пандемией. Я бы не сказал, что эта политика уникальная. Китайцы применяют методы борьбы с эпидемией, которые были разработаны в СССР, т.е. полный карантин и все прочее. Например, в начале 1959–1960 гг. в Советском Союзе так остановили эпидемию черной оспы. В 1966-м об этом был снят фильм «В город пришла беда». Он, правда, очень скучный, но там наглядно показаны все эти меры: как разворачивают самолеты в воздухе, останавливают поезда и всех пассажиров сажают на карантин и так далее. Но тогда все было в меньших масштабах. Китайцам же пришлось закрывать миллионные города на долгие месяцы, и у многих возникали вопросы по поводу такой методики. С одной стороны, это проявление заботы о человеческой жизни. Но я даже спорил с западными коллегами, когда называл эту методику гуманной. Они говорили: какой же это гуманизм, если китайцы всех запирают, не дают им выходить из дома месяцами? А я спрашивал: слово «гуманизм» происходит от слова «человек», жизнь человека превыше всего, и сохранение жизни людей – разве это не гуманно? Западное понятие гуманизма заключается в том, что человеку можно разрешать делать все что угодно, в том числе то, что будет ему самому во вред. В Китае считают иначе: человек может делать не все что угодно, а только то, что полезно ему самому и обществу, а что полезно, решает руководство страны.

По результатам спасения жизнью Китай впереди Запада. В США, например, от коронавируса умерло более 1 миллиона человек, а в Китае – всего чуть более 5 тысяч, хотя население Китая гораздо больше. С другой стороны, для экономики подобное, конечно, тяжело. Потому рост в Китае в этом году, по прогнозам экономистов, будет чуть больше 2 процентов – так же, как было в пандемийном 2020-м. В 2021-м экономика в КНР начала восстанавливаться, выросла до 8 процентов. Но сейчас, после локдаунов, в крупных городах опять произошло падение. Что китайцы будут делать дальше, в общем-то непонятно. Они собираются навсегда закрываться от мира? Или лет на 50? И как в этих условиях может идти экономиче-

ское развитие? С другой стороны, если открыть границы, то в Китае рано или поздно произойдет эпидемия. Просто получится, что ее отложили на несколько лет. Ситуация довольно сложная. Интересно, как в Китае будут решать эту проблему с учетом той дискуссии, которая ведется?

– Последние месяцы аналитики журнала *The Economist* собирали материалы по восхождению Си Цзиньпина и разговаривали со специалистами, разбирающимися в личности китайского лидера. Они сделали вывод, что он полон решимости накопить огромную власть, чтобы использовать ее для превращения Китая в глобальную державу, перед которой будет трепетать Запад, что он стремится свести на нет американскую мощь в окрестностях КНР и за ее пределами. Насколько объективны, на ваш взгляд, такие оценки?

– Если убрать пропагандистскую риторику, что Запад должен трепетать и все такое, в принципе, все так и есть. Си Цзиньпин сам об этом говорит в любой речи. Он считает, что китайская мечта состоит в том, чтобы Китай укрепился. Но если КНР станет еще сильнее, а Запад будет по этому поводу трепетать, то это его дело. Естественно, в Китае уверены, что западная военная активность вблизи его границ имеет антикитайскую направленность. И Запад тоже об этом говорит открыто. Почтайте доктрину США в области безопасности. Кто главные соперники и враждебные страны? Китай и Россия. Какой тогда может быть активность войск США вокруг границ этих стран? Ясно, что враждебная. Естественно, что китайцы хотят ее минимизировать. В этом нет ничего необычного. Авторы журнала *The Economist*, которые даже свои статьи не подписывают, чтобы никто не знал, кто именно из них что-то напутал, в данном случае в общем-то правы.

– А какие могут быть изменения в отношениях Китая и России после съезда? Или все будет продолжаться так, как есть?

– Между нашими странами уже лет 30 отношения улучшаются, и этот процесс будет продолжаться. В Китае считают Россию стратегическим партнером, очень важным для него, так как понимают, что Запад занимает по отношению к Китаю крайне враждебную позицию. А Россия – крупная сильная страна, имеющая передовое вооружение, в том числе ядерное, – действительно полезна с китайской

точки зрения. Если бы она ослабла или попала под влияние Запада, то Китай остался бы практически один на один с ним. Поэтому КНР ценит сотрудничество с Россией, которое ей выгодно.

Есть там определенные озабоченности российской политикой последнего времени, как сказал наш президент, когда встречался с Си Цзиньпином в сентябре в Самарканде. Но эта политика активно разъясняется.

– Можно ли отношения Си Цзиньпина и Владимира Путина расценивать как поддержку Москвы со стороны Пекина, несмотря на то что официальная риторика Китая по украинскому вопросу нейтральная?

– Я не верю в личные отношения руководителей стран. Все зависит от интересов. Если они меняются, меняются и личные отношения тоже. Китайские интересы я обозначил. Российские – в Китае тоже очевидны. Особенно сейчас, когда у России довольно много недружественных стран, а дружественных осталось немного, и Китай среди них, безусловно, основная. Что касается китайской позиции, в Пекине по своим собственным причинам крайне трепетно относятся к принципу территориальной целостности государств, хотя бы из-за тайваньского вопроса, проблем в Синьцзяне, Тибете и так далее. Китайцы всегда принципиально выступают за сохранение территориальной целостности. Кроме того, они считают себя лидером всемирного Юга, или, как говорили раньше, развивающихся стран в Африке, Латинской Америке, Азии. А у многих этих стран тоже есть подобные проблемы. Поэтому Китай всегда выступает за невмешательство во внутренние дела других стран, за мирное решение проблем. Сам Китай с конца 1970-х ни с кем не воевал. И в этой области они пока что не изменили политику Дэн Сяопина. Для них большим уроком послужили события 1979–1980 гг., когда они захотели задать «кровавый урок» Вьетнаму, а получили довольно решительный отпор. С тех пор в Китае приняли стратегический курс на ускоренное внутреннее развитие, создание современной армии и невмешательство в международные конфликты. Пекин может высказать свою принципиальную позицию. Но в последние 40 лет китайские войска не были задействованы за рубежом, за исключением участия в миротворческих операциях ООН или международных учениях. Поэтому при встрече и с нашими лидерами они говорят, что все понимают, что Запад провоцирует Россию, но вообще-то хорошо бы закончить дело миром.

– Между тем сейчас в нашем обществе, в момент противостояния России с Западом, от Китая ждут поддержки. С другой стороны, как на самом деле китайские элиты относятся к РФ? Или они просто мудро наблюдают за происходящим на фронтах со стороны?

– У многих людей, особенно тех, кто плохо знаком с ситуацией, философия Ваньки на печи: давайте мы ничего не будем делать, а нам почему-то все должны помогать. Надо понимать, что Китай – это огромная гордая страна, которая по населению и ВВП почти в 10 раз больше российской. Она нам ничего не должна. В частности, китайцы не должны исправлять наши ошибки и помогать нам себе в убыток. У них есть своя политика, которая состоит в том, чтобы развивать Китай, а не Россию. Советский Союз по идеологическим причинам помогал разным странам, но в итоге надорвался, в том числе и потому, что не справился с финансовой нагрузкой. И многим в советское время это не нравилось: мол, зачем мы кому-то помогаем, нам самим продуктов не хватает. В Китае все это понимают, там в 1960–1970-е годы тоже поддерживали разные революционные движения, и все это кончилось кризисом.

Когда есть партнер и даже дружественный, надо понимать его интересы, почему и что он делает. Для того и существуют китаеведы вроде меня и такие институты, как наш. Нам нужно найти способ сочетать российские интересы с китайскими, находить точки соприкосновения. И наше сотрудничество будет иметь твердую, фундаментальную основу, когда мы делаем то, что нам выгодно, они – то, что им выгодно, а результат выгоден обеим сторонам. Когда Китай не делает того, что нам бы хотелось, надо понимать, в чем здесь причина. И нужно подумать о том, как его заинтересовать.

Сейчас, например, Китай покупает у России нефть с большой скидкой, и ему это выгодно. Но это выгодно и РФ, потому что рынки для России сократились, а цены выросли, и она получает примерно те же средства для бюджета. Некоторые говорят, что китайцы воспользовались ситуацией. А что они должны были делать? Платить больше, чем рыночная цена, просто для того, чтобы помочь каким-то людям в России больше денег заработать? Они на это не пойдут, конечно. Надо находить взаимные заинтересованности. Для этого существуют дипломатия, эксперты, надо прислушиваться к их мнению, а не слушать всяких болтунов, которые раздувают какие-то неприятные, в том числе для Китая, вещи в период, когда китайское содействие нам крайне необходимо.

– Кстати, мне показалось любопытным, что ваш институт, который раньше назывался Институтом Дальнего Востока, оказывается, неформально все время занимался изучением Китая, о чем вы говорили на презентации ребрендинга.

– Наш институт со времени его основания в 1966 г. всегда прежде всего изучал Китай. Просто название у него было такое, чтобы никого не раздражать, в том числе китайцев.

– То есть Москва для Пекина сегодня самый надежный политический партнер, особенно на фоне того, что у Китая много противоречий с окружающими государствами?

– Россия – важнейший надежный стратегический партнер для Китая. Это показали отношения последних 20 и даже более лет. При этом между Китаем и Россией на самом деле выстроена целая система разветвленных связей от самого верха донизу, начиная от ежегодных встреч наших лидеров и заканчивая связями между вузами, научными учреждениями, предприятиями и так далее. Поэтому мы очень близкие страны, хотя формального военного союза между нами нет.

– Россия и Китай являются драйверами развития ШОС и БРИКС. Как бы вы оценили потенциал этих объединений?

– Сегодня в ШОС и БРИКС стоит очередь на вход. Желающих вступить туда хоть отбавляй. Так до определенного времени было с ЕС и НАТО. Это говорит о том, что ШОС и БРИКС очень привлекательные организации сейчас. Они расширяются. Это свидетельствует о взаимной консолидации западного и незападного миров. Другое дело, что с наполнением реальной деятельностью незападных организаций дело обстоит сложнее. Они еще пока довольно молоды. У них есть разные проекты и направления сотрудничества. Но я думаю, что постепенно они будут расширять свою реальную деятельность.

– Можно ли говорить, что эти объединения противостоят блокам, возглавляемым США?

– Я бы не сказал. Например, в официальных документах ШОС написано, что ее деятельность не направлена против других стран, это комплексная региональная организация сотрудничества, которое

охватывает такие области, как безопасность, экономика и культура. То есть ШОС никому не противостоит. Так же, как и БРИКС. Но сегодня незападные организации и группы создают некоторую альтернативу западному влиянию. Например, в БРИКС есть Новый банк развития и Пул условных валютных резервов. Раньше в сложных финансовых ситуациях разные страны могли обращаться только в Мировой банк и МВФ, т.е. в организации, которые контролируются западными странами. А сейчас можно обратиться в институты БРИКС, и это реальная альтернатива. Некоторые говорят, что это противостояние. Но в таком случае любую конкуренцию можно назвать противостоянием. Это показывает, что незападная часть мира также развивается своим путем.

– Считается, что лидер КНР и президент России хотят переписать нынешние правила мирового порядка, навязанные Западом. Сейчас мир уже не однополярный, но еще и не многополярный. Как вы видите идеальную модель многополярности, где Китай и Россия будут играть, очевидно, одни из ведущих ролей?

– Позиция Китая заключается в том, что он не хочет по крайней мере подрывать существующий миропорядок. Там выступают за то, чтобы КНР и другие незападные страны имели достойное представительство в уже существующих институтах. Скажем, в «Большой двадцатке», во Всемирном банке, Международном валютном фонде и так далее. То есть если Китай стал второй экономикой мира, то его доля в международных организациях должна соответствовать этому росту. Однако на Западе именно это и считают подрывом своего влияния.

Но сложившийся миропорядок Китай устраивает, он очень много получил, например, от системы разделения труда, от снижения торговых тарифов. Поэтому КНР сейчас активно выступает за свободу торговли. А на Западе занялись протекционизмом, санкциями и так далее, потому что чувствуют, что проигрывают экономическую конкуренцию.

Что касается России, то до недавнего времени она занимала примерно такую же позицию, как и Китай. Но сегодня Россия фундаментально разочаровалась в позиции Запада в связи с тем, что ее не пускают на равных в так называемые западные системы, основанные на неких правилах, которые, как говорит наш министр иностранных дел, никому не известны. И теперь у нас все чаще говорят, что мы по

западным правилам играть не собираемся. На самом деле и то и другое – риторика. Важны практические действия. А геополитический смысл всех этих процессов заключается в том, что абсолютная роль Запада в мире объективно уменьшается. Например, после Второй мировой войны ВВП США составлял более 50 процентов от мирового. А сейчас меньше 25. Роль Запада в целом тоже снижается. Но он пытается удержать свой контроль над международной системой. Параллельно активно растут другие страны, скажем Индия. И эта тенденция будет продолжаться. Поэтому некоторые конфликты неизбежны.

– Но назвать отношения между КНР и США холодной войной все-таки будет преувеличением, даже несмотря на ситуацию, связанную с тайваньским вопросом?

– Если имеется в виду противостояние без войны, то можно сказать, что между Китаем и США уже идет холодная война. Но и во время холодной войны между СССР и Западом активно развивалось экономическое сотрудничество. Когда были построены нефтепроводы и газопроводы в сторону Европы? Именно в период холодной войны. Советский Союз значительную часть продовольственных товаров закупал за рубежом, в том числе в Европе и США. Сколько, например, покупали мяса и пшеницы?

Да, у Китая с Западом и его союзниками идет серьезное противостояние по целому ряду вопросов. С другой стороны, идет интенсивная торговля. США – это первый торговый партнер Китая. Япония – второй, Южная Корея – третий (если не считать Гонконга), Германия – шестой. Евросоюз в целом тоже важнейший торговый партнер. Европейцы находятся в зависимости от китайцев так же, как китайцы от европейцев. Это довольно сложная система, и в ней надо разбираться.

– Недавно Илон Маск предложил сделать Тайвань специальным административным районом Китая по примеру Гонконга. Но выразил мнение, что конфликт за Тайвань неизбежен, и оценил потери мировой экономики от него примерно в 30 процентов ВВП. То есть в американском обществе нет единого мнения относительно тайваньского вопроса. Но возможно ли все-таки его мирное разрешение?

– Маск не особо разбирается в этих вопросах. С точки зрения Пекина, Тайвань является частью Китая, и Пекин уже давно предлагает

ему статус специального автономного района, какой имеет Гонконг, причем на более выгодных условиях. То есть Пекин говорит только о формальном признании того, что Тайвань входит в состав КНР, и обещает ему сохранить все существующие там права и не размещать там своих военных. Кстати, Тайвань на самом деле это только название острова. А государство называется Китайская Республика. Это остаток того Китая, куда во время гражданской войны отступили войска Китайской Республики. Это примерно, как если бы после Гражданской войны в России белые сохранили свою власть в Крыму. С тех пор прошло много лет. Но тайваньцы даже Конституцию не меняли, которая была принята в 1947 г. для всего Китая. Там вносились какие-то изменения, но в целом она действует. И формально Тайбэй не объявлял независимость. Демократическая прогрессивная партия, которая сейчас у власти, выступает за полную независимость. Другая партия, Гоминьдан, – за сохранение единства Китая, но не КНР, а некоего объединенного Китая. То есть не такого, как сейчас. Это довольно сложный вопрос. Его не могут решить с 1949 г. Но в Пекине говорят, что, если Тайбэй формально объявит независимость, Китаю придется применить вооруженные силы.

– А американцы подливают масла в огонь.

– Да. Большинство стран мира, кроме 14 малых стран, считают Тайвань частью КНР. Поэтому не имеют там посольств. Представительства других стран имеют там неофициальный статус. У США это Американский институт на Тайване, так называется их де-факто посольство. При этом американцы возражают против военного объединения Пекина и Тайбэя. Они помогают тайваньским властям военными средствами и говорят, что обеспечивают безопасность Тайваня, чтобы КНР не ввела туда войска. А с точки зрения Пекина они провоцируют Тайвань на то, чтобы он объявил независимость.

В целом сейчас американцы начали вести себя провокационно. Хотя есть много официальных документов, подписанных между Пекином и Вашингтоном начиная с 1979 г., когда между КНР и США были установлены дипломатические отношения. Во всех этих документах написано, что США признают Тайвань частью Китайской Народной Республики и отношения с Тайванем они должны поддерживать только неофициальные. Тем не менее американцы организовали на Тайвань несколько визитов официальных лиц, в том числе Нэнси Пелоси, которая является третьим человеком в руково-

дстве США. Ее визит никак нельзя назвать неофициальным. Поэтому очевидно, что Вашингтон нарушает все свои соглашения и обязательства и ведет себя провокационно.

– Какую цель преследуют американцы, зачем они дразнят дракона?

– Цели американской политики в последнее время вообще сложно понять. Мне кажется, они и в Вашингтоне их не понимают. Даже с точки зрения интересов США их внешняя политика в последнее время довольно контрпродуктивна. Она, видимо, объясняется внутривнутриполитическими интересами, стремлением отдельных политиков продемонстрировать «твердость» перед избирателями и соперниками. Можно было понять позицию Генри Киссинджера или Збигнева Бжезинского, которые занимались тем, что раскалывали советско-китайский союз и перетаскивали на свою сторону более слабого, используя его против более сильного. То есть Китай против Советского Союза. Это может быть нам неприятно, но понятно. Но зачем надо проводить политику, которая ведет к сближению России и Китая и стимулировать это сближение, которое невыгодно для самих США? С точки зрения долгосрочных интересов это политика разрушительная. Но американцы все равно ее упорно проводят уже второе десятилетие. Видимо, им просто сложно понять, что «однополярный момент», который существовал когда-то, закончился. У США нет сил контролировать весь мир, а они все равно считают, что живут в 1990-е годы.

Поворот России к Азии: версия Александра Лукина

Беседа с Владимиром Дворяновым. Опубликовано в газ.: Улица Московская. № 938.
07.10.2022

– Исторически тесная связь России с Азией существовала в период татаро-монгольского ига. Окрепнув, Россия выступала по отношению к Азии в роли колонизатора и цивилизатора.

В чем смысл современного поворота России к Азии?

– Азиатская часть нашей страны составляет две трети ее территории. При этом по сравнению с европейской частью она недостаточно развита. Ввиду постепенного перемещения мирового центра экономической жизни в Азиатско-Тихоокеанский регион еще в советское время возникла идея использовать это обстоятельство для развития Сибири и Дальнего Востока. Для этого экономика азиатской части России должна была стать составной частью экономики Азиатско-Тихоокеанского региона.

На научном уровне эта идея родом из 1970–1980-х годов. Активно участвовал в ее развитии и мой отец, Владимир Петрович Лукин. За многочисленными научными публикациями и записками, направляемыми научным сообществом в адрес руководства страны, последовали политические заявления. Одно из них прозвучало в знаменитой речи Горбачева во Владивостоке в июле 1986 г., где было предложено включить АТР в общий процесс создания всеобъемлющей системы международной безопасности. Мой отец писал записку, частично вошедшую в эту речь.

В число сторонников поворота к Азии входили также Евгений Примаков, академик Олег Богомолов и другие известные западники того времени. Они вовсе не выступали за разрыв с Западом. Но считали, что восточное крыло России должно развиваться более активно.

Дополнительным фактором поворота к Азии стало ухудшение отношений России с западными странами начиная с 1990-х годов, достигшее сегодня своей кульминации. Разочаровавшись в способности России вестернизироваться по западному образцу, уже два десятилетия США и их союзники буквально выталкивают Россию на Восток, игнорируя ее подходы, а в последнее время и разрывая с ней все возможные связи. Традиционные сторонники поворота к Азии разочарованы такой ситуацией. Они просто, как патриоты своей страны, считали, что Россия, как двуглавый орел, должна быть обращена одновременно и к Западу, и к Востоку. Таков был популярный лозунг конца 1990-х – начала 2000-х годов.

Но сегодня США и Европа фактически отрубили западную голову России. Сделав ее поворот к Азии вынужденным и безальтернативным. А это привело к тому, что в России подняли голову ранее довольно маргинальные сторонники полного обзациачивания страны.

– Насколько успешен был советский поворот к Азии?

– В одной из своих книг бывший губернатор Хабаровского края академик Виктор Ишаев приводит данные о результатах реализации советских и российских программ в развитии Сибири и Дальнего Востока с 1930 по 2009 г. Ни одна из них не была выполнена полностью, некоторые исполнялись всего на 10, 20 или 30 процентов.

Можно выделить несколько этапов советской политики в этом направлении. Сначала развитие городов и инфраструктуры за счет труда заключенных и военных строителей. Позже, при Брежнев, когда испортились отношения с Китаем, в сибирском и дальневосточном регионах был построен ряд крупных военных предприятий, здесь были размещены значительные контингенты войск и создана соответствующая система их обслуживания. Вводились экономические льготы для местных жителей, стимулировавшие переселение из других регионов страны.

Одновременно развивалась наука. Еще в 1932 г. был образован Дальневосточный филиал, выросший в Дальневосточное отделение Академии наук СССР. Сегодня он объединяет несколько десятков научных институтов, занимающихся в том числе и экономическим планированием развития восточной части страны.

Но планы эти выполнялись плохо. Все происходило согласно русской пословице «пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Так было и после распада СССР, вплоть до сегодняшнего дня, когда

переключение страны на сотрудничество с Азией приходится проводить в спешном порядке.

– Начиная все с нуля?

– Не совсем так. При президенте Путине ситуация сдвинулась с мертвой точки. Были построены первые нефте- и газопроводы в восточном направлении, в частности в Китай. Это нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан», имеющий ответвление в сторону Китая. И газопровод «Сила Сибири».

Парадоксальным образом в советское время, несмотря на холодную войну, СССР создавал энергетическую инфраструктуру лишь в западном направлении. Государственная экономика ориентировалась на Европу. Отчасти это можно объяснить отсутствием тогда в Азии стратегических экономических партнеров, каким стал сегодня Китай. С 2010 г. эта страна – главный торговый партнер России.

А я еще помню времена, когда поступать на китайское отделение было непрестижно. Я сам, придя в 1978 г. в МГИМО, хотел сначала изучать японский язык. Но в тот год набора на него не было. Пришлось идти на китайский. Меня поддержал в этом выборе мой отец. «Китай станет великой страной», – сказал он мне. Был солидарен с ним и друг нашей семьи писатель Аркадий Стругацкий, сам японист по образованию. «Китайский язык – основа восточноазиатской культуры, в том числе и японской», – заявил он, возможно, стараясь меня поддержать.

Это звучало для меня немного странно. Япония тогда была самой популярной в СССР азиатской страной. Ее экономический взлет уже заканчивался, но мы тогда об этом еще не знали.

А американский профессор Эзра Вогель в 1979 г. написал книгу «Япония – номер один. Уроки для Америки», где допускалась возможность для Японии обогнать в развитии США. Эта книга стояла у нас дома. Сегодня такой же взлет происходит в Китае.

– Смогут ли Китай и другие страны Азии заменить России западных партнеров? Как быть в этих условиях с технологическим развитием?

– Все зависит от выбора цели. Если цель у вас – экономическое и технологическое развитие, это одно. И совсем другое, если цель – в достижении полного суверенитета. Если, конечно, он вообще возможен в современном мире. Самые суверенные страны сегодня –

Иран и Северная Корея. Но для этого им пришлось пожертвовать экономическим развитием и связями с внешним миром.

В начале сентября президент России в одном из своих выступлений отметил, что современное развитие может быть основано только на суверенитете. Однако суверенитет возможен разного уровня, достигаемый разными средствами.

Никто не скажет, что Китай – несuverенная страна. Но он изначально придерживался довольно гибкого курса. Его политика исходила из того, что легче развиваться, сотрудничая с наиболее развитыми странами мира, даже если они не разделяют твоих целей и порой даже создают угрозы. Это лежало в основе экономического курса Дэн Сяопина, направленного на заимствование западных технологий, западных методов организации труда, на привлечение западного капитала.

Китай, не отказываясь от своих национальных целей, пошел на то, чтобы их отложить. При Мао Цзэдуне Китай поддерживал революционные движения во всем мире. При Дэн Сяопине начал налаживать взаимовыгодные отношения со всеми странами вне зависимости от правящего там режима. Главным в международном сотрудничестве стала экономика. Такой подход соответствует концепции плюралистического мира. Без навязывания кому-либо своей политической системы. Таким образом ведет себя Китай и по отношению к России.

– Какой подход более оптимален?

– Российский подход как минимум уникален. В мировой истории отсутствуют успешные примеры ускоренного развития без сотрудничества с развитыми странами мира. В случае его успеха Россия впишет новую страницу в мировую историю. Китайский подход традиционен. До него подобным путем шли СССР периода НЭПа, послевоенная Германия и Италия, затем Япония и «азиатские тигры». Даже сталинская индустриализация развивалась за счет зарубежных технологий, прежде всего немецких и американских. Аналогичным образом достигался дальнейший рост советской индустрии. Но китайские лидеры смогли очень эффективно применить известные методы догоняющей экономики к китайской специфике, и это дало эффект самого большого в истории экономического чуда. При этом Запад считает сегодня, что Китай его обманул. Запад рассчитывал, что вестернизация Китая сделает его курс более прозападным. Но

неожиданно для западных аналитиков, укрепившись, Пекин стал с еще большим напором осуществлять собственные цели. Его суверенитет только возрос, теперь он основан на мощи второй в мире экономики и современных вооруженных силах. Это привело к обострению отношений Запада с Китаем. Хотя и не такому сильному, как в случае с Россией.

В Китае хорошо понимают, что страна пока что не достигла технологического паритета с Западом. Некоторая зависимость от него в технологическом плане еще сохраняется. Поэтому вряд ли он может полностью заменить Запад для России как источник новейших технологий.

Отсюда двойственность позиции Китая. С одной стороны, в своей политической риторике он признает вину Запада за кризис на Украине. С другой стороны, прагматический подход заставляет Пекин действовать с оглядкой, защищая себя от возможных вторичных санкций.

Поэтому Китай будет действовать очень осторожно в ряде чувствительных сфер: военно-технической, банковской, в сфере информационных технологий, где наблюдается зависимость от Запада.

– Сможет ли Россия, налаживая отношения с Китаем, выстраивать партнерские отношения с другими странами мира, лавируя между ними в своих интересах?

– Такой подход лежал в основе концепции поворота к Азии Евгения Примакова. Примечательно, что незадолго до своей смерти, в январе 2014 г., он выступил против полной переориентации на Восток, за нормализацию отношений с США и Европой. Но сегодня трудно представить возвращение к конструктивным отношениям с Западом, обвиняющим только Россию в случившемся разрыве.

СССР был в подобной ситуации. Но надо понимать, что потенциал СССР был гораздо выше, чем потенциал современной России, а санкции против него – гораздо менее жесткими. Территория и население сократились в два раза. Изменилась возрастная структура населения. Демонтирована советская система образования. Открылись границы, и талантливая молодежь уезжает жить и работать в страны с более высоким уровнем жизни.

Самый близкий пример того, что нас может ожидать в результате изоляции от западного мира, – это Иран. Страна, наиболее близкая

к России из тех, с кем можно провести сравнение. Развитая энергетика, ориентированная на импортозамещение промышленность, сравнительно большое население и обширная территория.

Мощную передовую экономику в условиях изоляции там создать не удалось. Но люди живут, строят дома, работают, отдыхают на собственных пляжах. Можно, конечно, жить и как Саудовская Аравия, производя только нефть, а остальное закупая. Но и для добычи нефти необходимы технологии, далеко не все из которых есть сегодня в России.

Современное состояние российской экономики можно сравнить с последствиями жесткого протекционизма. То есть с возводимыми государством барьерами на пути проникновения в страну зарубежной продукции. С помощью такой запретительной политики России удалось сегодня развить сельское хозяйство. Но развитие промышленности неизбежно потребует вернуться к использованию зарубежных технологий.

– Удастся ли России отстоять свой суверенитет в отношениях с Китаем?

– Экономика Китая больше российской приблизительно в 10 раз. Объемы торговли с Россией не превышают 2% от общего торгового оборота восточного экономического гиганта.

Кроме энергетических ресурсов, удобрений и ограниченного набора других товаров Китаю от России ничего не нужно. Экономически США и Европа для Китая гораздо важнее. Перекрытие доступа к западной банковской системе приведет к крушению китайской экономики.

В этих условиях России будет очень трудно добиться количественного равенства, хотя политически никаких угроз ее безопасности с этой стороны пока нет. Напротив, в политическом плане Китай считает Россию очень ценным партнером. В случае ослабления России Китай неизбежно останется один на один со все более враждебным ему западным миром. Что ему невыгодно.

– Чем может закончиться борьба России за суверенитет?

– Россия – страна непредсказуемая. В ней случалось всякое. Для меня как исследователя то, что мы наблюдаем сегодня, – интересный эксперимент, предсказать результаты которого очень трудно.

В ближайшей перспективе нас ожидает падение уровня жизни и сокращение численности населения из-за эмиграции. Но вот что будет через 10–15 лет, сказать однозначно непросто.

– Какие перспективы ожидают Россию в Центральной Азии?

– Центральная Азия – регион, где традиционно влияние России очень велико, хотя исторически она входила в состав России относительно короткий срок: где-то с середины или с конца XIX в. и до распада СССР. Всего каких-то сто с небольшим лет. Россия существует намного дольше. Центральноазиатская цивилизация – еще дольше. И есть множество территорий, входивших в Россию такой же или даже более длительный срок, которые фактически полностью ушли от российского влияния. Польша и Финляндия, например. Все будет зависеть от того, насколько Россия сохранит свою привлекательность для жителей этого региона.

Существует тезис о возможном противоборстве России и Китая в Центральной Азии. Последнюю встречу с китайским лидером Си Цзиньпином в Самарканде президент Путин начал со слов, что у Китая есть некоторая озабоченность политикой России и ее мотивы следует разъяснить. Однако вряд ли тут имелись в виду какие-то проблемы в Центральной Азии.

Интерес Китая здесь носит экономический характер. Политических амбиций у Китая в этом регионе нет. А значит, нет и политической угрозы России и ее влиянию в регионе. Я не думаю, что Пекин воспользуется тем, что Россия отвлеклась сегодня на решение проблем на западном направлении, для проведения здесь какой-то политики в ущерб интересам Москвы.

В целом для России усиление влияния дружественного Китая в Центральной Азии гораздо более приемлемо, чем укрепление позиций недружественных государств, несущих своей политикой хаос и дестабилизацию.

– Как может выглядеть поворот России к Азии в условиях экономических проблем и постепенного отъезда населения с российского Дальнего Востока?

– Рецепт здесь только один – ускоренное экономическое развитие региона. Люди уезжают оттого, что им негде себя приложить, от скудости жизни. Во времена Столыпина население Сибири и Дальнего

Востока удалось увеличить, раздавая землю. Тогда земля была важным ресурсом.

Но сегодня ситуация изменилась. Мало кто готов заниматься сельским хозяйством. Из-за чего и буксует такая программа, как «Дальневосточный гектар». Но инвестиции в создание в регионе современных экономических кластеров неизбежно дадут результат. Появится интересная работа с высоким заработком, и люди поедут туда сами. Я бы и сам поехал во Владивосток – большой и красивый город на берегу океана, если бы там было чем заняться.

В 1985 г. я был в китайской специальной экономической зоне Шэньчжэнь. Там тогда было три улицы. А сегодня здесь огромный город с населением 12 миллионов, что больше, чем в соседнем Гонконге. Причем никто людей сюда насильно не отправлял, наоборот, приходилось даже ограничивать число желающих.

Другое дело, что в современных условиях России очень трудно проводить такую политику. Не исключено, что нашей стране может помочь диверсификация отношений с разными странами Восточной Азии.

Например, у нас были прекрасные отношения с Южной Кореей, экономика которой того и гляди обгонит японскую. В 2014 г. Южная Корея отказалась присоединиться к антироссийским санкциям. Но сегодня не смогла остаться от них в стороне. Неплохие отношения складывались и с Японией, несмотря на территориальные споры. Были большие японские инвестиции в добычу энергоресурсов на Сахалине, в автомобильную промышленность и другие отрасли. Но Япония еще в большей степени ориентируется на США, чем Южная Корея. Очень перспективные партнеры – государства АСЕАН: Вьетнам, Индонезия, Филиппины и др.

Однако курс на суверенитет часто заставляет пересматривать прежние планы. Какие-то меры придется менять. Например, в 2021 г. было принято решение ввести на Курильских островах режим свободной таможенной зоны. Но надо разобраться, какие условия существуют там для этого. Что реально может подвигнуть инвесторов вкладывать туда деньги. Пусть не японских инвесторов, не имеющих такой возможности по политическим причинам. Но хотя бы китайских.

Я бы в условиях курса на суверенитет предложил пойти на казавшееся ранее сомнительным решение о создании на Курилах игорной зоны. И позволил, опираясь на китайский опыт, всем инвесторам несколько лет не платить налоги государству. В целом в усло-

виях сокращения связей с зарубежным бизнесом нужна полная свобода предпринимательства для бизнеса национального. Но не думаю, что государство на это пойдет.

Идея организованного общества распространяется в России и на бизнес. В Китае, впрочем, тоже более чем организованное и контролируемое общество. Между тем там еще при Дэн Сяопине было принято правило, что в любых спорах с иностранными инвесторами прав всегда инвестор. Потому что он выполняет главную свою задачу – вкладывает деньги. Возможно ли такое сегодня в России? Не думаю.

– Насколько вероятен сценарий экспансии Китая в Сибирь и на Дальний Восток, прогнозируемый некоторыми западными экспертами?

– Я не вижу никаких политических угроз со стороны Китая. Пограничные споры Китая и России давно решены. Последнее соглашение, связанное с тремя спорными островами, было заключено в 2004 г.

В Китае существуют националистические настроения у определенной части населения. Царскую Россию считают агрессором, захватившим в конце XIX в. часть китайской территории. Отчасти это соответствует официальной позиции китайского руководства. Но это всего лишь историческая риторика, официальных территориальных претензий КНР ни СССР, ни России никогда не предъявляла. Конечно, не следует ожидать этого и сейчас, когда все споры решены. С равным успехом можно напомнить полякам о том, что Польша когда-то принадлежала России. Это правда. Но кто в здравом уме может предложить сегодня на этом основании захватить Польшу? Другое дело, если Россия завтра ослабеет настолько, что сама не сможет контролировать свою территорию. Тогда претензии к ней будут предъявляться со всех сторон. О территориальных претензиях к России говорят политики в Эстонии, Латвии, ряде других стран. Но сбыться им суждено, только если Россия станет слабее Эстонии и Латвии. Следовательно, задача состоит в том, чтобы не позволить ослабеть государству российскому.

– С чем связано неприятие поворота к Азии у некоторых представителей российского общества?

– Выступающие против поворота к Азии на самом деле выступают против разрыва с Европой. При этом из числа серьезных сторон-

ников сотрудничества с Востоком нет почти никого, кто выступал бы за полный разрыв с Западом. Кроме разве лишь Дугина и некоторых других экзотических личностей.

Официальная позиция государства состоит в желательности развития отношений с США и Европой, но на равных условиях. В 1990-е годы Россия готова была налаживать отношения с Западом на любых условиях, даже ценой отказа от собственных позиций. Это было закономерной радикальной реакцией на враждебность Западу периода холодной войны.

И сегодня, в период безальтернативной переориентации на Восток я опасаясь, как бы сближение с Востоком не превратилось в политическую кампанию, ведущую к забвению других национальных интересов.

– Получается, задача России состоит в том, чтобы стать сильной страной и на Западе, и на Востоке?

– Исследователи не ставят задач, а изучают реальность. Я никогда не пытаюсь никому ничего советовать. Но спрашиваю: какая у вас цель? Если цель – достичь быстрого экономического развития, необходимы взаимовыгодные отношения со всеми странами мира.

Если, как у Ивана Грозного, цель государственной власти состоит в спасении всех чад в будущей жизни, тогда надо молиться и поститься, не беспокоясь о мелочах суетной повседневности, и бедность и страдания в ней могут быть даже на пользу. Как говорил Макс Вебер, исследователь должен говорить о сущем, а не о должествующем быть сущим. Именно поэтому он может дать объективный совет, как лучше добиться той или иной цели, если его попросят об этом те, кто ее поставил. Ценностные оценки в науке недопустимы. Хотя личная позиция, конечно, есть у каждого исследователя. И иногда она видна из его анализа.

Современную политику не понять без традиционной китайской культуры

Беседа с Еленой Яковлевой. Опубликовано в сокр. виде: Российская газета. 30.09.2022.
№ 220(8868). С. 11

«Поворот России к Азии», о котором шло много разговоров начиная с 2016 г., кажется, приобрел реальные очертания на закончившемся саммите ШОС. О том, как складываются отношения стран – лидеров организации – России и Китая, наш разговор с известным востоковедом, доктором исторических наук Александром Лукиным.

– Верно ли ощущение, что Россия, как школьник, покинувший очень престижную школу, где он, однако, подвергался уже опасной для жизни и здоровья травле, хорошо устроилась в другом месте и лидирует в ШОС?

– Россия и Китай с самого начала были лидерами в ШОС, выросшей из процесса пограничных переговоров между Советским Союзом и Китаем. Просто потому, что были гораздо крупнее других ее членов.

После того как несколько лет назад в ШОС вступили Индия и Пакистан, а в этом году еще и Иран, она превратилась в организацию с менее явным лидерством России и Китая, но оно продолжается. Официальными языками ШОС остаются русский и китайский, английский не используется.

В ШОС, конечно, непросто согласовывать документы и принимать решения, потому что они принимаются консенсусом. Но все это естественно, когда организация растет. Да еще становясь при этом фактически ведущим мировым объединением незападных государств.

А Россия здесь действительно чувствует себя гораздо комфортнее, потому что никто ее не поучает, не говорит, какой должна быть

ее внутренняя и внешняя политика. ШОС ведь объединяет страны с самыми разными политическими и экономическими системами, и не занимается установкой общих критериев для чьего-либо политического или экономического устройства. Здесь главное сотрудничество в области безопасности, экономики и в гуманитарной сфере.

– Кроме общего противостояния гегемонизму США нас сближают еще и конкретные политические сюжеты: разогреваемые США на противостояние Китаю – Тайвань, а России – Украина. Но насколько долгосрочно сближение на такой основе?

– Сближение России и Китая очевидно долгосрочно, потому что оно естественно. Начавшись очень давно, еще с конца советских времен, оно привело сначала к нормализации отношений, символом которой стал известный визит в Китай Михаила Горбачева в 1989 г., и продолжилось до сегодняшнего уровня доверительного стратегического партнерства. Смены лидеров и даже режимов не повлияли на него.

Мы – объективно – крупные соседи, с большой границей в более 4 тыс. км. Активно торгуем (с 2010 г. Китай – первый торговый партнер России), инвестируем в экономику друг друга, сотрудничаем на международной арене.

Но кроме объективных причин есть, конечно, и субъективные, вызванные, в частности, как раз враждебной политикой США и их союзников по отношению к нашим странам. Политика странная, по-моему даже с точки зрения интересов США. Прагматики у власти – Никсон с Киссинджером, Картер с Бжезинским обычно старались расколоть российско-китайский союз. Подальше растащить две страны и использовать более слабую (тогда это был Китай) против более сильной. И это было хотя бы понятно с точки зрения геополитики. А зачем нас надо насильно сближать, оказывая давление на обе страны, не очень понятно. Но они это упорно делают. Видимо, потому что политика Запада стала сверхидеологизированной и не считающейся ни с какими рациональными соображениями, даже геополитическими.

И да, это помогает нашему сближению. Оно значительно ускоряется. Некоторые уже заявляют, что между нами де-факто уже возник союз. Я бы все-таки так не говорил, потому что формально союз включает в себя обязательства взаимной обороны, и вряд ли такие большие страны, как Россия и Китай, пойдут на такие обязательства.

Но зато между Россией и Китаем – и об этом мало кто знает – существует очень развернутая система взаимных связей, которые вообще-то редко существуют и между союзниками.

У нас одних межправительственных комиссий, предполагающих встречи на уровне зампредседателей правительства, работает, кажется, штук пять, и я уже устал следить за их возникновением. Проходят ежегодные встречи между главами государств, главами правительств. Установлены связи между всеми министерствами и ведомствами. Есть прямые связи между вузами, научными организациями. Подписаны договоры между десятками городов и регионов. Уже трудно встретить в России какую-нибудь организацию или бизнес, не связанные с китайскими партнерами. Такие тесные взаимоотношения мы и называем стратегическим партнерством. И даже если представить себе, что наши отношения станут ухудшаться – для чего в общем-то пока нет никаких причин, – то сломать такую систему будет очень сложно.

Ситуация, когда китайские инвестиции не очень-то пускали на российский рынок, отдавая предпочтения западным компаниям – Шелл, ВР, – закончилась. После первой волны украинских событий к России стали применять санкции, и многие из западных компаний покинули наш рынок, а китайские, наоборот, стали приветствоваться. И сейчас они вкладывают в российский добывающий сектор десятки миллиардов долларов. И это, конечно, для России привлекательно.

Покупка же Китаем и Индией российского оружия в 90-е годы просто спасла наше военное производство, обеспечивая до 50 процентов бюджета российского производства вооружений. Сейчас госбюджет в состоянии сам поддерживать военное производство, но Китай продолжает закупать довольно значительную часть российского оружия. А с 2014–2015 гг., когда у нас были изжиты последние опасения, он стал покупателем самых передовых его видов.

– На наших глазах меняется мировой порядок. Как один из разработчиков концепций постбиполярного мира, на что бы вы обратили внимание?

– Биполярный мир – Советский Союз и противостоявшая ему после Второй мировой войны американская система – действительно закончился. Однополярный, пытавшийся заявить о себе в первой половине 90-х, так и не сложился. Сейчас мир движется к многопо-

лярности. Кстати, эта тенденция была замечена советскими учеными еще в брежневское время. У моего отца в 1983 г. вышла книга «Центры силы: концепция и реальность», где он показал, что растут новые центры мировой политики – Китай, Индия, – хотя слова «многополярность» тогда еще не было.

Однако четкая многополярность так еще и не сложилась. Все-таки ее идеальная модель предполагает несколько – три или четыре – более или менее равновесных центра, примерно одной силы.

Так что мир уже не однополярный, но еще и не многополярный. Постбиполярный, так мы считаем в нашей лаборатории мирового порядка и нового регионализма, пять лет назад созданной в ВШЭ. И у нас, кстати, есть совместные проекты с китайскими коллегами – Институтом политологии Китайской академии общественных наук.

– Недавно вы стали научным руководителем ИКСА – Института Китая и современной Азии РАН, возглавив в нем центр изучения китайской культуры...

– У нас сейчас очень большая нехватка китаеведов и экспертизы по Китаю. Дело в том, что в 90-е годы многие ученые ушли из китаеведения – занятие это сложное, язык трудный. И уходили именно из фундаментальной сферы (им было просто не прокормить семью). И у нас в ней возник провал. Китаеведы, конечно, есть, но либо очень возрастные, чудом сохранившиеся в профессии, либо совсем молодые.

Между тем, долго занимаясь Китаем, я знаю, как трудно понять современную китайскую политику, не зная основ цивилизации этой страны, китайское мышление, китайские подходы.

Китай в культурном смысле уникальная страна. Она, например, использует письменность, изобретенную более 4 тысяч лет назад. Современный китаец читает в школе трактаты, написанные 2–2,5 тысячи лет назад. В России, например, далеко не каждый (разве за исключением тех, кто часто и со смыслом ходит в церковь) знает церковно-славянский язык и может читать на нем. А в принципе большинство не может прочитать книги, написанные в XV или XVI в., только где-то с конца XVIII и то с трудом. В Европе, кстати, тоже после преращения в Католической церкви в 60-е годы XX в. служб на латыни ее постепенно перестали изучать, и произошел серьезный отрыв от культурных традиций. И только в Китае многие спокойно читают трактаты тысячелетней давности.

Видя, как много там значат все эти пласты древней культуры, нам надо срочно восстанавливать российскую традицию ее изучения. А она у нас существовала с XVIII в. Причем у русских ученых всегда был свой взгляд. Потому что Россия всегда хорошо знала Китай практически. Как соседа, как страну, где с 1715 г. работала русская духовная миссия, как постоянное представительство фактически игравшая роль посольства. Китай посещали русские дипломатические миссии, а потом и торговые караваны. И ведя с Китаем практические переговоры, Россия умела сочетать теоретический и практический подходы, и это было очень выигрышно. Сейчас нам надо эту традицию восстанавливать и развивать. Но теперь уже важно, чтобы следующее поколение знало Китай не только практически, но и теоретически.

И я надеюсь, что смогу поспособствовать этому, популяризируя китаеведение среди молодежи и подбирая в него новых людей.

– Тема вашей докторской – эволюция образа Китая в России. Сейчас этот образ меняется в наших глазах?

– Да. И главное изменение связано с тем, что Китай впервые за долгие годы, может быть с XVII в., становится страной во многом более мощной, чем Россия.

А когда масштабы страны быстро – на протяжении жизни одного поколения – изменяются, стереотипы восприятия сопротивляются этому. Привыкшие догонять Запад россияне не всегда видят изменения к лучшему в стране, которую они привыкли считать слабой и бедной. Но сейчас-то все наоборот: Запад находится в кризисе, а Китай растет.

Надо сказать, что психологически не только россиянам, но и многим другим не просто признать, что в ряде вопросов Китай начинает определять мировую повестку. В мировой дискурс уже входят китайские термины типа «сообщества единой судьбы» или программа «Один пояс, один путь», уже все знают эти и другие чисто китайские термины.

Россиянам я бы прежде всего посоветовал уходить от крайностей восприятия. От: Китай на нас вот-вот нападет, все отберет и сделает Россию своим сателлитом – до: они с нами должны слиться в объятиях и дружно противостоять общим врагам. В действительности все, как обычно, намного сложнее.

– Вы изучали в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете перспективы православия в Китае? Разве Китай не тради-

ционно недоброжелательная к религии атеистическая страна? Хотя серьезные исследователи, считают, что конфуцианство делает китайцев близкими православным по нравственным началам.

– Власти в современном Китае действительно относятся к религии с подозрением, особенно к иностранным религиям. Воспринимают их обычно в прикладном плане – как удовлетворение духовных потребностей людей. С этой точки зрения религия еще допускается, но только так, чтобы через нее не шло заграничного влияния. По китайскому закону, церковь не может возглавлять некитайский гражданин, поэтому там большие проблемы у католичества. Но в Китае долгая – с начала XVIII в. – история православной церкви. Мы даже проводили там вместе с китайским институтом мировых религий и представителями патриархии посвященную этому научную конференцию.

Но при этом я бы не сказал, что конфуцианство похоже на христианство. В Китае даже в религиях, в буддизме, даосизме, нет представления о личностном Боге. А все известные философские учения обычно направлены в основном на посюсторонний мир. И пафос конфуцианства состоит все-таки в том, чтобы сделать более гуманной и рациональной (конечно, с китайской точки зрения) жизнь человека на земле.

– В 80-е годы Дэн Сяопин предложил для наших отношений формулу: «Закреть прошлое и открыть будущее». Какую формулу в китайском стиле предложили бы вы сейчас?

– «Закреть прошлое, открыть будущее» тогда означало закрыть разногласия и с чистого листа начать конструктивные отношения. Сейчас сложно предложить подобную формулу. Будущее для нас открыто, и нам просто нужно большее взаимопонимание, россиянам хорошо бы поуменьшить пыл ожиданий, что Китай бросится нам помогать абсолютно во всем. Он помогает России – не присоединился к санкциям, развивает с нами торговлю. Но кому-то кажется, что раз он не дает нам всего, что нам нужно или хочется, то он уже чуть ли не предаёт нашу дружбу. Однако надо понимать, что в Китае есть свои опасения и озабоченности, с упоминания которых и начал встречу с Си Цзиньпином наш президент.

Мы сейчас должны стараться не требовать, чтобы Китай соответствовал нашим представлениям о должном или чтобы Россия соот-

ветствовала представлениям китайского руководства, а больше понимать мотивы друг друга, искать и согласовывать взаимоприемлемые и взаимовыгодные подходы. Это и есть дружба и сотрудничество. А не заставлять Китай быть таким, как мы. Или Россию быть такой, как Китай. Это как раз подход наших западных коллег: пока у вас везде не будут «Макдональдсы», считайте, что вы дикари. А оказывается, могут быть цивилизации и без «Макдональдсов».

– Вы часто цитируете китайские пословицы. Какие бы посоветовали нам выучить?

– Моя любимая китайская пословица о скромности: ружье стреляет по высунувшей голову птице. Понимаете, с китайской точки зрения не надо сильно высовываться.

Но кроме пословиц там еще много интересных высказываний разных лидеров. Например, такое высказывание Мао Цзэдуна: «Борьба, поражение, вновь борьба, вновь поражение, вновь борьба и так вплоть до самой победы – такова логика народа». Я думаю, сегодня оно как никогда актуально.

– Почему вы, сын известного политика, историка, ученого, посла России в США, которого все воспринимают как знатока Америки, выбрали предметом своего научного интереса Китай?

– Я еще в школе активно делал политинформации, рассказывая друзьям о внешней политике, поскольку внутренней в советское время, по крайней мере для обсуждения, особо не существовало. В Китае тогда только что закончилась «культурная революция», и он воспринимался как страна бедная и до ненормальности необычная. Помню, отец пришел к нам в школу на урок и сказал, что Китай – это тоже социалистическая страна, хотя и немного другая. Это было удивительно слышать, потому что его тогда предпочитали никак не определять.

Когда я поступал в институт, то хотел учить какой-нибудь восточный язык. Поскольку один западный я уже знал, то боялся, что второй спровоцирует меня на безделье. Хотел учить японский (Япония тогда была довольно популярной страной), но его в МГИМО в тот год не было, и я взял китайский. Отец мне сказал: ты, типа, не беспокойся, Китай будет великой страной. Зашедший к нам писатель-фантаст и японист по образованию Аркадий Натанович Стру-

гацкий тоже посоветовал учить китайский как основу восточноазиатской культуры.

– Когда вы первый раз увидели Китай воочию?

– В 1983 г., попав на практику в посольство. Мы, правда, редко выходили за его ворота, и это было не то. А вот когда было подписано соглашение об обмене студентами, я в 1984 г. поехал в Китай с группой в 70 человек со всего СССР. Просто учить там язык мне показалось скучным, и я решил пойти на философский факультет Пекинского университета. Преподавали там в основном марксизм. Но были и преподаватели, занимавшиеся китайской культурой и философией. И однажды родившийся на Тайване, работавший в Америке и приехавший в Китай известный специалист по конфуцианству Ду Вэймин отвел меня к самому Лян Шумину. Это был известный китайский мыслитель, своеобразный китайский Бердяев. Конфуцианец и частично буддист, он еще в 20-е годы прославился работой о трех цивилизациях – европейской, китайской и индийской. Он считал, что они представляют собой разные типы культуры, причем китайская выше европейской, а индийская выше китайской.

По его мнению, европейская цивилизация направлена на решение материальных проблем человека, китайская – на решение социальных, а индийская – духовных. Но при этом он считал, что Китай и Индия перескочили этапы развития и, не решив материальных проблем, занялись социальными и духовными. Лян Шумин был уверен, что будущее за китайской и индийской цивилизациями, но при этом материальные проблемы, конечно, надо решить.

Он лично спорил с Мао Цзэдуном, в «культурную революцию» подвергся критике и попал в опалу, потом в 80-е его реабилитировали.

Я был уверен, что он давно умер. Но он был жив, ему было лет 90, и я к нему несколько раз ходил домой и беседовал с ним. Он принимал меня с любопытством.

Сейчас, преподавая в магистратуре Чжэцзянского университета, я вижу, что китайские студенты находятся под сильным влиянием коммунистической идеологии и... западной. Почти все их учебники по общественным наукам построены на западной терминологии. И им трудно объяснить какой-либо другой подход, кроме коммунистического и западного. Знают Хантингтона, слышали о Шпенглере; о Данилевском, о котором я им рассказываю, конечно, не слышали.

Но самое удивительное, что они ничего не знают о Лян Шумине. И когда я им рассказываю о том, как я с ним встречался, и о его теории, очень удивляются. Так что я им в каком-то смысле преподаю элементы традиционной китайской культуры, которую они знают хуже, чем коммунистическую теорию и западные подходы.

Письмо главному редактору журнала “China International Strategy Review” профессору Ван Цзисы

Письмо было направлено в журнал «China International Strategy Review» 21 августа 2022 г., однако в публикации было отказано. Опубликовано в журн.: Российское китаеведение. 2003. № 1. С. 231–233

Уважаемый профессор Ван Цзисы!

Я с большим интересом читаю одно из лучших китайских изданий по внешней политике – *China International Strategy Review*. Естественно, я с особым вниманием изучил статью моего старого знакомого и коллеги, известного китайского специалиста по России Гуань Гуйхая, посвященную актуальной теме российско-китайских отношений¹. К сожалению, с большим удивлением и разочарованием я обнаружил там некоторые рассуждения о моих статьях, которые полностью извращают их содержание.

Так, по поводу моей статьи «Пик миновал? Российская стратегия в отношении Китая в новую эпоху»² автор пишет, что я отношусь к «некоторым силам в России, что примечательно, ранее считавшимся прокитайскими», которые «в последнее время высказали серию неконструктивных замечаний и шагов в связи с реакцией на пандемию и усилившуюся стратегическую игру между Китаем и США». Кем я считался прокитайским, я точно не знаю. Однако я всегда считал себя объективным исследователем, стремящимся к беспристрастному изложению и анализу ситуации, а не к поддержке какого-

---

¹ Guan Guihai. Thirty Years of China–Russia Strategic Relations: Achievements, Characteristics and Prospects // *China International Strategy Review*. 2022. No. 4. P. 21–38.

² Лукин А.В. Пик миновал? Российская стратегия в отношении Китая в новую эпоху // *Россия в глобальной политике*. 2020. Т. 18. № 3. С. 222–233.

либо правительства или организации. Но пусть это останется его личным мнением, на которое он имеет право.

В то же время никто не имеет права извращать факты. Например, в моей статье нет ничего про то, что Китай вел или ведет какую-то стратегическую игру с США. Там как раз, наоборот, сказано, что если до начала Д. Трампом экономической войны с Китаем многие в Китае надеялись на разумность США и возможность договориться с Вашингтоном, то теперь «возобладало мнение, что конфликт принял затяжной характер и нужно готовиться к худшему. Пекин не отказывается от переговоров и надеется заключить с Вашингтоном сделку, которая по крайней мере даст передышку для перестройки экономики в сторону меньшей зависимости от экспорта в США и союзные им государства и от их технологий»³. Относительно же пандемии я лишь отметил, что китайские методы борьбы с ней свидетельствуют о новой самоуверенности Китая, об убежденности в том, что он многое может сделать собственным путем, не опираясь на опыт других стран, и сделал вывод, что такой подход «вряд ли смогут понять в других странах»⁴. Это просто констатация факта, никаких выводов об эффективности или неэффективности китайских методов борьбы с пандемией я не делал, да их еще было рано делать в период написания статьи.

Что касается второй статьи, написанной с моим коллегой А.Д. Дикаревым и посвященной российскому подходу к территориальному спору в Южно-Китайском море⁵, то автор вообще подвергает нас критике в довольно неакадемическом стиле, утверждая, что мы якобы «резко осуждаем китайскую позицию как пример „двойных стандартов“ и даже относим ее к одной категории с „доктриной Монро“»⁶. Обращу внимание лишь на фактическое передегивание и подтасовку. Так, термин «двойные стандарты» в нашей статье вообще не употребляется. Однако в ней сказано, что «подавляющее большинство аналитиков государств ЮВА, Индии, США и других стран отмечает двойственность позиции Пекина по проблеме территориального суверенитета в ЮКМ». То есть в двойственности позиции Китай обвиняют не авторы статьи, они лишь

---

³ Там же. С. 223.

⁴ Там же. С. 229.

⁵ Дикарев А.Д., Лукин А.В. Подход КНР к территориальным спорам в Южно-Китайском море и внешняя политика России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 2. С. 5–15.

⁶ Guan Guihai. *Thirty Years of China–Russia Strategic Relations...*

приводят мнения экспертов стран, занимающих враждебную Китаю позицию⁷.

По поводу «доктрины Монро» Гуань Гуйхай производит такую же подмену. В нашей статье сказано, что китайская политика в регионе «вызывает у некоторых экспертов ассоциации с „доктриной Монро“, и дается ссылка на статью профессора Свободного университета Брюсселя Э. Франкса (Erik Franckx)⁸, т.е. Гуань Гуйхай мнение иностранного специалиста по международному праву вновь выдает за мнение авторов статьи. В более общем плане могу сказать, что ни в этой, ни в других своих научных статьях я никогда никого ни «резко осуждал», ни «решительно поддерживал». Оценки и шумное выражение эмоций – признаки не научной работы, а политической публицистики. Ученые никого не должны поддерживать или осуждать, их дело – объективно анализировать и давать советы на основе этого строго научного и объективного анализа.

Это, конечно, не значит, что они не могут ошибаться. Я люблю критику и всегда прошу всех коллег побольше критиковать мои работы. В них вполне могут быть ошибки и недочеты. Приветствую ее и на страницах Вашего журнала в будущем. Но среди академических исследователей критика все же должна быть, во-первых, обоснованной и опираться на факты, а не на их искажение, и, во-вторых, сохранять академический и дружеский характер. В противном случае она превращается в бессмысленную и резкую идеологическую полемику, которую наши страны уже пережили один раз в XX в. и к которой вряд ли следует возвращаться. Ее возобновление вряд ли может способствовать развитию дружбы и взаимопонимания, которые так нам необходимы в нынешней крайне сложной международной обстановке.

С глубоким уважением и надеждой
на плодотворное сотрудничество
А.В. Лукин, и.о. научного руководителя Института Китая
и современной Азии РАН,
профессор НИУ ВШЭ, директор Центра исследований
Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД России

---

⁷ Дикарев А.Д., Лукин А.В. Подход КНР к территориальным спорам в Южно-Китайском море. С. 11.

⁸ Там же.

ОГК в моей жизни

Опубликовано в кн.: Полвека конференции «Общество и государство в Китае». Исторический очерк и аналитический указатель / А.Д. Дикарев, А.И. Кобзев, Е.С. Скрыпник. М.: ИВ РАН, 2022. С. 252–255. (Ученые записки Института востоковедения РАН. Отдел Китая. Вып. 42)

Конференция «Общество и государство в Китае» сыграла значительную роль в моей жизни как при выборе профессии, так и в дальнейшем. Ее ежегодно издаваемые материалы стали местом моей первой публикации, а затем, как я считаю, в них я опубликовал свои лучшие работы по Китаю. Ходить на нее, насколько я помню, я стал еще студентом МГИМО в начале 80-х годов прошлого века. Входивший в систему МИДа МГИМО, где я учился на факультете международных отношений, тогда, как, впрочем, и сейчас, в основном ориентировал студентов на практическую, а не научную работу. Наш факультет, например, готовил дипломатов. Тем не менее там преподавали выдающиеся ученые-китаеведы. Древний и средневековый Китай вел у нас блестящий лектор Л.С. Васильев, Новое время – С.Л. Тихвинский (который был, конечно, прежде всего дипломатом и разведчиком, но также и автором нескольких интересных исследований о Кан Ювэе и Сунь Ятсене и, безусловно, большим знатоком страны), историю Новейшего времени – замечательный специалист, заведующий кафедрой истории и внешней политики стран Азии и Африки А.В. Меликсетов. И все они выступали на ОГК и советовали своим студентам ходить на нее, так как именно там была ключом китаеведческая жизнь. Я стал ходить туда, кстати, вместе с отцом, который тоже интересовался Китаем и был в приятельских отношениях со многими его знатоками: организатором конференции Л.П. Делюсиным, Ю.М. Гарушянцем, А.В. Меликсетовым и др.

В том, что китаеведческая жизнь бьет на ОГК ключом, я убедился сразу. Конференция была уникальной, она объединяла всех. С одной стороны, китаеведов разных специализаций: историков, философов,

филологов, литературоведов, искусствоведов и др. С другой – китаеведов Москвы и других городов страны. Иногда, но редко, заезжали и иностранцы: в СССР это было нелегко. С третьей – китаеведов и некитаеведов, изучавших другие страны, их отношения с Китаем, влияние на них китайской культуры и т.п. С четвертой – академических ученых и работников различных практических учреждений. С пятой – молодых и опытных специалистов. Фактически в стране не было другого места, где все эти разные люди могли встретиться и вместе обсудить проблемы нашего великого соседа. Кроме того, конференция была открытой, и часто туда приходили самые разные люди, интересовавшиеся Китаем и, по причинам, которые я поясню ниже, собственной страной.

С самого начала меня, человека, который привык в официальном МГИМО скрывать свои истинные мысли, поразила атмосфера свободы, которой веяло и которая сильно освежала в условиях брежневского застоя. Во многом это было возможно благодаря особой позиции тогдашнего заведующего отделом Китая Л.П. Делюсина, который прежде работал корреспондентом «Правды» в Китае, а затем – консультантом в Отделе ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, который возглавлял сам всеильный Ю.В. Андропов. Благодаря связям и прошлым заслугам Льву Петровичу, который, по крайней мере в то время, когда я его знал, в душе был либералом-реформатором и ни в какой коммунизм давно не верил, многое позволялось и сходило с рук.

Свобода эта выражалась по-разному. Многие «старики», особенно те из них, кто пришел в науку из журналистики и разных министерств и ведомств, часто использовали исследование китайской действительности как своеобразный эзопов язык для описания собственной страны, критики ее недостатков, исторических сравнений. Можно сказать, что они занимались тем, что сейчас бы назвали сравнительной политологией, только Китай там часто служил синонимом СССР, который впрямую трогать было запрещено. Такие аналогии иногда делались в ущерб объективному изучению собственно китайских реалий, но в душливой атмосфере того времени при отсутствии собственно политологических исследований это все равно было крайне интересно и для понимающих часто звучало необычайно смело. Этот подход для меня был не нов. Например, оба мои основных преподавателя китайской истории в МГИМО – Л.С. Васильев и А.В. Меликсетов – были сторонниками выведенной из построений К. Маркса теории «азиатского способа производства», гру-

бо говоря, делившей весь мир на свободные общества западного типа и «азиатские деспотии», основанные на всеобщей государственной собственности. Додумать, что СССР относится к последним, не составляло большого труда, хотя об этом, естественно, и не говорилось открыто. Стадиальная принадлежность Китая часто обсуждалась на ОГК, в том числе и в контексте концепции «азиатского способа производства», и меня поражало, как близорукие власти такое вообще могли допустить.

Но в неменьшей степени меня привлекало и другое проявление свободного полета научного духа, на этот раз связанное не с политической, а борьбой подходов к изучению характера китайского общества как такового, его культуры, философии, литературы, письменности. И здесь особую активность проявляла группа в то время сравнительно молодых ученых, которые были лишь на несколько лет старше меня. Из конференции в конференцию я, раскрыв рот, слушал теоретические баталии между философом А.И. Кобзевым, буддологом и даосологом Е.А. Торчиновым, историком С.Н. Гончаровым, культурологом В.В. Малявиным. Все эти ученые постоянно не соглашались между собой, но их жаркие дискуссии друг с другом и более опытными китаеведами ввели меня в курс основных проблем мировой китаистики, а значит и гуманитарной науки в целом. Именно наслушавшись всего этого, я и решил, что в жизни не может быть лучшего времяпрепровождения, чем научные занятия Китаем. И хотя из-за своего неусидчивого характера я впоследствии много отвлекался на другие занятия, в принципе я сохранил эту идею до сегодняшнего дня.

В 1986 г. я опубликовал свой первый труд в тезисах конференции ОГК. Он был основан на одной из глав моего диплома и посвящен книгам гоминьдановского идеолога Дай Цзитао о Японии. Китайское издание книг Дай Цзитао дал мне мой научный руководитель А.В. Меликсетов, и мне пришлось изрядно попотеть над ними и заняться полными иероглифами, которые в МГИМО мы не изучали. Через два года я опубликовал еще одни тезисы, на этот раз о китайском философе Лян Шумине, с которым я несколько раз встречался у него дома во время стажировки в Пекинском университете, а еще через год – уже более обширную заметку о китайской дискуссии о традиционной культуре, которую я наблюдал, работая в советском посольстве в Пекине, куда я попал по распределению.

Вернувшись из посольства в 1988 г., я перешел на работу младшим научным сотрудником в Отдел Китая Института востоковедения

ния. В МИДе я оставаться не хотел, так как меня всегда занимала научная работа, а после посещений ОГК, где ею заниматься, для меня вопроса не было. И хотя с 90-х годов формально я не был связан с Институтом востоковедения, я до сих пор воспринимаю Отдел Китая и его ОГК как родной дом. Конечно, после распада СССР конференция, как и вся российская наука, переживала сложные времена. Трудно было собирать ученых из ныне независимых государств и даже других городов России, общественный интерес к научным исследованиям в целом снизился. Тем не менее сумела сохраниться ОГК и остается основным центром российского интеллектуального китаеведения. Ее материалы из ротاپринтного малотиражного издания превратились в весьма солидные, толстые тома, которые приятно держать в руках. Но главное, что, сохранив полную свободу самовыражения и высокий научный уровень прежних времен, их редакция не особо ограничивает объем подаваемых материалов. Это, например, дало мне возможность опубликовать в них несколько объемных исследований, которые не сложились в отдельные монографии. За них мне и сегодня не стыдно, и я надеюсь использовать это издание для того, чтобы и далее печатать некоторые работы, которые мне хотелось бы отдать на суд именно китаеведческой элиты страны.

Актуальные проблемы сотрудничества в области безопасности в ШОС в новой международной ситуации

Выступление на международной конференции «Шанхайская организация сотрудничества: от Центральной Азии к Евразии» 17 июня 2022 г. в Ташкенте

Уважаемые коллеги!

Я представляю здесь старейший российский Центр по изучению ШОС – Центр исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО, который также является российской частью Форума ШОС – многостороннего, общественного консультационно-экспертного механизма, образованного для содействия и научной поддержки деятельности ШОС, развития взаимодействия научно-исследовательских и политологических центров государств – членов ШОС. Наш Форум был образован в 2006 г. на учредительном заседании в Москве.

А 26 мая 2022 г. под председательством Московского государственного института международных отношений МИД России в формате видеоконференции состоялось XVII заседание Форума ШОС.

Мероприятие было подготовлено и проведено МГИМО при поддержке МИД России. Сегодня в зале я вижу многих из тех, кто принимал в нем участие. С приветствиями к участникам заседания обратились заместитель министра иностранных дел РФ И.В. Моргулов и Генеральный секретарь ШОС Чжан Мин, а также главы делегаций Национальных исследовательских центров ШОС – членов Форума из Российской Федерации, Республики Индия, Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Исламской Республики Пакистан, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан – Центр стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан.

Мы очень рады, что и другие исследовательские организации, в том числе и такие солидные, как Международный институт цен-

тральной Азии (МИЦА), активно подключаются к исследованию ШОС и организуют такие представительные международные конференции, как сегодняшняя. Знаменательно, что эта конференция проходит в год председательства в организации Узбекистана, который придает ШОС огромное значение. Об этом свидетельствует уже тот факт, что оказывавший Форуму ШОС большую поддержку на посту Генерального секретаря ШОС Владимир Имамович Норов занял сегодня высокую должность главы узбекской дипломатии.

С самого начала работы МИЦА мы сотрудничаем с ним. Это и не случайно – мы давно знакомы и очень уважаем его руководителя Анвара Джамалетдиновича Насирова. Мы взаимодействовали, и когда он был заместителем Генерального секретаря ШОС и национальным координатором по ШОС. В мае 2017 г. Форум ШОС проводился в Ташкенте, и тогда он обратился к нему с приветствием как заместитель министра иностранных дел. В апреле прошлого года, во время визита г. Насирова в Москву мы встретились и заключили договоренность о сотрудничестве между Центром исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО и МИЦА. Рады, что мы это сотрудничество начали реализовывать.

Возвращаясь к Форуму ШОС, который мы провели в мае, можно сказать, что обсуждали мы на нем практически те же вопросы, что и сегодня здесь. Это свидетельствует об их актуальности. Это три основные области развития сотрудничества в ШОС – безопасность, экономика и гуманитарная сфера. О двух последних сегодня здесь будут говорить позже, я же остановлюсь на вопросах безопасности.

За более двух десятилетий своей работы ШОС прошла большой путь. С самого начала в ее концепцию региональной организации евразийского пространства было заложено три основных направления деятельности: интенсификация сотрудничества в сфере безопасности и внешней политики, углубление экономического взаимодействия и кооперация в гуманитарной сфере (культура, наука, спорт и т.п.). Но в настоящий момент совершенно ясно, что, независимо от того, нравится это кому-то или нет, область безопасности является в ШОС наиболее развитой и продвинутой. Развивается сотрудничество в военной области, практически ежегодно проводятся совместные учения вооруженных сил государств – членов «Мирная миссия», а также учения спецслужб и правоохранительных структур. В рамках принятой в 2019 г. в Бишкеке Программы Антинаркотической стратегии государств – членов Шанхайской организации сотрудничества на

2018–2023 гг. на территории стран – участниц ШОС проведена международная антинаркотическая операция «Паутина». Высокого уровня достигла координация в рамках работы Региональной антитеррористической структуры (РАТС) в Ташкенте. Как отмечал президент РФ В.В. Путин в выступлении на заседании Совета глав государств в Душанбе в сентябре 2021 г., «ШОС по праву является одним из наиболее влиятельных центров многополярной архитектуры международного сотрудничества, вносит существенный вклад в обеспечение безопасности евразийского региона, его устойчивого социально-экономического роста, в поддержание международного мира и стабильности в целом».

Однако ситуация в мире с тех пор существенным образом обострилась. Поэтому мы, критически оценивая то, что создано, считаем, что, хотя в организации политический диалог достиг высокого уровня, практическая реализация принятых решений порой пробуксовывает, политические и экономические договоренности, заключенные главами государств, зачастую не реализуются.

В связи с этим, с нашей точки зрения, необходимо заняться реализацией достигнутых еще в Душанбе договоренностей и вывести ШОС на новую орбиту. Для этого, в частности, было бы полезно восстановить очный формат встреч лидеров и узких встреч (без участия представителей государств наблюдателей и партнеров по диалогу и СМИ) для рассмотрения вопросов ранее принятых решений и выработки реалистичных планов на будущее. При этом высшему органу ШОС необходимо обратить внимание не на количество, а на качество и реализуемость принятых документов, возможно, сократить их до ключевых стратегических.

В качестве конкретных мер необходимо осуществить ранее намеченную реорганизацию РАТС в Универсальный центр по противодействию вызовам и угрозам безопасности государств ШОС.

Выступая в Душанбе, В.В. Путин отметил, что Россия считает полезным «укрепить функциональные возможности региональной антитеррористической структуры за счет включения в ее кадровый состав экспертов по борьбе с отмыванием доходов, финансированием терроризма и распространением оружия массового уничтожения». По всем этим направлениям есть конструктивные предложения государств-членов, например: Казахстана – по обеспечению информационной безопасности, Кыргызстана – по созданию Центра по борьбе с оргпреступностью в Бишкеке, Таджикистана – по антинаркотическому Центру в Душанбе. Все эти предложения заслуживают

одобрения, однако, чтобы не распылять силы и сохранять общую координацию, было бы разумно, чтобы все новые структуры работали как подразделения Универсального центра.

В области безопасности у ШОС целый ряд направлений работы. Прежде всего, это общая координация усилий в противодействии силам, стремящимся навязать миру гегемонию одного цивилизационного центра. Эта политика нового колониализма, как показали события первых месяцев этого года, встречает растущее противодействие многих незападных государств, в том числе и государств – членов ШОС. В этом смысле следует приветствовать планы по дальнейшему расширению Организации – включению в нее Ирана в качестве полного члена, повышение до статуса наблюдателя Азербайджанской Республики, Республики Армения, предоставление статуса наблюдателя Египту, Катару и Саудовской Аравии. При этом при рассмотрении вопросов расширения Организации необходимо строго учитывать положение ст. 4. подписанного в 2007 г. Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств – членов ШОС, согласно которому члены ШОС не должны поддерживать «какие-либо действия, враждебные другим Договаривающимся Сторонам».

Сохраняется значение координации работы в области безопасности ШОС с ОДКБ, проведения совместных заседаний и мероприятий. Необходимо более тесное взаимодействие и по вопросу Афганистана, о котором мы подробно говорили на прошлом нашем заседании. Сегодня ситуация в Афганистане несколько более спокойная, однако декларированная в Душанбе цель ШОС по содействию реализации инклюзивного межафганского мирного процесса с одновременным блокированием исходящих из этой страны угроз терроризма, наркотрафика, религиозного экстремизма пока в полной мере не достигнута.

Эзра Вогель, Россия и наша семья

Опубликовано на англ. яз. в кн.: Remembering Ezra Vogel / Ed. by Martin K.

Whyte and Mary C. Brinton. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2022. P. 292–294. –

При участии В.П. Лукина

Профессор Вогель не был специалистом по России, но всегда интересовался нашей страной и был большим энтузиастом сотрудничества с российскими востоковедами. Он был не только одним из столпов американского востоковедения, но и важнейшим звеном в связях советских (российских) и американских коллег, что было особенно важно как в самые тяжелые времена американо-советской конфронтации, так и в последнее время, когда отношения между нашими странами вновь ухудшились. А для нашей семьи – еще и старшим товарищем и образцом научной объективности и прекрасных личных качеств.

Эзра познакомился с моим отцом, В.П. Лукиным, в 1981 г., когда он в самый разгар советского коммунистического «застоя» приехал в СССР по приглашению Е.М. Примакова в группе американских экспертов по Азии, которую возглавлял Роберт Скалапино. Об этом Эзра сам написал в небольшой заметке, опубликованной в 2018 г. в книге, посвященной 80-летию моего отца, которого он назвал «российским коллегой и другом», что было большой честью. Будущий министр иностранных дел и премьер Примаков в то время был директором Института востоковедения РАН и, несмотря на сложную обстановку в конце правления Л.И. Брежнева, организовал конференцию для осуждения проблем Азии с американцами. Затем участники поехали в Ташкент на другую конференцию, посвященную Восточной Азии.

Имя Вогеля, конечно, в то время было знакомо российским экспертам. Несмотря на цензуру и невозможность для обычных людей покупать книги, изданные за границей, специалисты имели возможность знакомиться с профессиональной литературой либо в специ-

альных отделах библиотек, либо получая ее в подарок от коллег во время личных встреч, происходящих на подобных конференциях. Изданная в 1979 г. книга Вогеля «Япония – номер один: уроки для Америки» широко обсуждалась во всем мире, в том числе и в России. С тех самых пор она стоит на полке у нас дома.

В годы перестройки отец стал политиком, был избран в российский Верховный Совет (парламент) на первых свободных выборах, а в 1992 г., сразу после распада СССР, президент Б.Н. Ельцин отправил его послом в США. Задача первого посла демократической России была сложной, нужно было менять советский имидж «мистера нет» на образ нормального человека. И старые связи с коллегами-учеными, такими как Эзра, очень помогли. Вогель в то время переехал в Вашингтон и некоторое время также работал в правительстве сотрудником национальной разведки по Восточной Азии. Но, как писал он сам, они встречались тогда с отцом «больше как друзья, чем как представители правительств».

Впоследствии я перехватил инициативу дружбы с Эзрой. Мы встречались, когда я был в Гарварде целый год в 1997–1998 гг., работая в качестве постдока в Школе государственного управления им. Кеннеди. С тех пор мы находились в постоянном контакте. В мае 2004 г. я пригласил его в Москву принять участие в Конвенте Российской ассоциации международных исследований, который проходил в МГИМО, где он выступил на секции по АТР с докладом об отношениях в треугольнике США–Китай–Япония. Тогда мы с отцом организовали ужин в китайском ресторане в Москве для гостей из разных стран и с удовольствием пообщались с Эзрой вдвоем в неформальной обстановке.

Он дважды приглашал меня выступить на руководимых им семинарах в Центре китайских исследований им. Дж. Фэрбэнка Гарвардского университета. В первый раз, зимой 2016 г. после выступления мы зашли к нему домой, потом гуляли по кампусу. Помню, что тогда все было завалено снегом, и университетский Кембридж выглядел почти как Москва. Но во второй раз, в марте 2020 г. поездка сорвалась из-за эпидемии коронавируса, выступать и общаться пришлось несколько позже онлайн. А в апреле 2020 г. я пригласил его выступить на первом заседании Евразийского онлайн-семинара, который мы организовали в Высшей школе экономике, чтобы продолжать общение с выдающимися международниками в условиях эпидемии, когда личные встречи стали невозможными. В своем выступлении он рассказал о своих исследованиях истории и перспектив

китайско-японских отношений. Ничто не предвещало беды: несмотря на почтенный возраст, Эзра был очень активен до последних дней, постоянно путешествовал и выступал. В последний раз мы «встретились» онлайн 1 декабря во время заседания Пекинского сяньшаньского форума – влиятельной конференции, организуемой китайскими военными, на которой Вогель, как всегда, призвал обе страны пойти на взаимные компромиссы и улучшить отношения. И вскоре пришла скорбная весть о его смерти.

Уход Эзры – большая потеря для мировой науки и для нас лично. Профессор Вогель был выдающимся ученым-востоковедом, прекрасно знавшим две крупнейшие страны Азии – Китай и Японию. Его книги надолго останутся важнейшими в этой отрасли науки. Он был популярен во многих странах. В Китае его называют китайским именем Фу Гаои, написанная им биография Дэн Сяопина была переведена на китайский язык, и ее знает каждый образованный китаец. В Японии он тоже был известным человеком, в России его книги читали студенты-востоковеды. Но сейчас, когда вспоминаешь его, думаешь, что все эти достижения важны, но не это главное. Главное то, что он был прекрасным человеком, добрым, отзывчивым, всегда готовым помочь, подсказать что-то любому, даже самому молодому коллеге. В своем весьма пожилом возрасте он сохранил оптимизм и какую-то удивительную веру в человека, в его добрые качества, в то, что люди во всем – от личной жизни до политики и международных отношений – стремятся к лучшему и это стремление в конечном счете улучшит и всю нашу жизнь.

Андрей Владимирович Иванов – исследователь, журналист, друг

Опубликовано в кн.: Близкий сердцу далекий Восток. О Японии, Китае, Корее и не только: сборник научных и научно-популярных трудов памяти Андрея Владимировича Иванова / Под ред. А.Д. Дикарёва, А.В. Лукина. М.: МГИМО-университет, 2022. С. 9–14

Перед вами книга работ российского журналиста и ученого-международника Андрея Владимировича Иванова, безвременно ушедшего от нас летом 2016 г. Всю последнюю часть его жизни мы тесно общались и подружились. Наверное, я больше всех знал о его научной работе и интересах.

Андрей – человек неординарной судьбы. Начав карьеру в сфере в основном технической, он постепенно стал гуманитарием, перейдя в область, к которой его больше всего тянуло и куда звала судьба, – международных отношений в Азии. Андрей родился в 1957 г. в Ярославле, после школы поступил на факультет научно-технической информации Московского историко-архивного института. Окончив его в 1983 г., семь лет работал программистом в вычислительном центре Совета Министров СССР. В бурные годы перестройки, когда стало ясно, что само существование СССР и, следовательно, его правительства – Совета Министров – подходит к концу, Андрей занялся журналистикой. В 1992 г. он стал корреспондентом журнала «Япония сегодня» – японского издания на русском языке, издававшегося при содействии Японского общества торговли с СССР и социалистическими странами Европы и, естественно, стремившегося сблизить две наши страны, познакомить жителей СССР, а затем и России со Страной восходящего солнца, интенсифицировать политическое и торгово-экономическое сотрудничество. Эта работа навсегда связала Андрея с Японией, он самостоятельно выучил японский язык, один из труднейших в мире, для чего надо было обладать завидным упорством и энтузиазмом. В 1994 г. Андрей, уже как специалист по Японии, вел научную работу в Институте общественно-информаци-

онных исследований наиболее авторитетного в Японии Токийского университета, где изучал СМИ. Его пригласил Японский фонд – государственная организация, финансирующая зарубежные японские исследования. Вернувшись в Россию в 1995 г., он два года проработал обозревателем отдела внешней политики еженедельника «Новое время».

Примерно в это время я впервые узнал об Андрее по его статьям, хотя лично познакомился с ним гораздо позже. В 1997 г., закончив аспирантуру в Оксфорде, я поехал на год по постдокторской программе в Гарвардский университет, где начал писать статью об образе Китая в России, выросшую потом до размера книги. Читая российские материалы о Китае, я обратил внимание на глубокие и на редкость интересные статьи в журнале «Новое время», подписанные «Андрей Иванов». Особенно запомнились статьи по тайваньской проблеме. Как человек, давно занимающийся Китаем, я удивился, что не знаю такого специалиста, помнится, даже сомневался в его реальности и думал, не псевдоним ли это. Из специалистов по Тайваню я знал только одного Иванова, своего бывшего коллегу по Институту востоковедения, ставшего потом священником, но того звали Петром. В главе об образе Тайваня я использовал многие статьи Андрея. Лишь позже я узнал, что их автором был не карьерный китаевед, а бывший программист, ставший к тому времени не только японоведом, но и специалистом по всей Восточной Азии. Для этой цели Андрей даже изучил основы китайского и корейского языков, и если и не говорил на них бегло, то по крайней мере мог читать газетные статьи. Честно говоря, овладеть этими тремя сложнейшими и очень разными языками (английский он знал само собой) даже в такой степени – задача почти невозможная. Лично я знаю еще только одного специалиста, которому это удалось, – американского профессора Г. Розмана (он знает еще и русский).

В 1997 г. Андрей перешел корреспондентом в отдел внешней политики газеты «Коммерсант» – в то время самого динамичного и объективного российского СМИ, в котором он проработал долгих 11 лет.

Я познакомился с ним в конце 2006 г. Тогда я был главным редактором журнала «Россия–Китай. XXI век», который финансировал один из частных предпринимателей–энтузиастов развития внешне-экономических связей с Китаем. Мне был крайне нужен заместитель – опытный журналист. Сам я мог заниматься общим содержанием журнала, его «линией», т.е. определять, какие статьи в нем

нужны, как находить их авторов – специалистов в разных сферах китайской жизни. Но как академический исследователь я совершенно не знал, как их писать и редактировать, чтобы сделать привлекательными не только для яйцеголовых ученых, но и для широкого читателя. Здесь нужен был опытный журналист, разбирающийся в Китае.

К тому времени я уже попробовал несколько людей, но все они не вполне подходили – одни работали чересчур медленно, другие были слишком заняты в иных проектах. Кто-то посоветовал мне Андрея. Узнав, что это тот самый Андрей Иванов, который писал про Китай в «Новом времени», а сейчас работает в «Коммерсанте», я немедленно пригласил его и ни разу не пожалел об этом.

Андрей сочетал в себе все качества профессионального журналиста и аналитика. Я подбирал авторов и заказывал им статьи, а он приводил их в вид, публикабельный в популярном журнале. Много писал сам, в основном оперативно и профессионально анализируя значимые события китайской жизни, но не брезгуя и короткими новостями. Его оперативность поражала. Если нам, кабинетным ученым, для написания статьи, правда обычно несколько более объемной, на раскачку требовалось месяца два-три, то на просьбу написать материал страниц на пять о визите китайского лидера в Россию Андрей по-журналистски отвечал: «Дня два есть или завтра надо?» И максимум через два дня появлялась интересная, занимательная и глубокая аналитическая статья.

При этом он продолжал работать журналистом и в других местах, все как-то успевая. В 2007–2008 гг. был заместителем главного редактора ежемесячного журнала «Россия–Китай. XXI век». В 2009 г. я решил, что Андрею, с его обширными познаниями, надо стать не только журналистом, но и исследователем, так как в нем пропадает ученый-международник. Он согласился поступить еще и в наш Центр исследований Восточной Азии и ШОС в МГИМО. Одновременно работая журналистом, он писал у нас научные статьи, много выступал на научных конференциях. Я убедил его составить из своих работ диссертацию, так как научному работнику подобает иметь ученую степень, без которой сложно занимать достойные должности. Я понимал, что журналисту, тем более уже не слишком молодому, сложно писать новый труд. Но Андрей, вместо того чтобы использовать свои старые работы, за несколько месяцев написал совершенно новое, глубокое исследование российско-японских отношений и в 2010 г. защитил кандидатскую диссертацию в Дипломатической академии МИД России. Она называлась «Российско-япон-

ские отношения на современном этапе: проблемы и перспективы (политологический анализ)», а научным руководителем был наш выдающийся японовед А.Н. Панов – бывший заместитель министра иностранных дел и посол в Японии, занимавший в то время должность ректора Дипакадемии.

Частично интерес Андрея к научной работе был связан, как мне показалось, с некоторыми трудностями, связанными с журналистикой. Я поражался, почему столь классного журналиста-международника, замечательно пишущего, владеющего четырьмя иностранными языками и блестяще знающего важнейший регион Восточной Азии, не рвут на части все существующие СМИ, не продвигают по службе, не платят ему громадных денег. Но я рассуждал традиционно, мысля старыми категориями, когда международная журналистика в нашей стране гордилась глубокими специалистами-регионоведами, которые шли к общему от частного, от фундаментального знания конкретных стран с их языками, традициями, культурой, менталитетом – к исследованию общих проблем международной жизни. В советское и раннее российское время такими были, например, Станислав Кондрашов, Всеволод Овчинников, Евгений Примаков, Игорь Фесуненко и другие. Некоторые из них легко переходили в научную сферу, другие оставались в журналистике, и от ученых их отличали только несколько более широкий охват проблем, менее тяжелый стиль, способность выразить мысль несколько проще и короче. Конечно, это часто была идеологическая журналистика, так как без этого в СССР было нельзя, но по крайней мере она отличалась высоким профессионализмом. Сегодня же российская международная журналистика, вслед за мировой, двинулась в другую сторону. Ныне специалисты, да и вообще знающие люди ей не нужны. В ней доминируют персонажи, с одинаковым апломбом напористо рассуждающие обо всем на свете, не будучи при этом специалистами ни по чему конкретному, и порой утверждающие совершенно дикие и безграмотные глупости. На смену грамотным интервьюерам, досконально знакомым с предметом и способным превратить любое интервью в интересную беседу, пришли люди, читающие вопросы по бумажке (вернее, по компьютеру) и не имеющие никакого представления о том, о чем спрашивают. Естественно, никакой беседы так получиться не может, так как они даже не способны переспросить, уточнить услышанный ответ. Снизился и уровень читателей, которых, очевидно, больше интересует не суть дела, а сенсационность подачи материала.

Эта эпоха постправды, в которую факт становится не более чем «конструктом» какого-то недоучки, начиналась, как теперь ясно, уже тогда. В 2008 г., после более десяти лет работы Андрей ушел и из «Коммерсанта», судя по всему из-за некоторого недовольства уровнем профессионализма руководителей международного направления. Эльмар Гусейнов, новый главный редактор еженедельника «Эхо планеты», издававшегося ИТАР-ТАСС, пригласил его возглавить отдел внешней политики. Умиравший журнал стал более динамичным, интересным изданием, но через год с небольшим ему сократили финансирование, и он ушел в онлайн, а затем закрылся вовсе.

На некоторое время Андрей полностью сосредоточился на научной работе в МГИМО, но вскоре его пригласили занять должность шеф-редактора интернет-сайта на японском языке ФГУ РГРК «Голос России», где он и работал до конца жизни. Я помню, что даже присутствовал при разговоре после какого-то приема, на котором его «переманивали», но условия предлагали настолько хорошие, что я посоветовал ему не отказываться. В «Голосе России» он непосредственно занимался своей любимой Японией, писал, редактировал и публиковал материалы, знакомящие ее жителей с жизнью России, ее достижениями и проблемами, продолжая отдавать часть своего времени и научной работе в МГИМО.

За семь с лишним лет работы в МГИМО Андрей стал одним из самых продуктивных сотрудников нашего центра. Он писал аналитические материалы и статьи о Японии, Китае и Корее, о сотрудничестве этих стран с Россией, проблемах региональной интеграции в АТР. Его статьи публиковали ведущие российские научные журналы. Он стал душой коллектива, многие работы писал в соавторстве с другими сотрудниками, в том числе и со мной, чем я особенно горжусь, так как благодаря его обработке из всех моих работ они имеют наиболее привлекательную литературную форму. Часто ездил за рубеж, выступая там на научных конференциях. Полученный опыт и информацию широко использовал в научной работе.

Но главное, что он стал моим другом. Что такое друг? Это человек, который близок тебе по духу, может посмеяться с тобой над одним и тем же, потому что одно и то же вам кажется смешным, но на которого ты и можешь положиться в сложную минуту. Другу ты можешь позвонить в любое время дня и ночи с любой проблемой и быть уверенным, что он поможет ее решить. По крайней мере очень постарается. Таким был Андрей, и его безвременный уход стал для меня большим личным горем.

Андрей обладал многими талантами. Я был очень удивлен, когда узнал еще об одном из них – он вполне профессионально рисовал. Узнал я об этом, когда на мое пятидесятилетие он подарил мне написанную маслом на холсте шуточную, но выглядящую вполне солидно картину. На ней я беседую с Мао Цзэдуном, и китайский вождь, назначая меня своим наследником, передает мне записку с надписью «Когда дело в твоих руках, я спокоен». И хотя, по преданию, он в действительности то ли передал ее, то ли сказал эти слова другому человеку, для меня это несколько не снизило ценности этого шикарного подарка. Картина и сейчас висит в моем кабинете, составляя основную часть его интерьера, и это лучшая память об Андрее – специалисте по Востоку, человеке веселом, с большим чувством юмора.

Андрей активно работал, был полон новых планов и идей. Ничто не предвещало беды. Но в жаркое лето 2016 г. не выдержало сердце. Мы будем помнить его как высококлассного исследователя-международника, блестящего журналиста, настоящего товарища, ни разу не отказавшего в помощи и содействии, жизнерадостного и целеустремленного человека.

В этот сборник мы поместили его основные работы, как научные, так и журналистские, представляющие все периоды его деятельности. Основная их часть была ранее опубликована в различных СМИ, другие издаются впервые. Уверен, что их с удовольствием прочитают как многие специалисты по международным отношениям в Восточной Азии, так и все, кто интересуется Японией, Китаем, Кореей и другими странами этого важнейшего региона мира.

Куда идет Китай Си Цзиньпина?

Опубликовано: Интервью Е. Верлину // Republic-Хартлэнд. 01.10.2021.

URL: <https://republic.ru/posts/101817>

Вопрос не праздный: нынешнее руководство КНР отменило практически все цели Дэн Сяопина.

В канун 72-летия образования КНР и установления дипотношений между нашими странами журнал *Republic-Хартлэнд* взял эксклюзивное интервью у известного китаеведа Александра Лукина, руководителя департамента международных отношений НИУ ВШЭ, директора Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД РФ. Лукин-младший отметил недавно вызвавшей резонанс в экспертной среде статьей в последнем номере журнала «Сравнительная политика», в которой определил нынешний китайский режим как переходный, «эволюционирующий от правокоммунистического к бюрократическому». С расшифровки этой научной новации и стартовало наше интервью.

– В Пекине не обидятся на такое определение?

– Понятия не имею. Статья чисто научная, она не направлена на чью-то критику или восхваление, но, может быть, кто-то чрезмерно обидчивый и обидится.

– Для чего нужно и почему важно уяснение типологии нынешнего режима? Не все равно ли нам – правокоммунистический или бюрократический режим в Китае? Оба ведь явно лучше левокоммунистического...

– Научные исследования проводятся не с практической целью, а из любопытства. Мое поколение российских исследователей – последнее, сохраняющее память и понимание того, как работало общество под властью компартии, чем руководствовались лидеры.

В странах, не знающих опыта коммунистической власти, люди, в том числе исследователи, плохо понимают, зачем, например, надо морить население голодом, загнав его в колхозы и отобрав собственность, или сеять кукурузу там, где она не растет.

Всего этого невозможно понять, если не знать, к чему стремились коммунистические лидеры, а это определялось идеологией. Именно поэтому свои лекции по истории КНР я начинаю с марксизма.

Но современные студенты все равно отказываются понимать, как можно было верить в столь странные концепции и строить на них практическую политику.

Я посчитал, что в какой-то мере это наш долг – разъяснить, как такое было возможно, чем руководствовались и до сих пор руководствуются китайские власти. Конечно, сегодня их марксизм весьма условен, он далеко отошел от марксизма не только Маркса, но даже Ленина, Сталина и Мао.

Но все же некоторую преемственность наблюдать можно, что я и хотел показать в своей статье. Кроме того, я попытался составить новую типологию коммунистических режимов вообще, что может быть полезно для изучения других коммунистических и посткоммунистических государств.

– Следуя вашему выводу, можно ли говорить, что китайский режим эволюционировал схожим образом с российским? Ведь у нас в стране тоже был сначала «левокоммунистический режим» (при Ленине и Троцком, Сталине), а потом, после крушения СССР и КПСС, коммунисты в России быстро поправили, обменяли «Капитал» Маркса на реальный капитал, ну а сейчас режим выглядит очень даже бюрократическим.

– Речь здесь, конечно, можно вести не о российском, а только о советском режиме. Режим в нашей стране после распада СССР вообще нельзя сравнивать с коммунистическим. Он не стремится контролировать сознание, а если и стремится, то не способен этого сделать, он не руководствуется какой-то идеологией, цель которой – создать идеальное общество на всей земле.

Коммунистический тоталитаризм – это явление совершенно другого порядка. Разница весьма велика. В России существуют оппозиционные СМИ, а в Китае за критику руководства вас довольно быстро посадят лет так на 15.

Что касается советского режима, то он знал типы режимов, которые были и в Китае, но они существовали не параллельно, а в разное время и эволюционировали в разных направлениях.

В СССР в период военного коммунизма был левый режим, затем при нэпе – правый, потом уже постоянно бюрократический (при Хрущеве – с некоторыми левыми элементами).

Попытка Горбачева превратить бюрократический режим в некий эффективный гуманный социализм полностью провалилась, поэтому никакой модели «социализма с человеческим лицом» на практике никогда не существовало.

В Чехословакии попытка его создать была подавлена советским вторжением, но я думаю, она провалилась бы и там и страна довольно быстро эволюционировала бы в сторону западной системы, что и произошло там после распада СССР. В Китае правые и левые тенденции сменяли друг друга. Можно сказать, что правые тенденции преобладали в первой половине 50-х, в начале 60-х и полностью победили в конце 70-х. Все «правое» время Китая развивался очень быстро, а в «левое» – скатывался к полному хаосу. Но длительного бюрократического периода он пока не знал. В этом смысле Си Цзиньпин, можно сказать, новатор.

– Вы согласны с мнением некоторых западных коллег, которые назвали «пятой модернизацией» проведенную Си Цзиньпином многоплановую реформу государственного управления, включившую в себя, в частности, «обнуление» сроков пребывания главы партии и государства на своих постах и предельную централизацию властных полномочий? Не застопорит ли такая «пятая модернизация» экономическое развитие Китая?

– «Пятая модернизация» – название неоднозначное. В Китае все помнят, что так называлась статья диссидента Вэй Цзиншэна, которую он повесил на «Стену демократии» на пекинской улице Сидань в декабре 1978 г., а спустя месяц опубликовал в своем самиздатском журнале «探索».

В ней он призывал в дополнение к объявленным Дэн Сяопином четырем модернизациям (промышленности, сельского хозяйства, обороны, науки и техники) провести еще пятую – демократизацию. За это и прочие писания он просидел в китайских тюрьмах (в том числе в печально знаменитой Цинченской, о которой он написал в своем журнале весной 1979 г.) около 18 лет.

Так что вряд ли китайские власти примут это название в качестве официального.

Сегодня западные журналисты прозвали «пятой модернизацией» провозглашенный Си Цзиньпином курс на реформу механизма го-

сударственного управления. Этим подчеркивается, что Пекин взял курс не на демократизацию как принятие западной политической модели, а на создание какой-то новой, незападной модели управления.

Реформа государственного управления проводится вместо демократизации, на которую надеялись на Западе и которая, в соответствии с западной теорией модернизации, неизбежно следует за определенным повышением уровня жизни и формированием среднего класса.

Кстати, некоторые из этих мер кажутся весьма современными в сегодняшнем полевевшем мире, например: решительная борьба с загрязнением окружающей среды как способе повышения качества жизни, упор на равенстве и справедливом распределении, высокие прогрессивные налоги как метод борьбы с крупными корпорациями и даже принудительная вакцинация и жесткий контроль за передвижениями в период пандемии. Многие из этих лозунгов популярны и на современном Западе. Однако мне кажется, что в реальности о характере реформы управления, о которой в Китае уже написано несколько трудов самого Си Цзиньпина и горы другой литературы, пока говорить рано. Не вполне ясно, в чем именно она заключается, насколько она глубока и к чему приведет.

Пока все это больше похоже на идеологическую трескотню, за которой мало что стоит. Обнуление сроков – это не реформа, а ее средство. Оно говорит о том, что руководство только себя считает способным что-то осуществить. А что именно оно осуществляет и ради чего – это другой вопрос.

Пока активно ведется борьба с коррупцией и крупными компаниями, которые, как считается, вышли из-под контроля.

– Главными чертами экономики «бюрократического» строя в своей работе вы назвали: «полное обобществление, плановое хозяйство, нематериальное и ограниченное материальное поощрение», а гарантом реализации курса определили «бюрократию во главе с партией», которая идеологию и культуру будет также выстраивать методами «бюрократического навязывания». Если все так в конечном счете и будет, то на каком этапе движения к этому строю находится сейчас Китай?

– Любая типология в общественных науках условна, а выделяемые типы общества – это веберовские «идеальные типы», некая идеальная модель, к которой реальные общества лишь в той или иной степени приближаются.

Тем не менее они полезны для некоторой систематизации общественных явлений, а человеческое понимание основано прежде всего на систематизации. Согласно моей модели, Китай находится в начальной стадии движения от правой системы к бюрократической.

Правый задел там чрезвычайно глубок и успешен. Трудно представить, что даже такой активный лидер, как Си Цзиньпин, в короткий период способен привести его к брежневскому состоянию: полному огосударствлению экономики, уравниловке, ужесточению системы прописки так, чтобы она не позволяла по своей воле переезжать из города в город, и так далее.

Однако движение в этом направлении началось. Китайское руководство фактически отменило все цели Дэн Сяопина: вместо обогащения части людей и регионов упор делается на более справедливом распределении, вместо целей развития – качество жизни и безопасность людей (в частности, в период пандемии), вместо большей свободы передвижения – электронный контроль над многими аспектами жизни, вместо скромности во внешней политике – жесткое отстаивание все шире понимаемых «коренных интересов» и довольно грубая критика действий других стран, напоминающая период «культурной революции».

Причина здесь в том, что любое правокоммунистическое правительство на определенном этапе ускоренного развития, к которому обычно приводит правая политика, сталкивается с выбором. Дальнейший рост частного сектора ведет к возможности перерождения коммунистической системы в обычный государственный капитализм.

Но этот путь для коммуниста неприемлем, так как правящая партия должна терять все больше власти сначала над экономикой, а затем и над политической сферой. К тому же теряются цели равенства, ликвидации класса капиталистов и так далее, ради достижения которых, собственно, и происходила коммунистическая революция.

В СССР эта перспектива встала перед Сталиным в конце 1920-х годов, и он решил вопрос, ликвидировав правых и нэп и установив жесткий бюрократический режим.

В Китае в начале своего правления Си Цзиньпин ясно обозначил эту перспективу. Он говорил примерно так: в Китае неравенство и коррупция достигли почти того же уровня, что и при власти Го миньдана (т.е. до прихода коммунистов к власти), и именно поэтому он проиграл нам гражданскую войну. Ситуация становится критической. Второй путь – это попытка искать какой-то другой, альтернативный путь развития. А где его искать?

Ясно, что в первоначальных идеалах компартии – идеи личной скромности и самоотдачи ради общего дела (революционный энтузиазм вместо коррупции и удовлетворения личных интересов, равенство вместо разрыва в доходах, пролетарская культура вместо буржуазной и тому подобное).

Все это мы видим в политике Си Цзиньпина, что немаловажно – сына одного из тех, кто делал революцию, очевидно, воспитанного на коммунистических идеалах.

Проблема в этом, третьем пути в том, что пока что его еще никто не нашел. Ни одна страна до сих пор не построила эффективную устойчивую экономику на каких-то иных, незападных принципах. Все подобные попытки ранее терпели крах, а режимы, которые пытались это делать, обычно исчезали. Иногда, как в СССР, вместе со своими странами.

Но Китай – страна особая, в ней власти достигали многих целей, которых не смогли достичь ни в одной стране мира. Никто, например, кроме китайцев, не смог уничтожить всех воробьев. Возможно, они смогут построить и какое-то иное общество на других экономических принципах. Правда, вполне вероятно, что, как и в случае с воробьями, последствия будут неожиданными.

– Правильно ли я понимаю, что ваш вывод в статье, что если «экономический рост теперь не главное, основная цель – правильное и стабильное функционирование общества под руководством обновленной и очищенной от коррупции бюрократии», то это может привести к серьезному замедлению темпов роста китайского ВВП?

– Темпы роста в Китае и так замедляются. В какой-то степени это естественный процесс, так как такая огромная экономика не может вечно расти такими темпами, как ранее. Вопрос здесь не о замедлении, а о возможности застойного кризиса.

Многие эксперты говорят, что разрушение структуры рыночной экономики, борьба с самыми успешными корпорациями, всеобщая слежка при помощи испытанных в период борьбы с пандемией высоких технологий, постепенное вводящаяся система социального кредита, устроение цензуры, в частности в интернете, – все это приведет к уничтожению экономических стимулов, что, как в СССР, приведет к застою.

Но пока эти прогнозы не сбываются. Китай довольно успешно борется с пандемией, его экономика после некоторого замедления

вновь растет с примерно доковидными темпами. В этом году ожидается рост более 6%. Тем не менее, я думаю, что в какой-то перспективе застойный вариант не исключен. Кризис рано или поздно наступал во всех обществах, развивавшихся по сходной с материковым Китаем экономической модели: в Японии, Южной Корее, на Тайване и так далее. Это приводило к недовольству правительствами.

Но если в демократическом обществе такое недовольство вело к смене у власти одной партии на другую со сходной политикой (иногда, как в Японии, даже с почти одинаковым названием), то в Китае, где отсутствуют законные механизмы смены власти, такое развитие событий может вызвать серьезную политическую дестабилизацию. Однако именно против такого сценария и направлены меры Си Цзиньпина. Он считает, что они только улучшат состояние экономики и оздоровят общество, погрязшее в материализме и бездуховности. Кто знает, кто окажется прав? Китай, повторюсь, страна особая – хотя бы из-за своих размеров.

– Каковы шансы, что КНР превратится в «большой Сингапур»?

– «Большой Сингапур» – это символ, обозначающий успешно развивающуюся страну, не позаимствовавшую в полном объеме западную политическую систему и сохранившую авторитаризм. К тому же Сингапур интересен тем, что большинство его населения – этнические китайцы.

Противоположность этому символу – Тайвань, где жесткий однопартийный режим на определенном этапе экономического развития сменился демократией западного типа. Тайвань, как известно, вообще-то часть Китая, где проживают такие же китайцы, как и на материке. В этом смысле Китай – это уже Большой Сингапур, с той лишь разницей, что китайский режим гораздо более жесток.

Я бы сказал, что Китай двигался в сторону Большого Сингапура до прихода к власти Си Цзиньпина, постепенно смягчая режим и развивая экономику на рыночных принципах. Но новый лидер ведет его в новую, неизведанную сторону, делает какой-то коммунистический, красный Сингапур.

Возможно ли общество, сочетающее в себе успешную экономику, высокий уровень жизни с крайне жестким, практически тоталитарным политическим режимом, и насколько долго оно может существовать, сказать довольно трудно. Стандартный западный ответ на этот вопрос будет «нет». Некоторые китаеведы, считающие эту стра-

ну совершенно особым типом общества, скажут, что в Китае все возможно или что он после некоторого вынужденного перерыва под коммунистическими лозунгами возвращается к своему естественному, дореволюционному, имперскому состоянию.

Но не следует забывать, что за несколько тысяч лет существования традиционного Китая там вовсе не всегда царили стабильность и благодать, были и восстания, и голод, и войны, и периоды распада.

Кроме того, все в мире временно. Западные общества, которые долго на самом Западе считались венцом общественного развития, сами впали в затяжной кризис, и их политические системы все больше напоминают не традиционную либеральную демократию, а какой-то новый, еще невиданный тип тоталитаризма с запретами на многие взгляды, профессии и целые научные направления. Не стоит идеализировать и китайское общество. Давайте изучать его с открытыми глазами, полагаясь только на факты и избегая расхожих мнений и идеологических оценок.

Россия XXI века: взгляд из ближнего зарубежья

[Рец. на: Нурша А.К. Путинская Россия: геополитический рванш или агрессивная оборона? Алматы: Print House Gerona, 2018]

Опубликовано в журн.: Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 2. С. 130–135

Распад СССР помимо прочих последствий привел к интересному явлению в сфере гуманитарных наук – появлению независимых от России русскоязычных исследований в бывших советских республиках. Русский язык благодаря этому превратился в истинно международный язык общественных наук, на нем пишут исследователи из Украины и Молдовы, Казахстана и Узбекистана, Киргизии и Азербайджана. Конечно, исследования на национальных языках также развиваются, но, во-первых, в ряде стран не все ими владеют и в некоторых многонациональных государствах он остается языком межнационального общения, а во-вторых, аудитория у публикаций на русском языке в мире гораздо шире, чем у публикаций на национальных языках. Конечно, можно писать на других международных языках, прежде всего на английском, но для этого необходимо им хорошо владеть, а русским на постсоветском пространстве пока владеют гораздо лучше. Кроме того, англоязычные публикации будут направлены на другую аудиторию, авторам же в бывших республиках СССР часто по разным причинам желательно получить признание именно на постсоветском пространстве. В результате складываются нероссийские русскоязычные школы гуманитарных исследований.

Ситуация эта для постсоветского пространства не уникальная. Никого сегодня не удивляет, что независимая от Британии англоязычная научная и художественная литература существует в Индии, Пакистане или ЮАР, а независимая от Франции франкоязычная – в африканских государствах, бывших ранее французскими колониями. Но нас в России, естественно, в большей степени интересуют

нероссийские русскоязычные исследования. Причина в том, что они в какой-то степени, несмотря на всю свою специфику и еще неполное развитие, могут помочь нам посмотреть на себя со стороны, причем со стороны довольно близкой. Ведь постсоветские государства, которые разделили с Россией общую историю, разделили и многие наши проблемы и понимают их там гораздо лучше, чем где-либо еще в мире.

Книга известного казахстанского политолога-международника Аскара Нурши, посвященная политической истории России путинского периода, – яркий пример этой тенденции. Она свидетельствует о зрелости политологической школы нашего соседа и отражает специфику обстановки в самом Казахстане.

Во Введении автор отмечает, что не претендует на освещение всех аспектов российской политической реальности. Для него представляет интерес общее направление развития постсоветской истории России, ее основные тенденции и возможные последствия, в том числе для Казахстана. Он пишет: «Прежде всего, я ставил перед собой задачу посмотреть на всё происходящее в России и ее отношения с другими постсоветскими странами глазами ее непосредственного соседа, который, во-первых, с ней взаимодействует по широкому спектру двусторонних, региональных и международных вопросов. Во-вторых, находится с ней в общем информационном и языковом коммуникативном пространстве. В-третьих, участвует в строительстве интеграционного проекта и общего регионального оборонного пространства, сам оказывая своими действиями определенное влияние на ее политику и, в свою очередь, являясь объектом интереса российской внешней политики» (с. 14–15). Но основной внешнеполитический вопрос исследования сформулирован в подзаголовке книги: чем является путинская внешняя политика – геополитическим реваншем, как считают многие оппоненты России на Западе, или же агрессивной и вынужденной обороной, как об этом обычно говорят в самой России? То, как отвечает на этот вопрос исследователь, не принадлежащий ни к российскому, ни к западному научному сообществу, представляет особый интерес.

Исследование А. Нурши построено на хронологическом принципе. Основная его часть разделена на исторические этапы. Первая глава «Внешняя и внутренняя политика В. Путина в 2000–2008 гг.» посвящена первому сроку его президентства. Вторая глава, озаглавленная «Президентство Медведева», которое автор, очевидно, также относит к путинскому периоду, рассказывает о времени с 2008 по

2012 г. Третья глава «Возвращение Путина к президентству: не ждали?» описывает период с 2012 по 2014 г. И отдельная, заключительная глава посвящена посткрымскому периоду, который автор считает принципиально отличным от предыдущих. При этом каждая глава разделена на три части по трем вопросам, которые особо интересуют автора: отношения России с США и Западом, российская политика в отношении постсоветского пространства и внутривнутриполитическая эволюция самой России.

Говоря в первой главе о причинах охлаждения отношений России с Западом в 2000–2008 гг., А. Нурша усматривает их в одновременном влиянии внутреннего и внешнего фактора. Внутренний фактор был обусловлен разочарованием в ельцинском периоде, оценки которого приобрели в российском обществе преимущественно негативный характер в связи с «утратой Россией значительной части международных позиций и влияния, которыми располагал СССР, а также сокращением территории, находившейся ранее под геополитическим и военно-стратегическим контролем бывшего союзного центра». В результате «в российском обществе и политической элите сложно проходили через этот этап своей истории, болезненно воспринимая потерю страной прежнего статуса супердержавы» (с. 19). Внешний же фактор заключался в противоречивом опыте взаимодействия с Западом в 90-е годы, в результате которого ельцинский период «остался в массовом общественном сознании россиян как время геополитических разочарований и ассоциировался с политической слабостью страны на международной арене, дальнейшим отступлением России от ранее завоеванных стратегических позиций и с уступками Западу» (там же). Таким образом, в споре о том, по какой причине Россия перешла от попыток подключиться к западной международной системе к противостоянию ей – из-за враждебности Запада или в связи с возрождением советской антизападной политической культуры, – А. Нурша отвечает комплексно, указывая на обе причины.

Оценивая эволюцию политики России в отношении постсоветских государств в этот период, автор отмечает, что евразийская интеграция еще не представляла для России исключительную значимость, но Москва «начала все более охладевать к СНГ и постепенно утверждаться в мысли о переносе центра активности к ОДКБ и формирующемуся Таможенному союзу» (с. 131).

В части, рассматривающей внутривнутриполитическую ситуацию в России, А. Нурша подробно излагает механизм и этапы укрепления пре-

зидентской вертикали власти. Причем объясняет это как объективной необходимостью рационализации системы управления, так и интересами новой правящей группы. Это особенно интересно, так как, по его мнению, неверно говорить, что политическая система России к концу 90-х годов была полностью разбалансирована, и «приписывать политические достижения по стабилизации ситуации исключительно следующему поколению руководства страны» (с. 133). Он пишет о неизбежности столкновения В.В. Путина с олигархами, «поскольку сам курс президента на укрепление центральной власти был направлен на уменьшение влияния кланов и групп давления на Кремль». Кроме того, утверждаясь во власти, «В. Путин начал активно формировать новую систему сдержек и противовесов и продвигать во власть собственную команду и дистанцироваться от олигархов, если они не служили задаче укрепления его президентских позиций» (с. 135). Автор указывает также на установление контроля Кремля над Государственной думой и Советом Федерации, приведшего к понижению роли и статуса парламента в политических процессах и повышению значения администрации президента, ставшей «фактически центром принятия политических решений в стране» (с. 149). Отмечая то, что эти меры вызвали критику со стороны Запада, сам автор воздерживается от оценок, предпочитая по возможности подробно излагать факты и события. Отдельный раздел первой главы посвящен региональной политике, результатом которой стала фактически новая, более централизованная модель федеративных отношений (с. 179).

В главе о президентстве Д.А. Медведева, снабженной характерным подзаголовком «молодое вино в старые мехи», также подробно и в основном объективно излагаются факты и события внешне- и внутривнутриполитической жизни страны. Среди причин неудачи так называемой «перезагрузки» отношений с США автором в основном перечисляются действия Вашингтона. Однако отмечается и реакция антизападной части российской элиты на слишком прозападные, с ее точки зрения, высказывания президента России.

Первые годы второго президентства В.В. Путина во внешней политике характеризуются как «опасные маневры» со стороны как России, так и Запада, а во внутренней политике они обозначены как «консервативно-патриотический поворот». В последней главе, описывающей «посткрымский период», отношения с Западом определяются как «ледниковый период». Анализ отношений с постсоветскими странами в этой главе, естественно, в основном посвящен

украинскому кризису. По отношению к России здесь слышна умеренная критика, причем критика, характерная для исследователя из другого соседнего постсоветского государства. Автор пишет: «Россия оказалась не готова к потрясениям на украинском направлении и в этой ситуации проявляет себя не самым лучшим образом. Свою дальнейшую стратегию в отношениях с революционными властями в Украине Россия выстраивает, не руководствуясь задачами поддержания добрососедских отношений, а исходя из негативной оценки рисков и угроз, ожидаемых для национальной безопасности страны. Справедливости ради отметим, что, совершая политические ошибки, новые власти в Украине своими действиями и заявлениями дали для этого немало поводов» (с. 472). Очевидно, что автор полагает для России необходимым не вмешиваться в дела соседних государств ни при каких обстоятельствах и хотел бы, чтобы Москва налаживала отношения с новыми властями Украины, несмотря на их явную антироссийскую политику. Впрочем, такие мнения можно встретить и в России.

Описывая конфликт на востоке Украины, автор признает активную и даже организующую роль «граждан России», однако об участии регулярных сил российской армии в книге не говорится. Интересны выводы автора о том, что цели российских сторонников «Русского мира» и московских властей в ходе конфликта разошлись и российское руководство пошло на переговоры с Украиной в том числе и потому, что продолжение противостояния грозило беспорядками уже со стороны националистов. Мнение это интересно уже потому, что, например, позволяет сделать вывод об искреннем стремлении Кремля прийти к какому-то приемлемому соглашению, что противоречит подходу большинства западных аналитиков, согласно которому Москва лишь использует переговоры для затягивания времени и продвижения собственных интересов.

Оценивая роль присоединения Крыма в специальном разделе «Крым наш», автор высказывает мнение, что украинский кризис серьезно повлиял на политическую ситуацию в России, лишив ее альтернативности, которая еще сохранялась ранее, несмотря на предшествующий «консервативный поворот». «Присоединение Крыма стало не просто узловым событием, а свидетельствовало о смене модальности политического мышления и императивов поведения российской власти. Позиция, которую Кремль занял в крымском вопросе, означала решительный стратегический выбор во внешней политике страны, который обуславливал и предопределял изменение

подходов и в ее внутренней политике. Речь шла о более жесткой стратегии дальнейшего позиционирования России в отношении Запада, с одной стороны, и экстраполировании вытекающих из этого внешнеполитических вызовов во внутривнутриполитическую повестку – с другой» (с. 610), – заключает автор.

В целом можно сказать, что А. Нурша в основной части книги в целом подробно и обстоятельно излагает материал, демонстрируя очень хорошее знание российской литературы, на которой и основывает свой анализ. Англоязычная или другая постсоветская литература используется гораздо меньше, что в принципе не создает большой проблемы, потому что ее уровень по данной тематике представляется довольно низким.

С точки же зрения выявления позиции самого автора гораздо больший интерес представляет последняя часть книги, озаглавленная «Уроки для Казахстана». Автор начинает с того, что, хотя Казахстан и дорожит дружбой с Россией, соседство и тесные связи с ней порождают для него серьезные риски и вызовы. По мнению А. Нурши, эти риски и вызовы главным образом связаны с тем, что Россия по-прежнему не примирилась со своим историческим прошлым и не приняла свое настоящее. «Многие великие европейские державы, – рассуждает автор, – утратив имперский статус и обширные колониальные владения, прошли через болезненный этап признания независимости от метрополии отколовшихся от нее государств, через раскаяние и сожаление за поведение в эпоху колониализма. Но не Россия. Российская политическая элита рассматривает современную Россию преемницей Российской империи и СССР и все еще далека от признания ошибок, допущенных российским царизмом и советскими лидерами. Российское руководство видит в распаде СССР „крупнейшую геополитическую катастрофу XX века“ и дает российскому обществу основания для сомнений, насколько законно состоялся сам распад и отделение в качестве независимых государств бывших союзных республик» (с. 647). Можно сделать вывод, что автор считает царскую Россию и СССР обычными колониальными империями, а современную Россию – их наследницей, которая, как Англия или Франция, должна повиниться за «ошибки» колониализма. Такая постановка вопроса исторически неверна, но показательна. Неверна она потому, что СССР, например, не был колониальной империей. Его руководство стремилось не к выкачиванию богатств из окраинных национальных регионов в пользу метрополии, а к выравниванию уровня их развития по сравнению с регионами более

развитыми. Поэтому если более развитым республикам, например прибалтийским, и есть на что жаловаться, то Казахстан, как территория отсталая, естественно, гораздо больше получал от Союза, чем отдавал ему. Никакой дискриминации по национальному признаку также не было. Напротив, представители национальных республик имели привилегии, например при поступлении в вузы. Так что не совсем понятно, что имеется в виду под ошибками. Конечно, СССР был довольно неприятным, репрессивным государством, однако репрессии проводились не по национальному принципу: они были в равной мере преступными по отношению ко всем населявшим страну народам. Что же касается царской России, то современная Россия и СССР ни формально, ни фактически наследниками ее политики или законодательной системы не являются. Не следует забывать и о том, что независимость большинства советских республик, в том числе и Казахстана, стала возможной прежде всего из-за позиции ельцинского руководства России, которое не только не противодействовало этому процессу, но и приветствовало его.

Показательна же представленная в книге точка зрения потому, что она ясно выдает постколониальное сознание национальной элиты Казахстана – явление, распространенное в молодых государствах, в том числе постсоветских республиках. Суть его – все перед нами виноваты, а живем мы недостаточно хорошо из-за ошибок или даже преступлений «колонизаторов». Характерны для этого сознания и мифологизация прошлого, стремление создать миф об идеальной жизни, якобы разрушенной пришельцами. Неслучайно А. Нурша говорит об отрицании в России древней казахской государственности, якобы существовавшей еще в XV в., и даже приводит на этот счет слова В.В. Путина¹. Не вдаваясь в исторические детали, отмечу: достаточно побывать в современном Казахстане, чтобы увидеть, что там задним числом создается никогда не существовавшая «славная история». На данное явление обращают внимание и многие западные авторы². При этом чрезмерное акцентирование

---

¹ Стенограмма беседы Владимира Путина с участниками 10 Всероссийского молодежного форума «Селигер-2014» // Российская газета. 30.08.2014. URL: <https://rg.ru/2014/08/30/stenogramma.html>

² Shlapentokh D. Kazakhstan's history as a geopolitical battlefield // The Central Asia-Caucasus Analyst. 2016. May 27. URL: <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13365-kazakhstans-history-as-a-geopolitical-battlefield.html>; Mellon J.G. Myth, Legitimacy and Nationalism in Central Asia // Ethnopolitics: Formerly Global Review of Ethnopolitics. 2010. Vol. 9. No. 2. P. 137–150; Pope H. Sons of

исторической роли казахов в многонациональном государстве вряд ли может способствовать национальному согласию и стабильности в стране³.

Из рассуждений автора о засилье российских СМИ в казахстанском медийном пространстве, для борьбы с которым он даже призывает ограничить передачи российских новостей, становится не совсем понятным, считает ли он в действительности Россию дружественной и союзной страной, каковой она фактически является для Казахстана. Ведь воздействия дружественных СМИ, даже если они иностранные, вряд ли нужно опасаться. Не станут же, скажем, в Канаде опасаться американских СМИ или в Бельгии – французских. Однако автор неоднократно высказывает обеспокоенность содержанием российских новостей и их воздействием на население Казахстана. К тому же возникает вопрос, на каком основании можно блокировать влияние СМИ другого члена Евразийского экономического союза (ЕАЭС), где их свобода распространения обеспечивается общими соглашениями. Не лучше ли вместо запретов подумать, почему именно российские СМИ более популярны, и постараться, например, создать собственные профессиональные русскоязычные телеканалы, которые мы с удовольствием будем смотреть и в России, особенно учитывая специфику наших собственных СМИ.

Показательны и рассуждения автора о евразийской интеграции. Здесь слышится подспудная критика руководства собственной страны. Вот несколько цитат. Автор пишет: «Сужение постсоветского экономического интеграционного пространства сначала до ЕвразЭС, а затем и вовсе до „интеграционной тройки“ России, Беларуси и Казахстана заметно нивелировало ценность постсоветской экономической интеграции, сократив идею обеспечения свободного допуска к рынкам стран СНГ до допуска к российскому рынку. Несмотря на все это, Казахстан продолжил свое участие в постсоветских интеграционных процессах, ставя при этом во главу угла свои отношения с Россией и нынешним российским руководством» (с. 656). Автор, очевидно, выступает против углубления евразийской интеграции

---

the Conquerors: The Rise of the Turkic World. New York, Woodstock and London: Overlook Duckworth, 2005. P. 182.

³ Goble P. New Wave of Kazakh Nationalism Changing Astana's Domestic and Foreign Policies // The Jamestown Foundation. 2019. March 7. URL: <https://jamestown.org/program/new-wave-of-kazakh-nationalism-changingastanas-domestic-and-foreign-policies/>

и считает, что Казахстан участвует в этом процессе не из-за собственной экономической выгоды, а ради отношений с Россией, фактически под ее давлением. Однако, как всем известно, именно первый президент Казахстана Н. Назарбаев был главным инициатором создания ЕАЭС. В интервью «Российской газете» 2 апреля 2019 г. новый президент Казахстана К. Токаев подтвердил, что «Казахстан последовательно поддерживал и будет поддерживать интеграционные процессы на евразийском пространстве и в более широких масштабах»⁴. Неужели казахстанские лидеры делают это вопреки экономическим интересам своей страны? Скорее всего, они придерживаются другого мнения⁵.

Далее, А. Нурша выражается еще прямее: «Складывается впечатление, что в руководстве Казахстана, вопреки растущей внутренней критике, верят в Россию, в интеграцию и ее возможности больше, чем она сама. В Акорде⁶ больше мыслят в категориях: чем постсоветская экономическая интеграция может в идеале стать и какие выгоды принести Казахстану... Аванс, выданный руководством Казахстана евразийской интеграции, остается по сей день не погашенным» (с. 657). То есть, по мнению автора, Казахстан вступил в ЕАЭС, внося некий аванс, но ничего не получил взамен, а его политическое руководство, несмотря на это, а также растущую критику, все равно верит России, т.е. проявляет политическую близорукость.

Что же не одобряет автор в подходах России? По его мнению, российское руководство не отрешилось от имперского мышления, а порой, как это было во время украинского кризиса, может претендовать на территорию соседних государств под предлогом их исконной принадлежности России. Кроме того, в этих планах оно может

---

⁴ Накануне визита в Москву президент Казахстана ответил на вопросы «Российской газеты» // Российская газета. 02.04.2018. URL: <https://rg.ru/2019/04/02/nakanune-vizita-v-moskvu-novyy-prezidentkazahstana-otvetil-na-voprosy-rg.html>

⁵ В самом Казахстане гораздо чаще можно встретить более позитивные оценки роли ОДКБ и ЕАЭС для этой страны. См., например: Кушкumbaев С.К. Стратегическое сотрудничество Казахстана и России: военно-политический и торгово-экономический аспекты // Россия и Центральная Азия: новые перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвященной 25-летию установления дипломатич. отношений между Рос. Федерацией и государствами Центральной Азии (Москва, 14 июня 2017 г.) / Отв. ред. А.Л. Чечевишников. М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 185–193; Темирова А.Б., Абдимомынова А.Ш. Конкурентоспособность экономики Казахстана в рамках ЕАЭС // Торговая политика. 2018. № 1/13. С. 23–32.

⁶ Резиденция президента Казахстана.

заигрывать с националистами и использовать их в своих целях. Российские же СМИ являются рупором этого подхода.

Кроме того, российская конфронтация с Западом и якобы происходящее под влиянием России превращение ОДКБ в антинатовскую организацию, по мнению А. Нурши, также не соответствуют политическим интересам Казахстана, который хотел бы балансировать между Россией, Китаем и Западом, а также его экономическим интересам, так как фактически подводят под антироссийские санкции.

Эти настроения, выраженные ясно, российскому руководству необходимо учитывать. Положение России таково, что даже самые близкие к ней постсоветские государства не готовы безоговорочно поддерживать ее политически так, как, например, союзники по НАТО поддерживают США. Это обусловлено ее относительной экономической слабостью, из-за которой эти государства стремятся получить все, что возможно, не только от нее, но и от других центров силы – Запада и Китая. Конфронтация России с Западом в этом плане им не выгодна, так как они не хотят становиться в ситуацию выбора, но стремятся продолжать многовекторное сотрудничество. Еще в меньшей степени они могут одобрить политику, которая, по их мнению, ведет к ослаблению существующих в постсоветских государствах политических режимов и подрыву территориальной целостности этих стран, так как всегда примеряют такую ситуацию на себя. Российскому руководству при выработке внешнеполитических мер необходимо учитывать подобную реакцию соседей и партнеров.

С другой стороны, в Казахстане также должны понимать, что кризис на Украине был вызван незаконным приходом к власти крайних националистов, меры которых по ограничению прав русскоязычного населения вызвали восстание последнего в восточной части страны. Россия же лишь оказала некоторое содействие соотечественникам. Приход к власти казахских националистов в Казахстане способен вызвать в этом многонациональном государстве еще большую катастрофу, поэтому, вместо того чтобы нагнетать страхи, гораздо полезнее стараться не допустить такого развития событий, что успешно и делает казахстанское руководство.

В Заключении автор отдает должное заслугам В.В. Путина в деле укрепления российской государственности и отмечает, что в полной мере оценить его эпоху пока трудно, так как она еще не завершена. Автор считает, что Россия, так же как и Запад, повинна в разрушении международного порядка, поэтому «то, что мы наблюдаем в отношениях России и Запада, – это, по сути, закономерный результат

последних почти трех десятилетий их отношений и неспособности установить и развивать диалог» (с. 662).

Он высказывает мнение, что российский политический режим, который «мало соответствует западной модели демократии», защищая аналогичные режимы и экономики в других постсоветских государствах с их коррупцией и олигархизацией, создает «симбиотическую связь между российской экономикой и еще менее успешными постсоветскими экономическими и управленческими моделями» (с. 664). Это, пожалуй, единственная характеристика политической системы России, глубокий ее теоретический и типологический анализ в книге, к сожалению, отсутствует. Собственно, не вполне ясен и ответ автора на вопрос, поставленный в заголовке книги: является ли внешняя политика В.В. Путина стремлением к геополитическому реваншу или активной обороной от попыток Запада подчинить ее своей гегемонии?

В целом книга А. Нурши представляет большой интерес для российского читателя. Ее основная часть могла бы стать хорошим учебным или справочным пособием для тех, кто изучает российскую политику последнего двадцатилетия. В самой России таких пособий совсем немного, большая часть литературы на данную тему крайне политизирована и необъективна. Заключительные же страницы книги дают хороший материал для понимания развития политической мысли экспертных кругов постсоветских государств в отношении России.

Регион в центре событий

Опубликовано в журн.: Россия в глобальной политике. 2019. Т. 17. № 3. С. 156–166.
URL: <https://globalaffairs.ru/articles/region-v-centre-sobytij/> – В соавт. с Д.П. Новиковым

Северо-Восточная Азия – регион, в который входят такие ведущие азиатские державы, как Китай и Япония, проблемный, но и динамично развивающийся Корейский полуостров, евразийская Россия и небольшая, но интересная историческим и политическим опытом Монголия, – вызывает растущий интерес во всем мире. Еще с 1990-х годов, но особенно с 2012–2014 гг. регион занимает высокое место в иерархии приоритетов внешней политики России. И хотя это стимулирует интерес к происходящим там процессам, серьезных и фундаментальных академических работ по международным отношениям в СВА немного. И в российской, и в иностранной литературе анализ международной политики в Северо-Восточной Азии, как правило, либо растворяется в более широком контексте международной системы Азиатско-Тихоокеанского региона или глобальной международной системы в целом, либо, наоборот, фокусируется на отдельных проблемах. Тем самым общая картина международных отношений в СВА зачастую не просматривается, так как оказывается либо слишком приближенной, либо слишком отдаленной.

Именно поэтому вышедшая в 2019 г. в издательстве «Аспект Пресс» коллективная монография «Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России»¹ под редакцией академика Анатолия Торкунова и профессора МГИМО Дмитрия Стрельцова представляет особый интерес. Среди авторов – ведущие специалисты по проблемам региональной безопасности, экономического сотрудничества, а также внутренней и внешней политики государств Северо-Восточной Азии.

---

¹ Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / Под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2019.

Проведенный авторским коллективом комплексный анализ международных процессов в СВА имеет как прикладное, так и теоретическое значение.

Практическая ценность изучения международных процессов в СВА возросла с 2012 г., когда Россия начала «разворот на Восток», и в еще большей степени после 2014 г., когда из-за ухудшения отношений Москвы с Западом, вызванного украинским кризисом, этот разворот обрел стратегический характер. В таком контексте ключевой национальный интерес России в СВА – углубленная интеграция в регион, в том числе и прежде всего, на что указывают авторы, интеграция российского Дальнего Востока и Сибири, привлечение экономических ресурсов для их развития. Структурной предпосылкой для экономической интеграции является более плотное вовлечение России в политические и экономические процессы в регионе в качестве одного из системообразующих элементов. Это требует более проактивной и в то же время более тонкой политики. Осуществляя интеграцию в регион, России придется стать элементом очень сложной конструкции, рассмотрение которой осуществляется в книге на трех уровнях: национальном, в рамках страноведческого анализа, на уровне региональной международной системы и нерегиональном, с учетом внешнего по отношению к СВА контекста. Анализ, ставший своего рода визитной карточкой школы международных исследований МГИМО, позволил авторскому коллективу дать подробную и связную картину происходящих процессов.

С теоретической точки зрения задача книги – изучение функционирования субрегиональной подсистемы международных отношений в условиях трансформации международной системы на глобальном уровне. В Северо-Восточной Азии переплетается целый ряд проблем и вызовов, неизвестных другим региональным международным системам. В СВА на фоне конфликта между двумя Кореями, тесно связанного с ядерным вызовом со стороны КНДР, почти полностью отсутствуют институты поддержания безопасности. Колоссальная экономическая взаимозависимость (особенно между Китаем, Японией и Южной Кореей) сочетается и в какой-то мере согласуется с жесткими экономическими и политическими противоречиями, обусловленными как сложным историческим контекстом, так и нарастающей конкуренцией за региональное лидерство. Авторы показывают, как эти проблемы и противоречия сегодня вскрываются на фоне трансформации сформировавшегося более четверти века назад глобального порядка, а катализатором обострений во многих

случаях оказывается ставшая более наступательной, но при этом более изменчивой и непредсказуемой политика важнейшего внешнего актора – США. Несмотря на свою географическую удаленность, Соединенные Штаты выделяются в книге в качестве отдельного, значимого элемента международной системы СВА. Политическое, военное и экономическое присутствие Вашингтона в регионе настолько велико, что необходимость его предметного анализа не просто как привходящего фактора, но как составного элемента региональной международной системы не вызывает сомнений.

Все эти проблемы и особенности международной политики в СВА делают регион отчасти похожим на послевоенную Европу: слабость институтов и огромный конфликтный потенциал, жизненная необходимость экономического сотрудничества для развития и даже выживания некоторых государств и глубокое недоверие между ними, нарастающая конкуренция сверхдержав. Как и послевоенная Европа, СВА сегодня является одним из наиболее геостратегически важных регионов мира и одновременно – потенциальным полем и возможным источником глобального конфликта между великими державами. Однако, в отличие от Европы 1940–1950-х годов, сегодня контекст международной политики и в мире, и в СВА гораздо более сложен и неоднозначен и, вероятно, не имеет линейных решений, которые сформировали международную систему и ее региональные проявления в период холодной войны.

В этой структурной неопределенности кроется главный интеллектуальный вызов: систематизация нелинейных и неоднозначных взаимосвязей между элементами в современном мире становится все более сложной задачей, а сложившаяся в Северо-Восточной Азии международная система – наглядный тому пример. Изучение исторической природы региональных вызовов, традиционно являющееся признаком фундаментальности анализа, дает все меньше возможностей для прогноза. И хотя авторы уделяют много внимания историческому контексту, видна их сосредоточенность именно на попытке ухватить и понять изменчивую динамику сегодняшнего и завтрашнего дня, провести комплексную рефлексию событий последних двух-трех лет, чтобы понять, в какую сторону пойдет в обозримом будущем этот регион, столь важный и для России.

Удалась ли эта попытка? Ответ безусловно положительный, хотя бы потому, что даже дискуссионные предположения о характере развития международных отношений в СВА ценны и полезны, в том числе для повышения эффективности российской стратегии. Однако

многовекторность анализируемой системы сама по себе предполагает неоднозначность методологических решений и выводов. И это важная отправная точка для дискуссии по многим аспектам международных процессов в СВА.

Пожалуй, один из наиболее спорных вопросов: существует ли в СВА самостоятельная система международных отношений, которую можно было бы выделить в отдельное поле для исследований? Описанная в монографии региональная подсистема имеет ряд проблем и особенностей, равно как и специфических вызовов и даже «болезней», связанных со сложными и порой запутанными отношениями между ключевыми игроками.

Это прежде всего проблемы межкорейского урегулирования и производные от них вызовы безопасности и стратегической стабильности; экономические противоречия между главными акторами и их огромная и пока еще сохраняющаяся и даже растущая взаимозависимость, особенности исторического взаимодействия государств и обществ этого региона и др.

Однако, притом что концентрация на регионе является безусловным плюсом книги и во многом, как указывалось выше, определяет ее значимость, нельзя не отметить, что в настоящий момент дробление Азии на более мелкие регионы нередко выглядит несколько искусственным. Наоборот, можно говорить о тенденции укрупнения регионов как методологическом веянии последних лет, определяемом логикой развития международных отношений: расширение взаимозависимости на всех уровнях – глобальном, межрегиональном и региональном в различных конфигурациях – стирает рамки устоявшихся за последние десятилетия международных подсистем. В этом контексте вопрос о том, можно ли говорить об СВА как об обособленной субрегиональной системе (не как о географическом регионе – географическое значение Северо-Восточной Азии в качестве обозначения определенного ареала, безусловно, сохраняется), становится если не открытым, то как минимум имеющим право на дискуссию.

Целый ряд проблем, характеризующих и определяющих структуру региональных политических связей, выходит далеко за рамки СВА. Например, глобальное и более широкое региональное (в масштабах всего АТР) измерение имеет проблема ядерной программы Пхеньяна. Безусловно, лишь отдельным кирпичиком выглядит американская политика в СВА по отношению к их более комплексной азиатской стратегии, включающей концепцию Индо-Тихоокеанско-

го региона. Несколько искусственным смотрится замыкание в рамки отдельного региона экономических отношений трех крупнейших национальных экономик мира: США, Китая и Японии – они остаются определяющими для всей мировой экономики. При этом для главных действующих лиц в СВА – США и Китая – сама по себе Северо-Восточная Азия лишь одно из полей конкуренции, что опять же заставляет выходить далеко за рамки исследуемого региона и смотреть на проблемы более широко: через призму азиатской, азиатско-тихоокеанской и евразийской систем международных отношений.

В ряде случаев это требовало досконального анализа проблем и инициатив, выходящих за рамки региональной повестки и в некотором смысле вступающих в противоречие с самой концепцией СВА как самостоятельной и обособленной международной подсистемы. Например, анализ российско-китайских отношений и их влияния на трансформацию международной системы в СВА потребовал рассмотрения таких факторов, как сопряжение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, концепции Большого евразийского партнерства и некоторых других совместных инициатив. Все эти проекты оказывают значимое влияние на динамику отношений в Северо-Восточной Азии, но остаются внешним по отношению к региону контекстом.

Более того, сама логика возникновения Большой Евразии, по сути, призывает к созданию мегарегиона «от Лиссабона до Шанхая», а то и «до Сингапура», в основе которого – предположение и об уже сформировавшейся или формирующейся евразийской международной системе. На методологическом уровне это движение в сторону замещения узкорегionalного подхода (СВА, ЮВА, Центральная Азия) более широкой структурой в виде Большой Евразии. Политически это означает признание за Евразией/Большой Евразией, в которую включены более мелкие субрегионы, большей состоятельности с точки зрения формирования стратегической повестки. Россия тем самым должна интегрироваться не в СВА, а в Евразию – дискуссионный тезис, который в книге не был четко обозначен, но, вероятно, будет предметом для обсуждения, в том числе и на основе проведенного в монографии анализа.

Между тем не вполне равноценно рассмотрены в монографии и проблемы собственно СВА. Так, если китайская тема выходит за рамки региона и рассматривается комплексно, то важнейшей проблеме Корейского полуострова, да и двум Кореям, уделяется непро-

порционально мало места, а занимающая географически центральное место в регионе небольшая, но политически и экономически значимая Монголия вообще выпала из поля зрения.

В какой-то мере уступкой необходимости соблюсти баланс между фокусом на СВА и анализом в более широком контексте стало включение в перечень исследуемых проблем тайваньского вопроса – решение спорное по крайней мере с двух точек зрения. Во-первых, дискуссионным является само причисление проблемы Тайваня как вызова региональной безопасности к политической проблематике СВА. Географически и политически Тайвань удален от Северо-Восточной Азии, хотя, безусловно, и является важным фактором политической и экономической жизни региона, в том числе структурообразующих американо-китайских отношений.

Во-вторых, некоторое недоумение вызывает рассмотрение отношений «берегов пролива» в главе о международных проблемах СВА, ведь, как известно, подавляющее число государств мира, в том числе и Россия, и все страны СВА, считают Тайвань частью Китая, и следовательно, данный вопрос является проблемой внутрикитайской, а не международной. Международное измерение проблемы сосуществования «двух Китаев» очевидно, и в ближайшее время его значение будет возрастать – опять же как минимум в свете роста напряженности в американо-китайских отношениях. Но анализ внутрикитайской проблемы как фактора развития международной системы в СВА представляется политически и методологически необоснованным.

Логику фокуса на СВА в известной степени нарушают и включенные в круг исследуемых вопросов территориальные споры в Южно-Китайском море. С одной стороны, это позволило дать картину территориальных споров, в которые в настоящий момент втянута ключевая страна Северо-Восточной Азии – Китай. Сделанный в монографии анализ – один из наиболее комплексных и содержательных на данный момент. Он не только дополняет исследование территориальных споров в СВА, но и формирует более широкий контекст, давая возможность для систематизации логики развития и эволюции этих конфликтов, в том числе влияния на них внешних факторов. Речь идет о политике США и их подходах к территориальным проблемам с китайским участием, в которых в последние годы наблюдается системное ужесточение.

На этом фоне определенным недостатком является относительная нераскрытость проблемы Курильских островов. Она поднимается в монографии как минимум дважды: в рамках комплексного ана-

лиза российско-японских отношений, где территориальный спор рассматривается прежде всего как одно из препятствий на пути развития российско-японского экономического и политического сотрудничества, а также в рамках анализа российской политики в СВА в целом. Логичным и целесообразным представляется выделение спора о Курилах в отдельный параграф (или даже главу) – как важного и заметного структурного фактора развития международной системы Северо-Восточной Азии, оказывающего непосредственное влияние на российскую внешнеполитическую стратегию в регионе. Кроме того, более глубокий анализ данной проблемы в значительно большей степени соответствует и логике монографии: принадлежность и структурную значимость курильской проблемы для международной системы СВА едва ли можно оспорить.

Таким образом, в каком-то смысле изначальный региональный фокус авторов оказался размыт в силу глубокой интегрированности СВА в общий контекст азиатских и евразийских международных отношений. Это опять же говорит в пользу того, что ограничение исследования Северо-Восточной Азией носит скорее методологический, чем объективный характер.

При этом сравнительно узкий региональный фокус позволил существенно углубить рассмотрение национальных подходов и стратегий всех государств Северо-Восточной Азии (авторы «пренебрегли» только традиционно относящейся к региону Монголией). Страноведческому анализу посвящена значительная часть книги. Авторы не ограничиваются характеристикой общей динамики развития международной системы и анализом отдельных международных проблем и ситуаций, но подкрепляют его подробным исследованием стратегического видения, целеполагания и восприятия текущей ситуации каждым отдельным актором региональной международной системы.

В книге показано, что процесс возвышения Китая, рассматриваемый авторами как комплексный феномен увеличения экономического потенциала, конвертируемого в военную мощь и политический вес, повлиял на переоценку Пекином стратегии и в отношении АТР в целом, и в отношении СВА как его составной части. Подробно анализируется политика Китая в отношении всех выделенных авторами ключевых проблем СВА: межкорейские отношения и ядерная программа КНДР, стратегия Китая в отношении Тайваня, территориальные споры в Южно-Китайском море, а также эволюция американо-китайских отношений. При этом, однако, в малой степени

освещена такая фундаментальная инициатива КНР, как «Один пояс, один путь». Хотя эта мегаинициатива в меньшей степени направлена на СВА и в большей – на развитие континентальных и морских транспортно-логистических связей с Европой, данный фактор оказывает большое влияние на китайскую политику в ЮВА и ЮКМ, а также в какой-то степени и на отношения с Японией и Республикой Корея.

Отдельно и подробно в монографии исследуется развитие международного диалога по урегулированию на Корейском полуострове. Авторы, отмечая некоторые позитивные тенденции, скорее склонны скептически оценивать перспективы в обозримом будущем. В немалой степени – в силу принятого на вооружение действующей американской администрацией одностороннего подхода к отношениям с Пхеньяном и к проблеме в целом.

Американский фактор в целом играет двоякую роль в регионе. С одной стороны, присутствие США остается структурообразующим элементом сформировавшейся еще в эпоху холодной войны системы безопасности, обеспечивая безопасность союзников (правда, за счет некоторых других стран) и до известной степени удерживая две Кореи от развязывания горячего конфликта. С другой – сегодня Соединенные Штаты играют явно неконструктивную роль в решении ключевых политических проблем. Сохранение и фиксация унаследованной от эпохи холодной войны системы безопасности не позволяют создать новую, более соответствующую сегодняшним реалиям архитектуру безопасности. В связи с этим большего внимания требовала эволюция американской стратегии в отношении СВА, которая рассматривается авторами как важный и во многом определяющий фактор многих процессов в регионе.

Определенным методологическим ограничителем при этом является, по-видимому, сознательный отказ от анализа внутренней политики в государствах региона и ее влияния на их внешнеполитические подходы и международную систему в целом. Иногда авторы останавливаются на этом более подробно, как, например, в случае с КНР, где смена поколения лидеров и приход к власти нынешнего руководства стали одним из факторов переосмысления китайской региональной стратегии (при этом авторы по понятным причинам ограничиваются лишь самым базовым анализом). Но в целом добавление внутривнутриполитических аспектов в общую мозаику международных отношений в СВА в некоторых случаях очень желательно. Так, подробное и глубокое исследование «ядерного вызова» Пхеньяна,

его непростых отношений с Южной Кореей и ведущими игроками региона – США, Китаем, Россией, стало бы более полным с учетом смены власти и начала постепенных внутренних реформ, которые, с одной стороны, повысили заинтересованность КНДР в достижении определенного компромисса с соседями, прежде всего с Вашингтоном и Сеулом.

Отказ идти внутрь, связанный с избранной методикой концентрации на межгосударственных отношениях, не снижает качества проведенного анализа и не ставит под сомнение выводы монографии. Однако в условиях повсеместного повышения влияния внутренней политики на международную включение внутривластного анализа в качестве еще одного уровня исследований, вероятно, было бы целесообразно.

Пожалуй, самой важной и сильной частью работы является глубокий и подробный анализ национальных интересов России в пестрой и нелинейной динамике Северо-Восточной Азии и возможностей укрепления российских позиций в регионе. Авторы, по сути, предложили новую комплексную стратегию России по интеграции в международную систему Северо-Восточной Азии, которая могла бы быть основана на идее построения Большой Евразии «от Лиссабона до Шанхая» и включения СВА в общую дорожную карту реализации Большого евразийского партнерства и составляющих эту инициативу проектов и идей.

В наибольшей степени данный подход виден в экономической сфере. В монографии указывается на сравнительно низкий уровень институционализации экономического сотрудничества в СВА, где до сих пор не сформирована унифицированная зона свободной торговли (даже в урезанном виде – между тремя основными региональными экономиками: Китаем, Японией и Южной Кореей), проект создания которой муссируется с 2000-х годов. Авторы усматривают в этом возможность форсированной интеграции России (через Евразийский экономический союз) в еще не оформившуюся систему региональных экономических соглашений, прежде всего посредством создания ЗСТ между ЕАЭС и ведущими экономиками региона. При этом формирование таких ЗСТ должно быть включено в общую стратегию создания геоэкономического пространства «от Лиссабона до Шанхая» с учетом уже имеющихся и перспективных инициатив: сопряжения ЕАЭС и китайского Экономического пояса Шелкового пути, экономического соглашения между ЕАЭС и Китаем, Большого евразийского партнерства, ШОС и др. То есть в долгосрочной пер-

спективе, по сути, вести к созданию более или менее институционально унифицированного экономического пространства, соединяющего экономические полюса в Северо-Восточной Азии и Европе. Решение такой сверхзадачи, как показывают авторы, активизирует включение российской Сибири и Дальнего Востока в азиатские экономические процессы и будет способствовать их развитию.

Однако реализация этой идеи может столкнуться с рядом политических рисков и оказаться малоперспективной в условиях конфронтации между Россией и Западом. Вероятно, применительно к США на текущем этапе целесообразнее говорить о Большой Евразии «от Калининграда до Шанхая», с последующим выходом на диалог с ЕС. В Северо-Восточной Азии же идея включения этого региона в большую евразийскую повестку может столкнуться с политическими рисками, во многом структурообразующими, и вызовами безопасности.

Рассматриваемое издание, безусловно, не дает решения всех региональных проблем и не ставит такой цели. Вместе с тем оно представляет очень подробную, обновленную и динамичную картину международной жизни в одном из наиболее важных регионов как для мира, так и для России, задает ориентиры по основным региональным вызовам и проблемам и предлагает подискутировать о путях реализации национальных интересов России в нем. Знакомство с монографией необходимо для экспертов-международников, специалистов по международным отношениям в Азии, для всех интересующихся российской внешней политикой и мировой политикой в целом.

Китаеведы-практики в моей жизни

Опубликовано с некоторыми изменениями в кн.: Дружба из поколения в поколение. Сборник статей в честь 70-летия российско-китайских дипломатических отношений / Ред. Чжоу Сяопэй, С.Н. Гончаров. Пекин: China International Press, 2019. С. 336–354

С Китаем связана почти вся моя жизнь. Большую ее часть я провел, занимаясь научными исследованиями. Но опыт работы в дипломатических ведомствах оставил безусловный след в моей биографии и, вероятно, повлиял на практическую ориентированность многих моих исследований. Кроме того, во время учебы в МГИМО, входящем в систему МИД, работая в центральном аппарате МИД и в советском посольстве в Китае я познакомился со многими интересными людьми, высокими профессионалами практического китаеведения, искренне мечтавшими улучшить отношения с этой страной. Очень отраднo, что это им удалось: дружественные и партнерские отношения России с Китаем сегодня нельзя даже сравнивать с той атмосферой подозрительности и взаимного недоверия, которая царила между двумя странами в то время, когда я впервые приехал в Пекин. Значит, жизнь этих людей, многих из которых уже нет с нами, прошла не зря, и шуточное выражение выдающегося дипломата И.А. Рогачева: «Выпьем за то, чтобы наше дело пропало не зря!» – к ним не относится. О моем опыте встреч и работы с этими людьми, об их влиянии на мою жизнь и судьбу я бы и хотел рассказать здесь.

МГИМО

Китай мистическим образом преследовал меня с ранних лет. Еще в школе меня называли китайцем. Почему-то считалось, что я немного похож на китайца, к тому же я интересовался политикой, а в Китае тогда происходили довольно уникальные политические события, и я часто делал о них разные доклады, в частности на обязатель-

ных тогда политинформациях. Помню, с одним из них я выступил сразу после смерти Мао Цзэдуна, рассказал о роли этого деятеля в истории.

Школу я закончил в 1978 г., в год начала реформ Дэн Сяопина. Но об этом тогда мало что было известно. Китай считался государством опасным, отношения с ним были крайне напряженными, и изучать его не считалось популярным делом. Когда я стал выбирать, где учиться дальше, все сошлось на МГИМО: система приема в вузы в то время была, мягко говоря, весьма специфической, и, как объяснил мне отец, МГУ в ее рамках был менее доступен. В других вузах гуманитарные профессии (к точным наукам меня не тянуло) преподавались явно слабее. В МГИМО же из четырех тогдашних факультетов мне светил только факультет международных отношений, так как журналистика – это не серьезно, на МЭО¹ надо было сдавать математику, а юриспруденция – область вообще крайне запутанная. Я хотел быть историком, и на факультете МО истории было больше всего. Так как я явно хотел заниматься хотя и чем-то гуманитарным, но в то же время сложным, чтобы не валять дурака все студенческие годы, я решил учить сложный восточный язык. Поначалу подумал о японском, но его в тот год в МГИМО вообще не было. Тогда отец дал мне еще один совет, оказавшийся мудрым и провидческим. Он сказал, что надо брать китайский, потому что Китай вскоре будет великой страной. Тогда это было совсем не очевидно. Китай только что выбирался из трясины «культурной революции», и по тому, что мы знали о нем, был страной бедной, отсталой, да еще и руководившейся какой-то довольно дикой идеологией.

Изучать Китай было интересно, но язык был сложным. Тем более в то время, когда не было возможности общаться с китайцами и слышать, как они говорят на самом деле. Мы пользовались только записями, на которых язык звучал очень правильно, без всяких акцентов и диалектов. У нас, правда, была одна преподаватель-китайка, по какой-то причине оставшаяся в СССР, Чжао Ньюань, и хотя она была с юга и говорила, как потом выяснилось, не вполне стандартно, мы все же получили от нее какое-то чувство реальной речи. Зато мы хорошо знали теорию: грамматику у нас вел ведущий советский специалист Владимир Иванович Горелов, в то время заведующий кафедрой китайского и других восточных языков, иероглифику – знаменитый составитель русско-китайских словарей Алек-

---

¹ Факультет международных экономических отношений.

сандр Варламович Котов. Обычные занятия проводила совсем молодая преподавательница Ольга Николаевна Курникова. Она очень старалась, потому что мы у нее были чуть ли не первыми студентами. Она мне нравилась, и поэтому и китайский язык стал нравиться еще больше, но она вскоре вышла замуж за одного из наших бывалых одногруппников, прошедших уже службу в армии, и стала Маслаковой.

Учеба в МГИМО произвела переворот в моем сознании. Точнее, не вся учеба, а лекции двух специалистов по китайской истории – Леонида Сергеевича Васильева и Арлена Вааговича Меликсетова. Леонид Сергеевич читал лекции блестяще, артистично, так, что на них студенты шли с огромным желанием. Арлен Ваагович был несколько более строгим, но в то же время фундаментальным и четким преподавателем. Оба были сторонниками теории «азиатского способа производства». Суть ее, сформулированная К. Марксом и развитая некоторыми его последователями, сводилась к соединению марксизма с традиционными европейскими представлениями о «восточном деспотизме», якобы основанном на полном отсутствии частной собственности и абсолютном огосударствлении средств производства. Ее принятие вело к выводу о том, что восточные общества принципиально отличаются от западных и деспотический характер власти на Востоке основан на особенностях экономической системы. И хотя на лекциях, естественно, в ту пору не могли говорить о власти в СССР, выводы о ее характере в стране, где абсолютно все принадлежало государству, напрашивались сами собой. Именно поэтому эта теория была запрещена Сталиным, который ввел в качестве единственно возможного варианта марксизма так называемую «пятичленку»: пять неизбежных этапов общественного развития, через которые проходят все страны. Естественно, никакого «азиатского способа производства» она не признавала. Но в брежневское время дискуссии о нем возродились.

Практика

Китайцы, как потом выяснилось, сами не особо знают свою грамматику, так что в этом отношении мы были подготовлены хорошо. А вот в области устной речи – не очень. Помню, когда я первый раз приехал в Китай – это была практика в советском посольстве, где я провел около трех месяцев, – кто-то на улице спросил меня, который час, и я не понял ни слова. А стоявший рядом однокурсник,

уже бывалый, потому что приехал на месяц раньше, с важным видом объяснил, чего от меня хотел гражданин страны пребывания.

Обстановка в посольстве была непривычная. Это было обычное позднесоветское бюрократическое учреждение, со всеми его странностями и абсурдистскими чертами. Но я в таком еще не работал ни разу, и мне было непривычно. Послом тогда был Илья Сергеевич Щербаков, которому я время от времени, будучи дежурным, переводил китайские новости (так как китайского языка он не знал) и которого сопровождал на приемы. Особого впечатления он на меня, честно говоря, не произвел: обычный партийный аппаратчик, направленный на дипломатическую работу, по образованию – школьный учитель. О Китае он знал довольно мало и в основном строго следил за исполнением указаний сверху, а они тогда сводились к поискам предлогов для сдерживания двусторонних отношений.

Очень помогало то, что многие люди, которые работали в посольстве, были хорошими профессионалами, досконально знавшими свое дело. Были и люди, относившиеся с советскому абсурдизму скептически, хотя и не всем это показывали. Таков был, например, Евгений Петрович Бажанов, в то время, кажется, первый секретарь внешнеполитической группы, которому поручили руководить моей стажировкой. Он и его жена, Наталья Евгеньевна, взялись опекать меня не только в рабочее время: в выходные возили по разным достопримечательностям, знакомили с китайской жизнью, рассказывали о том, как страна жила раньше, до моего приезда, в годы «культурной революции».

Жизнь в то время в стране, несмотря на начало реформ, все еще была сложной. Люди были одеты в одинаковую военизированную одежду черного или зеленого цвета, автомобилей на улице почти не было, так как в частные руки их не продавали. Основным средством транспорта был велосипед, велосипедистами были заполнены все улицы, они не соблюдали никаких правил, поэтому езда на машине по городу порой напоминала слалом между ними, а также велоповозками, повозками, в которые были запряжены лошади или ослы либо которые просто толкали люди. Автобусы, троллейбусы и поезда брали штурмом. Вокзалы были похожи на военные лагеря варварских племен. В большинстве традиционных китайских домов не было воды и туалетов, и люди ходили в общественные, а их строили часто один на квартал. Даже в новых домах полы были просто из цемента, стены тоже голыми, никаких обоев или линолеума. Из отопления – печки-буржуйки. Для жителя советской столицы все это

выглядело довольно удручающе. Конечно, и в СССР с жильем было трудно, но чтобы бегать за водой и по нужде на улицу – такого в городах уже не было, было только в деревнях или на даче, да и то не везде. Кроме того, чувствовался постоянный надзор и за иностранцами, и за своими гражданами, многие из которых опасались говорить откровенно, уклонялись от встреч с дипломатами, при встрече говорили лозунгами или официальными выражениями. Впрочем, это я понимал: в СССР в ту пору было примерно то же самое.

Честно говоря, в то время я крайне отрицательно относился к советскому режиму, в МГИМО и МИДе чувствовал себя подпольщиком, вынужденным жить согласно «легенде»: говорить, то, что положено, чтобы иметь возможность получить хорошее высшее образование и познакомиться с Китаем. Но, как я теперь понимаю, официальный советский черно-белый взгляд на мир преобразовался во мне в другой похожий, но с обратным знаком. Я считал режим в своей стране отсталым и тоталитарным (что было правдой), а ее уровень развития в связи с политикой этого режима, возможно, самым низким в мире (что было явным преувеличением). Знакомство с Китаем того времени дало мне возможность увидеть, что есть страны и победнее, и поотсталее, и даже более контролируемые, чем моя. В результате я понял, что мир, возможно, не черно-бел, а устроен как-то сложнее.

Стажировка

Второй мой приезд в Пекин был на стажировку в Пекинском университете. Меня после окончания шестилетней учебы в МГИМО (учились тогда на восточном отделении шесть лет) распределили в МИД и уже оттуда направили на годовую стажировку, причем выбрал я не языковой, а философский факультет, так как в ту пору интересовался абстрактными вопросами, а если точнее, традиционной китайской культурой.

Одно из ярчайших первых впечатлений стажировки – празднование 1 октября 1984 г. 35-й годовщины образования КНР. Студентов, в том числе и иностранных, из всех вузов столицы собрали на площади Тяньаньмэнь. Здесь я единственный раз в жизни видел Дэн Сяопина, слушал его выступление. Правда, видно издалека его на воротах Тяньаньмэнь было плохо, и говорил он с сильным сычуаньским акцентом, но все же сам факт присутствия фактического лиде-

ра страны создал чувство причастности к великим событиям. Потом прошел парад, начались военные гулянья. Особенно понравились танцевавшие и общавшиеся с нами студентки театрального института в национальных красочных костюмах Пекинской оперы.

Итак, я оказался в лучшем университете Китая. Использовал я это по-своему. Я мало ходил на языковые занятия для иностранцев, которые были скучными и традиционными, и решил изучать страну и ее язык своим способом. С большим трудом я вытребовал себе в соседи по комнате не советского, а китайского студента. Я долго ходил и убеждал руководство университета в необходимости этого, ссылаясь на дружбу народов и необходимость изучения языка. Мне кажется, это руководству не понравилось. Оно согласилось на соседа, и ко мне подсадили проверенного аспиранта по марксистской философии, да еще и южанина из Ухани, говорившего со страшным акцентом. Но позже мне не продлили срок моей стажировки на второй год.

Большую часть времени я путешествовал. С Андреем Дикаревым, проходившим стажировку в соседнем, Народном университете (в одиночку ездить по стране не разрешало посольство), мы объездили почти весь юг, север и запад страны, побывали во многих городах, в только что открытой Специальной экономической зоне Шэньчжэнь, в Харбине, в Тибете, в построенном русскими Даляне (Дальнем), на острове Хайнань, во многих других местах. Нашей стипендии от советского министерства высшего образования (несмотря на то, что она была в 10 раз выше зарплаты китайского профессора) не хватало на гостиницы. Мы жили в студенческих или ведомственных общежитиях, иногда даже в бараках воинских частей, ездили в общих вагонах поездов, плавали в последнем классе рейсовых кораблей, в только что открытую для иностранцев Лхасу вообще пробрались на попутном грузовике. Везде и всюду разговаривали с окружающими нас китайцами, которые говорили с самыми разными акцентами. С тех пор я гораздо лучше знаю простой, разговорный язык, чем литературный. Могу ругаться, как извозчик, но не уверен, что смогу все правильно сказать на высокой государственной церемонии. Впрочем, кое-какие умения и в этой области я приобрел во время дальнейшей работы в советском посольстве.

Между прочим, описания этих поездок я, как сотрудник МИДа, передавал Е.П. Бажанову, с которым мы сохранили неформальные отношения, а он отправлял их в Москву, где они вызвали естественный интерес, так как реальной китайскую жизнь в провинции там

знали тогда плохо. Затем, сложив эти записки и раскрасив литературно, мы с Дикаревым издали их отдельной книгой под названием «Три путешествия по Китаю». Это было первое после долгого перерыва описание реальной китайской жизни, и, вероятно, поэтому весь ее немислимый сегодня тираж в 100 тысяч экземпляров был быстро раскуплен.

Другая часть моих занятий сводилась к изучению собственно китайской философии. Причем изучал я ее тоже не только по книгам, но и в общении. К удивлению своему, я узнал, что некоторые китайские мыслители в то время еще были живы и, пережив страшные времена преследований, все еще активно работают. Я познакомился с престарелым преподавателем Пекинского университета Фэнь Юланем, когда-то крупнейшим китайским философом, соединившим традиционную китайскую мысль с европейской, а затем марксистом. Он жил в знаменитом «доме с тремя соснами» прямо на кампусе. Говорил он, правда, в то время уже с большим трудом. Преподававший у нас на факультете известный американский специалист по китайской философии тайваньского происхождения Ду Вэймин познакомил меня со ставшим знаменитым еще в 20-е годы «последним китайским конфуцианцем» Лян Шумином и взял меня к нему в гости. Жил он в доме на Мусюйди, в который заселяли многих известных деятелей.

Лян Шумину было уже за 90, но выглядел он неплохо и даже ежедневно занимался тайцзицюань. В начале 70-х годов он выступил против развязанной Мао Цзэдуном кампании «критики Линьбяо и Конфуция». Человек старого воспитания, не разобравшийся в марксистской диалектике, он не мог понять, при чем здесь великий китайский философ и какая связь между ним и погибшим маршалом. Потом я еще несколько раз разговаривал с Лян Шумином, ходил к нему домой, заснял его ответы на мои вопросы на видео и взял его некоторые, в то время еще не опубликованные работы. Впоследствии именно о нем я сделал один из первых докладов в Институте востоковедения и опубликовал его в материалах научной конференции.

Китайская философия оказалась не только древней, но и живой. Именно тогда я заинтересовался китайской мыслью, идеологией, способом мышления. Этому, как мне кажется, посвящены мои наиболее интересные китаеведческие работы.

Общался я и с тогдашним факультетом международных отношений. Некоторые из его молодых сотрудников затем стали крупными

и влиятельными исследователями, например доцент Ван Цзисы, впоследствии ведущий китайский американист, директор Института США Китайской академии общественных наук, затем возглавивший Школу международных отношений, в которую вырос факультет. А с тогдашними студентами, Гуань Гуйхаем и Е Цзячэном, которые потом учились в МГИМО, я подружился на долгие годы. Первый из них стал заместителем директора Школы, одним из ведущих экспертов по России, второй – деканом факультета дипломатии и ведущим специалистом по китайской внешнеполитической стратегии.

В МИДе

Но вольная университетская жизнь быстро закончилась. Вернувшись в Москву, я некоторое время ждал продления стажировки, но китайское министерство образования в нем отказало, и я начал работать в Первом дальневосточном отделе МИД СССР. Тогда его возглавлял И.А. Рогачев, заместителем был опытный дипломат, колоритнейший Б.Н. Верещагин, но общался я, в то время референт, т.е. работник самого низкого уровня, с ними немного. Меня посадили отвечать на внешние телефонные звонки в отдел, мне приходилось постоянно передавать другим сотрудникам, кто звонил и чего хотел, и я узнал все же довольно многих. Тогда я познакомился, например, с Николаем Кудашевым, нынешним послом России в Индии, Василием Поспеловым (ныне – посол в Мьянме), Владимиром Потапенко (ныне – заместитель Генерального секретаря ШОС), Андреем Смородиным (впоследствии генеральный консул в Шанхае), Игорем Чумаковским (будущим сотрудником советского консульства в Шанхае, а затем – банкиром). Но наибольшее впечатление на меня произвел заведующий сектором Виталий Яковлевич Воробьев, человек энциклопедических знаний, с которым я впоследствии много общался и который, по иронии судьбы, прослужив послом в нескольких странах и выйдя в отставку, позже стал моим подчиненным в Центре исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО.

Эти старшие товарищи поддерживали и опекали новоиспеченного коллегу. Тогда я понял, что такое китаеведческое дипломатическое братство. Хотя я впоследствии и ушел из системы МИДа, но каждый раз, когда я где-то встречаюсь с бывшими коллегами или приезжаю в страну, куда их занесла дипломатическая служба, они всегда рады помочь и нам есть что вспомнить.

В советском посольстве

Впрочем, в центральном аппарате я провел всего несколько месяцев, и вскоре меня отправили на работу в посольство в Пекин на самую низкую должность дежурного референта. Приехал туда я уже в третий раз, не полным новичком. Для начала несколько бывалых молодых дипломатов пригласили меня в ресторан «обмыть» начало работы. Среди них были Андрей Кулик (ныне посол в Южной Корее), уже ушедший из жизни Алексей Мочульский и Андрей Титаренко, сын директора Института Дальнего Востока М.Л. Титаренко. Они важно и по-отечески, но дружелюбно рассказывали мне про реальную жизнь в посольстве.

Направили меня поначалу, насколько я помню, в протокольный отдел, где я снова подходил к телефону, но уже к китайскому, оформлял ноты и другую переписку, переводил поступающие письма. Руководить им вскоре поставили приехавшего на работу Григория Логвинова, тогда атташе, а в будущем – посла в Австралии. Это была хорошая школа, как тогда говорили, «штабной» работы, но меня она не особо привлекала, и я добился, чтобы меня перевели в группу двусторонних отношений, занимавшуюся непосредственной организацией двусторонних визитов, мероприятий, переговоров и т.п.

Послом тогда уже был Олег Александрович Трояновский, назначенный М.С. Горбачевым на эту должность специально для того, чтобы улучшать отношения с Китаем, решительно продвигать их вперед. Это был совершенно другой посол, блестящий потомственный дипломат, учившийся в школе в США, владевший несколькими иностранными языками и при этом спокойный, вежливый и обходительный человек. Китаем он также никогда до этого не занимался, но активно начал его изучать. Поэтому с интересом разговаривал о нем не только со старшими дипломатами, но и с молодыми сотрудниками, смотревшими на страну свежим взглядом.

Моим непосредственным начальником, руководителем группы был советник Дамир Аскеевич Байдильдин, казах по национальности, человек ровный и профессиональный. Но в основном мной занимался Николай Майоров, кажется, в то время второй или первый секретарь. Это был певец «штабной работы». Помню, когда он видел хорошо написанный документ или письмо, напечатанное на правильном бланке без одной помарки, он искренне восхищался: «Здорово получилось!» Вероятно, от него и вообще от опыта работы в посольстве у меня навсегда остались весьма полезные знания о функционировании государственной машины, ходе в ней докумен-

тов, порядке и важности подписей и резолюций и т.п. И в будущем, когда я работал в научных учреждениях, где у других такого опыта не было, он мне всегда помогал. Кому из начальства написать, как составить документ, как сформулировать просьбу или сообщение – все это довольно важно для бюрократической части жизни, которая весьма существенна. При этом Майоров был прекрасным дипломатом, кроме китайского знал несколько европейских языков, благодаря чему легко общался в дипкорпусе, широко смотрел на международную ситуацию и вещи вообще.

Другими моими старшими коллегами по группе были люди не менее интересные: развеселый, но, к сожалению, рано ушедший из жизни Александр Шарапов, сын помощника Ю.В. Андропова В.В. Шарапова, Касым-Жомарт Токаев, тогда второй секретарь советского посольства, а ныне – президент Казахстана. Тогда же я подружился с такими же, как и я, молодыми сотрудниками расположенного на территории посольства советского торгпредства: Алексеем Дахновским, ныне торговым представителем в Сингапуре, и Игорем Моргуловым, ныне заместителем министра иностранных дел. Появились у меня и знакомые китайские коллеги – молодые дипломаты: Гун Цзяньвэй, впоследствии посол Китая в Белоруссии и исполнительный директор Секретариата СВМДА, Чжан Сиюнь, позднее – посол в Азербайджане, Казахстане и на Украине и др.

В Институте востоковедения

Через два года после окончания срока моей командировки я решил не работать дальше в МИДе. В общем-то я никогда не хотел быть чиновником, пошел я МИД в основном потому, что это в то время был один из немногих способов жить в Китае длительное время. Кроме того, подходил к концу мой комсомольский возраст, и, для того чтобы остаться в системе МИД, надо было вступать в КПСС, а этого мне совсем не хотелось. Я перешел младшим научным сотрудником в отдел Китая Института востоковедения Академии наук, стал там заниматься тем, чем всегда хотел: традиционной китайской культурой и идеологией. Одновременно поступил там же в аспирантуру. В это время в отделе работала целая плеяда выдающихся советских китаеведов. Возглавлял его Лев Петрович Делюсин, участник Великой Отечественной войны, бывший корреспондент «Правды» в Пекине и сотрудник Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран в

период, когда его возглавлял Ю.В. Андропов. Впрочем, когда Андропов был назначен Председателем КГБ СССР, Делюсин, человек либеральных взглядов, ушел на научную работу. Его отдел был знаменит как фундаментальными, так и прикладными исследованиями Китая. Каждый год отдел проводил конференцию «Общество и государство в Китае», на которую съезжались китаеведы с разных концов страны.

Это было прекрасное место, но проработал я там недолго. Меня затянуло в воронку политических перемен в стране. Я вступил в общество «Мемориал», которое активно действовало в институте, затем в движение «Демократическая Россия», от которой меня в 1991 г. избрали депутатом Моссовета. Формально я еще некоторое время работал в отделе, выступал с докладами, некоторые из них опубликовал, но особых успехов не добился. Вскоре я перешел в Моссовет полностью, а когда он был распущен в 1993 г., поступил в аспирантуру Оксфордского университета и защитил там диссертацию по демократическому движению в России, т.е. на тему, которая к Китаю не имела отношения. Несколько раз я ездил из Оксфорда в Китай, выступал там с лекциями, но Китаем почти не занимался, хотя, конечно, следил за тем, что там происходит.

В 1998 г. я вернулся в Россию, стал работать в МГИМО, откуда уже поехал на год на научную работу в Институт Брукинга в Вашингтоне. Там я написал книгу об эволюции образа Китая в России с начала знакомства двух стран друг с другом в XVII в. и до наших дней. Книга выросла из статьи, которая вышла на китайском языке в сборнике под редакцией моих друзей Андрея Дикарева и Ли Сюэцзюня. Это был первый после долгого перерыва опубликованный в Китае сборник статей российских авторов, посвященных двусторонним отношениям. Тема же пришла мне в голову после прочтения одной из статей Л.П. Делюсина. Я стал увеличивать свою статью, и она разрослась до книги, которая была опубликована под заголовком «Медведь наблюдает за драконом» на английском, русском и китайском языках. Позже я защитил ее в России как докторскую диссертацию.

Между тем 2001 год ознаменовался еще одной весьма символической историей. В сентябре моего отца, тогда заместителя председателя Государственной думы, пригласили на международную конференцию в Пекин, которую периодически проводит Китайское народное общество по изучению дипломатии, приглашая туда известных политиков и ученых из разных стран. По регламенту гости мог-

ли взять с собой жену, одного ребенка и переводчика. Мы решили, что ребенком будет мой брат, а я поеду переводчиком. В соответствии с протоколом, на 12 сентября была назначена встреча отца с Ли Пэном, бывшим премьером Госсовета, который в то время занимал пост Председателя ПК ВСНП. При этом на встречу пригласили всю нашу семью, что в Китае является знаком большого уважения.

Сидели мы вечером 11 сентября, как всегда, в номере пекинской гостиницы «Гоцзи» (Международная) и пили французское шампанское, бутылку которого отцу приносили в его люкс из большого уважения каждый день. И тут видим, что по телевизору идет какой-то странный фантастический фильм о теракте в центре Нью-Йорка. Присмотрелись, и оказалось, что это и не фильм вовсе, а новости.

Было не очень понятно, что после этого произойдет в мире, состоится ли встреча с Ли Пэном. Но китайские хозяева сказали, что все нормально, встреча будет. И на следующий день мы все отправились на Тяньаньмэнь в здание ВСНП – Дом народных собраний. Ли Пэн был с женой Чжу Линь, сам он учился в СССР, в Московском энергетическом институте, жена изучала русский в Харбине, так что разговор шел в основном на русском языке, хотя сам Ли Пэн, кажется, его немного подзабыл, и жена ему иногда подсказывала. Говорили в основном о двусторонних отношениях, о недавно подписанном лидерами двух государств Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве и, конечно, о терактах, о том, что они не повлияют на российско-китайские связи. Кстати, на встрече от посольства был временный поверенный в делах Сергей Гончаров, мой старый знакомый по конференциям «Общество и государство в Китае», по стажировке в Пекинском университете, в прошлом специалист по средневековой китайской дипломатии, а теперь – крупный дипломат.

В 2004 г. в МГИМО был создан Центр исследований Восточной Азии, к названию которого вскоре добавилось «и ШОС», и я стал его директором, которым остаюсь до сегодняшнего дня. Центр получил статус российского национального Центра по исследованию ШОС, чему во многом способствовал первый специальный представитель президента по делам Шанхайской организации сотрудничества В.Я. Воробьев. Он же был и автором идеи Форума ШОС – шосовской второй дорожки, международной ассоциации Исследовательских центров по ШОС, российской частью которого стал наш Центр в МГИМО. С самого начала я руководствовался тем, что в Центре должны объединиться знания и экспертиза практических

работников и профессиональных исследователей, именно поэтому мы всегда с радостью приглашали на работу ученых, журналистов и бывших дипломатов. Неслучайно Виталий Яковлевич, выйдя в отставку из МИДа, стал работать у нас старшим научным сотрудником, написал, а главное опубликовал много интересных статей и материалов, которые ранее не имел возможности писать в таких количествах. Работал у нас и мой старый друг, к сожалению недавно умерший, Алексей Мочульский. Сегодня у нас работает М.А. Конаровский, бывший посол в Афганистане, сотрудничаем мы и с бывшим послом в Северной Корее, выдающимся специалистом по Корее В.И. Денисовым, который после выхода в отставку стал профессором МГИМО, написал несколько книг и множество научных статей.

В то же время некоторые наши молодые сотрудники переходят на работу в МИД, другие министерства и ведомства, крупные компании. Например, наш бывший младший научный сотрудник, защитившая в Центре диссертацию о китайской энергетической безопасности, Марианна Скрябина, стала работать в представительстве «Газпрома» в Китае, а другой бывший младший научный сотрудник, Идаят Насибов, защищает интересы России в российском посольстве в США. Таких примеров немало. Мы, конечно, расстраиваемся, когда теряем молодых специалистов, но понимаем, что перетекание кадров из исследовательских учреждений в практические и обратно – нормальная ситуация, она существует во всем мире. Главное, чтобы перетекание не шло только в одну сторону. И мы надеемся, что кто-то, поработав в практических организациях, в том числе в МИДе, на каком-то этапе своей жизни вернется к нам. Мы останемся кузницей кадров для МИДа, но и он останется хорошей школой практической работы для кабинетных исследователей так же, как он стал такой школой для меня.

Идеальный дипломат

Опубликовано в кн.: Дипломат чичеринской школы.

Сборник памяти дипломата-китаиста В.Я. Воробьева / Под ред. А.Д. Дикарева, А.В. Лукина и Н.С. Степанова. М.: Весь Мир, 2018. С.64–70

Начав когда-то работать в МИДе, дипломатом я все-таки не стал, но за прожитые годы дипломатов знал немало. Только в семье у нас их двое: дипломатом одно время, правда скорее по недоразумению, был мой отец, дипломатом теперь служит и мой сын. Но если бы меня спросили, каким должен быть дипломат, я в первую очередь подумал бы о Виталии Яковлевиче Воробьеве.

Идеальный дипломат, как говорили нам преподаватели МГИМО, должен обладать глубокими знаниями в области истории и международных отношений, хорошо понимать страну или регион, которыми занимается, быть воспитанным, вежливым, но твердым в отстаивании своей линии, гибким, но последовательным с оппонентами, осторожным, но не трусливым с собственным начальством. Он должен глубоко знать и соблюдать дипломатические традиции и протокол, как международные, так и внутренние, в стране пребывания. Уже в посольстве я понял, что настоящий дипломат должен умело составлять аналитические и информационные документы – так, чтобы начальству они показались умными, но не заумными, краткими, но убедительными. Такие люди ценятся, и их обычно продвигают по службе быстрее других.

Еще нам говорили, что дипломат должен защищать интересы своей страны, проводить ее линию. Но значит ли это, что у него не должно быть своего мнения, своей позиции? Я бы ответил: собственную позицию иметь нужно. Но реализовать ее следует так, чтобы, проводя линию своей страны, стремиться сделать эту линию максимально более рациональной. Это и есть знаменитое «искусство возможного», по крайней мере в отношении собственного руководства. Всеми этими качествами и способностями Виталий Яковлевич обла-

дал в такой полной мере, в какой не обладал ими, пожалуй, никакой другой известный мне дипломат.

С Виталием Яковлевичем я познакомился в начале 80-х годов. В конце 1983 г., будучи студентом последнего курса МГИМО, я провел какое-то время в Первом Дальневосточном отделе МИД, а затем в советском посольстве в Пекине на преддипломной практике. А после окончания МГИМО, в следующем году меня зачислили на работу самым мелким служащим (тогда это называлось «дежурный референт») в тот же ответственный за Китай отдел. В нем я проработал несколько месяцев в ожидании стажировки в Пекинском университете, исполняя важное задание: подходить к официальному отделскому телефону (его номер я помню наизусть до сих пор, он и сегодня тот же самый, только приставку добавили).

Виталий Яковлевич заведовал в отделе сектором двусторонних советско-китайских отношений, он был довольно молодым, но уже опытным дипломатом и пользовался всеобщим уважением, так как был ходячим справочником: о Китае, как мне казалось, он знал все и всегда мог дать полезный совет. Он часто обсуждал со мной, как и с другими молодыми сотрудниками, с которыми общался практически на равных, проблемы Китая, рекомендовал что-то почитать.

Когда через год я вернулся в отдел, Виталий Яковлевич с интересом слушал мои рассказы о путешествиях по Китаю, который я объехал во время стажировки. Отношения с Китаем тогда только налаживались, дипломатам было непросто получить разрешение китайских властей на поездки по стране, особенно в некоторые лишь недавно открытые для посещения иностранцами регионы, я же побывал в Тибете, провинциях Южного Китая и мог рассказать о последних переменах там.

В 1986 г. я поехал на работу в посольство, где по вечерам в свободное время писал записки, которые потом вместе с записками моего товарища по путешествиям Андрея Дикарева сложились в книгу «Три путешествия по Китаю», изданную «Молодой гвардией» в 1989 г. немислимым ныне тиражом в 100 тыс. экземпляров. Это были первые изданные в СССР после долгого перерыва путевые записки о нашем азиатском соседе, чем, видимо, и можно объяснить их популярность.

Виталий Яковлевич сыграл важную роль в выходе книги. Дело в том, что издательство, в принципе заинтересованное в публикации, хотело подстраховаться. Тогда отношения с Китаем еще были непростыми. Главного «китобоя» (так называли тех, кто выступал

против налаживания отношений с Пекином) О.Б. Рахманина лишь в 1986 г. уволили с поста заместителя заведующего отделом ЦК КПСС, ведавшего соцстранами; жесткая цензура информации о Китае ослабла, но еще не исчезла совсем. Одним словом, издательство решило заручиться положительными рецензиями важных людей, дабы не быть обвиненным в отклонении от генеральной линии. Мы обратились к двум людям, которые про наши похождения знали и одобряли их – Евгению Петровичу Бажанову и Виталию Яковлевичу Воробьеву. С Бажановым я познакомился немного раньше, в 1983 г., еще студентом на практике в посольстве, которой он руководил. Он был первым секретарем, потом советником и руководителем группы внешней политики Китая. Проходя стажировку в Пекинском университете, я рассказывал ему о своих путешествиях и даже писал какие-то информационные материалы, которые он переправлял в Центр. Он всячески поддерживал мой интерес к Китаю, возил по достопримечательностям и так проникся моими путешествиями, что выбил разрешение начальства и проехал чуть позднее по тем же местам. Из посольства его перевели на работу в ЦК КПСС – руководящий политический орган. Он, насколько я помню, сразу написал, что книга хорошая, печатать ее можно.

Виталий Яковлевич к тому времени стал уже заместителем заведующего отделом образованного в результате очередной реструктуризации Управления социалистических стран Азии. Мнение МИД хотя и уступало по важности мнению ЦК, также было крайне важно для издательства: ведь если и ЦК и МИД согласны, какие могут быть еще возражения? Виталий Яковлевич внимательно изучил рукопись и тоже написал положительную рецензию, но отметил, что «в настоящее время лучше воздержаться от части исторических экскурсов, вмонтированных в текст». Рукопись он снабдил подробными примечаниями. Отметив соответствующее место, он сделал следующее замечание на полях: «Зачем это?» Это истинно дипломатическое выражение, вероятно, означало, что, по его мнению, китайская сторона может здесь какое-то слишком откровенное описание неправильно понять или на что-то обидеться, а это может повредить двусторонним отношениям. А именно над налаживанием отношений работали Виталий Яковлевич и его коллеги, информирование советских читателей было для них делом менее важным. В то же время он как бы ни на чем не настаивал, а оставлял своей формулировкой право окончательного решения авторам или редакции. В результате мы практически все оставили, как было, книга так и вышла без ку-

пюр. Время менялось быстро, и к 1989 г., когда после технических задержек ее все же отправили в типографию, о цензуре уже никто не вспоминал.

Вскоре Виталий Яковлевич занял должность советника посланника в посольстве в Пекине, затем работал послом в Малайзии. В 90-е годы я занимался другими делами и как-то потерял его из виду. Однако когда в 2004 г. я возглавил созданный в МГИМО Центр восточноазиатских исследований и начал вновь контактировать с МИД, то стал приглашать Виталия Яковлевича на разные научные мероприятия, которые он посещал с большим желанием. В то время он занимал должность посла по особым поручениям – специального представителя Президента России по делам Шанхайской организации сотрудничества. Он надоумил меня заняться и ШОС, вернее ее второй дорожкой, и оказал большую помощь в организации Форума ШОС – международной ассоциации научных центров государств – членов ШОС, которые занимаются экспертной поддержкой организации. Он принял активное участие в написании документов Форума и проведении первого, учредительного Форума ШОС в Москве в 2006 г. С тех пор наш Центр именуется Центром исследований Восточной Азии и ШОС.

В 2010 г. Виталий Яковлевич, побывав послом на Филиппинах, ушел с дипломатической службы. Он был еще полон сил и энергии, и для нас было большой честью, что он, ведущий российский специалист по ШОС и один из основателей организации, согласился работать в нашем Центре.

Большой разрыв между дипломатической службой и научной работой в нашей стране представляется довольно неразумным. Во многих странах дипломатами часто назначают экспертов, сотрудников научных центров, так называемых “think tanks”. В то же время дипломаты, да и вообще государственные служащие, отработав какое-то время чиновниками, идут не только в бизнес, но и в научные центры. В России же такое взаимное перетекание, дающее неплохую связь между исследованиями и практикой, пока еще редкость. Если некоторые ученые еще идут в дипломаты, то дипломаты становятся учеными чаще всего только на пенсии. В результате такие блестящие специалисты, как Виталий Яковлевич, формально плохо вписываются в научную бюрократическую структуру. Обладая званием Чрезвычайного и Полномочного Посла, равного генеральскому, Виталий Яковлевич почти не писал научных работ, имел крайне мало академических публикаций и не удосужился, как и большинство занятых

практической работой его коллег, защитить даже кандидатскую диссертацию. Поэтому по формальным показателям он смог занять лишь довольно скромную должность старшего научного сотрудника, что, впрочем, его нисколько не смущало. Неформально же он, безусловно, стал одним из лидеров Центра, его ведущим экспертом по Китаю и ШОС.

Наша задача была как можно скорее конвертировать его глубокие познания в академические продукты. И я рад, что это нам удалось, чему свидетельство – вторая часть данного издания, состоящая из научных статей и аналитических записок Виталия Яковлевича, которые он успел составить и опубликовать. Он активно выступал на многочисленных научных конференциях, как в России, так и за рубежом, предпочитая, естественно, поездки в свой любимый Китай. Часто заходил он и на банный китаеведческий клуб, где дискуссия о судьбах наших двух стран велась в неформальной атмосфере.

За время работы в Центре исследований Восточной Азии и ШОС Виталием Яковлевичем было написано большое количество аналитических материалов и научных статей по проблематике ШОС, российско-китайским отношениям, внутренней и внешней политике Китая. Он с огромным интересом отнесся к новому виду деятельности – научной работе – и с большим желанием делился своими обширными знаниями и бесценным опытом с научной общественностью.

Для Центра сотрудничество с таким человеком, как Виталий Яковлевич, было огромной честью и бесценной возможностью прикоснуться к живой истории российско-китайских отношений. Обладая фундаментальными знаниями по китайской и восточноазиатской проблематике, он был широко образованным человеком, ярким представителем российской дипломатической школы. Особенно важно для Центра было то, что он активно участвовал в подготовке молодых сотрудников.

Нам будет сильно не хватать Виталия Яковлевича. Заменить его невозможно. Но мы будем стараться использовать то наследие, которое он нам оставил, для развития научно-аналитического потенциала Центра.

Лишь в последние годы, общаясь с Виталием Яковлевичем более тесно, я стал понимать его лучше, в частности, больше узнал о его жизни и взглядах, которые он не то чтобы скрывал, но по дипломатической привычке не афишировал. Поэтому новое для себя я узнавал как-то случайно, в разговорах с ним, в ходе которых возникало

какое-то уникальное ощущение взаимного понимания без лишних слов. Неслучайно именно во время одной такой беседы мне вспомнились слова В.В. Розанова: «Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотрит он на тебя острым глазком... И все понятно. И не надо никаких слов».

Виталий Яковлевич обладал энциклопедическими знаниями не только о Китае и Азии, но и о Европе, и конечно о России. О каком бы писателе или мыслителе любой страны ни заходила речь, оказывалось, он не только его читал, но и имеет по его поводу собственное мнение. Но высказывал его Виталий Яковлевич не нарочито, а как-то между делом. Знал он и культуру, историю многих стран.

Однажды, собираясь на конференцию в Потсдам, я сообщил об этом Виталию Яковлевичу, и он стал рассказывать об этом городе, подробно описывая каждый музей, дворец и чуть ли не каждое здание. Я поразился его познаниям и лишь потом узнал, что его отец, боевой генерал Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза Я.С. Воробьев какое-то время в 50-е годы служил в ГДР. Впрочем, подобные советы Виталий Яковлевич мог дать и про многие другие города мира, причем не только азиатские, но и европейские.

Как оказалось, по взглядам он вообще был либералом в широком смысле. Ему многое не нравилось в современной России, он хотел, чтобы она стала более свободной, более развитой. Как и любой китаевед, знавший Китай бедным и отсталым, он понимал, какой рывок в развитии сделала эта страна за последние 20–30 лет, в то время как в России лишь занимались довольно бесплодными дискуссиями. Он считал, что Китай нашел эффективный путь модернизации, а России до этого еще далеко. Но я бы не сказал, что он четко формулировал эти взгляды, я узнавал их постепенно, из отдельных слов, ответов, намеков.

Как знаток внешней политики Китая, понимал Виталий Яковлевич и то, что эта страна стремится занять собственное место на мировой арене. Поэтому ему претили как попытки броситься в объятия Китая, призывать китайское руководство встать на совместную борьбу с Западом, так и стремления раздуть антикитайские настроения. Первые он считал неосуществимыми, а вторые – крайне опасными для успешного российско-китайского сотрудничества, так необходимого России. Эти позиции видны из его статей и записок, публикуемых в этой книге.

Когда человек уходит, жизнь, конечно, продолжается. Но что-то обрывается безвозвратно. Российское китаеведение будет развивать-

---

ся и далее, будет работать и наш Центр, но все мы будем ощущать незаменимость Виталия Яковлевича, нам будет не хватать его опыта, его мнений, его мудрых и взвешенных оценок. Ничто не может заменить личного общения с Виталием Яковлевичем, который очень любил разговаривать с молодыми, передавать им свои знания. Но мы сделаем все возможное, чтобы рассказать о В.Я. Воробьеве будущим поколениям китаеведов. Эта книга – лишь первый шаг.

Об Алексее Мочульском

Опубликовано в кн.: Камень в фундаменте российско-китайской дружбы.

Сб. науч. трудов памяти Алексея Федоровича Мочульского / Под ред. А.Д. Дикарева, А.В. Лукина. М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 9–14

С Алексеем Мочульским я познакомился в 1983 г., когда впервые приехал в Китай как практикант советского посольства. Я был тогда еще студентом МГИМО, и на последнем курсе нас отправляли на практику, чтобы познакомиться с будущей работой, если, конечно, посчастливится распределиться в МИД. Я не был энтузиастом дипломатической карьеры, как большинство моих сокурсников. Но я тоже хотел в МИД, так как это был единственный тогда способ работать в Китае, который я так долго изучал студентом. Отношения с Пекином тогда были еще довольно плохими, и другой возможности попасть туда не было.

Помню, как в первый же вечер, после рабочего дня в посольстве несколько бывалых, как мне тогда казалось, дипломатов, которые за несколько лет работы уже дослужились до высоких званий атташе и даже третьего или второго секретаря, повели меня в китайский ресторан, чтобы обмыть начало моей дипломатической карьеры. Были среди них и ныне известные китаисты-практики Андрей Кулик, Андрей Титаренко. Но больше всего меня поразил рассказами о своих дипломатических похождениях именно Мочульский, которого все тогда называли Аликом. Он сразу понравился мне своей живостью и неординарностью, увлекательными и в то же время несколько скептическими рассказами о посольских буднях.

Через год с небольшим я вернулся в посольство уже молодым сотрудником. И, как это и принято, меня сразу бросили на передовую: дали задание сопровождать делегацию министерства мелиорации и водного хозяйства СССР, прибывшую на переговоры с китайскими коллегами. Самое страшное было то, что я должен был не только ее сопровождать, но и переводить переговоры на тему, по которой

терминологию я не особо знал даже на русском: все эти фарватеры, дельты, мелиорации и т.п. Кстати, это было то самое министерство, которое лоббировало в России поворот сибирских рек. Видимо, потеряв надежду убедить в его необходимости советскую общественность, руководство Минводхоза решило поговорить с китайцами о строительстве каскада электростанций на Амуре. Слава Богу, и эта затея ничем не закончилась. Амур до сих пор течет свободно, а министерство исчезло вместе с СССР.

Получив задание, я впал в полнейший ступор. Но коллеги сказали, что такое случается со всеми и помочь мне может только Мочульский: надо идти к нему. Дело в том, что Алексей был в то время главным переводчиком посольства. В каждом посольстве есть такой сотрудник, который, формально не отличаясь от других, слышит главным знатоком языка страны пребывания, и его используют на основных переговорах вплоть до самого высокого уровня. Прослыть таким человеком почетно, но с точки зрения карьеры не так уж и полезно. Тебя не хотят отпускать на работу в России, где повышают по службе, и вообще стараются помедленнее продвигать в начальство, так как начальника уже не заставишь быть переводчиком. Недаром в МГИМО шутят: кто хорошо учит иностранные языки, становится переводчиком, а кто плохо – начальником.

Когда я пришел за советом к Мочульскому, он деловито достал из письменного стола штук 20 или 30 небольших записных книжечек. Я полистал их и понял, что это составленные им самим небольшие словарики по всем возможным темам переговоров. Он пополнял их перед каждым переговорами, а также выписывал новые термины из газет и книг, чтобы никакой случай и никакая тема не застали его врасплох. Тут были книжечки и о сталелитейном производстве, и о работе в сельскохозяйственной коммуне, и о многом другом. «О чем, говоришь, переговоры? – спросил он деловито. – О водном хозяйстве?» И дал мне одну из книжечек: «Иди учи». Я схватил ее и два или три оставшихся дня учил наизусть. Благодаря этому я хоть что-то мог сказать на переговорах, а некоторые слова и выражения из нее помню до сих пор.

Мы как-то сразу подружились. Я искренне уважал людей, хорошо владевших китайским языком, а Алексей был лучшим его знатоком. Потом, по мере улучшения отношений с Китаем и повышения уровня делегаций, он переводил основные переговоры, в том числе и во время визита М.С. Горбачева в 1989 г. Но тогда я уже уехал из Китая. А в те два года, что я проработал в посольстве, Алексей как-то опе-

кал меня, возил по музеям, магазинам и ресторанам, рассказывал о Китае и китайцах, о случаях из дипломатической жизни. Я, вероятно, тоже ему чем-то нравился, возможно тем, что к жизни тоже относился шуточно-скептически, поэтому он предрекал мне в будущем пост посла в Вануату. Китай он знал хорошо, жил в нем еще в детстве, когда его отец также работал в посольстве.

Про отца, правда, я узнал позже. Федор Васильевич Мочульский в то время был весьма известным человеком. Практически со студенческой скамьи в 1940 г. его отправили инженером-транспортником в один из крупнейших лагерей – Печорлаг. Затем он работал дипломатом, в аппарате ЦК КПСС и в КГБ, где дослужился до генерала. Вроде бы он даже был резидентом советской разведки во Вьетнаме. Однако он явно не был обычным генералом КГБ. Достаточно сказать, что еще в советское время он написал воспоминания о своей работе в лагере, а после распада СССР, как только это стало возможно, передал их для публикации за границу, где они вышли под названием “The Gulag Boss”. Уже после смерти отца Алексей активно участвовал в подготовке этой, возможно, единственной книги, излагающей взгляд на лагерную жизнь вольнонаемного руководителя.

Алексей, однако, в посольстве совершенно не производил впечатления сына генерала. Унаследовав интерес к Китаю и дипломатической работе, он явно недополучил осторожности и организованности: вел себя очень свободно, ходил, куда и когда хотел, часто не обращая внимания на строгие посольские правила, к которым он относился весьма скептически. Он много ездил по историческим местам, встречался с любыми интересными людьми, будь то китайцы или другие иностранцы, занимался экзотическим тогда спортом – виндсерфингом, находя время покататься где-то под Пекином на парусной доске. Все, связанное с водным спортом, – виндсерфинг, паруса, яхты – было его главным жизненным увлечением. Любил он и горы, всерьез занимался горными лыжами. Не всем в посольстве это нравилось, многим его свободное поведение казалось причудой и даже вызовом: ведь правильные бюрократы должны делать вид, что никогда не отдыхают и горят на службе. Может быть, поэтому он не так быстро продвигался по служебной лестнице.

После моего ухода из МИД в конце 80-х я на несколько лет потерял Алексея из вида. Но я знал, что он продолжает активно работать на китайском направлении: несколько командировок отработал в Пекине, затем в 2000 г. стал заместителем генерального консула в Шанхае. Приезжая в Шанхай на конференции из Москвы, я всегда встре-

чался с ним, мы по-старому гуляли по городу, делились новостями. В Шанхае среди китайских русистов и специалистов по международным отношениям он слыл ведущим и уважаемым аналитиком. В МИД также прислушивались к его мнению. В мидовском разделении на служаки-организаторов и тех, кто может «писать бумаги», т.е. аналитические материалы, его явно относили к последним. Возможно, именно поэтому после возвращения в Москву Алексея бросили на новое перспективное направление – Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), определив в соответствующий отдел. Я тогда тоже начал заниматься ШОС в МГИМО, и мы вместе подготовили и опубликовали один из первых аналитических докладов, посвященных этой организации.

Вскоре Алексея направили в новую командировку, на этот раз старшим советником в Узбекистан. Но он явно скучал в этой стране, хотя и важной, но все же несравнимой по значению с привычным ему Китаем. Может быть, из-за этого или по какой-то другой причине, но он разочаровался в мидовской работе, которой посвятил 34 года, и неожиданно для многих по приезду в Москву уволился. Я сразу же предложил ему работать в Центре исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО, понимая, как жалко будет упустить такого опытного специалиста. Он согласился и быстро вписался в научную работу: писал аналитические записки, статьи, участвовал в конференциях. Его выступления, часто на китайском языке, всегда с большим энтузиазмом приветствовались китайскими участниками. В то же время и здесь он слыл большим оригиналом: мог прийти на конференцию в своей капитанской фуражке, шортах или с серьгой в ухе, которая, как он утверждал, символизировала переход его судна через экватор.

Мне казалось, что ему нравится новая деятельность: научная работа дает гораздо больше свободы и в смысле распоряжения своим временем, и в смысле возможности выражать себя и свои мысли. Он часто работал дома, надолго уезжал в Литву. Там в красивой Ниде у него была квартира и любимая яхта, на которой он неделями бороздил моря и океаны. К его аналитическим материалам с большим вниманием относились в МИД и других ведомствах, в которые они направлялись, статьи с интересом воспринимались научной общественностью. Но в то же время он явно скучал по МИД, у него было какое-то чувство недооцененности именно там, на дипломатическом поприще, которому он посвятил большую часть жизни.

Алексей был полон планов. Он кипел энергией, предлагал организовать разные мероприятия, встречи с китайскими коллегами, иностранными китаеводами. Его внезапный уход – огромная, невосполнимая потеря для всех, кто его знал. В этой книге мы собрали большую часть его аналитических записок и статей, написанных за время работы в МГИМО. Пусть она будет памятью об этом интересном, неординарном человеке, настоящем товарище.

Часть 7

ПЕРЕВОДЫ

Гао Синцзянь

Автобусная остановка

Пьеса

Перевод с китайского А.В. Лукина опубликован в журн.: Российское Китаеведение. 2023. № 1 (2). С. 204-240

От переводчика

Гао Синцзянь, известный китайский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе за 2000 г., в последние годы живет и работает во Франции. Родился 4 января 1940 г. в городе Ганьчжоу провинции Цзянси в Восточном Китае в семье банковского служащего и непрофессиональной актрисы. Изучал французский язык в Пекинском институте иностранных языков, во время «культурной революции» был сослан на перевоспитание в деревню, затем работал переводчиком в Союзе китайских писателей. В 1978 г. получил место драматурга в одном из наиболее известных пекинских театров – Народном художественном театре – и опубликовал первые рассказы и путевые заметки. Его первая пьеса «Семафор», поставленная на малой сцене этого театра, поразила зрителей непривычностью формы и вызвала бурные споры. Но настоящий фурор произвела поставленная в 1983 г. и запрещенная после нескольких представлений «Автобусная остановка». Зрителями спектакль был воспринят как резкая критика не желавшей реформироваться социальной системы и пассивности и нерешительности простых людей, постоянно ждущих, что изменения за них осуществит кто-то другой. Власти обвиняли пьесу в абсурдизме (в то время запрещенном в Китае), «выпячивании» нетипичных проблем и сделали одной из главных мишеней проходившей тогда кампании борьбы с «духовным загрязнением». Впоследствии Гао Синцзянь написал несколько пьес и прозаических произведений, за которые продолжал подвергаться критике со стороны властей, а в 1986 г. уехал во Францию. Резко осудив жестокое подавление студенческого движения в Китае в 1989 г., он надолго закрыл себе обратную дорогу на родину.

Я помню, что в ноябре 1986 г., буквально за несколько дней до отъезда писателя во Францию (который тогда не предполагался быть окончательным) я, молодой работник советского посольства, позволил ему, и он пригласил зайти в его пекинскую квартиру. Опальный писатель жил в обычной новостройке, квартиру отличал лишь современный стиль, а основными декорациями служили собственные картины Гао Синцзяня (с детства он не только писал, но и рисовал), висевшие на побеленных стенах. За несколько месяцев до этого я сходил на постановку его новой пьесы «Снежный человек» и решил перевести ее на русский язык, отчасти чтобы развеять скуку посольского существования, отчасти потому, что она показалась мне интересной для советского читателя, да так заинтересовался, что перевел и «Автобусную остановку». Воспитанный на культуре Западной Европы, Гао с удивлением узнал о существовании русского перевода его пьес и моих планов их опубликовать. К сожалению, в то время они не были осуществлены – неизвестный на Западе молодой китайский драматург в Москве никого не заинтересовал. В память о встрече у меня сохранился первый, вышедший в Китае, сборник его пьес с по-китайски вежливой, но вполне корректной подписью «Товарищу Лукину с расчетом на критику». По этому изданию, собственно, и был выполнен публикуемый здесь перевод.

Сегодня имя Гао Синцзяня известно многим, причем в Европе, где он написал свои последние работы, даже больше, чем в Китае. Недавно я перечитал «Автобусную остановку», и она показалась мне интересной именно для сегодняшней России, где политические вожжи уже в значительной степени отпущены, но люди продолжают по инерции пассивно ждать, что их проблемы кто-то решит. В пьесе есть элемент абсурда: всё действие происходит в ожидании автобуса, который так и не приходит. Но это не создание абсолютно новой реальности в стиле С. Бекетта, хотя с его драматургией, в особенности с «В ожидании Годо», часто сравнивают «Автобусную остановку», да и сам Гао Синцзянь говорит о влиянии на него его предшественника – также нобелевского лауреата. Это скорее гипербола, более близкая гоголевскому «Ревизору». Если «Автобусная остановка» и абсурд, то это абсурд, происходящий на вполне конкретном общественном фоне социалистического Китая начала 80-х годов XX в. (что придает пьесе уникальный колорит) и имеющий значительное социальное содержание. Именно этого содержания, а вовсе не абсурда, и опасались китайские коммунистические власти, запретившие постановку, и именно оно делает «Автобусную

остановку» необыкновенно близкой нам, жителям посткоммунистического пространства.

Перевод осуществлен по следующему изданию текста: «高行健戏剧集» (Собрание пьес Гао Синцзяня), 北京, 群众出版社, 1985, 第 84–136 页.

А. Лукин

Действующие лица

Молчаливый человек	средних лет
Старик	за пятьдесят
Девушка	28 лет
Грубиян	19 лет
Человек в очках	30 лет
Мамаша	40 лет
Мастер	45 лет
Директор Ма	50 лет

Возраст действующих лиц не изменяется с момента появления на сцене. Место действия – автобусная остановка в пригороде.

В центре сцены стоит столб с табличкой, обозначающей автобусную остановку. Следы надписи на табличке почти стерты многолетними дождями и ветрами. Рядом со столбом стоит металлический турникет, за которым выстраивается очередь ждущих автобуса пассажиров. Турникет сделан в виде креста, все четыре его конца разной длины, что имеет определенный символический оттенок: возможно, символизирует перекресток, а возможно – точку пересечения жизненных дорог или остановку на жизненном пути каждого из персонажей. Действующие лица могут выходить на сцену с разных сторон.

Входит Молчаливый человек с сумкой на плече, он останавливается и ждет автобуса. Входит Старик. У него нет никаких вещей.

Старик: Автобус только ушел?

Молчаливый человек кивает головой.

Старик: Вы в город?

Молчаливый человек кивает.

Старик: По субботам в город нужно пораньше выезжать, а то, как с работы потом все побегут на автобус, в него сто лет не влезешь.

Молчаливый человек улыбается.

Старик (*оглядывается*). Пока ничего, как исчезли. По субботам после обеда все едут в город, а автобусов еще меньше становится. Если б вы еще чуть задержались, попали бы в этот час-пик. Вот еще слово какое выдумали! Все идут с работы, самое время. Вы поглядите, все шумят, набьются, как сельди в бочке, да нужно, чтобы силы хватило. В нашем возрасте никакой возможности нет! Я все-таки успел прийти раньше всех, пока эти с работы еще не двинулись! Я и днем-то сегодня не спал! (*Вздыхает, зевает.*) Если б не дело сегодня вечером в городе, ни за что не стал бы толкаться в этот час-пик, да нельзя не пойти. (*Достает сигарету.*) Вы курите?

Молчаливый человек качает головой.

Старик. Это хорошо. Деньги тратишь, бронхит зарабатываешь, к тому же хороших захочешь покурить, да не достанешь. Вот хотя бы «Дацяньмэнь»¹... Эх, очередь аж на улице стоит, да еще и извивается несколько раз, как змея, а дают две пачки в руки! Вот уж ваша очередь подходит, а продавец повернется и уйдет. Вы просите, а на вас никакого внимания. И это называется «культура обслуживания покупателей»? Только фасад украшают! А «Дацяньмэнь» в это время весь с черного хода уплыл! С автобусом этим то же самое. Вы, как положено, стоите в очереди, а другой выбегает и вперед, водителю рукой помахал, тот ему переднюю дверь-то и открыл. Везде у всех «блат». Эх, вот тоже еще слово придумали! Вы только подойдете, а он хлоп, да и закрыл двери. Это называется «культура обслуживания пассажиров»! А вы только глазами хлопаete. Все видят, а ничего нельзя сделать! (*Смотрит в боковую часть сцены.*) Вон, идут. Вы становитесь первым, а я за вами. Увидите, автобус как подойдет, всё смешается, у кого силы больше, тот пролезет вперед и усядется. Такие уж нравы!

Молчаливый человек улыбается. Входит Девушка с небольшим кошельком в руках, встает в некотором отдалении от них. Входит Грубиян, вскакивает на турникет и садится, из кармана куртки, не глядя, достает сигарету с фильтром, прикуривает от газовой зажигалки.

¹ Марка китайских сигарет

Старик (*Молчаливому человеку*). Вот смотрите, я и говорю: такие уж нравы!

Молчаливый человек пальцем постукивает по турникету, выражая согласие.

Грубиян. Давно ждете?

Старик делает вид, что не слышит.

Грубиян. Какие интервалы между автобусами?

Старик (*сердито*). Спроси у автобусной компании.

Грубиян. Ну, ты шутник! Я тебя спрашиваю.

Молчаливый человек достает из сумки книгу и начинает читать.

Старик. Меня спрашиваешь? Я же не диспетчер.

Грубиян. Я спрашиваю, сколько ждешь.

Старик. Молодой человек, так не спрашивают.

Грубиян (*с пониманием*). Папаша.

Старик. Я тебе не папаша.

Грубиян (*с издевкой*). Тогда, вы... почтенный...

Старик. Брось, какой я почтенный!

У Грубияна разочарованный вид, он свистит, бросает косые взгляды на Старика, болтает ногами.

Старик. Это поручни, чтобы за них держаться, когда стоишь в очереди, а не скамейка.

Грубиян. А что случится, если я посижу? Они ж не соломенные.

Старик. Ты что, не видишь, турникет весь согнулся?

Грубиян. Я его, что ли, согнул?

Старик. Все садятся и качаются, как ему не согнуться?

Грубиян. Он что, твой что ли?

Старик. Я только потому и беспокоюсь, что он общественный.

Грубиян. Что ты несешь? Иди домой болтать со своей старухой! (*Раскачивается еще сильнее.*)

Старик (*с трудом сдерживаясь, чтобы не взорваться, поворачивается к Молчаливому человеку*). Вы только поглядите!

Молчаливый человек читает книгу, не обращая никакого внимания на этот разговор. Вбегает Человек в очках.

Старик (*Девушке*). Становитесь в очередь, а то так скоро все вконец перепутается.

Грубиян прыгивает с турникета, протискивается вперед и встает перед Девушкой. Быстро входит Мамаша, с трудом неся большую сумку.

Старик. Всегда кто раньше приходит, тот и встает первым.

Девушка (*Старику, тихо, чтобы ее не услышали*). Ничего. Я здесь постою.

Шум автобуса. Широкими шагами быстро входит Мастер, неся сумку с инструментами, встает в конец очереди. Шум автобуса приближается, все смотрят в сторону подходящего автобуса. Молчаливый человек закрывает книгу. Все подаются вперед.

Девушка (*оборачивается и смотрит на Человека в очках*). Не толкайтесь!

Старик. В очередь! Все в порядке очереди!

Шум идущего автобуса проносится перед очередью. Грубиян неожиданно обходит Старика и Молчаливого человека и бежит в начало очереди.

Все (*Грубияну*). Эй! Эй! Эй...

Автобус не останавливается.

Все. Стой! Почему не останавливаешься?! Эй...

Грубиян пробегает несколько шагов. Шум автобуса удаляется.

Грубиян. Сволочь!

Старик (*возмущенно*). Так он никогда не остановится.

Мамаша. Эй, впереди, соблюдайте очередь!

Человек в очках (*Грубияну*). В очередь, в очередь, ты что, не слышишь?

Грубиян. А тебе-то что? Все равно сзади стоишь.

Мамаша. И народу-то нет никого. Все по очереди спокойно могли бы сесть.

Человек в очках (*Грубияну*). Ты сзади стоишь.

Старик (*Молчаливому человеку*). Невежа!

Грубиян. Сам ты больно воспитанный!

Мамаша. Сам без очереди лезет, а еще спорит.

Старик (*наставительно*). О тебе говорят. Без очереди в автобус лезешь – ни капли воспитания.

Грубиян. Если у тебя нога зудит, иди к своей старухе, она тебе ботинки снимет², я-то тут при чем?

² По-китайски слова «воспитанный» и «нога зудит» звучат сходно.

Мамаша. Такой молодой, а уже хулиганить научился. Нехорошо!

Человек в очках. Все тебе говорят, встань в очередь. Как не стыдно!

Грубиян. А я что, не стоял, что ли? Автобусы не останавливаются, на меня-то чего орать?

Человек в очках. Ты сзади стоишь!

Грубиян. Тебя-то уж точно впереди.

Старик (*дрожит от гнева*). Встань в очередь!

Грубиян. Ты что тут выступаешь? Думаешь, испугал?

Старик. Ах, ты еще надумал руки распускать!

Выходит Молчаливый человек и подходит к двоим ругающимся. Грубиян, увидев, что он крепко сложен, с опаской отступает на шаг, но, попрекнем у не желая показать слабость, опирается на турникет.

Грубиян. Если тебе силы некуда девать, лучше автобус останови. (*Раскачивается, облокотившись на турникет.*)

Старик. Эх, парень, учился ты, да ничему не выучился.

Грубиян. Это кто ничему не выучился? Если ты много чернил выпил, что ж ты в собственной машине не едешь?

Старик. Ждать автобуса в очереди – в этом нет ничего унижительного. В обществе все так должны поступать. Тебе что, учитель в школе этого не объяснял?

Грубиян. Что-то не припомню такого урока.

Старик. А папа с мамой тебя тоже не учили?

Грубиян. Если твоя мама тебя учила, что же ты в автобус влезть не можешь?

Старик некоторое время молчит, смотрит на Молчаливого человека. Молчаливый человек снова начинает читать книгу.

Грубиян (*самодовольно*). До седых волос дожили, а в автобус садиться не научились.

Человек в очках. Все ждут автобуса, посознательнее нужно быть.

Грубиян. А я что, не в очереди жду? Впереди тебя, между прочим.

Человек в очках. Ты позже пришел (*показывает на Девушку*).

Грубиян. Ну, пусть она первой лезет. Только когда автобус придет, она что, сможет влезть, что ли?

Девушка (*поворачивается, не обращает на него внимания*). Дурак!

Грубиян (*Старику*). Вы, если сможете влезть, так лезьте, а не сможете – на меня не обижайтесь. Если вы, почтенный, не сможете влезть, то и тем, кто сзади стоит, нечего мешать. Вы, папаша, такой понятливый человек, с таким культурным уровнем, а не знаете, как нужно в автобус влезать. А я вот как следует и нескольких дней не проучился, но в автобусы влезать приходилось.

Шум автобуса.

Мамаша. Автобус идет. Все – в очередь!

Грубиян (*по-прежнему опирается на турникет. Девушке*). Я за тобой стою. Так что если сейчас не влезешь, не говори потом, что я тебя оттолкнул.

Девушка (*хмурит брови*). Становись уж впереди.

Шум автобуса приближается. Молчаливый человек закрывает книгу. Мастер, все время сидевший на земле на корточках, тоже встает, все начинают пропихиваться вперед вдоль турникета.

Человек в очках (*Девушке*). Становись сбоку, сразу сможешь ухватиться за дверную ручку.

Девушка бросает на него взгляд, не отвечает. Все подаются в сторону движения автобуса. Грубиян встает за турникетом, сразу за Девушкой.

Старик. Стой! Сто-о-ой!!!

Человек в очках. Эй!.. Стой!

Мамаша. Мы уже целый день ждем!

Девушка. Предыдущий только что не остановился...

Грубиян. Черт его дери...

Мастер. Хм.

Преследуя автобус, все добегают до угла сцены. Грубиян неожиданно бросается вперед. Человек в очках ловит его за руку. Грубиян оборачивается и бьет его кулаком. Шум автобуса удаляется.

Человек в очках. Ах, ты еще и драться!..

Грубиян. Хочешь, я тебе вклею? (*Дерутся.*)

Старик. Бьют! Бьют!

Мамаша. Вот она – современная молодежь!

Девушка (*Человеку в очках*). Отойди ты от него.

Человек в очках. Хулиган!

Грубиян (*бросается вперед*). Я тебе морду набью!

Подходят Молчаливый человек и Мастер и разнимают дерущихся.

М а с т е р . Прекратить! Вы что, белены объелись?

Ч е л о в е к в о ч к а х . Хулиган поганый!

Г р у б и я н . Чертов ублюдок!

М а м а ш а . Ну и выражения! Всякий стыд потеряли!

Г р у б и я н . А кто его просил одежду рвать уяди?

Ч е л о в е к в о ч к а х . Да я только раз потянул. А ты что без очереди лезешь?

Г р у б и я н . Нечего тут перед всякими шлюхами выставляться. Если ты такой смелый, отойди, поговорим.

Ч е л о в е к в о ч к а х . Думаешь, испугался? Хулиган поганый!

Грубиян снова бросается вперед. Мастер берет его за руку, тот не может двинуться.

М а с т е р . Ты что буянишь? Иди встань сзади.

Г р у б и я н . Тебе я что сделал?

М а с т е р . Встань сзади! (*Выворачивает ему руку и тащит в хвост очереди.*)

С т а р и к . Нельзя давать ему скандалить. Он же никому не даст в автобус сесть. (*Молчаливому человеку.*) Только это и понимает.

Молчаливый человек не слышит, снова начинает читать книгу.

Г р у б и я н . Я впереди стоял! Только вам, что ли, можно в город ездить, а мне нельзя?

М а м а ш а . Кто тебя не пускает?

С т а р и к (*Мамаше*). Все по делам в город едут, а ему – только поскандалить. Бывают такие карманники, специально на остановках скандалят. С ними начеку нужно быть.

Все, кроме Молчаливого человека и Мастера, нащупывают кошельки.

Г р у б и я н . Ишь надулся! Деревня!

Девушка и Мамаша смотрят друг на друга, смеются. Старик бросает на них недовольный взгляд.

М а м а ш а (*быстро меняет тему разговора, Человеку в очках*). Не стоит с ним связываться, все равно ты с ним не справишься.

Ч е л о в е к в о ч к а х (*с геройским видом*). Из-за таких вот скандалистов никто не может влезть в автобус. Вы тоже в город?

М а м а ш а . У меня муж с ребенком в городе живут. В субботу после таких поездок вечно голова болит, в автобус лезешь почти с дракой.

Человек в очках. А что же вы не перейдете на работу в городе?

Мамаша. Кто не хочет в город перевестись! Да как это устроить?

Девушка. Подряд два автобуса не остановились.

Человек в очках. С конечной отправляют, только если полный набьется. Ты в город по делу?

Девушка кивает.

Человек в очках. Тебе бы лучше на конечной сесть. Ты где живешь?

Девушка бросает на него бдительный взгляд, не отвечает. Человек в очках смущенно поправляет очки. Молчаливый человек закрывает книгу, оборачивается, нетерпеливо смотрит в направлении, откуда должен прийти автобус, вновь погружается в книгу.

Старик. Времени совсем нет. Ровно в семь я должен быть во Дворце культуры.

Мамаша. Надо же, видно, у вас интересное дело в городе. В театр, наверно, спешите?

Старик. Не имею такой чести, в театр пусть городские ходят, я еду в шахматы играть.

Мамаша. Что?

Старик. В шахматы еду играть. Колесница, конь, пушка³. Не слышали? Шах!

Девушка. А! В шахматы... Увлекаетесь, значит?

Старик. Девушка! Да я всю жизнь в шахматы играю!

Человек в очках. У каждого свои увлечения. Без любви к какому-нибудь делу жить скучно.

Старик. Это ты верно сказал! Я все книги по шахматам выучил, от «Секретного собрания по технике шахматной игры наставника Чжана» до только что вышедших «Ста примеров эндшпилей в китайских шахматах». Могу сейчас же все тебе показать без одной ошибки. Ты тоже играешь в шахматы?

Человек в очках. Иногда балуюсь.

Старик. «Балуюсь» – это не годится. Шахматы заслуживают большого внимания, это специальная область знания!

Человек в очках. Это верно, хорошо играть – не просто!

Старик. Ты слышал о Ли Мошэне?

---

³ Фигуры китайских шахмат.

Мамаша (*видит, что сумка с инструментами Мастера при-
слоняется к ее сумке, переставляет свою сумку ближе к себе*). Вы,
Мастер, по дереву работаете?

Мастер. Угу.

Человек в очках. О каком Ли Мошэне?

Мамаша. Вы и в субботу на работу спешите?

Мастер (*лениво*). Ага.

Старик. Ты играешь в шахматы и даже не знаешь Ли Мошэна?

Человек в очках (*извиняясь*). Что-то не припоминаю.

Мамаша. А вы чините ножки у стульев? А то у нас дома...

Мастер (*осаживает*). Я столяр.

Старик. Ты, что ли, и «Вечерку» не читаешь?

Человек в очках. Я последнее время занят, повторяю уро-
ки, в университет хочу поступать.

Старик (*теряет интерес*). Тогда считай, что ты в шахматах
даже до введения еще не дошел.

Мамаша (*поворачивается, Девушке*). Ты тоже в городе жи-
вешь?

Девушка. Да нет, я по делу.

Мамаша (*рассматривает ее*). На свидание?

Девушка смущенно кивает.

Мамаша. Парень-то хороший? Кем работает?

Девушка опускает голову и чертит ногой по земле.

Мамаша. Свадьба-то скоро?

Девушка. О, да что вы говорите!.. (*Достает из сумочки носовой
платок и начинает обмахиваться*.) И что же это автобус все не едет?

Человек в очках. Диспетчер, как пить дать, с кем-нибудь
болтает. Забыл, который час.

Мамаша. Вот вам и «культура обслуживания пассажиров».

Старик. Да наоборот, пассажиры их обслуживают. Если на
остановке нет никого, как же им свою важность показать? Вот и
ждите теперь терпеливо.

Мамаша. Да за это время я бы уж большой таз белья перести-
рала.

Девушка. Вы что же, по субботам возвращаетесь, и вам еще
нужно постирать успеть?

Мамаша. Это вот и есть семейная жизнь. Мой-то только и зна-
ет, что в книгу пялиться, ничего не умеет делать. Платки, например,

для него все слишком маленькие – ни одного чисто не выстирал. Будешь жениха выбирать, на книжников этих не смотри. Те, кто дела умеют делать, давно бы уж своих родных в город отправили.

Старик. Вы сами так устроили. Нельзя разве сделать так, чтобы он перешел на работу в пригород? Каждую неделю так вот ждать автобуса, толкаться, разве это жизнь?

Мамаша. У меня же ребенок. Я должна думать о моем Бэйбэе. Вы что, не знаете, как в этих загородных школах учат – в университет почти никто не может поступить. (*Кивает на Грубияна.*) Не могу же я допустить, чтобы мой Бэйбэй в такого вот превратился, жизнь ему испортить.

Шум автобуса.

Девушка. Автобус идет!

Человек в очках. Правда, идет! Да еще пустой!

Мамаша (*поднимает свою сумку*). Не толкайтесь, все войдете и даже сесть сможете.

Грубиян (*Старику*). Смотри получше под ноги, не свались, а то кошелек потеряешь – не будет денег на билет. Тебя же на смех поднимут.

Старик. Слушай, парень, не думай, что тебе море по колено, рано или поздно и тебе достанется. (*Всем.*) Не торопитесь, в порядке очереди.

Настроение у всех поднимается, все аккуратно стоят в очереди. Шум автобуса приближается. Быстро входит Директор Ма в расстегнутой куртке, размахивая обеими руками. Идет прямо к началу очереди.

Все. Эй, в очередь! Что такое? Порядка не знаешь? Вставай в конец!

Директор Ма (*неодобрительно*). Да я просто посмотреть. Сами стойте в своей очереди.

Человек в очках. Ты что, автобуса не видал?

Директор Ма. Я таких, как ты, не видал. (*Бросает на него гневный взгляд.*) Я ищу одного человека.

Шум автобуса перед очередью, автобус снова не останавливается. Директор Ма с топотом подбегает к остановке.

Директор Ма (*машет рукой*). Эй! Эй! Старина Ван! Водитель! Это я, старина Ма из кооператива.

Очередь перемешивается, все вместе бегут за автобусом.

Человек в очках. Почему не останавливаешь?

Девушка. Да что же это? Уже несколько автобусов мимо прошли! А ну, останавливай живо!

Мамаша. И в машине-то всего несколько человек... Почему не останавливаешь?

Директор Ма (*показывает на переднюю дверь, кричит на бегу*). Эй, подбрось, открой переднюю дверь! Я же Ма из кооператива. Всего один человек...

Старик (*показывает пальцем и ругает*). Откуда только такие водители берутся? Вы о пассажирах думаете или нет?

Мастер. У, черт!

Грубиян (*поднимает камень и кидает его*). Я тебе все стекла побью!

Шум автобуса удаляется. Молчаливый человек сосредоточенно смотрит в его сторону.

Директор Ма. Ну, хорошо же! Только придите еще ко мне из автобусного парка, так я вам и выпишу квитанцию!

Старик. Так вы – Директор Ма из кооператива?

Директор Ма (*принимает важную позу*). А в чем дело?

Старик. Вы знаете водителя?

Директор Ма. Его сменили. Проклятый прагматизм!

Старик. Оказывается, они даже не благодарны вам – директору!

Директор Ма. Ох, и не говорите! Такая вот у нас дружба. Когда они ко мне в следующий раз придут из парка, я все буду делать только официально. (*Достает сигарету.*) Курить будете?

Старик (*читает название его сигареты*). Нет, спасибо. Вот очки забыл захватить.

Директор Ма. Это «Дацяньмэнь».

Старик. Эти сигареты не достанешь.

Директор Ма. Это уж точно. Позавчера приходили ко мне из их автобусного парка, я им выписал двадцать блоков. Не думал, что они и впрямь такие негодяи.

Старик. Выпишите и мне блок.

Директор Ма. С этими дефицитными товарами очень трудно.

Старик. «Дацяньмэнь» весь с черного хода ушел. Неудивительно, что автобусы теперь не останавливаются.

Директор Ма. Это вы о чем?

Старик. Ни о чем.

Директор Ма. «Ни о чем» – это о чем?

Старик. Ни о чем.

Директор Ма. «Ни о чем» – это о чем?

Старик. «Ни о чем» – это и есть ни о чем.

Директор Ма. Это ваше «ни о чем – это и есть ни о чем» на самом деле имеет смысл!

Старик. Так скажите, какой.

Директор Ма. Скрытый смысл этого вашего «ни о чем – это и есть ни о чем» совершенно ясен! Вы хотите сказать, что я как директор первый все с черного хода спускаю, так?

Старик. Это вы сами сказали.

Молчаливый человек нервно ходит туда-сюда крупными шагами.

Человек в очках (*читает вслух английские слова, написанные на карточках*). Book, pig, desk, dog, pig, dog, desk, book...

Мастер. Это ты на английском языке какой страны говоришь?

Человек в очках. Английский и есть английский. Никакой не страны. Нет, я учу американский английский. И англичане, и американцы говорят по-английски, но произношение у них разное. Это все равно что вместо слова «во» вы говорите «ань», а они «цзань»⁴. Сейчас в любой университет нужно иностранный сдавать. Раньше ведь не учили, так приходится учить с самого начала. Нельзя же просто так торчать на остановке, зря терять драгоценное время.

Мастер. Читай, читай.

Мамаша и Девушка одновременно думают вслух в направлении зрителей.

Мамаша. Мой Бэйбэй ждет, когда я вернусь, сделаю ему пампушки. С сахаром он не ест, с пюре из фасоли не ест, со сборной начинкой тоже не ест. Только и ест с капустной начинкой.

Девушка. Договорились встретиться в четверть восьмого у дверей парка, на другой стороне улицы, у третьего фонаря. Я должна была держать в руках пурпурную сумочку, а он стоять, опираясь на велосипед марки «Летающий голубь»...

Молчаливый человек подходит к ним, грустно смотрит на них. Они молкают.

Директор Ма (*Старик*). Скажите, что такое дефицитные товары?

---

⁴ Разное произношение слова «я» в стандартном китайском языке и некоторых диалектах.

Старик. Которые нигде не купишь.

Директор Ма. С точки зрения покупателей. Их не купишь, а с точки зрения нашей торговой организации – недостаточность товароснабжения. Недостаточность товароснабжения создает противоречие между спросом и предложением. Как вы разрешите это противоречие?

Старик. Я не директор.

Директор Ма. Но вы же покупатель! Вы курить можете бросить?

Старик. Уж сколько раз пробовал!

Директор Ма. Вы что, не знаете, что курить вредно для здоровья?

Старик. Знаю.

Директор Ма. Знаете, а все равно курите? Пропаганда, значит, сама по себе. Разве не пропагандируют у нас из года в год планирование рождаемости? А детей, что, меньше стали рожать? Население по-прежнему растет. Взрослые не успели бросить курить, а молодые, еще молоко на губах не обсохло, глядишь, уже пристрастились к этой привычке. Число курящих увеличивается быстрее, чем растут табачные листья. Скажите, разве можно разрешить такое противоречие между спросом и предложением?

Молчаливый человек вскидывает сумку на плечо, хочет что-то сказать, но не говорит.

Человек в очках (*громко читает наизусть*). Open your books⁵.

Open your pigs⁶. Неправильно! Open your dogs⁷. Неправильно!

Старик. Нельзя разве побольше производить?

Директор Ма. Это вы верно говорите. Но только это дело производственных предприятий, а мы, предприятия торговли, разве можем решить этот вопрос? Вы говорите, что я продаю с черного хода, да я даже с черного хода могу только друзьям продать, где уж мне с парадного входа продавать? Скажите, ведь всегда есть люди, которые могут купить и которые не могут купить. Если бы все могли купить, тогда бы и никакого противоречия не было бы.

Девушка. Что-что? Надоело!

Мамаша. Ты еще всего не знаешь. Подожди, станешь матерью, вот тогда будешь уставать.

⁵ Откройте ваши книги (англ.).

⁶ Откройте ваших свиней (англ.).

⁷ Откройте ваших собак (англ.).

Молчаливый человек поворачивается, его взгляд встречается со взглядом Девушки, Девушка быстро опускает глаза. Молчаливый человек не обращает на это никакого внимания, не оборачиваясь, уходит быстрыми шагами. Начинает слабо звучать музыка, выражающая мучительный, но упрямый поиск. Постепенно музыка стихает. Девушка смотрит в сторону, куда ушел Молчаливый человек, и о чем-то задумывается.

М а с т е р . Я вас перебью.

Директор Ма и Старик оборачиваются.

М а с т е р : Я не вам двоим говорю, вы давайте дальше друг другу анекдоты рассказывайте.

Д и р е к т о р М а . Ты что, думаешь, я стану зря языком болтать, анекдоты рассказывать? Я провожу идеологическую работу с покупателем. (*Продолжает убеждать Старика.*) Вы не понимаете работы наших торговых организаций. Признайте, ведь вы сейчас зря ругаетесь. Думаете, мне легко быть директором? А вы попробуйте.

С т а р и к . Да я не смогу.

Д и р е к т о р М а . А вы попробуйте.

С т а р и к . Ладно, сдаюсь, сдаюсь!

Д и р е к т о р М а (*Мастеру*). Вот видите? Видите?

М а с т е р . Что вижу? Я говорю этому ученому человеку в очках.

Человек в очках (*составляет фразы*). Do you speak English? I speak a litter...⁸

Г р у б и я н (*подражает ему, со странным произношением*). Ай... сы... пи... кэ... ай... ли... ту... эр...

Человек в очках (*раздраженно*). Are you pig?⁹

Г р у б и я н . Сам ты пук.

Д е в у ш к а . Только не ссорьтесь, хорошо? Это же невыносимо!

М а с т е р . Послушайте, уважаемый, сколько времени на ваших часах?

Человек в очках (*смотрит на часы. Пораженно*). Что-то...

М а с т е р . Встали?

Человек в очках . Если б встали, еще ничего... Что? Уже год прошел!

Д е в у ш к а . Неправда!

Человек в очках (*снова смотрит на часы*). Правда, мы уже целый год на остановке прождали.

⁸ Вы говорите по-английски? Я говорю мусор... (англ.).

⁹ Вы свинья? (англ.).

Грубиян засовывает указательный палец в рот и изо всех сил свистит.

Старик (*бросает на него сердитый взгляд*). Болтовня!

Человек в очках. Как же болтовня! Не верите, сами посмотрите на часы.

Мастер. Не завирай, не может этого быть!

Мамаша. Что это? На моих часах все еще без двадцати три?

Грубиян (*подходит*). Встали!

Мастер. Что орешь? (*Старику*.) Посмотри на свои.

Старик (*дрожащей рукой с трудом достает карманные часы*). Почему все неправильно?

Грубиян. Ты вверх ногами смотришь.

Старик. Один час... десять минут. Стоят.

Грубиян (*злорадно*). И часы у тебя не как у людей – на тебя похожи, тоже состарились.

Директор Ма (*вытягивает руку, слушает*). Почему мои тоже стоят?

Мамаша. Посмотрите на число, на ваших же есть календарь.

Директор Ма. Сорок восьмое число, тринадцатый месяц... Странно. А ведь у меня импортные – «Омега».

Грубиян. Внутри механизм, небось, пластмассовый?

Директор Ма. Иди отсюда!

Человек в очках. У меня электронные часы, не могут врать, смотрите, и сейчас все еще идут. Я в прошлом году купил, до сих пор ни разу не ломались. Шесть функций: год, месяц, день, часы, минуты, секунды, – все показывают. Посмотрите, ведь и правда, целый год прошел!

Мастер. Ты что людей пугаешь? Подумаешь, электронные часы. Электронные тоже могут врать.

Старик. Послушайте, мы не можем не доверять науке, наука не может обманывать. Сейчас ведь эпоха электронных часов! Наверное, это с нами что-то случилось.

Мамаша. Вы что же, хотите сказать, мы уже год автобуса ждем на этой остановке?

Человек в очках. Да, совершенно точно, год. Один год, три минуты и одну секунду, две секунды, три секунды, четыре секунды, пять секунд, шесть секунд... Смотрите, все еще идут.

Грубиян. Эй, точно, братки, правда, год, черт его дери!

Девушка отбегает, закрывает лицо руками. Все становятся серьезными.

Мамаша (*говорит сама с собой*). У них уж давно чистая одежда кончилась. Они же ничего не умеют, брюк не могут заштопать. Бэй-бэй там от плача разрывается, маму зовет, бедный мой Бэйбэй...

Девушка садится на корточки, все медленно обступают ее.

Человек в очках (*тихо*). Что с тобой?

Мастер. Есть, что ли, хочешь? У меня в сумке кусок блина остался.

Старик. Живот болит?

Директор Ма (*громко, в сторону зрителей*). Где доктор? Посмотрите же, кто в медицине понимает.

Мамаша (*берет себя в руки, подходит, наклоняется над Девушкой*). Где болит? Скажи мне (*глядит ее по голове*).

Девушка кладет голову ей на грудь, захлебывается от слез.

Мамаша. Это женские дела. Уходите все.

Все расходятся.

Мамаша. Милая, скажи мне, что случилось?

Девушка. Мне так тяжело...

Мамаша (*глядит ее*). Иди ко мне. (*Садится на землю, дает Девушке прислониться к себе. Придвигается к ее уху, спрашивает.*)

Старик (*явно снижает*). Моя партия тоже, считай, накрылась...

Директор Ма. Вы в город едете только партию в шахматы сыграть?

Старик. Да, я столько ждал, чтобы сыграть эту партию... Целую жизнь прождал.

Девушка. Нет! Нет! Он не будет меня больше ждать...

Мамаша. Дурочка, подождет.

Девушка. Нет, нет! Вы не знаете.

Мамаша. Вы сколько знакомы?

Девушка. Мы договорились только первый раз встретиться, в семь пятнадцать у входа в парк, через дорогу, у третьего фонаря.

Мамаша. Вы раньше не встречались?

Девушка. Мы через одну мою подругу договорились, она в городе работает.

Мамаша. Не расстраивайся, еще найдешь, на белом свете полно парней.

Девушка. Больше никто, никто не будет меня ждать!

Директор Ма (*в сторону зрителей, говорит сам с собой*). Мне, пожалуй, надо идти, ведь я только собирался зайти в ресторан

«Гунцинлоу», поесть да выпить собирался. Пригласили, тоже знакомство есть. Не стоит год ждать, чтобы выпить в городе. У меня что, дома выпивки нет? Зря хвалиться не буду, но эту самую на весь мир знаменитую водку «Маотай» в белой фарфоровой бутылочке с красной ленточкой, я и пальцем не пошевелю, а мне уже несут. Не стоит ждать. (Громко.) Не стоит!

Старик (взволнованно). Нет, эту партию я не могу не сыграть!

Директор Ма (в сторону зрителей). Вот фанат! Каких только чудаков нет на свете! Может год прождать на остановке, чтобы в шахматы сыграть. (Старику, добродушно жалеет его.) Я тоже частенько играю в шахматы, но я не такой фанат, как вы. Для вас шахматы просто страстью стали. Пойдем ко мне домой. Выпьем по рюмочке, я помогу вам удовлетворить вашу страсть: поиграем, выпьем, снова выпьем, снова поиграем. Вы, папаша, старый человек, что же вы на остановке зря время теряете? Пойдемте со мной.

Старик (презрительно). С тобой?

Директор Ма. Папаша, в моем кооперативе больше ста человек, не меньше десяти с лишним заведующих отделами и секторами, и нет никого, кто бы против меня слово сказал. Не верите, спросите сами у них!

Человек в очках (читает) pig, book, desk, dog... k... g... k...

Старик (дрожит от волнения). Вы... вы «Вечерку» читаете?

Директор Ма. Ни дня не пропускаю! Я только «Вечерку» и выписываю. Городскую «Вечерку» на следующий день к обеду на нашу почту доставляют, а к нам в кооператив она приходит после обеда. Я всегда ее откладываю, чтобы почитать после ужина. Ни одной городской новости нет, чтобы я через день не узнал.

Старик. Вы о Ли Мошэне слышали?

Директор Ма. А! Это новая популярная оперная певица. Здорово поет!

Старик. И вы еще в шахматы играете! Я говорю о светиле наших шахмат.

Директор Ма. А, вы говорите об этом Ли, как его там, чемпионе по шахматам? У него фамилия, как у моей жены.

Старик. Подумаешь, чемпион... Играет-то он не особенно!

Директор Ма. Эдак, приятель, выходит, вы тоже можете чемпионом стать.

Старик. В «Вечерке» печатали ту партию, в которой он завоевал первенство. Я... я же ее давно изучил. Это просто потому, что он в городе живет. Если б я тоже жил в городе...

Директор Ма (*смеется*). То чемпионская медаль была бы у вас в кармане.

Старик. Ну, я бы так не сказал, но, в общем, я написал ему письмо, назначил ему игру в городском Дворце культуры, как раз сегодня вечером. Эх! Это ж сегодня вечером год назад! Как в шахматах нельзя перехаживать, так и человек не может не держать слово!

Директор Ма. И то верно.

Человек в очках (*мучительно читает наизусть из всех сил*). Vik, Pook, Desgdokpikboog¹⁰ – опять не так!

Грубиян. Что ты там бубнишь? Пи-пи-пи, пу-пу-пу... Пук заморский.

Человек в очках (*горячо*). Я не то, что ты. Это ты можешь болтаться без дела, а я должен поступить в университет! Это у меня последний шанс. Если автобуса еще прождать, меня уже по возрасту не примут! Ждешь, ждешь, так вот вся молодость зря пройдет. Тебе этого не понять. Иди отсюда.

Грубиян. Я тебе что, мешаю?

Человек в очках (*просительно*). Ну, отойди, пожалуйста. Оставь меня в покое хоть ненадолго. Тебе ведь все равно, где болтаться.

Грубиян. Только в городе не могу! (*Отходит, стоит с совершенно скучающим видом, вдруг взрывается.*) Это что же, по городским улицам только городским прохаживаться можно? А мы что, не люди? Не можем в город поехать погулять? А я вот назло пойду!

Мастер (*с досадой*). Ты что орешь, черт? Сядь, отдохни немного! (*Садится на корточки, отрывает от сумки с инструментами кусок старой газеты, достает табачный лист, измельчает, сворачивает сигарету.*)

Тишина. Свет гаснет. Вдали как будто возникает шум автобуса, еле различимо звучит музыка – это вновь не ясно возникла мелодия Молчаливого человека. Все прислушиваются. Звук становится похожим на шум ветра, затем вновь исчезает.

Директор Ма (*зрителям*). Вы что, все с ума посходили? (*Всем.*) Вы что, еще на что-то надеетесь? Идете или нет?

Грубиян. Куда?

Директор Ма. Обратно.

Грубиян. Я-то думал, ты в город идешь.

¹⁰ Бессмысленные слова.

Директор Ма. Я что, больной, что ли? Это же невесть где. Тащить еще в этот город, чтобы пить их прокисшее вино? Не настолько уж я его люблю.

Грубиян (*уныло*). Мне в город надо только, чтобы кефира выпить.

Директор Ма. Я с людьми разговариваю, а ты что, мальчишка, лезешь? (*Старику*.) Так вы не пойдете? Тогда я пошел.

Все смотрят друг на друга. Слова Директора Ма производят на них некоторое впечатление.

Старик. Эх. (*Смотрит на Директора Ма, стоит остолбенело, в нерешительности*.)

Мамаша (*смотрит на Старика*). Вы...

Девушка (*смотрит на Мамашу*). Сестричка...

Человек в очках (*с грустью смотрит на Девушку*). Ты...

Мастер (*следит за действиями Человека в очках*). Эй!

Директор Ма подходит к Мастеру, кивает головой, предлагая ему идти вместе. Мастер все еще смотрит на Человека в очках. Директор Ма наклоняет голову, смотрит на его сумку с инструментами, постукивает по ней ногой. Все смотрят вокруг и останавливают взгляд на другой сумке.

Грубиян. Эй, а хозяин-то где? Смылся?

Старик. Кто ушел?

Грубиян. Ну, ты точно из ума выжил. Да тот, что перед тобой стоял. Друзей бросил и потихоньку один смылся!

Все (*все, кроме Девушки, приходят в возбужденное состояние*). Кто? Кто? Скажите, кто ушел?

Старик (*хлопает рукой по ноге. Озаряется догадкой*). Да... Я вот только что с ним поздоровался, а он как воды в рот набрал и вот ушел.

Мамаша. Кто? Скажите, кто ушел?

Человек в очках (*вспоминает*). У него на плече висела сумка, он самым первым стоял, все время вон там книгу читал...

Мамаша. А-а... Когда вы дрались, он еще подошел вас разнимать.

Мастер. Верно. Как же я не заметил, когда он ушел?

Человек в очках. А не мог он в автобус сесть?

Директор Ма. Неужели ему переднюю дверь открыли?

Девушка (*недоуменно*). Автобусы-то не останавливались. Он что же, один в город пошел?

Директор Ма. В ту сторону или в эту? (*Показывает пальцем в одну и в другую сторону.*)

Девушка. По шоссе он пошел, к городу.

Директор Ма. Ты видела?

Девушка (*с тоской*). Он еще взглянул на меня... Головы даже не повернул и пошел вперед.

Человек в очках. Боюсь, он давно уже в городе.

Грубьян. Это уж как пить дать.

Старик (*Девушке*). Что ж ты раньше не сказала?

Девушка (*испуганно*). Все ждали автобуса...

Старик. Какой расчетливый...

Девушка. Он так смотрел не мигая, будто хотел взглядом вас просверлить.

Директор Ма (*немного напряженно*). А может, его из города к нам с проверкой присылали? Он не следил за нашим разговором, когда я проводил со стариком идеологическую работу?

Девушка. Да нет, в то время не следил, ходил туда-сюда: похоже, чем-то был озабочен...

Директор Ма. Он не собирал... например, сведения о том, как у нас здесь обстоят дела со снабжением и сбытом сигарет? О продаже с черного хода «Дацяньмэнь»?

Девушка. Не слышала, чтобы он хоть слово сказал.

Директор Ма. Что же ты ему не доложила о работе автобусной компании? Массы ею очень недовольны!

Старик. Теперь как выйдешь из дому, так по улице невозможно стало ходить. (*Рукой трогает металлический паранет, поворачивается туда-сюда за паранетом, раздумывает.*) Что это за маршрут? Неужели мы не на той остановке ждем?

Мастер (*с тревогой*). Что ты там говоришь, старик? Эта остановка не в город?

Старик. Может быть, вон там нужно на автобус садиться?

Человек в очках (*смотрит на другую сторону дороги*). Там остановка в обратную сторону.

Мастер (*спокойно*). Эй, старик, ну и перепугал ты меня. (*Садится на корточки.*)

Старик (*дрожит. В сторону зрителей*). Вы все тоже ждете автобуса? (*Говорит самому себе.*) Не слышно. (*Еще громче.*) Вы все ждете автобуса, чтобы вернуться в деревню? (*Говорит сам себе.*) Все равно не слышно. (*Человеку в очках.*) Молодой человек, я плохо слышу. Спроси их, они в деревню возвращаются? Если все возвращаются, я тоже не буду мучиться в город ехать.

Директор Ма (*качает головой, вздыхает*). В городе тоже не рай! Давайте все же вернемся. У меня уже сыну пора жениться. (*Мастеру.*) Ты столяр?

Мастер. Ага.

Директор Ма. Сделай моему сыну гарнитур. Ты же все равно зря время убиваешь, работа стоит. Я уж тебя не обижу.

Мастер. Не пойду.

Директор Ма. Кроме оплаты еще питание, да еще в день две пачки «Дацяньмэнь» в оловянной фольге. (*Говорит сам себе.*) Не надо бы все время про «Дацяньмэнь» говорить. Услышит кто из управления торговли – нехорошо будет. Эй, эй! Я еще не знаю, какой ты мастер.

Мастер. Я столяр, по твердому дереву работаю. Делаю кресла из красного дерева с резьбой, ширмы из черного и сандалового дерева, что в залы ставят. У тебя денег-то на это хватит? Я потомственный мастер!

Директор Ма. Ладно цену-то набивать! Знаешь, у городских сейчас в моде диваны. Кому сейчас твои жесткие кресла нужны – зад натирать?

Мастер. Я вещи делаю не для того, чтобы на них сидеть, а чтобы посмотреть на них.

Директор Ма. Вечно мне попадается что-нибудь интересное. Так ты, оказывается, только экспонаты музейные делаешь?

Мастер. Да, сейчас такого мастера днем с огнем не найдешь. Городская внешнеторговая фирма собирается меня пригласить открыть курсы для учеников.

Директор Ма. Ну, ты жди, жди. А я пошел назад. Кто-нибудь пойдет со мной?

Тишина, в зале становится темнее. Вдалеке слышится шум автобуса, вновь слабо, но отчетливо звучит мотив Молчаливого человека.

Человек в очках. Послушайте, послушайте! Слышали? Это...

Музыка стихает.

Человек в очках. Как же вы не слышали? Этот человек давно уже дошел до города! Мы не можем больше ждать! Бессмысленное ожидание, бесполезное страдание...

Далее Старик, Мамаша и Девушка говорят одновременно.

Старик. Это точно, я вот всю жизнь прождал, вот так вот и жду, жду, жду... Уж состарился...

Мамаша. Если б заранее знать, что в дороге так трудно будет, не стала бы такую большую сумку брать, финики да кунжут, а теперь, вот, выбросить жалко.

Девушка. Ох, как я устала, и бледная, наверно, совсем. Ничего не хочется, только уснуть бы вот так...

Грубиян. Хватит брюзжать! За то время, пока болтаете, до города доползти можно было.

Мастер. Что же ты не ползешь?

Грубиян. Ты ползи, а я за тобой поползу!

Мастер. Мне руки для работы даны, а не для того, чтоб в дерьме, как червяку, ползать.

Человек в очках (*лицом к зрителям*). Эй! Эй! Вы еще ждете автобуса? Не отвечают. (*Громко*.) На той стороне еще кто-нибудь ждет автобуса?

Девушка. Темень какая, не видно ничего. Ночь уже, автобус больше не придет.

Мастер. Я буду ждать до рассвета. Табличку с маршрутом здесь установили не для того, чтобы людей морочить.

Директор Ма. А если этот автобус и впрямь не придет? А вы, как дураки, будете ждать всю жизнь?

Мастер. Я знаю свое ремесло, в городе оно нужно. А кому ты нужен?

Директор Ма (*самолюбиво, обиженно*). Меня пригласили на ужин, да я сам не хочу!

Мастер. Так что же ты не возвращаешься?

Директор Ма. Я уже давно думаю вернуться. (*С горечью*.) Эти огромные поля, кругом ни деревни, ни двора, впотьмах еще собака нападет. Эй, кто из вас со мной?

Старик. Я в общем-то хочу вернуться, да идти обратно по этой дороге в крошечной тьме еще хуже, эх...

Грубиян (*поднимается с земли, отряхивается*). Так мы идем или нет?

Директор Ма. Хорошо, пошли вдвоем.

Грубиян. Да кто с тобой идет? Я в город иду. Кефир пить.

Мастер. Ну, да, ждут, пока свежее молоко скиснет, потом пьют – тоже мне деликатес! А уж пиво в городе – ослиная моча! Не думай, что все городское – хорошо. Постеснялся бы, с такими мыслями далеко не уедешь!

Грубиян. А я вот хочу его попробовать. Я, может, только из-за этого кефира туда и сорвался. Сразу пять бутылок выпью. (*Человеку в очках*.) Брось с ними время убивать. Пошли вдвоем!

Человек в очках. А вдруг мы только уйдем, а автобус сразу придет? (*В сторону зрителей, говорит сам с собой.*) А если придет и снова не остановится? Умом-то я понимаю, что нужно идти, но не уверен, что ничего не случится. Ничего не бойся, бойся только случая. Нужно принимать решение! Desk, dog, pig, book. Идти или ждать? Ждать или идти? Вот уж действительно трудный вопрос человеческой жизни! Может быть, мне на роду написано здесь всю жизнь прождать до старости, до смерти. Почему вообще человек не идет своим путем, почему надо подчиняться судьбе? Да и вообще, вернемся назад, что такое судьба? (*Спрашивает Девушку.*) Ты веришь в судьбу?

Девушка (*тихо*). Верю.

Человек в очках. Судьба – как монета. (*Достает из кармана монету*). Ты в это веришь? (*Подбрасывает монету и снова ловит*). Орел или решка? Pig, book, desk, dog, Это и есть решение! Are you teacher? No, are you pig?¹¹ Нет, я ни то и ни другое. Я – это я! Ты не веришь самому себе, но веришь в это? (*Подсмеиваясь над самим собой, подбрасывает монету и снова ловит ее рукой*).

Девушка. А ты думаешь, как быть? У меня даже нет сил, чтобы что-нибудь решить.

Человек в очках. Так давайте испытаем судьбу. «Решка» – ждем дальше, «орел» – идем, вот и все! (*Подбрасывает монету, монета падает на землю. Человек в очках накрывает ее рукой*). Идем или ждем? Ждем или идем? Посмотрим на нашу судьбу!

Девушка (*быстро кладет ладонь на его руку*). Я боюсь! (*Замечает, что касается его руки, поспешно убирает свою руку*).

Человек в очках. Ты боишься своей судьбы?

Девушка. Не знаю, я ничего не знаю.

Грубьян. Эй, ну и интересные же ребята эти двое. Вы идете или нет, в конце концов?

Мастер. Будет этому конец или нет? Пусть идет, кто хочет! Табличка с маршрутами установлена здесь, люди ждут, что же автобус не приезжает? Если не получать деньги с пассажиров, чем же водителям платить?

Тишина. Одновременно доносится шум автобуса и мотив Молчаливого человека. Шум и музыка звучат все более и более ясно, ритм также становится более отчетливым.

Директор Ма (*размахивает руками, как будто хочет отогнать эту досадную помеху*). Эй, кто-нибудь идет или нет?

¹¹ Ты учитель? Нет, ты свинья? (англ.).

Музыка стихает. Задремавший Старик всхрапывает, прислонившись к столбу с табличкой.

Старик (*не открывая глаз*). Автобус пришел?

Никто не отвечает.

Грубиян. Все хотите этот деревянный столб перестоять. Вот слабаки! (*Делает стойку на руках, валится с разочарованным видом, садится на землю.*)

Все сидят на корточках или прямо на земле. Шум автобуса. Никто не двигается, все лишь прислушиваются. Шум автобуса постепенно становится громче. По мере усиления звука свет становится ярче.

Грубиян (*по-прежнему лежит ничком на земле*). Идет, эй?

Мамаша. Пришел все-таки. Папаша, не спите, уже рассвело, автобус идет!

Старик. Идет? (*Быстро встает.*) Идет!

Девушка. А вдруг на нашей остановке снова не остановится?

Человек в очках. Если снова не остановится – остановим!

Девушка. Точно, не остановится.

Старик. Не остановится на остановке – это служебное нарушение!

Мамаша. А если он все-таки снова не остановится?

Грубиян (*вдруг вскакивает*). Мастер, у тебя в сумке найдется большой гвоздь?

Мастер. Зачем тебе?

Грубиян. Если снова не остановится – проткну ему шину, никто до города не доедет.

Девушка. Перестань, ломать транспорт – это же подсудное дело.

Человек в очках. Давайте все-таки его задержим, встанем в цепь и перегордим дорогу.

Мастер. Это можно!

Грубиян (*поднимает палку*). Быстрее, автобус идет!

Автобус приближается, все встают.

Девушка (*кричит*). Сто-о-ой!

Мамаша. Мы уже целый год ждем!

Старик. Эй, эй, стой!

Директор Ма. Эй...

Все протискиваются в переднюю часть сцены, перегораживают дорогу. Слышен гудок автобуса.

Человек в очках (*дирижирует всеми*). Раз, два!

Все. Стой, стой, стой!

Человек в очках. Мы год зря прождали!

Все (*кричат, беспорядочно размахивая руками*). Мы не можем больше ждать! Стой! Стой! Стой! Стой! Стой же! Сто-о-ой...

Автобус гудит, не останавливаясь.

Старик. Отойдите! Скорей отойдите!

Все поспешно отскакивают, затем быстро бегут за автобусом и кричат.

Грубиян (*размахивает палкой и бьет ею по автобусу*). Получай!

Человек в очках (*оттаскивает его*). Тебя же может задавить!

Девушка (*закрывает глаза от испуга*). А...

Мастер (*бросается вперед, оттаскивает Грубияна за руку*). Тебе что, жить надоело?!

Грубиян (*вырывается, бросается за автобусом, кидает в него палку*). Чтоб ты к чертям в реку свалился черепах кормить!

Шум автобуса удаляется. Тишина.

Мастер (*растерянно*). Все – иностранцы.

Мамаша. Туристский автобус с иностранцами.

Человек в очках. Шофер думает, он очень важная птица. Подумаешь, иностранцев везет.

Старик (*ворчит*). Полно свободных мест.

Мастер (*сокрушенно*). А мне даже постоять нельзя! Я ведь не без билета поеду.

Директор Ма. А у тебя валюта есть? Это специально на иностранные деньги.

Старик (*топает ногой*). Здесь же не за граница!

Девушка. Я говорила, что не остановится, значит, не остановится.

В это время мимо остановки один за другим проносятся в обе стороны несколько разноцветных автобусов, они подают разные гудки.

Директор Ма. Ну, это уж... это уж кого хочешь разозлит, делают из пассажиров цирковых обезьян! Если автобус не останавливается, нечего здесь табличку вешать! Какой в этой автобусной компании беспорядок! Разве так можно улучшить работу транспорта?! Нужно написать коллективную жалобу, я сам отнесу ее руководству в управление транспорта. (*Показывает на человека в очках*.) Ты напиши!

Человек в очках. Как писать?

Директор Ма. Как писать? Ну, надо написать: так, мол, и так... Э, ты... такой интеллигент, а не можешь даже написать коллективную жалобу!

Человек в очках. Да что толку ее писать? Люди, что, ждать перестанут?

Директор Ма. Хотите ждать, так ждите, а мне-то куда торопиться? Ужинать в городе я уже давно передумал. Я же о вас забочусь! Ждите, вам же хуже, ждите!

Тишина. Начинает тихо звучать мотив Молчаливого человека, но переходит в быструю и легкую вариацию в три такта, имеющую иронический оттенок.

Человек в очках (*смотрит на часы, стоит потрясенный*). Дрянь дело!

Девушка подходит и смотрит на его часы. Они читают цифры, появляющиеся на часах в такт музыке.

Человек в очках (*непрерывно нажимает на кнопку часов*). Пятый месяц, шестой, седьмой, восьмой, девятый, десятый, одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый...

Девушка. Январь, февраль, март, апрель....

Человек в очках. Май, июнь, июль, август....

Девушка. Всего год и восемь месяцев.

Человек в очках. Только что еще год прошел.

Девушка. Значит, всего два года восемь месяцев....

Человек в очках. Два года восемь месяцев... Нет! Неправильно, всего три года восемь месяцев. Нет, неправильно, пять лет шесть месяцев... Нет, семь месяцев, восемь месяцев, девять месяцев...

Все поражены, растерянно смотрят друг на друга.

Грубиян. Точно, спятили, к чертовой матери.

Человек в очках. Нервы у меня в полном порядке!

Грубиян. Я не о тебе. Я говорю, что машина нервнобольная!

Человек в очках. У машины нет нервов. А часы – это прибор для измерения времени. А время не зависит от того, в порядке или нет у человека нервы.

Девушка. Не говори ничего, хорошо? Умоляю тебя!

Человек в очках. Не надо меня останавливать. Дело не во мне. Ты никак не можешь остановить быстрый ход времени. Вы посмотрите, все посмотрите на часы!

Все обступают его и смотрят на его часы.

Человек в очках. Шесть лет, семь лет, восемь лет, девять лет. Вот так, глазом не моргнули, а уже целых десять лет прошло.

Мастер. Ты не ошибся? *(Хватает Человека в очках за запястье, трясет, слушает, смотрит.)*

Грубиян *(тоже выходит вперед, нажимает на кнопку часов)*. Ага, цифры-то пропали. Эй, да тут пустота! *(Хватает Человека в очках за руку, высоко ее поднимает.)* Нажмешь, они и не ходят! *(Довольно.)* Эта штука и впрямь все врет.

Человек в очках *(торжественно)*. Что ты понимаешь? Если цифры исчезли, это еще не значит, что время остановилось. Существование времени – это объективная реальность. Это все можно вывести при помощи формул. «Тэ» равняется корню из «альфа» плюс «бета», умножить на «сигму» в каком-нибудь там квадрате... Это же есть в теории относительности Эйнштейна!

Девушка *(истерично)*. Это невозможно. Я этого не вынесу!

Старик. Какое безобразие! *(Кашляет.)* Заставляют пассажиров ждать до седых волос на остановке... *(Внешний вид Старика быстро меняется: он выглядит дряхлым и немощным.)* Дикость какая-то... Просто дикость!

Мастер *(очень печально)*. Автобусная компания нарочно, что ли, нам козни строит? Что я ей плохого сделал?

Мамаша *(в полном изнеможении)*. Бэйбэй, мой бедный Бэйбэй и его отец... У них не только нет чистой одежды, давно уж и рваной-то не осталось... Он ведь такой человек, даже не знает, как иглоку в руках держать...

Грубиян идет в сторону, пинает камень сначала левой, потом правой ногой, потом в расстройстве и изнеможении валится на землю. Раздвигает ноги и замирает.

Девушка *(растерянно)*. Мне, правда, хочется плакать.

Мамаша. Ну, поплачь, поплачь, в этом ничего стыдного нет.

Девушка. Сестричка, мне что-то не плачется....

Мамаша. Такая уж наша женская доля. Нам же на руду написано ждать, бесконечно ждать. Сначала ждешь, пока тебя найдет парень, насилу дождешься, пока выйдешь замуж, и снова нужно ждать, пока родится ребенок, потом ждешь, когда ребенок вырастет, станет человеком, а тут уж и сама постарела.

Девушка. Я уже постарела, уже постарела от ожиданий... *(Кладет голову на плечо Мамаши.)*

Мамаша. Если хочешь плакать – плачь. Поплачешь – легче станет. Я так хочу поплакать на его груди... просто так... сама не знаю, почему...

Директор Ма (*Старику, огорченно*). А нужно ли это, отец? Отдохнуть дома, жить себе беззаботно, что в этом плохого? Музыка, шахматы, книги, картины – за этими занятиями всегда коротали время. Вы бы тоже развлеклись, а вы зачем-то хотите мериться силами с городскими. Ради нескольких деревянных фишек готовы всю жизнь провести на улице, зачем все это?

Старик. Что ты понимаешь? Ты только и говоришь о своей торговле. Вся соль шахмат в этом энтузиазме, это их сущность. Людям в жизни это очень нужно!

Грубиян со скучающим видом подходит сзади к Человеку в очках, сильно хлопает его по плечу, прерывая его раздумье.

Человек в очках (*гневно*). Ты не понимаешь, что такое боль, поэтому ты такой бесчувственный! Жизнь проходит мимо, мир забыл о нас, жизнь напрасно прошла в стороне от нас. Ты понимаешь это? Нет, ты не понимаешь! Ты можешь так всю жизнь баклуши бить, а я не могу...

Мастер (*с тяжестью на сердце*). Я не могу вернуться. Я столяр, работаю по твердому дереву! Я в город не затем еду, чтоб два медяка заработать, у меня там настоящая работа. Мне и в деревне на еду хватает, я в два счета кровать собью, кухонный стол, буфет сделаю. В моей семье ни млад, ни стар с голоду не умрет. Но что мне, потомственному мастеру, всю жизнь этим заниматься? Ты хоть и директор, а этого не понимаешь!

Человек в очках (*оттаскивает Грубияна*). Иди отсюда, дай мне одному побыть. (*Вдруг взрывается*.) Мне покой нужен. Понял ты? Покой! Покой!

Грубиян послушно отходит, хочет громко свистнуть, но, передумав, убирает пальцы изо рта.

Девушка (*в сторону зрителей, говорит сама с собой*). Раньше я видела много снов, некоторые – такие красивые...

Мамаша (*в сторону зрителей, говорит сама с собой*). Мне иногда тоже так хочется увидеть сон...

Далее слова двух персонажей переплетаются и сливаются вместе, обе говорят в сторону зрителей, не зависимо друг от друга.

Девушка. Мне снилось, что луна может смеяться...

Мамаша (*одновременно с Девушкой*). А как ложусь спать, так устаю, так спать хочу, вечно не высыпаюсь...

Девушка. Мне снилось, что он тянул меня за руку, что-то шептал мне на ухо. Я так хочу быть с ним рядом...

Мамаша (*одновременно с Девушкой*). Только открою глаза – у Бэйбэя уже носок порвался, палец вылезает...

Девушка. А сейчас мне совсем ничего не снится...

Мамаша (*одновременно с Девушкой*). У его отца в свитере из рукава нитка вылезла...

Девушка. И черный медведь на меня не набрасывается...

Мамаша (*одновременно с Девушкой*). Бэйбэй хочет электрическую машинку...

Девушка. И никто не гонится за мной со свирепым видом...

Мамаша (*одновременно с Девушкой*). Помидоры по два мао за цзинь¹².

Девушка. Мне ничего не будет больше сниться.

Мамаша (*одновременно с Девушкой*). Таково уж материнское сердце. (*Оборачивается к Девушке.*) В твоём возрасте я не была такой.

Далее следует диалог двух персонажей.

Девушка. Ты не знаешь, я тоже изменилась, стала такой мелочной, не могу смотреть на других девушек в красивой одежде. Я знаю, что это плохо, но я видела этих городских девушек, все они в туфлях на высоких каблуках, на душе у меня нехорошо, мне кажется, что они топчут меня, да еще стоят передо мной специально, чтобы злить меня. Сестричка, я же знаю, что это плохо...

Мамаша. Я понимаю, это не твоя вина...

Девушка. Ты не знаешь, мне завидно, до смерти завидно...

Мамаша. Не говори глупости, тебя нельзя винить в этом.

Девушка. Мне всегда хотелось такое платье в цветной горошек. С маленькой молнией на талии. Но я даже боюсь сшить такое. В городе так хорошо, на улицах полно людей в таких платьях, а здесь я разве могу его надеть? Скажи, сестричка!

Мамаша (*глядит ей волосы*). Что хочешь, то и носи, не жди, пока тебе будет столько же, сколько мне сейчас. Ты еще молодая, найдется парень, которому ты понравиться, вы будете жить душа в душу, ты родишь ему ребеночка, он еще больше будет тебя любить...

---

¹² Мао (цзяо) – денежная единица КНР, равная 0,1 юаня. Цзинь – мера веса, равная 0,5 кг.

Девушка. Говори, сестричка, говори... есть седые волосы?

Мамаша (*перебирает волосы*). Нет, правда нет!

Девушка. Не обманывай меня!

Мамаша. Только один-два...

Девушка. Вырви их.

Мамаша. Я не могу их найти, нельзя вырывать, их только больше станет.

Девушка. Умоляю тебя, сестричка, хорошая моя!

Мамаша вырывает у нее седой волос, вдруг обнимает Девушку, сама начинает плакать.

Девушка. Что ты, сестричка?

Мамаша. У меня столько седых волос, я вся поседела?

Девушка. Нет, нет... (*Обнимает ее, начинают плакать вместе.*)

Грубиян (*сидит на земле. Кидает на землю бумажную купюру, достает из кармана три карты и тоже кидает их на землю*). С кем сыграть? По пятерке на кон! Я только раз играю.

Старик щупает свой карман.

Грубиян. Нечего проверять, я это заработал. Подрабатывал. Если повезет – все заберешь, а я тут больше зря торчать не буду.

Старик и Директор Ма подходят к нему.

Грубиян. Кто из вас ставит? В левой руке – три юаня, в правой – четыре. Пять юаней – весь мой банк, здесь и на дорогу в город и обратно, и на кефир.

Директор Ма. Такой молодой, а хорошему не научился.

Грубиян. Ладно, сыну своему будешь нотации читать. Папаша, не хотите судьбу испытать? Ставишь на обе – это пять юаней. Угадаешь – твое счастье, проиграешь – значит, не повезло. Вы, папаша, старый человек, а трясетесь над несколькими юанями? Если здесь поблизости есть где выпить, я угощаю.

Подходит Мастер.

Грубиян. Небесные ворота, земные ворота, голубой дракон, белый тигр¹³, на что вы ставите?

Мастер дает ему пощечину.

¹³ Тяньмэнь, димань, цинлун и байху – в данном случае термины, обозначающие сочетания карт в игре. – *Примеч. пер.*

Г р у б и я н . Что, в город нельзя не ехать? Нельзя не пить кефира?
(Плачет.) Пусть городские по улицам разгуливают!

С т а р и к . Поднимай! Парень, тебе говорят, подними это.

Грубиян вытирает слезы грязной рукой, сморкается, поднимает деньги и карты, всхлипывает, опустив голову. Тишина. Вдали возникает шум автобуса, переплетающийся с то появляющейся, то исчезающей мелодией Молчаливого человека, мелодия звучит быстрее и превращается в веселый мотив.

Человек в очках. Автобус не придет. (С решимостью.)
Пойдемте, как тот человек. За то время, которое мы тут, как дураки, прождали, можно было не только до города дойти, но и сделать что-нибудь важное. Мы ничего здесь не дождемся!

С т а р и к . Это верно. Не плачь, девушка. Если б ты пошла с тем человеком, ты сейчас не только бы замужем была, у тебя бы ребенок уже ходить научился! А я жду, жду, уже горб вырос. (С трудом.)
Пошли... (Оступается.)

Человек в очках поспешно поддерживает его.

С т а р и к . Боюсь, вот только не дойду... Сестрица, вы тоже идете?
Д е в у ш к а . Сестричка, идти мне сейчас в город?

М а м а ш а (прибирает ей волосы). Как обидно! Такая хорошая девушка – и никому не нужна? Я тебя познакомлю с одним! (Поднимает сумку.) Правда, не нужно было брать такую тяжелую сумку.

Д е в у ш к а . Я понесу.

Д и р е к т о р М а . Ну, ты и отоварились!

С т а р и к . Так ты идешь или нет?

Д и р е к т о р М а (задумчиво). Жить, пожалуй, лучше всего в маленьком провинциальном городке. Там так спокойно! А в большом городе, не говоря уж ни о чем другом, дорогу станешь переходить – там, папаша, эти красные огни, зеленые огни, глазом не моргнешь, как окажешься под машиной.

М а с т е р . Я пошел!

Г р у б и я н (вновь в бодром настроении). Может, тебя отнести?
А ты что разорался!

Д и р е к т о р М а . У меня давление высокое, склероз. Зачем мне на свою голову приключений искать? (Уходит, вновь оборачивается.) Я забыл принять мое лекарство: настоящий на водке успокаивающе-укрепляющий порошок из дерезы, формалина и пантов.

Все смотрят на Директора Ма. Он уходит.

С т а р и к . Он назад пошел?

Ма м а ш а (*бормочет*). Он назад пошел.
 Д е в у ш к а (*слабо*). Не уходи!
 Г р у б и я н . У него своя дорога, у нас – своя.
 М а с т е р (*Человеку в очках*). Ты что, не идешь?
 Ч е л о в е к в о ч к а х . Последний разок еще взгляну, не идет ли автобус? (*Протирает очки, снова надевает их.*)

Все расходятся в разные стороны, колеблются, идти или не идти, некоторые сталкиваются друг с другом.

С т а р и к . Не стой на дороге!
 Г р у б и я н . Идите, куда шли!
 М а м а ш а . Ну и кавардак!
 Ч е л о в е к в о ч к а х . Эх, жизнь, жизнь...
 Д е в у ш к а . Что это за жизнь!
 Ч е л о в е к в о ч к а х . А что же, если не жизнь, люди-то еще живы!

Д е в у ш к а . Хуже смерти.
 Ч е л о в е к в о ч к а х . Что же ты не умираешь?
 Д е в у ш к а . Пожить, ничего не сделать, да и умереть – какая бессмыслица!
 Ч е л о в е к в о ч к а х . У жизни должен быть смысл.
 Д е в у ш к а . А так жить и не умереть тоже страшно скучно.

Шагают на месте, делают круги, как замороженные.

М а с т е р . Идем!
 Д е в у ш к а . Нет...
 Ч е л о в е к в о ч к а х . Не идешь?
 Г р у б и я н . Идем же!
 М а м а ш а . Сейчас иду.
 С т а р и к . Идем...

Тишина. Шум моросящего дождя.

С т а р и к . Дождь пошел?
 Г р у б и я н . Папаша, если здесь еще проволынить, и град может пойти.

М а с т е р (*смотрит на небо*). В секунду может пойти, вот погода.
 М а м а ш а . Правда, пошел.

Дождь моросит сильнее.

М а м а ш а . Что делать?

Старик (*бормочет*). Найти бы, где спрятаться от дождя...

Девушка (*тянет Мамашу за руку*). Пошли, промокнем, так промокнем!

Грубиян (*раздевается по пояс*). Если не пойдем, только зря промокнем! Эй, царь небесный, ты еще ножи на нас покидай!

Человек в очках (*Девушке*). Нельзя, если промокнешь, можно простудиться.

Мастер. Ничего, это ливень, вот эти тучи пройдут – и кончится. (*Достает из сумки с инструментами кусок непромокаемой ткани и поднимает ее над головами Старика и Мамашы.*)

Мамаша. Этот мастер такой – обо всем подумал, такой предусмотрительный.

Мастер. Я уже давно в разъездах, часто попадал под ветер и дождь, привык. (*Всем.*) Эй, идите все сюда от дождя.

Дождь льет как из ведра. Человек в очках молча помогает Девушке встать под ткань и встает туда сам.

Мастер (*Грубияну*). Ты опять дурака валяешь?

Грубиян тоже пролезает под ткань. Свет гаснет.

Старик. Когда ты молодой, тебе и осенний ветер, и холодный дождь – все нипочем, а как состаришься, заработаешь ревматизм, вот тогда понимаешь, почему фунт лиха.

Человек в очках. Ты так легко одета, надень мою куртку.

Девушка. А ты?

Человек в очках. Я – ничего. (*От холода стучит зубами.*)

Грубиян (*показывает на часы Человека в очках*). Эта штука еще идет? Уже, наверно, сто лет прошло?

Девушка. Не смотрите на часы! Не смотрите на часы!

Мамаша. Я ни месяца, ни года теперь не знаю...

Девушка. А когда не знаешь, даже лучше.

Шум ветра и дождя. Нижеследующий разговор происходит под смешанные звуки ветра и дождя.

Грубиян. Послушайте, в ручьях столько воды...

Девушка. Вот так вот сидишь...

Человек в очках. Вот так... и хорошо...

Грубиян. Так скоро можно будет рыбу руками ловить.

Девушка. Все идет! Идет! Ветер такой холодный...

Человек в очках. Дождь моросит, кругом поля, вон там, напротив, маленький холмик.

Г р у б и я н . Папаша, я...

Д е в у ш к а . А на сердце так тепло...

Ч е л о в е к в о ч к а х . Как дальше жить, все дороги как в тумане.

Г р у б и я н . Давай сыграем!

Д е в у ш к а . Опереться бы на его плечо, вот так посидеть вместе.

Ч е л о в е к в о ч к а х . Она такая нежная... такая добрая... такая хорошая...

С т а р и к . Молодой человек, ведь уже не мальчик, да все болтаешься без дела, как же ты будешь жить самостоятельно?

Д е в у ш к а . У тебя все очки запотели...

Ч е л о в е к в о ч к а х . Такая красивая... как же это я только что заметил... А, не протирай, пусть так, как в тумане...

Далее разговор ведется в основном одновременно в трех группах, при чем реплики накладываются одна на другую. Диалоги и монологи, произносимые одновременно в трех группах, становятся то громче, то тише, что приводит к неожиданному выделению то одной, то другой группы.

С т а р и к (*громко*). Нужно серьезно учиться ремеслу, а то ты ни одной девушке не нужен будешь.

Ч е л о в е к в о ч к а х (*тише*). Я уже не могу поступать из-за возраста и не знаю, что мне делать дальше, молодость уже прошла...

Д е в у ш к а (*касается его плеча*). А ты не можешь поступить на вечерний? А ведь есть еще заочный, обязательно поступишь.

М а м а ш а (*тихо*). Шла я как-то ночью, дождь вот тоже шел, лил без остановки. Чувствую, за мной кто-то идет, оборачиваюсь украдкой, а дождь сильный, ничего не видно, чувствую только, что идет кто-то с зонтом в руках, не близко, но и не далеко.

Г р у б и я н (*громко*). Все это без толку, никто не захочет меня учить.

С т а р и к (*громко, бросает на него взгляд*). Перед тобой же мастер!

Г р у б и я н (*громко, набравшись храбрости*). Мастер, вы еще берете учеников?

М а с т е р (*тише*). Смотря каких.

Г р у б и я н (*тише*). А вы каких берете?

Ч е л о в е к в о ч к а х (*громко*). Ты веришь?

Д е в у ш к а (*громко*). Я верю. (*Разрешает ему легонько прикоснуться к своей руке.*) Ах, как нехорошо, не надо так. (*Поспешно уби-*

рает свою руку, поворачивается и берет Мамашу за руку. Человек в очках слушает ее, обхватив колени руками.)

М а м а ш а . Я быстрее – и он быстрее, я медленнее – и он медленнее. Я так испугалась, сердце стучит: тук, тук, тук – того и гляди выскочит!

М а с т е р (*тише*). Учиться ремеслу – это не то, что учиться наукам. Нужно только, чтоб руки и ноги были на месте, да работу любить.

Д е в у ш к а (*тише*). А что дальше было?

М а м а ш а (*тише*). Еле до дома дошла.

Г р у б и я н (*громко*). И как, по-вашему, мастер, у меня с руками и ногами?

М а с т е р (*громко*). Уж больно ты шустрый.

Далее все говорят наперебой.

М а м а ш а . Я остановилась под дождем, и он подошел. Я смотрю – а это тоже женщина, тоже боится. Тоже боялась идти одна, встретить плохого человека.

М а с т е р . На свете много плохих людей, приходится быть начеку. Если ты даже сам не желаешь людям зла, они тебе все равно могут насолить.

С т а р и к . В том-то и беда, что многие хотят насолить другим. Ты его толкнул, он тебе на ногу наступил. Если бы люди заботились друг о друге, жить было бы куда легче.

М а м а ш а . Если б все были поближе друг к другу, жили бы душа в душу, как было бы хорошо!

Тишина. Дует холодный ветер.

М а с т е р . Проходи в середину.

С т а р и к . Немного плотнее.

Ч е л о в е к в о ч к а х . Встанем спиной к спине.

М а м а ш а . Вот так тепло.

Д е в у ш к а . Я боюсь щекотки.

Г р у б и я н . Никто тебя не щекочет.

Все становятся еще плотнее. Среди громкого шума холодного дождя доносится крик Директора Ма: «Подождите... не уходите!»

М а с т е р . Чего это там кричат? Пойдем посмотрим.

Г р у б и я н (*высовывает голову из-под ткани*). Да это Директор Ма из кооператива!

Вбегает дрожащий Директор Ма и быстро протискивается под ткань.

Мамаша. Если ходить в мокром, можно заболеть. Снимайте скорей!

Директор Ма. Я отошел совсем немного, а тут как... как... А-пчхи! *(Непрерывно чихает.)*

Старик. Вы один все-таки пошли назад, если б были со всеми вместе, то не были бы сейчас похожи на мокрую курицу.

Директор Ма. Э, да вы, уважаемый, все еще изволите здравствовать?

Старик. Не могу же я свалиться прямо на улице! А вы все торопитесь отужинать по благу?

Директор Ма. А вы все ждете ваших шахмат, хотя все давно ушли.

Старик. Мне что, уже нельзя пойти встретиться с друзьями-шахматистами?

Мамаша. Не препирайтесь.

Директор Ма. Это он тут своим поганым языком болтает.

Старик. На себя-то посмотрите, больно хорош.

Мамаша. Все же под одним куском ткани стоим.

Директор Ма. Он первый начал... Кхе... *(Хочет чихнуть, но не чихает.)*

Мамаша. Подождите, солнце выйдет, и вам полегчает.

Директор Ма. Ох уж этот дождь!

Старик. Какой же это дождь? Это снег!

Все с разных сторон высовывают из-под ткани руки и ноги, чтобы проверить.

Девушка. Дождь это.

Человек в очках *(высовывает ногу и пробует землю)*. Снег идет.

Грубиян *(выбегает и начинает прыгать и скакать)*. Эх, и впрямь, черт возьми, град пошел.

Мастер. Ты что, парень, опять взбеленился? Держи ткань!

Грубиян послушно возвращается и берется за ткань. Звучат порывы ветра с дождем и другие звуки, похожие на шум мотора автобуса и визг тормозов. Вновь начинает приглушенно, но на этот раз бодро, звучать мелодия Молчаливого человека.

Мамаша. Все-таки я не могу идти. *(Упаковывает свою сумку.)* И не знаю, сколько лет, сколько месяцев нужно еще ждать... Этому дождю со снегом не видно конца...

Человек в очках (*опустив голову, читает наизусть английские карточки*). It is rain. That is snow¹⁴.

Старик (*чертит на земле шахматное поле*). Пушка 7 на 8, конь 9 на 5¹⁵.

Девушка в задумчивости отпускает ткань и идет в сторону, она выходит из своей роли, с каждым шагом в ней все яснее видна перемена. Когда она подходит к местам зрителей, она уже оторвалась от персонажа пьесы. Свет на сцене постепенно гаснет.

Девушка. Все равно, дождь или снег, три года или пять лет... И сколько всего-то в жизни десятилетий? Вот так и вся жизнь проходит мимо.

Человек в очках (*тихо, одновременно с последней фразой Девушки*). It rains, it rained¹⁶.

Старик (*еще тише, одновременно с Человеком в очках и Девушкой*). Конь 9 вперед на 8, пушка 4 назад на 3.

Девушка. Вот так вся жизнь проходит мимо, уходит навсегда.

Человек в очках (*одновременно с Девушкой*). It is raining, it will rain?¹⁷

Старик (*одновременно с Человеком в очках и Девушкой*). Пешка 6 – прямо на 5, ладья 5 – вперед на 1.

Девушка. А ты все так же жалуешься, все так же страдаешь?

Человек в очках (*одновременно с Девушкой*). It snows, it snowed¹⁸.

Старик (*одновременно с Человеком в очках и Девушкой*). Офицер 5 – назад на 6, пушка 4 – прямо на 7.

Девушка. Так и дальше будешь бесконечно страдать и бесконечно ждать?

Человек в очках (*одновременно с Девушкой*). It is snowing and it will snow¹⁹.

Старик (*одновременно с Человеком в очках и Девушкой*). Ладья 3 – вперед на 5, офицер 5 – назад на 6!

Девушка. Пожилые уже состарились, новые младенцы скоро появятся на свет.

¹⁴ Это – дождь. То – снег.

¹⁵ Фигуры и ходы в китайских шахматах.

¹⁶ Идет дождь, шел дождь (англ.).

¹⁷ Идет дождь, пойдет дождь? (англ.).

¹⁸ Идет снег, шел снег (англ.).

¹⁹ Идет снег, и будет идти снег (англ.).

Человек в очках (*одновременно с Девушкой*). Rain is rain, snow is snow²⁰.

Старик (*одновременно с Человеком в очках и Девушкой*). Ладья 3 – вперед на 2, пушка 4 – назад на 1.

Девушка. Сегодня прошло – будет еще одно сегодня, будущее – всегда будущее.

Человек в очках (*одновременно с Девушкой*). Rain is not snow, snow is not rain.

Старик (*одновременно с Человеком в очках и Девушкой*). Слон 5 – назад на 3, пушка 4 – прямо на 7.

Девушка. А ты все так же всю жизнь будешь ждать и жаловаться?

Человек в очках (*одновременно с Девушкой*). Rain isn't snow and snow isn't rain!²¹

Старик (*одновременно с Человеком в очках и Девушкой*). Слон 7 – назад на 5, ладья 3 – вперед на 7. Шах!

На сцене становится светло. Девушка уже вернулась на сцену и вошла в свою роль. Ветер и дождь также уже прекратились.

М а с т е р (*смотрит на небо*). Я же говорил, что этот дождь ненадолго, вот и солнце показалось! (*Грубияну*.) Сложи ткань.

Г р у б и я н. Ща! (*Быстро складывает ткань*.)

М а м а ш а. Пошли?

Д е в у ш к а (*смотрит на Человека в очках*). Мы пойдем?

С т а р и к. Куда это вы идете?

Г р у б и я н. В город, что ли, идем, Мастер?

М а с т е р. Иди за мной, и дело с концом.

С т а р и к. Все в город? А я дойду, в мои-то годы?

Ч е л о в е к в о ч к а х. А чтобы вернуться, разве не надо точно так же идти?

С т а р и к. Это ты верно говоришь.

М а м а ш а. Вот сумка у меня такая тяжелая!

Ч е л о в е к в о ч к а х. Давайте, тетушка, я понесу! (*Берет сумку*.)

М а м а ш а. Спасибо большое. Вы, отец, осторожней идите, не наступите в лужу.

Д е в у ш к а. Осторожней (*поддерживает Старика*).

С т а р и к. Вы идите вперед, не нужно, чтобы я, старый, был для вас обузой. Вы уж не затруднитесь – где я упаду, там для меня яму

²⁰ Дождь – это дождь, снег – это снег (англ.).

²¹ Дождь – это не снег, а снег – это не дождь (англ.).

и выroyте. Да табличку не забудьте написать, вот так и напишите, что, мол, был такой неисправимый заядлый шахматист, ничего не умел больше делать, только и играл всю жизнь в шахматы, только и думал, как бы пойти в город во Дворец культуры себя показать. Ждал, ждал, пока из него песок не стал сыпаться, да так и свалился по дороге в город.

Девушка. Что вы такое говорите!

Старик. Хорошая девушка! *(Смотрит на Человека в очках, который чувствует себя немного стесненно, поправляет очки)*. Директор Ма, вы идете или нет?

Директор Ма. Иду! Я должен пойти в город подать жалобу на их автобусную компанию! Я найду их директора и спрошу, для чего они, в конце концов, на автобусах ездят, для собственного удовольствия или чтобы пассажиров обслуживать?! Они мне ответят за то, что так мучают пассажиров! Я на них в суд подам! Заставлю их возместить ущерб за то, что мы потеряли здесь здоровье и время!

Девушка. Вы что, смеетесь, на это не жалуются!

Директор Ма *(Человеку в очках)*. Посмотри на табличку, какая это остановка? Который час на твоих часах? Все запоминайте, потом предъявите счет автобусной компании.

Человек в очках *(смотрит на табличку)*. Что такое? Нет названия остановки?

Старик. Странное дело.

Директор Ма. Если нет названия, зачем же вешать табличку? Посмотрите-ка еще получше.

Девушка. И правда, нет.

Грубиян. Мастер, мы зря ждали, попались на удочку автобусной компании.

Старик. Посмотрите еще! Если есть табличка, как же может не быть названия?

Грубиян *(подбегает к другой стороне таблички, Человеку в очках)*. Иди посмотри, похоже, здесь была бумажка приклеена, какой-то отпечаток остался.

Человек в очках *(внимательно рассматривает)*. Наверное, объявление было.

Директор Ма. Куда же оно делось? Поищите!

Девушка *(ищет глазами на земле)*. Дул ветер, шел дождь, давно уж и следа не осталось.

Грубиян *(встает с паркета, смотрит на табличку)*. След от клея какой-то серый, уж сто лет прошло.

Мамаша. Что же, отменили остановку? А в прошлую субботу я ездила еще...

Девушка. Какую прошлую субботу?

Мамаша. Так это была поза... поза... поза... поза... позапрошлая...

Человек в очках. Вы говорите о субботе какого числа, какого месяца, какого года? (*Смотрит на часы, почти касаясь их очками.*)

Грубиян. Не смотри, там пусто. Давно надо было батарейки сменить!

Мастер. Неудивительно, что автобусы не останавливались.

Старик. Значит, мы зря ждали на этой остановке?

Человек в очках. Конечно, зря.

Старик (*сокрушенно*). Зачем же табличку повесили, что это еще за розыгрыш?

Девушка. Пойдемте! Пойдемте!

Директор Ма. Так нельзя, нужно подать на них жалобу!

Человек в очках. Кому вы будете жаловаться?

Директор Ма. Автобусной компании! Разве можно так людям голову морочить? Пусть даже потом меня снимут с директоров!

Человек в очках. Вы лучше на себя пожалуйте. Кто виноват в том, что мы не смотрим внимательно? Кто заставлял нас столько ждать? Пошли, мы тут уже ничего не дождемся.

Мастер. Идемте!

Все (*бормочут*). Идем, идем, идем, идем, идем...

Старик. А мы дойдем?

Мамаша. А не может вдруг такое быть, что по дороге в город наводнение, мост смыло и теперь пройти нельзя?

Человек в очках (*горячо*). Как это нельзя пройти? Автобусов-то сколько проехало!

Вдалеке слышен шум автобуса. Все молча смотрят в его сторону. Теперь шум автобусов доносится со всех сторон. Все стоят в недоумении и замешательстве. Грохот машин и рев моторов приближается. Мелодия Молчаливого человека, похожая на космические звуки, разносится среди грохота многочисленных автобусов. Все пристально смотрят вперед, некоторые идут к зрителям, некоторые остаются на месте, все выходят из своих ролей. Освещение также меняется по мере происходящего, свет неодинаковой яркости направлен лишь на актеров, основное освещение сцены гаснет. Нижеследующие реплики семеро актеров произносят одновременно, причем слова актеров А, Е, Ж произносятся поочередно, друг за другом.

Актриса А, исполняющая роль Девушки. Почему они еще не идут?

Актер Б, исполняющий роль Директора Ма. Иногда людям и вправду приходится ждать. Вы когда-нибудь стояли в очереди за рыбой-саблей?

Актер В, исполняющий роль Мастера. Ждать – это ничего. Люди ждут потому, что у них все же еще есть надежда.

Актриса Г, исполняющая роль Мамаши. Мать говорит своему сыну: иди мое сокровище, иди же!

Актер Д, исполняющий роль Старика. Все говорят, что в комедии труднее играть, чем в трагедии.

Актер Е, исполняющий роль Грубияна. Не понимаю.

Актер Ж, исполняющий роль Человека в очках. И впрямь не понимаю.

А. Разве они уже не сказали всё, что должны были сказать? Тогда почему же они не идут?

Б. А, вы же сами не говорите. Вечно стоите в очереди, ждете автобуса.

В. Когда уже и надежды не остается – вот это ужасно.

Г. Ребенок никогда не научится ходить.

Д. В трагедии, если зрители не плачут, когда ты играешь, ты сам можешь плакать.

Е. Похоже, что...

Ж. Может быть...

А. А время-то зря прошло!

Б. Стоять в очереди – это и значит ждать.

В. Если сказать словами Молчаливого человека, это называется потерять надежду.

Г. Нужно дать ему самому поползать.

Д. Но когда играешь в комедии, все не так. Если зрители не смеются, ты никак не можешь все время веселиться на сцене.

Е. Они ждут.

Ж. Они ждут.

А. Они не идут?

Б. Если вы прождали полдня в очереди, и оказалось, что дают не рыбу-саблю, а стиральные доски, такие тонкие стиральные доски, что в городе делают, на которых одежда не портится. Но у вас-то есть стиральная машина! Значит, вы полдня зря в очереди простояли! Разве тут можно не разозлиться, да делать нечего!

В. Потерять надежду – все равно что выпить дихлофос, зачем же людям так мучиться? Если и не умрешь, так отнесут в больницу и клизму поставят, приятного еще меньше.

Г. Конечно, иногда поддержишь его. Потом он пойдет, держась за стену, от одного угла до другого, потом до двери, пусть он упадет, нужно снова его поддержать, вот и все.

Д. Ты же не можешь щекотать зрителей без их согласия!

Е. Конечно, не остановка!

Ж. Время – не остановка, не конечная остановка.

А. Впрямь, захотели пойти и пошли? Так скажите им, чтобы они быстрее шли.

Б. Поэтому, когда стоишь в очереди, не нужно спешить, а если вы спешите, то сначала нужно выяснить, за чем вы стоите. А если вы стояли-стояли, да вот так зря прождали полжизни, а может и всю жизнь, разве вы не сыграли с собой злую шутку?

В. Да, а ночью вы ходили куда-нибудь? Среди полей вас застала непогода, кругом темным-темно, чем дальше идешь, тем больше дорог расходится в разные стороны. Вот вам и приходится ждать до рассвета. А если вы и среди бела дня все не идете, разве это не глупость?

Г. Если ребенок не шлепнется, он не научится ходить. Мать должна быть терпеливой, иначе, она не достойна быть матерью. Поэтому матерью быть очень трудно, но ведь и просто человеком-то быть разве легко?

Д. Поэтому играть в комедии труднее, чем в трагедии. Совершенно ясно, что в комедии нужно прикидываться странным и печальным человеком, дурачиться так, чтобы показать зрителю по порядку все смешное в жизни. Поэтому комедийным актерам приходится труднее, чем трагедийным!

Е. Они хотят идти... Так нужно идти... Кончили говорить, мы их ждем. А, пошли!

Ж. На самом деле они вовсе не хотят идти... Так пойдём... Все уж сказали, что могут. Мы их ждем... Пошли!

Шум несущихся автобусов доносится со всех сторон, все ближе и ближе, к нему примешивается шум разных машин и автомобильные гудки. Освещается центр сцены. Актеры возвращаются в свои роли. Мелодия Молчаливого человека переходит в громкий, но шуточный марш.

Человек в очках (*нежно смотрит на Девушку*). Пойдем?

Девушка (*кивает*). Ага.

Мамаша. Ой, а моя сумка?

Грубиян (*весело*). У меня на плече.

Мамаша (*Старику*). Осторожнее, смотрите под ноги. (*Поддерживает Старика под руку.*)

Старик. Большое спасибо.

Все заботливо помогают друг другу и готовы вместе двинуться в путь.

Директор Ма. Эй, эй... подождите, подождите, я шнурки завяжу!

КОНЕЦ ПЬЕСЫ

Первый вариант рукописи – июль 1981 г. Бэйдайхэ–Пекин.

Второй вариант рукописи – ноябрь 1982 г. Пекин.

Несколько предложений по постановке пьесы

1. В данной пьесе в экспериментальном порядке применяется полифонический эффект. Иногда два-три персонажа (самое большое семь) говорят одновременно. В настоящее время в связи с ограниченными возможностями обычного способа публикаций не представляется возможным использовать симфоническую музыку в полной записи, ее использование создало бы также определенные трудности для читателей. Во время же постановки использование симфонической музыки способствует обогащению выразительных средств театра.

2. Как и при исполнении симфонической музыки, не следует, чтобы на сцене каждый говорил с одинаковой степенью громкости. Всегда должна звучать «главная тема», аккомпанемент обогащает ее колорит, но не заглушает тему. Режиссер, в соответствии со своим пониманием, имеет полную возможность давать различные ее трактовки.

3. Так как драма, как и музыка, является видом искусства, ограниченным во времени, в ней могут использоваться различные музыкальные формы. В данной пьесе частично используются две музыкальные формы: соната и рондо, которые заменяют обычно используемую в театре сюжетную структуру Ибсена. В этой части работа режиссера должна быть сходна с работой дирижера оркестра, основное внимание следует сконцентрировать на том, чтобы поднять дух всей пьесы.

4. Звук, включая, естественно, и музыку, не должен быть непосредственно поясняющим. В данной пьесе звуковые эффекты соединяются со сценическими ситуациями, часто используется эффект контрапункта. Благодаря использованию гармоничных сочетаний

и негармонических контрастов, музыка играет самостоятельную роль, что позволяет с ее помощью вести диалог как с действующими лицами, так и со зрителями. Поэтому если существуют условия для написания музыки, то лучше всего, если музыка Молчаливого человека будет единой темой, звучащей с различными вариациями.

5. Театр и поэзия были издавна неразрывно связаны между собой. В данной пьесе делается попытка еще более эффективно соединить современную драму с современной поэзией. Хотелось бы, чтобы актеры во время представления приложили усилия к тому, чтобы живо выразить эту поэтичность пьесы.

6. При постановке данной пьесы не нужно стремиться отобразить действительность во всех ее деталях, гораздо больше внимания следует уделять художественной абстракции, которую еще можно назвать сущностным сходством. В этой области можно использовать опыт традиционной китайской драмы, например яркой и выразительной игры Мэй Ланьфана в драме «Опьяневшая Ян Гуйфэй» и Чжоу Синьфана в драме «Как Сюй Цэ бежал через город»²². В то же время нужно максимально точно изображать характеры современных живых людей, не следует прибегать к гиперболизации.

7. В данной пьесе делается попытка соединить сценическое движение и статику. Двигаясь, следует обращать внимание на четкость движений; когда же двигаться нет необходимости, актер может принять почти полностью статичную позу, а главным выразительным средством станет речь.

8. Язык персонажей иногда четок и ясен, но иногда содержание слов не вполне понятно либо они бессмысленны и произносятся лишь для того, чтобы что-то сказать. Это похоже на долгое ожидание автобуса, когда забываешь, зачем ты его ждешь. В этом и заключается комичность персонажей. При трактовке реплик второго плана не следует стремиться к четкости и ясности.

9. Данная пьеса подходит для постановки на малой сцене, в актовых залах и на открытых площадках. При постановке на обычной сцене лучше всего удлинить место сценического действия и не использовать внутреннюю часть сцены.

Изложенные выше предложения носят лишь рекомендательный характер.

---

²² Знаменитые актеры и известные спектакли традиционной китайской драмы.

Гао Синцзянь

Снежный человек

(Полифоническая драматическая поэма
из современной истории)

Перевод с китайского А.В. Лукина опубликован в журн.: Российское китаеведение. 2023. № 2 (3). С. 176–226

Об авторе и пьесе

Пьеса «Снежный человек» была написана в 1984 г., а весной 1985 г. поставлена труппой Пекинского народного художественного театра при участии автора и шла в пекинском театре «Столица» с большим успехом. Новая пьеса Гао Синцзяня была высоко оценена критикой, положительные рецензии на нее поместили центральные газеты.

Ко времени выхода «Снежного человека» ее автор Гао Синцзянь принадлежал к молодому поколению китайских драматургов. Он получил известность в начале 80-х годов XX в. после постановки в Пекине пьесы «Автобусная остановка», которая вызвала бурные споры среди критиков. Некоторые из них писали, что Гао Синцзянь находится под сильным влиянием современного западного театра, другие высказывали мнение, что его творчество основано на традиционном китайском театре и народных представлениях.

Пьеса посвящена проблеме защиты природы, в частности лесов. Этот вопрос крайне остро стоит в Китае, так как в результате хищнической вырубki, которая методично велась в течение многих столетий, в обширной стране практически не осталось естественных лесов, за исключением нескольких небольших районов. Действие пьесы в основном происходит в одном из таких немногочисленных районов южной провинции Юньнань. Персонажи из числа местных жителей в постановке пекинской труппы говорили с местным акцентом и употребляли большое количество диалектизмов, что затрудняло понимание даже для китайского зрителя. Вопрос

о снежном человеке (по-китайски буквально «дикий человек», «ежэнь»), который якобы живет в провинции Юньнань, в то время активно обсуждался в китайской печати. Говорят о нем и сегодня, в основном для привлечения туристов в глухие, но крайне живописные места Юньнани.

Как и в большинстве пьес Гао Синцзяня, тексту «Снежного человека» предпосланы подробные авторские рекомендации по ее постановке. Следует иметь в виду, что эти инструкции были обращены прежде всего к китайским режиссерам, которые в то время были плохо знакомы с зарубежной театральной теорией, поэтому некоторые моменты в них, тем более сегодня, могут показаться вторичными и даже банальными. В то же время рекомендации по постановке «Снежного человека» интересны с точки зрения попытки Гао Синцзяня создать в Китае «полифонический театр» (элементы которого он уже использовал в «Автобусной остановке»), а также его стремления внести в «полифоническое» представление фольклорные элементы.

Впервые пьеса была опубликована во 2-м номере пекинского литературно-художественного журнала «Ши юе» («Октябрь») за 1985 г. Перевод осуществлен по следующему изданию текста: «高行健戏剧集» (Собрание пьес Гао Синцзяня), 北京, 群众出版社, 1985, 第 200–275 页.

А.В.Лукин

Глава 1

Работа в поле, гонги и барабаны, великий потоп и демон засухи.

Глава 2

«Повесть о тьме» и снежный человек.

Глава 3

«Песня десяти сестер» и завтрашний день.

Время

Начиная с 7–8 тысячелетия назад и до сегодняшнего дня.

Место

Верхнее и нижнее течение реки, город и горная деревня

Действующие лица (в порядке выхода на сцену)

Эколог

Дедушка Цзэн – старый певец, старик певец

Его помощник
Фан – молодая девушка с односложным именем
Начальник лесничества
Горничная
Ван – корреспондент
Специалист по гидрологии
Специалистка по гидрологии
Два работника штаба по борьбе с наводнением
Сунь – учитель начальной школы
Сваха
Ли Старший
Молодой человек – сын Ли Старшего
Мать молодого человека
Бригадир Лян
Закупщик
Торговец лесом
Крестьянин, покупающий лес
Вновь приехавший для закупки леса
Лесник
Тощий оборванец средних лет
Чэнь – ответственный работник
Хромоногий Лю
Мать Си Мао
Си Мао – маленький мальчик
Мать Яо Мэй
Яо Мэй – молодая девушка
Простофиля
Тетушка Сунь Четвертая
Старуха
Специалист по снежному человеку
Профессор
Специалист по отрицанию снежного человека
Первообытный человек (один или несколько)
Женщина-диктор
Английский исследователь
Французский геолог
Доктор наук из США
Американский профессор
Начальник экспедиции по поискам снежного человека
Снежный человек

Роли, перечисленные выше, могут быть распределены так, чтобы один актер играл несколько из них. Например, тот, кто играет Бригадира Ляна, может одновременно играть Лесника и Американского профессора; исполнитель роли хромоногого Лю может также играть и тощего оборванца; за-

нятая в роли горничной может играть и тетушку Сунь Четвертую; играющий Специалиста по снежному человеку – начальника экспедиции по поискам снежного человека; играющий Специалиста по отрицанию снежного человека – Доктора наук и далее по этому же принципу.

Нижеследующие массовые роли могут также поочередно играть актёрами, занятыми в основных ролях. В пьесе также участвуют:

Актёры и актрисы

Жители города

Мастера

Скупщики леса

Беженцы из леса Хунцян

Группа ритуальных танцоров, изгоняющих духа засухи

Лесозаготовители

Процессия друзей жениха, встречающих невесту у ее дома

Женский хор, поющий «Песню десяти девушек»

Члены экспедиции по поискам снежного человека

ГЛАВА I

РАБОТА В ПОЛЕ, ГОНГИ И БАРАБАНЫ, ВЕЛИКИЙ ПОТОП И ДЕМОН ЗАСУХИ

Перед началом спектакля актер, играющий Эколога, может сделать приблизительно такое разъяснение: «Эту пьесу мы играем во всем театре, а не только на сцене, некоторые актёры, возможно, сидят на местах рядом с вами или за вашими спинами. Но их не может быть под вашими местами, этого вы можете не опасаться. Мы просим вас, когда они будут подниматься на сцену или сходить с нее, не мешать им». Можно также сказать следующее: «Эта наша пьеса делится на три главы, а не на три действия потому, что от начала до конца ни разу не опускается занавес. В некоторых местах представление напоминает симфоническую музыку, однако оно все же не является музыкой, поэтому мы не делим ее на части, а просто на три главы. Каждая глава состоит из нескольких сцен, однако сцены иногда пересекаются и наслаиваются друг на друга, как тесто уже слепленного пельменя, которое невозможно разделить. „Работа в поле, гонги и барабаны“ из первой главы – это название старой трудовой песни, исполнявшейся при работе на поле в южных горных районах. Чем звонче ее поют крестьяне, тем с большим напряжением трудятся. Однако если так же громко петь в театре, то создастся невообразимый шум. Поэтому мы сказали актерам, чтобы они пели только вдвоем, чтобы был ясен только общий смысл».

Входят Старик певец и его Помощник. В театре внезапно гаснет свет. На сцене в освещенном пространстве остаются только Старик певец с Помощником. Старик певец ударяет в барабан, Помощник бьет в гонг. Раздаются громкие звуки гонга и барабана.

Старик певец (*поет*).

Пойдем на поле и споем песню,
Хорошо ли, плохо ли, пусть никто не сетует на нас.
Сначала споем, как солнце встает на востоке,
Потом – о девушке, одетой в разноцветную одежду.
Что придет в голову, то и споем.

Помощник (*поет*). Хэй, то и споем.

«И – О – й» – раздается на сцене и в зале, в освещенном месте по одному или парами появляются крестьяне и крестьянки, и все вместе зазывно кричат, в руках у всех мотыги, а на головах – плетеные соломенные шляпы.

Появляется Эколог с рюкзаком за спиной, он идет, осматриваясь по сторонам.

Старик певец (*поет*).

По той дороге пришел человек,
Не похож на начальника и не похож на крестьянина,
Неужели пришел еще один
Не искать девушку, а лишь искать снежного человека.

Помощник (*поет*).

Ай-люли-люли-люли.
Лишь искать снежного человека.

Крестьяне и крестьянки (*весело отвечают*). И – й!

Старик певец и его Помощник продолжают колотить в ударные инструменты, луч света постепенно слабеет. Эколог снимает рюкзак, ставит его на землю и приобретает вид актера.

Актер, играющий Эколога. На таких больших пространствах, на равнине и в горах – повсюду города и города.

Начинает звучать музыка, шум машин и звуки гудков создают звуковой фон, характерный для улиц города. Входят актеры и актрисы.

1-й актер и 1-я актриса. Большие и малые города соединяются друг с другом.

Актер, играющий Эколога. Есть города, но есть и поля.

1-й актер и 1-я актриса. Поля и деревни.

В глубине сцены, в луче прожектора Старик певец и его Помощник по-прежнему бьют в барабан и гонг, поют песню, однако она слышится вдалеке, заглушаемая городскими звуками.

Следующие ниже I и II действия происходят одновременно.

Действие I

Старик певец (*поет*).

Чистый источник,
Девушка идет через поле,
Сорвала лист салата,
Зачерпнула воды напиться.

Действие II

Актер, играющий Эколога. Это непрерывное зрелище, смотришь из окна поезда – сплошная нить, смотришь вниз из окна самолета – сплошная сеть. Эта сеть – поля.

1-й актер и 1-я актриса. Поля, поля, поля.

Актер, играющий Эколога. В эту сеть снова попал город, пригород переходит в пригород.

1-й актер и 1-я актриса. Поселок переходит в поселок.

Актер, играющий Эколога. Город.

1-й актер. Город.

1-я актриса. Город.

Далее I и II действия происходят одновременно.

Актер, играющий Эколога. Поле.

1-й актер. Поле.

1-я актриса. Поле.

1-й актер и 1-я актриса. Город, поле, город, поле.

Актер, играющий Эколога. Эти вездесущие, вертящиеся, как белка в колесе, люди, разве они могут найти лес? Этот величественный, спокойный, никем еще не потревоженный, который никто не вырубал, не вытапывал, не жег, не захватывал, не расчищал, девственный, еще сохраняющий первобытную красоту лес.

Помощник (*поет*). Река от истоков до конца.

Старик певец (*поет*). Чистый источник.

Помощник (*поет*). Милый едет на белой лошади.

Старик певец (*поет*). Девушка идет через поле.

Помощник (*поет*). Девушка едет на муле.

Старик певец (*поет*). Зачерпнула холодной воды напиться.

Помощник (*поет*). Милый на лошади зовет любимую.

Актеры и актрисы появляются повсюду на сцене и в зале. Следующие ниже действия I и II происходят одновременно.

Действие I

1-й актер и 1-я актриса. Такой величественный и спокойный.

2-й актер и 2-я актриса. Еще никем не потревоженный.

3-й актер и 3-я актриса. Его еще никто не вырубал.

4-й актер и 4-я актриса. Не выгапывал.

5-й актер и 5-я актриса. Не жег.

6-й актер и 6-я актриса. Не захватывал.

7-й актер и 7-я актриса. Не расчищал.

8-й актер и 8-я актриса. Девственный.

9-й актер и 9-я актриса. Сохранивший первобытную красоту лес!

Актер, и играющий Эколога (*громко, среди прочих разных звуков*). Плывя вверх по течению, с обеих сторон видишь берега реки. Чего тут только нет: полный хаос, грязь, песок, глина, промышленные сточные воды выливаются в реку, лежат кучи городского мусора. Разве возможно еще найти зеленый лес, который может восстановить равновесие в испорченной людьми природе?

Звуки трудовой песни постепенно удаляются и затихают.

Действие II

Помощник (*поет*). Девушка верхом на муле.

Старик певец (*поет*). Девушка идет через поле.

Помощник (*поет*). Зовет любимого.

Старик певец (*поет*). Зачерпнула холодной воды напиться.

Помощник (*поет*). Как затынем песню, пропоем раза три.

Старик певец (*поет*). Чистый источник.

Помощник (*поет*). Любимый сходит с белой лошади.

Старик певец (*поет*). Девушка идет через поле.

Помощник (*поет*). Девушка сходит с мула.

Старик певец (*поет*). Зачерпнула холодной воды напиться.

Старик певец и Помощник по мере исчезновения звуков мелодии исчезают в темноте. В громких звуках городского транспорта постепенно становится различим чистый звук сильного дождя. Одновременно вырисовыва-

ются фигуры Молодой девушки с односложным именем Фан и Эколога с рюкзаком в руках.

Э к о л о г . Я пошел.

Ф а н . Ага.

Э к о л о г . И больше ничего не скажешь? Пожили вместе, и даже «до свидания» не скажешь?

Ф а н . Я буду помнить тебя.

Э к о л о г . А еще?

Ф а н . Ты хороший человек.

Э к о л о г . Ты только что узнала?

Ф а н . Но не хороший муж.

Э к о л о г . Ничего. Мы еще встретимся?

Ф а н . Может быть... Но... лучше не встречаться.

Э к о л о г . Это, можно сказать, недоразумение. Дикарь встретил-ся с цивилизованным человеком.

Ф а н . А все-таки не ругаться хорошо.

Э к о л о г . Ну и не ругайся.

Ф а н . В горах такой хороший воздух.

Звук дождя исчезает, Фан пропадает. Вновь появляются приглушенные звуки песни «Работы в поле, гонгов и барабанов».

Входит Начальник лесничества, неся чайную кружку. Входит Эколог с рюкзаком за спиной.

Э к о л о г . Скажите, пожалуйста, это управление лесничества?

Н а ч а л ь н и к л е с н и ч е с т в а . Рабочий день кончился.

Э к о л о г . Я хотел бы поговорить с начальником лесничества.

Н а ч а л ь н и к л е с н и ч е с т в а . Приходите завтра.

Э к о л о г . У меня есть письмо из Министерства лесного хозяйства. (*Достает письмо.*)

Н а ч а л ь н и к л е с н и ч е с т в а (*как только видит печать на письме, сразу же меняет тон на радужный*). Так вы из министерства к нам приехали? (*Торопливо разъясняет.*) А нам не звонили из уезда. А в уездном бюро лесного хозяйства вам не дали сопровождающего?

Э к о л о г . Я своим ходом приехал.

Н а ч а л ь н и к л е с н и ч е с т в а . Они даже машины вам не дали?

Э к о л о г . Я привык ходить по горным дорогам.

Н а ч а л ь н и к л е с н и ч е с т в а (*с подозрением смотрит на его одежду, предназначенную для долгих путешествий, потом, сочувлившись, еще раз внимательно изучает письмо*). А, так вы к нам от министерства приехали?

Эколог. Я приехал от министерства проводить исследования в вашем лесничестве.

Начальник лесничества (*снова меняет тон*). Понял, понял, все вы приезжаете искать снежного человека.

Эколог. Я занимаюсь экологией.

Начальник лесничества. Чем бы вы ни занимались, в нашем лесничестве всё есть. (*Отдает ему письмо.*) Возьмите это письмо и идите в гостиницу. Найдите горничную, зарегистрируйтесь и поселяйтесь. Завтра, когда люди придут на работу, зайдите в технический отдел. (*Поворачивается и собирается уйти.*)

Эколог (*идет за ним*). Скажите, пожалуйста, как зовут здесьнего ответственного товарища?

Начальник лесничества. Разве я уже не сказал вам идти в технический отдел? Завтра приходите, комната в самом начале коридора. Это он и есть.

Эколог. Я хочу понять, как обстоят дела с природно-экологической точки зрения во всем лесничестве, а также собираюсь пойти в горы. Я хочу разъяснить цели моего приезда здесьнему руководству.

Начальник лесничества. Чуть что, сразу ищут руководство. Руководство всегда занято, собрания, собрания, собрания... Не видите, что ли? Только что закончилось собрание. Я полжизни торчу на собраниях! (*Громко кричит.*) Эй, Чжо!

С криком «Иду!» вбегает Горничная, она уже не молода, в руках – большая связка ключей.

Начальник лесничества. Открой этому товарищу, приехавшему искать снежного человека, номер. Завтра посмотри, должна быть попутка в горы, отвези его на двор Лю, это место высоко в горах в густом лесу, те, кто ищут снежного человека, все там рыщут. (*Уходит, неся кружку.*)

Горничная. Идите за мной. (*Доходит, ведя его за собой, до какого-то места.*) Номер 116. Этот корреспондент, что живет с тобой по соседству, тоже приехал искать снежного человека. (*Открывает дверь номера ключом.*)

Эколог. Спасибо.

Горничная. Не за что. (*Уходит.*)

Входит Корреспондент.

Корреспондент. Здравствуйте.

Эколог. Здравствуйте.

Корреспондент. Только что приехали?

Эколог. Да.

Корреспондент. Вы тоже приехали исследовать снежного человека?

Эколог. А... Э... Считайте, что так.

Корреспондент. Это очень важный вопрос. Я не могу публиковать ни на чем не основанные сообщения. Я – корреспондент. (*Жмет ему руку.*) Я также член общества по изучению снежного человека. Я отвечаю за специальные сообщения об исследованиях снежного человека.

Эколог. Это очень интересно.

Корреспондент. Вы как считаете, существует снежный человек или нет?

Эколог. Я еще не изучал этого вопроса.

Корреспондент. Вы слишком скромничаете.

Эколог. Я изучаю вопросы экологии.

Корреспондент. Это очень хорошо, нам как раз нужно выслушать мнение специалиста. (*Привычным движением достает блокнот.*)

Эколог. Вы знаете, что такое экология?

Корреспондент. Знаю самую малость... Э... В общем, не в курсе.

Эколог. Это область знания, которая изучает взаимоотношения человека и окружающей природной среды, в которой проходит его жизнь.

Корреспондент. В таком случае, считаете ли вы, что исследования снежного человека могут способствовать крупному прорыву в некоторых областях экологических исследований?

Эколог. Я не хочу высказывать мнения по вопросам, которых я еще не изучал.

Корреспондент. Вы, безусловно, правы. Однако могу ли я вынести из этого следующее впечатление: вы принадлежите к тем, кто отрицает существование снежного человека.

Эколог. Я не хочу делать положительные или отрицательные выводы по вопросу, который еще достаточно хорошо не исследован.

Корреспондент. Это подход ученого. Однако отрицание существования снежного человека – это тоже точка зрения.

Эколог. Я не хочу спорить.

Корреспондент. Хорошо, не будем спорить. Я очень рад, что вы приехали. Здесь, в горах, нет никаких развлечений, как

стемнеет – некуда пойти. Вечером мы как раз можем хорошо поболтать.

Раздается грохот взрыва.

Э к о л о г . Здесь что-то взрывают?

К о р р е с п о н д е н т . Взрывают горы для строительства дороги, по которой будут вывозить древесину, в будущем до вершины хребта можно будет добраться на машине.

Э к о л о г . Если так взрывать, сможет ли выжить снежный человек?

К о р р е с п о н д е н т . Послушайте, я вам скажу. Вы скептик!

Еще один громкий звук, на этот раз это гремит гром. Сцена погружается в темноту. Дождь льет как из ведра. Появляется ночной город, который находится под угрозой наводнения. Из громкоговорителя на крыше машины, которая медленно едет по улице, заполненной водой, голос объявляет: «Внимание всему населению! Внимание всему населению. Просим всех быстро покинуть дома и перейти в горный парк. Вода скоро достигнет наивысшего уровня. Вода скоро достигнет наивысшего уровня. Внимание всему населению! Все быстро должны покинуть дома и перейти в городской горный парк. Вода скоро достигнет наивысшего уровня!» На сцене появляется силуэт Эколога, стоящего спиной к залу. На нем рубашка, он стоит у окна. В углу небольшая настольная лампа, Фан в ночной рубашке, обняв колени, сидит на кровати. После того как удаляется звук громкоговорителя, на сцене появляются городские жители. Все они закутаны в плащи или держат над головой зонты. Они тихо стоят под карнизами.

С т а р и к . Где моя трость?

Е г о в н у ч к а . Вот она.

М у ж ч и н а с р е д н и х л е т . Мама, не бери ты этот сверток, так же труднее бежать.

Р е б е н о к . Я возьму с собой маленького медвежонка, хорошо?

Ж и т е л и (*непрестанно бормочут*). Этот дождь... Этот дождь... О... Без конца... Этот дождь... Действительно... Этот дождь... Этот дождь... Как это тяжело... Этот дождь... Этот дождь...

Г о л о с Э к о л о г а , с т о я щ е г о с п и н о й к с ц е н е (*задумчиво*). На улицах уже можно плавать на лодке, а вода все прибывает...

(I) Ж и т е л и (*постоянно бормочут*). Все прибывает... Все прибывает... Все прибывает... Все прибывает...

(II) С п е ц и а л и с т п о г и д р о л о г и и (*при свете карманного фонарика рассматривает измерительный шест*). За один час уровень воды снова повысился на 27 см и уже превысил исторический

максимум. (*Делает записи.*) Это в 1800 раз выше уровня периода мелководья.

Далее I и II действия одновременно.

(I) Голос из переносной рации. Штаб по борьбе с наводнением! Штаб по борьбе с наводнением, вы слышите? Вы слышите? Телефонная связь уже прервалась, у нас здесь на участке Моста зеленого дракона возникла опасная ситуация.

(II) С передней части сцены вбегают два Работника штаба по борьбе с наводнением, одинаково одетые в плащи и высокие резиновые сапоги, с фонарями в руках.

Первый работник штаба по борьбе с наводнением (*говорит другому*). Дамба дрожит под ногами, ты чувствуешь? (*Оба уходят.*)

Далее I и II действия одновременно.

Действие I

1 - й актер. Город под водой,

1 - я актриса. Вода над головой!

2 - я актриса. Повсюду вода,

2 - й актер. Весь город перебрался на дамбу.

Действие II

Мужской голос из переносной рации (*кричит*). Спасательные группы выехали или нет?

Другой мужской голос из переносной рации. Армия приведена в готовность.

Слышны звуки с трудом едущих машин и людей, бегущих по улицам по воде. Далее I и II действия одновременно.

Действие I

Жители (*непрестанно бормочут*). О... Этот дождь... Этот дождь... Эх... Без конца... Действительно... Этот дождь... Этот дождь... Как тяжело... Этот дождь...

Действие II

Ребенок. Мама, а маленький медвежонок может простудиться?

Звуки ливня. Эколог встает, стоит перед кроватью. Фан еще сидит на кровати. Жители исчезают.

Эколог. Что случилось? Фан!

Фан. Ничего. Плохое настроение. Просто плохое настроение.

Эколог. Но раньше ты была другой.

Фан. Я себя плохо чувствую, грустно что-то...

Эколог. Почему грустно?

Фан. Мне скучно.

Эколог. Тебе со мной вместе скучно?

Фан. Мне всё скучно, всё страшно скучное!

Эколог. И я?

Фан. И ты в том числе.

Эколог. Ты говоришь о нашей общей жизни?

Фан. Я не знаю, мне все надоело.

Эколог (*обнимает ее*). Тогда ты можешь мне сказать, что тебе надоело? Я тебе надоел?

Фан. Может быть. (*Отталкивает его*.)

Эколог. В этот раз я вернулся, ты ни дня не была рада. Лучше б я не приезжал.

Фан. Правильно, ты лучше никогда не возвращайся в этот дом, считай, что этого дома нет, нет тепла, нет любви, я как вдова.

Эколог. Фан, не говори так, это моя работа, я не веселиться езжу. Я работаю далеко, в диких горных селениях, один, мне тоже очень трудно.

Фан. Не говори мне этого. Ты сам это выбрал, тебе совершенно не нужна семья, тебе совершенно незачем иметь семью.

Эколог. Тогда я не поеду в этот раз. Поживу с тобой немного. Я схожу в институт, отложу командировку на месяц.

Фан. Ты меня совершенно не понимаешь! Я не могу жить с тобой вместе, я этого не вынесу.

Эколог. Что с тобой? Ты сошла с ума?

Фан. От такой жизни как не сойти с ума! Я этого не вынесу.

Эколог. Я ничего не понимаю. Не устраивай сцен. Фан, повернись, повернись ко мне! Послушай меня!

Фан. Отпусти меня, отпусти меня! Мне противно, мне противно! А? Я говорю...

Эколог садится на стул, нечаянно уронив чашку, стоявшую на тумбочке рядом с кроватью, и обхватывает голову руками. На сцене темнеет. На улице звук, похожий на непрекращающийся дождь. В действительности это шумят на ветру листья деревьев за окном. Очень громкий стук в дверь.

Эколог. Кто там?

На сцене снова загорается свет. Преподаватель начальной школы стучит в дверь. Он держит старую сумку. Эколог лежит на кровати, накрывшись одеялом.

Преподаватель. Это я.

Эколог стаскивает с себя одеяло, встает и открывает дверь.

Эколог (*сердито*). Кто вы такой?

Преподаватель начальной школы. Я из горной начальной школы. Моя фамилия Сунь.

Эколог. Входите.

Преподаватель. Нет. Это вы приехали искать снежного человека? Вот что, мне сказали проводить одного товарища, который ищет снежного человека, в горы. Я возвращаюсь на двор Лю, я там преподаю в начальной школе.

Эколог. Так входите и подождите минутку.

Преподаватель входит в комнату, Эколог закрывает дверь. На сцене гаснет свет. На переднюю часть сцены выходят работники Ляна, строящие дом, они поют трудовую песню.

Главный работник (*запевает*). Ай, люли-люли-люли.

Все работники (*подпевают*). Люли.

Главный работник (*запевает*). Как запели эту песню, все стали подпевать.

Все работники (*подпевают*). Ай, люли-люли-люли!

Главный работник (*запевает*). Все навалимся и поставим стропила.

Все работники (*подпевают*). Люли.

Главный работник (*запевает*). Богатырь Гуань Юнь поднял меч и зарубил Голубого дракона.

Все работники (*подпевают*). Ай, люли-люли-люли!

Главный работник (*запевает*). Прошел пять застав, победил шестерых полководцев.

Все работники (*подпевают*). Ай, люли.

Главный работник (*запевает*). Чжан Голао¹ на осле едет в Восточную столицу.

Все работники (*подпевают*). Ай, люли-люли!

Главный работник (*запевает*). Встретил Лю Дунбина², кусанного собаками.

---

¹ Один из Восьми Бессмертных даосского пантеона.

² Наиболее почитаемый бессмертный даосского пантеона.

Все работники (*подпевают*). Ай, люли.

Входит Сваха.

Сваха. О! Какой большой двор! Что, Ли, строишь дом для своего малыша?

Входит Ли Старший, держа горящую курительную свечу.

Ли старший. Сегодня утро точно счастливое, ты как раз вовремя. Мы только возвели стропила, а ты, счастливица, уже здесь. Малыш, скорей предложи тетушке У сигарету.

Входит молодой человек с курительницей, поспешно ставит ее на землю, достает из кармана пачку сигарет, поворачивается, глядя вверх, отвешивает три поклона, поворачивается и ставит свечу в курительницу.

Сваха. Это ты счастливец, Ли. Трех сыновей женил, двух девок замуж выдал. Теперь, наверное, для сына строишь новый дом!

Молодой человек (*двумя руками подает сигарету*). Курите, пожалуйста, тетушка У.

Сваха. Хочешь жениться?

Молодой человек. Я еще не помолвлен.

Сваха. Такой большой дом, а еще боится, что невесты не найдут. Из чьего дома хочешь взять?

Молодой человек. Как отец скажет.

Ли старший. Вранье, если б ты меня слушал, давно б уже все устроили. У Фана вторая дочка честная, порядочная, а тебе, наоборот, не нравится: «Глаза маленькие, щеки большие». Жену берут, чтоб вести хозяйство, а не чтоб положить на стол да людям показывать!

Сваха. Не учись у этих городских, что еще за свободная любовь! Послушай меня, свободная любовь – это не случайные связи. Свобода! У свободы тоже есть границы.

Ли старший. Верно. Только кто сейчас слушает мать с отцом?

Молодой человек. Отец, когда же я тебя не послушал?

Ли старший. Я говорю, что надо взять скромную. У твоей матери тоже лицо рябое, а сыновей немало родила.

Сваха. Да уж, у сестрицы вся изюминка в этих рябинках.

Мать молодого человека (*входит с петухом в руках*). Что вы тут обо мне болтаете?

Сваха. Хвалим тебя, хвалим твои юношеские романы.

Мать молодого человека. Уж в романах кто может перещеголять нашу тетушку У! Кожа белая, гладкая, сейчас вот шла по дорожке – талия осиная, стройная такая, бедрами покачивает!

С в а х а . Какая уж тут талия! От таких разговоров расстройство одно. Давно уже стала похожа на деревянную бочку. Перестань болтать, займись своей готовкой. Работников-то как много!

М а т ь м о л о д о г о ч е л о в е к а . Да нет, их его отец пригласил освятить постройку нового дома.

Входит Старый певец дедушка Цзэн с топором в руках.

С в а х а . О! Как, и дедушку Цзэна сдвинули с места?

С т а р ы й п е в е ц . Уж сколько лет этого не делали, все боялись пойти против новой морали!

Л и с т а р ш и й . Это я его пригласил. Если что нарушил, так мне и штраф платить.

С в а х а . Это все равно что деньги жечь.

С т а р ы й п е в е ц . У тебя язык еще не отсох?

С в а х а . Ты что, забыл, дедушка Цзэн, забыл, как тебя водили по деревне с табличкой на груди³ за то, что ты пел эту старую «Повесть о тьме»?

С т а р ы й п е в е ц . Ты только и можешь, что сводничать да аборт делать. Что ты понимаешь? Не буду воспевать дом.

Л и с т а р ш и й . Как не будешь?! Уж и свечи поставили. Зарезать пару петухов – велико нарушение! Ведь это на счастье. Дедушка Цзэн, займись уж своим делом.

С т а р ы й п е в е ц (*от души плюет на ладони*). Так что, нарушим?

Л и с т а р ш и й . Нарушим!

Старый певец, взяв петуха, размахивает топором. Плотники снова запевают трудовую песню.

С т а р ы й п е в е ц (*декламирует*).

Только родился звук топора и небесные ворота открылись,

Плотник Лубан спустился с небес,

В правой руке – стальной топор,

Левой рукой держит петуха-феникса.

Этот петух – не обычный петух,

То петух Небесной царицы, возвещающий рассвет.

Днем он поет на горе Куньлунь,

Ночью кричит у хозяйки.

³ Во время «Великой пролетарской культурной революции» в рамках «борьбы с феодальной культурой» провинившимся вешали таблички с обвинениями и водили в позорной процессии по улице.

Что пришло с неба, на небо и вернется,

Что из земли – уйдет в землю.

Будь ты нечистью, муравьем, вороной, тварью летучей или ползучей,

Приведением домашним или уличным, с волдырем на спине,

С коростой на лице.

(Поднимает руку, топает ногой, режет петуха топором.)

Мой петух вместо всей нечисти.

Кровь петуха упала на землю.

Да будет великое счастье и большая удача.

С в а х а . Поздравляю, поздравляю! Большого богатства! Сыновей и внуков полный дом, удачи и счастья.

Плотники все вместе и зазывно поют трудовую песню и уходят. С другой стороны входит бригадир лесхоза Лян.

Б р и г а д и р Л я н *(идушим за ним)*. Что вы все за мной идете?

Закупщики леса продолжают идти за ним.

О д и н з а к у п щ и к . Сегодня уж дайте товар, бригадир Лян!

Бригадир Лян вытаскивает из кармана брюк мешочек с табаком, из кармана пиджака достает маленький листок бумаги, высыпает табак на бумагу.

Т о р г о в е ц л е с о м *(поспешно достает сигареты, одну сигарету с фильтром сует под нос бригадиру Ляну)*. Курите мои, курите мои.

Бригадир Лян загораживается рукой, этот человек поспешно сует ему в карман всю пачку сигарет.

Б р и г а д и р Л я н *(резко кричит)*. Это еще что такое?

Этому человеку приходится с глупой улыбкой положить пачку обратно себе в карман. Лян скручивает папиросу, облизывает губы, откусывает ее кончик, засовывает в рот, нащупывает спички в пиджаке. Закупщик немного медлит, потом быстро чиркает зажигалкой. Бригадир Лян прикуривает от зажигалки.

З а к у п щ и к . Бригадир Лян, сколько вы сегодня сможете выдать леса? Мне бы 56 кубов, уж пойдите навстречу.

К р е с т ь я н и н , п р и е х а в ш и й к у п и т ь л е с *(с жалким видом)*. Бригадир Лян, мне бы и нескольких стволов хватило...

Д р у г о й з а к у п щ и к . Я этого леса уже целую неделю жду, у нас есть бумаги из провинции, вы уж, пожалуйста, все выдайте полностью!

Б р и г а д и р Л я н . В очередь, в очередь к окошку.

Все сразу же устраивают давку перед длинной скамьей.

Б р и г а д и р Л я н . Что с вами случилось? Думаете, если будете толкаться, лес вытолкаете? Разве вы все не сдавали накладные? Так что давайте в порядке сдачи накладных.

Все покорно садятся на длинную скамейку.

Б р и г а д и р Л я н (*глубоко затягивается сигаретой и начинает давать начальственные наставления*). Всем хорошо известно, что лесоматериалы – это остродефицитный материал.

К р е с т ь я н и н , приехавший купить лес (*с жалким видом*). Бригадир Лян, мне бы хоть немного лишнего леску.

Б р и г а д и р Л я н . Слушай, пока я не кончил говорить.

З а к у п щ и к (*заискивающе*). Бригадир Лян, вы бы хоть чуть-чуть помягче, и мы сразу всё, что нам нужно, получили бы. Всё же от одного вашего слова зависит.

Б р и г а д и р Л я н (*не обращая на него внимания*). Лесоматериалы – остродефицитное сырье. Почему оно остродефицитное? Потому что деревья повсюду вырубил, нигде не осталось лесов, поэтому вам только и остается приезжать толпами в наш лесхоз. А вот я вас спрошу: вы там, у себя, когда используете лес, почему не думаете о том, чтобы сажать деревья?

З а к у п щ и к . Мы ежегодно проводим лесопосадки.

Б р и г а д и р Л я н . Что же вы тогда сюда приехали за лесом?

З а к у п щ и к . Деревья еще не выросли.

Б р и г а д и р Л я н . Не выросли или не могли вырасти. (*Все переглядываются.*) Нет, вы отвечайте!

Д р у г о й з а к у п щ и к (*нетерпеливо*). И поэтому, и потому.

Б р и г а д и р Л я н . Вот это верно. Сажать деревья – это не цыплят высиживать: каждые десять дней или полмесяца – новый выводок. Деревья – это и не волосы: хоть наголо сбрей, все равно через несколько дней снова вырастут. Они и не лук-порей: один урожай убрал, сразу вырос следующий. Дерево – как человек. Человек в 30 лет становится крепким, а дерево... Дерево не то, что за 30, за 50 лет не становится пригодным для использования. А сейчас с этими бензопилами, электропилами спилить дерево – вжик и всё! Помягче! Так говорить – все равно что воздух портить. Если б я хоть немного был помягче, этот лес уж давно вырубил бы подчистую! Как на той горе напротив вас. Эх, человек! Если ему волю дать, он становится как сумасшедший, он как стая саранчи, покрывшей небо и землю, – пикнуть не успеешь, а она уже дочиста съела весь прекрасный урожай. Об этом уже 10 лет

как говорят, но за это время в том вырубленном подчистую горном лесу смогло ли вырасти хоть одно приличное дерево? Не думайте, что вы тут можете схитрить: бригадир Лян, да бригадир Лян, – а на самом деле в душе только и хотите, чтобы урвать у меня побольше леса, интерес у вас не только общественный, но и личный, вы все жадные, как волки, так и не терпится меня загрызть.

За его спиной появляется Преподаватель начальной школы, ведущий Эколога.

Покупатели леса (*один за другим*). Уж вы скажете, бригадир Лян! Ха-ха-ха. Вы, уж, и правда, любите пошутить...

Бригадир Лян. Шутить? Если б не законы, вы бы уже давно дочиста сожрали этот лес.

Преподаватель начальной школы. Что, бригадир Лян, снова с утра выпили?

Бригадир Лян. Не пил, вовсе не пил. Вернулись, учитель Сунь?

Преподаватель начальной школы. Школьники уже вернулись с полевых работ, им пора в школу. Вы здесь круглый год заняты?

Бригадир Лян. Да все приезжают за лесом. (*Преграждает дорогу Экологу.*) Документы есть?

Преподаватель начальной школы. Послали к нам сверху, из центрального минлесхоза. Ученый, приехал искать снежного человека.

Бригадир Лян. Ладно, не доставай, так проходи. Вас, ученых, сколько б ни приехало, я всем рад. Мне надоели эти закупщики леса, которые приезжают сюда под вывеской всяких там центральных министерств и провинциальных управлений. Как вернетесь, заходите ко мне выпить.

Эколог (*смеется, жмет ему руку*). Спасибо. Обязательно приду.

Бригадир Лян (*поворачивается, продолжает поучать закупщиков*). Вы не смотрите, что я лес рублю, я не то, что вы. У меня сердце болит за эти деревья! Я в душе плачу по ним, вам этого не понять. С вами говорить все равно что с бревном. А у деревьев, наоборот, у всех есть разум. Не верите? Тогда пройдите в одиночку по лесу, под высокими деревьями, которые аж солнце закрывают. Можете услышать, они все умеют говорить...

В глубине сцены темнеет, звук слов бригадира постепенно отдаляется, он и закупщики леса исчезают в темноте. Звук ветра, шум лесного моря, кукует кукушка.

Эколог (*останавливается, прислушивается*). Кукушка!

Звук пилы. Лесорубы кричат, предупреждая людей, стоящих перед падающим деревом. Учитель начальной школы уходит. Треск ломающегося большого дерева и громкий звук от его падения на землю. В глубине леса появляется Лесник, у него в руках полуавтоматическое ружье. Крики людей, вокруг него появляется много теней людей с топорами в руках и пилами на плечах. Он поднимает ружье и громко ругает еще больше приблизившихся людей. Это на них никак не действует. Он спокойно вскидывает ружье, направляет его на угрожающую ему толпу и отступает назад. В результате этого между ним и толпой освобождается небольшое пространство, но толпа вовсе не думает отступать. Он кричит, направляет ружье в небо и выпускает три заряда: «Пах! Пах! Пах!». «У-у-у!» – злобно откликается толпа. Он опирается на ружье, держась за ствол, делает почти полный оборот и падает назад. Тени пропадают. Эколог уходит. Однако теперь отражения не издают звуков, раздаются только крики лесорубов и звук пил. Снова звучит музыка, состоящая из звуков работающих бензопил, электропил, тракторов, тяжелых дизельных грузовиков. Затем звуки вновь превращаются в журчание воды и шум дождя. На сцене светлеет ночной город, в котором по-прежнему идет ливень. Эколог сидит на стуле, Фан – на краю кровати.

Фан. Нам нужно хорошенько поговорить.

Эколог. Говори.

Фан. Я думаю, нам надо это кончать.

Эколог. Ты имеешь в виду развестись?

Фан. Да.

Эколог. Ты красива и молода, у тебя нет детей.

Фан. Не говори так!

Эколог. То, что я говорю, – это факт. Тебе нетрудно будет найти себе приличную пару. Или, может быть, у тебя уже есть кто-то?

Фан. Ты совершенно меня не понимаешь.

Эколог. Я никогда не мог понимать вас – женщин.

Фан. Нет ни одного такого мужчины, как ты.

Эколог. Я что, недостаточно светский?

Фан. Ты – дикий.

Эколог. А как же иначе! Сколько я шляюсь по лесам, со снежным человеком завел знакомство.

Фан. Ни одна женщина не смогла бы с тобой жить.

Эколог. Ты говоришь о расчетливых женщинах или о модных женщинах. А мне нужна просто жена, которая рождает детей.

Фан. Правильно, тебе нужна женщина, но ты совершенно не понимаешь женской души. Мне нужен дом, дом, в котором тепло, и внимание мужа. Я хочу быть настоящей женой. Ты не можешь

дать мне тепла, ты часто даже письма́ не напишешь, а если изредка и напишешь, то каких-нибудь несколько сухих строчек. Я – живой человек, я хочу нормально жить! Твоя наука мне не поможет, мне все равно, будут ли загрязнены реки через 100 лет, что будет через 100 лет с земным шаром, в то время я уже превращусь в пепел. Мне скоро 30, я вот-вот буду старой. Молодость женщины год-два и всё, моя молодость пройдет. Я люблю выглядеть модно, но сколько же я еще промодничаю? Я люблю хорошо одеваться, люблю, когда меня хвалят, я не могу поехать с тобой в горы, во-первых, там мне нечего будет делать, во-вторых, я тоже не машина по приготовлению еды и рождению детей.

Э к о л о г . Фан, я тебя люблю.

Ф а н . Ты не можешь дать мне тепла, иди, люби свою работу, иди, люби свой лес, иди, люби своего снежного человека. *(Плачет.)*

Тишина. Стоящие под карнизами жители под шум дождя молча поднимаются на высокое место в глубине сцены, в руках у всех по-прежнему зонты, одеты они в плащи.

Ф а н *(вытирает слезы)*. Говори, что ты думаешь.

Э к о л о г . Я согласен.

Ф а н . Ты говоришь, согласен на развод?

Э к о л о г . Я говорю, что оставляю тебе этот дом, буду жить в общезитии, ты снова выйдешь замуж, тебе не нужно будет даже мебель покупать. Но ты можешь мне сказать, у тебя уже есть кто-то?

Ф а н . Есть.

Э к о л о г . Ты можешь сказать, кто?

Ф а н . Ты сам можешь догадаться.

Эколог тихо свистит. Оба исчезают. В ответ на этот свист раздается прерывистое стрекотание цикад. Собравшиеся на возвышенности люди складывают зонты и, запрокинув головы, смотрят вокруг. Звук кружащего в воздухе вертолета. Громко стрекочут в сухом воздухе цикады. Стуча в гонги и барабаны, проходят ряды ритуальной процессии: группы танцоров, изгоняющих духа засухи. Трубят длинные деревянные трубы, которые несут двое: один дует сзади, другой спереди несет ее на плече. Впереди процессии несут зонты из жесткой промасленной бумаги с развевающейся на ветру бахромой. Сзади несут треугольное знамя, окаймленное зубчатой бахромой, на всех – разные деревянные маски, плетеные конопляные сандалии, пояса из красной ткани, в волосах воткнуты фазаньи перья, в руках стальные вилы, связанные палки, цепи и другие разнообразные орудия, которыми участники энергично размахивают. Впереди идет колдун, на нем, как и на других, маска, в руках – меч, идет особой, пьяной, пошатывающейся походкой,

как, по преданию, ходил император Юй. Оборванец средних лет, обеими руками держа горящую курительную свечу, падает ниц перед изгоняющей духа засухи процессией.

А актер, играющий Эколога (*входит одновременно с процессией, изгоняющей духа засухи*). 7–8 тысяч лет тому назад, не говоря уже об эпохе еще более глубокой древности, по обоим берегам этой реки равнины и горы были покрыты безграничным первобытным лесом. Река была всего лишь нитью, то появлявшейся, то исчезающей в безбрежном лесном море. Вышедший из лесной чащи человеческий род поселился на берегах этой реки. При помощи каменного топора, сделанного из отколотого и отполированного кусочка камня, привязанного к топорищу с большим трудом выделанными кусочками шкур животных. Топор, еще топор, освоено небольшой участок леса, еще один небольшой кусок, и вот место, где можно построить жилище, можно разводить скот, можно сеять.

ГЛАВА II

«ПОВЕСТЬ О ТЬМЕ» И СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Некоторые актеры подходят к местам в зрительном зале и садятся на них или здороваются со зрителями и беседуют с ними. На сцену входит актер, играющий Ответственного работника Чэня; он громко спрашивает, все ли актеры пришли, устраивает переключку. Затем громко хлопает в ладоши, требуя тишины.

Чэнь. Так, прошу всех соблюдать тишину (*показывает на стоящего рядом корреспондента*). Это корреспондент Ван из редакции газеты. Он приехал расспросить всех о снежном человеке. Ведь вы все слышали о снежном человеке, не правда ли? Какой из себя этот снежный человек? Расскажите все корреспонденту Вану. А сейчас попросим корреспондента Вана сказать несколько слов. (*Один человек хлопает.*)

Ван. Мы пригласили всех, чтобы произвести опрос. Говорят, в ваших местах живет снежный человек, он вызывает большой интерес не только ученых, занимающихся поисками снежного человека, но и широкой общественности. Научные исследования, связанные со снежным человеком, стали важной темой новостей, публикуемых нашей газетой. Снежный человек является одной из четырех великих загадок современного мира, ученые разных стран надеются на реша-

ющий прорыв в наших поисках. А теперь я попрошу присутствующих рассказать все, что они знают об этом: видели ли вы что-то своими глазами или кто-то другой вам рассказывал, говорите всё. Кто начнет?

Чэнь. Корреспондент Ван специально приехал, чтобы собрать информацию о снежном человеке. Среди вас ведь есть те, кто видел снежного человека. Хромоногий Лю, ну-ка, начинай рассказывать!

Лю. Нет, нет, нет! Чэнь, я не смогу рассказать!

Чэнь. Как просто болтать о снежном человеке, так ты первый! А как серьезно говорить, так ты в кусты. Говорят тебе: говори, зна-чит, говори!

Лю (*прочищает горло*). Этот снежный человек похож на человека. Только не умеет говорить по-человечески. Но он тоже не бесчувственный. Если человек к нему по-хорошему, то и он с человеком по-хорошему. Когда он говорит так: «Ся-ся, ся-ся, ся-ся», – это значит, он здороваётся с человеком. Еще он умеет смеяться «хи-хи-хи», это он так показывает радость. А когда самец снежного человека видит самку, он говорит так: «Ха-ха-ха-ха...»

Чэнь. Говори серьезно.

Лю. Я же говорю о снежном человеке.

Ван. Вы все же расскажите, как вы видели снежного человека. Своими глазами видели или от других слышали?

Лю. Своими глазами видел!

Ван. Когда? В каком месте?

Лю. Это так сразу не скажешь, надо подумать. Уж больше 30 лет прошло, тогда я еще не был хромоногим. Хромоногим я стал, когда мне был 41 год; шел я как-то с компанией на соколиный утес собирать лекарственные травы, да споткнулся, с тех пор и хромаю. Раньше мог, сколько вздумается, прыгать на этой ноге...

Чэнь. Кто тебя просит о твоей ноге рассказывать? Ты говори о снежном человеке. Видел, так и говори, что видел.

Лю. Видел.

Чэнь. Так ты и говори, что видел, и точка.

Лю. Так ведь корреспондент Ван спрашивал, когда и в каком месте. Если я не буду говорить подробно, он будет задавать новые вопросы.

Чэнь. Ладно, тогда говори быстрее! Не занимай один весь вечер.

Лю. В тот день я встал рано, взвалил на плечи коромысло с ведрами, в которых был батат, и вместе с Чжан Фушунем стал спускаться с гор, чтобы выменять немного риса. Когда мы добрались до Западной горы, был уже полдень, встретились мы с двумя людьми, ко-

торые на плечах несли тушу. Чжан Фушунь сказал: «Посмотри, что за диковинка?» Я спросил: «Что это такое?» Он сказал: «Шкура снежного человека». Только тогда я присмотрелся внимательнее и так и замер от испуга: «Что за штука!» В тот момент я был от них всего в двух-трех шагах и видел очень четко, что нога у этой туши была длиной метра два, голова и все тело были покрыты шерстью, волосы длинные, откинута на грудь, рука от плеча до локтя похожа на человеческую, тоже покрыта шерстью. О! Шея длиной 25–30 сантиметров, в шерсти запуталась рисовая солома, голова свешивалась вот так. Когда тушу несли на спине, она раскачивалась из стороны в сторону.

М а т ь С и М а о . Си Мао, иди домой спать.

С и М а о . Не хочу я спать.

В а н . А хвост был?

Л ю . Если есть хвост, это же обезьяна. Уж обезьян я много видел, не мог ошибиться. У него на груди еще было два соска, сразу видно, что самка.

Ч э н ь . Хватит, пусть другие говорят!

Яо Мэй поднимается и собирается уйти.

М а т ь С и М а о . Яо Мэй...

Я о М э й . Ма, я не буду слушать.

М а т ь С и М а о (Си Мао). Скажи своей сестре Яо Мэй, чтобы она тебя отвела домой.

С и М а о . Я не пойду

Яо Мэй уходит с маленькой табуреткой.

В а н . Вот так вы правильно рассказываете. Надо обращать внимание на детали. Как выглядело лицо?

Л ю . Оно все было изуродовано из самопала, ничего не было видно.

В а н . Вы только что сказали, что с вами вместе был еще один человек.

Л ю . А, это вы о Чжан Фушуне? Умер он, уже больше 10 лет, как умер, съел не того лекарства, у него было это, ну, что сейчас называют шистосомоз, ну, когда живот раздувается.

В а н . А тех двоих, что несли снежного человека, вы знаете?

Л ю . Откуда мне их знать, так, встретились по дороге. (*Обращается к другим.*) Уж около 30 лет прошло с тех пор.

В а н . Кто следующий будет говорить?

Ч э н ь . Простофиля, ты говори, ведь это ты ел мясо снежного человека?

Простофиля. Ага, только это давно было, мне тогда было лет десять, я был чуть старше Си Мао.

Чэнь. Так ты ел или не ел?

Простофиля. Ел, как же не ел.

Чэнь. Тогда рассказывай.

Простофиля. Расскажу я, расскажу. Чэнь, только это ты сам сказал, чтобы я рассказывал, так что ты уж через несколько дней не говори, что я чепуху болтаю. *(Всем присутствующим.)* Он всегда прав.

Все смеются.

Чэнь *(сердито)*. Что смеетесь? *(Все перестают смеяться.)*

Простофиля. Я ел на площадке, где добывают сосновую смолу. Люди убили снежного человека и разделали тушу для еды. А как я там оказался? Я учился у своего дяди на мастера по бамбуку, он взял меня с собой. И мы как раз наткнулись на людей, которые снимали шкуру со снежного человека и разделяли тушу для еды.

Ван. Расскажите, как выглядел снежный человек, которого вы видели?

Простофиля. Нос как чесночная головка, большие уши, волосы очень длинные.

Ван. Какой длины волосы?

Простофиля *(смотрит по сторонам, показывает на мать Си Мао)*. Да вот как у нее.

Мать Си Мао. Бесстыжий!

Все от души смеются.

Чэнь. Ты все рассказал?

Простофиля. Ведь я еще не рассказал, как мясо ел.

Лю. А ты правда ел?

Простофиля. Если б не ел, разве б я стал здесь зря языком трепать? Ведь корреспондент все записал!

Тетушка Сунь четвертая. Быстрее говори, вкус какой?

Простофиля. Выкинуть бы его к чертовой матери, такое воонучее! На человеческое мясо похоже.

Лю. А ты что, ел человеческое мясо?

Простофиля. Я видел мертвецов! Во время боев убитыми сильно пахнет.

Тетушка Сунь четвертая. Прекрати, всех тошнит!

Ван. А в последние годы кто видел снежного человека? То, что давно было, пока не рассказывайте.

Чэнь. Тетушка Сунь, ведь ты в прошлом году видела.

Тетушка Сунь четвертая. Не надо, не надо!

Чэнь. Видела, так говори. Чего боишься?

Тетушка Сунь четвертая. Видеть-то я видела, но боюсь сказать, точно ли снежного человека. В тот день я в ущелье косила траву для свиней, только вышла из ущелья, прошла шагов десять, как примерно метрах в десяти от себя увидела: что-то красное, и оно двигается.

Ван. Красная шерсть?

Тетушка Сунь четвертая. Красная шерсть. Пригляделась, мамочки, все тело покрыто шерстью, прислонился к дереву и чешется. От страха я чуть не умерла. Я бросила корзину да бежать, на одном дыхании добежала прямо до дома.

Ван. Вы вспомните еще раз, как существо чесалось. Стоя или как?

Тетушка Сунь четвертая. Стоя... Как человек.

Ван. Оно гналось за вами?

Тетушка Сунь четвертая. Гналось.

Ван. На скольких ногах оно бежало?

Тетушка Сунь четвертая. На двух ногах, как человек.

Ван. Какой оно было высоты?

Тетушка Сунь четвертая. Выше человека, красно-коричневый, с длинными волосами, руки и ноги – все покрыты шерстью.

Ван. Вы не могли ошибиться?

Тетушка Сунь четвертая. Как же я могла ошибиться? Дело было днем, солнце светило.

Старая женщина. Не может быть ошибки, я видела, она пробегала мимо двери нашего дома, пот градом, бежит и кричит: «Снежный человек идет! Снежный человек идет!»

Си Мао (*прижимаясь к груди матери*). Ма, я боюсь...

Лю. Чего боишься? Этот снежный человек еще танцевал с детьми, а еще увел девушку, взял ее в жены и народил детишек.

Чэнь. Тебя просили немного рассказать, а ты и рад заливать.

Лю. Я говорю, что эта тварь не трогает людей.

Си Мао (*матери*). А Гэн Цзы говорит, что у них дома есть еще шерсть снежного человека, она от дедушки его дедушки осталась.

Ван. У кого дома есть шерсть снежного человека?

Тишина.

Ван (*повышает голос*). То, что все говорили, – это устные предания. Все только что-то видели, но не сфотографировали. Поэтому

все это в конечном счете устные предания, они не могут считаться достоверными. А если найти какие-то вещи? Пусть даже это один волосок, он тоже будет вещественным доказательством. Скажите все, ведь верно? Сейчас ключевым вопросом является необходимость обнаружения вещественных доказательств. Если имеется вещественное доказательство, тогда независимо от того, признают это или нет, можно с достоверностью определить, что снежный человек существует! Я разъясню еще раз. Ключ ко всему заключается в добыче шерсти снежного человека! Если у нас будет волос, мы сможем подтвердить его судебно-медицинской экспертизой, а также обратиться в соответствующие научные учреждения с просьбой провести химические опыты. Если у кого дома есть шерсть снежного человека, досталась ли она по наследству или найдена вами самими – это безразлично, сдайте ее. Это не будет безвозмездно, мы можем в соответствии с обстоятельствами выплатить определенное вознаграждение.

Тишина.

Чэнь. Что касается вопроса о шерсти снежного человека, о нем мы поговорим после собрания. Корреспондент Ван, на этом, пожалуй, закончим?

Люди прощаются друг с другом и один за другим уходят, уводя детей и унося табуретки. Поднимается вечерний ветер, в горном лесу – ночь. Голос старого человека, прерывисто декламирующего, создает чувство таинственности.

Дом Преподавателя начальной школы, квадратный стол, горит керосиновая лампа. Преподаватель начальной школы записывает при свете лампы, Старый певец сидит перед открытым очагом, разводит огонь и, закрыв глаза, декламирует, ритмично покачиваясь в такт.

Старый певец (*декламирует*).

Царю неба с братьями было 18 тысяч лет,
Царь Земли правил 18 тысяч вёсен,
Царь Людей правил 15 тысяч 600 лет.
Только тогда передали они реки и горы потомкам,
В то время мужчины и женщины не были разделены,
Знали только мать, не знали отца.

Преподаватель (*записывает*). Люди ели зверей...

Старый певец (*декламирует*). Зверей много: звери ели людей.

Преподаватель. Зверей много: звери ели людей?

Старый певец (*широко раскрывает глаза, по-прежнему декламирует*). Людей много: люди ели зверей.

Преподаватель (*записывает*). Людей много: люди ели...

Шум ветра в дверях.

Старый певец. Кто-то пришел.

Преподаватель (*слушает*). Это ветер.

Старый певец. Кто-то пришел!

Действительно раздается слабый стук в дверь. Хозяин идет открывать, в темноте за дверью стоит Эколог.

Преподаватель. А я думал, это ветер.

Эколог. Еще рано, не могу уснуть, увидел, что у вас свет горит... у вас гость.

Преподаватель. Да, можно считать, что и не гость.

Эколог. Можно, я присяду.

Преподаватель. Всё приглашаем вас, да вы не приходите. Здесь, в горах, ночи холодные, очень сыро, погрейтесь у огня.

Эколог (*входит в комнату*). Здравствуйте, почтенный.

Старый певец. Здорово.

Эколог садится на табуретку у очага, разводит огонь. Старый певец громко зевает.

Эколог (*извиняясь*). Я вас потревожил?

Преподаватель. Что вы, что вы! Это дедушка Цзэн, известный повсюду в этих горах Старый певец. Это ученый, приехавший искать снежного человека.

Старый певец смотрит на Эколога.

Эколог (*кивает ему*). Я только что на улице слышал пение, это вы пели, почтенный?

Старый певец. Да нет. Это был ветер. Сегодня ночью в горах ветрено, плачут черти, воют волки.

Эколог (*сомневается, потом хохочет*). Старик, вы здорово умеете пугать людей.

Старый певец. Я не пугаю людей, ты молодой, а на лице написано несчастье.

Эколог. Какое несчастье, ну-ка, расскажите!

Старый певец. Хоть ты и ученый, а работаешь много.

Эколог. Очень интересно. Я сам это выбрал и не считаю свою жизнь трудной. Говори дальше, старый человек.

Старый певец. Боюсь только, с потомством у тебя трудности.

Эколог. Вы и впрямь можете угадывать судьбу. (*Встает, возбужденно ходит.*)

Преподаватель. Не только угадывать судьбу, дедушка Цзэн много знает о прошлом и настоящем.

Эколог. А будущее? Скажите, какое у меня будущее?

Старый певец. Человека узнаёшь по глазам, а судьбу – по лицу. Я говорю только о настоящем, о будущем я ничего не знаю.

Эколог. Так вы что, исповедуете даосизм? Вы не были даосским монахом?

Преподаватель. Никакой «изм» он не исповедует. Он скорее колдун. Правда, дедушка Цзэн?

Старый певец. Колдун, не колдун. А людям вреда нет. В мире есть такие, которые специально вредят другим. (*Поднимается, уходит.*)

Преподаватель. Дедушка Цзэн. Он всегда такой. Получше познакомьтесь – узнаете. Хороший старик.

Эколог. Это он только что пел?

Преподаватель. Пел старую песню, просто так петь не будет, тем более для посторонних.

Эколог (*берет со стола тетрадь*). Вы записываете?

Преподаватель. Ведь призывает же уездный дом культуры собирать народные песни. В этих горах только он может спеть эту песню с самого начала, если не записать, так она пропадет.

Эколог. Почему она называется «Повесть о тьме»?

Преподаватель. В ней рассказывается о всей истории нашего народа, начиная с тех времен, когда Небо и Земля еще не были отделены друг от друга, царил Хаос и великан Паньгу сотворил мир.

Эколог (*листает тетрадь*). Это очень ценно!

Преподаватель. Он может петь несколько дней и ночей подряд. Но в недалеком прошлом пение «Повести о тьме» считалось контрреволюционным, старика схватили и стали водить по деревням и критиковать, водили пять дней и пять ночей, почти до смерти затащали.

Эколог (*пододвигается к свету, читает тетрадь*).

Давно слышали, что певец этот очень учён,

Знает он и географию и астрономию,

Но сегодня поговорим с вами о прошлом и настоящем.

Что такое Тьма? Что такое Хаос?

Когда возник Хаос?

Когда появился Паньгу?

Каков был топор Паньгу, которым он сотворил мир?
 Как было сотворено Небо? Как отделили Землю?
 Как и когда можно попасть на Небо?

Одновременно раздается звук налетевшего ветра в лесу, похожий на сильную барабанную дробь, и старый голос, декламирующий стихи. Свет лампы постепенно гаснет. Входят Си Мао с матерью и проходят к переднему краю сцены.

Си Мао. Ма, я видел снежного человека.

Мать Си Мао. Ерунда.

Си Мао. Правда.

Мать Си Мао. Где?

Си Мао. На склоне горы.

Мать одной рукой обнимает Си Мао.

Си Мао. Он все еще плачет.

Мать Си Мао. Не бойся.

Си Мао. Ма, этот снежный человек еще плачет.

Мать Си Мао. Ты что, не говори ерунды.

Си Мао (*простодушно*). Он попался ногой в ловушку, а я его отпустил.

Мать Си Мао. Он тебе ничего не сделал?

Си Мао (*довольно*). Нет.

Мать (*крепко держа его*). Боже мой!

Входят жители деревни.

Председатель. Ребенок, где? Где ты видел?

Си Мао. Вон там, на косогоре, под тем лаковым деревом.

Лю. Ты что, дальнзоркий?

Си Мао. Он еще плакал, когда попался в ловушку, я пожалел его и отпустил.

Простофиля. Дурак! За это можно было получить большие деньги! А ты его отпустил.

Лю. Эту ловушку я поставил, верни мне добычу.

Тетушка Сунь четвертая. Хромой, побойся бога, ведь это существо опять не тронуло человека.

Простофиля. Пошли посмотрим, даже если пару волосков найдем, можно будет хорошо продать.

Все смотрят туда, куда смотрит ребенок. Тишина. Звук текущего ручья.

Голос Яо Мэй. Эй, не подходи.

Эколог (удивленно). Кто здесь? Яо Мэй!

Яо Мэй (*высовывает голову из-за камня, волосы растрепаны*).
Отвернитесь!

Эколог. Ой! (*Поворачивается спиной*). Извини.

Яо Мэй (*прибирает волосы*). Вы нарочно?

Эколог. Я, правда, не знал.

Яо Мэй. Мужчинам сюда нельзя ходить.

Эколог. Но я действительно не знал. Я увидел белую птичку.

Яо Мэй. Сами вы белая птичка! (*Одевается, остается босой, выступает на шаг из-за камня, в руках держит ведро*.) Вы плохой, я с вами не буду больше водиться.

Эколог. Яо Мэй, я, правда, не нарочно, я увидел, как одна птица с длинным хвостом подлетела к этому горному ручью.

Яо Мэй. Вы такой противный. Я больше не буду вашу одежду стирать.

Эколог. Почему?

Яо Мэй. Вы не должны так говорить.

Эколог. Ты очень красивая, к тебе наверняка многие сватаются. Ты почему покраснела? Ты скоро выйдешь замуж?

Яо Мэй завязывает волосы вокруг головы, быстро пробегает мимо него.

Эколог. Ты рассердилась?

Яо Мэй. Я ни за кого не выйду замуж.

Эколог. Монахиней будешь?

Яо Мэй (*не сдержавшись, прыскает со смеху*). Сами вы монахиня.

Эколог. А что, похож? (*Корчит рожу. Оба смеются*.)

Яо Мэй. Вы ужасно плохой.

Эколог (*вздыхает*). Если б я был молодым, я б тебя взял в жены.

Яо Мэй. А если б я не захотела?

Эколог. Заставил бы.

(Яо Мэй осторожно проходит назад мимо него.)

Эколог. Не бойся, я тебя не трону. Дурочка.

Яо Мэй. Только посмейте.

Эколог. А если я, правда, посмею?

Яо Мэй. Я тогда вас камнем убью.

Эколог (*хохочет*). Ты впрямь похожа на маленькую телочку.

Яо Мэй. Сами вы маленькая телочка!

Эколог глубоко вздыхает, садится на камень.

Я о Мэй. Вы вздохнули?

Эколог. Ага.

Я о Мэй (*осторожно*). А та от вас ушла к другому?

Эколог. Откуда ты знаешь?

Я о Мэй. Говорят... Плохая.

Эколог. Она совсем не плохая.

Я о Мэй. Вы еще скучаете по ней.

Эколог. Никак не могу забыть ее.

Я о Мэй. Вот бедный.

Эколог. Дурочка.

Я о Мэй. Не смотрите на меня так... (*Отходит назад, тихо.*)
Я боюсь... (*Поворачивается и убегает; отбежав довольно далеко, останавливается, переводит дух, смеется. Снова смеется так, что не может разогнуться.*)

Мелкий быстрый ручей, шумит вода. Входят Начальник лесничества, Специалист по снежному человеку и корреспондент Ван.

Н а ч а л ь н и к л е с н и ч е с т в а . Подойди, не бойся, подойди же!

С другой стороны входит Си Мао.

Н а ч а л ь н и к л е с н и ч е с т в а (*Специалисту по снежному человеку*). Вот этот мальчик отпустил снежного человека.

С п е ц и а л и с т . Как тебя зовут?

С и М а о . Си Мао.

С п е ц и а л и с т . Хорошо, Си Мао. Подойди сюда. Ты любишь конфеты? (*Достает из кармана плитку шоколада.*) Попробуй, это шоколад, никогда не пробовал? Хорошо, расскажи, какой был снежный человек, которого ты видел.

С и М а о ест шоколад, мотает головой.

С п е ц и а л и с т (*достает картинку*). Такой?

С и М а о кивает.

С п е ц и а л и с т (*достает другую картинку*). А может, такой?

С и М а о смотрит на него. Специалист достает третью картинку и все три картинки кладет перед Си Мао.

С п е ц и а л и с т . Скажи же, наконец, на какую картинку он похож. Вот это медведь, это снежный человек, это орангутанг. Знаешь, что такое орангутанг? Похож на обычную обезьяну, но побольше.

Си Мао. Вот на эту. *(Показывает на одну из картинок, смотрит на Специалиста по снежному человеку, немного колеблется.)*

Специалист. Он, безусловно, принадлежит к приматам, вышшим приматам, удивительное животное. У него есть хвост?

Си Мао качает головой. Специалист по снежному человеку забирает картинки.

Специалист *(корреспонденту)*. Все верно, мальчик все-таки говорит о снежном человеке. Это не может быть орангутанг или медведь. *(Мальчику.)* Ты слышал, как он говорит?

Си Мао. Он плакал.

Специалист. А как он плакал?

Си Мао. Из глаз текли слезы, и я его пожалел.

Специалист. И отпустил его?

Корреспондент Ван. Какая жалость!

Специалист. Как ты с ним общался? То есть говорил ты ему что-нибудь или нет?

Си Мао *(быстро, очень гордо)*. Говорил. Я говорил «Ся-ся».

Корреспондент Ван. Очень хорошо!

Специалист. А что снежный человек?

Си Мао. Он тоже сказал мне «Ся-ся» *(Смотрит, как все смеются.)*

Специалист. Превосходно! «Ся-ся» означает приветствие, это выражение дружбы. Это доказывает, что человек может общаться со снежным человеком. А потом?

Си Мао. А потом я его пожалел и отпустил.

Специалист *(дает ему еще шоколадку)*. Скушай конфетку. Больше ты нам не нужен, Си Мао.

Корреспондент Ван. Подожди немного, не уходи. Я хочу тебя сфотографировать. Фотографию напечатаем в газете. Под ней будет подпись: «Си Мао, который подружился со снежным человеком!» *(Делает снимок.)* Хорошо, иди играй.

Си Мао уходит, жуя конфету. Начальник лесничества, Специалист по снежному человеку и корреспондент Ван переходят ручей по бревну и уходят. Звук горного ручья. На сцене темнеет.

Ночь. В лесу горит костер. Старый певец и Эколог сидят у костра.

Старый певец *(открывает чайник с вином, макает пальцы, затем щелкает пальцами, и брызги летят в огонь)*. Ты не хочешь глотнуть? *(Передает чайник.)*

Эколог (*принимает чайник, выпивает глоток*). Ха, это у вас лекарственное вино?

Старый певец. Настояно больше, чем на десятке лекарственных растений, помогает против ревматизма, как выпьешь – дух крепнет.

Эколог. Вы только что брызнули в костер.

Старый певец. Это чтобы умиловить бога кухонного очага, молодой человек. Если есть еда и питье – это все благодаря заботам этого старика.

Эколог. Верно. Вы с гор никогда не возвращаетесь с пустыми руками?

Старый певец (*перебивает его*). Ха! Человек ходит по дороге, у зверей – тоже свои тропы. Важно знать место. Чу! Идет на водопой! (*Вслушивается*.)

Эколог. Водяной олень?

Старый певец. Чу! (*Бормочет что-то тихим, глубоким голосом*.)

Тишина. В лесу на ветру шелестят листья и журчит родниковая вода.

Старый певец (*с сомнением*). Ушел. Почуял запах, ветер переменился. Эти твари хитры, как черти.

Эколог (*смеется*). Дедушка Цзэн, они хоть и хитры, да вас, старого человека, им не перехитрить.

Старый певец. Не стану хвалиться, но в моем возрасте уж и сам черт не подкопается. Но по-настоящему человек – вот самая гнусная тварь. Возьми хоть меня, из-за этой вот глотки под моими руками столько живого погибло – не меньше этого числа. (*Поднимает руку, раскрывает ладонь, переворачивает, что-то чертит на ней*.) Всего не меньше тысячи диких зверей, все крупные, фазанов да зайцев я уж не считаю, сколько греха сотворил! Впрочем, птиц я обычно не убиваю, так уж, если натолкнусь на фазанов, убью пару штук. А те, кто не умеет на крупного зверя охотиться, только птиц изводят. Жил тут раньше один профессор, да обидел он тех, что птиц убивали, так они живо с ним расправились до смерти. Когда люди начинают расправляться друг с другом, сердце у них становится еще более жестоким. Молодой человек, с людьми ведь как: дружить дружи, а камень за пазухой держи.

Эколог. Дедушка Цзэн, вы только что сказали, что в эти горы приезжал какой-то профессор.

Старый певец. Он, как и ты, ученый человек, еще и за границей учился, вот уж точно профессор. Что-то нарушил, сослали его

в эти горы; жену, детей – всех оставил в городе. Один, лет за 50, мы все приходили к нему отдохнуть, всегда возился с птицами, очень добродушный человек. Но вот нашел на свою голову приключение, написал доклад правительству, и тогда начальство издало приказ, запрещающий убивать маньчжурских журавлей.

Э к о л о г . А что, в этих горах еще есть журавли?

С т а р ы й п е в е ц . Сейчас не сезон. Сюда, в камыши озера Девяти драконов пораньше, как похолодает, прилетает зимовать много журавлей: красноголовых, серых, черношеих. Если спустить на них собаку, то взлетит множество спугнутых птиц. Только стреляй, редко, когда не подстрелишь одну-две штуки.

Э к о л о г . А сейчас еще можно на них посмотреть?

С т а р ы й п е в е ц . В это время они редко бывают, уже конец октября, да ты пойдй посмотри.

Э к о л о г . А тот доктор наук, что вы говорили, как умер?

С т а р ы й п е в е ц . Да все из-за этих журавлей. На этого доктора свалили вину за пропажу кукурузы. В те времена в горах повсюду рубили деревья, жгли древесину, плавил всюкую там сталь, к тому же голод был. На него возвели напраслину, сказали, что он украл кукурузу, схватили и стали водить по деревне. А ведь ученые люди – стыдливый народ, не то что такие, как я, толстокожие. У него сразу кровь горлом... Если вспомнить те времена, профессор тогда и собачьего дерьма не стоил. А человек ведь как? Скажешь ему: ты все можешь – он и правда сможет, скажешь – не потянешь, он и не потянет, в сердце гаснет эта искра, тут ему и крышка.

Вдалеке воев волк.

С т а р ы й п е в е ц . Идет сюда. Накрывай огонь.

Оба затаптывают костер. Предраассветный туман. Старый певец смачивает слюной палец и чертит на ладони какой-то знак. Поднимает охотничье ружье, вынимает нож, затыкает его за пояс и, крадись как кошка, исчезает в густом тумане.

«Бах» – звучит громкий выстрел. В глубине сцены в освещенном круге профессор поднимает с земли убитого маньчжурского журавля. Двое браконьеров подходят сзади, накидывают ему на голову куртку, связывают ему руки. Предательский удар. Снова поднимают его и вешают ему на шею корзину со свежей кукурузой, пинают его под зад ногой, пожилой человек неуверенно идет вперед, браконьеры уходят.

Вся эта сцена происходит в полной тишине. В передней части сцены стоит Эколог с ружьем в руках, он замер без движения и, только услышав лай собаки и крик зверя, неожиданно убегает.

На переднюю часть сцены выходит Специалист по отрицанию снежного человека и начинает нетерпеливо прохаживаться взад и вперед, доходя до глубины сцены и поворачивая обратно. Входит Начальник лесничества, ведя за собой Си Мао.

Специалист по отрицанию снежного человека. А, это ты, Си Мао? Видел я твою фотографию в газете. Сколько тебе лет? (*Подходит поближе и слушает.*) Десять! Возраст, в котором часто говорят неправду. Тебя никто не подучил говорить все это насчет снежного человека?

Си Мао молчит.

Специалист по отрицанию (*нетерпеливо*). Говори же, где ты видел этого так называемого снежного человека. Опиши-ка картинку, которую ты видел своими глазами. Пока самого снежного человека не описывай.

Начальник лесничества. Что видел, то и говори, что тут трудного?

Си Мао. Там было дерево.

Специалист по отрицанию. Ты ясно говори, какое дерево?

Си Мао. Лаковое дерево!

Специалист по отрицанию. Что-что?

Начальник лесничества. Лаковое дерево, это такое дерево, из которого получают натуральный лак, делают ножом в коре отверстие, и из него капает натуральный лак...

Специалист по отрицанию. А-а! *Rhus verniciflua*, сумак лаконосный, понял, понял. Это у которого, если порезать кору, после заживления образуются шрамы, похожие на глаза.

Начальник лесничества. Верно, похожие на коровьи глаза, иногда даже больше, чем коровьи.

Специалист по отрицанию. Дьявольские глаза! Они вполне могли вызвать галлюцинацию у ребенка. Если он их увидел неожиданно, а тем более если вокруг не было людей... в то время вокруг был кто-нибудь?

Си Мао мотает головой.

Специалист по отрицанию. Как же ты один убежал в такое заброшенное место в горах? Ты не побоялся?

Си Мао. Я пошел диких персиков нарвать.

Специалист по отрицанию. Что?

Начальник лесничества. Да это такой вид маленьких персиков, их можно есть, довольно сладкие, сейчас из них модно стало вино делать, его даже за границу продают, точно, называется вино из обезьяньих персиков.

Специалист по отрицанию. А! Обезьяньи персики, *Actinidia chinensis*, актинидия китайская, листопадное вьющееся растение. (Ребенку.) Значит, ты рвал персики и ел их, а как поднял голову, так увидел сумах лаконосный с выросшими на нем дьявольскими глазами.

Си Мао кивает.

Специалист по отрицанию. И принял его за снежного человека?

Си Мао не реагирует.

Специалист по отрицанию. Ты еще, кажется, говорил, что он плакал?

Си Мао кивает.

Специалист по отрицанию. Надо же, какая сила воображения! Ты можешь идти, уходи, иди играть!

Си Мао начинает уходить, оборачивается.

Специалист по отрицанию. Иди же играть!

Си Мао уходит.

Специалист по отрицанию. Принимать за правду слова ребенка! Слова ребенка! Какой же это научный подход? А потом это превращают в сообщение печати, трубят об этом по всей стране и даже по всему миру... Да, в древних книгах имеются упоминания о разных крупных обезьянах, летающих баранах, павианах и великанах, но это все мифы, взятые из «Книги гор и морей». Если брать доказательства из древних колдовских книг, предназначавшихся для гаданий, то вас просто поднимут на смех, это все ненаучный подход, больше того, это даже можно назвать лженаукой!

Начальник лесничества. Вы хотите сказать, что все это, насчет снежного человека, – выдумка?

Специалист по отрицанию. Вы в чертей верите?

Начальник лесничества смотрит на него, не понимая смысла его слов.

Специалист по отрицанию. Если вы верите, то они существуют. (*Собирает портфель, уходит.*)

Входит Си Мао.

Начальник лесничества. А, иди-ка сюда! Я вот хочу тебя спросить, ты, в конце концов, видел снежного человека или нет? Сейчас ты говоришь одно, а через минуту – другое, с тобой каши не сварить! Это тебе все равно что этот обруч крутить, тебе весело, да! Ведь это связано с репутацией всего нашего лесничества. Так много корреспондентов, ученых, и все приезжают сюда только потому, что здесь можно встретить снежного человека. Да, а ты что думаешь, посмотришь на них всех – в глазах рябит. А наверху уже думают, что я тут какие-то козни строю. Как я могу в таком случае оставаться начальником? Идите вы к черту! Придумали какого-то снежного человека, житья от них нет, все переполошились. Сначала приезжают полицейские, спрашивают, в чем дело. Требуют от нас опровержений. Распускать слухи, баламутить народ, нарушать общественное спокойствие – ведь это преступление! А потом снова говорят, что это наука, ученые всего мира сейчас ищут это сокровище... Хорошо, ищите! Я создал вам условия, всегда в курсе дела, предоставляю еду, жилье. А вы как наедитесь да напьетесь, снова говорите, что его нет, мы здесь опять, оказывается, занимаемся лженаукой, а я в таком случае разве не превращаюсь во вруна? Говорите, что этот снежный человек – черт, если я в него верю, то он существует. Оказывается, что я верю в чертей и вообще суеверный. Еще эти продажные писаки то и дело приезжают из всяких там редакций газет. Такой писака сегодня так махнет пером, завтра эдак, раздувают из мухи слона. А пройдет еще два дня, и они пишут: так называемый снежный человек – чистойшей воды выдумка. Хотите верьте, хотите нет, но мне совершенно ясно, что эти самые корреспонденты – никакие там не крупные шишки, от таких корреспондентов хорошего не жди, могут беду накликать! (*К Си Мао.*) Ты что, еще не убрался отсюда? Ну-ка, катись вон! Меня от твоего вида зло берет!

Си Мао всхлипывает, плачет. Входит мать Си Мао.

Мать Си Мао. Си Мао! Си Мао! Кто тебя обидел? (*Видит, что это Начальник лесничества, шлепает его по щеке.*) Ну-ка, быстро иди со мной домой!

Си Мао. Ма... Ма... (*Плачет еще сильнее.*)

Мать Си Мао (*берет ребенка за руку, наклоняется к нему и говорит прямо в ухо*). Я говорю тебе, иди домой кашу есть.

Входит Эколог.

Эколог. Что случилось, Си Мао?

Мать Си Мао. Все из-за вас, которые снежного человека ищут. Не мучайте больше нашего ребенка. (*Уходит, за собой тащит Си Мао.*)

Эколог. Начальник лесничества!

Начальник лесничества (*сердито*). Вы что, еще не ушли?

Эколог. Я как раз ищу вас, чтобы попросить совета.

Начальник лесничества. Что такое?

Эколог. Я хотел бы знать, каковы запасы промышленной древесины в этом лесничестве. Какова ежегодная вырубка? Сколько было всего вложено средств? Сколько было получено древесины? Если так вырубать, сколько еще времени это может продолжаться?

Начальник лесничества. Это вы спросите у техника, у него есть все статистические данные. Каждый год пишется годовой отчет, каждый месяц чертится производственный график.

Эколог. Я здесь составил другой отчет, хочу попросить вас как начальника лесничества просмотреть его. (*Передает ему доклад.*) Я провел некоторые обследования, осмотрел все лесхозы.

Начальник лесничества (*щурит глаза от дальноторкости, отводит бумагу подальше от глаз*). Прекратить вырубку... Вы говорите о том, чтобы не рубить деревьев?

Эколог. Да, охранять этот лес. (*Говорит, улыбаясь.*) Если вы согласитесь, напишите, пожалуйста, ваше мнение. Тогда, считайте, что вы сделали хорошее дело для потомков, для детей, сохранили сокровищницу для будущих поколений. В конце этой дороги, которая ведет в горы, вам могут памятник поставить. (*Хлопает его по плечу.*)

Начальник лесничества. Так вы, оказывается, вот зачем приехали, чтоб наше лесничество прикрыть!

Эколог (*заботливо*). Я предлагаю превратить его в природный заповедник.

Начальник лесничества. Значит, вы хотите лишить нас куска хлеба.

Эколог. Можно подумать и найти другой.

Начальник лесничества. Не смейтесь надо мной. Я с огромным трудом создавал это лесничество, строил дороги, дома. Я и душу, и тело, всю свою жизнь вложил сюда, а вы хотите, чтобы мы все катились отсюда прочь?

Эколог (*по-прежнему немного улыбается*). Нет, я не это имею в виду, вы не поняли, вы по-прежнему сможете работать начальником природного заповедника, по-прежнему будете пить ваш чай.

Н а ч а л ь н и к л е с н и ч е с т в а . Вы издеваетесь?

Э к о л о г . Нет. У такого начальника, по сравнению с начальником лесничества, даже будет меньше забот. Вы верите мне?

Н а ч а л ь н и к л е с н и ч е с т в а (*приходит в ярость*). Я понимаю только в рубке леса, строительстве и развитии.

Э к о л о г . Тогда рубите! Через два года на берегах этой реки не останется и одного леса, эта уже мутная река превратится в глинистый поток. Бедствия, которые это принесет, отнюдь не ограничатся вырубленным лесом, который можно восстановить. Природа может отомстить!

Н а ч а л ь н и к л е с н и ч е с т в а . Что вы кричите?

Э к о л о г . Потому что вы первый стали кричать.

Н а ч а л ь н и к л е с н и ч е с т в а (*на время замолкает, внезапно вспоминает*). Ты тут ходишь туда-сюда и мешаешь производству в лесном районе.

Э к о л о г . У меня есть своя работа. Если я не смогу работать, мне останется только написать доклад в министерство.

Н а ч а л ь н и к л е с н и ч е с т в а (*уходит, полный злобы*). Если еще кто придет искать снежного человека, всех выгоню к черту.

Эколог поднимает обруч Си Мао. Входят мать Яо Мэй и Сваха. Сваха одной рукой держит круглый веер, одновременно обмахиваясь им и закрываясь от солнца; на другой руке у нее висит корзинка со сладостями.

М а т ь Я о М э й . А, редкий гость, какими судьбами к нам занесло? (*Усаживает ее в главной комнате.*) Яо Мэй, завари-ка своей тете У чаю.

Входит Яо Мэй.

Я о М э й (*наклоняет голову, сгибается в поклоне*). Тетушка У.

С в а х а . Ваша Яо Мэй повзрослела и стала еще больше сверкать красотой.

Я о М э й (*с улыбкой*). Вы так говорите, как будто сами старая.

М а т ь Я о М э й (*садится за стол с другой стороны*). По-моему, ты наоборот, чем дальше, тем моложе.

С в а х а . Что ты, это все массаж да пудра.

М а т ь Я о М э й . Ты в хорошем настроении. Как твоя жизнь?

С в а х а . Так, ничего, терпимо, день прошел – и слава богу. Слушай, сестричка, ты подумала, из какой семьи для твоей Яо Мэй мужа взять?

М а т ь Я о М э й . А ты кого приглядела?

С в а х а . Сына Ли Старшего, что живет внизу, в ущелье Медного Гонга. Отец вправду богат, для сына дом построил, семь новых комнат, не считая верха, двор большой.

М а т ь . Боюсь, наша девочка несчастливая.

С в а х а . А что, уже сватались к ней?

М а т ь . Да уж не раз, да она все не хочет, уж не знаю, какого принца она ждет.

С в а х а . А сколько твоей девочке?

М а т ь . Родилась в год дракона, в 12-м месяце по лунному календарю.

С в а х а . О, уже 19, надо быстро выдать замуж. Такая взрослая девка в доме сидит, а ты и не беспокоишься!

М а т ь . И не говори, сестричка, верно все это, у меня у самой душа за нее болит.

С в а х а . Эта семья такая богатая, чего еще искать? Парень здоровый, да и человек неплохой. Отца своего только малость поглупее, да ничего, в школе учится. Я его гороскоп захватила. *(Кладет на стол сложенный лист красной бумаги.)* «Золотая» судьба! Яо Мэй когда родилась?

М а т ь . 6-го числа 12-го месяца, около полуночи.

С в а х а . Сейчас я посмотрю! *(Считает на пальцах, что-то бормочет.)* О! Да это судьба «счастья и богатства». Она так хорошо сочетается с «золотой» судьбой парня Ли Старшего!

М а т ь . Правда?

С в а х а . Я посчитала!

М а т ь . Подождем ее отца, потом еще разок посоветуемся.

С в а х а . Если уж о денежных подарках говорить... *(Достает из-за пояса сверток, завернутый в носовой платок.)* Вот 100 юаней и еще наручные часы. Сейчас уже не дарят браслеты. А раньше пару браслетов подарил – вот и помолвка... Где еще найдешь таких хороших людей! Отец уже нескольких парней поженил, нескольких девок замуж отдал. Старики теперь только и думают, что об этом сыне, на книжке в банке тысяч 10 юаней. Кого еще искать?

М а т ь . Я обязательно должна посоветоваться с моей Яо Мэй.

С в а х а . Вот две бутылки вина и блок сигарет – так Ли Старший хочет задобрить родителей невесты.

М а т ь . Ох, сколько мы тебе хлопот доставляем.

С в а х а . Я жду ответа.

М а т ь . Посиди еще. Мы хоть и бедные, а должны тебя накормить.

С в а х а . Я же приду на свадьбе гулять!
 М а т ь . Яо Мэй, Яо Мэй, проводи свою тетю У.

Входит Яо Мэй, смотрит на Сваху и уходит. Мать Яо Мэй уходит.
 Журчит ручей. Вбегает Яо Мэй, прыгая с камня на камень. Она бежит
 вдоль ручья, как испуганный олень. Убегает.

Густой лес. Кричит кукушка. Эколог собирает образцы растений, что-то
 насвистывает, как бы отвечая кукушке. Вбегает Яо Мэй, прячется за дере-
 вом, вдруг выходит.

Э к о л о г . А, это ты – напугала до смерти. (*Быстро находитcя.*)
 А я думал, это снежный человек. Что с тобой? Что случилось?

Я о М э й . Ничего не случилось.

Э к о л о г . Тогда ты что... ты пришла...

Яо Мэй подбегает, кладет голову ему на грудь, плачет.

Э к о л о г . Что случилось? Расскажи-ка мне по порядку!

Яо Мэй плачет еще сильнее.

Э к о л о г (*не знает, что сделать*). Ты и вправду дурочка... Я за
 тебя волнуюсь. (*Целует ее в лоб.*)

Я о М э й . Ничего ты не волнуешься! Ничего ты не волнуешься!

Э к о л о г . Яо Мэй...

Я о М э й . Скорей женись на мне!

Э к о л о г . Что? (*Обнимает ее, хочет поцеловать, вдруг оттал-
 кивает.*) Нет.

Я о М э й . Я тебе не нравлюсь? То, что ты говорил, – все неправда.

Э к о л о г . А что я говорил?

Я о М э й . Говорил, что возьмешь меня замуж.

Э к о л о г . Когда это?

Я о М э й . Там, у излучины речки ты говорил, что возьмешь ме-
 ня замуж, говорил и забыл, ты все забываешь, я из-за тебя страдаю!
 Я ни о чем не думаю, мне на все наплевать, я хочу умереть!

Э к о л о г . Опомнись, глупая девочка!

Я о М э й . Я не глупая девочка.

Э к о л о г . Но ведь ты... Ты еще ребенок.

Я о М э й . Я не ребенок. Возьми меня замуж, я до конца жизни
 буду с тобой, я могу тебе стирать и готовить, я могу хорошо-хорошо
 тебе прислуживать...

Крепко вцепляется в него, постепенно успокаивается. Эколог медленно
 освобождается от нее, гладит ее волосы. Яо Мэй глупо смеется.

Эколог. Уходи.

Яо Мэй. Что?

Эколог. Уходи! Уходи, пока я еще понимаю, что делаю.

Яо Мэй. Я не боюсь. Я ничего не боюсь, ты только возьми меня замуж.

Эколог. И мне это может навредить. Я не могу здесь больше оставаться. Люди уже прячутся на меня.

Яо Мэй. Какой же ты ученый?! Ты трус, трус!

Эколог. Не говори так, ты не понимаешь!

Яо Мэй. Трус! Трус!

Эколог. Ты думаешь, все очень просто? Я не могу жить только в этих горах.

Яо Мэй. Куда ты поедешь, туда и я, я в горах выросла, привыкла к трудностям.

Эколог. Есть еще много-много всего, ты не сможешь понять, ты не понимаешь моего положения. Можно сделать так, что потом уже не исправишь.

Яо Мэй. А! Ты боишься, другие скажут, что ты женился на деревенской, что я тебе не пара! Ты не должен был с самого начала так говорить. Я из-за тебя так страдаю... (*Плачет.*)

На сцене гаснет свет. Журчит горный ручей. Далее действия I и II происходят одновременно.

Эколог сидит, наклонившись, за квадратным столом, что-то пишет при свете керосиновой лампы.

Действие I

Голос Эколога (*медленно*). Показателем отличия человеческого рода от животных является то, что люди не пассивно приспособляются к природе, но целенаправленно преобразуют природу в соответствии со своими потребностями. Человеческий род в процессе развития стал высшим биологическим видом, хозяином Земли именно в результате того, что в течение долгого времени не прекращая вел упорную борьбу с природой...

Действие II

Одновременно на возвышении в глубине сцены появляется Старый певец, он бьет в большой барабан, на шее у него висит медный колокольчик, звук постепенно усиливается.

Старый певец (*поет*).

Вы спрашивали про «Повесть о тьме»,

В которой говорится о том,

Как был сотворен мир,

Как было создано небо? Как от него отделили землю?
 Вот, послушайте, я вам все ясно расскажу.
 Сегодня о другом не буду петь, расскажу только
 О глубокой древности.
 Говорят, в те времена не было неба, не было земли,
 Не было солнца, не было луны, не было небесных светил.
 Повсюду только тьма и хаос.
 Великий Паньгу родился в хаосе,
 Без отца, без матери, сам собой появился на свет.

В передней части сцены в то время, как исчезает Эколог, медленно пробирается Первобытный человек. У него короткие волосы и разрисованное тело, вокруг пояса – повязка из грубого холста, в ушах – нефритовые серьги, в руках – гладко отшлифованный каменный топор, привязанный к топоричу ленточками из шкур.

Далее действия I и II происходят одновременно.

Действие I

Старый певец (*подпрыгивая, бьет в барабан, энергично поет*).

Только пробудился Паньгу от великого сна, широко раскрыл глаза,

Встал и выпрямился

И больно ударился головой.

Стал искать топор, чтобы разделить небо и землю!

Действие II

Актер, играющий Эколога (*быстро появляется в углу сцены, громко читает статью*). В процессе завоевания природы люди беспрестанно вредили ей и разрушали ее. Грабительское освоение и использование природы, в особенности в последнее столетие, по мере быстрого развития производства уже привели к тому, что нарушился природный баланс. Среда, благодаря которой существует человек, с каждым днем ухудшается.

Первая актриса (*выходит на сцену одновременно с ним, оба говорят вместе, но негромко*). Мы вырубили подчистую весь лес, вырубили кустарник, потом скосили траву и папоротники выжгли. Чтобы посадить кукурузу, еще раз выжгли все в горах. А потом стали разводить цветы в горшках, покупать цветочные горшки с искусственными пейзажами.

Оба актера (*вместе*). Спасите лес! (*Уходят.*)

Входят лесорубы, у всех на лицах ничего не выражающие маски, двигаются танцующей походкой, образуют круг с Первобытным человеком в центре, изображают рубку огромного дерева. Звуки топоров. Огромное дерево ломается с душераздирающим, страдальческим звуком, похожим на крик человека, чья жизнь в опасности.

Старый певец (*мощно поет одновременно с танцующими лесорубами*).

Во всей вселенной было темно, как в курином яйце,
Было десять тысяч туманных слоев,
Паньгу размахнулся топором, сотворяющим мир,
Раздался грохот, грянул гром, со всех сторон задул ветер,
Чистый воздух поднялся вверх и превратился в небо,
Мутный воздух осел и образовал землю.
Начала инь и ян
Увлажнила вода дождя, и родилось все сущее.

Звук ломающихся одно за другим деревьев. Лесорубы разбегаются в разные стороны, огромное дерево с оглушительным звуком падает на землю – этот звук похож на придушенный крик. Первобытный человек падает навзничь на землю, исчезает.

Тишина. В музыке – очень короткий перерыв. На сцене появляются актеры и актрисы, тотчас начинает смутно звучать ритм танца лесорубов, и все громче и громче раздаются звуки работающих пил, электропил, тракторов, дизельных грузовиков. Звуки песни Старого певца также значительно удаляются, можно лишь смутно различить хриплый голос.

Далее действия I и II происходят одновременно.

Действие I

Первый актер. Мы истребили диких буйволов и мустангов.

Второй актер. Мы уничтожили львов и носорогов, перестреляли стада слонов.

Третий актер. Даже тигры и крокодилы не смогут избежать смерти.

Четвертый актер. Уссурийский журавль и черный лебедь в опасности.

Пятый актер. Мы принимаем срочные меры для спасения панды.

Шестой актер. Каждый день мы уничтожаем на земле два-три вида животных.

Седьмой актер. Есть много видов, которые мы уже уничтожили, но еще не знаем об этом.

Восьмой актер. Когда не останется даже кукушки, мы, может быть, почувствуем одиночество!

Все вместе. О! Спасите лес!

Действие II

Вторая актриса (*похожа на школьницу, читающую наизусть стихи*):

На этой широте земного шара как изолированный остров
 Сохранится только этот наш первобытный лес.
 Культура древнего Вавилона погибла
 Под морем песка... Там сейчас только ветер и песок...
 Безбрежная пустыня и бесконечное одиночество...

Звук и изображение полностью исчезают, вновь появляется Эколог, спящий сидя за квадратным столом. Керосин в лампе кончается, поэтому светит она очень слабо. По обе стороны Эколога – тени Яо Мэй и Фан. Яо Мэй кричит ему: «Трус! Трус!» Фан говорит: «Ты совершенно не понимаешь женской души...». Но все это происходит без звука, слышно только журчание горного ключа.

ГЛАВА III

«ПЕСНЯ ДЕСЯТИ СЕСТЕР» И ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ

Старый певец выходит на сцену через зрительный зал, таща за собой щенка, медвежонка, а, может быть, игрушечного тряпичного медведя в наморднике, сделанном из проволоки. Он привязывает его на видном месте сцены, затем, завернув нижнюю часть тела в ватное одеяло, ложится на стоящую на сцене кушетку, на которой постелена шкура леопарда. Входит ответственный работник Чэнь.

Чэнь. Есть кто-нибудь в доме? А! Здравствуй, как дела? Заболел?

Старый певец. Плохо дело.

Чэнь. Что плохо?

Старый певец. Все тело плохо.

Чэнь. А ты не притворяешься?

Старый певец. Эх, старый стал, скоро в гроб лягу. На днях медведя подстрелил, нехорошо, грех большой. Небо меня не пощадит.

Чэнь. Старик, я тебя оштрафую за то, что ты с духами заигрываешь

Старый певец. За что ты меня оштрафуешь?

Чэнь. Опять ты занялся грязными делами.

Старый певец. Против закона я ничего не делаю.

Чэнь. А зачем ты таскался в ущелье Медного Гонга?

Старый певец. Я уж много месяцев из дома не выходил.

Чэнь. Я говорю о том случае, когда ты пел трудовую песню о работе в поле.

Старый певец. А что, песен опять, что ли, нельзя петь?

Чэнь. Я говорю не о том, что ты песни пел.

Старый певец. А я думал, что эту песню снова петь нельзя.

Чэнь. Я спрашиваю, чем ты занимался в ущелье Медного Гонга.

Старый певец. Не ходил я туда, в ущелье Медного Гонга.

Чэнь. Это называется неискренность. Ты петуха зарезал и с духом заигрывал. Что, думаешь, мне это не известно?

Старый певец. Ты, верно, ошибся. Не мог это быть я.

Чэнь. Еще раз тебя поймаю, оштрафую, вот увидишь!

Старый певец. Чэнь, если хочешь чаю попить, сам налей. У меня что-то опять ноги болят.

Чэнь. Нечего шляться туда-сюда.

Старый певец. Если я не буду шляться, ты, что ли, меня накормишь?

Чэнь. Ты на одной охоте немало зарабатываешь. Вот скажи, того медведя за сколько продал?

Старый певец. Да он случайно наткнулся на колокольчик да и попался на мушку.

Чэнь. Ты скажи, за эти зиму и весну ты ставил ловушку, зверей ловил, одного мускуса сколько наделал.

Старый певец. Да я уж всех переловил, ничего не осталось.

Чэнь. Слушай, у тебя там от животных членов не осталось? Дай и мне один.

Старый певец. На что тебе? Если повесишь его на дом, женщины рожать не будут.

Чэнь. Куда мне еще детей? Если еще родится, с меня такой штраф сдерут, что я и выплатить не смогу⁴.

Старый певец. Как, с тебя тоже могут штраф взять? Разве ты не ответственный работник волостного правительства?

Чэнь. Работник еще, работник. Давно уж хочу заняться торговлей. Да до сих пор все этим чертовым работником служу.

Старый певец. Это хорошо. Не дай бог, тебя поставят волостным начальником, тогда всей волости несдобровать.

Чэнь (*оглядываясь по сторонам*). Это не медвежонок там?

Старый певец. Тебе померещилось, это собака.

Чэнь. Не морочь мне голову, старик, ты медвежонок поймал.

Старый певец. Подобрал, в лесу подобрал. Медведя убил, а медвежонок подобрал.

---

⁴ В соответствии с политикой рождаемости в Китае в то время, когда написана пьеса, можно было иметь только одного ребенка.

Чэнь. А я почему не подобрал? Почему тебе всегда везет, черт побери? Я его заберу.

Старый певец. Эй!

Чэнь. Я тебе два юаня дам.

Старый певец. Два юаня? Я его меньше чем за 20 не отдам.

Чэнь. Это за маленького-то медвежонка – 20? Ну, ты загнул!

Старый певец. Да такого и за 50 не купишь. В городском зоопарке не меньше ста дадут – и это госцена. А если найти бродячего фокусника, так он даст, сколько попросишь.

Чэнь. Но я же не бродячий фокусник.

Старый певец. Так зачем же тебе медвежонок?

Чэнь. Дом сторожить.

Старый певец. Да он у тебя дома всех свиней и кур сожрет.

Чэнь. Ну и ну! Он что, такой дикий?

Старый певец. Уж дикие звери – они такие. Если не кусается – считай, еще смиренный.

Чэнь. Ну, ты тогда его оставь, дождись бродячего фокусника. (*Подходит к окну.*) К вам сюда приезжал тот, что снежного человека ловит?

Старый певец. Люди ко мне не ходят регистрироваться.

Чэнь. Живет с тобой в одной деревне, в ней всего десять с небольшим человек, а ты и не знаешь?

Старый певец. А, ты говоришь... ты говоришь....

Чэнь. Ты мне тут дураком не прикидывайся! Сверху к нам приехал, лет за тридцать, один, уже несколько месяцев в горах. Чем он тут занимается?

Старый певец. Не стоит вмешиваться в чужие дела.

Чэнь (*подходит к нему, наклоняется, серьезно*). Старик, скажи, он правда любитель снежных людей или он за чем-нибудь еще приехал? Может, его к нам сверху с проверкой прислали?

Старый певец. Может быть, он все горы облазил.

Чэнь. Я спрашиваю, интересовался ли он волостными кадровыми работниками?

Старый певец. Он скромный человек.

Чэнь. Я-то боюсь разных там проверяющих групп, ревизоров, с ними труднее всего договориться, ты их хорошо кормишь, хорошо принимаешь, а они возвращаются и еще на тебя акт составляют. (*Смотрит по сторонам.*) Эй! Этот учитель из начальной школы в вашей деревне, что, приходил к тебе народные песни записывать? Теперь это – мода. Враз распространилась, сейчас и по радио все

поют про суженого да любимую. Ты вот что, ты, черт тебя дери, много этих штук знаешь. Как-нибудь я тебя потрясу, и для меня споешь.

Старый певец. Только ты выпить принеси.

Чэнь. Ладно, не будем с тобой языком молоть. Этот медвежонок...

Входит Эколог, в дверях сталкивается с Чэнем.

Эколог. Здравствуйте.

Чэнь. А, это вы. (*Осматривает его.*) Какой день хороший! Что, в горы ходили?

Эколог. Только что вернулся.

Чэнь. Снежного человека искали? Не нашли пару его волос?

Эколог (*смеется*). Нет.

Чэнь (*показывает свое дружеское к нему отношение*). Ну и хорошо, что не нашли. Все равно из десяти девять фальшивых. Уж как мне не знать их проделок? Каждый притворяется правдивым, а душа дерьмом набита, виляют вокруг да около. Что еще за волосы снежного человека? Все это крашенная обезьянья шерсть.

Эколог. Ну, это можно проверить с помощью анализов.

Чэнь. Только не говорите, что это я рассказал. А если вы не искать снежного человека приехали, так зачем же?

Эколог. Собирать образцы. В этих горах есть первобытный тутовый лес, то, что в народе называют голубиным деревом. Такие древние реликтовые растения, как гинкго, метасеквойя глиптостробовидная, тюльпанное дерево китайское. Эти ценнейшие живые ископаемые уже существуют более миллиона лет....

Чэнь. А у вас есть разрешение? Я из волостного правительства. Сейчас полно всякого народу приезжает в эти горы, лекарства собирают, лес воруют, охотятся, те, что на равнине живут и хотят дом построить да жену найти. Сейчас вот снова приехали снежного человека искать...

Эколог достает и показывает бумаги.

Чэнь. А! Вы смело оставляйтесь сколько хотите. Здесь, в горах, воздух хороший. Прошлый раз приезжали тут несколько человек из Шанхая снежного человека искать, я с ними по этим горам ходил. Они как приехали, так уезжать не хотели, говорили, что в том Шанхае везде высокие дома.

Эколог. Верно.

Чэнь. А у нас здесь выйдешь из дома – сразу горы. Еще говорили, что в Шанхае на улицах люди сталкиваются друг с другом, людей больше, чем муравьев, правда это?

Эколог. Намного больше.

Чэнь. Эх, хорошо бы командировку пробить, поехать, на мир посмотреть. Если будете свободны, заходите к нам в волостное правительство чаю попить, спросите Чэня, меня в этих горах каждый знает.

Старый певец. Попьете чайку, Чэнь?

Чэнь. Я пойду. (*Уходит.*)

Старый певец. Он ушел?

Эколог. Ушел.

Старый певец. Тьфу!

Эколог. Что такое?

Старый певец. Раньше этот черепаший внук издевался над людьми... (*С трудом пододвигает тело.*) Эти ноги... Побеспокою вас, закройте дверь, боюсь я ветра. Можно спрятаться от плохого человека, да от судьбы не спрячешься. Боюсь, в этот раз уж не поднимусь...

Эколог закрывает входную дверь, на сцене темнеет. Старый певец и Эколог исчезают. В другом углу сцены появляется Старый певец в бумажном колпаке в метр высотой, на шее висит деревянная табличка с надписью «Нечисть», в руках он держит маленький гонг, согнулся, опустил голову. С каждым ударом маленького гонга он поднимает голову и кричит: «Простите меня!» Рот искривлен, как будто на лице надета маска. Уходит. Эта картина также проходит без звука. Гудит на холодном ветру потрескавшийся сухой бамбук.

На передней части сцены Эколог наблюдает что-то в бинокль. Входит Си Мао.

Си Мао. Дядя, ты на что смотришь?

Эколог. Я ищу уссурийских журавлей.

Си Мао. Можно я посмотрю, а?

Эколог притягивает к себе Си Мао, дает ему бинокль.

Эколог. Смотри далеко, на ущелье, на берег озера. Что ты видишь?

Си Мао. Увидел! Там журавли! Такой большой, вон... там еще стоя.

Эколог. Посчитай, сколько их там?

Си Мао. Один, два, один серый...

Э к о л о г . Это серый журавль Лильфорда.

С и М а о . Есть еще один с черной шеей и красной головкой...

Э к о л о г . Это черношейный журавль, тоже вид птиц, охраняемых государством. Сколько их всего?

С и М а о . Один, два, три, четыре, пять, шесть. Они взлетели, ноги длинные-длинные, когда летят, они прямо-прямо их вытягивают!

Э к о л о г . Те, что подбирают ноги, – это лебеди, а которые не подбирают – журавли. Они прилетели к нам на зиму с далекого-далекого севера. Весной они снова улетят на север. Это их передовая группа, несколько самых первых журавлей.

С и М а о . Их много прилетит!

Э к о л о г . Если это место еще подходит им для отдыха, может прилететь очень много. Если они не смогут здесь жить, то все улетят. И больше мы их не увидим.

С и М а о . Дядя, ты уедешь?

Э к о л о г . Уеду...

С и М а о . А еще приедешь?

Э к о л о г . Не знаю. (*Утешая.*) Может быть, приеду. (*Достает из кармана книгу.*) Я оставлю тебе этот «Справочник для любителей птиц». В начале есть картинки, ты можешь сравнивать, научиться различать птиц. Люди и птицы – друзья, понимаешь?

С и М а о . Понимаю.

Э к о л о г . Люди и деревья тоже друзья. Люди могут хорошо жить только там, где есть лес.

С и М а о . А человек и снежный человек?

Э к о л о г . Они тоже должны быть друзьями. Си Мао, перед тем как начнется весна, сходи на берег озера и посмотри, какие там птицы. Посчитай, сколько там птиц каждого вида, потом напиши мне об этом в письме. Ты умеешь письма писать?

С и М а о . Умею, нас учитель учил.

Э к о л о г . Потом каждый год перед весной ходи на берег озера, смотри, изменилось ли число. Запомни, во-первых, с красной головкой – это уссурийский журавль, с красной головкой и черной шеей называется черношейный журавль, весь серый – это серый журавль Лильфорда. Запомнил?

С и М а о . Ты меня не путай! Это невозможно запомнить. Дядя, ты вернешься?

Э к о л о г . Я думаю, что вернусь. Но перед этим я еще должен съездить в очень многие места.

С и М а о . Они все очень-очень далеко?

Эколог. Все далеко. Наша земля огромна. (*Кричат журавли. Шум взлетающей вспугнутой стаи.*)

С другой стороны входят корреспондент Ван и Начальник лесничества.

Ван. Снова я вас отвлекаю

Начальник лесничества. Я должен вам четко сказать, что не разрешается публиковать какие-либо новости о снежном человеке в наших местах. Это связано с репутацией нашего лесного района.

Ван. Не беспокойтесь, пожалуйста. В этот раз я приехал не из-за снежного человека. У вас здесь есть преподаватель начальной школы по имени Сунь Юйдэ?

Начальник лесничества. А зачем он вам нужен?

Ван. Вы что, еще не знаете? Опубликовали древние песни этих мест, которые он собрал и систематизировал под названием «Повесть о тьме»!

Начальник лесничества. Об этом мне не известно. Это он сам протолкнул. Если что случилось, он сам и будет отвечать. Мы в лесном районе не проверяем такие рукописи.

Ван. Послушайте, некоторые видные авторитеты фольклористики уже написали хвалебные статьи, оценка очень высокая, они считают, что впервые обнаружена китайская эпическая поэма. Раньше о таких поэмах ничего не было известно. Вот это действительно важная новость! Я должен быстро его разыскать, написать о нем специальный репортаж! Я еще хочу найти того, кто поет «Повесть о тьме», этого певца... по фамилии... по фамилии Цзэн.

Начальник лесничества. Это вы о том старике Цзэне, который заигрывает с демонами и занимается колдовством?

Ван. Сейчас исследователи фольклора хотят, да не могут найти таких старых колдунов, это еще большая редкость, чем панда! Они, как и снежные люди, скоро все вымрут.

Начальник лесничества. Считайте, что вы опоздали.

Ван. А что такое?

Начальник лесничества. Он только что умер.

Ван. Как умер?

Начальник лесничества. Старый стал, от старости и умер. (*Уходит вместе с корреспондентом.*)

Входит процессия близких жениха, встречающих невесту. Она состоит из молодых людей; те, что идут впереди, стучат в гонги и барабаны и играют на сонах⁵, создавая сильный шум.

⁵ Сона – китайский музыкальный инструмент, близкий к зурне и гобою.

Здоровый парень (*поет*).

Сорока затрещала у двери,
Завтра будет новая невеста,
Впереди несут зонт, рассыпающий золото,
Сзади подняли расшитый паланкин.

Остальные звучно подхватывают конец куплета. Перед дверью дома невесты стоит группа девушек в разноцветных рубахах и брюках, в руках у них – блюда, полные красных фиников, сушеной хурмы, сладостей с семенами конопли, сигарет. Парни, встречающие невесту, хватают угощение с блюд, которые держат девушки, говорят озорные слова; некоторые язвительные девушки подтрунивают над парнями, без умолку смеясь, уходят со сцены. На сцену под звуки соны выходит Сваха, у нее красивая шпилька, лицо напудрено белой пудрой, в руке – небольшой платочек, она делает вид, что у нее небольшие изящные ножки. Проходит круг по сцене.

Сваха (*поет*).

Распустились бирюзовые цветы граната,
Посмотрите, как я спою вам о десяти девушках,
На склоне Лука-порья сестер много,
Поет одна лучше другой.

Входит хор подружек невесты. Он состоит из девушек и молодых женщин, они ведут, обняв, опустившую голову невесту Яо Мэй. Соны звенят громче.

Первая девушка (*поет*).

Распустились белые цветы тутового дерева.
Только дочь не может расцвести,
Зерна лотоса падают в землю и рождают новые зерна,
Мать и дочь рано или поздно должны расстаться.

Вторая девушка (*поет*).

Отец и мать с таким трудом растили дочь,
Она выросла, и на свадьбу еще надо потратиться.

Третья девушка (*поет*).

Брат беспокоился, голову ломал,
С малых лет заботился о сестре.

Четвертая девушка (*поет*).

Трудно расставаться и со снохой,
Она учила тебя вышивать цветы и узоры.

Журчит ручей. Девушки, держась за руки, переходят через него. На заднем плане в противоположном конце сцены появляются лесорубы. Стучат

их топоры. Звук ломающегося большого дерева. Ритмично стучат топоры. Звук ломающегося дерева усиливается. Срубленное дерево с оглушительным грохотом падает на землю. Все это сопровождается танцем лесорубов на заднем плане. Движения танца, если их сравнить с двумя предыдущими танцами лесорубов, довольно абстрактные и более упрощенные. Лесорубы танцуют синхронно с пением «Песни десяти девушек».

П я т а я д е в у ш к а (*поет*).

Как покинешь родительский дом и войдешь в дом жениха,
Нужно почтительно подносить чай.

Ш е с т а я д е в у ш к а (*поет*).

Нужно быть мудрой женой,
Всеми силами прислуживать мужу.

С е д ь м а я д е в у ш к а (*поет*).

Вставай рано утром, ложись поздно ночью, будь трудолюбивой,
Пораньше роди маленького толстячка.

Песня девушек удаляется, хор уходит. На западном плане исчезают лесорубы, появляются движущиеся факелы. На сцену с одной стороны выходит Эколог с рюкзаком за плечами, с другой стороны появляется Начальник лесничества со стаканом чая в руках.

Э к о л о г . Здравствуйте, начальник.

Н а ч а л ь н и к (*сердито*). Я уже не начальник!

Э к о л о г (*испуганно*). А что случилось?

Н а ч а л ь н и к . Сняли.

Э к о л о г . Почему?

Н а ч а л ь н и к . Разве это не вы наверх доклад протолкнули?

Э к о л о г . Извините, но я вовсе не вмешивался в ваши личные дела, я только призывал прекратить вырубку леса.

Н а ч а л ь н и к . А если лес не рубить, зачем нужен начальник лесничества?

Э к о л о г (*искренне*). Вы еще можете стать директором заповедника. Правда! У вас даже будет больше времени, чтобы чай пить. Вы ошибаетесь, если думаете, что я вам зла желаю.

Н а ч а л ь н и к (*грустно*). Да меня на пенсию выперли.

Э к о л о г . А сколько вам лет?

Н а ч а л ь н и к . 61.

Э к о л о г . А... Тогда, конечно.

Н а ч а л ь н и к . Уже все решено, осталось только дела сдать. Лесничеству, которое я своими руками создал, конец пришел. Из центра

пришла бумага, будут здесь природный заповедник делать. Это все вы затеяли. Что, довольны?

Э к о л о г . Позвольте мне тоже вас поздравить.

Н а ч а л ь н и к . Что?

Э к о л о г . Ведь вам теперь не нужно будет на собраниях торчать, на старости лет будет время послушать, как птицы поют.

Н а ч а л ь н и к . Что-что?

Э к о л о г . Вот, например, восьмиголосая кукушка может петь восемь разных мелодий.

Н а ч а л ь н и к . Идите, идите отсюда.

Э к о л о г . Раз так, тогда до свидания. *(Оглядывается, уходит.)*

Н а ч а л ь н и к *(тащится, едва передвигая ноги. Устало)*. До свидания. До свидания. *(Поднимает голову, слушает пение птиц, оставливается, прищуривается.)*

Поют птицы. Темнеет. Звуки работающих телевизоров и радиоприемников. На большом телевизионном экране появляется женщина-диктор. Одновременно входят участники экспедиции по поискам снежного человека, они все одеты в альпинистские костюмы, несут различное снаряжение: фотоаппараты, небольшие кинокамеры, ледорубы, охотничьи ружья, аптечки, бинокли, радиоприемники, переговорные устройства и тросы.

Д и к т о р . Уважаемые телезрители! *(Хлопает ресницами и двигает бровями.)* Сегодня в нашей программе «Окно в мир» мы познакомим вас с различными взглядами на снежного человека с Гималайских гор и неуловимого бигфута из Северной Америки. Эта программа предназначена для участников поисков снежного человека в нашей стране и самостоятельных любителей снежного человека.

Н а ч а л ь н и к э к с п е д и ц и и п о п о и с к а м с н е ж н о г о ч е л о в е к а . Общий сбор! Произведем проверку багажа. *(Участники экспедиции проверяют взятое с собой оборудование.)*

Д и к т о р . Говорит английский исследователь Купер. *(Исчезает.)*

А н г л и й с к и й и с с л е д о в а т е л ь *(появляется)*. Я и мои коллеги своими глазами видели два ряда огромных свежих отпечатков ног, которые оставил на снегу снежный человек. Мы тогда были на леднике Мелунг, несколько километров преследовали его по следам. Да-да, М-е-л-у-н-г, ледник Мелунг.

Н а ч а л ь н и к э к с п е д и ц и и *(одновременно с исследователем дает последние инструкции участникам экспедиции)*. Мы пойдем в горы. Если в горах мы встретимся с этим странным животным, мы всеми возможными способами должны попытаться поймать его и одновременно быстро сфотографировать, разом разгадаем загадку.

Далее действия I и II происходят одновременно.

Действие I

Французский геолог (*появляется*). Конечно, мы сделали снимки, кроме того, произвели сравнительный анализ. Эти четко отпечатавшиеся пальцы ног никак не могут принадлежать снежному барсу, так как на отпечатках лап снежного барса должны быть когти. Пятый же палец медвежьей лапы несколько крупнее других пальцев, а у человека наоборот, самым крупным является большой палец. Поэтому вывод может быть только следующим: какое-то крупное прямоходящее животное, кормящее потомство грудью, сходное с человеком, до сих пор еще не известное науке. (*Исчезает.*)

Диктор. Только что выступал геолог из Франции Бовари. А сейчас, уважаемые телезрители, перед вами выступят два специалиста из США: профессор Бемерсен и доктор Робертс.

Действие II

Начальник экспедиции. В случае, если расстояние будет довольно большим и его трудно будет поймать, мы должны спокойно и быстро произвести осмотр. Я выделю основные моменты, на которые необходимо обратить внимание при осмотре: 1) облик этого странного животного; 2) его размеры; 3) цвет шерсти. Это первое, что нужно сразу же выяснить при осмотре. Затем сразу же произвести осмотр с головы до ног: 1) какова форма головы; 2) короче ли верхние конечности нижних или длинней; 3) есть ли ногти на руках; 4) есть ли, в конце концов, хвост.

Далее действия I и II происходят одновременно.

Действие I

Доктор наук из США. Эта чистая насмешка над наукой!

Американский профессор. Лучше сказать – это вызов науке!

Доктор наук. Отпечатки ног – это доказательство? Да это горные жители ночью шутят, чтоб иностранных туристов завлекать.

Профессор. Не могу вам не напомнить, что даже у нас в США засняли «Бигфута»! Роджер Берсон 20 октября 1968 года в Северной Калифорнии отснял на 16-миллиметровой пленке добрых 66 метра известного фильма. Как вы можете это объяснить?

Доктор. Мой дорогой друг, чего только не могут снять в Голливуде! Там всё снимали – от чертей до пришельцев из космоса, только бы деньги платили. (*Хочет, исчезает.*)

Действие II

Н а ч а л ь н и к э к с п е д и ц и и . Внимание стрелков усыпляющей инъекцией. Стрелять нужно в места скопления мышц, ни в коем случае не стрелять в грудь, в живот, чтобы не повредить грудную клетку и внутренние органы. Я должен напомнить еще, что попадание в жировую прослойку или под кожу может ослабить действие лекарства. Все могут быть полностью уверены в плане поимки при помощи усыпления, в этом случае вполне возможно поймать это странное животное живым.

Далее действия I и II происходят одновременно.

Действие I

А м е р и к а н с к и й п р о ф е с с о р (в о о д у ш е в л е н н о) . Сейчас мы ведем научную дискуссию, а наука – строгая вещь. До того как будет пойман живой экземпляр бигфута, или снежного человека, в вопросе о его существовании можно придерживаться либо положительно-го, либо отрицательного мнения. Однако я полагаю, что привлечение всеобщего интереса к этому вопросу никому не может причинить вреда. Подобное животное заставляет нас вспомнить молодость человечества, кроме того, оно является плодом личных фантазий, галлюцинаций и кошмарных снов, не говоря уже о том, что оно связано с чудовищами из мифов и легенд, порождаемых коллективным сознанием людей... *(Становится печальным. Изображение темнеет, голос звучит тише. Исчезает.)*

Действие II

Н а ч а л ь н и к э к с п е д и ц и и . Внимание! Внимание! За усыпленным снежным человеком необходимо усиленное наблюдение: 1) внимательное наблюдение за дыханием, сердцебиением, изменением температуры тела: эти данные необходимо фиксировать каждые два часа; 2) для предупреждения заражения ему необходимо ввести антибиотики и большую дозу витамина С, двойного В и В₆; 3) все эти действия ни в коем случае нельзя производить грубо, необходимо наблюдать за реакцией организма по зрачкам. Всем все ясно?

У ч а с т н и к и э к с п е д и ц и и . Всем все ясно.

Слышится громкий, беспорядочный лай охотничьих собак. Телеэкран исчезает.

Н а ч а л ь н и к э к с п е д и ц и и . Хорошо! А теперь делимся на группы и поочередно выступаем.

Все убегают. Лай собак удаляется. Дует ветер. В углу сцены на кровати лежит готовый уснуть Си Мао. В руках у него учебник.

М а т ь С и М а о . Ты что это все свет не гасишь?

С и М а о (*бормочет*). Я книжку почитаю...

М а т ь С и М а о . А я и не знала, что ты такой отличник. Днем книг не читает, а ночью глаза портит, да керосин переводит. Ну-ка, быстро задувай лампу! Слышишь, что я говорю? Ах ты, негодник, ну-ка, гаси лампу!

Встает, видит, что ребенок уже заснул, берет у него книгу, накрывает его одеялом, гасит лампу. На сцене полная темнота, ветер становится тише, звучит мягкая электронная музыка. На сцене перед Си Мао в слабом синем свете, спиной к зрителям появляется длиннорукий, полусогнутый, с длинными свисающими волосами, весь покрытый пушистым мехом Снежный человек. Си Мао убирает от лица руки, которыми он закрывал глаза, прищуривается, они со Снежным человеком смотрят друг на друга, лицо Си Мао напряжено.

С не ж н ы й ч е л о в е к . Ся-ся.

С и М а о (*отвечает очень осторожно, как бы проверяя реакцию снежного человека*). Ся-ся. (*Уже не так напряженно улыбаясь*.) Хи-хи.

С не ж н ы й ч е л о в е к . Хи-хи, хи-хи.

С и М а о (*спокойно смеется, громко*). У-у-у!

С не ж н ы й ч е л о в е к (*выпрямляется, спиной к зрителям*). У-у-у! (*Машет длинными руками*.)

С и М а о (*тоже весело размахивает руками*). У-у-у! У-у-у!

С не ж н ы й ч е л о в е к . У-у-у!

С и М а о . Ся-ся (*протягивает Снежному человеку руку*).

Снежный человек тоже протягивает руку. Они, держась за руки, бегут к возвышению в глубине сцены. Си Мао бежит, оборачивается, зовет Снежного человека. Снежный человек тоже бежит. Си Мао прячется. Снежный человек ищет его. Си Мао вылезает с другой стороны. Снежный человек находит его, бежит за ним. Си Мао бежит впереди Снежного человека, Снежный человек бежит за ним. Они бегут к еще более высокому месту в глубине сцены.

Музыка звучит все громче и громче, их движения замедляются, становятся похожими на замедленную киносъемку. Место, к которому они бегут, покрыто туманом, хотя и абсолютно светлое, похожее на ясный детский сон.

Ловкий ребенок и неуклюжий Снежный человек начинают танцевать. Ребенок останавливается и играет со Снежным человеком, Снежный чело-

век копирует движения ребенка, только он делает их в два раза медленнее. Снежный человек постоянно находится спиной к зрителям. Мальчик отступает назад, немного пробегает, танцует. На заднем плане постепенно проясняется густой лес.

Повсюду на сцене появляется много актеров и актрис в масках. Эти маски гиперболически изображают различные состояния души: радость, гнев, скорбь и веселье, – однако все они выполнены в едином комическом стиле. Все актеры повторяют движения танцующего Снежного человека. Одновременно с их выходом на сцену звуки музыки усиливаются и накладываются на звуки и ритмичные удары, под которые танцуют лесорубы, и мелодию «Песни десяти девушек».

Музыка кажется еще более яркой и немного печальной. Старый певец тоже неожиданно начинает петь хриплым голосом. Среди усилившихся звуков еще смутно слышится веселый детский голос: «Ся-ся, У-у-у, Хи-хи-хи, У-у-у, У-у-у, У-у...» Но все актеры, танцующие в праздничной, радостной атмосфере, говорят те же слова, перекликаясь с ребенком и Снежным человеком, иными словами, перекликаясь со звуками диалога человека и природы.

КОНЕЦ ПЬЕСЫ

Пьеса впервые поставлена труппой Пекинского народного художественного театра.

Предложения и разъяснения по постановке данной пьесы

1. В сценическом искусстве необходимо вновь обратиться ко многим утраченным за последние сто с лишним лет художественным методам. Данная пьеса является попыткой сценического возрождения в современном театре традиционных концепций, иными словами, она основана не только на искусстве сценической речи, но в спектакле также содержится попытка полностью использовать пение, декламацию, движение и ритм. Поэтому режиссер в соответствии с личными качествами каждого актера может выявить ту сторону игры каждого из них, в которой тот силен: особое внимание уделить либо сценическому образу, либо манере игры, либо голосу, либо движениям, либо мастерству. Те, кто умеет петь, могут петь, те, кто силен в танцах, – танцевать. Есть также части, специально написанные для декламации.

2. Режиссеру и хореографу в их трактовке и плане постановки нет необходимости по старинке ограничивать представление толь-

ко сценой, можно использовать все пространство театра. Действие должно идти во всем театре, и весь театр превратится в место встречи актеров и зрителей, которые по возможности будут участвовать в представлении и не будут постоянно отделены от него рампой.

3. При постановке пьесы упор делается на театральность. Не следует пытаться создать обстановку, близкую к реальности. Напротив, необходимо напоминать зрителям, что идет представление. Кроме того, посредством общения и контактов со зрителями в театре необходимо создать теплую, сердечную атмосферу, сделать так, чтобы зрители, участвуя в ярком представлении, чувствовали себя как на празднике и от души веселились. Конечно, можно также отвести некоторое время на перерывы между сценами, чтобы зрители имели возможность переживать впечатления и размышлять.

4. Во время многочисленных перемен места действия по ходу спектакля нет необходимости, да и возможности, каждый раз использовать реалистические декорации. При изменениях на сцене (за исключением световых и звуковых) следует полагаться на мобилизацию воображения зрителей, главным же всегда остается игра актеров. В процессе представления чувство уверенности в реальности происходящего, веру в нее зрителей необходимо создавать главным образом за счет игры актеров.

5. В данной пьесе полифонически переплетается несколько основных тем, иногда они гармонически или негармонически наслаиваются друг на друга, создавая определенный полифонический эффект. Многоголосие проявляется не только в речи, речь с музыкой и звуком составляет также определенную структуру многоголосия и даже полифонически сочетается с изображением. Так же как симфоническая музыка стремится к созданию комплексного музыкального образа, в данной пьесе содержится попытка добиться эффекта комплексного представления, а идеи, которые должны быть выражены в ходе пьесы, воплощаются посредством многократного, многоголосного сопоставления и постоянного повторения.

6. Одновременно с экспериментами с речевой и звуковой полифонией делается также акцент на яркость зрительных образов, кроме того, посредством переплетения на сцене танцев, изображения и воспоминаний создается многослойный зрительный образ. Режиссер и хореограф при постановке этих сцен, при решении зрительных образов могут следовать методу построения композиции, используемому в изображениях на кирпичях периода Хань и в гравюрах.

Однако, в отличие от этих изображений, существующих на плоскости, представление должно охватывать все пространство театра.

7. Применение полифонии главных тем и техники многоголосья, естественно, требует многослойности представления. Например, когда актер перед выходом на сцену взаимодействует со зрителями, находящимися в театре, – это один слой; когда он после выхода на сцену обращается к зрителям уже от лица своего персонажа – это другой слой. Часть изображаемых персонажей живут в данном месте и в данное время, однако в некоторых сценах действуют силуэты на заднем плане, например в сценах смерти лесника и позора профессора. Другие сцены являются обобщенными образами истории, например танцы первобытных людей, танцы лесорубов и танец снежного человека. Необходимо разделить эти различные уровни представления, их интенсивность и степень гиперболичности и метафоричности.

8. Живой фольклорный материал, используемый в пьесе, целиком взят в деревнях и горных районах бассейна Янцзы. Поэтому во внешности персонажей, костюмах и музыке должны быть воплощены особенности южной части Китая, народные нравы и обычаи, которые значительно отличаются от обычаев, существующих в деревнях и горных селениях северного Китая. Во время представления не нужно подвергать обработке народную культуру фольклорной основы.

9. При постановке «Песни десяти сестер» можно обратиться к свадебным песням района Шэньунцзя провинции Хубэй. Трудовую песню «Работа в поле, гонги и барабаны» и ту, что поется при строительстве дома, можно сравнить с аналогичными трудовыми песнями районов Шэньунцзя и Цзинчжоу. «Танец, изгоняющий духа засухи» можно сопоставить с движениями ритуальных танцев северо-западной части провинции Цзянси и с религиозным обрядом изгнания духов даосской секты «Чжэньи». По поводу изготовления деревянных масок можно обратиться к колдовским маскам из уезда Хуанпин, собранным в музее провинции Гуйчжоу; не нужно гримировать актеров, как в традиционном китайском театре. Для создания образа первобытного человека можно обратиться к изображениям человека из музея провинции Чжэцзян. Образ снежного человека может быть основан на его изображении, восстановленном по описаниям очевидцев, которые были опубликованы Китайским обществом по поискам и изучению снежного человека. Китайская народная эпическая поэма «Повесть о тьме», которая использована в пьесе,

была обнаружена работником дома культуры лесного района Шэнь-нунцзя Ху Чунцзюнем, и сейчас ее полный текст готовится к печати.

Данные предложения приводятся лишь в качестве справочного материала.

Гао Синцзянь,

9 сентября 1984 г. в 1 час ночи – первый вариант рукописи.

2 декабря – второй вариант рукописи.

Об авторе этой книги

Александр Владимирович Лукин родился в 1961 г. в Москве. Окончил факультет международных отношений Московского государственного института международных отношений МИД СССР. Проходил стажировку на философском факультете Пекинского университета (КНР). Работал в МИД СССР, Посольстве СССР в КНР, Институте востоковедения АН СССР. В 1990 г. был избран депутатом Моссовета, возглавлял подкомиссию по межрегиональным связям. В 1997 г. получил степень доктора философии по специальности «политика» в Оксфордском университете (Великобритания), в 2007 г. – доктора исторических наук в Дипломатической академии МИД России, в 2013 г. – диплом о профессиональной переподготовке по программе «теология» в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете.

Работал в Гарвардском университете и Институте им. Брукинса (США), в 1999–2007 гг. – доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО, в 2000–2006 гг. – ассоциированный исследователь Института европейских, российских и евразийских исследований Университета им. Дж. Вашингтона (США). В 2004–2024 гг. – директор Центра Китая, Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД России (до 2023 – Центр исследований Восточной Азии и ШОС). С 2011 по 2014 г. – проректор Дипломатической академии МИД России по научной работе и международным связям. В 2014 г. назначен руководителем департамента международных отношений Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». С 2022 г. – и.о. научного руководителя Института Китая и современной Азии РАН, где возглавляет Центр изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией. В 2022 г. основал и стал главным редактором журнала «Российское китаеведение». С 2024 г. – главный научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России.

Член редколлегии журналов «Проблемы Дальнего Востока» и «Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право» (Россия), “Asian Politics and Policy” (США), «Международни пробле-

ми» (Сербия), “ASAN Forum” (Республика Корея) и “International Studies” (Индия), в 2005–2008 гг. – главный редактор журнала «Россия–Китай. XXI век», почетный исследователь Академии общественных наук провинции Хэйлуцзян (КНР), в 2000–2012 гг. – советник губернатора Московской области по внешнеэкономическим связям. Автор книг: «Три путешествия по Китаю» (в соавт. с А.Д. Дикаревым, 1989), «Медведь наблюдает за драконом: Образ России в Китае в XVII–XXI вв.» (2003 г. – на англ. яз., 2007 г. – на рус. яз.), «Поворот к Азии. Российская внешняя политика на рубеже веков и ее активизация на восточном направлении» (М.: Весь мир, 2014), «Возвышающийся Китай и будущее России» (М.: Международные отношения, 2015), «Россия на рубеже веков. Работы по политологии и российской политике» (М.: Весь мир, 2016), “Pivot to Asia: Russia’s Foreign Policy Enters the 21st Century” (New Delhi: Vij Books India, 2016), “China and Russia: The New Rapprochement” (Cambridge: Polity, 2018) и т.д., – а также многочисленных статей по истории и внешней политике России, стран Восточной Азии и международным отношениям, публиковавшихся в научных журналах и периодической печати на русском, английском, китайском, корейском, японском, сербском, чешском и итальянском языках.

A.V. Lukin

**Russia and China in a Changing World: Articles
and Translations (2015–2024).
ISBN 978-5-8381-0476-2**

This book offers a comprehensive collection of works on China, East Asian countries, and the international dynamics of the region. It explores the relations between these countries and Russia, as well as their perspectives on global politics and developments in other parts of the world. Authored by Alexander Lukin, a distinguished Russian Sinologist and expert in international relations, these pieces were written between 2015 and 2024. Lukin, who serves as the Academic Head of the Institute of China and Contemporary Asia at the Russian Academy of Sciences, Head of Department of International Relations at HSE University and leading research fellow at MGIMO University in Moscow, Russia, as well as visiting professor at Zhejiang University in Hangzhou, China, has organised the book into thematic sections, including “Russia, China, and the World”, “Russia and China in Eurasia”, “Russia and China: Strategic Partnership”, “Russia in East Asia”, and “China: History and Modernity”. The final sections feature reviews, memoirs, interviews, and speeches on East Asia-related issues, as well as Lukin’s own translations of Chinese literary works. This book is a valuable resource for specialists in Chinese and East Asian studies, international relations, and anyone interested in the perspectives of Russia’s Asian’ neighbors and their views on Russia and the global community.

Научное издание

Александр Владимирович Лукин

Россия и Китай в меняющемся мире
Статьи и переводы (2015–2024)

Выпускающий редактор *Е.В. Беллина*
Корректоры *И.И. Чернышева, Н.Н. Щигорева*
Компьютерная верстка *М.П. Горшенкова*
Оформление *О.В. Волкова*

Подписано в печать 9.09.2024.
Формат 60×90/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 62,0. Уч.-изд. 62,5. Бумага офсетная.
Тираж 200 экз.

ИКСА РАН

Электронная библиотека ИКСА РАН
www.icca-ras.ru

Почтовый адрес ИКСА РАН
Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32

Отпечатано в полном соответствии с качеством
Представленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42,
корп. 5, эт. 1, пом. 1, ком. 6.3-23Н